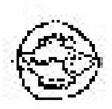
ИСТОРИЯ СПОРА о подлинности Слова о полку Игореве



Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

История спора о подлинности

Материалы дискуссии 1960-х годов

Вступительная статья, составление,
подготовка текстов и комментарии
Л. В. Соколовой

Издательство
«Пушкинский Дом»
Санкт-Петербург
2010

УДК 882(09)«11»
ББК Ш5(2=Р)3
И90

Ответственный редактор
д-р филол. наук Н. В. Понырко

Рецензенты:
д-р ист. наук М. Б. Свердлов,
д-р филол. наук М. В. Рождественская

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-03-00342)

Издано при поддержке Фонда имени Д. С. Лихачева

И90 История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Л. В. Соколовой. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2010. — 792 с.

ISBN 978-5-91476-010-3

Сборник содержит материалы дискуссии 1960-х гг. о подлинности «Слова о полку Игореве», получившей большой резонанс в нашей стране и за рубежом. Дискуссия была инициирована гипотезой известного историка А. А. Зимина, по мнению которого «Слово» создано не в XII, а в XVIII в. Основу сборника составляет впервые публикуемая стенограмма трехдневного обсуждения первоначального (ротапринтного) варианта монографии А. А. Зимина в Отделении истории АН СССР в мае 1964 г. Эта стенограмма, сохранившаяся в Архиве РАН, позволяет понять, в какой атмосфере проходила дискуссия, и познакомиться с мнением авторитетных в своей области специалистов о гипотезе А. А. Зимина и написанной им книге. В статье, предваряющей публикуемые материалы, использована переписка отечественных и зарубежных ученых, на основании которой восстанавливается реальная картина событий того времени, исполненных немалого драматизма.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся дискуссией о подлинности «Слова», значение которой для понимания ключевых проблем русской гуманитарной культуры XX в. трудно переоценить.

УДК 882(09)«11»
ББК Ш5(2=Р)3

ISBN 978-5-91476-010-3

Светлой памяти
Дмитрия Сергеевича Лихачева

Предисловие

27 февраля 1963 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР был прочитан доклад московского историка, доктора исторических наук Александра Александровича Зимина, посвященный «Слову о полку Игореве». А. А. Зимин изложил в докладе свою гипотезу, согласно которой «Слово о полку Игореве» было написано в XVIII в. архимандритом Спасо-Ярославского монастыря Иоилем Быковским, а за древнее произведение его выдал после смерти Иоиля известный собиратель рукописей граф А. И. Мусин-Пушкин.

С того февральского дня прошло более 47 лет. Но и теперь, когда нет уже в живых ни А. А. Зимина, ни многих его оппонентов, события, последовавшие за этим докладом, по-прежнему продолжают волновать. Людям, повествующим о тех событиях полувековой давности, до сих пор трудно занять нейтральную позицию «вненаходимости», чем, вероятно, и объясняются необоснованные обвинения по адресу участников состоявшейся в 1963—1964 гг. дискуссии о подлинности «Слова», в первую очередь Д. С. Лихачева, который якобы был «категорически против напечатания книги» А. А. Зимина.

Можно ли восстановить реальную картину происходивших событий, установить позицию каждого из участников спора о подлинности «Слова о полку Игореве»? К счастью, можно. Во-первых, теперь у нас есть возможность прочесть материалы дискуссии, долгое время остававшиеся закрытыми. Во-вторых, сохранились письма ученых, самым непосредственным образом свидетельствующие не только о том, как разворачивались события, но и о мыслях, чувствах, переживаниях людей, вовлеченных в непростую ситуацию, о взаимоотношениях этих людей. Для воссоздания объективной картины нужно лишь не искажать (сознательно или по небрежности) факты, не приводить вымышленных цитат и не предъявлять надуманных обвинений, а изложить происходившие события «по былинам сего времени», то есть по сохранившимся историческим свидетельствам. Все утверждения должны быть подкреплены точными ссылками на документальные материалы.

Начиная с 1990 г. издано уже довольно много материалов, связанных с дискуссией 1960-х гг. о подлинности «Слова о полку Игореве».

Публикацию материалов дискуссии начала в 1990 г. Валентина Григорьевна Зимина, вдова ученого, напечатавшая в журнале «Родина» заключение А. А. Зимина к его неопубликованной книге «Слово и дело».[1] Эта книга представляет собой дневниковые записи ученого 1963—1977 гг. относительно событий, связанных с его книгой о «Слове».[2]

На основании тех же дневниковых записей А. А. Зимина А. А. Формозов в 1992 г. в журнале «Вопросы истории» кратко изложил историю дискуссии с точными датами происходивших событий.[3]

В том же 1992 г. появились книга В. Б. Кобрина[4] и статья В. М. Панеяха,[5] в которых коллеги А. А. Зимина излагали в своей трактовке некоторые события, связанные с обсуждением его книги о «Слове». В 1994 г. вышли воспоминания Я. С. Лурье об А. А. Зимине, в которых автор рассказывал, в частности, и о дискуссии

---

[1] *Зимин А. А.* Обретение свободы: ⟨Фрагмент из неопубликованной книги А. А. Зимина «Слово и дело»⟩ / Публ. В. Г. Зиминой // Родина. 1990. № 8. С. 88—89. В. Г. Зимина указывает, что рукопись книги А. А. Зимина «Слово и дело: Страницы дневника 1963—1976 гг.» (480 страниц машинописи) была подготовлена им к печати в декабре 1978 г. (дата написания заключения к книге). В статье А. М. Дубровского приводятся несколько иные данные о рукописи: «Слово и дело: Страницы из дневника 1963—1977 гг.». М., 1979. Л. 1—437 (машинопись с авторской правкой). См.: *Дубровский А. М.* Автобиографические рукописи А. А. Зимина // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: XVII чтения памяти В. Т. Пашуто, IV чтения памяти А. А. Зимина; Москва, 19—22 апреля 2005 г.: Тез. докл.: ⟨В 2 ч.⟩. М., 2005. Ч. 1. С. 5. Эти же даты дневниковых записей А. А. Зимина (1963—1977) указаны позднее и В. Г. Зиминой в предисловии к книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» (СПб., 2006. С. 4).

[2] А. А. Зимин пишет: «Дневники начаты были около 20-х чисел мая 1963 года, когда мне стало ясно, что борьба за издание книги будет длительной. Дневники могут дать некоторые штрихи для характеристики условий развития науки об отечественных древностях и образов ее творцов, живших в 60-е — 70-е гг. XX в.». См.: *Дубровский А. М.* Автобиографические рукописи А. А. Зимина. С. 6.

[3] *Формозов А. А.* ⟨Вступительная статья к публикации: Зимин А. А. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги)⟩ // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 96—102.

[4] *Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 177—180, 187—191.

[5] *Панеях В. М.* Панорама истории России XV—XVI веков А. А. Зимина: К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 77—78. Ранее в журнале «Вопросы истории» (1990. № 9), в разделе «Письма в редакцию», была опубликована статья В. М. Панеяха «Об издании научного наследия А. А. Зимина».

1963—1964 гг. по поводу подлинности «Слова».[6] В дальнейшем появлялись и другие статьи, содержащие интерпретацию событий 1960-х гг. (см. библиографию в конце книги).

В 1994 г. в двух номерах журнала «Русская литература» мною была опубликована переписка Д. С. Лихачева с отечественными и зарубежными учеными, а также академическим начальством, вызванная дискуссией о подлинности «Слова».[7] Эта переписка дает наглядное представление об обстановке, в которой проходила дискуссия, о том, насколько серьезным было вмешательство в нее партийного руководства страны.

В 2000 г. в журнале «Славяноведение» американский профессор Хенрик Баран и Е. В. Душечкина опубликовали переписку Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева по поводу дискуссии о подлинности «Слова».[8]

В 2004 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» мной была опубликована переписка Л. А. Дмитриева с А. А. Зиминым, Д. С. Лихачевым, Я. С. Лурье и другими в связи с готовившейся (но не осуществленной) публикацией Отчета о заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ 27 февраля 1963 г., на котором был прочитан доклад А. А. Зимина. Этот Отчет, предназначавшийся для журнала «Русская литература» и сохранившийся в архиве Л. А. Дмитриева, был опубликован мной в приложении к переписке.[9]

---

[6] *Лурье Я. С.* Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей: Человек в истории, 1993: Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 194—208.

[7] К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: (Из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публ. Л. В. Соколовой // Русская литература. 1994. № 2. С. 232—268; № 3. С. 213—245. Ныне материалы дискуссии из архива Д. С. Лихачева хранятся в составе его фонда в РО ИРЛИ (ф. 769). Фонд пока не обработан, поэтому ссылки на него даются без указания номера дела (ед. хранения).

[8] *Баран Х., Душечкина Е. В.* Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева // Славяноведение. 2000. № 4. С. 50—78.

[9] См.: Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: История одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) / Подгот. текстов к печати, вступ. статья и коммент. Л. В. Соколовой // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 56. С. 385—422. Материалы дискуссии из архива Л. А. Дмитриева хранятся ныне в составе его фонда в РО ИРЛИ (ф. 763).

В 2006 г. Е. И. Ванеева напечатала письма Я. С. Лурье к А. А. Зимину, связанные с дискуссией и содержащие, в частности, оценку Я. С. Лурье работы А. А. Зимина, доказательности его тезисов.[10]

Некоторые письма Д. С. Лихачева к его московскому коллеге А. Н. Робинсону по поводу дискуссии о подлинности «Слова» были процитированы в 2007 г. в статье М. А. Робинсона и Л. И. Сазоновой, посвященной 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева.[11]

В том же 2007 г. была опубликована моя статья «Новые мифы о старом (По поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве»)»,[12] в которой впервые были использованы материалы стенограммы обсуждения книги А. А. Зимина в Отделении истории АН СССР 4—6 мая 1994 г., а также неопубликованные письма из архива В. И. Малышева.

Однако сама стенограмма — главный документ, свидетельствующий о том, как проходило обсуждение книги А. А. Зимина и какие возражения были высказаны ее автору, — оставалась неопубликованной. Теперь, после выхода в свет книги А. А. Зимина,[13] стала возможной и даже необходимой публикация стенограммы обсуждения первоначального, ротапринтного, варианта его книги.[14]

---

[10] Из писем Я. С. Лурье к А. А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / Подгот. текста, примеч. Е. И. Ванеевой; Вступ. статья О. В. Творогова ⟨с комментарием «От редакции»⟩ // Звезда. 2006. № 2. С. 89—104. К сожалению, вопреки первоначальному замыслу, ответные письма А. А. Зимина к Я. С. Лурье не были опубликованы. В настоящее время переписка двух ученых (письма А. А. Зимина к Я. С. Лурье и копии писем Я. С. Лурье к А. А. Зимину) — более 800 писем — хранится в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Русская секция. Фонд 315). Фонд Я. С. Лурье находится в обработке и пока недоступен.

[11] *Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: Жизненный путь и научная судьба: К 100-летию со дня рождения // Славянский альманах, 2006. М., 2007. С. 407—408.

[12] См.: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2007. № 1/2. С. 23—38. Ранее, в ноябре 2006 г., статья в первоначальном варианте была опубликована на сайте Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.

[13] *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве / Отв. ред. В. Г. Зимина и О. В. Твoрогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 514 с.

[14] *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве: (Источники. Время написания. Автор). Т. 1—3 / АН СССР. Ин-т истории. М., 1963. 660 с. (нумерация страниц в трех томах сплошная). На нижней стороне переплета значится: Зак. 177. Ротапринт ИИ АН СССР. Тир. 101 экз. (все экземпляры пронумерованы от руки на верхней стороне переплета).

Стенограмма не утратила своей научной актуальности, поскольку в новом, посмертно опубликованном, варианте книги гипотеза А. А. Зимина, высказанная им в ротапринтном издании 1963 г., не претерпела существенных изменений. Стенограмма важна и тем, что является документальным свидетельством об атмосфере, в которой проходила дискуссия (по этому поводу в печати высказывались не вполне достоверные утверждения).

Представление о том, какие сведения о проходившей научной дискуссии проникали в широкую печать, дают статьи из зарубежной и отечественной периодики 1963—1965 гг., включенные в эту книгу.

Материалы дискуссии предваряет моя вступительная статья. Ее задача — восстановить по архивным материалам, прежде всего по письмам участников дискуссии, ход событий, выяснить, в какой атмосфере проходила дискуссия, понять позицию ее участников. Это поможет лучшему восприятию и пониманию публикуемых материалов и, надеемся, развеет некоторые устойчивые мифы относительно позиций и действий основных участников дискуссии.

При написании вступительной статьи помимо уже опубликованных материалов были использованы новые материалы из архива Д. С. Лихачева (РО ИРЛИ. Ф. 769), а также письма корреспондентов В. И. Малышева, хранящиеся в его фонде (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516 и 517): А. А. Зимина, Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева и др. Были использованы также письма Д. С. Лихачева к А. Н. Робинсону, хранящиеся в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон. Ксерокопии писем и выписки из них были предоставлены мне М. А. Робинсоном, которого я искренне благодарю за это.

Справочный раздел сборника включает библиографию по теме дискуссии, а также сведения о тех исследователях, которые выступили на обсуждении доклада и книги А. А. Зимина или предоставили письменные отзывы о книге. Имена других отечественных и зарубежных ученых, которые упоминаются в связи с дискуссией, комментируются в подстрочных примечаниях во вступительной статье и в стенограмме.

Данная работа является своего рода исполнением завещания Д. С. Лихачева, побудившего меня заняться этой темой и ратовавшего за публикацию всех без исключения материалов дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве».

Сердечно благодарю всех, кто помогал мне в работе над книгой, и прежде всего моих коллег по Отделу древнерусской литературы Пушкинского Дома: Д. М. Буланина, Е. Г. Водолазкина, Т. Б. Карбасову, О. В. Панченко, Г. М. Прохорова, Т. Р. Руди, О. В. Творогова, И. В. Федорову, а также преподавателей Санкт-Петербургского университета: Н. С. Демкову, Н. И. Милютенко, М. В. Рождественскую. За справки по поводу зарубежных изданий и присланные копии статей выражаю благодарность В. С. Зилитинкевич (Манчестер), Даниэлю К. Уо (Сиэтл), Е. В. Вольскому (Монпелье), С. Н. Богатыреву (Лондон). Благодарю директора Архива РАН В. Ю. Афиани и главного хранителя Рукописного отдела ИРЛИ РАН М. В. Родюкову, без благожелательного участия которых не могла бы состояться эта работа. Искреннюю признательность выражаю участникам и свидетелям дискуссии, ответившим на мои вопросы: В. А. Кучкину, С. О. Шмидту, Т. А. Сумниковой, В. Л. Янину, А. Л. Хорошкевич, В. М. Панеяху, А. А. Горелову, В. Г. Смолицкому, А. Н. Сахарову, В. С. Мингалеву, А. В. Поппэ и другим.

Л. В. Соколова

К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве»

Есть в науке проблемы, неожиданно перерастающие из узкоспециальных в общекультурные. Дискуссии по ним проходят остро, напряженно и вызывают живейший интерес у широкого круга интеллигенции. Вопрос о времени создания «Слова о полку Игореве» — наглядный тому пример.

Сомнения в подлинности и древности «Слова» появились еще до издания этого памятника в 1800 г.[1] Их, в частности, высказал немецкий историк А. Л. Шлёцер после печатного сообщения Н. М. Карамзина об открытии «Слова», но сразу же после издания памятника он заявил в своей рецензии: «Что это творение в поэтической прозе есть древнее и даже подлинное, теперь я более не сомневаюсь».[2]

В 1812 г. М. Т. Каченовский, сравнивая слог «Русской Правды» со слогом «Слова о полку Игореве», сделал оговорку: «...ежели песнь сия в самом деле есть остаток отдаленной древности».[3] В 1834 г. взгляды М. Т. Каченовского на «Слово» изложил его ученик, студент Московского университета Иван Беликов. Из этого изложения ясно, как плохо понимал историк М. Т. Каченовский художественную природу «Слова», утверждая, например, что логика произведения «слаба», что «многие места в Слове не вяжутся между собою»,

---

[1] Подробный историографический обзор работ, содержащих скептическую точку зрения на «Слово», см. в восьмой главе кн.: *Зимин-1*. Т. 3. С. 485—579; *Зимин-2*. С. 386—431. Список сокращений см. в наст. изд. на с. 780—788.

[2] *Schlözer A.* Iroiczeskaja Piesn' o pochodie na Polovtzov udiel'nago Kniazja Novagoroda-Sieverskago Igorja Sviatoslavicza etc. Helden Gesang vom Heerzuge des abgetheilten Fürsten von Nord-Nowgorod, Igor Sviatoslavssohn, gegen die Polovzer... // Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen (с 1802 г. — Göttingische Gelehrte Anzeigen). Göttingen, 1801. St. 203 (19 December). S. 2028—2030. Рецензия А. Шлёцера перепечатана в кн.: *Schlözer A.* Nestor. Göttingen, 1802. Bd. 1. S. 277—278. В русском переводе см.: Нестор: Русские летописи на древлеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером. СПб., 1809. Ч. 1. С. 563—564.

[3] *Каченовский М. Т.* Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия // Труды Общества любителей российской словесности. М., 1812. Ч. 1. С. 20. Такого рода сомнения в древности памятников, дошедших в рукописях более позднего времени, чем предполагаемое время создания этих памятников, высказывались представителями «скептической школы» в русской историографии и в отношении других древнерусских памятников, в том числе в отношении «Русской Правды» и «Поучения» Владимира Мономаха.

что «слог песни Игоревой ⟨...⟩ ниже и грубее слога наших древних монашеских писаний» и т. д.[4] Язык и стиль «Слова» вызывали сомнения в его подлинности также у О. И. Сенковского[5] и И. И. Давыдова.[6] Не были понятны «скептикам» также смысл и основная идея памятника. М. Н. Катков, например, писал, что «Слово» «никак нельзя принять за действительный и достоверный памятник! Одно только трудно придумать, кто мог решиться на подделку и написать такую нелепицу без всякой цели ⟨...⟩. Сколько мест, не имеющих никакого отношения ни к предыдущему, ни к последующему! Сколько выражений совершенно бессмысленных...»[7] Недостаточное понимание текста «Слова», изучение которого еще только начиналось, заставляло сомневаться в его древности также митрополита Евгения Болховитинова, относившего создание памятника к XIV—XV вв., и собирателя рукописей графа С. П. Румянцева: оба они ошибочно расценивали, например, как «анахронизм» упоминание в «Слове» иконы Богородицы Пирогощей.[8]

Сомнения почти совершенно прекратились после 1852 г., когда В. М. Ундольским был опубликован текст «Задонщины», произведения о Куликовской битве 1380 г., которое имело много текстуальных параллелей со «Словом». Стало ясно, что «Слово» возникло раньше «Задонщины», созданной либо в конце XIV, либо в XV в.

Возрождение скептицизма в отношении древности «Слова» связано с предложением пересмотреть взаимоотношение его текста с текстом «Задонщины» и считать, что не «Задонщина» подражала «Слову», а, напротив, «Слово» подражало «Задонщине». Эту точку зрения впервые высказал французский славист Луи Леже в конце

---

4 *Беликов И.* Некоторые исследования Слова о полку Игореве // Учен. зап. Моск. ун-та. 1834. Ч. 5, № 8. С. 457—458.

5 *Сенковский О.* ⟨Рец. на кн.: Глаголев А. Умозрительные и опытные основания словесности. СПб., 1834⟩ // Библиотека для чтения. 1834. Т. 4, кн. 6. Отд.: Критика. С. 5—7.

6 *Давыдов И. И.* Составные начала и направление древней отечественной словесности // Учен. зап. Моск. ун-та. М., 1834. Ч. 3. С. 296—302.

7 ⟨*Катков М. Н.* Рец. на кн.: История древней русской словесности: Сочинение Михаила Максимовича. Книга первая. Киев, 1839⟩ // Отечественные записки. 1840. Т. 9. С. 71—72.

8 См.: Письма митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу // Древняя и новая Россия. 1880. Окт. С. 359; С. П. Румянцев сделал замечание по поводу «Пирогощей» на полях своего экземпляра «Слова».

XIX в.,[9] а развил ее другой французский славист, Андре Мазон, в 30—60-е гг. XX в.[10]

Доказывая вторичность «Слова о полку Игореве» по отношению к «Задонщине», А. Мазон основывался на исследовании чешского ученого Яна Фрчека о взаимоотношении двух редакций «Задонщины» (Я. Фрчек считал текст, представленный Кирилло-Белозерским списком конца XV в., древнейшей, Краткой редакцией «Задонщины», все же остальные списки, согласно Я. Фрчеку, представляют позднейший, дополненный текст — Пространную редакцию «Задонщины»).[11] Зависимость «Слова о полку Игореве» от «Задонщины» доказывается, по мнению А. Мазона, тем, что оно якобы ближе к Пространной (по его мнению, позднейшей, второй) редакции «Задонщины», а не к Краткой (по его мнению, первоначальной). Это и есть главный аргумент тех, кто считает, что не «Задонщина» вышла из «Слова», а «Слово» явилось подражанием «Задонщины».

А. Мазон считал, что «Слово» создано в конце XVIII в. Вначале он подозревал в авторстве А. И. Мусина-Пушкина, затем Н. Н. Бантыша-Каменского, а позднее — архимандрита Иоиля Быковского, у которого А. И. Мусин-Пушкин приобрел рукопись со «Словом». А. Мазон рассматривал «Слово» как стилизацию, сделанную в угоду

---

[9] Луи Леже (Leger; 1843—1923) в книге «Русские и славяне» замечает по поводу «Слова»: «Я не уверен, что это произведение создано в конце XVIII в., но я охотно высказался бы за XIV или XV в.» и предлагает задаться вопросом: не вдохновлялся ли певец Игоря «Задонщиной»? См.: *Leger L.* Russes et slaves: Études politiques et littéraires. Paris, 1890. P. 89—94. См. о его взглядах на «Слово»: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 137—138.

[10] Андре Мазон (Mazon; 1881—1967) развивал скептическую позицию в отношении «Слова» в целом ряде статей. В 1940 г. в Париже вышла его книга «Le Slovo d'Igor». В 1963—1965 гг. он был заинтересованным участником событий, связанных с дискуссией по книге А. А. Зимина, поддержал его гипотезу (см. об этом далее). О работах Мазона по «Слову» см.: *Булахов*. С. 146—147; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 195—198.

[11] Критическое издание «Задонщины» Яна Фрчека (Frček; 1896—1942) вышло посмертно. См.: Zádonština, staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatary r. 1380: Rozprava literárně dějepisná: Kritické vydání textů / Napsal Jan Frček. Praha, 1948. (Práce Slovanského Ústavu v Praze; Sv. 18). Гораздо ранее Я. Фрчека эту точку зрения высказал на основании двух известных ему списков (Кирилло-Белозерского и Ундольского) Е. В. Барсов. См.: *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 434—440. Е. В. Барсов исходил из убеждения, что все краткие редакции древнерусских памятников первичны по отношению к пространным.

«империализму» Екатерины II. Доказательства создания его в XVIII в. А. Мазон пытался найти в языке памятника, указывая на якобы наличествующие в нем модернизмы, полонизмы, галлицизмы и оссианизмы.

Первоначально концепция А. Мазона была рассмотрена и опровергнута в ряде зарубежных исследований.[12] В нашей стране только в начале 1960-х гг. появилась возможность изложить и подвергнуть критике гипотезу А. Мазона. В 1962 г. был издан сборник «Слово о полку Игореве — памятник XII века», содержавший научную критику концепции А. Мазона.[13]

С прочтения именно этого сборника, вышедшего летом 1962 г., и началась непосредственная работа А. А. Зимина над «Словом о полку Игореве».[14]

К тому времени сорокадвухлетний А. А. Зимин был уже известным ученым. В 1959 г. он стал доктором исторических наук, а в 1962 г. баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР. Его выдвинули два академических института: Институт истории, в котором он работал,[15] и Институт славяноведения, а также Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), в котором он преподавал с 1947 г. Рекомендацию дали академики Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров и член-корреспондент АН СССР А. В. Арциховский.

---

[12] См., например, сборник, изданный в 1941 г. Институтом им. Н. П. Кондакова «Заметки к „Слову о полку Игореве“» (Белград, 1941. Вып. 2) со статьями П. М. Бицилли, Е. А. Ляцкого, И. Н. Голенищева-Кутузова и др., а также две коллективные монографии, изданные под руководством Р. О. Якобсона: 1) La Geste du Prince Igor', épopée russe du douzième siècle. New York, 1948; 2) Russian Epic Studies. Philadelphia, 1949. Полемике с А. Мазоном была посвящена и большая статья Р. О. Якобсона «The Puzzles of the Igor' Tale. On the 150th Anniversary of Its First Edition» (Speculum. 1952. T. 27. P. 43—66).

[13] Слово о полку Игореве — памятник XII века / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1962. 432 с.

[14] В. Г. Зимина пишет: «А. А. Зимин буквально „заболел“ „Словом“, „с увлечением“, как он пишет в своих дневниковых записках, стал читать вышедшую книгу, после чего последовало напряженное, прямо-таки азартное, внимательнейшее изучение всего о „Слове“ написанного» (*Зимина В. Г.* К читателю // *Зимин-2.* С. 3).

[15] А. А. Зимин работал в Институте истории АН СССР с 1947 по 1980 г., в Секторе истории СССР периода феодализма (1947—1960, 1967—1980) и в Секторе по написанию многотомной истории СССР (1960—1967).

В 1950-е — начале 1960-х гг. вышла целая серия книг А. А. Зимина. Среди них четыре были публикациями памятников,[16] а две — монографическими исследованиями: «И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.» (М., 1958), защищенная в 1959 г. как докторская диссертация, и «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960). В 1962—1963 гг. А. А. Зимин работал над монографией «Опричнина Ивана Грозного» (вышла в свет в 1964 г.).

По словам А. А. Формозова, «Александр Александрович не был членом партии, но анкета у него была безупречной, работы вполне лояльны по отношению к официальным установкам. Они содержали необходимые цитаты из классиков марксизма, согласие с идеями В. П. Волгина, А. М. Панкратовой, Б. А. Рыбакова, привычные клише ⟨...⟩ («меньшевик Плеханов», «буржуазный литературовед Веселовский» и т. д.). С ведущими историками: Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниным — у Зимина сложились вполне добрые отношения. Ничто не предвещало событий, развернувшихся в 1963—1964 годах. Но они произошли и были связаны со „Словом о полку Игореве“».[17]

Как пишет А. А. Формозов, основываясь на дневниковых записях А. А. Зимина, «„Слово о полку Игореве“ давно привлекало его. Он считал, что филологи это произведение как текст проанализировать не смогли и кому-то придется за это браться».[18] Косвенным образом этот давний интерес А. А. Зимина к «Слову» подтверждается свидетельством Р. О. Якобсона, который в письме к Д. С. Лихачеву от 30 апреля 1963 г. пишет: «Между прочим, уже 2—3 года тому назад Мазон рассказывал своим собеседникам, что советский историк готовит веский материал о „Слове“ как продукте Екатерининской эпохи и о его авторе Иоиле».[19]

В своих дневниковых записях А. А. Зимин так говорит о причине, заставившей его обратиться к «Слову»: «Когда мои соученики по школе спросили меня, почему я, собственно, выступил, я им ответил

[16] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М., 1950; Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951; Памятники русского права. М., 1952; Иоасафовская летопись. М., 1957.

[17] *Формозов.* С. 97.

[18] Там же.

[19] *К истории спора-1.* С. 246.

однозначно: „Надоела брехня"».[20] Выступить с опровержением «брехни» позволила «обстановка „оттепели" 1956—1964 годов. Казалось, пришел час переосмыслить некоторые догмы».[21] «Разоблачение „культа личности" открывало уникальную возможность *бросить вызов пусть не всем, но хотя бы некоторым другим „культам"*».[22]

В заключении к дневниковым записям, датируемом декабрем 1978 г., есть и такое высказывание А. А. Зимина по поводу владевших им в те годы побуждений: «Выступление с пересмотром традиционных взглядов на время создания „Слова о полку Игореве" было борьбой за право ученого на свободу мысли. *Речь шла не о том, прав я или нет*, а о том, следует ли издавать „еретическую" книгу или нет. Эта борьба получила благожелательный отклик в сердцах многих людей доброй воли еще и потому, что им *было тошно от казенного лжепатриотизма*, расцветшего в 40-е—50-е гг.».[23]

Как отмечает сам А. А. Зимин в своих дневниковых записях, он «взялся за „Слово"» в конце 1962 г.[24] Впервые о том, что он работает над «Словом», А. А. Зимин сообщает своему другу Я. С. Лурье в письме, написанном на рубеже 1962—1963 гг.: «Как Вы уже, наверно, догадались, я — в экстазе. Сижу и тружусь. Увлечен безмерно. Пока — прошу Вас — никому ни гу-гу. Речь идет о Слове о полку Игореве и Задонщине. При встрече обо всем переговорим».[25] Тогда же о своей работе над «Словом» он сообщил в недатирован-

---

[20] *Зимин. Обретение свободы*. С. 88.

[21] *Формозов*. С. 98.

[22] *Каштанов*. С. 27. Здесь и далее курсив в документах мой. — *Л. С.*

[23] *Зимин. Обретение свободы*. С. 88. Это признание А. А. Зимина подтвердил недавно академик В. Л. Янин, написавший: «Не разделяя этой концепции ⟨о фальсификации «Слова о полку Игореве» в XVIII в. — *Л. С.*⟩, я с величайшим уважением воспринял мужество ученого, осмелившегося противостоять официальной трактовке, приравнявшей „Слово" чуть ли ни к „Манифесту Коммунистической партии" и требующей неприкосновенности к тексту, который, естественно, не мог не измениться в процессе многовекового редактирования» (*Янин В. Л.* Совесть, благородство и достоинство отличали Лихачева // Очень UM. 2006/2007. № 1: Спец. вып. к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 32—33).

[24] См.: *Дубровский*. С. 7. Л. Н. Пушкарев пишет, что уже осенью 1962 г. А. А. Зимин дал ему и В. Т. Пашуто для ознакомления первый доклад, посвященный текстологии «Задонщины», из которого следовало, что «Слово о полку Игореве» основано на тексте Пространной редакции «Задонщины» и, следовательно, не могло появиться в дошедшем до нас виде ранее начала XVI в. См.: Вопросы истории. 2007. № 11. С. 164.

[25] *Лурье*. С. 199.

ном письме к В. И. Малышеву, написанном, судя по некоторым данным, в декабре 1962 г.:[26] «Дорогой Владимир Иванович! Если б Вы знали, как мне нужна Ваша поддержка и добрый совет! Прошу Вас особенно никому не говорить: я занялся всерьез и надолго[27] Словом о полку Игореве (для себя). Сейчас заканчиваю тему: Слово — Задонщина — Сказание. Конечный вывод Вам, надеюсь, ясен — он совершенно не двузначен. Просто приходится „диву" даваться упорству консерваторов! Но дело чрезвычайной сложности. Нужна осторожность и тщательность. При встрече обо всем поговорим. Сейчас же у меня пока к Вам один вопрос: нельзя ли как-нибудь приобрести книги Мазона и Фрчека (о Задонщине, Прага, 1948 — очень серьезный труд). 〈...〉 Это очень облегчило бы мою работу».[28]

В следующем письме к Малышеву, в середине января 1963 г.,[29] Зимин пишет о чрезвычайном увлечении работой над «Словом»:[30] «Этот месяц занимался как безумный. В результате пришел к следующим выводам 〈...〉». И далее А. А. Зимин подробно излагает все основные выводы своей еще не написанной работы, добавляя: «Все это сугубо между нами и предварительно. Но работы еще лет на пять. Решать нужно солидно и наповал». И подписывает это письмо так: «Всегда Ваш разбойник Сашка Зимин». В постскриптуме

---

[26] Письма А. А. Зимина к В. И. Малышеву хранятся в РО ИРЛИ (Ф. 494. Оп. 2. № 516 и 517). Большинство писем не датировано, видимо, по той же причине, о которой пишет Я. С. Лурье: «Вскоре после первого знакомства мы с А. А., живя в разных городах, стали переписываться; сперва изредка, потом чаще. На какой-то стадии этой переписки Зимин предложил: „Давайте не ставить чисел! Пусть будущие археографы разбираются!" Сдуру я это предложение принял» (см.: *Лурье*. С. 195). Цитируемое письмо Зимина к Малышеву датируется на основании того, что в следующем письме, которое по содержащемуся в нем сведению можно датировать серединой января, А. А. Зимин пишет: «Этот месяц занимался как безумный» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 41—42).

[27] Разрядка здесь и далее передает авторские подчеркивания в тексте писем и выступлений.

[28] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 40.

[29] Письмо не датировано. Время его написания устанавливается мной на основании содержащегося в нем сведения: А. А. Зимин пишет о сдаче в набор редактировавшегося им тома «Археографического ежегодника» за 1962 г., что произошло 15 января 1963 г.

[30] Чрезвычайная увлеченность работой была особенностью характера А. А. Зимина. По словам Я. С. Лурье, «когда он занимался каким-либо научным сюжетом, то такой сюжет поглощал его всецело; остальные вопросы переставали существовать или по крайней мере отходили на задний план» (*Лурье*. С. 197—198).

приписано: «Я по рассеянности послал, кажется, Вам пустой конверт. За эти дни убедился в бесспорности основных изложенных в этом письме выводов».[31]

О своей работе над «Словом» Александр Александрович сообщает В. И. Малышеву и в письме, написанном, вероятно, в конце января или начале февраля 1963 г.: «Работаю как сумасшедший. Все чертовски интересно. Вывод, по-моему, железный, но торопиться не следует. Все должно быть обосновано. Костяк работы, думаю, к осени будет. Сейчас пишу, пишу... Не знаете ли, как бы выцарапать у Лукьянова[32] список книг Иоиля (на него ссылается Дмитриев[33]), я ему написал, но он молчит. ⟨...⟩ Разгадка многого — Ермолаевский список Ипат⟨ьевской⟩ летописи. Я попросил взглянуть ⟨Ю. А.⟩ Лимонова и ⟨Л. А.⟩ Дмитриева (особенно «Сказание о Мам⟨аевом⟩ поб⟨оище⟩» в конце)».[34]

Высказывая мысль о том, что «торопиться не следует», А. А. Зимин тем не менее уже 15 февраля 1963 г. письменно обратился к за-

[31] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 41—42.

[32] Имеется в виду Владимир Васильевич Лукьянов (1908—1986) — археограф, источниковед, в 1959—1969 гг. заведующий Отделом книжных и рукописных фондов Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ЯРМЗ). Автор статьи об архимандрите Иоиле Быковском, в которой подчеркивал образованность и просвещенность Иоиля и намекал на его важную роль в истории открытия «Слова о полку Игореве». Свою статью «Первый владелец рукописи „Слова о полку Игореве“ — Иоиль Быковский» (*ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 42—45) В. В. Лукьянов заканчивает так: «Дополнительные изыскания, главным образом по архивным материалам, могут помочь установить связи Иоиля Быковского с графом Мусиным-Пушкиным и полностью выяснить облик этой интересной личности, непосредственно связанной с историей открытия „Слова о полку Игореве“». А. А. Зимин в своей книге 1963 г. (Т. 2. С. 342) пишет: «Вопрос об Иоиле — Иване Быковском мог быть поставлен только после 1956 г., когда появились статьи В. В. Лукьянова и Ф. Я. Приймы, содержавшие первую сводку биографических сведений об этом примечательном во многих отношениях писателе».

[33] Имеется в виду фундаментальная монография Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“: Материалы и исследования» (М.; Л., 1960).

[34] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 43. Упоминаемое письмо А. А. Зимина к Л. А. Дмитриеву см.: *Спор о подлинности*. С. 407—408. Письмо это не датировано и помещено мной при публикации ошибочно после июльского письма Зимина. Теперь можно уточнить датировку этого письма: оно написано в начале 1963 г.

ведующему Сетором древнерусской литературы ИРЛИ члену-корреспонденту АН СССР Д. С. Лихачеву с просьбой поставить на заседании Сектора его доклад «К изучению „Слова о полку Игореве“»: «Дорогой Дмитрий Сергеевич! У меня к Вам большая просьба. Не смогли бы Вы поставить на заседании Вашего сектора в ближайшее свободное время мой доклад на тему „К изучению «Слова о полку Игореве»“? В этом докладе мне хотелось бы поделиться своими соображениями по темным и малоизученным вопросам истории текста этого памятника в связи с историей Руси XII века. Мне кажется, что взгляд историка может способствовать прояснению этих вопросов. Если такая возможность поставить мой доклад представится, — напишите, пожалуйста, на какое число будет намечено заседание, и я приеду. Желаю Вам всего самого доброго. Валя[35] передает Вам поклон. Всегда Ваш А. Зимин».[36]

Как видим, Александр Александрович не раскрыл содержания своего доклада; о том, что он сделал это сознательно, свидетельствует его письмо к В. И. Малышеву, в котором он пишет: «Я решил делать у Вас доклад о Слове и послал письмо Д. С.[37] (где ничего не пишу о содержании). Прошу Вас тоже ему ничего не говорить. ⟨...⟩ Интересно, поставит ли доклад Д. С.?»[38]

Почему же, вопреки своей мысли о том, что «торопиться не следует», констатации того, что «работы еще лет на пять», А. А. Зимин решил обнародовать свою гипотезу? Вероятно, объяснением этого могут служить слова А. А. Формозова, описавшего историю работы А. А. Зимина над книгой: «...к этому ⟨т. е. к спешке. — *Л. С.*⟩ побуждали и слухи о готовящейся в США книге болгарского эмигранта В. Николаева, доказывающего, что „Слово“ сочинил Н. М. Карамзин. Продолжал работать и А. Мазон. Надо было спешить. Александр Александрович поехал в Ленинград и ⟨...⟩ сделал доклад в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ».[39]

---

[35] Валентина Григорьевна Зимина (р. 1923), жена А. А. Зимина. Кандидат исторических наук (1956). Работала в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (ныне РГБ), была заведующей Сектором обработки архивных фондов Отдела рукописей. Специалист по русской истории XIX в.

[36] *К истории спора-1.* С. 233.

[37] Здесь и далее инициалы «Д. С.» означают: Дмитрий Сергеевич (Лихачев).

[38] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 44.

[39] *Формозов.* С. 98.

Доклад состоялся 27 февраля 1963 г. Он собрал неожиданно большое число слушателей: в секторской книге протоколов заседаний расписались во время доклада 110 человек. Слушатели были оповещены о докладе не только секретарем Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, рассылавшим приглашения постоянным посетителям заседаний, но и теми ленинградскими коллегами А. А. Зимина, которые знали о содержании доклада.[40] Заседание продолжалось необычно долго, около трех часов,[41] и проходило с перерывом. А. А. Зимин не ограничился каким-либо одним аспектом своей работы, а представил развернутый реферат своей будущей книги. По словам А. А. Зимина, в тот момент у него «работы-то самой еще не было», «а была груда материалов и уйма выводов».[42]

Содержание доклада, в котором А. А. Зимин развивал скептическую точку зрения на «Слово», стало полной неожиданностью для большинства присутствовавших. Докладчик, вслед за Я. Фрчеком и А. Мазоном, полагал, что из двух редакций «Задонщины» — Краткой и Пространной — первична Краткая, представленная списком XV в. «Слово» же, по мнению А. Мазона и А. А. Зимина, ближе к поздней, Пространной, редакции «Задонщины», — следовательно, «Слово» вторично по отношению к «Задонщине» и создано не ранее XVI в. По мнению А. А. Зимина, «Слово» было создано в XVIII в. бывшим архимандритом Спасо-Ярославского монастыря Иоилем Быковским. В отличие от Мазона, считавшего, что «Слово» — «пастиш» (стилизация) XVIII в., А. А. Зимин считал, что Иоиль создавал «Слово» не как подделку под древний памятник, а как героическую поэму на древний сюжет, «книжную былину». За древнерусское же произведение «Слово» выдал, по мнению А. А. Зимина, А. И. Мусин-Пушкин, который внес в написанное Иоилем произведение несколько вставок. А. А. Зимин говорил также об источниках «Слова», к которым он отнес помимо «Задонщины» Ипатьевскую,

---

[40] В письме к А. Н. Робинсону от 2 июня 1963 г. Д. С. Лихачев пишет: «Зимин все-таки поступил плохо в отношении сектора, скрыв тему доклада от меня. Малышев знал и держал в секрете, а в последний день наприглашал кучу народа (через ⟨И. П.⟩ Шаскольского и др.)». Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.

[41] См.: *Лурье*. С. 200. Д. С. Лихачев в нескольких письмах также пишет о *трехчасовом* докладе А. А. Зимина.

[42] *Зимина В. Г.* К читателю. С. 3.

Кенигсбергскую, Никоновскую летописи и ряд других памятников древнерусской литературы.

И хотя доклад А. А. Зимина содержал сложный текстологический материал, который предстояло еще проверить, а также архивные данные, которые тоже нуждались в проверке, уже на этом обсуждении были высказаны серьезные сомнения в состоятельности гипотезы А. А. Зимина (см. Отчет о заседании Сектора в настоящем издании).

В письме к Д. С. Лихачеву, который не присутствовал на заседании в связи с только что перенесенной операцией, О. В. Творогов, в частности, пишет:

«1) Зим⟨ин⟩ не дает ответ на основной вопрос: как и на каком языке было написано „Слово" Иоилем.

2) Если допустить факт „творчества честного", а не подделки, то как объяснить обилие темных мест, не понятых издателями? Ведь в их руках, по словам Зим⟨ина⟩, был же подлинник — рукопись Иоиля.

3) Неясны мотивы и цели создания памятника. Очень неубедительна гипотеза о „вставках", сделанных Мус⟨иным⟩-Пушк⟨иным⟩: например, он вставляет слова „Тмут⟨араканский⟩ болван" для „прославления" своей находки (надписи Глеба), а переводит слово „болв⟨ан⟩" как истукан!»[43]

Как проходило это научное заседание?

Об этом можно судить по письму Я. С. Лурье, написанному А. А. Зимину после его доклада: «Мне очень больно, — пишет Яков Соломонович, — что мое выступление Вас обидело. ⟨…⟩ Если бы я мог ⟨…⟩ повернуть время вспять и „переиграть" — я бы, конечно, не выступал. Но даже и в этом случае я бы не стал выступать в ином стиле — не стал бы говорить о том, что А. А. хороший, честный, самоотверженный, проделал огромную работу и т. д. И не потому, конечно, что это не так, а потому, что *нормально-научная обстановка на этом заседании (Вы сами об этом сейчас вспоминаете)* делала бы такое выступление нелепым и по существу оскорбительным для Вас. Вы правы, что если уж следует выступать на защите диссертации друга, то для его поддержки — но в том-то и

[43] *К истории спора-1*. С. 235.

дело, что это стоит совершать лишь в аварийных случаях, когда кто-либо пакостит и т. п.».[44]

Вернувшись в Москву, А. А. Зимин был «поставлен перед необходимостью объясняться с руководством Института истории АН СССР и в секторе, где он работал, по поводу сделанного им по собственной инициативе доклада».[45] Для многих московских коллег А. А. Зимина его доклад тоже был полной неожиданностью. Вот что написал Л. В. Черепнин Д. С. Лихачеву в письме от 10 мая 1963 г. (получив от Лихачева ответ на свой вопрос об этом докладе): «Дорогой Дмитрий Сергеевич! Спасибо Вам за Вашу информацию о докладе А. А. Зимина. ⟨…⟩ Потревожил я Вас потому, что меня поразило, что А. А. Зимин, выступая в Ленинграде, совершенно обошел москвичей. Я, официально являясь заведующим Сектором, а неофициально — человеком, всегда очень хорошо относящимся к А. А. Зимину, узнал о докладе уже после того, как он был сделан, причем первоначально не от А. А., а от других лиц. Причем до этого я вообще не знал, что А. А. Зимин работает над данной темой. Какая-то ненужная таинственность — с одной стороны, поспешность — с другой. *Что касается печатания доклада, то я тоже за это*, но как будто сейчас уже сам А. А. не хочет особенно торопиться».[46]

Уже через две недели после доклада А. А. Зимина его работа над «Словом» была взята под контроль руководством Академии наук. А. А. Формозов на основании дневниковых записей А. А. Зимина пишет о том, что «12 марта 1963 г. Зимина вызвал академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков. Он отчитал его за сделанный без разрешения доклад и передал просьбу вице-президента Академии наук СССР члена ЦК КПСС П. Н. Федосеева больше ни с какими докладами не выступать. Аналогичная беседа состоялась и с директором Института истории В. М. Хвостовым».[47]

А. А. Формозов пишет также, что, вернувшись после своего доклада, «Зимин посетил ряд ведущих ученых — М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Н. К. Гудзия, Б. А. Рыбакова — и изложил им свою концепцию. Желания помочь он не встретил. Кое-кто, как

[44] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 92.
[45] *Зимина В. Г.* К читателю. С. 3.
[46] *К истории спора-1*. С. 247.
[47] *Формозов*. С. 98.

Н. Н. Воронин, от разговора уклонился. Зато появилось много сочувствующих молодых историков, филологов, археологов, подсказывавших автору новые аргументы, наводивших справки в музеях, архивах и библиотеках. Большое внимание работе А. А. Зимина уделил академик В. В. Виноградов. 27 мая, 7 и 18 июня и 4 июля он приглашал историка к себе домой, читал то, что тот успел написать, расспрашивал об остальном и дал много ценных советов. Ни тогда, ни позже ни строчки по существу вопроса написать он не захотел».[48]

О том, каким было отношение к А. А. Зимину московских коллег после его доклада, свидетельствует сам А. А. Зимин в письме к В. И. Малышеву, написанном некоторое время спустя после его доклада: «Дорогой Владимир Иванович! Спасибо за дружескую поддержку, которую я все время (незримо) ощущаю. Настроение у меня хорошее, верю в полный успех, ибо выступил за правое дело, за честь и достоинство советской науки. Нужно „Слово" из мумии превратить в памятник живых человеческих страстей. Здесь (за исключением МНТ[49] — который и слушать меня не хочет, мы с ним разошлись — и БАР[50]) все относятся по-человечески, что, конечно, окрыляет меня. Сейчас, на днях, заканчиваю краткий вариант (7 п. л.). Не знаю, ставить ли вопрос о его издании? Как Вы думаете? В общем, *я думал, что начало этого полета в космос будет сопряжено с бо́льшими неурядицами*».[51]

О «спокойно-доброжелательном отношении» к А. А. Зимину в Институте истории после доклада и последующего обсуждения, о том, что его продолжали высоко ценить как ученого и поддерживать Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. И. Клибанов, написал в своей обстоятельной статье об А. А. Зимине его ученик и коллега С. М. Каштанов.[52] Однако в поддержку гипотезы А. А. Зимина, по словам Л. Н. Пушкарева, в Секторе истории СССР периода

[48] Там же.

[49] М. Н. Тихомирова. А. Н. Робинсон в письме к Д. С. Лихачеву от 10 мая 1963 г. пишет по поводу М. Н. Тихомирова: «Поражает поведение М. Н.: 1) отказался читать рукопись, 2) требует снятия автора из его „замов" по Археограф⟨ической⟩ комиссии, 3) хочет, чтобы имя автора (как редактора) было снято с того сборника, который посвящен ему к 70-летию (сам я этого не наблюдал, но слышал от двух весьма компетентных людей)» (*К истории спора-1.* С. 248).

[50] Б. А. Рыбакова.

[51] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 46.

[52] *Каштанов.* С. 26.

феодализма Института истории выступил «только один специалист по древнерусскому летописанию А. Н. Насонов, заявив, что „Слово" — „сомнительный исторический источник для XII века"».[53]

В начале мая 1963 г. (письмо не датировано), сообщая В. И. Малышеву о своей предстоящей поездке с 10 по 17 мая в Киев и Чернигов для работы с архивными материалами, интересными для биографии Иоиля Быковского, А. А. Зимин пишет: «Очень рад, что Д. С. занимает такую благожелательную позицию. *Книга моя в первом варианте кончена (16 п. л.) — после возвращения из Киева буду ее дорабатывать и потом надеюсь вопрос о ее печати поставить.*[54] М. Н.[55] наверно и Хвост⟨ов⟩ хотят меня втравить в обсуждение доклада или рукописи, я пока всячески отбрыкиваюсь. Никаких столкновений, однако, не было (видите — еду даже в командировку!). Сейчас большую работу ведем по тому „Истории СССР", который в июле должны сдавать».[56]

Показательно отношение к А. А. Зимину и одного из его авторитетных оппонентов, профессора МГУ академика АН УССР Н. К. Гудзия. В письме, датированном 1 сентября 1963 г., Н. К. Гудзий пишет В. И. Малышеву: «Вчера вернулся после двухдневного путешествия во Владимир, Боголюбово, Суздаль (экскурсия Союза писателей), где я, к стыду своему, до сих пор не был. Впечатление огромное. Взял с собой и еретика Сашку Зимина, которому я очень симпатизирую, несмотря на его прегрешения против „Слова". Впрочем, и Вы тоже тем же миром мазаны». «Верую и исповедую, что всех вас, иконоборцев, ждет справедливая кара божья», — шутливо добавляет Гудзий.[57]

О докладе А. А. Зимина и его основном тезисе тотчас стало известно и за границей.

---

[53] См.: Вопросы истории. 2007. № 11. С. 164.

[54] Как ясно из этого письма, еще до зарождения планов академического начальства об обсуждении гипотезы А. А. Зимина им был уже написан первый вариант книги в объеме 16 а. л. (в изданной ротапринтом книге было 22 а. л.). Поэтому утверждение А. А. Зимина: «...меня фактически заставили написать книгу о „Слове...", стремясь организовать проработку ослушника» (см.: *Зимин. Обретение свободы.* С. 89) — не вполне соответствует действительности.

[55] Михаил Николаевич (Тихомиров).

[56] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 48—49.

[57] Там же. № 400. Л. 51.

Полагая, что докладчик располагал какой-то «документацией» и что он «едва ли бы решился посягнуть на такое произведение, как „Слово“ ⟨...⟩ если бы у него, Зимина, не было ничего, кроме остроумной гипотезы и произвольного субъективного домысла»,[58] некоторые западные слависты сочли вопрос о времени создания «Слова» окончательно решенным. Уже сам факт постановки доклада А. А. Зимина на заседании академического учреждения Советского Союза расценивался зарубежными филологами как свидетельство новизны и обоснованности его гипотезы. В статье, опубликованной во французской эмигрантской газете «Русская мысль» под инициалами «Г. С.», профессор Калифорнийского университета Г. П. Струве[59] пишет: «...со стороны очень трудно поверить, что, если бы какой-то советский ученый просто повторял взгляды Мазона, ему *дали бы возможность выступить с докладом в заседании ученого советского учреждения и был бы поднят вопрос об издании его книги*».[60]

В письме к профессору Кембриджского университета Н. Е. Андрееву[61] от 28 марта 1963 г. один из английских ученых, присутствовавший на годовой конференции британских славистов 23—24 марта в Оксфорде, пишет по поводу этой конференции: «Все говорили о „сенсации“ в Пушкинском Доме. Кажется, Зимин выступил с докладом, в котором *доказал*, что „Слово о полку Игореве“ — подделка

[58] *Г. С.* ⟨*Струве Г. П.*⟩. Слово о полку Игореве — не памятник XII века? // Русская мысль. ⟨Париж⟩, 1963. 1 июня. № 2002. С. 6.

[59] Глеб Петрович Струве (1898, Петербург — 1985, Беркли, США) — литературовед, переводчик; сын П. Б. Струве. С 1918 г. в эмиграции. Окончил Оксфордский университет (1921). В 1947—1967 гг. профессор русской литературы Калифорнийского университета в Беркли. Исследователь русской литературы XIX—XX вв., в том числе литературы русского зарубежья. Написал предисловие к американскому изданию «Истории древней русской литературы» Н. К. Гудзия (*Gudzy N. K.* History of Early Russian Literature. New York, 1949), в котором излагал различные точки зрения на время написания «Слова о полку Игореве».

[60] *Г. С.* ⟨*Струве Г. П.*⟩. К спорам о «Слове о полку Игореве»: Д. С. Лихачев и А. А. Зимин // Русская мысль. 1964. 13 окт. № 2216. С. 5.

[61] Николай Ефремович Андреев (1908, Петербург — 1982, Кембридж, Англия) — историк, литературовед, искусствовед; доктор философии. С 1919 г. в эмиграции. Окончил Карлов университет в Праге. В 1947—1975 гг. преподавал русский язык, русскую историю и культуру в Кембриджском университете, с 1973 г. экстраординарный профессор. Читал также лекции во многих других университетах Англии. Автор трудов по истории, культуре и искусству средневековой Руси.

XVIII века. Феннель ⟨так!⟩[62] получил письмо от Зимина. Интересно было наблюдать реакцию на это известие. Лиза (Hill),[63] Костелло (профессор русской литературы в Manchester),[64] Simmons (библиотекарь в Оксфорде)[65] были в восторге от этого...»[66]

Приведя этот отрывок из письма своего не названного по имени корреспондента, Н. Е. Андреев в письме к Д. С. Лихачеву от 23 апреля 1963 г. добавляет от себя: «Не могу не признаться, что обрадовался Вашему сообщению, что доклад А. А. Зимина — только попытка интерпретации по скептическим линиям „Слова о полку Игореве". О докладе своем он сам написал Fennell, а тот „ударил во все колокола". ⟨...⟩ Совершенно неожиданно эта зиминско-феннеловская сенсация оказалась „лакмусовой бумажкой" истинного отношения к изучаемой славистами культуре Руси. ⟨...⟩ Professor Hill официально сообщила мне, что для 1964/65 акад⟨емического⟩ года она вычеркивает „Слово" из числа памятников, обязательных для изучения студентами (на будущий академический год список уже опубликован). Но я, конечно, не собираюсь подвергнуть „Слово" „остракизму". И, поскольку от меня зависит, программа изучения Древней Руси не потерпит из-за блажи „мазонят". Во всяком случае, *надеюсь, что домыслы Зимина будут напечатаны и опровергнуты*. Я не верю в удачную новую интерпретацию, но поверил бы в непререкаемый документ о подделке».[67]

[62] Джон Л. И. Феннел(л) (Fennell; 1918—1992) — английский историк. С 1956 г. лектор Оксфордского университета, с 1967 г. профессор, в 1968—1988 гг. профессор в оксфордском Новом колледже. Автор ряда работ по древнерусской литературе. Участвовал в дискуссии по работе А. А. Зимина, в статьях 1967—1968 гг. рассматривал вопрос «текстологического треугольника»: взаимоотношения «Слова о полку Игореве», Ипатьевской летописи и «Задонщины» (см: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 164—165).

[63] Элизабет (Елизавета Федоровна) Хилл (Hill; 1900, Петербург — 1996, Кембридж, Англия) — славист, профессор, основатель и руководитель кафедры славянских языков в Кембриджском университете. По матери русская.

[64] Десмонд Патрик Костелло (Costello; 1912—1964) — в 1955—1964 гг. профессор русской кафедры университета Виктория в Манчестере.

[65] Джон С. Г. Симмонс (Simmons; 1915—2006) — английский историк книги; в 1949—1969 гг. библиотекарь-лектор Оксфордского университета, читал лекции по русской и славянской библиографии. Описал ряд обнаруженных им в разных странах русских старопечатных книг.

[66] *К истории спора-1*. С. 243.

[67] Там же.

Получив ответ Д. С. Лихачева на свои вопросы по поводу доклада Зимина, А. В. Соловьев[68] пишет 22 апреля из Женевы: «Дорогой Дмитрий Сергеевич ⟨...⟩. Вы меня успокоили, а то у меня (грешным делом) появились сомнения: *раз Зимин решил выступить в Пушкинском Доме, то, быть может, у него есть какие-то новые, неопровержимые доводы*, напр⟨имер⟩ письмо Мусина-Пушкина или Иоиля Быковского с признанием в подделке («Hanka fecit»[69]) ⟨...⟩. Русские люди часто любили ниспровергать авторитеты, и ничего удивительного в том, что появились сомнения Зимина, нет. А за границей, к сожалению, все это раздули и наступило „ликование“ мазонистов. Вот что пишет Е. Ф. Хилл (русская немка): „*Я слыхала, что окончательно установлено*, что Слово о п⟨олку⟩ Иг⟨ореве⟩ — подделка XVIII века, и если это так (*в чем я никогда не сомневалась и без доказательств*), то я радуюсь, что Мазон (хотя бы и перебарщивал) дожил до этого разоблачения. Пока что книга Зимина еще не вышла. Если ее действительно напечатают, то это будет большим событием и потрясением для многих“ (открытка от 2.4.63). Что я мог ей ответить? Сейчас могу спокойно подождать».[70]

Среди зарубежных славистов стали циркулировать различные слухи, порожденные докладом А. А. Зимина. В одном из писем к Д. С. Лихачеву немецкий славист Гаральд Рааб сообщил, что вернувшийся из поездки по Советскому Союзу заместитель президента немецкой Академии наук якобы узнал, что «академик В. В. Виноградов к Софийскому конгрессу славистов[71] готовит сборник, в котором с науч-

[68] Александр Васильевич Соловьев (1890, Калиш — 1971, Женева) — историк, литературовед, доктор исторических наук (1928). Окончил Варшавский университет, где учился на юридическом и филологическом факультетах. С 1920 г. в эмиграции. С 1921 г. преподавал в Белградском университете, экстраординарный (1930), затем ординарный (1935) профессор. В 1952—1960 гг. состоял приват-доцентом Женевского университета, читал лекции по русской литературе. Специалист по средневековой истории Восточной Европы, историк русской литературы с древнейших времен до XX в. Автор многих работ о «Слове» (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 27—29).

[69] «Ганка сделал» (*лат.*) — фраза, которую обнаружили чешские исследователи Томас Масарик и Ян Гебауер в Краледворской рукописи, подделанной в XIX в. Вацлавом Ганкой.

[70] См.: *К истории спора-1*. С. 240. В другом письме к Д. С. Лихачеву А. В. Соловьев высказывал мысль о том, что «книгу Зимина непременно надо напечатать, а то мазонисты будут говорить, что ему зажали рот и не позволили „разоблачить ложь официальной доктрины“» (*Баран, Душечкина*. С. 69).

[71] V Международный съезд славистов проходил в Софии в сентябре 1963 г.

ной точностью будет доказано, что Слово о полку Игореве — подделка». «Это известие, — добавил Г. Рааб, — вызвало панику в наших научных кругах». Он сообщил, в частности, что в издательстве «Ауфбау» было приостановлено библиофильское издание «Слова о полку Игореве» в его переводе на немецкий язык.[72] По просьбе Г. Рааба Д. С. Лихачев написал на имя главного редактора издательства Э. Ковальского письмо, в котором сообщал, что «слухи о том, что в Советском Союзе готовится специальный сборник, доказывающий подложность „Слова о полку Игореве", лишены всякого основания».[73] Издание «Слова» было возобновлено.[74]

Те зарубежные слависты, которые не склонны были верить слухам, в письмах к Д. С. Лихачеву просили прислать тезисы или резюме доклада и ратовали за скорейшее издание работы А. А. Зимина, чтобы можно было познакомиться со всеми его аргументами. Помимо Н. Е. Андреева и А. В. Соловьева с этой просьбой обратились к Д. С. Лихачеву Р. О. Якобсон,[75] А. Поппэ,[76] А. Стендер-Петер-

---

[72] См.: *К истории спора-1*. С. 239—240.

[73] См.: Там же. С. 242.

[74] Перевод Гаральда Рааба вышел в 1965 г. См.: Das Lied von der Heerfahrt Igors, des Sohnes Swjatoslaws, des Enkels Olegs / Herausgegeben und Übersetzung von Harald Raab. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1965.

[75] Роман Осипович Якобсон (1896, Москва — 1982, Кембридж, США) — русский и американский лингвист, литературовед, один из основателей структурализма в лингвистике и литературоведении. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве (1914) и Московский университет (1918). Входил в ОПОЯЗ. С 1921 г. жил и работал в Праге, в 1930—1939 гг. возглавлял кафедру русской филологии в университете г. Брно. В 1939—1941 гг. в качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах Копенгагена, Осло, Упсалы. С 1941 г. жил в США: вначале в Нью-Йорке, где был сотрудником Вольной школы высших исследований и профессором Колумбийского университета, а затем в Кембридже (1949—1967), где состоял профессором Гарвардского университета и Массачусетского технологического института (в котором создал Массачусетскую школу структурализма, одну из ведущих в США). Вице-президент Международного комитета славистов (1966—1976). Руководил семинаром по изучению «Слова» в Нью-Йорке (вместе с византологом А. Грегуаром) и в Гарвардском университете. Автор многих работ по «Слову», один из основных оппонентов А. Мазона на Западе (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 279—281).

[76] Анджей Витольдович Поппэ (Poppe; р. 1926) — польский историк-медиевист; доктор наук (1968), профессор (1980) Варшавского университета (Исторический институт). Руководитель семинара по истории и источниковедению Древней Руси, который он вел не только в Польше, но и в других городах Европы, США, Японии. По воспоминаниям профессора А. В. Поппэ, в январе 1965 г. он был

сен,[77] Ж. Бланков[78] (о чем Д. С. Лихачев сообщал в письме к А. Н. Робинсону от 17 апреля 1963 г.[79]), а также Н. М. Дылевский,[80] А. Н. Грабар[81] и др.

24 марта Р. О. Якобсон пишет Д. С. Лихачеву письмо следующего содержания: «Дорогой Дмитрий Сергеевич, четвертый том моих сочинений — Slavic Epic Studies — ныне печатается и должен выйти накануне Софийского съезда славистов. Послесловие еще

в Ленинграде и Д. С. Лихачев «тайно» дал ему прочесть книгу А. А. Зимина, напечатанную на ротапринте.

[77] Адольф Стендер-Петерсен (Stender-Petersen; 1893, Петербург — 1963, Орхус, Дания) — датский историк русского средневековья, лингвист, литературовед; доктор филологии (докторская диссертация по польской комедии XVII—XVIII вв. опубликована в 1923 г.), профессор (1927), член Королевской Датской Академии наук. По отцу датчанин, по матери русский. До 1916 г. жил в России; учился в Петербургском университете. Стажировался в Польше и Чехии. До 1927 г. лектор Гетеборгского университета В 1927—1931 гг. профессор славянской филологии Тартуского университета. Один из основателей (1931) кафедры славистики в Орхусе, которую возглавил в 1941 г. В 1954—1963 гг. редактор журнала «Scando-Slavica». Как лингвист известен исследованием «Славяно-германские заимствования» («Slavisch-germanische Lehnwortkunde», 1927), работами по русскому глаголу и др. Как историк много писал по норманнскому вопросу. Выделяются также его работы по польскому театру XVII—XVIII вв., русской классической литературе.

[78] Жан Бланков (Blankoff; р. 1931) — бельгийский историк, археолог, филолог, искусствовед; потомок русских эмигрантов. Доктор исторических и филологических наук, член Королевской Академии археологии Бельгии. Профессор истории Свободного университета в Брюсселе. Во второй половине 1950-х гг. стажировался в Гарвардском университете, в 1956 г. занимался в семинаре Р. О. Якобсона и тогда открыл для себя «Слово». В 1965 г. перевел «Слово» на французский язык. С 1977 г. неоднократно сотрудничал с Новгородской археологической экспедицией МГУ.

[79] Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.

[80] Николай Михайлович Дылевский (1904, Чугуев Харьковской губ. — 2001, София) — болгарский филолог, славист. В годы Гражданской войны эмигрировал. С 1922 г. жил в Болгарии. Окончил Софийский университет, в котором преподавал в 1934—1972 гг. (с 1948 г. доцент, с 1955 г. профессор, с 1951 г. заведующий кафедрой русского языка). Автор многих работ по «Слову» (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 2. С. 152—155). См. его письмо: *К истории спора-1*. С. 244—245.

[81] Андрей Николаевич Грабар (1896, Киев — 1990, Париж) — историк искусства, специалист по византийскому и древнерусскому изобразительному искусству и культуре. С 1920 г. в эмиграции (Болгария, затем Франция). С 1928 г. доцент Страсбургского университета, с 1938 г. профессор Школы высших исследований в Париже, в 1946—1966 гг. одновременно профессор Коллеж де Франс. См. его письмо: *К истории спора-1*. С. 249.

не послано в типографию, и я очень хотел бы откликнуться в нем на недавний доклад историка Зимина. К сожалению, мне известен только его вывод, а не аргументы докладчика. Буду Вам бесконечно признателен за изложение основных доводов или за присылку краткого резюме, если таковое существует. А ежели обещанная книга или хотя бы статьи Зимина (или о его концепции) появятся в течение ближайших недель или даже двух-трех месяцев, не откажите прислать их мне воздушной почтой. Это научный вопрос настолько большой научной и общекультурной важности, что я чувствую необходимым безотлагательно на него отозваться».[82]

В письме к Д. С. Лихачеву, датированном 30 апреля 1963 г., Р. О. Якобсон пишет: «Какое убожество — выходка Зимина. Если что-либо по этому поводу выйдет из печати, пожалуйста, уведомьте или пришлите. ⟨...⟩ В Послесловии, которое сдам в июне, намереваюсь отозваться и на Зимина. Мне кажется, было тактической ошибкой рус⟨ских⟩ филологов и литературоведов слишком мягкое отношение к измышлениям Мазона и его приспешников, явно направленным к снижению древнерусской культуры. Безграмотные и злостные статьи Vaillant'а[83] о летописях, „Задонщине“, Летописной повести остались, например, без надлежащего ответа, и эта безнаказанность создавала нездоровую психологическую атмосферу, благоприятствовала новым безответственным выступлениям. Впрочем, едва ли можно говорить о шумихе в западной печати вокруг доклада Зимина. Здесь, насколько мне известно, не было ни одного печатного отклика, а в Европе, насколько я знаю от своего голландского издателя, ничего не было, кроме кулуарных разговоров среди славистов, из которых наименее грамотные весьма расположены кадить Мазону и развенчивать „Слово“».[84]

Но в другом письме (вероятно, написанном в конце мая или в начале июня) Р. О. Якобсон пишет уже несколько иначе: «К сожалению, после доклада Зимина недоброжелатели подняли голову.

[82] См.: Там же. С. 234.

[83] Андре Вайян (Vaillant; 1890—1977) — французский филолог, специалист по славянским языкам и литературе. Доктор наук, профессор. Директор Высшей практической школы в Париже. Преподавал славянское языкознание в вузах Парижа. Редактор журнала «Revue des études slaves». Занимал скептическую позицию по отношению к «Слову».

[84] *К истории спора-1*. С. 246.

Напр⟨имер⟩ Струве, miss Hill, англ⟨ийский⟩ издатель отказался от предполагавшегося издания англ⟨ийского⟩ перевода „Слова"; обсуждался вопрос об исключении „Слова" из антологии древнерус⟨ских⟩ текстов в Оксфорде; каждый оксф⟨ордский⟩ студент-славист спрашивал меня, что со „Словом", правда ли, что это подлог. Я рад, что встретил Алексеева,[85] порассказавшего мне о выступлении Зимина. Мне кажется, что по крайней мере *протокол заседания и с прениями следует опубликовать*, а то будут безусловно говорить на свете, что замалчивают доказательства подделки».[86]

Все это требовало как можно скорее опубликовать Отчет о докладе и дискуссии по нему. Отчет был написан Л. А. Дмитриевым для публикации в журнале «Русская литература». Изложение доклада, по настоянию А. А. Зимина, было авторизованным, свои замечания Зимин сделал и по поводу изложения прений, написав подробное письмо главному редактору журнала В. Г. Базанову. О том, какие события сопровождали написание Отчета и попытки его опубликования, свидетельствуют письма из архивов Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева.[87]

В ответ на крайне эмоциональные письма и телеграмму А. А. Зимина, недовольного присланным ему текстом Отчета-«хроники», Л. А. Дмитриев 30 июня 1963 г. написал А. А. Зимину письмо, в котором подробно объяснял все обстоятельства написания Отчета и сообщал: «Присланные тобою изложения и доклада, и заключительного слова включены полностью в отчет...»

В заключение этого письма Л. А. Дмитриев пишет: «И дома, и во время заседания я говорил о том, что с твоей стороны было легкомысленно и ошибочно выносить на большую аудиторию обсуждение своей работы. С этим убеждением я остаюсь и сейчас. Я считаю, что тем, что ты не сообщил заранее Д. С. Лихачеву о сути своего доклада,

---

[85] Академик М. П. Алексеев был командирован в 1963 г. в Англию (Лондон, Кембридж, Норич, Эдинбург, Ливерпуль, Оксфорд) для чтения лекций и научной работы в архиво- и книгохранилищах. Н. Е. Андреев в письме к А. В. Соловьеву от 31 мая также пишет о разговоре с М. П. Алексеевым, который сообщил ему, что «ак⟨адеми⟩ки Виноградов и Тихомиров считают текст Зимина слабым, но решение, печатать ли его работу, пока не вынесено (из-за шума вокруг этого вопроса)» (*Баран, Душечкина*. С. 69).

[86] *К истории спора-1*. С. 239.

[87] См.: *Спор о подлинности*. С. 385—422.

ты подвел и его, и наш Сектор и многое испортил самому себе. В вопросе о „Слове“ я твой противник и, как ты сам прекрасно понимаешь, я должен и буду здесь спорить с тобой. Но, и это я говорил и в частных, и в официальных разговорах, *твоя точка зрения — это твоя научная гипотеза, и спорить с ней нужно как с гипотезой, не примешивая сюда никакой политики*.

Я понимаю, что, освещая всю эту историю как сторонник противоположной тебе концепции, я не мог не быть тенденциозным, и я пытался освободиться от этой тенденциозности, так как в Отчете, и во всяком случае в той части его, которая передает содержание твоего выступления и прений по нему, я стремился быть как можно более объективным. И именно поэтому я не обижен ни на тон твоей телеграммы, ни на тон твоего письма к Руфе ⟨Р. П. Дмитриевой⟩, ни на тон твоего письма к Базанову и не считаю себя вправе обижаться на это. Надеюсь, что это письмо достаточно подробно все объясняет и наши старые отношения не изменятся».[88]

Ответное письмо А. А. Зимина к Л. А. Дмитриеву (от 2 июля 1963 г.) начинается так: «Дорогой Левушка! В том, что наша дружба останется такой, как была, а быть может, даже упрочится, я теперь не сомневаюсь. Но все-таки хочу, чтобы ты понял меня до конца...»[89]

Кроме Отчета о заседании, на котором был прочитан доклад А. А. Зимина, в журнале «Русская литература» предполагалось также опубликовать статью А. А. Зимина и, в одном с ней номере (который должен был выйти к Съезду славистов), ответ Д. С. Лихачева А. А. Зимину. Об этом Д. С. Лихачев сообщает в письме А. Н. Робинсону (вероятно, в середине мая), отвечая на его письмо от 10 мая: «„Русская литература“ просит у Зимина статью о „Слове“, и я должен в том же номере (к съезду) выступить с ответом. Конечно, спорить я буду корректно».[90]

О том, что А. А. Зимину предложат написать статью для журнала «Русская литература», ему сообщил Я. С. Лурье: «Дорогой Сашенька! ⟨...⟩ Вероятно, Вы уже получили или получите письмо из журнала „Русская литература“ с предложением написать для них статью

[88] Там же. С. 393—397.
[89] Там же. С. 397.
[90] Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.

в 2 а. л. ⟨...⟩ Вы и без меня понимаете, что они просят ее у Вас не из добрых намерений и любви к беспристрастию; несомненно, статья если будет напечатана, то в сопровождении полемич⟨еского⟩ ответа (с Д. С. я еще не виделся; когда смогу, обязательно поговорю с ним). Во всяком случае, не отвечайте голым отказом — они могут использовать его как свидетельство о нежелании вступить в дискуссию и т. д. Обязательно мотивируйте отказ (невозможность уложиться, желание полностью аргументировать и т. д.). М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, имеет смысл вернуться к тому варианту, кот⟨орый⟩ Вы отвергли при постановке доклада: дать статью об отношениях между редакциями „Задонщины" и СПИ[91] без выводов о последнем (с указанием, что это — часть большой работы)? Здесь Вы сильнее всего. ⟨...⟩ Ваш Яша».[92]

Сообщение о том, что Зимину предложат написать статью для «Русской литературы», он получил и от В. И. Малышева, которому ответил 18 мая: «Теперь о статье. Официально я еще никаких предложений не получил. Поэтому молчу. Если же мне пришлют приглашение, то приму. И вот почему. Это — ловушка Д. С. — ясно и понятно. Но отказываться мне нельзя, иначе скажут: „Наболтал чепухи, а вот когда... и пр.". Однако дураком не буду, т. е. дам один из разделов: напр⟨имер⟩, „Краткая и Простр⟨анная⟩ ред⟨акции⟩ Задонщины" или „Слово и летописи" — и только, а в сноске укажу, что это часть большой работы. Пускай печатают дальше! Если на этот вариант они не согласятся, то кричать уж буду я.

Какой вариант печатать?

а) Задонщина важнее, но об этом писали уже,

б) летопись — здесь все внове, но здесь Д. С. сильнее, да и по летописи только можно доказать лишь, что Слово — не ранее XIII в.

Что Вы посоветуете, дорогой дружище? Ваше доброе слово для меня очень дорого.

Я. С.[93] писал, что Л. А. Дм⟨итриеву⟩ поручили писать хронику о моем докладе. Уж я прошу Вас — скажите ему, чтобы он согласовал бы текст со мною (если нужно, я напишу ему материал — на скольких страницах?)».[94]

---

[91] «Словом о полку Игореве».
[92] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 93.
[93] Яков Соломонович (Лурье).
[94] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 51—52.

Забегая вперед, скажем, что ни сданный уже в редакцию Отчет о заседании Сектора древнерусской литературы, на котором был прочитан доклад А. А. Зимина, ни статья А. А. Зимина с полемическим ответом Д. С. Лихачева не были опубликованы в 1963 г. в журнале «Русская литература». Все материалы, связанные с дискуссией, запрещено было печатать до обсуждения всей работы А. А. Зимина. Такое решение было принято в Москве на совещании в Отделении истории 10 июля 1963 г., о чем в тот же день академик-секретарь Отделения Е. М. Жуков сообщил по телефону Д. С. Лихачеву (см. об этом далее). Узнав об этом от Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриев пишет ему в ответном письме от 18 июля 1963 г.: «Конечно, очень жаль, что Отчет напечатан не будет — если бы он был опубликован, то все сразу же приобрело бы спокойный характер и всем бы облегчило положение.[95] *Приходится только удивляться, как этого не могут понять верховные деятели*».[96]

Когда А. А. Зимин вернулся в Москву после доклада в Пушкинском Доме, дирекция Института истории предложила ему напечатать тезисы его доклада в журнале «Вопросы истории». В. Г. Зимина пишет по этому поводу следующее: «По возвращении в Москву ⟨...⟩ ему было предложено представить тезисы своего выступления для публикации в журнале „Вопросы истории“, где предполагалось напечатать их в сопровождении статьи М. Н. Тихомирова. От такого предложения Зимин решительно отказался, ибо издание тезисов закрывало дорогу для написания основательного исследования и последующей его публикации».[97]

Отказ А. А. Зимина на самом деле не был столь решительным. По просьбе руководства Института А. А. Зимин тезисы представил, и М. Н. Тихомиров написал на них свои «Замечания». Вероятно, лишь познакомившись с возражениями М. Н. Тихомирова, А. А. Зимин «понял, что так его большая работа будет похоронена, и от такого варианта отказался»,[98] т. е., очевидно, отозвал свои тези-

---

[95] Выступая на обсуждении книги А. А. Зимина, Я. С. Лурье отметил: «...чрезвычайно обидно, что хроника заседания в Пушкинском Доме, *которая была написана очень серьезно и где текст выступления Александра Александровича был им авторизован*, не увидела свет» (см. наст. изд., с. 358).

[96] *К истории спора-1*. С. 258.

[97] *Зимина В. Г.* К читателю. С. 3—4.

[98] *Формозов*. С. 98.

сы. По словам А. А. Формозова, «Тихомиров свою статью написал, но без тезисов оппонента печатать не счел возможным».[99] Это совпало с решением академического начальства не публиковать никаких материалов до обсуждения книги А. А. Зимина. Статья М. Н. Тихомирова была опубликована уже после смерти автора, в 1968 г.[100]

В письмах к А. Н. Робинсону от 23 мая и 2 июня Д. С. Лихачев высказывает озабоченность написанными в резком тоне возражениями М. Н. Тихомирова на тезисы А. А. Зимина. В письме от 23 мая он пишет: «Я получил от секретаря Тихомирова его возражения на какие-то тезисы Зимина.[101] Возражения его столь же грубы, сколь и беспомощны. Если только эти возражения и станут известны, то позиции Зимина еще более укрепятся. Тезисов я не видел, но знаю только то, что мне рассказывали присутствовавшие на его докладе».[102]

В мае 1963 г. в Секторе древнерусской литературы было решено создать сборник статей, посвященный «Задонщине» и ее отношениям к «Слову о полку Игореве». В письме к А. Н. Робинсону от 23 мая 1963 г. Д. С. Лихачев пишет об этом решении, о том, кто будет принимать участие в сборнике и какой вопрос исследовать. Он пишет также, что «во время обсуждения вопроса в Секторе были неприятные разговоры. Лурье и Малышев выступили против этой

---

[99] Там же.

[100] См.: *Тихомиров М. Н.* Замечания на тезисы А. А. Зимина // Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 416—421.

[101] В письме к В. И. Малышеву (предположительно его можно датировать июнем 1963 г.) А. А. Зимин пишет: «МНТ написал 18 м⟨ашинописных⟩ страниц в ответ на мои тезисы. Их наш директор послал Д. С. Тот сердечно поблагодарил и попросил у уч⟨еного⟩ секретаря мои тезисы. Когда уч⟨еный⟩ секр⟨етарь⟩ обратился ко мне, я сказал, что в Институт тезисы я уже сдал и больше их у меня нет...» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 53; см. о том же — л. 50). Тихомировские «Замечания на тезисы доклада А. А. Зимина, прочитанного 27 февраля 1963 года на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР» сохранились в архиве Д. С. Лихачева вместе с сопроводительным письмом на официальном бланке Института истории АН СССР от 17 мая 1963 г. за подписью исполняющего обязанности ученого секретаря Института истории АН СССР П. В. Полякова. Текст письма краток: «Члену-корреспонденту АН СССР Лихачеву Д. С. Институт истории АН СССР направляет для Вашего ознакомления замечания академика М. Н. Тихомирова на тезисы доклада доктора исторических наук А. А. Зимина о Слове о полку Игореве».

[102] Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.

темы. Нельзя, дескать, писать о Задонщине, не зная работы Зимина. Пусть ее сперва издадут и пр. ⟨...⟩ Оба (Лурье и Малышев) дают Зимину всякие советы и сообщают, что мы намерены делать. Я отстоял необходимость заниматься Задонщиной в плане ее отношения к Слову независимо от выводов Зимина и от возможности опубликования его работы. ⟨...⟩ Разлад по поводу Слова в Секторе меня очень раздражает».[103]

Три месяца спустя В. И. Малышев написал Н. К. Гудзию о решении Сектора до публикации книги А. А. Зимина начать работу над сборником по «Задонщине» и о своем несогласии с этим. Н. К. Гудзий ответил ему 7 сентября 1963 г. так: «Я не могу согласиться с Вами, что секторяне поступают неэтично, готовя „Задонщину". Я сам очень дружески отношусь к А. А. Зимину, ⟨...⟩ но считаю его выступление в Пушкинском Доме неразумным и легкомысленным. Так как основное положение Зимина — „Слово" от „Задонщины", то почему бы не выступить в качестве научной полемики с этим основополагающим заявлением Зимина, о котором он громогласно поведал в Пушкинском Доме? Поэтому Ваше самоустранение мне непонятно».[104]

Неизвестно, по какой причине и по чьей инициативе 3 декабря 1963 г. на заседании Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР готовившийся сборник по «Задонщине» был снят из проекта редподготовки издательства «Наука» на 1964 г. Узнав об этом, Д. С. Лихачев написал 5 декабря 1963 г. два письма: председателю РИСО Е. С. Лихтенштейну и вице-президенту АН СССР академику П. Н. Федосееву. Вот текст письма к П. Н. Федосееву:

«Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Вопрос о подлинности „Слова о полку Игореве" остро интересует сейчас филологов и историков всего мира. Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР предпринял в этом году в срочном порядке специальное коллективное исследование Повестей о Куликовской битве (в первую очередь «Задонщины») в их отношении к „Слову о полку Игореве". Так как в „Задонщине" и других повестях о Куликовской битве конца XIV—XV вв. есть несомненные заимствования из „Слова", то эта работа может с бес-

[103] Письмо хранится там же.
[104] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 400. Л. 53.

спорностью подтвердить подлинность последнего. Работа должна быть закончена в первом квартале 1964 года. Однако на последнем заседании РИСО (3 декабря) работа эта снята из плана редподготовки Издательства на 1964 г. Но ведь это работа в защиту величайшего памятника русской культуры! Ее надо было бы издать немедленно по ее завершении, а не изымать из плана редподготовки на 1964 г.! Такое отношение к нашей работе, в тот момент когда печатается на ротапринте книга А. А. Зимина, очень обескураживает коллектив защитников „Слова".

Очень прошу Вас помочь восстановить нашу коллективную монографию „Повести о Куликовской битве в их отношении к «Слову о полку Игореве» (к вопросу о подлинности последнего)" объемом в 40 п. л. в плане редподготовки на 1964 г.

Искренне скажу Вам, что я не знаю сейчас гуманитарной работы, которую необходимо было бы издать в защиту русской культуры в более срочном порядке, чем та, о которой я Вам пишу. Ее ждут все педагоги, не только филологи и историки; ее ждут писатели и пр. Слух о книге А. А. Зимина проник всюду.

С уважением

Д. Лихачев, член-корреспондент АН СССР».[105]

В результате этого письма сборник был восстановлен в проекте редподготовки на 1964 г. (в 1966 г. он вышел в свет).

То, что докладом А. А. Зимина поднят вопрос «большой научной и общекультурной важности» (Р. О. Якобсон), понимали многие и потому предполагали, что он так или иначе будет затронут на V съезде славистов, который должен был состояться в сентябре того же года в Софии. В западных научных кругах высказывалось пожелание, чтобы А. А. Зимину была дана возможность обосновать на этом съезде свою гипотезу.

Именно в связи с подготовкой к предстоящему V Международному съезду славистов решено было обсудить работу А. А. Зимина. Это ясно из письма А. Н. Робинсона к Д. С. Лихачеву от 10 мая 1963 г., в котором говорится о заседании, посвященном подготовке к предстоящему съезду. Письмо это важное, поэтому приведем большую цитату из него:

---

[105] *К истории спора-1.* С. 264.

«Дорогой Дмитрий Сергеевич!

⟨…⟩ Вчера В. В.[106] и я[107] сидели 1,5 часа у шефа (который был директором славяноведов).[108] Речь шла о делегации (у нас трудности). ⟨…⟩

Потом подробно говорили о „Слове“ и работе А. Зимина (сейчас В. В. читает его книгу — рукопись). *Шеф уже хорошо знал об этом* (он учился с А. А. в аспирантуре), считает дело очень серьезным, особенно из-за всемирного резонанса и съезда. Двое историков[109] поносят А. А. и устраивают ему неприятности. В. В. относится участливо, сочувствует, но отмечает: 1) слабость и неоригинальность концепции, особенно — об Иоиле, 2) ошибочность поведения ⟨на нижнем поле письма запись, относящаяся, вероятно, к данному фрагменту: «Говорилось, что ленингр⟨адский⟩ доклад — большая ошибка автора и устроителей». — *Л. С.*⟩. Сам В. В. заявил, что он допускает возможность древности „Слова“, но убежден, что в нем много новых вставок и влияний. Мне показалось, что эта концепция (компромиссная) понравилась шефу, который ищет выхода и (учитывая зарубежный отклик) старается не занимать крайней позиции ни в ту, ни в другую сторону. Итог размышлений был таков: 1) автор честный и принципиальный ученый, который увлекся темой, не отдавая себе отчета о последствиях, 2) *следует до съезда (т. е. в июне-июле) в закрытом совещании специалистов объективно и подробно обсудить книгу и определить возможные позиции (отрицание, ча-*

[106] Виктор Владимирович Виноградов, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, в 1958—1969 гг. он являлся председателем Советского комитета славистов. Далее именуется также ВВВ.

[107] Андрей Николаевич Робинсон был в это время ученым секретарем Советского комитета славистов.

[108] Имеется в виду Иван Иванович Удальцов (1918—1995) — партийный деятель и ученый, в 1959—1962 гг. директор Института славяноведения, в 1962—1965 гг. первый заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС и одновременно заведующий подотделом пропаганды и агитации, курировавший, в частности, вопросы, связанные со съездом славистов. В дальнейшем — советник-посланник Посольства СССР в Чехословакии (1965—1970), председатель правления Агентства печати «Новости» (1970—1976), посол СССР в Греции (1976—1979), сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР (1979—1988). С 1949 г. кандидат, с 1984 г. доктор исторических наук. Специалист по истории национально-освободительной борьбы в Чехии и Чехословакии. За консультацию по поводу того, кто именуется «шефом», благодарю М. А. Робинсона.

[109] Имеются в виду М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков.

стичное признание и т. п.), 3) если единого мнения не будет, то наметить целесообразное поведение на съезде. Для практического осуществления этого намечено отпечатать книгу на ротапринте 10—20 экз. и раздать специалистам (все это будет делаться по инициативе Президиума), указание дано.

⟨...⟩ Мне кажется, что в создавшихся условиях, если такое обсуждение состоится, лучше всего было бы (по крайней мере, я бы так сделал) дать серьезный научный анализ, твердо защищать свое мнение, но ни в коем случае не вносить горячности, возмущения, не делать упреков и т. д. (для этого ораторы найдутся, но едва ли они будут иметь большой успех)».[110]

Из этого письма следует, что инициатива обсуждения книги Зимина исходила из Идеологического отдела ЦК КПСС (в лице И. И. Удальцова), который «дал указание» Президиуму АН СССР организовать это обсуждение.

Д. С. Лихачев, без сомнения, понимал, что закрытое обсуждение закроет путь к публикации книги, а тем самым к возможности публично спорить с гипотезой А. А. Зимина.

После получения от А. Н. Робинсона сообщения о принятом решении обсудить книгу А. А. Зимина Д. С. Лихачев в середине мая написал письмо академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР, председателю Советского комитета славистов академику В. В. Виноградову,[111] убеждая его в необходимости издать книгу А. А. Зимина типографским способом. Вот текст этого письма:

«Глубокоуважаемый Виктор Владимирович!

Ввиду того, что слухи о работе А. А. Зимина распространились среди славистов всего мира с весьма большими неточностями (утверждается, например, что А. А. Зимин нашел какие-то новые материалы

---

[110] *К истории спора-1.* С. 247—248.

[111] Хранящаяся в архиве Д. С. Лихачева копия его письма к В. В. Виноградову не датирована. При публикации в журнале «Русская литература» это недатированное письмо было помещено мной под № 31 после ноябрьского письма Б. Н. Двинянинова. Письма Д. С. Лихачева к А. Н. Робинсону от 23 мая и 2 июня 1963 г. позволяют уточнить дату письма. Д. С. Лихачев написал его после получения письма от А. Н. Робинсона от 10 мая, вероятно, около 15 мая, во всяком случае до 23 мая, поскольку в письме к А. Н. Робинсону от 23 мая Д. С. Лихачев сообщает: «Написал ВВВ-у, что надо издавать работу Зимина. Иначе могут подумать, что у Зимина есть серьезные аргументы. Надо получить возможность возразить Зимину».

о создании «Слова о полку Игореве» в XVIII веке Иоилем и привел этому неопровержимые доказательства, которые якобы не смогли опровергнуть присутствовавшие на его докладе в Институте русской литературы АН СССР специалисты), 〈...〉 считаю совершенно необходимым издать работу А. А. Зимина.

Это даст возможность специалистам полемизировать с А. А. Зиминым и продемонстрировать слабость его аргументации.

Если работа А. А. Зимина не будет издана, это создаст впечатление, что нами утаиваются какие-то сильные доказательства позднего происхождения „Слова", против которых специалисты якобы не имеют твердых возражений.

Если это необходимо, я мог бы предпослать книге А. А. Зимина введение, в котором дал бы все разъяснения.[112]

С уважением Д. Лихачев».[113]

В письме к А. Н. Робинсону от 2 июня 1963 г. Д. С. Лихачев просит его разъяснить В. В. Виноградову следующее: «...уже из нашей „красной книжки"[114] можно понять, что браниться мы не собираемся. Самая „острая" статья в красном сборнике Ник. Кал.-а.[115] С Зиминым я могу быть еще вежливее (учитывая, что он может пострадать), но „разгромить" Зимина (научно) я, конечно, хочу (без брани, без обвинений, без копания в психологии противника — только в пределах науки). При случае разъясните, пожалуйста, это ВВВ-у. Мне самому об этом писать не хочется. Думаю, что из текста моего письма с предложением издать 〈книгу〉 ААЗ-а это было ясно. Но что-то он не понял все же. Или он считает, что и научным возражениям работу ААЗ-а подвергать не следует? 〈...〉 50 экземпляров книги ААЗ мало. Надо, чтобы она была доступна. Зачем ее бояться?»[116]

В этом же письме от 2 июня 1963 г. Д. С. Лихачев высказывает свое сомнение в том, что спор с А. А. Зиминым будет полезным и

---

[112] Я. С. Лурье пишет А. А. Зимину: «...я шутя спросил его 〈Д. С. Лихачева. — Л. С.〉, взялся ли бы он быть редактором; он в том же тоне ответил, что взялся бы, если бы можно было написать в предисловии, что он со всем этим не согласен» (*Из писем Лурье к Зимину*. С. 93).

[113] *К истории спора-1*. С. 262—263.

[114] Речь идет о сборнике «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (М.; Л., 1962), названном так по красному переплету.

[115] Николая Каллиниковича (Гудзия).

[116] Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.

результативным. Он пишет: «...эта бедность доклада Зимина меня раздражает, так как спорить совсем неинтересно и даже бесполезно. Если он так обходится с литературой вопроса, то он так же обойдется и с нашими возражениями. Впрочем, я не удивлен: так он спорит и по другим вопросам. Но, кроме того, я знаю теорию Зимина, из которой он исходит: надо создавать как можно больше мнений, точек зрения — это полезно для науки. Я эту точку зрения слышал и теперь вижу, что он и тут действует по этой теории. В свое время (в 27 году) Н. Я. Берковский выкинул лозунг: „Заполняйте пустоту!" — содержание было то же, только талантливее изображенное.

Теорию „полезности" работы Зимина по Слову выдвигают сейчас Лурье и Дмитриев, Салмина[117] (робко) и пр. лица, находящиеся под влиянием Я. С-а.[118] Я против этого. Меня раздражает, что в десятый раз надо будет повторять одно и то же. Сколько бесцельной траты времени и сил предстоит! А между тем многое в этом споре будет решаться для отдельных лиц не научными аргументами, а какой-то „подкорковой" субпсихологией (как у Малышева, который в отношении Слова не выдвигает никаких аргументов и только бубнит одно и то же). Бубнит и ВВВ. Я спрашивал его — какие у него основания. Он сослался на мою рецензию на книгу Бешаровой,[119] где я вслед за Бешаровой писал, что в одной и той же фразе в Слове могут быть употреблены глаголы в формах разного времени и пр. ВВВ утверждает, что в XII в. это невозможно. А я после посмотрел и нашел у Кирилла Туровского то же самое, и в Прологе, и в Киево-Печерском патерике. Больше ВВВ, несмотря на мою настойчивость, ничего привести не смог или не захотел. „Подкорка"!

Многим нравится „оппозиционность" концепции ААЗ. Со всем этим трудно бороться научной аргументацией. Очень странно также

---

[117] Марина Алексеевна Салмина (р. 1927), сотрудница Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, кандидат филологических наук. Фамилия М. А. Салминой зачеркнута Д. С. Лихачевым.

[118] Якова Соломоновича (Лурье).

[119] В своей книге ученица Р. О. Якобсона Юстина Бешарова исследует и классифицирует образы «Слова» в свете трактата византийского грамматика IX в. Георгия Хировоска. См.: *Besharov Ju.* Imagery of the Igor' Tale in the Light of Byzantino-Slavic Poetic Theory. Leiden, 1956. Рецензию Д. С. Лихачева на книгу Ю. Бешаровой см.: *ИОЛЯ*. 1956. Т. 15, вып. 6. С. 549—552.

влияние на многих Андрея Альбиновича.[120] Вл. И.[121] им очарован. ВВВ повторяет о „красной книге" то, что А. Альб. сказал ему в личных беседах (он мне именно так говорил). Но ведь А. Альб. пристрастен. Это же ясно. Я это ВВВ объяснял, но он уклонился. „Подкорка" будет действовать и у многих участников съезда ⟨славистов⟩. Попробуйте в этих условиях восстановить истину!».

В другом, недатированном письме к А. Н. Робинсону Д. С. Лихачев пишет: «Зимин силен только своей позицией (соблазнительной для всех любящих оппозиции)».[122]

Письмо Д. С. Лихачева академику-секретарю ОЛЯ В. В. Виноградову с предложением не делать секрета из работы А. А. Зимина, опубликовать ее и дать возможность спорить с ней не возымело действия. Машина «закрытого обсуждения» была запущена. А. А. Зимину было предложено представить в Отделение истории АН СССР рукопись книги, предполагалось издать ее на ротапринте и провести закрытое обсуждение книги до сентябрьского съезда славистов.

Какова была позиция А. А. Зимина по поводу предстоящего обсуждения? С. М. Каштанов пишет, что А. А. Зимина «увлекла идея покорить читателей и слушателей смелой гипотезой и стройной системой доказательств. ⟨...⟩ Он настолько ею увлекся, что остановить его было уже невозможно, никакие „разумные", вернее, „благоразумные" доводы на него не действовали. Я помню, что после первого доклада Зимина о „Слове" в Ленинграде в конце 1963 г.[123] и семья, и друзья призывали его остановиться и, в частности, не доводить дело до обсуждения книги на Отделении истории. Но все было бесполезно. А. А. был страстным полемистом, любил споры и рвался в бой, веря в правоту своих выводов».[124]

Но провести обсуждение книги А. А. Зимина до сентябрьского съезда славистов не получилось. Ведь в феврале 1963 г., когда А. А. Зимин прочел свой доклад, книги у него, по его словам, еще

---

[120] Андре Мазона. Д. С. Лихачев ввел традицию именовать иностранных коллег на русский манер — по имени-отчеству.

[121] Владимир Иванович (Малышев).

[122] *Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев... С. 409.

[123] Неточность. Доклад А. А. Зимина в Ленинграде состоялся *в начале* 1963 г.: 27 февраля. Впрочем, возможно, эта дата относится не к докладу.

[124] *Каштанов.* С. 27.

не было. Из писем А. А. Зимина видно, как постепенно рос объем книги.[125] Вскоре после доклада, в марте 1963 г., Зимин сообщает о написанных им **7** а. л. и спрашивает совета у В. И. Малышева, следует ли ставить вопрос об издании этого первоначального варианта (письмо к В. И. Малышеву, написанное вскоре после доклада, вероятно, в марте 1963 г.[126]), затем о **16** а. л. (письмо А. А. Зимина к В. И. Малышеву начала мая 1963 г.[127]), о **20** а. л. (письмо А. А. Зимина к В. И. Малышеву, датируемое мной концом июня — началом июля 1963 г.,[128] а также письмо Б. А. Рыбакова к Д. С. Лихачеву от 2 июля 1963 г.[129]) и, наконец, о **22** а. л. (письмо А. А. Зимина к В. И. Малышеву после 11 июля[130] и к Л. А. Дмитриеву от 17 июля 1963 г.[131]).

9 июля книга в объеме 22 а. л. была представлена А. А. Зиминым в дирекцию Института истории. На следующий день после этого, 10 июля 1963 г., Отделением истории (по согласованию с вице-президентом АН СССР и Идеологическим отделом ЦК КПСС) было принято решение, вызвавшее протест как у сторонников А. А. Зимина, так и у его оппонентов.

Вот о чем написал Д. С. Лихачев 10 июля 1963 г. в редакцию журнала «Русская литература», получив письмо от академика-секретаря Отделения истории Е. М. Жукова:

«Акад⟨емик⟩ Е. М. Жуков сообщил мне сегодня по телефону и просил передать в редакцию журнала „Русская литература“, что имеется решение не публиковать материалов по концепции А. А. Зимина до обсуждения его книги, которая будет отпечатана *в двенадцати экземплярах* и разослана в служебном порядке специалистам (*обсуждение будет узким и закрытым*). Это решение обязательно и для нашего Отделения, и для Отделения исторических наук (там

[125] В течение пяти месяцев была написана книга объемом в 22 а. л. Столь быстрый темп работы был характерен для А. А. Зимина. В. Б. Кобрин с удивлением вопрошает: «Как этот человек успевал за год, а иногда и в считанные месяцы создавать книгу объемом в 25—30 печатных листов?» (*Кобрин В.* Б. Александр Александрович Зимин // Исторические записки. 1980. Т. 105. С. 294—295).

[126] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 46.

[127] Там же. Л. 48.

[128] Там же. Л. 53.

[129] См.: *К истории спора-1.* С. 250—251.

[130] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 56—57.

[131] См.: *Спор о подлинности.* С. 406—407.

отказались от печатания ответа М. Н. Тихомирова).[132] Я изложил Е. М. Жукову свою точку зрения, подчеркнув, что наше молчание может быть крайне невыгодно истолковано за границей.

Е. М. Жуков просил меня переговорить по этому поводу с акад⟨емиком⟩ П. Н. Федосеевым, который единственно может разрешить печатание. Думаю, однако, что П. Н. Федосеев не сможет разрешить печатание Отчета, не видев его. Для пересылки же Отчета П. Н. Федосееву и переделок времени, вероятно, нет. Поэтому надо дожидаться обсуждения всей книги А. А. Зимина. Досадно. На съезде славистов мы будем в тяжелом положении. П. Н. Федосееву я все же письмо напишу и копию пришлю в редакцию».[133]

Обращаясь к П. Н. Федосееву, Д. С. Лихачев убеждал его в необходимости опубликовать не только Отчет о заседании, но и всю книгу А. А. Зимина. Вот отрывок из этого письма от 11 июля 1963 г.:

«Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

⟨...⟩ Сектор древнерусской литературы подготовил отчет о заседании, на котором обсуждался доклад А. А. Зимина. В этом отчете изложение доклада А. А. Зимина сделано самим А. А. Зиминым, и поэтому нельзя будет нас упрекнуть в том, что мы что-то скрыли из его аргументации. Далее идет изложение выступлений и приводятся общие соображения по поводу доклада. Слабость доклада А. А. Зимина видна и из его собственного изложения. Этот отчет способен несколько успокоить разгоряченные умы, а кроме того, он позволил бы советской делегации опровергнуть упреки в том, что мы „скрываем“ и не печатаем выводы А. А. Зимина. Отчет должен был быть

---

[132] Поскольку решение было обязательно сразу для двух отделений АН СССР, ясно, что оно было принято на уровне Президиума АН СССР. Об этом свидетельствует и то, что Е. М. Жуков переадресовал Д. С. Лихачева к вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву.

[133] *К истории спора-1.* С. 254. В частном письме к А. Н. Робинсону Д. С. Лихачев более детально описывает свой разговор с Е. М. Жуковым, сообщая интересные подробности: «Жуков сообщил мне о запрещении по АН СССР печатать какие бы то ни было отчеты и сведения о докладе Зимина до выработки АН „официальной точки зрения“ и сослался на ВВВ ⟨В. В. Виноградова. — *Л. С.*⟩, что есть, мол, разные точки зрения, — надо выработать одну. *Я сказал, что у меня иной точки зрения не будет, каковы бы ни были официальные точки зрения.* Он сказал, что он тоже „склонен“ считать „Слово“ подлинным памятником (Господи!). Если по настоянию ВВВ будет выработана компромиссная точка зрения, то я на съезд не поеду. Впрочем, думаю, что ВВВ не будет настаивать...» (*Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев... С. 408).

напечатан в № 3 „Русской литературы" (этот номер выйдет к съезду), но снят из журнала, так как акад⟨емик⟩ Е. М. Жуков разъяснил мне, что в АН считают нецелесообразным напечатание каких-либо сведений о докладе до обсуждения всей его работы в целом. Следующий номер журнала (4) выйдет только в декабре. Я очень прошу Вас дать указание журналу „Русская литература" напечатать отчет в № 3. Я прошу Вас также дать это указание как можно скорее, так как прошли уже все корректуры этого номера.

Ограничиться отчетом нельзя. Хотя я всей работы А. А. Зимина не читал, но *я убежден, что нужно опубликовать всю работу А. А. Зимина, не делая из нее никакой секретности.* Так как читать ее будут не только специалисты, а люди, которым по неосведомленности может показаться, что в аргументах А. А. Зимина много нового и убедительного, то публиковать ее надо не отдельно, а в составе сборника „К вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве»", где должны быть напечатаны ответы и доказательства подлинности „Слова" — чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц, мои, некоторых лингвистов, востоковедов и фольклористов».[134]

А. А. Формозов на основании дневниковых записей А. А. Зимина пишет, что, после того как А. А. Зимин 9 июля 1963 г. «известил Отделение истории, что рукопись готова», «11, 23 и 31 июля и 12 сентября в Отделении обсуждали вопрос о ее судьбе».[135]

Письма позволяют уточнить, как проходили эти обсуждения.

Сдав 9 июля книгу для издания на ротапринте и узнав 10 июля о принятом в Отделении истории решении о 12 экземплярах, 11 июля А. А. Зимин разговаривал в Отделении с академиком Е. М. Жуковым, с директором Института истории В. М. Хвостовым, с ученым секретарем Отделения истории Ю. В. Бромлеем, с заместителем академика-секретаря Отделения истории В. И. Шунковым и забрал рукопись назад, мотивируя это тем, что Отделение изменило ранее оговоренные условия.

Каковы были эти ранее оговоренные условия? Первоначально, вероятно, шла речь о 150 экземплярах ротапринта (это число называется в письме Я. С. Лурье к А. А. Зимину и в письме А. А. Зимина к В. И. Малышеву, см. ниже). Но 10 июля Зимину было пред-

[134] *К истории спора-1.* С. 255—256.
[135] *Формозов.* С. 99.

ложено размножить книгу на машинке в количестве 12 экземпляров, о чем он сообщает в письме к В. И. Малышеву (не датировано): «Е. М. Жуков и Ю. В. Бром⟨лей⟩ мне предложили *вместо ротапринта — 12 м/п* ⟨т. е. машинописных. — *Л. С.*⟩ *экземпляров* с обсуждением. *Обещают-де обеспечить максимально благожелательную аудиторию* (т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ ротапринт «дорог», а потом, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, куда-нибудь попадет экземпляр). Что делать? Соглашаться? Надуют? Отказаться? Жду Вашего совета».[136]

Письмо сходного содержания А. А. Зимин направил и Я. С. Лурье, который ответил ему (письмо не датировано) развернутыми рассуждениями: «Только что получил Ваше письмо ⟨...⟩ с вопросом насчет 12 экземпляров. ⟨...⟩ Хитрое дело, и трудно что-нибудь сказать со стороны, не зная ряда моментов. Что значит „максимальное привлечение всех, кого захотите" — как это совместить с мизерным количеством экземпляров (кто их будет рассылать и по какому принципу)? Дадут ли эти 12 экземпляров Вам что-либо сверх того, что Вы уже имеете, перепечатав текст на машинке за свои пречистые? Я имею в виду — увеличат ли они возможность „увековечения" книги (*150 экз⟨емпляров⟩ ротапринта* — это уже почти тираж), ибо вывод из немедленного обсуждения ее легко предугадать? И наконец — чем Вам грозит отказ от этого любезного предложения (можно ли будет ссылаться на него в доказательство того, что автор сам уклонился от обсуждения)? Будет ли оно оформлено как обсуждение книги, предназначаемой к печати (это вообще допустимая вещь — любая книга как-то обсуждается перед сдачей в изд⟨ательст⟩во), или как „проработка автора"? Наконец, каков круг лиц, привлекаемых к обсуждению ⟨...⟩? Все это — существенные вопросы, и учесть их предварительно (и вообще несколько подумать перед окончательным решением) было бы, по-моему, весьма желательно».[137]

А. А. Зимин пишет В. И. Малышеву: «С „хроникой", конечно, получилось печально. В четверг ⟨11 июля. — *Л. С.*⟩ ⟨...⟩ я разговаривал в Отделении с Жуковым, Хвостовым, Бромлеем, Шунковым. Решительно отказался от 12 экз⟨емпляров⟩. В самом деле, нужно серьезное обсуждение с различными специалистами. Теперь переговоры продолжаются: меня просят дать список специалистов — я

[136] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 55.
[137] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 97.

дал на 100 человек и еще столько же дам. Очень прошу Вас, пришлите для меня списочек (с указанием места работы и звания) литературоведов, фольклористов, языковедов и пр. ⟨...⟩ а то, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, кого-нибудь пропущу.

Стоять на своем буду насмерть.

Никакой профанации обсуждения не допущу. ⟨...⟩ Говорят, нужно для конгр⟨есса⟩ славистов, все равно не успеют; *пусть на конгрессе говорят, что вопрос в стадии обсуждения. Для меня и для дела это лучше.* 9/VII я сдал работу в Отделение (с письмом), а 11/VII с очень корректным письмом взял («согласно договоренности предполагалось... А так как Отделение не располагает сейчас возможностью *издать 150 экз.*, то я пока забираю... Считаю, что скорейшее издание необходимо для престижа советской науки»)».[138]

После этого А. А. Зимину был предложен новый вариант, о котором он пишет В. И. Малышеву: «Мне в Отделении предложили новый вариант: 25 экз. на ротапринте, но читать-де будут только в Отделении и ЛОИИ, а на руки не дадут. Я решительно отверг это. Пускай лежит книга. А она будет, черт побери, издана. В этом я глубоко уверен».[139]

15 июля — новое предложение, о котором А. А. Зимин сообщает В. И. Малышеву: «Сегодня (15/VII) решительно отказался от последнего варианта: издать 100 экз⟨емпляров⟩ (тираж!) и обсудить 30-ю человеками. Закрыто, не давая им на руки книги. Всякое закрытое обсуждение книги — ее полная дискредитация. И на это я не пойду. Книгу надо издавать нормальным путем».[140]

Л. А. Дмитриеву А. А. Зимин пишет (по штемпелю Москвы, 17 июля 1963 г.) следующее: «...только широкое обсуждение. Никаких „12 экземпляров“ решить дело не могут. После моего отказа и *длительной баталии в Отделении* велели мне составить список специалистов. Я дал на 180 чел⟨овек⟩ (м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, кого-нибудь пропустил. Подскажи, кого надо пригласить, чем больше — тем лучше!?!). Теперь будем каждого обсуждать. Чем кончится — не знаю. Они хотят все „провернуть“ до съезда славистов. Думаю, что это явная утопия».[141]

---

[138] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 56—57.
[139] Там же. Л. 58.
[140] Там же. Л. 59.
[141] *Спор о подлинности.* С. 406—407.

24 июля 1963 г. А. А. Зимин написал Д. С. Лихачеву письмо, в котором говорил как о единственно приемлемом для него варианте не об обсуждении книги, а о ее публикации:

«Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Я очень виновен перед Вами. Виновен уже тем, что вольно или невольно доставил Вам волнения как раз тогда, когда Вы больше всего нуждаетесь в покое, заботе и внимании.[142] Зная Вашу сердечность и старинную дружбу, прошу Вас только одно — поймите меня и, если сможете, простите. Мне тоже очень трудно, но иначе я не могу. Я выполняю свой долг перед нашей наукой. Ваша настойчивая борьба за издание хроники о докладе 27 февраля и стремление помочь публикации моей книги вызывают у меня только чувство глубокой благодарности и огромного уважения. Мне Я. С. Лурье сообщил, что Вы обратились с письмом к П. Н. Федосееву с просьбой издать мою книгу или сборник с ее (конечно, полным) текстом. По-моему, это было бы единственно верным решением вопроса. Вы, конечно, знаете о проектах предварительного закрытого обсуждения рукописи или ротапринтного издания. Думаю, что Вы согласитесь со мною, что подобное обсуждение беспримерно и не может удовлетворить ни автора, ни научную общественность. Только беспристрастный суд широкого круга специалистов сможет в конце концов решить эту вековую загадку.

Еще раз от всей души благодарю Вас за все добро, что Вы сделали и для меня, и для нашей науки.

Желаю Вам здоровья и еще раз здоровья.

Всегда Ваш А. Зимин».[143]

А. А. Зимин счел за лучшее, чтобы обсуждение его книги состоялось после съезда славистов («...для меня и для дела это лучше», — пишет он в письме к В. И. Малышеву). Поэтому в июле рукопись книги сдана не была. 1 августа А. А. Зимин взял отпуск и 4 августа уехал в Крым (он пишет об этом в письмах Л. А. Дмитриеву[144] и В. И. Малышеву[145]). Перед отъездом А. А. Зимин пишет В. И. Малышеву: «Сейчас „досверяем“ с Валей последние страницы моей

---

[142] Имеется в виду плохое самочувствие Д. С. Лихачева после перенесенной тяжелой операции.

[143] *К истории спора-1.* С. 258—259.

[144] *Спор о подлинности.* С. 407.

[145] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 60.

книги. Вам будет послан один экз⟨емпляр⟩ насовсем. Только по совести — все самые строгие замечания напишите. Дело очень важное. Рукопись можно давать тем, кто благожелательно относится к идее, по Вашему усмотрению. ⟨...⟩ Книга будет издана!!! Уверен до конца».[146]

На съезд славистов А. А. Зимин в конце концов не поехал. Вначале он не отказывался от поездки, стал оформлять документы. Вероятно, в июле (письмо не датировано) А. А. Зимин пишет В. И. Малышеву: «Решил отказаться от поездки в Софию сам. Этак будет лучше. Пришла бумага, что я могу ехать „как турист“.[147] Зачем мне это нужно? Пускай едет Лева Дмитриев со своим шефом».[148]

В письме к Л. А. Дмитриеву (по штемпелю Москвы, от 17 июля 1963 г.) А. А. Зимин пишет: «Теперь помни, Левушка, что ты едешь на съезд, я этой возможности лишен. Отсюда пойми сам, какая ответственность ложится на тебя — на каждое твое слово о моей работе. Не стать рупором лжи. ⟨...⟩ Мне кажется, твоя позиция должна быть такая: „Доклад тебя не убедил, работы не читал. Подождем, когда будет издана книга“. Эта формула вполне приемлема для тебя (думаю) и для меня».[149]

Заканчивает А. А. Зимин это письмо выражением твердой уверенности, что вопрос о времени создания «Слова» решен им окончательно и бесповоротно: «Спасибо тебе, Левушка, за дружбу и стойкость. Уверен до последнего винтика души, что, когда ты прочитаешь работу, убедишься в моей правоте. Слово — памятник XVIII в., нет ни одного довода в пользу XII в., который бы не разлетелся теперь в пух и прах. Правда — одна, единственная и неповторимая. И если есть на свете Совесть (а она все-таки есть, черт побери!), то не может быть иного ответа на вековую загадку Слова».[150]

В письме А. А. Зимина к Л. А. Дмитриеву от 2 июля 1963 г. столь же непоколебимая уверенность в обладании истиной: «На мой взгляд, вопрос со временем Слова решен окончательно и бес-

---

[146] Там же.

[147] В те годы была такая практика: члены советской делегации, которые ехали на съезд славистов без доклада, оформлялись по туристической визе.

[148] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 53.

[149] *Спор о подлинности*. С. 407.

[150] Там же.

поворотно. 〈...〉 Нет ни одного аргумента в пользу XII—XIII вв.».[151]

И в письме к В. И. Малышеву, написанном в начале мая 1963 г., А. А. Зимин восклицает в постскриптуме: «Уверен, что книга будет напечатана и правда восторжествует!»[152]

21 августа 1963 г. А. А. Зимин пишет Лихачеву: «Дорогой Дмитрий Сергеевич! 〈...〉 Меня очень тронуло Ваше обращение ко мне как к „ересиарху". Я всегда был поклонником еретиков 〈...〉 а вот, оказывается, и сам попал (страшно подумать) в ересиархи. Дорогой Дмитрий Сергеевич! Ваше положение как последнего подвижника правоверия много сложнее. Ведь „Слово о полку Игореве" не объект веры, а предмет науки. А так как я глубоко убежден, что Вы замечательный ученый, то мне остается надеяться на Вашу добрую волю и здравый разум: ведь *вопрос о „Слове о полку Игореве", скажу Вам откровенно, но по секрету, по-моему, решен, и решен окончательно*».[153]

Б. А. Рыбаков в письме к Д. С. Лихачеву от 2 июля 1963 г. выражает удивление по поводу этой уверенности А. А. Зимина в своей правоте: «...Зимин написал уже книгу в 20 печ〈атных〉 листов 〈...〉. Он уверяет, что все мы, защитники „Слова", немедленно уверуем в его правоту и сложим оружие. Я знаю его аргументы по кратким тезисам и по трехчасовому изложению их им самим. *Странная, совершенно необъяснимая убежденность его в подделке* заставляет его быстро пробегать мимо всех доказательств, мимо обоснования приоритета „Задонщины" и устремляться только на поиски автора среди современников Хераскова и Державина. На днях А. А. возвратился из командировки на юг и привез фотокопии 120 стихотворений Иоиля Быковского. Все это — второсортные вирши, как и следовало ожидать. Но это его не отрезвило, и он полон необузданной гордыни. Я очень люблю Александра Александровича, и мне крайне досадно, что он ставит себя в ложное положение и, вопреки истине, поддерживает Мазонов и Унбегаунов.[154] Впрочем, он не одинок — его союзником является В. В. Виноградов».[155]

---

[151] Там же. С. 398.
[152] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 50.
[153] *К истории спора-1*. С. 259.
[154] Имеется в виду Борис Генрихович Унбегаун, см. примеч. 326 на с. 104.
[155] *К истории спора-1*. С. 250—251.

Д. С. Лихачев, не называя А. А. Зимина, но явно имея в виду его, размышлял позднее о самовнушении в науке. После прочтения статьи Д. А. Гольдгаммера «Самовнушение при научных исследованиях»[156] он записал в своем дневнике: «Очень интересная статья. На многих примерах она показывает давно известный факт: как результаты наблюдений и экспериментов подгоняются под выводы. Но важно в ней и ново то, что эта „подгонка" совершается часто бессознательно. *Исследователь так убежден в заранее составленных им выводах, что во всем видит их подтверждение и действительно не видит ничего, что им противоречит.* Хотя автор ограничивается „точными" науками, но в еще большей мере это касается ведь и гуманитарных дисциплин. В литературоведческой текстологии — это сплошь да рядом. Достаточно посмотреть работы по текстологии „Задонщины": вариант хуже — значит, он вторичный, вариант лучше — значит, исправили предшествующее чтение, которое было хуже.[157] Уже совсем не уследишь за „самовнушением" в более широких обобщениях, когда необходимо охарактеризовать особенности творчества того или иного автора».[158]

Надо сказать, что в декабре 1978 г., заключая свои дневниковые записи 1963—1977 гг., связанные с событиями вокруг его книги по «Слову», А. А. Зимин уже не был столь категоричен. Он пишет: «Нужно быть честным и строгим критиком своих выводов. Многовариантность решений — обычный вариант, с которым приходится смириться. Иногда же и вовсе загадку решить невозможно».[159]

Д. С. Лихачев оставался в неведении относительно переговоров А. А. Зимина с Отделением истории и планов руководства Академии наук по поводу сроков обсуждения книги. Еще 17 июня 1963 г. он писал А. Н. Робинсону: «Не можете ли Вы узнать, когда предполагается издать рукопись Зимина и когда ее будут обсуждать? До съезда? Где и в каком месте? Будут ли разосланы участникам

---

[156] *Гольдгаммер Д. А.* Самовнушение при научных исследованиях // Научное слово. 1905. Кн. 10. С. 5—22.

[157] В сходных выражениях Д. С. Лихачев характеризовал текстологическую часть работы А. А. Зимина на обсуждении его книги в Отделении истории.

[158] *Лихачев Д. С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 304—305.

[159] *Зимин. Обретение свободы.* С. 89.

обсуждения экземпляры его работы? Зимин поедет в Софию? Ведь если поедет, стихийно возникнет обсуждение его положений, а мы должны быть более подробно о них осведомлены, тем более что он меняет свои тезисы».[160]

21 августа 1963 г., вернувшись из своей поездки в Крым, А. А. Зимин написал Д. С. Лихачеву письмо, в котором, в частности, была такая фраза: «Надеюсь, в скором времени смогу Вас познакомить с книгой».[161] Получив это письмо от А. А. Зимина, Д. С. Лихачев решил, что приведенная фраза из его письма означает, что за оставшиеся считанные дни до отъезда на съезд славистов обсуждение решено провести. 29 августа он пишет обеспокоенные письма В. И. Шункову,[162] Б. А. Рыбакову[163] и А. Н. Робинсону.

Вот отрывок из письма Д. С. Лихачева к А. Н. Робинсону: «Написал письмо Шункову и Рыбакову. Дело в том, что я получил письмо от А. А. Зимина, где он пишет, что я скоро получу текст его работы. Значит, перед съездом состоится (как и предполагалось) обсуждение его работы. Но ведь работу Зимина надо не только прочесть, но и проверить (особенно текстологию). Надо привлечь специалистов по XVIII веку, чтобы они ознакомились с творчеством Иоиля (мог бы Ю. М. Лотман). Надо привлечь лингвистов, занимавшихся языком Слова и Задонщины (⟨А. Н.⟩ Котляренко, ⟨Б. А.⟩ Ларина и пр., и пр.). Надо привлечь востоковедов-тюркологов, чтобы проверить его востоковедные домыслы (А. Н. Кононова). Надо проверить его архивные данные (очевидно, придется порыться в архиве Калайдовича[164] и пр.). Это все и за месяц не успеешь. Поэтому я предупредил, что если такое заседание будет спешно „провернуто" перед

[160] Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.
[161] *К истории спора-1.* С. 259.
[162] Ответ В. И. Шункова сохранился в архиве Д. С. Лихачева.
[163] См.: *К истории спора-1.* С. 260—261.
[164] Имеется в виду К. Ф. Калайдович, исследователь «Слова»; значительный интерес для изучения памятника представляют материалы из его архива: переписка с митрополитом Евгением Болховитиновым, А. И. Мусиным-Пушкиным, Н. П. Румянцевым и др. Именно он обращался к А. И. Мусину-Пушкину с вопросами об обстоятельствах находки и издания «Слова», и именно он в 1813 г. обнаружил в рукописи псковского Апостола 1307 г. приписку, сходную с фрагментом из «Слова». В мае 1963 г. Ф. Я. Прийма сделал доклад в Пушкинском Доме, в котором впервые исследовал письма А. И. Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу, хранящиеся в архиве последнего. Об этом докладе заинтересованно спрашивает А. А. Зимин в одном из писем к В. И. Малышеву.

съездом, то я в нем участвовать не буду. Достаточно опыта февральского заседания, отчет о котором, сочувственный Зимину, напечатан в русской газете в Париже, тогда как нам запретили напечатать несочувственный Зимину (но вежливый) отчет в „Русской литературе". Надо, чтобы и московские специалисты заявили о своем несогласии обсуждать в спешке. Я предпочту вовсе не поехать в Софию, чем так обсуждать. А потом А. А. Зимин будет всем говорить и писать: „Победихом, посрамихом". И за границей снова будут говорить — возражения Зимину были робкими и неубедительными. Ведь о том, что Зимину предложено печатать на ротаторе и пр., всѣ за границей уже знают! Все доводится туда до сведения».[165]

Б. А. Рыбакову Д. С. Лихачев написал, в частности, следующее: «Надо перед съездом сделать совещание (а не обсуждение работы Зимина — это уже поздно) и решить — что же говорить: не о подлинности „Слова", конечно, а о том, почему нет до сих пор никаких сведений о докладе А. А. Зимина. Отсутствие этих сведений (особенно в статье М. Н. Тихомирова в «Неделе» [166]) огромная ошибка. Замалчивая доклад А. А. Зимина, мы раздули его значение до крайних пределов, а самого его превратили в мученика науки. По моему убеждению, *надо работу А. А. Зимина напечатать полностью в составе сборника* „Подлинность «Слова»" с нашими возражающими статьями».[167]

Д. С. Лихачев, опасаясь, что обсуждение книги будет «провернуто» наспех перед съездом славистов, не знал, что рукопись А. А. Зимина не только не напечатана, но даже еще не представлена автором в Отделение истории.

Последнее совещание по поводу судьбы рукописи состоялось в Отделении истории после съезда славистов, 12 сентября 1963 г.[168] Как пишет А. А. Формозов, было принято решение «напечатать работу в количестве 100 экземпляров и обсудить на закрытом заседании, куда пригласить тщательно отобранных людей. Зимин понял, что эти

---

[165] Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.

[166] М. Н. Тихомиров, не имея возможности напечатать свои возражения на тезисы А. А. Зимина, написал статью «Вещие струны русской поэзии», она была опубликована в газете «Неделя» за 11—17 августа 1963 г. (№ 33). В ней М. Н. Тихомиров, не называя имени Зимина, возражает против основных положений «критиков „Слова"». Переиздана в кн.: *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 64—69.

[167] *К истории спора-1*. С. 261.

[168] *Формозов*. С. 99.

условия явно для него неблагоприятны, и решил посоветоваться со старым знакомым по университету, заместителем председателя Идеологического отдела ЦК КПСС И. И. Удальцовым. Тот рекомендовал принять условия Отделения».[169] Рукопись была представлена директору Института истории В. М. Хвостову для издания на ротапринте Института, о чем А. А. Зимин сообщил в недатированном письме к В. И. Малышеву.[170]

В сентябре 1963 г., когда рукопись книги была сдана для печати, в Отделении истории с участием А. А. Зимина состоялось и первое обсуждение состава участников совещания по «Слову». Об этом свидетельствует сентябрьское письмо А. А. Зимина к В. И. Малышеву, в котором он пишет:

«Сегодня обсуждался список участников совещания по Слову (сугубо между нами). 30 чел⟨овек⟩ на паритетных началах. Мои 15:[171]

1. Виноградов
2. Малышев
3. Лурье
4. Азбелев
5. Спасский[172]
6. Голенищев-Кутузов
7. Черепнин
8. Клибанов
9. Вилинбахов
10. Позднеев[173]
11. Толстой Н. И.[174]

---

[169] Там же.

[170] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 62.

[171] Из приведенного далее списка комментируются имена только тех ученых, которые не вошли в раздел «Участники дискуссии».

[172] Иван Георгиевич Спасский (1904—1990) — историк, ведущий специалист по русской нумизматике, доктор исторических наук (1964), главный хранитель Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Читал курс русской нумизматики на историческом факультете ЛГУ.

[173] Александр Владимирович Позднеев (1891—1975) — фольклорист, литературовед; доктор филологических наук (1956), профессор Московского государственного заочного педагогического института. Автор работ по истории русской и славянских литератур, устному народному творчеству, поэтике. Исследователь «Слова» (см.: *Булахов*. С. 176; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 4. С. 136—137).

[174] Никита Ильич Толстой (1923—1996) — филолог-славист, на момент дискуссии кандидат филологических наук, с 1972 г. доктор филологических наук,

12. Королюк
13. Новосельцев (востоковед)
14. Голобуцкий[175]
15. Монгайт

и еще 10 чел⟨овек⟩ в „запасе“ (Янин, Бабкин,[176] Моисеева, ⟨В. В.⟩ Лукьянов, В. Г. Смолицкий, Валк, Пашуто, Андроников[177] и др.). М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, я кого-либо пропустил?

На этот раз, дорогой Владимир Иванович, Вам придется выступать за правду! (Окончательно список утвердят в начале след⟨ующей⟩ недели, я об этом напишу.)

Экземпляр рото будет, наверно, через месяц. А пока я Спасскому послал рукопись, через неделю он ее отдаст Вам. И этот экземпляр останется у Вас (он не ахти какой исправный — увы).[178]

с 1984 г. чл.-корр. АН СССР, с 1987 г. академик. Родился в эмиграции в Сербии, в 1945 г. переехал в СССР, окончил МГУ. С 1954 г. сотрудник Института славяноведения АН СССР, с 1977 г. заведующий сектором. Одновременно с 1968 г. преподавал в МГУ, с 1976 г. профессор. Автор трудов по истории славянских литературных языков и диалектологии, этнолингвистике, исследователь народной духовной культуры славян.

[175] Владимир Алексеевич Голобуцкий (1903—1993) — историк, доктор исторических наук (1947), профессор (1949). В 1954—1971 гг. преподаватель Киевского финансово-экономического института (ныне Киевский национальный экономический университет им. Вадима Гетмана), в 1961—1971 гг. заведующий кафедрой истории народного хозяйства СССР. Специалист по экономической истории Украины, истории запорожского и черноморского казачества, революционного движения на Украине. За уточнение сведений о В. А. Голобуцком благодарю его биографа С. Л. Юсова (Киев).

[176] Дмитрий Семенович Бабкин (1900—1989) — литературовед, на момент дискуссии кандидат филологических наук, с 1966 г. доктор филологических наук. В 1938—1941 и 1945—1965 гг. сотрудник ИРЛИ, в 1959—1965 гг. заведующий Литературным музеем. Автор трудов по истории русской литературы и общественной мысли XVII—XVIII вв., исследователь творчества М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, В. В. Капниста. О его статье «„Слово о полку Игореве“ в переводе В. В. Капниста», опубликованной в 1950 г., см.: *Булахов*. С. 19—20; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 79.

[177] Ираклий Луарсабович Андроников (настоящая фамилия Андроникашвили; 1908—1990) — писатель, литературовед, доктор филологических наук (1956). Его литературные и архивно-изыскательские работы посвящены жизни и творчеству М. Ю. Лермонтова. Известен также как мастер художественного рассказа, телеведущий. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1959), народный артист СССР (1982).

[178] Авторизованная машинопись книги А. А. Зимина с присланными позднее вставками и добавлениями хранится в архиве В. И. Малышева: РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 1. № 76—81.

Прошу Вас, прочитайте его и сделайте мне все замечания и пожелания. Давать читать его можно только самым благожелательным людям по Вашему усмотрению — но минимальное количество».[179]

27 сентября 1963 г. А. А. Зимин пишет Малышеву: «Перепечатывают для рото с черепашьей скоростью (10 стр. в день!) Словом, если так будет дальше, то не ранее чем через два месяца будет готово. Буду просить, чтобы ускорили. Настроение отличное. Жду Ваших замечаний по тексту.

Да, дайте С. Н. Азбелеву на недельку (не больше), как сможете, взглянуть — он один из участников обсуждения и, конечно, должен знать текст пораньше. После этого, как приедет Я. С.,[180] дайте взглянуть ненадолго ему. Но главное — хоть пролистайте сами. Ей-богу, обижусь! Запарка — запаркой, а дружба — дружбой! ⟨…⟩

P. S. ⟨…⟩ Думаю, что особенно скрывать нечего, что книга скоро будет напечатана (в этом я абсолютно уверен). Конечно, будет издана типографским путем».[181]

Как видим, А. А. Зимин в сентябре 1963 г. был уверен, что книга после издания на ротаторе и последующего обсуждения будет издана обычным, т. е. типографским, способом. И для того чтобы заручиться поддержкой коллег, их голосом в пользу опубликования книги, он рассылал экземпляры своей книги «самым благожелательным людям» и просил их прислать лично ему отзыв на книгу.

«Сдав рукопись для размножения, — пишет А. А. Формозов, — остальные экземпляры Александр Александрович давал читать коллегам. За восемь месяцев ее прочли до 100 человек. Автор просил дать отзывы. Их дали свыше 50 читавших (Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, С. Н. Валк, Я. Н. Щапов, А. П. Новосельцев, П. А. Зайончковский, Н. И. Павленко, Ю. М. Лотман и др.). *Не все соглашались с выводами, но все настаивали на публикации рукописи*. Среди читавших были практически все историки средневековой России из Москвы, некоторые из Ленинграда, Киева и других городов, филологи, лингвисты, фольклористы, искусствоведы,

---

[179] Там же. Оп. 2. № 516. Л. 61.
[180] Яков Соломонович (Лурье).
[181] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 63.

археологи, писатели (К. Симонов, Ю. Домбровский, Н. Коржавин)».[182]

Таким образом, книгу А. А. Зимина еще в рукописи прочли все московские историки-медиевисты и историки других городов, а также благожелательно настроенные филологи, искусствоведы, писатели. Среди них был и Я. С. Лурье, который самым внимательным образом читал рукопись еще в июне — июле 1963 г.[183] и написал А. А. Зимину несколько больших писем с подробнейшим анализом прочитанного, задавая автору многочисленные вопросы и высказывая свои замечания и возражения. Письма эти опубликованы Е. И. Ванеевой в журнале «Звезда».[184]

В одном из своих писем Я. С. Лурье пишет: «Пламенно приветствуя Ваше мнение о возможности объективных доказательств в нашей науке (приятный сдвиг после идеи «вкуса»), я все-таки продолжаю думать, что бывают случаи (и часто!), когда материал не позволяет решить вопрос в ту или иную сторону. Все-таки бóльшая часть текстологич⟨еских⟩ выводов говорит о максимальной вероятности того-то или крайней невероятности другого. ⟨...⟩ В Вашем случае дело осложняется еще тем, что здесь (как я убедился, прочитав Вашу 2-ю гл⟨аву⟩ и параллельно — статью Варвары из «Анти-Мазона»[185]) центр тяжести в значит⟨ельной⟩ степени лежит в аргументах эстетического характера, где импрессионист, подобный Д. С., будет иметь преимущество над „строгим" текстологом. Ведь и Вы и Ваши противники признаете, что „Слово" сложнее, ярче, художественно оригинальнее, чем „Задонщина". И это бесспорно так — достаточно вспомнить убогие „отрицательные параллелизмы" „Задонщины" («то ти не...») и неожиданные и яркие параллельные места „Слова" (думаю, что и

---

[182] *Формозов*. С. 99.

[183] Письма Я. С. Лурье не датированы. О том, что они написаны в июне — июле, свидетельствует письмо Я. С. Лурье к А. А. Зимину по поводу возникшего осложнения с «хроникой» о докладе А. А. Зимина (это было 23—25 июня), оно написано между письмами, в которых Яков Соломонович анализирует работу А. А. Зимина. В этом письме, в частности, есть такая фраза: «Только что получил Ваше второе письмо — о Левиной ⟨Л. А. Дмитриева⟩ „хронике" — и не могу дальше писать на академич⟨еские⟩ темы. Очень меня огорчила эта история» (*Из писем Лурье к Зимину*. С. 97).

[184] Там же. Письма 5, 6, 10—12, 14.

[185] Имеется в виду статья В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве" и „Задонщина"» в сборнике «Слово о полку Игореве — памятник XII века». С. 131—168.

Вы с этим согласны и Ваши комплименты «Слову» не только дипломатия). Следовательно, проблема сводится к следующему: сделано ли высокохудожественное „Слово“ на основе посредственной „Задонщины“ или „Задонщина“ — бледная копия „Слова“? Думаю, что a priori это решить так же трудно, как и более частный вопрос: раздробились ли более крупные фрагменты „Задонщ⟨ины⟩“ в „Слове“ или „Задонщина“ собирала отдельные образы „Слова“ воедино. Наиболее сильным из прочитанных мною разделов мне кажется раздел об отношениях между редакциями „Задонщины“, хотя заключительного рассуждения о невозможности двойного влияния „Слова“ (на обе редакции) я не понял. ⟨...⟩ Ряд аргументов В. П.[186] теряет силу после прочтения Вашей работы ⟨...⟩. Но кое-что из аргументов противоположной стороны Вами (пока — в известных мне частях) не отвергнуто и для меня сохраняет силу...»[187]

А. А. Зимин, судя по всему, в письме к Я. С. Лурье выразил недовольство такой неоднозначной, «половинчатой» позицией. Отвечая ему, Я. С. Лурье пишет:

«Дорогой Сашенька!

Вы — псих. Не обижайтесь, но псих Вы самый настоящий, эдакий мономан. И всегда эта Ваша свинская обойма — „невмешательство“, „между двух стульев“, „отмолчаться не удастся“, одним словом, разговор Брута с Цицероном. Почему Вы, черт возьми, трусливо уклоняетесь от спора о Щелкане?[188] Отмалчиваетесь? Боитесь? Чувствуете свою неправоту? Нет, просто эта красавица больше не занимает Вашего сердца, и Вы спокойно можете жить без „определенной позиции“. А у Вас вообще есть законченное мнение по любому источниковедческому спору, с изложением которого Вы познакомились? Вы не допускаете, что могут существовать и такие случаи, когда не все ясно? В конце концов, Вы милостиво освобождаете меня от ответа на ультиматум „или—или“ и требуете только „разбора аргументации“. Но Вы хорошо знаете, что все главы, кот⟨орые⟩ Вы мне

---

[186] Варвары Павловны (Адриановой-Перетц).

[187] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 95—96.

[188] О соотношении исторической песни о Щелкане Дудентьевиче (исторический Чолхан, в летописях Шевкал, Щелкан — татарский баскак в Твери, против которого в 1327 г. было поднято восстание тверичей) и соответствующих летописных известий. См., напр., статью А. А. Зимина «Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни» (История СССР. 1963. № 3. С. 98—110).

прислали, я прочитал с карандашом в руке, посильно (пусть весьма неуспешно) стараясь разобраться в каждом аргументе. ⟨...⟩ Но и в этом случае я очень сомневаюсь, что мог вынести вердикт, кот⟨орый⟩ мне самому казался бы окончательным. Надо выслушать и другую сторону ⟨...⟩, надо учесть массу опосредствований, кот⟨орые⟩ эта незаслуженно раздутая тема имеет. Ругать меня за неспособность с этим справиться так же глупо, как ругать Вас (à la Варв⟨ара⟩ Павл⟨овна⟩) за то, что Вы — не филолог и не лингвист. И уж, во всяком случае, не стоит сразу же приписывать необращенному оппоненту — пусть подсознательную — подлость».[189]

В другом письме, завершающем разбор рукописи А. А. Зимина, Я. С. Лурье пишет:

«Еще несколько отдельных замечаний. Мне не нравится посвящение памяти Шахматова — оно нескромно и вызовет, несомненно, издевательство оппонентов.[190] Как выглядело бы, если бы беллетрист посвятил книгу памяти Льва Толстого? По-другому неудачны выпады насчет „идеалист⟨ических⟩ представлений об опред⟨еленном⟩ возд⟨ействии⟩ ин⟨остранных⟩ влияний" у Якобсона. Это демагогия, и к Вашему серьезному делу она не идет (а Д. С., конечно, не упустит случай поехидничать). „Оставалась нерешенной лишь одна группа вопросов о «Слове» — когда, где и кем было написано это произведение" (⟨стр.⟩ 458) — звучит как издевательство. А „живого, а не мумию" (стр. 457) мне, наоборот, понравилось, хотя я и не знал за Вами любви к Вл. Вл.[191] ⟨...⟩

[189] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 98—99.

[190] Посвящение «Светлой памяти А. А. Шахматова» в книге 1963 г. осталось. По словам Зимина, он в своем исследовании основывался на текстологических принципах А. А. Шахматова. Но в заключении к своим дневниковым записям 1963—1977 гг. А. А. Зимин в 1978 г. пишет о своем отказе от методологии А. А. Шахматова: «Для меня „Слово..." было также прощанием с А. А. Шахматовым и его „источниковедением системы" и эмпирической попыткой создать новое источниковедение — „системы систем". Я понял великие методические трудности, стоящие перед историком-древником ⟨...⟩. Только комплексное источниковедение, а не одно логически-смысловое может приблизить ученого к решению проблемы» (*Зимин. Обретение свободы*. С. 89).

[191] Маяковскому. Имеется в виду использование А. А. Зиминым по отношению к автору «Слова» выражения из стихотворения В. В. Маяковского «Юбилейное» (1924), посвященного А. С. Пушкину: «Я люблю Вас, но живого, а не мумию». См.: *Зимин-1*. Т. 3. С. 577.

Надеюсь, что Вы ощутите в моем письме то, что за ним стоит, — самое искреннее и дружеское желание разобраться в Вашей работе. Я, конечно, никакой здесь не судья, ибо почти ничего не читал за пределами Вашей работы по этой теме, но наиболее важные для меня главы прочел со всей возможной старательностью (даже дважды). Feci, quod potui.[192] Жму руку. Ваш Яша».[193]

В декабре 1964 г. Я. С. Лурье, сообщая А. А. Зимину о письме, посланном сотрудниками Сектора древнерусской литературы в газету «Известия» (см. наст. изд., с. 120—121), возвращается к обсуждению работы А. А. Зимина и пишет: «По существу трудно продолжить разговор, ибо Вы, как бывало уже не раз, „отдрейфовываете" в сторону, не отвечая на мои вопросы и предлагая свои. Как же все-таки быть с совпадением КБ и С[194] явно вторичного характера: несогласование в падеже — „ни ястребу", путаница с „чадом Иаковом"? Именно это центральный вопрос (так же, как индивидуальные вторичности КБ — повисающее в воздухе упоминание о Симе и вообще начало); что же касается Печ⟨атной⟩ группы, то если Вы ее выводите и из недошедшего „Х", сохранившего больше черт краткой „Задонщины", то Ваши оппоненты, естественно, связывают ее с Синод⟨альным⟩ изводом. Тогда док⟨азательст⟩вом вторич⟨ности⟩ влияний в С оказывается окончание истории с новг⟨ород⟩цами и кот⟨орые⟩ другие вещи («в сем» вм⟨есто⟩ «в Симов», двойной заголовок и т. д.). Но главное — сходные вторичные черты КБ и С.

Вообще же меня очень забавляет одна вещь: текстология все-таки не вполне „дело вкуса", и от великолепных в своей доказательности „простых" схем Якобсона — Творогова и ААЗ[195] все участники ⟨...⟩ переходят к идее вторичных влияний, вполне вероятных самих по себе, но ликвидирующих всякую возможность позитивного доказательства (теперь onus probandi[196] будут перекидывать друг другу, как мячик!)».[197]

Свое отношение к гипотезе А. А. Зимина Яков Соломонович сформулировал так:

---

[192] Сделал все, что мог (*лат.*).
[193] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 102.
[194] Кирилло-Белозерский и Синодальный списки «Задонщины».
[195] А. А. Зимина.
[196] бремя доказательств (*лат.*)
[197] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 103.

«В упоминании моего имени среди Ваших оппонентов я не вижу ничего позорного (и Вы напрасно, mon cher Christ,[198] опять ругаетесь Пилатом![199]) 〈...〉. Как и прежде, я настаиваю на строгом разделении двух вопросов: Ваше право ставить проблему датировки „Слова о полку Игореве“ бесспорно, и всякие вненаучные аргументы и хамство по Вашему адресу должно решительно отвергать 〈...〉. Из этого, однако, вовсе не вытекает необходимость согласия с Вами по существу самой датировки. Я никогда не был, как Вы знаете, горячим поклонником „Слова“ и легко представляю себе древнерусскую литературу без него, но Вашей уверенности в невозможности XII века и необходимости XVIII века у меня по-прежнему нет».[200]

Вероятно, Д. С. Лихачева сознательно не привлекали ни в июле, ни в сентябре к решению вопроса о том, как будет организовано обсуждение книги. Видимо, его участие в обсуждении было нежелательным для партийного и академического руководства. В начале января 1964 г. исполняющий обязанности академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР чл.-корр. Михаил Борисович Храпченко, вероятно по чьей-то просьбе (возможно, своего предшественника на должности академика-секретаря ОЛЯ В. В. Виноградова) сказал Д. С. Лихачеву об этом прямо. 7 января Дмитрий Сергеевич пишет А. Н. Робинсону: «Мих. Бор. просто ужаснул меня своим чиновничьим подходом. Он, например, предлагал мне отказаться участвовать в обсуждении работы Зимина: „Это, мол, устраивает Отделение истори〈еских〉 наук. К нам это не имеет отношения. Зачем Вам соваться“!!!»[201]

---

[198] Мой дорогой Христос (*франц.*).

[199] Я. С. Лурье имеет в виду обвинение его А. А. Зиминым в том, что он, подобно Пилату, «умывает руки», не решается со всей определенностью ответить на вопрос о времени создания «Слова», «сидит между двумя стульями».

[200] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 98. А. А. Зимин в своих мемуарах «Храм науки: Воспоминания о прожитом» (машинопись, 1979) так характеризует позицию Я. С. Лурье: «В полемике о „Слове“ он оставался „истинным“ скептиком, считая, что в каждой точке зрения есть свои рациональные моменты, что доказать никому ничего не удалось. Тема его абсолютно не волновала, и он в нее старался не вникать». Отрывок из мемуаров А. А. Зимина, посвященный Я. С. Лурье, опубликован под заглавием «Мой добрый старый друг» (заглавие дано В. Г. Зиминой и И. Е. Ганелиной) в кн.: In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 165—169 (приведенную цитату см. на с. 169).

[201] Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.

Только 3 февраля 1964 г. Д. С. Лихачев в числе других предполагаемых участников обсуждения получил от Е. М. Жукова официальное письмо, в котором Жуков сообщал о том, что в конце февраля состоится обсуждение рукописи доктора исторических наук А. А. Зимина, и просил уведомить его, устраивает ли Д. С. Лихачева это время, а также высказать свое мнение относительно прилагаемого предварительного списка участников обсуждения. В списке было 56 фамилий.[202]

[202] См.: *К истории спора-2*. С. 213—214. Список включал следующих лиц: «1. Академик М. Н. Тихомиров; 2. Академик Б. А. Рыбаков; 3. Академик В. В. Виноградов; 4. Академик Е. М. Жуков; 5. Академик М. В. Нечкина; 6. Академик Н. М. Дружинин; 7. Академик Н. И. Конрад; 8. Член-корр. Д. С. Лихачев; 9. Член-корр. В. М. Хвостов; 10. Член-корр. Н. К. Гудзий ⟨неточность, академик АН УССР⟩; 11. Член-корр. М. Б. Храпченко; 12. Член-корр. В. И. Шунков; 13. Член-корр. В. П. Адрианова-Перетц; 14. Член-корр. А. В. Арциховский; 15. Член-корр. В. И. Борковский ⟨Ин-т русского языка⟩; 16. Член-корр. А. А. Сидоров ⟨историк искусства, Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания⟩; 17. Доктор ист. наук В. Т. Пашуто ⟨Ин-т истории⟩; 18. Доктор ист. наук Л. В. Черепнин ⟨Ин-т истории⟩; 19. Доктор филол. наук Б. А. Ларин (Ленинград ⟨ЛГУ⟩); 20. Доктор филол. наук В. Я. Пропп (ЛГУ); 21. Доктор ист. наук Н. Н. Воронин ⟨Ин-т археологии⟩; 22. Доктор ист. наук А. И. Клибанов ⟨Ин-т истории⟩; 23. Доктор филол. наук Я. С. Лурье (Ленинград ⟨Пушкинский Дом⟩); 24. Доктор ист. наук И. Г. Спасский (Эрмитаж); 25. Доктор ист. наук А. Л. Монгайт ⟨Ин-т археологии⟩; 26. Доктор ист. наук В. А. Голобуцкий (Киев); 27. Доктор филол. наук И. Л. Андроников (Москва); 28. Доктор филол. наук Л. В. Крестова (Ин-т мировой литературы) ⟨неточные сведения, см. раздел «Участники дискуссии»⟩; 29. Доктор филол. наук И. Н. Голенищев-Кутузов (Ин-т мировой литературы); 30. Доктор ист. наук А. А. Новосельский ⟨Ин-т истории⟩; 31. Доктор филол. наук А. В. Позднеев (Заочный пед. ин-т); 32. Доктор ист. наук А. Н. Насонов ⟨Ин-т истории⟩; 33. Доктор филол. наук В. К. Соколова ⟨Ин-т этнографии АН СССР, зав. группой фольклора⟩; 34. Доктор ист. наук С. Н. Валк ⟨Ин-т истории⟩; 35. Доктор ист. наук М. И. Артамонов (Эрмитаж); 36. Доктор ист. наук К. Н. Сербина ⟨ЛО Ин-та истории⟩; 37. Доктор филол. наук Ю. Г. Оксман ⟨Ин-т мировой литературы⟩; 38. Доктор филол. наук А. П. Евгеньева (Г-69, Хлебный пер., 14, кв. 14) ⟨Словарный сектор ЛО Института русского языка⟩; 39. Доктор ист. наук С. Л. Пештич (ЛГУ); 40. Доктор ист. наук В. Л. Янин (МГУ); 41. Канд. ист. наук С. С. Дмитриев (МГУ); 42. Канд. ист. наук Н. Е. Носов ⟨ЛО Ин-та истории⟩; 43. Доктор ист. наук А. С. Нифонтов ⟨Ин-т истории⟩; 44. Поэт Н. С. Тихонов; 45. Поэт Н. И. Рыленков (председ. пост. комиссии по «Слову о полку Игореве» при ССП (Смоленск)); 46. Канд. ист. наук С. С. Беленицкий ⟨вероятно, имеется в виду археолог А. М. Беленицкий (ИИМК АН СССР)⟩; 47. Канд. филол. наук Л. А. Дмитриев (Пушкинский Дом); 48. Канд. филол. наук К. В. Чистов ⟨Ин-т этнографии АН СССР⟩; 49. Научный сотр. ⟨канд. филол. наук⟩ О. В. Творогов (Пушкинский Дом); 50. Канд. ист. наук В. Д. Королюк ⟨Ин-т славяноведения⟩; 51. Канд.

В ответном письме Жукову от 7 февраля 1964 г. Д. С. Лихачев написал:

«Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

Я не видел рукописи А. А. Зимина и поэтому не могу ответить Вам — сколько времени понадобится лично мне на ознакомление с нею и на тщательную проверку приводимых в ней материалов (текстологические выводы требуют внимательного изучения). Могу лишь сказать, что на это уйдет не менее месяца (я не могу отключиться от всех других моих работ). Следовательно, даже если бы я сегодня получил рукопись А. А. Зимина, принять участие в ее обсуждении в конце февраля я бы не смог. ⟨...⟩ *Окончательное свое согласие на участие в обсуждении рукописи А. А. Зимина я смогу дать только тогда, когда более подробно узнаю о целях обсуждения*, об окончательном составе приглашенных и о порядке обсуждения. Мы уже имеем некоторый печальный опыт организации обсуждения доклада А. А. Зимина (в феврале 63 г.), когда А. А. Зимин известил о теме своего сообщения только накануне заседания, когда отсутствовали на его докладе многие ленинградские специалисты и когда докладчик, проговорив три часа, не оставил времени для возражающих. Для предварительного обсуждения организационных вопросов я готов в любое время приехать в Москву по Вашему вызову».[203]

В этом же письме Д. С. Лихачев указал на то, что «в предварительном списке участников обсуждения нет очень многих видных специалистов по „Слову о полку Игореве“, по древней русской литературе и по древнерусскому языку», и назвал 23 фамилии ученых и писателей, которых, по его мнению, «необходимо» пригласить на заседание.[204]

филол. наук С. Н. Азбелев (Пушкинский Дом); 52. Канд. филол. наук В. И. Малышев (Пушкинский Дом); 53. Канд. филол. наук Н. И. Толстой (Ин-т славяноведения); 54. Канд. ист. наук В. Б. Вилинбахов (Лен. фил⟨иал⟩ Ин-та ис⟨тории⟩, естествознания и техники); 55. Доктор филол. наук В. Д. Кузьмина (Ин-т миров⟨ой⟩ лит-ры); 56. С. В. Шервинский (писатель, член ССП)».

[203] Там же. С. 214—216.

[204] Там же. Список Д. С. Лихачева включал следующих лиц: «1) Мещерский Никита Александрович (д. ф. н., зав. кафедрой русского языка ЛГУ, автор многих работ по языку «Слова»); 2) Робинсон А. Н. (к. ф. н., Институт мировой литературы, специалист по древней русской литературе, автор работ о «Слове»); 3) Котков Серг⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ (д. ф. н., Институт русского языка АН СССР, автор многих работ о языке «Слова»); 4) Лотман Юрий Мих⟨айлович⟩ (д. ф. н., проф. Тартуского университета, автор превосходной работы в защиту «Слова»

Вероятно, в этот же день, 7 февраля 1964 г., Д. С. Лихачев написал и Н. К. Гудзию (письмо не датировано). Приведу текст письма полностью.

«Дорогой Николай Каллиникович!

Я знаю, что Вы сейчас отдыхаете и Вам не до дел. Пишу, однако, Вам, чтобы Вы получили это письмо раньше, чем к Вам обратятся из Отделения исторических наук, и чтобы как-то согласовать наши позиции в вопросе об обсуждении рукописи А. А. Зимина.

Я получил приглашение от Е. М. Жукова принять участие в обсуждении работы А. А. Зимина в конце февраля.

К чему такая спешка? Ведь работу А. А. Зимина надо проверить. Надо тщательно разобрать его текстологические выкладки. Этого в неделю не сделаешь. *А работы я еще не видел*, хотя А. А. Зимин и рассылал свою работу тем, кого он считает своими сторонниками.

в сборнике «Слово о п⟨олку⟩ Иг⟨ореве⟩ — памятник XII века». М.; Л., 1962); 5) Сапунов Борис Виктор⟨ович⟩ (к. и. н., Эрмитаж, автор работы в защиту «Слова» в том же сборнике); 6) Державина О. А. (д. ф. н., Институт мировой литературы, автор многих исследований и книг по древнерусской литературе); 7) Богородский Борис Леонид⟨ович⟩ (к. ф. н., доцент Пед. института им. Герцена в Ленинграде, один из составителей Словаря «Слова о полку Игореве», автор работ о языке «Слова»); 8) Рыльский М. Ф. (академик АН СССР, автор исследований и переводов «Слова»); 9) Назаревский Александр Адриан⟨ович⟩ (д. ф. н., проф., Киев 54, Гоголевская 2а, кв. 6; автор многих исследований о «Слове»); 10) Югов А. К. (писатель, автор перевода, исследователь «Слова»); 11) Стеллецкий В. И. (к. ф. н., писатель, исследователь «Слова» и автор одного из лучших его переводов); 12) Дмитриева Р. П. (к. и. н., Институт русской литературы, исследовательница текстов «Задонщины»; участие ее в обсуждении было бы очень важно); 13) Салмина М. А. (к. ф. н., Институт русской литературы, исследовательница текстов «Задонщины»); 14) Котляренко Анат⟨олий⟩ Ник⟨олаевич⟩ (доцент Пед. института им. Герцена, исследователь лексики «Задонщины» и «Слова»; Ленинград, Невский 153, кв. 10); 15) Альшиц Даниил Натан⟨ович⟩ (к. и. н., Публичная библиотека в Ленинграде, исследователь «Слова»); 16) Прийма Федор Яковл⟨евич⟩ (д. ф. н., Институт русской литературы, исследователь архивных материалов, связанных с открытием и опубликованием «Слова»); 17) Щепкина М. В. (к. и. н., ГИМ, исследовательница «Слова», палеограф и знаток материалов, которые были под руками у первых исследователей «Слова»). Кроме того, мне представляется совершенно необходимым пригласить специалистов по древнерусскому языку: членов-корр. АН СССР — Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова, С. Г. Бархударова, доктора филол. наук, проф. П. С. Кузнецова, к. ф. н. Л. С. Ковтун (Лен. Отд. Института русского языка) и, может быть, некоторых других. Если в работе А. А. Зимина затрагивается вопрос об ориентализмах „Слова“, то необходимо пригласить тюрколога А. Н. Кононова (член-корр. АН СССР)».

Я ответил Е. М. Жукову, что работа должна быть у меня не менее чем за месяц до обсуждения.

Затем я просил сообщить мне цели обсуждения. *Если речь идет о том — печатать ее или не печатать, то я заранее скажу — печатать*, так как слишком много из-за нее шуму. Но печатать надо в сопровождении других работ, в составе сборника.

Наконец, меня поразил предварительный список лиц, которым рассылается работа. Специалистов по древней литературе и по „Слову" там совсем мало и нет специалистов по языку. Что же, мы будем только вдвоем спорить с Вами против ВВВ[205] и ААЗ[206]? А список включает 60 человек — в основном слушателей. В списке много чиновных лиц — Хвостов, Храпченко, Нечкина, Артамонов,[207] Н. Тихонов[208] и пр. Есть все названные Зиминым его сторонники — Н. И. Толстой, Королюк, Клибанов, Спасский (нумизмат), В. А. Голобуцкий (Киев), почему-то есть фольклористка В. К. Соколова, есть Азбелев (выступал за Зимина), Вилинбахов и пр. Но нет А. Н. Робинсона, Ю. М. Лотмана (он был бы особенно нужен по XVIII веку), О. А. Державиной, А. А. Назаревского, Приймы (он важен для материалов, связанных с открытием «Слова»), нет Мещерского (не боится выступить против ВВВ по языку), нет ни одного лингвиста — Аванесова, П. С. Кузнецова, Бархударова, Л. С. Ковтун, Б. Л. Богородского (он много работает по Словарю «Слова» у нас), С. И. Коткова (автор многих статей по языку «Слова»), А. Н. Котляренко (доцент Пед⟨агогического⟩ института им. Герцена, автор статьи о языке «Задонщины» в отношении к «Слову»). Надо бы пригласить и М. Рыльского, М. В. Щепкину, Стеллецкого.

Если не будут приглашены авторы работ по „Слову", то какой смысл нам обсуждать Зимина?

Если Вы согласны, — настаивайте на том же и Вы. Может быть, Вы и еще кого-нибудь вспомните?

Жаль, что не могут приехать многие из больных.

---

[205] В. В. Виноградова.

[206] А. А. Зимина.

[207] Михаил Илларионович Артамонов в 1951—1964 гг. был директором Эрмитажа.

[208] Поэт Николай Семенович Тихонов назван в числе «чиновных лиц», вероятно, потому, что являлся общественным деятелем: председателем Советского комитета защиты мира, депутатом Верховного Совета СССР.

Почему надо приглашать из Пушкинского Дома Азбелева и не надо приглашать автора работ о „Слове“ акад. М. П. Алексеева?

Почему надо приглашать нумизмата Спасского и не приглашать Робинсона? Если Спасского, Монгайта и других своих сторонников назвал Зимин, то ведь у нас не футбольные команды подбираются, а специалисты. Как же можно обсуждать вопрос филологический да еще при способном подавить всех ВВВ без участия лингвистов? Я на такое обсуждение не буду согласен и не поеду».[209]

Н. К. Гудзий ответил Д. С. Лихачеву 13 февраля. К этому времени он еще не получил приглашения участвовать в обсуждении. Вот текст его письма:

«Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Ваше письмо переслали мне в Переделкино, где я нахожусь с 24 ⟨января⟩ по 18 февраля. Я целиком согласен с Вами относительно отсрочки обсуждения работы Зимина, тем более что *не только еще не видел в глаза этой работы, но и приглашения принять участие в ее обсуждении не получал* (возможно, что Жуков ограничился пока приглашением к обсуждению работников АН СССР). Я отодвинул бы разговор о книге Зимина на еще более продолжительный срок: месяца, при нашей занятости, мало для того, чтобы выступить с критикой доводов Зимина во всеоружии. Думаю, что нужно не менее двух-трех месяцев.

Полностью согласен с Вами и относительно подбора участников совещания. Если нельзя будет собрать всех компетентных лиц, занимавшихся „Словом“, то частично можно ограничиться рассылкой экземпляров книги Зимина иногородним с тем, чтобы они дали свои письменные заключения.

Я тоже думаю, что работу Зимина следует напечатать либо нормальным типографским способом, либо на ротапринте, но увеличенным тиражом, с тем чтобы книга попала и за границу: там противников Зимина значительно больше, чем сторонников его».[210]

3 февраля, когда Е. М. Жуков написал Д. С. Лихачеву письмо с предложением принять участие в обсуждении книги А. А. Зимина, она еще не была издана. 12 февраля А. А. Зимин написал В. И. Ма-

[209] РО ИРЛИ. Ф. 769 (письмо публикуется впервые).
[210] *К истории спора-2*. С. 216.

лышеву: «Все разрешения на книгу получены сегодня. К понедельнику будет готова обложка и начнут рассылать книгу. Вам, конечно, вышлют. Через месяц после этого — обсуждение. *За тем, чтобы разослали по совести (т. е. 50 % по моей рекомендации), внимательнейшим образом слежу*».[211]

Таким образом, к середине февраля должна была быть готова обложка,[212] после этого книгу надо было еще разослать. Если учесть, что обсуждение книги намечалось провести в конце февраля, то на изучение сложной по материалу книги объемом 660 страниц ученым отводилось всего несколько дней.

В. П. Адрианова-Перетц получила книгу 17 февраля 1964 г. 18 февраля она пишет Д. С. Лихачеву из Сестрорецка:

«Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Вчера Надя[213] привезла мне книгу Зимина, и сегодня я попробовала ее читать. Она вызывает у меня такое сердцебиение, что я просто не могу позволить себе читать ее подолгу сразу. Я просмотрела текстологию „Задонщины" — она сделана слабо, небрежно и предвзято, видимо, без тех узоров, какие были вышиты на ней в докладе. Следующий раздел — сопоставление со „Словом", ведущее к тому, чтобы „доказать" вторичность „Слова", еще слабее и безвкусно до физической тошноты. И потому — дайте мне последнюю неделю здесь[214] пожить без этой нагрузки, без разговора о Зимине. ⟨...⟩

Мне удивительно одно: идейная сторона „Слова" куда-то провалилась. То обстоятельство, что в „Слове" две темы, причем главная из них — вред усобиц, а поражение Игоря лишь иллюстрирует этот вред, совсем не учтено. „Задонщина" же совершенно не дала материала для этой главной темы. Нельзя же изучать одну оболочку без содержания.

Я не вижу никакого увлечения автора этой книги. Он назойливо тычет в одну точку, и потому самые ясные вещи у него выворачива-

---

[211] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 2.

[212] Несмотря на то что книгу напечатали во второй половине февраля 1964 г., на титуле стоит 1963 г.

[213] Надежда Феоктистовна Дробленкова (1926—2006), сотрудница Сектора древнерусской литературы ИРЛИ, кандидат филологических наук, ученица В. П. Адриановой-Перетц.

[214] Варвара Павловна снимала дачу в Сестрорецке под Ленинградом.

ются наизнанку — „на ниче“, которое он ухитрился занести в полонизмы.

Итак, пощадите, не вынуждайте меня сейчас читать Зимина. ⟨...⟩

Извините мое ворчанье, книга испортила мне настроение, и даже синее небо и сверкающий снег не исправляют его. Что-то в этой книге есть нечистое — это поиски не истины, а славы любой ценой».[215]

Б. А. Ларин[216] в письме к Д. С. Лихачеву от 3 марта сообщает, что он еще не получил книги. За три недели до смерти (Б. А. Ларин умер 26 марта 1964 г.) ученый пишет, что он должен непременно «участвовать в бою», и высказывается за издание книги А. А. Зимина обычным типографским способом и без всяких «спутников»:

«Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Спасибо за письмо. К большому сожалению, книгу Зимина мне до сих пор не прислали. Правда, я все еще „на строгом постельном режиме“, но почти уверен, что появление этой книги здесь, в моих руках, сразу же выбросило бы меня из постели, заставило бы поправиться настолько, насколько не могут никакие лекарства. Во что бы то ни стало я должен участвовать в бою, все силы сосредоточить на разгроме Зимина с его целой армией интервентов и предателей.

Самым благоприятным для нас и самым лояльным, справедливым для него было бы (так мне кажется): 1) выпустить обычным типографским способом его книгу (тираж немассовый, 2000 экз.) без всяких „спутников“ или Приложений; 2) дать полную возможность высказаться противникам в особом сборнике (25—30 авт. л.) и сторонникам — где и как они хотят (или тоже в сборнике, или рассеянно по разл⟨ичным⟩ изданиям).

---

[215] *К истории спора-2*. С. 217.

[216] Борис Александрович Ларин (1893—1964) — доктор филологических наук (1948), чл.-корр. АН УССР (1945), академик АН Литовской ССР (1949). Профессор ЛГУ (с 1924 г.). До 1950 г. сотрудник Словарного отдела Института русского языка АН СССР, возглавлял Группу древнерусского словаря. В 1951—1953 гг. жил в Вильнюсе, преподавал в университете. С 1953 г. работал в ЛГУ. С 1954 г. являлся деканом филологического факультета, на котором в 1960 г. создал Межкафедральный словарный кабинет. Одновременно был заведующим кафедрой русского языка (1953—1954), общего языкознания (1958), славянской филологии (1961—1964). Принимал участие в выработке принципов и структуры «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», член редколлегии 1-го выпуска. Автор работ по «Слову» (см.: *Булахов*. С. 137; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 131—133).

Простите за небрежность, лежа не умею писать более четко. Жажду выйти за порог своего дома, а там в Университет, к Вам в Отдел древнерусской литературы.

Привет всем!

Ваш Б. Ларин».[217]

Но вернемся к переписке Е. М. Жукова и Д. С. Лихачева. Получив письмо Д. С. Лихачева от 7 февраля, который писал, что для предварительного обсуждения организационных вопросов готов в любое время приехать в Москву, Е. М. Жуков пригласил его на совещание, назначенное на 19 февраля.[218] В совещании приняли участие руководители двух Отделений АН СССР: Отделения истории (ОИ) и ОЛЯ: академик-секретарь ОИ Е. М. Жуков, его заместитель член-корреспондент В. И. Шунков, ученый секретарь ОИ Ю. В. Бромлей, директор Института истории член-корреспондент В. М. Хвостов, исполняющий обязанности академика-секретаря ОЛЯ М. Б. Храпченко, ученый секретарь ОЛЯ Е. Ф. Трущенко и выступивший на совещании член-корреспондент Д. С. Лихачев.

Доводы Д. С. Лихачева, изложенные им в письме от 7 февраля и на совещании 19 февраля, вероятно, убедили Е. М. Жукова и других участников совещания, и *был поставлен вопрос об издании книги А. А. Зимина без ее обсуждения*.

Этот вопрос был согласован с Идеологическим отделом ЦК КПСС. В письме от 24 февраля 1964 г., адресованном в черновом варианте «в Идеологический отдел ЦК КПСС», а в окончательном варианте «секретарю ЦК КПСС Л. Ф. Ильичеву» (он был заведующим Идеологическим отделом ЦК КПСС),[219] Е. М. Жуков пишет:

«В 1963 году сотрудником Института истории АН СССР доктором исторических наук А. А. Зиминым был сделан доклад в Институте русской литературы (Пушкинский Дом в Ленинграде) по

---

[217] *К истории спора-2*. С. 218.

[218] Об этом Д. С. Лихачев сообщил в письме А. Н. Робинсону от 14 февраля 1964 г. Письмо хранится в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон. Между тем Е. М. Жуков в письме к Л. Ф. Ильичеву (см. далее) называет другую дату совещания: 20 февраля.

[219] Копию отосланного письма и его черновой машинописный вариант с правкой Е. М. Жукова см.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. № 1 (1964 г.). № 466. Переписка с Идеологическим отделом ЦК КПСС. Л. 1—4 (копия отосланного письма) и 5—7 (правленный Е. М. Жуковым черновик).

вопросу об авторстве и времени создания „Слова о полку Игореве". В этом докладе он сделал попытку доказать, что „Слово о полку Игореве" не является древнерусским памятником XII века, а якобы было создано в конце XVIII века неким архимандритом Быковским.

Доклад, отражающий внеплановые занятия А. А. Зимина, был сделан им в Пушкинском Доме по собственной инициативе. По свидетельству лиц, присутствовавших на докладе, аргументация тов. Зимина, несмотря на ее наукообразный характер, не была убедительной. Однако доклад дал повод для распространения слухов (просочившихся и за рубеж) о сенсационном „открытии" советского ученого. *Вскоре после этого т. Зимин поставил перед Институтом истории вопрос об опубликовании подготовленной им работы* на тему об авторстве и времени создания „Слова о полку Игореве". Ввиду того, что в работе затрагивается вопрос, который в случае его неправильного решения мог бы нанести серьезный ущерб престижу русской культуры и науки, *руководители Отделения истории и Института истории не сочли возможным публиковать эту работу без предварительного обсуждения*. Для ознакомления с нею специалистов в данной области (историков и филологов) рукопись т. Зимина была размножена на ротапринте в количестве 100 экземпляров. Однако предполагавшееся предварительное обсуждение рукописи до сих пор не состоялось и *среди специалистов (академики Тихомиров, Рыбаков, член-корр. Лихачев и др.) возникли серьезные сомнения в его целесообразности*. Дело в том, что ввиду публичного характера доклада т. Зимина и в результате его консультаций и бесед о содержании своей работы со сравнительно широким кругом специалистов его точка зрения, изложенная в докладе и работе, уже стала известна как многим представителям советской научной, литературной и педагогической общественности, так и за рубежом. Следует особенно отметить, что среди реакционных зарубежных ученых (в том числе таких крупных специалистов по русской литературе, как французский проф. Мазон) версия о том, что „Слово" — памятник более позднего происхождения или даже „подделка", давно имеет хождение, и потому проникшие из СССР сведения об „открытии" т. Зимина о якобы имеющихся у него „документальных доказательствах" вызвали большой ажиотаж. При этом отсутствие печатной работы т. Зимина используется для распространения необоснованных слухов, в частности о том, что т. Зиминым якобы найдены

ранее неизвестные материалы, подтверждающие гипотезу о позднем происхождении „Слова о полку Игореве". Указанное обстоятельство, кроме того, дает повод для разговоров об искусственном замалчивании „открытия", о зажиме т. Зимина — молодого талантливого ученого и, тем самым, якобы о возобновлении в советской науке методов, господствовавших в период культа личности.

20 февраля с. г. Отделением истории АН СССР было созвано совещание (академик-секретарь Отделения истории Жуков Е. М., и. о. академика-секретаря Отделения литературы и языка Храпченко М. Б., чл.-корр. Хвостов В. М., чл.-корр. Шунков В. И., чл.-корр. Лихачев Д. С., ученый секретарь ОИ Бромлей Ю. В. и ученый секретарь ОЛЯ Трущенко Е. Ф.), на котором с сообщением о содержании работы т. Зимина выступил крупнейший советский специалист по „Слову" чл.-корр. Лихачев Д. С.

Тов. Лихачев Д. С. внимательно ознакомился с рукописью т. Зимина и констатировал, что вся аргументация Зимина не вносит ничего нового по сравнению с тем, что уже было высказано его предшественниками (в частности, французом Мазоном), что эта аргументация, основанная исключительно на истолковании давно известных источников, не выдерживает серьезной научной критики и легко может быть опровергнута.

Отметив, что точка зрения т. Зимина уже получила широкую огласку, Д. С. Лихачев считает, что всякое обсуждение вопроса без предварительной публикации в открытой печати рукописи т. Зимина привело бы только к усилению различных кривотолков о якобы „новаторском" характере его работы и о якобы имеющем место несправедливом к нему отношении.

Обменявшись мнениями, *участники совещания пришли к выводу* о *целесообразности издать сборник* о „*Слове* о *полку Игореве*" *(или две одновременно опубликованные книги), который содержал бы наряду с работой т. Зимина несколько статей крупных специалистов, детально анализирующих его работу и раскрывающих ее научную несостоятельность*. Авторами основных статей предположительно могут явиться чл.-корр. Д. С. Лихачев, акад. Б. А. Рыбаков и акад. М. Н. Тихомиров. Общий объем сборника — 40—50 листов (из них 25 листов — сочинение А. А. Зимина). Такой сборник мог бы положить конец всяким кривотолкам о „зажиме" в науке и одновременно продемонстрировать тщетность попыток набросить

тень на замечательный памятник русской культуры XII века, умалить его непреходящее всемирно-историческое значение.

Докладывая о вышеизложенном Идеологическому отделу ЦК КПСС, представляю отпечатанную ротапринтным способом рукопись А. А. Зимина.

Приложение: по тексту.

Академик-секретарь
Отделения истории АН СССР
академик

(Е. М. Жуков)».[220]

В письме к В. И. Малышеву, которое можно датировать первой половиной марта,[221] А. А. Зимин пишет: «Сейчас „в верхах" разбирается вопрос о моей книге — *м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, ее будут издавать без обсуждения*. Думаю, что через недельку вопрос решится. Сразу же Вам обо всем напишу. Пока книгу не раздали (получили только Рыбаков и Лихачев и... начальство)».[222]

Но — увы — перевесило мнение более влиятельных, нежели Д. С. Лихачев, лиц. 16 марта, вероятно по поручению Л. Ф. Ильичева, вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев провел совещание, на которое Д. С. Лихачева не пригласили. На нем присутствовали только историки: академик-секретарь Отделения истории Е. М. Жуков, директор Института истории В. М. Хвостов, академик Б. А. Рыбаков, ученый секретарь Отделения истории

---

[220] Искаженные сведения об этом письме содержались в выступлении И. Н. Данилевского на радиостанции «Эхо Москвы» 5 августа 2006 г. По его словам, инициатива обсуждения книги А. А. Зимина исходила от Жукова, который «сообщал, что есть такой Александр Александрович Зимин, который высказывает всякие мысли нехорошие о том, что Слово о полку Игореве — это гениальное произведение русской литературы XVIII в. и что с этой точкой зрения уже ознакомились многие специалисты не только в СССР, но и за рубежом. *В связи с этим он предлагал провести обсуждение этого труда, и оно было устроено*». И. Н. Данилевский сказал при этом, что он читал и черновой, и беловой варианты этого письма (текст выступления И. Н. Данилевского на радиостанции «Эхо Москвы» см.: http://echo.msk.ru/programs/netak/45301/index.phtml). Как видим, на самом деле письмо Л. Ф. Ильичеву было написано Е. М. Жуковым не в 1963 г., когда решался вопрос об обсуждении книги, а в 1964 г. и с совершенно иными целями: после совещания в Отделении истории, на котором выступил Д. С. Лихачев, Е. М. Жуков предлагал издать книгу А. А. Зимина типографским способом без обсуждения.

[221] Судя по упоминаемым в письме событиям, оно написано между 11 и 16 марта.

[222] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 3.

Ю. В. Бромлей, Зимин и несколько неизвестных Зимину лиц.[223] На этом заседании, по словам А. А. Формозова, «*Федосеев сказал, что обсуждение состоится, но книга напечатана не будет*».[224]

В письме к Д. С. Лихачеву от 20 марта А. А. Зимин сообщал: «16 марта у П. Н. Федосеева было заседание, на котором присутствовали Е. М. Жуков, Б. А. Рыбаков, В. М. Хвостов, я и другие. На заседании *похоронили старый план издания книги (в сборнике)* и решили где-то во второй половине апреля провести обсуждение (закрытое) с участием 30—40 человек».[225]

В письме к В. И. Малышеву от 24 марта А. А. Зимин сообщает более детально подробности принятого решения и называет почему-то иную, более раннюю дату проведения обсуждения:

«Дорогой Владимир Иванович!

Ну вот наступил и судный час! Последние шаги Д. С. резко ухудшили его позицию. Не говорю уже об отмене доклада,[226] дело идет о статье О. Творогова.[227]

Итак, 9—11 апреля обсуждение. Завтра Вам высылают экземпляр. Жду и письменного отзыва, и обязательно (на этот раз) личного участия. Речь идет о судьбе очень большого дела. Пока все в секрете. Ладно?

[223] Об этом сообщает А. А. Формозов на основании дневниковых записей А. А. Зимина (см.: *Формозов*. С. 99).

[224] Там же.

[225] *К истории спора-2*. С. 218.

[226] Непонятно, о чем идет речь. Возможно, об отмене (запрете) доклада Д. С. Лихачева на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ на тему: «Поэтика подражания» (об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»), назначенного на 25 марта 1964 г. В письме к Д. С. Лихачеву от 20 марта А. А. Зимин пишет: «Дорогой Дмитрий Сергеевич! Ваше письмо и приглашение на доклад 25 марта застали меня в состоянии душевного смятения. Дело в том, что 16 марта у П. Н. Федосеева было заседание, на котором ⟨...⟩ меня ⟨...⟩ попросили воздержаться ⟨...⟩ ⟨до обсуждения книги⟩ от участия в открытых дискуссиях на темы, связанные со „Словом“. Зная мой задиристый характер, Вы понимаете, насколько мне тяжело удержаться от спора. Поэтому я очень Вас прошу, если на заседании 25 марта будет задан вопрос о моем отсутствии, сказать, что я не приехал по независящим от меня причинам. Конечно, лучше было бы, чтоб Ваш доклад состоялся позднее обсуждения» (Там же).

[227] Очевидно, речь идет о статье, опубликованной в ленинградской газете: *Творогов О.* Памятник древнерусской литературы // Смена. 1964. 21 марта. № 69. С. 4.

Положение такое. Участников около 40 человек. 7 академиков и начальствующих лиц. Дружинин, Конрад (их позиция очень благожелательна), Жуков, Шунков (они тоже в общем благожелательны), Хвостов, Храпченко и Нечкина (ее позиция не ясна).

И по 16 человек от стороны.[228]

С одной — ВВВ,[229] Вы, Черепнин, Голобуцкий, Клибанов, Лурье, Голенищев-Кутузов, Ю. Г. Оксман,[230] проф. С. С. Дмитриев,[231] И. Г. Спасский, Монгайт, Королюк, Пештич, Азбелев, Вилинбахов.[232]

С другой стороны тоже 16: М. Н. Т.[233] (он не будет участвовать), Б. А. Ларин и Варвара Павловна[234] (не будут, очевидно, по болезни), Чистов[235] и Лотман (оба читали работу, будут ее поддерживать,

---

[228] Из приведенных далее списков (названы 15 сторонников Зимина и 14 его оппонентов) комментируются имена только тех ученых, которые не вошли в раздел «Участники дискуссии» и не прокомментированы ранее.

[229] В. В. Виноградов.

[230] Юлиан Григорьевич Оксман (1894/1895—1970) — литературовед, доктор филологических наук (1934), профессор ЛГУ (1919). В 1933—1936 гг. заместитель директора Пушкинского Дома. В 1936 г. назначен заведующим редакцией академического издания сочинений А. С. Пушкина, в том же году репрессирован по обвинению в саботаже и антисоветской деятельности. После освобождения состоял профессором Саратовского университета (1947—1957), старшим научным сотрудником ИМЛИ (1958—1964), профессором-консультантом кафедр истории СССР и истории русской литературы в Горьковском университете (1965—1968). Специалист по истории русской общественно-политической мысли, исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина, комментатор текстов русских писателей XIX в.

[231] Сергей Сергеевич Дмитриев (1906—1991) — историк; кандидат исторических наук (1940). Профессор (с 1968 г.) МГУ, а также МГИАИ, МИФЛИ, Московского планово-экономического института, ВПШ (в 1946—1953 гг. заведующий кафедрой истории СССР в ВПШ). Член секции исторических наук по Ленинским и Государственным премиям. Автор работ по социально-экономическому развитию России в XIX в., истории культуры, религиозно-философской мысли, воззрению славянофилов.

[232] По сравнению с первым списком А. А. Зимина здесь исчезли фамилии А. В. Позднеева, Н. И. Толстого, А. П. Новосельцева и добавлены фамилии Ю. Г. Оксмана, С. С. Дмитриева и С. Л. Пештича.

[233] М. Н. Тихомиров.

[234] В. П. Адрианова-Перетц.

[235] Кирилл Васильевич Чистов (1919—2007) — фольклорист, этнограф; на момент дискуссии кандидат филологических наук, с 1967 г. доктор филологических наук, с 1973 г. профессор, с 1981 г. чл.-корр. АН СССР. В 1961—1990 гг. руководил Отделом этнографии восточных славян в московской и ленинградской частях Института этнографии АН СССР, с 1991 г. продолжал работать в том же Отделе главным научным сотрудником. Читал курсы лекций в Петрозаводском

хотя с выводами не согласны), Лихачев и Рыбаков (оба — гангстеры), Баскаков (тюрколог), Лева,[236] Олег,[237] Филин, Аванесов[238] (благожелателен?), Стеллецкий и какой-то молодой словник ⟨так!⟩.

Итак, жду от Вас настоящей дружеской поддержки. *Возможно, книгу будут издавать со стенограммой обсуждения*. Неплохо, если еще 1—2 письменных отзыва специалистов притащите с собою».[239]

Из этого письма следует, что уже во второй половине марта вновь вставал вопрос о публикации книги А. А. Зимина, теперь — вместе со стенограммой ее обсуждения.

Третья дата предстоящего обсуждения содержится в письме Н. К. Гудзия от 26 марта В. И. Малышеву: «13—15 ⟨апреля⟩, как Вы знаете, обсуждение книги Зимина. Всего 2 недели на изучение книги! Тоже безобразие».[240]

Получив очередное приглашение от Е. М. Жукова принять участие в закрытом обсуждении книги А. А. Зимина, Д. С. Лихачев вновь ответил Е. М. Жукову пространным и очень показательным письмом (от 28 марта 1964 г.), в котором снова возражал против закрытого характера обсуждения, пытаясь воздействовать на «чиновное лицо» важными для него аргументами. Привожу полный текст письма:

«Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

Я получил Ваше приглашение участвовать в закрытом обсуждении работы А. А. Зимина. У меня есть серьезные сомнения в целесообразности закрытого характера предполагаемого обсуждения. Сомнения эти следующие:

государственном педагогическом институте, в МГУ, ЛГУ. Автор трудов по истории и теории фольклора, этнографии Русского Севера.

236 Л. А. Дмитриев.

237 О. В. Творогов.

238 Рубен Иванович Аванесов (1902—1982) — лингвист, один из основателей московской фонологической школы, чл.-корр. АН СССР (1958). Профессор и заведующий кафедрой русского языка МПИ (с 1932 г.). С 1937 г. профессор МГУ. Работал в Институте языка и письменности (1939—1944), в Институте русского языка АН СССР (1944—1950 и с 1958 г.), где с 1958 г. был заведующим Сектором исторической грамматики и лексикологии русского языка; в 1950—1958 гг. сотрудник Института языкознания АН СССР. Главный редактор первых четырех томов «Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)».

239 РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 4.

240 Там же. № 400. Л. 62.

1) А. А. Зимину была предоставлена возможность открыто выступить с трехчасовым докладом о „Слове" в колонном зале Института русской литературы АН СССР перед громадной аудиторией. Необходимо защитникам „Слова" предоставить такую же возможность открыто выступить с защитой „Слова" от А. А. Зимина. Нам должна быть дана возможность ссылаться на работу А. А. Зимина, цитировать ее и разбить ее открыто перед всеми заинтересованными лицами, а заинтересованы в „Слове" все граждане Советского Союза.

2) Закрытый характер обсуждения — на пользу точке зрения А. А. Зимина. Это поднимает интерес к его работе и не позволяет выявить ее недостатки. САМА РАБОТА А. А. ЗИМИНА ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ И РЕШАЮЩИМ АРГУМЕНТОМ ПРОТИВ ЕГО ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. Каждый сам должен иметь возможность убедиться в том, что сколько-нибудь серьезных доводов в работе нет, что она подтасовывает материалы, неправильно излагает факты и пр.

3) Закрытое обсуждение ничего не даст для прекращения создавшегося острого положения. Напротив, оно еще больше его обострит. Закрытое обсуждение не остановит упреков в адрес руководства Академии наук СССР, что оно скрывает работу А. А. Зимина. Слухи и интерес к работе А. А. Зимина еще больше возрастут. В Академию посыпятся письма (и из-за границы) с требованиями напечатать работу А. А. Зимина.

4) Закрытый характер обсуждения произведет резко отрицательное впечатление за границей, где уже имеются газетные статьи о А. А. Зимине, где в части стран под влиянием слухов о работе А. А. Зимина „Слово" снято из программ преподавания русской литературы и где заморожены издания „Слова" (в Болгарии, в ГДР, где Ауфбау ферлаг[241] отложило издание «Слова» до 1965 г., ожидая, что к этому году вопрос о «Слове» решится). Объяснить иностранным ученым, что в Советском Союзе в результате закрытого обсуждения пришли к выводу о подлинности „Слова", будет невозможно.

---

[241] «Aufbau Verlag» («Строительное издательство») в Берлине, в котором готовилось издание «Слова» в переводе Гаральда Рааба на немецкий язык. См. примеч. 74 на с. 28.

5) Закрытое обсуждение, в котором будут пропорционально представлены сторонники обеих точек зрения, не сможет обеспечить определенного решения вопроса. Но если решение и будет вынесено, оно никого из ученых не убедит и ни для кого из ученых не будет обязательным. И для широких масс интеллигенции в силу закрытого характера обсуждения решение не сможет быть авторитетным. *Печатать решение или материалы дискуссии без опубликования самой работы А. А. Зимина с этической стороны недопустимо и практически невозможно.* Это вызовет возмущение и требования опубликования работы А. А. Зимина.

6) Если работа А. А. Зимина будет продолжать оставаться недоступной в Советском Союзе, то может возникнуть опасность ее опубликования за границей, так как имеется много ее экземпляров не только ротапринтных, но и отпечатанных на машинке. Интерес же за границей к работе А. А. Зимина резко упадет, если она будет у нас доступной. К тому же и за границей найдется много славистов, которые сумеют дать ей отпор.

Исходя из всего изложенного, я предлагаю не делать закрытым обсуждение работы А. А. Зимина. Это даст возможность осветить дискуссию на страницах наших журналов и публиковать статьи, продолжающие критику работы А. А. Зимина, даст возможность защитникам подлинности „Слова" выступать с развернутой критикой этой работы и в дальнейшем. Открытый характер дискуссии ослабит нездоровый интерес к работе А. А. Зимина.

Я отнюдь не уклоняюсь от обсуждения, — я только считаю для себя невозможным участвовать в закрытом обсуждении. Я готов в любое время участвовать в обсуждении открытом.

Если публикация работы А. А. Зимина невозможна, я бы считал самым целесообразным следующий путь. Признать имеющееся ротапринтное издание работы А. А. Зимина за обычное издание, что даст возможность защитникам подлинности „Слова" детально разобрать всю аргументацию А. А. Зимина в печати со ссылками на страницы его работы. Можно будет создать сборник в защиту „Слова", посвятить этому вопросу статьи в исторических и литературоведческих журналах и т. п. В этом случае прекратится нездоровый интерес к работе А. А. Зимина и мы сможем показать всю беспомощность его доводов.

Сторонники подлинности „Слова о полку Игореве“ должны иметь возможность отстаивать свою точку зрения. Эта возможность была в свое время предоставлена А. А. Зимину, когда он выступил в Институте русской литературы АН СССР.

С уважением Д. Лихачев».[242]

Е. М. Жуков на это письмо не ответил, но, вероятно по его просьбе, Дмитрию Сергеевичу звонили М. Б. Храпченко и Б. А. Рыбаков, о чем Д. С. Лихачев написал в письме к Н. К. Гудзию от 3 апреля: «Мне звонили Храпченко и Рыбаков, говорили, что *совещание постановлено свыше и оно состоится даже и без нас*. По-видимому, придется соглашаться на закрытый характер этого обсуждения. ⟨...⟩ Собираюсь все же на самом обсуждении заявить, что я не согласен с закрытым характером обсуждения, что книгу Зимина надо издать (пусть будет «издание автора»). Надо дать нам возможность открыто защищать „Слово“. Самый веский аргумент против Зимина — его книга».[243]

3 апреля Д. С. Лихачев написал исполняющему обязанности академика-секретаря ОЛЯ АН СССР М. Б. Храпченко письмо следующего содержания:

«Дорогой Михаил Борисович!

Если закрытое обсуждение — приказ, — я готов этому подчиниться, но я начну свое выступление с заявления, что считаю это неправильным.

Кроме того, я считаю совершенно неправильным, что специалисты по „Слову“ не приглашаются, а вместо того подбираются равные „команды“ сторонников и противников Зимина. Этим самым обсуждение книги Зимина заводится в тупик.

Мне кажется, Отделение литературы и языка должно решительно настаивать, чтобы были приглашены специалисты и чтобы им дано было достаточно времени ознакомиться с работой Зимина (автореферааты диссертаций рассылаются за месяц, а не за две недели). Работу Зимина надо не только прочесть, но и проверить. Сейчас, например, не приглашенные специалисты — Кузьмина и Крестова — поехали в Ярославль, чтобы проверить сведения об Иоиле Быковском.

---

[242] *К истории спора-2*. С. 220—222.
[243] Там же. С. 223—224.

Специалисты, которые не приглашены, следующие: Кузьмина, Робинсон, Державина, Крестова, Мещерский (автор многих работ по «Слову», читает курс древнерусской литературы в ЛГУ), А. Н. Котляренко (доцент Герц⟨еновского⟩ пед. института в Ленинграде, автор диссертации о языке «Задонщины» и «Слова»), Б. В. Сапунов (Эрмитаж) и др. Надо, конечно, пригласить С. Шервинского и Рыленкова в Союзе писателей.

Иначе получается странно: приглашаются нумизматы, археологи, историки техники, ни разу не выступавшие с работами по „Слову", и не приглашаются специалисты. Подбор приглашаемых имеет тенденциозный характер.

А в общем, картина грустная: специалисты по „Слову" — старики, многие уже умерли (умер очень для нас важный человек — Ларин), смены нет. Происходит „обнажение фронта". Готовить специалистов только по „Слову" нельзя, надо готовить специалистов по древнерусской литературе, так как нельзя быть хорошим специалистом по памятнику, не зная окружения. Специалисты же по древней литературе не готовятся: это считается неактуальным. Вот результат.

Шлю Вам сердечный привет, пожелания всего самого хорошего.

Ваш Д. Лихачев».[244]

Назначенное на середину апреля заседание снова было перенесено. Н. К. Гудзий в письме от 6 апреля пишет Д. С. Лихачеву: «Сейчас мне позвонили из Отделения истории, что обсуждение работы Зимина переносится на начало мая и что с Вами договорено о Вашем участии в обсуждении. Заверили меня, что круг участников обсуждения расширен значительно и по различным соображениям не следует настаивать на слишком открытом совещании, а также о посылке за границу книги Зимина. При условии, что Вы сняли свой отказ, и я согласен участвовать».[245]

---

[244] Там же. С. 223. Письмо сходного содержания Д. С. Лихачев написал и ученому секретарю Отделения истории Ю. В. Бромлею. Назвав имена специалистов по «Слову», которые не получили экземпляры работы А. А. Зимина, Д. С. Лихачев пишет: «Это меня тревожит, так как специалисты по „Слову" должны быть обеспечены возможностью ознакомиться с работой А. А. Зимина в первую очередь ⟨...⟩. Разумеется, оценка работы А. А. Зимина в любых формах без участия этих лиц не может быть достаточно авторитетной» (Там же. С. 222).

[245] Там же. С. 224—225. Этот звонок из Отделения истории явился ответом на письмо Н. К. Гудзия, о содержании которого он сообщает в письме к В. И. Ма-

8 апреля телеграммы о переносе заседания получили ленинградские участники обсуждения книги.[246]

Я. С. Лурье в письме А. А. Зимину пишет по этому поводу следующее:

«Дорогой Сашенька!

⟨...⟩ Итак, свидание наше пока не состоялось — любезнейший m-r Жуков прислал всем участникам личные телеграммы на домашние адреса, перенося обсуждение на май „связи занятостью выполнением срочного поручения". Что все-таки случилось? Если дело в Д. С-е, то почему Жукову понадобилось его покрывать? На мой вопрос Д. С. ответил, что офиц⟨иальная⟩ причина названа в т⟨елегра⟩мме, а о неофициальных „нам судить не дано". Всё. Более задушевную беседу имела с ним Нат. Алекс.[247] — он ⟨...⟩ сказал, что вполне согласен, что закрытое обсужд⟨ение⟩ — глупость (он якобы даже советовал Жукову удовлетворить просьбу Альбиныча[248] о посылке экземпляра!), но сие от него не зависит. Вообще же атмосф⟨ера⟩ в Секторе никак не благоприятствует спокойному обсуждению подобных вопросов. ⟨...⟩ Кроме того, *я по-прежнему не понимаю, какой вариант обсуждения (и позиции Д. С. и др⟨угих⟩ на этом обсуждении) Вы считаете наиболее желательным?*

лышеву от 12 апреля: «Я написал акад. Жукову, что изучение книги Зимина требует более длительного срока, что напечатать ее хотя бы на ротапринте следовало бы гораздо большим тиражом, чем 101 экземпляр, что книга должна быть доступна всем интересующимся вопросом, что она непременно должна быть послана за границу, что суждения о ней должны быть письменные и их следует печатать тем же ротапринтом, что и книгу Зимина. Я нисколько не поколеблен в своем отношении к „Слову"» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 400. Л. 64). Добавлю, что те же соображения Н. К. Гудзий излагает и в письме к В. П. Адриановой-Перетц от 10 апреля 1964 г. Несмотря на резкое несогласие с построениями и выводами А. А. Зимина, он пишет: «Я считаю, что книга должна быть доступна специалистам в Союзе и за границей и на нее должны последовать письменные отзывы» (цит. по: *Рождественская М. В.* Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия // *ТОДРЛ*. СПб., 1993. Т. 46. С. 191).

[246] Телеграмма сохранилась в архиве Д. С. Лихачева, содержание ее таково: «Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич. Связи занятостью выполнением срочного поручения обсуждение рукописи Зимина переношу начало мая. Точный срок сообщу дополнительно. Жуков» (*К истории спора-2*. С. 225).

[247] Наталья Александровна (Казакова).

[248] Андре Мазона.

Надоело, Сашенька, мне Ваше „Слово“ (и ведь никогда меня этот памятник не интересовал!) до отвращения».[249]

11 апреля, сообщая В. И. Малышеву о переносе заседания на май, А. А. Зимин пишет, что в нем будут участвовать В. Л. Янин, А. Т. Николаева, В. Б. Кобрин («все трое уже дали положительные отзывы») и что он «в последнее время получил много письменных положительных отзывов о книге, в том числе от С. Н. Валка, В. Т. Пашуто, Н. И. Павленко, П. А. Зайончковского и многих-многих других», что «за издание книги высказался и Н. М. Дружинин, тепло отозвавшийся о работе»; что М. Н. Тихомиров написал в Отделение письмо, «в котором говорит о необходимости издать книгу и отказывается участвовать в закрытом обсуждении».

В этом письме к В. И. Малышеву А. А. Зимин также высказывает уверенность, что тот примет участие в обсуждении: «Да, последнее время некоторые из моих друзей пишут, что, по их мнению, В. И. Малышев не приедет в Москву и уклонится от обсуждения. Я им написал, что для меня Владимир Иванович — бесконечно честный и самоотверженный человек. Предать друга в самую тяжелую для него минуту смог бы только трус и подлец». И очередной раз просит за неделю до приезда в Москву прислать письменный отзыв о его работе, а также отдельные замечания и соображения.[250]

24 апреля А. А. Зимин вновь просит В. И. Малышева об отзывах на книгу, вероятно надеясь, что отзывы помогут убедить тех, от кого это зависит, издать книгу.

Вот что он пишет по этому поводу: «У меня к Вам очередная просьба. Нужно, чтобы ко дню обсуждения было много различных отзывов на книгу. Сейчас их уже больше тридцати. Хотелось бы, чтобы и Вы в этом помогли. Отзывы могут быть разные — по отдельным разделам, в целом и т. п. (историки, филологи, археологи, искусствоведы). Нельзя ли, в частности, получить отзыв от В. ⟨Г.⟩ Базанова? Мы с ним встречались на московской сессии — он дядька хороший (речь идет о том, что книгу надо печатать, что она не бред сумасшедшего)».[251]

---

[249] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 102—103.
[250] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 6.
[251] Там же. Л. 7.

Странно, что, упорно настаивая на участии в обсуждении книги В. И. Малышева, никогда не занимавшегося «Словом», но твердо придерживавшегося «скептической» точки зрения, А. А. Зимин резко возражал против участия в дискуссии Л. А. Дмитриева, автора многих работ о «Слове», в том числе фундаментальной монографии об истории первого издания памятника. В письме к Р. П. Дмитриевой он пишет о Л. А. Дмитриеве: «То отчет написал, то газетное интервью дал. Лиха беда начало. ⟨...⟩ Настоящие бы друзья твердо и решительно отказались принимать участие в этой грязной возне (обсуждениях и т. п.) до издания книги моей...»[252]

Отвечая на эти упреки, Л. А. Дмитриев в марте 1964 г. пишет А. А. Зимину следующее: «Теперь, как ты считаешь, я должен отказаться и от участия в обсуждении твоей книги? Я бы с огромным удовольствием это сделал, но всеми предшествующими событиями в данном вопросе мосты сожжены. В ноябре месяце, в конце года, как я это видел и из разговоров с тобой в Москве, и из высказываний Якова Соломоновича ⟨Лурье⟩, *ты сам стремился к тому, чтобы твоя работа была отпечатана на ротапринте и обсуждена.* Ведь еще до того, как все это было сделано, я, как с твоей стороны (ты говорил сам об этом), так и со стороны твоих противников, считался одним из потенциальных участников этого обсуждения. Чем же я могу теперь мотивировать отказ от участия в таком обсуждении, если до самого последнего времени я выражал готовность участвовать в нем (даже и тогда, когда узнал, что по твоему списку туда же приглашен и Азбелев) и, мало того, это участие еще в прошлом году было включено в мой институтский план на этот год? Мне кажется, что с этической и моральной точки зрения это действие можно будет оценить лишь тогда, когда станет известным, что я буду говорить на этом обсуждении. А по существу, по основной твоей мысли, ты знаешь, что я не могу высказать своего согласия с тобой...»[253]

Сознательно устраненный от организации предстоящей дискуссии Д. С. Лихачев попытался повлиять на ее ход через Б. А. Рыбакова, которому он в письме от 20 апреля 1964 г. изложил свои соображения относительно обсуждения сочинения А. А. Зимина. Это письмо

---

[252] Эта цитата из письма А. А. Зимина к Р. П. Дмитриевой приведена в письме Л. А. Дмитриева к А. А. Зимину. См.: *Спор о подлинности.* С. 410—411.

[253] Там же. С. 411.

заканчивается так: «...*положение очень трудное — в силу закрытости обсуждения — и крайне для нас поэтому невыгодное*. Общественное мнение все равно части интересующейся публики будет на стороне Зимина. Слухи и возбуждение только усилятся».[254]

Ближе к дате обсуждения книги нарастало волнение А. А. Зимина. Сославшись на плохое самочувствие, Александр Александрович просил Е. М. Жукова отменить обсуждение книги. Тот ответил, что обсуждение книги может состояться и без участия в нем автора. Тогда А. А. Зимин обратился к некоторым участникам обсуждения с просьбой походатайствовать об отмене обсуждения. Такое письмо получил и Д. С. Лихачев. А. А. Зимин писал: «Дорогой Дмитрий Сергеевич! Вечером 29 апреля я неожиданно почувствовал острую сердечную боль, заставившую меня сразу же обратиться к лечащему врачу. Врач категорически потребовал, чтобы я незамедлительно лег в постель, и запретил всякие волнения, в том числе и участие в диспуте, вплоть до выздоровления. Когда утром 30 апреля я сообщил в письме об этом Евгению Михайловичу Жукову, то он принял решение проводить обсуждение моей работы в мое отсутствие. Поскольку в настоящее время я физически не имею возможности участвовать в дискуссии, я обращаюсь к Вам с просьбой поставить вопрос о переносе дискуссии до моего выздоровления».[255]

А. А. Формозов иначе описывает эту ситуацию: «Зимина предупредили, что вступительного слова ему не дадут, ведь книга у всех на руках. Он решил тогда на обсуждение не ходить и в начале его не присутствовал, что, конечно, было ошибкой».[256]

Обращения к Е. М. Жукову разных лиц (в том числе В. В. Виноградова и Д. С. Лихачева) о переносе обсуждения оказались безрезультатными. Закрытое обсуждение книги А. А. Зимина состоялось 4—6 мая 1964 г. в Отделении истории АН СССР. В первый день А. А. Зимина не было на обсуждении, но в последующие два дня он присутствовал на нем и выступил с большим ответным словом.

Отделение истории АН СССР, организовавшее *закрытое* обсуждение, создало неприличную для академического сообщества

[254] *К истории спора-2*. С. 227.
[255] Там же. С. 230.
[256] *Формозов*. С. 100.

ситуацию, которую описали А. А. Формозов,[257] В. Б. Кобрин[258] и Я. С. Лурье,[259] о которой с возмущением говорила на обсуждении В. Д. Кузьмина и другие выступавшие. «В дверях стояли молодые люди, вероятно, сотрудники Президиума, во всяком случае, никому не известные».[260] Они сверяли фамилии входящих со списком. Некоторых известных ученых, пришедших на обсуждение, не пускали в зал именно потому, что у них не было приглашения. Всемирно известного филолога-востоковеда академика Н. И. Конрада не пропускали до тех пор, пока его не провел Жуков; едва пропустили известного специалиста по языку «Слова о полку Игореве» профессора С. И. Коткова. Не пропустили в зал заседания известного ученого, археолога и антрополога-скульптора, доктора исторических наук М. М. Герасимова, реконструировавшего, в частности, портрет Всеволода «Буй Тура»; не пропустили крупного специалиста по древнерусскому языку XI—XVII вв., сотрудницу Института русского языка АН СССР Л. П. Жуковскую, подготовившую свое критическое выступление по книге А. А. Зимина. Не пропустили в зал Л. В. Крестову, специалиста по русской литературе XVIII в., содокладчицу В. Д. Кузьминой, которая провела большую работу по проверке печатных материалов Иоиля Быковского, упоминаемых в книге А. А. Зимина. Не пустили Ираклия Андроникова.

Между тем в зале Института истории присутствовало, по словам А. А. Формозова, 230 человек,[261] многие из которых имели явно меньшее отношение к «Слову о полку Игореве», чем не пропущенные ученые, специально занимавшиеся этим памятником и готовившиеся выступить.

Окончательный список приглашенных на заседание специалистов мне неизвестен. Видимо, он включал 60 фамилий: А. Л. Монгайт сказал в своем выступлении, что 60 специалистов обсуждают работу А. А. Зимина в течение трех дней (см. наст. изд., с. 482). По сло-

---

[257] См.: Там же.

[258] См.: *Кобрин*. С. 178—179.

[259] Я. С. Лурье, в частности, пишет: «Стиль обсуждения был более или менее академичным (исключение составил лишь писатель-переводчик В. Стеллецкий) ⟨...⟩ Но атмосфера вокруг обсуждения была странной и какой-то кафкианской. Вход охраняли дюжие молодцы, не пускавшие никого, кто не был включен в список» (*Лурье*. С. 200).

[260] *Формозов*. С. 100.

[261] Там же.

вам А. А. Формозова, А. А. Зимину разрешили пригласить 20 человек.[262] Вероятно, список оппонентов А. А. Зимина также включал 20 человек (именно 20 ученых выступили на совещании с критикой обсуждавшейся книги). Видимо, остальные 20 — «чиновные лица».

Ясно, что в *окончательный* список не вошли ученые, которых, сверяясь со списком, не пропускали на заседание: Н. И. Конрад, С. И. Котков, Л. В. Крестова, И. Л. Андроников, ранее приглашенные (об этом сказал на обсуждении С. И. Котков). Не вошел в окончательный список и Ю. Г. Оксман.[263]

Из приглашенных А. А. Зиминым «не пришли Н. Н. Воронин,[264] В. И. Малышев и еще некоторые».[265] «Оппонент А. А. Зимина М. Н. Тихомиров написал Жукову, что в закрытом заседании участвовать отказывается, то же сообщили два других оппонента Зимина — Ю. М. Лотман и И. И. Смирнов[266]».[267] Формозов пишет также, что в зале присутствовали, но не выступали сотрудники Института истории Л. В. Черепнин, А. Н. Насонов,[268] парторг

[262] Там же.

[263] А. А. Формозов пишет по этому поводу следующее: «...не получил экземпляр книги и повестку о заседании Ю. Г. Оксман. Видимо, сыграло роль то, что, подвергшийся репрессиям в 1930—1940 гг., он вновь оказался в поле внимания КГБ. Вскоре его уволили из Института мировой литературы, перестали печатать, не разрешили на него ссылаться» (Там же). Причины этого в разных источниках называются различные. Упоминается, в частности, что ему вменяли в вину то, что он вел переписку с западными славистами, и прежде всего — что для нас интересно — с Г. П. Струве, публиковавшим в парижской газете информацию о докладе А. А. Зимина.

[264] Николай Николаевич Воронин (1904—1976) — историк архитектуры и древнерусского искусства, археолог; доктор исторических наук (1944), профессор. Сотрудник Института археологии АН СССР. Вел раскопки во Владимире, Ростове, Суздале и других городах. Автор опубликованной в 1950 г. статьи «„Слово о полку Игореве“ и русское искусство XII—XIII вв.».

[265] *Формозов*. С. 100. По устному сообщению В. М. Панеяха, после разговора с В. И. Малышевым он тоже решил не участвовать в обсуждении и сообщил об этом организаторам дискуссии.

[266] Вероятно, имеется в виду Иван Иванович Смирнов (1909—1965) — историк, доктор исторических наук (1948), преподаватель истфака ЛГУ, с 1951 г. профессор, одновременно старший научный сотрудник ЛОИИ СССР АН СССР (с 1938 г.).

[267] *Формозов*. С. 100.

[268] Арсений Николаевич Насонов (1898—1965) — историк, доктор исторических наук (1944), крупный исследователь и публикатор русских летописей. В 1935—1965 гг. (с небольшими перерывами) научный сотрудник московской

Института истории А. А. Преображенский,[269] лингвисты Р. И. Аванесов, В. М. Иллич-Свитыч.[270] Известно, что присутствовал в зале И. Г. Спасский.

С какой целью было организовано обсуждение книги А. А. Зимина Отделением истории АН СССР в мае 1964 г.?

Как уже отмечалось, первоначально это обсуждение решено было провести в июне-июле 1963 г., до проходившего в сентябре 1963 г. съезда славистов, чтобы выработать общую позицию советской делегации на съезде по этому вопросу. Для этого предполагалось отпечатать на ротапринте 10—12 экземпляров книги и обсудить ее узким кругом специалистов. Решение это принималось 9 мая на совещании лиц, курировавших подготовку к V Съезду славистов (София, сентябрь 1963 г.), во главе с заместителем председателя Идеологического отдела ЦК КПСС И. И. Удальцовым, по указанию которого Президиум АН СССР поручил провести обсуждение книги Отделению истории АН СССР.

Книга А. А. Зимина была представлена в Отделение истории АН СССР только в сентябре 1963 г. и была отпечатана на ротапринте в феврале 1964 г. Разумеется, цель обсуждения книги к этому моменту изменилась.

Еще в июне 1963 г. в одном из писем А. А. Зимину Яков Соломонович Лурье касается вопроса о цели предстоящего обсуждения его книги: «Единственная здравая мысль в двух Ваших письмах — насчет цели предстоящего обсуждения. Бессмысленно думать, что речь может идти о решении вопроса по существу (так считают наиболее невежественные администраторы), *смысл обсуждения* (как и

группы Историко-археографического института, преобразованного затем в Институт истории АН СССР.

[269] Александр Александрович Преображенский (1925—2002) — историк, на момент дискуссии кандидат исторических наук, с 1969 г. доктор исторических наук. С 1952 г. аспирант, затем научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1977—1991 гг. заведующий сектором, в 1991—2000 гг. главный научный сотрудник ИРИ РАН. Автор работ по истории Урала и Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII в., истории купечества в России и др.

[270] Владислав Маркович Иллич-Свитыч (1934—1966) — языковед-компаративист, сотрудник Института славяноведения АН СССР. Автор работ в области этимологии, сравнительной акцентологии и фонетики славянских, балтийских и других языков. Считается создателем новой лингвистической дисциплины — ностратического языкознания.

обсуждения всякой книги, если оно устраивается) — *в решении вопроса о печатании.* Я говорил об этом с Д. С-м, и он с этим согласен. Идеальный „вердикт" заключался бы в том, что, при всей спорности Вашей работы, она не бред графомана, какие ежегодно появляются на эту тему, содержит новый материал, причем ссылки на этот материал точны и добросовестны и т. д. (зачем Вы заранее приписываете Д. С. идиотский аргумент о не-просмотре всех архивов?). Книга важна по существу, имеет значение состав „присяжных", и Д. С. с этой точки зрения — скорее положительная фигура. Его позиция в этом вопросе не всегда последовательна, ему важно защитить Сектор от клеветы прохвостов;[271] как и Вы, он безмерно преувеличивает космическое значение этой темы (но в другом, естественно, направлении), и, наконец, важную роль в его позиции играют эмоции, вдохновлявшие некогда А. С. Пушкина на ответ „народным витиям"».[272]

Академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков в письме к Л. Ф. Ильичеву писал о том, что Отделение истории не решается печатать книгу А. А. Зимина без предварительного обсуждения, т. е. также видел цель обсуждения в решении вопроса о публикации книги. Но после того как 16 марта вице-президент

---

[271] Д. С. Лихачев действительно имел основания опасаться за Сектор. Особенно если учесть, что за несколько лет до этого, в 1952—1953 гг., в Пушкинском Доме и в Отделении литературы и языка АН СССР было проведено несколько совещаний, посвященных обсуждению работы и изданных трудов Сектора древнерусской литературы ИРЛИ.

Первопричиной этих обсуждений были серьезные идеологические обвинения руководителя Сектора В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева со стороны И. П. Лапицкого, преподававшего тогда на филфаке ЛГУ и стремившегося во что бы то ни стало устроиться на работу в Пушкинский Дом. Об одной из идеологических «проработок» Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, связанной с подготовленной ими книгой «Послания Ивана Грозного» (М.; Л., 1951), рассказывает Д. С. Лихачев в книге «Воспоминания» (СПб., 1995. С. 365—369). Обстановка в Ленинграде была настолько серьезной для Сектора, что в Отделении литературы и языка шла речь о переводе Сектора в Москву, в ИМЛИ. А некоторые материалы обсуждения в ОЛЯ работы Сектора были отправлены в Идеологический отдел ЦК КПСС. См.: Материалы совещания по обсуждению печатных трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Архив АН СССР. Отделение литературы и языка АН СССР. Ф. 456. Оп. 1. № 368. На 199 л. Начато: 23. II. 1953 г. Окончено: 17. V. 1953 г.).

[272] *Из писем Лурье к Зимину.* С. 99. Упоминается стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831).

АН СССР П. Н. Федосеев (вероятно, озвучивая решение, принятое Л. Ф. Ильичевым) сказал, что обсуждение состоится, но книга напечатана не будет, цель обсуждения стала неясной. Открывая заседание 4 мая 1964 г., Е. М. Жуков сказал: «Мы собрали группу специалистов для того, чтобы *обсудить рукопись, представленную А. А. Зиминым*. Надо сказать, что *мы ограничиваем задачу данного совещания рецензированием этой рукописи*» (см. наст. изд., с. 149).

Таким образом, организаторами обсуждения изначально не было предусмотрено решение вопроса об издании книги участниками совещания — он был заранее решен отрицательно на совещании у П. Н. Федосеева 16 марта 1964 г. Между тем, не зная об этом, вопроса об издании книги касались все выступавшие, и, за исключением сомневавшегося в целесообразности публикации книги В. И. Стеллецкого, все выступавшие и авторы тех отзывов на книгу, выдержки из которых зачитывал А. А. Зимин в своем ответном слове, были единодушны в том, что книгу необходимо опубликовать. Это единодушие с удовлетворением отметил в своем выступлении друг А. А. Зимина Я. С. Лурье (см. наст. изд., с. 358).

В дискуссии участвовали крупнейшие специалисты в своих областях: историки, литературоведы, лингвисты, в том числе специалисты по тюркским языкам, фольклористы, археологи. Фамилии многих из выступавших говорят сами за себя. 4 мая выступали: Н. К. Гудзий, Д. С. Лихачев, В. И. Стеллецкий, А. В. Арциховский. 5 мая на утреннем заседании — Б. А. Рыбаков, В. Д. Кузьмина, И. Н. Голенищев-Кутузов, тюрколог Н. А. Баскаков. На вечернем заседании — С. Н. Азбелев, А. Н. Робинсон, Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, Ф. П. Филин, А. И. Клибанов, О. А. Державина. 6 мая утром выступали: В. Б. Вилинбахов, Б. В. Сапунов, В. Б. Кобрин, О. В. Творогов, лингвисты А. П. Евгеньева и А. Н. Котляренко. На вечернем заседании 6 мая говорили А. Т. Николаева, поэт и переводчик «Слова» С. В. Шервинский, Ф. Я. Прийма, тюрколог А. А. Валитова, А. Л. Монгайт, В. Л. Янин, В. А. Кучкин, Т. А. Сумникова.[273]

[273] Не соответствует действительности, как может убедиться читатель, следующее утверждение Я. С. Лурье: «Ораторов приглашали на трибуну не в порядке записи, а по очень сложной системе: тех, кого подозревали в „скептицизме“, в первую очередь, чтобы последнее слово осталось за „оптимистами“» (*Лурье*. С. 201).

Были зачитаны в извлечениях отзывы на обсуждавшуюся книгу не присутствовавших по болезни членов-корреспондентов АН СССР В. П. Адриановой-Перетц и П. Н. Беркова, зачитан был и отзыв С. С. Зилитинкевича. Организаторам дискуссии были предоставлены также отзывы М. Н. Тихомирова и Р. П. Дмитриевой. А. А. Зимин в своем выступлении цитировал 30 отзывов, присланных по его просьбе лично ему. Он упоминал, кроме того, отзывы на книгу С. И. Бернштейна, В. Н. Новопокровской и др.

Ученые разных специальностей проанализировали книгу А. А. Зимина, перепроверили приведенные в ней материалы и обнаружили много ошибочных утверждений. С развернутой аргументацией выступили и те ученые, которые поддерживали отдельные положения книги А. А. Зимина (С. Н. Азбелев, Я. С. Лурье, А. И. Клибанов, В. Б. Вилинбахов, В. Б. Кобрин, А. Л. Монгайт, В. Л. Янин, А. Т. Николаева).[274] Выступавший в заключительный день совещания В. Л. Янин отметил, что трехдневное обсуждение книги А. А. Зимина «*вылилось в важную для дальнейшего развития истории и филологии дискуссию*» (см. наст. изд., с. 487).

В. Б. Кобрин сказал в своем выступлении: «...сегодняшний наш спор есть глубоко научный спор, спор по научной проблеме» (см. наст. изд., с. 407). Между тем позже в своей книге В. Б. Кобрин написал: «Большинство выступавших использовало трибуну для нападок на Зимина. Я слушал и поражался: ведь выступают ученые, они хорошо знают, что Зимин искал только истину, что прекрасно понимал, на какой риск идет. Увы, из тех, кто выступал против выводов Зимина, не нашлось, кроме Николая Каллиниковича Гудзия, никого, кто бы сказал: я не согласен с Зиминым, но уважаю его

---

[274] В книге «Советская историография Киевской Руси» дискуссия в Отделении истории почему-то представлена как доклад А. А. Зимина с последующим его обсуждением, среди выступивших по докладу названо восемь сторонников А. А. Зимина и восемь (?!) оппонентов «докладчика». Об обсуждении книги А. А. Зимина нет ни слова, а единственным результатом дискуссии, по словам автора, явилось то, что она «показала, что, несмотря на большие успехи, достигнутые в изучении памятника, „Слово о полку Игореве“ требует дополнительного исследования, более тщательного текстологического и источниковедческого анализа, дополнительного изучения его формы и художественных особенностей» (Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 247. Раздел «Древнерусская литература» написан Ю. А. Лимоновым).

научную честность, а полемизировать с его взглядами буду только после опубликования книги».[275]

Подчеркну, что Н. К. Гудзий не произносил в своем выступлении приведенных слов. Это слова, которые В. Б. Кобрин *ожидал услышать* на обсуждении книги.[276]

Что касается позиции Н. К. Гудзия, якобы отличной от других участников дискуссии, то непонятно, на чем основано это утверждение В. Б. Кобрина. Как показывает стенограмма, Н. К. Гудзий тоже выступил с критикой работы А. А. Зимина, его выступление открывало дискуссию (см. наст. изд., с. 154—163). Еще 7 ноября 1963 г. Н. К. Гудзий написал в письме к В. П. Адриановой-Перетц: «Я собираюсь вступить в войну, отнюдь не холодную, за „Слово", когда выйдет на ротапринте книга Зимина».[277] А 16 мая 1964 г., делясь с Д. С. Лихачевым своими впечатлениями от прошедшей дискуссии, и в частности от выступления А. А. Зимина, Н. К. Гудзий пишет: «...какая самоуверенность в непреложности своих выдумок! Если бы не подозрительное заболевание Зимина в первый день совещания и если бы я предвидел поведение Зимина в последний день совещания, я бы выступил гораздо резче, чем я это сделал».[278]

Можно ли назвать научную критику гипотезы А. А. Зимина «нападками» на него? Как мы знаем по воспоминаниям С. М. Каштанова, А. А. Зимин желал этой дискуссии, «рвался в бой». Научные оппоненты А. А. Зимина выступали не против него, они выступали с обоснованием древности «Слова о полку Игореве», в которой были

---

[275] *Кобрин*. С. 179.

[276] Л. В. Столярова, не поняв высказывания В. Б. Кобрина, приписала Н. К. Гудзию слова, которые В. Б. Кобрин ожидал услышать на обсуждении. Она пишет со ссылкой на книгу В. Б. Кобрина: «Примером кристально честного подхода к проблеме подлинности „Слова" для меня являются *слова Н. К. Гудзия, произнесенные на обсуждении* зиминской монографии о „Слове" в 1964 г.: „Я не согласен с Зиминым, но уважаю его научную честность, а полемизировать с его взглядами буду только после опубликования книги"» (см.: *Столярова Л. В.* О «Слове» и пустословии // Древнейшие государства Восточной Европы, 2002: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 337).

[277] Цит. по: *Рождественская М. В.* Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия... С. 191.

[278] *К истории спора-2*. С. 234. В этом же письме Н. К. Гудзий пишет далее: «Хорошо и Отделение историч⟨еских⟩ наук, пошедшее навстречу Зимину, оторвавшее занятых людей от их работы вместо того, чтобы рукопись дать внутренним двум-трем рецензентам, как это делается со всеми рукописями, издаваемыми АН» (Там же. С. 234—235).

глубоко убеждены. Цена вопроса была высока: «вопрос о дате „Слова“ — это вопрос, быть или не быть „Слову“. Это вопрос жизни или смерти для этого памятника»,[279] ибо «передатировать „Слово“ нельзя без ущерба для его идейной и эстетической ценности. В XII в. „Слово“ было произведением огромной идейной силы, произведением, призывавшим к единству, обличавшим усобицы князей ⟨...⟩. В XVIII в. это произведение оказывалось бы литературной безделушкой — „пастиш“ (стилизацией)...»[280] Не учитывая научного содержания «нападок» и тональности выступлений оппонентов А. А. Зимина, мы впадем в искажение действительности, не сообщим всей правды.

Как показывает стенограмма, общий тон выступлений на обсуждении был уважительный по отношению к А. А. Зимину. К сожалению, нарушило эту тональность выступление переводчика и исследователя ритмики «Слова» В. И. Стеллецкого (см. наст. изд., с. 211—240). Но вышедший на трибуну следом за Стеллецким А. В. Арциховский сказал: «Товарищи! Я прежде всего должен протестовать против недопустимо грубых выражений, которые употребил мой предшественник по адресу А. А. Зимина. (*Аплодисменты.*) Это совершенно возмутительно. Я глубоко уважаю А. А. Зимина — одного из лучших советских историков, несмотря на эту книгу, и замечательного человека» (см. наст. изд., с. 240—241). Осудили выступление В. И. Стеллецкого и другие участники совещания. Л. А. Дмитриев, выступавший на следующий день, сказал: «...сама по себе попытка А. А. Зимина пересмотреть этот вопрос и высказать на этот счет свои соображения не может вызывать никаких возражений. По-моему, вчера было встречено единодушным осуждением выступление Владимира Ивановича Стеллецкого, выдержанное в стиле „проработки“ печальных времен, оно не имеет никаких оснований» (см. наст. изд., с. 340). Я. С. Лурье констатировал: «Мне кажется, что все выступающие оказались едины в своем полном уважении к автору и к поставленной автором перед собой серьезной научной цели. Единственное в этом случае печальное исключение было достаточно ясно отвергнуто всеми выступавшими. И я думаю, что и в этом мы все едины. Мы уважаем Александра Александровича как

---

[279] *Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 132—160.

[280] Там же.

ученого, мы уважаем его стремление выяснить истину в этом сложнейшем вопросе и его право на выяснение этого вопроса» (см. наст. изд., с. 358).

Поэтому, как ни абсурдна была сама ситуация закрытого обсуждения, созданная партийными и академическими руководителями, некорректно сравнение обсуждения книги А. А. Зимина с печально известной сессией ВАСХНИЛ 1948 г., сделанное И. Н. Данилевским 5 августа 2006 г. в программе «Не так» на радиостанции «Эхо Москвы».[281]

Об идеологизированности дискуссии сказал на радиостанции «Свобода» после выхода в свет книги А. А. Зимина и историк-публицист И. В. Смирнов: «Подчеркиваю: для Зимина это была чисто академическая проблема, в ряду сотен других источниковедческих проблем, по которым приходилось полемизировать с коллегами. Политику в дело о „Слове“ внесли другие, причем не со стороны, не из госбезопасности, а из самих же историков, которые воспользовались ситуацией, чтобы засвидетельствовать свой образцовый патриотизм».[282]

---

[281] И. Н. Данилевский сказал, в частности, что «главную роль на этом обсуждении играли два человека. Это были Дмитрий Сергеевич Лихачев и Борис Александрович Рыбаков. Они сделали большие доклады, и после этого, собственно говоря, началось уже обсуждение. В завершение этого трехдневного обсуждения они еще раз выступали с большими докладами, где они уточняли свои позиции, уточняли свою точку зрения и договаривали то, что они не успели договорить в самом начале. Ну, надо сказать, что сама атмосфера была, конечно, очень специфическая и характерная, в общем-то, для того времени» (http://echo.msk.ru/programs/netak/45301/index.phml; см. также статью И. Н. Данилевского, написанную по материалам выступления на радио: *Данилевский И.* Загадку решить невозможно? // Знание — сила. 2007. № 3. С. 97—103).

Как показывает стенограмма, Б. А. Рыбаков выступал впервые только во второй день; на самом деле обсуждение началось не после докладов Лихачева и Рыбакова, а до них: первым выступал с докладом Н. К. Гудзий. В третий же день Рыбаков и Лихачев не выступали «с большими докладами», а зачитывали отзывы на книгу Зимина не приехавших на обсуждение по болезни двух ленинградских ученых — чл.-корр. АН СССР, автора многих работ о «Слове» В. П. Адриановой-Перетц и чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. При этом Д. С. Лихачев с целью экономии времени для ответного слова А. А. Зимина читал отзыв П. Н. Беркова не полностью, а выборочно, заняв не более пяти минут. Это пятиминутное выступление и называет Данилевский большим докладом в заключительный день обсуждения, в котором якобы Лихачев уточнял свою точку зрения, договаривал то, что не успел договорить в первый день.

[282] Отклик Ильи Смирнова на выход книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» (СПб., 2006) был озвучен в рамках программы «Поверх барьеров» на «Радио Свобода» от 7 сентября 2006. Текст см. на сайте «Радио Свобода»:

И. В. Смирнов не называет конкретных имен тех историков, которые «воспользовались ситуацией», тем самым распространяя обвинение на всех историков, участвовавших в дискуссии, что вряд ли может быть признано справедливым.

А вынося такие обвинения конкретному человеку, следует быть еще более осмотрительным, чтобы, защищая одного человека, не обвинить необоснованно другого, как это сделано в предисловии «От редакции» к публикации писем Я. С. Лурье, адресованных А. А. Зимину, в журнале «Звезда». Не соответствует действительности и является грубым ее искажением высказанное здесь утверждение: «На обсуждении против Зимина были выдвинуты политические обвинения. В частности, академик Б. Р. ⟨вместо Б. А. — *Л. С.*⟩ Рыбаков заявил, что концепция Зимина есть явный сионистский заказ».[283] Эта не соответствующая действительности информация повторяется, к сожалению, в статье Я. А. Гордина,[284] которая в свою очередь цитируется в статье А. Запесоцкого, Ю. Зобнина и А. Михайлова.[285]

Это искажение действительности объясняется, по-видимому, неверной передачей информации, содержавшейся в написанной ранее статье А. А. Формозова.[286] Фраза о «сионистском заказе» атрибутирована А. А. Формозовым писателю, переводчику и исследователю «Слова» А. К. Югову,[287] но почему-то со ссылкой на его статью

---

http://www.svobodanews.ru/Transcript/2006/09/07/20060907191133737.html и в интернет-журнале «Скепсис» от 8 октября 2006 г. под заглавием: «Книга Александра Зимина „Слово о полку Игореве“ (Рецензия на: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 516 с.)». Поскольку книга А. А. Зимина в этом отклике не рассматривается вообще, вряд ли правомерно называть его рецензией.

[283] *Из писем Лурье к Зимину*. С. 91.

[284] См.: *Гордин Я. А.* Лихачев как моральный авторитет // Очень UM. 2006/2007. № 1: Спец. вып. к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 50. В этой статье есть еще одна неточность. Яков Аркадьевич пишет о Д. С. Лихачеве, что «он хотел вести научную дискуссию, а от него, заведующего Сектором древнерусской литературы, требовали уничтожения оппонента». Публикуемые в настоящем издании материалы показывают, что никто из официальных академических лиц не обращался к Дмитрию Сергеевичу с подобными требованиями или просьбами ни прямо, ни завуалированно.

[285] См.: *Запесоцкий А., Зобнин Ю., Михайлов А.* Д. С. Лихачев и А. А. Зимин: Уроки научной полемики // Вестник Европы. 2007. № 21. С. 240—247.

[286] *Формозов*. С. 102.

[287] Алексей Кузьмич Югов (1902—1979) — писатель. О его работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 238—239; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 268—272.

с броским названием «Поругание великой поэмы».[288] Данная статья представляет собой на самом деле критический отклик Югова на стихотворное переложение «Слова о полку Игореве» Виктора Сосноры, и гипотеза о позднем происхождении памятника в ней не упоминается. Писатель А. К. Югов (оставим это на его совести) действительно допустил голословное тенденциозное высказывание, охарактеризовав гипотезу о позднем происхождении «Слова» (без упоминания имени А. А. Зимина) как получившую «поощрительный толчок в сионистских кругах Запада», но в другой статье 1969 г. — «Приоритет на блюде».[289]

О Б. А. Рыбакове же в статье А. А. Формозова написано следующее: «Рыбаков утверждал ⟨когда и при каких обстоятельствах, не сказано. — *Л. С.*⟩, что Зимина поддержали только А. И. Клибанов, А. Л. Монгайт, В. Б. Кобрин, Я. С. Лурье (все евреи), „забыв“ о выступлении на дискуссии А. Т. Николаевой и такого крупного знатока древнерусской культуры, как В. Л. Янин».[290] Это свидетельство на уровне бытовых слухов с непонятно кому принадлежащей интерпретацией якобы названных Рыбаковым фамилий выглядит странно в научном журнале «Вопросы истории».

Что касается сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, то их позицию можно выразить словами Л. А. Дмитриева из письма к А. А. Зимину: «В вопросе о „Слове“ я твой противник, и, как ты сам прекрасно понимаешь, я должен и буду здесь спорить с тобой. Но, и это я говорил и в частных, и в официальных разговорах, твоя точка зрения — это твоя научная гипотеза, и спорить с ней нужно как с гипотезой, не примешивая сюда никакой политики».[291]

Д. С. Лихачев, начиная свое выступление на обсуждении книги А. А. Зимина, сказал: «Еще одно замечание, которое я считаю необходимым предпослать своему выступлению: спор о подлинности

---

[288] *Югов А. К.* Поругание великой поэмы // Наш современник. 1969. № 10. С. 123—124; То же в кн.: Слово о полку Игореве / Пер., коммент. и статьи А. Югова. М., 1970 (переизд.: М., 1975). С. 264—268.

[289] *Югов А. К.* Приоритет на блюде // Журналист. 1969. № 2. С. 61. То же в кн.: Слово о полку Игореве / Пер., коммент. и статьи А. Югова. М., 1970 (переизд.: М., 1975). С. 262—264.

[290] *Формозов.* С. 100.

[291] *Спор о подлинности.* С. 396.

„Слова о полку Игореве“ является научным спором и привносить сюда какие-то вненаучные элементы не следует» (см. наст. изд., с. 164). Завершая свой доклад, Лихачев еще раз подчеркнул: «Работа А. А. Зимина должна стать доступной. Спор, который ведется в ней, только научный. Но если работа А. А. Зимина будет считаться секретной, то это придаст спору вненаучный аспект, набросит на нее тень обвинений, которых она не заслуживает» (см. наст. изд., с. 210—211).

Политические и идеологические обвинения в дискуссии действительно звучали, но присутствовали они, как увидит читатель стенограммы, в обсуждавшейся книге А. А. Зимина и в его ответном слове. Н. К. Гудзий, говоря в своем выступлении о зарубежных исследователях «Слова», вынужден был отметить: «Из иностранных ученых назову, в первую очередь, профессора Р. О. Якобсона, страстного защитника подлинности „Слова о полку Игореве“, о котором совершенно неправильно А. А. Зимин сказал, что „под флагом отстаивания древности памятника“ он „протаскивает“ идеалистические представления об определяющем воздействии на русский литературный процесс византийских и других иностранных влияний“.[292] Это сказано и в адрес ученицы Якобсона Бешаровой.[293] Ни тот, ни другая такой оценки не заслуживают. Это серьезные ученые, которые серьезно подходят к „Слову о полку Игореве“ и много ценного внесли в его изучение» (см. наст. изд., с. 155). Д. С. Лихачев на обсуждении книги заметил по поводу обвинения А. А. Зиминым А. Мазона в идеализме, что «вообще всякие такие обвинения в таком споре недопустимы» (см. наст. изд., с. 165). О политических «аргументах» в книге А. А. Зимина во время дискуссии говорил и О. В. Творогов: «Я думаю, что в спорах о „Слове о полку Игореве“ на данном этапе мы должны считаться только с чисто научными аргументами. Совершенно недопустимо, как это иногда делается в книге А. А. Зимина, кивать на „архиреакционные“ взгляды некоторых защитников подлинности „Слова“, на посвящение исследования о нем графу С. С. Уварову, на попытки царского правительства „с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность «Слова о полку Игореве», противоборствовать передовой для того времени исторической науке“. Едва ли поможет правильной оценке достижений советского

[292] См.: *Зимин-1*. Т. 1. С. 4.
[293] См. примеч. 119 на с. 41.

литературоведения и языкознания в изучении „Слова“ намек на то, что в период культа личности Сталина „всякие попытки отрицать древнее происхождение «Слова о полку Игореве» считались кощунственным надругательством над русской культурой“» (см. наст. изд., с. 426—427).

Еще более заостренно политические обвинения прозвучали в ответном слове А. А. Зимина на дискуссии. Отвечая на тезис Д. С. Лихачева о том, что гипотеза Зимина не нова, что она развивает гипотезу Андре Мазона (об этом же говорил и Н. К. Гудзий), А. А. Зимин перевел чисто историографический вопрос в политический, сказав: «Если говорить о предшественниках, — а о них говорить всегда нужно, — то я считаю, надо было бы сказать о том, кто же начал полемику с Мазоном и чьи аргументы потом получили развитие. Первым выступил в защиту древности или против Мазона П. Н. Милюков.[294] Его аргументы повторяются в основных чертах и развиваются дальше Д. С. Лихачевым ⟨...⟩. Это историографический факт, о котором Д. С. Лихачев почему-то всегда умалчивает. Далее. Основной противник позднего происхождения „Слова“ — небезызвестный профессор Р. Якобсон (США), политические и научные представления которого достаточно ясны. Его школа поднимается на щит в зарубежной славистике, и я что-то не слыхал, чтобы Д. С. Лихачев хоть когда-нибудь подвергал взгляды Якобсона и его последователей серьезной критике.[295] ⟨...⟩ Д. С. Лихачев не упомянул и ре-

[294] Павел Николаевич Милюков (1859, Москва — 1943, Экс-ле-Бель, Франция, похоронен в Париже) — известный политический деятель, публицист и историк, создатель и лидер партии кадетов, в 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства, участник Белого движения. В 1918 г. эмигрировал в Лондон, с 1920 г. жил в Париже, где издавал газету для русской эмиграции «Последние новости», занимался историческими исследованиями. В 1939 г. написал статью, критикующую гипотезу А. Мазона, см.: *Милюков П. Н.* Ересь профессора Мазона // Последние новости. 1939. 25 мая, 2 июня; републикацию см.: Малоизвестная статья П. Н. Милюкова 1939 г. о работе А. Мазона «Слово о полку Игореве» / Подгот. Д. М. Шаховской // *АЕ* за 2000 г. М., 2000. С. 467—473.

[295] В письме к Н. К. Гудзию Д. С. Лихачев пишет в начале апреля 1964 г., о чем он собирается говорить на предстоящем обсуждении книги А. А. Зимина: «Я буду говорить ⟨...⟩ что он, примыкая к научной концепции Мазона (тут я оговорюсь, что это нельзя рассматривать как какой-то политический намек, Мазон — лицо уважаемое, член нашей Академии; я, например, не отрицаю того, что повторяю некоторые аргументы Якобсона — лица более одиозного), не учитывает возражений, сделанных Мазону (Вами, Лотманом и многими другими — в нашем сборнике «Слово — памятник XII в.»)» (*К истории спора-2*. С. 224).

негата Лесного,[296] бежавшего с немцами из Киева и подвизающегося сейчас в Австралии. Этот, с позволения сказать, „ученый“ дикой бранью встретил не только работу Мазона, но и прислал, как мне сообщил С. В. Шервинский, уже готовую разносную рецензию против Зимина в комиссию по „Слову о полку Игореве“ ⟨...⟩.[297] Можно было бы напомнить о том диком вое (иного слова не подыщешь), который был поднят реакционными славистами, прослышавшими теми или иными способами о докладе Зимина и пытающимися сколотить общественное мнение за рубежом против Зимина. Я имею в виду и выступление Якобсона на съезде славистов с анонимным выпадом против меня, и „деятельность“ в этом направлении главных столпов реакционной славистики — украинского националиста Д. Чижевского[298] и „патриарха“ эмигрантских историков Г. Вернадского[299] и многих других. Все они с нетерпением ждут возможности

---

[296] Имеется в виду Сергей Яковлевич Парамонов (псевдоним — Сергей Лесной; 1894, Киев — 1967, Канберра, Австралия) — биолог-энтомолог, доктор биологических наук. С 1943 г. жил в Германии, Франции, с 1947 г. в Австралии, где преподавал биологию в Канберрском университете. В 1950—1953 гг. в Париже вышли четыре выпуска его книги «Слово о полку Игореве», подвергнутой серьезной критике. Во 2-м выпуске книги содержится критика скептических взглядов А. Мазона и высказывается мысль, что «Слово» — «строго-историческая и злободневно-политическая поэма» (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 4. С. 13—14).

[297] С. В. Шервинский являлся в это время секретарем Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» при Союзе советских писателей.

[298] Дмитрий Иванович Чижевский (1894, г. Александрия Херсонской губ. — 1977, Гейдельберг) — культуролог-славист, историк. Учился в Новороссийском, С.-Петербургском и Киевском университетах. Эмигрировав в 1919 г., продолжил обучение в Гейдельбергском и Фрайбургском университетах. Был профессором Украинского института в Праге, директором Института славистики в университете г. Галле (ГДР), заведующим кафедрой славистики университета в Марбурге (ФРГ), профессором Гарвардского университета (США). С 1956 г. до конца жизни состоял профессором Гейдельбергского университета (ФРГ). Автор многочисленных исследований по литературе, истории, философии, общественной мысли славянских народов. Сторонник подлинности «Слова», рассматривал его как высокохудожественное произведение XII в. — эпохи орнаментального стиля. Посвятил специальную статью критике концепции А. Мазона, считая ее находящейся вне науки (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 211—212).

[299] Георгий Владимирович Вернадский (1887, С.-Петербург — 1973, Нью-Хейвен, США) — крупный историк русского зарубежья, профессор (1946); сын академика В. И. Вернадского. Окончил Московский университет (1910), обучался в университетах Германии. В 1920 г. эмигрировал. В 1922—1927 гг. являлся профессором в Русском юридическом институте Карлова университета в Праге. Один из основателей в 1925 г. «Семинария имени Н. П. Кондакова» (Seminarium Kondakovianum), переименованного в 1931 г. в «Археологический институт

начать разнузданную кампанию против Зимина» (см. наст. изд., с. 526—527).

Даже на фоне обычной фразеологии той эпохи этот пассаж выглядит неожиданно. Ведь это уже не безобидные «привычные клише», подтверждающие лояльность (выражение А. А. Формозова). Хорошо, что политические обвинения А. А. Зимина по адресу Д. С. Лихачева, бывшего политзаключенного Соловецкого лагеря, прозвучали в период «оттепели», когда они не могли иметь серьезных последствий, хотя и дали повод Г. В. Романову, тогдашнему партийному руководителю Ленинграда, накладывать вето на поездки Д. С. Лихачева за границу, обвиняя его в дружбе «с нашими врагами», первым среди которых было названо имя Р. О. Якобсона.[300]

В заключении к своим дневниковым записям 1963—1977 гг. А. А. Зимин написал следующее: «В том, что уважаемые *коллеги* оказались не в состоянии спорить со мной в печати (предпочитая фигуру умолчания) и *согласились на то, чтобы книга осталась неизданной*, проявилось и их моральное поражение, и научная несостоятельность. Они смогли заставить меня замолчать, но победить в честном бою не смогли ⟨...⟩. Скребущий сердце червь совести их не покинет, если они будут умалчивать о моей книге».[301] Но в этом же небольшом заключении к книге «Слово и дело» А. А. Зимин пишет и другое: «В ходе дискуссии 1963—1964 гг. *ни один историк не выступил против злосчастной книги и за то, чтоб ей отказано было в напечатании. Наоборот, многие поддержали мысль* о *необходимости ее издания*, написали благожелательные отзывы».[302]

им. Н. П. Кондакова», в 1931—1935 гг. его директор. В 1927—1956 гг. преподавал историю России в Йельском университете (Нью-Хейвен). Автор 22 книг, в том числе пятитомной Истории России с древнейших времен до конца XVII в. (1943—1969), признанной на Западе классической, однако в СССР ученый был известен прежде всего как белоэмигрант и представитель чуждой буржуазной историографии. Автор статьи о «Слове» (La Geste d'Igor' au point de vue historique // La Geste du prince Igor': Épopée russe du douzième siècle. New York, 1948. P. 217—234). Критически откликался на работы о «Слове» А. Мазона, Г. Пашкевича и др.

300 См. об этом в воспоминаниях Вяч. Вс. Иванова в кн.: Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Сост. и автор предисл. Е. Г. Водолазкин. СПб., 2006. С. 159.

301 *Зимин. Обретение свободы*. С. 88—89.

302 Там же. С. 88.

Так кто же из коллег Зимина согласился с тем, чтобы книга оставалась неизданной? Может быть, филолог Д. С. Лихачев, который не переставал и в дальнейшем обращаться к руководству Академии наук, убеждая издать книгу А. А. Зимина? Или все те филологи, которые, выступая на обсуждении книги, доказывали необходимость ее издания?

Утверждение А. А. Зимина: «...уважаемые коллеги оказались не в состоянии спорить со мной в печати» — тоже вызывает недоумение. Ведь оно сделано в декабре 1978 г., после того как в печати появился цикл статей, являющихся полемическими ответами на публикации А. А. Зимина, после того как в 1966 г. вышел сборник статей, целиком посвященный вопросам взаимоотношения «Слова» и «Задонщины», в котором доказывалась противоположная зиминской точка зрения.

Впрочем, сам А. А. Зимин написал, что высказанная им в дневнике оценка пережитого проникнута «личностным восприятием событий и поэтому нуждается в очень сильных коррективах, которые будут сделаны позднейшими читателями».[303]

В результате трехдневного обсуждения книги А. А. Зимина никакого решения принято не было. В своем заключительном слове Е. М. Жуков сказал: «Мы имели указание от руководства Академии обсуждение организовать и теперь представим руководству Академии мнение совещания. *Решить вопрос о судьбе рукописи мы не можем — это вне нашей компетенции.* Мы доложим результаты совещания, и *товарищи будут решать*, как дальше поступить с этой рукописью» (см. наст. изд., с. 574).

Я. С. Лурье вспоминал, что, когда обсуждение закончилось, молодые люди, охранявшие вход, обошли всех сидевших в зале, чтобы

[303] Там же (см. преамбулу В. Г. Зиминой). Характеризуя другую автобиографическую рукопись А. А. Зимина — «Храм науки. Размышления (или Воспоминания) о прожитом», А. М. Дубровский отмечает: «Обычно его ⟨Зимина. — *Л. С.*⟩ взгляд критичен, субъективен, порой он допускает фактологические неточности, что необходимо иметь в виду при использовании этого источника» (*Дубровский*. С. 6). По словам А. В. Юрасова, первый вариант рукописи был написан А. А. Зиминым в 1974 г., затем текст существенно редактировался в 1976 г. и работа над ним продолжалась почти до самой смерти автора в феврале 1980 г. (От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. М., 2003. С. 17).

собрать выданные экземпляры ротапринта.[304] Отдали, однако, не все. А. А. Формозов пишет, что «26 июня сотрудник Отдела науки ЦК КПСС А. Н. Софинский предложил Жукову отобрать у участников обсуждения экземпляры книги»[305] (речь, вероятно, идет об экземплярах, не сданных на совещании). По свидетельству В. Б. Кобрина, тем, кто не вернул книгу А. А. Зимина после ее обсуждения, неоднократно напоминали о необходимости сделать это, но потом оставили «ослушников» в покое.[306]

17 сентября 1964 г. Отделение истории официально приняло решение передать в Архив АН СССР экземпляры книги и стенограмму обсуждения для *закрытого хранения*, а книгу не печатать.[307] До 1977 г. в Архиве АН СССР хранились вместе со стенограммой 74 экземпляра книги А. А. Зимина (из них один неполный, состоящий из двух томов).[308] В описи № 3 фонда 457 Архива РАН помечены как списанные и уничтоженные (?!) по акту в октябре 1977 г. 70 полных экземпляров книги и один неполный, состоящий из двух томов. В Архиве РАН хранятся сейчас три экземпляра книги А. А. Зимина (нумерованные экземпляры 76, 77, 78).[309]

В Отделение истории АН СССР были сданы А. А. Зиминым отзывы на его книгу, присланные ему учеными. Об этом он сказал, выступая на совещании. Кроме того, в книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве», опубликованной в 2006 г., при ссылке на отзыв Г. А. Лесскиса указано место его хранения: «АН СССР. Отделение

---

[304] См.: *Лурье*. С. 201.
[305] *Формозов*. С. 101.
[306] *Кобрин*. С. 179.
[307] *Формозов*. С. 101.
[308] См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. № 3 (1964 г.). Ед. хр. 21—241. Таким образом, не были сданы 27 экземпляров книги. Не сдали свои экземпляры Д. С. Лихачев (экземпляр под № 001), П. Н. Берков (экземпляр под № 003, хранится в семье Беркова, им недавно пользовалась Н. С. Демкова), В. В. Виноградов (экземпляр под № 023), А. Н. Робинсон (экземпляр под № 067), В. Б. Кобрин, В. Л. Янин (экземпляр под № 072). Не сдал свой экземпляр С. Н. Азбелев (номер его неизвестен, он был соскоблен владельцем). Сохранился экземпляр и у самого А. А. Зимина (под № 006). Предполагаю, что не был сдан экземпляр В. П. Адриановой-Перетц (вероятно, № 002). Буду признательна за сообщения о других сохранившихся экземплярах ротапринтного издания книги А. А. Зимина.
[309] См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 3 (1964 г.). № по описи: 233—235, 236—238, 239—241.

истории. Отзывы на рукопись А. А. Зимина, л. 90—91».[310] Однако эти отзывы на книгу не были, видимо, переданы в Архив РАН (в описи № 3 фонда 457 они не значатся). Вероятно, вторые экземпляры отзывов сохранились в личном архиве А. А. Зимина и когда-нибудь будут опубликованы.

В августе или сентябре (не позднее 26 сентября) 1964 г. А. А. Зимин, вероятно впервые после обсуждения книги, пишет В. И. Малышеву. Обиженный на Владимира Ивановича за то, что тот не приехал на обсуждение книги, Александр Александрович начинает свое письмо так: «Кто старое помянет — тому глаз вон». А в постскриптуме прибавляет: «И все-таки: ай, ай, ай... И не совестно?».[311]

В этом письме А. А. Зимин сообщает важные новости: «За лето подготовил книгу о Слове. Она увеличилась примерно на 200 страниц. Сейчас перепечатывается. Надежд пока на издание нет — но все „в руце божьей“. 〈...〉

Приезжал Якобсон на конгресс[312] и просил у меня работу, чтоб обругать в выходящих сейчас его сочинениях. Ах, сукин сын! Он говорит, что у него есть стенограмма февральского доклада и выписки из книги (???). Я решительно возражал против всего этого и книгу категорически отказался дать.

Еще одно событие. Как будто около 26 сентября приезжает в Москву главный специалист по интересующему меня вопросу.[313] Вот не знаю, стоит ли мне встречаться с ним. Хотел бы знать Ваше мнение. Но вообще забавно!

Жуков от встречи со мной уклоняется, на вопросы (в письмах) об издании не отвечает ни да, ни нет. Стенограмму обсуждения и отзывы мне не дают под тем предлогом, что „не все завизировали“ ее.[314]

---

[310] *Зимин-2*. С. 291, примеч. 283.

[311] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 10.

[312] В Москву Р. О. Якобсон приехал 1 августа 1964 г., в Ленинграде был с 11 по 16 августа.

[313] Имеется в виду Андре Мазон.

[314] Все выступавшие на обсуждении книги обязаны были прочесть стенограмму, выправить ее и подписать. Авторы сделали это в мае. 2 октября 1964 г. ее завизировал в качестве организатора обсуждения Е. М. Жуков.

Настроение — хорошее. Отдохнул прекрасно. Приступил к третьей книге о Грозном («Конец Грозного»). Дома пока все в порядке».[315]

Андре Мазон, о котором идет речь в этом и двух последующих письмах А. А. Зимина к В. И. Малышеву, еще в январе 1964 г. обратился с письмом к А. А. Зимину. А. А. Формозов на основании дневниковых записей А. А. Зимина сообщает, что «в январе Александр Александрович получил письмо от А. Мазона, желавшего познакомиться с работой и предлагавшего издать ее на Западе. Позиция автора и тогда и позже была однозначна: „Работа о «Слове» принадлежит моей стране. Она первая услышала мой доклад. Она первая ее и напечатает“».[316]

Осенью 1964 г. А. Мазон приезжал в Москву и Ленинград. 28 сентября А. А. Зимин в письме к В. И. Малышеву пишет: «Как мне стало известно, Ленинград собирается посетить проф⟨ессор⟩ А. Мазон. Мне бы крайне не хотелось, чтобы он получил возможность хоть каким-либо образом ознакомиться с моей работой о „Слове“ и всеми обстоятельствами обсуждения. Надеюсь, что Вы понимаете, насколько и почему это мне нежелательно».[317]

Месяц спустя, 24 октября 1964 г., А. А. Зимин пишет В. И. Малышеву: «Да, у нас новость. По распоряжению Жукова в Архиве АН СССР (Москва) А. Мазону выдали и мою работу, и стенограмму, и он во вторник и среду на той неделе их читал.[318] Вы сами понимаете, что это меня возмущает: без моего разрешения и т. п. Во всяком случае, я с себя всякую ответственность снимаю. Что будет дальше — кто знает».[319]

Основываясь на дневниковых записях А. А. Зимина, А. А. Формозов сообщает, что «Мазон просил Жукова познакомить его с книгой Зимина, получил отказ, обратился с той же просьбой к В. В. Виноградову. Тот связался с Федосеевым. Разрешение было дано при условии, что Мазон ссылаться на книгу не будет».[320] По словам

[315] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 10.

[316] *Формозов*. С. 99.

[317] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 11.

[318] По всей вероятности, А. Мазону был выдан перепечатанный набело после авторской правки вариант стенограммы, обозначенный как «подлинник», в котором отсутствовал текст ответного слова А. А. Зимина.

[319] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 12.

[320] *Формозов*. С. 101.

А. А. Формозова, А. Мазон, ознакомившись с книгой А. А. Зимина, написал В. И. Малышеву: «Издание этого замечательного труда — дело чести Советской Академии».[321]

Хотя книга А. А. Зимина оставалась неизданной, его гипотеза стала известна научным кругам в 1965—1971 гг. по тринадцати его статьям, вышедшим в свет, в том числе по «статье-автореферату работы в целом».[322] Статьи А. А. Зимина печатались в таких авторитетных центральных изданиях, как «Вопросы литературы», «Русская литература», «Археографический ежегодник», «История СССР», «Русский фольклор», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Труды Московского государственного историко-архивного института», «Ученые записки Тартуского государственного университета»; три статьи были опубликованы в Ученых записках НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР благодаря чебоксарскому историку В. Д. Димитриеву.

Еще одна статья готовилась к публикации в «Исторических записках». В письме от 12 февраля 1969 г. Д. С. Лихачев пишет Дж. Феннеллу о том, что в журнале «Исторические записки» по его рекомендации готовится к публикации большая статья А. А. Зимина (3 а. л.), которая «посвящена соображениям о первичности текста „Задонщины“», что он просит редакцию опубликовать эту статью «без немедленного ответа в том же номере», и резюмирует: «Таким образом, *полемика постепенно приобретает спокойные научные формы. Я этому очень рад*».[323] К сожалению, эта статья не была опубликована.[324]

---

[321] Там же. В письме к А. Н. Робинсону от 17 августа Д. С. Лихачев сетует: «Мазон издал в Париже статью о Иоиле. Там он пишет о Зимине: „его работа может сделать честь любой Академии мира“ и пр. Здорово? Вот Вам наша глупая политика — не печатать». См.: *Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев… С. 409.

[322] Выражение А. А. Зимина (*Зимин. Обретение свободы*. С. 89). А. А. Зимин имеет в виду свою статью «Когда было написано „Слово“?» (Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 135—152).

[323] Машинописная копия этого письма хранится в архиве Д. С. Лихачева (РО ИРЛИ. Ф. 769).

[324] По словам А. А. Формозова, статью «в печать не пропустили» (*Формозов*. С. 101). Кто помешал выходу в свет статьи — неизвестно. В статье А. А. Формозова об этом не сказано.

Д. С. Лихачев продолжал настаивать и на публикации работы Зимина в полном объеме: 12 июня 1970 г. он написал возглавлявшему Отделение истории академику Е. М. Жукову (с копиями академику-секретарю ОЛЯ АН СССР академику М. Б. Храпченко и академику Б. А. Рыбакову) письмо следующего содержания:

«Глубокоуважаемый Евгений Михайлович!

Было бы крайне необходимо издать работу А. А. Зимина о Слове о полку Игореве в полном объеме к предстоящему в 1973 г. Международному съезду славистов.

Среди зарубежных славистов широко распространено убеждение, что работа А. А. Зимина в Советском Союзе полностью не издана и какие-то серьезные доказательства поддельности „Слова“ ему запрещено публиковать. Поэтому многие видные зарубежные слависты (Исаченко,[325] Унбегаун,[326] Феннелл[327] и др.) отказываются рассматривать в своих курсах русской литературы и русского языка Слово о полку Игореве „ввиду неясности положения“. Между тем работа А. А. Зимина почти полностью издана частями в различных, по большей части редких, изданиях. Если сочинение А. А. Зимина будет переиздано отдельной книгой, то никаких новых потрясений от этого не произойдет. Наоборот, с А. А. Зимина будет снят ореол

[325] Александр Васильевич Исаченко (1910, Петербург — 1978, Клагенфурт, Австрия) — лингвист, славист; чл.-корр. Академии наук ГДР (1964), Чехословакии (1968) и Австрии (1973). После революции в эмиграции. Окончил Венский университет (1933). Преподавал в Вене (1935—1938), Любляне (1939—1941), Братиславе (1941 — 1945). В 1945—1968 гг. работал в различных университетах и институтах Чехословакии, одновременно (в 1960-е гг.) в ГДР. В 1968—1971 гг. — профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. С 1971 г. до конца жизни — профессор университета в Клагенфурте. Специалист в области фонологии и диалектологии славянских языков, лексикологии и лексикографии русского языка.

[326] Борис Генрихович Унбегаун (Boris Ottokar Unbegaun; 1898, Москва — 1973, Нью-Йорк) — филолог-славист, лингвист, специалист по славянским языкам и литературам; доктор наук (1935). В 1924—1937 гг. жил в Париже, обучался славистике в Сорбонне, после окончания университета работал библиографом в библиотеке Института славянских исследований. Его учителями и старшими коллегами были Андре Мазон и Андре Вайян. С 1945 г. читал лекции в университетах Страсбурга, Брюсселя, Оксфорда. В 1953—1965 гг. состоял профессором славянской филологии Оксфордского университета, с 1965 г. до конца жизни — профессором славянской лингвистики в Нью-Йоркском университете. Занимал скептическую позицию в отношении древности «Слова».

[327] См. примеч. 62 на с. 26.

„борца за истину“ и будет всем сделана явной слабость и надуманность его аргументации. Самый главный аргумент против концепции А. А. Зимина — его собственная работа.

Работа А. А. Зимина вполне может быть издана отдельной книгой. В крайнем случае, ее можно издать под одним переплетом с ответом ему. В последнем случае А. А. Зимину следовало бы предложить ограничиться самым главным в объеме 20 а. л., а ответ ему может быть дан в объеме 10—15 а. л.

Если А. А. Зимин откажется печатать свою работу, что весьма вероятно, так как он, несомненно, понимает ее слабость и выгодность своего положения, когда его работа окружена „ореолом запретности“, то самый отказ его будет иметь положительный международный эффект. Отказ А. А. Зимина должен быть так или иначе официальным и должен быть опубликован. Формы того и другого могут быть обсуждены.

С уважением Д. С. Лихачев».[328]

В статье, написанной за пять лет до этого, 29 января 1965 г., для газеты «Известия», но отклоненной редакцией газеты, Д. С. Лихачев пытался публично объяснить причины, по которым необходимо опубликовать книгу А. А. Зимина. Он писал: «...я настаиваю на публикации работы А. А. Зимина не потому, что вижу в ней нечто существенное, способное изменить существующую точку зрения на „Слово о полку Игореве“. Работа А. А. Зимина должна быть доступной потому, что наука требует гласности. Науке вредят слухи. Наука нуждается в открытых дискуссиях. ⟨...⟩ Но если бы доказательств подлинности „Слова“ и не было, а работа А. А. Зимина была сильной, то тут еще в большей мере следовало бы настаивать на том, чтобы сделать аргументацию А. А. Зимина доступной.

Наука должна быть не только гласной, но беспристрастной. Она должна искать истину. В науке нельзя руководствоваться ложно понятым патриотизмом. Патриотизм стимулирует научные исследования, но не управляет их конечными выводами. Патриотизм не в том,

---

[328] Авторизованная машинописная копия письма была найдена уже после смерти Д. С. Лихачева, когда в Отдел древнерусской литературы ИРЛИ его наследниками было передано все его богатейшее собрание книг по медиевистике. Подписанная копия машинописного письма Д. С. Лихачева была обнаружена в принадлежавшем Д. С. Лихачеву экземпляре книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве». Письмо передано в архив Д. С. Лихачева (РО ИРЛИ. Ф. 769).

чтобы приукрашивать историю своего народа или отстаивать существование несуществующего».[329]

Как видим, позиция Д. С. Лихачева по отношению к А. А. Зимину оставалась неизменной: его книгу он характеризовал как неудачу ученого, но при этом считал необходимым ее издать. С этой просьбой он неоднократно обращался к различным официальным лицам, в частности к академику-секретарю ОЛЯ АН СССР В. В. Виноградову, а затем к сменившему его М. Б. Храпченко, а также академику-секретарю Отделения истории Е. М. Жукову, вице-президенту АН СССР академику П. Н. Федосееву. Писал он об этом и в личных письмах Б. А. Рыбакову, Н. К. Гудзию, А. Н. Робинсону и др.

Какую роль сыграла в жизни А. А. Зимина его книга о «Слове»? Как отразилась на его дальнейшем творчестве?

В заключение своей статьи А. А. Формозов написал: «Положение его, бесспорно, ухудшилось. Его сняли с поста заместителя председателя Археографической комиссии АН СССР, вывели из состава ученых советов сначала в Институте археологии, а потом (в 1973 г., когда директором института стал Рыбаков) и Института истории СССР. На лестные приглашения читать лекции в Гарварде, Сорбонне, Западном Берлине дирекция накладывала вето. В 1972 г. прекратилась преподавательская деятельность Зимина в Историко-архивном институте.

Круг преданных учеников и друзей не распался, но официальная историческая наука СССР от Зимина отшатнулась, и его влияние на ее развитие было искусственно сужено. Кто потерял на этом? Конечно, не Александр Александрович. Его знания и талант остались при нем. Потеряла наша наука в целом, выиграли же лишь амбиции нескольких чиновников от науки».[330]

Нам представляется необходимым прокомментировать некоторые из приведенных утверждений.

А. А. Зимина «сняли с поста заместителя председателя Археографической комиссии АН СССР» по инициативе председателя Археографической комиссии академика М. Н. Тихомирова, с которым до этого у Зимина были добрые отношения и который, как писал

[329] Статья публикуется полностью в настоящем издании (см. с. 659—662).
[330] *Формозов*. С. 102.

Зимин В. И. Малышеву, после доклада «и слушать меня не хочет».[331] М. Н. Тихомиров не только не захотел сотрудничать с А. А. Зиминым в Археографической комиссии, но и, как уже упоминалось, потребовал, чтобы в томе «Археографического ежегодника» за 1962 год, посвященном М. Н. Тихомирову в связи с его 70-летием, редактором значился не А. А. Зимин, реально проделавший редакторскую работу, а В. И. Шунков. А. А. Зимин, сообщая об этом В. И. Малышеву в мае 1963 г., писал: «Случай невиданный! Мне В. И. Шунков звонил, я не возражал — насильно мил не будешь (если б не юбилейный том, я ⟨бы⟩ так все это не оставил)».[332] К чести А. А. Зимина, он не держал на М. Н. Тихомирова зла. В начале 1964 г. он пишет В. И. Малышеву: «Под Новый год был у МНТ и помирился со стариком — дружба и наука вещи разные».[333] А когда М. Н. Тихомиров умер, А. А. Зимин написал В. И. Малышеву 15 мая 1965 г: «Михаила Николаевича очень жаль — это был хороший человек и настоящий ученый, горячо любящий родную историю».[334]

Фраза А. А. Формозова: «В 1972 г. прекратилась преподавательская деятельность Зимина в Историко-архивном институте» — в редакторском предисловии журнала «Звезда» к публикации писем Я. С. Лурье А. А. Зимину трансформировалась в утверждение: «Ему запрещено было преподавание в Историко-архивном институте»,[335] что не соответствует действительности. А. А. Зимин преподавал в Историко-архивном институте 27 лет, с 1947 по 1973/1974 учебный год включительно (в течение 10 лет после своего доклада о «Слове»), вначале в качестве старшего преподавателя (1947—1950), затем доцента (1950—1970), а с 1970 по 1973 г. — в качестве

[331] О разговоре, который состоялся у А. А. Зимина с М. Н. Тихомировым, в пересказе Л. Н. Пушкарева см.: *Пушкарев Л. Н.* А. А. Зимин (из воспоминаний) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М., 2000. С. 111.

[332] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 48—49. Отметим, что, хотя на обороте титула ответственным редактором тома числится В. И. Шунков, в конце предисловия сказано: «Том выходил под редакцией А. А. Зимина» (*АЕ* за 1962 год. М., 1963. С. 4).

[333] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 67.

[334] Там же. № 517. Л. 19. См. также опубликованный А. А. Зиминым некролог: *Зимин А. А.* Памяти Михаила Николаевича Тихомирова // Исторические записки. 1965. Т. 78. С. 272—276.

[335] *Из писем Лурье к Зимину.* С. 92.

профессора (в 1971 г. ему присвоено ученое звание профессора). Прекратил А. А. Зимин преподавание в Историко-архивном институте в 1974 г. не в связи с дискуссией по его книге о «Слове» (после которой прошло уже 10 лет), а в связи со сложившейся в этом институте ситуацией.[336] В 1967—1970 гг. А. А. Зимин параллельно преподавал в качестве доцента в МГПИ им. В. И. Ленина (на курсах повышения квалификации учителей).[337] Он руководил также работой аспирантов. Еще при жизни Александра Александровича 4 его ученика стали докторами наук и 15 защитили кандидатские диссертации.[338]

Требует уточнения и фраза А. А. Формозова относительно того, что А. А. Зимина «вывели» из состава Ученого совета Института истории «в 1973 г., когда директором института стал Рыбаков». Директором Института истории СССР Б. А. Рыбаков был назначен в августе 1968 г. (когда Институт истории был разделен решением ЦК КПСС на два института: Институт всеобщей истории и Институт истории СССР),[339] а уже в 1969 г. директором Института истории СССР стал П. В. Волобуев, снятый с этого поста в 1974 г.[340] Так что выход А. А. Зимина из состава Ученого совета Института истории СССР в 1973 г. не связан с директорством Б. А. Рыбакова.

---

[336] Сам А. А. Зимин пишет об этом так: «В Историко-архивном институте я трудился свыше четверти века, а потом от меня избавились, формально как от совместителя. По „Положению“ на полставки могли работать теперь только те, кто читал лекции, а я лекций не читаю» (*Зимин А. А.* «Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут...»: (Из воспоминаний А. А. Зимина) ⟨Глава «Дети становятся взрослыми» из неизданной книги воспоминаний «Храм науки: Воспоминания о прожитом»⟩ // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 61; то же в кн.: Александр Александрович Зимин / Сост. В. Г. Зимина, Л. Н. Простоволосова. М., 2005).

[337] См.: *Хорошкевич А. Л.* Зимин Александр Александрович // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 140.

[338] Александр Александрович Зимин ⟨Некролог⟩ // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 189.

[339] В октябре 1968 г. А. А. Зимин пишет В. И. Малышеву по поводу ставшего директором Института истории СССР Б. А. Рыбакова: «Академик пока не притесняет, даже наоборот» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 39).

[340] См.: *Телицын В. Л.* Волобуев Павел Васильевич (1923—1997) // *Историки России: Биографии.* С. 827—828. В справочнике «*Историки России XX в.*» (т. 2. С. 274) время директорства Б. А. Рыбакова в Институте истории СССР ошибочно указано как 1969—1971 гг.

Вероятно, на основании приведенной и рассмотренной фразы А. А. Формозова возникло следующее утверждение обобщающего характера: «Зимина вывели из редколлегий, сняли с научных постов, запретили преподавать».[341] Чтобы читателю было ясно, соответствует ли это действительности, отсылаю к книге: «Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель», где опубликованы основные даты жизни и деятельности А. А. Зимина.[342]

Проходившая в 1960-х гг. дискуссия была не только *научным* противостоянием А. А. Зимина и его коллег-оппонентов. Было также и другое противостояние, где по одну сторону находились ученые, добивавшиеся опубликования книги А. А. Зимина и открытой научной

---

[341] *Гордин Я. А.* Лихачев как моральный авторитет. С. 50.

[342] См.: Основные даты жизни и деятельности ⟨А. А. Зимина⟩ // Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель. М., 2000. С. 54—60. Приведу сведения, касающиеся 1960—1970-х гг.: с 1958 по 1976 г. А. А. Зимин — член Научного совета Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне РГБ); с 1960 по 1964 г. — член Ученого совета Института археологии АН СССР; с 1962 по 1974 г. — член Секции Ученого совета Института истории АН СССР по истории СССР дооктябрьского периода; с октября 1962 г. — член Ученого совета Секции истории СССР исторического факультета МГУ; с апреля 1964 г. — член Президиума Объединенной секции общей истории научно-технических советов Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, в 1969—1979 гг. — член Научного совета Центрального государственного архива древних актов; в июне 1971 г. утвержден членом Бюро комиссии по проблемам Возрождения Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» АН СССР; в декабре 1971 г. утвержден членом Научного совета «История исторической науки» АН СССР. В некрологе, опубликованном в «Вопросах истории» (1980. № 4), сообщалось, что А. А. Зимин был членом секции исторических наук Государственного комитета по Ленинским премиям при Совете Министров СССР.

В 1957—1960-е гг. А. А. Зимин был членом редколлегии журнала «Исторический архив», в 1958—1964 гг. — членом редколлегии сборников «Вопросы истории религии и атеизма». С 1960 по 1976 г. А. А. Зимин — редактор-консультант «Советской исторической энциклопедии»; с 1962 по 1980 г. — член редколлегии «Исторических записок»; с 1973 по 1977 г. — член редколлегии издания «Источниковедение отечественной истории»; с 1973 по 1978 г. — член редколлегии межвузовского научного издания «Историографический сборник» (Саратовский университет).

В 1970 г. А. А. Зимин был награжден медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Показательно и то, что статья о нем была включена в «Большую советскую энциклопедию» (1972. Т. 9. С. 532).

дискуссии, а по другую — партийное и академическое начальство в лице заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС, секретаря Центрального Комитета Л. Ф. Ильичева, вице-президента АН СССР, члена ЦК КПСС П. Н. Федосеева и др. Убедить их в необходимости открытой научной дискуссии по работе А. А. Зимина и необходимости публикации его книги участники дискуссии, и в первую очередь Д. С. Лихачев, так и не смогли. С. О. Шмидт справедливо отметил, что происходившее в 1964—1965 гг. — «очевидный пример организации высшими партийными органами противостояния неугодным суждениям ученого даже мировой известности».[343]

По словам Л. Н. Пушкарева, ему, как и В. Т. Пашуто, предлагали выступить в печати с опровержением взглядов А. А. Зимина: «По этому поводу меня, как, вероятно, и других, вызывали в Отдел науки МК КПСС и настойчиво рекомендовали выступить с развернутой статьей и с осуждением „вредоносной теории“ (как выразился в беседе инструктор МК). Устроителям этой акции необходимо было показать, что против Зимина выступают все историки-коммунисты».[344]

В отличие от ученых, характеризовавших работу А. А. Зимина на дискуссии в Отделении истории как сугубо научную, лектор ЦК КПСС А. А. Строков, разъясняя ученым Казани постановление ЦК КПСС об общественных науках, сказал (по словам А. А. Формозова,[345] проверить которые мы не можем) о работе А. А. Зимина как об «идеологической диверсии».

Свою роль играли и газетные публикации. Статьи информационного характера о дискуссии вызывали протест у А. А. Зимина по той причине, что в них в той или иной степени критиковалась неизданная работа или (как в статье писателя Ю. Щербакова) давалось упро-

---

[343] *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. М., 2005. № 8 (126). С. 350. «Думается, — пишет в связи с этим С. О. Шмидт, — что историю обсуждения, тем более осуждения концепции А. А. Зимина о позднем происхождении „Слова о полку Игореве“ следует рассматривать скорее в плане истории общественного сознания и даже политической истории» (Там же. С. 350—351). Не следует, однако, преуменьшать научное значение дискуссии по книге А. А. Зимина, хотя и организованной партийными идеологами.

[344] *Пушкарев Л. Н.* А. А. Зимин. «Слово о полку Игореве» // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 165.

[345] *Формозов.* С. 102.

щенное, а потому искаженное представление о дискуссии.[346] Но были и публикации другого рода, давшие позже основание говорить о «шельмовании» А. А. Зимина в широкой прессе[347] и даже о «газетной травле»,[348] хоть имя А. А. Зимина в этих публикациях и не называлось.

В 1967 г. в «Правде» была опубликована статья «Историческая наука и современность» за подписью академика В. М. Хвостова. В ней указывалось, в частности, на необходимость «освободить историческую науку от погони за сенсацией». «Наиболее разительным примером такой погони, соединенной с нигилистическим отношением к отечественному прошлому, — писал В. М. Хвостов, — является попытка одного историка изобразить в качестве позднейшей подделки величайшее произведение древнерусского творчества — „Слово о полку Игореве", — передвинув датировку этого памятника XII века на шесть столетий, произвольно отнеся его возникновение к XVIII веку!»[349]

---

[346] Ю. Н. Щербаков начинает свои комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» таким абзацем: «Не так давно, повторяя концепцию французского профессора А. Мазона, советский историк А. А. Зимин выступил с версией о том, что „Слово о полку Игореве" является подделкой архимандрита Спасского монастыря в Ярославле Иоиля Быковского и графа А. И. Мусина-Пушкина. По этому поводу состоялась дискуссия. О ней обстоятельно сообщалось в журнале „Вопросы истории" (1964 г., № 9). Дискуссия полностью опровергла доводы и домыслы Мазона — Зимина. Советские ученые на огромном фактическом материале доказали подлинность великого творения русской литературы XII века» (*Щербаков Ю.* «Слово о полку Игореве» — наша национальная гордость // Кубань. 1965. № 1. С. 45).

[347] *Формозов.* С. 102.

[348] *Панеях В. М.* Об издании научного наследия А. А. Зимина. С. 188; *Пушкарев Л. Н.* А. А. Зимин (из воспоминаний). С. 112.

[349] *Хвостов В.* Историческая наука и современность // Правда. 1967. 25 сент. № 268. С. 3. В статье А. А. Формозова год выхода этой статьи указан ошибочно как 1966-й.

К разряду курьезов следует, вероятно, отнести сообщение Е. П. Маматовой (канд. ист. наук, доцент ИАИ РГГУ) о публикации в газете «Правда» статьи против А. А. Зимина, где его якобы называли «антисоветчиком, космополитом и маодзедунистом». Е. П. Маматова в воспоминаниях об А. А. Зимине пишет: «В 1964 году А. А. Зимин смело выступил с докладом о „Слове..." в Ленинграде, а когда его назвали антисоветчиком, космополитом и маодзедунистом (газета «Правда»), сказал мне: „Если меня посадят в тюрьму, будете сухарики-то носить?"» (см.: *Маматова Е. П.* Вспоминая Александра Александровича Зимина... // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Сб. статей и тез. докл. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина, 26—28 янв. 1995. М., 1999. С. 13). Статьи такого содержания об А. А. Зимине

В уже упоминавшейся статье писателя А. К. Югова «Приоритет на блюде» (1969 г.) гипотеза о позднем происхождении «Слова о полку Игореве» (имя А. А. Зимина в статье не называлось) характеризовалась как лженаучная, получившая «поощрительный толчок в сионистских кругах Запада».[350]

Намек на гипотезу о позднем происхождении «Слова» содержался также в статье писателя и журналиста Ю. И. Селезнева «Созидающая память» в связи с его рассуждениями о борьбе идей с привлечением литературной классики. В этой статье было сказано следующее: «Процесс творческого осознания духовного наследия отечественной классики сегодня, как мы знаем, происходит в неразрывной связи с условиями современной, яростной, хотя порою и скрытой, завуалированной, а потому и более коварной борьбы идей. Классика, и прежде всего русская, все более и более вовлекается в сферу этой борьбы, она становится объектом ее и полем. Формы этой борьбы разнообразны, однако отличительной чертой идеологических установок антисоветской деятельности становится открытая враждебность ко всему русскому, которая проявляется, в частности, и в разного рода попытках ревизии, очернительства нашей национальной истории, нашего культурного наследия от „Слова о полку Игореве“ и до „Тихого Дона“, замалчивания или превратного толкования творчества современных писателей, дискредитации их поисков и устремлений».[351]

в газете «Правда» не было. Е. П. Маматова приняла всерьез шутку А. А. Зимина, любившего разыграть собеседника (как следует и из ее воспоминаний), а разговор, вероятно, относится к моменту появления в газете «Правда» статьи В. М. Хвостова (25 сентября 1967 г.).

[350] В этой статье автор обличал сотрудников Отдела древнерусской литературы ИРЛИ за то, что они незаслуженно отдали Р. О. Якобсону приоритет в толковании одного из «темных мест» «Слова о полку Игореве». По поводу гипотезы о позднем происхождении «Слова» здесь сказано: «...да и вообще все, что относится к бессмертной патриотической поэме, непременно оборачивается политикой, и подчас острейшей. Достаточно вспомнить, что до смешного лженаучная, истрепанная и давно опровергнутая учеными „гипотеза“ о позднейшем происхождении „Слова“, получившая поощрительный толчок в сионистских кругах Запада, к сожалению, все еще трактуется на страницах некоторых органов нашей печати» (*Югов А.* Приоритет на блюде. С. 61).

[351] См.: *Селезнев Ю. И.* Созидающая память // Мифы и история. М., 1976. № 3. С. 201, 203; То же: *Селезнев Ю. И.* Созидающая память. М., 1978. С. 6. (Б-ка «Огонек»; № 21).

Идеологические выпады возмущали А. А. Зимина, заставляли его, не без основания, опасаться за свою научную карьеру.[352] Как свидетельствует близкий А. А. Зимину человек, его ученик Сергей Михайлович Каштанов, «конечно, тревожные мысли посещали его. Но он успокаивал себя тем, что признает „Слово“ гениальным произведением, правда, не XII, а XVIII в., и, кроме того, тем, что его вольномыслие еще не есть „антимарксизм“».[353] «„Ореол мученичества“ был поначалу сладок и горек, — пишет С. М. Каштанов, — но А. А. сумел избавиться от него и оставался всю жизнь самим собой. ⟨...⟩ Его душа всегда была открыта людям, он не стремился к позе, не старался играть роль, а просто с увлечением продолжал делать свое дело».[354]

Ситуация, сложившаяся после обсуждения труда А. А. Зимина, по мнению С. М. Каштанова, оказала весьма противоречивое влияние на жизнь и творчество ученого. С одной стороны, он потерял надежду на академическую карьеру. С другой стороны, освободившись от карьерных соблазнов, «неизбежно толкавших к идейно-политическому конформизму и заботе о хороших отношениях с начальством, историк обрел бо́льшую внутреннюю свободу. Все свое время и энергию он мог целиком посвящать творчеству. Раскрепощенность мысли, отсутствие попытки предстать перед читателем совершенно „правильным“ придавали свежесть каждому его новому труду».[355]

Сам Александр Александрович в 1979 г. (или в декабре 1978), за год до своей смерти, так оценивал ту роль, которую сыграло в его жизни «Слово о полку Игореве»: «Для меня „Слово...“ было звездным

[352] Как будто предвидя подобные выпады, А. А. Зимин написал Д. С. Лихачеву 21 августа 1963 г.: «Насчет неприятностей, которые я причиняю себе работой, могу сказать только одно. Спокойной жизни мне не нужно. Уверен, что настоящие ученые, как Вы, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий и другие, „неприятностей“ причинять не будут. Ну, а что касается людей, стоящих около науки и желающих укусить ближнего, то с ними надо поступать, как они этого заслуживают. И Вы, кстати, никогда не были сторонником компромиссов с подобными „учеными“» (*К истории спора-1*. С. 259).

[353] *Каштанов*. С. 26.

[354] Там же. С. 26, 28.

[355] *Историки России: Биографии*. С. 808—809. Анализ мнений разных ученых относительно того, какую роль сыграла в жизни А. А. Зимина его книга о «Слове», см. в статье: *Шишкин И. Г.* Жизнь и творчество А. А. Зимина в современной историографии // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 306—319.

мгновением, определившим весь жизненный путь в дальнейшем. Только после „Слова...“ я почувствовал живительный воздух духовной свободы. Только после 1963 г. я почувствовал, что смогу попытаться стать из научного работника историком. ⟨...⟩ И за это я благодарен тем, кто распоряжается судьбами науки. Не желая того, они добились эффекта, противоположного своим замыслам. Все, что мне дорого, написано после 1963 года».[356]

Предстающий здесь перед нами образ человека, не павшего духом после неудачи, а ставшего свободным от официальной идеологии и продолжавшего напряженную научную жизнь, — это образ, который написан самой жизнью яркого, талантливого и сильного человека. Ведь только за последние 6 лет своей жизни (1974—1980), будучи серьезно больным человеком,[357] А. А. Зимин «создал 11 книг, из них 8 научных монографий (включая исследование по истории собственного рода), одну научно-популярную книгу (написанную в соавторстве с А. Л. Хорошкевич) и два сочинения мемуарного характера».[358]

Размышляя о важности определения места отдельных трудов ученого в его творческом наследии, С. О. Шмидт отмечает, что при характеристике многообразного научного наследия А. А. Зимина преувеличенно большое значение придают его исследованию о «Слове о полку Игореве». Возражая против этой «историографической абер-

---

[356] *Зимин. Обретение свободы.* С. 89.

[357] В последнее десятилетие жизни А. А. Зимин был тяжело болен — «давали себя знать последствия давнего ⟨перенесенного в 1940-е гг. — *Л. С.*⟩ туберкулеза. Сначала частые заболевания принимались за бронхиты, затем определили и диагноз — весьма серьезный — пневмосклероз. Несколько зим он провел в Крыму, в Форосе, из-за невозможности жить в Москве зимой» (*Лурье.* С. 207). О тяжести заболевания свидетельствует словами самого А. А. Зимина и А. Л. Литвин, получавший от А. А. Зимина письма из Фороса в 1976 г., когда он впервые решил перезимовать в Крыму. См.: *Литвин А. Л.* Эпистолярное наследие А. А. Зимина // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения ⟨Материалы Вторых чтений памяти А. А. Зимина, переиздание⟩. М., 1999. С. 16—17.

[358] *Каштанов.* С. 42. Наиболее полную библиографию работ А. А. Зимина см.: Александр Александрович Зимин: Биобиблиогр. указатель / Сост. В. И. Гульчинский. М., 2000. После смерти А. А. Зимина его коллеги при участии В. Г. Зиминой издали семь монографий А. А. Зимина (1982—2006 гг.), все они, за исключением изданной в 2006 г. («Слово о полку Игореве»), указаны в Биобиблиографическом указателе В. И. Гульчинского. Остаются пока не изданными книга о русских исторических песнях и две книги воспоминаний, подготовленные автором в 1979 г.: «Слово и дело: Страницы дневника 1963—1977 гг.» и «Храм науки: Воспоминания о прожитом».

рации», ученый пишет: «Источниковедческое исследование о „Слове о полку Игореве“ — отнюдь не самое показательное и выдающееся из научных трудов А. А. Зимина, малооригинальное в основных выводах и в первом варианте написанное поспешно. Между тем только лишь один А. А. Зимин из нашего поколения, подобно самым видным историкам предшествующих генераций, оказался способным к написанию монографий по истории и Древней Руси, и времени формирования и развития „единого“ (как он предпочитал определять) Российского государства, множества ценных статей разнообразной тематики».[359]

Стоит сказать и о том, что коллегиальные, научные отношения А. А. Зимина с его оппонентами сохранились, несмотря на его обиды не только на оппонентов, но и на некоторых своих сторонников. Здесь не место развивать эту тему, хотя архивные материалы и дают для этого богатый материал. Приведу лишь письмо А. А. Зимина к Д. С. Лихачеву из Фороса от 2 января 1977 г., написанное с искренним уважением к его «главному оппоненту»:

«Дорогой Дмитрий Сергеевич!

Спасибо за дружеский презент. Скажу Вам по секрету, мне кажется, что сборник во всех отношениях получился выдающимся...[360]

Сейчас в моей жизни наступила пора, когда хочется оглянуться на прошелестевшие опавшими листьями годы и многое продумать сызнова. Нас с Вами разделяет многое в характере мышления — но люди ведь бывают разные. И при всем этом, при налете горечи и обид я восхищаюсь Вашим красивым талантом и низко кланяюсь Вам за все доброе, что Вы сделали для тех, кто любит нашу многострадальную Русь.

Все личные досады и огорчения во мне замолкают, когда я думаю о Вашем жизненном подвиге.

С глубоким уважением

по-прежнему ересиарх Александр Зимин

2/I — 77

P. S. Валентина Григорьевна передает Вам свой поклон».[361]

***

---

[359] *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» С. 350—351.

[360] Речь, вероятно, идет о книге: *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.

[361] РО ИРЛИ. Ф. 769.

Еще 5 января 1965 г. Зимин известил Жукова, что доработал свою рукопись с учетом мнений, высказанных на обсуждении, и готов сдать ее в печать. 24 марта 1965 г. он написал В. И. Малышеву: «...порох держу сухим: если мне хоть слово будет сказано о книге, она на следующий день будет в издательстве (в ней уже 900 стр.)».[362] При этом он продолжал работать над книгой о «Слове» до конца жизни, внося в нее изменения, дополнения, полемизируя с появившимися в печати работами своих оппонентов (в книге есть ссылки на работы, опубликованные в 1979 г.), в результате чего объем книги увеличился вдвое: с 660 до 1250 машинописных страниц. О том, что книга находилась в работе до конца жизни ученого, свидетельствует и тот факт, что, по устному сообщению О. В. Творогова, вторая часть рукописи книги не была перепечатана набело.[363]

В начале 1990-х гг. А. Н. Сахаров предлагал издать книгу А. А. Зимина, пообещав написать к ней предисловие.[364] Но по неизвестным мне причинам издание не было осуществлено.

Книга А. А. Зимина в ее исправленном и расширенном после дискуссии варианте была издана в 2006 г. по инициативе санкт-петербургского издательства «Дмитрий Буланин». Научными редакторами книги выступили вдова ученого В. Г. Зимина и оппонент А. А. Зимина в вопросе о подлинности «Слова» — доктор филологических наук, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома О. В. Творогов, проделавший как редактор большую работу: он дополнил библиографические примечания А. А. Зимина ссылками на большое количество публикаций по «Слову», появившихся за 25 лет после смерти А. А. Зимина; указал номера листов рукописей при многочисленных ссылках на тексты разных списков «Задонщины», отсутствовавшие в машинописи А. А. Зимина, выверил все цитаты, а также составил указатели к книге, написал вступительную статью, вычитал корректуры.[365] В подготовке книги к печати,

---

[362] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 517. Л. 15.

[363] Сам А. А. Зимин разбил рукопись книги на два тома: 550 и 650 л. Издана рукопись в 2006 г. в одном томе.

[364] *Формозов*. С. 102.

[365] Таким образом, О. В. Творогов принял активное участие в издании книги А. А. Зимина, о необходимости которого говорил в 1963 г. на ее обсуждении: «На вопрос о судьбе работы А. А. Зимина я с полной решимостью отвечаю: она должна быть издана». Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» (с. 428 наст. изд.).

по словам В. Г. Зиминой,[366] принимали участие также А. Л. Хорошкевич, В. П. Козлов,[367] А. А. Формозов.[368]

Теперь, после публикации книги А. А. Зимина, пришло время издать документальные материалы дискуссии, которые позволят составить полное и неискаженное представление о ней.

В настоящем издании публикуются:

1. Написанный Л. А. Дмитриевым и сохранившийся в его архиве Отчет о заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ РАН 27 февраля 1963 г., на котором был прочитан доклад А. А. Зимина.

2. Стенограмма обсуждения книги А. А. Зимина в Отделении истории АН СССР 4—6 мая 1964 г. объемом 20 а. л. Принципы ее публикации изложены в преамбуле (см. с. 145—147 наст. изд.).

3. Помимо архивных материалов дискуссии в сборнике публикуются информационные статьи о докладе А. А. Зимина и обсуждении его книги 1963—1965 гг.

В дополнение к стенограмме обсуждения книги А. А. Зимина мы сочли необходимым представить в настоящем издании и отчет об этом обсуждении, опубликованный в журнале «Вопросы истории» (1964. № 9) от имени редакции (известно, однако, что его авторами являются В. А. Кучкин и О. В. Творогов).[369] По устному свидетельству В. А. Кучкина, в подготовке отчета к печати принимали

---

[366] *Зимина В. Г.* К читателю. С. 4.

[367] Владимир Петрович Козлов (р. 1949) — историк, доктор исторических наук (1989), профессор, чл.-корр. РАН (1997). Окончил МГИАИ (1972), где занимался в семинаре А. А. Зимина. В 1972—1982 гг. научный сотрудник, зав. сектором ВНИИДАД. В 1982—1985 гг. старший научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1985—1991 гг. ученый секретарь Отделения истории АН СССР. В 1992—1996 гг. зам. руководителя, а в 1996—2009 гг. руководитель Федеральной архивной службы России. Автор работ по истории России, историографии, источниковедению, археографии. Исследователь истории бытования рукописи «Слова», подготовки его Первого издания. См.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 55—57.

[368] Александр Александрович Формозов (1928—2009) — археолог, историограф. Окончил исторический факультет МГУ по кафедре археологии (1951). Кандидат исторических наук (1954). Ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. Автор ряда монографий по археологии. С 1968 г. главной темой его исследований стала историография отечественной археологии и — шире — исторической науки. Автор статьи о работе А. А. Зимина над книгой о «Слове».

[369] Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121—140.

участие Ю. В. Бромлей (как ученый секретарь Отделения истории АН СССР)[370] и А. Н. Сахаров (от редакции журнала «Вопросы истории», где он тогда работал).[371] По устному сообщению А. Н. Сахарова, это была именно подготовка к печати, а не редактура текста. О. В. Творогов в личной беседе также засвидетельствовал, что текст отчета, написанный им и В. А. Кучкиным, не подвергался изменениям.[372]

Заинтересованным читателям будет интересно сравнить этот отчет со стенограммой и сделать вывод, насколько объективно отражено в нем обсуждение концепции А. А. Зимина. Статья-отчет построена по тематическому принципу: в ней суммируются замечания, которые были сделаны участниками дискуссии по каждому конкретному тезису А. А. Зимина. О том, что этот отчет не может заменить стенограммы, пишет Д. С. Лихачев в статье «Нужны ли слухи в науке», отклоненной в свое время газетой «Известия» и публикуемой в настоящем издании (см. с. 659—662).

А. А. Формозов отметил, что в отчете «о том, что обсуждалась большая книга и стоял вопрос об ее издании, нет и речи. Всюду говорится о концепции, но она не изложена».[373] К сожалению, при на-

---

[370] Юлиан Владимирович Бромлей (1921—1990) — историк, на момент дискуссии доктор исторических наук (1964), позже чл.-корр. АН СССР (1966), академик АН СССР (1976). В 1950—1960 гг. сотрудник Института славяноведения АН СССР. В 1958—1966 гг. ученый секретарь Отделения истории АН СССР. С 1966 г. директор Института этнографии АН СССР и одновременно (1976—1986) зам. гл. ученого секретаря Президиума АН СССР.

[371] Андрей Николаевич Сахаров (р. 1930) — историк, в 1965 г. защитил кандидатскую, в 1982 г. докторскую диссертации. Профессор (1988). С 1991 г. чл.-корр. РАН. На момент дискуссии работал заведующим отделом отечественной истории журнала «Вопросы истории» (1962—1968). С 1984 г. заместитель директора, с 1993 г. директор Института российской истории РАН (с 2009 г. — и. о. директора). Подробнее см.: *Историки России XX века*. Т. 2. С. 298—299.

[372] В. Б. Кобрин пишет, что этот отчет о дискуссии редактировали, «как стало вскоре известно, в отделе науки ЦК КПСС» (*Кобрин*. С. 180). Но, вероятно, Отчет не редактировался, а визировался в «высокой инстанции» (и не в Отделе науки, а в Идеологическом отделе ЦК КПСС). По словам А. А. Формозова, редактор журнала «Вопросы истории» В. Г. Трухановский «хотел кое-что изменить в тексте, но Жуков запретил, сославшись на то, что он завизирован в высокой инстанции. Где? По свидетельству Н. И. Рыленкова, он слышал от А. Т. Твардовского про специальное решение Идеологической комиссии ЦК КПСС относительно книги Зимина с визой Л. Ф. Ильичева» (*Формозов*. С. 101).

[373] *Формозов*. С. 101.

писании отчета не было учтено мнение Д. С. Лихачева, высказанное им в письме к Б. А. Рыбакову от 20 апреля 1964 г.: «Отчет об обсуждении должен начинаться с изложения взглядов Зимина, которое будет сделано им самим. ⟨...⟩ Это резюме самого Зимина я считаю крайне важным».[374]

Посчитав этот отчет «грубой фальсификацией», В. Б. Кобрин «отправил в редакцию письмо, в котором на нескольких страницах подробно разбирал методы, которыми был сработан этот отчет».[375] Ответа, по его словам, он не получил. Известен отзыв об этом отчете Ю. Г. Оксмана. В письме к В. К. Архангельской от 23 октября 1964 г. он пишет, вероятно, отвечая на вопрос адресата: «Концепция А. А. Зимина с наиб⟨ольшей⟩ полнотой изложена в отчете о дискуссии о „Слове“ в „Вопросах истории“, 1964, № 9. Я считаю, что А. А. Зимин разбит наголову!».[376]

Этот раздел сборника («Статьи о дискуссии») содержит также другие сообщения о дискуссии в отечественной и зарубежной прессе 1963—1965 гг., дающие представление о том, какая информация о гипотезе А. А. Зимина и ее обсуждении появлялась в широкой печати.

Здесь приводится статья И. Н. Голенищева-Кутузова, опубликованная в 1965 г. в английской, немецкой и других версиях журнала «Soviet Literature». Републикуются также четыре заметки, напечатанные в 1963—1964 гг. во французской газете «Русская мысль»,[377]

---

[374] *К истории спора-2*. С. 227.

[375] По мнению В. Б. Кобрина, выступления тех, кто поддерживал концепцию А. А. Зимина, только названы, а не изложены, изменена и последовательность выступлений: сначала сообщалось о выступлениях сторонников Зимина, а потом приводились аргументы его противников. См.: *Кобрин*. С. 180.

[376] Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове: 1947—1958. Саратов, 1999. С. 13. За указание на этот отзыв благодарю П. В. Бекедина.

[377] В другой парижской газете была опубликована большая статья советского журналиста и писателя Н. П. Смирнова «Возобновился старый спор» (Русские новости. 1964. 25 дек. № 1019. С. 3—4). В сокращении она опубликована: *К истории спора-2*. С. 242—243. Поскольку Н. П. Смирнов не был участником дискуссии и основывался на информации об обсуждении книги А. А. Зимина, помещенной в журнале «Вопросы истории», считаем возможным не воспроизводить еще раз эту статью. Интересно, однако, что А. А. Зимин в письме к Н. П. Смирнову высказал свое недовольство его статьей, о чем Н. П. Смирнов пишет в письме к Д. С. Лихачеву и здесь же приводит свои ответы на все возражения А. А. Зимина. Письмо Н. П. Смирнова к Д. С. Лихачеву хранится в архиве ученого (РО ИРЛИ. Ф. 769).

три заметки из ленинградской газеты «Смена» за 1964 г. и три статьи, напечатанные в 1965 г. в центральной газете «Известия» (Б. А. Рыбакова, Б. Ф. Поршнева[378] и А. К. Югова). Воспроизводится и заметка В. С. Мингалева[379] под названием «Когда же было написано „Слово...“?», кратко излагающая гипотезу А. А. Зимина, опубликованная 27 ноября 1965 г. в вильнюсской газете «Комсомольская правда» («Комъяунимо тиеса»), выходившей на двух языках — литовском и русском, а затем перепечатанная в газете «Ленинская смена» (Алма-Ата) за 16 декабря 1965 г. под заглавием «Кто все-таки автор „Слова“?». Заключает раздел неопубликованная статья Д. С. Лихачева «Нужны ли слухи в науке?», сохранившаяся в его архиве.

Статья Б. А. Рыбакова в «Известиях» породила серию публикаций и протестных писем в газету. Одним из них было коллективное письмо сотрудников Сектора древнерусской литературы (Л. А. Дмитриева, Я. С. Лурье, В. И. Малышева и О. В. Творогова).[380] Оно содержало следующий текст:

«В № 279 „Известий“ за 22 ноября 1964 г. помещена статья акад. Б. А. Рыбакова „По поводу одной дискуссии“, в которой автор рассказывает о происходившей в мае этого года в Отделении исторических наук АН дискуссии по поводу работы доктора исторических наук А. А. Зимина о „Слове о полку Игореве“. Автор статьи

---

[378] Борис Федорович Поршнев (1905—1972) — историк и социолог, доктор исторических (1941) и философских (1966) наук, профессор; с 1943 г. старший научный сотрудник Института истории АН СССР, в 1957—1966 гг. заведующий Сектором новой истории западноевропейских стран этого института. С 1968 г. заведующий Сектором истории развития общественной мысли Института всеобщей истории АН СССР.

[379] Валерий Сергеевич Мингалев (р. 1938) — историк, в 1965 г. окончил МГИАИ. Ученик А. А. Зимина, под руководством которого были написаны дипломная работа (защищена в 1965 г.) и кандидатская диссертация (защищена в 1971 г.) по «Сказанию о Мамаевом побоище». В 1965—1972 гг. работал в Вильнюсе и обучался в заочной аспирантуре МГИАИ, затем переехал в Москву. Ныне доцент кафедры документоведения, декан факультета государственного делопроизводства ИАИ РГГУ (бывший МГИАИ); заведующий отделом консалтинга, разработки и внедрения систем управления документацией ВНИИДАД; по совместительству профессор, заведующий кафедрой документационного менеджмента Московского государственного университета сервиса.

[380] Копия письма сохранилась в архиве Я. С. Лурье: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Русская секция. Ф. 315). Опубликовано ранее: *Из писем Лурье к Зимину*. С. 103—104.

ссылается на подробный отчет о дискуссии, помещенный в № 9 журнала „Вопросы истории". Однако ни в статье Б. А. Рыбакова, ни в упомянутой статье не излагается аргументация А. А. Зимина в пользу предложенной им датировки „Слова". Больше того — ни акад. Рыбаков, ни журнал „Вопросы истории" даже не объяснили читателям, как и где именно изложена концепция А. А. Зимина: в небольшой статье или в развернутом исследовании. А между тем работа А. А. Зимина представляет собой обширный труд (свыше 20 п. л.); именно этот труд был предметом дискуссии в Отделении. Действительно, в ходе этой дискуссии большинство ее участников не согласилось с точкой зрения А. А. Зимина, но все участники дискуссии высказывались за напечатание его книги. О необходимости ее напечатания говорили даже те ученые, которые решительно отвергали все основные положения работы А. А. Зимина, — академик Б. А. Рыбаков, академик АН УССР Н. К. Гудзий, член-корреспондент АН Д. С. Лихачев и другие.

За последнее время в нашей печати не раз высказывалась мысль о необходимости публикации даже спорных научных работ. „Пусть ученые спорят" — так называлась статья недавно скончавшегося писателя О. Писаржевского. „В условиях нормального научного развития речь может идти не об «одолении» научных противников, а о добросовестном прояснении научной истины", — писал О. Писаржевский в этой статье. „Давайте же честно спорить", — призывал и член-корреспондент АН Б. М. Кедров. Напечатание работы А. А. Зимина соответствовало бы тем нормам научной и общественной жизни, которые, к счастью, все более укрепляются в нашей стране. А. А. Зимин, несомненно, должен учесть серьезные возражения и замечания, высказанные его коллегами в ходе дискуссии. Но если автор, учтя все это, не отказывается от своих основных положений, то ему надо предоставить возможность изложить свою аргументацию. Издание работы А. А. Зимина будет в интересах его оппонентов, отстаивающих древность „Слова"; оно будет в интересах всех тех, кому дорога научная истина».

Ответ из редакции «Известий» от 6 февраля 1965 г. был краток и формален:[381]

---

[381] Письмо сохранилось в архиве Л. А. Дмитриева: РО ИРЛИ. Ф. 763. Опубликовано ранее: *Спор о подлинности*. С. 388.

«Уважаемые тт. Дмитриев, Лурье, Малышев и Творогов! Редакция „Известий“ не решает вопрос о публикации работы А. А. Зимина. Это дело Академии наук СССР. Что же касается концепции А. А. Зимина, то Вы правы: в ходе этой дискуссии большинство ее участников не согласились с точкой зрения А. А. Зимина.

С приветом —

Зам. редактора „Известий“
по отделу пропаганды Ю. Шарапов».[382]

После появления в «Известиях» статьи Б. Ф. Поршнева,[383] который писал о том, что критика неопубликованной работы А. А. Зимина (имелась в виду статья Б. А. Рыбакова в «Известиях») противоречит научным нормам, редакция «Известий» предложила Д. С. Лихачеву и (по словам А. А. Формозова) А. В. Арциховскому

---

[382] Я. С. Лурье, упоминая об этом ответе Ю. Шарапова на коллективное письмо сотрудников ИРЛИ, приводит совсем иной текст (см.: *Лурье*. С. 201). В действительности Я. С. Лурье цитирует ответ Ю. Шарапова на письмо В. М. Панеяха (вероятно, как более выразительный), опубликованный ранее самим В. М. Панеяхом (см.: *Панеях В. М.* Об издании научного наследия А. А. Зимина. С. 187—188). Вот текст этого письма:

«Уважаемый т. Панеях! Вопрос о том, кто является автором „Слова о полку Игореве“ — безвестный поэт XII века или Иоиль Быковский, — вопрос не только и не столько историко-текстологический, сколько политический. Все Ваши доводы и рассуждения были бы верны при одном условии: если бы удалось открыть, найти бесспорные доказательства авторства Быковского. Но этого нет. Есть гипотеза А. А. Зимина. Большинство участников дискуссии против нее. Дело здесь не в арифметике — крупнейшие специалисты по истории и филологии не поддержали Зимина. Спрашивается: зачем нужно во что бы то ни стало приписывать „Слово“ XVIII веку, как это делает Зимин? Во имя чего? Во имя того, чтобы доказать, что русский народ не способен был создать в XII веке такую поэму? Конечно, субъективно Зимин далек от подобной мысли, но объективно она прозвучала в его гипотезе. Вот ведь в чем дело. Повторяем: если бы сейчас наука стала располагать бесспорным доказательством принадлежности „Слова“ XVIII веку, это открытие стоило бы опубликовать, а „Слово“ передатировать ⟨в статье: «передедактировать». — *Л. С.*⟩. Но этого нет. Вместо этого — ненужная, приведшая к лишней трате сил дискуссия, поиски абстрактной истины, тогда как истина, как известно, конкретна. И все мы живем и работаем не в безвоздушном пространстве, а в определенной идеологической сфере, в которой происходит борьба идеологии буржуазной с социалистической. И собственными руками, по доброй воле подбрасывать врагу материал для злопыхательства не стоит. Подумайте об этом. И вам станет яснее вся картина, а не один лишь вопрос о гипотезе Зимина. С приветом

Зам. редактора „Известий“ по отделу пропаганды Ю. Шарапов».

[383] *Поршнев Б.* Извольте работать // Известия. 1965. 19 янв. № 14. С. 3.

написать ответ на эту реплику. Д. С. Лихачев написал статью, назвав ее «Нужны ли слухи в науке?», но она не устроила редакцию «Известий» и была отклонена, так как Д. С. Лихачев высказывал в ней свою мысль о необходимости издания работы А. А. Зимина. После этого реплику на статью Б. Ф. Поршнева было предложено написать А. К. Югову, и он ее написал.[384] По словам А. А. Формозова, Поршнев жаловался на Югова за эту статью главному идеологу того времени, члену Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслову (!) и вице-президенту АН СССР, члену ЦК КПСС П. Н. Федосееву. Ответа он не получил.[385]

Состоявшаяся в 1964 г. научная дискуссия о времени написания «Слова о полку Игореве»[386] получила свое продолжение в печати. С 1965 по 1971 г. были опубликованы 13 статей А. А. Зимина о «Слове» и «Задонщине», которые, по справедливому замечанию С. М. Каштанова, «были равнозначны монографии»,[387] а в 1980 г. вышла книга о «Задонщине». Публиковались также работы его научных оппонентов, в некоторых случаях в том же номере журнала. По словам участника дискуссии О. В. Творогова, «доклад А. А. Зимина явно пошел на пользу делу. Многие из нас как бы начали с чистого листа, вновь придирчиво рассмотрев свою аргументацию, стремясь найти ответы на все поставленные Зиминым вопросы».[388]

---

[384] *Югов А. К.* Полно! // Известия. 1965. 6 февр. № 31. С. 5; то же в кн.: Слово о полку Игореве / Пер., коммент. и статьи А. Югова. М., 1970. (переизд.: М., 1975). С. 269—271. См. в наст. изд., на с. 644—646.

[385] *Формозов.* С. 101.

[386] Один из рецензентов данной книги, пожелавший остаться неназванным, высказал мнение, что А. А. Зимин сомневался не в подлинности «Слова», а во времени его создания. Однако спор о времени создания «Слова о полку Игореве» есть спор именно о его подлинности. Об этом неоднократно писал академик Д. С. Лихачев, это же подчеркнул недавно академик А. А. Зализняк, по словам которого в вопросе о времени создания «Слова о полку Игореве» «противостоят друг другу две точки зрения — что оно создано в древности (то есть это подлинное древнерусское произведение) и что оно создано в конце XVIII века, незадолго до его первой публикации в 1800 году (то есть это подделка под древность)» (*Зализняк А. А.* Проблема подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве»// Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 29).

[387] *Каштанов.* С. 33.

[388] *Творогов О. В.* ⟨Предисловие к публ.: *Из писем Лурье к Зимину*⟩ // Звезда. 2006. № 2. С. 90—91.

Именно после 1963 г. было осуществлено новое изучение соотношений «Слова» и «Задонщины»,[389] лексики и грамматики «Слова», его связей с современными ему памятниками,[390] его соответствия культуре эпохи Киевской Руси.[391] В начале 70-х гг. вышли две монографии Б. А. Рыбакова, в которых автор исследовал эпоху создания «Слова о полку Игореве», политическое положение Руси и межкняжеские отношения во второй половине XII в., отраженные в «Слове о полку Игореве», а также предложил гипотезу о его авторе.[392] В 1985 г. была издана книга Н. А. Баскакова «Тюркская лексика в „Слове о полку Игореве“». В 1988 г. увидела свет монография В. П. Козлова «Кружок А. И. Мусина-Пушкина и „Слово о полку Игореве“: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в.», в которой, в частности, исследованы самые ранние упоминания «Слова» и приведена цитата из него в рукописи 1788—1789 гг. «Опыта повествования о России» И. П. Елагина. В 1995 г. опубликована «Энциклопедия „Слова о полку Игореве“»,[393] подводящая итоги 200-летнего изучения памятника и в том числе споров о времени его написания и его авторе.[394]

---

[389] См., например, сборник «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания „Слова“» (М.; Л., 1966), а также статью Д. С. Лихачева о подражательном характере «Задонщины»: *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «Задонщины»: (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // *РЛ*. 1964. № 3. С. 84—107.

[390] Важное значение имели в этом отношении монография В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII вв.» (Л., 1968) и «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», составленный В. Л. Виноградовой (М.; Л., 1965 — Л., 1984. Т. 1—6).

[391] См. статьи Д. С. Лихачева, показывающие органическую связь «Слова о полку Игореве» с эпохой XII в., опубликованные в книге: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. И в первую очередь статью «„Слово о полку Игореве“ и эстетические представления его времени» (впервые опубликована: *РЛ*. 1976. № 2. С. 24—37). О статьях Д. С. Лихачева на эту тему см.: *Соколова Л. В.* Почему Д. С. Лихачев не сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. СПб., 2003. Т. 54. С. 23—36.

[392] *Рыбаков Б. А.* 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

[393] Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 1—5.

[394] См.: *Дмитриев Л. А.* 1) Автор «Слова» // Там же. Т. 1. С. 24—36; 2) Время создания «Слова» // Там же. Т. 1. С. 246—251; *Творогов О. В.* 1) Скептический взгляд на «Слово» // Там же. Т. 4. С. 306—311; 2) Зимин Александр

В начале XXI в. серьезные доказательства подлинности «Слова» приведены лингвистами. В 2004 г. вышла в свет книга академика А. А. Зализняка, в которой на большом конкретном материале показано, что многие закономерности языка XII в., нашедшие отражение в «Слове», были открыты учеными значительно позже XVIII в.[395] В связи с этим автор делает вывод, что подделка «могла иметь место лишь в том предельно маловероятном случае, если ее осуществил некий беспримерный гений», «лингвист, равный по потенциалу совокупности десятков и сотен своих более поздних коллег», «причем пожелавший полностью скрыть от человечества свою гениальность».[396]

О невозможности создания «Слова о полку Игореве» в XVIII в. еще более определенно говорит О. Б. Страхова в статьях, посвященных критике гипотезы Эдварда Кинана[397] о создании «Слова» чешским славистом Йозефом Добровским.[398] В статье, опубликованной в том же году, что и книга А. А. Зимина (она упомянута как еще неопубликованная), О. Б. Страхова пишет, отвечая на «три топоса»

Александрович // Там же. Т. 2. С. 222—225; см. в Энциклопедии также статьи об А. Мазоне и других скептиках.

[395] *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. С. 5—179 («Лингвистические аргументы за и против подлинности „Слова о полку Игореве“»); 2-е изд.: 2007; 3-е изд., доп.: 2008.

[396] Цит. по: *Зализняк А. А.* Проблема подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве». С. 39.

[397] *Keenan Edward L.* Josef Dobrovský and the Origins of the Igor' Tale. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2003.

[398] *Strakhov O.* 1) The Linguistic Practice of the Creator of the Igor' Tale and the Linguistic Views of Josef Dobrovsky // Palaeoslavica. 2003. Vol. 11. P. 36—67 (русскоязычный вариант: *Страхова О. Б.* Языковая практика создателя «Слова о полку Игореве» и лингвистические взгляды Йозефа Добровского // Славяноведение. 2003. № 6. С. 33—61); 2) A New Book on the Origins of the Igor' Tale: A Backward Step // Palaeoslavica. 2004. Vol. 12, No. 1. P. 204—238 (русскоязычный вариант: *Страхова О. Б.* Новая книга о происхождении «Слова о полку Игореве»: шаг назад // Славяноведение. 2006. № 2. С. 33—61). О гипотезе Э. Кинана см. также: *Зализняк А. А.* Новейший кандидат на авторство «Слова о полку Игореве» — Йосеф Добровский // Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. С. 265—323; *Thomson F. J.* Joseph Dobrowsky and the *Слово о полку Игореве* // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 2007. Roč. 76. S. 241—338. Другие критические отклики на гипотезу Э. Кинана указаны в статье: *Гальперин Ч.* «Подлинник? Подделка? Опять подделка!»: Эдвард Кинан, Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве» // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana: Альм. СПб.: 2007. № 1/2. С. 5—22.

скептиков: «Из всех кандидатов на роль фальсификатора Добровский был единственным ученым-славистом. Более того, великим славистом, лучшим в свое время. И тем не менее состояние лингвистической науки в его дни совершенно не корреспондирует уровню знаний, продемонстрированному предполагаемым фальсификатором. *С лингвистической точки зрения совершенно невероятно, чтобы какой-либо славист рубежа XVIII—XIX веков смог так подделать текст*».[399]

Несмотря на это, вышедшая в 2006 г. книга А. А. Зимина заняла свое законное место в историографии самого яркого и загадочного памятника древнерусской литературы.

Л. В. Соколова

---

[399] *Страхова О.* Несколько соображений по поводу споров о подлинности «Слова о полку Игореве» // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Л. И. Соболева. М., 2006. С. 566.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

I
ОТЧЕТ О ЗАСЕДАНИИ СЕКТОРА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИРЛИ АН СССР 27 ФЕВРАЛЯ 1963 г.

Л. А. Дмитриев[*]

Отчет о заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 27 февраля 1963 г.[1]

27 февраля 1963 г. на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР доктором исторических наук А. А. Зиминым был прочитан доклад «К изучению „Слова о полку Игореве“».[2]

Считая «Слово о полку Игореве» замечательным литературным произведением, А. А. Зимин датирует его 2-й половиной — концом XVIII столетия. О том, что «Слово» не могло быть создано в XII в., по мнению А. А. Зимина, свидетельствует ряд литературных, исторических, текстологических и языковых черт «Слова о полку Игореве».

Решающим обстоятельством для выяснения времени написания «Слова о полку Игореве» является отношение этого памятника к «Задонщине», с которой у него есть много общих мест. «Задонщина» сохранилась в двух редакциях: первая из них (Краткая) представлена древнейшим дошедшим до нас списком памятника — Кирилло-Белозерским (70—80-е гг. XV в.), вторую — Пространную, известную по спискам XVI—XVII вв., составляют два извода — Ундольского (списки Исторического музея I и II, Ундольского) и Синодальный (список Синодальный). Краткая редакция заканчивается плачем по русским воеводам, а Пространная содержит вслед за этим вторую часть, возвращающую читателя снова к битве 8 сентября 1380 г. По мнению чешского ученого Я. Фрчека, к точке зрения которого присоединяется А. А. Зимин, Краткая редакция — памятник первоначальный, сложившийся в своей основе в конце XIV в., а

---

[*] Авторство устанавливается по переписке Л. А. Дмитриева с А. А. Зиминым и Д. С. Лихачевым.

[1] Текст Отчета публикуется по экземпляру, сохранившемуся в архиве Л. А. Дмитриева (РО ИРЛИ. Ф. 763). Судя по переписке А. А. Зимина и Л. А. Дмитриева (см.: *Спор о подлинности*), это не окончательный вариант Отчета. Озаглавлен текст нами.

[2] Содержание доклада А. А. Зимина и его ответного слова дается в авторизованном изложении. — *Примеч. Л. А. Дмитриева.*

Пространная возникла не ранее конца XV в., после свержения татаро-монгольского ига.

Продолжая изучение истории текста «Задонщины», А. А. Зимин пришел к выводу, что к концу XIV в. следует относить лишь устную версию «Задонщины», автором которой он считает Софония. В начале XV в., по его мнению, сложилось «Слово о Мамаевом побоище» (не содержавшее еще вставок из «Задонщины»). В 70-х гг. XV в. «Задонщину» записал и обработал старец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, перу которого принадлежит и Кирилло-Белозерский список. Так возникла Краткая редакция «Задонщины». В конце XV в. на основе «Слова о Мамаевом побоище» и Краткой редакции «Задонщины» возникло «Сказание о Мамаевом побоище». В 20—30-х гг. XVI в. складывается Пространная редакция «Задонщины», источником которой были Краткая редакция памятника, Никоновская летопись и «Сказание о Мамаевом побоище».

Сличение «Слова о полку Игореве» с «Задонщиной» дает, по мнению А. А. Зимина, основание считать, что «Слово» наиболее близко к Синодальному изводу Пространной редакции памятника. Имеющиеся несколько чтений в «Слове», близких к Кирилло-Белозерскому списку, по наблюдению А. А. Зимина, могут быть объяснены особенностями Синодального извода «Задонщины». Все отличия Пространной редакции «Задонщины» от Краткой объясняются или влиянием «Сказания о Мамаевом побоище» и Никоновской летописи, или особенностями литературной обработки материала, присущей составителю Пространной редакции. Но если «Слово о полку Игореве» не имеет черт Краткой редакции «Задонщины», которые бы в более близком к нему варианте содержались в Пространной, а отличие Пространной редакции от Краткой нельзя объяснить влиянием «Слова», то вывод, по мнению А. А. Зимина, может быть только один: «Задонщина» Пространной редакции явилась источником «Слова о полку Игореве».

Далее А. А. Зимин переходит к изучению фактических данных, содержащихся в «Слове». Сравнивая «Слово о полку Игореве» с Ипатьевской летописью, он приходит к выводу, что в памятниках совпадают не только все основные сведения о походе князя Игоря на половцев, но и их последовательность (с переходом от битвы при Каяле в Киев, затем Переяславль, затем снова к Игорю). С рассказом Ипатьевской летописи совпадают и все сведения по истории

Руси XI—XII вв. (кроме нескольких фактов, взятых из Кенигсбергской летописи по изданию 1767 г., находившемуся в библиотеке И. Быковского). Но «Слово» не могло быть источником летописи, ибо в последней нет ни одного общего места «Слова» с «Задонщиной», а в «Задонщине» нет ни одного текста, общего для «Слова о полку Игореве» и Ипатьевской летописи.

Наконец, в «Слове о полку Игореве» отсутствуют какие-либо факты, которые не могли быть почерпнуты из двух указанных летописей. Стремление к точности передачи своих источников выразилось, в частности, в том, что автор «Слова о полку Игореве», встретив под 1183 г. Владимира Ярославича, «шурина» князя Игоря, назвал героиню своей поэмы «Ярославной», не дав ей имени (имени Ярославны нет ни в одном достоверном источнике).

По текстологическим данным А. А. Зимин считает, что в распоряжении автора «Слова о полку Игореве» был список Ипатьевской летописи конца XVII—XVIII в. со «Сказанием о Мамаевом побоище» в конце (типа Ермолаевского).

Среди остальных источников «Слова» А. А. Зимин называет «Девгениево деяние», «Повесть об Акире Премудром», памятники церковной письменности и некоторые другие.

А. А. Зимин считает, что в тексте «Слова» можно выделить три вставки, разрывающие текст памятника. Все они, как пытается доказать А. А. Зимин, могли быть сделаны только А. И. Мусиным-Пушкиным. Первая из них («съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко святѣи Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась») разрывает единый текст «Слова». В ней помещено взятое из Софийской I летописи (имевшейся у Мусина-Пушкина) сведение о похоронах кн. Изяслава в св. Софии. Прозвище Олега «Гориславич» было заимствовано Мусиным-Пушкиным из Новгородской I летописи младшего извода, которая, как это показал Д. С. Лихачев, находилась в одном сборнике со «Словом». А. А. Зимин предполагает, что к А. И. Мусину-Пушкину попали вырванные из Академического списка Новгородской I летописи младшего извода 50 листов, которые в настоящее время в ней отсутствуют и на которых как раз и встречается прозвище «Гориславич». Л. П. Якубинский в статье «О языке „Слова о полку Игореве“»

показал, что по грамматическим и некоторым лексическим формам запись на «Апостоле» 1307 г. имеет более архаический вид, чем соответствующее место в «Слове о полку Игореве». Следовательно, делает отсюда вывод А. А. Зимин, не запись на «Апостоле» восходит к «Слову», а, наоборот, в «Слово» вставлена в небольшой переработке запись из «Апостола» 1307 г. Книга эта находится в Синодальном собрании и попала туда из Канцелярии обер-прокурора Синода А. И. Мусина-Пушкина (куда собирались рукописи по указу 1791 г.) после его отставки, в 1797 г. Помещенное в «Слове» в скобках имя «Олег» — след редакционной деятельности Мусина-Пушкина.

Ссылаясь на работу А. И. Спицына[3] и на наблюдения некоторых археологов (А. Л. Монгайта, в частности), А. А. Зимин считает надпись князя Глеба на Тмутараканском камне изготовленной по эстампу Мусина-Пушкина в 1792 г., когда в его распоряжении было уже «Слово о полку Игореве». Фраза «и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ» (под «Тмутараканским болваном» подразумевается Тмутараканский камень) в «Слове» — вторая вставка Мусина-Пушкина.

«Резана» как денежная единица фигурировала лишь в XI в., а в XII в. в источниках (в частности, в «Пространной Правде») уже не упоминается, ибо ее сменила «куна». Однако «ногата» и «резана» названы рядом в Поконе вирном «Русской Правды» (Пространной редакции) по изданию А. И. Мусина-Пушкина, вышедшей в том же году, когда появилось в печати первое известие о «Слове о полку Игореве». Но это не отражение чтения той рукописи, по которой Мусин-Пушкин издавал текст, а правка по Академическому списку Краткой редакции. Следовательно, делает отсюда заключение А. А. Зимин, фраза в «Слове» «была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ» — третья вставка А. И. Мусина-Пушкина, которая, как это полагал еще А. Потебня, разрывает единый текст «Слова».

О позднем характере «Слова о полку Игореве», как считает А. А. Зимин, свидетельствуют и языковые данные. Если из «Слова» снять лексический пласт, заимствованный из Ипатьевской летописи и «Задонщины», то в тексте памятника не обнаружится слов архаического происхождения (кроме церковных слов «паполома» и др.). Зато часть словарного запаса автора составляют украинизмы и поло-

[3] В данном изложении А. А. Зиминым своей гипотезы и в его книге 1963 г. неверно указаны инициалы Спицына, следует: А. А. (Александр Андреевич).

низмы («свычая и обычая», «чи ли», «потручати» и др.). Ориентализмы «Слова о полку Игореве» также показывают позднее происхождение памятника («топчаки» — пушкари, «харалужный» от чагатайского «харалуг» — гибель и др.). Восточных («харалужных») мечей на Руси до XIV в. вовсе не было.

По мнению А. А. Зимина, «Слово о полку Игореве» уходит своими корнями в русский, белорусский и украинский фольклор. Многие образы «Слова» восходят к украинским думам и к былинам. Однако все это подверглось ярко индивидуальной творческой переработке автором.

Как считает А. А. Зимин, все изложенное выше свидетельствует о том, что «Слово о полку Игореве» было создано не ранее второй половины XVIII в.

Вторая часть доклада А. А. Зимина была посвящена обоснованию того, кто мог быть автором этого произведения. Сочетание всех особенностей, присущих «Слову о полку Игореве», могло, по мнению А. А. Зимина, иметь место как раз у того человека, которого сам же А. И. Мусин-Пушкин назвал владельцем рукописи «Слова», — у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского. При этом, как подчеркивает А. А. Зимин, «Слово о полку Игореве» не имело характера подделки: это было его оригинальное сочинение на исторический сюжет, написанное «старыми словесы». Иван Быковский (р. 1726 г.) происходил, по мнению А. А. Зимина, из Белоруссии. Судя по сведениям Селивановского, хронограф в сборнике со «Словом о полку Игореве» написан был белорусским почерком. В «Слове» обнаруживаются белорусизмы и несомненный интерес к истории Полоцка. В 1741—1758 гг. Иван Быковский учился и преподавал в Киевской Духовной Академии в блестящем окружении (Г. Сковорода, Г. Полетика, Г. Козицкий, Я. Козельский и др.). В 1758—1765 гг. Иван (в монашестве Иоиль) Быковский преподавал в Сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге, где, по предположению А. А. Зимина, входил в кружок передовых представителей разночинной интеллигенции. С конца 1765 г. по 1775 г. он был архимандритом Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове, т. е. в том городе, где был похоронен князь Игорь. Интерес к патриотической тематике возрос у Быковского под влиянием Кагульской победы 1770 г. «у Трояновой дороги» и переписки с гр. П. Румянцевым. С 1776 г. Иоиль — архимандрит Спасо-Ярославского монастыря,

собиратель русских песен, издатель книги «Истина» с рационалистическими мотивами. В докладе была сделана попытка сравнить «Слово о полку Игореве» с произведениями, связанными с именем Быковского (книга «Истина», проповеди, сборник народных песен, составленный в 70-х гг. XVIII в. в Спасо-Ярославском монастыре). Рукопись сочинения Иоиля около 1791 г. попала в руки Мусина-Пушкина, который, внеся в нее свои вставки, решил выдать это произведение за древнее. Целью этих вставок служило стремление «историзировать» сочинение Быковского, приблизить его к памятникам древности. Ту же задачу преследовало составление Мусиным-Пушкиным сборника, в который он включил «Слово о полку Игореве», Спасо-Ярославский хронограф редакции 1617 г., «Девгениево деяние» по списку, близкому к Ярославскому (Тихонравовскому) середины XVIII в., вырезанные листы Академического списка Новгородской I летописи и остаток сборника, содержавшего «Задонщину» («Повесть об Акире» и «Сказание об Индийской земле»). Только после смерти Быковского (1798 г.) Мусин-Пушкин приступил к изданию «Слова о полку Игореве».

***

В прениях по докладу А. А. Зимина выступило 8 человек. Большинство из них высказало решительное несогласие с выдвинутой А. А. Зиминым гипотезой. При этом было отмечено, что ввиду того, что многие, и при этом самые ответственные, ключевые построения А. А. Зимина, в частности по вопросу об отношении «Слова» и «Задонщины», основаны на текстологических сопоставлениях, где имеет значение каждое слово, а иногда даже и форма слов, не имея перед собой письменного текста работы А. А. Зимина или хотя бы развернутых тезисов, возражать ему весьма трудно. Было также подчеркнуто, что «Слово о полку Игореве» занимает столь важное место в истории русской культуры, в истории русской филологии, истории и лингвистики, что выступать с коренным пересмотром вопроса о времени создания «Слова о полку Игореве» только с устным докладом явно недостаточно. Вместе с тем, отмечая научный интерес доклада А. А. Зимина, выступавшие в прениях говорили о необходимости опубликования исследования А. А. Зимина, чтобы можно было проверить выдвинутые им положения и соглашаться или полемизировать с ними, имея перед глазами печатный текст его работы.

Однако уже и по сделанному А. А. Зиминым докладу был высказан ряд возражений и замечаний. Ниже передается краткое содержание всех выступлений в той последовательности, как это происходило на заседании.

Л. А. Дмитриев, отметив важность проблемы «„Задонщина“ и „Слово о полку Игореве“» в решении вопроса о подлинности «Слова», о времени его создания, сказал, что, по существу, вопрос об отношении «Слова» и «Задонщины» решается А. А. Зиминым так же, как и А. Мазоном. Поэтому А. А. Зимину необходимо было бы опровергнуть все те доводы, которые выдвигались против данной концепции А. Мазона в работах В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, В. Ф. Ржиги, А. В. Соловьева, Р. О. Якобсона и других. Для того, чтобы решить вопрос о первоначальном виде «Задонщины», необходимо, что уже отмечалось в свое время В. П. Адриановой-Перетц, провести сравнительный анализ «Задонщины» со всеми текстами «Сказания о Мамаевом побоище»: до тех пор, пока такая работа не будет проделана, никакие выводы о первоначальном виде «Задонщины» нельзя считать окончательными. Даже исходя из тех примеров, которые привел А. А. Зимин, можно оспаривать его положение о том, что во всех случаях, когда поздние списки дают переработку первоначальных чтений «Задонщины», «Слово» повторяет эти переработанные чтения. Так, наименование участников Игорева похода «Ольговым храбрым гнездом» — по имени ближайшего предка (деда) — по смыслу ближе к соответствующему месту «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому (К-Б) списку, где московские князья названы гнездом родоначальника московских князей (тоже деда) — Ивана Калиты, а не к поздним спискам, в которых говорится об общерусском предке всех русских князей христиан — Владимире святом. То, что денежные единицы «ногата» и «резана» поставлены в один ряд только в «Слове о полку Игореве» и в Мусин-Пушкинском издании «Правды Русской», ни о чем не говорит: не меньше, если не больше, оснований предполагать, что Мусин-Пушкин назвал эти денежные единицы рядом в издании «Русской Правды» под влиянием «Слова о полку Игореве». Непонятно, зачем Мусину-Пушкину потребовалось вставлять в текст «Слова» упоминание о Тмутараканском «болване», если под этим имеется в виду якобы подделанный Мусиным-Пушкиным Тмутараканский камень? Говоря о подделке Мусиным-Пушкиным Тмутараканского камня и о связи этой подделки

со «Словом о полку Игореве», А. А. Зимин упомянул о том, что эта мысль была впервые высказана в 20-х гг. нашего столетия историком М. И. Успенским. В связи с этой ссылкой А. А. Зимина Л. А. Дмитриев отмечает, что, сомневаясь в подлинности «Слова», в подлинности Тмутараканского камня, М. И. Успенский в той же своей работе (она не опубликована, и рукопись ее хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома[4]) пытается доказать, что и «Поучение» Владимира Мономаха тоже подделка Мусина-Пушкина, вплетенная им в рукопись Лаврентьевской летописи: черта, довольно ярко характеризующая легкомысленную скептическую позицию М. И. Успенского вообще. То, что Ярославна нигде не названа в летописях, но упоминается в «Слове», — аргумент, подтверждающий возникновение «Слова» в XII в. Нельзя считать убедительными и примеры с ориентализмами: целый ряд специалистов по восточным языкам (В. А. Гордлевский, С. Е. Малов, А. Зайончковский, К. Менгес) показал, что формы, в которых употребляются ориентализмы в «Слове», всюду носят архаический характер и соответствуют XII в. Совершенно неубедительными, по мнению Л. А. Дмитриева, тем более после недавно вышедшей из печати статьи Ю. М. Лотмана «„Слово о полку Игореве“ и литературная традиция XVIII — начала XIX в.», выглядят все построения А. А. Зимина, в которых он пытается обосновать свое предположение о том, что автором «Слова» был Иоиль.

О. В. Творогов в своем выступлении говорил о том, что в докладе нет ясного определения языка, на котором написано «Слово»; нет ответа и на вопрос, почему автор XVIII в. написал свое, по словам А. А. Зимина, «искреннее» произведение, «книжную былину» на

---

[4] РО ИРЛИ. Фонд М. И. Успенского. № 38. Два года спустя, в 1965 г., работа была опубликована. Через В. И. Малышева с ней познакомился А. А. Зимин, а позднее А. Мазон, который и издал ее. См.: Quelques données historiques sur le Slovo d'Igor' et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij (1866–1942) / Traduktion française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mason et Michel Laran. Paris: Institut d'études slaves de l'Université de Paris, 1965. Д. С. Лихачев в письме к Р. О. Якобсону (копия хранится в архиве Лихачева) пишет, что «совершенно потрясен ⟨...⟩ книжкой Андре Мазона. Это глупое политиканство. Издать черновики М. И. Успенского, который никогда не был ученым, филологом или историком; выдать эти черновики за крупнейший научный труд, который якобы скрывается в советских архивах от читателей; создать еще одного союзника себе из ничего!». См. рецензию Д. С. Лихачева на это издание: *Лихачев Д. С.* В поисках единомышленников // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 158—166.

древнерусском языке, если он не имел в виду создать подделку. Трудно допустить, что кто-либо из людей XVIII в. так хорошо владел древнерусским языком. Совершенно необъяснимыми окажутся в произведении XVIII в. «темные места», если автор, как утверждается, не стремился к мистификации. Возражения вызывают и частные факты. Так, если считать слова «Тьмутораканьскый блъванъ» вставкой Мусина-Пушкина, имевшего в виду Тмутараканский камень, то почему же он называет небольшой по величине камень «болваном» и переводит слово «болван» как «истукан»? Указывая на позднюю лексику как свидетельство позднего происхождения «Слова», А. А. Зимин не смог убедительно доказать ⟨свою⟩ датировку этой лексики. Кроме того, при этом игнорируется литературная история текста, возможность вставок, поновлений и т. д. Стилистический облик «Слова» действительно необычен на фоне XII в., но это как раз говорит за то, что перед нами не поздняя стилизация под XII в. Авторство Иоиля провозглашено в докладе декларативно и неубедительно.

Д. Н. Альшиц в своем выступлении много внимания уделил обоснованию своего предположения о том, что «Слово о полку Игореве» написано не в XII в., как считает большинство исследователей, а в XIII, после битвы на реке Калке. Он назвал «курьезными» те доводы, которые обычно приводятся исследователями «Слова» в доказательство того, что оно было написано не позже 1187 г. По его мнению, попытки отнести время создания «Слова» к XVIII в. только потому и возникают, что все остальные исследователи «Слова» во что бы то ни стало стремятся доказать, что «Слово» было написано в 1187 г. Д. Н. Альшиц говорил о том, что выводы, к которым пришел А. А. Зимин, для него пока неубедительны. А. А. Зимин считает, что в некоторых сочинениях Иоиля имеются реминисценции из «Слова». Если это даже и так, что также еще требует доказательства, то это может свидетельствовать лишь о том, что Иоилю действительно было известно «Слово» и он что-то внес из него в свои собственные творения. Совершенно не ясно, с какой целью Иоиль стилизует текст своего произведения, если, как сам же А. А. Зимин утверждает, «Слово о полку Игореве» писалось Иоилем не с целью фальсификации, подделки, а как оригинальное самостоятельное произведение. Вообще, анализируя текст «Слова о полку Игореве», А. А. Зимин, по мнению Д. Н. Альшица, встает на порочный

путь — расчленяет ткань единого цельного художественного произведения на отдельные кусочки и разбирает все эти кусочки независимо друг от друга. «Слово о полку Игореве» — выдающееся художественное произведение (это несколько раз подчеркивал и сам А. А. Зимин), и оно не могло быть составлено из отдельных лоскутков таким способом, как это доказывал А. А. Зимин.

Г. Н. Моисеева говорила о том, что нельзя делить исследователей «Слова о полку Игореве» только на сторонников датировки «Слова» XVIII в. и на «древников». Для некоторых исследователей вопрос еще не ясен, и они пытаются в нем разобраться. Она отметила, что история приобретения рукописи «Слова» Мусиным-Пушкиным весьма запутанна и сложна, поэтому вопрос этот заслуживает самого тщательного внимания. Сопоставления А. А. Зиминым «Слова» с «Задонщиной», летописями, Мусин-Пушкинским изданием «Русской Правды» очень интересны. Однако работа А. А. Зимина еще далека от завершения. Нужны новые дополнительные данные, которые позволили бы принять точку зрения А. А. Зимина.

Л. С. Ковтун говорила о противоречиях в докладе А. А. Зимина: сначала А. А. Зимин отмечал огромные успехи филологической, лингвистической и исторической науки в изучении «Слова о полку Игореве» как памятника XII в., а затем стал доказывать, что это произведение XVIII столетия. Отсутствие исторического словаря русского языка не позволяет уверенно судить о времени возникновения или заимствования отдельных слов, поэтому при решении вопроса о временных границах тех или иных слов «Слова» необходимо быть крайне осторожным. Решительное возражение вызывает интерпретация А. А. Зиминым ряда языковых фактов. Необходимо стремиться к комплексному изучению «Слова» — его языка, стиля, исторической достоверности и т. д.

По мнению С. Н. Азбелева, отметившего в начале своего выступления, что изучением «Слова о полку Игореве» он никогда не занимался, доклад А. А. Зимина аргументирован весьма убедительно, чего не смогли поколебать основные возражения его оппонентов. Однако некоторые из частных возражений докладчику следовало бы принять во внимание. Ознакомление с книгой А. А. Зимина, на основе которой сделан доклад, позволит специалистам всех заинтересованных отраслей науки составить окончательное суждение о его концепции. Следует как можно скорее издать эту книгу.

Я. С. Лурье считает, что наиболее важной частью работы является текстологическая часть — сопоставление двух редакций «Задонщины» и сопоставление «Задонщины» со «Словом»; эту часть особенно трудно передать в устном докладе. Предположение А. А. Зимина о Ефросине как об авторе части переписанных им памятников в Кирилло-Белозерском сборнике (например, «Задонщины») представляется недостаточно убедительным — Ефросин едва ли мог быть автором «Повести о Дракуле», также находящейся в одном из Кирилло-Белозерских сборников Ефросина, так как автор «Повести о Дракуле» пишет о себе и своих товарищах (в первом лице), что они были в Венгрии; о подобных путешествиях Ефросина нам ничего не известно. Я. С. Лурье считает необходимым вынести работу А. А. Зимина на широкое обсуждение.

И. П. Еремин,[5] признав серьезность целого ряда построений А. А. Зимина, широту привлеченного им материала, сказал, что доклад этот явился для него совершенной неожиданностью, так как предполагать из названия доклада, что в нем будет ставиться вопрос о том, что это произведение XVIII в., было невозможно. И. П. Еремин считает, что, в противоположность А. Мазону, аргументация А. А. Зимина и приведенные в подтверждение ее материалы потребуют более серьезной и обстоятельной критики. Единственный тезис доклада А. А. Зимина, с которым И. П. Еремин полностью согласен, — это то, что «Слово о полку Игореве» не подделка, а художественное произведение. В остальном он остается на той точке зрения, которую Д. Н. Альшиц в своем выступлении назвал «курьезной», а именно, что «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.

В заключительном слове А. А. Зимин поблагодарил выступавших за замечания, которые были высказаны по поводу его доклада. Он еще раз подчеркнул, что решил выступить с докладом в ходе работы над темой, а не после ее завершения, с тем чтобы учесть возможные пожелания специалистов. По мнению А. А. Зимина, его оппоненты не смогли опровергнуть выдвинутые им положения. Конечно, серьезный разбор аргументации может быть только после издания работы в целом. Докладчик остановился на отдельных возражениях, сделанных в ходе обсуждения. Так, он показал, что текст об «Ольговом гнезде», на который ссылался Л. А. Дмитриев, текстологически

---

[5] И. П. Еремин председательствовал на заседании и потому завершал прения.

восходит к Пространной редакции «Задонщины», а не к Краткой. Очень интересные наблюдения Ю. М. Лотмана, по его мнению, показывают совершенно иной круг литературных памятников, с которыми действительно «Слово о полку Игореве» имеет мало точек соприкосновения. Аргумент о наличии в «Слове о полку Игореве» «темных мест» также в настоящее время отпадает, ибо кроме текста о «Святъславля... коганя хоти» (в Ипатьевской летописи «каган» тоже упомянут только в связи со Святославом) таких мест уже нет. И эти места расшифрованы не на основе древнерусских памятников, а с привлечением живых диалектов русского, украинского и белорусского языков. В пользу гипотезы о том, что Ефросин записал со слов участника посольства в Венгрию «Повесть о Дракуле», говорит то, что вся рукописная традиция этого произведения ведет в Кирилло-Белозерский монастырь. Обращает на себя внимание и сходство судьбы «Задонщины» и «Повести о Дракуле»: оба произведения встречаются в сборнике Ундольского, где также находим и «Сказание об Индийской земле» (тоже есть в списке Ефросина), и «Повесть об Акире Премудром». Что же касается заявления Д. Н. Альшица о «порочном пути» изучения «Слова», то оно может быть охарактеризовано только как недостойное ученого. Автор «Слова о полку Игореве» — замечательный русский писатель XVIII в., представитель передовой общественной мысли, и долг советских ученых изучать все обстоятельства создания «этого шедевра русской исторической поэзии».

Что можно еще сказать по поводу доклада А. А. Зимина?

Прежде всего необходимо отметить, что новых документальных материалов, опровергающих существующую в науке точку зрения о времени создания «Слова», А. А. Зимин не привел, так же как не привел достаточно убедительных документальных данных, которые свидетельствовали бы о том, что автором «Слова» был архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль и что Мусин-Пушкинский сборник со «Словом» — сборник, составленный Мусиным-Пушкиным из разновременных компонентов. Все, по существу, строится на предположениях или новом истолковании уже известного: новые факты из биографии Иоиля, основанные на вновь найденных архивных материалах о нем, считать документальным подтверждением того, что Иоиль был автором «Слова», разумеется, нельзя. Необходимо также отметить, что многие выводы А. А. Зимина, по крайней

мере насколько это можно заключить из его доклада, строятся на таких данных, более пристальная проверка которых не подтверждает заключений докладчика. Приведем некоторые примеры.

Запись на «Апостоле» 1307 г. действительно имеет в грамматическом отношении более архаическую форму, чем соответствующее место в «Слове», но, как подчеркивал Л. П. Якубинский, установивший этот факт, это говорит лишь о том, что перед автором записи на «Апостоле» 1307 г. был список «Слова» более ранний, чем тот, которым располагал А. И. Мусин-Пушкин. Вообще, включение этого отрывка, являющегося припиской к «Апостолу», в текст, где он органически связан со всем содержанием произведения, со всей художественной структурой памятника, выглядит более чем странно.

А. А. Зимин утверждает, что «резана» — денежная единица — не имела хождения позднее XI в., поэтому она не может упоминаться рядом с «ногатой». Однако в Новгородской I летописи «резана» названа в записи под 1137 г.: «И стоя все лето осминка великая по 7 резан», а в других записях, близких по времени (под 1123 и под 1169 гг.), упоминается и «ногата». В берестяных грамотах «резана» встречается и в XI в. (грамота № 247), и во второй половине XII — на рубеже XIII в. (грамота № 228), и даже в XIII в. (грамоты №№ 215 и 293).

Что же касается того, что имя Ярославны в «Слове о полку Игореве» не названо, то и в этом нет ничего исключительного. Большинство женщин, упоминаемых в летописях XII—XIII вв., названы по отцу или по мужу: Дмитровна, княгиня Герденева, Полюжая Городминиця Жирошкина дъць, Иваньковая, княгиня кюр Михаилова, Володимерьна, Мстиславля, Всеволожая, Глебовна, Мьстиславна, Андреевна, сноха Ростиславлея, Кончаковна и пр.

Вызывает возражения и текстологическая часть доклада А. А. Зимина, в которой он вслед за Фрчеком и Мазоном предполагает, что текст Кирилло-Белозерского списка представляет собой древнейшую редакцию «Задонщины». Установление редакций произведения не может основываться на эпизодических наблюдениях: текст должен быть проанализирован по всем разночтениям и в связи со всем составом включающих их рукописей. Наблюдения советских исследователей с достаточной ясностью показали, что тексты всех списков «Задонщины» имеют множество испорченных мест и древнейшие чтения могут быть обнаружены во всех списках. В иных своих чтениях

«Слово о полку Игореве» ближе к Кирилло-Белозерскому списку, в других — другим спискам. Нет ни одного списка «Задонщины», который мы могли бы без явных натяжек счесть за наиболее близкий к «Слову». Следовательно, видеть доказательство зависимости «Слова» от «Задонщины» в том, что некоторыми своими чтениями «Слово» ближе к поздним спискам «Задонщины», никак нельзя. Ведь другими своими чтениями «Слово» ближе к древнейшему — Кирилло-Белозерскому. А сам Кирилло-Белозерский список, то сохраняющий чтения более правильные, чем остальные, то сокращающий изложение, может быть должным образом оценен лишь в связи с обычными редакторскими приемами его переписчика — монаха Ефросина, переписавшего не только «Задонщину», но и много других произведений. Неверно утверждение А. А. Зимина, что «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и рассказ Ипатьевской летописи о походе Игоря 1185 г. не имеют между собой ничего общего. Исследователями давно были указаны эти общие места. О них подробно говорится в недавно изданной Институтом русской литературы книге «Слово о полку Игореве — памятник XII века», посвященной защите подлинности «Слова о полку Игореве».[6] В частности, даже река Каяла упоминается только в «Слове», в «Задонщине» и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря. Если считать, что «Слово» повлияло на «Задонщину», тогда понятны эти совпадения. Если же думать, что имело место обратное влияние — «Задонщины» на «Слово», тогда нужно допустить, что «Задонщина» из всего предшествующего исторического повествования летописей по какой-то странной игре случая обратилась за материалом для подражания к тому же летописному изложению событий Игорева похода, к которому обратился и автор «Слова о полку Игореве».

К сожалению, на заседании не удалось полностью развернуть научную дискуссию, так как тезисы доклада и самый текст его не были предварительно представлены. Обсуждение выступления А. А. Зимина на Секторе имело поэтому самый предварительный характер.

---

[6] Сб.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 63—69. — *Примеч. Л. А. Дмитриева.*

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

II
СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АН СССР 4—6 МАЯ 1964 г.

В Архиве Академии наук (Москва) хранятся четыре экземпляра стенограммы обсуждения книги А. А. Зимина[1] (каждый включает пять томов, по количеству заседаний[2]). Два экземпляра представляют собой исходный вариант стенограммы с ошибками и пропусками не понятых стенографистками мест[3] (ед. хр. 2, 6, 10, 14, 18 и ед. хр. 4, 8, 12, 16, 20). Третий экземпляр представляет собой правленный участниками дискуссии текст стенограммы, он тоже состоит из пяти томов, соответственно ед. хр. 3, 7, 11, 15, 19. Четвертый экземпляр является беловым (перепечатанным набело после авторской правки) (ед. хр. 1, 5, 9, 13, 17), который значится в описи как «подлинник» (эта хитрость понятна, если учесть, что интересующемуся стенограммой могли выдавать не все варианты стенограммы, а лишь беловой экземпляр, названный лукаво подлинником).

Для публикации нами избран «правленый экземпляр» стенограммы (ед. хр. 3, 7, 11, 15, 19), что объясняется несколькими причинами.

Во-первых, в *беловом* экземпляре отсутствуют все фрагменты, касающиеся обсуждения организационных вопросов заседаний, которые были вычеркнуты Е. М. Жуковым из стенограммы.

Во-вторых, в беловом экземпляре отсутствует ответное слово А. А. Зимина, так как перепечатанный текст его выступления (после авторской правки) был вшит не в беловой экземпляр стенограммы (ед. хр. 17), а в правленый (ед. хр. 19). В последнем, таким образом, оказалось сразу два варианта выступления Зимина: а) текст исходного экземпляра стенограммы, правленный его рукой, и б) текст, перепечатанный набело после его правки и затем опять им поправленный. Оба варианта выступления А. А. Зимина подписаны автором. Выступление А. А. Зимина публикуется нами по второму варианту, с учетом внесенной в него авторской правки.

В-третьих, беловой экземпляр стенограммы не выверялся выступавшими (за исключением А. А. Зимина), в нем присутствуют различные ошибки и неверно прочитанные стенографистками слова, вписанные авторами в правленом экземпляре от руки. Не переданы в беловом экземпляре и авторские подчеркивания, представляющие несомненный интерес, а также некоторые надстрочные знаки (в выступлениях лингвистов и востоковедов).

В текст стенограммы при публикации нами внесена некоторая минимальная унификация: заглавия памятников («Слово о полку Игореве» и «Задонщина») везде заключены в кавычки, за исключением цитат из выступления

---

[1] См.: Фонд 457. Оп. № 3 (1964 г.)

[2] Заседания проходили: 4 мая, 5 мая (утреннее и вечернее), 6 мая (утреннее и вечернее).

[3] Стенографировали совещание несколько специалистов, их имена обозначены на верхнем поле листов инициалами: ЭШ, фм, тл, лс, мс, ТФ, вс, оз, гп, нг, тв.

А. А. Зимина (он не ставил кавычки ни в тексте выступления, ни в книге); названия редакций «Задонщины» (Краткая и Пространная) везде пишутся с прописной буквы (слово «полная», являющееся не названием редакции, а ее характеристикой, пишется со строчной буквы); слова Бог, Богородица пишутся по современным правилам с заглавной буквы (за исключением идиоматических оборотов типа «бог его знает»).

Стилистическая правка текста, как правило, не проводилась (нам важно было сохранить документальную точность стенограммы). В тех редких случаях, когда нами по необходимости исправлены очевидные ошибки или несвязности устной речи, это отмечено в примечании. Отдельные слова, внесенные в текст для ясности, заключены в угловые скобки.

При подготовке стенограммы к публикации были сверены цитаты из «Слова о полку Игореве»[4] и «Задонщины»[5] (с отсылкой к цитируемым спискам этого памятника).

В подстрочных примечаниях приведены ссылки на цитату или обсуждавшийся фрагмент книги А. А. Зимина (если ссылки отсутствуют в тексте выступлений). Цитаты из книги А. А. Зимина выверены и при необходимости исправлены. Приведены также библиографические ссылки на работы других исследователей, упоминавшиеся в дискуссии (если эти ссылки отсутствуют в тексте выступлений).

Необходимые комментарии к тексту выступлений даны в подстрочных примечаниях. В отдельных случаях указывается, как был изменен или дополнен автором текст выступления при вычитке и правке стенограммы.[6] Чаще всего это касается выступления А. А. Зимина, стенографическая запись которого была существенно им дополнена и отредактирована (в том числе изменена тональность высказываний).

Большинство докладчиков имели подготовленный ими заранее машинописный текст выступления. Но по ходу выступления некоторые докладчики зачитывали не весь текст, выпуская отдельные фрагменты.[7] Большие со-

---

[4] По тексту, опубликованному в 1967 г. в серии «Библиотека поэта».

[5] По публикации Р. П. Дмитриевой в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.

[6] При вычитке стенограммы выступавшие по-разному работали с текстом. Некоторые авторы вообще не правили текст (например, Б. А. Рыбаков). Другие внесли лишь незначительную правку в текст стенограммы: вставки поясняющих слов или словосочетаний (например, Д. С. Лихачев). Третьи более активно проводили стилистическую правку текста. Некоторые (В. Д. Кузьмина и Л. В. Крестова, А. А. Валитова, А. А. Зимин) внесли в текст своего выступления подстрочные примечания.

[7] Это, например, отметил О. В. Творогов, но приложенный им при вычитке стенограммы полный текст выступления не был учтен.

кращения делал при чтении своего доклада Д. С. Лихачев, опуская в некоторых случаях целые абзацы. Поэтому А. А. Зимин (которого не было в зале во время выступления Д. С. Лихачева), развернуто отвечая своему оппоненту по машинописному тексту, предоставленному ему Д. С. Лихачевым для ознакомления, отвечал и на те фрагменты его выступления, которые *в стенограмме отсутствуют*. В связи с этим необходимо иметь в виду и полный текст выступления Д. С. Лихачева. Этот текст был перепечатан А. А. Зиминым и прислан им некоторым ученым, в том числе В. И. Малышеву, в архиве которого он и сохранился.[8] Он опубликован нами ранее в другом издании с указанием страниц оригинала.[9]

Подготовленный Д. С. Лихачевым текст выступления разбит на озаглавленные им же разделы. В стенограмме эти названия не нашли отражения. Не внося их в публикацию основного текста, мы проставили на их месте разделительные звездочки, без чего трудно ориентироваться в большом по объему тексте выступления Д. С. Лихачева. (По примеру Д. С. Лихачева названия разделов внес в свой текст и А. А. Зимин — при второй вычитке стенограммы.)

Краткие сведения об ученых, принявших участие в обсуждении книги А. А. Зимина (выступивших на заседании и предоставивших письменные отзывы о книге) приведены в разделе «Участники дискуссии» (с. 687—756).

Как и во вступительной статье, разрядка передает авторские подчеркивания в тексте выступлений, выделения же курсивом принадлежат публикатору стенограммы.

---

[8] РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 1. № 84.

[9] Чтения по истории и культуре древней и новой России: К 100-летию Д. С. Лихачева: Сб. материалов VI—VII чтений (2004, 2006 гг.). Ярославль, 2009. С. 10—65.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АН СССР[1]

Правленый экземпляр

Ф. 457
Оп. 3
Ед. хр. 3

Индекс № 620

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ РАБОТЫ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

4 мая 1964 г.

Е. М. Жуков . . . . с. 1
Н. К. Гудзий . . . . с. 9 (2)[2]
Д. С. Лихачев . . . . с. 23 (13)
В. И. Стеллецкий. . . . . . с. 93 (77)
А. В. Арциховский . . . . . с. 127 (114)

На 137 листах[3]

---

[1] Здесь и в следующих четырех томах стенограммы на титульном листе приводятся также сведения, указанные *на обложке* тома стенограммы.

[2] Вторая нумерация страниц объясняется тем, что при вычитке стенограммы Е. М. Жуков вычеркнул обсуждение организационных вопросов, в связи с чем по окончательной нумерации выступление Н. К. Гудзия начинается с листа 2.

[3] Общее количество листов указывается на обложке каждого тома стенограммы по окончательной нумерации.

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ РАБОТЫ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

4 мая 1964 г.

Председательствует академик Е. М. Жуков.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Товарищи! Мы собрали группу специалистов для того, чтобы обсудить рукопись, представленную А. А. Зиминым. Надо сказать, что мы ограничиваем задачу данного совещания рецензированием этой рукописи. Естественно, что мы не можем в этом составе, достаточно узком, начать дискуссию о «Слове о полку Игореве» в целом. Это невозможно и неправильно. Поэтому мы пригласили только ту часть специалистов, которая имела возможность познакомиться с размноженным текстом рукописи А. А. Зимина. Надо сказать, что А. А. Зимин настоятельно просил руководство Института истории и Отделение размножить его сочинение до опубликования.

Александр Александрович выступал в Ленинграде с докладом, не поставив в известность руководство Института истории. Тем не менее руководство Института и Отделение пошли ему навстречу и работу его размножили.

Нам предстоит, видимо, сегодня и завтра это обсуждение провести максимально обстоятельно и тщательно, с тем чтобы иметь возможность судить об обоснованности аргументации, изложенной в этом сочинении.

Александр Александрович, к сожалению, заболел. Он сообщил об этом 30-го числа, и сегодня он не будет. Но я заверил его, что стенограмма данного обсуждения будет в его распоряжении и он сможет с ней ознакомиться.

Я просил бы товарищей записаться для выступлений в прениях.[4]

*Академик Н. М. ДРУЖИНИН

Я думаю, что если Отделение организовало обсуждение работы А. А. Зимина, то обсуждение должно вестись в том порядке, который вообще принят во всех научных институтах и Отделениях нашей

---

[4] Следующий далее текст стенограммы (до выступления Н. К. Гудзия), заключенный в звездочки, был вычеркнут (вероятно, Е. М. Жуковым) при вычитке стенограммы и не вошел в перепечатанный набело текст.

Академии, т. е. должны быть выслушаны все доводы за и против; должно быть дано заключительное слово самому автору, и затем уже должно быть сделано резюме с практическими выводами.

Тут, конечно, есть очень важный осложняющий момент. На настоящем заседании присутствуют очень крупные специалисты, мнение которых мы хотим выслушать, — литературоведы, историки литературы, лингвисты, — которые в Ленинграде не могли выступить.

Я думаю, что будет правильнее, если мы выслушаем сегодня мнение всех ленинградских ученых и дальнейшее продолжение обсуждения отложим до выздоровления т. Зимина, потому что все-таки без личного присутствия автора обсуждать работу очень трудно, — и морально трудно, и во всех отношениях трудно. Сам автор заинтересован в том, чтобы ускорить обсуждение. Он даже просил об этом, и, по-видимому, он скоро выздоровеет. Он прочтет стенограмму выступлений, а остальные выступления выслушает лично и сможет сам ответить.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Представленная работа и есть выступление А. А. Зимина. Мы предоставили возможность всем участникам ознакомиться с этой работой.

Академик Н. М. ДРУЖИНИН

Я говорю об ответах на замечания и обсуждение. Бывают такие случаи, что автор даже отказывается от своей работы, бывают случаи, когда автор вносит очень серьезные коррективы или учитывает очень серьезно замечания и в своем заключительном слове об этом говорит.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Тот, кто желает выступить, сможет выступить. Тот, кто предпочитает подождать выздоровления А. А. Зимина, может подождать. Тот, кто пожелает, сможет представить свое письменное выступление. Когда Александр Александрович ознакомится со стенограммой, мы решим вопрос о том, в какой форме можно будет выслушать его ответ.

Академик Н. М. ДРУЖИНИН

Все же я прошу вынести это предложение на голосование собрания.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Дело в том, что мы не участвуем в каком-либо выборном органе, а выполняем поручение вице-президента. Поэтому голосовать здесь нечего. Я понимаю высказанные Вами мотивы и очень уважаю эти мотивы, но тем не менее я вынужден это обсуждение провести.

Академик Н. М. ДРУЖИНИН

Я не знаю, как отнесется к этому собрание. Мы не знали, что есть приказ вице-президента.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Любой может выступить и может не выступать.

Академик Б. А. РЫБАКОВ

Поскольку мы обсуждаем сейчас не доклад Александра Александровича, а книгу или рукопись, оформленную на ротапринте, то личное присутствие здесь Александра Александровича, на этом совещании, совершенно не обязательно. Конечно, нам приятнее было бы сказать все неприятные вещи прямо в лицо Александру Александровичу. Очень неприятно говорить и спорить с автором, когда его нет в зале. Но автора представляет здесь его труд, который мы должны разобрать, рецензировать, высказать соображения по всей исследовательской кухне Александра Александровича.

Мне кажется, что Александр Александрович получает даже некоторое преимущество, потому что он должен будет отвечать не экспромтом на завтрашнем заседании. Он получит стенограмму. У него будет возможность известной подготовки. Ответ его будет обдуманным и полным и значительно более весомым. У него будет возможность взвесить все аргументы его противников. Так что он поставил нас сейчас в очень невыгодное положение: мы должны выступать без объекта, — по крайней мере, без автора. А его положение не является невыгодным, потому что Александр Александрович получит возможность по стенограмме и по письменным отзывам, которые будут приложены к стенограмме и в отдельных случаях могут оказаться полнее, чем стенограмма, подготовиться к тому заключительному заседанию, которое, очевидно, будет тогда, когда Александр Александрович выздоровеет. И, очевидно, заключительным этапом нашего обсуждения и будет заседание с обязательным присутствием А. А. Зимина, где он должен будет дать ответ на замечания, которые будут сделаны.

Академик Н. И. КОНРАД

Выслушав предложение Николая Михайловича ⟨Дружинина⟩ и Ваше возражение, Евгений Михайлович ⟨обращение к Е. М. Жукову. — *Л. С.*⟩, я считаю, что это вопрос не такой, который может ставиться на голосование. Но тем не менее вопрос остается очень серьезным. Я считаю совершенно бесспорным, морально вполне допустимым, и не только допустимым, но и совершенно естественным, что товарищи, которые специально приехали сюда для обсуждения, имеют полное право выступить. Что же касается всех прочих, москвичей, то это нужно предоставить их собственному решению.

С МЕСТА

Выступления ограничиваются во времени или нет? Если они ограничиваются во времени, то желательно было бы регламент установить с самого начала.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Откровенно говоря, я сейчас затрудняюсь ставить вопрос о регламенте. Это настолько серьезная вещь, что мы вряд ли сможем сейчас определить объем времени, нужный каждому выступающему. Давайте мы посмотрим, как пойдет обсуждение. Это ведь будут не просто речи по поводу книги, а серьезный разбор книги. Увидим дальше, как пойдет обсуждение. Если будут повторения — поставим вопрос о регламенте. Пока же нет возможности его устанавливать.

С МЕСТА

Может получиться неравноправие для выступающих: выступающие первыми будут говорить без регламента, а выступающие потом будут ограничены регламентом.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Я думаю, что мы постараемся избежать всякого регламента.

⟨С. И.⟩ КОТКОВ[5]

Могу ли я, проф⟨ессор⟩ Котков, имея несколько работ по «Слову о полку Игореве», принять участие в обсуждении? Меня пригласили

[5] *В стенограмме здесь и далее ошибочно*: Катков.

на заседание, но, когда я пришел, — меня пытались выдворить сотрудники Института истории...

Академик Е. М. ЖУКОВ

Я не знаю, как это произошло. Должен сказать, что с самого начала мы ограничили список участников данного заседания, исходя из следующих двух соображений: первое заключается в том, что мы имели ограниченное количество рукописей А. А. Зимина; второе — то, что мы бы не хотели, чтобы судьба этой рукописи, связанной с репутацией самого А. А. Зимина и, что еще более важно, нашей науки, была поставлена под воздействие разных случайных обстоятельств. Вы знаете, что тематика этой работы такова, что она вызывает естественный интерес широких кругов нашей общественности и даже за пределами нашей страны. Поэтому мы должны проявить максимум осторожности, чтобы соответствующие высказывания, соответствующие мнения были обоснованными и пока что не выходили за рамки круга специалистов, которые могут оценить...

(С МЕСТА. А профессор Котков — специалист?)

Если Вы прочли рукопись А. А. Зимина, то, конечно, Вы можете выступить. Я просто хочу объяснить, почему мы ограничили круг участников заседания.

С МЕСТА

Правильно ли я понял, что данная часть заседания — та, на которой присутствуют приезжие, никакой результативной части иметь не будет?

⟨Академик⟩ Е. М. ЖУКОВ

Безусловно.

С МЕСТА

А резолюция?.. Решение?

Академик Е. М. ЖУКОВ

Это не наше дело. Мы имеем поручение прорецензировать рукопись...

С МЕСТА

И голосования не будет?

(*Смех в зале.*)

Академик Е. М. ЖУКОВ

Какое же может быть голосование?

Чл.-корр. В. М. ХВОСТОВ

В одном из последних замечаний с мест прозвучала такая нотка: на этом заседании, где будут выступать приезжие... — У нас нет такого правила, чтобы выступали только приезжие.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Есть ли еще желающие выступить по оргвопросам? (*Нет.*) Позвольте предоставить слово Н. К. Гудзию.*[6]

Академик АН УССР Н. К. ГУДЗИЙ

Я очень сожалею, что среди нас не присутствует А. А. Зимин, не присутствует по болезни. Но я должен сказать, что и те, кто знакомился с его трудом, кто изучал его книгу, сами очень утомлены, потратив много сил на то, чтобы одолеть громоздкую работу Александра Александровича с массой идущих и не идущих к делу ссылок, цитат, параллелей.

Еще раз повторяю, я очень сожалею, что Александр Александрович заболел. Думаю, что мы пожелаем ему скорейшего выздоровления, так как каждый из нас питает к нему то уважение, которого он заслуживает и как ученый, и как человек.

Сомнения в подлинности «Слова о полку Игореве» начались вскоре после опубликования его текста Мусиным-Пушкиным, но они почти совершенно прекратились после 1852 г., когда Ундольским опубликован был текст «Задонщины».[7] И с тех пор не только крупнейшие русские и украинские филологи не сомневались в подлинности «Слова о полку Игореве», но и крупнейшие зарубежные ученые признавали его подлинность. Я убежден в том, что если бы книга А. А. Зимина попала бы за границу, то она вызвала бы там не меньше возражений,

---

[6] Здесь заканчивается текст, который не вошел в перепечатанный набело вариант стенограммы.

[7] Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамая / Сообщено В. М. Ундольским; «Предисловие» И. Д. Беляева // Временник ОИДР. М., 1852. Кн. 14. Отд. II: Материалы. С. I—XIV, 1—8.

чем те, которые будут сделаны у нас не соглашающимися с основной концепцией А. А. Зимина. С полной уверенностью могу сказать, что за рубежом, и не только в славянских странах, гораздо больше защитников подлинности «Слова», чем скептически относящихся к его древности.

Из иностранных ученых назову в первую очередь профессора Р. О. Якобсона, страстного защитника подлинности «Слова о полку Игореве», о котором совершенно неправильно А. А. Зимин сказал, что «под флагом отстаивания древности памятника» он «протаскивает» «идеалистические представления об определяющем воздействии на русский литературный процесс византийских и других иностранных влияний».[8] Это сказано и в адрес ученицы Якобсона Бешаровой.[9] Ни тот, ни другая такой оценки не заслуживают. Это серьезные ученые, которые серьезно подходят к «Слову о полку Игореве» и много ценного внесли в его изучение.

В 30-е гг. XX в. возобновилась полемика по поводу подлинности «Слова о полку Игореве». Она была поднята иностранным членом Академии наук СССР А. Мазоном, выступившим в 1940 г. со своей книгой о «Слове о полку Игореве».

Книга Мазона встретила в огромном большинстве случаев отрицательное к себе отношение. Работа А. А. Зимина в значительной степени является продолжением и в какой-то степени повторением работы Мазона. Основное положение Мазона о том, что «Слово о полку Игореве» является подражанием «Задонщине», причем «Задонщине» не в ее краткой, а в полной редакции, принято и Зиминым.

В чем отличие позиции Зимина от позиции Мазона? Это отличие, как формулирует сам Александр Александрович, заключается в том, что в труде Мазона и в трудах его последователей присутствуют идеалистические представления о «Слове» как о простой стилизации, а не о литературном произведении определенной идеологической

---

[8] *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве: (Источники. Время написания. Автор). М.: Изд-во АН СССР (ротапринт Ин-та истории), 1963 (далее — *Зимин-1*). Т. 1. С. 4. Здесь и далее цитаты из обсуждавшейся книги А. А. Зимина сверены мною и при необходимости уточнены.

[9] Юстина Бешарова (Justina Besharov-Djaparidze; 1921—1991) — американский ученый, специалист по древнерусской литературе, преподаватель кафедры славянских языков и литератур Индианского университета (1958—1971). О ее работах по «Слову» и «Задонщине» см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 108—109. См. также примеч. 119 на с. 41 в наст. изд.

направленности. На самом деле, полагает А. А. Зимин, «Слово о полку Игореве» не подделка, не пастиш, как утверждает Мазон, а высокохудожественный поэтический шедевр, показывающий удивительное понимание и горячую любовь автора к памятникам древнерусской литературы. Здесь ярко выражена авторская индивидуальность, историческая правдивость, глубокая идейность, высокохудожественное мастерство. И все это делает это произведение значительным явлением в русской литературе.

А. А. Зимин при этом приписывает «Слову» некоторые такие качества, которые в нем отсутствуют. «Голос автора Слова о полку Игореве, — пишет А. А. Зимин, — звучал набатным призывом к завершению многовековой борьбы за „Тмутаракань", за обиды, нанесенные русским князьям. В конкретной обстановке 70-х гг. — начала 90-х гг. XVIII в. это означало призыв к присоединению Крыма и к победоносному окончанию русско-турецкой войны».[10]

В «Слове о полку Игореве» Александр Александрович находит те элементы сатиры и сарказма, которые присущи были литературе XVIII в. «С едким сарказмом, — читаем мы у Зимина, — описывает автор Слова свары и бездеятельность князей Всеволода Владимиро-Суздальского, Святослава Киевского, Ярослава Владимиро-Волынского, Романа Галицкого, живших воспоминаниями о прошлых победах, в то время как русские воины изнемогали в неравной борьбе с погаными».[11]

Со ссылкой на Л. В. Черепнина[12] и Алексея Веселовского[13] А. А. Зимин трактует «Слово о полку Игореве» как обличительное произведение, которое стоит в одном ряду с произведениями Радищева и Щедрина.[14]

Чем объясняет Александр Александрович то, что «Слово о полку Игореве» в течение очень долгого времени трактовалось как произведение подлинное? «Хорошо известно, — пишет Зимин, — что в 30—40-х годах XIX в. царское правительство пыталось с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность Слова

---

[10] *Зимин-1.* Т. 2. С. 386.

[11] Там же. С. 387. В книге Зимина опечатка: «с *не* погаными».

[12] А. А. Зимин ссылается на рукопись работы Л. В. Черепнина «Слово о полку Игореве как памятник публицистики XII в.».

[13] *Веселовский А. Н.* Очерки и наброски из старой и новой литературы // Вестник Европы. 1898. Т. 1, кн. 1. С. 121.

[14] См.: *Зимин-1.* Т. 2. С. 387—388.

о полку Игореве, противоборствовать передовой для того времени исторической науке».[15] Но подлинность «Слова о полку Игореве» защищали Пушкин, Максимович, Белинский — как будто не очень реакционные писатели, а возражали против его подлинности и считали его подделкой ⟨И. И.⟩ Давыдов — фигура крайне реакционная, ⟨О. И.⟩ Сенковский, митрополит Евгений Болховитинов, Константин Аксаков и еще несколько человек, прогрессивность которых крайне сомнительна.

Препятствием в разоблачении «Слова о полку Игореве» как памятника древнерусской литературы А. А. Зимин считает культ личности Сталина, когда нельзя было ревизовать установившиеся в науке традиции. Но совершенно очевидно, что в пору культа личности Сталина никто из русских ученых не задумывался о том, чтобы отвергать подлинность «Слова», в частности, не задумывался тогда об этом и сам А. А. Зимин.

Как и Мазон, А. А. Зимин считает, что «Слово о полку Игореве» явилось подражанием Пространной редакции «Задонщины», а не Краткой ее редакции, которая дошла до нас в Кирилло-Белозерском тексте. Вопрос о соотношении Пространной редакции и Краткой — вопрос сложный, но думаю, что он решается не в пользу точки зрения, высказанной чешским ученым ⟨Я.⟩ Фрчеком[16] и поддержанной Зиминым. Краткую редакцию «Задонщины» нужно рассматривать как редакцию, которая обрывается на половине текста и является в значительной степени отрывком редакции полной.

Нет оснований считать произведение, оканчивающееся плачем русских жен и ничего не говорящее о победе русского войска, произведением, которое написано на тему о Куликовской битве. Странно было бы писать произведение, посвященное Куликовской битве, ничего не сказав о конечном торжестве русского оружия над татарами.

Попутно я должен высказаться по вопросу о так называемой реконструкции текста «Задонщины», той реконструкции, которая началась ⟨И. И.⟩ Срезневским, продолжена была ⟨С. К.⟩ Шамбинаго, ⟨В. П.⟩ Адриановой-Перетц, ⟨В. Ф.⟩ Ржигой, ⟨Р. О.⟩ Якобсоном,[17]

[15] Там же. Т. 1. С. 4.

[16] *Фрчек. Задонщина.*

[17] См. работы названных исследователей в аннотированной «Библиографии научно-исследовательских работ по „Задонщине“ (1852—1965 гг.)», составленной

наконец, ⟨А. А.⟩ Зиминым. Мне представляется, что эта работа в научном отношении совершенно несостоятельна. Это не реконструкция, а сводный текст, сделанный из списков явно несовершенных, в высшей степени запутанных, с выбором отдельных слов и выражений по усмотрению реконструкторов.

Я не хочу дискредитировать огромную работу, которую проделал А. А. Зимин. Эта работа по своей эрудированности, по усердию и, я бы сказал, по тому пафосу, который в ней присутствует, не заслуживает дискредитации.

Но вот первый вопрос, который напрашивается сам собой, — это вопрос о том, каким образом в XVIII в. могло быть написано во славу русского престижа, во славу русского оружия произведение, в котором речь идет о поражении русских войск и о сдаче в плен четырех князей, которые участвовали в битве с половцами. Ни в одном памятнике русской истории мы не найдем ничего похожего на то несчастье, которое произошло с Игорем и его союзниками. Никогда не было такого случая, чтобы все четыре князя, принимавшие участие в битве с врагами, попали бы в плен. Большое несчастье разразилось над Русью. И такой памятник, который говорит о крахе, о поражении русских войск, создается в XVIII в., который был заполнен произведениями на тему о героической истории России, о ее военном престиже в XVIII в., когда создается «Россиада» ⟨М. М. Хераскова⟩, в которой речь идет о завоевании Иваном Грозным Казани. Во сколько раз завоевание Казанского царства было меньшим по своему значению событием, чем Куликовская битва 1380 г.! Совершенно естественно, что если в руках воображаемого автора «Слова» был текст «Задонщины» в более совершенном виде, чем те списки, которые до нас дошли, то ему следовало бы этот текст опубликовать как произведение действительно героического эпоса, связанное с величайшим событием русской истории — с победой русских войск над татарами. Почему это не сделано? В личной беседе со мной А. А. Зимин сказал, что надо было взять более отдаленный период — Киевскую Русь. Но Херасков избрал для своей поэмы историческое событие XVI в. — завоевание Казани. Это ему казалось таким событием, которое играло большую роль в судьбах России.

Р. П. Дмитриевой, в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 556—583 (№ 5, 34, 83 и 88, 133, 154).

Если тема «Слова о полку Игореве» никак не звучала в XVIII в., то в конце XII в., накануне распада Киевской Руси в значительной мере из-за княжеских междоусобий, она была в высшей степени актуальной.

Публикация текста 1800 г. и Екатерининская копия свидетельствуют о том, что оригинал был обычной древнерусской рукописью без разделения на слова. Отсюда значительное количество ошибочных прочтений отдельных слов, которое мы находим в Мусин-Пушкинском издании и в Екатерининской копии при попытке выделить отдельные слова. Это мне представляется одним из очень существенных аргументов в защиту подлинности «Слова».

«Слово о полку Игореве» на фоне древней русской литературы, по мысли А. А. Зимина, представляется совершенно одиноким памятником, не похожим ни на какие другие произведения древнерусской литературы. А «Слово о законе и благодати» Илариона — разве это менее загадочное произведение древнерусской литературы, чем «Слово о полку Игореве»? Пушкин еще не знал произведения Илариона и других произведений литературы Киевской Руси, и потому он говорил, что «Слово» является оазисом в пустыне древнерусской литературы.[18] Но таким же оазисом, замечательным по своим литературным качествам, является «Слово о законе и благодати» Илариона, как и «Повесть временных лет» или «слова» Кирилла Туровского.

Ю. М. Лотман правильно замечает: если «Слово о полку Игореве» для древнерусской литературы является необычным явлением, то таким же необычным явлением оно было и для литературы XVIII в., потому что ничего похожего на «Слово» в литературе XVIII в. мы не знаем.[19] Разве можно себе представить, чтобы архимандрит Иоиль, которого Александр Александрович считает автором «Слова о полку Игореве», написал произведение, которое могло бы понять и

---

[18] Имеется в виду известное высказывание А. С. Пушкина: «...к сожалению — старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник: *Песнь о Полку Иг⟨ореве⟩*. Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии...» (*Пушкин А. С.* ⟨Наброски статьи о русской литературе, 1830 г.⟩ // Полн. собр. соч.: ⟨В 17 т.⟩. М., 1949. Т. 11. С. 184).

[19] См.: *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 330—405.

прочесть очень небольшое количество людей? Можно ли себе представить, что автор XVIII в. так владел древнерусским языком, как владел им автор «Слова о полку Игореве»? Ганка подделал Краледворскую рукопись, но Ганка был ученым, был филологом. А кто был Иоиль?

В представлении А. А. Зимина Иоиль был человеком, связанным с разночинной интеллигенцией, настроенным очень радикально, человеком очень образованным. Оспаривать это последнее, т. е. его образованность, нет необходимости, но его поэтический талант и художественные возможности никак не подтверждаются теми примерами из его текстов, которые приводятся в книге Зимина.

Вопрос о том, имел ли какое-либо отношение к «Слову» Иоиль, является спорным. Но если ответить на этот вопрос положительно, то спрашивается, почему Иоиль не издал сам «Слово»? По Зимину выходит, что Иоиль знал, что это произведение не было древним памятником. Если же считать Иоиля автором «Слова», то невозможность опубликования им этого произведения объясняется тем, что оно было проникнуто рационалистическими идеями, наполнено «дажьбожьими внуками». Зачем же в таком случае он писал его? Не буду касаться утверждения Зимина о вмешательстве Мусина-Пушкина в текст Иоиля, в частности, о якобы сделанной им вставке из Приписки к Апостолу 1307 г., о чем подробно будет сказано в письменном отзыве В. П. Адриановой-Перетц на книгу Зимина.

Что, кроме удивления, может вызвать соображение А. А. Зимина о том, что победы Румянцева на Дунае[20] перекликаются с желанием Ярославны полететь по Дунаю[21] или что Ярославна не плачет о сыне потому, что в «Задонщине» жены также плачут только о мужьях, а не о сыновьях,[22] что река Меча дала толчок для мысли о том, что Ярослав Осмомысл правил «меча времены чрез облака»[23] и т. д.?

---

[20] Имеется в виду Кагульская битва на Дунае 21 июля 1770 г., в которой генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев одержал прославившую его победу над превосходящими силами турецких войск. По мнению А. А. Зимина, Кагульская победа П. А. Румянцева сыграла свою роль в возникновении замысла Иоиля (знакомого с графом Румянцевым) создать «Слово о полку Игореве».

[21] См.: *Зимин-1.* Т. 2. С. 368.

[22] См.: Там же. Т. 1. С. 177—178.

[23] Там же. С. 171.

Можно ли говорить о том, что последующая древняя русская литература XIII—XVII вв. после «Слова о полку Игореве» не дала ничего такого, что можно было бы поставить в ряд со «Словом о полку Игореве»?

Зимин пишет: «Ни от XIII—XV вв., ни даже от XVI—XVII вв. до нас не дошло ни одного памятника поэзии, сопоставимого со Словом о полку Игореве. Датируя Слово XII-м веком, мы вынуждены допустить такой многовековый регресс русской литературы, что это вошло бы в вопиющее противоречие с нашими представлениями о поступательном ходе русского литературного процесса в XII—XVII вв.».[24]

Последующая древняя русская литература дала много ценного и интересного. Та же «Задонщина» является выдающимся произведением с точки зрения Зимина. Еще раньше появилась замечательная Повесть о разорении Батыем Рязани, затем Повесть о Петре и Февронии, Повесть о Горе-Злочастии, произведения протопопа Аввакума и многое другое.

Что мы знаем о древней русской литературе?

Я считаю, что нет возможности писать историю древней русской литературы. И сам я отказался бы сейчас от этого, если бы мне нужно было наново писать свой учебник. Я просто написал бы «Древнерусская литература», потому что огромное количество памятников древнерусской литературы до нас не дошло. Следовательно, какая же может быть тут история?

Мы располагаем тем материалом, который случайно уцелел. В свое время ⟨Н. К.⟩ Никольский и ⟨А. И.⟩ Соболевский писали, что «Слово о полку Игореве» не было исключением, что произведений, подобных «Слову», в Древней Руси было немало. «Повесть о Горе-Злочастии», одно из замечательных произведений древнерусской литературы, памятник XVII в., очень понятный и доступный для старинного читателя, дошел до нас в единственном списке. «Поучение Владимира Мономаха» также дошло в единственном списке. Что же удивительного в том, что и «Слово о полку Игореве» известно в единственном списке? И какие могут быть веские соображения о том, что другого памятника, подобного «Слову», в природе не было?

---

[24] Там же. Т. 2. С. 339.

Сошлюсь еще на Герцена, который, касаясь судеб русской культуры Киевской Руси, писал, имея в виду татарское иго, что с тех пор, «с того злосчастного времени, которое длилось около двух столетий, Россия и позволила Европе обогнать себя».[25] Другими словами, литература Киевской Руси, представленная и «Словом о полку Игореве», и «Словом» Илариона, и «словами» Кирилла Туровского, представляла собой большую литературную ценность. Она не уступала западноевропейской средневековой литературе.

А. А. Зимин пользуется такими высказываниями относительно текста «Слова о полку Игореве», которые ему на руку, и оставляет в стороне целый ряд таких солидных работ, которые противоречат его точке зрения. Укажу, например, на работу Соловьева, в которой идет речь о том, что переводчики «Слова» на современный русский язык не понимали текста памятника.[26] Как же тут может идти речь о подделке?

А. А. Зимин ухватился за предположение одного из историков литературы, что «Осмомысл» значит «грешник», потому что здесь якобы имеется в виду Слово Евагрия о восьми грешных помыслах.[27] Совершенно невероятное предположение.

А. А. Зимин ссылается на ленинградского отоларинголога,[28] предполагающего, что «Слово о полку Игореве» написано в конце XVIII в., на том основании, что в «Слове» и в «Капитанской дочке» Пушкина сходно процентное соотношение слов с большим, средним и малым количеством слогов. Или вот еще ссылка на сотрудницу кафедры древних языков С. С. Кононович, высказавшую мысль о том, что «Слово о полку Игореве» написано в XVII в., так как здесь якобы имеется в виду призыв к гетману Дорошенко оставить Москву и

---

[25] Точная цитата: «Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе» (*Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 159).

[26] См.: *Соловьев А. В.* Екатерининский список и первое издание «Слова» // «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века: Статьи А. Соловьева и Р. Якобсона. Leiden, 1954. С. 1—30.

[27] *Зимин-1.* Т. 2. С. 249—250. А. А. Зимин ссылается на статью П. В. Булычева «Что значит эпитет „осмомысл“ в Слове о полку Игореве» // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 1—7.

[28] А. А. Зимин ссылается на наблюдения Н. Чебанова, называя его ленинградским лингвистом и врачом-отоларингологом (см.: *Зимин-1.* Т. 3. С. 573—574). О наблюдениях Н. Чебанова см.: *Марков А.* Мудрость знаков // Комсомольская правда. 1963. 16 нояб. С. 4.

отправиться в Крым для войны с турками. Автором «Слова» т. Кононович считает Димитрия Ростовского.[29]

Зачем А. А. Зимину нужно было ссылаться на такие очень сомнительные и совершенно невесомые высказывания всяких дилетантов-любителей?

Сказанным я ограничусь, предоставив возможность другим товарищам коснуться многого такого в книге А. А. Зимина, чего я, экономя время, не коснулся. Укажу, что моя обширная статья, содержащая критику воззрений на «Слово» Мазона,[30] в значительной степени может считаться направленной и против книги А. А. Зимина.

Академик Е. М. ЖУКОВ
Слово имеет Лихачев Д. С.

⟨Чл.-корр.⟩ Д. С. ЛИХАЧЕВ

Мне тоже очень неприятно, что А. А. Зимин сегодня отсутствует, тем более что я буду говорить довольно резкие вещи в его адрес.

Мне кажется, что работа А. А. Зимина — это его большая научная неудача. А. А. Зимин и не мог написать в данном случае сильной работы, так как основной его тезис работы о «Слове» ложен и можно обосновать его только путем больших натяжек и тенденциозных искажений. Кроме того, ему пришлось углубиться в вопросы не его специальности. И эти две причины и объясняют крупную неудачу А. А. Зимина.

Я начинаю свое выступление прямо с этого утверждения, чтобы было ясно, что резко отрицательное отношение к данной работе А. А. Зимина я не распространяю на другие его труды.

---

[29] А. А. Зимин ссылается на доклад С. С. Кононович, сделанный в МГУ 27 июня 1963 г. (см.: *Зимин-1.* Т. 3. С. 572—573). С. С. Кононович не была сотрудницей кафедры древних языков МГУ. В письме к В. И. Малышеву А. А. Зимин пишет: «27 июня пенсионерка, б⟨ывшая⟩ работница библ⟨иотеки⟩ им. Ушинского, Соф⟨ья⟩ Серг⟨еевна⟩ Кононович на кафедре древних языков (МГУ) сделала сообщение о Слове» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 516. Л. 56—57).

[30] Н. К. Гудзий имеет в виду свою статью «По поводу ревизии подлинности „Слова о полку Игореве“», опубликованную в «анти-Мазоновском» сборнике «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (с. 79—130).

Еще одно замечание, которое я считаю необходимым предпослать своему выступлению: спор о подлинности «Слова о полку Игореве» является научным спором и привносить сюда какие-то вненаучные элементы не следует.

***[31]

Может возникнуть вопрос: так ли уж важно — когда создан памятник? Да, очень важно! Всякое произведение искусства воспринимается в определенном историческом окружении, в определенном окружении других, одновременных ему памятников искусства.

Передатировать «Слово» нельзя без ущерба для его идейной и эстетической ценности. В XII в. «Слово» — произведение огромной идейной силы, это произведение, призывавшее к единству, обличавшее усобицы князей. Его общественный пафос огромен, и только в связи с ним можно оценивать и его эстетическую ценность. Перенесенное в XVIII в., это произведение оказалось бы литературной безделушкой, «пастиш», или служило бы «империализму» Екатерины. Но в сущности все — и Мазон утверждает, что оно служило «империализму» Екатерины, и А. А. Зимин утверждает, что оно являлось набатом, призывом к завоеванию земель на Юге России.

Белинский писал о «Кавказском пленнике» Пушкина: «Читая ее (поэму «Кавказский пленник». — *Д. Л.*), вы чувствуете, что она могла быть написана только в известное время, и под этим условием она всегда будет казаться прекрасною. Если б в наше время даровитый поэт написал поэму в духе и тоне „Кавказского пленника“, — она была бы безусловно ничтожнейшим произведением...» (*Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая[32]). А ведь речь у Белинского шла только о двух десятилетиях — не о столетиях!

Объявить тот или иной памятник подлинным или поддельным, созданным не в ту, а в другую эпоху — это значит коренным образом изменить к нему отношение, коренным образом пересмотреть вопрос о его ценности, а также иначе понять его идеологическое содержание, его роль в историко-литературном процессе и т. д.

---

[31] *В подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления этот первый раздел озаглавлен так*: Значение вопроса о дате «Слова».

[32] См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: ⟨В 13 т.⟩. М., 1955. Т. 7. С. 376—377.

Я вынужден это сказать, потому что А. А. Зимин в своей книге пишет, что, убирая прекрасное произведение из XII в., он дарит его XVIII в. Нет, Александр Александрович, в историко-литературном процессе так не бывает! Поэтому должны быть внимательно рассмотрены все аргументы обеих сторон. Необходима высокая совестливость ученого перед ответственностью темы.

***[33]

Затем мне необходимо сказать несколько слов о месте работы А. А. Зимина в истории изучения «Слова». Мне это необходимо сделать не для того, чтобы навязать А. А. Зимину каких-либо нежелательных ему союзников, — хотя союзников, как мы увидим, А. А. Зимин всячески ищет сам, — а для того, чтобы показать, что из возражений, уже сделанных ранее скептикам, учитывается А. А. Зиминым и что им не учитывается.

Поэтому, как и Николай Каллиникович ⟨Гудзий⟩, я скажу, что концепция А. А. Зимина не рождает новый спор, а вошла в уже давно развернувшийся спор и имеет многие возражения, сделанные еще его предшественникам, на которые А. А. Зимин, как это мы увидим, так и не отвечает в своей книге. Поэтому выключить работу из историографического рассмотрения невозможно.

Мы все в той или иной степени — историки и обязаны интересоваться историографией вопроса.

Я не буду останавливаться на скептицизме раннем (Сенковского, писавшего под псевдонимом Барон Брамбеус, Каченовского и пр.). О них много, хотя и очень неточно, сказано в работе А. А. Зимина. Я должен прежде всего поставить в связь концепцию А. А. Зимина с концепцией А. Мазона, о котором А. А. Зимин говорит незаслуженно мало и то больше в отрицательном смысле, обвиняя его при этом в идеализме. Я должен сказать, что вообще всякие такие обвинения в таком споре недопустимы. И обвинять в идеализме своего предшественника, от которого А. А. Зимин многое воспринял в своей концепции, А. А. Зимину не стоит.

---

[33] *В подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления этот раздел назван так*: Место работы А. А. Зимина в истории изучения «Слова о полку Игореве».

Проф. Мазон, как и теперь А. А. Зимин, считает, что не «Слово» повлияло на «Задонщину», а «Задонщина» повлияла на «Слово». Как и А. А. Зимин, проф. Мазон обосновывает эту возможность сходными текстологическими соображениями. Вслед за Я. Фрчеком проф. Мазон считает дефектный Кирилло-Белозерский список особой, Краткой, редакцией «Задонщины», редакцией первоначальной. Все остальные крайне различные списки проф. Мазон и А. А. Зимин объединяют в одну Пространную редакцию, не приводя аргументов и не делая сличения списков. Эту Пространную редакцию А. Мазон и А. А. Зимин объявляют позднейшей. Главное отличие Краткой редакции от позднейшей Пространной и А. Мазон, и А. А. Зимин ищут в интерпретации Куликовской битвы. Краткая редакция, согласно Мазону, рассматривает Куликовскую битву как поражение, Пространная — как победу. Поэтому во второй, Пространной, редакции к «жалости» по погибшим была добавлена «похвала» победе.

Зависимость «Слова» от «Задонщины» доказывается А. Мазоном и А. А. Зиминым тем, что «Слово» ближе к позднейшей редакции, хотя «Слово» и посвящено поражению, как и Краткая редакция. Тогда как позднейшая редакция «Задонщины», объявляемая наиболее близкой к «Слову», посвящена победе.

Значит, если бы «Слово» повлияло на «Задонщину», то оно должно было бы быть ближе к древнейшей редакции. Это и есть главный аргумент А. Мазона и А. А. Зимина. Именно эту аргументацию А. Мазона и развивает в своей работе А. А. Зимин.

Когда же возникло «Слово» как подражание «Задонщине»? А. Мазон и А. А. Зимин отвечают сходно — в последней четверти XVIII в.

Ни А. Мазон, ни А. А. Зимин не называют «Слово» подделкой, фальсификатом, хотя, как мы увидим в дальнейшем, А. А. Зимин ближе к той точке зрения, что «Слово» — подделка. А. Мазон, вопреки утверждению А. А. Зимина ⟨с. 561⟩,[34] нигде не говорит, что

[34] В круглых скобках Д. С. Лихачевым указываются страницы обсуждавшейся книги А. А. Зимина (*Зимин-1*). В угловых скобках приведены ссылки на страницы, отсутствующие в стенограмме, но имеющиеся в подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления, которым пользовался А. А. Зимин. Все отсылки проверены, исправления не оговариваются. Ссылку на публикацию подготовленного Д. С. Лихачевым текста выступления см. в примеч. 9 на с. 147.

«Слово» — «подлог». А. Мазон говорит о «Слове», что это «пастиш» — стилизация. Сходно характеризует «Слово» и А. А. Зимин.

Автором «Слова» А. Мазон первоначально считал А. И. Мусина-Пушкина, затем Н. Н. Бантыша-Каменского, а в последнее время — архимандрита Иоиля Быковского. Сборами сведений об Иоиле А. Мазон был занят во время своей поездки в СССР в 1959 г., когда он ездил в Ярославль и Киев, и о нем он говорит в своей заметке 1961 г. (RÉS, т. 39, с. 138). А. А. Зимин также считает автором «Слова» архимандрита Иоиля.

Рукопись «Задонщины», по которой был сделан этот «пастиш», согласно А. Мазону и А. А. Зимину, до нас не дошла.

Сходно характеризуются цели создания «Слова»: оправдание «империализма» Екатерины — по Мазону, «набатный призыв» к завоеванию территории на Юге — по Зимину (с. 386). Сходно ставится в связь создание «Слова» с подделкой Тмутараканского камня. Сходно характеризуются многие особенности языка и стиля «Слова», в частности полонизмы, и многие другие.

В чем же отличие концепции А. А. Зимина от концепции А. Мазона? Прежде всего в том, что авторство Иоиля А. Мазон печатно только объявил, но не аргументировал. У А. А. Зимина показано, как Иоиль мог быть автором «Слова», и для сохранения указанной Мазоном связи создания «Слова» с подделкой Тмутараканского камня создана версия о вставке А. И. Мусиным-Пушкиным места о Тмутараканском болване, произвольно отождествляемом А. Мазоном и А. А. Зиминым с Тмутараканским камнем.

Далее, чтобы снять препятствие с цитатой из «Слова» в Апостоле 1307 г., связь которой со «Словом» попросту отрицалась Мазоном, А. А. Зимин создал версию и о другой вставке Мусина-Пушкина — месте из Апостола 1307 г. в уже готовый текст Иоиля.

Таким образом, концепция Мазона здесь усложнена.

А. А. Зимин учел возражения, сделанные А. Мазону, относительно того, что главным источником в изображении событий «Слова» не могла быть «История» ⟨В. Н.⟩ Татищева, и заменил «Историю» Татищева Ипатьевской летописью. Но «История» Татищева была у всех на руках, а Ипатьевская летопись в XVIII в. еще не была издана, и с нею труднее. Поэтому Александру Александровичу приходится создавать новую версию — уже не о пропаже одной «Задонщины», а о пропаже также и Ипатьевской летописи.

Далее, А. А. Зиминым проделана текстологическая работа, которая в работах А. Мазона ограничивалась по преимуществу ссылками на ученика А. Мазона, чешского слависта Я. Фрчека.

Нужно сказать, что в концепции А. Мазона есть некоторые моменты, совершенно неприемлемые для нас. А. Мазон считает, что Куликовская битва была поражением русских войск и только позднейшая легенда превратила ее в блестящую победу. Этим Мазон объясняет то, почему ⟨Кирилло-⟩Белозерский список говорит якобы о поражении, а позднейшие списки якобы добавляют к тексту ⟨Кирилло-⟩Белозерского списка рассказ о победе.

Затем, А. Мазон отвергает возможность написания «Слова» в XII в., так как, по его мнению, русская культура находилась в этот период на весьма низком уровне.

К чести Александра Александровича, эти два положения им отвергаются. Следовательно, тот неприятный привкус, который есть в концепции Мазона, у Александра Александровича отсутствует.

А. А. Зимин говорит по-другому: что результаты Куликовской битвы были сведены на нет через два года нашествием Тохтамыша. Поэтому о Куликовской битве была составлена «жалость» — первая редакция «Задонщины». Только якобы через столетие, после официального свержения татарского ига, стали прославлять Куликовскую победу. Я думаю, что это, конечно, не могло быть ничем объяснено, потому что современники в таких случаях обычно прославляют самих себя и свои деяния, а не деяния прошлого. Таким образом, после свержения татаро-монгольского ига через сто лет для современников прославлять своих «конкурентов» в прошлом не имело никакого смысла.

По второму пункту, относительно низкого уровня культуры Киевской Руси, Зимин говорит также иначе. Он говорит, что «Слово» якобы противоречит не состоянию культуры Киевской Руси XII в., а историко-литературному процессу — нашим представлениям о нем (с. 282 и др.).

Если оценивать концепцию Мазона только с точки зрения ее стройности и сравнить ее в этом отношении с концепцией А. А. Зимина (я говорю о концепции как таковой, а не о ее доказательствах), то, конечно, концепция Мазона гораздо стройнее, чем концепция А. А. Зимина. Концепция А. А. Зимина является отступлением на новые позиции, и при этом — худшие, менее укрепленные, чем у Мазона.

В самом деле, у А. А. Зимина менее выразительно представлены цели составления «Слова» в XVIII в. У Александра Александровича менее продумана связь с литературой XVIII в. Мазон говорил об оссианизме «Слова», о связи «Слова» с американскими темами рассказов об индейцах и пр. От всего этого под напором возражений, сделанных Мазону, А. А. Зимину пришлось отказаться и взамен ничего не предложить.

«Слово» в концепции Зимина принадлежит уже не одному автору, а, по существу, двум — Иоилю и подправившему текст Иоиля ⟨А. И.⟩ Мусину-Пушкину. Причем, если у Мазона «Слово» — просто стилизация («пастиш»), то у Зимина «Слово» — и стилизация (о «стилизации» А. А. Зимин пишет десятки раз), и подделка, потому что в руках Мусина-Пушкина «Слово о полку Игореве» стало подделкой.

Предполагаемый А. А. Зиминым основной автор — архимандрит Иоиль, несомненно, менее удачен, чем ранее предполагавшийся Мазоном Мусин-Пушкин. Если о литературных способностях Мусина-Пушкина мы ничего не знаем и поэтому можно было бы объявить его тайным гением, то произведения Иоиля до нас дошли и поэтому их можно сравнить со «Словом»: самая низкая посредственность Иоиля, различие в манере, в языке, в понимании литературы и пр. — убийственны для концепции А. А. Зимина.

Вопросы атрибуции (и, в частности, на основании лингвистических данных) стоят сейчас в советской науке на достаточно высоком уровне, и Александр Александрович мог бы позаимствовать методику атрибуции хотя бы у В. В. Виноградова. Но он этого не сделал.

Менее стройно выглядит концепция Зимина сравнительно с концепцией Мазона и в вопросе о взаимоотношении «Задонщины» со «Словом». Мазон просто объявил «Задонщину» превосходным произведением (и даже назвал свою книгу «реабилитацией одного произведения», имея в виду «Задонщину»), а «Слово» — памятником плохим, смутным, подражательным. Александр Александрович же считает «Слово» гениальным произведением. Но это очень затрудняет его выведение из «Задонщины». Ему, вопреки собственному тезису о гениальности «Слова», приходится все время доказывать, что текст «Слова» менее ясен, менее логичен, менее эстетически приемлем, чем текст «Задонщины», содержит швы, грамматические неувязки и пр. Александру Александровичу иногда даже приходится

указывать воображаемому «автору» «Слова» — Иоилю, как он мог бы написать лучше.

Если Мазон приводил очень простой источник сюжета «Слова» — «Историю» Татищева, которая была у всех под руками, то Зимину, под напором критики Мазона, пришлось заменить «Историю» Татищева Ипатьевской летописью, которую Иоиль неизвестно как получил в свои руки.

Если у А. Мазона для его концепции требовалось считать уничтоженным только один памятник — список «Задонщины», то А. А. Зимину приходится считать пропавшими и «Задонщину», и тот список Ипатьевской летописи, который якобы использовал Иоиль. Таинственно пропали и некоторые другие источники Иоиля: «Сказание о Мамаевом побоище», «Моление Даниила Заточника» и пр.

Если Мазон просто отвергал связь, которая существует между припиской к Апостолу 1307 г. и «Словом», то Зимин вынужден признать эту связь и должен очень сложно ее объяснять. Как будет ясно из отзыва В. П. Адриановой-Перетц, А. А. Зимину приходится игнорировать историю Апостола, изложенную в печатном источнике (в работе А. А. Покровского «Древнее псковско-новгородское письменное наследие» ⟨М., 1916⟩), прекрасно известном Зимину и всем занимающимся древнерусскими рукописями.

Частные различия с концепцией А. Мазона не дают, однако, права Александру Александровичу с такой решительностью отвергать свою зависимость от А. Мазона и осуждать приемы его работы, как это сделано в работе А. А. Зимина ⟨см. с. 561—563⟩.

Александр Александрович обязан был подробно и обстоятельно разобрать всю аргументацию защитников подлинности «Слова» в тех частях, которые противоречат или направлены против повторяемых Зиминым аргументов Мазона. Он обязан был это сделать. Между тем Зимин повторяет многое из старых аргументов, совершенно не считаясь с тем, какие возражения были уже сделаны против этих аргументов.

Приведу примеры. У нас в 1962 г. вышел сборник в защиту подлинности «Слова» — «Слово о полку Игореве — памятник XII века». В этом сборнике приняли участие самые крупные специалисты по «Слову»: Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц, Н. М. Дылевский и др. Худо ли, хорошо ли этот сборник был сделан, но посчитаться с этим сборником Зимин был обязан. Сложная аргументация Н. К. Гудзия против текстологических выкладок Мазона

совершенно не разобрана А. А. Зиминым. Игнорирована статья Ю. М. Лотмана, где доказывается, что «Слово» не могло быть создано в XVIII в. Игнорирована лингвистическая статья Н. М. Дылевского, статья В. П. Адриановой-Перетц, где сделаны серьезнейшие возражения против повторенной Зиминым текстологической концепции Мазона о двух редакциях «Задонщины» и отношении к ним «Слова о полку Игореве».

Так же в основном игнорируется вся литература в защиту подлинности «Слова», вышедшая за границей: работы ⟨Е. А.⟩ Ляцкого, ⟨П. М.⟩ Бицилли, ⟨И. Н.⟩ Голенищева-Кутузова и др.[35] Некоторых щелчков, походя, удостаивается лишь один ⟨Р. О.⟩ Якобсон.

Впрочем, такое отношение к историографии вопроса характерно и в остальных случаях. Рассуждая о языке «Слова» и «Задонщины», Александр Александрович не рассматривает подробно работ академика ⟨С. П.⟩ Обнорского, ⟨Л. А.⟩ Булаховского, А. Н. Котляренко, В. Л. Виноградовой, игнорируя их концепции, их соображения, привлеченные ими данные, в которых на огромном материале обосновывается подлинность языка «Слова» как языка XII в., подвергшегося некоторой модернизации в позднейших списках, и сравнения языка (именно языка, а не отдельных элементов языка!) «Слова» с языком «Задонщины».

К работам языковедов, так же как и востоковедов, А. А. Зимин обращается только тогда, когда ему нужно выбрать подходящий материал, а все их соображения, все их данные о языке «Слова» в целом как о языке XII в. им просто не замечаются.

Впрочем, как А. А. Зимин выбирает нужные себе материалы из работ своих предшественников, я покажу еще в дальнейшем.

Таково отношение А. А. Зимина к историографии вопроса.

***[36]

Теперь о текстологических аргументах Александра Александровича.

---

[35] Имеется в виду статья Е. А. Ляцкого «Неудачный поход на „Слово о полку Игореве"» (Slavia. Praha, 1939. Roč. 17, seš. 1/2. S. 110—127; Seš. 3. S. 374—411) и статьи в сборнике, выпущенном белградским филиалом Института им. Н. П. Кондакова «Заметки к „Слову о полку Игореве"» (Белград, 1941. Вып. 2).

[36] *В подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления этот раздел назван так*: Текстологические аргументы А. А. Зимина.

Самые резкие возражения с моей стороны вызывают текстологические приемы работы А. А. Зимина. От Шахматова во многом идет современная текстология. Произвольно отходить без каких-либо оговорок от текстологических принципов Шахматова сейчас совершенно невозможно, тем более в работе, посвященной «светлой памяти» А. А. Шахматова.

Предлагаемый А. А. Зиминым анализ текста выполнен дошахматовскими приемами, крайне субъективен и совершенно недоказателен. В самом деле, если в отношении К-Б ⟨Кирилло-Белозерского⟩ списка Александр Александрович еще строит предположения о его происхождении (хотя и без доказательств строго текстологических), то в отношении всех остальных списков объединение их в отдельную редакцию сделано совершенно произвольно, без всяких текстологических аргументов, без сличения, без анализа. Тексты списков так называемой Пространной редакции не сличаются между собой, не анализируются особенности и даже дефекты каждого списка, не устанавливаются их происхождение, их особенности.

Далее. Нарушает Александр Александрович и другой текстологический принцип, выдвинутый А. А. Шахматовым, — принцип анализа текста в его целостности. Он не только не характеризует характер ошибок, изменений и других особенностей текста каждого списка, а ведь их не так уж много, но не характеризует даже и устанавливаемые им изводы Пространной редакции — извод Ундольского и извод Синодальный. Оба извода без их анализа соединяются в одну произвольную реконструкцию Пространной редакции как таковой. Причем характерно, что, признав извод Синодальный лучше сохраняющим древнейшие чтения, он кладет в основу своей реконструкции текста Пространной редакции список другого извода, извода Ундольского, — список И-1, заявляя, что он полнее других и наиболее древний (имеется в виду сама рукопись, а не ее текст). Из этого видно, что принципы реконструкции далеки от стремления опереться на историю текста. Это вполне дошахматовские, давно отмененные приемы текстологической работы.

Положив в основу своих текстологических соображений не реально дошедшие тексты, а особым образом препарированные «реконструкции», А. А. Зимин лишил себя возможности что-либо доказать.

Он даже и не пытался проанализировать взаимоотношение двух изводов так наз⟨ываемой⟩ Пространной редакции — извод Ундольского

и извод Синодальный. Он анализирует собственные реконструкции. При этом Александр Александрович исходит только из двух предположений: либо первоначальной является Краткая редакция, либо — Пространная.

В дальнейшем я буду для удобства говорить *Краткая редакция* и *Пространная редакция*, хотя это не научно оправданная терминология, но, поскольку мы разбираем работу А. А. Зимина, я буду все же пользоваться его терминологией.

Так вот, более сложные взаимоотношения списков А. А. Зиминым не разбираются и не предполагаются. Даже имевшиеся в литературе у подавляющего большинства исследователей предположения, что ни Краткая редакция, ни списки Пространной редакции не являются первоначальными, а что все они восходят к не дошедшему до нас более правильному тексту, — предположение вполне естественное ввиду крайней испорченности всех дошедших до нас списков — им попросту игнорируется. Взгляды авторов, высказывавших эту точку зрения, например ⟨С. К.⟩ Шамбинаго, ⟨В. П.⟩ Адриановой-Перетц, как мы увидим в дальнейшем, искажаются: им приписывается мнение, что первоначальной редакцией является Пространная ⟨с. 86 и др.⟩, хотя такого мнения они не высказывали.

Отмечу, что, как показывают все возражения, сделанные проф. Мазону, ни та, ни другая редакция не является первоначальной. Эта точка зрения является единственно правильной.

Составляя свою реконструкцию Пространной редакции, А. А. Зимин совершенно не анализирует взаимоотношения списков, произвольно объединяет все списки в одну редакцию. А ведь были и другие точки зрения!

Нарушение принципов шахматовской текстологии сказывается и в следующем: Александр Александрович сравнивает тексты отдельных списков мозаично, по эпизодам, иногда по мелочам, иногда по «микросочетаниям», как он сам выражается ⟨с. 181⟩, а эти «микросочетания» иногда сводятся к одному и тому же слову, одному и тому же корню, к простому созвучию слов и больше ни к чему. Очень часто сопоставляется «рваный» текст, неполный, произвольно выбранный из разных мест произведения, не дающий возможности читателю рассмотреть целое. В результате сопоставлений характеризуется не текст редакции, списка, извода в его целом, а даются только

выводы относительно данного выхваченного из текста куска, затем грубо подсчитываются результаты.

Поэтому сопоставления А. А. Зимина не доказывают его гипотез — они только демонстрируются перед читателем. Он иллюстрирует свои мысли, а не доказывает их. Но это не мешает Александру Александровичу на основании этих гипотез, не доказанных им, строить дальнейшие гипотезы, рассматривая эти гипотезы как доказанные, создавать новый этаж гипотез, которые снова объявляются доказанными, и т. д.

Мне уже приходилось спорить с Александром Александровичем по поводу реконструкций древних текстов (Исторический архив. 1956. № 6).[37] В данном случае все дефекты текстологических построений А. А. Зимина выступают с полной очевидностью.

Первое. Реконструкции невозможно строить на основании механических принципов устранения погрешностей, алогизмов и пр. Это особенно относится к «Задонщине», где нет никаких оснований предполагать полную логичность авторского текста. Это и произведение слабое, и дошло оно в списках искаженных.

Второе. Реконструкции могут строиться только после выявления истории текста каждого списка. История текста, а не «логика» и «эстетика» памятника, которые могут интерпретироваться крайне субъективно, должна лежать в основе реконструкции. Все это отчетливо показано в работах акад. Шахматова.

Третье. В реконструкциях нельзя произвольно смешивать разные слои текста, разные редакции. Нельзя создавать текст, который явно не мог существовать.

Четвертое. Реконструкции могут служить только для наглядного воспроизведения выводов автора. Они не могут выдаваться за подлинный текст и не могут служить историческим источником, а тем более не могут служить основой для дальнейшего анализа текста.

Но вот что делает Александр Александрович: он в приложении к книге дает реконструкции, как будто бы реконструкции — вывод из его книги, но весь текст книги основан на им же самим созданных

---

[37] См.: *Зимин А. А.* О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв. // Исторический архив. 1956. № 6. С. 133—143; *Лихачев Д. С.* К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов ⟨по поводу статьи А. А. Зимина⟩ // Там же. С. 154—166.

реконструкциях. «Доказательства» строятся на реконструкциях, и реконструкции эти — результат его «доказательств».

Такое отношение к реконструкциям особенно недопустимо в работе, посвященной «светлой памяти Алексея Александровича Шахматова». Известно, что А. А. Шахматов собственные реконструкции давал только для наглядности выводов и не только не пользовался ими в научной работе для дальнейших выводов, но резко осудил М. Д. Приселкова за то, что тот цитировал в своих «Очерках церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» не подлинные летописи, а текст реконструкций А. А. Шахматова (см.: Научный исторический журнал. 1914. № 4. С. 45).

А. А. Зимин не только цитирует собственные реконструкции, но использует их для доказательства того, на чем сами они основаны. Зимин как бы сам создает тексты, а затем сличает эти тексты и торжествует победу своей концепции. Весь текстологический анализ А. А. Зимина — это нанайская борьба с самим собой. Но такая «нанайская борьба» может рассматриваться только как балетный номер, но не как честное состязание текстов.

Продемонстрирую этот порочный круг в рассуждениях А. А. Зимина на некоторых примерах. Вообще для того, чтобы показать этот порочный круг полностью, мне нужно было бы полностью все примеры А. А. Зимина разобрать, но это, конечно, не по силам на таком заседании.

Прежде всего обратим внимание на то, как создаются А. А. Зиминым те тексты реконструкций, которые он затем произвольно кладет в основу своих текстологических выкладок. Создание таких реконструкций не может быть названо иначе, чем сочинительством.

Например, в списке Кирилло-Белозерском читается неоконченная фраза «От тоя рати и до Мамаева побоища».[38] А. А. Зимин ее «заканчивает», но берет для этого не другие списки «Задонщины», где эта фраза закончена вполне естественно — «лет 160», а произвольно выбранный текст из совершенно другого произведения — «Сказания о Мамаевом побоище». Фраза эта, послужившая основой для исправления, читается в другом контексте, и не в начале произ-

---

[38] *К-Б*. Л. 123. Здесь и далее нами указываются номера листов, на которых находится цитируемый выступающими текст в списках «Задонщины»: Ундольском (*У*), Историческом-1 (*И-1*), Историческом-2 (*И-2*), Кирилло-Белозерском (*К-Б*) и Синодальном (*С*).

ведения, как в «Задонщине», а в середине. Вот она в одной из редакций: «От тоа бо Галадцкыа беды и великого побоища татарскаго и ныне еще Рускаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго Бога, можеши бо жывити и мертвити».[39] Это случайная фраза в середине плача вдовы Дмитрия — Евдокии. Никакого отношения к соответствующему месту текста «Задонщины» она по своему положению не имеет. На основании нескольких слов из этого плача Евдокии в реконструкции начала «Задонщины» А. А. Зиминым сочиняется такой третий текст, не имеющий общего ни со списком Кирилло-Белозерским, ни с плачем Евдокии из «Сказания»: «От Калагъския рати и до Мамаева побоища Рускаа земля уныла» (⟨*Зимин-1,*⟩ с. 42—43 и 593). После этого уже легче объявить Краткую редакцию поэтичной, а Пространную — книжной (еще бы — там эта фраза заканчивается цифрой!).

Возьмем другой пример. В заголовке списка Кирилло-Белозерского читается совершенно ясный текст: «Писание Софониа старца рязанца». Текст этот противоречит концепции А. А. Зимина, считающего, что «Задонщина» в списке Кирилло-Белозерском не «писание», а запись фольклорного произведения. Он считает это без всякого доказательства, со ссылкой на исследователей, которые этого не утверждали. И он сочиняет вместо этого совершенно бессмысленный текст, который он затем пытается истолковать в свою пользу: «Писание съставлено именемь Софониа старца рязанца» (⟨*Зимин-1,*⟩ с. 592). Что значит — «составлено именем Софония»? Ни в одном памятнике древней русской литературы аналогичного выражения нет. Откуда появились эти слова? Они взяты из испорченного заголовка совсем другого характера, не принадлежащего к Краткой редакции: «Сѣе слово съставлено (очевидно, пропущено «старцем». — *Д. Л.*) именемь Софониа резанца о великом кнези Дмитрии Ивановичи и брата его Василиа Ондрѣевича и о всех кнезех руских как билисе беаше за Доном за свою великую обиду с поганымъ царем Мамаемъ».[40]

---

[39] Сказание о Мамаевом побоище: Основная редакция // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 55. (Лит. памятники).

[40] Речь идет о заглавии «Задонщины», содержащемся в качестве приписки XV в. в рукописи 1294 г. (ГИМ. Синодальное собр. № 836. Л. 180 об.). Это заглавие приведено в изд.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славян-

Как видите, текст совершенно произвольно выбирается мозаично из разных фраз. На основании разных фраз, выхваченных из различного контекста, создается третий текст, понять который нормальному человеку, знающему русский язык, невозможно!

Типично следующее обстоятельство: когда А. А. Зимину нужно, он для реконструкции Пространной редакции берет текст из Краткой, а для реконструкции Краткой — текст из Пространной. Это особенно недопустимо в связи с тем, что сам же А. А. Зимин поставил себе задачу доказать, что текст «Слова» близок только к Пространной редакции и что в Краткой нет никаких параллелей к «Слову», которые бы отсутствовали в Пространной.

Мало этого, в его работе имеет место систематическое подтягивание реконструкции текста Пространной редакции к «Слову о полку Игореве». В реконструкциях текста «Задонщины» В. П. Адриановой-Перетц она пользуется при выборе чтения показаниями «Слова». Но, во-первых, реконструкция В. П. Адриановой-Перетц завершает исследование, а не употребляется для сличений и доказательств, а во-вторых, ориентация на «Слово» у В. П. Адриановой-Перетц оправдывается тем, что она считает, что «Задонщина» выросла из «Слова», что текст «Слова» первоначальный. Но как оправдать поправки по «Слову», вносимые в текст, считающийся более ранним, чем «Слово»?

Подтянув свою реконструкцию Пространной редакции под «Слово о полку Игореве», А. А. Зимин вслед за ней дает текст «Слова», где отмечает источники «Слова», и в частности якобы заимствованные места из Пространной редакции. Порочный круг замыкается. Натяжки видны уже в первых строках реконструкции «Слова». Так, например, А. А. Зимин отчеркивает слова «начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий» и «начати же ся тъй пѣсни» как заимствованные из Пространной редакции, но в даваемой им реконструкции форма слова «начати» взята, как мы видели, из «Слова» же (в И-1 «начаша», в У «начаша ти», в С «нача»).

С другой стороны, все конъектуры в реконструкции «Слова» принимаются А. А. Зиминым по принципу: лишь бы ближе

ских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II. С. 5. Цитируя заглавие «Задонщины», А. А. Зимин и Д. С. Лихачев в некоторых случаях по-разному раскрывают титла.

к XVIII в., к польскому, к белорусскому — к чему угодно, только не к древнерусскому. И на основании этого делаются выводы!

Так, например, без всякой нужды и вопреки обстоятельному и исчерпывающему исследованию Н. М. Дылевского, доводы которого вообще А. А. Зиминым не рассматриваются, Зимин в реконструкции «Слова» переделывает «на Канину» в «на ковылу» (с. 154), что помогает ему вывести текст «Слова» из «Задонщины» (с. 155). Но эта реконструкция, которая сейчас принята очень немногими исследователями, в последней работе Дылевского начисто разбита. Причем интересно, что в сноске, где указываются ученые, принимавшие конъектуру «на ковылу», привожусь и я, хотя я никогда этой конъектуры не принимал.

Принимает А. А. Зимин и фантастическую, ни на чем не основанную поправку текста «свивая славы» на «спивая славы» (с. 324), так как эта форма ближе к украинскому языку и он может затем умножить ею список украинизмов «Слова» (см. с. 306).

Тот же порочный круг в доказательствах употребляется А. А. Зиминым и во многих других случаях. Так, например, для своей реконструкции Краткой редакции А. А. Зимин избирает чтение «стязавше ум своею крепостью» и на стр. 45 поясняет: «ибо данный текст восходит к Иосифу Флавию, где читается „своею крепостию“[41]». В примечании дается отсылка: «Об этом см. главу 4». Разворачиваем главу 4 и читаем в таблице сличения: В «Слове» — «Истягну умь крѣпостию своею», в «Истории» Иосифа Флавия — «Прием ум своею крепостию». Этот фрагмент № 1 ⟨, указывает А. А. Зимин,⟩ «есть в Задонщине» (с. 260—261). Далее читаем: «Итак, если мы можем допустить влияние Иосифа Флавия на Задонщину и Ипатьевскую летопись, то нет никаких реальных следов того, чтобы этим произведением воспользовался автор Слова о полку Игореве» (с. 262).

Значит, так: текст «Задонщины» «подтягивается» к «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. За обоснованием отсылается к главе, где этого обоснования нет. Затем говорится, что, поскольку этот текст «Задонщины» близок к «Истории», нет никаких оснований говорить, чтобы «Историей» воспользовался автор «Слова о полку Игореве»!

---

[41] В книге А. А. Зимина: «свою крепость».

Дело, однако, не ограничивается тем, что в основу доказательств и текстологических выводов кладется подогнанный под концепцию «реконструированный» (вернее, сочиненный А. А. Зиминым) текст. Одно и то же место интерпретируется в работе по-разному — в зависимости от того, как выгоднее. А. А. Зимин сделал реконструкцию следующего места Пространной редакции «Задонщины»: «Ци буря соколи снесет из земли Зелетскые в поле Половецкое»[42] (впрочем, на стр. 601 иначе: «Ци буря соколи з о н е с е т из земли З а л е с к и я в поле Половецкое»). На стр. 110 он считает этот текст основным и пишет: «„Не“ Слова может быть палеографически выведено из „чи“ („ни“)», т. е. Зимин признает, что отрицательный параллелизм «Слова» — «Н е буря соколи занесе через поля широкая...» — вторичен. А на стр. 140 он пишет о составителе Пространной редакции, что он «хотел сказать в духе устно-поэтических оборотов: не буря занесла соколов в поле Половецкое, стоят стяги у Дону», т. е. считает этот отрицательный параллелизм присущим все ж таки самой «Задонщине», а не введенным в «Слово».

Далее. А. А. Зимин не удовлетворяется подгонкой текста под свои выводы в реконструкциях: в разных местах своей работы он пользуется то реально дошедшими текстами, а то собственными реконструкциями — в зависимости от того, что ему в данный момент выгоднее. Он находит возможным даже сопоставлять тексты, пользуясь в этих сопоставлениях одновременно и собственными реконструкциями, и реальными текстами списков.

Известно, например, что список Кирилло-Белозерский — единственный, сохранивший имя Бояна. Это идет против концепции А. А. Зимина, стремящегося доказать, что «Слово» ближе к Пространной редакции. И вот А. А. Зимин пишет: «К Слову близко чтение „Бо(ян)“ списка С (сравни «Боюн» И-1, «боярин» У)». Это на стр. 106—107. Т. е. А. А. Зимин сопоставляет свою собственную реконструкцию текста одного из списков с нереконструированными текстами других и показывает, что чтение этого списка С якобы близко к «Слову о полку Игореве». Чтобы было ясно, укажу, что в списке С «бо» — частица, а не имя собственное. Надо ведь учитывать контекст!

[42] *Зимин-1.* Т. 1. С. 138.

Но если сопоставлять реконструкцию Синодального списка с другими, то как можно в одном случае давать реконструкцию (для списка С), а для других списков явно испорченное и нереконструированное место и на основании этого доказывать, что список С ближе других в данном месте к «Слову»? Этим способом можно доказать все что угодно. Иногда А. А. Зимин пользуется реконструкциями, но не теми, что даны в приложении, а неизвестно откуда взятыми (см. реконструкцию на стр. 138—139 и ср. с реконструкцией на стр. 601).

Метод «порочного круга» не ограничивается только вопросом о реконструкциях. Иногда А. А. Зимин дает собственное толкование «Слову» и потом сам же удивляется его «странности»: «Весьма странен и набор земель, — пишет А. А. Зимин, — которые должны были слушать клик Дива: здесь и русское Поморье, и греческая колония — Сурож, и половецкое Поморье» (с. 147).

Какое русское Поморье имеется в виду? Никакого русского Поморья в XII в. не было, Тмутаракань давно была уже захвачена. Почему Сурож — главный город кипчаков (половцев) в XII в. (об этом свидетельствует Ибн-аль-Асира) — объявлен греческой колонией? По-видимому, обоснование своих мыслей не занимает А. А. Зимина, его радует только, что эти его домыслы позволяют объявить текст «Слова» «странным». Но странным является толкование А. А. Зимина, а не «Слово».

Метод «порочного круга» сказывается и в таком факте. А. А. Зимин подсчитывает свои собственные (в общем, как было показано, произвольно), вносимые им в тексты «Задонщины» поправки и эти цифровые данные снова пускает в оборот для доказательства своей концепции. Он считает показательным то, что в Краткую редакцию он лично внес 28 поправок, а в Пространную — около 350 (с. 102—103)!

Для доказательства своих положений А. А. Зимин допускает и простые неточности в цитировании. Так, например, А. А. Зимин утверждает, что выражение «приломити конець поля половецкаго» неудачно и оно объясняется только из текста «Задонщины» («конець копия»).[43] Имеется в виду текст «Задонщины»: «конец копия вскормлены». Действительно, цитированное место из «Слова» бес-

---

[43] *Зимин-1.* Т. 1. С. 135.

смысленно, однако если его процитировать правильно, то никакой непонятности в нем нет: Игорь говорит: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго», т. е. хочу сломать копье на границе Половецкого поля (приломитъ или сломать копье — фразеологизм, означающий — начать битву). Речь, следовательно, в «Слове» идет не о том, чтобы сломать «конец поля», а о том, что Игорь собирается «приломитъ копье».

В своих текстологических выкладках А. А. Зимин очень часто сопоставляет со «Словом» «рваный» текст (напр., на стр. 180), неполный, произвольно подобранный из разных мест «Задонщины». Он сам пишет, что сопоставляет иногда «микросочетания» (с. 181).

Отрицая сходство сна Святослава со сном князя Мала в Летописце Переяславля-Суздальского (с. 252), А. А. Зимин также не полностью цитирует последний: Мал не только видит сон, а во сне жемчуг, как и Святослав, — Мала одевают черными одеялами (в «Слове» Святослава одевают «чръною паполомою»), и кроме того, он видит «лодьи», «в них же несеным быти» — как и в «Слове», где Святослава несут в санях (этнографический эквивалент ладьи в обряде погребения). Такое неполное приведение сна Мала помогает Зимину объявить оба сна лишенными сходства, хотя, когда это ему необходимо, А. А. Зимин находит сходство в выхваченных из контекста сходных отдельных словах, сходных иногда только звучанием (например, «меча времены чрезъ облаки» и «реку Мечу запрудити», с. 171). Деепричастие «меча» сопоставляется с названием «Меча» в абсолютно различном контексте!

Зимин поймал в рассказе Ипатьевской летописи и в «Слове» два слова с общим корнем («дивно» и «диво») в совершенно различном контексте и на этом основании считает, что текст «Слова» основан на тексте Ипатьевской летописи (с. 201—202). Только одно слово, даже один корень в одном из слов! Контекст другой, смысл другой — все другое, но это не смущает А. А. Зимина. А если считать «диво» тюркизмом, то и общего корня нет!

Крайний субъективизм текстологического анализа А. А. Зимина может быть показан и на примере его научной фразеологии, применяемой при истолковании сопоставлений текстов.

Без особых доказательств А. А. Зимин часто объявляет тот или иной текст, признающийся им вторичным, «непонятным», «как-то необычным» (с. 128), «впечатляющим, но не вполне

удачным» (с. 145), «впечатляющим своей неожиданностью» (с. 142), «более гармоничным» (с. 159). Вместо точных данных он сообщает о своих впечатлениях от текста: «ощущается переделка первоначального текста» (с. 149). Он пишет: «отдать предпочтение „диву“ Слова о полку Игореве очень трудно» (с. 147) или: «Картина сборов... кое-чего лишилась в смысловом отношении»[44] (с. 140). В нужных ему случаях А. А. Зимин постоянно объявляет тот или иной текст «стройнее», «лучше», «естественнее», логичнее» и т. д. Он употребляет неясные понятия: «лирическое полотно» (с. 177), «поэтическая кисть» (с. 171), «многоцветный языковой спектр» (с. 339) и т. д. Выводы не столько доказываются, сколько внушаются читателю. «Убежденность» А. А. Зимина в собственных построениях опережает факты, аргументы и доказательства.

В некоторых случаях «анализ» А. А. Зимина носит не только субъективный и бездоказательный характер, но внушает сомнение в его серьезности вообще. Так, например, сравнивая Краткую редакцию с Пространной, чтобы указать на преимущества первой, А. А. Зимин пишет: «Выражение „пашют... молньи“ (К-Б), соответствующее терминологии Сказания («Пламя огньное пашется»), древнее книжного „трепещуть“ молнии Пространной редакции. К тому же, молниям естественнее „пахать“ в кровавых облаках (К-Б), чем трепетать в кровавых зорях (И-1 и сходные)» (с. 60—61). Я отказываюсь это понимать.

Гиперкритический анализ, которому подвергает текст «Задонщины» А. А. Зимин, недопустим особенно потому, что перед нами крайне испорченные тексты, с пропусками, бессмыслицами, несогласованностями. Писцы явно не понимали того, что переписывали, и произвольно изменяли текст. Как же можно подвергать тексты «Задонщины» такому смысловому, логическому и эстетическому анализу, как это делает А. А. Зимин? Можно только в одном случае: если их предварительно хорошенько «реконструировать», а затем восхититься собственной логичностью!

Встречаются у А. А. Зимина совершенно голословные утверждения. Так, например, на стр. 437 он утверждает, что конструкция фразы: «Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по

---

[44] В книге А. А. Зимина: «Фрагмент в Слове ⟨...⟩ из-за следования тексту Задонщины кое-чего лишился в смысловом отношении».

резанѣ» — может быть сопоставлена с конструкцией фразы из Русской Правды, но цитаты из Русской Правды не приведено, так как слова, заключенные в скобки,[45] являются словами не Русской Правды, а... повторениями слов из «Слова о полку Игореве»!

На стр. 316 А. А. Зимин утверждает: «Как показала Ю. Бешарова, в Слове о полку Игореве настоящее время, аорист, перфект и имперфект часто не имеют строгого хронологического значения». Он приводит примеры и говорит: «Но такое употребление времен противоречит строю древнерусского языка». На чем основано утверждение о строе древнерусского языка — непонятно, потому что в той же самой «Задонщине», даже в «реконструкции» «Задонщины» Зимина имеются точно такие же соединения настоящего времени и прошедшего и др. Например: «То ти съступалися (прош. вр.) руские сынове с погаными татары за свою обиду, а в них сияють (наст. вр.) доспехи злаченые, гремели (прош. вр.) князи рускиа мечи булатными о шеломы хыновскыа».[46]

Такое же сочетание времен глаголов встречается и у автора XII в. — современника «Слова о полку Игореве» Кирилла Туровского, блестящего стилиста, весьма внимательного к своему языку (см. у Кирилла «народы постилають... резаху ветве». Труды ОДРЛ, т. XIII,[47] с. 410 и др.).

Откуда взята, кто подсказал А. А. Зимину эту фразу относительно строя древнерусского языка, остается загадочным.

Очень многие положения А. А. Зимина никак им не доказываются.

Вместо этого они подкрепляются ссылками на исследователей, которые якобы установили тот или иной факт. Разумеется, что при этом ссылки должны быть очень точными, а между тем вот что происходит.

Если начать проверять ссылки, то все неверно, вообще количество неверных ссылок поразительно. Так, например, Зимин приписывает ⟨С. К.⟩ Шамбинаго и ⟨А. А.⟩ Шахматову ⟨мнение о том⟩, что Пространная редакция более первична, чем Краткая. В сноске он

---

[45] А. А. Зимин пишет: «По конструкции фразы ее текст может быть сопоставлен с Русской Правдой («Аже... то... по резанѣ»)».
[46] *Зимин-1.* Т. 3. С. 608.
[47] *В стенограмме ошибочно*: т. XV.

указывает, что этот вывод принял Шахматов. Зимин пишет: «Шамбинаго исходил из тезиса о первичности Пространной редакции Задонщины и вторичности Краткой» (с. 10). В сноске он указывает: «Этот вывод принял А. А. Шахматов».[48] Проверяем сноску. На указанной странице работы Шахматова (180)[49] о соотношении редакций вообще не говорится (и не могло говориться, так как Шахматов не признавал редакций в «Задонщине»). Но на стр. 178 имеется следующее: «Вместе с С. К. Шамбинаго и другими исследователями предполагаем, что текст памятника («Задонщины». — *Д. Л.*), сохранившийся не вполне в древнейшем списке (т. е. К-Б. — *Д. Л.*), восстанавливается при помощи обоих других, С и У, а также некоторых дошедших отрывков». Т. е. совершенно не то, что приписывает Шахматову А. А. Зимин! А работа посвящена Шахматову!

Затем А. А. Зимин утверждает, что «Задонщина» — это устное произведение, записанное Ефросином, но никакого собственного обоснования этого не дает.

Этот вопрос рассматривался специально в работе Путилова. Б. Н. Путилов очень обстоятельно отвергает вывод о том, что «Задонщина» — это записанное устное произведение.[50] Но А. А. Зимин приписывает эту мысль ⟨о фольклорном происхождении Задонщины⟩ В. П. Адриановой-Перетц (с. 94),[51] которая никогда ничего подобного не говорила. В. П. Адрианова-Перетц говорила о «фольклорной основе», как говорят о фольклорной основе стихов Некрасова. Она говорила также, что Ефросин, помня по памяти текст «Задонщины», записал его,[52] а это вовсе не означает, что перед нами фольклорное произведение.

Затем идет ссылка на А. И. Никифорова. Зимин пишет о А. И. Никифорове: «По его представлению, Задонщина первоначально была

---

[48] А. А. Зимин пишет: «Этот вывод приняли А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев». См.: *Зимин-1*. Т. 1. С. 10, примеч. 1.

[49] А. А. Зимин ссылается на работу: *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910. С. 180.

[50] *Путилов Б. Н.* Куликовская битва в фольклоре // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 107—129.

[51] А. А. Зимин пишет: «Трудами И. И. Срезневского, В. Ф. Ржиги, В. П. Адриановой-Перетц, А. И. Никифорова доказано устное происхождение Задонщины» (*Зимин-1*. Т. 1. С. 94).

[52] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Задонщина: (Опыт реконструкции авторского текста) // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 221.

устным произведением. Возникла она где-то в 80-х — 90-х гг. XIV в. в Белозерском крае и представляла еще собою „песнь-плач“» и т. д. (с. 15—16). Дается ссылка на рукопись докторской диссертации А. И. Никифорова.[53]

К счастью, я присутствовал на докторской защите А. И. Никифорова,[54] и у меня имеются тезисы его диссертации,[55] и вот что считает Никифоров. Никифоров вообще отрицает существование «Задонщины» как самостоятельного произведения. Есть многие «Задонщины», представляющие собой не самостоятельное произведение, а простое народное приспособление былины — «Слова о полку Игореве», «дожившей в фольклорном бытовании в виде особой Краткой редакции до XIV в., к новым историческим событиям борьбы с татарами». «Задонщины» — это поздние записи или литературные рецепции народных былин о Куликовской битве. Об этом Никифоров пишет в 5-м тезисе «Тезисов докторской диссертации ⟨...⟩».

Отсюда видно, что в вопросе о фольклорном происхождении «Задонщины» А. А. Зимин среди советских исследователей союзников не имеет и его гипотеза остается никак не обоснованной и не развитой. С точки зрения любого фольклориста гипотеза эта совершенно невероятна.

Вполне убедительным, на первый взгляд, выглядит в изложении Зимина его тезис о том, что «Слово о полку Игореве» не имеет отношения к Дону и что неоднократные упоминания Дона в «Слове» — отзвук породившей «Слово» «Задонщины». Это «неточность», утверждает А. А. Зимин, «происшедшая от перенесения данных Задонщины в Слово» (с. 136). Но на самом деле неточность не в «Слове», а в работе А. А. Зимина.

В самом деле, А. А. Зимин ссылается на работу К. В. Кудряшова,[56] где якобы обосновано, что битва Игоря происходила далеко от Дона. Каяла, по Кудряшову, находится якобы далеко от Дона.

---

[53] *Никифоров А. И.* «Слово о полку Игореве» — былина XII века. Л., 1940. Машинопись. Т. 1—4. Рукопись хранится в РО ИРЛИ и в Архиве РАН. См. об этом исследовании А. И. Никифорова: *Руди Т. Р.* Никифоров Александр Исаакович // *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 315—318.

[54] Диссертация была защищена в ЛГУ 28 мая 1941 г.

[55] См.: *Никифоров А. И.* «Слово о полку Игореве» — былина XII века: Тез. дис. ⟨Л.⟩, 1941.

[56] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 49.

Однако у Кудряшова указана не одна река, которую можно отождествить с Каялой, а четыре. При этом наиболее вероятной он считает реку Калмиус, впадающую в Азовское море, вблизи устья Дона. Достаточно взглянуть на карту, которую прилагает К. В. Кудряшов к своему исследованию, где обозначены четыре Каялы (одна из них впадает в Дон).

Но самое важное: А. А. Зимин игнорирует текст Лаврентьевской летописи, рассказывающий о походе Игоря, где прямо сказано: «А поидем по них за Дон», «половци... бежаша за Дон».

Я мог бы привести и другие примеры неточного понимания им утверждения различных исследователей, которое дает возможность А. А. Зимину строить свои гипотезы, якобы опираясь на данные уже имеющихся исследований, но и приведенных примеров достаточно, хотя должен сказать, что в отношении ⟨А. А.⟩ Шахматова и ⟨М. Н.⟩ Сперанского это будет, очевидно, на нашем обсуждении еще сделано особо.

Итак, ни одно из положений, выдвинутых А. А. Зиминым в текстологической части его работы, не доказано. Серьезных аргументов ⟨в их обоснование⟩[57] из-за непродуманности самой методики работы и ее крайнего субъективизма им также не приведено. Текстологической методикой, применяемой Зиминым, ничего вообще доказать нельзя.

Качество аргументов подменено их количеством. Я не буду перечислять все тезисы текстологической части работы Александра Александровича, скажу только, что ни один из его тезисов им не обоснован.

***[58]

Перехожу к вопросу об исторических источниках «Слова о полку Игореве».

Александр Александрович считает, что «Слово» в своей фактической части основывается главным образом на двух источниках — на какой-то неизвестной нам рукописи Ипатьевской летописи и на

---

[57] В угловых скобках вставлено словосочетание по подготовленному Д. С. Лихачевым тексту выступления.

[58] *В подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления этот раздел назван так:* «Слово о полку Игореве» и исторические источники.

издании Кенигсбергской летописи (или Радзивиловской). Далее, он предполагает еще использование в «Слове» Никоновской летописи и «Истории» ⟨В. Н.⟩ Татищева, но в значительно меньшем объеме.

Но все рассуждения А. А. Зимина по поводу источников исторических сведений «Слова», так же как и его текстологические выкладки, основаны на порочном круге в доказательствах.

В самом деле, там, где автор «Слова» обвиняется А. А. Зиминым в исторических неточностях, мерилом точности выступает летопись. В тех случаях, когда сведения «Слова» совпадают с летописью, А. А. Зимин говорит, что «Слово» заимствовало свои сведения из летописи. Если в летописи сказано иначе, то автор «Слова» обвиняется в неточности. Одним словом, всякая вина виновата!

Вся система доказательств Зимина ⟨того⟩, что исторические сведения взяты автором «Слова» из Кенигсбергской летописи и Ипатьевской, основаны на том предположении, что автор «Слова» не знал о событиях непосредственно или из других источников. Если учесть, что Кенигсбергская летопись и Ипатьевская представляют две основные версии «Повести временных лет» и две основные версии русского летописания (к третьей ветви — новгородской — мы еще вернемся), то ясно, что автор «Слова», по Зимину, владел всеми основными сведениями русского летописания, по крохам выбирая сведения то из Кенигсбергской летописи, то из Ипатьевской. Но даже и при таком своеобразном использовании данных двух основных версий русского летописания все же остается ряд сведений, которых нет ни в той, ни в другой, указывающих на то, что автор «Слова» был знаком с событиями как современник, хотя и знал историю XI в. по «Повести временных лет». Обо всем этом уже в свое время в литературе о «Слове» говорилось, и все это требовало бы своего рассмотрения и разъяснения в работе Зимина, но сделано это им не было. Точки зрения на вопрос об исторических сведениях «Слова» и в работе Соловьева,[59] и у меня[60] в работе Зимина не разобраны. Моя работа даже не упоминается, хотя она довольно большая.

---

[59] См.: *Соловьев А. В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. 1948. № 25. С. 71—103.

[60] См.: *Лихачев Д. С.* Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 5—52.

Исторические сведения «Слова» необходимо рассмотреть в их совокупности. Совпадает ли совокупность сведений «Слова» с Ипатьевской и Кенигсбергской летописями? Нет! В «Слове» есть иное изложение части событий. Кроме того, в «Слове» говорится о таких исторических фактах, которых вообще нет в летописи и правильность которых устанавливается многосторонним изучением самых разнообразных источников, частично открытых в XIX и XX вв., а иногда при этом и нерусских. Следовательно, говорить о том, что «Слово» заимствует факты только из двух или трех исторических источников, нельзя. В своей работе «Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“» я подробно об этом писал и, кроме того, писал и в последующее время. А. А. Зимин мою работу не рассматривает и не упоминает, хотя она и посвящена целиком теме его третьей главы «Русские летописи и Слово о полку Игореве». Но я писал и обосновывал, что автор «Слова» помимо Ипатьевской и Кенигсбергской летописей пользовался какими-то устными источниками, и я приводил примеры из других частей летописей, где устные источники несомненны. Объяснение это А. А. Зиминым не рассматривается вообще. Полемизировать с автором, игнорирующим аргументацию и объяснение своего противника, невозможно. Материалы, приводимые на стр. 193—199, у меня были уже приведены в моей работе и интерпретированы. Поэтому я имею право считать, что моя статья «Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“» 1950 г. является ответом на главу 3 работы А. А. Зимина 1963 г.!

Как анализирует А. А. Зимин события и их упоминания в летописи и «Слове», может быть продемонстрировано на следующем примере. Я утверждаю, что Всеслав Полоцкий действительно был под Новгородом в 1069 г., что неизвестно Ипатьевской летописи, но что упоминается в Софийской I летописи. Возражая мне, но ссылаясь не на мою специальную работу, а на популярную книжку о «Слове» 1950 г., А. А. Зимин пишет: «Принять это предположение мешает уже то обстоятельство, что в Софийской I летописи нет ни слова о пребывании Всеслава в Новгороде в 1069 г. Там только говорится о разгроме на Гзени Всеслава новгородцами и князем Глебом» (с. 220—221).

Но где протекает река Гзень? Она течет в Новгороде, у его земляного вала! Всеслав был разбит под самыми стенами Новгорода.

Следовательно, заявление автора «Слова» о том, что Всеслав из Белгорода направился в Новгород, правильно. Очевидно, автор «Слова» знает это обстоятельство лучше, чем Александр Александрович. Александр Александрович предполагает у автора «Слова» мозаичный подбор фактов из разных источников. Так, например, число сыновей Игоря, отправившихся в поход, взято автором «Слова», по А. А. Зимину, из Кенигсбергской летописи, а имена их — из Ипатьевской (с. 237). Судите сами, насколько это правдоподобно! Сведение «Слова» о Суле, которая «не течет серебренными струями ко граду Переяславлю», составлено, по А. А. Зимину, из соединения сведений Ипатьевской летописи и Кенигсбергской.

А. А. Зимин находит в «Слове» мнимые неточности: в «Слове» якобы говорится о полном затмении, тогда как в действительности оно было неполным. А. А. Зимин пишет: «По обеим летописям затмение было частично («солнце стояше яко месяц» или «учинися яко месяц»), что соответствует действительности. Только в Слове оно изображено как полное («Тьмою вся своя воя прикрыты... тьмою путь заступаше»)» (с. 238). Но А. А. Зимин не полностью процитировал текст Кенигсбергской летописи: там также говорится о глубокой тьме. Он ссылается при этом на астрономов, на ⟨Д. О.⟩ Святского, который также говорил не о полном затмении. Но борьба с воображаемым противником: в «Слове» нигде не говорится о том, что затмение было полным. Говорится, что тьма «путь заступаше». И Александр Александрович не полностью цитирует текст Кенигсбергской летописи. Там говорится, что тьма была так велика, что «морочно бысть вельми», что во время затмения были видны звезды! Значит, была тьма. Таким образом, никакого противоречия с действительностью в «Слове» допущено не было, хотя, если бы такое противоречие было, оно было бы абсолютно недоказательным, потому что «Слово» — художественное произведение, а в художественном произведении могут быть преувеличения. Но в данном случае и этого нет.

Все рассуждение А. А. Зимина о том, что венедици не могли быть упомянуты в «Слове», так как у них в XII в. «не было сколько-нибудь значительных интересов на Черном море» (с. 214), искусственно, если мы вспомним, что они упоминаются в летописи и значительно раньше. О том же, что венедици поют славу именно в Киеве, в «Слове» не говорится. Кроме того, здесь А. А. Зимин допустил

серьезную лингвистическую ошибку. Он считает, что слово «ту» означает в «Слове» «тут в Киеве», тогда как это слово «ту» означает в данном случае «в это время», «тогда», «по этому случаю»: «ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю» («ту» — «тут», т. е. в данный момент). «Поют славу» — это, кстати, поэтический образ, довольно частый в древнерусской литературе XI—XIII вв.

Поспешность выводов А. А. Зимина сказывается и в его интерпретации отдельных событий. Так, например, А. А. Зимин считает, что Ярославна не могла плакать на «заборолех» в Путивле, так как Путивль (и, очевидно, «заборола») был якобы сожжен половцами (с. 208). Но в летописи сказано, что половцы сожгли не Путивль, и тем более не его крепостные стены, а «острог у Путивля», т. е. те заграждения, которыми обычно ограждался посад («повоевавши волости их и села их пожгоше, пожгоша же и острог у Путивля и возвратишася восвояси»).

Аналогичный случай произошел в 1160 г. в Выреве, когда половцы пожгли острог у города Вырев: «Святослав же... пришед ко Выреви и пожьже острог около города. В городе бо затворилъся бяше с княгинею Иван Ростиславич, а сам Изяслав шел бяше в поле» (ПСРЛ, т. II, стб. 508). Когда произошло сожжение острога у Путивля (до приезда в Путивль Ярославны или позже), также неизвестно.

О том, что Путивль служил резиденцией Игорю и, очевидно, для жены Игоря в течение длительного времени, видно из сообщения Ипатьевской летописи 1183 г. Из этого же сообщения видно, что в Путивле жил брат Ярославны, Владимир Ярославич, что объясняет переезд Ярославны в Путивль из Новгорода-Северского.

Пользуется Александр Александрович и безапелляционными заявлениями вроде того, что «наличие трех источников установлено (кем? Никаких ссылок нет. — *Д. Л.*) не только для 1185 г., но и для других записей 70—80⟨-х⟩ гг. XII века» Ипатьевской летописи.[61] Но дело в том, что никто, кроме Александра Александровича, не предлагал делить рассказ 1185 г. о походе Игоря на три источника — черниговский, киевский и переяславский. Оснований к этому делению нет никаких. То, что изложение событий касается иногда Киева,

[61] *Зимин-1*. Т. 2. С. 203.

иногда Новгорода-Северского или Чернигова, не означает, что каждый раз должны были быть в Ипатьевской летописи использованы летописи этих княжеств или этих городов.

Поэтому и рассуждение Зимина о том, что «Слово» не могло возникнуть ранее начала XIII в., так как свод этих летописаний был сделан только в 1200 г., не может считаться хоть сколько-нибудь обоснованным.

Сведения автора «Слова» не ограничиваются летописями. Автор знает и то, чего не знают летописи, но как современник не придает этим своим знаниям особого значения. Важно, что знания автора «Слова» прорываются иногда как бы случайно, походя: это знания современника, а не эрудита-историка. И он знает при этом то, чего не знают летописи.

Например, летопись не знает упомянутого в «Слове» Изяслава Васильковича. Из двух его братьев, Брячислава и Всеволода, летопись упоминает только первого. «Создавать» нового брата автору «Слова» не было никакого смысла. Между тем из летописной статьи 1180 г. мы знаем, что братьев было семь. Это косвенно подтверждает возможность существования Всеволода. Хроникер Генрих Латыш упоминает под 1186 г. Владимира Полоцкого (Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 71 и 94).

Согласитесь, что такая осведомленность у Иоиля и такой источниковедческий подход для определения этого брата были бы попросту невозможны.

Автор выказывает себя знатоком истории как бы мимоходом, именно так, как и делают современники и для современников событий, не придавая значения своим знаниям. Так, например, в конце XVIII в. легко было назвать Ярославну по имени: в бумагах Екатерины II был Любецкий синодик, в котором жена Игоря значится под именем Ефросиньи. Такое толкование дано и в комментариях к первому изданию «Слова». Это сделано на основании того предположения, что князь Игорь Святославич принял имя Феодосия перед смертью. Тогда его княгиня — Ефросинья. Так это и было понято в конце XVIII в. И все же, как это теперь утверждают исследователи, имя Ярославны Ефросинья сомнительно. И автор «Слова» предпочитает назвать ее по отчеству — Ярославна. Именно по отчеству или по мужу назывались обычно женщины в летописи, так как они не имели самостоятельного официального положения: Дмитров-

на — жена Мстислава Владимировича, Ростиславна — жена Олега Святославича, «том же лете умре Андреевна за Олгом за Святославичем», «Кончаковна» — жена Владимира Игоревича, дочь Кончака, Ярославна — жена Ростислава Глебовича и многие другие.

Утверждение Александра Александровича, что «княгинь летописец XII—XIII вв. иногда называл по имени мужа ⟨...⟩, но не по имени отца»,[62] лишено всяких оснований. И проверить это было бы очень легко по именному указателю к Ипатьевской летописи или к первой Новгородской летописи. Это двухминутное дело — проверить, называют ли летописцы по отчеству замужних женщин или не называют.

Таким образом, сколько бы ни обставляло время «Слово» западнями, оно не попало ни в одну!

Итак, автор «Слова» должен был быть ⟨либо⟩ современником событий XII в. — и тогда все понятно, либо гениальным ученым, предвосхитившим многие данные науки XIX и XX вв.

А. А. Зимин утверждает, например, что «о принадлежности Курска к владениям Всеволода у нас никаких сведений нет» (с. 208). А раз нет сведений, то, по логике Александра Александровича, это неправильно. Действительно, прямых сведений в летописи нет, но сообщение об этом «Слова» очень вероятно. Прежде всего, отметим, что нет сведений о том, что Курск принадлежал другому князю. Известно, однако, что Курск входил в число владений ближайших родственников Всеволода — отца и брата. С 1141 г. Святослав Ольгович, отец Игоря и Всеволода, княжил в Курске и Новгороде-Северском (ПСРЛ, т. II, стб. 309). Договор 1149 г. с Юрием Долгоруким подтвердил его права на Курск и Посемье (там же, стб. 384), а в 1161 г. Святослав отдает Курск старшему сыну Олегу (там же, стб. 513). Далее в летописях ничего не сообщается о Курске до 1185 г., когда Всеволод выступает в поход с Игорем на половцев, идя «иным путем, ис Курска».

Ясно, что автор «Слова» знал о положении дел как современник и поэтому его сведения о них иногда шире сведений летописей, но не противоречат им.

---

[62] *Зимин-1*. Т. 1. С. 205—206.

Автор «Слова» оказывается более осведомленным, чем А. А. Зимин, и в других вопросах. Так, Александр Александрович на стр. 208 пишет: «В тексте странно отсутствие Владимира Игоревича, участвовавшего в походе 1185 г., при наличии малолетнего Олега, родившегося по Ипатьевской летописи в 1175 г.».[63] Оставляя в стороне вопрос о причинах появления в тексте «Слова» имени Олега, следует признать определение А. А. Зиминым этого княжича «как малолетнего» по сравнению с Владимиром несущественным, так как Олег был моложе Владимира от силы на 2 года. Олегу было ко времени похода около 10 лет (он родился в 1173 г.), а Владимиру Игоревичу еще не исполнилось в апреле 1185 г. 12 лет. Между тем обряд посажения князя на коня («посаг»[64]) совершался в Киевской Руси в 8 лет. Значит, в 10 лет принимать участие в походах князь мог и всегда принимал. Напомним, что Святослав Игоревич принимал участие в походе на древлян (946 г.), будучи «детеск». Сам Игорь Святославич в возрасте 8 лет принимал участие в съезде в Лутаве в 1159 г. (Ипатьев. летопись, ПСРЛ, II, стб. 498). Владимир Глебович княжил в Переяславле в 12 лет — в 1172 г. (там же, стб. 555). Это действующие лица «Слова о полку Игореве»!

В «Слове» упоминается около 40 князей. Много ли при этом допущено ошибок? Ошибок нет.

Все характеристики русских князей в обращении к ним исторически точны. Он ⟨автор⟩ знает, что отец Всеволода княжил на киевском столе. Он знает, как умер Владимир Глебович. Он знает о могуществе Всеволода на Волге, о победе Всеволода в 1183 г. над волжскими болгарами. Он называет Рюрика Ростиславича «буй», и эта характеристика как нельзя более подходит к этому действительно запальчивому и смелому князю. Он точно называет, что Ярослав Галицкий высоко сидит на своем златокованном столе, на высокой (Крылосской) горе (это ведь установлено археологами не так давно!).

---

[63] В стенограмме эта цитата из книги А. А. Зимина приводится с сохранением авторской пунктуации.

[64] В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 1991. Т. 17) отмечены следующие значения слова «посаг»: 1) замужество, брак; 2) бракосочетание, свадьба. Приведенное Д. С. Лихачевым значение слова «посаг» в словаре отсутствует. В. Л. Комарович в статье «Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.» (*ТОДРЛ*. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 89—90) пишет о том, что княжеские постриги (острижение первых волос) «сопровождались посажением трехгодовалого князя из рук отца „на конь“».

Он правильно оценил время Олега Гориславича — «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть». Автор «Слова» помнит о поражении Шарукана в 1106 г. и говорит о мести ⟨за⟩ Шарукана. Он правильно употребляет военную и феодальную терминологию своего времени: «затворить ворота», «отворить ворота», «приломить копье», «рядить суды», «вступить в стремень» и т. п.

Автор «Слова» знает, что в Черниговской земле осели тюркские племена, и называет роды тюркских племен, правильно при этом, соответственно тюркскому языку.

Автор «Слова» должен был быть не только знатоком природы, но и всего, что связано с охотой. Знает, что пленных держали иногда в княжеских гридницах. И т. д., и т. п.

Возьмем хотя бы такой сложный вопрос, как вопрос о язычестве, отраженном в «Слове». О язычестве «Слова о полку Игореве» А. А. Зимин говорит в полуфразе ⟨указывая на стилистические обороты и «старые словеса», взятые из Ипатьевской летописи⟩: «Находит в Слове отзвук и выражение „пил золотым шеломом Дон“ (1201 г.) и „храбор бо бе яко и тур“ (там же), весь пантеон славянских богов (под 980 г.)» (с. 227).

Производит впечатление, что все язычество «Слова» выведено из статьи летописи 980 г. Но в летописной статье 980 г. нет Велеса, нет Карны и Жели, нет Трояна, а самое главное — нет всех тех языческих представлений, связанных с каждым из этих упоминаний, которые все оказались точными уже в результате исследований XX в. Так, например, эвгемеризм языческих представлений «Слова» совпадает с эвгемеризмом древнерусского язычества, засвидетельствованного в «Повести временных лет» и разобранного в работе ⟨Е. В.⟩ Аничкова «Язычество и Древняя Русь» ⟨(СПб., 1914)⟩, которую А. А. Зимин не удостаивает своим вниманием.

В «Слове» получил отражение культ рек, культ деревьев, культ Рода, получили отражение верования во второстепенных народных богов и т. д. Из многочисленных работ о язычестве «Слова» можно упомянуть работу ⟨В. Ф.⟩ Ржиги «Слово о полку Игореве и древнерусское язычество» (Slavia. 1933—1934 ⟨Roč. XII, seš. 3—4. S. 422—433⟩), также не упоминаемую в работе А. А. Зимина. Уж на нее-то следовало ответить А. А. Зимину!

«Паганизм» «Слова» Мазон считает неуклюжей подделкой под «псевдоклассицистические» вкусы XVIII в. Между тем представления

конца XVIII в. о древнерусском язычестве хорошо известны, и они решительно не соответствуют тому, что мы имеем в «Слове».

Я уже не говорю о том, что писал Лотман в своей превосходной работе на этот счет.[65]

Сведения по славянской мифологии даны были в «Кратком мифологическом лексиконе» ⟨М. Д.⟩ Чулкова 1767 г., в «Кратком описании древнего славянского языческого баснословия» ⟨М. И.⟩ Попова 1768 г. и в «Словаре русских суеверий» ⟨М. Д.⟩ Чулкова (1782 г.). Достаточно сравнить сведения этих книг с тем, что мы имеем в «Слове», чтобы убедиться, что они не могли быть источниками «Слова». Упоминаемый в «Слове» Хорс определен в них как славянский Эскулап. Ярославна называет в «Слове» своего мужа «ладой», в этих источниках есть лада: это «богиня киевская, подобящаяся во всем Венере». Но Игорь Святославич во всяком случае был не женского пола!

В этих источниках богом, управляющим ветрами, является не Стрибог, а Догода — «славянский Зефир». Не отразились в «Слове» имена языческих богов, которые по недоразумению были зачислены в XVIII в. в древнеславянский Олимп (Зимцерла, Услад и пр.), или такие, которые не принадлежали к числу русских богов (Чернобог, Световид). Не попало «Слово» и в эту западню!

Сведения о язычестве, содержащиеся в «Слове», решительно подтверждают его подлинность.

Но в конце концов, как бы мы ни спорили об исторической точности «Слова», не следует забывать, что «Слово» — не историческое сочинение, а художественный памятник. В нем могут быть некоторые неточности, связанные с особыми художественными задачами, перед ним стоящими: в нем могут быть гиперболы, перестановки событий и пр.

Нельзя подвергать «Слово» прокурорскому допросу, не давая ему права на художественность. Между тем А. А. Зимин отказывает «Слову» в праве даже на метафору.

Так, например, на стр. 157 он заявляет по поводу метафоры «зеленая паполома» (трава на поле битвы): «погребальный покров никак

---

[65] *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX века. С. 366—375.

не мог быть зеленым». А между тем эта метафора типична для народной поэзии.

На стр. 106 по поводу выражения «железные путины» А. А. Зимин пишет, что это «новоообразование» неизвестно фольклору, где встречается только «шелковые путины». Но «шелковые путины» — это реальность, а «железные путины» — метафора.

***[66]

И вот я обращаю внимание на одно очень важное методическое положение при подходе к тому, когда жил автор «Слова».

Если автор «Слова» жил в XII в., то все ясно и просто с вопросом о том, откуда он знал об упоминаемых им событиях, о жизни, о быте, о вооружении, о географии Руси, о язычестве. Если же автор жил в XVIII в., то мы должны предположить, что он был гениальным ученым, предвосхитившим многие познания, полученные о XII в. учеными конца XIX и XX вв., опередившим не только историков, но и археологов, фольклористов, лингвистов, литературоведов своего времени. А многих из этих специальностей в XVIII в. вообще не было! Известно, однако, что самый гениальный ученый не может «выскочить» из пределов своего времени. Живи Эдисон в первой половине XIX в. — он не сделал бы ни одного своего изобретения. Его изобретения были бы другие, связанные с состоянием науки и техники того времени. Поэтому и ссылки на гениальность предполагаемого автора «Слова» XVIII в. вряд ли смогут помочь чем-нибудь в этом объяснении. Это антиисторический подход к вопросу.

Сложность положения особенно отчетлива в том случае, когда скептикам приходится объяснять многочисленные параллели — фразеологические, стилистические, образные и пр., — подысканные исследователями «Слова» в современной ему литературе, т. е. в XI—XII вв. Переводя «Слово» в XVIII в. из XII в., скептики вынуждены все близкие параллели считать не параллелями, а источниками и многочисленность их снова объяснять гениальной осведомленностью автора XVIII в., творившего «Слово», как мозаику, из разных источников.

[66] *В подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления этот раздел назван так*: Параллель или источник?

Формулировка этого важного положения принадлежит В. П. Адриановой-Перетц.

В самом деле, к отдельным местам, словам, выражениям, стилистическим оборотам и образам «Слова», как известно, подыскано множество параллелей в современной ему литературе русской, древнеболгарской, византийской, древнесербской и пр. Эти параллели имеют единственное объяснение в том, что автор «Слова» принадлежал к той же поре литературного развития, следовал традициям и вкусам своего времени, знал язык, на котором писал, не по источникам, а в его живом употреблении. Н. К. Гудзий пишет по поводу этих параллелей, указывая на их многочисленность: «Картина получается приблизительно такая же, как если бы мы, анализируя творчество Пушкина, отмечали в его поэтическом хозяйстве, в его фразеологии ряд образов и ходячих формул, которые и до Пушкина вошли в прочный литературный обиход. Заподозрить на этом основании Пушкина в подражании кому-либо из его предшественников или современников было бы так же несправедливо, как несправедливо заподозрить и автора „Слова о полку Игореве“ в каком-либо сознательном подражании».[67] Это вполне естественно для автора XII в.

Между тем, утверждает В. П. Адрианова-Перетц, если признавать автора «Слова» жившим в XVIII в., то сразу должно быть изменено отношение к этим параллелям: параллели становятся «источниками», автор должен был их разыскивать, он должен был вести трудную исследовательскую работу по источникам, чтобы создавать свое произведение, как мозаику. В самом деле, автору «Слова», жившему в XII в., не надо было быть знакомым с «Хроникой» Манассии, чтобы свое обращение к Бояну составить близко к тому, как написано в этой хронике обращение к Гомеру. Так было принято в его время. И он не мог быть с ним знаком, потому что перевод византийской «Хроники» на древнеболгарский язык в России XII в. еще, по-видимому, не был известен. А. А. Зимин отвергает эту параллель только на том основании, несмотря на ее явную близость к «Слову о полку Игореве», что автор Слова не мог ее знать. (Кстати, он цитирует это место не в древнеболгарском переводе, а в переводе на современный русский язык, и это, конечно, убивает близость!)

---

[67] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. 3-е изд. М., 1945. С. 169.

Но близость объясняется тем, что автор жил в XII в., жил в этой литературной традиции, таков был тогда метод литературы, таков был художественный метод и язык литературы XII в. Поэтому автору XII в. не нужно было быть сверхъестественным эрудитом.

Другой пример. Выражение «живые струны», как указал В. Н. Перетц, встречается только в «Слове о воскресении Лазаря» в сходном контексте.[68] Значит, автор XVIII в. знал это «Слово»? Но автору XII в. не нужно было его знать — это была литературная традиция того времени.

Приведенные примеры показывают, что автор «Слова» знал стиль литературы своего времени как современник, во всяком случае лучше, чем знает сам А. А. Зимин.

А. А. Зимин считает необычным значение слова «песня» в «Слове о полку Игореве». Он пишет: «В Древней Руси песнями в духовной литературе обычно именовались церковные песнопения («Песни Моисеевы» и др.), а иногда народные песни (дается ссылка на «Материалы» Срезневского). Ни одного светского литературного произведения Древней Руси, называющего себя песней, нам не встретилось» (с. 128). Конечно, очень жаль, что А. А. Зимин «не встретил» иного значения слова «песнь».

Позволю себе привести объяснение слова «песнь» из работы И. П. Еремина ⟨«Слово о полку Игореве» (К вопросу о его жанровой природе)⟩ (Ученые записки ЛГУ, ⟨1944,⟩ № 72, серия филологических наук, ⟨вып. 9,⟩ с. 17), хотя работа маленькая, но она очень значительная. Не буду приводить полностью цитату. Он приводит в ней значение слова «песнь» как ораторского произведения. Это слово «песнь» соответствует и греческому слову ᾠδή и встречается в произведениях XII в. В частности, И. П. Еремин приводит параллели из Кирилла Туровского, который не песни пел, а слова говорил, и эти слова называл песнями.

Но самая главная параллель к «песне» «Слова» читается в речи игумена Моисея. О своем слове он говорит: «пою ти песнь победную» (Ипатьевская летопись под 1199 г.). Значит, употребление этого слова в отношении «Слова» законно, свойственно XII в. Значит, Иоиль знал древнерусскую литературу лучше, чем А. А. Зимин?

---

[68] См.: *Перетц В. Н.* Слово о полку Ігоревім: Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Київ, 1926. С. 142.

А. А. Зимин считает, что автор «гениального произведения XVIII в.» Иоиль неправильно вложил в уста Игоря слова: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти», и пишет: «ведь князь сам решил начать поход против половцев, и не о плене ему, казалось, надо было думать».[69] Такой смысл слов Игоря, с точки зрения А. А. Зимина, тем более невероятен, что дальше Игорь сам попадает в плен. Однако Иоиль был, по-видимому, осведомленнее А. А. Зимина, так как подобного рода обращения к войску с указанием, что «смерть лучше плена», были обычными в XII в., и плен, о котором в них говорилось, не личный плен князя, а пленение войска, дружины или всей Русской земли. Игорь говорит не о себе (у А. А. Зимина цитата урезана), он обращается к дружине и к князьям: «Братие и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти». Такое же точно обращение у Иосифа Флавия: «...лепле смерть славну взяти, негли жити пленени». Такое же обращение имеется и в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «Лутче намъ смертию живота купити... нежели в поганой сего царя воли быти». Но «воля» царя Батыя установилась над Русью! Это формула воинского ободрения князей и дружинников. Следовательно, автор «Слова» и в данном случае как-то учитывал и литературу, если он жил в XVIII в., а если он жил в XII в., то это было совершенно обычным делом. Не надо подвергать прокурорскому допросу памятник, тем более несправедливому.

Знал автор «Слова» и народную поэзию лучше, чем А. А. Зимин, что, разумеется, было бы неудивительно для XII в., но совсем удивительно для автора XVIII в., тем более архимандрита.

Так, А. А. Зимин утверждает, что в выражении о Доне «пробил каменные горы» — горы означают берега. Но «гора» в северных диалектах означает не просто берег, а высокий берег и «пробить берега» означало бы во всяком случае, что Дон размыл берега и изменил направление своего течения. Между тем просто «прорыть каменные горы»[70] — это обычный оборот народной поэзии для обозначения прохождения реки через горы и пороги. Например, о горной реке Тереке говорится в народной поэзии: «Ты прорыл-прокопал горы крутые, / леса темные». «Прорыть-пробить горы» — фразеологизм, известный автору «Слова» и неизвестный А. А. Зимину.

---

[69] *Зимин-1.* Т. 1. С. 135.

[70] *В стенограмме ошибочно:* берега *вместо* горы.

Следовательно, утверждение А. А. Зимина, что Дон якобы закономерно прорывает каменные горы, а Дон нигде в своем течении не встречает гор как препятствие, совершенно неправильно. Это искусственное толкование.

Отсутствие точных соответствий и точных параллелей, а также наличие в «Слове» иногда более редких и архаичных выражений вынудило А. А. Зимина построить своеобразную теорию о «широком использовании синонимов» автором «Слова», вернее, о его стремлении якобы заменять в добытых им текстах отдельные слова их синонимами, более архаичными, чем в источниках (с. 285). Эта теория, предполагающая в авторе знатока истории языка, имеющего притом не свойственные XVIII в. представления об исторических изменениях в языке, ничем серьезно не подкреплена.

Все это нужно для того, чтобы оправдать необычную «источниковедческую» работу Иоиля. Он якобы выбирал отдельные куски из разных памятников и при этом был так хитер, что заменял отдельные выражения их архаичными синонимами. Это совершенно невероятная работа для автора XVIII в.

А. А. Зимин кроме «Задонщины» источниками «Слова» признает «Девгениево деяние», Ипатьевскую летопись, Кенигсбергскую летопись, «Сказание о Мамаевом побоище», Никоновскую летопись, «Повесть об Акире Премудром», Библейские книги, «Историю Иудейской войны», «Илиаду» (по-видимому, «Одиссею», а не «Илиаду»), «Моление Даниила Заточника», «Сны Шахаиши» — двенадцать памятников, часть которых очень обширна и составляет целые конгломераты произведений. Но этого мало. Многие несомненные параллели к редким выражениям «Слова» могут быть обнаружены в словах Кирилла Туровского, в «Слове о законе» Илариона, в «Слове о воскресении Лазаря», в Хронике Георгия Амартола, в Хронике Малалы, в «Слове о погибели Русской земли», в «Хожении» Даниила и Хронике Манассии и др. Отрицать эти параллели невозможно — настолько они очевидны. Однако А. А. Зимин, вопреки очевидности и вопреки собственной манере отождествлять весьма мало схожие тексты, отрицает эти параллели, так как, перенося «Слово» в XVIII в., все эти параллели ему необходимо считать источниками и он понимает, какое непосильное бремя он возлагает на Иоиля (хотя и объявляемого богатырем-гением).

Переводя «Слово» из XII в. в XVIII в., А. А. Зимин обязан был внимательно рассмотреть все параллели, найденные исследователями в обширной древнерусской оригинальной и переводной литературе, и либо отвергнуть их, либо перевести в разряд источников. Но это в работе А. А. Зимина не сделано.

Собственно, ту же проблему, что и книжные параллели, представляют и параллели из области фольклора. Для автора XVIII в. — это уже источники.

Знание фольклора у автора XVIII в. должно было быть значительно шире, чем даже знание сборника Кирши Данилова (1818 г.). Фольклорные образы «Слова» разыскиваются поодиночке в собраниях XIX и XX вв. — ⟨П. В.⟩ Киреевского, ⟨П. Н.⟩ Рыбникова, ⟨А. Ф.⟩ Гильфердинга, Кирши Данилова, ⟨А. Д.⟩ Григорьева, ⟨М. А.⟩ Максимовича, ⟨З. Ф.⟩ Радченко, ⟨Н. С.⟩ Тихонравова и ⟨В. Ф.⟩ Миллера, ⟨В. Б.⟩ Антоновича и ⟨М. П.⟩ Драгоманова, ⟨П. В.⟩ Шейна, ⟨Ф. И.⟩ Буслаева и ⟨Н. С.⟩ Тихонравова, ⟨В. Ф.⟩ Мочульского, ⟨А. И.⟩ Соболевского, ⟨А. А.⟩ Потебни.

Характерно, что А. А. Зимин и не скрывает того обстоятельства, что многие из образов «Слова» нашлись в этих изданиях один-единственный раз. Он пишет: «Находка В. И. Малышева в повести о Сухане (былинного происхождения) выражения „Непра Слаутича“ [71] прояснило народное происхождение этого прозвания Днепра» (с. 279).

Многие фольклорные образы «Слова» обнаружены в фольклорных сборниках только сейчас. Например, в сборнике «Великорусс» Шейна найдено такое место:

(У свекра...) сердце каменно,
в буести заковано,
в булате сварено.
(*Шейн*. Великорусс. 1900. № 554)

Это близкая параллель к месту «Слова о полку Игореве»: «Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена». Надо было ждать, пока появится Шептаев, который нашел

[71] *Малышев В. И.* Повесть о Сухане. М.; Л., 1956. С. 112—113.

эту параллель,[72] чтобы разгадать загадку, заданную в XVIII в. Иоилем.

Слово «шестокрилци» найдено Н. Дылевским в южнославянском фольклоре.[73] До того считалось, что слово «шестикрылый», «шестокрылатый» — литургического характера (ангел, серафим). А в «Слове» это эпико-героический образ, такой же, как в южнославянском фольклоре.

Автору «Слова» пришлось не только быть знатоком былин, исторических песен, украинских дум, белорусского и южнославянского фольклора, но он еще был представителем исторической школы в фольклоре, возникшей в конце XIX в. Он, оказывается, «тонко почувствовал,[74] что историческим прототипом Волха был Всеслав Полоцкий» (с. 280), т. е. не просто знал фольклор и пользовался им, но еще предугадывал выводы исторической школы конца XIX в.

То, каким представлялся в XVIII в. русский фольклор, прекрасно показано в работах Г. А. Гуковского, М. К. Азадовского, В. В. Виноградова, и с этим надо было серьезно посчитаться А. А. Зимину.

***[75]

Обычно скептики сопоставляют «Слово» с известной чешской подделкой XIX в., так называемой «Краледворской рукописью»: случай, мол, аналогичный. Это сопоставление грешит антиисторичностью. «Краледворская рукопись» создана совершенно в другое время — в середине первой трети XIX в., в обстановке позднего романтизма, в особых условиях борьбы чешских ученых за национальную культуру. «Краледворская рукопись» создана в то время, когда были представления о древнечешском языке, об исторической изменяемости стиля, литературы и т. д. И в «Краледворской рукописи»

---

[72] *Шептаев Л. С.* Заметки к древнерусским литературным памятникам // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 427.

[73] *Дылевский Н.* Бележки върху «Слово о полку Игореве» // Известия на Института за българска литература. София, 1955. Кн. 3. С. 105—110. См. также на русском языке: *Дылевский Н. М.* Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. С. 190—192.

[74] В книге А. А. Зимина — деепричастный оборот: «тонко почувствовав».

[75] *В подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления этот раздел назван так:* «Слово» и XVIII в.

обнаружены явные ее связи с литературой, представлениями и языком XIX в. Таких связей в «Слове» обнаружить не удалось.

«Слово о полку Игореве» было открыто в обстановке, когда во множестве собирались и открывались и другие исторические документы, издавались памятники русской истории. Но все эти памятники ценились прежде всего как исторические источники, а не как литературные памятники. С точки зрения вкусов классицизма они не представляли собой эстетической ценности, и предромантические настроения, начавшие овладевать обществом, не смогли еще много здесь изменить. Исторические темы вошли в литературу, но они подносились читателю в антиисторическом духе патетической декламации. Эти декламации на исторические темы никогда не стилизовались под старинную или народную речь. Хорошую характеристику разработке в литературе конца XVIII века исторической темы дает В. В. Виноградов: «Обращаясь к историческим темам, русские авторы XVIII в. писали на самом деле авантюрные и философские романы, иногда с явным публицистическим уклоном в сторону современности, в сторону тенденциозного отражения мыслей и настроений текущего политического момента (ср.: «Нума», «Кадм и Гармония», «Полидор» Хераскова). „Привлекательности баснословия“ и „вымыслы“ торжествовали над историческим правдоподобием. Херасков, П. Захарьин (автор «Приключений Клеандра, храбраго царевича Лакедемонского»), Пракудин (автор «Валерии»), Ф. Эмин и др., при всем различии их стилей, были одинаково далеки от стремления с помощью словесно-художественных средств — хотя бы и современной литературной речи — создать исторический, этнографический или местный колорит изображаемых событий. Попытки освещения восточнославянской богатырской старины у М. Чулкова в его „Русских сказках“ (1780) и „Славенских сказках“ («Пересмешник», 1766 г.), а также у М. Попова в „Славенских древностях“ (1770), в „Вечерних часах, или Древних сказках славян древлянских“ В. Левшина (1787) и в некоторых других сочинениях второй половины XVIII века были также полны традиционных ситуаций и стилистических форм героических поэм и рыцарских романов эпохи классицизма» (*Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. ⟨М., 1959.⟩ С. 516—517). Только в начале XIX в. появляются исторические произведения, черпавшие сюжеты из летописей, — сюжеты, но еще не стиль!

Даже Пушкин в своей первой поэме, написанной под настроениями фольклора («Руслан и Людмила»), писал в традициях ⟨В. А.⟩ Левшина.

Достаточно сопоставить эти произведения, чтобы понять, что «Слово о полку Игореве» с его фольклоризмом не могло быть написано в конце XVIII в. В конце XVIII — начале XIX в. фольклор воспринимался как нечто принадлежащее низшему роду искусства. Фольклорные мотивы могли быть введены в сатиру, в комедию, в дружеские и шутливые песни. Фольклорный язык отождествлялся с «простонародным». Однако «Слово» по своей теме принадлежало к «высокой» литературе. Оно могло восприниматься только как героическая поэма, как «песнь», и именно так было воспринято современниками. Народность «Слова» (его связь с народной поэзией) до Пушкина и Максимовича совершенно не воспринималась и не могла быть поэтому и введена в него воображаемым автором XVIII в.

Как понимался фольклор в конце XVIII в., отчетливо видно по обращению к фольклору в произведениях ⟨М. Д.⟩ Чулкова, ⟨М. И.⟩ Попова, ⟨В. А.⟩ Левшина. Фольклор воспринимался прежде всего как просторечие, как снижение стиля, т. е. прямо противоположно его функции в «Слове».

Вот об этом и писал М. К. Азадовский.

Интересно, что даже Белинский первое время осуждал фольклор с просветительских позиций. Если считать Иоиля просветителем и прогрессивным писателем, то подход его к фольклору совершенно невероятен для конца XVIII в.

М. К. Азадовский пишет: «Произведения народного творчества в их (просветителей. — *Д. Л.*) представлении неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками, борьба с последними включала поэтому в свою орбиту народное творчество целиком. Борьба за прогресс и культуру кажется несовместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами» (⟨Азадовский М. К.⟩ История русской фольклористики, т. 1, ⟨М.,⟩ 1958, с. 80—81).

Я не рассматривал многих других разделов сочинения А. А. Зимина.

Я смею утверждать, что вся 8-я глава: «Судьба Слова о полку Игореве в научной литературе XIX—XX вв.» лишена какого бы то

ни было научного значения. Изучение «Слова» в ней не изложено, а изображено. И дело не только в крайней тенденциозности этого изображения, но и в прямом искажении фактов. Так, например, польскому поэту Циприану Годебскому приписано сомнение в подлинности «Слова» — будто бы автором «Слова» он считал еще в 1804 г. Мусина-Пушкина. Между тем Годебский никогда ничего подобного не утверждал. Он говорил только, что «песнь Игоря» принадлежит Мусину-Пушкину, но имел в виду рукопись и тут же (в той же фразе) добавлял, что «Слово» «найдено им в старинной рукописи».[76] Все ссылки на польские издания никакого отношения к делу не имеют. Это только видимость доказательства, сделанная в расчете, что читатель не будет проверять сноски.

Тенденциозно и искаженно подаются взгляды ⟨М. Т.⟩ Каченовского, ⟨О. И.⟩ Сенковского (известного «Барона Брамбеуса»), ⟨М. Н.⟩ Сперанского, ⟨А. А.⟩ Шахматова и др. Об этом еще будет, очевидно, речь на нашем обсуждении.

***[77]

Перехожу к заключению.

В частной беседе со мной В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание вот еще на что: как следует представлять себе самый процесс творчества автора «Слова о полку Игореве», если бы он жил в XVIII в.

С одной стороны, он — «гениальный писатель» (с. 393), создавший, по выражению Зимина, «бессмертное произведение», «торжественно прекрасную песнь» (с. 1), «лебединую песнь старорусской литературы» (с. 578). С другой стороны, он подражал в этом же самом гениальном произведении посредственному памятнику конца XIV—XV в. — «Задонщине». При этом он подражал ему не в лучшем его варианте (Краткой редакции, по Зимину), а в позднем, слабом, по Зимину, варианте, искусственно созданном, — Пространной редакции.

Это подражание («бессмертное» «Слово о полку Игореве»), с одной стороны, необыкновенно хорошо, а с другой стороны, сравненное

[76] *Шольсон М. М.* О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 75.

[77] *В подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления этот раздел так и назван*: Заключение.

со слабым вариантом слабой «Задонщины» по эпизодам, во всем ее хуже. Отдельные эпизоды «Слова» «вычурны» (с. 127), они «настораживают» своими неточностями (с. 134). «Последовательность рассказа» в «Слове» «неестественна», «не согласована с художественной логикой произведения» (с. 135). Отдельные места «искусственно „удревняют“ текст» (с. 137—138), «не вполне удачны» (с. 142), «стилистически несобранны»[78] (с. 142) и т. д., и т. п. «Гениальное» (по выражению Зимина) «Слово» настолько беспомощно (я не употреблял бы этого термина «гениальный», и я сам вообще не употреблял его в своих работах — это чрезмерно), что А. А. Зимин решается даже предлагать его автору, Иоилю, свои поправки. Так, в «Слове», по мнению А. А. Зимина, «неудачно вставлено „сквозѣ“ (землю Половецкую): лучше было бы сказать „въ землѣ Половецкой“» (с. 177).

Далее. Автор «Слова» архимандрит Иоиль — разночинец, просветитель и пр., но содержание его единственного гениального произведения далеко от реальных потребностей русской действительности XVIII в.: в лучшем случае оно посвящено пропаганде завоевания северных берегов Черного моря.

Как творит автор «Слова» свое произведение? По А. А. Зимину, процесс его творчества крайне своеобразен и не имеет аналогий во всем XVIII в. Он выбирает из множества памятников отдельные выражения, отдельные образы, слова, формы языка и путем такого рода выборок создает мозаику, искусственную по языку, стилю и образам, которая в результате оказывается «вдохновенной песнью», одной из «горных вершин русской литературы» (с. 579). Разве такой метод литературного творчества вообще возможен?

Созданное Иоилем произведение не укладывается в жанровые схемы XVIII в. и не имеет прямых и косвенных аналогий среди других произведений XVIII в. Это «героическая песнь» (с. 404), «книжная былина» (что это такое, я, кстати, не понимаю, с. 265), стилизация — одновременно. Хотя он считает, что называть «Слово» стилизацией — идеализм (в этом он упрекает своего предшественника, от которого он заимствовал свою концепцию, — Мазона), но сам он постоянно этот термин в отношении «Слова» употребляет. И вместе с тем Иоиль и Херасков объявляются «зачинателями

[78] В книге А. А. Зимина: «видно из их стилистической несобранности».

нового в России жанра эпической поэзии» (с. 578). «Россиада» Хераскова и «Слово о полку Игореве» ставятся в один ряд и включаются в один род поэзии и в один жанр!

Автор этого поразительного, столь противоречивого и неясного по жанру произведения не ставил себе целью дать подделку, как утверждает А. А. Зимин, и вдруг независимо от своей воли эту подделку создал! Я говорил, что гораздо более стройна в этом отношении концепция А. Мазона: «Слово» — стилизация, и только. Но А. А. Зимин говорит, что автор «Слова» создал подделку независимо от своей воли. Он был честен перед собой и тем не менее создал мистификацию, которая запутала тысячи ученых на целых полтора столетия!

Гениальный автор этого странного произведения проявил свой гений только в этом одном произведении, не удостаивая во всех остальных случаях своей литературной деятельности подняться над самой жуткой посредственностью, потому что Александр Александрович тут же приводит его стихи, — это не стихи, а, правильнее сказать, вирши, силлабические вирши, устарелые даже для своего времени, хотя он был учеником ⟨Г. О.⟩ Конисского, который пропагандировал тоническое стихосложение. Иоиль не проявил себя ни как мало-мальски сносный поэт, ни как мало-мальски творческий ученый. А ученый он был сверхъестественной силы: литературовед, историк, лингвист и фольклорист, опередивший свою эпоху на полтора столетия.

Повод, по которому автор «Слова» обратился к походу Игоря Святославича, тоже совершенно случаен: в предисловии к «Задонщине» он нашел упоминание реки Каялы и вспомнил, что о реке Каяле говорится в Ипатьевской летописи в описании похода Игоря Святославовича на половцев (с. 189 и 101). И именно это навело Иоиля на мысль создать свое гениальное произведение и неизвестно почему заменить подлинный рассказ о победе на Куликовом поле (ведь он имел перед собой Пространную редакцию «Задонщины», где всячески восхвалялась победа) — рассказом о мелком поражении мелкого русского князя Игоря Святославича.

Вполне оценив многие произведения древнерусской литературы — «Задонщину», «Сказание о Мамаевом побоище», Ипатьевскую летопись, «Моление Даниила Заточника» и многие другие — по их художественным достоинствам, как исторические источники и как памятники языка, чудаковатый автор «Слова» не постарался их,

однако, опубликовать, ни даже сохранить их рукописи. Использованные им рукописи исчезли, а самые памятники были вновь открыты впоследствии. Впрочем, он не опубликовал и собственного гениального произведения, «обогатившего русскую литературу XVIII века»[79] (с. 578), по соображениям очень эфемерным, якобы потому, что это произведение нельзя было публиковать архимандриту. Почему — я не знаю! Потому что там упоминаются языческие боги! Но он их упоминал в стихах! И тем не менее Иоиль старательно заботился о публикации своих посредственных казенных церковных писаний (своей «Истинны»[80]). Об этом он заботился!

Написанное им гениальное произведение, в котором он ничего не фальсифицировал и не затуманивал, не было, однако, понято его издателями. Его переписывали со множеством ошибок (по подсчетам А. А. Зимина — ⟨их⟩ 43, на самом деле их было больше), которые приходится разгадывать до сих пор, как разгадывают обычно текст древнего памятника, многократно переписывавшегося много столетий. В переводе и комментариях к этому произведению XVIII в., которые почему-то пришлось делать (еще ни одно произведение XVIII в. не нуждается в переводе на современный русский язык и не нуждается в таких сложных комментариях!), заключено более 50 грубых ошибок (по подсчетам А. В. Соловьева, книгу которого, кстати, А. А. Зимин не разбирает совершенно), которые все ж таки удалось исправить ученым XIX и XX вв.

«Демократ», «просветитель» и прогрессивный деятель — он тем не менее старательно делал духовную карьеру, сподобился «ангельского чина» и работал цензором (кстати, у Зимина ошибка: Иоиль никогда архиереем не был).

Не менее странно и его официальное положение: «разночинец», принадлежавший к чину духовенства.

Это фантастическое лицо с фантастическим, ни на что не похожим процессом творчества, с наклонностями, я бы сказал, мазохизма в своем творчестве (лучшее свое произведение он скрывал, затуманивал, всячески стеснял свободу своего творчества).

---

[79] А. А. Зимин пишет: «Русская литература XVIII в. обогащается теперь шедевром...»

[80] Название произведения Иоиль пишет с двумя *н*. В тексте выступлений оно пишется то с двумя, то с одним *н*. Сохраняем написание стенограммы.

Ясно, что такое лицо может быть только плодом воображения — при этом воображения либо чрезмерно богатого, либо, напротив, чрезмерно скудного.

Может ли работа А. А. Зимина вызвать какие-либо беспокойства в подлинности «Слова»?

Безусловно нет!

Сомнения в подлинности «Слова» возникали уже давно, и все они кончались бесславно.

Еще одна работа, пытающаяся доказать позднее происхождение «Слова», — явление преходящее.

По существу в сочинении А. А. Зимина нет ни новых архивных фактов, ни новых сильных аргументов. Количество аргументов, соображений, «мечтаний» и предположений огромно («культ количества» сказывается в работе Зимина очень резко), но среди них нет таких, которые заставили бы серьезно задуматься исследователей.

До тех пор, пока я не получил эту работу в руки, я думал, что я что-то смогу в ней найти, что-то такое, опровергая что можно было ⟨бы⟩ дойти до чего-то ценного. Этого не оказалось. Я всегда был убежден, что Александру Александровичу не удастся доказать неподлинность «Слова». Но я думал, что в работе Александра Александровича в какой-то части могут оказаться ценные наблюдения. Их не оказалось, так как методика его работы совершенно неправильная: это простое тенденциозное подтягивание известных уже ранее материалов под определенную ложную концепцию. Этим и объясняется ее полная неудача.

Сама по себе работа А. А. Зимина знаменует собой новый этап отступления старой концепции скептиков — отступление вынужденное, отступление на позиции, гораздо менее укрепленные, чем были в свое время укреплены позиции проф. Мазона, им оригинально созданные и защищаемые.

Сейчас А. А. Зимину придется срочно отступать на новые позиции, латать прорехи. Ясно ведь, что в таком виде свою работу он и сам не захочет выпускать в свет.

Опасность работа А. А. Зимина будет представлять для науки только тогда, когда она будет оставаться закрытой, недоступной исследователям. Только это может создать ложный авторитет этой,

как я уже подчеркнул, слабой работе. Только это может плодить слухи о ней и собирать ей сторонников.

Еще раз подчеркиваю, что работа Александра Александровича — *слабая* работа, и слабая потому, что неправилен доказываемый тезис его работы. Это не потому, что Александр Александрович слабый ученый, но такого рода ложный тезис можно защищать только путем натяжек, неточностей и методических неправильностей, как я показал это в своем выступлении. Нельзя считать работу сильной, как это пытаются делать некоторые, если основной ее тезис, в защиту которого стянуты все силы автора, ложный! Утверждение, что может быть сильной работа с неправильным тезисом, — опасное для науки утверждение.

Если работа Александра Александровича будет оставаться недоступной для специалистов, то это будет очень большим тормозом в изучении «Слова».

Я имею заявления иностранных ученых о том, что они откладывают свою работу над «Словом» до выхода в свет работы Александра Александровича. Известны также случаи, когда иностранные издательства прекратили свою работу над «Словом» до выхода в свет работы Зимина, причем после уже произведенных больших затрат. Например, издательство «Ауфбау Ферлаг» в ГДР предполагало выпустить «Слово» как коллекционерское издание и заказало для этого специальный шрифт, который должен был быть уничтожен после выхода этого издания, чтобы создать особое, коллекционерски привлекательное издание. И вся эта работа заморожена и остановлена до 1966 года. Почему до 1966 года? Потому что они по своим расчетам надеются, что к этому времени работа Александра Александровича выйдет в свет.

Настоящий исследователь обладает большой настойчивостью и способностями находить малодоступный материал. Поэтому, конечно, работа А. А. Зимина так или иначе будет известна исследователям — хотели бы мы того или не хотели. Каждая работа о «Слове» — слабая или сильная — входит в историографию его изучения.

Поэтому не будем создавать незаслуженной рекламы работе Александра Александровича. Не будем чинить серьезных препятствий работе ученых — специалистов по «Слову», которые сейчас лишены возможности защищать «Слово» и открыто выступать против А. А. Зимина. Работа Зимина должна стать доступной.

Спор, который ведется в ней, только научный. Но если работа А. А. Зимина будет считаться секретной, то это придаст спору вненаучный аспект, набросит на нее тень обвинений, которых она не заслуживает.

Если в результате настоящего обсуждения работы А. А. Зимина он создаст еще один вариант работы для опубликования, этого тоже опасаться не следует. «Слово» — памятник, безусловно, XII в., твердо связанный с явлениями XII в., и ни один новый вариант скептицизма не может поколебать этого положения. Напротив, каждый новый вариант работы А. А. Зимина будет знаменовать собой новое отступление концепции Мазона. Будем приветствовать это отступление, которое скоро обратится в бегство, и не мешать ему. Наша задача — подгонять отступление противников подлинности «Слова», а не задерживать его запрещениями.

Работа А. А. Зимина слабая, незаслуженно отнявшая много времени многих специалистов, и автор ее вполне заслуживает того, чтобы все вопиющие недостатки его работы были выставлены на публичное обозрение.

Издание сочинения А. А. Зимина должно быть изданием автора [(т. е. без марки Института истории АН СССР)]; пусть только сам автор за него и отвечает. [Такого рода издания у нас есть.][81]

Извините, что я отнял столько времени, но вопрос о подлинности «Слова» очень важен.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Слово предоставляется В. И. Стеллецкому.

В. И. СТЕЛЛЕЦКИЙ

Д. С. Лихачев показал порочность работы А. А. Зимина. Мы, многие из присутствующих здесь, относимся к А. А. Зимину с симпатией и уважением, и мы ожидали от этой работы чего-то все-таки более серьезного. Но она нас не удовлетворила. И я скажу о многих моментах по главам, чтобы показать, насколько порочна вся методология А. А. Зимина в этой работе. Дмитрий Сергеевич сказал, что

[81] Текст, заключенный нами в квадратные скобки, внесен Д. С. Лихачевым в стенограмму при ее вычитке.

порочна концепция. Но дело также и в том, что автор стал говорить по вопросам, в которых он не является специалистом.

При первом ознакомлении мы видим, что это не обычное, рядовое исследование по «Слову», а из ряда вон выходящее. Об этом говорится в подзаголовке: «Источники. Время создания. Автор». В обычных исследованиях по «Слову» все эти вопросы считаются проблематичными и никогда не ставятся во главу исследования. Сразу видно, что работа Зимина стоит вне обычного развития науки о «Слове». В этой работе эти проблематичные вопросы ставятся решительно и резко.

Из вступления к работе мы узнаем, что Александр Александрович стоит на строго научных позициях. «В настоящее время, — говорит он, — советское литературоведение, языкознание и источниковедение выработали строго научную методику датировки памятников, которая плодотворно применяется в трудах многих ученых».[82]

Но мы знаем, что с 1814 по 1852 г. и с конца тридцатых годов XX в.[83] по настоящее время исследование «Слова» проходило в борьбе со скептиками.

В работе Зимина мы читаем: «Советским историкам и литературоведам органически чуждо антинаучное деление ученых на „скептиков“ (сторонников позднего происхождения Слова о полку Игореве) и „нескептиков“ (защитников древнего происхождения памятника)» (с. 3—4).

Мы читаем также такой тезис: «Хорошо известно, что в 30—40-х гг. XIX в. царское правительство пыталось с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность Слова о полку Игореве, противоборствовать передовой для того времени исторической науке» (с. 4). Но ведь древность «Слова» защищал, как известно, Пушкин. Как царское правительство использовало Пушкина с целью противоборствовать передовой науке — это мы еще прочитаем в заключительной главе книги Александра Александровича. Но против древности «Слова» выступали ⟨О. И.⟩ Сенковский, ⟨М. Н.⟩ Катков, К. С. Аксаков.

Здесь достаточно говорилось о Краткой и Пространной редакциях «Задонщины». Я также буду употреблять эти термины.

---

[82] *Зимин-1.* Т. 1. С. 2.
[83] *В стенограмме ошибочно*: XIX.

Александр Александрович в личных беседах говорит, что его всегда интересует истина, и только истина. Но не истина интересовала Александра Александровича, когда он писал эту работу. Во всяком случае, мне думается, что в этом случае он начал бы с истории вопроса, выяснил бы, кто же прав, скептики или нескептики, выяснил бы доводы скептиков и их основательность и т. д.

Затем А. А. Зимин должен был бы подвергнуть «Слово о полку Игореве» исследованию с точки зрения исторической и стилистической.

Автор-несовременник должен был бы выдать себя ошибками в исторических фактах и, главное, стилем своего произведения. Нельзя выскочить из своего века, из стиля своей эпохи, должны были бы выявиться стилистические связи «Слова» с литературой XVIII в.

Ничего подобного в книге А. А. Зимина мы не находим. Вместо этого мы читаем такой тезис: «В самом деле, если будет доказано, что Слово текстологически связано только с Пространной редакцией Задонщины, а последняя восходит к Краткой и не имеет никаких других источников, которые могли быть отождествлены непосредственно (или опосредственно[84]) со Словом, то вопрос о соотношении Слова с Задонщиной будет решен: Песнь о полку Игореве придется признать произведением вторичным, а Задонщину Пространной редакции первичной» (с. 9).

Вот какое упрощенное решение вопроса вне времени и пространства. Согласно этому тезису и построен план всей книги Зимина.

Вся Краткая редакция «Задонщины» пронизана реминисценциями из «Слова о полку Игореве». Это настолько ясно, что я для сокращения времени не буду этих своих материалов читать. Об этом говорилось уже достаточно убедительно предыдущими ораторами, и я это выпущу.

Сопоставим приведенные Краткую и Пространную редакции у Зимина и мы увидим, что он иногда скрывает тексты Краткой редакции. Например, он говорит: «Се азъ князь великыи Дмитрии Иванович и братъ его князь Володимеръ Ондрѣевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда князя

[84] Так в стенограмме и книге А. А. Зимина.

Володимера Киевьскаго, царя русскаго».[85] Слов «царя русского» в тексте Александра Александровича нет.[86] А между тем это говорит о многом.

Он совершенно не думает о ритме, когда говорит о Краткой и Пространной редакциях. В Краткой редакции ритм несколько испорчен: «Жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха, взыди под синие облакы»,[87] а в Пространной: «О жаворонокъ, лѣтьняя птица, красных дней утѣха! Возлети под синии небеса, посмотри к силному граду Москвѣ...»[88] Мы сразу чувствуем живой язык. Мне кажется, прав был В. Ф. Ржига, когда писал, что Краткая редакция является сокращением Пространной редакции.[89]

Здесь уже говорилось о том, что Зимин совершенно не учитывает особенностей художественного произведения, когда обвиняет Пространную редакцию «Задонщины», а также и «Слово о полку Игореве» в нарушении хронологии.

Что ввело в заблуждение А. А. Зимина кроме зарубежных влияний? Дело в том, что в Кирилло-Белозерском списке как самом древнем по сравнению с другими списками «Задонщины» сохранился ряд строк, речений, принадлежавших, по-видимому, архетипу, т. е. Софонию Рязанцу, и опущенных в последующих списках. Это понимал С. К. Шамбинаго,[90] но этого не учла В. П. Адрианова-Перетц[91] и недооценил В. Ф. Ржига.[92]

---

[85] В. И. Стеллецкий цитирует не реконструкцию А. А. Зимина, приведенную на с. 44, а текст списка *К-Б* (см.: *К-Б*. Л. 123).

[86] Ошибочное утверждение. Слова «царя русского» А. А. Зиминым приведены (см.: *Зимин-1*. С. 44).

[87] *К-Б*. Л. 123.

[88] *И-1*. Л. 216.

[89] *Ржига В. Ф.* Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). М., 1947. (Ученые записки МГПИ; Т. 43: Кафедра русской литературы); то же в сокращении: *Ржига В. Ф.* Слово Софония рязанца о Куликовской битве // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1946. Вып. 1. С. 37—38.

[90] Имеется в виду исследование: *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. Гл. 3: Поведание, писание Софонии. С. 84—134. (*СОРЯС*; Т. 81, № 7).

[91] Имеются в виду исследования: *Адрианова-Перетц В. П.* 1) «Задонщина»: Текст и примечания // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 194—224; 2) Задонщина: (Опыт реконструкции авторского текста).

[92] Не ясно, на каком основании делает В. И. Стеллецкий это заявление. В работах всех трех названных исследователей отмечается, что Кирилло-Белозерский

Чтобы отчетливо понимать текст «Слова о полку Игореве», работать над ним, надо иметь основательные познания не только в истории, а и в истории литературы, и в фольклоре, в славистике, германистике, тюркологии, и в стиховедении, и в истории оружия, и в естественно-исторических науках, в истории сельского хозяйства. Каковы познания А. А. Зимина в естественно-исторических науках и в сельском хозяйстве, показывают следующие его рассуждения: «Зогзица „кокующая" — это не кукушка, а чайка. Она „кигикает" (*укр.*). Выражение К-Б „на трупы падаючи" более точно передает суть дела (вместо «трупу ради человечьскаго»): чайки садятся на падаль. Чтение „пастуси не кличють" (К-Б) более первоначально, чем „ни ратаи, ни пастуси" (У и С): пастухам полагалось „кликать", охраняя табуны коней и скота. „Клик" ратая менее оправдан» и т. д. (с. 78—79).

По-видимому, Александр Александрович не знает совершенно жизни ни пастуха, ни пахаря прежних времен.

Глава 2 «Задонщина и Слово о полку Игореве» начинается голословным утверждением, что «Слово о полку Игореве обнаруживает наиболее разительное сходство с Синодальным списком Пространной редакции Задонщины» (с. 126).

Подлинный архаистический ⟨здесь и далее ошибочно вместо архаический. — *Л. С.*⟩ оборот «Не лѣпо ли ны бяшеть», находящий себе соответствие только в литературе XI—XII вв., Зимин хочет счесть искусственно созданным и считает оборот «Лудчи бо нам есть» оборотом более древним,[93] хотя подновленность его по сравнению с оборотом «Слова о полку Игореве» ясна.

Не понимая подлинной архаистичности грамматических форм «Слова о полку Игореве», Зимин называет их «изысканными» и «вычурными».

«Начяти... трудныхъ повѣстій» — genetivus partitivus — падеж, нередко встречающийся в «Слове о полку Игореве», как и «поостри сердца своего мужествомъ», «да позримъ синего Дону» и т. д.

Употребление падежа genetivus partitivus нельзя было выдумать в XVIII в. А. А. Зимин также не понимает, что такие инфинитивные

список наряду с поздними чтениями содержит, по выражению В. П. Адриановой-Перетц, также «более древние и более исправные чтения» (см. исследование В. П. Адриановой-Перетц 1947 г., с. 196).

[93] См.: *Зимин-1.* Т. 1. С. 127.

обороты, свойственные «Слову», как «Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени», нельзя было выдумать в XVIII в. И вторичным, менее архаистичным является предложение из «Задонщины» (список У): «Лудчи бо нам, брате, начати повѣдати...»[94]

Есть у Зимина такие рассуждения, которые прямо можно признать заумными. Но на этом можно не останавливаться.

Казуистикой и формализмом отзываются такие рассуждения Зимина, как «Нет никаких данных говорить и о существенном различии словарного запаса XI и XII вв., тем более, что в Слове „ветхих слов", отличающихся от языка XII в., обнаружить не удается» (с. 130).

Сравнивает он «Слово о полку Игореве» с «Задонщиной». Тут что ни место, то мы видим ясно, что «Слово о полку Игореве» архаистичнее. О Бояне в «Слове о полку Игореве» говорится как о песнотворце, которого автор «Слова» слышал как бы собственными ушами, тогда как в «Задонщине» о нем говорится как о когда-то жившем в давние времена в Киеве «гораздом гудце».

Софистические ухищрения А. А. Зимина ясны, например, в объяснении слов «истягну» и «истезавше». Он берет не лучшее толкование слова «истягну», игнорирует правильное, — берет то, какое ему нужно, а именно худшее толкование, а потом говорит: вот, мол, какое «Слово» глупое, там так глупо сказано! Но не буду подробно разбирать этот пример (см. с. 135).

Зимин действительно рассматривает свои реконструкции, а не подлинный текст, поэтому и эта глава его работы, а не только восьмая глава, как сказал Д. С. Лихачев, лишена научного значения.

Зимин прибегает к явным передержкам, чтобы охаять «Слово о полку Игореве». Он говорит, например, что в «Слове» встречается неудачное выражение — «приломити конець поля половецкого»,[95] объясняющееся только из текста «Задонщины» («конец копия»). Об этом говорил подробно предыдущий оратор.

А. А. Зимин откапывает иногда такие конъектуры, которые не требуются, например «спивает».[96] Ни в одном славянском языке не было и нет такой нелепой формы.

[94] *У.* Л. 171 об.
[95] *Зимин-1.* Т. 1. С. 135.
[96] Там же. С. 136—137.

Нет возможности говорить о всех придирках к «Слову», обо всех нелепостях, допущенных Зиминым в этой ⟨т. е. второй⟩ главе. Зимин, по-видимому, нарочито берет не только научную литературу по «Слову», но и печатавшиеся в дореволюционную эпоху работы дилетантов, как, например, работу О. Гонсиоровского (1884 г.),[97] и приводит его нелепые рассуждения о близости местоимения «ти» «Слова о полку Игореве» (личное) с местоимением «ci» польского языка (вопросительное).

Вызывает придирку Зимина даже такой текст: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя». Весь этот текст «Слова», ритмически абсолютно монолитно целостный, Зимин считает составленным из каких-то обрывков текста «Задонщины».

Архаистический текст «Слова» «ищучи себѣ чти, а князю — славы» Зимин вопреки здравому смыслу считает заимствованным из «Задонщины», где читаем в списке И-1: «Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени»,[98] в списке Ундольского: «Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени»[99] и в списке Синодальном: «Пашут бо кафир, ищут бо собе чести и славы и великого имени».[100] Из этого обессмысленного текста архимандрит Иоиль смог якобы составить подлинную формулу феодального времени.

Здесь совершенно еще не говорилось о том, что Зимин пытается убить самую сущность «Слова», его основную идею, он пишет: «Судя по композиции Песни, ее автор хотел сказать, что поражение русских князей на Каяле объясняется их распрями. Но ничего подобного у него не получилось» (с. 155).

Можно ли говорить о более серьезном нападении на «Слово о полку Игореве» как на драгоценный памятник древнерусской литературы?!

Зимин не хочет понимать, что глагол «кикахуть» более архаичен, нежели глагол «кличут».[101]

---

[97] А. А. Зимин, ссылаясь на мнение О. О. Гонсиоровского (Там же. С. 142), не называет его работу; он имеет в виду статью: *Гонсиоровский О. О.* Заметки о «Слове о полку Игореве» // *ЖМНП*. 1884. Ч. 231, февр. С. 287.

[98] *И-1*. Л. 219.

[99] *У*. Л. 180 об.

[100] *С*. Л. 39 об.

[101] См. об этом: *Зимин-1*. Т.1. С. 157.

«„Мужья“ Задонщины, — пишет Зимин, — заменены эпическими „ладами“» (с. 163). Почему эпическими, а не лирическими? Зимин не понимает того, что «лады» «Слова» более архаичны, нежели «мужья». И в этом сказывается архаичность языка «Слова» по сравнению с «Задонщиной». Дело не в замене слова «мужья» эпическим словом, а в том, что «Слово» — памятник конца XII в., а «Задонщина» — конца XIV в.

Зимин не понимает гениальной поэзии «Слова» и почти везде отдает предпочтение подражательным текстам «Задонщины».

По логике Зимина — раз автор «Слова» в великолепном образе «тугою взыдоша по Руской земли» употребил слово «туга», стало быть, он заимствовал этот текст из летописи ⟨, где читается⟩: «бысть скорбь и туга люта».[102]

Достижения в разъяснении текста «Слова» корифеями русской науки в течение полутора веков Зимин отвергает, отвергая общепринятые конъектуры, например, вместо «давечя» — «далече».[103] Для его целей важно максимально испортить текст «Слова». Он делает такое примечание: «Глагол „заворочаетъ“ вместо „поворотил“ употреблен не в правильной форме. „Тугою“ к земле преклонилась (Задонщина) лучше стилистически, чем „с тугою“ (Слово)».[104]

Что же тут можно сказать? Зиминым отвергаются подлинные древние формы народного русского языка, прекрасных образов «Слова» он не видит, прекрасного языка он не слышит и его не понимает или не хочет понимать.

Зимин или не понимает, или не знает, или не хочет понимать композиции «Слова», достижений русских филологов, раскрывших членение «Слова» на три части, когда делает такое замечание: «Обращает на себя внимание, что, начав тему о Святославе, автор Слова почему-то прерывает ее и возвращается снова к Игорю».[105]

Между тем в «Слове» здесь абсолютно ясный текст: кончается первая часть «Слова», замечание об Игоре является ее концовкой, делающей первую часть стройной и законченной.

До какого нонсенса доходит в своих комментариях Зимин, можно судить из следующего примера. Приведя текст из «Слова о полку

[102] См. об этом: Там же. С. 159.
[103] Там же. С. 160.
[104] Там же. С. 161.
[105] Там же. С. 166.

Игореве» — «А чи диво ся, братие, стару помолодити?..», Зимин говорит: «В данном случае „диво“ превратилось из вещей птицы в наречие».[106]

Дальнейшие суждения о «Слове» Зимина соприкасаются с особенностями той литературы, которая так блестяще раскрыта проф⟨ессорами⟩ И. А. Сикорским и П. А. Преображенским в их известных статьях.[107]

На стр. 171 Зимин пишет: «Так, река Меча дала ему (автору «Слова». — *В. С.*) толчок для мысли о том, что Осмомысл правит, „меча времены чрезъ облаки“». «Нет нужды говорить, — продолжает Зимин, — что из деепричастия „меча“ вывести Мечу, у которой происходила Куликовская битва, невозможно».

Или на стр. ⟨171—⟩172: «Вольное использование автором словесного материала Задонщины нами уже отмечалось выше (Железные ворота превращены у него в железные полки, Соломон в шеломя, а в одном месте Див в диво и т. п.)».

О главе 3 — «Русские летописи и Слово о полку Игореве» — я не буду говорить, так как здесь уже много об этом говорилось, а скажу только, что склонность к нелепому сопоставлению слов, к нелепому этимологизированию наблюдается у Зимина и в этой главе. Так, на стр. 212, говоря о слове «деремела», Зимин пишет: «Возможно, перед нами просто этимологический домысел автора Слова (от «дремать», так же, как «ревуги» от реветь и т. п.)».

Зимин нарочито приплетает к строкам одной строфы строки другой строфы «Слова», не признавая той тонкой, ювелирной работы, которую проделали ученые за 150 лет, особенно советские ученые, прежде всего В. Ф. Ржига, над выявлением строф «Слова о полку Игореве».[108] Так, на стр. 217 Зимин цитирует «Слово о полку Игореве» следующим образом: «Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци». И говорит об этом тексте: «Фраза об Ольго-

---

[106] Там же. С. 170.

[107] Имеются в виду статьи названных психиатров, писавших о «творческой болезни», в частности о псевдонаучных работах.

[108] *Ржига В. Ф.* 1) Гармонія мови «Слова о полку Ігоревім // Україна. Київ, 1926. Кн. 4. С. 24—34; 2) Проблема стихосложения Слова о полку Игореве» // Slavia. Praha, 1927. Roč. 6, seš. 2—3. S. 352—379.

вичах — непонятна: Ольговичей нельзя было считать Мстиславичами».[109]

Теперь скажу о главе 4 работы А. А. Зимина.[110]

Зимин совершенно не считается с художественными особенностями «Слова о полку Игореве», когда он пересказывает «Слово». В этой главе он также продолжает оглуплять, охаивать «Слово». Например, на стр. 253 Зимин говорит: «Прежде всего обратим внимание на то, что „мутенъ сонъ“ Святослава нарушает логику повествования Слова о полку Игореве и отсутствует в Ипатьевской летописи». После рассказа о том, как Игорь „высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево“...»

Я не буду на этом задерживаться, так как, кажется, все здесь для всех ясно, ведь это место («Сон Святослава») связано со всем содержанием «Слова о полку Игореве», хорошо всем известным.

Замечательны обобщающие соображения Зимина и его выводы. Так, например, он пишет: «В древнерусской литературной традиции нет следов влияния Слова о полку Игореве, в то время как в этом памятнике находятся явные отголоски русских и переводных произведений Древней Руси XII—XVII в.» (с. 264).

Зимин игнорирует «Задонщину». Все же его так наз⟨ываемые⟩ доказательства крайне неубедительны и противоречат любому приводимому им факту. Например, Зимин пишет: «Выражение „жалощами“ в Слове взято из контекста Задонщины, где есть слово „жалостно“» (с. 261).

Но автор XVIII в. не мог выдумать нового архаического оборота, каким является творительный падеж существительного, употребленный в значении наречия. См. в «Слове» также еще «мыслію». Но Зимину нет дела до языка памятников XII в. («Слово») и XIV в. («Задонщина»). Архаичность языка «Слова» по сравнению с «Задонщиной» он игнорирует.

Иногда Зимина просто трудно понять. Автора «Слова» он, как можно заключить из его слов, не признает поэтом. Он, например, пишет: «Сочетания „серебряные“ стружие, седина, струи, брези

---

[109] Словами «на брань» заканчивается строфа об Ольговичах, далее начинается новая строфа, содержащая обращение к названным по именам Мстиславичам.

[110] Название 4-й главы: «Отношение Слова о полку Игореве к литературному наследию XI—XVIII вв.».

не встречаются ни в фольклоре, ни в письменности».[111] Ну и что из этого? Во-первых, мы не знаем фольклора XI—XII вв. и не можем делать поэтому каких-либо решительных выводов, если только мы не доктора Allwissend'ы,[112] каким, должно быть, считает себя Зимин, и, во-вторых, автор «Слова» — поэт и может сам создавать такие эпитеты, каких раньше не встречалось. Зимин же делает вот какой вывод: «Причудливые, звучные сочетания „мечи харалужные", „ляцкие сулцы", „латинские шеломы", „сребряное стружие" совершенно отсутствуют в других источниках, хорошо знающих оружие князей и дружины. Автор Слова был далек от знакомства с вооружением русских воинов XII в.» (с. 267).

Зимин знает, что «мечи, сулицы, шеломы, стружие» встречаются в других памятниках. Все дело, стало быть, в эпитетах. Эпитеты новы для нас, эпитеты интересны. «Слово о полку Игореве» может служить при умелом и осторожном использовании его текста дополнительным историческим источником. Таким образом, в «Слове» имеются новые факты, ранее неизвестные. Зимин же пишет на стр. 205: «Точное следование известным нам источникам, отсутствие в Слове каких-либо новых фактов показывает, что его автор — писатель, не являвшийся очевидцем тех событий, которые он описал». Зимин говорит: новых фактов нет в Слове; встречая же их, Зимин говорит: значит, автор Слова не знал ничего о XII в. Будем ли мы верить Зимину или мы лучше в данном случае поверим генералу-лейтенанту инженерно-технической службы В. Г. Федорову, известному крупнейшему знатоку оружия, который пишет: «Особое значение „Слова о полку Игореве" для изучения истории оружия и заключается в том, что его автор указывает в своем повествовании на эти средства поражения. ⟨...⟩ Кроме того, необходимо отметить, что каждый читающий „Слово" обращает внимание на очень частые упоминания об оружии. Автор в своем произведении дает подробные указания о всем том комплексе основных образцов оружия, который применялся в XII в. нашими предками, а также их противниками — половцами. Автор тесно связан с вопросами оружия ⟨...⟩ „Слово" могло бы быть пособием для изучения вооружения. Характерной чертой

---

[111] *Зимин-1*. Т. 2. С. 267.

[112] Doktor Allwissend (доктор Всезнайка) — герой одноименной сказки братьев Гримм, хитрый крестьянин, который разбогател, выдавая себя за доктора Всезнайку.

автора является его безусловный интерес и любовь к оружию. ⟨...⟩ Немного есть у нас художественных произведений, в которых так же красочно писалось бы об оружии».[113]

Зимин ссылается на формальные подсчеты С. Вачнадзе и А. И. Никифорова[114] и делает вывод: «Все это совершенно не вяжется с представлением об авторе Слова как о княжеском дружиннике» (с. 267).

Решительность выводов Зимина не всегда понятна с научной точки зрения. Чем они обусловлены, также непонятно, если ⟨только⟩ не учитывать, что Зимин полагает, что он доктор Allwissend, который знает все, все специальности гуманитарных наук, русскую литературу всех веков, все славянские, германские, тюркские языки, что он знает не только современный фольклор, но фольклор X, XI, XII, XIII вв. и пр. и пр. Так, Зимин пишет: «Решительный отказ от книжных и фольклорных канонов — характерная черта творчества автора Слова».[115] Оказывается, автор «Слова» заменяет выражение «испить шеломом Дон» выражением «искусити Дону великого», народное «зелено вино» «тонким, но сугубо индивидуальным „синее вино"» (с. 268).

Все это в высшей степени удивительные суждения!

Зимин, вслед за Мазоном принижая «Слово», принижает и культуру Древней Руси XII в. и механистически понимает процесс развития литературы: «Ярко выраженная индивидуальная творческая манера, — говорит Зимин, — выражавшаяся в своеобразии приемов изображения героев и событий, свидетельствовала о высокой ступени литературного процесса, отражающегося в Слове о полку Игореве, несоизмеримой с литературными явлениями Древней Руси XII века» (с. 282).

---

[113] *Федоров В. Г.* Военные вопросы «Слова о полку Игореве». М., 1951. С. 6—7.

[114] А. А. Зимин пишет: «Исследуя словарный состав Слова о полку Игореве, С. Вачнадзе установила, что слова, взятые из военного быта, составляют не более 4 % всего лексического материала памятника, в то время как удельный вес бытовой и социальной лексики повышается до 9 %, а слов, характеризующих природу, до 10 %» ⟨(*Вачнадзе С.* Словарь «Слова о полку Игореве» и его стилистическое в нем использование // Труды Тбилисского гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина. 1947. Т. 4. С. 145)⟩. И далее: «Сходные подсчеты сделаны были и А. И. Никифоровым» (имеется в виду докторская диссертация А. И. Никифорова «Слово о полку Игореве — былина XII века»). См.: *Зимин-1.* Т. 2. С. 267.

[115] Там же. С. 268.

Так пишет Зимин.

Поражающе поверхностны и легкомысленны суждения Зимина о ритмике «Слова о полку Игореве». Он прямо пишет: «Как установил А. И. Никифоров, Слово написано одноопорным речитативом».[116] Но разве это мнение А. И. Никифорова принято наукой? А. И. Никифоров ничего не установил.

Работа А. И. Никифорова[117] считается порочной по своей тенденциозности. Зимин же делает такого рода вывод: «Более прав, очевидно, А. И. Никифоров, считавший, что по своим жанровым особенностям Слово приближается как к русским былинам, так и к украинским думам ⟨...⟩. А. И. Никифоров считал, что Слово о полку Игореве написано одноопорным речитативом. По наблюдениям А. В. Позднеева, переход к речитативу в народном былинном творчестве происходит с середины XVIII века. Таким образом, по ритмическим особенностям Слово о полку Игореве не могло восходить к более раннему времени» (с. 283—284).

Логика Зимина как ученого поразительна: «Никифоров установил», «Позднеев считает», а стало быть, «Слово» — памятник XVIII в.!

Явно архаический язык «Слова о полку Игореве» не смущает Зимина. Если в «Задонщине» он встречает выражение «ведомы полководцы», а в «Слове» — «свѣдоми къмети», то говорит: «Привычное „полководцы“ заменено архаичным „къмети“, встречающимся в Девгениевом деянии».[118] «Стязи ревут» — в «Задонщине», а в «Слове» — «стязи глаголютъ». Зимин пишет: «Резкое „ревут“ заменено торжественным „глаголютъ“».[119] Если Зимин в «Слове» читает «Карна и Жля поскочи», а в летописи — «Наведе на ны плачь и во веселье место желю», то он пишет: «Здесь „плачь“ заменен также архаично-летописным „Карной“ (от слова «карить»)».[120]

---

[116] Там же. С. 282.

[117] Имеется в виду рукопись докторской диссертации А. И. Никифорова «„Слово о полку Игореве“ — былина XII века». Глава о ритмике «Слова» опубликована: *Никифоров А. И.* Проблема ритмики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. 4: Фак. яз. и лит. Вып. 2. С. 214—250.

[118] *Зимин-1.* Т. 2. С. 285.

[119] Там же. С. 286.

[120] Там же. С. 287.

Не понимая текста «Слова о полку Игореве» и его лексики, Зимин пишет, коверкая текст «Слова», вместо «смагу мычючи» — «смагу мѣчючи», причем для Зимина «смага» — сухость. «Слово, — пишет Зимин, — *употреблено не совсем точно в смысловом отношении*».[121]

Вот какой менторский тон допускает Зимин в отношении автора «Слова». См. также, например: «Замена „вычерпати" на сходное „выльяти" *стилистически не вполне удачна*».[122] Или: «Совершенно естественная форма „ряды рядити" заменена *необычайной и не вполне правильной* „суды рядя"».[123]

Вот каков «научный метод» Зимина!

В своем солипсизме Зимин творческий процесс поэта представляет себе подобным своему методу. Поэт якобы, по Зимину, кладет свои «источники» на стол, а именно «Задонщину», летописи, «Девгениево деяние», «Моление Даниила Заточника», фольклор, Татищева, «Илиаду» и отовсюду, следуя «Задонщине» и летописи, вытаскивает словцо, оборот, грамматическую форму и стряпает свое замечательное варево, которое называется «Словом о полку Игореве».

На самом же деле по такому методу гениальное произведение, каким является «Слово о полку Игореве», написать нельзя, а можно сочинить только такое произведение, как «Источники, время создания, автор „Слова о полку Игореве"».

Поразительно, что зиминский автор «Слова» гениально сумел «выскочить» из своего времени и перескочить прямо в XII в., не испытав никакого влияния Ломоносова и других поэтов XVIII в. Это нечто из ряда вон выходящее!

Не буду дискутировать с Зиминым по тюркизмам «Слова о полку Игореве», по вопросу, в котором я сам не являюсь компетентным, но я не могу не доверять тюркологам. У нас, нетюркологов, нет иного выхода, иного пути, как доверять тюркологам.

Нельзя не указать, во-первых, что Зимин, не будучи тюркологом, не зная тюркских языков, вдается в полемику с тюркологами, отвергая толкования слов тюркологами; во-вторых, суждения его

[121] Там же.
[122] Там же. С. 288.
[123] Там же.

чрезвычайно поверхностны и неинтересны; в-третьих, Зимин избирает самые неудачные, самые неясные толкования, предпочитая толкованиям ученых-тюркологов ⟨Ф. Е.⟩ Корша, ⟨П. М.⟩ Мелиоранского, ⟨К. Г.⟩ Менгеса, ⟨С. Е.⟩ Малова — толкования писателя И. А. Новикова (восходящие к толкованиям Д. И. Минаева). Так, «татраны», по Зимину, это, скорее всего, жители Татр; «„ольберы“, скорее всего, происходят от имени боярина князя Изяслава Мстиславича Олбыря Шерошевича», «могуты» — от разбойника Могуты из рассказа Никоновской летописи. «Шалбер», по Зимину, — «бездельник, плут». Эту этимологию, говорит Зимин, принимал И. А. Новиков. Ироничен также термин «ревуги», по И. Новикову — «крикуны» (см. с. 302—304). Все мы чтим память Ивана Алексеевича Новикова, но ведь Иван Алексеевич был писателем, а не ученым вообще и не тюркологом в частности.

Таким образом, А. А. Зимин не только ничего не дает науке, но тащит ее назад. Даже не то что тащит назад науку, а просто хочет от науки перейти к тому, что стоит за пределами науки, поднять это на щит и распространить среди широких масс. Я коснусь еще этого дальше.

Так объяснив тюркизмы «Слова о полку Игореве», Зимин делает следующее заключение: «Итак, разбор ориентализмов Слова показывает происхождение многих из них не ранее XV—XVI вв., поэтому они никак не могут свидетельствовать о древности памятника, но дают серьезное основание для его поздней датировки» (с. 305).

О серьезности подобных рассуждений Зимина сказал очень метко еще Козьма Прутков: «Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так, не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?»

Так расправившись с тюркизмами «Слова о полку Игореве», Зимин тем же способом расправляется и с другой лексикой его, объявив украинизмами, белорусизмами и полонизмами целый ряд слов из «Слова о полку Игореве», подобно тому как это делали скептики начала XIX в. Например, ⟨выражение⟩ «свычая и обычая», а также свои зиминские конъектуры («прапорзи», «спивая») и слова «чи», «чему», «абыхъ», «жалощи», «пороси» и т. д.

Зимин признает в «Слове о полку Игореве» отсутствие лексики XVIII в. Но его это не смущает. Он считает, что человек может

совершенно выйти из своей эпохи, при этом не надо даже быть таким лингвистом, как Дурново,[124] который писал письма на древнерусском языке. Иерей в 70-х гг. XVIII в., по Зимину, мог избежать влияния языка и литературы своего времени. Архимандрит в 70-х гг. XVIII в. сумел так написать произведение языком XII в., что все русские ученые, крупнейшие знатоки древней русской литературы, русского языка, начиная от ⟨А. Х.⟩ Востокова, в течение 150 лет находились в заблуждении, были обмануты, и лишь Зимин в 1963—1964 гг. разоблачил полуторавековое заблуждение. Зимин пишет: «Отсутствие явных следов лексики XVIII в. не случайно: ведь автор сознательно ставил перед собой цель написать песнь „старыми словесы". Источником этих „словес" были Ипатьевская летопись, Задонщина и церковно-богослужебные книги... Наличие украинизмов, белорусизмов и полонизмов выдает нам выходца из Украины или Белоруссии» (с. 312).

Попытки объяснения темных мест, конъектуры, которые принимает Зимин, не вносят ничего нового, положительного. Он принимает ненужную, неясную конъектуру Г. Ильинского «спивая».[125]

Не понимая слова «мычучи», переделывает его на «мѣчючи»: «Чему мѣчеши?»,[126]⟨«папорзи» на ⟩ «прапорзи»[127] и т. п.

Полное непонимание Зиминым «Слова о полку Игореве» как целостного художественного произведения обнаруживает его замечание: «Море автор Слова мог взять из Ипатьевской летописи под 1185 г.: „прочии в море истопоша"».[128]

Теперь скажу о главе 6: «Иван Быковский и Слово о полку Игореве».

Совершенно неправильно пишет Зимин, что «ни от XIII—XV вв., ни даже от XVI—XVII вв. до нас не дошло ни одного памятника поэзии, сопоставимого со Словом о полку Игореве».[129] А «Задонщина», а «Предание о емшане» из Галицко-волынской летописи, а

[124] Николай Николаевич Дурново (1876—1937) — известный лингвист, историк языка, диалектолог, исследователь древнерусской литературы; чл.-корр. АН СССР (с 1924 г.) и акад. Белорусской АН (с 1928 г.).

[125] *Зимин-1.* Т. 2. С. 324.

[126] Там же. С. 333.

[127] Там же. С. 331.

[128] Там же. С. 334.

[129] Там же. С. 339.

«Слово о погибели Русской земли», а «Сказание о Евпатии Коловрате»?

Механистически представляет себе Зимин развитие литературного процесса: «Датируя Слово XII-м веком, мы вынуждены допустить такой многовековый регресс русской литературы, что это вошло бы в вопиющее противоречие с нашими представлениями о поступательном ходе русского литературного процесса в XII—XVII вв.» (с. 339).

Зиминым извращается вся сущность «Слова о полку Игореве» как художественного произведения, когда он пишет: «Судя по хорошему знанию автором Слова библейских образов и церковнославянской лексики и морфологии, он, скорее всего, принадлежит к духовенству» (с. 341).

Одержимый своей ложной идеей, Зимин нанизывает свои «доказательства», противоречащие фактам и очевидности: «Автор Слова, как мы уже писали, не интересовался батальными сценами и не разбирался в тонкостях древнерусского оружия. Зато он прекрасно знал тексты богослужебных книг и склад церковных песнопений. Это ведет нас скорее к лицу духовного звания (такому, каким был Иоиль), чем к дружиннику XII в.» (с. 388).

Или: «Итак, жанровая „одинокость" Слова о полку Игореве среди памятников древнерусской литературы — факт, который трудно отрицать» (с. 389). Я уже перечислял произведения, близкие по жанру к «Слову о полку Игореве», среди них прежде всего «Задонщина».

«Если для произведения XII в. такое смешение жанров, — пишет А. А. Зимин, — необъяснимо, то для книжной былины XVIII в., составленной лицом, обученным риторике, использующим материалы воинской повести (Задонщины), это будет вполне естественно».[130]

Но «Слово» не является произведением «смешанного жанра», оно органически целостно, оно своеобразно по жанру, что зависит от традиций военных песен XI в., о которых автор «Слова» сам говорит, а также и от исключительности автора «Слова», придавшего, очевидно, своеобразный характер традиционному жанру.

А вот о «книжных былинах» мы не слышали до Зимина. Это выдумка Зимина, которой в литературе XVIII в. и какого бы то ни было века нет и не бывало.

---

[130] Там же. С. 390.

Никаких данных о том, что Иоиль не только что ценил «Слово о полку Игореве» или «Задонщину», даже данных о том, что он читал какое-либо из этих произведений, Зиминым не обнаружено. Никаких связей между сочинениями Иоиля и «Словом о полку Игореве» или «Задонщиной» нет.

Что это за метод, который Зимин хочет ввести в филологическую науку? Допустимо ли это, допустимо ли сопоставлять следующие обороты?[131]

Из «Слова о полку Игореве»	Из произведений Быковского
Растѣкашется мыслию по древу...	Восходя мыслию на гору Фаворскую.
Мыслію поля мѣритъ... Ни мыслію смыслити...	
Милых ладъ... ни очима съглядати...	Очима на прелести мира сего с вожделением не взирати...
Простре горячюю свою лучю...	Лицо оное Христово... как лучу, которая сквозь стекло проницает.

А вот сопоставление Зиминым текстов из «Слова о полку Игореве» с текстами песен из сборника 70-х гг. XVIII в.[132]

В «Слове о полку Игореве»	в песнях
готския дѣвы въспѣша	деви поют тя прекрасно...
на седьмомъ вѣцѣ Трояни...	возвратилися Сатурновы веки...

Когда я читал эту работу, то думал, что я степени кандидата за нее не дал бы. Диплома за эту работу я не дал бы студенту. И только как курсовую работу зачел бы, надеясь, что студент 1-го или 2-го курса еще исправится и что-то еще сможет узнать.

Теперь о 7-й главе: «А. И. Мусин-Пушкин и Слово о полку Игореве».

Изумительны рассуждения Зимина о вставочных текстах!

---

[131] Далее приведен сопоставительный материал со с. 391 (т. 1) книги А. А. Зимина.

[132] Далее приведен сопоставительный материал со с. 398 (т. 1) книги А. А. Зимина.

«Итак, — говорит Зимин, — текст в Задонщине, если снять предполагаемую вставку, идет без всякого перерыва. Это укрепляет нашу уверенность во вставочном характере сведений Слова, перекликающихся с припиской к псковскому Апостолу...» «Во вставке, — говорит Зимин, — совершенно иная ритмическая структура» (с. 421).

И вот Зимин, совершенно не ощущая ритмики «Слова», членит текст, как ему вздумается. Объективным научным членением текста «Слова о полку Игореве» можно считать только синтаксическое или, точнее, ритмико-синтаксическое членение текста.

Зимин приводит в своем членении 13 строчек. Некоторые строчки при этом выделяет он крайне произвольно, вопреки синтаксическому членению текста.

Например, он членит:

И на канину зелену паполому постла
За обиду Олгову храбра и млада князя.[133]

Между тем ясно, что слова «храбра и мла́да князя», поскольку они, как это ясно для всех исследователей, относятся к Борису Вячеславовичу, должны быть выделены в особую строку.

Таким образом, пользуясь произвольным членением, Зимин подсчитывает слоги этих строк и полагает, что он изучает тем самым «ритмическую структуру текста». Как будто ритмический строй текста зависит только от количества слогов. И как будто не существует украинских дум, в которых чередование строк коротких и длинных чрезвычайно прихотливо.

А все исследователи без исключения согласны с тем, что кое-что общее в ритмике «Слова» и украинских дум имеется. Но в то же время нельзя отождествлять ритмику «Слова» и украинских дум.

Далее Зимин сам практически уподобляется Шерлоку Холмсу, Нату Пинкертону и Нику Картеру. Зимин пишет: «К тому же в прошении 1797 г. графа А. И. Мусина-Пушкина встречается слово „крамолы“. А именно оно заменило... в Слове термин „которы“, встречающийся в приписке к псковскому Апостолу» (с. 429).

---

[133] *Зимин-1*. Т. 2. С. 421.

Метко сказал однажды Н. К. Гудзий, шутливо убоявшись употребить слова «Золотое слово», что из-за этого именно ему, Н. К. Гудзию, Зимин припишет авторство «Злата слова» Святослава.

До подлинного нонсенса в своей шерлокхолмсовской пытливости доходит Зимин на стр. 430 и 431.

«Перевод, несомненно, противоречит тексту вставки в Слово о полку Игореве», — говорит Зимин. «Мог ли это сделать переводчик „по неопытности“? Конечно, нет. Да и как можно перевести текст „повелѣя отца своего“ словами „вёл... войски отца своего“? Перед нами сознательная ретушировка текста. Она сделана, чтобы скрыть дефекты вставки, обнаруженные А. И. Мусиным-Пушкиным при сверке ее с летописями (ср. его замечание «по летописям не видно»). Но привести в полное соответствие с летописными данными фрагмент не удалось (Святополк — увы — все же ведет полки с «тоя же Каялы»), и синодальный обер-прокурор решил запутать читателя перечнем пяти Святополков... Но эти хитросплетения разбиваются при первом же знакомстве с текстом Слова о полку Игореве»[134] и т. д.

Доктор исторических наук А. А. Зимин, занимаясь «Словом о полку Игореве» после 165 лет занятий нескольких сот ученых, полагает, что А. И. Мусин-Пушкин должен был так же отчетливо знать, о каком именно князе говорится в «Слове о полку Игореве», как он сам. Но все хитросплетения Зимина разбиваются, если прочесть текст «Слова» и перевод первого печатного издания.

Перевод этот не может не удивлять нас своей неточностью в очень многих местах. Смотри, например:

текст:	перевод:
А злата и сребра ни мало того потрепати.	а золота и серебра не возвратить.

А вот как определяется Зиминым вторая так наз⟨ываемая⟩ вставка Мусина-Пушкина в текст «Слова о полку Игореве», «обнаруженная» Зиминым.[135]

---

[134] Там же. С. 430.

[135] А. А. Зимин считает вставкой слова «Аже... резанѣ» из рассматриваемого далее фрагмента о Всеволоде (строки 7—9), доказывая это в том числе путем анализа ритмики этого фрагмента.

Зимин расчленил текст «Слова о полку Игореве», но на какие единицы расчленен Зиминым текст, неизвестно. Что это у него — строки или какие-либо синтаксические единицы, — он не указал.

«Великый княже Всеволоде!..». Я не буду дальше читать. См. с. 438.

Это членение и счет слогов А. А. Зимин считает «изучением ритма интересующих нас фрагментов», констатированием «его особенности в некоторых отрывках текста».[136]

Зимин ни на минуту не считает нужным задуматься на тему ритмики речи, а свое произвольное терзание текста и ⟨под⟩счет в обрубках текста слогов всерьез считает изучением ритмики фрагментов, на основе которого он делает весьма ответственные выводы о вставочном характере текста.

На самом деле Зимин, как и многие переводчики «Слова» вслед за ⟨Г. П.⟩ Павским (1821), ⟨Н. М.⟩ Павловым-Бицыным (1878), ⟨Е. В.⟩ Барсовым (1883), которые, однако, будучи скромнее, не делали никаких выводов из своего членения, расчленил текст на короткие речевые отрезки. «Переводчики, членившие текст „Слова" на слух, — писал я еще в 1951 г. в своей статье «К вопросу о ритмическом строе „Слова о полку Игореве"», до сих пор не напечатанной (я цитирую тот фрагмент, который мне удалось напечатать в книге, изданной Гослитиздатом в 1961 г.), — основывались невольно на каких-то объективных опорных моментах, которые давал самый текст. Этими опорными моментами, несомненно, могли быть только паузы между синтагмами. Но неотчетливое представление о критерии, а тем самым и о факторах, от которых зависит наличие пауз, смешение пауз между синтагмами и более длительных — между ритмическими единицами, зачастую приводило к неправильному пониманию ритмической структуры „Слова" и, как следствие, к ошибочному членению не только на ритмические единицы, но даже на синтагмы».[137]

---

[136] *Зимин-1.* Т. 2. С. 438, примеч. 1.

[137] В издании 1961 г. статья В. И. Стеллецкого названа иначе, см.: *Стеллецкий В. И.* «Слово о полку Игореве» в художественных переводах и переложениях // Слово о полку Игореве: Поэтич. переводы и переложения / Под общ. ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961. С. 279—310 (цитируемый фрагмент читается на с. 300—301). Цитата выверена и исправлена по данному изданию.

И Зимин может удивляться (подобно известному мольеровскому герою, месье Журдену, удивлявшемуся, что он говорит прозой), что он разделил текст на синтагмы. Но он разделил текст на синтагмы, конечно, с целым рядом ошибок.

Вот каково членение на синтагмы этого фрагмента:[138]

1. Великый княже Всеволоде! . . . . (9)
2. Не мыслію ти прелетѣти, ... (9)
3. издалеча отня злата стола поблюсти? . . . . (13)
4. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, ... (13)
5. а Донъ шеломы выльяти. . . . . (8)
6. Аже бы ты былъ, ... (5)
7. то была бы чага по ногатѣ, ... (10)
8. а кощей по резанѣ.. . . . . (7)
9. Ты бо можеши посуху . . . . (8)
10. живыми шереширы стрѣляти, ... (10)
11. удалыми сыны Глѣбовы . . . . (9)

Зимин неправильно перенес слово «издалеча» из второй синтагмы в третью, а девятую синтагму произвольно растерзал на две ⟨9 и 10⟩.

Что мы можем видеть из этого членения текста на синтагмы? Синтагмы здесь заключают различное количество слогов. Выдается особенно многослоговая синтагма в 18 слогов.[139] Не это ли вставка? Но при чем тут ритмическая структура «Слова»? В названной мною статье я доказываю, что членение на синтагмы не имеет никакого отношения к ритмической структуре «Слова». Его ритмическая структура определяется членением на ритмико-синтаксические единицы, обладающие интонационной завершенностью. Членение этого отрывка на ритмико-синтаксические единицы следующее:

1. Великый княже Всеволоде!. 9
2. Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти! 22

[138] Текст приводится мной по книге Зимина, поскольку он неточно воспроизведен в стенограмме. Номера строк-синтагм проставлены слева В. И. Стеллецким. Справа в скобках — указанное А. А. Зиминым количество слогов в строке.

[139] При передаче этого фрагмента В. И. Стеллецкий объединяет в одну «синтагму» строки 9 и 10 в разбивке А. А. Зимина, отсюда у него «синтагма в 18 слогов».

3. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! 21
4. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ! 22
5. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти,. . 18
6. удалыми сыны Глѣбовы! 9

При членении на ритмико-синтаксические единицы, находящие себе опору и в синтаксисе, и в членении на синтагмы (потому что ритмические единицы состоят из целых синтагм, а не из их частей), и в интонации, ритмическая структура фрагмента определяется с достаточной четкостью. Четыре многослоговые ритмико-синтаксические единицы (от 18 до 22 слогов) окаймляются здесь двумя малослоговыми, заключающими по 9 слогов. Исключение подозреваемой Зиминым строки буквально разрушает ритм этого фрагмента, так как разрушает его интонацию, вот послушайте:

1. Великый княже Всеволоде!
2. Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти!
3. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!
5. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти,
6. удалыми сыны Глѣбовы!

При пропуске четвертой ритмико-синтаксической единицы, как того хочет Зимин, получается анафора в смежных ритмических единицах, говорящая о повышении интонации, и последняя ритмико-синтаксическая единица оказывается слишком краткой. (Тут я вспоминаю идею Д. С. Лихачева о равновесии.) Эта ритмико-синтаксическая единица не успевает погасить предшествующего повышения интонации.

Поразительную смелость обнаруживает Зимин, а также полное непонимание ни стиховедческих проблем, ни ритмики «Слова о полку Игореве», ни ритмики этого фрагмента! По-видимому, Зимин даже не читал текста «Слова о полку Игореве» вслух. С живой речью Зимин оперирует как с трупом, что мы, впрочем, знаем из предыдущих глав «исследования» Зимина.

О словах «И тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ» Зимин, неведомо почему, без всяких доказательств говорит, что они стилистически не связаны «со всем предшествующим текстом Слова», и затем

делает вывод: «Мы это считаем также позднейшей вставкой» (с. 443).

Поистине анекдотичны сопоставления Зимина: «мѣрилъ мо(ре) по леду от... до...» и текста из «Слова о полку Игореве»: «Мыслiю поля мѣритъ отъ... до...»[140] Здесь чисто внешнее сопоставление, а сущность содержания текстов, практического и поэтического, игнорируется.

Поражает незнание народной русской жизни Зиминым в замечании: «Удивляет и измерение в саженях...» (с. 448). Как будто бы Зимин никогда не бывал в деревне, никогда не ходил по родной земле!

Так относится Зимин к стиховедению, посмотрим, как он относится к языкознанию. Он говорит, например: «Слово „Тъмутараканьˮ, как обратил внимание А. Л. Монгайт, никогда не писалось через „ъˮ, кроме одного случая в Лаврентьевской летописи (под 1024 г.), принадлежавшей А. И. Мусину-Пушкину. Второй случай, обнаруженный А. Л. Монгайтом, не менее интересен: это „Тъмутороканьскый бълванъˮ в Екатерининском списке Слова» (с. 449).

А нелишне было бы задуматься — откуда в этом слове «ъ» или «ь», какова этимология этого слова. Утверждают, что оно происходит от греческого слова «таматарха». В таком случае именно «ъ» здесь должно соответствовать их греческому «а»; «ъ» здесь возник закономерно и он первичен. Вторичным же является «ь». По-видимому, слово это подверглось русификации, оно связалось русскими со словом «тьма». Таким образом, написание «ь» в этом слове вторично. В тексте же «Слова» «ъ» и «ь» смешивались неоднократно, и при переписке на Севере, и при подготовке первого издания.

Как-то Зимин писал о деятельности археолога И. Я. Стеллецкого:[141] «Библиотека Ивана Грозного сделалась сюжетом приключенческих повестей». Но мне при чтении 7-й главы книги Зимина вспомнился именно Стеллецкий, беда которого, а не вина была в том, что ему не пришлось получить научной школы. Вся эта глава — подражание повестям Конан-Дойля, беллетристика. Роль Шерлока Холмса взял на себя Зимин. Как иначе квалифицировать эту главу,

---

[140] *Зимин-1.* Т. 2. С. 449.

[141] Имеется в виду Игнатий Яковлевич Стеллецкий, фамилия которого написана в стенограмме дважды с ошибкой: в первом случае «Стелицкий», а во втором случае «Стелецкий».

начиная со стр. 424 и до конца? Прочитаем, например: «Расчет графа оказался верным. В дальнейшем именно созвучие Слова с припиской к псковскому Апостолу сделалось одним из решающих аргументов в пользу древности Слова».[142] Разве это не беллетристика? При чем здесь наука?

Вышеуказанное отношение Зимина к языкознанию характеризуется еще и следующим. Зимин утверждает: «Так, в ряде случаев наблюдается мена „и“ и „я“ («трепещут си» вместо «ся» на с. 7; «пустыни» на с. 19 вместо «пустыня»; «многовои» вместо «многовая» на с. 26; «вонзить» и «понизить» вместо «вонзят» и «понизят» на с. 34; «тучя» вместо «тучи» на с. 12 и т. д.)» (см. с. 453—454) и далее в сноске: «близость „и“ к „я“ характерна» (с. 454).

Что все это означает у Зимина, даже трудно понять. «Трепещуть си» — таких слов нет ни на 7-й странице, ни вообще нет в «Слове». Слово «трепещуть» встречается в «Слове о полку Игореве» только один раз, а именно в тексте: «Трепещуть синіи млъніи».

Зимин не подозревает, что именительный падеж существительного правилен для XII в. «пустыни», а не «пустыня», и здесь никакой смены ⟨так!⟩ «и» и «я» нет, и никакой смены «и» и «я» вообще нет, так же, как и в других случаях, указанных им.

Зимин обнаруживает также замену ⟨так!⟩ «ѣ» и «ы» («славѣ» вместо «славы» на с. 8, «мычучи» вместо «мѣчучи» на с. 20, «мычѣши» вместо «мѣчѣши» на с. 38). Случай с «мычучи» придуман Зиминым.

Глава 8-я озаглавлена: «Слово о полку Игореве в научной литературе XIX—XX вв.».

Дмитрий Сергеевич Лихачев правильно отозвался о ней, но и я немного скажу об этой главе. *Она представляет собой исторический очерк, написанный с точки зрения скептика.* Все донаучные суждения о языке «Слова», все суждения скептиков и они сами поднимаются Зиминым на щит. Зимин утверждает, например, что в «Слове» действительно обнаруживаются элементы как церковнославянского, так и живых великорусского, украинского и польского языков. Такое смешение языков было одной из серьезных причин, вызвавших скептическое отношение к древности «Слова о полку Игореве» (с. 501). Но дело не в смешении языков в «Слове», а

---

142 *Зимин-1.* Т. 2. С. 452.

в незнании древнерусского языка ⟨учеными⟩ в первой четверти XIX в., а скептиками и значительно позже.

На самом деле смешение языков, например, в «Евгении Онегине» больше, чем в «Слове о полку Игореве». И будущий Зимин XXI в. будет, возможно, доказывать, что «Евгений Онегин» написан был не в XIX, а в XX в. Поистине Н. К. Гудзий был прав, когда говорил, что «Золотое слово» Святослава могут приписать ему.

В этой же главе, так же как и во всех предыдущих, имеются удивительные выдумки. Например, говорится: «Чтобы как-то уменьшить впечатление, которое производил Давыдов на слушателей, товарищ министра просвещения С. С. Уваров 27 сентября 1832 г. привел на его лекции Пушкина».[143] Эта выдумка создана Зиминым затем, чтобы оттенить борьбу реакционера со скептиками. Пушкин здесь выступает у Зимина орудием и рупором реакционера Уварова и реакции.

«Направление поисков его (Сенковского. — *В. С.*), — говорит Зимин на 515-й странице, — было очень интересным». Если для Зимина сочинения Сенковского интересны, то пусть он их и читает. А мы будем читать работы С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржиги, Д. С. Лихачева и других авторов.

Поднимает на щит Зимин также и суждения К. С. Аксакова: «В целом же в его рассуждениях интересны наблюдения о сложности языкового строя памятника, которые фактически подводили к выводу о позднем происхождении Слова о полку Игореве» (с. 519).

На самом же деле К. С. Аксаков писал следующее: «⟨...мы видим в Песне о полку Игореве⟩ равнодушное присутствие, равнодушное и для самого писателя, двух этих языковых элементов (т. е. церковнославянского и русского. — *В. С.*), и вместе с тем правильное их употребление; следовательно только мертвое, холодное их знание; такое знание обличает иностранца». Правильность древнерусского языка — вот что ставит в минус К. С. Аксаков автору «Слова», а также следующее: «Во всей песне нет нисколько элемента религиозного, кроме слов на конце, что Игорь едет к Божией Матери Пирогощей. Это совершенно несогласно с характером русским, и особенно

[143] Там же. Т. 3. С. 510.

того времени. ⟨...⟩ Отсутствие религиозного элемента не уничтожает предположения, что сочинитель был грек».[144]

Зимину или надо было доказывать, что Иван Быковский был человек нерелигиозный, или скрыть это «доказательство» К. С. Аксакова от читателя. Он предпочел второе.

Зимин скрывает от читателя своей книги высказывания А. С. Пушкина о «Слове о полку Игореве». Я говорю «скрывает», потому что книгу Зимина, если бы она была издана, прочитали бы не только мы с вами, но и люди, которые не знают, что именно говорил Пушкин о «Слове о полку Игореве». Но слова А. С. Пушкина настолько всем известны, что, я думаю, читать их не надо. Но я считаю, что доводы Пушкина настолько убедительны, что они не устарели и до сих пор. И Зимин должен был бы привести слова Пушкина целиком и как-то их опровергнуть. Он этого не делает.

Но, игнорируя замечательные высказывания Пушкина, он зато полностью цитирует немецкого историка культуры Каррьера, который писал: «В описании „Слова“ нет никакой наглядности, никакой живой обрисовки характеров, очевидно, что тут говорится не о пережитом, а о произвольно сочиненном. С трудом следите вы за неясным, перескакивающим с одного на другое рассказчиком... На мой взгляд, это несомненно — подражание макферсоновскому Оссиану. Со стороны языка Боденштедт подтверждает мысль мою замечанием, что тут перемешаны выражения и слова разных народов и разных веков».[145]

С нашей точки зрения, Каррьер совершенно ничего не понял в «Слове о полку Игореве», и мы читаем его суждения с возмущением. Немцу мы этого не можем простить! Зимину же эти суждения явно нравятся, и он приводит их в доказательство своей точки зрения.

Несмотря на очевидное желание Зимина отречься от Мазона, Зимин на самом деле поднимает его на щит. Да иначе ему и нельзя: ведь все идеи Зимина — это идеи Мазона. Зимин говорит: «Славистика всегда будет отдавать должное трудам А. Мазона, неутомимого

[144] *Аксаков К.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 157, 158, 159. Цитаты выверены по этому изданию.

[145] *Зимин-1.* Т. 3. С. 533. А. А. Зимин ссылается на кн.: *Каррьер М.* Искусство в связи с общим развитием культуры. М., 1874. Т. 3. С. 267—268.

исследователя русской литературы» (с. 563). Здесь имеются в виду, конечно, «труды» по «Слову о полку Игореве» Мазона.

Всем нам отводится место в той науке о «Слове о полку Игореве», которую создает Александр Александрович. Я, например, оказывается, открыл какие-то украинизмы и белорусизмы в «Слове о полку Игореве». Какая-то роль отводится Н. К. Гудзию, Д. С. Лихачеву, переводчик В. Ф. Соболевский тоже что-то открыл в «Слове» и т. д. и т. д. Так что все мы распределены в будущей науке. У каждого есть место — никто не забыт.

Из вышесказанного ясно, что историю вопроса Зимин излагает необъективно. Он не пытается разобраться в мнениях ученых, выяснить, кто был прав, кто не прав, не стремится он отделить серьезных ученых от дилетантов, выделить донаучный период в изучении «Слова», определить подлинные заслуги тех ученых, которые поставили изучение «Слова о полку Игореве» на научные основы.

В. И. Ленин учил нас прислушиваться к тому, что говорится за рубежом, в частности врагами. Поэтому я обращаю ваше внимание на то, что писалось в «Русской мысли», в парижской эмигрантской газете, 1 июня 1963 г.:

«Сторонники подлинности „Слова" считают аргументы Зимина неубедительными и характеризуют их как повторение того, что уже давно сказал Мазон и что было отвергнуто единогласно советскими специалистами по древнерусской литературе и большинством их коллег на Западе. Но это явно не так.

В выдвинутой Зиминым теории есть несколько совершенно новых элементов. Прежде всего это имя архим. Иоиля, ролью которого во всей истории со „Словом" до сих пор никто серьезно не занимался и о котором нельзя найти сведений почти ни в одном из серьезных справочных изданий. Позволительно предположить, что Зимину удалось найти какие-то писания арх. Иоиля, до сих пор, может быть, остававшиеся неизвестными. Во-вторых, Зимин впервые устанавливает датировку написания „Слова" — 70-е годы. Почему 70-е, а не 80-е или не 90-е? Для этого у него должны быть какие-то основания — простая гипотеза или догадка не имела бы никакой цены. В-третьих, Зимин определяет написанное Иоилем „Слово" как „книжную былину" — для употребления этого термина у него должны быть опять-таки какие-то основания, он должен был его где-то разыскать. И наконец, в-четвертых и в-последних, Зимин различает между

„книжной былиной" Иоиля и историческими эпизодами, вставленными или добавленными Мусиным-Пушкиным. Такое утверждение также не имеет никакой цены, если оно является плодом субъективного домысла. Для того чтобы разграничить в известном нам произведении его первоначальное ядро и позднейшие наслоения или добавления, необходимо располагать какой-то „документацией".

Все это обстоятельства, о которых мы пока еще недостаточно знаем. Но можно наперед сказать, что относительно молодой советский ученый — и притом не специалист по самому раннему периоду русской литературы — едва ли бы решился бросить вызов всему сонму советских литературоведов и посягнуть на такое произведение, как „Слово" (особенно вскоре после того, как виднейшие советские ученые в сборнике, озаглавленном «Слово о полку Игореве — памятник XII века», еще раз безоговорочно утвердили подлинность «Слова» и с негодованием отвергли все «покушения» на него), если бы у него, Зимина, не было ничего, кроме остроумной гипотезы и произвольного субъективного домысла».[146]

Итак, Зимин не оправдал надежд парижской эмигрантской газеты «Русская мысль». Советские же ученые, за исключением одного-двух, и не возлагали на него никаких надежд.

Есть известное изречение: «Всякая книга хотя бы чему-нибудь да учит» или: «Из любой книги можно почерпнуть что-нибудь полезное». Но из этой книги я не вынес ни макового зернышка как для науки, так и для себя. В ней нет ничего поучительного.

Академик ⟨Л. И.⟩ Седов в известной статье «Научная критика и ответственность ученых», напечатанной в «Правде» 18 июня 1963 г., призывал к ответственности ученых. А подумал ли т. Зимин о своей ответственности ученого перед народом? Можно, конечно, многое сказать об этом памятнике, о его значении — это ясно. Зимин опорочивает исследования корифеев русской филологии — исследования ⟨А. Х.⟩ Востокова, ⟨М. А.⟩ Максимовича, ⟨Ф. И.⟩ Буслаева, ⟨Н. С.⟩ Тихонравова, ⟨А. А.⟩ Потебни, ⟨Е. В.⟩ Барсова, ⟨И. Н.⟩ Жданова, ⟨П. В.⟩ Владимирова, а также лучших советских ученых, ⟨таких⟩ как академика ⟨А. И.⟩ Соболевского, ⟨В. Н.⟩ Перетца, ⟨А. С.⟩ Орлова, ⟨С. П.⟩ Обнорского, ⟨Б. Д.⟩ Грекова, ⟨С. К.⟩ Шамбинаго, ⟨В. Ф.⟩ Ржиги и других. Недобросовестно подбирает он факты...

[146] Цитата выверена и исправлена по оригиналу.

(С МЕСТА. Зачем порочить Зимина?)

Теперь я хотел бы сказать вот о чем...

(С МЕСТА. Не стоит уже ни о чем говорить!..)

Д. С. Лихачев говорил: печатать книгу или не печатать. Я в большом затруднении. Для ученых доводы Дмитрия Сергеевича убедительны. Но не надо забывать, что книга эта попадет и в руки учителей и просто любителей «Слова о полку Игореве», а она не многим отличается от таких книг, как, например, «Христос» Н. А. Морозова. Мне же приходилось встречать людей, которые считали, что «Христос» Н. А. Морозова — это действительно научная книга, и переучивать их потом уже было почти невозможно. Это нужно учесть. У нас «Словом о полку Игореве» занимаются любители, занимаются школьники, я хотел бы прочитать письмо школьников, показывающее, с каким энтузиазмом они занимаются «Словом о полку Игореве», но не буду.

(С МЕСТ. Не надо!..)

И об этой среде нужно подумать, прежде чем издавать книгу Зимина. Это вопрос сложный.[147]

Н. К. ГУДЗИЙ

То, о чем говорил Д. С. Лихачев, настолько убедительно, что повторяться не нужно. Давайте щадить время и себя, потому что у нас еще достаточно много товарищей, которые хотят выступить. Нельзя же занимать время такими выступлениями, которые по существу являются повторением.

Академик Е. М. ЖУКОВ

Слово имеет А. В. Арциховский.

Чл.-корр. АН СССР А. В. АРЦИХОВСКИЙ

Товарищи! Я прежде всего должен протестовать против недопустимо грубых выражений, которые употребил мой предшественник по адресу А. А. Зимина. (*Аплодисменты.*) Это совершенно возму-

---

[147] В конце текста выступления В. И. Стеллецкого его подпись: «В. Стеллецкий» без указания даты. Внося добавления в стенограмму, В. И. Стеллецкий отмечает на полях, что это пропуски стенографисток.

тительно. Я глубоко уважаю А. А. Зимина — одного из лучших советских историков, несмотря на эту книгу, и замечательного человека.

Начать надо с той логической ошибки, которая лежит в основе разбираемой книги, а именно в основе первой главы: «Краткая и Пространная редакции Задонщины». Ведь эта глава, как сам автор много раз говорит, основная, все остальные ее только дополняют.

На стр. 9, т. е. в самом начале книги, автор ставит перед собой такую задачу: «Если будет доказано, что Слово текстологически связано только с Пространной редакцией Задонщины, а последняя восходит к Краткой и не имеет никаких других источников, которые могли быть отождествлены непосредственно (или опосредствованно) со Словом, то вопрос о соотношении Слова с Задонщиной будет решен: Песнь о полку Игореве придется признать произведением вторичным, а Задонщину Пространной редакции — первичной».

Цель поставлена. Затем на 120 страницах доказывается связь Краткой Задонщины с Пространной, а Пространной со «Словом». Дмитрий Сергеевич ⟨Лихачев⟩ очень хорошо показал, что это не так. Но предположим, что это так. Все равно вывод о вторичности «Слова» никак отсюда не следует.

Ведь «Слово» могло влиять на обе редакции «Задонщины». Эта возможность очевидна для каждого, она тревожит самого А. А. Зимина. Он пишет на странице 123: «Текстологическую связь Слова с Пространной редакцией Задонщины можно было бы объяснить лишь двумя путями: или к Слову обращались дважды (т. е. составители Краткой и Пространной редакции), или тем, что Задонщина Пространной редакции явилась источником Слова», — то, что он хочет доказать. «Первый случай, допустимый чисто логически, фактически исключен (А. А. Зимину хочется, чтобы он был исключен. — *А. А.*), ибо все отличия Задонщины Пространной редакции от К-Б, как было показано выше, объясняются их происхождением от Сказания о Мамаевом побоище и Никоновской летописи или редакционной переработкой текста Краткой редакции».

Повторяю: редакционной переработкой текста Краткой редакции. Этими словами он все и зачеркнул. Да, действительно редакционной переработкой. Но человек, производивший эту переработку, мог быть знатоком «Слова». Отрицать эту возможность нельзя. Но тем самым рушатся все построения первой главы, а вместе с ними и все

выводы книги. Все они основаны на сопоставлении Краткой и Пространной Задонщин, сопоставлении явно бесплодном. На протяжении всей книги, когда возникают какие-либо затруднения, а их очень много возникает, А. А. Зимин просто отказывается на них отвечать, ссылаясь на это свое сопоставление.

Литературоведы лучше меня, археолога, скажут о доказательствах вторичности «Задонщины», ими изобилует ее текст. Один Соломон чего стоит! Это самая благодарная тема. Я собирался об этом говорить, но мне лучше говорить здесь об археологии, не только о ней, но преимущественно.

Археологию автор привлекает, когда говорит об оружии. Эти строки сплошь состоят из археологических ошибок. Ни одного слова верного там нет.

На стр. 267 голословно сказано: «Автор Слова был далек от знакомства с вооружением русских воинов».[148] Это подтверждено только ссылкой на стр. 130 книги Колчина о черной металлургии Древней Руси.[149] Но ни на этой странице, ни на других страницах книги Колчина нет ни подобного утверждения, ни каких-либо для него материалов.

Ссылка неверна. Дмитрий Сергеевич уже говорил о том, что много неверных ссылок. И я много нашел. На стр. 293 сказано: «Уже В. В. Арендт обратил внимание, что в Слове упоминаются харалужные мечи (в Задонщине — только харалужные копья). Но восточные мечи появляются на Руси только в XIV веке».

Следует ссылка на статью Арендта,[150] конечно, тоже неверная ссылка. Арендт ничего не говорит там о появлении на Руси восточных мечей в XIV в. (никто никогда этого не утверждал), он просто

---

[148] В книге А. А. Зимина: «...воинов XII в.»

[149] *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси: (Домонгольский период). М., 1953.

[150] См.: *Арендт В. В.* К вопросу о «мечах харалужных» Слова о полку Игореве // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 335—342. В. В. Арендт пишет: «Если мы обратимся к археологическому материалу, русским мечам IX—XIV вв., то увидим исключительно западный фабрикат. ⟨...⟩ Единственный мусульманский меч, находящийся в нашем распоряжении (из раскопок), относится к XIV в.». В примечании к этому тексту дана ссылка на описание меча Э. Э. Ленцем: *Ленц Э. Э.* Имп. Эрмитаж: Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1908. Ч. 1: Собрание оружия. С. 305 (№ 417 ⟨так!⟩, табл. XXXI).

отрицает применение на Востоке мечей и признает там только сабли. Исключением он считает один меч с арабской надписью на ножнах, найденный в СССР, но вне древнерусской территории. Это случайная находка возле Славянска в Донбассе. К XIV в. этот меч привязал при издании Ленц по недоразумению.[151] Но и помимо того, один меч — недостаточное основание для вывода о появлении на Руси восточных мечей в XIV в. Это вывод не Арендта, а только А. А. Зимина. Он и дальше на него опирается, цитату с мечами XIV в. еще придется привести.

Статья Арендта вышла в 1934 г., а в том же году появилась американская публикация арабских и турецких мечей из собрания турецких султанов. Там оказалось много мечей (а не сабель, вопреки Арендту) с подлинными арабскими надписями всех веков, начиная с VII. Хорошо представлен там и XII в. Я имел удовольствие показать эту публикацию Арендту, и он ничего не смог возразить.

Свои археологические выводы А. А. Зимин излагает на стр. 294 в трех фразах, и все они совершенно неверны.

Первая фраза: «До нас дошло множество предметов древнерусского вооружения XI—XIII вв.». Но какое «множество»? Ведь речь идет здесь только о мечах, а до нас дошло много мечей лишь X в.,

---

[151] Имеется в виду Эдуард Эдуардович Ленц (1856—1919), археолог, признанный знаток художественного оружия Западной Европы, главный хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения в Государственном Эрмитаже, хранивший коллекцию оружия в Эрмитаже с 1899 по 1918 г. Он опубликовал каталог коллекции и альбом, включающий около 200 фотографий. См.: *Ленц Э. Э.* 1) Императорский Эрмитаж: Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1908. Ч. I: Собрание оружия. С. 305 (инв. № 7417); 2) Императорский Эрмитаж: Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. СПб., 1908. Табл. XXXI: Щиты I и II в комнате домонгольских древностей. На указанной странице «Указателя» дано описание меча, имеющего инвентарный номер 7417: «Железный меч в серебряной оправе, найденный в окрестностях села Райгородка близ города Славянска, Изюмского уезда Харьковской губернии. Рукоять обвита серебряною проволокою, набалдашник серебряный с чернью, на одной стороне изображены заяц и птица, на другой — печать Соломона. Из сохранившихся трех обоймиц на одной (с рукояти) черненая надпись, содержащая пожелания владельцу меча славы, счастья и господства, на другой (с устья ножен) сохранилось имя эмира Гарс-Эддина. Между найденными в этой местности предметами старины были серебряные и медные золотоордынские монеты 14-го века». Как видим, *Э. Э. Ленц не датирует меч*, который может быть гораздо древнее найденных в одной местности с ним монет. Датировка меча XIV в., таким образом, принадлежит В. В. Арендту.

отнюдь не XI, и не XII, и не XIII вв. В XI—XIII вв. при христианском погребальном обряде их уже не клали в могилы. Поэтому число мечей этих веков в наших музеях совсем ничтожно.

Вторая фраза: «Однако ни один из них не произведен из литой (дамасской) стали, т. е. не может считаться восточного происхождения».

Но, во-первых, дамасская сталь не литая, дамаск и булат разные вещи. Во-вторых, металлографическому изучению подвергались у нас только мечи X в., подобные исследования для мечей XI—XIII вв. еще предстоят, а никто не определяет сталь, да еще ржавую, на глаз. В-третьих, даже на Востоке было и оружие из простой сварочной стали (не дамаска и булата), это доказано изучением восточных сабель, которые в наших музеях обильны.

Третья фраза: «Поэтому существование харалужных мечей до XIV в. на Руси совершенно исключено».

Этот вывод всецело основан на шести археологических ошибках, уже разъясненных. Стоит напомнить и о загадочности самого термина «харалужный». Возможно, что он восточный, но это спорно. А. А. Зимин пишет: «Р. Якобсон и В. Кипарский возвращаются к старому объяснению мечей как „каролингских“ (от charlung). Но если считать доказанной первичность Задонщины, где нет харалужных мечей, а есть только копья, и вторичность Слова, то это предположение не может быть принято» (с. 295—296). Да, конечно, если считать.[152]

Кстати, А. А. Зимин должен, судя по всем этим его высказываниям, заключать, что харалужные копья «Задонщины» сделаны из дамаска или булата. Однако эти дорогие материалы применялись для наиболее дорогих мечей, сабель, кинжалов, но не для копий.

Копье — дешевое и массовое оружие, что подтверждается всеми археологическими находками, городскими и курганными. Никакой специфический материал для копий не требовался. Уже поэтому харалужные копья «Задонщины» подозрительны. Здесь взят эпитет

---

[152] *Далее в исходном экземпляре стенограммы следовал текст, зачеркнутый А. В. Арциховским при вычитке стенограммы выступления:* К сожалению, для А. А. Зимина это типично: книга написана, чтобы доказать первичность «Задонщины» и вторичность «Слова». Поскольку он с самого начала считает, что все это уже доказано, то и говорить не о чем.

мечей из «Слова». Мечей во времена написания «Задонщины» уже не было.

Слова «въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена» вызывают у А. А. Зимина тоже какие-то сомнения, очень неясные. Но даже Арендт, на которого он так неуместно сослался, видел именно здесь хорошее знание автором «Слова» металлургии стали и печатно это в той же статье разъяснил.

Надо еще сказать о шлемах. А. А. Зимин пишет: «В Слове говорится о том, что „шеломы оварьскыя“ были „поскепаны“ саблями. Так как глагол „скепать“ (укр.) означает щепать, то некоторые исследователи видели в Слове намек на истинные половецкие шлемы, которые якобы делались из деревянных лубков. Но шеломы половецкие не могли быть „поскепаны“, т. е. разбиты в щепы, ибо они были металлическими» (с. 297).

Глагол «поскепати» редок и спорен. Но допустим, что он значит «расколоть» и даже «расщепить», — никаких трудностей это не вызовет. Да, шлемы были металлическими, железными. Но шлемы домонгольской Руси, равно как и половецкие, редко бывали цельными, чаще составными. Такой шлем состоит из нескольких вертикальных долек. Дольки легче выковать. Они склепывались накладными пластинками, т. е. не особенно прочно. Другого способа соединения тогда не было. При сильном ударе шлем раскалывался по линии соприкасания долек. Подобный удар обычно не бывал смертелен, он смягчался навершием шлема и подшлемником. Но потом приходилось клепать заново.

Для археолога, таким образом, очевидна несправедливость приговора: «Не обладая достаточными познаниями в древнерусском оружии, автор Слова производил многие из его разновидностей по образцу имевшихся в его распоряжении сочетаний. Так, „копья харалужные“ Задонщины дали „мечи харалужные“. Летописное „щет скепание“ дало „шлемы поскепаны“» (с. 289).

Еще одна археологическая тема. А. А. Зимин стремится доказать подложность Тмутараканского камня, русской надписи XI в. Дело в том, что Мусин-Пушкин был первым издателем «Слова о полку Игореве» и первым издателем камня. Сначала А. А. Зимин пробует здесь опереться на А. А. Спицына, виднейшего из русских археологов вообще. Он в 1901 г. категорически объявил камень подделкой. Но потом он эту надпись изучил и загладил свои грехи перед

камнем, доказав в 1915 г. в обстоятельном исследовании его подлинность.

Однако теперь А. А. Зимин, зачисляя А. А. Спицына в скептики, ссылается именно на его статью 1915 г.[153] Он цитирует оттуда со стр. 130 слова: «Подлинность надписи вполне допустима, но допустима и фальсификация ее» (с. 447). Если бы он прочел пусть не всю статью, но хотя бы эту стр. 130, он бы выкинул ссылку на Спицына. Перед цитированными словами сказано: «Из всех предыдущих рассуждений получался в итоге вывод». Не «получился», а «получался». Эта разница в одну букву важна. Важна потому, что дальше Спицын приводит новые факты и заключает: «Вот момент, когда руки оппозиции опускаются. В пользу мнения о поддельности камня с этого времени в моих глазах остаются лишь ничтожные вероятности».

Это сказано на той же стр. 130, откуда взяты цитированные слова. Для книги А. А. Зимина вообще типичны неверные ссылки, примеры чего я уже приводил.

Мало того, дальше он говорит про Спицына: «Его оппоненты лишь уточнили обстоятельства открытия камня, но доводов Спицына не опровергли» (с. 447).

Нечего было опровергать и не могло быть никаких оппонентов. Спицын по своему обыкновению привел доводы за и против, но затем доказал, что первые перевешивают. А. А. Зимин причисляет к оппонентам Прозрителева[154] и Апостолова,[155] статьи которых появились до статьи Спицына. Опять неверная ссылка.

Дальше А. А. Зимин ссылается на неизданную и незаконченную работу А. Л. Монгайта о том же камне[156] (с. 448—449). Сказано, будто по начертаниям ятя, омеги и «в» надпись могла быть сделана не раньше XIII в. Нет, форма омеги слишком редка для подобных

---

[153] *Спицын А. А.* Тмутараканский камень // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Пг., 1915. Т. 11. С. 103—132.

[154] *Прозрителев Г. Н.* К истории Тмутараканского камня // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т. 1. С. 401—405.

[155] *Апостолов Л. Г.* Камень с надписью деяний князя Глеба // Там же. С. 406—410.

[156] См.: *Монгайт А. Л.* Надпись на камне. М., 1969. О Тмутараканском камне см.: *Рождественская Т. В.* Тмутараканский камень // *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 122—123.

выводов, а «в» имеет хорошие аналоги XI в. Наконец, такой ять (уложившийся в строке), по мнению авторитетного палеографа В. Н. Щепкина, типичен именно для XI в., даже не для XII в. Дальше сказано, что в слове «море» нет слога «ре». Но ведь именно на этом месте камень обломан.

Затем сказано: «Формула „Глеб князь“ не встречается в актовых источниках до XIV в. и соответствует только выражению „Игорь князь“ из Слова о полку Игореве» (с. 449). Так и сказано: «только». Заявлено, что только на камне и в «Слове о полку Игореве» слово «князь» стоит после имени. Там Мусин-Пушкин, и тут Мусин-Пушкин.

Нет, расстановка слов в русском языке всегда была свободной, и слово «князь» в текстах любого века стоит то после имени, то перед ним. Летописных примеров сколько угодно, в том числе и XI в., и XII в., и XIII в. Нельзя понять, почему автор пренебрегает летописями и требует привести актовые примеры старше XIV в. Новгородский устав о мостах старше XIV в., и там сказано: «се устав Ярослава князя о мостех». Есть и другие примеры.

Опровергатели камня в конце XVIII в., в XIX в. и в начале XX в. — все до единого один и тот же аргумент считали основным: Тмутараканское княжество не могло быть так далеко, на Тамани. Они помещали это княжество то на устье Днепра, то на устье Дона, то возле Чернигова и т. д. Но теперь многочисленными археологическими находками хорошо доказано, что оно могло быть только на Тамани.

Особенно убедительны разнообразные свинцовые печати. Открытие камня в конце XVIII в. неожиданно поместило Тмутаракань там, где никто до того ее не помещал и где теперь единодушно помещают ее все ученые.

Коснусь вопроса о политической идеологии «Слова». А. А. Зимину кажется подозрительным, что «в отличие от летописца автор Слова основным своим героем избирает не князей, а Русскую землю» (с. 226) и что «общерусское понятие „Русской земли“ в Слове не соответствует представлению о Русской земле как о Киевщине, встречающемуся в Ипатьевской летописи» (с. 225). Нет, общерусский патриотизм в XII—XIII вв. существовал. Вспомним хотя бы «Слово о погибели Русской земли», вспомним его пафос и огромное пространство, которое там Русской земле отведено.

Столь же тенденциозны слова: «Странно также и наименование князя Всеволода „великим“ (в Владимирском летописании этот титул встречается лишь с 1187 г.), если мы будем считать автора Слова выходцем из южнорусских княжеств» (с. 225—226).

Никто не знает, откуда был выходцем автор «Слова», но верховенство Всеволода III, сидевшего во Владимире, одинаково ощущалось во всех концах Русской земли, не исключая Киева. Он посадил в Киеве Рюрика Ростиславича (по смерти Святослава Всеволодовича), а потом Ингваря Ярославича, а потом снова Рюрика, а потом Ростислава Рюриковича.

Автор избегает отвечать на обычные аргументы защитников «Слова». Сколько раз, например, было сказано, что автор XVIII в. написал бы поэму о победе русских войск, а не о поражении. Побед в летописи достаточно. А. А. Зимин обязан был на этот аргумент ответить, раз он видит в «Слове» «призыв к присоединению Крыма и к победоносному окончанию русско-турецкой войны» (с. 386).

Об Иоиле Быковском неловко даже и говорить. Ни одного доказательства его авторства А. А. Зимин не нашел. Можно было заменить это имя любым другим. В подлинных стихах Быковского изобилуют семинаризмы, при его биографии неизбежные. В трудах всех семинарских выучеников — от Тредьяковского до Сталина, не исключая Чернышевского, семинаризмы обычны. В «Слове» их нет вовсе, хотя древнерусский язык представлял для них особые возможности.

Вывод из этого обсуждения очевиден. Если такой талантливый историк, как А. А. Зимин — а он очень талантливый историк, — затратив много труда, смог выдвинуть только такие слабые доказательства, значит, «Слово о полку Игореве» — произведение древнее.

Что касается печатания, то я могу полностью присоединиться к словам Д. С. Лихачева: книга плохая, но печатать ее надо.[157]

Е. М. ЖУКОВ

На этом заседание разрешите объявить закрытым. Продолжение — завтра в 11 час. утра.[158]

---

[157] В конце выступления запись: «Проверил. 5. V.64. А. Арциховский».

[158] На титульном листе этого тома стенограммы подпись Е. М. Жукова, относящаяся ко всей стенограмме, с указанием даты подписи: 2/X-64.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Правленый экземпляр

Ф. 457
оп. 3
ед. хр. 7

Индекс № 620

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ РАБОТЫ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

5 мая 1964 г.
Утреннее заседание

Выступили:

акад. Б. А. Рыбаков . . . . с. 3 (3а)[1]
В. Д. Кузьмина. . . . . . . с. 29б (4)
И. Н. Голенищев-Кутузов . с. 55 (31)
Н. А. Баскаков . . . . с. 63 (38)

На 56 листах

гор. Москва.

[1] В данном томе стенограммы путаница с нумерацией листов произошла, в частности, и потому, что по второй (окончательной) нумерации выступление Б. А. Рыбакова не включено в общую нумерацию. В связи с этим и общее количество листов указано (по окончательной нумерации) неверно — на самом деле их 78.

*СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ РАБОТЫ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

5 мая 1964 г.
Утреннее заседание

Председательствует чл.-корр. АН СССР В. И. Шунков.

Чл.-корр. АН СССР В. И. ШУНКОВ

Разрешите продолжить наше обсуждение книги Александра Александровича.

Академик М. В. НЕЧКИНА

У меня такое конкретное предложение. Не принять ли нам сейчас решение о регламентировании наших прений? Уточняю: не прений в смысле стенограммы, а учитывать те тексты, которые учеными созданы. Например, Д. С. Лихачев, оказывается, огласил только три четверти или половину того, что он сделал. А. В. Арциховский заявил, что он опускает большую часть своего выступления. Если мы будем говорить о стенограмме, — стенограмма этого не отразит. То, что сделали ученые, должно быть отражено в ротапринтированном тексте.

Академик Н. М. ДРУЖИНИН

Это противоречило бы вчерашнему заявлению Евгения Михайловича ⟨Жукова⟩. Я думаю, что практические предложения должны быть обсуждены после того, как закончатся прения и будет дано заключение автору. Зачем нам сейчас это предвосхищать?

Академик М. В. НЕЧКИНА

Но если этого не сказать сейчас, товарищи ученые унесут свои рукописи, положат в папки, забудут о них, они будут пылиться, и останется только стенограмма.

Академик Н. М. ДРУЖИНИН

Тогда у нас возникнут споры. Мы будем заниматься не прениями, а решением вопроса о том, какой практический вывод сделать.

Чл.-корр. АН СССР В. И. ШУНКОВ

Внесем предложение Милицы Васильевны ⟨Нечкиной⟩ в протокол как одно из предложений, окончательное суждение по которому вынесем в конце заседания.

Слово имеет Б. А. Рыбаков.*[2]

Академик Б. А. РЫБАКОВ

Я очень рад, что мне придется выступать сегодня, когда Александр Александрович выздоровел и я смогу прямо в лицо ему сказать то, что вчера пришлось бы говорить в его отсутствии. Я рад этому еще и потому, что мы, выступающие здесь в прениях, сможем выступать вполне открыто, видя перед собой автора обсуждаемой работы, а также потому, что мы услышим здесь ответ автора, ответ на разные вопросы. В частности, мне бы хотелось получить от него ответ на вопрос о том, на какой круг читателей рассчитывал Александр Александрович, когда писал свою книгу.

Я в своем выступлении не скажу ничего нового. Я только несколько увеличу количественно те «факты сомнений», которые высказывались уже во всех четырех предыдущих выступлениях.

1770 год... Идет русско-турецкая война. Одержана блестящая победа на Кагуле, военные действия против татар и турок ведутся вокруг Кафы и Тырнова, турецкие эскадры идут из древнего Царьграда... Черниговский архимандрит-вольтерьянец, выходец из белорусского крестьянства, долго трудился над ярославскими рукописями, сборниками песен, летописями и «Историей» ⟨В. Н.⟩ Татищева, чтобы достойно воспеть Кагульскую победу.

В его руках оказалась драгоценная рукопись «Задонщины», где в полном созвучии с воинской славой России XVIII в. говорилось о победах Руси над татарами, о Кафе, Царьграде, Тырнове. Однако игумен-поэт, выписывая из «Задонщины» отдельные фразы, половины фраз и слова, отказался от сюжета победы над татарами и взял

[2] При вычитке стенограммы Е. М. Жуков вычеркнул обсуждение организационных вопросов, в связи с чем в перепечатанном набело варианте оказалось выпущенным начало стенограммы (весь текст, заключенный в звездочки), и стенограмма утреннего заседания 5 мая начинается прямо с текста выступления Б. А. Рыбакова.

за образец неудачный поход Игоря, завершившийся катастрофой для Руси.

Кончилась русско-турецкая война, трагически завершилось грандиозное крестьянское восстание Пугачева, а архимандрит-народолюбец, «скованный путами монашеского облачения», все еще творил свою оду в честь графа Румянцева, собирая по крохам древние ухищренные словеса.

Впав в бедность, он продал свою поэму Мусину-Пушкину, а его многочисленные неоценимые манускрипты таинственно исчезли.

Предприимчивый и нечистый на руку граф, выдирая листы из книг подвластных ему древлехранилищ, внес в сочинение несколько вставок, которые должны были и запутать читателя, и «актуализировать» поэму. Граф тоже обладал незаурядным поэтическим талантом, так как он сумел сделать свои вставки неотличимыми от основного текста.

В результате такого содружества престарелого монаха и бойкого графа создалось «одно из значительнейших произведений русской литературы», содержащее «целый мир образов и красок, высоких помыслов и глубоких чувств» (с. 1) и — добавлю — потребовавшее необычайной эрудиции и таланта.

Люди пушкинского времени, оглядываясь в недалекий от них XVIII в., не находили там такого гиганта мысли, знаний и таланта, которому было бы под силу создать «Слово о полку Игореве».

Но то, что было невозможно тогда, теперь стало достижимым: под пером А. Мазона стали один за другим появляться претенденты на это почетное место величайшего ученого и поэта XVIII столетия: Алексей Иванович Мусин-Пушкин, Николай Николаевич Бантыш-Каменский и, наконец, в 1961 г. Иоиль Быковский.

Мы собрались здесь по грустному поводу — констатировать, что один из наших сотоварищей, умный и осторожный исследователь А. А. Зимин, стал доверчивым учеником и продолжателем Мазона, воспринявшим на веру вскользь сказанные фразы об Иоиле Быковском как об авторе «Слова о полку Игореве».

Задача нашего обсуждения состоит в том, чтобы выяснить два пункта:

1. Есть ⟨ли⟩ в распоряжении А. А. Зимина б е с с п о р н ы е свидетельства подложности «Слова» и авторства Иоиля Быковского?

2. Верен ли ход рассуждений А. А. Зимина в тех случаях, когда косвенными соображениями он вынужден восполнить отсутствие фактов?

Так как о бесспорных фактах А. А. Зимин не говорит, то все наше внимание должно быть направлено на логику его доказательств, на систему аргументации.

Внимательно рассмотрев все восемь глав сочинения А. А. Зимина, я пришел к выводу, что автором постоянно владеет навязчивая идея подложности «Слова о полку Игореве». У А. А. Зимина нет ни одной главы, ни одного раздела, посвященного разбору соотношения «Слова» и русской реальной действительности XII в. А без этого все утверждения о дате написания «Слова» теряют силу. Возможность написания «Слова» в конце XII в. не рассматривается даже как равноправная гипотеза.

Во все разделы работы А. А. Зимина — в анализ, в ход рассуждений, в построение системы аргументов — часто неожиданно вторгается априорное (но принятое Зиминым как аксиома) утверждение Мазона, что «Слово» подражает «Задонщине».

Каждое такое вторжение нарушает процесс анализа и подменяет исследование постулированием.

В системе доказательств много логических провалов, внутренних противоречий, натяжек.

Одним из опасных методов Зимина является такое построение:

а) высказанное предположение,

б) предположение рассматривается как истинное, доказываемое как доказанное,

в) на основе полученной таким путем «истины» строится новое допущение или целая цепь допущений.

В качестве одного из примеров возьму таблицу, завершающую 6-ю главу (с. 399—403). В таблице две колонки:[3]

1. Биографические данные Ивана Быковского; 2. Данные текста «Слова о полку Игореве».

---

[3] Эта таблица называется так: «Иван Быковский и Слово о полку Игореве (Соотношение биографических данных и текста памятника)». См.: *Зимин-1*. Т. 2. С. 399—403. В таблице два столбца, две колонки, которые Б. А. Рыбаков называет по-разному: графа, колонка, раздел. Дабы избежать путаницы, везде будем писать одинаково: колонка.

В первой колонке говорится: «Быковские происходили из Белоруссии» (с. 399).

Какие же Быковские? Прямые родичи Ивана Быковского? Нет, — однофамильцы.

На стр. 342 выясняется, что ни место рождения Ивана Быковского, ни его родственные связи с украинскими или белорусскими однофамильцами (неизвестен даже отец Ивана) никому не известны. Тем не менее, это не мешает А. А. Зимину на с. 403 воскликнуть: «Но ведь Быковский родился в Белоруссии...»

А на стр. 345 Зимин забывает о том, что его задачей является анализ «Слова» и только в случае действительно белорусского происхождения предполагаемого автора Быковского он, Зимин, может обратиться к лексике и фон⟨етике⟩ «Слова», — Зимин поворачивает ход рассуждений: «Однако белорусизмы Слова заставляют нас склониться к гипотезе В. В. Лукьянова о белорусском происхождении Иоиля» — Быковского.

Построив на таких основаниях родину Быковского, Зимин белорусским происхождением Иоиля объясняет многое в составе «Слова о полку Игореве», в частности интерес к Всеславу Полоцкому.

Во второй колонке анализируемой таблицы, посвященной тексту «Слова», мы находим рассуждения и наведения того же порядка, что и разобранные выше: «Интерес к Всеславу Полоцкому и некоторым фактам истории Полоцка (упоминание Немиги и Софии Полоцкой, отстроенной заново в 1750 г.)» (с. 399).

Обойдем стороной, что Немига не в Полоцке, а в Минске. А. А. Зимин, не говоря открыто, подводит все же доверчивого читателя к мысли, что перестройка иезуитами собора в Полоцке в 1750 г. (когда Полоцк был еще в составе Речи Посполитой) повлияла на архимандрита Иоиля, который спустя 20 лет сел творить «Слово» (см. с. 346).

Не проще ли было бы объяснить интерес к Полоцку тем, что князь Святослав Всеволодович был женат на полоцкой княжне и несколько десятков лет был связан дружескими узами с полоцким домом?

В разбираемой колонке «Биографические данные Быковского» Зиминым помещены такие факты, как: «интерес к народной поэзии, древнерусской мифологии, ⟨героическому прошлому⟩ — черты передовой литературы середины XVIII в.» (с. 400), «Вступление в 1771 г.

русских войск в Крым, где в это время была Готфийская митрополия» (с. 401), «Бытование на Украине в XVII—XVIII вв. текстов Ипатьевской летописи» (с. 401).

Что может доказать последний тезис в отношении даты текста «Слова о полку Игореве»? То, что Иоиль Быковский, писавший «Слово» в Ярославле, мог пользоваться не неизвестной нам ярославской рукописью, а неизвестной нам украинской?

Самым странным в этом IV пункте таблицы является следующая параллель:

⟨Колонка⟩ «Биографические данные»: «В 1765—1775 гг. — архимандрит Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове. Князь Игорь похоронен в Чернигове».

В колонке «текст Слова» написано:

1. «Слово написано между 1770—1791 гг.».

2. «Игорь Святославович и черниговские Ольговичи — герои Слова».[4]

Научная строгость окончательно изменила Зимину: важнейший тезис, подлежащий доказательству, он помещает не как гипотезу или свой домысел, а как истину, будто бы прямо вытекающую из текста «Слова о полку Игореве», — оно, видите ли, написано между 1770—1791 гг. С равной степенью логичности это можно было бы поместить и в сочиненную Зиминым биографию Иоиля Быковского.

Еще один пример. Неизвестно почему А. А. Зимин считает отрывок (об этом здесь уже говорилось): «Аже бы ты (Всеволод. — *Б. Р.*) былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ» — сочиненным не Иоилем, а Мусиным-Пушкиным.[5]

Одним из доказательств является то, что термин «резана» не мог употребляться в XII в. как устаревший. Но ведь живет же у нас до сих пор, может быть, еще более устаревшая система: 10 копеек мы называем «гривенник», 15 копеек — «пятиалтынный», хотя гривны и алтыны хронологически во много раз дальше от нас, чем резана от времен Игоря: гривны и алтыны давным-давно исчезли из жизни и интервал тут гораздо больше, чем между резаной и «Словом о полку Игореве».

---

[4] *Зимин-1.* Т. 2. С. 401.
[5] См.: Там же. С. 437—439.

Речь идет о другом — граф, оказывается, работал точно так же, как и Иоиль: он выискивал отдельные слова в разных источниках, как-то слеплял их друг с другом и в результате достигал необычайного поэтического эффекта.

Резана и ногата взяты им из «Русской Правды», «чага» и «кощей» — из Ипатьевской летописи (с. 440) (впрочем, «кощей» мог быть взят из текста Иоиля).

Таково допущение.

Далее из него в рамках всего одной страницы следует ряд новых заключений:

1) У Быковского и в Ярославле (а не только на Украине — см. с. 401) был экземпляр Ипатьевской летописи.

2) Этот экземпляр попал к Мусину-Пушкину.

3) Именно этот экземпляр граф отдал Карамзину (с. 441).

«Это предположение можно подкрепить еще одним наблюдением. Дело в том, — пишет Зимин, — что А. И. Мусин-Пушкин был знаком с Ипатьевской летописью: слово „чага“ из его вставки встречается только в этом источнике» (с. 441—442).

Круг замкнут. Те самые порочные круги, о которых вчера так много говорил Дмитрий Сергеевич ⟨Лихачев⟩.

Но ведь сама мысль о том, что отрывок о дешевизне пленников (прочно входящий в гиперболическую характеристику могущества Всеволода) является чуждой тексту вставкой, — висит в воздухе, она еще не доказана ни Потебней,[6] ни Зиминым, как не доказано и авторство графа. Александр Александрович на основании своей гипотезы уже считает дело решенным и разъясняет читателю: «Дело в том, что граф был знаком с Ипатьевской летописью».[7]

Система доказательств в работе Александра Александровича сильно подточена вкусовым отношением к свидетельствам источников. Равнозначные факты могут быть или приняты Зиминым, если они ему нравятся, и могут быть им отвергнуты, если они не нравятся, не укрепляют позиций Мазона — Зимина.

Так, например, Александру Александровичу не нравится, что в «Слове» упоминаются гунны, и он пишет, что «гуннов в XII в. давно

[6] А. А. Зимин ссылается на работу: *Потебня А.* «Слово о полку Игореве». Харьков, 1914. С. 110. См.: *Зимин-1.* Т. 2. С. 437.

[7] Там же. С. 442.

уже не существовало». Святая истина. А вот наличие «хинелы» в «Задонщине» ему нравится, и он на этой же странице, пятью строками ниже, пишет: «Это происходило из-за обычного переноса старых племенных наименований на новое объединение кочевников» (с. 169).

Итак, половцы не могут быть названы гуннами, потому что гуннов не было в XII в., а татары, появившиеся два века спустя, могут: «Слово» — падчерица, а «Задонщина» — родная дочь, ей все позволено.

Не нравится Зимину близость «Слова о полку Игореве» со «Словом о погибели ⟨Русской земли⟩», и он объявляет ее «видимостью сходства».[8]

Когда Ярославна просит Днепр прилелеять к ней Игоря, то, по мнению Зимина, это нельзя понимать географически. А когда речь идет о любимых и нелюбимых редакциях «Задонщины», то плач жены Микулы критикуется с географических позиций»: «Дон... никак не мог доставить в Москву тело убитого Микулы».[9] Верно, не мог! А вот Днепр мог бы, но ему не дозволено.

Александру Александровичу не нравятся сближения летописной повести о Куликовской битве со «Словом о полку Игореве» (так как они свидетельствуют о знакомстве москвичей или, может быть, приезжих волынцев со «Словом»), и он легко, без анализа объявляет «нехарактерными» такие выражения: «невеселая година», «земля тутняше», «неготовыми дорогами», наименование татар «половцами» и др. (с. 264).

Все это явно взято из «Слова», но объявляется нехарактерным.

Но зато сколько радости за трудолюбивого Иоиля изъявляет Зимин, отыскивая вслед за ним на страницах летописи такие слова, как «девка», «борз конь», «заборола», «знаменье», «насад», «нелюбье», «мерить». Но, спохватившись, Александр Александрович делает оговорку, что «девок» архимандрит мог знать по живому языку (с. 230). Но зачем же тогда вводить эти разыскания в раздел о лексике, взятой из летописи? И как несоизмеримо отвергаемое с допускаемым!

«Трудно себе представить, чтобы автор... выискивал в Слове о полку Игореве сходные отрывки фраз (что чрезвычайно трудно

---

[8] Там же. С. 256.
[9] Там же. Т. 1. С. 84.

даже для современного исследователя) и вносил в них исправления отдельных оборотов, заменял одни слова другими...»

Вам, вероятно, кажется, что это я возражаю Зимину сейчас по поводу метода работы Иоиля? Нет, это сам Александр Александрович со слов «трудно себе представить» на стр. 124—125 отвергает то, что ему не нравится в авторе Пространной редакции «Задонщины». Он, этот автор XVI в., видите ли, не мог брать из «Слова» отрывки фраз. А вот Иоиль, когда творил «Слово», ухитрился весь рассказ о курянах, «сведомых кметях», слепить из пяти разных фрагментов, что будто бы видно «из их стилистической несобранности».[10]

Количество примеров можно умножать долго. Можно говорить о том, что Гомер из Хроники Манассии отвергается, так как подкрепляет образ Бояна (с. 251), а «Одиссея» (далее ⟨у А. А. Зимина⟩ «Илиада»), говорящая о затыкании ушей воском, признается (с. 247). Можно говорить о том, что образ дремлющего казака из украинских дум — настоящий поэтический образ, а вот «дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо...» оказывается искусственным, поздним, где «гнездо навеяно Задонщиной» (с. 274), а способность дремать, очевидно, заимствована у казака.

Дело не в отдельных примерах. Они всегда могут показаться искусственно вырванными, иллюстрирующими лишь отдельные моменты логической размагниченности.

Важно рассмотреть какую-либо органическую часть сочинения Александра Александровича полностью и проследить в ней шаг за шагом систему аргументации и степень обоснованности выводов.

Я выбираю для этой цели ту главу, которая ближе мне по роду моих собственных занятий, — третью главу работы Александра Александровича, которая называется «Русские летописи и Слово о полку Игореве».

Вслед за ней идет глава четвертая — «Отношение Слова о полку Игореве к литературному и фольклорному наследию XI—XVIII вв.» — с выводами, которые должны подвести читателя к принятию гипотезы об авторстве просвещенного архимандрита.[11] Там

---

[10] Там же. С. 141—143.

[11] В выступлении Б. А. Рыбакова вслед за А. А. Зиминым (см.: *Зимин-1*. Т. 2. С. 379) ошибочно: «архиерея».

есть вывод о том, что автор «Слова» якобы «далек от военной тематики, чуждой ему по всему складу его представлений» (с. 282). Еще один вывод там есть, что «ярко выраженная индивидуальная творческая манера... свидетельствовала о высокой ступени литературного процесса, отражающейся в Слове о полку Игореве, несоизмеримой с литературными явлениями Древней Руси XII в.» (с. 282).

Оставим в стороне, что для такого вывода надо было забыть о различии творческой манеры Иакова Мниха, Нестора, Владимира Мономаха, Кирилла Туровского, Даниила Заточника и др.

Такой решительный вывод, лишь немногим отличающийся от выводов Мазона, должен быть обоснован и в четвертой, и в выбранной мною для разбора третьей главе.

Главу о летописях предваряет исследование о «Задонщине» и «Слове» (глава вторая). Об этом исследовании сам Александр Александрович в конце говорит, что оно не имеет «само по себе полной убедительной силы» (с. 183).

Следовательно, глава третья должна рассматривать свои вопросы независимо от главы о «Задонщине». Только тогда можно определить, увеличит ли она «убедительную силу» соседней главы или только продолжит нагромождение предвзятостей.

Третья глава — единственная глава во всей работе Зимина, где автор обращается не к событиям XIV в., не к махинациям екатерининского вельможи, а к русской жизни XII в., отраженной в летописях. Именно здесь должен был быть поставлен вопрос о соотношении «Слова» с реальной действительностью 1180-х гг., о живых людях, политических деятелях, о феодальной вражде, о единой борьбе со степью, о писателях, по-разному отражавших русскую жизнь, о конкретных событиях этих лет.

Ничего этого нет!

Просмотрев все 56 страниц, мы убеждаемся, что анализ исторической действительности подменен предвзятой мыслью о том, что текст «Слова» должен восходить не к жизни, а только к тексту каких-то летописей.

И свою задачу Александр Александрович сводит к поискам таких текстов, тех летописей, откуда автор «Слова» брал сюжет, композицию, имена, фразы и слова.

Такими летописями являются: Ипатьевская, откуда взято почти все, Лаврентьевская или Кенигсбергская (Александр Александрович

брал кенигсбергское издание 1767 г., откуда взято девять сюжетов), Никоновская, давшая автору только 1 слово.

«История» Татищева в издании 1774 г. тоже упоминается в числе источников «Слова» (с. 386), но не объяснено, почему автор фальсификации отказался от таких красочных подробностей в духе романтизма XVIII в., как происхождение матери Овлура из Северского княжества, роман сына тысяцкого с Половецкой земли ханшей, конь, споткнувшийся перед въездом Игоря в Новгород-Северский, Ярославна, верхом на коне встречающая Игоря, женитьба Овлура на дочери тысяцкого Рагуйлы и т. п.

В начале главы А. А. Зимин объективно называет три возможности сходства «Слова» с Ипатьевской летописью:

1. «Слово» было известно составителю летописи (с этим вариантом он покончил на одной странице. Может быть, больше и не надо).

2. Оба произведения созданы независимо друг от друга. Разбор этого важнейшего варианта занял у А. А. Зимина всего 3,5 страницы (с. 186—189). Объективность здесь уже явно утрачена. В споре с Д. С. Лихачевым Зимин подменяет «Повесть временных лет» Ипатьевской летописью (с. 189). Прием недопустимый.

3. Автор «Слова» мог быть знаком с Ипатьевской летописью (или с одним из предшествующих ей летописных сводов) (с. 185).

Последнему варианту посвящена большая часть[12] главы. Но не нужно думать, что Зимин дал здесь новую характеристику летописных сводов, в частности, важнейшего для нашей темы Киевского свода игумена Моисея 1199 г. Опираясь на работу М. Д. Приселкова 1940 г.,[13] А. А. Зимин выделяет только три источника свода (черниговское, киевское и переяславское летописание).

Однако Киевский свод Моисея 1199 г. для одних только 1180-х гг. дает по меньшей мере восемь разных источников, с разной политической ориентацией. Нет, например, единой киевской летописи: свод объединил одновременные летописи двух соперников — Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславовича, — с разной оценкой событий и лиц. Не учтена Зиминым и интересная редакторская работа

---

[12] *Испр., в стенограмме*: большая половина.

[13] См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 52.

Моисея, проведенная тогда, когда и Рюрик, и Игорь, и великий князь Всеволод были еще живы, но находились уже в иных взаимоотношениях, чем в 1185 г.

Лишь мимоходом упоминает Зимин гипотезу Хрущова о двух сказаниях об Игоревом походе (с. 193),[14] не разбирая ее по существу, не сопоставляя летописный рассказ 1185 г. с другими частями летописи, не разбирая, например, такого интересного факта, что в Кенигсбергской летописи события 1185 г. даже внешне выделены из остального текста заставками и миниатюрами (см. л. 230—234).

Центральное место во всей главе о летописях занимает сопоставление схемы событий 1185 г. по «Слову» и по Ипатьевской летописи (с. 193—198).

Не будучи в силах удержаться, Александр Александрович и здесь вводит параллели с «Задонщиной», лишая тем самым свои рассуждения доказательной силы. Рецепт очень прост: если в Ипатьевской чего-то недостает, то это можно найти в «Задонщине». Анализ снова подменен презумпцией подложности.

Вывод Александра Александровича своеобразен: «В Слове о полку Игореве совпадает с Ипатьевской летописью не только вся фактическая основа рассказа о походе Игоря 1185 года, но и его композиция (с неожиданными переходами от Игоря к Святославу Киевскому, затем в Переяславль и, наконец, снова к Игорю). Это совершенно исключает, — пишет А. А. Зимин, — независимое друг от друга происхождение источников... И уж совсем необъяснимо, почему он (автор «Слова». — *Б. Р.*) сохранил летописную последовательность рассказа, которая не вытекает из логики развития событий...» (с. 199).

А исторические примеры — вытекает или не вытекает? — историк проследил по тем данным, которые были у него в руках, эту «логику развития событий»? Почему же Александр Александрович этим даже не занялся?! Еще Татищев призывал 200 лет назад историков к пользованию «ландкартами». В нашем распоряжении достаточно данных для того, чтобы перенести основные события 1185 г. на карту (пусть в разных вариантах) и рассчитатъ (хотя бы приблизительно) сроки передвижения войск Игоря, Кончака, Гзы, время

---

[14] См.: *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI—XII столетие. Киев, 1878. С. 212.

получения Святославом вести о катастрофе, время конфликта с Давыдом Ростиславовичем, время возвращения Кончака на Тор и бегства Игоря из плена. Пересчитав километры путей в дни пути, мы получим примерно такую схему… Не знаю, нужно ли читать эту схему, — я ее опускаю.

Никаких неожиданностей, «перемен декораций», как пишет Александр Александрович, здесь нет. Последовательность фактов такова:

1. И в летописи, и в «Слове» описывается апрельско-майский поход Игоря.

2. И там и здесь говорится о двух битвах Игоря 10—12 мая.

3. И в летописи, и в «Слове» речь идет о действиях Святослава по получении вестей о катастрофе в начале июня 1185 г.

4. Приход Кончака к Переяславлю и Римову — примерно середина июня.

5. «Слово» и летопись одинаково описывают раздоры в русском стане на Днепре («нъ розно ся имъ хоботы пашутъ») в июне.

6. И «Слово», и летописная статья завершаются бегством Игоря из плена (примерно в конце июня).

Эта схема должна уточняться и обсуждаться, но последовательность событий сохранится при многих вариантах.

Совпадение схемы событий 1185 г. «Слова о полку Игореве» и Киевской летописи объясняется прежде всего тем, что оба автора — киевляне, современники — хорошо знали от участников событий все детали каяльской трагедии и ее последствий.

Зависимость «Слова» от текста летописи абсолютно не обоснована А. А. Зиминым.

Подхожу к кульминационному пункту 3-й главы.

На стр. 200 Зимин верно отмечает, что текст «Слова» не мог повлиять на летопись, но, доказывая это, он почему-то приводит излюбленную им «Задонщину».

Позвольте прочесть по подлиннику, прошу внимательно слушать и помочь мне понять это место — может быть, я понял превратно.

«Не мог в данном случае и летописец использовать рассказ Слова о полку Игореве: в летописном повествовании мы встречаем много конкретных подробностей в описании похода, которых не знает Слово. Эти подробности входят естественно в ткань его рассказа. К тому же совершенно необъяснимо отсутствие текстуальных совпадений в летописи с Задонщиной не только в фактах, но и в лирических местах.

Если б Слово было бы источником летописного рассказа, то общие с Задонщиной места Слова должны были бы проникнуть на страницы летописи» (стр. 200).

Я перевел это так: отсутствие влияния «Задонщины» XIV—XVI вв. на летопись XII в. А. А. Зимин считает доказательством того, что и «Слово о полку Игореве» не влияло на летопись XII в. (с. 200).

Такое мистическое построение возможно только в том случае, если предполагать у исторического процесса «обратный ход», допустимый лишь в фантастических романах.

Однако невинный тезис о том, что «Слово» не влияло на текст летописи, приводит А. А. Зимина к странному выводу: «Если же допустить, что кроме Слова составитель Ипатьевской летописи для рассказа о походе Игоря имел в своем распоряжении источник летописного происхождения, то тогда для Слова не останется места: ибо сходство летописи со Словом обнаруживается прежде всего в фактах и их последовательности....» (с. 201).

Где для «Слова» не останется места? В распоряжении летописца «Слово» предполагается («кроме»). Нам и так известно, что составитель свода располагал несколькими «источниками летописного происхождения». Об этом пишет сам А. А. Зимин. Не останется места в XII в.? Но ведь теоретически можно допустить существование и хроники 1185 г., и поэмы о походе 1185 г., одинаково опирающихся на живые сведения современников.

Следим далее за этапами этого важнейшего раздела рассуждений Александра Александровича.

«С другой стороны, необъяснимо текстуальное сходство Слова с летописными записями, помещенными под другими годами (например, о Мстиславе и Редеде, о дани «белями», о кагане и др.)» (с. 201).

А. А. Зимин вторично применяет недозволенный прием. В первый раз — на стр. 189 (примеч. 2) объектом анализа были летописные сведения о походе 1185 г., а здесь он заговорил о давних делах, описанных в «Повести временных лет». Но ведь никто не отрицал, что автор «Слова» знал «Повесть» или ее особое сокращение.

Как можно говорить о «необъяснимости» фактов X—XI вв., использованных автором «Слова», очевидно, по каким-то летописям? Только к вопросу об Ипатьевской летописи (или Киевскому своду 1199 г.) это не имеет никакого отношения.

С трудом преодолевая кульминационную точку третьей главы, А. А. Зимин снова вернулся на тропу сопоставлений с «Задонщиной».

«Наконец, совсем уже необъяснимо отсутствие в Задонщине текстов, близких к летописи: если б она (очевидно, «Задонщина». — *Б. Р.*) использовала текст Слова, то хоть какие-то общие места с летописью должны были бы найти в ней (очевидно, в «Задонщине». — *Б. Р.*) отражение» (с. 201).

Какие общие места могут быть у «Задонщины», воспевающей событие 1380 г., с летописным рассказом о событиях 1185 г., на каких бы источниках он ни основывался? Если даже стать на точку зрения А. А. Зимина и увести «Слово» за пределы Средневековья, то как можно объяснить, что автор поэмы о Куликовской битве полезет в старую летопись и будет вдохновляться рассказом о поражении Игоря? Зачем это ему? Он ведь не Иоиль.

Появление «Задонщины» на стр. 200—201 никак не вытекает из логики анализа летописного рассказа 1185 г. Оно алогично, но небесполезно для А. А. Зимина. Оказывается, эта мысль подсознательно все время существовала, порой прорывалась в оригинальной форме, но наконец привела А. А. Зимина к решительному удару, после которого тезис подложности «Слова» был уже окончательно, по его мнению, доказан и автору осталось заняться только мелочами.

Этот решительный удар изображен так. Непосредственно за приведенной выше фразой написано: «Приведем один текст, показывающий характер использования автором Слова Ипатьевской летописи и Задонщины» (с. 201).

В решающей таблице на стр. 201 имеются три колонки. Этого уже касался Дмитрий Сергеевич, но я вынужден еще раз остановить ваше внимание на кульминационном пункте третьей главы. До этого автор продвигался с трудом, после этого он решил, что все уже доказано и можно уже не возвращаться к системе доказательств.

Сущность этой решающей таблицы в следующем: из фразы «Слова о полку Игореве» «А чи диво ся, брате, стару помолодити» автор «Задонщины» будто бы не мог составить свою фразу: «Добро бы, брате, в то время стару помолодится»,[15] так как он будто бы не мог «вычленить» слово «дивно» (в устах Святослава), будто бы попав-

[15] *И-1*. Л. 220.

шее в «Слово о полку Игореве» из Ипатьевской летописи, где речь идет *от имени Игоря о смерти*[16] (о чем умолчано).

Это такое же «сходство», как на стр. 175: «Глагол „притрепать“ (приласкать), — пишет Зимин, — ...встречается и в русском фольклоре: „Притреплю я дубиной вязовою!“».[17]

Однако А. А. Зимин не унывает. Высказав заветную мысль, хотя и без участия логики, он утверждает: «Итак, остается лишь одна возможность: Слово о полку Игореве основано на тексте рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи» (с. 202).

Как мы видели, весь этот ответственнейший вывод висит на одном слове «дивно». Мне тоже дивно.

Двинемся дальше. Автор «Слова» не мог быть современником воспеваемых им событий, так как в «Слове» отсутствуют, по мнению А. А. Зимина, какие-либо новые факты по сравнению с летописью. Об этом уже говорили.

Во-первых, краткость поэтического произведения никак не может быть показателем его более позднего происхождения по сравнению с прозаическими реляциями. А во-вторых, в «Слове» есть целый ряд новых фактов, которыми Зимин вынужден заниматься. Я не буду их перечислять, они всем известны (см. на с. 207, 211, 212, 219, 221, 235).

Обо всем этом говорил Дмитрий Сергеевич. Остановлюсь только на одном примере.

В «Слове» сказано, что Святославу Киевскому после победы над Кобяком пели славу немцы, венедицы, греки, морава. Александр Александрович все это берет под сомнение.

Венецианцы ⟨якобы⟩ не могли прославлять киевского князя потому, что они только в 1184 г. наладили торговлю с Византией.[18] А разве Венеция, соперничая с Царьградом, не могла заигрывать с Киевом?

---

[16] Имеется в виду речь Игоря, принимающего решение заночевать в поле Половецком после первого боя: «И рече Игорь: „Да не дивно есть разумеюци, братья, умрети“» (*ПСРЛ*. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 640—641).

[17] Фольклорная параллель к слову «притрепать» приведена А. А. Зиминым в примечании на с. 175 (т. 1): «Притреплю я дубиной вязовою... притреплю я своей правой рученькой».

[18] А. А. Зимин пишет: «После разгрома венецианских торговых факторий в Византии в 1171 г. только в 1184 г. возобновляются торговые отношения между Венецией и Византией» (*Зимин-1*. Т. 1. С. 214).

Еще интереснее отводит А. А. Зимин немцев: «Непонятно также, почему „славу поют“ немцы (появившиеся в Прибалтике только в начале XIII в.)» (с. 165).

Во-первых, немцы в Прибалтике появились не в начале XIII в., а много раньше, а во-вторых, разве Фридрих Барбаросса мог только через Прибалтику общаться с Киевом? Две державы могли найти контакт и за пределами латгальско-чудских земель.

Далее идет речь о многих мелочах.

А. А. Зимин почему-то переделывает слово «салтани» на единственное число и говорит о султане Саладине (с. 215). Об этом скажет, очевидно, Н. А. Баскаков. Речь идет о войнах Галича с половецкими мурзами-салтанами, известными нам как социальный термин в Codex Cumanicus.[19]

Пожар в Городенском в 1183 г. автор мог знать просто по рассказам, а память о том, что Юрий Долгорукий владел Киевом, сохранилась у киевлян и через 28 лет.

Все это нисколько не является аргументом против того, что «Слово» написано современником похода 1185 г.

Странный логический провал мы наблюдаем на стр. 223—225. Пространно разъясняет А. А. Зимин, что выражение «по беле от двора» в «Слове» не соответствует действительности, так как «первый подворный налог был „подымный сбор“ 1613—1639 гг.» (с. 224). И тут же он приводит летописный текст 945 г. о том, что древляне «ялися по дань» «от двора». Что можно этим доказать?

---

[19] Codex Cumanicus — введенный в научный оборот в XVII в. письменный памятник куманского (старокыпчакского) языка, единственный список которого хранится в библиотеке собора Святого Марка в Венеции. Датировка памятника дискутируется. Он состоит из двух частей, соединенных, как предполагают ученые, между 1330—1340 гг. Первая часть (так называемая Книга переводчика, датируемая предположительно 1293—1295 гг.) представляет собой практическое руководство по куманскому языку: словарь латинско-персидско-куманский (1300 слов). Вторая часть (так называемая Книга миссионера, датируемая предположительно 1330—1340 гг.) представляет собой собрание религиозных текстов (проповеди, молитвы, псалмы, гимны) и фольклорный половецкий материал (поговорки, загадки и др.). Исследователи предполагают участие в составлении Кодекса разных лиц, по всей вероятности, итальянцев (возможно, купцов или францисканских монахов). См. издания: *Kuun G.* Codex Cumanicus. Budapest, 1880; *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. SPb., 1887 (вторая публикация в неполном виде).

«Странно также и наименование князя Всеволода „великим“», так как в летописях этот титул встречается лишь с 1187 г. (с. 225—226). А разве в жизни он не мог быть раньше его фиксации в летописи? Черниговские князья уже в 1140—1150-е гг. именовались «великими».

«И уже совсем странен призыв ко Всеволоду „отня злата стола поблюсти“, т. е. захватить Киев, где правил „грозный“ князь Святослав» (с. 226, примеч. 1).

С каких это пор слово «поблюсти» историки и знатоки летописной лексики стали так своеобразно переводить?

Попытки Александра Александровича вывести «Слово» не из жизни, а только из текста Ипатьевской летописи очень легковесны и несерьезны, особенно потому, что к анализу истории Руси XII в. Зимин даже и не пытался приступить.

Вторым книжным источником «Слова» Зимин считает Кенигсбергскую (Радзивиловскую) летопись. Его соблазнило то, что этот список был издан в 1767 г. Поэтому Александру Александровичу особенно важно показать, что автор «Слова» мог взять те или иные сведения только из Радзивиловской летописи. Он насчитывает 9 пунктов заимствований.[20]

1. Поход Всеволода на Волжскую Болгарию в 1184 г. Здесь я просто должен развести руками. При чем здесь Радзивиловская, Лаврентьевская или другая летопись этой группы? Этот же поход подробно, но по-другому описан в Ипатьевской летописи под 1182 г., правда, на два года не сходится. Но и там и здесь убивают Изяслава Глебовича. Два раза одного и того же князя убить нельзя. Так что очевидно, что речь идет об одном и том же событии. И поэтому, конечно, речь идет об одном и том же походе.

2. Упоминание о жаре и «безводье» 11—12 мая 1185 г. Для Северной Руси устанавливается жаркое засушливое лето 1185 г. Может быть, это объясняется проще, может быть, на юге тоже была засуха?!

3. В Радзивиловской летописи упоминаются «Рогволжи внуци», а в «Слове» — «Всеславли». Александр Александрович считает, что ⟨это⟩ — свидетельство заимствованного сходства. А по-моему, это черты различия, а не сходства. Мне кажется, что одна и та же династия *определена через разные понятия*.[21]

---

[20] См.: *Зимин-1.* Т. 1. С. 234—240.

[21] *Испр., в стенограмме*: выразила разные понятия.

4. Мстислав зарезал Редедю. Это есть и в других вариантах «Повести временных лет»⟨, а не только в Кенигсбергской летописи⟩.

5. Походы Романа Мстиславовича упомянуты под 1202 и 1205 гг. Разве можно доказать, что *за предшествующие 34 года княжения*[22] Роман Мстиславович ни разу не встречался с половцами?

6. Зимин пытается показать, что дележ городов по Роси и Суле в «Слове» является контаминацией двух фраз из разных летописей.

7. О сыновьях Игоря — на это ответил Дмитрий Сергеевич ⟨Лихачев⟩.

8. Картина затмения. Об этом также говорил Дмитрий Сергеевич, и не стоит к этому возвращаться. Обычная схема. Общее событие, которое касалось Владимира Суздальского, — это затмение летописец описал первым, а потом, когда перешел к походу Ольговичей-внуков, привел эту повесть ⟨т. е. свой рассказ о походе Игоря⟩.

9. Упрек Игорю в «Слове» по поводу того, что он несвоевременно начал неподготовленную войну, Александр Александрович считает взятым из Радзивиловской летописи; это, по его мнению, «не оставляет никаких сомнений в том, что Кенигсбергская летопись влияла на Слово».

Война не является доказательством потому, что такие же упреки трижды повторены в Ипатьевской летописи: «Не воздержавше уности отвориша ворота на Руськую землю».

Очевидно, эти упреки были у всех на устах, так как благодаря ⟨так!⟩ оплошности и честолюбию Игоря тысячи деревень пылали во время набегов Кончака и Гзы. Зимин не смог доказать зависимость тона «Слова о полку Игореве» от двух строк Всеволодовой летописи.

В 3-й главе Александр Александрович рассматривает по существу два вопроса: соотношение «Слова о полку Игореве» с Ипатьевской летописью и с Радзивиловской (Кенигсбергской). По мнению Зимина, автор «Слова» широко пользовался обеими летописями. Однако Зимин не объяснил, почему автор «Слова» из Радзивиловской брал только какие-то детали, не использовал канву событий, не пользовался лексикой этой летописи, хотя из Ипатьевской он будто бы ⟨брал⟩ отдельные «словеса» на всем пространстве летописи от 945 г. до XII в.

---

[22] *Испр., в стенограмме*: за 34 года предшествующих княжения.

На поверку оказалось, что почти половина сведений Радзивиловской летописи есть и в Ипатьевской. А остальные никак не свидетельствуют о знакомстве автора «Слова» с Радзивиловской летописью. Она привлечена Зиминым по соображениям, далеким от науки.

Остается Ипатьевская летопись, которую мы должны рассматривать в этой связи только в ее разделе о событиях 1180 гг., так как введение в «Слово о полку Игореве» сведений о событиях X—XI вв. ничего не доказывает.

В анализе соотношения Ипатьевской летописи (Киевского свода 1199 г.) и «Слова о полку Игореве» Зимин допустил две непростительные ошибки, зачеркивающие все его рассуждения.

1. Александр Александрович сознательно исключил из рассмотрения реальную историческую действительность 1180-х гг. Им не рассматривается возможность знания русской жизни этих лет автором «Слова» как современником; А. А. Зимин пренебрег тем тончайшим проникновением в глубины взаимоотношений между русскими князьями XII в. от Галича до Суздаля и от Гродно до Рязани, каким блещет автор «Слова», превосходя этим всех современных ему княжеских летописцев.

Александр Александрович уклонился от кропотливого анализа летописных сведений о конкретных событиях 1185 г., а ведь только такой анализ и может показать, что композиция Киевской летописи и композиция «Слова» сходны в силу того, что обе они основаны на реальной последовательности событий, а вовсе не на искусственных книжных записях. Быть может, именно поэтому Зимин и уклонился от анализа.

2. Александр Александрович непозволительно вклинил в рассмотрение вопросов о связи «Слова» с хроникой событий XII в. свои еще не доказанные им представления о связи «Слова» с «Задонщиной». Навязчивая идея о подражании «Слова» «Задонщине» запутывает анализ, оказывает давление на читателя и затемняет логику автора, как это случилось с ним на страницах 200—201.

Вся рукопись Александра Александровича свидетельствует о значительной деградации автора по сравнению с его хорошими работами по XVI в. и «Русской Правде».

Торопливое нагромождение аргументов, имеющих лишь видимость доказательств, сумбурная логика, отрыв от исторической действительности, слепое следование за выводами Мазона, фактические

ошибки, внутренние противоречия, произвольное обращение с источниками — все это производит крайне тягостное впечатление.

Выводы А. А. Зимина искусственно подтянуты к предвзятой идее подложности «Слова». Отрыв от жизни привел к безжизненности итогов его работы.

Все это делает весьма неприятным разбор работы Зимина. Утешение лишь в одном — никакими «многошумящими посланиями» нельзя поколебать подлинность бессмертного «Слова о полку Игореве», неразрывно связанного с расцветом всей русской культуры в XII в.

В личной беседе со мной Александр Александрович как-то сказал,[23] что после написания его книги к вопросу о подлинности «Слова» никто никогда возвращаться не будет. Я думаю, что он прав.[24]

В. И. ШУНКОВ

Слово имеет В. Д. Кузьмина.

В. Д. КУЗЬМИНА

Выступая сегодня, я буду говорить не только от своего собственного лица, но и от лица своего друга и учительницы Л. В. Крестовой. Специалистка по русской литературе XVIII в., она вместе со мною занималась темой «Иоиль (Иван) Быковский, мнимый автор „Слова о полку Игореве“». Л. В. Крестова работала над печатными изданиями, а я — над рукописными материалами. Л. В. Крестова сегодня отсутствует. Причина этому в организации обсуждения книги А. А. Зимина. Вчера известного специалиста по языку «Слова о полку Игореве», проф. С. И. Коткова (Институт русского языка АН СССР), едва пропустили через рогатки. Крупнейший специалист по древнерусскому языку XI—XII вв., кандидат филологических наук Л. П. Жуковская, несмотря на то что она пришла вчера на заседание, вообще не была допущена в зал. Вина ее в том, что она подготовила выступление, не предусмотренное устроителями обсуждения.

---

[23] *Испр., в стенограмме*: В личной беседе с Александром Александровичем как-то он сказал.

[24] Текст выступления подписан Б. А. Рыбаковым без указания даты. Никаких изменений в текст стенограммы не внесено.

Не касаясь соотношения «Слова» с произведениями древнерусской литературы, мы с Л. В. Крестовой сосредоточили внимание на следующих вопросах:

1) возможность авторства И. Быковского;

2) возможность сопоставления «Слова» с произведениями писателей XVIII в. (Чулков, Львов, Карамзин);

3) некоторые характерные примеры того, как А. А. Зимин излагает историю изучения «Слова о полку Игореве».

Поскольку в своей атрибуции «Слова о полку Игореве» И. Быковскому А. А. Зимин исходит из предпосылок, сформулированных профессором П. Н. Берковым,[25] и их не оспаривает, то и мы будем исходить из них при нашей проверке.

I

Проверим первую группу доводов, связанных с биографией Иоиля Быковского.

1. Фамилия Быковских, по свидетельству А. А. Зимина (с. 343 и 345), широко известна как в Белоруссии, так и на Украине. Отрывочная генеалогия только белорусских Быковских, по которой «установить генеалогические взаимоотношения многих Быковских не представляется возможным» (с. 343), не дает решительно никаких данных о происхождении и социальном положении Ивана Быковского, как справедливо указал Б. А. Рыбаков.

2. Для меня, как и для Л. В. Крестовой, непонятно, почему А. А. Зимин принял дату рождения Ивана Быковского 30 марта 1726 г.[26]

Свидетельство ярославского и ростовского архиепископа Арсения Верещагина,[27] на которое ссылается А. А. Зимин, может быть

---

[25] *Берков П. Н.* Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века // Русская литература. 1958. № 2. ⟨С. 180—189⟩. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.* На с. 398—399 книги А. А. Зимина читаем: «П. Н. Берков пишет, что для признания произведения принадлежащим именно данному лицу необходимо, чтобы доводы при атрибуции состояли из трех основных групп: а) биографические, б) идеологические, в) стилистические. Важно также произвести «негативное исследование», т. е. доказать «непринадлежность произведения другому кандидату или другим кандидатам».

[26] См.: *Зимин-1.* Т. 2. С. 347.

[27] Приведено в статье: *Прийма Ф. Я.* К истории открытия «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1956. Т. 12. С. 49. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

подвергнуто сомнению. Ведь Арсений, сделавший в дневнике несколько записей о встречах с Иоилем, не знал даже точной даты пострижения Иоиля в монахи, ошибочно называя 1754 г. вместо 1757 г. (с. 347). Тем более Арсений мог указать неверную дату рождения Иоиля.

Вполне возможна также ошибка в ведомостях черниговской и киевской консисторий. Это тем более вероятно, что документ киевской консистории,[28] изданный Н. И. Петровым, является незаконченной, недатированной черновой копией, без скрепы. Очевидно, консисторский киевский писец допустил в нем ряд ошибок и документ был брошен как брак. Поэтому ссылаться на него для обоснования точной даты рождения И. Быковского нецелесообразно.

В. В. Лукьянов внимательно занимался Иваном Быковским как культурным деятелем Ярославля и указал, что в данном случае несравненно большего доверия заслуживает другая дата рождения Ивана Быковского: конец 1706 или начало 1707 г. Ведь эту дату сообщает сам Иоиль Быковский в предисловии к своей книге «Истинна, или Выписка об Истинне» (Ярославль, 1787).[29] На наш взгляд, Иоиль, приложив к книге подробный список опечаток, вполне мог бы исправить и, конечно, исправил бы опечатку в собственном возрасте, если бы она действительно была.

Дата — конец 1706 или начало 1707 г. — подтверждается и записью С. П. Соковнина на экземпляре «Истинны», хранящемся в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве (инв. № 319527). В этой записи говорится, что Иоиль умер 92 лет от рождения. Полагаем, что свидетельство С. П. Соковнина чрезвычайно важно. Он, несомненно, лично знал Иоиля, архимандрита Спасского монастыря в Ярославле до 6 мая 1788 г.,[30] и был подчинен ему, будучи в Ярославле директором училищ с 1786 г.

---

[28] В настоящее время этот документ хранится в ЦГИА УССР в Киеве, ф. 127, оп. 1020, ед. хр. 2944, л. 5. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

[29] *Лукьянов В. В.* Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1956. Т. 12. С. 44. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

[30] В статье Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, написанной по материалам выступления, приведена иная дата: «Иоиль по указу Синода *29* мая 1788 г. был уволен от должности настоятеля монастыря на пенсию» (см.: *Крестова Л. В., Кузьмина В. Д.* Иоиль Быковский, проповедник, издатель «Истинны» и первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 25, примеч. 2).

Вопреки необоснованным сомнениям А. А. Зимина приходится доверять самому И. Быковскому и его младшему современнику по Ярославлю, а не украинским консисторским чиновникам и не епископу Арсению. Последний попал в Ярославль лишь в 1788 г. и путал даты биографии Иоиля в своем дневнике. По-видимому, старик-архимандрит в отставке был ему и мало интересен, и мало знаком.

3а. На стр. 355 А. А. Зимин сообщает, что в Отделе рукописей ГПБУ (Киев) «сохранились краткие характеристики студентов Академии, дававшиеся им (т. е. Иоилем Быковским. — *В. К.*) как наставником школы Аналогии в 1757/58 учебном году».

Мы с Л. В. Крестовой с большим интересом открыли эту рукопись (ГПБУ, Муз. 1003) — что за интересные характеристики давал Иоиль Быковский своим студентам? На самом деле в ГПБУ хранятся не характеристики, а лишь... разграфленная ведомость об успеваемости, где против списка фамилий в одной из граф Быковский проставлял годичные оценки своим ученикам. Вот некоторые из них: «средствен», «туп и ленив», «надежен», «отчасти туп», «отчасти добр». Иногда учитель отмечал на полях ведомости: «1757 мая 28 числа избежал» или «по вакациях не явился».

Как видите, это не характеристики студентов, а нечто совсем иное — оценки успехов (и сведения о беглецах). Полагаю, что это ясно любому преподавателю.

3б. А. А. Зимин порой использует документы не полностью и тенденциозно. Так, например, на стр. 349 он ссылается на издание: «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отделение II (1721—1795 гг.). Том II (1751—1762 гг.). Со введением и примечаниями Н. И. Петрова». Киев, 1905. С. 8. Из документа, напечатанного на стр. 8—9 Н. И. Петровым, Александр Александрович берет только сведения о том, что в 1750 г. Быковский был инспектором и преподавал латынь.

Л. В. Крестова, открыв книгу, прочла вместе со мной на этих страницах колоритное «Дело о двух бежавших из Киевской Академии студентах, Огиевском и Полуденском». Максим Огиевский был отдан своим отцом (сотником Нежинского полка Григорием Огиевским) «инспектору Иоанну Быковскому в научение латинское». И. Быковский жил в эти годы вместе со своими воспитанниками «во дворце Маркевичевом». Богатые «паничи Есментовски», также

обучавшиеся латыни у Быковского, бранили Максима «матерно и бараном називали». Тот напрасно жаловался на них И. Быковскому и, «не получая никакой от оного инспектора милости, взял намерение пойти в Польшу». Максим достал челн, поплыл в нем по Днепру, но был пойман и вместе с другим беглецом из той же Киевской Академии был бит розгами 21 апреля 1751 г. Все это Александр Александрович скрыл от читателей своей книги.

Проверка показала, что биография и характеристика Иоиля в основном неверно изложены в работе Александра Александровича:

1) не установлены точные данные о месте рождения, происхождении и социальном положении Ивана Быковского;

2) неверна принятая А. А. Зиминым дата рождения И. Быковского;

3) в неприглядном свете предстает из документа 1751 г. облик Ивана Быковского как инспектора; он мирволит богатым паничам, а бедняк-студент вынужден бежать от него, «не получая никакой... милости».

II

Рассмотрим вторую группу доказательств А. А. Зимина: будто И. Быковский создал «Слово о полку Игореве»; познакомимся с литературным наследием И. Быковского.

Исходя из мнения, что именно данный автор сложил «Слово о полку Игореве», Александр Александрович указывает на его юношеские вирши, бегло касается идейного содержания прозаических произведений Иоиля, сопоставляя со «Словом» лишь разрозненные словосочетания из его проповедей. Но такой прием сравнительного анализа литературных произведений методологически неверен. Необходимо внимательно сопоставить идеологию, проблематику произведений, не ограничиваясь общими рассуждениями о прогрессивном мировоззрении автора. Нужно также уяснить вопросы об их жанре, стиле, художественном методе, определив наличие признаков художественного творчества в произведениях И. Быковского.

***

Рассмотрим сначала *рукописное наследие* И. Быковского и проверим связи его творчества с рукописной традицией и литературой XVIII в.

I. Образцами юношеских произведений И. Быковского А. А. Зимин считает «около 120 виршей на русском, польском и латинском языках», включенных в приложение к конспекту лекций по пиитике Г⟨еоргия⟩ Конисского 1745—1746 гг. (с. 350—352). Взяв в руки названную рукопись (ГПБУ, собр. ⟨Киевской⟩ Духовной Академии, № 426),[31] нетрудно убедиться в совершенно ином.

Действительно, и данный курс пиитики Г. Конисского, и приложения к нему — автограф И. Быковского, как это отметил еще Н. И. Петров.[32] Курс пиитики в этой рукописи занимает л. 1—131. Но этим, к сожалению, и ограничивается правильность всех суждений Зимина о раннем юношеском периоде творчества Быковского.

С листа 132 начинается раздел: «Praxes scholasticae. C(ar)mina de Patrono Archiepiscopi, Metropolito Kijovensis»[33] (Упражнения школьные. Песни о патронах, архиепископах, митрополитах киевских[34]).

Еще в 1895 г. в речи, посвященной столетию со дня смерти Г. Конисского, П. И. Житецкий отметил, что в этом разделе имеются произведения самого Г. Конисского, которые должны были служить образцами для учащихся класса пиитики. В качестве примера П. Житецкий напечатал вирши Г. Конисского о весне:

Пойди на поле, что можешь узрѣти?
Все семена суть землею покрыты

[31] Нынешний шифр рукописи: Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. ЦАМ (Церковно-археологический музей). П (описание Н. И. Петрова). № 426.

[32] *Петров Н. И.* Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Киев, 1875. Вып. 1. С. 391. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

[33] В статье, опубликованной по материалам доклада, заглавие приведено в измененном виде: «Praxes scholasticae. C(ar)mina de patron*ae*, archiepiscopi, metropolit*ae* kijovensis». В рукописи читается: «Praxes scholasticae. Cmina De Patrono Archiepiscopi Mitropolita Kijoviensis». В слове «Cmina», написанном с пропуском двух букв, первые две буквы подчеркнуты. Текст заглавия проверен по рукописи Т. Л. Вилкул, за что я выражаю ей благодарность.

[34] В названии раздела, написанного на латыни, две ошибки: «Archiepiscopi» вместо «Archiepiscopo» и «Kijovensis» вместо «Kijovensi». Более точный перевод с латинского: «Упражнения школьные (или: Схоластические штудии). Стихи (или: песнопения) о господине архиепископе, митрополите Киевском». Благодарю за консультацию преподавателя Санкт-Петербургского университета О. В. Бударагину.

Влажной и теплой, ради перемѣни
лежат разтлѣнни...[35]

Правда, проф. Житецкий не указал точно листов рукописи курса пиитики Г. Конисского. Но ведь нетрудно перенести оттиск статьи из читального зала в Отдел рукописей ГПБУ и установить, что цитированное стихотворение входит под № 22 (л. 144—145 об.) в раздел «Упражнения школьные».

О виршевой лирике Г. Конисского как преподавателя пиитики в КДА писали и другие его биографы (И. Григорович, И. А. Сребницкий и Н. Петров).[36]

Следует добавить, что в раздел «Упражнения школьные» наряду с произведениями учителя пиитики, несомненно, включены также произведения его слушателей. Об этом ясно свидетельствует виршевой панегирик Г. Конисскому, помещенный под № 100 на л. 164 об. данной рукописи и начинающийся словами:

Пой, пой, Георгие, пой, вознеси к облаком глас твой.
А ми станем припевать, к песни твоей приставать...[37]

Из этих строк ясно, что ученики Г. Конисского стремились в своих «Упражнениях школьных» «приставать» к песне учителя, т. е. писать по его образцу. К числу таких ученических виршей по классу пиитики в КДА 1745—1746 гг. относятся силлабический панегирик ⟨митрополиту⟩ Тимофею Щербацкому (л. 148—148 об., № 35) и панегирический диалог (а не просто «стихотворение», как ошибочно

[35] *Житецкий П.* Памяти Георгия Конисского. 1717—1795 // Киевская старина. 1895. Февраль. С. 4 (отд. оттиск, экз. ГПБУ). — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

[36] Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского: С портретом и жизнеописанием его, изд. И. Григоровичем. СПб., 1835. С. X; *Сребницкий И. А.* К биографии Георгия Конисского // Сборник Историко-филологического общества в Нежине. Киев, 1895. Т. 1. С. 45 (отд. оттиск ГПБУ); *Петров Н. И.* Киевская искусственная литература XVII и XVIII столетий, преимущественно драматическая // Труды КДА. 1909. Июнь. С. 289. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

[37] Новейшую сводку литературы о Г. Конисском см. в книге: Українські письменники: Біобібліографичний словник. Т. 1: Давня українська література (XI—XVIII ст. ст.) / Уклав Л. Є. Махновець. Київ, 1960. С. 368—379. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

пишет А. А. Зимин) в честь Г. Кониского (л. 151, № 47), которые без точных ссылок, без доказательств и не вполне исправно цитирует А. А. Зимин как произведения И. Быковского.

Подведем итоги. А. А. Зимин ошибочно приписал И. Быковскому как произведения всех его сотоварищей по курсу пиитики, так и произведения их учителя Г. Конисского, включенные в приложение к курсу пиитики в записи И. Быковского.

Вообще же для середины 1740-х гг. силлабические вирши «на случай» Г. Конисского и его учеников были глубокой архаикой. Об этом, вероятно, подробно написал в своем отзыве о книге А. А. Зимина профессор П. Н. Берков,[38] знаток русской поэзии XVIII в. Ведь в 1740-е гг. одна за другой появлялись в печати оды М. В. Ломоносова, а в 1744 г. вышла первым изданием его «Риторика». Ничего общего нет в приведенных киевских церковно-школьных виршах 1740-х гг. с ритмикой, стилем, поэтической образностью и языком «Слова о полку Игореве».

II. Перехожу ко второй группе рукописных произведений И. Быковского, которую анализирует А. А. Зимин. Это две небольшие проповеди, которые, по мнению А. А. Зимина, «несмотря на резкую разницу в жанре, обнаруживают черты стилистической близости к Слову» (с. 390).

Для историка русской литературы более чем сомнительна сама правомерность сопоставления проповеди конца XVIII в. с художественной литературой.

Произведения Илариона, митрополита Киевского, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского были не столько церковными поучениями, сколько выдающимися своей образностью и эмоциональностью произведениями ораторского искусства русского Средневековья. Бытовыми зарисовками и сочным языком привлекают исследователей XVI в. проповеди московского митрополита Даниила. В первой четверти XVIII в. незаурядным явлением русской литературы и публицистики были «слова и речи» Ф⟨еофана⟩ Прокоповича, которые еще ждут исследователей. Это замечательные произведения литературы и прогрессивной публицистики своей поры.

Со второй четверти XVIII столетия (а тем более — к его концу) дело резко меняется: проповедь становится узкоцерковным жанром.

---

[38] Краткое изложение этого отзыва см. в наст. изд., с. 503—505.

Недаром М. В. Ломоносов написал около 1759 г. сатирическое стихотворение о невежественном проповеднике Пахомии (впервые издано в посмертном собр. соч. М. В. Ломоносова в 1784 г.), который «словом Божиим незнанье закрывает». Ломоносов противопоставлял таким русским проповедникам Фенелона:

Нравоучением преславной Телемак
Стократ полезнее твоих нескладных врак.

Проверим все же, что представляют собой две дошедшие до нас проповеди И. Быковского. Но прежде я хочу обратить внимание участников совещания, в каком виде цитируются обе проповеди. Дело не только в неточной передаче текста как палеографически, так и по содержанию, здесь неверна ни одна архивная справка. Если написано, что сборник принадлежит Гос. архиву Ярославской области, он оказывается под другим номером в Ярославско-Ростовском музее-заповеднике. Если написано «лист», читай «страница». Неверны номера листов, неверны цитаты. Здесь ничему верить нельзя. Чтобы добиться ясности, пришлось всю работу проделать за автора сызнова. *Илья Николаевич ⟨обращение к И. Н. Голенищеву-Кутузову. — Л. С.⟩, прошу Вас, посмотрите, пожалуйста, стр. 364 и 391 как текстолог. Можно ли так цитировать и давать такие сноски?*[39]

Проповедь, произнесенная И. Быковским 27 февраля 1760 г., на третьей неделе Великого поста, в Кадетском корпусе,[40] является поучением законоучителя выпускникам, которые вскоре должны покинуть стены учебного заведения. Чему же учил Быковский воспитанников корпуса?

---

[39] Сравни с. 364 и 391 книги А. А. Зимина: Сборник ЯРМЗ, содержащий проповедь 1760 г., автограф И. Быковского, имеет по старой нумерации инв. № ЯАД № 200 и 210 (а не 221); первая цитата на с. 391 взята из сб. Госархива Ярославской области № 669, с. 191 (а не ЯРМЗ № 14963, л. 191) и т. д. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой*. Слова, заключенные в звездочки, в беловом экземпляре стенограммы помещены в конце данного примечания.

[40] В рукописи нет прямых указаний на то, что данная проповедь — произведение И. Быковского. Она — его автограф и не противоречит данным его биографии, что является ⟨лишь⟩ косвенным доказательством принадлежности ее перу И. Быковского. Обо всем этом А. А. Зимин предпочел умолчать. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой*.

Он наставлял своих «слышателей» (вспомним, что в «Слове о полку Игореве», как и в проповедях XI—XIII вв., данное обращение звучит иначе: «братие») в правильном, по его мнению, понимании обязанностей христианина. Эти обязанности состоят в следующем:

1) надо чтить «благочестивейшую Государыню» (Елизавету Петровну. — *В. К.*);

2) заслужить похвалу военачальников («быть не только добрым воином», но и «вожду своему угодным»);

3) не делать «обиды и озлобления» нижестоящим. И. Быковский призывал будущих чиновников и офицеров быть христианами «не токмо именем», но и «в самой вещи христианами». Правда, все это мало похоже на характеристику данной проповеди, якобы «исполненной социальных мотивов», какую дает А. А. Зимин?

Филолог обязан обратить внимание на многочисленные черты украинской графики и произношения, сохраненные данным автографом И. Быковского. Как украинец, он постоянно употребляет «ї» (с двумя точками) вместо великорусского десятеричного «і» с одной точкой. Кроме того, «и» звучит для Иоиля Быковского как «ы» (и=ы: ми=мы, добрих=добрых, посилает=посылает и т. п.). При наличии этих начертаний в автографе можно утверждать, что и произношение «ѣ» как «и» под пером И. Быковского является украинизмом: «не видят» вместо «не вѣдят», «смотрить» вместо «смотрѣть». Он начал писать «всимъ», потом зачеркнул «и» и написал «ять» («всѣмъ»).

Для границы украинских и белорусских говоров характерно отвердение звука «р», отраженное правописанием И. Быковского: «градет» вместо «грядет», «разорает» вместо «разоряет», «потерать» вместо «потерять» и др.

Вторая проповедь Быковского дошла только в копии одного из слушателей Ярославской семинарии, а не в автографе И. Быковского, что небезразлично для исследователя-филолога и текстолога. Установить имя и социальную принадлежность этого слушателя оказалось очень легко: нужно было только взять в руки сборник Госархива Ярославской области № 494 (669) и прочитать наклейку на верхней доске переплета. Текст наклейки написан составителем сборника, который собственноручно переписал для себя большую часть входящих в него произведений. Кто же он? Это Алексей Михайлович Никольский, он учился в Ярославской семинарии, а затем стал

священником в с. Захарьевском (Богослов) Даниловского уезда Ярославской губернии. Проповедь Иоиля, которую переписал А. М. Никольский, была произнесена автором в день престольного праздника Преображения в Ярославском Спасском монастыре 6 августа 1778 г.

Основная мысль этой проповеди Быковского: христианин должен стремиться к внутреннему «преображению», т. е. к самоусовершенствованию: «...естли будем, слышателие, в сей жизни преобразоваться из худых — в добрых, из добрых — в лучших, из добродетелей — в добродетель, искушая, что есть воля Божия, и по ней дела свои и деяния управляя, то несумненная надежда, что и будущего в оной жизни преображения не лишимся, чего я как себе, так и вам желаю. Аминь».

В копии А. М. Никольского кое-где ясно просвечивают украинизмы оригинала И. Быковского. Тут вместо обычного великорусского «і» (с одной точкой) украинское «ї» (с двумя точками). Точно так же «ять» звучит как «и» (вместо «невѣдѣнія» — «невидѣнїя», вместо «всѣ» — «вси»; как и в автографе «и» — «ы»: «безопасни» вместо «безопасны».

Поэтому, если бы И. Быковский действительно был автором «Слова о полку Игореве», черты его украинского произношения и правописания, без сомнения, отразились бы если не в печатном тексте «Слова», то хотя бы в одной из рукописных копий 1790-х гг. Для каждого лингвиста это ясно. Отсутствие этих черт является важным, хотя и косвенным доказательством того, что И. Быковский, автор двух нравоучительных и малохудожественных проповедей, не создавал и не мог создать «Слова о полку Игореве» в бытность свою архимандритом в Спасском Ярославском монастыре, как ошибочно и бездоказательно утверждает А. А. Зимин (с. 386).

А. А. Зимин объявил, что «Слово», созданное И. Быковским в 1770—1780 гг., близко по стилю и содержанию к обработкам фольклорных сюжетов в литературе XVIII в., в частности к «книжной былине» Н. А. Львова «Добрыня» (с. 394), но не привел из последнего произведения ни одной цитаты. Причины такого умолчания вполне понятны любому исследователю русской литературы XVIII в. Язык и стиль произведений Чулкова, Львова, Карамзина настолько отличны от языка и стиля «Слова», что при их цитировании

бездоказательное утверждение о сходстве всех этих стихотворных и прозаических литературных обработок былин со «Словом» распадается в прах.

Непохоже «Слово о полку Игореве» и на рукописные «богатырские истории» XVIII в., являющиеся также обработками былин. Действительно, такие «истории» изредка встречались в рукописных сборниках XVIII века, составлявшихся в среде духовенства. Но, чтобы убедиться в глубоком коренном отличии рукописных обработок былин в XVIII в. от «Слова о полку Игореве», достаточно раскрыть книгу: «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. / Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова и М. О. Скрипиль» (Л., 1960).

***

Перехожу к единственному *печатному произведению* И. Быковского — сборнику, изданному в Ярославле в 1787 г. под заглавием «Истинна, или Выписка об Истинне», который детально обследовала Л. В. Крестова.[41]

Характеризуя Иоиля как составителя этой книги, А. А. Зимин причисляет его к типу «архиереев-вольтерьянцев» (с. 379; кстати, Быковский не дошел до сана архиерея, он умер в чине архимандрита). Выше (с. 363) Иоиль назван «архимандритом-рационалистом XVIII в.», поскольку в «Истинне», по мнению А. А. Зимина, обнаруживается близость мировоззрения ее составителя к идеям литературы французского Просвещения.

Перечисляя источники «Истинны», А. А. Зимин отмечает выписки из сочинений М. В. Ломоносова, «Живописца» Н. И. Новикова, «Пересмешника, или Славенских сказок» М. Д. Чулкова, а также из произведений Платона, Овидия, Цицерона, Гераклита, Вольтера, Попа, французской «Энциклопедии» и «Сократических разговоров» (с. 380—381). Все это верно, но неполно.

Православный архимандрит Иоиль Быковский вовсе не был похож на вольтерьянца в рясе, каким его напрасно и безуспешно пытается представить А. А. Зимин. Источниками книги Иоиля «Истинна»,

[41] Пользуюсь случаем принести от нас обеих глубокую благодарность В. В. Лукьянову, который познакомил нас с составленным им перечнем источников этой книги. — *Примеч. В. Д. Кузьминой.*

наряду с перечисленными А. А. Зиминым, были также следующие книги (прошу обратить внимание на перечень — я их цитировать не буду, приведу только названия, потому что сами заглавия о многом говорят): «Катехизис» митрополита Платона, различные книги Библии (чаще других — Апостольские послания и Псалтырь), «Евангелие учительное», «Догматы христианские», сборники житий («Минея Четья» и «Пролог» за все месяцы), «Беседы Иоанна Златоуста», «Собрание поучений на праздники», проповеди Гедеона, епископа Псковского, Иннокентия, архиепископа Псковского, «Камень веры» Стефана Яворского, «Пращица» епископа Питирима, различные богословские сочинения («О познании Бога», «Сокращенное христианское богословие», «Христианское богословие»), рассуждения о благочестии («Истинное благочестие христианское»), наставления священникам («О должности пресвитеров приходских»), «Словарь церковный», «Сто священных историй». Иоиль не пренебрег и богослужебными книгами, такими как «Октоих», Акафист Богородице, Антифон осьмого гласа и т. п. Думаю, что сам перечень достаточно выразителен и дает представление об идеологии И. Быковского, отнюдь не похожей на вольтерьянскую.

Для правильного понимания задач, которые ставил себе ярославский цензор и архимандрит, составляя сборник «Истинна, или Выписка об Истинне», следует обратить внимание на предшествующее ей предисловие «Для любопытного читателя»:

«Сочинитель выписки упомянул, что он выбирал из книг и тетрадок, из Ведомостей и Прибавлений печатных российских, коих только он у себя имел и коих вблизи доставать мог. Упомянул же о богословских добродетелях, то есть о Вере, Надежде и Любви, которыя между собою связаны и каждая с другими имеет сообщение. К сей выписке принудило его то, что он, дожив до 80 лет, приметил кривотолков о нужном в жизни, а паче о христианстве. Тут же вмещены некоторые звания, которые упоминаются в богослужении греческого исповедания, також о человечестве, отчасти — о некоторых науках. И вкратце — о системе света и о прочем в славу недомысленного существа».

Итак, борьба с «кривотолками» о христианстве, иначе — полемика со старообрядцами (а их, как известно, немало было в Ярославле в XVIII в.), затем защита «греческого исповедания» от нападок католиков и протестантов — вот основные цели, которые довольно

отчетливо сформулировал Иоиль Быковский, обращаясь в своем предисловии к «любопытным читателям».

В этом смысле его печатная книга 1787 г. перекликается с проповедью на Преображение, произнесенной им в Ярославле 6 августа 1778 г. В конце этой проповеди Иоиль резко нападал на тех, кто из православия переходил в старообрядчество: «Будучи рожден в церкви православной, на матерь свою, церковь православную, восстает, предания ее отметая или ризу единомыслия и согласия раздирая». Иоиль грозил отступникам от официальной православной церкви словами Евангелия: «Аще кто церковь преслушает, буди тебе яко же язычник и мытарь, то есть чужд спасения».[42]

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что основной состав и членение сборника Иоиля «Истинна» (ч. 1 «О Вере», с. 5—126; ч. 2 «О Надежде», с. 126—209; ч. 3 «О Любви», с. 210—314) совпадает с курсами богословия XVIII в. Так построен, например, курс богословия Г. Конисского в записи И. Быковского, прослушанный им в КДА в 1751 г. (ГПБУ, собр. КДА, № 41). Те же разделы имеет книга Аполлоса «Вера, Надежда и Любовь. Учения богословского состав» (М., 1782). К трем традиционным разделам учебника богословия, составляющим 87 % объема его книги, Иоиль добавил немногое: разъяснения непонятных слов в библейских и богослужебных книгах («О званиях в божественном писании толкующихся», с. 315—324) и краткие сведения о разных областях знания («О науках», с. 324—335; «О человечестве», с. 335—345; «О разных званиях», с. 346—351; «О системе света», с. 351—357; «О свете и о частях его», с. 357—361).

Для церковно-школьной литературной традиции XVIII в., в рамках которой развертывалась писательская и проповедническая деятельность Иоиля Быковского, предисловие к «Истинне» интересно признанием полного равноправия «книг» и «тетрадок», т. е. печатных и рукописных книг.

В этом отношении состав собственной библиотеки Иоиля, включавшей разнообразные рукописные сборники (⟨сборники⟩ богословского содержания, сборники проповедей, сборники переписки речей, стихотворных произведений Ф. Прокоповича) и отдельные копии

---

[42] Сборник № 494 (669) Госархива Ярославской области, с. 197. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

(трактат Ф. Прокоповича «Мнение о неудобоносимом законном иге») наряду с разнообразными русскими и переводными печатными книгами XVIII в., типичен для церковно-школьной среды. Об этом писали В. А. Десницкий и М. Н. Сперанский.[43]

Приведем все же примеры цитат, выбранных Иоилем из разных авторов для своего печатного сборника 1787 г.

И. Быковский, например, часто ссылается в «Истинне» на «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова, в которое поэт включил отрывки как собственных произведений, так и произведений разнообразных писателей от античности до своих современников. Из произведений самого Ломоносова Иоиль из данной книги выбрал такое двустишие («Истинна», с. 244):

Кто хощет бо́льшим быть,
Тот должен всем служить.
(*Ломоносов М. В.* Краткое руководство
к красноречию... СПб., 1748. С. 32)

Ничего более интересного Иоиль у Ломоносова не нашел.

Из многочисленных древних авторов, цитаты из которых включил Ломоносов в эту книгу, Иоиль остановил свое внимание («Истинна», с. 93) на выдержке из творений отца церкви IV в. н. э. Лактанция (кн. 7, глава 6, по указанию М. В. Ломоносова):

«Для того свет создан, чтобы мы рождались, затем рождаемся, чтобы узнать Строителя мира и своего Создателя; для того познаем, чтобы его почитать; для того почитаем, чтобы за труды получить во мзду бессмертие» (*Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию... С. 193—194).

Переходим к другим русским источникам. Всем, кто интересовался XVIII в., хорошо известна занимательная и наполненная разнообразными произведениями книга М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки». Из нее (второе тиснение 1770 г.) Иоиль выписал («Истинна», с. 108): «В церкви смеяться никак не можно. Однако есть такие разумники, которые не только потихоньку, да

[43] Подробнее см. об этом: *Десницкий В. А.* На литературные темы. Л., 1936. Кн. 2. С. 160—162; *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. С. 100—114. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

вслух хохочут, забыв благопристойность или важнее — страх Божий» (с. 3, сноска).

Из второй части романа Ф. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» Иоиль взял («Истинна», с. 130) такую цитату: «Божиим произволениям никто противиться не может, ниже угождать (в тексте Ф. Эмина — «угадать». — *В. К., Л. К.*), к чему они клонятся. Иногда Всевышний для того нас *некоторым* (слово вставлено Иоилем. — *В. К., Л. К.*) несчастьем угнетает, чтобы после зделать более нас счастливыми» (с. 199—200). Ничего более интересного и в этом авантюрно-любовном романе Иоиль не нашел.

Посмотрим, что именно цитирует «вольтерьянец в рясе» из произведений Вольтера. На 360 страницах «Истинны» из Вольтера имеются только три выдержки. В первой («Истинна», с. 154) говорится: «Труды удаляют от нас три великие зла: скуку, порок и нужду». Это взято из рукописного перевода «Кандида» (т⟨етрадь⟩ «Кандит», как пишет в своей сноске И. Быковский). Вторая выписка из того же рукописного перевода «Кандида»: «Тяжбы дают немалое преимущество богатым над бедными судящимися; они находят средство переносить тяжбу из одного суда в другой; они утомляют и разоряют противную себе сторону и напоследок одерживают верх» («Истинна», с. 303). Третья выписка почерпнута также, по-видимому, из рукописного перевода антиклерикального романа Вольтера «История принцессы Вавилонской».[44] Что же выбрал отсюда Иоиль? На 223 странице сборника «Истинна» читаем: «Искренность, чистосердечие, откровенность, великодушие и мужество составляют добродетельный человека нрав». Известно печатное русское издание: Принцесса Вавилонская. Соч. г. В***.[45] С французского перевел Федор Полунин. Изд. второе. М., 1781; Изд. третье. М., 1788.

Нетрудно видеть, что все три цитаты из Вольтера содержат прописные истины. Ни одна из них не передает беспощадной и смелой насмешки Вольтера над религией и церковью.

---

[44] Имеется в виду роман Вольтера «Принцесса Вавилонская», в *рукописном* переводе на русский язык носивший название «История принцессы Вавилонской». За консультацию благодарю сотрудника ИРЛИ А. О. Демина.

[45] Название произведения было вписано В. Д. Кузьминой при правке стенограммы. Нечетко написанное, оно было неверно прочитано стенографисткой, и в перепечатанном набело тексте «г. В***» (т. е. господина Вольтера) превратилось в «Ч. 13...».

В этой же связи можно вспомнить выписку Иоиля из П. Л. Моро де Мопертюи, французского натуралиста и философа-геометра. У него Иоиль выбрал («Истинна», с. 215), например, такое, отнюдь не вольтерьянское изречение: «Люби Бога от всего сердца и люби других как себя» («Опыт нравоучительной философии»... сочинение де Мопертюи. СПб., 1777. С. 55 и 56).

Следует поэтому решительно отвергнуть необоснованное мнение А. А. Зимина, будто бы Иоилю были близки идеи французского Просвещения.

Обратимся к русским журналам. Цитаты из них действительно есть у Иоиля. Но посмотрим не только те, что приведены Александром Александровичем, а обратим внимание и на другие. И главное, постараемся понять принцип и цель отбора материала.

Если посмотреть выдержки, сделанные Иоилем из «Живописца» Н. И. Новикова, становится ясным, что большая часть цитат взята именно из первого и второго изданий «Живописца» (1772 ⟨и 1779 г.⟩ г.). Таковы, например, стихотворение ⟨Н. Н.⟩ Поповского «Письмо о пользе наук ⟨и о воспитании во оных юношества⟩», посвященное И. И. Шувалову, сентенции вроде: «Не смейся громко при людях, которым ты должен оказывать почтение...»; «В порочных сердцах любовь пороком обращается, напротив того, в добродетельных душах сия страсть перерождается в добродетель...»; «Человек, не имеющий постоянства, щастливым надолго быть не может» («Истинна», с. 122, 245, 243—244, 166; сравни: Живописец. 1779. Ч. 1. Л. 8, § VII; Л. 9, § IX).

Эти произведения Новиков потом выбросил, усиливая социальное звучание своей книги в позднейших повторных изданиях.

Иоиль цитирует вторую часть «Путешествия в ***» И. Т. (Живописец. 1772. Ч. 1. Л. 14, § XX), отрывок «Слушай, брат Живописец» (Живописец. 1772. Ч. 2. Л. 5, § VIII) из письма дяди Фалалея, Ермолая, издателю журнала, сноску к нему и рецепт Незрелу[46] («Истинна», с. 203, 297—298, 345, 306). Однако и здесь Иоиль цитирует, главным образом, нравоучительные отрывки. В его цитатах из «Живописца» приглушены сочувствие к крестьянам, уважение

[46] Последний был первоначально напечатан в «Трутне» (Трутень. 1769. Л. XXIV от 6 октября, § 51), а затем был включен Н. И. Новиковым в издание «Живописца» 1775 г. (ч. 1, § XVI, «Лечебник», рецепт 6). — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

к их тяжкому труду, которые так отчетливо звучат в публицистике Н. И. Новикова. Иногда Иоиль позволяет себе делать вставки в текст Н. И. Новикова, ослабляя социальную заостренность его нападок на дворянство и приспособляя выдержки из «Живописца» для нравоучительной проповеди. Приведем такой пример. У Новикова читаем: «Есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы». В конце перечня Иоиль добавляет («Истинна», с. 298): «грубые дети». Если и есть «безрассудные отцы», все же грубым детям надо помнить пятую заповедь Моисея: «Чти отца твоего и матерь твою...» Таков смысл этой поправки И. Быковского.

Наряду с цитатами из «Живописца» И. Быковский включил в «Истинну» выписку из «Всякой всячины» Екатерины II. И в этом журнале Иоиль умудрился найти сентенцию на ту же тему о благочестивом поведении в церкви, что и выше цитированный отрывок из «Пересмешника» М. Д. Чулкова. На стр. 207 «Истинны» читаем: «Злоупотребление вкралось между лучших людей, то есть шептание, улыбки и взгляды на все стороны в церкви во время службы. Все сие занимает то время, кое употреблено быть должно к тому, для чего входят в дом Божий» (Всякая всячина. 1769. № 27. С. 80).

Таким образом, книга Иоиля Быковского «Истинна, или Выписка об Истинне» является своеобразной хрестоматией для проповедника. Нравоучительные цитаты, входящие в нее, в значительной степени почерпнуты из богословских и богослужебных книг, «Катехизиса», Библии, житий святых и лишь отчасти из произведений светских писателей XVIII в.

При этом выписки из светских писателей подчинены основной задаче: защите догм православного катехизиса и проповеди христианской морали. Эта книга И. Быковского не имеет ничего общего с идеями Просвещения XVIII в., как неверно утверждает А. А. Зимин, исказив ее идейный смысл в угоду своей ошибочной концепции.

III

В заключение необходимо остановиться на некоторых примерах того, как Александр Александрович излагает историю первого издания «Слова» и последующего его изучения.

1. В. П. Адрианова-Перетц, как указал Д. С. Лихачев, написала в своем отзыве об Апостоле 1307 г. о вымышленной археографической истории этой рукописи, которую целиком выдумал А. А. Зимин.

Между тем, если человек не знал историю рукописи, надо было пойти в Отдел рукописей Государственного исторического музея, посмотреть путеводитель[47] и на стр. 14 найти указание на исследование А. А. Покровского.[48] Там показано на основе документов, что этот Апостол никогда не бывал в канцелярии Синода у Мусина-Пушкина, как выдумал А. А. Зимин, книга попала в 1679 г. из Пскова в Москву, в Типографскую библиотеку, а потом была включена в Патриаршее собрание. Грубая ошибка с историей этой рукописи могла быть допущена автором только благодаря отсутствию любопытства и элементарной научной взыскательности.

2. Вряд ли можно счесть допустимым беглое изложение или произвольное и систематическое умолчание той части отзывов А. С. Пушкина, В. Г. Белинского и даже К. Маркса, в которой они говорят о подлинности и древности «Слова о полку Игореве». Такое «умолчание», когда из отзыва Пушкина о «Слове» сохранено полностью только сопоставление его со сб. «Гузла» Мериме, а из отзыва К. Маркса — только сопоставление «Слова» с Краледворской рукописью, граничит с намеренным искажением. Очевидно, А. А. Зимин забыл, что многие историки Древней Руси знают эти отзывы наизусть, так что «умолчание» в данном случае не может даже ввести в заблуждение.

3. Совершенно произвольными представляются выводы А. А. Зимина о воззрениях А. А. Шахматова на «Слово». А. А. Зимин полагает, будто А. А. Шахматов «почувствовал несоответствие этого памятника всему строю древнерусской письменности» (с. 541). «Время составления Слова не было для него (Шахматова. — *В. К., Л. К.*) ясным» (с. 545). А. А. Зимин удивляется, почему нет ссылок на «Слово» в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» и в «Очерке древнейшего периода истории русского языка», в то время как в разделе «Историческая морфология» в курсе «Истории русского языка», читанном в 1910/11 г., А. А. Шахматов многократно ссылается на морфологические элементы «Слова о полку Игореве».

---

[47] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и печати. М., 1958. С. 14. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

[48] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 215—494; отд. оттиск: М., 1916. (Экземпляр ГПИБ. 190 с.). — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

А. А. Зимин упустил из виду, что, во-первых, «Слово о полку Игореве» — не летописный свод, а во-вторых, в книге «Очерк древнейшего периода истории русского языка» А. А. Шахматов уделил внимание, как видно даже из оглавления, лишь анализу элементов архаической фонетики и отражению ее в графике (в частности, как правильно отметил А. А. Зимин, — вопросу о редуцированных глухих гласных ъ и ь — с. 544). Как известно, именно звуковые элементы языка прежде всего искажаются при многовековой переписке. Морфологические явления по сравнению с ними гораздо устойчивее. Поэтому А. А. Шахматов закономерно и обратился к «Слову» в курсе 1910/11 г., когда приводил из него примеры древних морфологических форм. Учитывая многослойность языковых элементов «Слова», А. А. Шахматов стремился их классифицировать и проследить постепенность в их напластовании. Все это осталось непонятным А. А. Зимину как историку, не осведомленному в элементарных вопросах истории языка.

4. На стр. 538—539 А. А. Зимин бегло и неточно характеризует исследования М. Н. Сперанского по «Слову о полку Игореве», привлекая лишь монографию «Девгениево деяние» (1922), «Историю древней русской литературы. Киевский период» (1921) и издание «Слова о полку Игореве» 1920 г. с послесловием М. Н. Сперанского. Бегло упоминает А. А. Зимин публикацию А. Н. Робинсоном отрывка работы М. Н. Сперанского — «Из истории изучения „Слова о полку Игореве" в Московском университете» (Известия АН СССР. ОЛЯ. 1955. Т. 14, вып. 3. С. 288—294).

Между тем научная сотрудница Института истории АН СССР М. Е. Бычкова[49] по заданию А. А. Зимина работала в ЦГАЛИ над неизданными исследованиями М. Н. Сперанского по «Слову о полку Игореве». В фонде Сперанского ⟨в⟩ ЦГАЛИ кроме двух законченных исследований («К истории первого издания „Слова о полку Игореве"», 1925 г., оп. 1, № 267—268; «К истории изучения „Слова о полку Игореве"» 1935 г. — исследование пяти переводов к. XVIII в., оп. 2, № 4) имеется недатированный и неполный спецкурс по «Слову» (оп. 1, № 266), недатированная статья «Разбор „Слова о полку Игореве"» (оп. 1, № 270) и другие работы. М. Е. Бычкова

[49] Маргарита Евгеньевна Бычкова (р. 1936) — историк, архивист, генеалог; с 1968 г. кандидат, с 1998 г. доктор исторических наук, сотрудник Института истории АН СССР, ныне ведущий научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН.

отнесла последнюю статью к 1900-м гг. В этом «Разборе» М. Н. Сперанский обратил внимание на первую статью Мусин-Пушкинского сборника («Книга, глаголемая Гранаграф, рекше начало писменом царских родов от многих летописец»). Он отметил, что данная статья, несомненно, является частью Хронографа 2-й русской редакции 1617 г.[50] По мнению М. Н. Сперанского, остальная часть Мусин-Пушкинского сборника — по палеографическим и лингвистическим данным — относится к XVI в., и рукопись, таким образом, является составной, или, как теперь принято говорить, конволютом.

А. А. Зимин заимствовал все это у М. Н. Сперанского (с. 412—413), но не потрудился дать сноску. А доклад М. Е. Бычковой, его ученицы, «М. Н. Сперанский в работе над „Словом о полку Игореве"», прочитанный в древнерусской группе ИМЛИ 25.III.1964 г., помог без труда установить факт, источник и пути заимствования чересчур «впечатлительного» А. А. Зимина.

5. Другим примером того, как неточно излагает А. А. Зимин историю изучения «Слова о полку Игореве», может служить в числе других страница 571, на которой рассказано о собеседовании покойного академика Р. Ю. Виппера[51] с московскими специалистами по древнерусской литературе. А. А. Зимин пишет: «Незадолго до смерти он (Р. Ю. Виппер. — *В. К., Л. К.*) устроил собеседование со специалистами по древнерусской литературе о времени составления Слова о полку Игореве. На встрече присутствовали В. Д. Кузьмина, И. М. Кудрявцев[52] и другие ученые».[53]

---

[50] Впоследствии это мнение было вкратце повторено М. Н. Сперанским в книге: *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы: Пособие к лекциям в университете: Введение. Киевский период. Издание третье. М., 1921. С. 353. — *Примеч. В. Д. Кузьминой и Л. В. Крестовой.*

[51] Роберт Юрьевич Виппер (1859—1954) — историк, академик (1943). Автор трудов по истории Греции, Рима, Древнего Востока, истории Средних веков, а также книги об Иване Грозном (1944).

[52] Вероятно, имеется в виду Илья Михайлович Кудрявцев, специалист по древнерусской книжности, работавший хранителем древнерусских рукописей в рукописном отделе ГБЛ. Не исключено также, что имеется в виду его брат, Иван Михайлович Кудрявцев, актер МХАТа, занимавшийся как любитель самостоятельными разысканиями по «Слову» (правда, это менее вероятно: В. Д. Кузьмина говорит об *ученых*). В своих комментариях к изданию «Слова» в серии «Литературные памятники» (1950 г.) Д. С. Лихачев несколько раз ссылается на мнение Ив. Мих. Кудрявцева, в том числе на его статью «Заметка к тексту: „С тоя же Каялы Святоплъкъ..." в „Слове о полку Игореве"» (*ТОДРЛ*. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 407—409).

[53] *Зимин-1*. Т. 3. С. 571.

Во-первых, в число анонимных «других ученых» попали не только присутствующие здесь О. А. Державина, К. В. Кудряшов,[54] но также В. Ф. Ржига, один из крупнейших советских исследователей «Слова».

Во-вторых, из слов А. А. Зимина может создаться неверное представление, будто присутствовавшие на собеседовании мирно согласились с мнением Р. Ю. Виппера. На самом деле собеседование было жаркой трехчасовой дискуссией.

Наконец, А. А. Зимин не изложил точку зрения Р. Ю. Виппера, так как она ему неизвестна. Читателю остается только недоумевать: какого же мнения держался Р. Ю. Виппер и в чем видел он следы позднего возникновения «Слова»?

На наш взгляд, весь этот эпизод следовало бы опустить. Ведь у автора отсутствуют конкретные материалы, и он не потрудился навести справки у тех участников этой дискуссии, которые еще живы.

6. Я вполне разделяю мнение Н. К. Гудзия о сильнейшем влиянии концепции проф. А. Мазона на А. А. Зимина. Первичность «Задонщины», более позднее создание «Слова о полку Игореве» на ее основе, Кагульская победа как мнимая историческая основа «Слова о полку Игореве» — произведения к. XVIII в., готские девы как отголосок готфийской епархии XVIII в. — все это взято у проф. А. Мазона. Во время последних двух своих приездов в СССР в 1958 и 1959 гг. проф. А. Мазон пришел к выводу, что он нашел нового автора, создавшего в XVIII в. «Слово о полку Игореве», — Иоиля Быковского. Он рассказывал об этом не только множеству историков литературы и языка в Москве, но также научным работникам Киева и Ярославля, где проф. А. Мазон работал над материалами по биографии и творчеству И. Быковского. А. А. Зимин ни словом не обмолвился, что это ему известно, даже не отметив, что эта мысль была глухо высказана проф. Мазоном в печати (Revue des études slaves. 1961. T. 39. С. 138). Книга А. А. Зимина создает у читателя совершенно ложное представление, будто Иоиль Быковский открыт

[54] Константин Васильевич Кудряшов (1885—1962) — историк, доктор исторических наук, профессор. Посвятил целый ряд исследований исторической географии Поля половецкого и в связи с этим пытался определить маршрут похода князя Игоря. К. В. Кудряшов не мог присутствовать в зале во время обсуждения книги А. А. Зимина, так как к тому времени он умер.

А. А. Зиминым, и французские единомышленники проф. А. Мазона не без основания могут обвинить А. А. Зимина в плагиате.

7. Думается мне, что недопустимые для советского текстолога «приемы» работы над текстом (передержки, «умолчания», искажение), отсутствие элементарной точности показывают, что работа А. А. Зимина над такой важной темой сделана без всякого чувства ответственности и совестливости, которые необходимы в каждой научной работе и тем более обязательны для советского ученого.

8. Я хотела бы поддержать предложение акад. М. В. Нечкиной о необходимости издать ротапринтным способом материал настоящего обсуждения книги А. А. Зимина. Необходимо «рассекретить» книгу А. А. Зимина и вместе с материалом обсуждения сделать доступной читателям во всех научных библиотеках. Тогда и другим «скептикам XX в.» стало бы неповадно, не спросясь броду, соваться в воду.[55]

И. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Из всех кандидатов в российские Макферсоны[56] архимандрит Иоиль представляется мне наименее вероятным. Сказать по правде — он мрачно бездарен, о чем свидетельствуют и его школьные вирши, и его нудные проповеди. Трудно представить себе, даже насилуя свое воображение, что этот дряхлый старец, не отличавшийся литературными талантами, написал «Слово о полку Игореве».[57] Историки и лингвисты должны были бы прислушаться к мнению

---

[55] Исправленный и дополненный (в том числе подстрочными библиографическими примечаниями) текст стенограммы подписан Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой 14.V.1964.

[56] Имеется в виду Джеймс Макферсон, шотландский поэт XVIII в., прославившийся «переводом» с гэльского поэм «Фингал» (1762) и «Темора» (1763), якобы созданных ирландским певцом Оссианом в III в. Макферсон был обвинен в литературной мистификации, что сам он резко отрицал. Существует мнение, что Макферсон на самом деле не подделал, а лишь скомпилировал и отредактировал в духе сентиментализма подлинные кельтские предания, собранные им в результате поездок в горную Шотландию. Это мнение основано на том, что около 30 фрагментов, включенных в поэмы Джеймса Макферсона, были обнаружены в манускрипте под названием «Книга декана острова Лисмор», который в 1512—1526 гг. составили из записанных ими старинных шотландских легенд братья Джеймс и Дункан Макгрегоры.

[57] При вычитке стенограммы И. Н. Голенищев-Кутузов в слове «о полку» заменял строчную *п* на прописную, следуя старой традиции.

не только филологов, но и поэтов и писателей, которым подобная идентификация не может не показаться смешной.

Я полагаю, что проф⟨ессор⟩ Мазон был по-своему последователен, утверждая, что «Задонщина» — «перл создания», а «Слово» — подражание, «пастиш», не имеющее художественной ценности. Он рассуждал как филолог, лишенный эстетического чутья и слуха. У А. А. Зимина как будто бы отраднее: хороши и «Слово», и «Задонщина». Но за его похвалами, к сожалению, мне слышится равнодушие к художественному произведению, которое воспринимается только как документ. Впрочем, он ошибается и как филолог, и как историк.

К проблеме «Слова» и «Задонщины» можно подойти с разных позиций. Если прежде всего (что вполне законно) произвести филологическое и текстологическое исследования, то становится ясно, что не выдерживает критики ни основной домысел Мазона, ни надстройка А. А. Зимина. А. А. Зимин «открыл» несколько рукописных источников, в природе не существующих, которые от Пространной редакции «Задонщины» вели к той рукописи, которой будто бы воспользовался Иоиль. Эти воображаемые редакции по воле провидения должны были содержать в с е элементы, необходимые Иоилю. Таким образом Кирилло-Белозерская редакция, мешающая конструкции А. А. Зимина, просто им устраняется. Между тем только некоторая «мозаика» из всех нам известных рукописей, включая и Кирилло-Белозерскую, дает приблизительное чтение «Слова», а вовсе не Синодальные списки[58] только.

В моей работе «Слово о полку Игореве и рукописи „Задонщины“», опубликованной в издании Кондаковского института перед самой войной (Заметки к Слову о полку Игореве. ⟨Белград⟩, 1941. Вып. 2. ⟨С. 49—55⟩) и вызвавшей сильное неудовольствие Мазона, я показал, что в ряду важных разночтений «Слово» ближе к Кирилло-Белозерскому списку, чем к Синодальному и списку Ундольского (вместе с родственными ему Ист⟨орическим⟩ 1 и Ист⟨орическим⟩ 2).

Я остановлюсь на двух примерах.

[58] Синодальными списками И. Н. Голенищев-Кутузов называет списки извода Ундольского.

В «Слове» сказано «под трубами повити», в Кирилло-Белозерском списке — «под трубами поют», в Синодальном списке — «под трубами нечистых к о ч а н ы» (в остальных рукописях пропуски ⟨этого чтения⟩).

Еще А. И. Смирнов в примечаниях к своему изданию Синодального списка в 1890 г.[59] указал, что в Белоруссии к о ч и ц ь, к о ц и ц ь «говорится о женщине, рождающей двойни». Отсюда следует, что чтение Кирилло-Белозерское «п о ю т» — искажение «повити» «Слова», а «к о ч а н ы» — диалектный[60] вариант основного текста. Ошибка Кирилло-Белозерского списка несомненно доказывает близость Кирилло-Белозерского списка к «Слову». Отсюда напрашивается схема: «повити» «Слова» дают в одном случае «п о ю т» Кирилло-Белозерского списка, а в другом — перевод «к о ч а н ы». Совершенно ясно, что если бы ⟨слово⟩ «кочаны» было в первоначальном списке, то из него не могло бы возникнуть чтение Кирилло-Белозерского списка — «п о ю т».

Известно также, что текст, общий «Слову» и Кирилло-Белозерскому списку — «подъ шеломы възлѣлеяны», в Синодальном списке не встречается. И вместо «Боянъ бо вѣщий» (в Кирилло-Белозерском списке «вѣщаго Гобояна»[61]) в Синодальном списке стоит «похвал(им) вещаго горазда гудца. Тотъ бо деи похвалы...»[62] и т. д.

Таким образом, из «бо» получается «Боян» только с помощью сомнительной реконструкции, которая предполагает, что был какой-то неизвестный нам список. Это умозрительное заключение никак не следует из действительного состояния списков.

Мною указано было в названной работе[63] 7 главных схождений Краткой и Синодальной редакций.[64] Приблизительно в это же время

---

[59] *Смирнов А.* 3-й список Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII века // Русский филологический вестник. Варшава, 1890. Т. 23, № 2. С. 268—288; отд. отт.: Варшава, 1890.

[60] При вычитке стенограммы И. Н. Голенищев-Кутузов исправил это слово на «диалектальный».

[61] *К-Б.* Л. 122 об.

[62] С. Л. 37.

[63] *Голенищев-Кутузов И. Н.* «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины» // Заметки к Слову о полку Игореве. Белград, 1941. Вып. 2. С. 49—55.

[64] Синодальной редакцией И. Н. Голенищев-Кутузов называет Пространную редакцию (списки извода Ундольского).

Н. К. Гудзий указал на 11 таких схождений.[65] В настоящее время А. В. Соловьев нашел путем тщательнейшего анализа 50 схождений Кирилло-Белозерского списка и «Слова», не встречающихся в других версиях.[66]

На основании этих примеров, а также множества других, сравнив все известные рукописи «Задонщины», я пришел к заключению, что предполагаемый «фальсификатор» XVIII в., обладавший совершенно необычной для своего времени осведомленностью, должен был иметь в с е дошедшие до нас тексты «Задонщины» или по крайней мере в с е соответствующие этим редакциям списки. Из этих источников он должен был составить весьма хитроумную мозаику, которая, как это ни странно, дала более удовлетворительные тексты, чем любая из редакций «Задонщины». Если предполагать, что «фальсификатор» XVIII в. не обладал всеми нам известными рукописями и редакциями, то он должен был воспользоваться оригиналом, вожделенным для всех издателей, который он затем варварски уничтожил, несмотря на то, что открытие и опубликование первоначального списка «Задонщины» было бы для него не менее интересно, чем издание выдуманного и составленного из кусочков, подобно тряпичному одеялу, «Слова».

Александр Александрович дважды цитировал мою работу в своей книге. Однако выводы ее обошел, тем более что он изобрел некий «волшебный список», который и заменил ему для его построения версию «Задонщины». Решение легкое, но вряд ли верное.

Я не настаиваю на том, что «Слово о полку Игореве» было написано именно в конце XII в. Оно могло возникнуть и в XIII, и даже в XIV вв. на основании еще уцелевших преданий, летописей, песен. Однако для меня несомненно одно — что ф и л о л о г и ч е с к и н е л ь з я д о к а з а т ь, ч т о «З а д о н щ и н а» (в л ю б о й в е р с и и) б ы л а н а п и с а н а д о «С л о в а».

---

[65] См.: *Гудзий Н. К.* Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследованиях проф. А. Мазона // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 110: Труды кафедры русской литературы. Кн. 1. С. 153—187 (см. с. 162, 164—170).

[66] См.: *Соловьев А. В.* Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 257—262; годом ранее статья вышла в издании: International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague, 1965. Vol. 9. P. 97—105.

Замечу, что сомнения лингвистов и историков, особенно молодых, в домонгольском происхождении «Слова» питаются некоторыми наблюдениями над лексикой и стилем этого памятника. Действительно, система образов «Слова» не в достаточной степени объясняется беглыми ссылками на народную поэзию. Она как бы не соответствует стилистическим приемам древнейшей русской литературы. Однако я полагаю, что современные критики проявляют известное легковерие и, без достаточного изучения поэтики XVII—XVIII вв., готовы усмотреть в «Слове» то пуэнты барокко, то мифологию классицистов, то героико-сентиментальную фразу предромантического «Оссиана».

Позволю себе напомнить, что в XII—XIII вв. античная риторика на Западе и в Византии была обновлена и сильно влияла на литературные произведения этой эпохи во всей Европе.

В XIV—XV вв. плетение словес и прочие украшательства распространились и на Русь из пределов болгарских и сербских. В то же время живопись южных славян соперничала выразительностью с итальянской. XIV—XVI века на Востоке Европы были неким славянским Предвозрождением. В этот период времени принимались не только греческие, но и западные и латинские влияния. Известно, что галичане с XIV в. ездили учиться в Италию, а в XV в. преподавали в итальянских университетах (в Болонье).

На границах Польши и Западной Руси — как показывают новейшие польские исследования — были известны в XIII—XIV вв. латинские средневековые поэмы, например ⟨германская поэма⟩ «Валтариус», уснащенные риторическими образами.

Вместо того чтобы приписывать «Слову» совершенно ему не свойственную поэтику XVIII в., следует обратиться к изучению стилистики XIII—XIV вв. Тогда непривычные топосы, метафоры, метонимии, сравнения, эпитеты, повторы и т. д. в «Слове» (восходящие, как общее европейское достояние, к греко-латинской риторической системе IV—V вв. нового времени) перестанут нас смущать и тревожить.

Язык и стиль «Слова о полку Игореве», его художественная выразительность, его с л о в е с н о с т ь — вот что должно привлечь наше внимание в первую очередь, а не натпинкертоновские поиски автора-фантомаса, который, занявшись на досуге фальсификаторством, нежданно и негаданно создал шедевр, — как уверяет А. А. Зимин.

Подобного чуда на свете не бывает, и сотворить оное не смог и архимандрит Иоиль. Следует расширить наши горизонты, привлечь неизвестные материалы, новые материалы для изучения «Слова».

В заключение скажу, что я считаю полезным напечатать работу А. А. Зимина, несмотря на вполне очевидные ее недостатки, поскольку она вызвала брожение умов и беспокойство научной мысли.[67]

Е. М. ЖУКОВ

Слово предоставляется Н. А. Баскакову.

Н. А. БАСКАКОВ[68]

В определении источников «Слова о полку Игореве» и времени его создания некоторую, а может быть и весьма существенную, роль играют те ориентальные элементы, которые пронизывают весь памятник не только в отношении довольно значительного лексического слоя, проникшего в памятник через тюркский и — как доказывает большинство тюркологов, занимавшихся анализом этих элементов, — через половецкий (кыпчакский) язык, но и в отношении самого характера памятника, его стиля, образов, эпитетов, метафор и пр., которые отчасти характерны и для живой речи и народного творчества тюрков-кыпчаков.

Живые картины природы и образные описания походов и битв говорят о непосредственном отражении в «Слове» личных впечатлений автора, хорошо знакомого не только с бытом и обычаями своих соотечественников, но и обычаями и языком половцев-кыпчаков, с их вождями племен, их мифологией, народными преданиями и эпическими образами.

Автор «Слова» видит поле битвы после сражения, которое «птицы крыльями приодели и звери кровь прилизали»,[69] слышит, как

---

[67] На первом листе текста выступления И. Н. Голенищева-Кутузова его рукой запись: «Прочел. Исправил. 20 мая 1964 г. Москва» и его подпись.

[68] За ценные консультации при подготовке к печати текстов выступлений тюркологов Н. А. Баскакова и А. А. Валитовой благодарю сотрудника Санкт-Петербургского института восточных рукописей Д. В. Рухлядева.

[69] В древнерусском тексте «Слова»: «птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша».

«крычат телеги полунощы, рци лебеди роспужени».[70] Подметил автор «Слова» и тюркский дальтонизм — неразличение серого, зеленого, синего и голубого оттенков цвета, которые объединены для тюрка-кыпчака в едином и любимом им синем цвете. Синим кажется половцу и голубой Дон, и серая мгла, и зелено вино, и синие молнии. Для половца все представляется синим — *kök*: «синий Дон», «синее вино», «синяя мгла», «синие молнии».

Характерны для эпоса кыпчаков и некоторые эпизоды из «Слова» — эпизоды бегства Игоря с его превращениями в горностая, белого гоголя, сокола, босого волка, и беседы Гзака с Кончаком о бегстве Игоря, и некоторые другие.

Только для тюрков характерен культ таких животных, как волк, лебедь, бык. Сравнения с ними часто встречаются в «Слове».

Так, волк (*qurt, börü*) — тотем тюрок (огузов и кыпчаков) — упоминается в «Слове» 9 раз: «сѣрымъ вълкомъ по земли»; «акы сѣрыи влъци»; «влъци грозу въсрожатъ по яругамъ»; «Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ»; «скочи влъкомъ до Немиги»; «а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше»; «и скочи съ него босымъ влъкомъ» и т. д.

Лебедь (*quw*) — тотем куманов-половцев — также используется в «Слове» как яркий образ. «Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй»; «крычатъ тѣлѣгы полунощы, рцы, лебеди роспущени»; «(Обида) въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море»; «избивая гуси и лебеди».

Бык (*ögüz*) — тотем огузов — обязательный эпитет князя Всеволода и других князей: «Буй-туръ Всеволодъ», «Рыкаютъ акы тури».

Необходимыми атрибутами тюркского фольклора в «Слове» являются также и другие животные и птицы: орел, сокол, ворон — и реже: лисица, кречет, сорока и другие животные и птицы.

Некоторым влиянием половецкого языка объясняется наличие в «Слове» многообразных подражательных слов, которыми так богаты кыпчакские, тюркские языки, в том числе половецкий.

Лебедь «пояше» или «крычитъ», соловей «ущекоталъ», его пение — «щекотъ», орлы «клектомъ... зовутъ», дятлы «тектомъ путь... кажутъ», вороны «граяхуть», галки «говоряхутъ», их крик —

[70] В древнерусском тексте «Слова»: «крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени».

«говоръ», зегзица «кычеть», сороки «троскоташа», кони «ржуть», степные зверьки издают «свистъ», лисицы «брешутъ», туры «рыкаютъ» — подобные многие и разнообразные подражания приведены в известном домонгольском памятнике половецкого языка «Codex Cumanicus».[71]

Все эти особенности «Слова» и значительный лексический слой заимствований из кыпчакского (половецкого) языка, встречающийся в нем, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что автор «Слова» хорошо знал кыпчакский язык. Ему был известен сказочный мир образов и представлений кыпчаков, в равной мере как и древнерусский. Автором «Слова» мог быть только очевидец воинских походов того времени. А тюркский мир, так ярко отразившийся в «Слове», позволяет предполагать в авторе лицо смешанной крови, подобное Овлуру-Лавру, помогшему Игорю бежать из плена. А браки между русскими князьями и половецкими принцессами были тогда нередки. Сын Игоря Владимир был женат на дочери Кончака, внучка Кончака была выдана замуж за князя Ярослава Всеволодовича и т. д.

Еще более ярким свидетельством древности «Слова» является половецкая лексика, встречающаяся в «Слове». «Я не могу себе представить, — пишет один из лучших исследователей тюркизмов „Слова“ С. Е. Малов, — чтобы можно было впоследствии выдумать кому-либо эти слова или восстановить их давнюю природу».[72]

Наряду с тюркизмами, которые встречаются и в более поздних древнерусских литературных и летописных памятниках, в «Слове о полку Игореве» есть тюркизмы, которые характерны только для «Слова», и в последующих подражаниях «Слову» они, как правило, переводятся на русский язык. Например, *яругъ* — *jaruγ* — «овраг» — в более поздних памятниках заменялось словом «луг», *дивъ* — *div* — словом «диво» и т. д. Только в «Слове» — произведении автора, связанного с воинскими походами, — встречается специальный военный термин «*шереширы*», справедливо считающийся восходящим к персидскому «*тир-и-черх*», который в других памятниках уже переводится как «живой огонь».

---

[71] См. примеч. 19 на с. 266.

[72] См.: *Малов С. Е.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // *ИОЛЯ*. 1946. Т. 5, вып. 2. С. 139.

Отсутствуют в других памятниках древнерусской письменности слова, относящиеся к номенклатуре воинских подразделений, связанных с родоплеменными названиями древних узов-ковуев и кыпчаков-половцев, а именно термины: *могуты*, *татраны*, *шельбиры*, *топчаки*, *ревуги*, *ольберы*.

Следует отметить, что половцы-кыпчаки в XII в. были в значительной степени ассимилированы и смешаны с предшественниками — булгарами и узами (печенегами, ковуями, берендеями и другими огузскими племенами). Элементы смешения заметны и в языке кыпчаков, который приобрел некоторые булгаро-огузские черты.

Так, термин *быля*, который справедливо возводится Ф. Е. Коршем к древнетюркскому *bojla* или *bujla* «вельможа, боярин», независимо от их исследований ⟨т. е. исследования этих слов⟩ и не в связи со «Словом» встретился венгерскому ученому Ю. Немету при расшифровке им печенежских надписей на сосудах так называемого «Золотого клада Аттилы» в местечке Надь-Сен-Миклош в качестве имени — *Bojla Čopon*, т. е. 'быля, вельможа Чопон',[73] — обладателя одного из сосудов.[74]

Другую группу тюркизмов в «Слове» составляют слова, встречающиеся уже и в более поздних памятниках древнерусской письменности.

Изучению тюркизмов в «Слове о полку Игореве», как известно, посвятили свои глубокие исследования такие яркие представители отечественной и зарубежной тюркологии, как П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, венгерский тюрколог, посвятивший много исследований тюркской ономастике — Рашоньи (L. Rásonyi), С. Е. Малов, В. Ф. Ржига, В. А. Гордлевский, американский тюрколог К. Менгес (K. Menges), польский ориенталист А. Зайончковский (A. Zajączkowski) и некоторые другие исследователи.

Многие интересные догадки были высказаны и другими авторами — не только тюркологами, но и славистами.

---

[73] В книге Н. А. Баскакова это имя пишется иначе: Bojla Čopan, 'быля Чопан'. См.: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 155.

[74] *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagi-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. Budapest; Leipzig, 1932. (Bibliotheca Orientalia Hungarica; Bd. 2).

Все исследователи-ориенталисты единодушны в том отношении, что все ориентальные элементы, к числу которых относятся главным образом тюркизмы, в «Слове» относятся главным образом к тюркским языкам домонгольского периода.

Они единодушны также и в том, что все тюркские слова в «Слове о полку Игореве» принадлежат по своей фонетике и грамматике к огузо-кыпчакскому типу с некоторыми отзвуками булгарской фонетики, что является вполне объяснимым теми последовательными волнами миграции тюркских народов в Восточную Европу, которые характеризуют именно то время: гунны с булгарами и хазарами, огузы с узами, торками, печенегами, ковуями, берендеями и половцы-кыпчаки.

Исследователи-тюркологи не допускали даже той мысли, что тюркизмы, встречающиеся в «Слове», могли быть результатом какой-то стилизации памятника, относящейся к более позднему времени, так как монгольский период в движении тюрков в Восточной Европе сразу дал бы себя знать прежде всего в тюркских заимствованиях и в памятниках древнерусской письменности.

Мог ли какой-либо автор XVII—XVIII вв. при том состоянии тюркологии, которое было свойственно тому времени, создать такое произведение, в котором с изумительной продуманностью использована специфическая булгаро-узо-половецкая лексика, сюжеты древнетюркского эпоса и мифологии, изучение которой по существу началось только в конце XIX в.?

По мнению противников древности памятника, в частности А. А. Зимина, «Слово» было создано в период между 1767 и 1788 гг. Какими тюркологическими источниками мог бы пользоваться предполагаемый автор того времени?

Сведения о тюркских языках в то время были весьма скудные и касались главным образом языков Поволжья и Сибири.

До 1788 года, т. е. даты приобретения ⟨Мусиным-Пушкиным⟩ памятника, в России были известны только следующие материалы, включающие сведения по тюркским языкам: Материалы экспедиции ⟨Д.-Г.⟩ Мессершмидта 1720—1727 гг., где можно было найти сведения по языку якутов и сибирских татар; Родословное дерево тюрков («Шеджре-и-тюрк») Абуль Гази, хана Хивинского ⟨1643—1663 гг.⟩ (французский перевод, изданный в 1726 г., перевел с французского известный русский поэт В. К. Тредьяковский во второй

половине XVIII в.); Словарь ⟨С.⟩ Г. Гмелина — русско-турецкий, персидско-гилякский,[75] 196 слов; Словарь Г. Ф. Миллера, 300 слов из татарского, чувашского и других языков, главным образом народов Поволжья; В. Н. Татищев (1734—1738 гг.) собирал лингвистические материалы по Оренбургскому краю и Сибири, но его рукопись была передана в Геттинген; Татарский и чувашский лексикон Кириака Кондратовича; Русско-татарские разговоры Семена Котельникова; И. Э. Фишер — материалы по тюркским и монгольским языкам в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»; Сравнительные словари Екатерины II, начатые в 1773 г., выпущенные ⟨П. С.⟩ Пал⟨л⟩асом в 1786—1787 гг.; Этимологии русских слов, заимствованных из тюркских языков, помещенные в журнале «Поденьщина» Василием Тузовым.

Кроме того, к этому периоду относится довольно много рукописных материалов, главным образом татарско-русских и русско-татарских словарей. Из зарубежных пособий: турецкая грамматика ⟨И. Т.⟩ Гольдермана, грамматика и словарь ⟨Франца⟩ Менинского и некоторые другие пособия.

Пользуясь этими пособиями, автор не мог постичь и освоить все образы, стиль, элементы древнетюркской мифологии, не говоря уже о самой тюркской лексике памятника, которая при использовании этих пособий должна была обязательно отражать особенности либо турецкого, либо поволжско-татарского языков, которые были хотя и слабо, но лучше других изучены в середине XVIII в.

Все сопоставления «Слова», касающиеся в какой-либо степени тюркизмов, например, с текстом «Задонщины», со всей очевидностью указывают на первичность «Слова» и на упрощение текста в «Задонщине», в которой, как правило, специфические для «Слова» узо-половецкие слова заменены созвучными русскими словами, не имеющими какой-либо связи в отношении совпадения их по смыслу.

Например, в «Слове» — «Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ». В «Задонщине» уже — «Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грозънымъ землям».[76]

---

[75] Академик Самуэль Готлиб Гмелин (1745—1774) составил русско-турецко-персидско-гилянский глоссарий, который поместил в третьей части своего труда «Путешествие г. Гмелина по России, для исследования трех царств естества» (СПб., 1773—1785. Ч. I—III).

[76] *И-1.* Л. 219 об.

В «Слове» заложено глубокое содержание предупреждения духа земли и воды — *дива* (*div*) — о грядущем несчастье, в то время как в «Задонщине» выступает некое безликое «диво». Автор «Задонщины», как мы уже отмечали ранее, не понял значения термина «див», заменив его русским созвучным словом «диво».

Если бы процесс заимствования был обратным, автор «Слова» должен ⟨был⟩ бы быть исключительно подготовленным ориенталистом — знатоком не только специальных терминов, но и древнетюркской мифологии, что является маловероятным для XVIII в.

Духи земли и воды в пантеоне богов древних тюрок занимали исключительное положение. У некоторых тюркских народов культ духов неба, земли и подземного царства, тесно переплетающийся с древнеиранской мифологией, сохранился до самого последнего времени. Так, у современных алтайцев еще живы представления о духах воды и земли (*jer-suw*), о боге неба Курбустане (из древнеиранского — Ахурамазда) и о подземном боге Эрлике (из древнеиранского — Ариман).

Упрощены в «Задонщине» и места, характеризующиеся в «Слове» тюркскими образами, обнаруживающими знание автором «Слова» древнетюркских эпических сказаний. Сравните, например, прием психологического параллелизма, использованный в «Слове», характерный для тюркского эпоса.

В «Слове»: «Боянъ же, братие, не десять соколовь на стадо лебедѣй пущаще, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху». В то время как в «Задонщине» этот образ изъят: Боян «воскладше гораздыя своя персты на живыа струны и пояше князем руским славы: первую славу великому князю киевскому».[77]

Упрощение в «Задонщине» объясняется тем, что образ десяти соколов, выпущенных на стадо лебедей, оказался непонятным для автора «Задонщины». Пропущены специфические для «Слова» тюркизмы в «Задонщине» и в следующих словосочетаниях: в «Слове»: «Притопта хлъми и яругы» — в «Задонщине»: «Протопташа холми и лугы...»[78] Или — в «Слове»: «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую...» В «Задонщине»: «Стрѣляй,

[77] Там же. Л. 215 об.
[78] Там же. Л. 219 об.

князь великый, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую».[79]

Все эти сопоставления характеризуют первичность «Слова» и некоторое упрощение ⟨текста в⟩ более поздних памятниках, созданных под влиянием «Слова».

Как уже отмечалось здесь некоторыми выступавшими, весьма слабый и неубедительный анализ в работе А. А. Зимина дан конкретным словам-тюркизмам, при объяснении которых автор прибегал к весьма устаревшим источникам и этимологиям, а иногда ограничивался и общими заключениями о том, что все тюркизмы в «Слове» относятся к XV—XVII вв. и «никак не могут свидетельствовать о древности памятника, но дают серьезное основание для его поздней датировки».[80]

Следует отметить, что анализ тюркизмов в «Слове», проведенный крупнейшими тюркологами, как раз напротив, свидетельствует о весьма древнем происхождении «Слова». Вся тюркская лексика «Слова» по своему характеру разделяется на следующие основные группы: в 1-ю группу входят имена людей: собственные и нарицательные. 2-ю группу составляют топонимы и номенклатурные географические названия. 3-ю группу — воинская терминология и бытовые слова.

1. Имена людей собственные и нарицательные

Слово *Боян* (*Бояню*, о, *Бояне*! *вѣщей Бояне*) — этимологически связано с *baj* (богатый); в булгаро-печенежском фонетическом оформлении *pujan* / *pojan*, а также с корнем *baj*, встречающимся, например, в современном алтайском языке: *bajlu* — 'заповедный, священный, запретный'; *bajla* — 'запрещать, предостерегать'; *bajlaγan sös* — 'запретное слово, табу'. Безусловно, связано ⟨оно⟩ и с древнебулгарскими собственными именами *Bajan* / *Bojan*. Фонетически *Bojan* характерно для булгарско-печенежского произношения (ср. работу Ю. Немета, где он отметил переход *a* > o: *čapan* >*čopon*, *qapan* > *qopon*).

Велесъ (*Велесовь внуче*), как и Боян, — имя из древнего пантеона мифических существ; соответствующая форма в древнерус-

[79] Там же. Л. 223.
[80] *Зимин-1.* Т. 2. С. 305.

ском — *Волосъ* ‘скотий бог’ (параллельные формы: *Велес* = мужское имя *Влас*). Восходит к древнебулгарскому-чувашскому *Выльӑх* — ‘скот, скотина’+сы — аффикс отношения — буквально ‘скотник, занимающийся скотом’. Наиболее близкая по фонетическому оформлению к булгаро-печенежской по сравнению с более поздней формой *Волосъ*.

Гза / Гзакъ (*Гзѣ*, в других источниках *вежи Козины*) — имя половецкого князя. Из существующих этимологий известна этимология ⟨И. Н.⟩ Березина — тюркск. *γaz* (гусь) и этимология Ф. Е. Корша, который сопоставлял это имя с *ходжа*. Наиболее вероятным представляется происхождение этого имени (*Гизак*) из *g(ö)z(i) aq*, т. е. буквально ‘его глаз с бельмом’ — сочетание, в котором вполне фонетически оправдано выпадение гласных по аналогии с *t(o)r at* из *t(o)r(y) at* — ‘гнедая лошадь’. Звонкий же *g* из *к* закономерен для половецкого языка XII в., находившегося в тесном взаимодействии с языком огузов (узов, ковуев, торков, берендеев и пр.). Подобное же сочетание, слившееся в одно слово, мы можем видеть в имени другого половецкого князя, не упоминающегося в «Слове», — *Боняк*, который восходит к тюркскому *bojn(u) aq* — ‘его шея белая, т. е. белошейка’ — *Bojn'aq*, распространенная среди тюркских народов кличка собак. Менее вероятна для имени Гза этимология *qozy* ‘ягненок’, ср. казахское эпическое имя *Qozy-Körpeš*.

Кончек — имя половецкого князя — восходит, по Березину, к тюркскому *qanǯyq* «сука». Более возможная этимология *qonučaq*, ‘склонный к оседлости, к хождению в гости’. В связи с именем Кончак следует указать на слово *qončaq*, встречающееся в языке ближайших потомков половцев — карачаево-балкарцев (Н. Караулов) в значении названия одежды — ‘кожаные штаны’, имеющем своей основой тот же корень *qon* — ‘садиться, оседать, кочевать, ходить в гости’. Имя Кончак встречается также в топонимике Алтая — название населенного пункта *Кончак / Коначак*.

Овлур / Влур — имя половчанина-христианина, оказавшего помощь Игорю в бегстве из плена. Более вероятным представляется предположение о том, что *Овлур (Влур)* — адаптированное христианское имя *Лавр*, произношение которого на тюркских языках возможно как *Лавур* или в метатезной форме *Авлур* и *Овлур*; ср. алтайское *Апсилей* из русского *Василий*.

Кобяк — имя половецкого князя с ясной этимологией *Köbäk* 'собака' в половецком фонетическом оформлении; ср. турецкое *köpek*, татарское — *kübäk*.

Шарокан — имя половецкого князя *Джорук кан* (по И. Березину) < Сарухан (по Ф. Коршу). Возможно, происходит от *čora-xan*; *čora* — ср. киргизское *čoro* 'отрок княжеский, дружинник богатырский', или казахское *šora* 'мочащийся в постель'. Подобные унизительные имена нередки. Например, ср. алтайск. *бокту* 'пачкун'. То же имя в ногайском эпосе *Шора-хан*, *Шора-батыр*.

Могут — наиболее вероятной является последняя этимология L. Rásonyi — Maq+аффикс множественного числа *ut* = *Maqlar*, венг. *Maqlár* из названия древнетюркского, булгаро-печенежского рода Maq+ut. Этимология С. Е. Малова — *bögü* > mögü + t 'сильный, мужественный' также вероятна.

Татраны — этимологию этого слова, как указывает Л. Рашоньи, необходимо устанавливать в связи с термином «*tatyran*» (киргизск.) 'чудовище, страшилище' и с топонимом, встречающимся в Казахстане, — *Tatran* для названия урочища, принадлежавшего какому-то родовому подразделению, т. е. также с названием родоплеменным, сохранившимся уже только в топонимике у потомков половцев — казахов.

Шельбир — вероятна этимология Малова < *šelebi* er 'благородный муж', но более приемлемо предположение Корша о связях данного слова со словом: *šylbyr* / *čylbur* / *čylbyr* 'повод, узда', которое могло служить и родоплеменным названием, так как предметы упряжи коня часто выступают в качестве родоплеменных знаков — тамг, по которым называются и некоторые родовые подразделения.

Топчаки — также, по этимологии Л. Рашоньи, связано с родоплеменным названием: Qaraqula Tobyčaq, встречающимся только у казахов.

Ревуг(ы) — этимология Ф. Е. Корша и С. Е. Малова < *är bügä* 'мужественные богатыри'.

Ольбер(ы) — по этимологии Ф. Е. Корша и С. Е. Малова < *alp är* 'герои-воины'. Ср. также название народа — Альберское царство.

Быля — по этимологии П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша < *bojla* / *bujla* 'вельможа'; ср. печенежское имя *Bojla Čopon* (Ю. Немет).

Коган — общепризнанная этимология древнетюркского слова — *qaγan qoγan* ‘хан, глава государства’, в печенежско-кыпчакском произношении *a* > *o* в первом слоге.

Див — древнеиранский мифический дух; ср. перс. *dev* (دیو) > ‘демон, злой дух, великан’.

Чага — из *čaγa* ‘девушка, невольница’.

Кощей — из *qoščy* — многозначное слово, первоначальное значение — пастух, живущий в коше (временном шалаше) > *qoščy* / *qoššy* казахск. ‘работник, поводырь, который ведет навьюченных лошадей’ (В. Радлов) > *qoščy* ‘работник-бедняк’ (с презрит. оттенком) > *qoššy* каракалпакск. ‘бедняк батрак’. В «Слове» кощей имеет значение ‘воин-пленник’; ср.: «Ту Игорь князь высѣдѣ из сѣдла злата а в сѣдло кощиево». — «Тогда Игорь пересел из седла злата в седло пленника».

2. Топонимы и номенклатурные географические названия

Сула — название реки «*Suwly*» — многоводная.
Каяла — название реки «*Qajaly*» — скалистая.
Тьмуторокань — по этимологии Корша < Темир Тархан.
Яруг — ‘расщелина, овраг’ из *jaruγ*.

3. Воинская и бытовая лексика

Чолка — этимологически связана с лентами на колотушке бубна у шаманов (*čalγa* > *čala*).

Орьтьма — из *örtmä* ‘покров, покрывало’, из *örtmäk* ‘покрывать’ — этимология П. М. Мелиоранского.

Жемчуг — из *jenčü* / *inčžü* 〈 кит. *чжэнь-чжу*, у М. Кашгари и в других тюркских памятниках.

Япончица — из *japunča* / *japynča* ‘род одежды, накидка’, от глагола *jap* — ‘покрывать’ — этимология П. М. Мелиоранского.

Хорюгов — общепринятая этимология из монгольского *oruŋgo* / *oruŋga* ‘знамя’.

Шереширы — общепринятая этимология из персидского *тир-и-черх* ‘живой огонь’.

Босый 〈босый волкъ〉 — из *boz* ‘серый’ — этимология В. А. Гордлевского.

Харалужный — общепринятой является этимология П. М. Мелиоранского из *qaraluq* «стальной, из вороненой стали». В «Слове»

наибольшее сомнение вызывает слово *харалужный*, которое возводится и к племенному названию *карлук* (А. Зайончковский), и к слову *xarab* (خراب) 'гибель, разрушение' (В. Ф. Ржига) и др. Необходимо продолжить более тщательный анализ этого слова.

Итак, по общему признанию тюркологов, по исключительно глубоким и филигранным исследованиям крупнейших ориенталистов Ф. Е. Корша, П. М. Мелиоранского, В. А. Гордлевского, С. Е. Малова и других крупных отечественных и зарубежных ученых, «употребления вышеупомянутых тюркизмов, — как пишет С. Е. Малов, — в тонком и точном, по нашим теперешним научным данным, фонетическом звучании древнего времени и с их старыми значениями, могут быть вполне отнесены к XII в., ко времени составления „Слова о полку Игореве"».[81]

Отсутствие анахронизмов, которые могли бы быть отнесены к послемонгольскому периоду, исключительная осведомленность автора в древнетюркской мифологии, и в древнетюркских шаманистических представлениях, и в мире образов древнетюркского эпоса с его эпитетами, метафорами, психологическими параллелями и пр.; его знание древнерусских и половецких обычаев, ратного дела, воинских походов того времени и т. д.; исключительная выдержанность в фонетическом и грамматическом оформлении тюркизмов, своеобразий половецкого языка с его булгарскими и печенежскими субстратными рефлексами; отсутствие в тюркизмах явлений, характеризующих их заимствование из современных языков, *например турецкого как наиболее изученного в XVII—XVIII вв.,* — все это с исключительной убедительностью доказывает создание «Слова о полку Игореве» в домонгольскую эпоху, т. е. в XII в.[82]

В. И. ШУНКОВ

Объявляется перерыв до 16 часов.

---

[81] См.: *Малов С. Е.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». С. 139.

[82] Окончания текста выступления Н. А. Баскакова (л. 56) не оказалось у автора при вычитке стенограммы, поэтому окончание выступления вписано им на предпоследнем, 55-м листе. Здесь же стоит и подпись Н. А. Баскакова. Фразы, заключенной в звездочки, в этом вписанном от руки окончании нет.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Правленый экземпляр

Ф. 457
оп. 3
ед. хр. 11

Индекс № 620

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ РАБОТЫ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

5 мая 1964 г.
Вечернее заседание

С. Н. Азбелев . . . . с. 1
А. Н. Робинсон. . . . . . . с. 29 (38)[1]
Л. А. Дмитриев. . . . . . . с. 41 (51)
Я. С. Лурье. . . . . с. 65 (78)
Ф. П. Филин. . . . . с. 85 (97)
А. И. Клибанов. . . . . . . с. 98 (108)
О. А. Державина. . . . . . с. 112 (120)

На 126 листах

---

[1] В скобках указаны страницы по окончательной нумерации тома. Число страниц увеличилось в связи с тем, что при первоначальной нумерации некоторые страницы были пронумерованы с буквенными обозначениями (14, 14а, 14б и т. д.).

СТЕНОГРАММА
ОБСУЖДЕНИЯ РАБОТЫ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Вечернее заседание
5 мая 1964 года

Председательствует чл.-корр. АН СССР В. И. Шунков.

В. И. ШУНКОВ

Продолжим нашу работу. Слово имеет С. Н. Азбелев.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Не будучи специалистом в вопросах истории языка и литературы второй половины XVIII в. и в других областях, затрагиваемых в работе А. А. Зимина, я, естественно, не могу говорить здесь о каждом разделе его книги. Поэтому я скажу о тех аспектах его работы, которые непосредственно относятся к области моих специальных занятий. Попытаюсь охарактеризовать, как решил автор основные текстологические вопросы, а также некоторые вопросы, связанные с фольклором.

Основное место в книге А. А. Зимина уделено именно текстологическому исследованию. Это вполне закономерно. Состав источников «Слова о полку Игореве» может быть определен только на основе такого исследования. Только текстологический анализ может здесь дать надежную основу и для решения главного вопроса — о датировке памятника. Не преувеличивая можно сказать, что текстология — центр всей работы А. А. Зимина. Я отнюдь не собираюсь умалять значение лингвистических, исторических и историко-литературных данных. Сами по себе они, вообще говоря, могут, конечно, служить вполне надежными критериями для датировки, особенно когда речь идет о дистанции в шесть столетий, как это имеет место в данном случае.

Но вопрос чрезвычайно осложнен наличием совершенно бесспорной текстуальной связи «Слова о полку Игореве» с «Задонщиной» и отчасти со «Сказанием о Мамаевом побоище».

Сложность эта усугубляется тем, что сама «Задонщина» представлена рукописями, сильно различающимися по тексту между

собой и различающимися по степени своей близости к «Слову о полку Игореве».

Если считать, что «Слово» предшествовало «Задонщине», то возможны два объяснения этого обстоятельства. Либо «Словом» воспользовался автор первоначального текста «Задонщины» — тогда рукопись, наиболее близко передающая этот первоначальный текст, должна быть ближе всех других и к «Слову». Либо к «Слову» обращался не только автор первоначальной «Задонщины», но и те, кто позднее подвергал ее текст дальнейшей обработке, — тогда рукописи, явившиеся результатом этой обработки, должны сохранять следы двукратного обращения к «Слову о полку Игореве».

Если же, наоборот, «Задонщина» предшествовала «Слову», то практически невероятно, чтобы автор «Слова» использовал и сводил воедино материал различных ее версий (подобное предположение всерьез никем и не выдвигалось). Естественно, что в этом случае какая-то одна из существующих разновидностей текста «Задонщины» должна быть ближе всех других к «Слову». Если такой текст «Задонщины» существует, то необходимо выяснить его отношение к ее первоначальному тексту и другим источникам. Если окажется, что это результат одного из поздних этапов истории текста самой «Задонщины» и что эволюция ее текста не связана с использованием источников, откуда дополнительно могли проникнуть чтения, восходящие к «Слову», то вопрос можно считать решенным в том смысле, что «Слово» появилось позднее «Задонщины».

Таким образом, необходимым предварительным условием является выяснение истории текста самой «Задонщины» и состава ее источников.

Не буду излагать историю вопроса о «Задонщине». Напомню только один наиболее важный момент. До сих пор все исследования «Задонщины», кроме одного (о котором я скажу дальше), исходили из тезиса о первичности «Слова о полку Игореве». Тезис этот принимался как бесспорный, а отсюда и убеждение исследователей, что все текстуальные совпадения со «Словом» непременно должны были содержаться уже в первоначальном тексте «Задонщины». Предпринимавшиеся до настоящего времени реконструкции этого первоначального текста (В. П. Адриановой-Перетц, Р. Якобсоном и некоторыми другими исследователями) непременно включали в него все совпадения со «Словом о полку Игореве» и вводили в архетип

чтения тех списков, которые ближе к «Слову». Вполне понятно, что эти исследования и эти реконструкции не могут помочь решению самого вопроса о соотношении «Слова» и «Задонщины». Необходимо такое исследование «Задонщины» и такая реконструкция ее текста, которые бы исходили из сопоставления самих рукописей «Задонщины» — без всякой оглядки на степень их близости к «Слову о полку Игореве».

Незадолго до войны такое исследование выполнил чешский славист Ян Фрчек, вскоре погибший в застенках гестапо. Книга его была опубликована посмертно в 1948 г. Фрчек пришел к выводу, что первоначальным должен быть признан тот вид «Задонщины», который представлен древнейшим ее списком — Кирилло-Белозерским. Дело здесь, конечно, не в древности самой этой рукописи, а в том, что все остальные списки сохранили следы вторичной редакционной переработки первоначального текста. Текст Кирилло-Белозерского списка завершается описанием того, как русские вдовы оплакивали погибших воинов. Текст остальных списков содержит еще вторую часть, где после оплакивания погибших снова описывается сама битва. Эта вторая часть скомпилирована из фрагментов первой части и заимствований из Никоновской летописи, которая возникла значительно позднее. Отсюда Фрчек делал вывод о вторичности текста поздних списков. Учитывая общий мрачный колорит Кирилло-Белозерского текста и противостоящую ему мажорную тональность заключительной части поздних текстов, Фрчек заключил, что Кирилло-Белозерская рукопись отразила текст, возникший в конце XIV в., когда вскоре после Куликовской победы Русь снова была подчинена татарам. Позднейшая же переработка была сделана уже после окончательного освобождения от татарского ига, по мысли Фрчека, — в конце XV в.

А. А. Зимин продолжил работу Фрчека на гораздо более широкой текстологической основе. Не ограничиваясь отдельными сопоставлениями (как поступил его предшественник), А. А. Зимин произвел полное сличение всех известных списков самой «Задонщины» и, кроме того, сопоставил их с текстами всех известных редакций «Сказания о Мамаевом побоище», которого Фрчек не касался. Таким образом, А. А. Зимин рассмотрел всю рукописную традицию, связанную с Куликовской битвой. Сделать это было необходимо не только ввиду текстуальной связи «Сказания» с «Задонщиной»,

но и потому, что отдельные совпадения со «Словом о полку Игореве» есть и в самом «Сказании о Мамаевом побоище».

Однако соотношение между «Задонщиной» и «Сказанием» А. А. Зимин, в отличие от всех его предшественников, впервые рассмотрел, отвлекшись на этом этапе работы от их отношения к «Слову о полку Игореве». Это обстоятельство крайне важно, так как только таким путем и возможно добыть надежный материал для последующего рассмотрения вопроса о том, первично или вторично «Слово» по отношению к текстам, повествующим о Куликовской битве.

Надо сказать, что А. А. Зиминым здесь была проделана огромная, очень кропотливая работа, выполненная во всеоружии самой современной текстологической методики. Результаты ее наглядно представлены в книге, что позволяет проверить каждый шаг исследователя. Некоторые частные утверждения А. А. Зимина вызвали у меня сомнения или возражения, на которых я здесь не буду останавливаться (они сообщены мною автору). Однако даже с полным учетом всех этих сомнений и возражений все основные доводы А. А. Зимина представляются вполне обоснованными текстологически.

Бесспорно, что сохранилось две различные редакции «Задонщины». Текстологический анализ привел А. А. Зимина к выводу, что первоначальная (по терминологии А. А. Зимина — Краткая) редакция — та, к которой восходит Кирилло-Белозерский список, а вторичная (по терминологии А. А. Зимина — Пространная) — та, которая представлена остальными списками. Все это обосновано текстологически, и нет абсолютно никаких оснований голословно говорить о ненаучности такого деления, как это имело место на вчерашнем заседании.

А. А. Зимину удалось показать, что «Сказание о Мамаевом побоище» испытало на себе влияние первичной редакции «Задонщины» и, в свою очередь, повлияло на ее вторичную редакцию. А так как на вторичную редакцию «Задонщины» влияла, в частности, та редакция «Сказания», которая читается в Никоновской летописи, составленной в начале XVI в., то значит, и сама вторичная редакция «Задонщины» возникла не ранее этого времени, а не в XV в., как думал Ян Фрчек.

Скрупулезное сопоставление обеих редакций «Задонщины» позволило А. А. Зимину доказать, что Кирилло-Белозерский список,

несмотря на некоторую дефектность своего текста, в общем довольно точно передает первичный текст Краткой редакции.

Таким образом, Кирилло-Белозерский список является вполне надежной основой для реконструкции текста исходной рукописи Краткой редакции.

Произведенный А. А. Зиминым сравнительный анализ списков Пространной редакции убеждает в том, что списки эти распадаются на два вида, или извода, которые сам Зимин именует изводом Ундольского (по названию одного из его списков) и Синодальным изводом, который представлен одним списком — Синодальным. Действительно, частные текстуальные отличия Синодального списка от остальных показывают, что эти остальные списки восходят к общему архетипу, отличавшемуся от текста оригинала Синодального списка.

Весьма важно для уяснения литературной истории «Задонщины» еще одно обстоятельство, установленное предшественниками А. А. Зимина, с которыми он в этом пункте соглашается. Работами И. И. Срезневского, А. И. Никифорова, В. Ф. Ржиги и В. П. Адриановой-Перетц показано, что «Задонщина» возникла как устно-поэтическое произведение и что основу дошедших до нас рукописных ее текстов составила запись текста, бытовавшего в устной традиции.

Вопрос этот очень важен, и в этой связи я бы хотел сделать некоторые уточнения.

Д. С. Лихачев говорил вчера, что у А. А. Зимина нет союзников в вопросе об устности «Задонщины». Он говорил, что А. А. Зимин приписывает подобную точку зрения В. П. Адриановой-Перетц, хотя она ничего подобного нигде не высказывала, а отметила лишь, что тексты «Задонщины» записывались по памяти. Это легко опровергнуть простой цитатой из того, что писала Варвара Павловна. Далее я ее приведу.

Но прежде следует сказать еще вот о чем.

Об устности «Задонщины» писал еще Срезневский,[2] которого Д. С. Лихачев забыл упомянуть. Совсем недавно, в 1959 г., об этом же писал В. Ф. Ржига,[3] о чем Дмитрий Сергеевич также забыл упо-

---

[2] *Срезневский И. И.* «Задонщина» великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Ондреевича // *ИпоОРЯС*. СПб., 1858. Т. 6, вып. 5. Стб. 337—362 (в отд. изд.: СПб., 1858 — с. 4, 7—8).

[3] *Ржига В. Ф.* Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. // Повести о Куликовской битве /

мянуть. В. Ф. Ржига солидаризировался с мнением Срезневского, процитировав его полностью, и от себя писал следующее (цитирую): «Преобладающий песенный характер „Задонщины“ становится совершенно очевидным» и «только повествовательный характер заключения с перечислением понесенных потерь несколько ослабляет песенную стихию» (Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 398).

Напомню, что здесь В. Ф. Ржига имеет в виду Пространную редакцию «Задонщины», где перечисление понесенных потерь заимствовано из «Сказания о Мамаевом побоище», чем и объясняется отличие этой части от других.

Этот вывод Вячеслава Федоровича явился результатом изучения им всех списков «Задонщины». Основание этого вывода изложено в той же работе на предыдущих страницах.

А вот что писала в этой связи В. П. Адрианова-Перетц. Рецензируя работу В. Ф. Ржиги, Варвара Павловна привела ряд собственных наблюдений и пришла к следующему выводу (цитирую): «Думается, что приведенные примеры подтверждают мысль И. И. Срезневского, развитую В. Ф. Ржигой, об устном источнике списков „Задонщины“». И далее: «Чрезвычайно плодотворным для восстановления текста „Задонщины“ является утверждение В. Ф. Ржиги о значительной роли песенного начала в самом жанре произведения» (Известия Отделения литературы и языка. 1960. Т. 19, вып. 2. С. 157 и 158).

Через два года ⟨точнее, на следующий год⟩ Б. Н. Путилов, работу которого упоминал здесь Д. С. Лихачев, высказался в том смысле, что, хотя стилистика «Задонщины» явно тяготеет к фольклору, в ней нельзя усмотреть песенный сюжет.[4] По-видимому, это вполне справедливо. Трудно допустить, что «Задонщина» представляет в основе своей запись песни. Но устная поэзия, как известно, не ограничивается песнями. Далеко не каждый фольклорный текст поется и обладает типично песенным сюжетом. Прозаические жанры русского фольклора, за исключением сказки, изучены пока недостаточно. Но уже сейчас можно сказать, что жанр исторических преданий —

Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 377—400. (Лит. памятники).

[4] См.: *Путилов Б. Н.* Куликовская битва в фольклоре // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 126.

в самых различных его разновидностях — в средневековой Руси был чрезвычайно развит. И если признать, что в основе «Задонщины» лежал текст высокохудожественного и близкого по своим поэтическим средствам к песенному эпосу предания, то все становится на свои места.

Я не могу здесь сейчас развивать эту мысль, но важно подчеркнуть следующее: сам факт устно-поэтической основы «Задонщины», тот факт, что списки ее имеют в основе запись устного текста, установленный столь авторитетными исследователями, никем до сих пор не опровергнут.

А. А. Зимин считает, что устно-поэтическим оригиналом пользовался только составитель Краткой редакции «Задонщины». Пространная же редакция, с его точки зрения, представляет собой уже чисто книжную компиляцию.

Я думаю, что здесь А. А. Зимин заблуждается. Устно-поэтическая стихия вполне отчетливо видна и в тех частях Пространной редакции, которых нет в Краткой редакции. Мнение А. А. Зимина, что это результат только влияния на книжника самой Краткой редакции, мне представляется натяжкой.

Естественнее предположить, что устное предание, составившее основу Краткой редакции, бытовало в разных редакциях, которые были использованы, наряду с самой Краткой редакцией, составителем Пространной редакции. Очевидно, что устная традиция влияла кое-где непосредственно и на «Сказание о Мамаевом побоище».

Впрочем, эти обстоятельства не колеблют основных выводов А. А. Зимина о соотношении редакций «Задонщины».

На основе всех этих выводов А. А. Зимин выполнил реконструкцию архетипа Краткой редакции «Задонщины» и реконструкцию архетипа Пространной редакции. Эти реконструированные тексты с полным учетом разночтений, имеющихся в реально дошедших рукописях, А. А. Зимин публикует в приложении к своей книге. Необходимо подчеркнуть, что принципы, на которых строятся эти реконструкции, в каждом случае подробно оговорены, а все разночтения по всем реально дошедшим спискам тут же полностью приведены.

Здесь высказывалось недоумение по поводу того, что в основу реконструкции Пространной редакции положен список И-1, хотя сам А. А. Зимин указывает на то, что другой список — Синодальный — часто ближе передает текст Краткой редакции. Но это объ-

яснено самим А. А. Зиминым. Дело в том, что список И-1 — наиболее полный из всех списков этой редакции и в целом именно он ближе к Краткой редакции. Синодальный же список ближе к ней только в отдельных своих частях.

Сопоставляя тексты «Задонщины» с текстом «Слова», А. А. Зимин действительно пользуется собственными реконструкциями, что было ему вчера поставлено в вину. Говорилось, что нужно сопоставлять подлинные тексты, а не собственные реконструкции. Но упрек этот — не по адресу. А. А. Зимин нигде не выдает свои реконструкции за подлинные тексты. Более того, в каждом текстологическом сопоставлении (а их в книге десятки) А. А. Зимин дает и реконструированный текст, и подлинный текст всех рукописей, если они отличаются от реконструированного текста. Нет ни одного сопоставления, где бы подлинный текст всех рукописей был подменен реконструированным текстом. Реконструкции использованы А. А. Зиминым для более наглядной иллюстрации своей гипотезы, но нигде не использованы для ее доказательства.

Если «Слово» было источником «Задонщины», т. е. если верна точка зрения, которую отстаивают оппоненты А. А. Зимина, то «Слово» должно быть ближе всего к Кирилло-Белозерскому списку. И уж во всяком случае в остальных списках не может быть ни одного существенного с точки зрения истории текста совпадения со «Словом», которое отсутствовало бы в архетипе первоначальной редакции «Задонщины».

Можно, впрочем, допустить, что к «Слову» обращался не только автор первоначальной редакции, но и составитель вторичной редакции, т. е. допустить, что «Слово» дважды было использовано как источник «Задонщины». При всей маловероятности такой гипотезы она все же в принципе возможна и потому тоже нуждается в проверке. Если эта гипотеза верна, то должны быть случаи, когда текст списков второй редакции «Задонщины» имеет и такие совпадения со «Словом», которых не было в первой редакции. Но тогда случаи эти должны отвечать одному условию, принципиально важному для решения всего вопроса. Источником этих добавлений должно было быть, естественно, само «Слово о полку Игореве»; этим источником никак не мог быть другой текст, не связанный со «Словом».

А. А. Зимин проверяет, прежде всего, реальность наиболее простого объяснения тезиса о первичности «Слова». Он проверяет,

удастся ли объяснить все совпадения его с «Задонщиной» фактом обращения к «Слову» составителя ее Краткой редакции.

Сопоставление текстов «Слова» и обеих редакций «Задонщины» демонстрирует с полной очевидностью, что реальность такой гипотезы начисто исключается.

Предшественниками А. А. Зимина высказывалось мнение, что текст Кирилло-Белозерского списка содержит довольно много чтений, которые ближе к «Слову», чем соответствующие чтения остальных списков «Задонщины».[5] В. Ф. Ржига приводил 25 отрывков из текста Кирилло-Белозерского списка, в которых он нашел текстуальные параллели со «Словом».[6] Н. К. Гудзий приводил 11 отрывков такого же рода.[7]

А. А. Зимин в своей работе наглядно анализирует каждый из этих случаев. Выясняется, что подавляющее большинство примеров не могут быть истолкованы в том смысле, что текст Кирилло-Белозерского списка наиболее близок к «Слову». Почти везде соответствующие тексты поздних списков (особенно — Синодального списка) оказываются еще ближе к тексту «Слова», чем список Кирилло-Белозерский. В одном или в двух случаях можно говорить об одинаковой степени сходства со «Словом» как Кирилло-Белозерской рукописи, так и поздних списков.

И только семь случаев дают как будто основание говорить о большей близости к «Слову» отдельных чтений Кирилло-Белозерского текста. Однако выясняется, что и из этих семи примеров фактически ни один не может служить аргументом в пользу первичности «Слова». Во-первых, и в этих случаях контекст поздних списков оказывается ближе к «Слову о полку Игореве». В каждом из семи случаев лишь одно слово Кирилло-Белозерского текста либо совпадает, либо сходно с соответствующим словом «Слова о полку Игореве»

[5] Первым отметил это сходство И. Н. Голенищев-Кутузов. См.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины» // Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941. Вып. 2. С. 49—55.

[6] *Ржига В. Ф.* Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина») // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1948. Т. 43. С. 13—17.

[7] *Гудзий Н. К.* Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследованиях проф. А. Мазона // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 110: Труды кафедры русской литературы; кн. 1. С. 153—187; см. также: *Гудзий Н. К.* По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 90—91.

при отсутствии данного сходства или совпадения в других списках «Задонщины». При этом один из примеров вообще должен быть отброшен. Здесь, как верно отмечает А. А. Зимин, мы имеем дело с чисто лексическим, а не с текстологическим совпадением (слово «зегзица»). В остальных шести случаях ясно видно, что текст поздних списков, в особенности наиболее близкого к «Слову» Синодального списка, испорчен. Сопоставив чтения этих списков между собой и с чтениями Кирилло-Белозерского списка, нетрудно убедиться, что мы имеем дело с дефектной передачей поздними списками текста из архетипа. В архетипе же читалось, очевидно, так же, как и в Кирилло-Белозерском списке.

Таким образом, в результате скрупулезного текстологического сопоставления выясняется, что нет практически ни одного факта, который безусловно свидетельствовал бы о большей близости текста Краткой редакции «Задонщины» к «Слову о полку Игореве».

И. Н. Голенищев-Кутузов сегодня говорил, что ⟨А. В.⟩ Соловьев нашел 50 схождений Кирилло-Белозерского списка со «Словом», не встречающихся в других списках. Это очень интересно. Остается подождать, пока эта работа Соловьева будет напечатана, после чего можно будет рассмотреть и оценить его аргументацию.[8]

Еще о двух замечаниях И. Н. Голенищева-Кутузова. Он привел здесь несколько примеров, когда текст Кирилло-Белозерского списка как будто ближе к «Слову», чем текст Синодального списка. Случаи эти уже разобраны в книге А. А. Зимина. И⟨лья⟩ Н⟨иколаевич⟩ выразил удивление по поводу того, что А. А. Зимин считает источником «Слова» не одну из дошедших до нас рукописей «Задонщины», а список несохранившийся. И. Н. Голенищев-Кутузов назвал его иронически «волшебным списком», который заменил А. А. Зимину протограф «Задонщины».

В наше время ни один текстолог не возьмется утверждать, что сохранились все списки какого-либо памятника, бытовавшего в рукописной традиции. Оперирование в текстологических исследованиях суждениями о тексте недошедших рукописей, о которых можно, однако, судить по рукописям сохранившимся, — вещь настолько

[8] Работа А. В. Соловьева была опубликована в 1965 г. См.: *Соловьев А. В.* Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague, 1965. Vol. 9. P. 97—105; то же в кн.: Культура Древней Руси. М., 1966. С. 257—262.

элементарная и даже обязательная для любого текстолога, что нет необходимости об этом говорить.

Итак, фактов, свидетельствующих о большей близости к «Слову» Краткой редакции Задонщины, практически не оказывается. Зато имеется множество фактов — и совершенно очевидных, которые свидетельствуют о большей близости к «Слову» именно Пространной редакции «Задонщины». Параллельные тексты, приведенные А. А. Зиминым, показывают это с достаточной наглядностью.

К сожалению, А. А. Зимин слабо подчеркнул, что целый ряд чтений «Слова», сходных с чтениями Пространной редакции «Задонщины», вообще не имеют параллелей в ее Краткой редакции. Следовало бы особо обратить внимание читателей его книги на все те случаи, когда совпадение со «Словом» есть только во второй части вторичной редакции «Задонщины», причем в тех отрывках этой части, которые текстуально не могут быть возведены к первичной редакции, например: «А катунъ своих не трепати, а трепати намъ сырая земля»,[9] «побѣгши неуготованными дорогами»[10] и т. п.

Если считать, что «Слово о полку Игореве» предшествовало «Задонщине», то подобные совпадения можно было бы объяснить только тем, что составитель вторичной редакции «Задонщины» черпал все эти образы из самого «Слова», т. е. что имело место вторичное обращение к «Слову». Однако предположение это, громоздкое само по себе, оказывается невозможным после выяснения реальных источников соответствующих частей вторичной редакции «Задонщины». А. А. Зимин показывает, что составитель этой редакции использовал здесь «Сказание о Мамаевом побоище». В частности, примеры, приведенные мною выше, взяты «Задонщиной» именно из «Сказания».

Таким образом, если исходить из гипотезы о первичности «Слова», то придется еще усложнить ее предположением, что «Словом» пользовался также составитель «Сказания о Мамаевом побоище». Но даже если допустить и это, то совершенно невероятно, чтобы по какой-то удивительной случайности составитель «Сказания» почерпнул из «Слова» только то, что затем перешло из самого «Сказания» во вторичную редакцию «Задонщины». Ведь в «Сказании» есть

[9] *И-2*. Л. 73 об.
[10] *И-1*. Л. 222 об.

только те параллели к «Слову», которые читаются и в «Задонщине».

К тому же это не освобождает от необходимости считать, что к «Слову» обращался и непосредственно сам составитель вторичной редакции «Задонщины». Иначе невозможно объяснить многочисленные случаи, когда текст «Задонщины», близкий к «Слову» уже в первичной ее редакции, оказывается еще ближе во вторичной редакции. Получается, что составитель вторичной редакции внимательно сравнивал первичную редакцию, где «Слово» уже было использовано, с самим «Словом» и везде, где только можно, исправлял текст, еще более приближая его к «Слову о полку Игореве», причем исправлял часто отдельные слова и даже отдельные буквы.

Исключительная громоздкость и явная искусственность подобной гипотезы настолько очевидна, что говорить о ней всерьез не приходится.

Здесь я хотел бы подчеркнуть одно крайне важное обстоятельство.

Мы прослушали много выступлений оппонентов А. А. Зимина. Было высказано несколько возражений и по вопросу о текстологическом исследовании А. А. Зиминым соотношения редакций самой «Задонщины», и об отношении ее к «Слову». Но пока возражения эти почти целиком сводились к ничем не аргументированным утверждениям о неубедительности и несостоятельности этой части исследования А. А. Зимина. Из конкретных возражений было сделано лишь несколько указаний на третьестепенные частности, которые, даже если признать все эти возражения оправданными, нисколько не колеблют общего построения А. А. Зимина.

А между тем как раз эта часть его работы лежит в основе всего построения, именно здесь ключ к решению вопроса, является ли «Слово» памятником XII в. или оно возникло позднее на несколько веков. И здесь уже не так важно, был ли автором Иоиль Быковский или кто-нибудь другой. Все это в конце концов частности, и не в них основной пафос исследования А. А. Зимина.

Но допустим, что А. А. Зимин ошибся в первой главе своего исследования — в трактовке истории текста самой «Задонщины». Как известно, даже самый опытный текстолог не застрахован от ошибок. Можно ведь предположить, что Кирилло-Белозерский список сохранил не первоначальную ее редакцию, а одну из позднейших переработок. Именно на этом настаивал вчера Дмитрий Сергеевич

⟨Лихачев⟩, хотя конкретно он не опроверг построение А. А. Зимина. Тогда возможна следующая картина. «Словом о полку Игореве» воспользовался составитель не дошедшей до нас первоначальной редакции «Задонщины». Одну из переработок ее сохранил Кирилло-Белозерский список, другую — позднейшие списки. Та же не дошедшая до нас редакция «Задонщины» была использована и «Сказанием о Мамаевом побоище». В таком случае все объясняется относительно просто: совпадения «Сказания» и обеих редакций «Задонщины» со «Словом» являются результатом того, что «Словом» пользовался их общий источник — недошедшая первоначальная редакция «Задонщины». Так в общем и предполагали те предшественники А. А. Зимина, которые считали «Слово о полку Игореве» памятником XII в.

Однако ими же установленное и никем пока не опровергнутое обстоятельство делает подобную гипотезу невозможной. Все дело упирается в устную основу «Задонщины».

Поскольку установлено, что все дошедшие рукописи «Задонщины» восходят в конечном счете к устно-поэтическому тексту о Куликовской битве, ясно, что либо сам этот устно-поэтический текст уже содержал все реминисценции, восходящие к «Слову», либо они были внесены при литературной обработке этого текста, либо имело место и то и другое. В последнем случае мы опять сталкиваемся с маловероятным предположением о двукратности использования «Слова». Маловероятность его усугубляется «разнокачественностъю» этого использования: одно дело книжная компиляция, а другое дело — использование письменного источника в устном творчестве сказителя.

А. А. Зимин указывает, что устное происхождение «Задонщины» — сильное препятствие для гипотезы о первичности «Слова». Он отмечает, что, поскольку устная «Задонщина» была записана, очевидно, в конце XV в. (Ефросином), а возникла, очевидно, в конце XIV в., практически невозможно допустить, чтобы соответствия ее со «Словом» сохранились в такой чистоте за сто лет устного бытования. Замечание само по себе очень верное. Но поскольку у А. А. Зимина нет прямых доказательств того, что впервые «Задонщина» записана именно Ефросином (хотя это и подкреплено косвенными аргументами), не может быть абсолютной уверенности и в столь длительном хронологическом разрыве между возникновением устно-поэтического текста и его записью.

Думается, что здесь следовало более подробно рассмотреть те конкретные случаи, о принципиальной возможности которых я только что говорил.

Допустим, что все соответствия со «Словом о полку Игореве» содержались уже в устной «Задонщине». Всего в «Слове» около 200 полных соответствий и около 25 приблизительных соответствий с «Задонщиной»; в большинстве это — отдельные слова и краткие словосочетания из двух или трех слов, но есть и весьма значительные по объему отрывки.

Сказитель, создавший устную «Задонщину», безусловно, должен был знать наизусть текст «Слова о полку Игореве», чтобы использовать его столь широко. Значит, «Слово» должно было быть исключительно популярно еще в конце XIV в., т. е. спустя два столетия после своего возникновения. Между тем не сохранилось ни одной рукописи с текстом «Слова» (если не считать Мусин-Пушкинскую) и ни одного произведения литературы, на которое «Слово» повлияло, так как «Задонщина» в основе имеет запись устного текста.

Новейшая история русского фольклора знает много случаев влияния литературы на устно-поэтические тексты. Почти все это — фольклорные переделки литературных оригиналов, но переделки совсем иного характера. Они сохраняют основу содержания литературного оригинала, «фольклоризируя» преимущественно изобразительные средства. Здесь же наоборот: содержание совсем иное (победа над татарами вместо поражения от половцев), а изобразительные средства взяты из литературного оригинала. Для фольклора это вещь совершенно невозможная. В современном фольклоре встречаются еще так называемые «ответы» — песни, содержание которых как бы откликается на содержание популярной песни литературного происхождения. Но в таких случаях «ответ» тесно связан с оригиналом единством исторической обстановки, единством «факта», освещаемого с разных сторон оригиналом и «ответом». Ничего этого нет в соотношении «Задонщины» и «Слова». Я уж не говорю о том, что сами жанры песен-«ответов» и переделок появились только в XX в.

Таким образом, объяснить соответствия «Слова» и «Задонщины» влиянием на ее устную основу литературного оригинала невозможно.

Высказывалось мнение, что само «Слово о полку Игореве» возникло как факт устной поэзии. Если стать на эту точку зрения, хотя она и не получила признания, то в принципе вполне допустим тот характер использования «Слова», который можно было бы усмотреть в устной «Задонщине». Но в этом случае необъяснимо другое. Как могла дойти до нас именно та запись устно-поэтического текста «Слова», которая так близка «Задонщине»? Если «Слово» было записано в XII или в XIII в., т. е. вскоре после его возникновения, то невозможно допустить, чтобы за два столетия устного бытования текст его сохранился в такой точности, что в «Задонщине», использовавшей через двести лет один из устных вариантов «Слова», оказалось 200 точных соответствий (в том числе соответствий больших фраз) с другим вариантом двухсотлетней давности. Это практически означало бы, что в течение двух веков сложнейший поэтический текст «Слова» не подвергся почти никаким изменениям, бытуя в устной традиции. Для фольклора это опять-таки невозможно.

Остается допустить, что «Слово о полку Игореве» было записано примерно тогда же, когда была записана устная «Задонщина», т. е. в рукописи был зафиксирован чуть ли не тот же самый его вариант, который использовал сказитель «Задонщины». Можно, конечно, предположить, что этот сказитель имел в своем репертуаре «Слово о полку Игореве», а после того как он создал с его помощью «Задонщину», оба эти текста от него и были записаны. Но в этом случае непонятно, зачем понадобилось записывать «Слово» именно в XIV или в XV в., когда актуальность его была ничтожно мала. Ведь репертуар такого выдающегося сказителя, каким, несомненно, являлся создатель устной «Задонщины», не мог не быть чрезвычайно богатым. В этом репертуаре должны были быть и другие вещи большой художественной силы и гораздо более интересовавшие современников, чем повествование о неудачном походе одного из давно забытых удельных князей. Да и не мог этот сказитель опираться в своем творчестве на одно только «Слово о полку Игореве». Всякое новое явление в фольклоре возникает на базе широкой предшествующей традиции. Если существовала традиция, породившая в XII в. «Слово о полку Игореве», а в XIV в. — «Задонщину», то за этот двухсотлетний период должно было появиться немало «промежуточных» текстов, бытовавших затем гораздо более активно, чем «Слово», — гораздо больше отвечавших запросам аудитории XIV—XV вв.

Поэтому неверно[11] было бы думать, что именно «Слово» записано одновременно с «Задонщиной».

Главное же состоит в том, что в XIV или XV в. устно-поэтический текст, возникший в XIII в., никак не мог сохранить такого обилия верных исторических деталей, такой точной передачи множества имен исторических лиц, какое обнаруживается в «Слове». Для устно-поэтического текста это вещь опять-таки совершенно невозможная.

Таким образом, нельзя предполагать, что соответствия «Задонщины» «Слову» содержались уже в ее устном оригинале.

Допустим, что соответствия эти внесены во время литературной обработки устного оригинала «Задонщины».

Достаточно даже беглого просмотра ее текста (по любому списку), чтобы убедиться в невозможности подобного предположения. Если изъять из «Задонщины» все то, что соответствует «Слову о полку Игореве», то ее текст «рассыплется». Небольшой по объему текст «Задонщины» настолько насыщен образами и стилистическими оборотами, повторенными в «Слове» (гораздо большем по объему), и в общем настолько беден фактами, что при всем желании нельзя увидеть цельное связное повествование в тех фрагментах ее текста, которые останутся за вычетом параллелей к «Слову», а также за вычетом таких включений в ее поздних списках из «Сказания о Мамаевом побоище», вторичность которых признается всеми исследователями.

Главное же в том, что устно-поэтическая стихия «Задонщины» проявляется особенно ярко именно там, где «Задонщина» близка к «Слову». Если думать, что эта близость есть следствие литературной обработки устно-поэтической основы «Задонщины», то придется считать, что литературный редактор «фольклоризировал» устную «Задонщину» с помощью «Слова о полку Игореве». Придется считать, что сначала записали фольклорный текст, затем взяли литературный памятник и, черпая из этого литературного памятника, придали фольклорной записи черты еще большей фольклорности. Вряд ли есть необходимость всерьез обсуждать реальную возможность в то время подобного «редактирования».

Исключается автоматически и возможность сочетания в «Задонщине» двух этапов обращения к «Слову» — «фольклорного» этапа и этапа «литературного». Сказанное выше о невозможности «чисто

[11] *Испр., в стенограмме*: невероятно.

фольклорного» и «чисто литературного» влияния «Слова» на устную «Задонщину» в равной мере свидетельствует и о невозможности сочетания того и другого.

Таким образом, то обстоятельство, что «Задонщина» возникла первоначально как произведение устно-поэтическое, начисто исключает предположение о первичности «Слова о полку Игореве». Чтобы оспаривать вывод А. А. Зимина, его оппоненты должны сначала доказать ошибочность их же тезиса об устно-поэтической основе «Задонщины». Нужно доказать ошибочность этого тезиса, а не делать вид, будто этого тезиса не существует.

Вернемся к аргументации самого А. А. Зимина.

Центральное место в его работе принадлежит второй главе, где с приведением параллельных текстов внимательно сравнивается с «Задонщиной» каждый близкий к ней пассаж «Слова о полку Игореве». Многие из этих соответствий не дают сами по себе материала для утверждения о вторичности «Слова». Текстологическая связь в большинстве случаев более или менее «нейтральна» — она может быть истолкована приблизительно с равной степенью вероятности как в ту, так и в другую сторону. Но есть случаи, когда объяснить эту связь гораздо проще и логичнее именно вторичностью «Слова о полку Игореве».

К числу наиболее впечатляющих могут быть отнесены следующие примеры (я приведу только три из них).

В «Задонщине» (обращение Пересвета): «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татаръ»,[12] в «Слове» (речь Игоря): «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти». Пересвет действительно предпочел гибель плену. А Игорь после этой своей речи попадает в плен. Такое разительное несоответствие в тексте, явно симпатизирующем Игорю, естественнее всего, конечно, объяснить простым следованием литературному оригиналу.

Дмитрий Сергеевич на это вчера возражал, говоря, что Игорь здесь имеет в виду не себя лично, а обращается к дружине, и что речь идет не о пленении его одного, а о пленении всех князей и дружины. Но ведь и фактически в плен попал не один Игорь, а и те, к кому он обращался. Следовательно, этот аргумент А. А. Зимина остается не поколебленным.

---

[12] У. Л. 183.

В «Задонщине»: «...поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в Лукоморье»;[13] в «Слове»: «...половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому». Глагол «побежать» естествен при описании бегства разбитых татар, но совершенно неожиданно выглядит, когда речь идет о наступательном движении половецкого войска.

И третий пример. В «Задонщине»: «Уже намъ, брате, в земли своей не бывати, а дѣтѣй своих не видати, а катунъ своих не трепати, а трепати намъ сырая земля...»;[14] в «Слове»: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». Глагол «трепати» (ласкать) естествен, когда речь идет о женах — в «Задонщине», но «мало... потрепати» золото и серебро — настолько вычурное словосочетание, что вернее, конечно, признать его вторичным. Обратную зависимость допустить крайне трудно (т. е. чтобы автор «Задонщины» из «потрепания» золота сделал ласкание жен). Вообще, как убедительно замечает здесь А. А. Зимин, автору «Слова», видимо, понравился глагол «потрепати» «Задонщины», и он создал из него «целый букет словообразований»: «притрепанъ мечи», «притрепать[15] полки», «потрепати» золото. Оригинальность таких сочетаний при недостаточной отчетливости смысла говорит в пользу их производности от вполне ясного «катун... трепати» «Задонщины».

А. А. Зимин по-новому рассмотрел все те параллели, которые истолковывались прежними исследователями как показатели вторичности «Слова», — «за царем Соломоном», «за шеломянем», «харалужные» берега и др. В результате этого рассмотрения исследователю удалось показать, что ни один из этих случаев в действительности не может считаться сколько-нибудь серьезным аргументом в пользу первичности «Слова о полку Игореве». Эпизод же с Соломоном скорее, напротив, говорит о первичности «Задонщины».

О «харалужных берегах» следует сказать несколько более подробно, дабы устранить давно укоренившееся досадное заблуждение.

---

[13] Там же. Л. 189.
[14] *И-2*. Л. 73 об.
[15] В книге А. А. Зимина «притрепетать» (*Зимин-1*. Т. 1. С. 164).

В Краткой редакции «Задонщины» читается так: «Доне, Доне, быстрый Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси берези харалужныя».[16]

В Пространной редакции фраза изменена: «Доне, Доне, быстрая рѣка, прирыла еси горы каменныя, течеши в землю Половецкую».[17]

А. А. Зимин считает, что чтение «берези хара(л)ужныя» (гибельные берега) первоначально. Вторичное же чтение «горы каменныя» имеет параллель в «Слове». Там читается так: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую». Сторонники древности «Слова» считают, что первично в «Задонщине» «горы каменныя». А отсюда и их убеждение в том, что текст «Задонщины» восходит к «Слову».

Вот что писал в этой связи Д. С. Лихачев совсем недавно и повторил вчера: «Каменные горы, т. е. пороги, встречаются только на пути Днепра. Дон же порогов не имеет и через горы не проходит. Ясно, что текст „Слова“ в данном случае первичный, а текст „Задонщины“ вторичный, ибо автор „Слова“ хорошо знал географию Руси и писал свободно, а автор „Задонщины“ не выказал в своем произведении точного знания географии южной Руси. Создавая свое произведение, он был, очевидно, связан своим литературным образцом — „Словом о полку Игореве“: от этого и получилось внешнее сходство при наличии фактической ошибки» (*Лихачев Д. С.* Текстология. ⟨М.; Л., 1962⟩. С. 176).

В действительности дело обстоит как раз наоборот. Фактическая ошибка не в «Задонщине», а в «Слове». Днепр никаких гор не пробивает. Все его течение проходит по равнине, хотя один берег возвышается над другим...

(С МЕСТА. А днепровские пороги?!)

Днепровские пороги — это не горы, а подводные камни, выступившие над поверхностью реки... (*Шум в зале.*)

Совсем иначе обстоит дело с Доном. Я, к сожалению, не успел обратиться к специальной географической литературе. Но думаю, что в данном случае вполне достаточно даже тех элементарных сведений, которые каждый может найти в общедоступных энциклопедиях.

---

[16] *К-Б.* Л. 128—128 об.
[17] *И-1.* Л. 220 об.

Вот что сказано, например, в БСЭ, т. 15, с. 89: «Истоки Дона лежат среди... равнины, на всем протяжении верхнего течения долина Дона тянется вдоль восточного края Среднерусской возвышенности. Рельеф местности становится более пересеченным, а берега более возвышенными, образуя нередко обрывы до 50 м высоты: напр. „Змеиная гора", „Аннин верх", „Тяпкина гора", „Галичья гора"».

А вот какие уточнения дает энциклопедия Брокгауза — Ефрона, т. 21, с. 35: «В верхнем течении (Дона) преобладают горные породы и обнажения девонской формации»; «В Рязанской губернии долина реки суживается крутыми утесистыми берегами; речные берега... представляют обнажение мергелистых известняков».

Конечно, это не Дарьяльское ущелье и не Кавказские горы. Но для жителя Северно-Русской равнины, привыкшего к равнинному пейзажу, этих обстоятельств, конечно, было вполне достаточно, чтобы с полным основанием написать, что Дон «прорыл каменные горы», перед тем как течь в «землю Половецкую». Долина реки действительно стеснена обрывистыми известняковыми утесами 50-метровой высоты, которые до сих пор именуются горами.

Поэтому упрек в недостаточном знании географии должен быть адресован не составителю Пространной редакции «Задонщины». Составитель Пространной редакции «Задонщины» конкретизировал малопонятное ему, очевидно, выражение «пробил еси березя харалужные» и написал «прорыл еси горы каменные», зная, что Дон действительно, перед тем как течь в землю Половецкую, проходит между гористыми берегами. Автор же «Слова» использовал это уже не столько как точную географическую реалию (поскольку днепровские пороги лишь очень фигурально могут быть названы каменными горами), сколько как художественный образ.

Теперь совершенно очевидно, что весь этот пример свидетельствует не о первичности «Слова», как утверждают оппоненты А. А. Зимина, а, наоборот, о его вторичности по отношению к «Задонщине».

Действительно, переход реалий в художественный образ, лишенный уже прежней конкретности, — вещь для литературы обычная и естественная. А превращение художественного образа в точную географическую реалию — вещь крайне редкая.

Вывод А. А. Зимина состоит в том, что автор «Слова о полку Игореве» использовал недошедший список Пространной редакции

«Задонщины», принадлежавший к Синодальному ее изводу, представленному Синодальным списком. Вывод этот вполне обоснован текстологическим исследованием.

Надо сказать, что в распоряжении А. А. Зимина нет «абсолютных» доказательств первичности «Задонщины» и вторичности «Слова». Нет доказательств такого рода и у защитников противоположной точки зрения. Но следует сказать со всей определенностью, что пока совокупность фактов, имеющихся в этой связи, в целом гораздо проще и убедительнее объяснена гипотезой А. А. Зимина, чем работами его предшественников.

В связи с текстологическими проблемами его работы нельзя не сказать еще об одном моменте. А. А. Зимин выявил в тексте «Слова» несколько вставок, принадлежащих, как он считает, Мусину-Пушкину. Сами по себе эти вставки настолько очевидны, настолько «прощупываются» текстологически, что приходится удивляться, как они не были обнаружены текстологами — предшественниками А. А. Зимина. Он отыскал источники вставок, показывая, что характер этих источников и позволяет считать именно Мусина-Пушкина автором «дополнений».

И в заключение хотел сказать несколько слов о том, полезна или бесполезна работа Зимина для исследований «Слова о полку Игореве».

Я позволю себе процитировать две фразы из отзыва о работе А. А. Зимина, написанного старейшим сотрудником Сектора древнерусской литературы В. И. Малышевым (В. И. Малышев любезно ознакомил меня с этим отзывом):

«Опубликование работы А. А. Зимина принесет в первую же очередь пользу исследователям „Слова о полку Игореве“, заставит их строже и серьезнее относиться к изучаемому материалу. Уже сейчас почти все сотрудники Сектора древнерусской литературы заняты изучением соотношения „Слова о полку Игореве“ и „Задонщины“. (Над этим они работают уже около года, привлекают к этой работе даже посторонних лиц)».

А. А. Зимин несколько более года назад сделал свой доклад, а позднее была получена[18] книга. Как сотрудник Института русской литературы я могу добавить, что этот сборник ⟨о работе над которым

[18] *Вместо слова:* получена — *в исходном экземпляре стенограммы было:* написана.

сказано в отзыве В. И. Малышева⟩, посвященный только соотношению «Слова» и «Задонщины», уже включен в план редподготовки на текущий год и, кажется, вскоре должен быть сдан в Издательство.[19] Это было объявлено на одном из последних заседаний Ученого совета. Объем сборника — 30 а. л., т. е. больше, чем вся книга Зимина. В связи с этим очень странно было слышать из уст заведующего Сектором древнерусской литературы, что в работе Зимина нет ничего, что бы заставило серьезно задуматься исследователя.

Удивляет и другое. Несмотря на то что работа над этим сборником, очевидно, близится к завершению, в выступлениях не было пока ни одного конкретного опровержения основных текстологических построений А. А. Зимина о соотношении «Слова» и «Задонщины». Может быть, это будет в последующих выступлениях?

Утверждение о том, что у Зимина нет ни одного верного тезиса и ни одного серьезного доказательства, — не есть опровержение. Эти утверждения сами требуют доказательств. А без доказательств такого рода утверждения могут пока свидетельствовать лишь о слабости позиции тех, кто их высказывает.

Очевидно, что оппоненты А. А. Зимина еще не собрались с силами, хотя экземпляр его работы и находится у них уже более двух месяцев. После того как работа А. А. Зимина будет издана, *возможность серьезного разбора его работы, его аргументации и спора с ним будут достаточными для привлечения всех сил сторонников древности «Слова»*.[20] Окончательно судить о сильных и слабых сторонах той и другой точки зрения можно будет после напечатания книги Зимина и появления опубликованных работ, ей противостоящих. Не исключено, что оппонентам А. А. Зимина удастся противопоставить его работе более убедительную текстологическую концепцию, что им удастся даже опровергнуть в целом его построение. Как известно, не было еще ни одной научной концепции, которая оказалась бы безгрешной. Даже текстологические работы А. А. Шахматова подверглись со временем коррективам, а некоторые из его построений были опровергнуты. Но просто объявить работу несостоятельной — это еще не значит опровергнуть.

---

[19] Имеется в виду книга: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.

[20] Фразу, заключенную мной в звездочки, оставляю без изменений.

Как и всякое фундаментальное, новаторское исследование, работа А. А. Зимина не лишена, конечно, промахов и недочетов; в целом она продолжает традиции величайшего нашего текстолога — академика А. А. Шахматова, памяти которого А. А. Зимин с полным на то правом посвящает свою работу.

Книга А. А. Зимина в своей текстологической части представляет собой крупный шаг вперед в изучении «Слова о полку Игореве», и не только его, но и «Задонщины». Несмотря на все свои недостатки, это одно из выдающихся явлений нашей науки.

Работа эта должна быть доступна широкому кругу исследователей-историков, литературоведов, лингвистов (как «древников», так и занимающихся XVIII—XIX столетиями). Совершенно необходимо издать ее типографским способом возможно скорее и достаточно большим тиражом.

В связи с этим для меня не ясен вчерашний вывод Д. С. Лихачева относительно издания. Он сказал, что издавать книгу нужно, но нужно, чтобы это было личное издание самого Александра Александровича.

У нас, как известно, не существует частных типографий. И если так ставить вопрос, то фактически это означает, что книга не будет издана.[21]

В. И. ШУНКОВ

Слово предоставляется А. Н. Робинсону.

А. Н. РОБИНСОН

А. А. Зимин написал большую книгу, в которой привел много разных материалов. Но должен сказать с полной откровенностью, что все же эта большая книга ни в какой мере не убедила меня в том, что «Слово о полку Игореве» было написано в XVIII в.

Я присоединяюсь к тем литературоведам и к тем историкам, которые вчера и сегодня (за исключением Сергея Николаевича Азбелева) говорили по этому поводу, и кое-что из сказанного ими мне тоже приходило в голову. Но постараюсь все же не повторяться.

[21] Текст выступления подписан С. Н. Азбелевым без указания даты.

Мне кажется, что подход к материалу в этой книге и сама методика его анализа в значительной мере односторонни, если не сказать — субъективны. Они (подход к материалу, характер его изложения) вызывают возражения в первую очередь потому, что они определяются стремлением автора не столько рассмотреть объективно весь существующий материал, сколько во что бы то ни стало интерпретировать этот материал таким образом, чтобы обосновать желаемое.

При сопоставлении «Слова» с «Задонщиной» и с летописями Александр Александрович Зимин чрезвычайно строг к «Слову» и требует от него документальности, которой в ряде случаев, естественно, не находит. Но он в то же время чрезвычайно снисходителен к «Задонщине». Между тем в «Задонщине» далеко не все благополучно.

Я в общем не согласен с той классификацией редакций «Задонщины», которую дает А. А. Зимин, но об этом уже говорилось, я не буду это повторять, а только возьму для иллюстрации отдельные примеры.

Первый конкретный пример — плач Ярославны. А. А. Зимин справедливо считает его поэтической жемчужиной (с. 177), произведением народным, очень высоким. Как всем известно, Ярославна обращается к Днепру таким образом: «О, Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую...» В Краткой редакции «Задонщины» — «Доне, Доне, быстрыи Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси березі харалужныя».[22] В Пространной редакции «Задонщины» — «Доне, Доне, быстрая рѣка, прирыла еси горы каменныя, течеши в землю Половецкую...»[23]

Сопоставляя отдельно взятые компоненты и вынутые из контекста этого обращения к рекам (к Днепру или к Дону), А. А. Зимин стремится доказать, что источником данного фрагмента «Слова» послужила именно Пространная редакция «Задонщины», а ее источником, в свою очередь, — Краткая редакция «Задонщины». При этом некоторые компоненты этого краткого описания остаются без разъяснения.

[22] *К-Б*. Л. 128—128 об.
[23] *И-1*. Л. 220 об.

Но если взять обращение к реке и характеристику этой реки в целом как единый поэтический текст, то станет очевидным, что в «Слове» эта характеристика органична по содержанию и по стилю. В «Слове» здесь все правомерно:

1) Обращение к Днепру с отчеством по фольклорному образцу.

2) Образная характеристика Днепра в основе своей реальна: он пробил сильным течением «каменные горы» — пороги, которые были хорошо известны в Киевской Руси.

3) Место реальное — земля Половецкая.

В «Задонщине» (в обеих редакциях) текст не органичен и требует специальных пояснений, неизбежно гипотетических.

В Краткой редакции у Дона «берега харалужные». Значение «харалужный» очень спорное, и, как сегодня показал известный тюрколог Н. А. Баскаков, едва ли можно согласиться с тем объяснением, которое давал в свое время В. Ф. Ржига в статье «Восток в „Слове о полку Игореве“»,[24] принимаемым А. А. Зиминым: «харалужные» от «хараблуг» в смысле «гибельные». Все-таки тюркологи сходятся на том, что здесь речь идет о металле (мечи булатные). Но примем ради опыта это спорное мнение, что в «Слове» «харалужные мечи» — это «гибельные мечи», и перенесем его в «Задонщину». А. А. Зимин так и делает — он применяет это значение к берегам — «гибельные берега». Однако нельзя же это значение, так истолковав его, вынуть из контекста памятника, не посмотрев, что находится вокруг него. По контексту получается, что Дон «пробил» гибельные берега. Зачем их «пробивать»? При таком толковании прямое значение «пробил» оказалось неправомерно объединенным с метафорическим образом — «берега гибельные».

Трудно согласиться с мнением А. А. Зимина, что «именно из этого выражения (т. е. берега харалужные. — *А. Р.*) произошли „горы каменные“ в Пространной редакции Задонщины» (с. 83).

Если даже и принять предложенное здесь А. А. Зиминым объяснение (с. 179), что слово «горы» имело на севере Руси одним из значений «берега» (высокий правый берег обозначался так), то все же остается неясным, зачем понадобилось составителю Пространной редакции «Задонщины» уже написанное и понятное слово «берега»

---

[24] См. в кн.: «Слово о полку Игореве»: Сб. статей. М., 1947. С. 169—189 (о термине «харалужный» см. с. 178—183).

заменять на более специфическое «горы»? Почему слово «харалужные» превратилось именно в «каменные»?

А. А. Зимин упрекает современных исследователей в том, что они «произвольно» отождествляют эти каменные «горы» с порогами Днепра (с. 179). Но такой упрек, по существу, не согласуется с самой гипотезой А. А. Зимина. Ведь если даже считать, что «Слово» написал Иоиль, то выходит, что он первый и допустил это «произвольное» отождествление. В этом случае он заметил в «Задонщине» эти донские «горы каменные» и подумал, должно быть: «какая нелепость, а вот к Днепру они отлично подойдут». И выписал их. Таким образом фантастические «горы каменные» стали у него географической реалией.

По мысли А. А. Зимина, «горы каменные» — текст вторичного происхождения (по отношению к «берегам харалужным»), так как он выдает «полное незнание автором (т. е. автором Пространной редакции «Задонщины». — *А. Р.*) южных степей (на Дону таких берегов нет)» (с. 83).

Очевидно, последнее замечание А. А. Зимина правильно, несмотря на те соображения, которые привел здесь С. Н. Азбелев, потому что, как бы ни подходить к Дону и к Днепру, днепровские пороги ни в какое сравнение с донским рельефом идти не могут.

Но тогда нужно было бы рассмотреть и другие компоненты описания Дона в «Задонщине». В Краткой редакции — «Доне быстрый», в Пространной редакции — Доне «быстрая река». Здесь, как и в других случаях в «Задонщине», к Дону применен фольклорный эпитет реки вообще — «река быстрая». Но Дон не отличается этим свойством. Он известен в народной памяти не как «быстрый», а, напротив, как «Тихий Дон».

Такое различие есть в «Поэтической повести об Азове» (1642 г.). Там говорится: «Простите нас, море синее и реки быстрые... Прости нас, государь наш, тихой Дон Иванович...» Ср. в казачьих песнях:

Ой ты, батюшка наш, славный, тихий Дон!
Ты кормилец наш Дон Иванович!
(*Пивоваров А.* Донские казачьи песни.
Новочеркасск, 1885. С. 106).

Есть в былинах и богатырь Дон Иванович:

Тут у тихого Дона Ивановича
Разгорелось его сердце богатырское
(*Рыбников П. Н.* ⟨Песни. М., 1861.⟩
Т. 1. С. 195).

Во времена создания «Задонщины» этот образ «тихого Дона» в такой форме, возможно, еще не сложился. Но во всяком случае попытка автора «Задонщины» украсить Дон эпитетом «быстрый» носила искусственный характер.

Возьмем третий компонент описания Дона.

В Краткой редакции он «прошел землю Половецкую»; в Пространной редакции — он течет «в землю Половецкую». В «Задонщине» есть еще «поле Половецкое», но есть в ней и «земля Татарская».

Для XII в. половецкие владения — живая реальность. Для времени «Задонщины» «Половецкая земля» требует специальных серьезных разъяснений, потому что такой земли давно уже не было. Но таких разъяснений при данных сопоставлениях А. А. Зимин не дает. Нам остается только допустить, что благочестивый архимандрит Иоиль был не только гениальным писателем, но он был и чудотворцем, потому что умел превращать ошибки и анахронизмы в подлинные исторические и географические реалии.

Все компоненты описания Дона в «Задонщине» не отвечают реальности и не свойственны фольклорной традиции. Мне думается, что они — результат литературного сочинения, имеющего подражательный характер по отношению к «Слову».

Возьмем другой пример, пример очень известный. В Ипатьевской летописи говорится: «Половци же вземше город Римов... Володимером Глебовичем, зане бяшеть ранен вельми».

В «Слове»: «Се у Римъ кричать подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову».

В «Задонщине»: «А уже диво кличет под саблями татарьскими, а тѣм рускымъ багатырем под ранами».[25]

Еще В. Ф. Ржига в 1947 г. (в книге «Слово Софония рязанца о Куликовской битве») обратил внимание на реальность и первичность этого текста «Слова» по сравнению с «Задонщиной».[26]

---

[25] *И-2.* Л. 70 об.

[26] В стенограмме неточность. Имеется в виду статья названного автора *1959* г. См.: *Ржига В. Ф.* Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина»)

В том разделе, где А. А. Зимин сопоставляет «Слово» и «Задонщину» и старается доказать вторичность «Слова», этот фрагмент приведен (с. 181), но без всякого объяснения. Этот же фрагмент приводится А. А. Зиминым вторично на с. 197 при сопоставлении «Слова» с Ипатьевской летописью. Здесь говорится только о том, что этот отрывок «восходит к переяславскому летописцу Владимира Глебовича» (с. 202). Такое пояснение не затрагивает существа вопроса.

Помимо приведения этих параллелей надо было дать и оценку этого текста. Односторонность этого анализа сводится именно к тому, что в таком трудном примере, о котором идет речь, оценок и разъяснений этого текста нет, хотя сам текст и приведен дважды. В данном случае очевидна искаженность этой исторической реалии в «Задонщине» при наличии сходства формы фрагмента «Задонщины» с фрагментом «Слова» (это очень важно), что и подтверждает вторичность «Задонщины».

Односторонний подход к материалу чувствуется и в подборе некоторых толкований трудных выражений «Слова». Например, А. А. Зимин пишет: «Много хлопот исследователям доставляло выражение „скача, славию, по мыслену древу". Впервые Д. В. Айналов установил, что этот образ восходит к библейскому образу „древа разумного", т. е. к райскому древу познания добра и зла» (с. 250).

Но этот комментарий представляется малоубедительным, так как речь идет о древнем певце Бояне (если взять в контексте этот образ), поэтически славящем военные подвиги князей, например Мстислава, «иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми», а вовсе не размышляющем о райском древе познания добра и зла. Этот комментарий подходит к гипотезе А. А. Зимина, так как библейские элементы могли быть внесены в «Слово» когда угодно, хотя бы и в XVIII в., тем более что Иоиль был лицо духовное.

Характерна сама методика разъяснения трудного места — было много хлопот (каких?), но Д. В. Айналов установил, и к установленному мы присоединяемся. Тем более, что это толкование как раз и оказывается желательным.

как литературный памятник 80-х годов XIV в. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 377—400 (см. с. 381—382). В статье В. Ф. Ржиги, помещенной в сборнике *1947* г., эти фрагменты не рассматриваются.

Что значит: Д. В. Айналов установил? У него действительно есть такое предположение.[27] У других исследователей по этому поводу есть другие предположения. И если рассматривать материал всесторонне, то надо было бы упомянуть и о других возможных толкованиях этого трудного места. При объяснении поэтического вдохновения Бояна следует учитывать, что оно выражено дважды однотипно — оба раза в связи с представлением о древе — «Боян... аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу...», Боян-соловей скачет «по мыслену древу».

А. А. Зимин разрывает эти части и рассматривает их отдельно. Мне кажется, что нужно их рассматривать совместно. В. Ф. Ржига (в статье «„Мысленное древо“ в „Слове о полку Игореве“»)[28] понимает этот единый образ как образ поэтического древа, древа песен. Он приводит стихотворение знаменитого исландского скальда Эгиля Скаллагримсона (X в.), которое в переводе звучит так: «Из храма слов (т. е. из уст) вырастает у меня древо песен, покрытое листвою славы».

Типологически этот образ поэтического древа напоминает образ «Слова», к тому же известно, что Киевская Русь была знакома со скандинавской поэзией (скальды жили при дворе Ярослава, которого и воспевал Боян).

Это толкование тяготеет к древности. Можно, конечно, оспаривать его, но не следует его просто оставлять без всякого упоминания, как в данном случае у А. А. Зимина. Кстати, статья В. Ф. Ржиги по этому поводу помещена в том же «Сборнике статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова» (Л., 1934), что и статья Д. В. Айналова («Замечания к тексту „Слова о полку Игореве“»).

И последнее замечание. Для того, чтобы шедевр литературы, каким признает А. А. Зимин «Слово о полку Игореве», можно было поместить в XVIII в., как здесь уже справедливо говорили, необходимо было бы связать его с определенным литературным окружением этого периода, с литературным процессом этого времени, который нам известен хорошо. Здесь нет таких громадных лакун, какие мы

---

[27] См.: *Айналов Д. В.* Замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 187.

[28] Опубликована в том же издании, на с. 103—112.

имеем применительно к Киевской Руси. Такого историко-литературного анализа в работе А. А. Зимина нет. Нельзя, конечно, его заменить попыткой на одной странице сопоставить, вернее, противопоставить «Слово» и «Россиаду» М. Хераскова (с. 578). Поэтому Александр Александрович ограничивается общими предположениями о том, что «Слово», вообще говоря, могло бы найти свое место в русской литературе XVIII в.

Я хотел только заметить, что и в этих предположениях у А. А. Зимина замечаются противоречия. Например, в одном случае говорится, что «Слово» — «по своим жанровым и стилистическим особенностям... входит в круг литературных явлений второй половины XVIII в.» (с. 573). А в другом случае говорится: «Прежде всего, Слово о полку Игореве — произведение, резко выделяющееся из всех других памятников поэтического искусства XVIII в.» (с. 574).

Я присоединяюсь к тем исследователям, которые считают, что «Слово» в XVIII в. выглядит гораздо более одиноким, чем в Киевской Руси (см. статью: *Лотман Ю. М.* «„Слово о полку Игореве“ и литературная традиция XVIII — начала XIX в.» в сборнике: «Слово о полку Игореве — памятник XII века». М.; Л., 1962).

Ряд товарищей тут высказал разные предположения о том, следует или не следует и ка́к следует печатать книгу А. А. Зимина. Авторское издание практически, видимо, не удастся осуществить. Артемий Владимирович Арциховский вчера закончил свое очень интересное выступление таким парадоксом — если я правильно передаю его слова: книга эта плохая, ее следует напечатать. Но с такой рецензией, разумеется, издательство Академии наук книгу печатать не станет.

С другой стороны, я должен сказать, что теперь создалось тяжелое положение. Я считаю вполне правильным то обстоятельство, что на данном этапе книга не была сразу издана, что она была размножена в незначительном количестве экземпляров на ротапринте, что состоялось такое обсуждение. Это полезно и хорошо. Но дальше, в будущем такое положение уже нельзя будет считать нормальным, потому что замалчивание этой книги (уже ставшей известной) в печати вызовет совершенно нежелательную реакцию как в среде нашей научной общественности, так и среди зарубежных ученых.

Как же быть? Мне думается, что следовало бы одновременно издать две работы — в одном томе или в двух томах, взятых в один

картон: одна работа — А. А. Зимина, а другая работа — сборник больших статей, написанных ограниченным кругом авторитетных специалистов, выражающих иную точку зрения. Было бы важно позаботиться о том, чтобы подбор авторов был регламентирован теми специальностями, которые здесь необходимы. Необходимо, чтобы среди авторов был бы литературовед-древник и литературовед — специалист по XVIII в.; языковед-русист и языковед-тюрколог; историк Киевской Руси, археолог, палеограф, возможно, и еще несколько специалистов. В этом случае такое издание, мне кажется, было бы очень полезным.[29]

В. И. ШУНКОВ

Слово предоставляется Льву Александровичу Дмитриеву.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Постановка вопроса о том, является ли «Слово о полку Игореве» памятником XII в. или более позднего времени, вполне закономерна, поскольку вопрос этот не нов и не раз уже поднимался в литературоведении. Для существования этого вопроса имеются объективные причины: гибель рукописи «Слова», недостаточно выясненные обстоятельства истории этой рукописи. Поэтому сама по себе попытка А. А. Зимина пересмотреть этот вопрос и высказать на этот счет свои соображения не может вызывать никаких возражений. По-моему, вчера было встречено единодушным осуждением выступление Владимира Ивановича Стеллецкого, выдержанное в стиле «проработки» печальных времен, оно не имеет никаких оснований.

Единственно, что, на мой взгляд, может вызвать упрек, это то, что А. А. Зимин слишком поспешно выступил со своей работой, поскольку «Слово о полку Игореве» — памятник настолько значительный, большой, что подход к нему с коренным пересмотром основных положений должен быть весьма осторожным и чрезвычайно аргументированным.

Во время обсуждения доклада А. А. Зимина в Ленинграде 27 февраля 1963 г. я говорил, что меня приводимые им факты и доводы

[29] На первой странице текста выступления А. Н. Робинсона на верхнем поле рукой А. Н. Робинсона написано: «Исправил. 21.V.64. А. Робинсон».

не убедили в справедливости его гипотезы о том, что «Слово» — не памятник XII в., а сочинение, написанное Иоилем Быковским в конце XVIII столетия. Подробное и внимательное чтение всей работы А. А. Зимина еще больше укрепило меня в моем мнении о его гипотезе, так как тщательное ознакомление с приводимыми А. А. Зиминым примерами и его выводами показывает, что многое трактуется им неверно, подчас односторонне, многие положения опровергаются встречными доводами.

Хотя вчера и сегодня здесь не раз затрагивался вопрос об отношении «Слова» и двух редакций «Задонщины», я все же вновь хочу на нем остановиться (правда, в немного ином аспекте), так как, как совершенно верно отметил А. В. Арциховский, эта проблема является центральной в решении вопроса о подлинности и времени создания «Слова». А. В. Арциховский высказал, как мне кажется, весьма ценную мысль о том, что даже и в том случае, если «Слово» считать только связанным с так называемой Пространной редакцией «Задонщины» и не связанным с Кирилло-Белозерским списком (или Краткой редакцией), то и тогда еще нельзя делать вывода о первичности «Задонщины» и вторичности «Слова». Однако сравнительное изучение списков «Задонщины» и сравнительный анализ текстов «Задонщины» со всеми списками «Сказания о Мамаевом побоище» устраняют необходимость в такого рода допущении. Результаты заново проделанного текстологического сопоставления списков «Задонщины» между собой и анализ раздела работы А. А. Зимина, посвященного этой проблеме, изложены в кратком отзыве сотрудницы Сектора древнерусской литературы Р. П. Дмитриевой. Р. П. Дмитриева пришла к заключению, что «А. А. Зимин не смог доказать, что Краткая редакция „Задонщины“ является первоначальным текстом „Задонщины“. Но на самом деле все дошедшие тексты „Задонщины“ представляют собой уже позднейшие переработки этого памятника. Поэтому вывод о том, что только „Задонщина“ могла служить источником для „Слова о полку Игореве“, а не наоборот, не может считаться доказанным».

Сообщение Р. П. Дмитриевой я могу зачитать и, во всяком случае, передам его для протокола и один экземпляр А. А. Зимину.

Как уже говорил С. Н. Азбелев, А. А. Зимин, обосновывая свою точку зрения, развивая гипотезу о редакциях и характере «Задонщины», большое внимание уделил вопросу о взаимоотношениях списков

«Задонщины» со «Сказанием о Мамаевом побоище», в котором, как известно, встречаются вставки из «Задонщины». А. А. Зимин считает, что «Задонщина» Пространной редакции представляет собой переработку Краткой редакции и что основными источниками этой переработки явились «Сказание о Мамаевом побоище» и Никоновская летопись. Поэтому все места в Пространной редакции «Задонщины», совпадающие по чтению с соответствующими местами «Сказания» или Никоновской летописи, возводятся им к этим памятникам.

Опровержение ⟨данной точки зрения⟩ и собственные доводы изложены мною более подробно в материале, который я попрошу присоединить к протоколу и передам А. А. Зимину.

Прежде всего не ясно, как А. А. Зимин представляет себе самый характер работы автора Пространной редакции «Задонщины» над текстом «Сказания о Мамаевом побоище». В тех случаях, когда мы имеем в «Задонщине» большие цельные отрывки текста, совпадающие со «Сказанием о Мамаевом побоище», и при этом можем высказывать предположение, что в «Сказании» эти места более логичны, тесно связаны в стилистическом отношении со всем строем этого произведения, то в таких случаях постановка вопроса о возможности в данном чтении заимствования из «Сказания» в «Задонщину» закономерна. Но когда отдельные слова, отдельные предложения, отличающие Пространную редакцию «Задонщины» от Краткой и совпадающие с чтениями «Сказания», причем в «Сказании» эти чтения выглядят явными вставками, А. А. Зимин объясняет тем, что автор Пространной редакции заменил это слово или отдельную фразу под влиянием «Сказания», то такого рода предположение абсолютно неубедительно.

В «Сказании», большом по объему памятнике, все те места, которые могут быть сопоставлены с «Задонщиной», занимают очень небольшую часть текста и вкраплены на протяжении всего памятника. Можно допустить, что авторы отдельных редакций «Сказания», переписывая текст этого памятника, обращались к небольшой «Задонщине» и делали в переписываемый текст новые вставки из этого произведения или изменяли в соответствии со вторичным обращением к «Задонщине» уже встречавшиеся в «Сказании» заимствования из «Задонщины».

«Задонщину» нетрудно было знать наизусть, и мы можем предполагать, что какие-то переписчики «Сказания», зная «Задонщину»

на память, при переписывании текста «Сказания» могли вносить какие-то изменения в уже имевшиеся вставки из «Задонщины», делать, вспоминая сходные образы и ситуации, новые вставки из «Задонщины».

Кстати, то, что именно такое обращение авторов к «Задонщине» как к письменному источнику имело место на самом деле, подтверждается списком Румянцевского собрания № 378, где автор прямо говорит, что он сделал большую вставку в текст «Сказания» из текста «Задонщины».

Допустить же подобного рода влияние «Сказания» на «Задонщину» невозможно. Напомню, что в современном издании «Задонщина» занимает 9 страниц печатного типографского текста, а «Сказание» — от 30 до 50 таких же страниц, в зависимости от редакции.

Необходимо отметить и следующее: А. А. Зимин, сопоставляя «Задонщину» со «Сказанием о Мамаевом побоище», привлекает различные списки памятника. Но дело в том, что ряд чтений «Задонщины» по списку И-1 и сходным, возводимым им к «Сказанию», встречаются только в отдельных редакциях или вариантах «Сказания». Поэтому Александру Александровичу необходимо было доказать, что все эти чтения являются чтениями протографа этого памятника. Или же что автор Пространной редакции пользовался различными редакциями этого произведения.

Сопоставив все списки «Сказания о Мамаевом побоище» со списками «Задонщины», я, на основе текстологических данных, пришел к заключению, что автор первоначального текста «Сказания о Мамаевом побоище», а также авторы некоторых поздних редакций этого памятника, в частности так называемого Печатного варианта, имели в своем распоряжении такой текст «Задонщины», в котором были чтения, характерные как для списка К-Б, так и для остальных списков. Тут надо подчеркнуть, что это характерно не только для первоначального текста «Сказания», но и для поздних его редакций. Так вот, все эти чтения свидетельствуют о том, что в том тексте ⟨«Задонщины»⟩, к которому обращался автор ⟨«Сказания»⟩, были чтения, характерные как для списка К-Б, так и для списка, относящегося к Пространной редакции, из чего можно сделать вывод, что у автора и редакторов «Сказания» был протограф «Задонщины», в измененном виде дошедший до нас в списке К-Б и в списках Пространной редакции.

Замечу, что сотрудники Сектора, занимавшиеся этим вопросом, пришли к убеждению, что список К-Б является переработкой первоначального текста ⟨«Задонщины»⟩.

Приводимые А. А. Зиминым примеры заимствований в Пространной редакции «Задонщины» из «Сказания» и Никоновской летописи и его аргументация того, что это именно заимствование в «Задонщину» из этих памятников, а не наоборот, вызывают целый ряд возражений, опровергаются встречными доводами, дают основание утверждать прямо противоположное выводам А. А. Зимина.

Таким образом, как сравнительный анализ списков «Задонщины», так и сопоставление текстов «Задонщины» со всеми списками «Сказания о Мамаевом побоище» дают основание утверждать, что все дошедшие до нас списки «Задонщины» восходят к одному общему тексту, объем которого точнее отражен в тексте так называемой Пространной редакции «Задонщины», отдельные же чтения более точно отражены то в списках этой Пространной редакции, то — в ряде случаев — в списке К-Б. То есть связывать текст «Слова о полку Игореве» только с Пространной редакцией «Задонщины» нет никаких оснований: текст «Слова» был связан с протографом как Пространной, так и Краткой редакций «Задонщины». Характер же отношения текста «Слова о полку Игореве» к тексту «Задонщины» таков, что мы можем говорить только о том, что «Слово» явилось источником «Задонщины», но не наоборот.

С. Н. Азбелев здесь много внимания уделил вопросу об устном происхождении «Задонщины». Это действительно существующая точка зрения в науке, но она абсолютно не доказана и отнюдь не принята всеми исследователями. Кроме того, более тщательное изучение «Задонщины» все больше заставляет убеждаться в том, что это книжный памятник не только в Пространной редакции, как считает А. А. Зимин, но и в Краткой редакции, написанной Ефросином, точно такой же книжный памятник, каким вообще была «Задонщина» с самого начала — книжным произведением.

Не так давно Н. К. Гудзий обратил внимание на то, что некоторые фразы в «Сказании», параллельные «Задонщине», текстуально более близки к «Слову о полку Игореве», чем соответствующие места в «Задонщине», и высказал предположение, что в этих случаях можно говорить о непосредственном влиянии на «Сказание» «Слова

о полку Игореве».[30] Из приводимых Н. К. Гудзием десяти примеров А. А. Зимин считает убедительными только три. Но, как я уже отметил, по мнению А. А. Зимина, эти примеры могут свидетельствовать только о том, что предполагаемый им автор «Слова» обращался к «Сказанию», а не наоборот. При этом он считает, что автор «Слова» воспользовался текстом «Сказания», находящимся в конце двух списков Ипатьевской летописи: Ермолаевском и Яроцкого, так как именно в тексте «Сказания» по этим спискам встречаются, как считает А. А. Зимин, два из трех фрагментов, близких к «Слову»: «Треснуша копия харалужныя» и фраза: «Уже бо воссияет хула на хвалу, уже бо вержется диво на землю». Это в свою очередь, как считает А. А. Зимин, говорит о том, что автор «Слова» использовал Ипатьевскую летопись по изводу Ермолаевского и сходным спискам.

Прежде всего надо отметить, что Александр Александрович неверно определил редакцию «Сказания», читающегося в составе сборника с Ипатьевской летописью, — этот текст, за исключением отрывка о хуле и хвале, более ничем не сходствует с Тихонравовским списком Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», с которым сближает его А. А. Зимин. Нет в тексте этого списка и отрывка «Треснуша копия харалужныя», поэтому можно говорить лишь о единственном чтении, сближающем этот список со «Словом о полку Игореве», а именно о фразе о хуле и хвале, на рассмотрении которой я более подробно и остановлюсь.

Фраза о хуле и хвале встречается не только в Тихонравовском и Ермолаевском списках «Сказания», но и в некоторых других. В тех текстах «Сказания», где встречается эта фраза, она входит в большой отрывок, описывающий битву на Куликовом поле. Описание битвы с этой фразой читается в некоторых списках Распространенной редакции, в списке Основной редакции (ГИМ, Уваровское собр., № 802) и в названных мною выше списках. Никакой непосредственной связи между этими списками разных редакций в результате текстологического анализа «Сказания о Мамаевом побоище» не прослеживается. Видимо, это особое описание битвы попало в различные списки независимо друг от друга. В каком тексте первоначально

---

[30] См.: *Гудзий Н. К.* По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». С. 91—93.

читалось это описание битвы, сказать трудно. Наиболее вероятным, однако, является предположение, что первоначальное чтение этого отрывка находилось в списке «Сказания» типа Уваровского и из этого текста попало в некоторые другие списки. Как отмечал в свое время С. К. Шамбинаго, текст «Сказания» в списке Уварова, № 802, в целом относящийся к Основной редакции, отличается рядом вставок народно-эпического характера, среди которых С. К. Шамбинаго называлось и описание битвы по этому списку, где как раз имеется и тот отрывок, где читается фраза о хуле и хвале.[31]

Во всем этом отрывке (который представляет оригинальную переработку соответствующего места «Сказания», передающего этот эпизод) фразой, которую можно сопоставлять с текстом «Задонщины», является только фраза о хуле и хвале. Два других отрывка в «Сказании» по списку Увар⟨ова⟩, № 802, которые вместе с отрывком о битве и придают особый характер этому списку «Сказания», с текстом «Задонщины» никак не связаны. То есть мы можем предполагать, что это сделано одним автором, и из всех этих трех эпизодов единственным чтением, которое как-то может сопоставляться с «Задонщиной», является чтение о хуле и хвале.

Есть ли у нас основания возводить эту фразу к «Задонщине», в которой фраза, наиболее близкая к данному месту «Сказания», по существу очень от нее отличается? Прежде всего, в «Задонщине» сходный образ читается в другом месте. В «Сказании» эта фраза идет после слов о том, что «поганые» начали одолевать русских, и именно поэтому автор и восклицает, что хула преодолела хвалу и диво «вержеся на землю» (т. е. на землю Русскую). В «Задонщине» же говорится, что после победы русских, после того, как русские жены «восплескали татарским златом», «уже Рускои земли простреся веселье и възнесеся слава руская на поганых хулу, уже веръжено диво на землю, уже грозы великого князя по всеи земли текуть» (И-1,[32] в списке У чтение еще более отдаленное). Как видим, и по смыслу, и текстуально отличия бесспорны, а вместе с тем вся эта фраза в «Сказании» почти дословно совпадает с текстом «Слова о полку Игореве».

[31] См.: *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 // *СОРЯС*. 1906. Т. 81, № 7. С. 88—134.

[32] *И-1*. Л. 223. В цитате сохранены знаки препинания Л. А. Дмитриева.

«Сказание»:

«Уже бо восияет хула на хвалу, уже бо вержется диво на землю» (Увар. № 802).

«Уже возсия хула на хвалу и вержеся диво на землю» (ЦГАДА, ф. 181, № 71).

«Слово о полку Игореве»:

«Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеса дивь на землю».

«Задонщина»:

«...уже Рускои земли простреся веселье и възнесеся слава руская на поганых хулу, уже веръжено диво на землю, уже грозы великого князя по всеи земли текуть».[33]

Поэтому никак нельзя согласиться с А. А. Зиминым, когда он, имея в виду этот отрывок, говорит, что характер текстологической близости «Слова о полку Игореве» и «Сказания» в данном случае таков, что — цитирую — «исключает возможность влияния Игоревой песни на этот вариант Сказания. Ведь речь идет о мельчайших текстологических нюансах («вержеся» Сказания и «връжеса» Слова в отличие от «връжено» Задонщины; «хула» и «хвала» в отличие от «славы» и «хулы» Задонщины; то же и в случаях, когда нет черт близости Сказания к Задонщине), которые не могли быть внесены под воздействием мотивов Слова о полку Игореве без следов какой-либо более значительной общности».[34]

Из приведенных выше текстов *ясно, как мне кажется,*[35] что между текстом «Слова» и «Сказанием» в данном случае имеются следы весьма значительной общности в смысле содержания, а также, конечно, и текстуальном.

Но, может быть, А. А. Зимин прав в том отношении, что данная фраза попала в текст «Слова» из «Сказания», читавшегося в том изводе Ипатьевской летописи, которым мог пользоваться, как предполагает А. А. Зимин, автор «Слова»? И это предположение нельзя принять.

Текст о хуле и хвале по Ермолаевскому списку Ипатьевской летописи безнадежно испорчен, и возводить к нему чтение «Слова» никак нельзя. Весь этот отрывок по данному списку читается так:

---

[33] Там же.

[34] *Зимин-1.* Т. 3. С. 659 (доп. к с. 234).

[35] *Испр., в стенограмме вместо текста, заключенного в звездочки, читается*: не трудно, как мне кажется, убедиться.

«...наших ради согрешений нача одолевати поганыи, а христиане уже восияха на хвалу же, уж везется дивно на землю. Уж от многое храбрых богатырей и унот руских побьени суть».

К сожалению, список Яроцкого дефектен и в нем данного места совсем нет. Однако, во всяком случае в тексте «Сказания», список Яроцкого чрезвычайно близок к Ермолаевскому, в том числе и в явных искажениях текста. Так, например, в обоих списках довольно простая и ясная фраза «Сказания» — «взыйде в златоверхый свой терем и набережный и сяде на урундуце под стекольчаты окна» — передается следующим образом: «взыйде в златоверхий свой терем и в набережной сяде у рондице под котелъ четырми окны».

Таким образом, в том изводе Ипатьевской летописи, в конце которого читалось «Сказание о Мамаевом побоище», текст того единственного отрывка, с которым связана одна из фраз «Слова», был настолько испорчен, что возводить эту фразу из «Слова» к данному виду «Сказания» ни в коем случае нельзя. Очевидно, предположение Н. К. Гудзия если и не является окончательным и абсолютно убедительным, то во всяком случае гораздо убедительнее тех возражений, которые приводит А. А. Зимин. Я согласен, что нужно чрезвычайно осторожно подходить к возможности воздействий на «Сказание». Но в случае ⟨фрагмента⟩ о хуле и хвале создается впечатление, что здесь непосредственное влияние ⟨Слова⟩ на «Задонщину».[36]

Остановлюсь теперь вкратце на некоторых вопросах, связанных с историей рукописи «Слова о полку Игореве», в частности на вопросе о Мусине-Пушкине.

В своей статье, посвященной истории открытия рукописи «Слова о полку Игореве», напечатанной в сборнике 1962 г. «Слово о полку Игореве — памятник XII века», я высказал предположение о том, что Иоиль Быковский был назван владельцем рукописи «Слова» заведомо неверно и что «Слово», возможно, как это предположил Н. К. Гудзий, находилось в одном из Хронографов, посылавшихся Мусину-Пушкину из Ярославского Архиерейского дома. Я отнюдь не настаиваю на этой точке зрения и не считаю ее окончательной, но приводимые по этому вопросу возражения А. А. Зимина представляются мне недостаточно убедительными. Однако дело в данном случае не в этом. Подтверждаемым объективными данными является

[36] На «Задонщину» — *вероятно, ошибочно вместо*: на «Сказание».

только тот факт, что Мусин-Пушкин включал в свое собственное собрание помимо честно приобретаемых рукописей и рукописи из монастырских собраний, которые брать себе он не имел права. Лишь в этом и заключалась предосудительность и незаконность действий графа в его коллекционерской деятельности. Кстати сказать, подобного рода явление довольно обычно и распространено среди коллекционеров, достаточно вспомнить хотя бы И. А. Шляпкина, который говорил публично, что для коллекционера похищение рукописи не является незаконным. И кстати, благодаря этому собрание И. А. Шляпкина является очень ценным и интересным... (*Смех в зале.*) Ряд других собирателей думал так же, и даже современные собиратели, мне думается, иногда не против таких вещей. Но никаких фактов, подтверждающих возможность фальсификаторской деятельности Мусина-Пушкина, нет.

Александр Александрович подробно останавливается на истории Тмутараканского камня, считая, что этот камень был подделан по заказу Мусина-Пушкина.[37] Вчера мы уже слышали о высказывании по этому вопросу ⟨А. А.⟩ Спицына: «подлинность надписи вполне допустима, но допустима и фальсификация ее». Но даже если признать правильной вторую половину этого высказывания, то, как мне кажется, нет оснований считать, что Мусин-Пушкин был причастен к этой фальсификации. Единственно, о чем можно говорить в этом случае, — что Мусин-Пушкин явился сам жертвой этой фальсификации. Поэтому я продолжаю считать правильной свою точку зрения, заключающуюся в том, что Мусин-Пушкин чувствовал свою вину в гибели рукописи «Слова» только потому, что приобрел ее незаконным путем, и не хотел возвращаться к этому вопросу, ибо боялся разоблачения не в фальсификации, а в незаконности приобретения в свое собрание рукописей, а возможно, и других редкостей, которых у него было много. В то время, когда рукопись «Слова» еще была цела и когда Мусин-Пушкин предполагал передать все свое собрание государству (о чем он заявил в своем письме), он не делал из рукописи «Слова» никакой тайны, о чем свидетельствуют и сообщения о «Слове» в печати еще до выхода первого издания, и рукописные переводы «Слова» в списках XVIII в., имевшие хождение еще до издания «Слова», и, наконец, то, что эту рукопись видел

[37] *Зимин-1*. Т. 2. С. 444—453.

целый ряд лиц, в том числе Н. М. Карамзин и такой знаток палеографии, как ⟨А. И.⟩ Ермолаев.

Нельзя забывать и того, что в первом издании, в предисловии, сообщалось, что рукопись «Слова» находится в собрании графа, к которому обращался довольно широкий круг лиц и мог это проверить. Поэтому слова А. А. Зимина о том, что К. Ф. Калайдович в 1813 г. «начал свою упорную борьбу с той стеной молчания, которой окружил А. И. Мусин-Пушкин историю приобретения рукописи Слова» (с. 488), являются сильным преувеличением. У нас по существу нет никаких данных, чтобы говорить о том, что Мусин-Пушкин старался «окружить стеной молчания» всё касающееся рукописи «Слова»: до Калайдовича никто этим вопросом не интересовался, и, как мы убедимся ниже, все вопросы Калайдовича о «Слове о полку Игореве» до тех пор, пока граф не почувствовал в них оскорбления своей чести, были полностью удовлетворены Мусиным-Пушкиным.

В № 21—22 «Вестника Европы» за ноябрь 1813 г. К. Ф. Калайдовичем были опубликованы «Записки для биографии Е⟨го⟩ С⟨иятельства⟩ графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина», написанные самим графом по просьбе Д. Н. Бантыша-Каменского, но не для опубликования. В этих «Записках» сообщалось главным образом о собирательской деятельности Мусина-Пушкина и о гибели большей части собрания рукописей графа. Ряд сведений в биографии Мусина-Пушкина вызвал у К. Ф. Калайдовича вопросы, с которыми он и обратился к графу в письме от 31 октября 1813 г. Текст этого письма Калайдовича неизвестен, но мы можем судить о нем по ответу Мусина-Пушкина от 8 ноября 1813 г. (ГПБ, Погодинские автографы. Ф. 588. Ед. хр. 278, автограф Мусина-Пушкина). Судя по этому письму Мусина-Пушкина, Калайдович спрашивал у графа, что сохранилось и что погибло из его собрания, просил дать более подробные сведения о полтине князя Владимира. О «Слове» в этом письме Калайдович еще ничего не спрашивал. Получив это письмо 19 ноября, Калайдович уже 20 числа пишет следующее письмо к Мусину-Пушкину, в котором он просит графа сообщить «о всех подробностях несравненной Песни Игоревой» и задает ему 5 конкретных вопросов о «Слове».[38] В письме от 1 декабря 1813 г.

[38] См.: *Бессонов П.* Константин Федорович Калайдович: Биогр. очерк. М., 1862. С. 96.

к Д. Н. Бантышу-Каменскому Мусин-Пушкин пишет о том, что он получил это письмо Калайдовича: «С прошедшею почтою получил я от госп. Калайдовича от 20 числа письмо, коим требует он еще объяснения (т. е. это говорит, что это был первый вопрос Калайдовича о „Слове". — *Л. Д.*): о полтине, о Игоревой Песне и о других еще подробностях. Когда с ним увидитесь, прошу ему сказать, что я, как удосужуся и буду поздоровее, то отвечать ему буду, и пожелание его исполню охотно».[39] Ответ на это письмо К. Ф. Калайдовича А. И. Мусин-Пушкин послал 20 декабря 1813 г., прося прощения за задержку с ответом. В приложении к письму даются подробные ответы на каждый из вопросов Калайдовича.[40] Таким образом, говорить о «стене молчания», с которой Калайдович «повел упорную борьбу», у нас нет никаких данных.

А. А. Зимину кажется подозрительным то обстоятельство, что в автобиографии А. И. Мусин-Пушкин, перечисляя целый ряд ценных рукописей, имевшихся в его собрании, «только об одной уникальной рукописи... сохранил полное молчание — Слове о полку Игореве».[41] Я считаю, что в этом ничего подозрительного нет. Мусин-Пушкин называет только исторические тексты и перечисляет знаменитых государственных или церковных деятелей, пожертвовавших ему свои собственные или принадлежавшие им рукописи. Здесь называется Екатерина и целый ряд других лиц. А «Слово о полку Игореве» он упоминает. Оно названо в числе изданных Мусиным-Пушкиным книг «по любви к древности».

А. А. Зимин справедливо отмечает, что Мусин-Пушкин был недоволен опубликованием в печати его биографии.[42]

Но необходимо было бы, объясняя причины этого недовольства, привести не одну фразу — «не знающий меня коротко или кто из неблагонамеренных легко почтет меня лжецом или хвастуном» из письма Мусина-Пушкина к Бантышу-Каменскому, а более полный

---

[39] РО ИРЛИ. Ф. 339. № 1. Опубл.: Русская старина. 1904. Кн. 9. С. 645; *Дмитриев Л. А.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве — памятник XII в. С. 413.

[40] Рукопись этого письма А. И. Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу не сохранилась. Опубл.: *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 35—36.

[41] *Зимин-1.* Т. 3. С. 489.

[42] Там же. С. 490.

отрывок: «С прошедшею почтою получил я журнал Вест⟨ник⟩ Евр⟨опы⟩, в коем к крайнему удивлению нашел записку Биографии моей напечатанную, чего я в журнале никак видеть не надеялся, ибо в оной есть такие обстоятельства, кои, кроме меня, никому неизвестны; а потому и ясно, что оная мною сочинена, которую читав не знающий меня коротко или кто из неблагонамеренных легко почтет меня лжецом или хвастуном, что крайне неприятно, ибо в доказательство тому осталися только те люди, кои у меня многое видали, а чтобы всякому неблагонамеренному было чем запереть рот, того способа я злодеем лишен: вот что для меня весьма неприятно».[43]

Как видим, Мусин-Пушкин опасался лишь, что его сочтут хвастуном, преувеличивающим свое собрание редкостей, так как это собрание уже погибло.

А. А. Зимин пишет далее: «Отношения Мусина-Пушкина с Калайдовичем испортились (после опубликования биографии графа. — *Л. Д.*). На первую попытку молодого историка выяснить правду о Слове А. И. Мусин-Пушкин в письме от 8 ноября не ответил ни слова» (с. 491). В данном случае необходим ряд уточнений. Прежде всего, письмо Мусина-Пушкина к Бантышу-Каменскому, в котором он выражает неудовольствие напечатанием его биографии, написано им 1 декабря, а поэтому связывать с этим обстоятельством письмо Мусина-Пушкина к Калайдовичу, написанное 8 ноября, никак нельзя. 8 ноября Мусин-Пушкин еще не мог знать ничего о напечатании в «Вестнике Европы» его биографии: только 1 декабря он написал, что получил этот журнал «с прошедшей почтою». Наконец, напомним, что в первом письме, как уже говорилось выше, о «Слове» речи не было вообще. Первой попыткой Калайдовича выяснить «правду о Слове» было его письмо от 20 ноября, и на это письмо, что также уже было сказано выше, он получил исчерпывающий ответ от графа в письме от 20 декабря.

Иначе должны рассматриваться и дальнейшие обстоятельства переписки Калайдовича с Мусиным-Пушкиным, чем это сделано у А. А. Зимина.

---

[43] РО ИРЛИ. Ф. 339. № 1. Опубл.: Русская старина. 1904. Кн. 9. С. 645—646; *Дмитриев Л. А.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». С. 414, примеч. 20. А. А. Зимин цитирует письмо по статье Л. А. Дмитриева.

А. А. Зимин пишет: «13 декабря 1813 года Калайдович снова обращается к А. И. Мусину-Пушкину, извиняясь за свою „дерзость“, т. е. публикацию биографии. Из этого письма видно, что Д. Н. Бантыш-Каменский показал Калайдовичу гневное послание Мусина-Пушкина и Калайдович теперь стремился успокоить подозрительного графа, рассыпаясь ему в комплиментах, а вместе с тем опять повторял свои вопросы... На этот раз А. И. Мусин-Пушкин поддался напору. Его бдительность на время была усыплена. Немаловажное значение имела ссылка Калайдовича на Апостол, который и по планам графа должен был сыграть роль памятника, удостоверяющего подлинность Слова. 20 декабря 1813 года граф написал Калайдовичу письмо, в котором сообщил, что Слово приобрел его комиссионер у впавшего в нужду архимандрита Иоиля. Увы, сведения были неполными, сбивчивыми и сопровождались просьбой не разглашать их (поэтому Калайдович даже после смерти графа издал его письмо только в извлечениях). В письме от 3 января 1814 года Калайдович (31 декабря получивший письмо графа) снова писал: „Последнего письма моего В⟨аше⟩ С⟨иятельство⟩ получить еще не изволил, в котором я просил наименовать особ, видевших подлинник Песни Игоревой, для утверждения сей драгоценности“. Но большего узнать от графа Калайдовичу не удалось. А. И. Мусин-Пушкин в письме от 18 января 1814 года благодарил его за находку Апостола, но от торжественного „акта“, который бы свидетельствовал о подлинности Слова, уклонился».[44]

Внесем ряд уточнений. А. А. Зимин считает, что письмо Калайдовича с извинениями и комплиментами и с сообщением об Апостоле усыпило бдительность графа и он сообщил ему сведения о «Слове». Дело, однако, выглядит иначе: письмо Мусина-Пушкина от 20 декабря со сведениями о «Слове» было написано в ответ на письмо Калайдовича не от 13 декабря, а от 20 ноября, в котором Калайдович не только не умасливал, так сказать, графа, а, наоборот, имел дерзость высказать ему свои критические замечания по поводу того, что граф неверно назвал в издании «Поучение» Владимира Мономаха — «Духовной».

Отвечая на это письмо Калайдовича, Мусин-Пушкин просил его не не разглашать сведения о «Слове», как считает А. А. Зимин, а

[44] *Зимин-1.* Т. 3. С. 491—493.

не называть участников Первого издания «Слова» без их на то согласия: «Вследствие желания Вашего, хотя назвал вам участвующих в издании Песни о Полку Игореве, но как не знаю, будет ли то согласно с их волею, а потому и прошу оставить сие между нами; ежели же дадут названные согласие, тогда делайте, что Вам угодно».[45]

Мне уже приходилось обращать внимание на то, что разночтения в окончании вступительной статьи к «Слову» в Первом издании, в бумагах Малиновского и в экземпляре Первого издания, принадлежавшем Малиновскому, свидетельствуют о каких-то спорах, возникавших между первыми издателями «Слова» по вопросу о роли участия каждого в издании.[46] Видимо, именно этим обстоятельством и объясняется требование Мусина-Пушкина, чтобы Калайдович, прежде чем публиковать эти сведения, согласовал их с А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантышом-Каменским.

Еще до получения этого письма А. И. Мусина-Пушкина (от 20 декабря) Калайдович послал третье письмо к графу, которое неверно датировано в издании П. Бессонова 13 декабря и которое на самом деле датируется 23 декабря (эту дату называет в своем ответе Калайдовичу Мусин-Пушкин). Это и есть то самое письмо, которое, по мнению А. А. Зимина, усыпило бдительность графа и в котором Калайдович сообщает графу найденную им приписку к Апостолу 1307 г. Говоря в этом письме о «завистниках», «дерзающих» сомневаться в подлинности «Слова», и «желая успокоить легковерных, утвердить благомыслящих и притупить жало неблагонамеренных», К. Ф. Калайдович напоминает Мусину-Пушкину о своей уже месячной давности просьбе сообщить сведения о «Слове». К этому он прибавляет, что «мы все сие (подробные сведения о «Слове». — *Л. Д.*) желаем сделать некоторым актом, засвидетельствованным Н. Н. Б⟨антышом⟩-Каменским, Н. М. Карамзиным и А. Ф. Малиновским — назовите, которых Вы знаете, и положить для утверждения в Архив Коллегии Иностранных дел».[47]

Когда уже было послано это письмо, Калайдович 31 декабря получает письмо от Мусина-Пушкина от 20 декабря с ответами на все свои вопросы по «Слову». На другой же день — 1 января —

---

[45] РНБ. Собр. автографов М. П. Погодина. Ф. 588. № 278.

[46] Имеется в виду книга: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960.

[47] *Бессонов П.* Константин Федорович Калайдович. С. 97.

Калайдович пишет Мусину-Пушкину письмо, в котором благодарит графа за его письмо и снова повторяет мысль, высказанную в предыдущем письме: «Последнего письма моего В⟨аше⟩ С⟨иятельство⟩ получить еще не изволили, в котором я просил наименовать особ, видевших подлинник Песни Игоревой, для утверждения сей драгоценности».[48]

На оба эти письма К. Ф. Калайдовича Мусин-Пушкин ответил 18 января 1814 г. Бывший обер-прокурор Синода, сенатор, уже пожилой человек, разумеется, должен был обидеться и оскорбиться просьбами Калайдовича участвовать в составлении документа, подтверждавшего, что он, Мусин-Пушкин, — честный человек и не смошенничал со «Словом о полку Игореве». Поэтому совершенно естественно, что в письме от 18 января 1814 г. он написал Калайдовичу: «Предлагаемое Вами свидетельство о подлинности Игоревой песни почитаю излишним, прошу оное оставить. На вопросы Ваши сделал я ответы, щитая оныя от Вас сделанными из единого любопытства, а потому и прошу оставить ответы мои между нами и чтобы не случилося и с ответами того же, что сделано с Биографиею, чего без согласия делать не следовало».[49]

Из этой последней фразы мы видим, что, обидевшись на Калайдовича, Мусин-Пушкин требовал, чтобы теперь вообще все его ответы по «Слову» не предавались гласности, чего он не просил в письме от 20 декабря 1813 г., в котором сообщал сведения о «Слове», так как в то время он видел в вопросах Калайдовича лишь один научный интерес.

Таким образом, вся история переписки Калайдовича с Мусиным-Пушкиным, если подходить к ней строго объективно, не дает никаких оснований для заключений, что Мусин-Пушкин пытался окружить стеной молчания все касающееся рукописи «Слова».

Я отнюдь не собираюсь приукрашать Мусина-Пушкина и отрицать незаконность действий графа в его коллекционерской деятельности. Но делать из имеющихся документальных материалов вывод о том, что он упорно старался скрыть, замолчать все относящееся к рукописи «Слова», у нас нет абсолютно никаких оснований. Мы почему-то часто удивляемся и даже возмущаемся тем, что Мусин-

[48] Там же. С. 99.
[49] РНБ. Собр. автографов М. П. Погодина. Ф. 588. № 278.

Пушкин так мало сообщил о рукописи «Слова о полку Игореве». Вместе с тем мы сами же признаем, что Мусин-Пушкин был и в вопросах истории, и в вопросах филологии и палеографии дилетант. Какие же мог сообщить он сведения о большом рукописном сборнике по памяти? Из всего, что мы знаем о Мусине-Пушкине, абсолютно нет никаких оснований заключать, что он мог и был в состоянии заниматься фальсификаторской деятельностью. Если специалиста, занимающегося каким-то вопросом, через несколько лет попросить рассказать по памяти о том сборнике, которым он специально занимался, едва ли он сможет дать подробное описание.

Вся часть работы А. А. Зимина, посвященная Мусину-Пушкину, так же как и все, что относится к попыткам доказать авторство Иоиля, выглядит совершенно неубедительно. И в этом, как мне кажется, заключается одно из косвенных подтверждений подлинности «Слова о полку Игореве»: все попытки доказать возможность создания «Слова о полку Игореве» в XVIII в. не дали еще ни разу хоть сколько-нибудь убедительных результатов, а вызывали целый ряд новых аргументированных возражений.

Я привел лишь отдельные возражения по отдельным частным вопросам, затронутым в работе А. А. Зимина. Целый ряд и других положений и разделов его работы вызывают столь же решительное несогласие с ним.

Однако это не изменяет высказанного мною и при обсуждении доклада А. А. Зимина мнения о целесообразности и необходимости печатания его книги. Несмотря на мое полное несогласие с основным тезисом А. А. Зимина, я считаю, что своей негативной стороной его книга заставляет заново пересмотреть некоторые вопросы «Слова о полку Игореве». Здесь часто говорилось о том, что, пересматривая целый ряд положений А. А. Зимина, приходится повторять уже известное и сказанное ранее. Это верно. Но верно также и то, что вот уже сейчас, на обсуждении, было высказано много ценных, интересных и новых мнений, — хотя бы все высказанное Артемием Владимировичем Арциховским, его анализ фразы в «Слове» о «посkепаных шеломах», о «мечах» и пр. То, что сказал Голенищев-Кутузов, — что книга заставляет работать мысль — это совершенно справедливо.

Убежденность самого А. А. Зимина в правоте своей точки зрения и его стремление убедить в этом своих читателей и слушателей

создают своеобразный гипноз. Доклад А. А. Зимина слышали многие, многие знакомы с его книгой, еще большее количество людей слыхали от третьих лиц об исследовании А. А. Зимина. И очень многие могут быть искренне убеждены в том, что А. А. Зимин прав и неопровержимо доказал свою гипотезу. Спокойный, тщательный анализ всех положений книги А. А. Зимина начисто рассеивает этот гипноз. А проделать такой анализ можно только в том случае, когда перед глазами находится книга. Лишь в том случае станут убедительными и все возражения А. А. Зимину, если каждый интересующийся этими вопросами сможет проверить эти возражения, сравнивая их с положениями А. А. Зимина. Будет ли эта книга издаваться в том виде, в каком мы читали ее сейчас, или же в нее будут внесены автором какие-то исправления — это изменит только характер возражений на нее. Но по существу ничего измениться не может, ибо работа А. А. Зимина не отменяет того, что «Слово о полку Игореве» — подлинный памятник древнерусской литературы. Мнение, высказанное Андреем Николаевичем Робинсоном, о том, что книгу эту нужно издать в виде какого-то сборника, — правильное. Я сказал бы, что надо предоставить также слово тем товарищам, которые выступают в защиту точки зрения А. А. Зимина, что будет и объективно, и с научной точки зрения более полно.[50]

Я. С. ЛУРЬЕ

Мне бы хотелось начать свое выступление с констатации одного, по-моему, весьма обнадеживающего и благоприятного обстоятельства. У меня создалось впечатление, что настоящее совещание по целому ряду вопросов приходит к довольно сходным и во многом совпадающим точкам зрения.

Прежде всего, сама цель совещания была очень четко определена председателем и, конечно, о ней мы все время помним: обсуждается вопрос о книге А. А. Зимина, а не вопрос о том, когда было написано «Слово о полку Игореве», ибо трудно представить себе такое собрание, которое могло бы на себя взять окончательное и императивное решение второго из этих вопросов. Речь идет о книге Александра

[50] На первой странице текста выступления Л. А. Дмитриева сверху справа запись: «Проверил. Л. Дмитриев. 6.V.1964».

Александровича, о напечатании этой книги, об условиях и путях ее напечатания, о конкретных замечаниях, которые делаются автору.

И в то же время мне кажется, что все выступающие оказались едины в своем полном уважении к автору и к поставленной автором перед собой серьезной научной цели. Единственное в этом случае печальное исключение было достаточно ясно отвергнуто всеми выступавшими. И я думаю, что и в этом мы все едины. Мы уважаем Александра Александровича как ученого, мы уважаем его стремление выяснить истину в этом сложнейшем вопросе и его право на выяснение этого вопроса.

Также, в общем, мне кажется достаточно единым мнение о необходимости напечатания книги Александра Александровича. Во всяком случае, лиц, которые бы возражали против напечатания его книги, мы до сих пор не слышали — они с этой трибуны не выступали.

Я думаю, что те аргументы в пользу напечатания книги, которые указывались, в данном случае существенны, и я готов согласиться с той положительной аргументацией, которую, в частности, вчера высказал Дмитрий Сергеевич ⟨Лихачев⟩.

Конечно, ненапечатание книги Зимина ставит всех нас, исследователей древнерусской литературы, в крайне неудобное, я бы даже сказал, нелепое положение. Нелепость этого положения еще больше усугубилась тем, что этот «секрет Полишинеля» уже ленинградской прессой выдан. Там появились уже две статьи, причем во второй статье Олег Викторович Творогов серьезно полемизировал с А. А. Зиминым и даже приводил цитаты из его работы. Я очень уважаю Олега Викторовича, считаю его серьезным ученым, но думаю, что ни один оппонент не может вполне точно передать точку зрения, с которой он не согласен. Это должен сделать сам автор. И чрезвычайно обидно, что хроника заседания в Пушкинском Доме, которая была написана очень серьезно и где текст выступления Александра Александровича был им авторизован, не увидела свет.

Повторяю, все это очень серьезные мотивы. Но я думаю, что все-таки дело далеко не исчерпывается этим. Книга Александра Александровича должна быть напечатана не только потому, что ненапечатание ее ставит всех нас в нелепое положение, но потому, что это серьезная книга. И во всяком случае, мне кажется, надо возразить против высказанного здесь утверждения, что книга эта не прибавляет ничего нового к вопросу. Думаю, что это не так.

Я не буду говорить подробно о книге Александра Александровича. Коснусь в основном одной стороны этой книги, мне наиболее интересной, — проблемы взаимоотношения «Слова» и «Задонщины», и буду говорить как читатель, который «Словом» специально не занимался, но занимался вопросами текстологии.

И я хочу сразу же определить одно положение, которое в общем, казалось бы, достаточно ясно, но почему-то иногда забывается. Когда мы говорим о серьезности и значительности научного труда, это не значит, что основные выводы этого труда будут приняты в науке. Я думаю, что можно совершенно ответственно заявить, что в ряде случаев книга, основные выводы которой не приняты в науке, является тем не менее серьезным трудом и заслуживает напечатания и обсуждения. Напомню хотя бы, что недавно вышла — к сожалению, посмертно — интереснейшая книга академика С. Б. Веселовского «Исследование об опричнине».[51] Объяснение Веселовским политики Ивана Грозного кажется мне неубедительным. Но только полное уважение и горячую благодарность может вызвать то обстоятельство, что хотя бы после смерти С. Б. Веселовского книгу его нашли нужным напечатать. Книга эта вызывает и еще будет вызывать массу споров — она ставит заново целый ряд источниковедческих проблем. Такие книги надо печатать.

Можно было бы привести бесчисленное количество примеров. Напомню хотя бы книгу «Повесть временных лет» покойного И. П. Еремина. Его выводы не приемлет ни один исследователь, специально занимавшийся летописанием; мне лично основные выводы кажутся неверными. Но книга была издана один раз,[52] и наш Сектор будет издавать ее еще раз.[53] И, по-моему, это совершенно правильно. На мой взгляд, в том же плане надо подойти и к вопросу о книге А. А. Зимина.

Как я уже сказал, наиболее интересными мне показались те разделы книги, которые связаны с текстологией.

Дмитрий Сергеевич, возражая против текстологических построений А. А. Зимина, указывал, в частности, на то, что предположение,

---

[51] См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.

[52] *Еремин И. П.* Повесть временных лет. Л., 1946.

[53] См.: *Еремин И. П.* «Повесть временных лет» как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 42—97.

согласно которому «Задонщина» разделена на две редакции, — предположение, имеющее очень большое значение для всего построения Зимина, — неверно, что нельзя говорить о Краткой и Пространной редакциях «Задонщины». Я думаю, что, взятый в таком абстрактном виде, этот спор довольно беспредметен. То определение «редакции», которое дано в книге по текстологии Дмитрия Сергеевича и которое кажется наиболее удовлетворительным, А. А. Зиминым приведено в его книге; и он исходит из этого определения. Но пусть речь идет не о редакции, а о виде или изводе. Вопрос не в этом, а в том, как на генеалогической схеме соотносятся Кирилло-Белозерский список и списки, имеющие вторую часть «Задонщины». Можно ли считать, что Кирилло-Белозерский список представляет собой особую ветвь генеалогической схемы, а остальные списки восходят к общему протографу? Если мы можем считать, что, кроме Кирилло-Белозерского списка, все остальные списки восходят к общему протографу, то текстологические построения А. А. Зимина законны. Если даже исследователи до Зимина ⟨и⟩ не употребляли термина «редакция», то вопрос о первичности или вторичности текстов ставился ими постоянно, и постоянно ставился вопрос, как воспринимать наиболее характерные различия между Кирилло-Белозерским списком, с одной стороны, и всеми остальными — с другой. Если В. Ф. Ржига или В. П. Адрианова-Перетц в своей реконструкции «Задонщины»[54] предпочитали в этом ответственном случае чтение пространных списков, то тем самым они ставили тот же вопрос: что первичнее — Кирилло-Белозерский список или остальные списки?

Таким образом, этот вопрос не будет обойден, даже если не будет употреблен термин «редакция». Здесь, с моей точки зрения, большую силу сохраняет аргумент, высказанный до А. А. Зимина безвременно погибшим чешским текстологом Фрчеком. Этот аргумент нельзя сбросить со счета, он серьезен. Речь идет о том, что во

---

[54] См.: Слово Софония рязанца о великом князи Дмитрии Ивановиче и брате его Владимире Ондреевиче / Подгот. к печати В. Ф. Ржига // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 7—26; *Адрианова-Перетц В. П.* Задонщина: (Опыт реконструкции авторского текста) // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 201—255; на с. 223—232 — публикация текста реконструкции авторского оригинала на основе списка *И-1*: «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андрѣевиче. Писание Софониа старца рязанца».

всех пространных списках, в отличие от Кирилло-Белозерского, налицо нарушение хронологического порядка: после 9 сентября, воскресенья, следует рассказ о событиях, происшедших 8 сентября. Это наблюдение подкреплено и А. А. Зиминым. Он обратил еще внимание на то, что как раз здесь — между 9 и 8 сентября, т. е. перед этой хронологической путаницей, и проходит грань между Краткой редакцией (или Кирилло-Белозерской) ⟨и Пространной⟩. Можно против этого возражать? Можно, конечно, сказать, что бывают хронологические сдвиги и в цельных памятниках, бывают возвраты назад и в плавном повествовании.

Теоретически это, конечно, возможно, но, когда встречается хронологическая путаница, она для текстологов важный симптом. Игнорировать его не стоит.

Здесь много говорили о соотношениях между «горами каменными» на Днепре (в «Слове») и на Дону (в «Задонщине»). Приводились даже географические и геологические данные. Мне по этому поводу хотелось бы отметить только, что аргумент этот раньше использовался в доказательство первичности «Слова» по отношению к «Задонщине» и казалось, что это действительно сильнейший аргумент: на Дону, как всякий знает, порогов нет, а на Днепре есть. Сейчас же, благодаря текстологической наблюдательности А. А. Зимина, мы во всяком случае не можем рассматривать этот аргумент как говорящий в пользу первичности «Слова» не только потому, что «горы» — это не обязательно пороги, но и по другим причинам. Предположим, что Пространная редакция «Слова» — первичная, предположим, что этот текст, как считали восстанавливающие «Задонщину» авторы, действительно первичен. Первоначально читалось: «горы каменные», а потом в Кирилло-Белозерском списке появляются «горы харалужные». Вероятна ли такая замена? Востоковеды так или иначе объясняют этот термин, но во всяком случае он не русского, а восточного происхождения. Непонятно, каким образом создатели Краткой редакции (или Кирилло-Белозерского списка) заменили совершенно понятное выражение «горы каменные» на вычурное и непонятное выражение «горы харалужные». Согласитесь, это странная замена.

То же можно сказать о тексте «на ковыле зелене», который многократно использовался в работах по «Слову». А. А. Зимин сказал и здесь новое текстологическое слово. В тексте Кирилло-Белозерского

списка читается: «на белую ковылу», т. е. правильнее, чем текст в списках пространного типа, где читается: «на ковылу зелену». В сентябре ковыль бывает белый, если он не осыпался, во всяком случае не зеленый, а между тем как раз в пространных списках он зеленый, а у Ефросина — белый.

Я не утверждаю, что этих примеров достаточно для решения поставленной текстологической проблемы. Я готов согласиться с тем, что по этим вопросам еще будет можно спорить. Но отбросить эти аргументы, утверждать, что А. А. Зиминым не сказано ничего нового, что это пустяки, — нельзя. Перед нами аргументы, на которые следует обратить внимание, и уже за это спасибо А. А. Зимину. А. В. Арциховский говорил здесь: может быть, Краткая редакция первична, но, может быть, «Слово» повлияло на Краткую, а затем и на Пространную редакцию. Может быть. Но это же перестройка всей прежней текстологической системы. Может быть, это верно, может быть, нет. Но такого рода ценные и, если хотите, неожиданные текстологические наблюдения (потому что в отношении «гор каменных» и «ковылей» Александр Александрович повернул обычную точку зрения), во всяком случае, говорят, что перед нами работа, заслуживающая внимания.

Позволю себе остановиться еще на одном конкретном текстологическом вопросе, уже касающемся взаимоотношения «Задонщины» со «Словом». Это место, когда Пересвет в «Задонщине» и Игорь в «Слове» говорят: «Лучше потяту быть, неже полонену быти». А. А. Зимин считает, что слова эти в устах Игоря несколько непоследовательны, ибо Игорю предстоит как раз быть полоненным. Ему возражали, что такого рода заявления были обычны в XII в., что действительно князья перед боем что-то говорили. Вполне возможно, что такой обычай существовал в XII в., существовал он в другие времена и у других народов. Вспоминали по этому поводу Иосифа Флавия, «Витязя в тигровой шкуре». Но мы обсуждаем вопрос не о том, мог ли Игорь произносить такие слова и потом попасть в плен. Да, мог. Все это действительно могло быть. Но ведь перед нами не стенографическая запись хроникера, который записал, что сперва Игорь сказал это, а затем попал в плен. Это сочинение автора, записавшего все постфактум, возглашавшего «славу» Игорю. Говорят, что эта фраза — просто этикетная формула, штамп. Но Д. С. Лихачев, специально занимавшийся этикетными формулами

русского Средневековья, писал: «Было бы неправильным усматривать в литературном этикете русского Средневековья только совокупность механически повторяющихся шаблонов и трафаретов. Все дело в том, что все эти словесные формулы, стилистические особенности, определенные, повторяющиеся ситуации и т. д. применяются средневековыми писателями вовсе не механически, а именно там, где они требуются ⟨...⟩».[55] Можно ли считать уместным применение здесь этой этикетной формулы? Могу напомнить еще аналогичные примеры употребления в древнерусских памятниках сходных формул. Скажем, Святослав говорит в «Повести временных лет» во время болгарского похода: «Мертвыи бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам».[56] Но Святослав может в летописи это говорить, потому что он не погибает, но и не бежит. Поэтому эта формула здесь уместна. В Ипатьевской летописи Изяслав Мстиславович в 1150 г. говорит киевлянам: «Луче, братье, помрем где, нежели сясь срам возьмем на ся».[57] Но ему сразу же отвечают отказом, киевляне не соглашаются на его предложение. Поэтому дальнейшее поведение Изяслава не противоречит этой формуле. Иная ситуация в «Слове о полку Игореве». Еще раз скажу: доказывает это вторичностъ «Слова о полку Игореве»? Нет, конечно. Перед нами только положение, над которым следует призадуматься. Я не боюсь упрека в святотатстве, если скажу, что в «Слове о полку Игореве» мог встречаться и менее удачный оборот. Может быть, здесь перед нами просто некоторая непоследовательность автора «Слова». Но заметить этот аргумент следует.

Таким образом, мне кажется, что книга Александра Александровича интересна потому, что она целый ряд вопросов, главным образом текстологических, ставит совершенно по-новому. Я убежден, что книга эта очень интересна и с точки зрения общих проблем текстологии. Вчера Дмитрий Сергеевич говорил именно об этом. И я вполне сочувствую той тревоге, которую Дмитрий Сергеевич высказывал по поводу отступления от шахматовского метода в некоторых работах. Шахматовский суровый принцип — исследование летописных сводов с начала до конца с тем, чтобы делать выводы только после

[55] См.: *Лихачев Д. С.* Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 11.

[56] Текст «Повести временных лет» цитируется по Лаврентьевской летописи.

[57] В Ипатьевской летописи читается: «Луче, братье, измрем сде, нежели съсь ⟨в др. списках: *сей*. — *Л. С.*⟩ срам въземем на ся».

того, как весь свод будет исследован, — очень часто заменяется потребительским отношением к источнику, когда из свода выбирается какой-то кусочек и ему дается характеристика. Такого потребительского отношения к памятнику, т. е. использования не всего материала, а кусочков, я в работе А. А. Зимина не нашел. Александра Александровича ругали за то, что он мог быть во многих отношениях неточным, непрофессиональным. Но он делал это именно потому, что он считал своей обязанностью взять материал во всей его широте.

Дмитрий Сергеевич говорит, что Шахматов не пользовался в своих работах реконструкциями. Так ставить вопрос нельзя. Для чего же Шахматов делал реконструкции? Реконструкция есть материальное выражение гипотезы, а гипотеза может, а часто и должна быть использована в дальнейшем исследовании. Гипотезы для того и выставляются, чтобы их потом использовать и проверить этим использованием их верность. Шахматовские построения о сводах, конкретно выраженные в реконструкциях, были рабочей гипотезой. Исследователь, который опирается на реконструкции, тем самым выражает свое согласие с Шахматовым.

Напомню, что сам Дмитрий Сергеевич в своей статье о летописи при Ярославе Мудром[58] использует шахматовские реконструкции. Это вполне законно и не надо от этого отрекаться.

(Д. С. ЛИХАЧЕВ. Надо же было выкопать мою работу военных лет. Долго же вы искали, наверно, эти примеры.)

Я эту работу нашел без малейшего желания что-то доказать, но, по-моему, вы поступили в этой работе куда более правильно, чем всеми нами уважаемый Б. А. Рыбаков, который шахматовские реконструкции совершенно отстраняет, который использует места, относимые Шахматовым к Начальному своду, для характеристики древнейшего летописания, даже X в.[59] Б. А. Рыбаков имеет, конечно, полнейшее право не соглашаться с реконструкциями Шахматова, но он должен был бы противопоставить ему свои реконструкции, и это было бы лучшей иллюстрацией возможности гипотезы. Так что

---

[58] См.: *Лихачев Д. С.* Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром // Исторический журнал. 1943. № 7. С. 28—35.

[59] Вероятно, имеется в виду в первую очередь книга 1963 г.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963 (см. главу 8: Начало русского летописания).

использовать реконструкции — это никак не грех, это, по-моему, вполне возможно.

Но здесь нужно применить один принцип, провозглашенный Дмитрием Сергеевичем уже не в его ранней работе военного времени, а в его книге о текстологии: «Нужно знать, что делаешь, и соблюдать историчность».[60] Если реконструкция никого не обманывает, если мы знаем, что это реконструкция, — в чем тут грех? Остановлюсь на одном конкретном примере. Дмитрий Сергеевич говорил, что Александр Александрович подменяет реконструкцией текст там, где он говорит, что в пространных списках «Задонщины» употребляется имя Бояна. Александр Александрович цитирует свою реконструкцию, но он никого не обманывает, потому что у него написано: «Бо[ян]» («ян» в прямых скобках). Но этого мало. Если мы обратимся к работе Александра Александровича, мы увидим обоснование того, почему он позволил себе такую реконструкцию. Предположим на минуту, что не существует Кирилло-Белозерского списка, остаются три списка, в одном читается «бо», во втором — «боюн», в третьем — «боярин». Как же читалось в протографе пространных списков? Думаю, что чтение «Боян» было если не...

(Д. С. ЛИХАЧЕВ. Контекст. Разве можно сопоставлять «бо» — это же частица.)

Эта частица читается в одном из трех списков; в остальных списках на соответствующем месте читается «боюн» и «боярин». Следовательно, частица «бо» может быть таким же остатком непонятого переписчиком «Бояна», как и «боюн», «боярин». Может быть, это и не так. Но здесь нет обмана, нет подмены текста реконструкцией. Здесь дана обоснованная реконструкция, хотите — принимайте, не хотите — не принимайте. Такая реконструкция никого не может ввести в заблуждение.

Вот те места в текстологической работе Александра Александровича, на которые мне хотелось обратить внимание.

Хочу еще сказать, что вопрос, была ли «Задонщина» устным или письменным памятником, — это также вопрос, над которым нужно задуматься, особенно после работы А. А. Зимина. Дмитрий Сергеевич

---

[60] В книге Д. С. Лихачева: «Знать, что делаешь, и во всем соблюдать историчность — единственное текстологическое правило, которое обладает всеобщностью» (*Лихачев Д. С.* Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. Гл. XIII: Техника издания текстов. С. 493).

говорил, что ни один исследователь не считал «Задонщину» устным памятником, записанным с голоса. Я не делал специальных изысканий, но очень хорошо помню это высказывание у А. В. Соловьева, который писал, что Ефросин записал «Задонщину» со слов гусляра.[61] Я даже имел неосторожность А. В. Соловьеву поверить и процитировать это место в своей работе. Поэтому, когда А. А. Зимин указывает своим оппонентам на то, что устный характер «Задонщины» противоречит выводу о ее вторичности по отношению к «Слову», он выступает против реальных оппонентов, а не воюет с ветряными мельницами. И действительно, трудно себе представить, каким образом устная «Задонщина» могла так точно и обильно воспроизвести тексты из письменного памятника — «Слова о полку Игореве». И если в науке восторжествует мнение, что «Задонщина» с самого начала своего существования была письменным памятником, как это предположил Лев Александрович ⟨Дмитриев⟩, то и здесь соображения Александра Александровича принесут значительную пользу.

Надо задуматься еще над вопросом о так называемых открытиях памятников. Здесь спрашивали: «Как мог автор XVIII в., найдя „Задонщину“, затем „закрыть“ ее так, что она была затем найдена в середине XIX в.? Как могли использовать во вт. пол. XVII в. Ипатьевскую летопись, если она была открыта только в XIX в.?» Но ведь мы говорим об открытиях в археографии в очень условном смысле, не в таком, как говорят об открытиях в естественных науках. Что же, люди, которые хранили монастырские собрания, не знали об имевшихся там рукописях, не читали их? Ипатьевскую летопись Татищев использовал в XVIII в., так что она и не была «закрыта». Введение памятника в научный оборот не означает, что этот памятник был абсолютно неизвестен до этого дня. И над этим стоит задуматься.

Вот то, что я хотел сказать по существу работы А. А. Зимина.

Еще раз повторяю: я не считаю, что Александр Александрович доказал поставленный им тезис, и не считаю, что доказанность или бесспорность основного тезиса является необходимым условием для того, чтобы работа была напечатана. Здесь вспоминали предыдущие работы Александра Александровича в контрасте с этой его работой:

---

[61] *Соловьев А. В.* Автор «Задонщины» и его политические идеи // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1958. Т. 14. С. 188—189.

говорили, что предыдущие работы были осторожными, хорошими работами и т. п. Я могу *сказать, что*[62] предыдущие работы А. А. Зимина значительно лучше и профессиональнее, чем его работа о «Слове о полку Игореве».

Вот уже почти двадцать лет, как мы с А. А. Зиминым спорим по различным вопросам истории XV—XVI вв.: Александр Александрович часто не согласен со мной, я не согласен с ним. Это могут сказать и многие другие. И споров будет еще очень много. Но я думаю, что скажу это не только от своего имени, но и от имени других, если скажу, что вряд ли кто-нибудь в моей научной биографии принес мне столько пользы, сколько Александр Александрович своим неуклонным стремлением обязательно спорить. Это очень хорошо, когда существует человек, готовый немедленно критически проверять точку зрения своего товарища. Это очень полезно. Я думаю, что и новая работа Александра Александровича в этом смысле будет полезной.

Заканчивая свое выступление, Б. А. Рыбаков процитировал фразу из устного разговора с А. А. Зиминым, что тот полагает, что после его книги вопрос будет решен и никто уже не будет обсуждать вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве». И Борис Александрович сказал, что он вполне согласен с этим. Несмотря на то что это очень радостное зрелище — согласие двух очень авторитетных историков, позволю себе сказать, что я с ними не согласен. Думаю, что вопрос о времени написания «Слова о полку Игореве» будет обсуждаться еще очень много раз. И в этом смысле книга А. А. Зимина сослужит хорошую службу.

Книгу эту нужно напечатать. Думаю, не стоит принимать всерьез фразу, которая была здесь сказана и которую можно расценить только как шутку, что книгу эту нужно напечатать для вящего посрамления автора и что печатать ее он должен в собственном издании. Я думаю, мы не будем толкать Александра Александровича на путь такой частной книгоиздательской деятельности. Это совершенно не нужно. Здесь наметился путь напечатания коллективного труда, который будет состоять из работы А. А. Зимина, которую он отредактирует под влиянием нашей критики так, как сочтет необходимым, и других работ. Может быть, наше вчерашнее, сегодняшнее и

[62] При вычитке стенограммы Я. С. Лурье заменил слова «сказать, что» словом «оценить», в связи с чем в тексте возникла несогласованность.

завтрашнее заседания могут стать основой напечатания такого коллективного труда Александра Александровича и его оппонентов. Я совершенно убежден, что издание такой работы будет служить к чести нашей науки. В спорах рождается истина.[63]

Академик Е. М. ЖУКОВ
Слово имеет Ф. П. Филин.

Ф. П. ФИЛИН

Я хочу сделать несколько замечаний о работе А. А. Зимина с позиции языковеда, историка русского языка.

Как хорошо известно, при определении хронологии недатированных произведений большое, а зачастую решающее значение имеют данные языка.

«Слово о полку Игореве» не является исключением из этого общего правила. Относительная хронология рукописи с точки зрения лингвистической определяется путем изучения ее палеографических, орфографических, фонетических, грамматических, лексических, стилистических особенностей.

О палеографических данных «Слова» говорить не приходится, поскольку рукопись до нас не дошла.

Орфография издания «Слова» и рукописного списка уже кое о чем говорит.

Я хочу здесь сослаться на интересные наблюдения Л. П. Якубинского,[64] который отметил следующее. В орфографии «Слова» имеется целый ряд характерных признаков, свидетельствующих о связи списка «Слова» с так наз⟨ываемым⟩ вторым южнославянским влиянием. Это написание корневых плавных «р» и «л» с буквой «ъ» (плъкы, бръзыи, чръленыя и т. п.). Это смешение «ъ» и «ь», «и» и «ы», отсутствие йотации и т. д.

Интересно, что тот, кто переписывал «Слово о полку Игореве» в эпоху второго южнославянского влияния, пытался прояснить

---

[63] Текст выступления подписан Я. С. Лурье без указания даты.

[64] См.: *Якубинский Л. П.* О языке «Слова о полку Игореве» // Доклады и сообщения Института русского языка ⟨АН СССР⟩. М., 1948. Вып. 2. С. 70—71; статья с изменениями перепечатана в кн.: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 320—327 (см. с. 322).

с точки зрения русских произносительных норм некоторые «ъ» и «ь» буквально, в результате этого получались иногда несуразные формы, вроде сморци (вместо смърчи из смьрчи), прострошася (вместо простръшася) и т. д.

Это все очень типично, известно для писцов XV—XVI вв., находившихся под вторым южнославянским влиянием, изучено не только по «Слову», но и по многим другим произведениям русской письменности.

Орфографические правки списка XV—XVI вв. — правки в духе второго южнославянского влияния, причем, что очень существенно, правки эти были непоследовательны, что исключает мысль о подделке.

Если бы мы поставили вопрос о том, что «Слово» действительно написано в конце XVIII в., т. е. с точки зрения орфографии это имитация, это подделка, то было бы совершенно непонятно, почему имитатор не провел какого-то принципа; почему он сделал такие весьма характерные отступления, характерные для письменности того времени. Но я полагаю, что если бы это была имитация, то таких явлений быть бы и не могло.

Нам хорошо известны многие произведения на разных языках и принципы их подделки. Имитаторы не так уж искусны, чтобы подделать оттенки языка какого-то времени так, что их нельзя ⟨было бы⟩ обнаружить.

Теперь о самих языковых данных «Слова». По фонетико-морфологическим особенностям списка XV—XVI вв. трудно судить об оригинале произведения, поскольку, как известно, при переписке эта сторона текста обычно очень сильно видоизменяется. Особое значение приобретают здесь данные лексики, синтаксиса, стилистического строя памятника, которые, как правило, в основном сохраняют языковую систему оригинала, хотя и они подвергаются некоторым изменениям. Элементарным правилом лингвистического анализа любого текста является обязательный учет всей совокупности языковых явлений, взаимосвязи и взаимозависимости отдельных элементов, и только лишь на этом фундаменте могут быть в той или иной мере показательными отдельно взятые примеры. Метод комментирования отдельно взятых примеров без учета языковой системы памятника может быть только наукообразным, но не научным, и обречен на провал — это можно заранее сказать.

Как известно, «Слову о полку Игореве» посвящена очень большая литература разных лингвистических направлений, разного качества, разных целевых установок. В данном случае нас прежде всего могут интересовать исследования, в которых делается попытка дать характеристику языка «Слова» в целом, характеристику языка «Слова» как системы. И такие работы существуют... Эти работы тоже различны, заключают в себе споры и дискуссии. За последнее время одной из самых острых дискуссий было выяснение в «Слове» исконно русской и старославянской языковых стихий. С. П. Обнорский и его последователи считают, что языковая основа «Слова» — древнерусская, народная; старославянизмы в «Слове» появились главным образом при поздних переписках. Другие лингвисты с большим основанием полагают, что язык «Слова», как и язык других древнерусских произведений так наз⟨ываемого⟩ повествовательного жанра, представляет собой сложный сплав древнерусских и старославянских элементов. Однако какие бы суждения о языке «Слова» ни высказывались, все языковеды, исследовавшие язык «Слова» как систему, признают, что этот язык, рассматриваемый во всей совокупности его явлений, — язык древнерусской эпохи, эпохи во всяком случае до XIV века. Доказательств, что язык «Слова» — язык позднего времени, никто никогда не приводил, да и не мог привести.

Нет таких доказательств и в книге А. А. Зимина. То, что язык «Слова» — язык древнерусский, этого, кажется, не отрицает и А. А. Зимин. Однако если обычно считают, что это подлинно древнерусский язык, дошедший до нас в несколько измененном виде в позднем списке, то А. А. Зимин полагает, что это искусная подделка под древнерусский язык Иоиля. Подделка оказывается настолько искусной, что Иоиль, используя в качестве своих источников «Задонщину» и другие источники, безошибочно или почти безошибочно «переводит» их язык на более древний язык — язык XII—XIII вв.

Сравнение языка этих памятников ясно показывает, что новых элементов, отсутствовавших в древнерусском языке XII в., в «Задонщине» несравненно больше, чем в «Слове». Опять-таки, повторяю, если исходить не из отдельных примеров, а из языка как системы.

Даже современному лингвисту, специалисту в области древнерусского языка, вряд ли удалось бы осуществить такую бесподобную

архаизацию, с воссозданием не только древнего словарного состава и форм, но и внутренней, системной, так сказать, интимной стороны языка. Я имею в виду в данном случае такую сторону языка, как взаимоотношение древнерусских элементов и церковнославянизмов, которые представлены в «Слове» не как механическое смешение разных языковых стихий, а как внутренняя цельная языковая система, я имею в виду использование грамматических форм с их значением, системы связи слов, синтаксические построения и т. п.

Как бы искусен ни был современный подражатель, выступающий во всеоружии современных знаний, «острые углы» остались бы и подделка была бы обнаружена. Я приведу один очень интересный пример. Один современный лингвист, фамилии которого я называть не буду, получивший хорошую выучку — славистскую и русистскую, довольно легко, используя полет своей фантазии, читает так называемые загадочные знаки Причерноморья и даже реконструирует славянский текст этих надписей, используя данные современной науки второй половины XX в. Когда этот лингвист делал у нас свои сообщения, то мы довольно быстро обнаружили эти «острые углы». Как бы хорошо ни был начитан человек, как бы хорошо он ни знал древнерусский язык с его весьма своеобразной структурой, очень сильно отличающейся от структуры совершенно отлитых форм и закономерностей латинского мертвого языка, все же он не сможет написать сейчас по-древнерусски так, как действительно писали. Следы, «острые углы» обязательно остались бы. Можно ли предполагать, если А. А. Зимин не верит в чудеса, что Иоиль стоял намного выше современных языковедов?

А. А. Зимин, в сущности, оставляет без внимания главную основу точки зрения лингвиста — язык «Слова» в совокупности всех его сторон и элементов — и пытается найти на основании только отдельно взятых изолированных примеров такие «острые углы», которые должны выдать писателя конца XVIII в. Если бы действительно автор «Слова» был писателем конца XVIII в., то, несомненно, в языке полуневежественного или, может быть, невежественного с точки зрения современной науки монаха, как бы он ни был начитан в древнерусских рукописях, должны были бы проступить не вообще поздние языковые черты, а именно языковые особенности второй половины XVIII в., которые теперь тоже не являются для нас секретом и известны науке.

Что же специфически позднего, относящегося к концу XVIII в., находит в языке «Слова» А. А. Зимин? Обходя проблему изучения системы языка «Слова», он начинает и кончает толкованием отдельно взятых примеров. Прежде всего А. А. Зимин обращает внимание на ориентализмы, имеющиеся в «Слове». Я не буду подробно сейчас говорить по этому поводу, так как об этих ориентализмах довольно подробно и правильно говорил Н. А. Баскаков с точки зрения тюрколога. Я говорю об этих ориентализмах с точки зрения русиста. Конечно, целый ряд слов остается неясным и, возможно, некоторые слова надолго, если не навсегда, останутся спорными в этимологии, но это никак не означает, что «Слово» только в связи с этим должно считаться поздним произведением. Мне кажется довольно странным одно обстоятельство. А. А. Зимин как будто бы читал много этимологической литературы об этих словах, и в то же время я у него, к сожалению, не нахожу элементарных навыков лингвистического исследования. Он считает возможным сблизить «были» с польским «бывалец» (со ссылкой на Вяземского), «шельбиры» с польским «szałbierz», русским «шалбер» (с. 304). Принимать подобного рода странные[65] объяснения, стоящие на уровне случайного звукового сближения, на уровне так называемой народной этимологии, — это невозможная вещь для современного исследователя. Наличие в русском фольклоре и в говорах сочетания «босый волк» («бусый волк») будто бы свидетельствует о том, что это сочетание мог знать писатель XVIII в. Конечно, мог, но что из этого? Если встать на эту точку зрения, то все древнерусские слова, встречающиеся в отдельных древнерусских памятниках и современных говорах, — а таких слов в разных памятниках, не только в «Слове», немало, — должны будто бы свидетельствовать о бесчисленных подделках. Наличие в «Слове» слов, не встречающихся в других памятниках письменности, вовсе ничего не означает. Это довольно обычное явление. Сравните единичное «тировати» (проживать) в Синодальном списке I Новгородской летописи, «волмина» (ивовый кустарник) в грамоте Варлаама Хутынскому монастырю около 1192 г. и т. д.

Этимология ориентализмов в «Слове» еще будет вызывать споры, но совершенно очевидно, что основная их часть бытовала в половецком языке, находит себе соответствие в тюркских языках и во

[65] *Испр., в стенограмме ошибочно*: старинные.

всяком случае существовала еще до XIV—XV вв. в древнерусском языке.

Далее А. А. Зимин находит в языке «Слова» «значительный пласт слов, эпитетов и устойчивых сочетаний, близких к украинскому и белорусскому, а также к польскому языку» (с. 305), который будто бы тоже указывает на авторство Иоиля. В своем выступлении я приведу лишь отдельные его толкования для краткости изложения.

Автор пишет, что в «Слове» отсутствует термин «степь», вместо него употребляется «поле», что «вполне соответствует украинским думам XVI—XVII вв. и польскому языку XVIII в., где степь называется pole» (с. 310). Здесь приходится только руками развести! Вот если бы в «Слове» было слово «степь», тогда можно было бы заподозрить это произведение в позднем происхождении. Слово «степь» появляется в памятниках восточнославянской письменности только в XVII в. В древнерусском языке употреблялось в значении «степь» общеславянское слово «поле». По своему происхождению оно не только праславянской, но индоевропейской давности. Термин «поле» употребляется в «Слове» так, как он нормально употреблялся в древнерусском языке вообще. Его наличие свидетельствует о древнем, а не о позднем происхождении «Слова».

«Слово „рокотать“, — пишет А. А. Зимин, — не встречается ни в древнерусском, ни в церковнославянском языке. Зато в живом украинском языке XIX в. „рокотать“ и „ракотаць“ в белорусском означало „греметь“» (с. 311). Действительно, слово «рокотать» в древнерусском языке одиночно. Автор, толкуя это слово, ссылается на статью Л. А. Булаховского «К лексике „Слова о полку Игореве“», изд⟨анную⟩ в 1958 г.[66] Однако он почему-то совсем не обратил внимания на то, что Л. А. Булаховский не нашел этого слова и в украинском, и в белорусском языках XVIII в. и более раннего времени и считал, что «рокотать» в украинский язык было привнесено только ⟨Г. Ф.⟩ Квиткой-Основьяненко. В то же время Л. А. Булаховский, ссылаясь на данные сербохорватского языка и русских говоров, считает, что звукоподражательное слово «рокотать» древнего происхождения.

Вообще нужно сказать, что А. А. Зимин крайне вольно обращается с литературой, по крайней мере с лингвистической литературой

---

[66] См.: *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 33—34.

о «Слове», которая мне очень хорошо известна, делая прямыми или косвенными сообщниками своей навязчивой идеи ученых, которые никогда не сомневались в древнерусском происхождении «Слова о полку Игореве».

Как я уже говорил, единичность слова в каком-нибудь памятнике вовсе еще не свидетельствует о позднем происхождении этого памятника. О единичном слове — «тировати» в свое время возник спор между А. И. Соболевским, Б. М. Ляпуновым и Г. А. Ильинским. Сначала предполагалось даже, что писец допустил ошибку — вместо «жировати» написал «тировати», пока слово «тировать» не было найдено в одном из современных говоров. Этимология «тировати» еще не установлена, но никто в связи с этим не сомневается в подлинности Синодального списка Новгородской летописи как памятника XII—XIII вв.

Такому же совершенно произвольному разбору с точки зрения лингвистической подвергаются и «темные» места «Слова». Сравните, например: «полозие ползоша». Автор ссылается на польское «płoz», украинское «полоз» — крупная змея (собственно, степной удав) — и считает, что змеи с таким названием «хорошо известны в украинской и польской литературе XVII—XVIII вв.». Верно, что слово «полоз» употреблялось в украинском и польском языках XVII—XVIII вв. Но что из этого? Слово это древнее, общеславянское, в значении змеи, пресмыкающегося известно во всех славянских языковых группах, в том числе и в современном русском языке. Безусловно, это слово было хорошо известно и древнерусскому языку XII в.

У А. А. Зимина буквально нет ни одного примера, который можно было бы считать поздним элементом в лексике и словосочетаниях «Слова», ни одного полонизма, украинизма или белорусизма, если не считать произвольно субъективных толкований, которыми полна его книга. Тем более он не привел ни одного факта, который можно было бы истолковать как специфический элемент лексики именно конца XVIII в.

Конечно, в «Слове», как и в любом другом памятнике, дошедшем до нас в позднем списке, можно обнаружить кое-что позднее, привнесенное переписчиками оригинала, но для выявления таких поздних элементов нужно хорошо владеть методами лингвистических исследований и не иметь навязчиво-предвзятых идей.

А. А. Зимин затрагивает также некоторые фонетико-грамматические вопросы «Слова», также его синтаксис. Но все это делается совершенно неквалифицированно. Отдельные разрозненные факты вырываются из языковой системы «Слова» и толкуются так, как это угодно автору. Например, в «Слове» имеется флексия *-аго* и форма двойственного числа. По мнению Зимина, они «могут быть выводимы и не из практики живого языка XII в., а из особенностей церковнославянской морфологии, которой пользовался автор Слова о полку Игореве» (т. е. Иоиль) (с. 313—314). Если так рассуждать, то вся старославянская и древнерусская письменность XI—XII вв. может объясняться как имитация XVIII в., так как в этой письменности двойственное число является нормой и окончание *-аго* обычно в старославянском языке и часто встречается в древнерусских памятниках.

Должен сказать со всей откровенностью, что от лингвистической стороны работы Александра Александровича у меня осталось очень тяжелое впечатление, хотя Александр Александрович пишет в своем предисловии, что он консультировался с языковедами, что ему помогали лингвисты. Но, видимо, эта помощь не нашла никакого применения в его работе.[67]

Е. М. ЖУКОВ

Слово предоставляется А. И. Клибанову.

А. И. КЛИБАНОВ

В связи с выступлениями, которые мы слышали в адрес работы А. А. Зимина, встает самый простой вопрос: является ли работа Александра Александровича предметом для научной дискуссии? Обсуждение вчерашнего дня и сегодняшнего происходило довольно своеобразно: вначале признавалось высокое научное значение работы Александра Александровича и очень тепло и достойно отзывались о самом Александре Александровиче как ученом. Дальше следовала критика его работы, из которой можно было понять, что образ мышления Александра Александровича не является научным,

[67] На первой странице текста выступления Ф. П. Филина, на левом поле, запись: «Читал. Ф. Ф. 6.5.1964».

что методы и приемы его работы элементарно неграмотны, а в ряде случаев и прямо недобросовестны. В заключение же следовали предложения об издании книги А. А. Зимина.

Мне представляется, что такого характера предложения не являются принципиальными. Если книга дискуссионна, ее надо печатать. Если книга безграмотна, ее не надо печатать. Мне думается, что только так и следует ставить вопрос.

Как и всякому исследователю, Александру Александровичу могут быть присущи ошибки и заблуждения, крупные и мелкие, и никто из выступавших, конечно, не считает себя в этом отношении святым. Но в одно нельзя поверить — нельзя поверить в чудо превращения крупного ученого, зарекомендовавшего себя и в публикациях, и в статьях, и в монографиях как хорошо владеющего методологией и методикой исторического исследования, — нельзя поверить в чудо превращения этого ученого в полуграмотного кустаря от науки.

(С МЕСТА. По другой специальности ученый может написать плохо.) (Е. М. ЖУКОВ. Попробуйте написать по астрономии, по санскриту.)

А. А. Зимин не писал по санскриту или по тюркологии, он писал по памятнику, принадлежащему русской общественной мысли.

Мы — не идеалисты и не считаем, что голова ученого рождает идеи из самой себя без отношения к окружающей действительности. Книга А. А. Зимина, как ни относиться к содержащимся в ней идеям, появилась на почве нерешенных проблем в изучении «Слова о полку Игореве». Наличие таких проблем является не укором для исследователей, а стимулом для работы, для их творческого решения. Не нужно относиться апологетически к работе Зимина, чтобы признать, что в этой работе есть много ценных мыслей, зорких наблюдений, стимулирующих изучение «Слова» в самых разных аспектах на путях, предложенных Зиминым, или на иных, может быть, и на противоположных, — это другой вопрос.

Выступление Д. С. Лихачева оставляет впечатление полного благополучия в исследовании «Слова о полку Игореве». Действительно, в этой области, в значительной мере благодаря усилиям самого Дмитрия Сергеевича, сделано много нового и ценного. Это вызывает удовлетворение. И все же жаль, что Дмитрий Сергеевич и не намекнул в своем выступлении на трудности, проблемы и неотложные задачи в изучении «Слова о полку Игореве».

Я заинтересовался вопросом, близким к моим научным интересам, хотя он и не имеет первостепенного значения в изучении «Слова». Меня заинтересовала область религиозных воззрений автора «Слова о полку Игореве». Дмитрий Сергеевич, судя по его выступлению и многочисленным работам, примыкает в этом вопросе к выводам работы Аничкова «Язычество и Древняя Русь», которой в этом году исполняется полвека. Аничков считал автора «Слова» христианином, почитавшим языческих богов как легендарных родоначальников славянских племен, а не как богов. Аничков, однако, вынужден признать двух таких родоначальников для потомков «Ольгова храброго гнезда» — Дажьбога и Стрибога, а бога Велеса толковать не как племенного родоначальника, а как бога — покровителя муз. Он признавал это, говоря со всей честностью исследователя: «Остается только совершенно неясным, почему именно Боян или баяны происходят от Велеса и какая связь между тем торговым культом Волоса, как бога богатства, считавшегося по количеству скота... с поэзией».[68] Аничков сам отмечал и «сложность» своих «построений».[69] Можно ли при этих условиях удовлетвориться простым воспроизведением взглядов Аничкова в наше время? Проблема ли это? Проблема, и надо ее разрешать, она важнее, чем представляется на первый взгляд. В самом деле, как совместить язычество или двоеверие автора «Слова» с его христианством? Дмитрий Сергеевич ограничивает степень язычества автора «Слова», но с ним открыто спорит румынский ученый Болдур в недавней статье, опубликованной в журнале «Русская литература».[70] С ним спорит, хотя и не называет его имени, Сапунов в статье «Ярославна и древнерусское язычество».[71] Все еще остается невыясненным, кто автор «Слова» по своему религиозному мировоззрению — язычник, «двоевер», настоящий христианин?

Фактом остается то, что «Слово» запечатлело элементы язычества и двоеверия. Но как согласовать с этим результаты многолетних

[68] *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. М., 1914. С. 337. (Зап. ист.-филол. фак. С.-Петерб. ун-та; Ч. 117).

[69] Там же. С. 339.

[70] *Болдур А.* Ярославна и русское двоеверие в «Слове о полку Игореве» // РЛ. 1964. № 1. С. 84—86.

[71] *Сапунов Б. В.* Ярославна и древнерусское язычество // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 321—329.

наблюдений академика ⟨В. Н.⟩ Перетца над библейскими влияниями на «Слово о полку Игореве»?

В опубликованной в 1930 г. статье «„Слово о полку Игореве“ и древнеславянский перевод библейских книг» академик Перетц подвел итоги своим наблюдениям.[72]

Я прошел по пути конкретных наблюдений академика Перетца и проверил их. Оказалось, что символы, лексика, словосочетания в «Слове о полку Игореве» имеют 167 параллелей к книгам Библии и что репертуар библейских книг, которым пользовался автор «Слова», состоит из 35 книг Ветхого и Нового Заветов. Мне удалось пополнить эти наблюдения. Сейчас можно говорить о 180 случаях обращения автора «Слова» к 36 книгам Ветхого и Нового Заветов. Замечу, что некоторые из этих текстов стали известны на Руси с конца XV в., после того, как появился Геннадиевский библейский свод. Что это означает? Это означает, например, что автор «Слова о полку Игореве» намного превосходил по своей библейской эрудиции Кирилла Туровского.

Как совместить эту эрудированность с элементами двоеверия в «Слове», с воспоминаниями о Даждьбоге, Стрибоге, Велесе, Хорсе?

Напрашиваются широкие обобщения в плане концепции Зимина. Не будем с ними торопиться, но и не будем бездействовать.

Еще раз перепроверим данные Перетца и других авторов, если убедимся в их правильности, будем размышлять, как могла возникнуть в «Слове» такая странная ситуация, такое противоречивое положение. Только одного нельзя допустить — самоуспокоенности, отстранения от острых проблем «Слова».

Дмитрий Сергеевич начал свое выступление с правильного указания на связь, существующую между датировкой «Слова» и характером его идейного содержания. Еще лучше было бы сказать, что изучение идейного содержания «Слова», его места в кругу смежных с ним явлений литературы и общественной мысли является твердой базой для решения хронологических проблем «Слова». Можем ли мы сказать, что больше не существует спорных вопросов в характеристике идейного содержания «Слова»? Думаю, что такое утверждение явилось бы преждевременным.

---

72 См.: *ИпоРЯС*. 1930. Т. 3, кн. 1. С. 289—309.

В самом деле, Дмитрий Сергеевич рассматривает в своих работах «Слово» как литературное произведение, отразившее идеи и интересы трудовых масс, прежде всего крестьянства. Достаточно ли для этого сослаться на пламенный призыв автора «Слова» покончить с княжескими усобицами и объединиться для отпора внешнему врагу? А если к этому прибавить народность художественной формы «Слова» (и на этот счет имеются различные оттенки во мнениях), будет ли этого достаточно для названной характеристики идейного содержания «Слова»? Правомерно или неправомерно поставить вопрос так, что любое упрочение фронта феодалов повышает их возможности в насилии, в эксплуатации трудящихся масс? Полагаю, что правомерно.

Крестьяне страдали от внутренних и внешних войн, почему и было возможным сотрудничество с ними боровшихся против децентрализации королевской власти. Это так. Но хотел ли этим сказать Энгельс, что такой союз заключался не на феодальной, а на антифеодальной основе? Более чем сомнительно! Но в таком случае в какой мере можно характеризовать «Слово» как памятник, запечатлевший идеи и интересы крестьян? Есть ли тут над чем задуматься и что исследовать? Полагаю, что есть.

А вот конкретный вопрос: всем известно горестное размышление автора «Слова» о том, что в результате усобиц редко стал слышаться голос пахаря, а чаще — голоса птиц, слетавшихся поживиться смертной добычей. Что это — крестьянолюбие? Но в известных рассказах «Повести временных лет» о Долобьском съезде князей крестьянолюбие звучит сильнее и громче. Но что это за крестьянолюбие? Нет ли здесь прикрытой крестьянолюбием озабоченности феодалов, которые лишаются непосредственных производителей? К сожалению, этот вопрос не ставится.

Еще один конкретный вопрос: имеет ли прямой смысл обращение автора «Слова» к памяти Всеволода Большое Гнездо: «Здесь бы ты был, была бы невольница по ногате и раб по резане»? Да, это звучит недвусмысленно. Что же, и это идеи и интересы крестьян?

Вопрос о социальной природе идейного содержания «Слова о полку Игореве» далеко нельзя считать разрешенным.

Дмитрий Сергеевич плодотворно работал над изучением исторического и политического кругозора автора «Слова о полку Игореве». Он показал широкую осведомленность автора «Слова» в политических

взаимоотношениях князей, современников Игоря и предшествующих княжеских поколений. Но мировоззрение следовало бы охарактеризовать не только по его широте, но и по его глубине.

Автор «Слова» был знатоком политических отношений. Но задумывался ли он в то же время над современным ему общественным положением, современными ему социальными отношениями?

Надо посмотреть на памятник в окружении других памятников.

Например, в «Повести временных лет» поражения русских князей объяснены не только их взаимными распрями, но и социальными конфликтами между верхами и низами. Не буду приводить текстов, я имею в виду записи под 1068, 1093, 1095 гг.

Напомню далее, что «Поучение» Владимира Мономаха все обращено на притупление противоречий между феодалами и зависимыми, что было особенно актуально ввиду походов Владимира Мономаха на половцев и что становилось еще более актуальным для наследников политического завещания Мономаха. Летописец и Владимир Мономах знали, о чем они пишут. Летописец сообщает под 1170 г. о кащее Гавриилко Изяславовиче, предупредившем половцев о выступлении против них русских. Мы помним, что такую же роль в «Слове» выполняет вещая птица Див. В данном случае летописец пишет «по былинам сего времени», а автор «Слова» ближе стилю Бояна. Но дело не в этом одном примере. «Забегание в поганыа» являлось формой классовой борьбы зависимых крестьян против феодалов, которые казнили их «не по силе делом, или наготою и гладом». Я цитирую «Слово святых отец, како подобает христианом жити».

Социальная правда колола глаза и летописцу, но хотя бы частицу ее он донес в своем творении. Этого не сделал автор «Слова» при том, что имел широкий исторический и политический кругозор. Не ускользнуло от летописца (я имею в виду рассказ Ипатьевской летописи о походе Игоря), что русские феодалы видели в половецких ханах, как бы сейчас мы сказали, братьев по классу. Летописец и в этом отношении обнаружил большее внимание к социальным вопросам, чем автор «Слова о полку Игореве». Трудно отрицать, что по богатству характеристик и конкретных сведений об общественных отношениях в Древней Руси «Слово о полку Игореве» уступает не только летописи и «Поучению» Владимира Мономаха, но и Киево-Печерскому патерику и «Слову Даниила Заточника».

Характерный пример. Когда исследователь такого диапазона, таланта и проницательности, как Б. А. Романов, обратился к теме о людях и нравах Древней Руси, он широко воспользовался летописями, патериком, «Поучением» Владимира Мономаха, «Русской Правдой», множеством других памятников, но почти ничего не почерпнул в «Слове о полку Игореве». Чем это объяснить? Сам Б. А. Романов, который признавал и художественную ценность памятника, и его современность событиям Игорева похода, отвечал так: «...автор „Слова“ „волком рыскал“ по гладким тропам земли, не сворачивая в подлинную жизнь, в ее дебри».[73]

Я не хочу сказать, что я полностью присоединяюсь к этой оценке Б. А. Романова. Я только хочу сказать, что остается недоизученным вопрос о социальной природе идей «Слова» и что его нельзя обходить.

Как объяснить относительную к названным памятникам XI—XII вв. узость общественно-идейной базы «Слова», отчетливо выступающую в окружении этих памятников, и как объяснить, что такой относительно узкий базис несет столь величественную художественную конструкцию, какой является «Слово о полку Игореве»? Это ведь важный вопрос, который также нельзя обходить. Я просто хотел здесь указать, что исследование «Слова о полку Игореве» имеет много, и в том числе много важных, проблем, над которыми следует творчески работать. И именно наличием этих проблем я объясняю появление работы А. А. Зимина на тему об источниках, времени создания и авторе «Слова о полку Игореве». Я не разделяю точки зрения Александра Александровича на авторство Быковского, но мне кажутся убедительными его источниковедческие выводы, относящиеся к соотношению между «Словом», Пространной и Краткой редакциями (или списками, как хотите назовите) «Задонщины».

Надо заботиться не только об укреплении текстологической, источниковедческой, лингвистической базы в изучении «Слова». Надо заботиться и об укреплении методологической базы изучения «Слова о полку Игореве», имея в виду при этом основное классовое противоречие, характерное для феодального общества. Мне кажется, что работа А. А. Зимина так или иначе идет в этом направлении, идет

---

[73] *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 282 (2-е изд.: 1966).

по пути творческого решения сложных проблем «Слова о полку Игореве».

Мне думается, большой заслугой А. А. Зимина является то, что он проявил большое мужество, я бы сказал, пойдя по такому трудному пути. Он понимал, вероятно, какие трудности на этом пути его ожидают.

Если Александр Александрович ошибся, если Александр Александрович допустил какие-то промахи (а промахи и ошибки, несомненно, у него есть), то, я думаю, надо позаботиться о том, чтобы укрепить работу Александра Александровича, помочь ему освободить от недостатков свою работу. И думаю, что происходящее обсуждение в этом отношении даст Александру Александровичу чрезвычайно богатый, ценный материал.

Так или иначе, но *у меня нет*[74] никаких сомнений в том, что мы имеем дело с настоящей научной работой, глубокой, интересной, в которую вложен огромный труд исследователя, дискуссионной в то же время, и в качестве дискуссионной, я считаю, ее необходимо опубликовать.[75]

Академик Е. М. ЖУКОВ

Слово имеет О. А. Державина.

О. А. ДЕРЖАВИНА

Я хотела прежде всего дополнить то, что говорила В. Д. Кузьмина о библиотеке архимандрита Иоиля. Дело в том, что к тому списку, который она здесь прочитала, следует добавить еще одну книгу — это польское издание 1633 г. сборника «Великое Зерцало» — сборника дидактического, предназначенного по замыслу составителей для проповедников, которые могли черпать оттуда житейские примеры при произнесении проповеди. Экземпляр сборника, принадлежавший Иоилю, хранится сейчас в ЦГАДА. Это собрание Типографской библиотеки. На книге мы читаем запись: «Из книг архимандрита Иоиля». Сборник дополняет наше представление о круге чтения

[74] *Испр., в стенограмме*: для меня не составляет.

[75] На первом листе текста выступления А. И. Клибанова — его подпись и дата прочтения стенограммы: 6.V.64.

Иоиля и отчасти объясняет составление им сборника «Истины», сборника нравоучительных цитат, направленных, как и «Зерцало», против общечеловеческих пороков, наблюдаемых в жизни. Книга могла ему служить и образцом, и материалом для его собственного сборника. Но она лишний раз убеждает нас в чисто схоластическом направлении интересов Иоиля.

Обращаясь к книге А. А. Зимина, следует заметить, что она была подготовлена его предшествующими работами.

А. И. Клибанов сказал, что не бывает чуда превращения ученого в фальсификатора.[76] Мы никто не считаем А. А. Зимина фальсификатором. Это серьезный ученый, подходящий со всей серьезностью и ответственностью к той теме, которую он избрал. Но надо сказать, что его предшествующие работы в некотором роде как бы подготовляют ⟨эту⟩ его книгу. Для нас, специалистов по древнерусской литературе, не является неожиданным, что А. А. Зимин выступает с новой и в достаточной степени спорной концепцией. Мы не раз слушали доклады А. А. Зимина у нас на Группе и спорили с ним по ряду проблем.

А. А. Зимин, как нам кажется, без достаточных оснований объявляет Пересветова и Афанасия Никитина еретиками. Он же «Повесть о Динаре» рассматривает как монастырское произведение, оправдывающее вклады по душе. Он совершенно произвольно истолковывает песни об Иване Грозном, с чем не согласились ни фольклористы, ни этнографы, ни историки литературы. Работа, которую мы обсуждаем сейчас, как бы продолжает, на наш взгляд, эти гипотезы, гипотетические утверждения, надо сказать, недостаточно убедительно доказываемые А. А. Зиминым. И тем не менее работа эта, несомненно, должна быть напечатана и широко опубликована. Об этом говорил и Д. С. Лихачев, и другие специалисты, выступавшие здесь. И совершенно напрасно В. И. Стеллецкий высказывал опасение, что эта книга произведет какое-то вредное влияние на широкого читателя. Конечно, эта книга вызовет очень большой, широкий интерес. Кому же не интересно узнать новое об авторе, источниках и времени создания «Слова о полку Игореве»? Ведь именно на эти проблемы и обращено внимание А. А. Зимина в его книге. Но что найдет у него читатель? Прежде всего то, что в ней, как уже

[76] А. И. Клибанов сказал иначе: «в полуграмотного кустаря от науки».

много раз говорилось, нарушен основной закон, обязательный для каждого исследователя любой научной проблемы. Ученый, как мы представляем себе, разрабатывая ту или иную проблему, должен внимательно и беспристрастно изучить факты, исследовать их со всей объективностью, сопоставить их, взвешивая все «про» и «контра», и тогда материал, над которым он работает, приведет его к тем или иным выводам, обоснованным всем процессом работы.

А. А. Зимин идет иным путем. Заранее приняв положение Мазона, что «Слово» написано в XVIII в., он старается всеми силами и способами подтвердить это положение. Это, естественно, приводит к тому, что он не может подойти к материалу объективно. Он отбирает лишь то, что, как ему кажется, подтверждает его гипотезу, и вовсе не касается или едва касается того, что этой гипотезе противоречит. Это сразу бросается в глаза и настораживает любого, даже рядового читателя. А. А. Зимин старается показать путем сопоставления текстов, какие слова и выражения восходят к тому или иному из указанных им источников. Но у любого читателя, пусть даже неспециалиста, возникнет вопрос: как могло получиться, что произведение, составленное из «лоскутков», оказалось гениальным памятником, имеющим мировое значение, стоящим рядом с «Песнью о Роланде» и «Витязем в тигровой шкуре» Ш. Руставели? Конечно, рядовой читатель не станет детально разбираться в «дебрях» исследования Зимина или, как выразился вчера Н. К. Гудзий, продираться через дебри исследований Александра Александровича. Это нужно и необходимо делать специалистам.

Но сопоставление текстов «Слова» и «Задонщины» не доказывает широкому читателю мысль автора, а скорее противоречит ей, потому что всякому беспристрастному и объективному читателю, просматривающему эти параллели, которые приведены в книге А. А. Зимина, будет ясно, что в тексте «Задонщины» (надо сказать, что текст «Задонщины», как уже говорилось, в книге Зимина дан в препарированном виде) яркие образы «Слова» искажены, испорчены и как бы «разбавлены» дополнительными словами и выражениями.

У любого читателя книги Зимина возникнет целый ряд вопросов, связанных с предполагаемым им автором «Слова» и временем его написания. Прежде всего — что заставило Иоиля написать «Слово» и зачем оно было написано? Если это просто лингвистические упражнения в использовании «старых словес», к которым, по словам

Зимина, Иоиль был так привержен, то как объяснить пафос памятника, его идейную насыщенность, яркость его образов?

Если это написано по какому-то заданию, то почему Иоиль хранил это произведение у себя и как, когда и для чего он решил передать его Мусину-Пушкину? И почему, передав его Мусину-Пушкину, он не интересовался его судьбой?

И почему Мусин-Пушкин, если это произведение — отклик на события 70-х гг. XVIII в., держит его под спудом? Почему он не обращается к автору для выяснения и уточнения так на⟨зываемых⟩ темных мест? Если жив автор, то легко можно было «темные» места разъяснить.

Наконец, что представляет собой сборник, в который было включено «Слово»? Древние сборники обычно переплетаются в дерево, кожу. Как же мог Мусин-Пушкин вставить в такой старинный сборник созданную им рукопись? На какой бумаге «Слово» было написано? Этот сборник видели специалисты — как же они могли не увидеть, что это иная бумага? Палеографические данные даже для людей того времени могли что-то сказать. Бумага конца XVIII в. должна была, конечно, сильно отличаться от бумаги сборника. И кто так удачно подделал почерк рукописи «Слова»? На все эти вопросы в книге Зимина ответа нет. Это, можно сказать, «темные места» его исследования. И то, что написано здесь, не может удовлетворять требованиям, которые предъявляются к научной книге не только специалистами, но даже рядовыми читателями.

Увлекшись своей гипотезой, вернее — стремлением втиснуть «Слово» в литературу XVIII в. и доказать авторство Иоиля, А. А. Зимин, объявив «Слово» «гениальным произведением XVIII в.», ставит его в один ряд с «Россиадой». Это не может быть принято: ясно для всякого, даже для учителя средней школы, что это разного рода произведения. Не говорю уже о дальнейшем. Дальше получается, что «Слово» ставится в один ряд с «Песнью о вещем Олеге» Пушкина, «Песнью про купца Калашникова» Лермонтова.

Когда читатель сталкивается с такими неожиданными сопоставлениями, он повергается в полное недоумение. И тут приходится поставить вопрос о том, что, по-видимому, А. А. Зимин — историк — совершенно не ощущает специфики такого памятника, как «Слово о полку Игореве», этого неповторимого и неподдельного аромата исторической правды и глубокой древности, которыми веет от «Слова

о полку Игореве». Если он может сопоставлять его с такими безусловно прекрасными, но типичными для XIX в. произведениями, как произведения Пушкина, Лермонтова и тем более с произведениями А. К. Толстого, — ему чуждо живое ощущение прошлого.

Мне думается, что все это сразу должно бросаться в глаза даже рядовому читателю.

Поэтому никакого, конечно, вреда, как тут было сказано, книга принести не может; она должна быть обязательно напечатана, она должна быть широко опубликована для того, чтобы можно было по-настоящему обсуждать ее, спорить с ней. И для изучения «Слова о полку Игореве» она, несомненно, дает какой-то толчок. Это видно даже по тому обсуждению, которое мы имеем. И повредить «Слову о полку Игореве» книга Зимина, конечно, не может — она покажет только, мне кажется, как бесполезны попытки лишить древнерусскую литературу ее славы и гордости.[77]

Е. М. ЖУКОВ

Объявляется перерыв до завтра. Завтра заседание в 11 часов утра.

---

[77] Текст выступления подписан О. А. Державиной без указания даты.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Правленый экземпляр

Ф. 457
оп. 3
ед. хр. 15

Индекс № 620

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

6 мая 1964 г.
Утреннее заседание

Оглавление[1]

В. Б. Вилинбахов . . . . . . с. 1 (2)[2]
Б. В. Сапунов . . . . с. 20 (22)
В. Б. Кобрин . . . . с. 29 (33)
О. В. Творогов . . . . с. 39 (43)
А. П. Евгеньева . . . . . . с. 65 (72)
А. Н. Котляренко . . . . . с. 94 (99)

на 120 листах

г. Москва

---

[1] Так в стенограмме.
[2] В скобках указаны номера листов по второй нумерации. Разночтение вызвано тем, что при первоначальной нумерации листов в ней произошел сбой.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

6 мая 1964 г.
Утреннее заседание

Председательствует чл.-корр. АН СССР В. И. Шунков.

В. И. ШУНКОВ

Товарищи, разрешите продолжить нашу работу.

Имеется большая просьба к выступающим. Я не предлагаю регламентировать выступления; но мне очень хотелось бы предоставить возможность выступить всем, заявившим желание это сделать. Поэтому просьба беречь время, с тем чтобы нам закончить выступления к двум часам и после перерыва заслушать А. А. Зимина.

Слово предоставляется В. Б. Вилинбахову.

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

Каждая научная гипотеза, резко изменяющая существующие представления, всегда вызывает множество вопросов и встречает скептическое отношение. Это вполне закономерно и неизбежно. Так было, так есть, и так, видимо, будет всегда. Вполне естественно и то, что на первых порах число слабых мест в новой гипотезе кажется гораздо больше, чем оказывается в действительности. Этому также не приходится удивляться, поскольку старая точка зрения обычно подкрепляется сотнями различных исследований и мнениями научных авторитетов, в то время как новая гипотеза только начинает свою научную жизнь и поэтому имеет еще много недочетов и недостаточный научный вес.

Примерно то же самое мы имеем и в данный момент, так как гипотеза, отрицающая то, что «Слово о полку Игореве» создано в XII в., несмотря на то что она имеет довольно почтенный возраст, впервые обоснована фундаментальным, по-настоящему научным образом.

В настоящее время детищу А. А. Зимина довольно трудно бороться против неисчислимой массы аргументов, нагроможденных сотнями исследователей в поистине необозримом море трудов, защищающих и доказывающих древнее происхождение «Слова».

Можно, конечно, согласиться с выступавшими здесь, что в исследовании А. А. Зимина имеется много недочетов, что оно неравноценно по своим качествам, что в ряде случаев имеются прямые ошибки, некоторые места нуждаются в дальнейшей доработке. Возможно, — я вполне с этим соглашусь, — что имеются отдельные главы, которые не подтверждены еще достаточной научной аргументацией. Я говорю, в частности, о главах, касающихся XVIII в. и авторства Иоиля Быковского.

Для того чтобы меня правильно поняли, с самого начала хочу оговориться, что я не разделяю точки зрения о XVIII в. и даже не хочу касаться этого вопроса.

Но мне кажется, что в целом исследование А. А. Зимина, в частности в тех своих частях, которые касаются взаимоотношения «Слова» и «Задонщины», «Слова» и летописи, является, бесспорно, полноценной научной гипотезой, значимость которой нельзя недооценивать.

Именно поэтому было очень странно слышать прозвучавшие с этой высокой трибуны утверждения о том, что в данной работе все без исключения безнадежно плохо, и даже то, что эта работа не является трудом ученого, а является писаниной приготовишки или студента первого курса. Это было просто неприятно и обидно слышать.

Мне кажется, что в первой и, как мне представляется, основной части работы Александра Александровича заключается очень ценное «рациональное зерно». В связи с этим, чтобы не возвращаться к этому в конце своего выступления, скажу, что присоединяюсь к точке зрения тех, кто полагает, что работа Александра Александровича должна быть обязательно опубликована и стать достоянием научной общественности.

Проблема, связанная с происхождением «Слова о полку Игореве», не только в работе Александра Александровича, но и в предыдущий период, всегда, как мне кажется, делилась на две совершенно неравноценные по своему научному значению части, а именно: на вопрос о том — было ли написано «Слово о полку Игореве» в XII веке или оно было написано позже, — не будем определять, когда —

в XIII ли веке, как доказывает Д. Н. Альшиц,[3] в XIV, XV или в начале XVI в. И вторая часть — было ли написано «Слово о полку Игореве» в XVIII в. и, следовательно, является ⟨ли⟩ оно литературной подделкой, и вытекающая отсюда уже совсем второстепенная проблема — об авторстве *«Слова»: кто написал*[4] «Слово» в XVIII веке.

Видимо, такое разделение, хотя Александр Александрович не всегда точно проводит разграничительную черту, сказалось и на его работе. Недостатком его работы является то, что этой разграничительной черты очень часто не чувствуется, он часто несколько путает и сводит воедино проблему происхождения «Слова» не в XII в., а в более поздние века с вопросом об его происхождении в XVIII в. и с авторством Иоиля Быковского. И тут как раз получаются те основные лакуны в его аргументации и основные слабости, которые, как мне кажется, и позволили критиковать исследование Александра Александровича.

Я хотел бы остановиться на некоторых аспектах, связанных в основном с вопросом о происхождении «Слова» не в XII в., а в более позднюю историческую эпоху, и на взаимоотношениях «Слова» и летописных списков.

Уже вчера Александр Ильич ⟨Клибанов⟩ останавливался здесь на вопросе о том, что содержание «Слова», видимо, не полностью соответствует той социальной обстановке, которая существовала в XII в.

В связи с этим я хотел бы обратить внимание на один из аргументов, который очень часто употребляется в научной литературе защитниками происхождения «Слова» в XII в., а именно аргументе, что лейтмотивом «Слова» является идея о единстве Русской земли.

Как известно, эта точка зрения очень часто подкрепляется известными всем присутствующим словами К. Маркса, которые нет необходимости здесь повторять. При этом, однако, допускается прежде всего ошибка в том плане, что *не учитывается,*[5] что К. Маркс никогда не был специалистом в области древнерусской истории, никогда себя таким специалистом не считал и не выдавал себя за такового. Поэтому опираться в этом утверждении на авторитет Маркса лучше не стоит.

---

[3] О точке зрения Д. Н. Альшица см.: *Каган М. Д.* Альшиц Даниил Натанович // *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 49—50.

[4] *Испр., в стенограмме*: того, кто написал.

[5] *Испр., в стенограмме*: нужно учитывать.

Если брать конкретную обстановку XII в., то она ни в какой степени не способствовала созданию произведения, призывающего к единству Русской земли. XII век — расцвет феодальной раздробленности, время, когда не созрели еще социально-экономические предпосылки для объединения восточнославянских княжеств в одну государственную систему, когда между населением отдельных княжеств существуют очень часто далеко не дружелюбные отношения. Все это превосходно зафиксировано в источниках.

Так, памятник XI в. «Сказание об убиении князей Бориса и Глеба» свидетельствует о том, что авторы этого периода полностью находились во власти феодального мировоззрения. Раздробленность «Русской земли» им ни в коей мере не представлялась ненормальным явлением. Если они и говорят о единстве, то понимают его по-своему, они мыслят его не в виде единодержавного государства, а в виде согласия между всеми князьями, поддерживаемого строгим соблюдением феодальной иерархии. Недаром созванный для объединения сил против кочевников съезд в Любече (1097 г.) торжественно подтвердил: «Каждо да держитъ отчину свою».

Автор «Слова о князьях» печется не об интересах Руси как таковой, а об интересах князей. Призывы автора «Слова ⟨о князьях⟩» расплывчаты и беспредметны, они не выходят за пределы благочестивых пожеланий, не имеющих практического[6] значения.

Точно так же летописцы XII в. совершенно равнодушно обходят тему вреда феодальных войн, считая их в порядке вещей. Рассказывая о разгроме Киева в 1169 г. князем Андреем Боголюбским, летописец хладнокровно отмечает: «Поможе Бог Андреевичю Мьстиславу с братьею и взяша Киев». Когда в 1203 г. Киев опять был разгромлен, летописец удовлетворенно отметил, что Киев был наказан за грехи.

В этот же период даже такой страшный враг русских княжеств, как половцы, в сущности говоря, принимает участие во внутренней жизни русских княжеств. Князья наперебой приглашают половцев в качестве союзников, половцы участвуют как равноправные члены в княжеских усобицах. По отношению к ним ⟨нет⟩ чувства единения всех русских княжеств в общее целое.

---

[6] *Испр., в стенограмме:* фактического.

Рассказывая о событиях 1185 г., автор «Слова» — об этом, видимо, можно совершенно точно говорить в настоящее время — заимствует ряд подробностей и деталей из Ипатьевской летописи.

Прежде всего тут следует сказать то, что чисто логически на себя обращает внимание факт, что такому малозначительному событию, каким был неудачный поход маленького удельного князька, посвящено два источника. Во-первых, наиболее полное описание всех военных предприятий 1185 г. в Ипатьевской летописи и, ⟨во-вторых⟩, уникальный памятник древнерусской литературы. Спрашивается, чем этот поход мог привлечь к себе такое пристальное внимание? Таких походов в то время были десятки, если не сотни. Плюс к этому поход заканчивается полной и катастрофической неудачей. Чем же было вызвано внимание древних авторов к этому событию?

Логическое объяснение этому найти очень трудно. И единственное объяснение, которое напрашивается, — это то, что либо летописец использовал в какой-то степени материалы «Слова», либо автор «Слова» использовал материалы летописи; такая взаимосвязь этих двух памятников, видимо, не может вызвать никаких недоумений.

Тогда возникает вопрос, тот вопрос, который вставал буквально перед всеми исследователями, — что было первичным и что было вторичным. Одни стоят на позициях, что первичным было «Слово», а другие занимают совершенно противоположные позиции — что автор «Слова», создавая это произведение, имел у себя на столе летопись.

Мне кажется, что в обсуждаемой нами работе Александр Александрович в достаточной степени аргументированно и убедительно смог доказать, что по отношению к известиям летописи «Слово» является вторичным явлением. В данном случае его аргументация кажется мне настолько убедительной, что те сравнительно небольшие соображения, которые были по этому вопросу высказаны здесь, не могли поколебать моего убеждения в правоте Александра Александровича.

Я не буду, конечно, затруднять вашего внимания, повторяя известную вам аргументацию автора, а остановлюсь на нескольких положениях, которые, как мне кажется, дополняют приведенные Александром Александровичем доказательства.

Так, в Ипатьевской летописи помещено выражение «трѣсну аки громъ сразившима челома» (1111 г.) и сходное «копьем же изломившимся, яко от громе трѣсновение» (1249 г.). В «Слове» «тресну»

встречается два раза: «Уже тресну нужда на волю» и «желѣзныи прапорзи...[7] Тѣми тресну земля и многи страны».[8] В обоих случаях «тресну» употреблено так, что не вполне отвечает истинному значению этого слова. Во втором случае сочетание дано как бы в виде синонимического соответствия выражению «стукну земля» («Слово»), восходящему к «земля стукну» (летопись под 1091 г.).

В Ипатьевской летописи под 1263 г. говорится: «ать иная детии не цвелитъ», т. е. «чтобы иная не заставила детей плакать». В «Слове» же читаем: «Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити». Сочетание «начала... землю... цвѣлити» грамматически совершенно неудачно, хотя и подражает форме «детии не цвелить».

Много хлопот исследователям доставил текст «Слова» с упоминанием «тлъковинъ»:[9] «сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ ⟨тлько-винъ⟩ великый женчюгь на лоно».

Единственный случай упоминания этого термина в источниках мы находим в «Повести временных лет» под 907 г.: «хорваты, и дулебы, и тиверцы, яже суть толковины, си вси звахуться Великая Скуфь».

Исходя из летописного текста и этимологии «тълк», «тълкарь» — переводчик, А. И. Соболевский и В. М. Истрин считают, что «тлъковины» — это переводчики. Но такое объяснение термина «тлъковины» делает непонятным текст «Слова». Поэтому уже со времен ⟨Д. Н.⟩ Дубенского некоторые исследователи (П. П. Вяземский, В. И. Григорович, М. С. Грушевский и др.) производят это слово от славянского «толока» — помощь. Отсюда делался вывод, что «поганые тлъковины» — нерусское племя: половцы (В. Перетц), черные клобуки (Д. Расовский), ковуи с переводом «иноземцы» (Д. С. Лихачев).[10]

Однако перевод «тлъковины» как «иноземцы» (пусть даже «помощники») очень искусствен. К тому же подобное объяснение только

---

[7] В. Б. Вилинбахов принимает, как и А. А. Зимин, конъектуру «прапорзи» вместо «папорзи» «Слова».

[8] В данной цитате сохраняем пунктуацию В. Б. Вилинбахова. Цитата им оборвана, в связи с чем искажен её смысл. В «Слове»: «Тѣми тресну земля, и многи страны... сулици своя поврьгоша...»

[9] В. Б. Вилинбахов пишет это слово через ъ, в том числе в цитате из «Слова». В этой цитате исправляем, вслед за первым изданием, ъ на ь. В Екатерининской копии и бумагах А. Ф. Малиновского слово написано через ъ: «тлъковинъ».

[10] О различных толкованиях слова «тльковинъ» см.: *Салмина М. А.* Толковин // *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 126—128.

затемняет смысл летописного рассказа, где словом «толковины» определяется одно из славянских племен.

В древнерусских памятниках есть множество слов с корнем «тълк» в смысле «толкование», «перевод» и нет слов с корнем «толока» или сходным в значении «помощь» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы ⟨для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912⟩. Т. 3. Стб. 1045—1046).

Эти трудности заставили некоторых исследователей пойти по иному пути. Они отмечали инородный характер слова «тлъковины» в «Слове». Так, А. С. Орлов писал, что это слово «представляет собою искаженное слово «тлъкование», которое с полей рукописи ошибочно перешло в текст. Эта маргинальная заметка писца первоначально относилась к толкованию Святославова сна боярами (*Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. М.; Л., 1946. С. 116). В этом объяснении неясно только, как это слово «тлъкование» удивительным образом превратилось в «тлъковины», совпадающее с летописным термином?

Поэтому, по нашему мнению, ближе к истине мнение А. Потебни, который считал, что слово «тлъковины» в «Слово о полку Игореве» занесено «книжником, который взял это слово из летописи, принявши его за название народа» (*Потебня А.* Слово о полку Игореве. Харьков, 1914. С. 90).

Весьма своеобразно употребление в «Слове» термина «кожух». Там говорится, что русские войска «орьтьмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити». «Кожух» упомянут в Ипатьевской летописи под 1252 г. для обозначения верхней одежды, затканной золотом. Но по смыслу приведенного отрывка речь идет в «Слове» о «кожухах» как шубах. Это наталкивается на несоответствие другого рода: поход был в жаркое время. О каких шубах могла идти речь?!

Теперь перейду к вопросу, наиболее мне близкому, к вопросу об оружии, которому всегда в «Слове» уделяется очень большое внимание, ибо в прошлый раз здесь говорили о том, что «Слово» может являться энциклопедией для изучения древнерусского оружия.

Говоря об этом предмете, я считаю необходимым упомянуть о том, что мне пришлось этим вопросом заниматься специально и в свое время я посвятил этому даже статью, от ряда выводов которой под напором аргументации Александра Александровича я должен был в настоящее время несколько отказаться.

Автор «Слова» упоминает о поющих копьях. Это сразу наталкивает на большие затруднения, если будем говорить с точки зрения оружиеведения. Хорошо известно, что никаких метательных копий на Руси в тот период не было. В частности, Дмитрий Сергеевич, говоря об этой фразе, полагает, что она была как бы оборвана, а возможно, и искажена. Однако нам представляется, что тут нет искажения, а просто автор «Слова» упомянул о пении копий, рассматривая это оружие сквозь призму более позднего представления о нем.[11]

Необходимо остановиться на вопросе упоминания в свое время мечей[12] и сабель. Известно, что в XII в. такое холодное оружие, каким была сабля, употреблялось на Руси чрезвычайно редко. Об этом свидетельствуют все без исключения летописные тексты, об этом же свидетельствуют археологические материалы. Достаточно сказать, что во всех русских летописях за период XI—XIII вв. «сабля» упоминается всего только 3 раза. Между тем в «Слове» сабля упоминается в отношении русских 4 раза.

В связи с вопросом о саблях и *об этом явном несоответствии по отношению к древнерусскому оружию*[13] сошлюсь не только на свою точку зрения, а ⟨и⟩ на точку зрения специалиста-археолога Даниила Антоновича Авдусина,[14] который говорит: сабля, упоминаемая в свое время на Руси, по археологическим материалам хотя и известна, но мало.[15]

Этому соответствует и то, что в летописи XII в. сабля упомянута только дважды, а меч — 15 раз. Обычным оружием у русских до XIV в. был меч. Это соотношение отражено в «Задонщине», где меч упомянут 8 раз у русских, а сабля — 1 раз, и то у татар.

Дальше Даниил Антонович проводит сравнение текстов «Слова» и «Задонщины», касаясь только вопроса оружия, и приходит к выводу,

---

[11] *Испр., в стенограмме*: о том.

[12] *Испр., в стенограмме ошибочно*: копий.

[13] Фразу, заключенную мною в звездочки, оставляю без изменений.

[14] Даниил Антонович Авдусин (1918—1994) — археолог и историк, доктор исторических наук (1960). Преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ (с 1945, с 1971 профессор). Руководитель Смоленской археологической экспедиции МГУ (с 1949). Автор трудов по истории и археологии Древней Руси, учебников по археологии.

[15] В. Б. Вилинбахов ссылается в своем выступлении на письменные справки по этому вопросу археологов Д. А. Авдусина, Б. А. Колчина и А. Ф. Медведева, данные А. А. Зимину. Их упоминает в своем выступлении и сам А. А. Зимин.

что взаимовлияние этих отрывков представляется очевидным. Если это так, то также очевидно, что один из авторов заменил саблю мечом или, наоборот, меч — саблей, так как отрывки сходны. В «Задонщине» речь идет о мече, в «Слове» в таких же отрывках речь идет о сабле. Замена сабли устаревшим видом оружия вряд ли вероятна, но после XIV в., когда сабля вытеснила меч, ею в тексте вполне могли заменить этот термин.

Большие сомнения вызывает и следующее место «Слова», в котором говорится о трофеях, захваченных у половцев, о том, что стяг и хоругвь были положены у ног храброго Святославовича: «Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю».[16]

Если мы возьмем не только русское, но и западноевропейское военное искусство, его историю, то в источниках мы не найдем примеров, где бы упоминался этот ставший позднее традиционным военный обряд. Подобное положение отмечается в истории военного искусства уже в гораздо более позднюю эпоху.

В этой фразе вызывает также удивление четкое разделение понятий «стяг» и «хоругвь». В русском летописании XII—XIII вв. оба эти термина были синонимичными и никогда не производилось их четкое разделение. В наших отечественных источниках подобное разделение наблюдается гораздо позднее, когда стяг и хоругвь получили внешнее отличие.

Если говорить о харалужных мечах, о которых здесь было много разговоров, причем очень часто, к сожалению, по этому вопросу говорили неспециалисты, то я приведу опять-таки мнение, как мне кажется, самого большого нашего специалиста в области технологии древнерусского оружия Бориса Александровича Колчина.[17] Вот справка, данная им по этому вопросу: «Что такое харалуг, харалужный?

---

[16] Отступая в данном случае от принципа не комментировать высказывания выступавших, отметим, что речь здесь идет не о разных предметах («трофеях»), а об одном — половецком знамени, составные части которого и называет автор «Слова»: древко, полотнище, бунчук, серебряный наконечник древка (стружие).

[17] Борис Александрович Колчин (1914—1984) — историк, археолог, доктор исторических наук (1964), профессор. Сотрудник Института археологии АН СССР. С 1967 до конца жизни руководил созданной им лабораторией естественно-технических методов Института археологии АН СССР. Заместитель начальника Новгородской археологической экспедиции МГУ. Преподаватель кафедры археологии МГУ (1956—1966).

Мнение очень многих исследователей — это слово, вероятно, восточного происхождения. Мнение В. Арендта — харалужный — „пламенный“ — вряд ли можно считать серьезным. Следовательно, „мечи харалужные“ нужно понимать как мечи восточные, цельностальные, сделанные из тигельной стали, как все восточное оружие.

Известно ли восточное оружие в домонгольской Руси? Такого оружия мы не знаем. Из известных 106 мечей (по А. Н. Кирпичникову) все мечи общеевропейских форм и, самое главное, изготовлены по европейской технологии.

В технологии производства железных и стальных изделий (любых, в том числе и оружия) Европа и Азия до позднего Средневековья базировались на разных, принципиально различных технологиях. Азия и позднее арабский мир для качественных изделий применяли всегда цельностальной конструктивный вариант, делая рабочий элемент оружия и орудия из тигельной стали.

Европа тигельной стали до XVII в. сама не изготовляла. Оружие и орудия труда делались иной техникой, по качеству не уступавшей восточной, — сваркой железа и цементованной стали».

Итак, в конце XII в. поэт едва ли мог назвать мечи харалужными (при условии, если это ориентализм), так как все окружавшее его войско было вооружено мечами, сделанными иной технологией — европейской.

И, наконец, чтобы все экскурсы в область оружия поставить на свои места, приведу и заключение третьего специалиста в области древнерусского оружия, А. Ф. Медведева,[18] который пишет: «Был ли автор „Слова“ знатоком древнерусского оружия? Об авторе „Слова о полку Игореве“ этого нельзя сказать. Он даже не упоминает некоторых видов древнерусского оружия, обычного для XII в., без которого ни один князь не выступал в поход, в частности, брони».

(С МЕСТА. Это доспехи, а не оружие!)

Но по терминологии оно является защитным оружием!

⟨Далее А. Ф. Медведев пишет⟩: «О других видах оружия он ⟨автор «Слова»⟩ говорит не как знаток или очевидец его применения,

---

[18] Александр Филиппович Медведев (1916—1984) — историк, археолог, кандидат исторических наук (1953), сотрудник Института археологии АН СССР, заведующий лабораторией камеральной обработки. Участник и руководитель археологических экспедиций в Новгороде, в Старой Руссе, в Москве, в Городце на Волге.

приписывая несвойственные ему особенности. Выражение „копья поют на Дунае“ характеризует копье как метательное оружие, тогда как оно всегда было ударным, не выпускавшимся из рук воина.

Образное выражение автора, стремившегося показать ценность княжеского русского оружия, — „шеломы латинские“, „сулицы ляцкие“, „мечи харалужные“ и т. п. — ни в археологических памятниках, ни в письменных источниках XII в. не имеют соответствия и подтверждения. Щиты, шлемы, копья, сулицы, лук и стрелы на Руси широко употреблялись, но нам неизвестны „шеломы латинские“, „сулицы ляцкие“. И в Польше, и на Руси наконечники сулиц особых отличий не имеют. Правда, в Польше они чаще были двушипными, тогда как для Руси двушипные совершенно не характерны, и археологи их прослеживают очень редко вдоль западной границы Руси. Да и, кроме того, такие наконечники сулиц вообще наиболее характерны для IX—XI вв., а не для XII в. и последующих.

„Мечи харалужные“, как и „шеломы латинские“ абсолютно неведомы среди оружия из раскопок, и неизвестно вообще, что они собой представляют.

Вся эта оружейная терминология, как и „шереширы живые“ у автора „Слова“ звучат не как реальные виды оружия, а как оружие „высокого штиля“, о котором, видимо, он и сам не имел конкретного понятия. Некоторые образные эпитеты для оружия можно встретить в описях Оружейной палаты XVII—XVIII вв. и в былинах».

Данные, приведенные А. А. Зиминым, и данные специалистов, в частности археологов, дают право говорить о том, что дальнейшее критическое сравнение «Слова» с летописными текстами позволит выявить еще значительное число подобных несоответствий, убедительно свидетельствующих в пользу мнения, что не летописец ⟨пользовался «Словом»⟩, а автор «Слова» использовал этот ⟨летописный⟩ материал.

В заключение я хотел бы только по одному вопросу коснуться XVIII в. Когда выступал Дмитрий Сергеевич ⟨Лихачев⟩, он выдвинул тезис, что появление подделок в древнем стиле было характерно только для эпохи романтизма, но ни в коей мере не могло иметь места в эпоху классицизма, и на этом он построил ряд своих опровержений точки зрения А. А. Зимина. Тут вызывает удивление одно. Я не специалист ни в области классицизма, ни в области романтизма, но если взять работу А. А. Зимина, то он приводит, не касаясь

Быковского, подделку XVIII в. под древнерусский летописный текст, а именно «Сказание о построении города Ярославля», которая была исследована Н. Н. Ворониным.[19] Наличие такого произведения в какой-то степени, по-видимому, свидетельствует о том, что и в XVIII в. в России подобными проделками занимались, хотя я опять хочу подчеркнуть, что к моей точке зрения это не имеет прямого отношения.

Заканчивая свое выступление, я хочу вернуться, если можно так сказать, к началу, что по всем мотивам, которые выдвигались здесь — иногда правильно, иногда неправильно, вывод, как мне кажется, может быть только один: работа А. А. Зимина должна быть напечатана. Сумеют ее противники потом ее опровергнуть, доказать, что она неправильна, — будет для них хорошо; сумеют сторонники и последователи А. А. Зимина подкрепить его доказательство новыми аргументами — будет тоже хорошо. В обоих случаях выиграет только наша отечественная наука.[20]

Чл.-корр. АН СССР В. И. ШУНКОВ

Слово имеет Б. В. Сапунов.

Б. В. САПУНОВ

Вчера Александр Ильич Клибанов утверждал, что в «Слове» еще много неясного, невыясненного и, значит, еще многое можно и нужно сделать. То же самое немного другими словами доказывал Яков Соломонович Лурье. Эти утверждения вполне справедливы, и с ними необходимо согласиться. Весь вопрос в том, как изучать и для чего изучать.

Я позволю себе не согласиться с теми товарищами, которые полагают, что вопрос о подлинности или подложности «Слова» — это чисто академический вопрос. «Слово о полку Игореве» — это часть русского национального самосознания. Совершенно безобидный, на первый взгляд, вопрос о датировке «Слова» — XII или XVIII в. — это, по сути дела, вопрос огромной принципиальной важности.

---

[19] См.: *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в IX веке // Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. № 6; то же в изд.: Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 25—93.

[20] Текст выступления подписан В. Б. Вилинбаховым без указания даты.

Если сторонники профессора Андре Мазона переносят «Слово» в XVIII в. с достаточным основанием, то придется признать, что русская культура понесла очень тяжелый урон.

Совершенно ясно, что никакие заверения А. А. Зимина о гениальности творения Быковского положение не спасают. Это было вполне убедительно показано академиком Лихачевым.

Надо учитывать также и вторую сторону вопроса. Когда Мазон и его ученики утверждают, что «Слово» создано в последней четверти XVIII в., то ими руководят прежде всего далеко не научные мотивы. Хорошо известно, какой резонанс встречает концепция проф. Мазона в настоящее время на Западе.

Все это я говорю только для того, чтобы еще раз подчеркнуть ту громадную ответственность, которую берет на себя советский ученый, вольно или невольно становясь в положение последователя и продолжателя дела Мазона.

Два месяца назад я запрашивал проф. Андре Мазона о том, не изменились ли в настоящее время его взгляды по поводу «Слова о полку Игореве». Сам профессор зимой лежал в больнице, и ответ передала его дочь. Она сообщила со слов отца, что хотя последние 8 лет профессор Мазон не занимался этими сюжетами, но все, что было им написано, он написал бы и сейчас, и сейчас снова под всем этим подписывается.

Из всех выступавших только один С. Н. Азбелев прямо заявил, что он разделяет точку зрения А. А. Зимина. Яков Соломонович ⟨Лурье⟩ и Александр Ильич ⟨Клибанов⟩ были более осторожны и выдвигали тезис о том, что и работы, выводы которых не войдут в науку, могут иметь право на существование, что они будят мысль, вызывают споры, в которых, как известно, рождается истина.

Но ведь дело в том, что между А. А. Зиминым и подавляющим большинством крупнейших ученых страны, собранных в этом зале, дискуссия идет не о том, как лучше изучать «Слово». Весь пафос работы А. А. Зимина направлен на то, чтобы устроить «Слову» похороны по первому разряду. Следовательно, формально очень убедительные доводы Якова Соломоновича и Александра Ильича в данном случае неприемлемы.

Предложенная работа А. А. Зимина явилась результатом очень серьезного, хотя крайне своеобразного изучения всего комплекса вопросов, связанных со «Словом». Вызывает глубокое удивление

система доказательств, принятая автором. А. А. Зимин неприкрыто тенденциозно выбирает из огромной литературы о «Слове» все то, что хоть в какой-то степени поддерживает его концепцию. Очень часто, как это уже отмечалось, он теряет научную объективность и выдает желаемое за доказанное. Огромная работа, проделанная советскими исследователями в области изучения «Слова», и доказательства его подлинности отмечаются в работе А. А. Зимина только перечнем нескольких фамилий. Вышедший больше года назад сборник «Слово о полку Игореве — памятник XII века» не удостоился его внимания.

Для того чтобы двигать науку вперед, необходимо вести исследования с учетом действительного уровня изучения любой проблемы, достигнутой наукой сегодняшнего дня, а не отталкиваться от концепций начала XIX в. или наших противников за рубежом.

Чтобы убедительно перенести «Слово» в XVIII в., мало произвести текстологическое сравнение «Слова» и «Задонщины». Необходимо предпринять гигантскую работу для опровержения доказательств, выдвинутых лингвистами, историками, литературоведами, ориенталистами, природоведами и специалистами других дисциплин в защиту «Слова».

Поставьте себя в положение рядового читателя, которому попадет в руки книга А. А. Зимина. Незнакомый с историей и литературой вопроса, он может подумать, что в самом деле советские исследователи мало что сделали в изучении «Слова», что большинство специалистов сомневались и сомневаются в его подлинности и что выход работы А. А. Зимина закономерен и исторически обусловлен.

Переходя к конкретному разбору книги А. А. Зимина, остановлюсь только на одном круге вопросов, которыми я специально занимался в течение последних 10 лет, — на вопросах языческих или, точнее, двоеверческих взглядов русских людей XI—XIII вв.

Совершенно естественно, что система религиозно-философских и эстетических взглядов автора тесно связана со всем художественным строем созданного им произведения. Эта связь может иметь разные формы, но она всегда будет иметь место. Отсюда следует, что необходимо разобраться в вопросе о том, как художественно-философские и эстетические положения, лежащие в основе «Слова о полку Игореве», соотносятся с представлениями о русском язычестве в XVIII в. и с тем, что мы теперь знаем о религиозных, философских

и эстетических взглядах Древней Руси. При этом сравнительном анализе необходимо также учитывать эстетические взгляды самого XVIII в.

Ю. М. Лотман, сотрудник Тартуского университета, очень убедительно доказал, что «Слово» не находит себе места в русской литературе XVIII — начала XIX в. Оно выпадает из литературных, эстетических и иных традиций того времени, к которому его хотят отнести сторонники Мазона.

На основании изучения литературы о язычестве XVIII в. и, в частности, работы М. И. Попова «Краткое описание древнего славянского языческого баснословия[21]» и сочинений П. Львова, М. Д. Чулкова, В. А. Левшина и других Ю. М. Лотман бесспорно показал, что представления о русском язычестве XVIII в. совершенно не отразились в тексте «Слова». В заключение он пишет: «Мифологии XVIII в. были автору „Слова" неизвестны» (с. 370).[22]

Как известно, сторонники Мазона, видящие в «Слове» фальшивку конца XVIII в., утверждают, что в ряду литературных памятников XII в. «Слово» выглядит одиноким, необъяснимым произведением. Эту одинокость они видят в совершенно своеобразном религиозном миропонимании, которым оно проникнуто. Однако работа в Эрмитаже с памятниками русской культуры XI—XVII вв. привела меня к твердому убеждению, что этот довод не выдерживает критики.

Единовременный акт крещения Руси не мог превратить языческую страну в христианское государство. Принятие христианства означало, по сути дела, сложный и долгий процесс значительных сдвигов в сознании миллионов людей, тысячами нитей связанных с языческими верованиями. В результате поверхностного усвоения христианства языческой паствой сложилось совершенно своеобразное синкретическое мироощущение, удачно названное современниками «двоеверием».

Наши представления о стилях и жанрах древнерусской литературы сложились на основе изучения сохранившихся до нас памятников письменности. Надо всегда помнить, что их подбор далеко не случаен.

---

[21] *Испр., в стенограмме ошибочно*: богословия.

[22] Б. В. Сапунов ссылается на статью: *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962. Цитата выверена и исправлена по статье Ю. М. Лотмана.

Церковная цензура в течение сотен лет уничтожала все то, что не входило в круг разрешенных и одобренных ею произведений искусства. Мы хорошо знаем, как упорно, долго и ожесточенно боролась церковь с двоеверческими взглядами своей паствы. Мы прекрасно также знаем по письменным источникам, что среди двоеверцев были не только «невежи», но и «вежи», попы и книжники. Однако ни одного двоеверческого памятника литературного характера, кроме «Слова», до наших дней не дошло. О двоеверческих взглядах мы знали только на основании антидвоеверческой литературы, постановлений Соборов, проповедей и т. п.

Новые данные по этому вопросу дает[23] изучение памятников русского прикладного искусства XI—XIII вв. Змеевики, лунницы, колты, десятки, сотни и тысячи других предметов быта, украшения раскрывают перед нами двоеверческие представления русских людей этого периода.

Двоеверие было распространено не только среди демократических городских и сельских кругов. Как отметил В. Л. Комарович, культ Рода и Земли проник в XI—XIII вв. в княжескую среду (*ТОДРЛ*. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104). Данные археологии полностью подтверждают и расширяют положения, выдвинутые В. Л. Комаровичем.

В свете этих новых положений «Слово» обретает устойчивое место в общей линии развития русской культуры предмонгольского времени, в которой, наряду с христианской струей, существовала другая, враждебная ей, двоеверческая струя.

Двоеверие XI—XIII вв. создало свое искусство, свой идеал красоты, создало свою тематику, разрабатывало свои художественные приемы, которые резко отличались от тех, которые использовались христианским искусством.

Все обращения к языческим богам в «Слове» — это не художественный прием, который был близок к тому, что имело место в литературе XVIII в. В своих статьях «Ярославна и древнерусское язычество»,[24] «Всеслав[25] Полоцкий ⟨в „Слове о полку Игореве"⟩»[26] и

[23] *Испр., в стенограмме*: Значительный свет и новые данные в этом вопросе проливает.

[24] См. в сб.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 321–329.

[25] *Испр., в стенограмме ошибочно*: Всеволод.

[26] См.: *ТОДРЛ*. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 75–84.

в других своих работах, опубликованных в последнее время, я пытаюсь доказать, что все «Слово» пронизано двоеверием, оно — его художественный стержень, оно обусловливает многие эстетические и религиозные особенности памятника, который мы сейчас обсуждаем.

Оно сквозит не только в словарном запасе и в необычайно точном описании языческих богов. Оно видно в художественном замысле, в обрисовке молящейся языческим богам Ярославны и князя-оборотня Всеслава. Создавая совершенно не христианский образ вещего князя-оборотня Всеслава, автор не скрывает своей глубокой к нему симпатии. Симпатии автора вызывает полухристианка-полуязычница Ярославна. Это художественное кредо памятника, и с этим считаться необходимо.

Ни в одном памятнике литературы Древней Руси нет такого проникновенного и точного описания природы и животного мира южнорусских степей, как в «Слове». В литературе, созданной под влиянием христианского миропонимания, описание природы никогда не могло иметь самостоятельного значения.

Здесь не место останавливаться на эстетических и философских взглядах христианства и церковного искусства. Отметим только, что природа рассматривалась церковниками только как условный фон, на котором развертывалось событие, либо как символическое предсказание того или иного Божественного провидения.

Так описать природу, как это сделал автор «Слова», мог человек, не только хорошо ее знающий и любящий, но человек, контакт которого с природой еще не был разорван христианскими представлениями. С точки зрения эстетических требований христианского искусства, «Слово» было не только вредным своей защитой двоеверия, но и художественно не ценным памятником, ибо написано оно было в совершенно иной эстетической художественной системе. Между прочим, как мне кажется, в этом заключается одна из причин того, что «Слово» дошло до нас в одном, сравнительно позднем списке.

Интересные выводы можно получить при сравнительном изучении художественно-эстетических особенностей и религиозных взглядов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Я этим занимался последнее время, сличая два памятника.

Все образы «Задонщины» вполне укладываются в систему художественных и религиозных взглядов, утвердившихся в русском

искусстве с XIV в. «Задонщина» полностью принадлежит христианскому искусству своего времени. Отмечу, что параллельно со мной этим сравнением занимался в Брюсселе известный бельгийский славист профессор Жан Бланков и независимо от меня пришел к тем же выводам.[27]

Подводя итоги, можно сказать следующее:

1) Эстетические и религиозно-философские взгляды XVIII в. никак не отразились в «Слове».

2) Двоеверческие взгляды XI—XIII вв., запечатленные в «Слове», вполне соответствуют представлениям о них в 60-е гг. XX в.

3) В конце XVIII в. никто не мог реконструировать эти взгляды, так как они просто не были известны, никто их не знал.

Возникает вопрос — как могло получиться, что Иван Быковский, если бы он действительно являлся автором «Слова», человек, воспитанный в стенах Духовной Академии и никогда ни в каких антицерковных выступлениях или в религиозном свободомыслии не замешанный, мог на основе сугубо христианского памятника создать произведение, пронизанное иным философским взглядом, создать его в совершенно ином эстетическом ключе, с иным содержанием.

Не только Иван Быковский, но вообще ни один человек не может выйти за пределы знаний своей эпохи. Ни одна фальшивка не может жить и раскрываться во времени. Все заложенные в ней идеи могут быть поняты в свете идей того времени, когда создана фальшивка. Только подлинные произведения могут жить века, причем каждое новое поколение раскрывает в этом памятнике все новые и новые ценности.

История изучения «Слова» является лучшим доказательством его подлинности.

Я себе позволю еще буквально два слова.

Вчера было сказано Александром Ильичом ⟨Клибановым⟩, что в «Слове» нет основания для пафоса произведения, в нем мелка тематика. Это абсолютно неправильно. Это искажает весь смысл «Слова». В «Слове» имеется величайший пафос борьбы за Родину.

---

[27] См.: *Blankoff J.* Les présages dans le Dit d'Igor' et la Zadonščina // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. Bruxelles, 1960. T. XV. См. также: *Blankoff J.* L'art de la Russie ancienne, Préf. du René Dekkers. Bruxelles: Centre national pour l'Étude des États de l'est, 1963.

Это настолько большая база, которая представляет художественную ценность.[28]

И вторая маленькая справка — Вилинбахову. Если он будет в Ленинграде, я могу показать ему метательные копья Древней Руси.

(С МЕСТА. Какого времени?)

Этого времени.[29]

В. И. ШУНКОВ

Слово предоставляется В. Б. Кобрину.

В. Б. КОБРИН

Знакомясь с работой А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве», я далеко не сразу и, прямо скажу, с сильной неохотой убеждался в правоте автора, подчиняясь логике его аргументации, системе его доказательств. Вероятно, слишком велика была многолетняя привычка считать «Слово о полку Игореве» памятником XII в., слишком сильно было внутреннее убеждение в том, что эстетическая ценность этого замечательного произведения, которое я всегда, со школьных лет, очень любил и люблю и сегодня, связана со временем его происхождения. Но постепенно я вынужден был внутренне сдавать одну позицию за другой. И все-таки, идя на это совещание, я ожидал, что в выступлениях крупных специалистов по «Слову о полку Игореве» я услышу что-нибудь такое, что вернет меня на прежние позиции, которые я занимал до прочтения книги Александра Александровича. К сожалению, я должен сказать, что те выступления, которые я здесь слышал, колебали, на мой взгляд, отдельные аргументы Александра Александровича, но речь здесь не шла о всей системе, о всей совокупности его доказательств.

Работа Александра Александровича такого рода, где имеет значение не каждый отдельный аргумент. Каждый отдельный аргумент может трактоваться часто по-разному, может еще сам по себе ничего не доказывать, а заставлять только насторожиться, прислушаться к тому, что говорит автор. Но вся совокупность этих аргументов заставляет уже читателя пересмотреть этот вопрос.

---

[28] Фразу, заключенную мной в звездочки, оставляю без изменений.

[29] Текст выступления подписан Б. В. Сапуновым без указания даты.

Я не буду сейчас останавливаться на ряде текстологических аргументов, о чем вчера очень хорошо говорили С. Н. Азбелев и Я. С. Лурье. Мне хотелось бы сказать о силе эстетического воздействия памятника.

Я не согласен с Д. С. Лихачевым в том, что если «Слово о полку Игореве» написано в XVIII в., то сила его идейного и эстетического воздействия полностью уничтожается. Дело, мне кажется, не в том, когда написано то или иное произведение, дело в том, что художник другого времени, если он будет писать в несвойственной ему манере, несвойственным ему образом, выражать несвойственные ему идеи, не сможет написать полноценного произведения. Речь идет, таким образом, не о том, что если мы признаем, что «Слово о полку Игореве» написано в XVIII в., то оно потеряет для нас свою прелесть, свое очарование.

В связи с выступлением предыдущего оратора, Б. В. Сапунова, мне хотелось бы заметить, что я, в противоположность ему, полностью разделяю первый тезис, высказанный Дмитрием Сергеевичем, о том, что *сегодняшний наш спор есть глубоко научный спор, спор по научной проблеме.*

Я позволю себе не согласиться с Борисом Викторовичем ⟨Сапуновым⟩, который считает, что крупный французский ученый, иностранный член нашей Академии наук, член Общества «Франция—СССР», автор ряда глубоких исследований по истории русской культуры, в частности о Тургеневе и русском театре конца XVII в., — Андре Мазон руководствовался в своей работе о «Слове о полку Игореве», как бы к ней ни относиться, не научными соображениями. Точно так же я убежден, что абсолютно научными соображениями — и только научными соображениями — руководствовался А. А. Зимин.

Много раз в научной литературе высказывалось убеждение, что существование до последнего времени единственного — и то утраченного — списка «Слова о полку Игореве» связано с тем, что духовенство всячески стремилось уничтожить памятник двоеверия, памятник, идущий вразрез с установками ортодоксальной церкви.

В связи с этим мне хотелось бы высказать некоторые сомнения. Всем присутствующим хорошо известно, что до нас дошли, начиная, если мне не изменяет память, с XIV в., многочисленные списки запрещенных книг, индексы, составлявшиеся господствующей церковью.

И в этих индексах мы не найдем ни разу упоминаний о «Слове о полку Игореве», в то время как сила воздействия «Слова о полку Игореве» на современников должна была быть, вероятно, не меньшей, чем на людей XX в. С другой стороны, ряд произведений, которые значатся в этих индексах, в этих списках запрещенных книг, дошли до нас, и дошли не в единственном списке, несмотря на то что господствующая церковь вела с ними такую борьбу, что включила в списки запрещенных книг и считала необходимым проклинать всякого, кто читает или держит у себя дома эти книги.

Кроме того, если принять исследования наших ученых, занимавшихся много вопросом об изучении «Слова о полку Игореве», то мы должны прийти к выводу, что списков «Слова» должно было быть довольно значительное количество. В самом деле, списки «Слова» должны были быть у автора «Задонщины». Если принять концепцию, высказанную еще М. Н. Сперанским, о том, что «Задонщина» дважды испытывала влияние «Слова о полку Игореве», то мы должны насчитать по крайней мере еще один список «Слова о полку Игореве».[30] У составителя «Слова о погибели Русской земли», который, по мнению многих, испытывал влияние «Слова о полку Игореве»,[31] должен был быть список «Слова». Один из владельцев псковского Апостола, автор известной приписки, должен был бы держать в руках список «Слова о полку Игореве». Если принять точку зрения Николая Каллиниковича ⟨Гудзия⟩, то у составителя «Сказания о Мамаевом побоище» должен был быть список «Слова о полку Игореве».[32] Если принять предположение Дмитрия Сергеевича ⟨Лихачева⟩ о влиянии «Слова о полку Игореве» на «Повесть об Азовском сидении», то и у составителя этого произведения должен был быть список «Слова».[33]

---

[30] А. А. Зимин в книге *Зимин-2* (с. 412) приводит цитату из неопубликованной работы М. Н. Сперанского, который считал, что «в XVII в. в Задонщине возникает стремление дополнить отрывками из Слова». А. А. Зимин ссылается при этом на архив Сперанского (РГАЛИ. Фонд Сперанского. Оп. 1. № 270. Л. 6—6 об.) и на рукопись работы: *Бычкова М. Е.* М. Н. Сперанский в работе над «Словом о полку Игореве».

[31] См. об этом: *Дмитриев Л. А.* Слово о погибели Русской земли // *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 5—7.

[32] См.: *Гудзий Н. К.* По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 91—93.

[33] См.: *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк. 2-е изд., доп. М.; Л., 1955. С. 146.

У графа Мусина-Пушкина должен был быть список «Слова о полку Игореве».

Кроме того, можно предполагать, что влияние на другие сочинения оказала только какая-то часть списков «Слова о полку Игореве», причем часть из этих списков должна была существовать после татарского нашествия, когда русские рукописные книги потерпели наибольший урон, а именно в XVI и XVII вв. В этой связи кажется исключительно странным, что «Слово о полку Игореве» сохранилось только в единственном списке.

Я не хочу сказать, что это является основным или сколько-нибудь решающим аргументом в пользу концепции А. А. Зимина, и только в совокупности с рядом других приводимых им аргументов он, по-моему, может и должен быть принят во внимание.

Мне кажется, что в ходе прений на этом совещании не совсем ясно воспринималась и некоторая часть аргументации автора. Так, например, в работе, насколько мне не изменяет память, речь шла о том, что автор «Слова» не приводит новых фактических подробностей похода Игоря. Отсутствие новых фактических, по сравнению с летописью, подробностей самого похода Игоря против половцев действительно странно для рассказа очевидца и настораживает. Но Дмитрий Сергеевич ⟨Лихачев⟩ и Борис Александрович ⟨Рыбаков⟩ говорили не о фактах, касающихся похода Игоря, а о фактах, касающихся политической ситуации Руси XII в.

Мне хотелось бы остановиться еще на одном соображении — на вопросе о вызывающей у многих удивление так называемой поразительной эрудиции Иоиля Быковского. В самом деле, знание «Акира Премудрого», «Девгениева деяния», «Снов Шахаиши», «Задонщины» — обширный список разнообразных произведений! Но мы сейчас располагаем великолепной работой Д. С. Лихачева «Текстология», в которой одной из основных глав, напечатанной до этого в качестве самостоятельного исследования, является глава о литературном конвое произведений.[34] В этой связи было бы очень уместно вспомнить, что в сборнике из собрания Ундольского, № 632 ⟨ГБЛ⟩, где имеется «Задонщина», помещены все эти произведения и что, судя

[34] См.: *Лихачев Д. С.* 1) Понятие «конвоя» в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы // Древний мир: Сб. статей: Академику Василию Васильевичу Струве. М., 1962. С. 646—650; 2) Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.; Л., 1962. С. 235—237.

по описаниям рукописи Мусина-Пушкина, эти же произведения находились в составе сборника со «Словом о полку Игореве».

К этому, по-моему, надо было бы прислушаться, и тогда отпадет удивление по поводу того, что предполагаемый автор «Слова о полку Игореве» знал разнообразный круг произведений, входящих в состав как раз одного сборника.

Мне показались очень интересными прозвучавшие здесь наблюдения Дмитрия Сергеевича о связи «Слова о полку Игореве» с фольклором, причем с фольклором довольно позднего времени, ибо фольклор XI—XII вв. никому из нас практически неизвестен, и все попытки узнать о нем являются только реконструкциями, против пользования которыми так предупреждали нас многие выступавшие на этом заседании.

Что же касается связи «Слова о полку Игореве» с фольклором XVIII—XIX вв. или XVII—XVIII вв., то это, по-моему, говорит скорее в пользу позднего, а не раннего происхождения «Слова».

Я не понимаю, почему автор «Слова» должен был знать фольклор только (если он жил в XVIII в.) по печатным изданиям типа издания Песен Кирши Данилова.

Очень часто в научной литературе возникал вопрос — как же так получается: «Слово» — гениальное произведение (и действительно это так), и художественный уровень «Задонщины» ни в какое сравнение с художественным уровнем «Слова» не идет. «Задонщина» — произведение очень талантливое, но другого класса, чем «Слово», совсем другого класса. Как же так? Если «Слово» вторично, а «Задонщина» первична, то почему подражание оказывается лучше образца?

Все дело в том, что история литературы, не только русской, но и мировой, дает немало примеров того, когда копии, подражания оказываются лучше своих образцов. Напомню, что многие трагедии Шекспира были переделками пьес Марло...

(С МЕСТА. Шекспир переделывал Марло!.. Он использовал сюжеты!)

(С МЕСТА. Это клевета!)

Этот упрек я должен переадресовать народному артисту СССР Н. П. Акимову.[35]

---

[35] *В исходном экземпляре стенограммы вместо фрагмента, заключенного в звездочки, читалось:* Если я клевещу, если это клевета, то не моя, а Н. П. Акимова.

Но мы знаем, что «Сид» Корнеля основан на использовании сюжетов и замыслов сюжетных староиспанских трагедий.

Мозаичность использования в «Слове» сюжета «Задонщины» также, на мой взгляд, не может никак служить аргументом в пользу того, что автор не мог на основе такой мозаики создать великолепное произведение. Я могу привести пример, когда поэт — наш современник — из мозаики из «Слова» создал самостоятельное художественное произведение. Я напомню строки Эдуарда Багрицкого:

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,
Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим —
Смутно изголовье;
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднестровью.[36]

(С МЕСТА. Это совсем другое! Это смешно!)

Борис Викторович ⟨обращение к Б. В. Сапунову. — *Л. С.*⟩, я Вас не прерывал. И вообще до сегодняшнего заседания никто ораторов не прерывал.

(С МЕСТА. Стыдно!)

Если у Вас есть ко мне вопросы, я с удовольствием их выслушаю после выступления. Но сейчас прошу Вас дать мне спокойно выступить, как выступали все ораторы.

Эти места в произведении Багрицкого взяты из разных мест «Слова», и вместе с тем здесь вы не сможете заметить никаких швов.

К вопросу о двоеверии, о котором говорил Б. В. Сапунов. Двоеверие рядового дружинника, двоеверие горожанина, двоеверие смерда — это понятно и обоснованно. Двоеверие человека, прекрасно знакомого с широким кругом чисто церковной литературы, кажется очень странным в обстановке острой борьбы христианства и язычества, если учесть, что еще в 1227 г. в Новгороде имело место последнее сожжение волхвов, когда христианство и языческая религия еще боролись не на жизнь, а на смерть.

[36] Цитата из поэмы Эдуарда Багрицкого «Дума про Опанаса» (1926), посвященной гражданской войне на Украине.

Я заканчиваю свое выступление. Мне хотелось бы сказать, что мне думается, что для каждого, в том числе и не разделяющего основные положения концепции Александра Александровича, ясно, что эта работа должна быть опубликована. Здесь высказывались сомнения такого рода — что будет, если эта книга попадет в руки рядового читателя. Я не понимаю, откуда взялось это академическое пренебрежение к рядовому читателю. Откуда взялось это стремление лишить рядового читателя — советского человека, учителя, студента, человека, интересующегося родной литературой, ценящего и любящего ее, в том числе и «Слово», —

(С МЕСТА. Это слабая методологически работа.)

лишить его права самому разобраться в этом вопросе. И без посредников, вдумчиво, изучив и работу Александра Александровича, и возражения его оппонентов (которые могут печатно стараться доказать неправильность этой концепции, и если это им удастся сделать, я уверен, что любой из нас тогда признает правильность этих возражений), разобраться[37] самому в этом вопросе. Мне кажется, что право разобраться самому в научном вопросе, особенно ⟨в⟩ таком вопросе, который касается истории всей нашей культуры, который имеет такое большое для нашей истории значение, — это неотъемлемое право каждого человека. И хотя бы по этой причине работа Александра Александровича должна быть немедленно, в ближайшее время издана, после того как автор учтет целый ряд очень важных и интересных замечаний, которые были ему сделаны на этом обсуждении.

Разрешите на этом закончить.[38]

В. И. ШУНКОВ

Слово имеет О. В. Творогов.

О. В. ТВОРОГОВ

Вчера я стал подумывать о том, что выступление мое, посвященное вопросам текстологии, придется сильно сократить, так как текстологическая часть работы А. А. Зимина подверглась серьезной,

[37] *Испр., в стенограмме*: лишить возможности разобраться.

[38] Текст выступления подписан В. Б. Кобриным без указания даты.

хотя и корректной критике, и едва ли к ней потребуется вновь возвращаться.

Однако выступления С. Н. Азбелева и Я. С. Лурье, пытавшихся реабилитировать текстологию «Задонщины», а также отчасти и выступление А. И. Клибанова, считающего чудом, что в работе А. А. Зимина могут быть допущены серьезные неточности, заставили меня обратиться к текстологической теме со всей серьезностью, которой она заслуживает.

Одно предварительное замечание. С. Н. Азбелеву показалось удивительным, что Сектор древнерусской литературы, уже год занимающийся темой «Слова» и «Задонщины», ограничился лишь ничем не аргументированными возражениями. Во-первых, коллективная монография, над которой работает Сектор, представляет собой самостоятельное исследование на параллельную тему. Книга А. А. Зимина нами была получена после того, как была завершена основная работа над ней, и обращение к книге лишь отвлекло от этой работы, но не помогло ей.

Что же касается частного характера возражений на текстологию Зимина, с которыми выступил Д. С. Лихачев, то это объясняется просто. Эти вопросы были подробно рассмотрены в отзыве сотрудника Сектора Р. П. Дмитриевой, который может быть при необходимости прочитан, как уже говорил об этом Л. А. Дмитриев.

Сам Л. А. Дмитриев ограничился выводами из этой работы, потому что вся текстологическая механика на слух очень трудно воспринимается. Я также не собираюсь излагать все подробности текстологического анализа.

Но в то же время эти естественные мотивы были почему-то приняты за неаргументированное критиканство.

Теперь я перехожу к существу вопроса.

Я прошу прощения за то, что тема моего выступления будет очень сухой, но я думаю, что вы согласитесь, что текстологическая часть очень важна, очень существенна.

Я сейчас воспроизведу часть той схемы, которая предложена в книге Александра Александровича Зимина.

(Чертеж).[39]

Обратимся к текстологическим выводам А. А. Зимина.

---

[39] См. в книге А. А. Зимина лист между с. 94 и 95.

Во-первых, вызывает самое решительное возражение, что для доказательства соотношения Краткой и Пространной редакций между собой и отношения этой последней к «Слову о полку Игореве» А. А. Зимин пользуется реконструкциями. Реконструкции обычно являются итогом текстологических исследований, в той или иной степени гипотетичным. Пользоваться же реконструкцией в качестве данной нам реальности, строить на реконструкции новые текстологические построения кажется мне рискованным. Это напоминает то, как если бы мы начали строительство дома со второго этажа, а в качестве фундамента и первого этажа использовали бы чертеж, существующий только на ватмане. Текстологическая часть книги А. А. Зимина нередко напоминает такой висящий в воздухе дом.

А. А. Зимин, например, реконструирует протограф Кирилло-Белозерского списка. Реальность существования этого протографа ничем не доказывается. Предположить его существование автору пришлось потому, что Кирилло-Белозерский список имеет ряд дефектов. На наш взгляд, большинство из них — это «швы», следы того, что Кирилло-Белозерский список сокращал текст Пространной редакции. Эти «швы» помогают изучению истории текста «Задонщины», а А. А. Зимин исправляет текст Кирилло-Белозерский по Пространной редакции и даже по «Сказанию о Мамаевом побоище» и полученный таким образом «улучшенный» текст использует дальше для сопоставлений... с той же Пространной редакцией. Покажу на примерах, к чему это приводит.

В К-Б говорится, что Боян поет славу русским князьям — Рюрику, Игорю, Владимиру и Ярославу, «восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича».[40] Эта логическая несообразность (в том же списке Боян называется киевским гудцом, и он, естественно, не мог воспевать события далекого будущего), к тому же грамматически не оформленная — результат неудачного сокращения, причем, как мы покажем дальше, преднамеренного. Уничтожая этот дефект, А. А. Зимин уничтожает и след сокращения и объявляет свою реконструкцию чтением гипотетического списка Краткой редакции.

[40] *К-Б*. Л. 122 об. По *К-Б*, Боян пел славу «первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю».

Другой пример. В К-Б есть непонятная фраза: «От тоя рати и до Мамаева побоища».[41] Она явилась ключом для уяснения истории зачина «Задонщины». Но и она в реконструкции А. А. Зимина приобретает вполне благопристойный вид, «исправленная» по списку Исторического музея[42] и по «Сказанию о Мамаевом побоище».

Исправление дефектов К-Б и игнорирование алогизмов его текста закрывает пути исследования этого списка. Я продемонстрирую это на следующем примере.

В левом столбце — текст Пространной редакции по списку Ундольского с одной небольшой вставкой из списка Исторического музея. В правом — текст Кирилло-Белозерский. Обратимся к этому тексту.[43]

Пространная редакция (У)	Список К-Б
Поидем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим сравнаго (Ж: славнаго) Непра и посмотрим по всеи земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися Хиновя поганые татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя поминаюты: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християньскую, собѣ бы чаем пороженых и воскормленых.	Поидемь, брате, в полуночную страну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы Киевьскыя.

[41] Там же. Л. 123.
[42] Здесь и далее имеется в виду список *И-1*.
[43] В окончательном, беловом, варианте стенограммы таблицы нет. Машинопись этой таблицы, приложенная О. В. Твороговым при вычитке стенограммы и хранящаяся в деле № 15, при перепечатке стенограммы не была в нее включена.

(Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю.)[44]

Снидемся, братия и друзи и сынове Рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребии и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начяти повѣдати иными словесы от (И-1: о) похвальных сихъ и о нынешных повѣстех похвалу (И-1: от полку, С: а полку) великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимера Киевскаго.

Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями и помянем первых лѣт времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве. Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струпы (в И-1, С: струны), пояша русским князем славу, первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимеру Всеславьевичю Киевскому, и великому князю Ярославу Володимеровичю.

(Аз же помяну резанца Софония и восхвалю пѣснеми гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великого князя Владимера Киевского.)[45]

(зане же отпало мужьство их — доб. из И-1, С: занюже отпало было

Первѣе всѣхъ вшедъ восхвалимь вѣщаго го ⟨так!⟩ Бояна в городѣ в Киевѣ, гораздо гудца.

Тот бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыимь княземь, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю, восхваляя ихь пѣсми и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича, зане же ихъ было мужество и желание за землю Русськую и за вѣру христианьскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища.

---

[44] По нашей гипотезе — вставка. — *Примеч. О. В. Творогова.*

[45] По нашей гипотезе — вставка. — *Примеч. О. В. Творогова.*

мужество) и пѣние князем русским за вѣру христианьскую. А от Калатьские рати до Момаева побоища 170 лѣт.

Итак, кто-то отправляется в полуночную страну. Оттоле (как будто горы Киевские находятся вне пределов полуночной страны?) всходит на горы Киевские, чтобы... похвалить вещего Бояна, который пел славу первым русским князьям, а также Дмитрию Донскому и его брату. Завершает зачин уже упоминавшаяся непонятная и неуместная фраза: «От тоя рати и до Мамаева побоища».

Если встать на точку зрения А. А. Зимина о первичности Краткой редакции, но исходить при этом не из его реконструкции, а из реально существующего текста Кирилло-Белозерского ⟨списка⟩, нужно будет предположить:

что составитель Пространной редакции догадался, что «тая рать» — это битва на реке Калке;

что он создал яркое описание «туги и печали», охватившей Русскую землю после этой битвы, но почему-то поместил это описание не ниже фразы, послужившей стимулом к его созданию, а выше, искусно вставив его в разорванный для этой цели текст Кирилло-Белозерского ⟨списка⟩. Перед нами тогда исключительный случай: вставка, которую в древнерусском памятнике обычно выдает ее грамматическая несвязность с окружающим текстом, ее логическая и композиционная неуместность, — здесь эта вставка удивительно прочно связана с окружающим текстом, к тому же она устранила алогизм текста-протографа.

На наш взгляд, дело могло обстоять иначе. Ефросин выбросил значительный отрезок из находившегося в его распоряжении текста Пространной редакции. «Мостиком» для связи с последующим текстом и явилась нелепая фраза: «Первѣе всѣхъ вшедъ восхвалимь вѣщаго го Бояна».[46] (Не попало ли неуместное слово «первѣе» из предыдущей фразы?) Выбросил он и слова — «аз же помяну резанца Софония», чтобы избежать отождествления себя с предшествующим редактором текста «Задонщины», которому, по нашему мнению, принадлежала вставка ⟨см. в У: «Преже восписах жалость земли Руские... Владимеру Ондрѣевичю». — *Л. С.*⟩. Так появилась неудачная фраза, в которой Боян воспевает героев Куликовской битвы.

---

[46] *К-Б. Л.* 122 об.

Переделал Ефросин и смутившую его фразу, где говорилось, что мужество «отпало» у князей-победителей.[47] Кстати, эту фразу, также являющуюся, на мой взгляд, ключом к истории текста зачина «Задонщины», А. А. Зимин никак не объясняет, хотя появление ее именно в Пространной редакции, если принять его гипотезу, более чем удивительно.

Вернемся к тексту. Начав переписывать следующую фразу: «А от Калатьския рати до Мамаева побоища (столько-то) лет», Ефросин заметил, что она относится к опущенному тексту, и оборвал ее. Так появилось чтение: «От тоя рати до Мамаева побоища».

Можно, конечно, не согласиться с предложенной гипотезой, которую я изложил для краткости в самом упрощенном виде, но тем не менее нельзя не отметить как серьезные недостатки работы А. А. Зимина:

недопустимость привлекать для сопоставления с Пространной редакцией текст К-Б, исправленный по той же Пространной редакции;

во-вторых, отсутствие в работе А. А. Зимина попыток задаться вопросом о происхождении «темных мест» «Задонщины», которых в ней гораздо больше, чем так называемых «темных мест» «Слова о полку Игореве».

Вызывает ряд серьезных возражений и текстологическое сопоставление списков Пространной редакции «Задонщины» и являющаяся результатом этого сопоставления реконструкция. Несколько примеров:

Уже было замечено, что Синодальный список имеет несколько чтений, сходных с чтениями списка Кирилло-Белозерского. Отмечает это и А. А. Зимин (см. с. 105—106), но не придает факту большого значения, так как считает, что существует более близкое родство, объединяющее все списки Пространной редакции. Родство это в том, что все они — списки Пространной редакции. Опять порочный круг: факт, который должен был бы насторожить, заставить еще проверить свою концепцию, отметается потому, что он... противоречит концепции.

Правда, большинство примеров, говорящих о близости К-Б и С, могли бы уложиться в стемму А. А. Зимина, но при одном условии:

---

[47] В *К-Б*: «...зане же ихъ было мужество и желание за землю Русськую и за вѣру христианьскую» (л. 123).

нужно было бы считать, что архетип Пространной редакции лучше всего отразился в списке С в тех случаях, когда С сходен с К-Б, а отличия остальных списков в этих чтениях объявить особенностями извода Ундольского. Но и это не спасло бы положения, поскольку имеется случай, когда К-Б и С отразили несомненно сходное вторичное чтение. Я имею в виду фрагмент, в котором Дмитрий и его брат называются гнездом Владимира Киевского. В К-Б читаем: «Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату...»[48] Как видим, первая часть фразы синтаксически не согласована со второй. Аналогичный текст с той же ошибкой в согласовании мы встречаем и в С: «Доселя есмо были не обижены ни от кого ни ястребу ни соколу, ни белоозерскому кречету...»[49] Естественно, что в архетипе Пространной редакции должен был читаться сходный текст: иначе как бы он мог сохраниться в С? Но Зимин вносит в реконструкцию архетипа Пространной редакции текст, исправленный по спискам Ундольского: «Ни в обиди есмя были по рожению ни ястребу, ни соколу, ни кречету, ни черному ворону, ни тому же псу, поганому Мамаю».[50] Текст, как видим, синтаксически правильный, но сразу же вызывающий два вопроса:

1. Откуда в С оказался текст, сходный с К-Б?

2. Как могло вообще получиться, что в «Слове о полку Игореве» отразился текст, исправленный изводом Ундольского, тогда как, если верить Зимину, «Слово» основано на списке Синодального извода, содержавшего как раз ошибочный текст?

Не проще ли допустить другое: в авторском тексте «Задонщины» был текст, подражавший «Слову о полку Игореве» (синтаксически согласованный), который сохранили нам списки извода Ундольского? В общем архетипе списков С и К-Б было внесено изменение: было уточнено, что до сих пор (доселя — в С, досюды — в К-Б) князья русские были не обижены никем, но при этом было нарушено синтаксическое согласование вставки и остатка предыдущего текста.

(Кстати, не кажется ли Зимину странным заявленное здесь утверждение, что князья русские доселя, т. е. как раз в те 160 минувших

---

[48] Там же. Л. 124 об.

[49] *С.* Л. 37 об.

[50] Текст приведен по реконструкции А. А. Зимина (с. 602). В списке Ундольского: «...не в обиде есми были по рожению ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю» (*У.* Л. 175—175 об.).

лет, полных туги и печали и, добавим от себя, унижений и обид, были вдруг никем не изобижены? Едва ли эта мысль могла бы родиться самостоятельно, если бы не подсказавший этот мотив текст «Слова». Причем в первичном тексте этой категоричности не было, так как и в «Слове» говорилось лишь, что князья, потомки Владимира Киевского, «не в обиде есми были по рожению».)

А. А. Зимин объявляет о своей солидарности с Л. Матейкой,[51] предложившим стемму, близкую стемме Зимина.[52] Но, еще раз подчеркну: по стемме Матейки, при наличии общих чтений К-Б и С они ⟨общие чтения⟩ должны были непременно возводиться в архетип Пространной редакции.

Мы коснулись только одного порока реконструкции. К сожалению, этот порок не единственный. Реконструкция А. А. Зимина не только гипотетична, как всякая реконструкция, но и содержит ряд серьезных погрешностей. Я покажу это на примере анализа фрагмента «На Москве кони ржут, звенит слава». Фрагмент этот выбран мной не случайно: это одно из наиболее важных для уяснения истории текста «Задонщины» мест этого памятника. Так вот, анализ этого фрагмента в книге А. А. Зимина вызывает ряд вопросов:

Во-первых, почему реконструкция фрагмента (с. 601) приводится только на стр. 46, а на стр. 110 автор оперирует уже другой, а на стр. 138 — третьей, неизвестно откуда взявшимися реконструкциями?

Во-вторых, если в основу реконструкции частично положено чтение извода Ундольского, то как объяснить совпадения списков С и К-Б?

В-третьих, почему в реконструкции и ее воспроизведении на стр. 46 не учитываются разночтения списка С?

В-четвертых, почему на стр. 47 утверждается, что фраза «звенит слава по всей земле Русской» логичнее помещена в Краткой редакции, если она точно так же помещена и в Синодальном списке Пространной редакции?

---

[51] Ладислав Матейка (Matejka; р. 1919) — чешский филолог, окончил Карлов университет в Праге, ученик Р. Якобсона; с 1948 г. в эмиграции; профессор Мичиганского университета.

[52] См.: *Matejka L.* Comparative Analysis of Syntactic Constructions in the Zadonščina // American contributions to the Fifth International congress of slavists, Sofia, 1963. The Hague, 1963. P. 383—402.

В-пятых, почему на стр. 110, где доказывается, что вся Пространная редакция ближе к «Слову», текст дается не по реконструкции, а по одному из списков (И-1) с подведенными к нему вариантами... по тому же списку?

Наконец, в-шестых, почему на стр. 111 ошибочно утверждается, что Синодальный список ближе к «Слову о полку Игореве», чем И-1 (по которому, как я говорил, и приводится текст), если «Слово» и Синодальный список сближает лишь порядок слов в первой фразе фрагмента, а с изводом Ундольского — весь порядок эпизодов в этом же фрагменте?

Такое же недоумение вызывает и текстологический анализ фрагмента № 8 (с. 48—49), и фрагмента № 9 (с. 54), и фрагмента № 11 (с. 57) и т. д.

Эти ошибки нельзя просто исправить — они ведут к принципиально ошибочным выводам. Поэтому всю текстологию в книге нужно переделать заново. Утверждение А. А. Зимина, что в «Слове о полку Игореве» «нет ни одного чтения, передающего особенности извода Ундольского, т. е. такого, которого не было ⟨бы⟩[53] в протографе Пространной редакции и в протографе Синодального извода и которое составляло бы общую особенность списков И-1, У, И-2, не повторяющуюся с К-Б и С» (с. 108), — это принципиально важное утверждение надо решительно отвергнуть, если принимать во внимание реальные списки, а не реконструкцию, ошибочность которой я только что вам продемонстрировал.

Наблюдения над списками «Задонщины» приводят к противоположным выводам: наиболее близок к «Слову» был авторский текст «Задонщины». В нашем распоряжении находятся списки двух изводов этого авторского текста; в каждом из изводов сохранилась лишь часть чтений, восходивших в авторском тексте «Задонщины» к «Слову о полку Игореве».

Обратимся к сопоставлениям «Слова» и «Задонщины». Что выдает прежде всего вторичность «Задонщины»? Подражая «Слову», «Задонщина» не могла избегнуть участи всякого слишком механического подражания, того, что я бы назвал «инерцией подражания». Стремление передать текст «Слова» даже в тех случаях, когда этот

---

[53] Слова «бы» в цитируемом тексте А. А. Зимина нет, оно добавлено О. В. Твороговым.

текст подражающему не вполне понятен или когда последовательность эпизодов в «Слове» отличается от последовательности реальных событий, изображенных в «Задонщине», это стремление породило в «Задонщине» немало алогизмов и «темных мест». И почти все эти алогизмы почему-то игнорируются в работе А. А. Зимина. С другой стороны, создается поистине удивительная картина: «Слово о полку Игореве», добросовестно следуя за алогизмами «Задонщины», почти всегда «попадает в ногу», создает логичный, осмысленный и высокохудожественный текст. Этого одной гениальностью автора «Слова» не объяснишь.

Обратимся к примерам. У меня примеров много. Я остановлюсь на одном. Если будет возможность, я укажу и другие.

Фрагмент 2-й (Зимин, с. 130). Во всех трех списках «Задонщины» начало фрагмента крайне испорчено:

Не проразимся мыслию но землями (У)[54]

Но потрезвимься мысльми и землями (И-1)[55]

Не поразился мысленными землями (С)[56]

В реконструкции Зимина: «Но проразимся мыслию по землям». Первые три слова Зимин берет из списка У, а два последних просто исправляет по смыслу. Но и реконструированный текст не спасает положения: он по-прежнему остается непереводимым, «темным местом». Но самое удивительное в другом: гениальный автор «Слова» не отбросил эту непонятную искалеченную фразу, он, точно школьник, пишет сочинение на заданные слова «мысль» и «земля» и создает образ: «растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ (которого Зимин почему-то называет соколом. — *О. Т.*) подъ облакы».

Еще подобная несообразность: в «Слове» мы читаем: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ». Это запевка Бояна: русские кони — за пограничной рекой Сулой (я не буду напоминать важность этой пограничной реки). Далее начинается иной текст, повествующий уже о походе Игоря: «Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода». И Перетц, и многие исследователи «Слова» разделяли это на два

[54] *У*. Л. 172.
[55] *И-1*. Л. 215.
[56] *С*. Л. 37.

фрагмента.[57] А. А. Зимин находит в этом тексте несообразность. Он пишет: «„На Москве“ Задонщины соответствует „за Сулою“ Слова». И здесь неясность: где за Сулою? Если уже в поле половецком, то оно появляется слишком рано, ибо русские полки туда еще не дошли» (с. 139). Но речь идет о предыдущих победах, это же запевка Бояна. Неясность, о которой говорит здесь А. А. Зимин, вызвана лишь неверным пониманием текста «Слова».

Далее он пишет: «Поэтический образ звенящей славы в Киеве вполне оправдан, хотя речь идет о выходе войск Игоря из Новгород-Северского» (Там же). Едва ли оправдан, если относить его к описанию того же похода Игоря, что, как мы показали, неверно. Но обратимся к «Задонщине», которую процитируем по списку Ундольского: «На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всеи земли Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю...» и т. д.[58] В этом фрагменте «Задонщины», следующем за «Словом» (кони — слава — трубы — стязи), также находим несообразности, совершенно необъяснимые, если доказывать первичность «Задонщины». Во-первых, упоминание звенящей славы не только разрезает картину сбора войск, но и вообще неуместно: русские полки собираются в Москву, готовясь к грозному военному испытанию, — причем тут слава? Упоминание стягов, стоящих у Дона (я не буду останавливаться на том, чьи это стяги), также не на месте и разрезает картину сборов русских сил. И вот что странно: общая последовательность эпизодов этой картины композиционно неудачна, но точно совпадает с композиционно четкой последовательностью сходных эпизодов в «Слове».

В своем отзыве я упоминаю целый ряд подобных примеров. Не буду сейчас на них останавливаться: если это потребуется, я могу их привести.

Во всех них явственно проступает типичный именно для средневекового автора (и немыслимый для писателя XVIII в.!) метод механического использования для своего повествования «старых словес» памятника-образца, что и приводит в «Задонщине» к многократным

---

[57] В. Н. Перетц делит текст иначе, чем О. В. Творогов. Фразу «Трубы трубять въ Новѣградѣ» он относит к первому фрагменту. См.: *Перетц В. Н.* Слово о полку Ігоревім. Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Київ, 1926. С. 95.

[58] *У. Л.* 173 об. — 174.

нарушениям логики повествования, языковым и стилистическим несообразностям.

Если же «перевернуть гипотезу» и объявить «Слово» подражанием «Задонщине», трудно объяснить, во-первых, странный для талантливого писателя XVIII в. метод «пословного подражания», во-вторых, объяснить, как, избирая для образца испорченные места текста «Задонщины», автор «Слова», не меняя порядка составляющих их элементов, всякий раз создает художественно яркие и логически стройные картины. И, наконец, в-третьих, чем объяснить появление всех этих несообразностей в «Задонщине», если не признавать «Слово о полку Игореве» за объект подражания?

Я не останавливаюсь на главе, где рассматривается соотношение «Слова» и «Задонщины» в работе А. А. Зимина. Тут тоже есть отдельные неточности, очень обидные.

Так, например, Александр Александрович отрицает ссылку Н. К. Гудзия на бóльшую близость К-Б к «Слову» во фразе: «а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони».[59] Но именно К-Б наиболее близок «Слову»,[60] ошибочно утверждение, что только в Синодальном списке есть фраза «сопием шеломом воды»,[61] она есть и в К-Б, причем в более близком к «Слову» варианте: «испиемь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону».[62]

Я не буду останавливаться и на вопросах языка «Слова о полку Игореве». Об этом уже говорили и еще будут говорить. Ограничусь лишь отдельными, наиболее важными положениями.

Обращение к языку «Слова» вполне закономерно и необходимо. Автор обращается к проверке лингвистических данных: «дают ли они прочные основания для того, чтобы датировать его («Слово». — *О. Т.*) концом XII в., или в них можно обнаружить более поздние явления» (с. 292). Неверна сама постановка вопроса: отдельные «поздние явления» можно обнаружить в любом древнерусском памятнике, если только дата его списка значительно отстоит от даты его создания: в процессе переписок обновлялась лексика, грамматика, орфография. Эти «поздние явления» могут служить в лучшем

---

[59] *Зимин-1.* Т. 1. С. 109, примеч. 1.

[60] *К-Б*: «Сядемь, брате, на свои борзи комони...» (л. 125), «Слово»: «а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони...»

[61] *Зимин-1.* Т. 1. С. 106.

[62] *К-Б.* Л. 125.

случае одним из оснований для датировки списка, а о дате создания самого произведения можно судить в сумме с другими датирующими признаками — лишь по совокупности языковых черт памятника, на основании анализа системы его языка.

Я позволю себе ограничиться только таким тезисом: есть три системы: система языка «Слова», система языка XII в. и система церковнославянского языка Московского извода XVIII в., сведения об этой последней у нас очень ограниченны, она представлена в работе Булича,[63] на которую почему-то нет ссылки у Александра Александровича.

В системе языка «Слова» есть элементы и этой поздней системы и ранние элементы, которые не могли быть в этой поздней системе. Это очень сложный вопрос. Я очень уважаю талант Александра Александровича, но думаю, что этим вопросом должны заниматься лингвисты, причем и им придется поднять целину. В самом деле, ведь никто не знает, что такое церковнославянский язык Московского извода, за исключением наблюдений Булича в его монографии. Эти явления могли быть известны в XVIII в., но нужно опровергнуть концепцию академика С. П. Обнорского и показать, что в «Слове» есть явления, присущие только позднему времени.

Александр Александрович отказывается от анализа труда академика С. П. Обнорского,[64] лишь вскользь упоминая о нем в подстрочном примечании. Чем же тогда можно объяснить наличие в «Слове» большого числа архаичных грамматических черт, никогда не являвшихся «нормами» для церковнославянского языка? Если это архаизация текста, тогда к чему разговоры о системе языка? Почему Александр Александрович не приводит ни одной грамматической черты «Слова», которая была неизвестна языку XII в. и появилась лишь позднее? Он, наоборот, доказывает лишь, что те или иные особенности языка XII в. могли быть известны и в XVIII в.

Вопрос о гапаксах. Я не буду приводить примеров — все это готовилось для небольшого выступления и приведены буквально крохи.

[63] По словам О. В. Творогова, он имел в виду работу: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. См. также: *Булич С. К.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893. Т. 1. С. 130—131 и другие работы.

[64] См.: *Обнорский. Очерки.* С. 132—198 («Слово о полку Игореве»).

Я только хочу напомнить, что такое гапаксы и откуда они появляются.

Во-первых, гапаксами оказывались слова, обозначавшие редкие предметы и явления, употреблявшиеся в редких ситуациях. Во-вторых, гапаксами оказывались слова, употреблявшиеся в разговорной речи или диалектах и поэтому редко попадавшие в письменные памятники. Например, слово «ущекотатъ»: много ли ⟨раз⟩ вы встретите глагол «ущекотать»? Поэтому удивляться, что его нет в *в других древнерусских памятниках,*[65] не следует.

Наконец, напомню об ограниченности наших сведений о лексике древнерусского языка, о неполноте наших картотек и словарей. Достаточно указать, что в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского не зарегистрировано более восьмисот слов из Хроники Георгия Амартола, несколько десятков слов из такого широко известного памятника, как «Повесть временных лет», и т. д.

Что касается редко употребляемых слов, то приведу один пример. Напомню, что из 21 тысячи слов, употребленных во всех произведениях А. С. Пушкина, 6388 слов, т. е. более одной четверти, употреблено по одному разу. Такой же процент малоупотребительных слов был и в древнерусских памятниках; в «Повести временных лет» по одному разу также употреблено более четвертой части всего словника.

И, наконец, последнее. Я думаю, что в спорах о «Слове о полку Игореве» на данном этапе мы должны считаться только с чисто научными аргументами. Совершенно недопустимо, как это иногда делается в книге А. А. Зимина, кивать на «архиреакционные» взгляды некоторых защитников подлинности «Слова», на посвящение исследования о нем графу С. С. Уварову, на попытки царского правительства «с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность Слова о полку Игореве, противоборствовать передовой для того времени исторической науке».[66] Едва ли поможет правильной оценке достижений советского литературоведения и языкознания в изучении «Слова» намек на то, что в период культа личности Сталина «всякие попытки отрицать древнее происхождение Слова о пол-

---

[65] *Испр., в стенограмме ошибочно*: в «Слове о полку Игореве».
[66] *Зимин-1.* Т. 1. С. 4.

ку Игореве считались кощунственным надругательством над русской культурой».[67]

Я не буду задерживать больше вашего внимания. Отдельные частные замечания могут быть переданы автору в личной беседе. Еще раз сформулирую основные выводы.

1. Самые серьезные возражения вызывает текстологическая часть работы А. А. Зимина. Невозможно согласиться с реконструкцией Краткой редакции, «исправленной» по Пространной редакции и другим памятникам. Реконструкция Пространной редакции сделана без учета близости Кирилло-Белозерского и Синодального списков, сделана с явными нарушениями даже тех принципов, которые выдвинуты самим автором. Реконструкции могут оставаться лишь гипотетическим обобщением результатов исследования, а не средством установления этапов истории текста. Вся текстологическая часть работы А. А. Зимина не может быть принята и нуждается в переделке на основе методов современной текстологии.

2. При анализе взаимоотношений «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» нельзя игнорировать многочисленные лексические, смысловые и стилистические несообразности «Задонщины». Их изучение является ключом к выяснению соотношения этих памятников, так как, если утверждать первичность «Задонщины», она окажется поистине загадочным памятником. Текст «Слова» должен сопоставляться с реально существующими списками, а не ⟨с⟩ реконструкциями.

3. Не удовлетворяет и языковой анализ «Слова о полку Игореве», содержащийся в обсуждаемой книге. Взгляд на «Слово» как на памятник XII в. достаточно обоснован, подкреплен многочисленными фактами и наблюдениями. В книге он не опровергнут, а лишь механически заменен гипотезой о церковнославянском языке «Слова». Чтобы доказать эту гипотезу, нужно было дать анализ грамматического строя и словарного состава Московского извода церковнославянского языка и самым тщательным образом доказать, что грамматический строй и словарный состав «Слова» ближе к нему, чем к строю и лексике древнерусского языка. Многочисленные факты свидетельствуют, что «Слово» написано на древнерусском языке, имеет многочисленные лексические и стилистические параллели

[67] Там же. Т. 3. С. 571.

с памятниками Киевской эпохи. Этим фактам в книге противопоставлены лишь отдельные случайные наблюдения, неубедительные предположения и построения.

4. В книге отсутствует серьезный ответ и на вопрос о возможности создания такого памятника в XVIII в. А. А. Зимин пытался ответить на него утверждением, что «Слово» написано на позднем церковнославянском языке. Но ошибочность этого мнения оставляет без ответа и вопрос, заданный в свое время академиком А. С. Орловым: мог ли в XVIII в. найтись гигант-лингвист, который бы чуть ли не на столетие опередил науку своего времени?[68]

Итак, новая попытка опровергнуть взгляд на «Слово» как памятник XII в., на мой взгляд, окончилась неудачей. Это объясняется не только поспешностью автора, попытавшегося в короткий срок найти новые ответы на сложнейшие проблемы, над которыми трудились многие поколения ученых. Это объясняется прежде всего неуязвимостью фактического материала. Книга, которая попыталась его опровергнуть, оказалась слабой, неубедительной. И все же на вопрос о судьбе работы А. А. Зимина я с полной решимостью отвечаю: она должна быть издана. И в этом нет никакого противоречия.

Дело не в силе или слабости аргументов книги — дело в важности той проблемы, которой она посвящена. Ведь мы имеем дело с почти беспрецедентным случаем, когда научная гипотеза, изложенная на научном заседании, тем не менее стала широко известной, вызвала глубокий интерес у самых широких кругов общественности как в нашей стране, так и за рубежом.

Кстати, этот секрет превратился в секрет Полишинеля. Секрет, который известен 100 тысячам, миллиону или десяти миллионам, — не секрет. Выступление на открытом заседании, где из 150 присутствующих половина была дилетантами, — это уже не секрет.

Итак, если книга А. А. Зимина выйдет в свет, каждый интересующийся сможет ознакомиться с ней, понять всю сложность отраженного в ней спора, убедиться в том, что она не содержит новых фактических данных, а построена лишь на весьма субъективных предположениях. (Правда, объективной базой гипотезы А. А. Зи-

[68] А. С. Орлов пишет: «...чтобы создать подобную языковую ткань искусственно, надо быть гигантом лингвистом, упредившим чуть ли не на столетие состояние науки о языке и, в частности, истории русского языка» (*Орлов А. С.* Слово о полку Игореве. 2-е, доп. изд. М.; Л., 1946. С. 207).

мина должны были явиться его текстологические построения, но они, после проверки и уточнения, откажутся ей служить.)

Следует ли бояться, что книга заставит кого-либо усомниться в древности «Слова»? Думаю, что нет. Я совершенно уверен, что в научной полемике, которая развернется после выхода книги, нам удастся убедить читателей в ошибочности изложенной в ней концепции, в тщетности попыток сомневаться в непреложных фактах.

Если же книга опубликована не будет, советской науке будет нанесен непоправимый ущерб. О гипотезе А. А. Зимина не забудут, будут продолжать плодиться слухи и домыслы, проповедниками скептического отношения к «Слову» станут добровольные интерпретаторы взглядов А. А. Зимина, любители сенсаций и эффектов. В то же время историки древнерусской литературы будут лишены возможности научно спорить, отстаивать свою точку зрения, ибо я не представляю себе спора без упоминания имени оппонента, без цитат из оспариваемой работы. Мы не можем унизиться до спора по формуле «некоторые утверждают», «существует мнение» и т. д. Если книга не будет опубликована, это даст пищу демагогам, как зарубежным, так и доморощенным, болтать по поводу приемов научной критики, свободы науки и т. д.

В книге А. А. Зимина нет никаких «социально опасных» идей, в ней содержится ошибочная научная гипотеза, большое количество досадных неточностей, которые, видимо, придется устранить при издании книги.

Можно ли выпускать «ошибочную» книгу? Если это учебник для средней школы — нельзя, если это справочник машиностроителя — опасно: коэффициент прочности нельзя предлагать в порядке обсуждения. Научную гипотезу — можно. Пусть книга выйдет, мы будем спорить, спорить научно. В спорах рождается истина.

Я за издание книги, за серьезный научный спор, за достижение истины.[69]

---

[69] На первом листе выступления О. В. Творогова его рукой запись: «Со стенограммой согласен, но ввиду больших пропусков (сокращений в ходе выступления) прилагаю полный текст отзыва. О. Творогов». Однако текст выступления О. В. Творогова в стенограмме остался прежним по содержанию, за исключением вложенной в правленый экземпляр стенограммы таблицы (см. в наст. изд., с. 415—417).

В. И. ШУНКОВ

Слово предоставляется А. П. Евгеньевой.

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

Мне хотелось бы свои замечания начать с «лирического отступления».

Третий день мы обсуждаем вопрос, представляющий научную гипотезу, самое возрождение которой кажется непонятным. Однако во вчерашнем выступлении А. И. Клибанова прозвучало некоторое объяснение того, каким образом могла возникнуть подобная гипотеза, и стало более или менее понятно, почему у большинства тех, кого принято считать «традиционистами»[70] в вопросе о происхождении «Слова», подобного предположения не возникало и не возникает. Почему? Все-таки надо признать, что до сих пор нет работ, предназначенных для широкого круга читателей, которые бы безусловно исключали возможность возникновения подобной гипотезы.

Перебирая всех, кто выступал с гипотезой о позднем происхождении ⟨«Слова»⟩, следует сказать, что в большинстве своем это были не филологи (в полном смысле слова), не те люди, которые хорошо, в тонкостях знали и чувствовали русский язык, знали его «в горизонтальном и вертикальном разрезе», как мы говорим, т. е. это были не те люди, для которых памятники древнерусской литературы были хорошо известны, читались ими, изучались и ощущались как часть языкового наследия. Это не те люди, которые знали язык в его говорах, во всех его территориальных, профессиональных и социальных диалектах. Исключением, пожалуй, можно считать только Аксакова.[71] Понятно, почему Мазон выдвигает такую гипотезу. Это ученый, который относится к текстам как к мертвому материалу, который для него «не звучит». Но мне непонятно и ⟨меня⟩ чрезвычайно задело, я бы сказала, выдвижение Александром Александровичем

---

[70] При вычитке стенограммы А. П. Евгеньева исправила «традиционалистами» на «традиционистами». Сохраняем написание автора.

[71] По мнению К. С. Аксакова, в «Слове» совмещены церковнославянский и русский элементы, язык этого памятника «составной, не живой язык того времени», на основании чего К. С. Аксаков делал вывод, что «Слово» написано в XII в. «каким-либо заезжим греком». См.: *Аксаков К.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 151—156.

в его книге положения, уже высказанного А. Мазоном, а также и аргументация, которой А. А. Зимин пользуется.

Безусловно прав И. Н. Голенищев-Кутузов, который говорил, что необходимо написать стилистику и историю литературы Древней Руси для того, чтобы все вещи поставить на свои места. Я бы сказала, что необходимо иметь еще и целый ряд других «подсобных описаний», и прежде всего — языка, его особенностей. Необходимы словари древнерусского языка, которых у нас нет и отсутствие которых дает возможность, в частности Александру Александровичу, расправляться с лексикой древнерусского языка так легко и пользоваться непроверенным, сомнительным материалом для подтверждения позднего происхождения «Слова». Думаю, что отсутствие этих вещей имеет исключительно большое значение, когда к древнерусским текстам обращаются люди, мало искушенные в их чтении или читавшие их с какими-то иными целями, а не с целью изучения их как памятников искусства.

Теперь перехожу к тем замечаниям, которые я хотела сделать. Я буду в некоторых моментах повторяться и касаться того, о чем уже говорилось. Без этих повторений мне нельзя будет обосновать некоторые мои возражения.

Для подтверждения своего тезиса о позднем происхождении «Слова» Александр Александрович должен был доказать две вещи: во-первых, что текст «Слова», его язык не содержит подлинных элементов XII в. и представляет собой подделку, стилизацию языка XII в.; и во-вторых, возможность создания в конце XVIII в. произведения, в котором был бы воспроизведен древнерусский язык эпохи его единства (т. е. до разделения его на украинский, белорусский и русский языки), — язык XII в., причем воспроизведен так, чтобы на протяжении полутора столетий нельзя было «скептикам» при помощи научного филологического анализа обнаружить элементы, свидетельствующие о подделке. Как известно, попытки скомпрометировать «Слово» как памятник XII в. опираются не на собственно лингвистические доказательства и даже, я бы сказала, не на прямые доказательства, а на косвенные. Но ведь косвенные доказательства приобретают значение, когда есть хотя бы незначительные, но все-таки прямые доказательства. А их нет.

С точки зрения лингвиста, те текстологические сопоставления, которые даются во второй главе книги А. А. Зимина, свидетельствуют

о том, что между текстами «Задонщины» и «Слова» существуют отношения безусловной зависимости. Но язык «Слова» во всех этих сопоставлениях продолжает свидетельствовать не только свой более древний строй, но и свою гораздо бо́льшую художественную цельность. Поэтому одно «голое», текстологическое сопоставление, подтверждающее бо́льшую близость текстов «Слова» к Пространной редакции ⟨«Задонщины»⟩, дает мало и побуждает отнюдь не к тому формальному выводу, который построен на созданной А. А. Зиминым иерархии списков «Задонщины», а к тому, чтобы найти убедительное решение существеннейших вопросов о языке памятника, который (если принять текстологические выводы А. А. Зимина) оказывается в таком положении.

Очень хорошо и интересно говорил сейчас Олег Викторович Творогов. Его текстологические наблюдения более убедительны, чем у А. А. Зимина.

А. А. Зимин, как и его предшественники, утверждая по́зднее происхождение «Слова», сосредоточивает свое внимание на отдельных моментах содержания и характеристик действительности, которые даются в «Слове», причем рассматривает их в свете объективных данных современной исторической науки или в свете данных летописи, забывая о том, что перед нами художественное произведение, автор которого писал не историческое исследование, а освещал в художественном произведении событие, которое могло быть ему известно по личным впечатлениям. Следовательно, произведение, созданное им и выражавшее его оценку событий, содержало субъективные элементы.

Нужно сказать, что в книге А. А. Зимина очень много эмоциональных, экспрессивных, восторженных оценок, которые он дает автору «Слова» и самому памятнику, но экспрессия — не доказательство. В научном исследовании говорят лишь факты.

Хорошо и интересно, что историк взялся за исследование этого памятника. Однако кем бы ни был исследователь (литературоведом, историком, лингвистом), безусловным остается требование: если это художественный памятник, то надо рассматривать его в общей совокупности текста, а никак не отдельные элементы ⟨его⟩ текста. Рассматривая «Слово» в настоящее время, необходимо еще и еще раз проанализировать всю историческую и[72] субъективную концепцию

[72] Союз *и* вставлен автором при вычитке стенограммы.

автора «Слова». Об этом говорится в книге чрезвычайно бегло и поверхностно. Между тем историк мог это сделать, может быть, лучше, чем кто-либо другой.

Без анализа исторической концепции автора в целом невозможно вскрыть те элементы, которые дают основание считать «Слово» произведением, написанным духовным деятелем конца второй половины XVIII в.

Очень характерно, что рассуждения о позднем происхождении «Слова» носят самый общий характер, по поводу творчества Иоиля Быковского высказываются главным образом экспрессивные оценки.

Вчера кто-то из выступавших здесь историков, кажется А. И. Клибанов, говорил об ограниченности, узости и однолинейности освещения событий в «Слове о полку Игореве». Но это признак индивидуального художественного произведения, присущий и современным произведениям. Возьмем, например, ⟨К. А.⟩ Федина, который в романе «Костер» показывает события Отечественной войны, но делает это в какой-то мере узко и ограниченно.

Остановлюсь на данных языка, которые используются А. А. Зиминым в подтверждение гипотезы о позднем происхождении «Слова».

А. А. Зимин в четвертой и пятой главах, также во второй и третьей, много говорит о языке памятника. Но здесь, как и в области археологических данных, о которых говорил А. В. Арциховский, почти все неверно. Или неверны и случайны приводимые факты, или неверно и тенденциозно их использование, их освещение. А иногда возникает вопрос: разбирается ли так, как нужно, А. А. Зимин в том материале, который он освещает? А ведь именно язык представляет собой в данном случае наиболее твердый и надежный материал, на который следует опираться при рассмотрении ⟨вопроса⟩ древности или позднего происхождения памятника. Но использование материала языка требует очень тщательной, очень точной и кропотливой работы, а главное — знания и понимания фактов языка.

С точки зрения лингвиста, историка, литературоведа, памятники древние или памятники спорные (этот памятник спорный по языку, по той идее, которая доказывается здесь) обязательно должны анализироваться с точки зрения языка.

Приведу несколько образцов языкового анализа А. А. Зимина, потому что с таким анализом нельзя согласиться. Вчера об этом уже говорил проф. Ф. П. Филин и, вероятно, каждый из лингвистов

скажет, что для него неприемлемы с точки зрения анализа языка главы четвертая и пятая.

Поэтому нельзя согласиться с товарищами, которые говорили, что книгу нужно опубликовать всю целиком. Мне бы казалось, что А. А. Зимину лучше переделать главы четвертую и пятую, где речь идет о языке, чтобы не ставить себя в неловкое положение.

Приведу несколько примеров.

Рассматривая слово «шереширы», А. А. Зимин пишет: «...происхождение „шерешир“ от σαρισσα будет весьма правдоподобно. В пользу этого предположения говорит обычная мена „с“ и „ш“ в Слове о полку Игореве». И в скобках дает три слова: («шизый», «шеломянем» и «вас» вместо «ваш») (с. 300). С. П. Обнорский уже писал о сомнительности «псковских» особенностей в «шизый» и «васъ» (см. его книгу «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода». М., 1946. С. 134—135). Почему попало сюда и «шеломянем»? В древнерусских текстах «шеломя», «шоломя», в былинах — «шеломя окатисто». В Ипатьевской летописи — «шоломя». Речь идет о холме, горе, а не о «Соломоне» «Задонщины».

Замечания А. А. Зимина относительно флексии *-аго* и двойственного числа бездоказательны. Он пишет, что они «могут быть выводимы и не из практики живого языка XII в., а из особенностей церковнославянской морфологии, которой пользовался автор Слова о полку Игореве. К тому же двойственное число часто встречается в Ипатьевской летописи» (с. 313—314). Но все это надо доказать, а не отделываться ссылками и указаниями, которые ничего не дают. Нужно очень осторожно обращаться с данными языка.

Вчера очень интересный материал по поводу ориентализмов «Слова», опровергающий гипотезу А. А. Зимина, привел Н. А. Баскаков. К сожалению, он не сказал о том, что нельзя так легко отвергать результаты, полученные путем тщательного, настоящего научного анализа, выполненного специалистами. А. А. Зимин считает натянутыми, неубедительными многие разыскания тюркологов и дает свои объяснения такого характера: «Если принять предположение о том, что имя Олбырь дало „ольберы“ Слова о полку Игореве... то „Шерешевич“ могло служить импульсом для того, чтобы назвать „шереширами“ упомянутых по отчеству Глебовичей князей — вассалов Всеволода» (с. 301, сноска 1). Несколько далее находим: «На

наш взгляд, все эти „могуты", „ольберы" и прочие „были" появились под пером автора Слова в результате его чисто этимологическо-литературной работы» (с. 303).

Можно сказать только одно: читать такие вещи в научном труде неловко. Самый простой способ — объяснять все на основании собственного восприятия текста, однако научным его признать едва ли можно.

А. А. Зимин, например, пишет: «Вообще же выражение „аварские шлемы" скорее всего литературного, а не конкретно-исторического происхождения (автор Слова склонен давать причудливые названия шлемам и сулицам)» (с. 296—297).

Или в другом месте: «Диковинные словечки автор охотно употребляет в самых различных сочетаниях» (с. 268).

Нельзя, анализируя язык памятника, пользоваться в качестве доказательства лишь домыслами, основанными на своем восприятии. Каждое слово древнего памятника или памятника-подделки, как утверждаете Вы, это языковой факт, который требует объяснения и научного доказательства. Если Вы нашли доказательства, подтверждающие склонность Иоиля Быковского к «диковинным» словечкам, к словотворчеству, Вы должны подтвердить материалами, что это придумал или мог придумать Иоиль Быковский. Иначе никто из нас Вам не поверит и Ваши голословные утверждения мы не будем принимать во внимание.

Особенно много вольных толкований и попыток объяснения лексики «Слова о полку Игореве» там, где А. А. Зимин обращается к «образам» «Слова о полку Игореве».

«Образ „буй-тура" также появился в результате синонимического переосмысления привычного „буй-вола"» (с. 289). Даются ссылки на статью профессора Б. А. Ларина и статью Л. А. Дмитриева. Я не читала статьи Л. А. Дмитриева,[73] но статью профессора Б. А. Ларина[74] я хорошо знаю и должна сказать, что она неудачно использована. Почему «привычного буй-вола»? Охота на туров

[73] А. А. Зимин ссылается не на статью, а на книгу Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве"» (М.; Л., 1960. С. 334), точнее, на приведенное в ней примечание к «екатерининскому» переводу: «Буй означает дикого, а тур вола».

[74] *Ларин Б.* А. Из истории слов: Буй-погост // Слова в народных говорах Русского Севера. Л., 1962. С. 3—9.

неоднократно упоминается в древних текстах. Туры — предмет охоты князей и их дружины и, вероятно, наиболее важный объект охоты (они давали много мяса, но охота на них была наиболее опасной). Туры исчезли в XVII в. Следовательно, Иоиль Быковский, если он был украинцем и жил в Киеве, мог просто знать о турах по живому преданию. Откуда же взялся «привычный буй-вол»? Напомню, что ⟨Владимир⟩ Мономах пишет о своих охотах: «Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другой рогома бол ⟨...⟩». То место «Слова», где Всеволод назван «ярым туром», объясняется А. А. Зиминым так: «Здесь уже не только „вол“ заменен „туром“, но и „буй“ — „ярым“. В результате и на этот раз автору удалось создать эмоционально приподнятый образ героя» (с. 289).

Привожу это для того, чтобы сказать, что не только для лингвиста, но и для любого филолога, занимающегося языком и стилем русской устной поэзии, древнерусской литературы, соображения и построения А. А. Зимина совершенно неубедительны, так как вместо доказательств предлагаются собственные домыслы.

Так же легко и просто А. А. Зимин расправился с той лексикой, которая определена им как «пласт слов, эпитетов и устойчивых сочетаний, близких к украинскому и белорусскому, а также польскому языкам» (с. 305). А ведь это серьезнейший вопрос. Если считать, что памятник написан в XVIII в., нужны обязательные подтверждения того, что все полонизмы, белорусизмы и украинизмы «Слова» имеют поздний характер.

Вчера Ф. П. Филин говорил уже о том, что ссылки на статью Л. А. Булаховского не совсем точны и рассуждения по поводу украинизмов очень слабы. В дополнение к тому, что сказал Ф. П. Филин по поводу слова «рокотать», приведу диалектный материал. «Рокотать» А. А. Зимин считает украинизмом или белорусизмом. Л. А. Булаховский пишет, что это слово вошло в украинский язык из русского.[75] В материалах для Диалектологического атласа по Псковской и Новгородской областям имеются такие записи: «Девки песни ракочут», «Ручей ракоче», что указывает на живое употребле-

[75] *Булаховский Л. А.* К лексике «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 33—34.

ние слова «рокотать» в русских говорах.[76] Не могу не заметить попутно, что всякие «поправки» текста должны быть обоснованы.

А. А. Зимин меняет «мычеши» на «мѣчеши». А вот, например, фраза из диалектной записи рассказа женщины о грозе: «Стрелы-те мычутся, мычутся и... прямо в дерево».

В книге целый ряд поправок и «чтений» автора.

Нельзя «подправлять» на основании субъективного восприятия текста. Все исправления должны быть строго документально обоснованы. Это основное требование, которого придерживается каждый советский ученый.

Категорические характеристики лексики и датировки появления тех или иных слов в языке — в русском языке, даваемые А. А. Зиминым в подтверждение позднего происхождения «Слова», в большинстве своем также неверны. Можно удивляться смелости автора, который с необычайной легкостью датирует появление в языке того или иного слова. У нас, как уже говорили, нет исторического словаря, но есть картотеки, к которым А. А. Зимин мог обратиться, чтобы проверить то или иное слово. Однако и этого все же было бы недостаточно для категорического утверждения. А. А. Зимин, например, пишет: «...в XII веке древко копья называлось не стружием, а „оскепищем"» (с. 309). А уверен ли автор в том, что все восточнославянские племена, которые входили в состав Руси XII в., на всей этой территории говорили «оскепище»? А может быть, было и «стружие» или еще какое-нибудь иное слово.

«Нет в памятниках и термина „засапожники" Слова. То же относится к терминам „бусый" (серый), „лада" (до XVII в.). Сочетание „терем златоверхий" встречается лишь в XVI—XVII вв. и фольклоре. „Копье преломити" находим только у Ивана Пересветова. Выражение „мыслию смыслити" упоминается только в Кашинской челобитной (XVII в., рукопись XVIII в.)» (с. 309—310). Все это неверно!

В книге цитируется (правда, по В. Н. Перетцу и в другой связи) «Житие Александра Невского». В этом памятнике есть фраза: «Сей наехавъ шатеръ королевъ златоверхий». Нельзя сомневаться в том,

[76] См. также: *Евгеньева А. П.* Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокотать» и «трепетать» // Там же. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 26—30.

что А. А. Зимин читал «Житие Александра Невского», но сочетания «шатер златоверхий» он не заметил.

Нужно было использовать тот материал, который дает словарь И. И. Срезневского и картотеки двух исторических словарей.[77] Без тщательной работы по проверке лексики нельзя с такой уверенностью утверждать, что отсутствие названных слов в известных А. А. Зимину памятниках дает основание считать, что «Слово» (поскольку в нем имеются эти слова) написано после XVI—XVII вв. и относится к концу XVIII в.

До сих пор не только для лингвиста, но и для историка и литературоведа, имеющего дело с древними и старыми текстами и исследующего отдельные вопросы, в которых лексика и фразеология памятника играют определяющую роль, как в данном случае, совершенно очевидно следующее:

отсутствие того или иного слова в письменности, а тем более в опубликованных печатных текстах (ведь опубликовано ничтожно мало) отнюдь не свидетельствует о том, что данного слова не было в языке вообще. А отсюда — наличие какого-либо слова в том или ином памятнике нельзя считать моментом создания этого слова, моментом появления его в языке. Если говорить о составе лексики древнерусского языка, нельзя забывать того, о чем говорил Н. К. Гудзий, — что из письменного наследия сохранилась ничтожно малая доля, причем преимущественно письменность церковно-обрядовая и связанная с ней, которая не может дать исчерпывающего состава лексики древнерусского языка. Наиболее интересная для нас светская письменность погибала в пожарах, нашествиях и, главным образом, естественным путем: ее зачитывали до дыр. Всем, кто имел дело со светскими сборниками, хорошо известно, как выглядели листы тех повестей и сказаний, которые привлекали читателей.

Поэтому многие суждения и «розыски» А. А. Зимина в области лексики и фразеологии в древнерусской письменности для филолога неубедительны. Это не доказательства позднего происхождения памятника.

---

[77] Имеются в виду Картотека к Словарю русского языка XI—XVII вв. (о ее истории см. в изд.: Словарь русского языка XI—XVII вв.: Справочный выпуск. М., 2001. Ч. 1: История картотеки. С. 7—56) и Картотека к Словарю древнерусского языка XI—XIV вв., составление которой было закончено Институтом русского языка АН СССР в 1963 г.

Следует остановиться и на другом источнике, который автор книги считает очень важным для «Слова о полку Игореве», — на фольклоре. Надо сказать, что и здесь приемы и способы использования фольклорных текстов вызывают резкий протест.

В книге говорится: «Если фактическое содержание Слова о полку Игореве основывалось на летописных сведениях, а литературным образцом для его автора была Задонщина, то средства художественного изображения (эпитеты, образы, ритмика), как правило, в нем глубоко народны и уходят корнями в сокровищницу русского, украинского и белорусского фольклора. Все без исключения бессмертные места этого памятника — народны и не восходят непосредственно к какому-либо письменному источнику» (с. 264—265).

Здесь уже указывалось на то, что ⟨фольклорные⟩ материалы, привлекаемые в книге, представляют собой записи, главным образом, второй половины XIX и даже начала XX вв. Можно предположить, что Иоиль Быковский знал фольклор «практически». Но тогда в его библиотеке, о которой здесь несколько раз упоминалось, должны были быть в значительном количестве какие-то рукописные сборники или какие-то следы этого. А. А. Зимин очень широко привлекает для своих сопоставлений фольклор самый разнообразный: лирику, эпос, обрядовую поэзию и т. д. Но едва ли Иоиль Быковский обладал знанием всей массы этого фольклора. Или он был совершенно необыкновенным собирателем и знатоком и русского, и украинского, и белорусского фольклора.

Однако дело не только в том, что для духовного деятеля XVIII в. малореальна та широта и обилие познаний в области устной поэзии, как изображает А. А. Зимин, но еще и в другом: в том, как А. А. Зимин пользуется текстами фольклора для своих доказательств.

Приведу некоторые примеры тех сопоставлений с текстом «Слова полку Игореве», которые даются из фольклорных произведений.

В «Слове»: «звенить слава» — ⟨соответствие⟩: «Не во все дзвоны дзвонили» (М. Максимович) (⟨*Зимин-1,*⟩ с. 271).

В «Слове»: «хощу копие приломити конець поля половецкаго» — ⟨соответствие⟩: «Копья пополам приломилися» (Гильфердинг, I) (⟨*Зимин-1,*⟩ с. 271).

«На фольклорный образец переделывается мотив Задонщины во фразе: „Что ми шумит, что ми звенит“», — пишет А. А. Зимин и

дает соответствие: «...ци грім гремит, ци звін звенит» (Антонович и Драгоманов, I) (⟨*Зимин-1*,⟩ с. 273).

Далее автор пишет: «Очень много народных образов Слова начисто отсутствуют в Задонщине. Если бы Задонщина составлялась по образцу Слова, их „вычленение" выглядело бы весьма странным» (с. 273).

Почему?

А. А. Зимин считает, что «выражение „кожухы начяша мосты мостити" навеяно русскими былинными мотивами» (с. 274). А летописи? Достаточно было раскрыть словарь И. И. Срезневского, чтобы увидеть: «И рече Володимерь: требите путь и мостите мост» («Повесть временных лет» под 6522 г.). Сочетание «мостить мост» мы найдем не только в летописях и не только в былинах, в диалектных записях мы также встретим — «мостить мост». Едва ли может что-нибудь дать такое указание автора: «Во время боя буй-тур Всеволод „поскакивает" вполне по-былинному...» (⟨*Зимин-1*,⟩ с. 275).

Нельзя так обращаться с доказательствами при помощи языковых категорий. Это личные впечатления автора. Но личные впечатления, в особенности когда рассматривается вопрос о позднем происхождении памятника, не могут служить доказательством. В приведенных выше примерах совпадали сопоставляемые слова, хотя употребление их и не совпадало. Но в книге имеется целый ряд таких сопоставлений, когда трудно понять, чем руководствуется автор, давая их. Например: «Народные мотивы о приснившейся „тисовой кровати", о рассыпанном жемчуге, повалившемся коньке» (с. 275—276). Автор, вероятно, говорит о «повалившемся коньке» *на основании фразы*[78]: «уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ» — и в качестве соответствия дает: «Скричат калики зычным голосом: с теремов верхи повалялися» (*Киреевский* ⟨*П. В.* Песни⟩. Вып. 3. М., 1878. С. 92).

Но ведь здесь совершенно другое содержание и нет лексических совпадений.

Скричат калики зычным голосом:
С теремов верхи повалялися,
А с горниц охлопья попадали
В погребах питья всколебалися...

[78] *Испр., в стенограмме*: во фразе.

«С теремов верхи повалялися», потому что сила зычных каличьих голосов была необычайной.

Еще: «Литературной обработкой народных мотивов является и образ Игоря, пересаживающегося из золотого седла в кощеево. Кощей — символ врага в русских былинах» (с. 276). Едва ли можно назвать «символом» собственное имя царя — Кощей (в «Сказании о трех богатырях», в былине о Михаиле Потыке и др.). Иногда это имя употребляется с отчеством — Кощей Трепетович.

Непонятна цитата, данная в сноске: «И Михайла вылетел из седла и пал на землю что овсяный сноп» (там же, сноска 4). Разве только потому, что в ней есть слово «седло»? Какое это имеет отношение к Кощею или к «кощиеву седлу» «Слова о полку Игореве»? Едва ли можно сопоставлять вообще Кощея Трепетовича былины и Кащея Бессмертного сказок с «кощием» (рабом, бедняком) «Слова о полку Игореве».

На той же странице по поводу сочетания «железными путинами» дается такое объяснение: «Железными „путины" — (нечто среднее между „опутинами" и „путами") могли сделаться под влиянием евангельского „путы... железны"» (Марк 5: 4; Лука 8: 29) (с. 276, сноска 6).

Трудно квалифицировать все эти вещи. Можно сказать только одно: из книги А. А. Зимина, если она будет публиковаться, главы, содержащие этот материал, лучше снять или написать их заново.

(С МЕСТА. А также и некоторые другие.)

Под конец я приведу еще одну выдержку. А. А. Зимин пишет: «Б. Ф. Поршнев...»

(мне неизвестно, кто это. Должна признаться в своем незнании).

(Акад. Б. А. РЫБАКОВ. Историк, специалист по Западной Европе XVII—XVIII вв.)

Вот в каком контексте упоминается эта фамилия: «Б. Ф. Поршнев обратил мое внимание на близость мотивов былины о Соловье-разбойнике к Слову: „Свист звѣринъ" напоминает свист Соловья-разбойника:

А то свищет Соловей да по-соловьему,
Ен крычит злодей разбойник по-звериному.

Автор Слова и Дива (слова «Дивъ кличеть» взяты из Задонщины) посадил на дерево, где по былине сидел Соловей: „Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу“» (⟨*Зимин-1,*⟩ с. 281).

И сноска 1 на той же странице: «Вряд ли есть основания „впрямую“ отождествлять „свистъ звѣринъ“ со свистом „байбаков и сусликов“, как это делают Н. В. Шарлемань и Д. С. Лихачев... Да и вообще трудно допустить, чтобы суслики ночью в грозу покидали свои норы и оглашали своим свистом степь».

В книге, в которой доказывается правомерность или необходимость принятия некой гипотезы, доказательства подобного рода компрометируют не только эту гипотезу, но компрометируют и тот метод, которым она обосновывается.

(С МЕСТА. И то издательство, в котором будет издана эта книга.)

Если пользоваться экспрессивной лексикой и экспрессивными оценками, к которым часто прибегает Александр Александрович, характеризуя автора «Слова» и само произведение, то «вершиной» субъективного и тенденциозного «анализа языка», образцы которого я цитировала, является часть, где А. А. Зимин пишет о стилистических приемах Иоиля Быковского, главным образом о синонимах, которыми он заменяет слова и сочетания «Задонщины» и Ипатьевской летописи.

Вот какие образцы «замен», якобы сделанных Иоилем Быковским, приводятся и как они комментируются А. А. Зиминым:

5.[79] «Съ зарания въ пятъкъ» (Слово).

«Заутра же пятьку наставшу» (Ипатьевская летопись).

И комментарий: «Книжное выражение заменено просторечием» (с. 286).

С каких же пор сочетание «в пяток» стало просторечием? И как можно с такой легкостью определять стилистическую принадлежность сочетания? Достаточно было заглянуть в словарь Срезневского, чтобы убедиться в его «церковнославянском происхождении». Даже для современного языка в отношении стилистических оценок приходится быть очень осторожным. Тем более осторожным надо быть по отношению к старым текстам.

---

[79] Цифры 5 и далее — 6, 10, 15, 20 — означают номера примеров у А. А. Зимина.

Еще пример:

6. «Стязи глаголють» (Слово) — «Стязи ревут» (Задонщина).

Комментарий: «Резкое „ревут“ заменено торжественным „глаголют“» (с. 286). Как же так можно?

Еще один пример:

10. «Что ми звенить давеча рано предъ зорями» (Слово).
«Что гримить рано пред зорями» (Задонщина).

Комментарий: «„Звенить“ введено, очевидно, как более образное выражение сравнительно с обычным „гремит“» (с. 286).

Или дальше:

15. «А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми» (Слово).
«Уже бо въстонала... бедами и тугою» (Задонщина).

Комментарий: «„Беды“ заменены просторечьем — „напастьми“» (с. 287).

22. «Суды рядя до Дуная... Князем грады рядяша» (Слово).
«Рядов не могу уже рядити» (Ипатьевская летопись 1151—1154).

Комментарий: «Совершенно естественная формула „ряды рядити“ заменена необычайной и не вполне правильной „суды рядя“» (с. 288).

Такие комментарии — это не только не доказательство, это антидоказательство положения.

Книга А. А. Зимина — эксперимент. Иначе ее нельзя оценить. Но это эксперимент, в котором не были учтены важнейшие особенности и условия. Надо поставить другой эксперимент. В области точных наук, в области биологии, физиологии эксперимент прежде всего тщательно готовится и ставится много раз, при этом сотни раз проверяется, и только тогда делаются выводы, формулируются и публикуются отдельные положения.

Здесь несколько раз говорилось о праве ученого на выдвижение гипотезы. Но разве кто-нибудь возражает против этого? Без гипотез и открытий наука не двигается вперед. Речь идет только о том, что гипотеза, предложенная ученым, должна быть обоснована в тех сторонах, которые являются определяющими.

Анализ языка «Слова», предложенный А. А. Зиминым как обоснование его гипотезы, для филологов не является убедительным.

И позволю себе совсем уже коротко остановиться на одной очень важной и существенной, с моей точки зрения, стороне работы

А. А. Зимина — на научном методе исследования литературного памятника, который, по его мнению, требует новой датировки и новой характеристики.

Во введении к своей книге Александр Александрович пишет: «Советские ученые, основываясь на позициях исторического материализма, прежде всего оценивают объективный вклад, сделанный тем или иным ученым в развитие науки, степень раскрытия им закономерностей исторического развития общества, классовую и политическую сущность его мировоззрения.

Настоящая работа не претендует на всестороннее рассмотрение Слова о полку Игореве. В ней содержится лишь попытка решения вопроса об источниках, времени и авторе на основании итогов более чем полуторастолетнего изучения исследователями его исторического содержания, литературной формы и языкового строя» (с. 4). (Подчеркнуто мною. — *А. Е.*)

Если по этому счету предъявить требования к исследованию самого А. А. Зимина, мы должны будем признать, что автор не только пользуется недостаточно надежными фактами и сообщает недостаточно проверенные сведения, но и иногда неправильно толкует их, а иногда, по-моему, и искажает. И мне непонятно, как это могло произойти.

А. А. Зимин — историк. Здесь много говорилось о том, что Александр Александрович — очень интересный, способный, талантливый историк. В моем представлении историк, за что бы он ни взялся, — это ученый, оперирующий безусловно объективными и тщательно проверенными данными.

В 1961 г. вышла книга академика В. В. Виноградова «Проблема авторства и теория стилей», в которой проблеме автора, анонимности и псевдонимности в древнерусской литературе посвящены 3-й и 4-й разделы первой главы. Здесь Виктор Владимирович дважды цитирует статью А. А. Зимина «О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII веков», опубликованную в «Историческом архиве» (1956. № 6), — цитирует, противопоставляя положения Александра Александровича как объективные, передовые — устарелым, необъективным приемам науки XIX в.

Под этими цитатами и под всей статьей А. А. Зимина каждый из нас подпишется. Поэтому еще более удивительными представляются

метод исследования и способ доказательств, которыми пользуется Александр Александрович в рассматриваемой работе.

Приведу одну из цитат, которые даются в книге В. В. Виноградова. Сказав о том, что значительная часть повествовательных источников Древней Руси дошла до нас не в подлинниках, а в позднейших списках, и поэтому они многослойны, А. А. Зимин пишет: «Выяснение позднейших наслоений должно явиться результатом углубленной работы над всей рукописной традицией того или иного памятника прошлого и, прежде всего, над изучением истории его текста».[80] Мы все это принимаем, но этого-то и нет в книге А. А. Зимина.

Заявив во введении к своей книге, что исследование о «Слове о полку Игореве» написано на основании итогов того, что сделано за полуторастолетнее изучение, А. А. Зимин как ученый взял на себя долг (а это неизбежно) выделить основные работы, представлявшие определенные этапы или ступени в изучении «Слова», и охарактеризовать в этом отношении как положения скептиков, так и положения традиционистов, не сомневавшихся в подлинности «Слова». Что касается филологических и собственно лингвистических работ, А. А. Зимин по этому «счету» не заплатил.

Здесь уже достаточно говорилось об отношении А. А. Зимина к исследованиям ориенталистов. Все то, что говорит о древности памятника, объявляется «натянутым». Необходимо было бы проследить, что сделали языковеды, и посчитаться с наиболее важными работами в другой области — в истории русского языка. Среди них есть такие, которые невозможно обойти молчанием, и все же именно так и поступил А. А. Зимин. Сегодня и вчера уже говорилось о том, что работу С. П. Обнорского А. А. Зимин обошел молчанием. Упоминание С. П. Обнорского в перечне писавших о языке «Слова» нельзя считать учетом того, что им сделано. Между тем в работе С. П. Обнорского, представляющей собой строгое и, может быть, даже сухое описание языковых фактов, содержатся доказательства древности «Слова», которые необходимо объяснить, чтобы опровергнуть

---

[80] К этому высказыванию А. А. Зимин дает примечание: «См.: *Лихачев Д. С.* Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1955. Т. 14, вып. 5. С. 413—414». См.: *Зимин А. А.* О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв. // Исторический архив. 1956. № 6. С. 133.

подлинность «Слова» как памятника XII в. Нельзя обойти молчанием эту работу! Первый, второй, третий, четвертый и шестой выводы, сформулированные С. П. Обнорским на основании тщательного и глубокого изучения языка «Слова о полку Игореве»,[81] требуют (поскольку они уже существуют в науке), чтобы каждый, кто будет заниматься «Словом», высказал свое к ним отношение. Бывают работы, которые представляют собой определенную ступень в изучении той или иной проблемы и которые поэтому миновать нельзя, — такова работа С. П. Обнорского. А. А. Зимин ее не заметил или отбросил. Где же объективность историка?

А. А. Зимин считает нужным писать о флексии *-аго* и о двойственном числе в «Слове о полку Игореве». Он находит этому объяснение в «церковнославянской морфологии», которой пользовался автор «Слова» (с. 314). А такую деталь, как замечательное по своей цельности сохранение в тексте «Слова» напряженного слабого Ъ̂ во всех его положениях, а также правильное, согласное с состоянием старого русского литературного языка отражение префиксов *въ-*, *възъ-*, *съ-* с сохранением в одних случаях и опущением в других случаях гласного в префиксе (*Обнорский. Очерки*. С. 197) он не замечает.

Он вообще умолчал о книге С. П. Обнорского, о тех особенностях системы древнерусского языка, которая там показана.

Правильно здесь говорил О. В. Творогов, что для того, чтобы доказать позднее происхождение памятника, нужно привлекать не отдельные элементы, явления, а рассматривать отражение системы древнерусского языка в «Слове о полку Игореве» в сопоставлении с системой языка, нашедшей отражение в «Задонщине». Поэтому не только книга С. П. Обнорского, но и работы Л. П. Якубинского,[82] Л. А. Булаховского,[83] А. Н. Котляренко,[84] посвященные языку «Слова» и «Задонщины», требуют рассмотрения и опровержения, если утверждать позднее происхождение «Слова».

---

[81] См.: *Обнорский. Очерки*. С. 193—198.

[82] *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 320—327, 349—350.

[83] О работах Л. А. Булаховского по языку «Слова о полку Игореве» см.: *Творогов О. В.* Булаховский Леонид Арсеньевич // *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 163—165.

[84] Работы А. Н. Котляренко по языку «Задонщины» и «Слова» перечислены далее, см. примеч. 96 и 97 на с. 450.

Источников, которые привлечены в книге А. А. Зимина, очень много, они совершенно различны и по-разному используются. Но ведь если тема, идея имеет длительную историю изучения, необходимо посчитаться с теми основными этапами, которые представляют собой ее развитие.

Я думаю, что упрек в тенденциозности или «увлеченности» идеей, приведшей к тому, что А. А. Зимин далеко не все источники использует одинаково, что он не хочет видеть того, что противоречит его идее, вполне справедлив. Поэтому, готовя книгу к печати, автор должен очень многое пересмотреть, а 4-ю и 5-ю главы или совсем снять, или написать заново.[85]

В. И. ШУНКОВ

Слово предоставляется А. Н. Котляренко.

А. Н. КОТЛЯРЕНКО

Волею судеб мне, по-видимому, приходится выступать последним из обсуждающих работу Александра Александровича,[86] причем должен извиниться перед слушателями: так как я буду рассматривать эту работу с точки зрения грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», то это последнее блюдо будет не сладким.

С этой оговоркой разрешите приступить к изложению тех соображений, которые у меня имеются.

Когда я имел возможность читать книгу Александра Александровича, то прежде всего поставил перед собой задачу отнестись к ней без всяких предвзятых мыслей и подойти к ней просто как к новой книге, посвященной «Слову о полку Игореве». И особенно меня порадовало, когда на странице 292 я прочитал такое заявление Александра Александровича: «Одним из важнейших аспектов анализа Слова о полку Игореве является изучение его лексического и грамматического строя. Суть проблемы, коротко говоря, сводится к выявлению

[85] На первой странице текста выступления А. П. Евгеньевой запись: «Стенограмма проверена и выправлена мной. А. Евгеньева. 9.V.1964». На последней странице выступления также стоит подпись А. П. Евгеньевой.

[86] А. Н. Котляренко был последним в списке предварительно записавшихся ораторов.

лингвистических данных, необходимых для установления авторства и времени составления памятника».

Такое заявление, под которым я могу с удовольствием подписаться, очень меня порадовало, и я дальше стал читать с еще большим вниманием, чтобы посмотреть, как же раскрывается здесь особенно интересующий меня грамматический строй «Слова».

Дальше в работе Александра Александровича, уже на странице 312, дается еще одно очень правильное положение: «Эти наблюдения могут быть подкреплены анализом грамматической структуры памятника. Прежде всего словообразовательные качества славянизмов Слова не дают надежной опоры для утверждения, что оно должно было возникнуть в XII или XIII веках».

Словообразование понимается у Александра Александровича очень своеобразно. Ссылаясь на работу Якубинского,[87] он дает цитату из Якубинского, в которой раскрываются три группы церковнославянизмов, то, что известно из работ Якубинского, Винокура[88] и ряда других ученых, т. е. говорится о том, что есть такие слова, которые свойственны общеславянскому языку; такие слова, которые не находят связи с русским языком, и приводятся примеры, в которых словообразовательных элементов никаких нет, потому что все слова коренные. По-видимому, словообразование толкуется очень широко. Если полногласная или неполногласная форма, то это также словообразование. Понимать можно, конечно, по-разному.

Правда, дальше, на странице 315, со ссылкой на Ташицкого[89] и Соловьева,[90] говорится о форме на *-влич*: Святославлич. Эта форма, по работе Соловьева, встречается в «Слове» 11 раз. Это единственное, что дается из словообразования.

После этого ⟨на с. 316⟩ имеется ссылка на работу Бешаровой,[91] которая пишет о том, что в «Слове» (как говорится в цитате, приведенной Александром Александровичем) встречается употребление

[87] *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 375.

[88] Вероятно, имеется в виду книга: *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию. М., 1946.

[89] *Taszycki W.* Les formes patronymiques insolitas dans le Slovo d'Igor // *RÉS*. 1959. T. 36. P. 23—28.

[90] *Соловьев А. В.* Русичи и русовичи // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 295—296.

[91] *Besharov Ju.* Imagery of the Igor' Tale in the Light of Byzantino-Slavic Poetic Theory. Leiden, 1956. P. 89.

форм настоящего времени, аориста, перфекта, имперфекта в одном тексте, и это показывает, что автор «Слова» не был, по-видимому, человеком XII в., ибо не мог соединить в одном предложении все эти формы.

Здесь невольно возникают два возражения против этого. Александр Александрович принимает на веру решение ⟨Ю.⟩ Бешаровой, не считаясь с проделанной, упоминавшейся здесь А. П. Евгеньевой работой Обнорского. В работе, во-первых, установлено, что имелось в подлиннике «Слова» и что было внесено переписчиками. Это первый момент.

Второй момент — употребление в одном тексте таких форм является обычным не только для «Слова», но, скажем, для Кирилла Туровского. По-видимому, и Кирилл Туровский также жил в XVIII в.

Имеются ссылки ⟨на с. 317—319⟩ на Якобсона[92] и ⟨И. А.⟩ Попову,[93] которая изучала вопрос о союзе «а», ⟨М. Н.⟩ Петерсона.[94]

К этому должен добавить, что я долго ждал, что будет упомянут Обнорский, и дождался на странице 567. Там среди ученых, изучавших «Слово» с лингвистической точки зрения, поставлен, правда на первое место, Обнорский. Но этот классический труд,[95] по-видимому, не дает материала Александру Александровичу для его гипотезы и поэтому устранен. Обычно полагается учитывать исследования если не все, то во всяком случае классические, каким является исследование Обнорского.

Этим кончаются мои критические замечания к тому разделу, который относится к лингвистике. Лингвистике посвящается в большом труде Александра Александровича 5 страниц. Вообще никаких претензий предъявлять Александру Александровичу мы не можем. Александр Александрович — историк, а не лингвист, но раз он поставил такую предпосылку, что решать вопрос можно только на основе рассмотрения лексического и грамматического строя памятника,

---

[92] *La Geste*. P. 265—267.

[93] А. А. Зимин ссылается на машинопись кандидатской диссертации И. А. Поповой «Значение и функции союза „а" в древнерусском языке» (с. 118, 120). См. также: *Попова И. А.* Значение и функции союза «а» в древнерусском языке // Научный бюллетень ЛГУ. Л., 1945. № 2. С. 30—33.

[94] *Петерсон М.* Синтаксис «Слова о полку Игореве» // Slavia. 1937. Roč. 14, seš. 4. С. 592.

[95] *Обнорский. Очерки.*

то, по-видимому, он должен был по крайней мере использовать те труды, которые имеются по вопросам грамматического строя.

Те замечания, которые будут мною делаться дальше, основываются на монографическом изучении грамматического строя «Задонщины». Я в этом отношении очень благодарен Александру Александровичу, что он также начинает с «Задонщины». Я также начинал с «Задонщины»[96] и от «Задонщины» перешел к монографическому изучению и сопоставлению «Задонщины» и «Слова».[97]

Прежде всего я должен сказать о выборе как основы для реконструкции текста списка И-1. Правда, Александру Александровичу мне легко возразить. Если он помнит, а он, конечно, помнит, В. П. Адрианова-Перетц избрала в одной из реконструкций также список И-1.[98] Причем Александр Александрович на страницах 588—589 пишет: «В основу восстанавливаемого архетипа положен наиболее старый и исправный из полных списков — И-1».

С точки зрения лингвистической список И-1 является наиболее неисправным, потому что в этом списке больше, чем в каком-либо другом списке «Задонщины», отразилось второе южнославянское влияние, о чем говорил и Ф. П. Филин.

Я не буду приводить всех доказательств, приведу только один пример. Одной из особенностей второго южнославянского влияния было отсутствие йотации. Это в списке И-1 является чрезвычайно распространенным. Здесь «живыи», «великиа», «Дмитриа», т. е. йотация почти совершенно отсутствует везде, что, естественно, доказывает (не только это, но это наиболее яркий пример), что список

---

[96] См.: *Котляренко А. Н.* 1) «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века // Ученые записки ЛГПИ. Л., 1956. Т. 15: Факультет языка и литературы; вып. 4. С. 131—160; 2) «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века: (Морфология и синтаксис): Автореф. дисс. 〈...〉 канд. филол. наук. Л., 1957; 3) К истории развития сложного предложения (по спискам «Задонщины») // Ученые записки ЛГПИ. Л., 1958. Т. 173: Кафедра русского языка. С. 43—54.

[97] А. Н. Котляренко имеет в виду исследование, над которым он работал в 1964 г. и которое было опубликовано в 1966 г.: *Котляренко А. Н.* Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 127—196.

[98] *Адрианова-Перетц В. П.* Задонщина: (Опыт реконструкции авторского текста) // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1948. Т. 6. С. 201—255 (реконструкция авторского текста — на с. 223—232).

И-1 с точки зрения лингвистической является совсем не самым исправным из всех списков.

Привлекает точно так же Александра Александровича Синодальный список. При той концепции, что автором «Слова о полку Игореве» являлся Иоиль, и при условии, что Иоиль — белорус, конечно, Синодальный список — замечательный список, потому что автор и должен был писать на белорусском языке. Но, как было сказано очень хорошо в выступлении Веры Дмитриевны ⟨Кузьминой⟩, здесь у Иоиля обнаруживаются элементы украинские, а совсем не белорусские. А с точки зрения лингвистической Синодальный список тоже не является наиболее исправным из всех полных списков.

Хочу остановиться на том вопросе, который никто не затрагивал.

Александр Александрович произвел ревизию не только «Слова о полку Игореве», но и «Задонщины». По мнению Александра Александровича, два раза возникала «Задонщина». Один раз она действительно возникла в конце XIV в. и была переписана Ефросином, а затем второй раз возникла в XVI в. То, что называется Пространной редакцией, возникло в XVI в., даже в XVII в. Но все лингвисты, которые работали над древнерусскими памятниками, прекрасно знают (Дмитрий Сергеевич в своей работе это показывает[99]), что очень часто самый поздний список может быть наиболее близок к самому первоначальному. Устанавливать, что это создано в XVI в., только на основании ⟨датировки⟩ списков нельзя.

Я попробую доказать, что если «Задонщина» Пространной редакции создана в XVI в., то тогда, по-видимому, не только «Слово о полку Игореве» писал человек XVIII, может быть, и XIX в., а вероятно, и «Задонщину» писал человек более позднего века, но прекрасно владевший языком XIV в.

Я не могу обо всем подробно говорить, потому что монографическое исследование «Задонщины» в тридцать минут не изложишь, но я приведу несколько примеров.

Рассмотрим употребление нечленных (неполных) причастий действительного залога настоящего времени. Для всех списков «Задонщины» мы встречаем почти одинаковую картину. В списке Ундольского 10 случаев употребления нечленных причастий действительного

---

[99] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 491—492 и др.

залога настоящего времени; при этом большинство причастий действительного залога настоящего времени встречается в так называемой русской огласовке причастий, т. е. имеются суффиксы: *-уч*, *-юч*, *-а*, *-я*. Только в двух случаях встречаются: *-ащ*, *-ящ*, *-ущ*, *-ющ*.

При этом нужно иметь в виду, что эти нечленные причастия употребляются очень часто в функции согласованного определения, но обнаруживается, что согласование в числе обычно нарушается, хотя и имеются некоторые случаи — три случая, — когда согласование не нарушено.[100]

В каком состоянии находится употребление нечленных причастий в «Задонщине»? В таком состоянии, когда переход нечленных причастий в деепричастия еще не произошел.

Совсем по-другому эти причастия употребляются в «Слове о полку Игореве». Как отмечает Обнорский и как показывает моя проверка работы Обнорского, старая норма русского литературного языка в употреблении нечленных причастий не имеет в «Слове» никакого нарушения.

Какой же памятник более ранний — «Задонщина» или «Слово о полку Игореве», если на этом основываться?

Ясно, что «Слово» отражает то состояние ⟨языка⟩, когда переход нечленных причастий действительного залога настоящего времени ⟨в деепричастия еще⟩ не начинался, а «Задонщина» отражает *то состояние языка*,[101] когда начинает происходить переход причастия в деепричастие, но этот процесс еще не завершен. *Если это было написано в XVI в., то завершение перехода уже произошло*.[102]

То же происходит с нечленными прилагательными. Нечленные прилагательные употребляются в «Задонщине» в ничтожном количестве — 2 % по отношению ко всем прилагательным, употребленным в памятнике, в то время как в «Слове о полку Игореве» мы имеем 41 случай нечленных прилагательных, т. е. более 28 %.

Итак, значит, тот, кто на основе «Задонщины» писал «Слово о полку Игореве», все нечленные прилагательные обязательно заменял членными прилагательными, поэтому у него осталось только 2 %.

---

[100] *Испр., в стенограмме*: совпадает.

[101] *Испр., в стенограмме*: тот процесс.

[102] *Вероятно, следует читать*: Если бы «Задонщина» была написана в XVI в., то она отразила бы то состояние языка, когда переход причастия в деепричастие был уже завершен.

Любопытно, что употребление нечленных прилагательных в функции согласованного определения в «Задонщине» встречается текстуально почти всегда в случаях, совпадающих со «Словом о полку Игореве». Автор «Слова», по-видимому, делал так (если встать на позицию, что это памятник XVIII в.): все время употреблял членные прилагательные, а как только попадался текст из памятника XVIII в., то он путал и брал форму нечленную.

Я приведу только один пример, потому что все примеры я приводить не могу.

«Задонщина»: «...а чаду твоему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове...»[103]

«Слово»: «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла».

Здесь неполное совпадение. Я могу привести пример полного совпадения.

«Задонщина»: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша...»[104]

«Слово»: «Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна...»

В этом случае, когда текст совпадает со «Словом», в «Задонщине» употребляется несвойственная памятнику форма нечленных прилагательных.

По наблюдениям Булаховского, проф. Кузнецова и проф. Борковского,[105] окончательная замена нечленных прилагательных в функции определения членными прилагательными произошла уже в XV в. Следовательно, если «Задонщина» написана в XVI в., то автор обязательно подделал ⟨текст⟩, потому что он употреблял нечленную форму прилагательных в функции определения. Но я думаю, что он не подделал, потому что «Задонщина» — памятник XIV в.

Остановлюсь еще на одном примере — употреблении винительного падежа. Здесь мы имеем такую картину.

---

[103] *У.* Л. 183 об.

[104] Там же. Л. 181.

[105] См.: *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. 4-е изд. Киев, 1953. Т. 2: Исторический комментарий. С. 292; *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953. С. 152—153; *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949. С. 218. Ссылки приведены по статье А. Н. Котляренко в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 132.

В «Слове о полку Игореве» во множественном числе от всех существительных объект выражается лишь формой винительного падежа, включая и существительные мужского рода, обозначающие названия лиц. Другими словами, категория лица или, более широко, — категория одушевленности для «Слова» является еще не существующей. В противоположность этому в «Задонщине» существительные мужского рода во множественном числе имеют большей частью в винительном падеже форму, совпадающую с родительным падежом. Здесь категория лица, одушевленности[106] еще складывается (потому что названия животных употребляются в винительном падеже). Например: «Соберем... храбрих панов, а сил(ь)ных удал(ь)цах».[107] Следовательно, оказывается, что и в этом отношении «Слово» отражает язык старшего периода древнерусского языка, а «Задонщина» — период конца XIV в., когда начинает формироваться категория лица.

Возьмем то, что заинтересовало А. А. Зимина: вопросы употребления перфекта, имперфекта и аориста. Остановимся на имперфекте.

В «Слове о полку Игореве» форма имперфекта употребляется достаточно часто: 40 случаев из 221 случая форм прошедшего времени.

В «Задонщине», в отличие от «Слова о полку Игореве», имперфект встречается крайне редко: в списке У⟨ндольского⟩ 8 случаев из 140 различных форм прошедшего времени. При этом при незначительном количестве случаев употребления имперфекта в большинстве случаев мы имеем неправильное употребление форм имперфекта. Я не привожу примеры, потому что это просто невозможно.

Правда, есть три случая, когда имперфект употребляется правильно, причем правильное употребление форм имперфекта в списке Ундольского подтверждается и другими списками.

Какой же можно сделать вывод?

Для «Задонщины» имперфект был уже умирающей категорией, что и соответствует памятнику языка конца XIV в., но имперфект исчез еще не окончательно. Что же касается «Слова», то имперфект как типичная форма XII в. сохраняется ⟨в нем⟩ в своем первобытном состоянии.

В связи с этим нужно сказать, что употребление перфекта, который пришел на смену аористу и имперфекту, получило сильнейшее

---

[106] *Испр., в стенограмме*: неодушевленности.
[107] С. Л. 38.

распространение в «Задонщине», потому что распадение простых форм прошедшего времени привело к тому, что случаи употребления аориста и имперфекта в «Задонщине» уменьшаются, тогда как в «Слове о полку Игореве» обильно встречаются формы аориста и имперфекта.

Вот те основные замечания по морфологии, которые я в пределах своих возможностей и времени хотел высказать.

Должен к этому добавить без примеров, что правильность выводов ⟨о первичности «Слова»⟩ подтверждается и на целом ряде других вопросов. Возьмите, например, звательный падеж. В «Задонщине» звательные формы старого образования употребляются в очень определенном узком круге слов: «Доне», «брате», «господи Боже», «господине», а в остальных случаях функция обращения принадлежит не звательному, а именительному падежу. В «Слове» как норма — употребление звательных форм старого образования. Именительный падеж в виде исключения употребляется только тогда, когда при существительном имеется прилагательное, что отмечается и другими памятниками.

Правильное образование форм сослагательного наклонения не свойственно «Задонщине», а единственный случай архаической формы восходит к «Слову о полку Игореве».

Для «Задонщины» типичным является слитное употребление частицы *ся* у возвратных глаголов, за исключением двух случаев. Препозитивное употребление частицы *ся* не свойственно памятнику и встречается только в одном случае в списке И-1 в тексте, восходящем к «Слову о полку Игореве», где тоже имеется препозитивная частица.

В отличие от «Задонщины», в «Слове» частица *ся* в ряде случаев употребляется в препозитивном положении, а если постпозитивно, то раздельно с этим словом.

Перехожу к сравнению особенностей синтаксиса «Задонщины» и «Слова».

Синтаксис «Задонщины», прежде всего, отличается почти полным отсутствием таких явлений, которые можно отнести к специфически книжным, специально литературным по употреблению. В «Задонщине» отсутствуют сложные по конструкции предложения с витиеватым, запутанным строем их частей, нет ни одного случая употребления оборота с дательным самостоятельным и т. д.

Простые предложения преобладают над сложными. Среди простых предложений занимают довольно большое место односоставные предложения. Среди односоставных больше всего определенно-личных предложений, в несколько меньшей степени ⟨представлены⟩ безличные предложения, среди которых преобладают инфинитивные.

В «Задонщине» большинство односоставных определенно-личных предложений имеет побудительное значение, причем чаще всего главный член в таких предложениях со значением призыва к совместному действию выражен формой 1-го лица множественного числа простого будущего времени.

В «Слове» такие случаи единичны.

В двусоставном предложении именное сказуемое в «Задонщине» употребляется чаще всего с глагольной связкой, в то время как в «Слове» такие случаи единичны.

В «Задонщине» категория принадлежности, когда она выражается именем существительным, выступает почти исключительно в форме родительного падежа, тогда как в «Слове», в отличие от «Задонщины», имеются обильные случаи дательного падежа принадлежности.

В «Задонщине» связь между однородными членами предложения осуществляется при помощи сочинительных союзов. Однородные подлежащие вообще не употребляются без союзов. В отличие от «Задонщины», в «Слове» чаще употребляется бессоюзное связывание однородных членов предложения. Хотя подлежащие в «Слове» так же, как и в «Задонщине», в большинстве случаев соединяются союзами, но в предложениях со многими однородными подлежащими, в противоположность «Задонщине», союз ⟨имеется⟩ только при последнем подлежащем или между парами однородных подлежащих.

Если перейти к другим особенностям, то нельзя не остановиться на вопросе о сравнительных оборотах «Задонщины» и «Слова». Лицам, знакомым с литературой по этому вопросу, все это известно.

Характерной особенностью «Задонщины», сближающей памятник с народно-поэтическим творчеством, является наличие отрицательных сравнений. Вероятно, отрицательные сравнения в «Задонщине» употребляются не без влияния «Слова о полку Игореве», где такие конструкции встречаются часто. Однако в «Задонщине», в отличие от «Слова», часто употребляется, по выражению В. П. Адриановой-Перетц, «трехчленная формула отрицательного сравне-

ния»:[108] «И притѣкоша сѣрые волцы... И то были не сѣрые волцы, приидоша поганые таторовя...»[109] И ряд других сравнений.

Такой трехчленной формулы отрицательных сравнений в «Слове» никогда не встречается. Если автор пользовался «Задонщиной» для составления «Слова», как он не соблазнился взять такой замечательный оборот?

Если перейти к характеристике особенностей сложного предложения в «Задонщине» и «Слове», то нужно сказать, что различие между «Словом» и «Задонщиной» здесь отражается в еще большей степени, чем в простом предложении. В «Слове» преобладают бессоюзные сложные предложения; с союзами имеется только 34 % всех предложений и с относительными словами — 2,5 %. В «Задонщине» бессоюзное соединение частей предложения встречается всего в семи предложениях (23 %), а предложений с союзами и относительными союзами — 77 %.

Как известно, для синтаксиса сложного предложения старшей поры древнерусского языка характерным являлось простое следование одного предложения за другим. В «Задонщине» такие предложения встречаются редко и почти исключительно в текстах, *возникших под влиянием «Слова о полку Игореве» (или заимствованных из него).*[110]

Вот тот текст, который берет Александр Александрович: «На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всеи земли Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ, звонять в колоколы вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ».[111]

И все другие случаи берутся таким же образом.

В «Задонщине» бессоюзные сложные предложения встречаются относительно редко, как я уже говорил, в противоположность «Слову», в котором, по подсчетам М. Н. Петерсона, бессоюзие преобладает — 63,5 %.[112]

---

[108] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 152—153.

[109] *У.* Л. 177 об.—178.

[110] *Испр., в стенограмме*: возникших (или заимствованных) под влиянием «Слова о полку Игореве».

[111] *У.* Л. 173 об.—174.

[112] *Петерсон М.* Синтаксис «Слова о полку Игореве». С. 548.

В «Задонщине» можно отметить подавляющее преобладание сложных предложений с сочинительной связью между частями предложения. Сочинение в «Слове» абсолютно преобладает над подчинением. В этом отношении оба памятника в какой-то степени сходны. В сложносочиненных предложениях и в «Задонщине», и в «Слове» чаще других сочинительных союзов употребляется союз *а*. Однако употребление союза *а* в «Задонщине» отличается от «Слова»: в «Задонщине» союз *а* часто употребляется в начинательном значении (15 случаев), в «Слове» значительно реже (9 случаев).

В «Задонщине» отсутствуют сложноподчиненные предложения таких типов, которые имеются в «Слове», но зато имеется ряд других конструкций.

Таким образом, как видите, строй «Задонщины» и строй «Слова» сильно отличаются друг от друга. И при этом ведь нужно учитывать, что каждый список не является полным отражением памятника. Но все говорит за то, что «Задонщина» является таким памятником, который создан под значительным влиянием «Слова о полку Игореве», а не наоборот, что доказывается тем, что в «Слове» (с моей, лингвистической, точки зрения) ясно отражается литературный язык старшей поры древнерусского языка. В «Задонщине» же отражается язык не XVI в., как думает Александр Александрович, а язык конца XIV в., когда только начинают появляться те особенности, которые не характерны для древнерусского языка старшей поры.

Кроме этих замечаний я еще хочу остановиться на вопросе о применении статистических методов, математических методов анализа в работе А. А. Зимина. Я сам не специалист в этом вопросе. Но у меня есть отзыв С. С. Зилитинкевича, математика, который пишет: «В книге А. А. Зимина делается попытка применения статистических методов анализа языка для доказательства языковой близости „Слова о полку Игореве“ к произведениям русской литературы XVIII в. В своих рассуждениях Зимин основывается на результатах подсчетов размеров предложений, выполненных для ряда текстов Г. А. Лесскисом.[113] Однако этим данным Зимин дает произвольное толкование, в результате чего и приходит к совершенно необоснованным заключениям. Достаточно сказать, что один из основных

[113] См.: *Лесскис Г. А.* О зависимости между размером предложения и характером текста // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 92—112.

результатов работы Лесскиса состоит в доказательстве именно невозможности использования рассматриваемых им статистических характеристик размера предложения для установления авторства или времени написания анализируемого текста.

Этот вывод является очевидным следствием представленных в статье Лесскиса таблиц.

Вот что пишет Лесскис (с. 104) по поводу таблицы 4, в которой ⟨им⟩ приведены основные характеристики размера предложений для сплошного авторского повествования: „Именно здесь представлены наибольшие индивидуальные отклонения от средней «нормы» в отношении всех параметров. И если можно использовать вероятностное распределение предложений в тексте по их размерам как показатель индивидуального стиля автора, то, конечно, эти индивидуальные особенности следует искать именно в сплошном авторском повествовании. Таких характерных индивидуальных особенностей обнаружить, однако, не удалось. Таблицы 4, 4а свидетельствуют скорее об индивидуальном характере распределения в каждом произведении, чем о единстве распределения предложений в разных произведениях одного писателя. Ср., например, основные данные по «Казакам» и «Войне и миру» Л. Толстого, по двум романам Достоевского, по трем романам Тургенева. Параметры «Казаков» несравненно ближе к параметрам «Преступления и наказания», чем к параметрам «Войны и мира». Даже в пределах одного романа — «Войны и мира» — эти параметры меняются от тома к тому и даже от части к части“.

Как же могло получиться, что, исходя из одних и тех же данных, Лесскис и Зимин делают фактически противоположные выводы? Метод, который позволяет Зимину получить заключение, благоприятное для его общей установки, очень прост. Из обширных таблиц Лесскиса, в которых проанализировано около 70 текстов, Зимин в своей работе приводит данные расчетов только по семи текстам (одну десятую часть всего материала), причем подбирает тексты для сравнения таким образом, чтобы данные расчетов свидетельствовали в пользу его гипотезы. Все остальные данные, т. е. девять десятых материала таблиц Лесскиса, им просто не принимаются во внимание. Понятно, что такой метод дает возможность очень легко „доказывать“ желаемые положения.

Для иллюстрации того, насколько непоказателен средний размер предложения с точки зрения возможности выяснения времени

написания анализируемого текста, лучше всего обратиться непосредственно к таблицам статьи Лесскиса. Из приведенных им данных (табл. 2, 3, 4) ясно, что для каждого периода русской литературы можно указать произведения, написанные как преимущественно длинными, так и преимущественно короткими предложениями. При этом колебания среднего размера предложения от произведения к произведению внутри периода, а иногда и колебания этого размера от произведения к произведению у одного автора (ср., например, «Кирджали» и «Барышню-крестьянку» Пушкина) заметно превосходят колебания средних значений рассматриваемых характеристик от периода к периоду.

Рассуждения Зимина, в которых он истолковывает данные о процентных соотношениях сплошного авторского повествования, авторских ремарок и речи персонажей как параметры, определяющие литературный стиль, характерный для времени написания текста, основаны на недоразумении. Без всяких расчетов понятно, что эти признаки характеризуют жанр произведения, а никак не время его написания (ср., например, научный отчет и драматическое произведение). Значение указанных признаков, приведенных в статье Лесскиса (табл. 1), полностью это подтверждает.

В дополнение к изложенным выше основным замечаниям укажу на одну сравнительно мелкую погрешность в рассуждениях Зимина, которая показательна в том отношении, что свидетельствует о непонимании им смысла используемых материалов. Обсуждая данные приводимой им таблицы 1, Зимин говорит о шести признаках, в то время как по существу признаков здесь всего четыре. Дело в том, что процентное содержание любого из трех рассматриваемых компонентов текста однозначно определяется значениями процентного содержания соответствующих двух других компонентов (все три компонента вместе составляют 100 % текста).

Подводя итог, следует сказать, что получение информации о времени написания текста путем подсчета параметров распределения предложений по размерам, а также процентных отношений трех основных компонентов текста, практически невозможно. Подобные попытки имеют примерно такую же вероятность успеха, какую имела бы, например, попытка определения цвета волос неизвестного человека по размеру его обуви. Что же касается выводов Зимина о языковой близости „Слова о полку Игореве“ к литературе XVIII в., то

их следует рассматривать как произвольное высказывание, не подкрепленное никакими объективными данными».

И дальше идет приложение к отзыву: «Таблица значений среднего размера предложения для различных текстов». Эта таблица представляет собой извлечение из табл. 2, 3, 4 статьи Лесскиса.

(С МЕСТА. Чей это отзыв?)

⟨С. С.⟩ Зилитинкевича.

В заключение мне хотелось бы пожелать, чтобы Александр Александрович использовал бы в своей работе то, о чем он говорит на стр. 229, т. е. ⟨чтобы⟩ он действительно использовал бы достижения в области науки и, может быть, сам увеличил бы эти достижения для того, чтобы подтвердить лингвистическими данными вопросы происхождения, датировки и авторства «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».[114]

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ.

---

[114] На отдельном листе, предваряющем изложение выступления А. Н. Котляренко, его рукой написано: «Посылаю проверенный текст стенограммы моего выступления на совещании по обсуждению работы А. А. Зимина. А. Н. Котляренко. Ленинград, 12 мая 1964 г. Адрес: г. Ленинград, С—167, Невский пр., д. 153, кв. 10. А. Н. Котляренко».

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Правленый экземпляр
Ф. 457
оп. 3
ед. хр. 19

Индекс № 620

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

6 мая 1964 г.
Вечернее заседание

1. Д. С. Лихачев (оглашение отзывов[1]) . с. 1 (2)
2. А. Т. Николаева . . . . с. 3 (4)
3. С. В. Шервинский . . . . с. 7 (7)
4. Ф. Я. Прийма. . . . . с. 10 (10)
5. А. А. Валитова . . . . с. 16
6. А. Л. Монгайт . . . . с. 27 (16)[2]
7. В. Л. Янин . . . . с. 34 (35)
8. В. А. Кучкин . . . . с. 40 (44)
9. Акад. Б. А. Рыбаков (оглашение отзыва В. П. Адриановой-Перетц) . . . с. 48 (52)
10. Д. С. Лихачев (оглашение отзыва П. Н. Беркова) . . . . с. 56 (61)
11. А. А. Зимин . . . . с. 60 (63)
12. Т. А. Сумникова ⟨и др. по поводу выступления Зимина⟩ . . . . с. 140 (149)
13. Акад. Е. М. Жуков. ⟨Заключительное слово⟩ . . . . с. 147 (156)
⟨14. А. А. Зимин (перепечатанный набело после правки автора экземпляр). — Л. С.⟩ . . . . с. 162—235.

На 235 листах

---

[1] Точнее — «по поводу оглашения отзывов».

[2] Текст выступления А. А. Валитовой не включен в окончательную нумерацию, в связи с чем следующее за ней выступление А. Л. Монгайта начинается с 16-го листа. Чтобы общее число листов оказалось верным, текст выступления Монгайта пронумерован с пропусками номеров: лист, идущий после 18-го листа, пронумерован как 30-й.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

6 мая 1964 г.
Вечернее заседание

Председательствует акад. Е. М. Жуков.

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Товарищи, создалась такая ситуация, что часть товарищей опоздала записаться в список ораторов: таких опоздавших 8 человек. Может быть, предоставим этим товарищам, разумеется желающим, возможность выступить по пять минут?

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Разрешите несколько слов в порядке организации заседания.

Сюда не могли приехать крупнейшие специалисты из-за болезни — В. П. Адрианова-Перетц и проф. П. Н. Берков. В. П. Адрианова-Перетц более полугода работала над отзывом об исследовании «Слова о полку Игореве», ей за 80 лет, она пенсионер и делала это не по своим обязанностям, а из патриотических чувств. Как можно не прочесть ее отзыв, тем более что этот отзыв заранее был известен выступавшим здесь и мы по ряду пунктов, затронутых в ее отзыве, воздерживались говорить? В частности, об Апостоле 1307 г. Исследование этой истории в работе А. А. Зимина показывает его незнание ее основных фактов и литературы по этому вопросу. Если Апостола 1307 г. никогда не было и он не был увиден Мусиным-Пушкиным, а цитату из него Александр Александрович признает соответствующей «Слову о полку Игореве», то это прямое доказательство подлинности «Слова».

Во-вторых, проф. Берков, хотя не в таком возрасте, как В. П. Адрианова-Перетц (ему за 70 лет, тоже достаточно почтенный возраст), — болен, он писал свой отзыв, будучи больным, в постели, и из-за этого не смог даже перепечатать его на машинке. Он прислал свой труд сюда и рассчитывал, что он будет прочтен, а ведь проф. Берков — это крупнейший специалист по XVIII в.

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Я принимаю вашу аргументацию, я сам сторонник ⟨того⟩, чтобы прочесть эти отзывы, но какой их объем?

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Отзыв В. П. Адриановой Перетц 15 страниц, отзыв проф. Беркова — 30 страниц. Но там есть и такие части, которые соответствуют выступлениям В. Д. Кузьминой и других специалистов.

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Следовательно, будем читать, но, очевидно, с некоторыми исключениями.

Кто желает воспользоваться регламентом в пять минут? Слово предоставляется А. Т. Николаевой.

А. Т. НИКОЛАЕВА

Товарищи, за пять минут, отведенных мне для выступления, можно очень мало сказать, и я выскажу только главную свою мысль.

Дискуссия, проведенная по очень важной проблеме — о книге А. А. Зимина, посвященной вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве», прошла, по-моему, успешно, многое дала нам всем и, я думаю, еще больше дала А. А. Зимину. Что можно сказать о моем впечатлении относительно всех затронутых вопросов?

Я занимаюсь историей источниковедения. Вопросы историографии источниковедения всегда привлекают внимание в курсах источниковедения, истории СССР и других курсах. Я всегда, когда подходила к изучению памятника «Слово о полку Игореве», совершенно естественно касалась историографических вопросов, связанных со «Словом», посвященных атрибуции этого памятника.

Как этот вопрос ставился и разрешался? Так, как он у нас в литературе до сих пор ставился и разрешался, т. е. что это памятник XII в., и мнение крупнейших литературоведов по этому вопросу как будто было всеми принято. Что касается мнения Мазона, то об этом говорили как о наскоке на общее установившееся мнение.

После написания книги А. А. Зимина положение изменилось. А. А. Зимин не только подвергает сомнению датировку «Слова» XII в., а приводит очень много доказательств, говорящих о том, что «Сло-

во» возникло позднее XII в. Правда, многие из его доказательств на этом совещании подверглись критике, высказан был ряд замечаний, которые, по-моему, полностью не опровергали мнение Зимина. В пользу точки зрения А. А. Зимина был также высказан ряд доводов.

И это произошло не потому, что наука о «Слове» так мало сделала, — нет, совсем не поэтому, а потому, что «Слово» — это очень сложный памятник, и, очевидно, еще нужно очень много работать для того, чтобы окончательно установить истину. Очевидно, с выходом работы А. А. Зимина — а ее опубликовать необходимо — научная дискуссия, начатая здесь, продолжится на страницах печати.

В настоящее время мы уже не можем говорить об одном мнении по вопросу о времени написания «Слова». Сейчас можно говорить о двух мнениях, о новой гипотезе А. А. Зимина, которая имеет доказательства, несмотря на большое количество возражений.

Может быть, потому, что трудно на слух воспринимать текстологический анализ, но возражения против текстологического анализа А. А. Зимина, данные О. В. Твороговым, по-моему, неубедительны. А работу А. А. Зимина я читала, поэтому его доводы воспринимала не на слух, а текстологический анализ нужно не слушать, а читать и видеть.

Мне кажется, что в дальнейшем историография по «Слову» выйдет на новый этап развития в связи с опубликованием работы А. А. Зимина. Тогда, когда будет дискуссия по этому вопросу на страницах печати, она поможет установлению истины. Опубликовать эту работу совершенно необходимо, это поможет дальнейшей работе над «Словом».[3]

Е. М. ЖУКОВ

Слово имеет С. В. Шервинский.

С. В. ШЕРВИНСКИЙ

Я позволю себе обратить внимание на одну сторону ⟨вопроса⟩, которая до сих пор не была отмечена в нашей дискуссии, а именно — на творческие моменты в связи с предполагаемым авторством Иоиля.

---

[3] Текст выступления подписан А. Т. Николаевой с указанием даты: 7.05.1964.

А. А. Зимин в своей работе не учел того, что имеет дело с художественным произведением, на что ему прекрасно указала в своем выступлении А. П. Евгеньева.

В самом деле, довольно трудно представить себе реально, как мог творить Иоиль. Сам Александр Александрович подчеркивает гениальность «Слова о полку Игореве», говорит о том, что это не подделка, а подлинное художественное произведение, и вместе с тем на каждом шагу в его книге мы встречаем высказывания вроде: «Выражение „древо ⟨с тугою⟩ къ земли преклонилось“ взято автором из Задонщины».[4] А. А. Зимин не щадит и «Задонщину»: «если бы Задонщина составлялась по образцу Слова» и т. д.[5] (подчеркнуто мною. — *С. Ш.*). Я не имею возможности в свои пять минут перечислить все места, где говорится о том, как используются предполагаемым автором отдельные слова, отдельные выражения. Весь труд Иоиля в освещении А. А. Зимина представляется как некая мозаичная работа, где одно заимствовано, другое переделано, третье включено и т. д.

Однако подлинно художественное поэтическое произведение так не создается. Так не бывает на свете, тем более при создании произведения, которое сам Александр Александрович называет произведением гениальным. Процесс поэтического творчества в основе своей синтетичен, неделим, и представлять себе этот процесс «подбиранием» отдельных заимствованных элементов нельзя. Однако мимо стороны творческой, мимо уяснения самого процесса работы Иоиля, — если бы он написал «Слово», — невозможно пройти, но делать это следовало бы с более продуманных позиций.

Поэтическое творчество имеет не только свое эстетическое и эмоциональное значение; ученому-исследователю подобало бы считаться с тем, что поэтическое творчество имеет свои законы и для их постижения нужно иметь соответствующие знания, соответствующее понимание, не говоря уже о художественном вкусе, на который Николай Калликикович ⟨Гудзий⟩ указывал в своей статье по отношению к Мазону.[6]

---

[4] Ср.: *Зимин-1.* Т. 1. С. 272.

[5] Там же. Т. 2. С. 273.

[6] Н. К. Гудзий пишет: «Нужно учинить насилие над своим эстетическим вкусом для того, чтобы не то что ставить рядом в художественном отношении оба эти памятника, но даже отдавать явное предпочтение „Задонщине“ хотя бы по Кирил-

Таким образом, с точки зрения предметного литературоведения, т. е. литературоведения, занимающегося исследованием памятника как такового, *работа А. А. Зимина представляется мне дилетантской.* Александр Александрович выслушал много упреков по линии филологии, в частности языковедения, пусть же он выслушает упрек и от человека, который знает лабораторию поэтического труда.

Еще одно замечание частного характера: трудно представить себе, как Иоиль — будь он автором «Слова» — приступил к своему труду. Есть у Александра Александровича фраза, вызывающая прямое недоумение: «Заинтересовавшись темой о походе Игоря, Быковский обратился к Ипатьевской летописи».[7] Спрашивается, каким образом он заинтересовался этой темой, откуда он мог почерпнуть сведения, как мог он увлечься этой темой, когда еще не знал летописи, — ведь он только после этого обратился к летописному материалу.

Итак, А. А. Зимин не учел в своей работе основ поэтического творчества, поэтому и с этой точки зрения его труд является также неудовлетворительным.[8]

Е. М. ЖУКОВ

Слово имеет Ф. Я. Прийма.

Ф. Я. ПРИЙМА

Товарищи, скептическое отношение к «Слову» в научной мысли вовсе не предосудительно. Я допускаю, что скептицизм в отношении «Слова» может проявляться в нашей научной среде, но нужно сказать, что он по отношению к «Слову» на протяжении более 150 лет его существования в научном сознании проявлялся по-разному. Возьмите главу скептической школы прошлого века ⟨М. Т.⟩ Каченовского. Его скептицизм был чрезвычайно осторожный. «Если „Слово“

ло-Белозерскому списку и, отказывая „Слову“ в связности его композиции и в поэтической ясности, усматривать все это безоговорочно в „Задонщине“» (*Гудзий Н. К.* По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 85).

[7] *Зимин-1.* Т. 2. С. 388.

[8] На последней странице выступления С. В. Шервинского его запись: «С указанными поправками можно печатать. С. Шервинский. 29 мая 1964 г.».

действительно принадлежит XII в.», — вот в каких сдержанных выражениях проявлялся скептицизм Каченовского.[9]

Каченовский не изложил свой скептицизм в сводной работе, хотя и собирался это сделать, потому что чувствовал трудности изложения своих взглядов как системы. Почему? Потому что, создавая серьезный научный труд, всегда во всяком процессе проявления скептицизма нужно проявлять скептицизм и по отношению к самому скептицизму. Есть неплохая испанская поговорка, что нужно сомневаться в самом сомнении.

У Александра Александровича Зимина скептицизм по отношению к своему собственному скептицизму абсолютно отсутствует, и это главный порок его работы.

И далее. Мы знаем, что скептицизм по отношению к «Слову» на протяжении 150 с лишним лет его существования, если не считать Мазона, затрагивал лишь отдельные стороны, части и термины произведения.

У Александра Александровича Зимина попытка необычайно больших масштабов: раз и навсегда отвергнуть без всяких сомнений существование «Слова», отвергнуть существование даже каких-либо, может быть, древних элементов и фрагментов, на основании которых оно было позднее составлено.

Можно допустить, что такая попытка тоже имеет право на существование, но она должна быть обоснована с исключительной строгостью, исключительной ответственностью, чего, к сожалению, нельзя сказать о работе Александра Александровича. Эта работа на всем ее протяжении тенденциозна. Она отбрасывает все, не укладывающееся в наперед заданную автором схему; она характеризуется предвзятостью и тенденциозностью в худшем смысле этого слова.

Возьмем такой вопрос, как судьбы «Слова» в первые два десятилетия его существования. Как изображает это дело Александр Александрович?

Мусин-Пушкин — царедворец, своеобразный авантюрист и фальсификатор. Это ответственное заявление, надо его обосновать. Есть это обоснование? Нет, его нет.

---

[9] Точная цитата: «...ежели песнь сия в самом деле есть остаток отдаленной древности» (*Каченовский М. Т.* Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия // Труды Общества любителей российской словесности. М., 1812. Ч. 1. С. 20).

Если заняться серьезно вопросом о первых годах бытования «Слова» в научной мысли, надо затронуть лиц, которые имели отношение к изданию, к его первому восприятию, таких лиц, как ⟨А. И.⟩ Ермолаев, ⟨П. Ф.⟩ Калайдович и ряд других.

Что мы имеем у А. А. Зимина о Калайдовиче? Даже перепутаны Калайдовичи. Здесь Александр Александрович выдает Петра Федоровича Калайдовича за Константина Калайдовича, приписывая ему в 1812 г. первый запрос о том, каким языком написано «Слово».[10]

Нельзя так безответственно относиться к такому серьезному вопросу, как восприятие «Слова», и к такой теме, как ⟨К. Ф.⟩ Калайдович, который произвел первую попытку проверки достоверности сведений о «Слове», его издании и т. д.

Далее, освещение судьбы «Слова» в русской научной мысли насквозь тенденциозно. Приводится статья ⟨И.⟩ Беликова,[11] жалкая, несостоятельная и давно отвергнутая в науке, которая выдается за бог весть какое важное приобретение в изучении памятника.

Искусственно увеличивается список скептиков «Слова». ⟨О. М.⟩ Бодянский в молодости был скептиком, собственно, скептиком особого рода, поскольку он относил «Слово» к XIV в. Но есть ведь и Бодянский 1846 г., автор статьи о Даждьбоге, где он высказывается по-другому, высказывает другие взгляды, отнюдь не скептического толка.[12]

Вопрос о Пушкине тенденциозно подан. Его связь с Мериме — этот вопрос тоже необычайно сложный и, собственно, не имеющий отношения к теме А. А. Зимина. Пушкин не верил, что это истинное произведение славянского фольклора, хотя бы потому, что имел дело с прозаическим переводом славянской народной поэзии на

---

[10] *Зимин-1.* Т. 3. С. 487—488. А. А. Зимин, указывая, что К. Ф. Калайдович сделал в Обществе любителей российской словесности при Московском университете (ОРЛС) доклад о языке, на котором была написана Песнь о полку Игореве, сослался на: Труды ОРЛС. М., 1812. Ч. 4. С. 159, 177—181. Между тем здесь напечатан письменный вопрос его брата П. Ф. Калайдовича о языке «Слова», на который и предложил свой ответ К. Ф. Калайдович (см.: Труды ОРЛС. М., 1818. Ч. 2. С. 1—32).

[11] *Беликов И.* Некоторые исследования Слова о полку Игореве // Ученые записки Московского университета. М., 1834. Ч. 5, № 8. С. 457—458.

[12] *Бодянский О. М.* Об одном Прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств, Хорса и Даждьбога // *ЧОИДР.* 1846. № 2. С. 14—15.

французский язык. К данной теме это непосредственного отношения не имеет.

Далее: злоупотребление статистическими средствами или методами. Статистика в данном случае вещь необычайно опасная. Здесь некоторые товарищи, развивая взгляды Александра Александровича, говорили, что, например, слово «сабля» встречается только несколько раз в русских летописях, а в «Слове» встречается часто.[13] Но при чем здесь статистика? Мало ли какое слово сколько раз ⟨где⟩ встречается. Слово «лапоть» не встречается в летописях, хотя есть слово «лапотник», по которому можно думать, что не только в XII в., но и ранее существовало в русском языке слово «лапоть». Слово «князь» встречается тысячу раз, но значит ли это, что слово «лапоть» нужно брать под подозрение, а слово «князь» признавать за слово, более полно представляющее древнерусскую культуру и древнерусский язык?

Теперь вопрос, которого касались здесь некоторые выступающие. «Слово о полку Игореве» — художественное произведение, и нельзя к нему предъявлять такие требования, какие предъявляются к произведениям деловой прозы или к летописям. Здесь обвинялся автор «Слова» в том, что он плохо знает историю. Но ведь все художественные произведения — от «Песни о Роланде» и до исторических украинских дум, до «Тараса Бульбы» Гоголя, если предъявлять к ним такие требования, не выдержат этого экзамена. Такой подход к «Слову о полку Игореве» я бы считал несерьезным.

Текстологическая часть работы Александра Александровича Зимина по «Слову» не отличается убедительностью. Но допустим, что текстологический анализ привел Александра Александровича к выводу, что «Слово» зависит от «Задонщины». Допустим, но ведь существуют и другие методы проверки этого текстологического вывода. Я имею в виду анализ художественной системы произведения как целого.

Я не имею возможности развернуть систему доказательств, но для меня достаточно ясно, что, если бы Александр Александрович провел анализ этих двух произведений как художественных, он бы убедился в обратном.

«Испити шеломом Дону» в «Задонщине». Это выражение может быть употреблено лишь для ⟨обозначения⟩ разведывательных акций.

---

[13] Имеется в виду выступление В. Б. Вилинбахова.

Это не просто испить воды. Это значит отправиться на территорию, за пределами досягаемости находящуюся, а не в места, находящиеся в пределах Московского государства, как это было с Димитрием Донским. В данном случае «Задонщина» даже на таком маленьком примере показывает свою зависимость от «Слова», а не наоборот.

Думаю, что настоящее заседание не может решительно отвергнуть или погасить скептическое настроение по отношению к «Слову о полку Игореве». Вопрос этот будет, вероятно, дискутироваться и в дальнейшем.

Но мне кажется, что на настоящем собрании в достаточной мере выяснено одно, а именно, что работа А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» — работа тенденциозная, изобилующая массой ошибок, работа безответственная, если учитывать всю ответственность этой темы.

Думаю, что вопрос, печатать эту работу или не печатать, — праздный для настоящего заседания. Если даже и допустить возможность опубликования (я присоединяюсь к мысли, что работы такого типа, может быть, и следовало бы публиковать), но только не в таком виде, в каком она нам представлена. Если бы даже было вынесено решение об опубликовании этой работы и А. А. Зимин согласился бы ее переработать и доработать, то на это потребовалось бы очень много времени. Поэтому решать вопрос о судьбе книги А. А. Зимина на данном собрании нет необходимости.[14]

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Слово предоставляется т. Валитовой.

А. А. ВАЛИТОВА

Я внимательно и с интересом прочитала книгу А. А. Зимина «Слово о полку Игореве», в которую он вложил немало труда. Но у меня создалось впечатление, что в отношении восточных элементов лексики «Слова», ориентализмов — очень важного датирующего признака — А. А. Зимин не проявил необходимой для любого исследователя научной осторожности, непременно стремясь доказать, что ориентализмы являются словами позднего происхождения.

---

[14] Текст выступления подписан Ф. Я. Приймой с указанием даты: 6.05.1964 г.

Между тем конкретный фактический материал, — как наличие этнографических картин и фольклорных мотивов половецкого эпоса в «Слове», так и значительное количество лексических заимствований из тюркских языков (или через посредство тюркских языков), — ведет с неизбежностью к кругу печенежско-булгарской этнической культуры и языковой стихии. И это доказали исследования многих тюркологов, как русских и советских, так и зарубежных. Об этом вчера очень подробно, обстоятельно и доказательно рассказал в своем выступлении Н. А. Баскаков.

В своем стремлении непременно доказать позднее происхождение ориентализмов А. А. Зимин упирает на некоторые расхождения среди тюркологов в толковании того или иного слова. Эти расхождения естественны при изучении слов из памятника XII в., причем в передаче — своеобразной транскрипции — на совершенно ином, неродственном языке, да еще учитывая возможность искажения переписчиков списков, которые, естественно, стремились по-своему истолковать непонятные им слова. Отсюда из тюркского *бойла* — 'военачальник', упоминавшегося еще в орхоно-енисейских памятниках VI—VIII вв. (например, в памятнике Тонъюкука, советника Гудулу-кагана), образовались черниговские «были», из *äрбуга* — 'воин', 'молодец', 'богатырь' — образовались русские «ревуги». И такое осмысление совершенно закономерно. Но оно сильно затрудняет современным исследователям-тюркологам конкретное воссоздание точного звучания и перевода слова. Отсюда и разница в этимологиях.

Но, как совершенно правильно сказал вчера проф. Ф. П. Филин, эти расхождения ориенталистов никак не могут дать право А. А. Зимину относить «Слово» к позднейшему времени.

В самом деле, ведь при всех расхождениях в толковании того или иного слова все этимологии, которые даны тюркологами, исходят не из позднего турецкого языка, а из языка печенежско-булгаро-огузской среды и тюркоязычных памятников VI—VIII и XI—XII вв., вернее, в большинстве случаев они ⟨тюркские слова⟩ датируются этими памятниками.

Перейдем конкретно к тем тюркизмам, которые А. А. Зимин в своей книге относит к разряду поздних лексических элементов:

1) Первое слово — *харалужный*. На стр. 293 А. А. Зимин пишет, что «слово „харалуг“ чагатайского происхождения, т. е. относится к монгольскому времени». Но такое категорическое утверждение

неточно. Термин *чагатайский* относится действительно к монгольскому времени, но язык, условно названный тюркологами чагатайским, ведь не возник сразу по мановению волшебного жезла в монгольскую эпоху, он продолжал естественное развитие языка предшествующего периода, и слово *харалуг* (или его неискаженное соответствие) там, конечно, имелось. Н. А. Баскаков говорит, что это наиболее трудное для тюркологов слово, но оно, видимо, связано или со словом *карлук*[15] — название племени, или со словом *каралык* — от *кара* — 'черный' и обозначает черную вороненую сталь. Слова *кара*, *каралык* — очень древние и встречаются в самых ранних тюркоязычных памятниках. В. Ф. Ржига производит это слово от *хараблуг* — 'гибельный' (арабское слово *хараб* (خراب) — 'разрушение', 'гибель'), что сомнительно. Но даже если принять его этимологию, она не ведет к позднему турецкому языку. Слово *хараб* имеется и в памятниках XI—XII вв. — «Кутадгу билиг» («Книга счастья») ⟨Юсуфа Баласагунского ⟩ и «Хибат ал-Хакаик» («Подарок истин») ⟨А. Югнаки⟩. Таким образом, оба совершенно различных толкования не выходят из хронологических рамок XII в.

2) Второе слово — *шерешиpы* (персидское *тир-и-черх* — تیر چرخ). На стр. 298 А. А. Зимин пишет, что *тир-и-черх* означает снаряды с горючим составом, а на стр. 299 приводит объяснение словаря Бурхана Кати[16] (1651—1652 гг.): «Это предмет вроде воздушной стрелы, который делают из железа, внутренность его наполняют порохом и, зажегши, мечут на врага». А раз порох, следовательно, подразумевается, что это — оружие позднего времени. Следовательно, самый термин относится к позднему времени.

---

[15] *Карлуки* — этноним, название племенного союза, господствовавшего в Семиречье в IX—X вв., в период, предшествовавший образованию Караханидского государства. См.: *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943. — *Примеч. А. А. Валитовой.*

[16] В книге А. А. Зимина — «В словаре „Бурхан Кати" (1651—1652 гг.)...». Имеется в виду толковый словарь персидского языка под названием «Бурхан-и кати» (بر هان قاطع), что буквально значит «Решительный довод». Автор этого словаря — Мухаммад Хусайн Халаф Табризи, в качестве даты создания своего труда он указывает 1062 год хиджры, что соответствует 1651—1652 гг. нашего летоисчисления (см.: *Rieu Ch.* Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1881. Vol. II. P. 500). «Бурхан-и кати» был одним из самых популярных и читаемых словарей своего времени и активно переписывался во многих мусульманских странах.

Между тем персидское название *тир-и-черх* буквально значит 'стрела колеса', т. е. катапульта. Другое дело, **как осмыслялся этот термин в разное время**.[17] «Стрела колеса», как мне объяснил вчера Б. А. Рыбаков, — это первоначально катапульта.

(Б. А. РЫБАКОВ. Это может быть арбалет, может быть катапульта.)

А это уже меняет дело. Ведь стрела, пущенная из такого приспособления, первоначально могла быть просто стрелой из колеса, стрелой, ничем не начиненной, она могла существовать и в ранний период. Затем ее усовершенствовали и начинили горючей жидкостью: русск. '*смага*', тюркск. *qara jaγ* — 'черное масло', 'нафта', 'нефть', как упоминает в XI в. Махмуд Кашгарский в «Диван лугат ат-тюрк». Впоследствии нефть, видимо, заменили порохом, но это не меняет того, что автор в XII в. мог знать метательное орудие *тир-и-черх* — в русском произношении *шереширы*, которое, по свидетельству ираниста О. И. Смирновой, упомянуто еще в «Шах-Наме» (XI в.).

(Акад. Е. М. ЖУКОВ. Ваше время истекает.)

(А. В. АРЦИХОВСКИЙ. Очень важный, интересный вопрос!)

Славистов выступало очень много, а востоковедов только двое.

О. И. Смирнова хорошо знает «Шах-Наме» — она была одним из составителей критического текста I тома «Шах-Наме» и составителем критического текста III тома «Шах-Наме», — поэтому на ее свидетельство можно положиться.

Таким образом, слово *шереширы* тоже не является поздним лексическим элементом.

3) Перечисление состава войска черниговского князя Ярослава, состоявшего из тюркских (огузских) племен ковуев (были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы), если брать обобщенно, толковался в основном в двух планах: С. Е. Маловым — как «перечисления титулов, чинов или, скорее, прозвищ высоких лиц из тюрков, древних соседей русских»,[18] и как этнонимы — перечисление названий племен и племенных подразделений, — об этом говорили

---

[17] *Испр., вместо текста, заключенного в звездочки, в стенограмме читается*: какое осмысление вкладывалось в развитие этого оружия, в понятие этого термина.

[18] *Малов С. Е.* Тюркизмы в Слове о полку Игореве // *ИОЛЯ*. М., 1946. Т. 5, вып. 2. С. 130. — *Примеч. А. А. Валитовой*.

П. М. Мелиоранский,[19] Л. Рашоньи[20] и др. Н. А. Баскаков в своем вчерашнем выступлении, подробно рассматривая каждый термин, считал возможным иногда принять социальное, иногда этническое толкование, и мне кажется, что он в этом отношении прав. Я совершенно согласна в этом вопросе с Н. А. Баскаковым, хотя некоторое различие в толковании самих терминов у нас есть. Например, по терминам *татран*, *топчак* и др.

И толкование С. Е. Малова, и толкование Л. Рашоньи не противоречат друг другу, так как социально-политические и военные термины в истории этногенеза тюркоязычных народов очень часто переходят один в другой. И это вполне закономерно. Например, *черик* — 'войско' и *черик* — племя у киргизов; *юз* или *жуз* — 'войсковое подразделение, сотня' и названия племен и племенных объединений у узбеков и казахов (юзы, Большой жуз и Малый жуз — Большая Орда и Малая Орда у казахов).

Так могло произойти и здесь: термины, упомянутые при перечислении ⟨в стенограмме: в составе⟩ войск князя Ярослава, могли означать должностные звания и чины, а позже превратиться в племенные названия. Мы же сейчас можем реконструировать их и так и иначе, ибо в словарях тюркских языков и в тюркоязычных памятниках эти термины приходится отыскивать по крупицам.

Так, для загадочного до сих пор термина *татран* можно предложить два наиболее вероятных решения: 1) *татран* может представлятъ собой соединение двух слов: *тат* ('иноплеменник', 'припущенник', 'данник') + *äран* ('богатырь', 'муж', 'воин'), т. е. обозначение отряда воинов, состоящего из представителей иных племен, чем племя ковуев, которое составляло союзное войско князя Ярослава. Таких примеров, когда в войсках тюркских предводителей VI—XII вв. находились зависимые отряды, сформированные из пленных, рабов, клиентов или наемников, можно привести сколько угодно, например,

---

[19] *Мелиоранский П. М.* 1) Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // *ИОРЯС*. 1902. Т. 7, кн. 2. С. 273—302; 2) Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» // Там же. Т. 10, кн. 2. С. 66—92.

[20] *Rásonyi L.* Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве» // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1936. Vol. 8. S. 293—299; то же в отд. отт.: Заметки к «Слову о полку Игореве»: Прил. I к сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемому Институтом им. Н. П. Кондакова (= Notes sur la «Chanson d'Igor»: Supplément I au Seminarium Kondakovianum). ⟨Praha⟩, 1936. Т. 8. С. 3—9.

киргизы, уйгуры, отуз-татары — в войсках тюркских каганов, о которых сообщается в рунических стелах VI—VIII вв., отряды карлуков и чигилей в Караханидском государстве XI—XII вв., отряды рабов гулямов у Махмуда Газневида, разноплеменные отряды у сельджуков Средней Азии, а позже у Сельджукидов Малой Азии.

Второе возможное толкование термина *татран* мне кажется менее приемлемым, но все-таки я его приведу. В словаре Махмуда Кашгарского я нашла слово *tatyr* — 'равнина', 'степь'. Отсюда возможно, что *татран* можно толковать как 'степняки', подобно славянскому племени *поляне* (от *поле*).

Затем термин *топчак*, о котором А. А. Зимин пишет: «Как установил С. Е. Малов, „топчаки" происходят от тюркского слова „топчи", что означает пушкарь» (с. 304). Поскольку пушкарь мог появиться лишь в XVI в., значит, по мнению Зимина, и слово *топчак* — по́зднее. Но С. Е. Малов пишет иначе, чем сообщает А. А. Зимин. С. Е. Малов пишет очень осторожно: «...нельзя ли думать, что здесь имеется что-либо похожее на *topčy / topči* (турецк., уйгурск.) — пушкарь, артиллерист. Ср. еще чувашск. *tĕpčĕk* — наследник, младший сын, наследующий отцовский дом и имущество ⟨...⟩; киргизск. *taptan* — быть во всеоружии».[21]

Следовательно, С. Е. Малов не у с т а н о в и л, а только осторожно п р е д п о л о ж и л, привел эту этимологию как одну из возможных в числе ряда других этимологических сопоставлений. Следовательно, *топчи* даже в устах человека, который предложил это толкование, не является обязательным. Да и трудно это категорически утверждать, так как *топчак* и *топчи* — все-таки совершенно разные слова, и, кроме того, слово *топчи* переводится не только как «пушкарь». Ведь топ / туп — это «мяч», «ядро», а метать ядра могли не только пушки, но и более ранние метательные орудия. Наконец, этимология *топчак*, предложенная П. М. Мелиоранским, — «конь» как название племени очень вероятна (*топчак* в тюркоязычных памятниках означает «рослый конь»).[22] Дело в том, что у тюрок существовал культ коня, а образование этнонимов из названий тотемных животных у тюркских племен встречается сплошь и рядом. Например, *огузы* /

---

[21] *Малов С. Е.* Тюркизмы в Слове о полку Игореве. С. 135. — *Примеч. А. А. Валитовой.* Цитата сверена и выправлена по статье С. Е. Малова.

[22] *Мелиоранский П. М.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». С. 286—287.

гузы от слова «бык», так как бык был тотемом некоторых тюркских племен; киргизские племена *бугу* — от «олень», *сары багыш* — от «лось»; этноним кумандинцы от *куу* — «лебедь». Этноним башкир, возможно, произошел от *баш курд* — «матерый волк». О том, что волк являлся тотемом тюркских племен, писали многие тюркологи (Н. А. Аристов,[23] В. А. Гордлевский[24] и др.). Я могла бы привести много сопоставлений, но считаю, что и приведенных достаточно.

Итак, нет достаточных оснований для утверждений, что слово *топчак* — позднее заимствование. Если бы А. А. Зимин был знаком с этнографией тюркских племен и народов, с принципом образования этнонимов, он не стал бы так категорически отвергать этимологию П. М. Мелиоранского.[25]

Но главное, что мне хотелось здесь отметить: все эти возможные толкования объясняются из памятников VI—XII вв., связанных с огузо-кыпчакской языковой средой, и никак не объяснимы из турецко-османского языка XVIII в.

Характерно, что мысль вывести тюркизмы «Слова о полку Игореве» из турецкого языка не пришла в голову ни одному тюркологу, — настолько это фонетически разные явления. Это мог предположить только русист, которому трудно себе представить, какая значительная разница между этими двумя ветвями тюркских языков. Здесь, может быть, сыграло роль еще и то обстоятельство, что в востоковедении до Октябрьской революции (и даже позже) термины «тюркский» и «турецкий» не различались. Поэтому работы П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша[26] именовались, например, «Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве» и все тюркские слова и тюркоязычные народы и племена названы там турецкими.

Подводя итоги, следует сказать, что изучение восточных лексических элементов показывает их тесную — как лексическую, так и

---

[23] *Аристов Н. А.* О земле Половецкой: (Историко-географический очерк) // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Киев, 1877. С. 209—234; отд. отт.: Киев, 1877.

[24] *Гордлевский В. А.* Что такое «босый волк»?: (К толкованию «Слова о полку Игореве») // *ИОЛЯ*. 1947. Т. 6, вып. 4. С. 317—337.

[25] См.: *Зимин-1*. Т. 2. С. 304.

[26] *Корш Ф. Е.* 1) Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»: (Заметки к исследованию П. Мелиоранского) // *ИОРЯС*. 1903. Т. 8, кн. 4. С. 1—58; 2) По поводу второй статьи проф. П. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» // Там же. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 259—315.

фонетическую — связь с половецкой (кыпчакской) и булгаро-чувашской языковой стихией, раскрывает, что ориентализмы «Слова» не могут явиться результатом искусственной стилизации Иоиля Быковского, да еще через посредство турецкого языка XVIII в., с элементами которого, по мысли А. А. Зимина, познакомил Быковского преподаватель Ф. Эмин, побывавший в Турции. Касаясь попыток отнести этот памятник к позднему времени, выдающийся советский тюрколог С. Е. Малов, на которого неоднократно ссылается А. А. Зимин, еще в 1946 г. в заключении своей статьи о тюркизмах в «Слове», подчеркивая лексическую и фонетическую приуроченность их к тюркским языкам раннего периода, писал: «Я не могу себе представить, чтобы можно было впоследствии выдумать кому-либо эти слова или восстановить их давнюю природу».[27]

Наконец, очень субъективным является утверждение А. А. Зимина, что в «Слове» совершенно нет живых впечатлений современника, что все произведение носит книжный характер. Наоборот, как уже отмечали многие тюркологи, автор его обнаружил прекрасное знание особенностей жизни степняков-половцев. В его произведении непосредственно и живо отразились картины быта половцев-кыпчаков, этнографические детали и реалии, колорит привольных степных кочевий, или «аромат степи», как нередко образно говорили исследователи. В свое время академик В. А. Гордлевский писал: «Когда „Слово о полку Игореве“ говорит о половцах, обнаруживается понимание степной обстановки; это не литературный пересказ, жизнь степняка воспринимается как что-то близкое автору».[28] Тотемистические воззрения тюркских племен (культ волка, быка и лебедя), эпические сюжеты и мотивы, характерные для сказаний тюркоязычных народов, отразившиеся в «Слове», также свидетельствуют, что его автор хорошо знал половецкий фольклор.

Наконец, об ответственности ученого перед народом. Поскольку настоящая книга (хотел того А. А. Зимин или не хотел) является попыткой опровергнуть достижения русской и советской филологической науки в области изучения «Слова» (как русистов, так и тюр-

---

[27] *Малов С. Е.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». С. 139.

[28] *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения. М., 1961. Т. 2. С. 490. — *Примеч. А. А. Валитовой.* Имеется в виду статья В. А. Гордлевского «Что такое „босый волк“? (К толкованию «Слова о полку Игореве»)».

кологов), то, мне кажется, для этого следовало бы иметь гораздо большие основания, чем просто логические построения. Например, если бы была найдена новая датированная рукопись «Слова». Вначале, когда я услышала о работе А. А. Зимина, я так и подумала.

Иначе на каждое построение А. А. Зимина последует не менее, а часто более веское возражение, как это и сделали выступавшие на дискуссии специалисты по «Слову» — Н. К. Гудзий, Д. С. Лихачев, В. Д. Кузьмина и др.

Я хотела бы высказать некоторые общие соображения по работе А. А. Зимина, исходя из материала литературы народов Средней Азии. Конечно, аналогия не доказательство, но кое-что прояснить она может.

I. Об уединенности и обособленности «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе XII в., которое А. А. Зимин постоянно подчеркивает. Но ведь в таком же положении оказались многие памятники Средневековья. Например, точно так же произошло с первым произведением светской мусульманской литературы на тюркском языке — дидактической поэмой XI в. «Книга счастья» («Кутадгу билиг»).[29] От предшествующего «Кутадгу билиг» периода никакой светской литературы не сохранилось, сохранились только эпиграфические памятники — надгробные стелы тюркских каганов на Орхоне и Енисее и перевод буддийских сутр на тюркский язык в Восточном Туркестане. А поэма «Книга счастья» — произведение высокоразвитой литературы, с отточенным стихом, с удивительно точным и сложным размером в метре *аруз*, с отработанными поэтическими тропами и фигурами. Ясно, что она возникла не на пустом месте, а, подобно «Слову», продолжает развитие литературы, памятники которой в силу разных исторических причин (пожары, нашествия и пр.) до нас не дошли. И если б случилось так, что от «Книги счастья» сохранилось не три списка (причем, к счастью, и сама поэма, и один из списков датированы), то это произведение постигла бы, видимо, участь «Слова». Чрезмерные скептики стали бы сомневаться,

[29] Этой поэме Юсуфа Баласагунского (или Баласагуни) была посвящена кандидатская диссертация А. А. Валитовой. См.: *Валитова А. А.* Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу билиг»: Автореф. дисс. ⟨...⟩ канд. филол. наук. М., 1951. Монография по теме диссертации издана: *Валитова А. А.* О некоторых поэтических особенностях «Кутадгу билиг». М., 1960.

что в XI в. в Кашгаре из кочевых тюркских племен вышел человек, блестящий мыслитель и поэт, который следовал учению Аристотеля, знал Эвклида, был учеником Авиценны и мог написать такую философскую поэму. Но создание этой поэмы — литературный факт, и я не сомневаюсь, что со «Словом о полку Игореве» дело обстоит почти так же. Тем более что у «Слова», в отличие от «Книги счастья», сохранились такие замечательные предшественники, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучения» Кирилла Туровского и др.

II. Вопрос о регрессе в литературном развитии. А. А. Зимин считает, что если признать «Слово» памятником XII в., то последующее развитие русской литературы следует считать регрессом. Может быть, известное торможение и было. Н. К. Гудзий по этому поводу уже привел высказывание А. И. Герцена о губительном влиянии монгольского нашествия на развитие русской культуры. Мне хотелось бы добавить к этому еще вот что: не звучит ли положение А. А. Зимина в данном случае несколько прямолинейно и упрощенно? Ведь процесс литературного движения — очень многогранное, противоречивое и сложное явление. Бывает так, что в совершенно различных конкретно-исторических условиях у того или иного народа рождается яркая творческая личность, по сравнению с которой несколько блекнут остальные писатели. Вспомните, например, такую поэтическую вершину, как Алишер Навои (XV в.) в узбекской литературе, или Махтум Кули (XVIII в.) в туркменской литературе. Ведь в последующий период на протяжении всей истории дореволюционной литературы этих народов таких взлетов больше не было. Однако разве это дает основание считать все последующее развитие узбекской и туркменской литератур только регрессом? Эти монументальные творческие фигуры сами дают большой толчок последующему развитию литературы, создают целые литературные школы и традиции, способствующие дальнейшему поступательному движению литературы.

Так почему же мы из боязни упрощенного схоластического утверждения, что если «Слово» — памятник XII в., то дальше в русской литературе был один только регресс, должны сомневаться в подлинности «Слова», сомневаться в том, что на Руси XII в. мог появиться гениальный писатель, способный создать замечательное литературное творение? Ведь уровень культуры и литературы Древней Руси

того времени был очень высок,[30] и литература была органически связана со всеми сторонами тогдашней русской действительности.

В заключение повторяю, что вся совокупность восточного материала «Слова», особенно ориентализмы, по признанию большинства тюркологов, свидетельствует, что памятник этот относится к домонгольскому периоду. И я очень рада, что ориентализмы «Слова», как «горы харалужные», преграждают путь А. Мазону и его сторонникам в их стремлении погубить этот памятник, объявив его поздней стилизацией, вышедшей из-под пера бесталанного архимандрита.

Е. М. ЖУКОВ

Слово предоставляется А. Л. Монгайту.

А. Л. МОНГАЙТ

Я должен сказать, что, начиная свою речь, я чувствую, что совершаю аморальный поступок не только потому, что задерживаю внимание и без того уставших в течение трехдневных заседаний людей, но и потому, что я делаю это вопреки тому, что я придерживаюсь точки зрения, высказанной на первом заседании Н. М. Дружининым и Н. И. Конрадом, что обсуждать книгу в отсутствие больного автора — поступок по крайней мере неэтичный.[31] Положение не улучшает то, что мы вынудили больного человека с больничным листом в кармане прийти на заседание. Это не облегчает мое положение как оратора, но так как я выступаю под конец заседания, то думаю, что это мое рассуждение скорей относится к области истории, поскольку в уже совершившееся не могут быть внесены исправления.

Кстати, я думаю, что неправильно предположение, высказанное на первом заседании, что отсутствующий автор имеет все преимущества, так как он сможет отвечать по стенограмме. Я думаю, что вряд

---

[30] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. М., 1963; *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952; *Гудзий Н. К.* ⟨названия работы в стенограмме нет. — *Л. С.*⟩. — *Примеч. А. А. Валитовой.*

[31] Н. И. Конрад говорил как раз обратное, — что считает «совершенно бесспорным, морально вполне допустимым, и не только допустимым, но и совершенно естественным, что товарищи, которые специально приехали сюда для обсуждения, имеют полное право выступить». См. наст. изд., с. 152.

ли можно счесть такое высказывание основательным, поскольку нельзя удержать в постели человека, который знает, что идет суд над его произведением, в которое он вложил свою душу и знания.[32]

На этих заседаниях в адрес Александра Александровича было сказано много горьких слов, справедливых и несправедливых. И я, несмотря на дружбу и глубокое уважение, которое я питаю к Александру Александровичу, начну с упрека.

У русского народа есть свои святыни, к ним принадлежит и имя Пушкина и «Слово о полку Игореве». Это не значит, что такие святыни должны быть исключены из объектов научного исследования, но там, где задеты не только мысли, а и чувства людей, чувства, которые каждый из нас испытывает и понимает, исследование должно быть в особенности абсолютно безукоризненным с точки зрения его научных достоинств.

А на книге А. А. Зимина лежит печать поспешности, которая не только вредит аргументации автора, а и позволяет некоторым его оппонентам видеть только недостатки и не видеть достоинств книги. Только этим я могу объяснить абсолютно отрицательное мнение о книге Зимина, сложившееся у многих выдающихся ученых, хотя беспристрастное чтение должно было бы заставить их увидеть и достоинства этого исследования.

В самом деле, если труд Зимина ничего не стоит, как это следовало из ряда выступлений, то тогда непонятно, почему в течение трех дней 60 специалистов обсуждают эту работу? И правильно ли (правда, высказанное всего лишь в реплике) мнение, что неудача постигла Зимина потому, что он взялся не за свое дело? Думаю, что нет такого универсального специалиста, который был бы компетентен во всех вопросах, связанных со «Словом», и думаю, что право заниматься этим памятником в такой же мере принадлежит историкам, как и филологам. И судить об этом труде могут не только те, кто всю жизнь занимался «Словом», ибо в каждом научном исследовании есть внутренняя логика, в которой может разобраться и неспециалист.

Поскольку заседание затянулось и у меня мало времени, я остановлюсь лишь на двух уже обсуждавшихся вопросах.

---

[32] *Далее в исходном экземпляре стенограммы следовали слова, вычеркнутые А. Л. Монгайтом при вычитке стенограммы*: Поэтому каждое выступление на этом обсуждении является аморальным поступком.

Достоинства книги Зимина отчасти уже были освещены, некоторые проблемы были затронуты частью выступавших. Но я хочу обратить внимание на то, что упреки в адрес автора в устах некоторых наших очень авторитетных товарищей могли произвести впечатление об абсолютной недоработанности книги, об абсолютной ошибочности многих положений автора.

Поэтому я на одном близком для меня примере хочу показать, что даже очень уважаемые люди могут быть несколько тенденциозны. Я имею в виду замечание Артемия Владимировича ⟨Арциховского⟩ о Тмутараканском камне. Вопрос о Тмутараканском камне в работе Александра Александровича — совершенно второстепенный, и, с моей точки зрения, вряд ли стоило его включать в работу. Я бы не стал отнимать внимание присутствующих вопросом о Тмутараканском камне, тем более что я начал работу по изучению камня, работа эта в научном отношении не завершена и поныне[33] и я с полной ответственностью не мог бы сказать, является ли Тмутараканский камень подделкой или подлинным. Скажу так же, как 50 лет назад ⟨А. А.⟩ Спицын: «Остается в подозрении».[34] Поэтому, может быть, не стоило бы здесь об этом говорить. Но дело в том, что Артемий Владимирович обвинил Александра Александровича и отчасти меня в том, что мы не дочитали статью Спицына о Тмутараканском камне. Когда я был студентом и слушал лекции Артемия Владимировича, он меня заверял, что величайшей заслугой Спицына перед русской наукой является то, что он доказал подлинность Тмутараканского камня. И я твердо пребывал в этом убеждении до тех пор, пока заново не перечитал сравнительно недавно статью Спицына.

Статья Спицына, где с научной добросовестностью приведены все показания и за и против подлинности Тмутараканского камня, действительно завершается цитированной Артемием Владимировичем

---

[33] Книга издана в 1969 г. См.: *Монгайт А. Л.* Надпись на камне. М., 1969. См. рецензии на эту книгу: *Захаров В. А.* К вопросу о подлинности Тмутараканского камня // История СССР. 1969. № 5. С. 211—213; *Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихомиров М.* Поддельные сомнения // Молодая гвардия. 1970. № 1. С. 296—297; *Сапунов Б. В.* Еще раз к вопросу о подлинности Тмутараканского камня // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1970. Т. 11. С. 116—121.

[34] Данное выражение *не является цитатой* из работы А. А. Спицына. См.: *Спицын А. А.* Тмутараканский камень // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Пг., 1915. Т. 11. С. 103—132; отд. отт.: Пг., 1915. С. 1—30.

фразой: «Из всех предыдущих рассуждений получается в итоге вывод: подлинность надписи вполне допустима, но допустима и фальсификация ее».

(ГОЛОС. А дальше?)

Этот вывод следует после тридцати страниц научных исследований Спицына. Дальше следует одна страница, на которой Спицын, опираясь на мнение ⟨В. В.⟩ Латышева о том, что слово «индикт» с сокращениями не могло быть известно в XVIII в. в таком виде, как оно приведено на Тмутараканском камне,[35] заканчивает статью следующими словами: «Если принять эти или им подобные допущения, то с надписью можно примириться».[36]

Но является ли такой вывод «безусловным и абсолютным доказательством подлинности камня», как это утверждает Артемий Владимирович?

(ГОЛОС. Неверно вы цитируете.)

Вернемся к вопросу об индикте. Дело в том, что и этот аргумент Спицына не так уж основателен, ибо, как сейчас стало известно, индикт со знаком сокращения был известен в греческих рукописях XVIII в., в том числе посылавшихся из патриаршей канцелярии. Кроме того, в России был известен труд Монфокона.[37] Следовательно, знали, как писался индикт по-гречески, и, следовательно, и этот аргумент, показавшийся Спицыну убедительным, был не таким уж убедительным.

(ГОЛОС. Вы не дочитали страницу.)

Нет, эту страницу я прочитал очень внимательно, уверяю вас.

(Б. А. РЫБАКОВ. Вы держали Тмутараканский камень в руках, смотрели с лупой?)

Борис Александрович, тяжеловат камень [50 пудов весу],[38] не удержу его в руках. Да в этом нет и необходимости. Известно из

---

[35] См.: Сборник греческих надписей христианских времен из южной России / С объяснен. В. В. Латышева. СПб., 1896. С. 133.

[36] Цитата оборвана А. Л. Монгайтом. В работе А. А. Спицына: «примириться всецело» (*Спицын А. А.* Тмутараканский камень. С. 131 (в отд. отт. — с. 29)).

[37] Имеется в виду труд французского археолога и историка Бернара де Монфокона «Греческая палеография» («Palaeographia graeca», 1708). В перепечатанном набело тексте стенограммы фамилия написана ошибочно: «Монофокон».

[38] Слова, заключенные в квадратные скобки, вписаны А. Л. Монгайтом в стенограмму при ее вычитке.

документов и со слов ⟨В. Н.⟩ Щепкина и других исследователей, что при поступлении в Эрмитаж Тмутараканский камень был подчищен и, следовательно, в настоящее время его исследование, даже с лупой в руках, вряд ли что-нибудь даст.

Я остановился на вопросе о Тмутараканском камне, вопросе совершенно второстепенном, с моей точки зрения, не имеющем прямого отношения к работе А. А. Зимина, с единственной целью — показать, что, несмотря на то что внешне многие выступления против Александра Александровича выглядели убедительно, все-таки, если подробно их рассмотреть, то эти выступления так же не являются истиной, как абсолютной истиной не являются, конечно, и многие утверждения Александра Александровича.

Я хочу перейти ко второму и последнему вопросу — не буду дальше задерживать ваше внимание, — это вопрос об издании книги А. А. Зимина. Евгений Михайлович ⟨Жуков⟩ предупредил, что мы этого вопроса решать не будем, мы выскажем свое мнение, а решать, очевидно, будут лица более компетентные [в вопросах изучения «Слова о полку Игореве»],[39] чем собравшиеся здесь. Поэтому я присваиваю себе право высказать это мнение только постольку, поскольку почти все говорившие на эту тему об этом тоже говорили.

Прежде всего следует отбросить ту мотивировку, с которой выступали Д. С. Лихачев и А. В. Арциховский, заканчивая свои речи, т. е., что работу Зимина нужно издать, говоря языком петровских указов, «дабы дурость ее автора была всему миру явлена». К сожалению, в нашей стране нет издательств, которые бы на таких основаниях издавали книги, иначе на подобное издательство был бы большой спрос. (*Смех в зале.*)

Но дело в том, что книгу Зимина, если говорить об этом серьезно, можно издавать лишь при том условии, если мы найдем в ней не только недостатки, но и достоинства. О достоинствах здесь было уже много сказано. Но должен сказать, что прежде всего в необходимости издания книги А. А. Зимина меня убеждает 2,5-часовая речь Д. С. Лихачева, который доказывал недостатки книги Зимина и выступал против книги Зимина, ибо в этой речи наряду с критикой подлинных или мнимых недостатков, очень основательной критикой, был еще подтекст, что в изучении «Слова о полку Игореве» все или

[39] См. примеч. 38 на с. 484.

почти все благополучно, что все это сделано либо делается в трудах самого Дмитрия Сергеевича, руководимого им Сектора и некоторых других исследователей.

(Д. С. ЛИХАЧЕВ. Это личности, это нехорошо, это некрасиво.)

Ничего некрасивого в моем выступлении я не вижу.

(ГОЛОС. Никакого подтекста не было.)

(ГОЛОС. Это личное оскорбление.)

(Д. С. ЛИХАЧЕВ. Никакого подтекста у меня не было.)

Дмитрий Сергеевич, если вы видите в моем выступлении нечто для вас обидное, я прошу прощения. Мне показалось, что такой подтекст был.

Между тем книга А. А. Зимина, даже если не признавать его основной концепции, ставит столько проблем и требует ответа на такое количество вопросов, что картина благополучия с изучением «Слова о полку Игореве», с моей точки зрения, меняется.

Наука держится не на авторитете, и ученый волен подвергать сомнению любое утверждение, исправлять любые ошибки. Поэтому работа Зимина пользуется симпатиями даже лиц, которым очень больно было бы признать, что Зимин прав, просто потому, что такие книги, сделанные честным ученым, служат препятствием к утверждению догматизма в науке.[40]

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Слово имеет В. Л. Янин.

В. Л. ЯНИН

В ходе настоящего обсуждения несколькими ораторами, отвергавшими основные выводы А. А. Зимина, был выставлен тезис о том, что работа А. А. Зимина якобы не вносит ничего нового в науку и знаменует неудачу исследователя, в других своих работах зарекомендовавшего себя тонким знатоком методологии и методики исторического исследования. Этот тезис в гипертрофированной форме был высказан В. И. Стеллецким, который, по его заявлению, не нашел в книге А. А. Зимина даже «макового зернышка», полезного для науки.

[40] Текст выступления подписан А. Л. Монгайтом без указания даты.

Думается, что указанный тезис отвергнут самим фактом трехдневного насыщенного обсуждения, которое вылилось в важную для дальнейшего развития истории и филологии дискуссию. Эта дискуссия имела своим предметом решение многочисленных и острых проблем, четко поставленных в многодельном и многогранном исследовании его автором, взявшим на себя трудную и заслуживающую уважения задачу рассмотреть проблематику «Слова» во всей ее полноте.

Я не разделяю узловых выводов А. А. Зимина, касающихся взаимоотношения «Слова» и «Задонщины», а также принадлежности этого произведения к XVIII в. Однако я принадлежу к числу тех многочисленных читателей книги А. А. Зимина, для которых вполне очевидной является насыщенность этого сочинения наблюдениями, выводами и идеями, способными будоражить мысль, направлять ее по не изведанным до сих пор наукой путям и создавать конструктивную основу для важных позитивных выводов.

В этой связи мне хотелось бы остановиться на вполне оригинальных и аргументированных наблюдениях А. А. Зимина, изложенных им в главе 3 его исследования и устанавливающих зависимость фактической основы и композиции «Слова» от Ипатьевской летописи.

Эти наблюдения были подвергнуты сомнениям критиками А. А. Зимина двояким способом. Будучи рассмотрены под углом зрения концепции А. А. Зимина о создании «Слова» в конце XVIII в., они оказались в явном противоречии с историей открытия и публикации Ипатьевской летописи, один из списков которой, бывший известным В. Н. Татищеву, погиб вместе с библиотекой последнего, а остальные выявлялись лишь с 1808 г. и изданы впервые в 1843 г. Однако, если отмеченное противоречие важно для суждений, касающихся предполагаемого А. А. Зиминым автора XVIII в., оно не может быть ни в коей мере привлечено для обоснования общего вывода о возможности воздействия Ипатьевской летописи на автора «Слова», если он жил в какое-то более раннее время.

Другой способ критики рассматриваемого построения А. А. Зимина был предложен в ходе обсуждения его книги Б. А. Рыбаковым, который попытался отвергнуть множественность аргументов А. А. Зимина в пользу первичности Ипатьевской летописи относительно «Слова». Дело в том, что А. А. Зимин прослеживает зависимость «Слова» от Ипатьевской летописи не только путем сравнительного

анализа «Слова» и летописного рассказа 1185 г., но и привлекая различные тексты Ипатьевской летописи, извлеченные им из других ее частей, в частности из «Повести временных лет». Б. А. Рыбаков утверждает, что такой прием недопустим, на том основании, что «Повесть временных лет» и без того была хорошо известна любому автору второй половины XII в. и, следовательно, ее воздействие на «Слово» не требует опосредствования через Ипатьевскую летопись.

Следует заметить, что «Повесть временных лет» неизвестна исследователям в качестве особого, вполне самостоятельного произведения. Она сохранилась в составе летописных сводов, в составе сводов она редактировалась, приобретая в каждом случае свои, специфические особенности. Поэтому текстологическая работа с «Повестью временных лет» в любом случае должна учитывать анализ тех чтений Повести, которые привнесены в нее позднейшим редактированием многочисленных сводчиков.

Я позволю себе остановиться на одном фрагменте «Слова», который, будучи, на мой взгляд, безусловно анахронистическим для памятника XII в., наглядно обозначает зависимость «Слова» от рассказа «Повести временных лет», сохраненной именно в Ипатьевской летописи, причем от рассказа не первоначальной редакции, не свода конца XII в.

Таким местом является упоминание дани, взимаемой «погаными» с Русской земли: «А погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ от двора».

«Бела» как обозначение определенного размера денежной единицы хорошо известна русским средневековым письменным источникам, которые позволяют установить хронологические и территориальные рамки ее бытования. Она впервые упоминается в известных до находки берестяных грамот источниках около 1318—1319 гг. (в договорной грамоте Новгорода с Михаилом Ярославичем), а затем около 50 раз в актах XIV—XV вв. Ее двойник и постоянный спутник «белка» отмечен не менее 70 раз в пергаменных и бумажных актах того же времени. В берестяных грамотах «бела» засвидетельствована 14 раз, причем самые ранние случаи приходятся на 1268—1281 гг. (грамоты № 52, 351). Что касается «белки», то в берестяных грамотах она встречена 7 раз, не ранее 1313—1340 гг. (грамота № 288). Берестяные грамоты и другие письменные источники более раннего

времени с упоминанием различного рода денежных единиц многочисленны, но в них отмеченные термины не встречаются.

Рассматривая термин «бела» в связи с другими денежными единицами, мы имеем возможность настаивать на том, что «бела» как денежная единица возникает впервые в последней трети XIII в. одновременно с некоторыми другими денежными терминами, такими как «рубль», «полтина» и «семница», и обязана своим возникновением коренной перестройке новгородской денежной системы в последней трети XIII в. в связи с возникновением новой основы денежной системы — рубля. Особо подчеркну, что бытование термина «бела» ограничено пределами северной и северо-западной Руси, т. е. районом приложения новгородской денежной системы. Практически «бела», равнявшаяся в XV в. двум денгам, отмирает в период унификации национальной денежной системы в первой половине XVI в. Для полной ясности следует добавить, что «бела» занимает в ⟨денежной⟩ системе безусловно отличное место от того места, какое в ней занимали ранние единицы «веверица» или «векша», в чем наглядно убеждают показания «Памяти, как торговали новгородцы» конца XV в.

Основываясь лишь на анализе денежной терминологии, мы обязаны были бы датировать рассматриваемый фрагмент «Слова» временем не ранее последней трети XIII в. или же, по крайней мере, признавать, что данное место было редактировано переписчиком XIV—XV вв., тем самым новгородцем или псковичом, присутствие которого С. П. Обнорский обнаружил в фонетике «Слова».[41] Однако такому предположительному выводу решительно противоречит разительное сходство этого фрагмента с рассказом «Повести временных лет» под 859 г., тонко подмеченное А. А. Зиминым: «...а Козаре имахуть ⟨дань⟩ на Полянех и на Северех и на Вятичих имаху по беле и веверици тако от дыма».[42]

Это широко известное и многократно комментированное место «Повести временных лет» как бы устанавливает существование рядом с «белой» XIII—XIV вв. другой, домонгольской «белы» — денежной единицы, чудесным образом зафиксированной лишь летописным рассказом 859 г. и не отразившейся вовсе в системе единиц и денежных терминов Русской Правды.

---

[41] *Обнорский. Очерки.*

[42] *ПСРЛ.* СПб., 1908. Т. 2. Стб. 14.

Известно, однако, что рассматриваемое место «Повести временных лет» существует в двух вариантах. Чтение «по беле и веверици», сходное с чтением «Слова», имеется в Ипатьевской летописи, а в Лаврентьевской говорится о «белой веверице». Какое из этих двух чтений возможно признать первоначальным?

Д. С. Лихачев принимает первоначальным чтение Ипатьевской летописи и, вслед за Б. Д. Грековым, переводит: «по серебряной монете и по белке ⟨от дыма⟩».[43] В этом переводе белка соответствует «веверице», а серебряная монета «беле». Допустим на минуту, что приведенный перевод правилен, хотя он и опирается только на сравнение с рассказом Ипатьевской летописи под 1257 г. о взятии с ятвягов дани «черными кунами и белым серебром» (в Ип. — «бель сребро», в Х⟨лебниковском⟩ и П⟨огодинском⟩ ⟨списках⟩ — «бело сребро»). Если для IX в., о котором идет речь в «Повести временных лет», бытование на Руси серебряных монет — реальность, зафиксированная многочисленными кладами куфических монет, то о каких же серебряных монетах может говорить «Слово», повествующее о событиях второй половины XII в.? К этому времени прошло более полутора веков с момента полного прекращения бытования серебряных монет в южной Руси. Ни одного клада, ни одной монетной находки южная Русь второй половины XI — первой половины XIV в. не знает. К тому же, как это хорошо доказал Н. П. Бауэр еще в 1937 г., для обозначения серебряной монеты в домонгольское время существовал другой, широко распространенный термин — «куна».[44]

Термин «бела» из рассказа 859 г. пытались объяснить иначе, опираясь при этом на сообщение Лаврентьевской летописи под 1068 г. о разграблении княжеского двора в Киеве после освобождения Всеслава из поруба, когда во дворце было взято «бещисленое множьство злата и сребра, кунами и белью». В Ипатьевской и Новгородской I летописи младшего извода слово «белью» заменено словом «скорою». Если в связи с таким направлением критики текста посчитать «белу» Ипатьевской летописи беличьей шкуркой, то в рассказе 859 г. станет возможным отметить ничем не оправданную тав-

[43] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 214. Комментарий Д. С. Лихачева см.: Там же. Ч. 2. С. 233.

[44] *Бауэр Н. П.* Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 183—244.

тологию: «по беле (т. е. по беличьей шкурке) и веверице (т. е. беличьей шкурке)».

Оба толкования, таким образом, заставляют отвергнуть первичность чтения Ипатьевской летописи и остановиться как на первоначальном тексте — на чтении Лаврентьевской летописи: «по белой веверице». Неопровержимость такого выбора ясна из того, что сходным с чтением Лаврентьевской летописи и, следовательно, отличным от чтения Ипатьевской летописи оказывается чтение соответствующего места в Новгородской I летописи младшего извода»: «и дань даяху Варягом от мужа по белей веверици» (*НПЛ* ⟨Новгородская первая летопись⟩. М.; Л., 1950. С. 106). «Белая веверица» — это зимняя, т. е. наиболее ценная, беличья шкурка. Она стоит в одном товароведческом ряду с «черной куной», неоднократно упоминаемой в летописи в связи с взиманием дани.

Однако если чтение Ипатьевской летописи вторично, то его возникновение в «Повести временных лет» возможно датировать лишь тем временем, когда «бела» стала денежной единицей, вполне отличной от названной здесь же веверицы, т. е. не ранее последней трети XIII в. При таком решении оказывается, что и «Словом» Ипатьевская летопись могла быть использована лишь в одной из позднейших редакций не ранее последней трети XIII в.

Думается, что и само существо рассмотренного места «Слова» подтверждает такое наблюдение. Ведь в рассмотренном фрагменте говорится о регулярном обложении «погаными» Русской земли, об установлении ими подворной дани. Конкретно здесь имеются в виду половцы. Но не существует никаких исторических доказательств возможности установления половцами на Руси такой системы фиска. Напротив, манера военной эксплуатации у половцев выражалась в набегах, грабежах, опустошении. За «погаными» здесь фактически могут стоять либо хазары «Повести временных лет», и тогда восхождение фрагмента к рассказу Ипатьевской летописи еще более подкрепляется, либо татары с их «числом», и тогда его ⟨«Слова»⟩ составление также нельзя относить ко времени ранее середины XIII в.

Я остановился на развитии лишь одного из положений работы А. А. Зимина, поскольку оно связано с нумизматическими фактами, мне более близкими по роду основных научных занятий. Но эта книга насыщена материалами и идеями, дающими толчок исследовательской

мысли для работы во многих направлениях исторического и филологического анализа.

Вопрос, печатать или не печатать книгу А. А. Зимина, на мой взгляд, может быть решен только одним способом. Его книгу следует опубликовать как ценный научный труд, дающий основу для важнейших дискуссий, являющихся двигателем научной мысли.[45]

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Слово имеет В. А. Кучкин.

В. А. КУЧКИН

За недостатком времени я вынужден остановиться только на одном частном вопросе. Речь идет о следующем месте из «Слова о полку Игореве»: «Съ тоя же Каялы Святоплълкъ полелѣя[46] отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука. Въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась».

Александр Александрович доказывает, что здесь мы имеем дело со вставкой. Я хочу разобрать всю аргументацию автора, приведенную для доказательства этого положения. К сожалению, у меня нет возможности высказаться по книге целиком, поскольку время для выступления ограничено, но я думаю, что при анализе процитированного места, как в кусочке зеркала, будет ясно видна методика Александра Александровича в интерпретации источников.

Предварительно должен заметить, что в настоящее время в одной из поздних редакций Киево-Печерского патерика мною обнаружены фрагменты свода, который имеет сходство, с одной стороны, с Ипатьевской летописью, а с другой — с Московским сводом 1479 г. Вероятно, это тот самый свод, существование которого теоретически доказал Арсений Николаевич Насонов в своей статье о южнорусском источнике свода 1479 г.[47] В частности, ⟨обнаруженные⟩ фрагменты

---

[45] Текст выступления подписан В. Л. Яниным на последнем листе без указания даты.

[46] Слово «*полелѣя*» — конъектура, в Первом издании «Слова» — «*повелѣя*».

[47] *Насонов А. Н.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 350—385.

имеют параллели к «Слову о полку Игореве», в них, например, рассказывается о том, как Владимир Мономах «пил Дон» золотым шлемом и т. д. Здесь же помещен помянник русских князей XI—XIII вв., который представляет чрезвычайный интерес. Так, там названа по имени жена Ярослава Мудрого — Елена — и дана дата ее смерти: 10 января 1050 г. Дата совпадает с Ипатьевской летописью. Особенно любопытно то, что в помяннике указаны церкви, где были похоронены русские князья. Последнее обстоятельство имеет непосредственное отношение к «Слову о полку Игореве».

Теперь вернемся к процитированному месту из «Слова». Вопрос о комментировании этого места вызвал в литературе определенную дискуссию. Речь шла о том, где же был похоронен отец Святополка Изяслав Ярославич, упоминаемый в «Слове». Согласно «Слову», его похоронили в Софии Киевской. Лаврентьевская же и Ипатьевская летописи сообщают, что Изяслав был похоронен в Св. Богородице, которую исследователи принимают за Десятинную церковь в Киеве. В статье Ивана Михайловича Кудрявцева «Заметка к тексту: „С тоя же Каялы Святоплъкъ...“ в „Слове о полку Игореве“» в 7-м томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» ⟨М.; Л., 1949. С. 407—409⟩ было показано, что София как место захоронения Изяслава упоминается также в Софийской I и Новгородской V летописях.

Нужно признаться, что, несмотря на подысканную параллель в Софийской I летописи относительно того, что Изяслав был похоронен в Софии, комментирование данного места в «Слове» осталось неясным. Непонятно было, где же все-таки похоронили Изяслава, показания каких источников верные.

Одной из положительных сторон работы Александра Александровича является указание на неопределенность комментирования приведенного сообщения «Слова». Правда, исходя из этой неопределенности, Александр Александрович решил, что в данном отрывке все не соответствует действительности XI—XII вв., и «доказал» (я беру это слово в кавычки), что мы имеем дело со вставкой, сделанной Мусиным-Пушкиным.

Аргументы, которые приводит Александр Александрович,[48] следующие:

---

[48] *Зимин-1.* Т. 2. С. 418—421.

1) Изяслав был похоронен в Десятинной церкви;

2) Святополк находился в 1078 г. в Новгороде;

3) не могло быть угорских иноходцев, так как термин «иноходец» встречается в памятниках с конца XV в;

4) соответствия этому месту нет в Пространной редакции «Задонщины». (Здесь я не совсем могу понять Александра Александровича. Он приводит параллельное чтение из списка С, который представляет всю редакцию. Я согласен с Я. С. Лурье, что реконструкцию можно применять при текстологических сопоставлениях, но почему же здесь приводится только один список, чтения которого распространяются на редакцию памятника в целом?)

5) И последний аргумент: текст всей вставки в данном месте нарушает ритмический ряд «Слова».

Для выяснения истины мы можем идти двумя путями. Можно просто вычленить вставку, но, если прочитать текст без этой вставки, он станет чрезвычайно темным. Можно идти и путем, предложенным Александром Александровичем, и рассмотреть все аргументы, которые он приводит в подтверждение своей точки зрения. Эти аргументы я позволю себе разобрать в обратном порядке.

5) Вопрос о том, нарушается в данном отрывке ритм или нет. Владимир Иванович Стеллецкий в своем выступлении уже показал, что мы наблюдаем у автора ⟨«Слова»⟩ произвольное деление на ритмы ⟨т. е. ритмические единицы⟩. Но даже если следовать за А. А. Зиминым, то фразу «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ полелѣя отца своего», имеющую 19 слогов, легко разделить на две части, на 9 и 10 слогов. Следующую фразу, где 20 слогов, тоже можно разделить пополам, будет 10 и 10. Получается ритмический ряд. Следовательно, даже идя путем А. А. Зимина, мы не можем обнаружить нарушения ритмического ряда. Его наблюдение не имеет никакой доказательной силы. Этот аргумент придется снимать.

4) Наблюдение, что процитированное место «Слова о полку Игореве» не имеет параллели с «Задонщиной». Можно, как и Александр Александрович, теоретически предположить, что «Слово» возникло после «Задонщины». Но в таком случае непонятно, почему некоторые места, которые отсутствуют в «Задонщине», но есть в «Слове», автор считает присущими «Слову», написанному Иоилем, а другие такие же места вдруг объявляет вставками Мусина-Пушкина. В «Задонщине» нет, например, текста о крамолах Олега Святославовича,

непосредственно предшествующего так называемой вставке. Тем не менее автор считает, что это не вставка, а далее идет вставка. Строгое доказательство заменено произвольным подбором. Как научный аргумент, свидетельствующий о наличии вставки, несоответствие между «Словом» и «Задонщиной» не может приниматься.

3) Следующий аргумент — вопрос о том, когда появляется термин «иноходец». А. А. Зимин указывает на рукопись конца XV в., где будто бы впервые упоминается это слово, и делает вывод, что оно стало известно только с конца XV в. Мне кажется, прежде всего, что странно датировать появление слова временем появления памятника. Тогда мы весь словарный состав русского языка можем свести к самой древней записи на русском языке, к слову «горухща». Но и указание на бытование слова «иноходец» только в конце XV в. неточно. Александр Александрович делает ссылку на словарь Кочина,[49] но у Срезневского встречается такой текст: «кони его тучни иноходи», причем в памятнике XII в., современном «Слову».[50] Итак, и третий аргумент также приходится признать недоказательным.

Аргумент четвертый (у Зимина — второй) — аргумент о Святополке. Александр Александрович вполне прав, когда пишет, что этот князь около 1078 г. был в Новгороде (заметим, что точно, где был Святополк во время битвы на Нежатине ниве, мы не знаем). Сам он не мог «прилелеять» отца с места гибели. Но «прилелеять» — реконструкция. В ⟨первом⟩ издании ⟨«Слова»⟩ стоит «повелѣя», что можно читать как «повелѣ яти», т. е. Святополк мог действовать через вторых лиц, перевозя тело своего отца в Киев. Ввиду неясности чтения было бы осторожнее признать довод нейтральным, не решающим вопрос ни в ту ни в другую сторону.

Остается разобрать последний аргумент Александра Александровича, свидетельствующий о вставке: неточное указание в «Слове» на место захоронения Изяслава Ярославича, убитого на Нежатине ниве. И. М. Кудрявцев в своей статье[51] ссылается на Софийскую I и Новгородскую V летописи, где, вслед за «Словом», названа София Киевская как место захоронения этого князя. Тот же текст

---

[49] *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937. С. 135.

[50] *Срезневский. Материалы.* Т. 1. Стб. 1106 (см. «иноходь»).

[51] Имеется в виду упомянутая выше статья «Заметка к тексту: „С тоя же Каялы Святоплъкъ...“ в „Слове о полку Игореве“» (см. с. 493).

читается и в Новгородской IV летописи. А. А. Зимин отмечает это обстоятельство, полагая при этом, что на эту летопись ссылается и И. М. Кудрявцев, что неверно: последний ссылается на Новгородскую V летопись. Между тем наличие параллельного текста в Софийской I и Новгородской IV летописях очень важно. Дело в том, что Новгородская IV и Софийская I летописи имели общий источник, в основе которого лежал Киевский Начальный свод 1093 г. Отсюда можно думать, что указание на Софию восходит к своду 1093 г., который был древнее «Повести временных лет», отразившейся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

Теперь я позволю себе зачитать отрывок, который мы имеем в помяннике: «В лето 6586. Убиен бысть великий князь Киевский Изяслав Ярославич у села на ниве Нежатине месяца октоврия в 3 день. Вземше же тело его, везоша в лодьи до Киева и поставиша противу Городца. И изыде противу ему весь град Киев и возложиша на рамена своя, понесоша с песньми, с великою жалостью всех и с плачем. Бе бо христолюбец, ко всем милостив и нищелюбив. Святому Феодосию зело любезен. И положиша его во святеи Софии в Киеве. И бысть всех лет княжения его 24», т. е. помянник также дает нам указание на то, что Изяслав был похоронен в Софии, а не в Св. Богородице, как сообщают Лаврентьевская и Ипатьевская летописи. Но помянник дает нам ключ и к пониманию того, где же действительно был похоронен Изяслав Ярославич.

Дело в том, что когда была основана Десятинная церковь (Св. Богородицы) в Киеве, то князей вначале хоронили в этой церкви. Помянник сообщает, что в Десятинной церкви был похоронен Изяслав Владимирович, старший брат Ярослава; в Десятинной церкви был похоронен Всеслав Изяславович, его сын. В этой же церкви была похоронена Анна, жена Владимира, — это уже новое свидетельство, очень интересное. В этой же церкви были похоронены Владимир и Мстислав Всеславич, внук Изяслава, правнук Владимира.

Исходя из сообщений летописи и помянника, мы получаем указание, что в Десятинной церкви с 1015 по 1097 г. князей не хоронили. В ней хоронили князей только в начале XI в., а потом не хоронили вплоть до 1097 г., потому что в 1037 г. Ярослав основал церковь Св. Софии, которая стала главным храмом Киева. В Софии был похоронен Ярослав, а еще раньше, в 1050 г., была похоронена жена Ярослава Мудрого; и здесь же был похоронен Изяслав Ярославич,

а затем его брат Всеволод, что вполне естественно, так как София сделалась не только главной церковью города, но и всей Руси. Таковы те данные, которые позволяют считать сообщение «Слова» о месте похорон Изяслава достоверным. Тем самым снимаются все аргументы Александра Александровича, которые он приводит в подтверждение своей мысли об инородной вставке в текст «Слова». В связи с приведенными данными надо, видимо, пересмотреть показания Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, которые переделали свод 1093 г. и, возможно, под влиянием того, что в Десятинной церкви был похоронен Изяслав Владимирович, а не Изяслав Ярославич, заменили Софию как место захоронения Изяслава Ярославича на церковь Св. Богородицы.

Мне кажется, что, несмотря на все старания показать, что в «Слове» факты исторически недостоверны, дальнейшее обнаружение новых источников докажет их полную достоверность, а тем самым и подлинность «Слова о полку Игореве».[52]

Академик Е. М. ЖУКОВ

У нас имеются отзывы, не оглашенные здесь. Я предложил бы их приложить к стенограмме.

А. А. ЗИМИН

К порядку дня. Поскольку я, к сожалению, не могу ответить на те отзывы, которые не будут прочитаны, я очень попрошу приложить их к стенограмме, ⟨и⟩ чтобы Дмитрий Сергеевич дал некоторое извлечение...

Академик Б. А. РЫБАКОВ (*прерывая*)

Мне кажется, что Вы просто можете не отвечать на них.

А. А. ЗИМИН

Это просто невозможно. Я не могу не ответить на заключения крупнейших специалистов, которые занимались специально этими вопросами. Я попрошу приложить их к стенограмме и зачитать только извлечения из результативной части об основных положениях.

---

[52] На первом листе текста выступления В. А. Кучкина его подпись без указания даты.

Академик Е. М. ЖУКОВ
Мы так решили!
(С МЕСТА
В общей форме решили, но отзыв Адриановой-Перетц надо прочитать в крупных извлечениях.)

Академик Б. А. РЫБАКОВ
Хорошо. Но я пропущу все, что посвящено Шахматову.

Академик Е. М. ЖУКОВ
Пожалуйста!

Академик Б. А. РЫБАКОВ (*оглашает отзыв В. П. Адриановой-Перетц*)
«Книга А. А. Зимина затрагивает самые разнообразные вопросы изучения „Слова о полку Игореве", стремясь исчерпать материал, чтобы дать вполне определенные ответы об „источниках, времени создания и авторе" этого памятника. Даже трехдневное обсуждение не даст возможности с надлежащей полнотой рассмотреть все привлеченные А. А. Зиминым материалы и оценить все частные выводы. Необходимо, на мой взгляд, сосредоточить внимание на тех вопросах, которые являются решающими при определении основной проблемы: времени создания „Слова о полку Игореве".

Такими решающими для этой проблемы я считаю два вопроса:

1. Есть ли доказательства того, что „Слово о полку Игореве" было известно до начала XVI в. (предположительная датировка Мусин-Пушкинского сгоревшего списка „Слова").

2. Есть ли в языке „Слова" достаточно данных для датировки памятника концом XII в.

Для ответа на первый вопрос необходимо определить, в каком отношении находятся „Слово о полку Игореве" и „Задонщина", с одной стороны, и „Слово" и запись 1307 г. на псковском Апостоле, с другой стороны. По первой теме я не раз выступала в печати. Внимательное рассмотрение всех соображений А. А. Зимина по этой теме ни в малой степени не поколебало моей точки зрения: „Слово о полку Игореве" — первичный текст, „Задонщина" — подражание ему. Но подробное выступление по этой теме я передаю автору, еще

не излагавшему в печати своих выводов и доказательств их.[53] Замечу лишь, что в этой части своего исследования А. А. Зимин не оригинален. ⟨Я.⟩ Фрчек и А. Мазон — его прямые предшественники в установлении двух этапов создания „Задонщины“ — сначала Краткой редакции, затем Пространной. Предположение А. А. Зимина, дополняющее концепцию Фрчека—Мазона, — об устном тексте Софония, о работе Ефросина, об искажении им самим при переписке собственного авторского текста — не подкреплено никакими серьезными доводами.

(Я думаю, что лингвистические соображения Варвары Павловны также можно опустить, поскольку они частично покрываются тем, что здесь говорилось. — *Б. Р.*)

Итак, по первому вопросу я остановлюсь подробно лишь на второй его теме: в каком отношении находятся между собой „Слово о полку Игореве“ и запись на Апостоле 1307 г. Следует сразу сказать, что в разработке этой темы А. А. Зимин вполне самостоятелен: никто из его предшественников так не ставил и не разрешал вопрос.

„Камнем преткновения“ для тех исследователей, которые относили составление „Слова о полку Игореве“ к позднему времени, А. А. Зимин назвал „перекличку его с припиской к псковскому Апостолу 1307 г.“ (с. 416). Как же он убрал со своего пути этот камень?

У исследователей „Слова“ прочно установилось мнение о связи записи 1307 г. с его текстом. Однако возрождение скептического отношения к древности „Слова“ сказалось и на оценке записи 1307 г. А. Мазон отстранил эту запись как свидетельство знакомства писца Домида со „Словом“ без всяких доказательств, назвав каждую из ее частей „клише“, будто бы обычными в древнерусской литературе, и даже одинаковое сочетание этих „клише“ в „Слове“ и в записи ⟨на Апостоле⟩ не доказывающим факт заимствования. Однако ни одного примера ни к частям записи, ни к ее тексту в целом А. Мазон не привел ни в одной из своих работ, посвященных „Слову“.

Иначе подошел к решению вопроса А. А. Зимин. Он не отрицает близость отрывка „Слова“ и записи 1307 г., но утверждает со всей решительностью, что рукопись псковского Апостола была в руках у Мусина-Пушкина, который „редактировал“ текст сочинения Иоиля Быковского и вставил в него, несколько изменив, запись писца

[53] Имеется в виду О. В. Творогов.

Домида (с. 429). В подтверждение такого вывода А. А. Зимин восстанавливает тот путь, каким Апостол 1307 г. попал в руки Мусина-Пушкина.

На стр. 424—427 А. А. Зимин, отметив, что в описи рукописей Синодальной библиотеки 1773 г. и ее копии 1795 г. нет псковского Апостола, что он появляется лишь в описи 1823 г. (что совершенно правильно), дает этому факту такое объяснение. В 1791 г. по указу Екатерины II „в Синод были собраны рукописи исторического содержания из разных монастырей", вместе с ними попали и книги неисторического содержания и среди них — псковский Апостол 1307 г. В 1797 г. рукописи из Синода были частично возвращены в монастыри, частично переданы в Синодальную библиотеку. Вот в этом году туда наконец и передан был псковский Апостол. „Таким образом, — заключает эту биографию псковского Апостола А. А. Зимин, — примерно с конца 1791 по 1797 г. он находился в канцелярии А. И. Мусина-Пушкина" (с. 427).

Вызывает недоумение, что высококвалифицированный историк, восстанавливая историю перехода псковской пергаменной рукописи XIV в. в Синодальную библиотеку, начисто забыл о капитальном труде А. А. Покровского „Древнее псковско-новгородское письменное наследие" (выпущенном в 1916 г. в виде отдельного оттиска из II тома «Трудов XV Археологического съезда в Новгороде»),[54] где вся история псковско-новгородской части пергаменов Синодальной библиотеки раскрыта на основе документов XVII и XVIII вв. с неопровержимой точностью. В этом труде А. А. Зимин нашел бы полный ответ и на вопрос о том, почему в Описи Синодальной библиотеки 1773 г. отсутствует рукопись Апостола 1307 г.

Итак — какова же в действительности история псковского пергаменного Апостола 1307 г.?

В описи Синодальной библиотеки 1773 г. отсутствует не только эта рукопись, но и еще шесть псковских пергаменных Апостолов. Все эти семь Апостолов вместе с большим числом культовых пергаменных рукописей были, по указу патриарха Иоакима, в 1679 г. из Пскова и Новгорода отправлены в Москву на Печатный двор для

[54] Книга А. А. Покровского имеет подзаголовок: «Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей ⟨Синодальной⟩ библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ».

„книжной справы“ — для исправления оригиналов печатавшихся там книг (⟨Покровский,⟩ с. 17—24). На Апостоле 1307 г. сохранилась запись принимавшего в Москве эту рукопись работника Печатного двора, который подсчитывал листы рукописи для оценки ее: на л. 180 об. читаем: „180 листов считал Стефан Ананьин“. А. А. Покровский установил по документам, что С. Ананьин работал на Печатном дворе в 1660—1680-е гг. (⟨Покровский,⟩ с. 30, 34).

Следующие сведения о том, что все семь псковских Апостолов продолжали находиться в Типографской библиотеке, дает Опись ее рукописей, составленная в 1725 г. Здесь Апостол 1307 г. описан так: „Седьмый (сначала описаны первые шесть. — *В. А.-П.*) писан при князе Михаиле, а Новгородском Юрии в лето 6815/1307“ (⟨Покровский,⟩ с. 142).

В 1788 г., по указу Синода от 19 марта 1786 г., из Типографской библиотеки было передано в Синодальную 469 славянских рукописей, и среди них те семь псковских Апостолов, которые находились там с 1679 г. Отбор рукописей для передачи происходил по признакам „древности“ или „редкости“ (⟨Покровский,⟩ с. 219—220). Апостол 1307 г. занесен при передаче в раздел „Книги раритетные“. Наличие подробной описи переданных в Синодальную библиотеку рукописей объясняет, почему здесь не спешили создавать взамен описи 1773 г. новую, пополненную рукописями Типографской библиотеки: этот новый фонд имел свою, достаточно обстоятельную опись. Только новый каталог 1823 г. объединил старое собрание Синодальной библиотеки с Типографским, поступившим в 1788 г. В этом новом каталоге уже находим все семь псковских Апостолов, которые хранятся ныне в Рукописном отделе Исторического музея в составе Синодального собрания.

Таков действительный путь Апостола 1307 г. из „Дмитриевского монастыря с Поля“ через библиотеку Московского Печатного двора (Типографскую) — в Синодальную. Как видим, обер-прокурор Св. Синода А. И. Мусин-Пушкин не имел никакого отношения к этим перемещениям „раритетной“, по оценке 1780-х гг., рукописи, и ей, занесенной под таким определением в Опись 1788 г., не пришлось побывать в его канцелярии.

Но, может быть, Мусин-Пушкин, будучи обер-прокурором Синода, сам работал в Синодальной библиотеке или получал оттуда Апостол 1307 г. на дом? В истории этой библиотеки внимательно отмечены все лица, которые работали в 1790—1800 гг. над ее рукописями,

не забыты даже два „студента Богословия и Философии". Неужели имя обер-прокурора могло быть забыто? Лишь в 1810 г. для научного описания рукописей Синодальной библиотеки был приглашен ⟨К. Ф.⟩ Калайдович, который и занялся в первую очередь фондом, перешедшим из Типографской библиотеки. В 1813 г. он первый обнаружил запись 1307 г. на псковском Апостоле и тогда же известил об этой находке А. И. Мусина-Пушкина, предварив свое сообщение такими словами: „Я уверен, что время, от коего зависит скрывать и открывать, явит нам неоспоримые доказательства ее (Песни Игоревой. — *В. А.-П.*) достоверности, подобно одному, недавно мной найденному в Апостоле 1307 г.". Приведя запись на Апостоле и параллельный ей текст из „Слова", Калайдович писал: „Вы изволите усмотреть из сравнения, что сие любопытное место столь сходно одно с другим, что, кажется, игумен Зосима имел пред собою Песнь Игореву, незадолго пред ним сочиненную".[55]

Отвечая 18 января 1814 г. К. Ф. Калайдовичу, Мусин-Пушкин отзывается на это сообщение так: „О надписи, найденной Вами в Апостоле, замечание Ваше нахожу весьма справедливым".[56]

Итак, нет оснований утверждать, что Мусин-Пушкин был знаком с псковским Апостолом 1307 г. до 1813 г.

Но можно ли вообще отрывок „Слова", совпадающий с записью на этой рукописи, рассматривать как вставку в текст „Слова"? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, какое место в поэтическом языке „Слова" занимают метафоры, сопоставляющие битву с земледельческим трудом.

(А. В. АРЦИХОВСКИЙ. Это уже ясно.)

(Я пропускаю. Варвара Павловна пишет, что метафорами широко ⟨пользуются⟩, начиная с митрополита Илариона. — *Б. Р.*)

Таким образом, цитата из „Слова" в записи Домида не представляется чем-то исключительным в практике псковских писцов XIII—XIV вв.

---

[55] К. Ф. Калайдович не сумел прочесть скрытое тайнописью имя писца «Домид» и посчитал писцом игумена Зосиму, подарившего эту рукопись монастырю. Цитата из письма К. Ф. Калайдовича А. И. Мусину-Пушкину выверена и выправлена по изданию: *Бессонов П. А.* Константин Федорович Калайдович // *ЧОИДР*. 1862. Кн. 3. С. 97—98. О книгописце Домиде и его записи на псковском Апостоле см.: *Дмитриев Л. А.* Домид // *Энциклопедия «Слова»*. Т. 2. С. 130—132.

[56] РНБ. Собр. автографов М. П. Погодина. Ф. 588. № 278.

Итак, этот „камень преткновения" А. А. Зимину убрать не удалось, и запись Домида 1307 г. продолжает оставаться старшим свидетельством того, что в псковской письменности начала XIV в. „Слово о полку Игореве" было известно».[57]

Большой раздел отзыва Варвары Павловны посвящен Шахматову. Она говорит о том, что в работе, посвященной памяти Шахматова (чем Варвара Павловна возмущается), искажено отношение Шахматова к «Слову»: доказывается, что Шахматов не рассматривал «Слово о полку Игореве» как подлинный памятник XII в.[58]

Большой раздел в отзыве Варвары Павловны посвящен вопросу о полонизмах и белорусизмах, которые она считает ложными и ошибочными, давая целый ряд сопоставлений. Я думаю, что их здесь приводить не стоит. Александру Александровичу можно будет передать экземпляр. Здесь на двух страницах дано перечисление этих слов, которые Александр Александрович считает полонизмами и белорусизмами и которые имеются в целом ряде памятников. Думаю, что это зачитывать не стоит.

Я изложил только небольшую часть отзыва Варвары Павловны.

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Для изложения содержания отзыва П. Н. Беркова слово имеет Дмитрий Сергеевич.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Чтобы дать возможность Александру Александровичу сегодня выступить, я только самым кратким образом изложу сущность отзыва П. Н. Беркова.

Прежде всего нужно сказать, что этот отзыв занимает около 30 страниц на машинке; во-вторых, как и отзывы других специалистов, этот отзыв содержит не замечания по поводу отдельных неудач Александра Александровича, а он критикует самый научный метод работы А. А. Зимина, причем разбирается одна глава за другой — и

---

[57] Изложенные в отзыве на книгу А. А. Зимина соображения В. П. Адриановой-Перетц по поводу Апостола 1307 г. опубликованы. См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века // *РЛ*. 1965. № 2. С. 149—153.

[58] *Зимин-1*. Т. 3. С. 541—546.

лингвистические главы, и особенно внимательно главы, касающиеся XVIII в.; отмечается отсутствие в «Слове о полку Игореве» каких-либо реминисценций, которые можно связать с XVIII в.

Разбирается подробным образом вопрос о язычестве, причем дано гораздо больше материалов, чем у Бориса Викторовича ⟨Сапунова⟩ и у меня в наших выступлениях; говорится, что никакого выдумывания богов в XVIII в. не было. Он ссылается на свою работу, потому что «Зимцерла» и «Услад» были созданы гораздо раньше и являются плодом ошибки писцов, работавших ранее XVIII в.

Далее Павел Наумович очень кратко, в общей форме, говорит о том, что в работе А. А. Зимина встречаются ошибки в библиографии, неточности в сносках и т. д., но не придает этому такого большого значения.

В отзыве довольно подробный раздел посвящен вопросу о Шахматове, причем Павел Наумович довольно резко отмечает неуважение к Шахматову, которое высказано в работе Александра Александровича. А. А. Зимин на одной из страниц говорит, что у Шахматова не было достаточных оснований для окончательного решения вопроса о «Слове о полку Игореве».[59]

Заканчивается этот отзыв вопросом о благодарностях в предисловии. Павел Наумович говорит, что в предисловии приводятся благодарности, говорится о дружеской помощи и создается впечатление, что в процессе создания этой работы это были почти единомышленники, что в ней принимали участие ученые Москвы, Минска, Чернигова и других городов. Отмечается, что в этот список благодарностей включены ученые, которые явно не разделяют его точки зрения, в частности академик ⟨М. П.⟩ Алексеев, который стоит на первом месте.[60] Далее высказывается мнение, что ввиду того, что не использованы выводы акад. ⟨В. В.⟩ Виноградова по вопросу об атрибуции произведения,[61] что вопросы атрибуции не приведены так, как требует в своих работах акад. Виноградов, Павел Наумович

---

[59] Там же.

[60] Там же. Т. 1. С. 5.

[61] См.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. См. раздел первый: «Проблема авторства и принципы атрибуции текстов неизвестного происхождения» (с. 7—218). А. А. Зимин ссылается на эту работу В. В. Виноградова (см.: *Зимин-1.* Т. 2. С. 340, примеч. 3; с. 341, примеч. 1; с. 394, примеч. 1).

высказывает сомнение в том, что академик Виноградов читал эту работу, либо, он считает, что акад. Виноградов эту работу прочел, но его замечания автором не учтены.

Я очень сожалею, что Павел Наумович, который работал над этим отзывом больным и беспокоился, как будет прочитан этот отзыв, потому что здесь подчеркнуты некоторые места, которые следует выделить голосом, не смог сам его прочесть.

Мне кажется, что на нашем совещании в первую очередь необходимо было бы послушать таких крупных специалистов, как чл.-корр. В. П. Адрианова-Перетц и П. Н. Берков.

Е. М. ЖУКОВ

Слово предоставляется А. А. Зимину.

А. А. ЗИМИН

Дорогие друзья! Свое заключительное слово я начинаю с выражения чувства глубочайшей благодарности всем присутствующим, просто посетившим это заседание, и выступившим, и тем, кто за недостатком времени не смог выступить, за их доброе внимание, за тот огромный труд по разбору книги о «Слове», который они приложили.

Только совокупными усилиями всех историков, лингвистов, фольклористов, писателей и других любителей нашей отечественной гордости — «Слова о полку Игореве» — могут быть решены многие и многие загадки, связанные с историей его текста. Я неоднократно писал и говорил, что для меня «Слово о полку Игореве» — это драгоценная жемчужина русской литературы.

С чувством тяжелым, нерадостным пришел я к вам, когда принес на ваш суд книгу с утверждением о том, что песнь об Игореве походе сложилась не в XII, а в XVIII в. И вместе с тем «Слово о полку Игореве» для меня было, есть и остается замечательным памятником русской литературы.

Только с позиций марксизма-ленинизма — единственной методологической основы всех трудов советских историков, лингвистов, литературоведов — может быть верно решен кардинальный вопрос о времени и обстоятельствах возникновения этого памятника.

Только исходя из понимания идейного содержания, классовых основ этого произведения можно подойти к разбору важнейших

вопросов истории его текста, и отнюдь не случайно, что крупнейшие достижения в этой области достигнуты советскими историками, советскими литературоведами, советскими языковедами. Только их труды дали мне возможность поставить важнейшие вопросы, касающиеся самого происхождения этого памятника. Без трудов Д. С. Лихачева, Н. К. Гудзия, [М. Н. Тихомирова][62] и многих других корифеев науки, как присутствующих здесь, так и отсутствующих по разным причинам, нельзя было бы решить вопрос о соотношении «Слова» с летописью, о редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины», об истории создания «Слова» и многие другие.

Не с отрицанием их заслуг выступил я в своей книге, *наоборот, я чувствую себя их учеником, правда, может быть несколько строптивым*.[63]

Возможность постановки больших дискуссионных вопросов по истории и литературоведению была совершенно исключена в годы культа личности Сталина. В этот период даже всякие попытки отрицать древнее происхождение «Слова о полку Игореве» считались кощунством, надругательством над русской культурой и наглядным проявлением космополитизма.

Исторические решения XX и XXII съездов партии привели к коренному перелому в решении важнейших проблем отечественной истории. Перед нами, учеными, раскрылись невиданные перспективы для развития отечественной науки. Долг советских ученых с благодарностью ответить на ту заботу партии и правительства, которую они оказывают развитию самой передовой в мире науки. Только теперь стала возможной постановка дискуссионных больших вопросов и в исторической, и в литературоведческой науке.

Именно поэтому, руководствуясь решениями нашей партии, руководствуясь теми заветами, которые оставил нам великий Ленин, я и решился на то, чтобы поставить большой и важный вопрос по истории отечественной культуры.

---

[62] Некоторые вставки, внесенные А. А. Зиминым в стенограмму при ее первичной и вторичной вычитке и показывающие, в каком направлении шла работа над текстом, здесь и далее заключены в квадратные скобки.

[63] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: Не занимаясь никогда раньше этими вопросами, я чувствую себя их учеником, благодарным учеником, за что я им низко кланяюсь. *Здесь и далее отмечается только наиболее существенная правка, внесенная А. А. Зиминым в текст своего выступления при вычитке стенограммы.*

Я рассматриваю свое выступление отнюдь не решением всех вопросов истории текста «Слова о полку Игореве», а только как их постановку, но я вижу в этом свой научный долг как советского ученого.

Мне хочется сначала извиниться перед присутствующими, извиниться за многое. Подчас я сгорал со стыда, когда мне указывали, что на такой-то странице у меня сноска неправильная, на такой-то странице ⟨я⟩ неточно излагаю мнение какого-нибудь ученого, на такой-то странице я не привел нужной цитаты из той или иной работы по «Слову о полку Игореве».

Я все это чувствовал, я думал об этом, предполагал, что это может быть. Но говорю я это не в порядке оправдания, а для того, чтобы присутствующие простили мне мое малодушие, простили мне мою нетвердость, так как, к сожалению, я не проявил должной настойчивости, [не отказался от категорических предписаний как можно скорее обсудить работу]. А поэтому и предоставил в их распоряжение экземпляр книги с опечатками, описками и пр. Некоторые из присутствующих знают, как я до самой последней возможности старался оттянуть это совещание, чтобы дать наилучший текст. Я даже четырежды лишался возможности уйти в очередной отпуск, потому что мне было предписано сдать эту книгу, хотя в это время я вел ответственную плановую работу по завершению редактирования одного из томов многотомной «Истории СССР». Всю работу по подготовке книги о «Слове» я мог осуществить только с помощью и при горячем сочувствии многих ученых, друзей, ревнителей нашей отечественной литературы. Всем им я приношу глубочайшую благодарность. Но сверять машинописные тексты и переносить описки ⟨так!⟩ в каждый из ста экземпляров книги приходилось мне самому, в неурочное время, вечерами, после того, как я выполнял свою основную работу. Это была большая нагрузка. И когда я просил, чтобы мне была предоставлена хотя бы минимальная помощь в технической подготовке рукописи, мне, к сожалению, такой ⟨помощи⟩ оказано не было.

Поэтому я прошу извинить меня за эти внешние несовершенства работы, хотя я знаю, что несу всю ответственность за нее.

Конечно, у меня есть два подобия «оправдания».

Во-первых, все-таки это рукопись, или издание вместо рукописи.

Во-вторых, подобные описки, к сожалению, встречаются и в других работах, уже вышедших из печати. Здесь профессор Прийма

говорил, что я спутал двух Калайдовичей. Дмитрий Сергеевич, поскольку мне придется сегодня с Вами больше всего говорить, начну с Вашей статьи, помещенной в сборнике 1962 г.[64] Ведь и в этом издании и в Вашей статье много опечаток.

(Д. С. ЛИХАЧЕВ. Я о Ваших опечатках никогда не говорил.)

Об этом говорили многие. Я спутал двух Калайдовичей, но Вы же, Дмитрий Сергеевич, неоднократно путаете двух Румянцевых на страницах 21, 47 [и на с. 67, неоднократно неверно цитируется Ипатьевская летопись, на с. 26 путается «Задонщина» и Апостол 1307 г., на с. 27 неверно указано место и время издания работы Айналова и т. д.]. Я бы мог привести целую серию таких опечаток в уже опубликованных работах о «Слове». Все это досадно, но думаю, что, конечно, спор нужно вести не по этой линии.

I. Отзывы на книгу

Начну с главного. В дискуссии приняли участие многие видные ученые из присутствующих здесь специалистов, многие из тех, кому были разосланы экземпляры работы. К сожалению, по болезни и по другим причинам, как выяснилось сегодня, многие выступить не могли.

Я позволю себе зачитать, отнюдь не полностью, отзывы ряда специалистов, которые несколько расширят рамки обсуждения. Дело в том, что, руководствуясь законами развития советской исторической науки, я полагал, что коллективность является непременным условием работы. Только общими усилиями могут быть решены большие вопросы. А тем более, когда речь идет о памятнике, который должен быть подвергнут всестороннему анализу историками, филологами, фольклористами и т. п. Поэтому я считал, что выносить даже предварительно работу о «Слове» на обсуждение, не посоветовавшись с крупными специалистами в изучаемых вопросах, было бы преждевременно. И я обратился с просьбой высказать свое мнение по затронутым в работе вопросам к ученым различного профиля. После того, как я получил консультации, отзывы и соображения о книге, я взял на себя смелость предложить книгу вашему вниманию.

---

[64] См.: *Лихачев Д. С.* Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 5—78.

Здесь некоторые коллеги говорили, что я не являюсь специалистом по «Слову», что якобы я историк, а не литературовед, хотя присутствующим известно, что моя докторская диссертация о Пересветове[65] была как бы на стыке этих двух наук. Но я об этом говорить не буду.

Думаю, что мы сейчас договоримся сразу: «Слово о полку Игореве» — памятник бессмертного человеческого гения. Оно дорого не только весьма почтенной группе, всю жизнь посвятившей толкованию его текста, но оно принадлежит нашему народу. В споре же сторонников древнего и позднего происхождения памятника судьями должны быть широкие круги ученых, занимающихся историей, литературой, языком, фольклором России XI—XIX вв.

Я как-то не решаюсь зачитать некоторые из отзывов, поскольку в них встречаются иногда излишне, на мой взгляд, лестные оценки работы и выводов.

(В. И. СТЕЛЛЕЦКИЙ. Читайте!)

Евгений Михайлович, я себя очень плохо чувствую и прошу обратиться к присутствующим с просьбой, чтобы мне дали возможность, не свалившись, довести выступление до конца.

(Акад. Е. М. ЖУКОВ. Просьба во время выступления никаких реплик не подавать.)

Я прошу не понять меня как фанфарона, стремящегося преподнести какие-то лестные о себе слова. *Но вместе с тем вынужден*[66] познакомить вас с этими замечаниями, в самом сжатом виде, ибо все материалы, которые присланы мне, будут переданы в Отделение истории.

Начну с тех, кто получил приглашение участвовать в дискуссии. Доктор исторических наук С. Л. Пештич пишет: «Хотя Зимин считает, что его работа не претендует на всестороннее рассмотрение „Слова о полку Игореве", но в действительности данное исследование

---

[65] Докторская диссертация А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.» была защищена А. А. Зиминым в 1959 г. в Ученом совете Института истории АН СССР. Официальными оппонентами выступили: доктора исторических наук Н. Н. Воронин, В. И. Шунков, Б. Б. Кафенгауз и доктор филологических наук академик АН УССР Н. К. Гудзий. См. вышедшую годом ранее книгу: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

[66] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: Я хочу по возможности.

является обобщением полуторавекового изучения замечательного памятника. Можно с уверенностью сказать, что А. А. Зимин, проанализировав историко-литературные данные памятников древнерусской литературы XI—XVII вв. («Задонщину», русские летописи — Ипатьевскую по Ермолаевскому списку и Кенигсбергскую в первую очередь, фольклорные источники и некоторые другие), сопоставив их со „Словом о полку Игореве", с полной убедительностью доказал позднее происхождение последнего. Вывод автора, что „Слово" испытало на себе влияние многих памятников и произведений значительно более поздних, чем XII столетие, после его доказательств, думается, нельзя опровергнуть. Вопрос об авторе „Слова о полку Игореве", являющийся все-таки производным от времени его возникновения, также, по нашему мнению, решен достаточно верно».

Далее С. Л. Пештич, крупный специалист по изучению творчества В. Н. Татищева и других историков XVIII в., приводит дополнительные данные, говорящие об историографической обстановке XVIII в., способствовавшей возникновению подобного рода произведения. Это я опускаю.

Свой отзыв с пожеланием опубликовать мою книгу прислал старший научный сотрудник ИРЛИ кандидат филологических наук В. И. Малышев. Поскольку об его отзыве говорилось, я его опускаю.

Заведующий Сектором славяно-германских отношений Института славяноведения АН СССР кандидат исторических наук В. Д. Королюк, подчеркнув значение отдельных выводов автора книги о «Слове», высказал пожелание издать ее.

Мне бы очень хотелось остановиться на некоторых отзывах исследователей, которые принадлежат к сторонникам древнего происхождения «Слова».

Вот Дмитрий Сергеевич неоднократно и здесь, и в своих трудах ссылался на Ю. М. Лотмана, крупного специалиста по истории и взаимоотношениям «Слова о полку Игореве» с литературой XVIII в., который в сборнике 1962 г. опубликовал специальную статью на эту тему. Ю. М. Лотман, оставаясь на точке зрения XII в. как времени возникновения «Слова о полку Игореве», весь свой отзыв посвятил аргументации необходимости издания настоящей работы. Он, в частности, после того, как говорит о работе как написанной с «большой эрудицией, исследовательской смелостью...» и т. д., пишет:

«1. Научная литература о „Слове“ засорена большим количеством „юбилейных“ малодоказательных и вообще низких по своему научному уровню работ. Появление книги А. А. Зимина отрезвляюще подействует на многих авторов, заставит их более строго строить свои доказательства, напомнит, что очень многие положения в этой области истории литературы принимаются за доказанные, хотя никогда никем доказаны не были. Таким образом, появление книги А. А. Зимина заставит сторонников раннего происхождения „Слова“ строго оценить свои аргументы, от чего научная истина (а я полагаю, что истина заключается в том, что «Слово» — памятник Киевской литературы) только выиграет. Именно как сторонник раннего происхождения „Слова“ я настаиваю на опубликовании книги А. А. Зимина.

2. Книга А. А. Зимина очень богата ценными соображениями, которые являются вкладом в науку, независимо от того, является ли „Слово“ памятником XII или XVIII в.

3. Позиция А. А. Зимина по своему общественному смыслу очень глубоко отличается от весьма распространенной за рубежом критики подлинности „Слова“. Зарубежные „скептики“ исходят из соображения, что „Слово“ — подделка и изучение его должно быть свернуто. А. А. Зимин стоит на диаметрально противоположной позиции: он считает „Слово“ гениальным памятником русской литературы и делает, со своих позиций, все возможное для максимального выяснения вопросов, связанных с его возникновением.

4. Опубликование книги А. А. Зимина покажет зарубежным ученым „скептического“ направления, что советская наука не боится дискуссии по этому вопросу, что советские историки литературы стоят не на страже предвзятых тезисов, а защищают истину, которая рождается в свободных спорах по актуальным проблемам науки.

...Все это глубоко убеждает меня в необходимости публикации труда А. А. Зимина».

Доктор исторических наук Л. В. Черепнин пишет, что в своей работе А. А. Зимин считает, что «Слово» написано в конце XVIII в. Сам Лев Владимирович считает, что «Слово» написано в XII в., но указывает, что ряд сделанных Зиминым наблюдений заслуживает внимания и с ними следует считаться.

«Весьма интересны текстологические этюды А. А. Зимина. Его наблюдения, касающиеся соотношения „Слова“ с „Задонщиной“ и

с другими литературными памятниками, спорны, но заслуживают серьезного научного разбора. Ввиду гибели рукописи „Слова“ многие вопросы его происхождения являются темными. А. А. Зимин приводит ряд таких темных мест и изыскивает возможности пролить на них свет. Весьма подкупающей чертой работы Зимина является большое уважение к трудам своих предшественников. Я думаю, что наиболее убедительный результат в решении научных вопросов может быть достигнут путем дискуссий в печати. Поэтому мне представляется весьма желательным опубликование работы А. А. Зимина, чтобы по ней высказались историки, литературоведы, лингвисты. Зимин — серьезный ученый и заслуживает, чтобы его выводы стали общим достоянием».

Один из крупнейших советских источниковедов, доктор исторических наук С. Н. Валк пишет: «К вопросу об издании труда А. А. Зимина о „Слове о полку Игореве“. А. А. Зимин является, несомненно, одним из выдающихся современных историков. Уже поэтому всякая новая работа Зимина заранее заслуживает пристальнейшего внимания и издания. Трудно поэтому понять, как мог встать вопрос об издании или неиздании этой работы Зимина. Вопросы, связанные со „Словом о полку Игореве“, до сих пор обсуждались и обсуждаются уже в течение более полутораста лет. До сих пор никакого запрета на эти обсуждения наложено не было. Тем более такой запрет не может быть уместен в настоящее время, когда обсуждение всяких дискуссионных вопросов является обычным делом в нашей исторической науке» и т. д.

Вот отзыв одного из виднейших специалистов по истории Древней Руси, доктора исторических наук В. Т. Пашуто: «Труд А. А. Зимина — оригинальное и интересное исследование. Автор, во-первых, доказал, что часть текста „Слова“ моложе XII в., обнаружив при этом высокое дарование критико-текстологического анализа; во-вторых, показал недостоверность археографической деятельности Мусина-Пушкина, связанной со „Словом“, вновь подтвердив свой историографо-разыскательский талант; наконец, установил возможность причастности И. Быковского к созданию „Слова“, существенно прояснив при этом наше представление об общественно-литературной мысли того времени, когда „Слово“ стало известно читающей публике».

Затем В. Т. Пашуто делает отдельные замечания, но вывод делает такой: «В целом труд А. А. Зимина — творческое произведение.

Он смог появиться лишь в наше время, как результат внедрения марксизма в раннефеодальную историю и историзма — в литературоведение. Он синтезирует несметное число источников и огромную историографию. Его опубликование будет свидетельствовать о размахе свободного научного творчества в нашей стране и поставит продолжающуюся полтора века в международной историографии дискуссию вокруг „Слова“ на более высокую и прочную научную основу».

Кандидат исторических наук Ю. А. Лимонов — специалист по истории русского летописания XII в., написавший диссертационную работу по вопросам, непосредственно связанным с моим исследованием. Он пишет: «В нашей стране общественные науки, базирующиеся на марксистско-ленинском мировоззрении, на претворении в жизнь принципиальных решений XX и XXII съездов партии, достигли в своем развитии огромных успехов... Зимин неоспоримо доказал, что „Слово“ и Ипатьевская летопись имеют сходство в четырех аспектах: 1) в общих сведениях по истории Руси XI—XII вв.; 2) в изложении рассказа о походе Игоря 1185 г.; 3) в лексике памятников и 4) в их морфологических формах. Сходство фактической основы, композиции и тождество лингвистических и грамматических форм позволило автору сделать совершенно правильный вывод, что „Слово“ основано на тексте рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи». Далее он приводит дополнительную текстологическую аргументацию моих наблюдений и приходит к выводу, что в основу «Слова» положен текст Ипатьевской летописи по списку, близкому к Ермолаевскому конца XVII в.

В заключение Ю. А. Лимонов пишет о «необходимости скорейшей публикации книги А. А. Зимина, дающей превосходный анализ замечательного памятника русской литературы и опровергающей идеалистические спекулятивные построения западноевропейских буржуазных ученых».

Кандидат исторических наук А. Л. Хорошкевич, специалист по истории средневековой России, пишет: «Тем, кто никогда не занимался этим памятником специально, больно и трудно расставаться с представлением, что „Слово“ было создано в XII в. Еще труднее сделать это специалистам, изучавшим „Слово“ и породнившимся с этим удивительным по своей поэтичности и глубине замысла произведением. Но тем не менее сделать это придется. А. А. Зимин доказал, и доказал почти математически точно, что „Слово“ не могло

быть создано ранее XVIII в. Он использовал все достижения современной исторической науки: огромный фактический материал, накопленный исследователями за 150 лет изучения „Слова“, воспользовался новыми методами изучения и критики текста, новыми достижениями языкознания и в области фактов, и в области методики...

„...Мы любим свой язык и свою родину“, — писал В. И. Ленин. И мы — великорусы — можем гордиться своей культурой: летописями и сказаниями XI—XV вв. и замечательным „Словом о полку Игореве“, гордиться его автором, кто бы он ни был, который в XVIII в. сумел так глубоко проникнуть в дух древнерусской поэзии, чтобы создать памятник, подобный „Слову“».[67]

Научный сотрудник Института истории Я. Н. Щапов, автор текстологических исследований по истории Древней Руси, считает убедительными выводы Зимина о соотношении «Слова» и «Задонщины»; приводит данные о сочинениях XVIII в., которые могут быть поставлены в ряд со «Словом».

Кандидат исторических наук В. М. Панеях, историк и источниковед по вопросам истории России XVI—XVIII вв., останавливается на методике анализа, произведенного Зиминым, рассматривает приведенные им аргументы, в заключение пишет: «А. А. Зимин... является автором интересного, всесторонне обоснованного (хотя и спорного в некоторых частях) исследования. Его скорейшее опубликование диктуется интересами советской науки. Только широкая и гласная, подлинно научная полемика поможет определить время создания „Слова о полку Игореве“».

В отзыве проф. Д. П. Маковского, автора трудов по истории России XII—XVI вв., говорится, что Зимину удалось доказать, что «Слово» написано в конце XVIII, а не в XII в. Маковский высказывается за издание книги Зимина.

В отзыве кандидата исторических наук С. М. Каштанова, специалиста по вопросам источниковедения и истории Древней Руси, подробно разбирается работа А. А. Зимина и выражается согласие

---

[67] «Слово о полку Игореве» не упоминается в сочинениях В. И. Ленина. Он лишь использует несколько раз восходящее к «Слову» выражение «растекаться мыслию...», не указывая его источник. См.: Указатель произведений художественной литературы и критики, пословиц, поговорок и крылатых слов, используемых и упоминаемых В. И. Лениным // Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. М., 1978. Ч. 2. С. 600.

со всеми источниковедческими выводами автора: «Только марксистское понимание идеологических явлений в истории России феодального периода дает надежную опору для изучения памятников литературы и общественной мысли... Свою задачу автор выполнил с удивительным вдохновением и талантом. Замечательное, увлекательное, богатое мыслями, сверкающее мастерством источниковедческого анализа произведение А. А. Зимина должно как можно скорее увидеть свет и сделаться достоянием всех людей, интересующихся историей русской литературы и культуры вообще».

Фольклорист и литературовед, зав⟨едующий⟩ отделом древнерусской литературы Государственного литературного музея В. Г. Смолицкий, автор работы о «Слове», опубликованной в «Трудах ⟨Отдела⟩ древнерусской литературы»,[68] считает, что «книга А. А. Зимина „Слово о полку Игореве"... очень далека от бесспорности по своим выводам, общим и частным, и тем не менее — это серьезное научное исследование...»

«Напечатать эту книгу необходимо, так как независимо от справедливости основной концепции ее автора она послужит хорошим импульсом для более глубокого изучения замечательного памятника русской литературы. Многие главы представляют большой самостоятельный интерес. Так, главы I и II, посвященные текстологическому анализу различных редакций „Задонщины" и сличению текста „Задонщины" и „Слова о полку Игореве", полны тонких наблюдений, которые представляют большую научную ценность. Особенно следует отметить реконструкцию текстов Краткой и Пространной редакций... Очень убедительно сделано сличение композиции „Слова" и рассказа о походе Игоря 1185 г. Убедителен и вывод о знакомстве автора „Слова" с летописным рассказом. Очень интересна гипотеза А. А. Зимина о вставках, сделанных Мусиным-Пушкиным в тексте „Слова"».

Дальше дается характеристика работы и говорится следующее: «Его точка зрения на „Слово" как памятник XVIII в. спорна и в интересах науки должна быть подвергнута всестороннему изучению. Никакая скоропалительная критика не может здесь дать положительных результатов. Серьезный труд требует к себе серьезного отношения.

---

[68] *Смолицкий В. Г.* Вступление в «Слове о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 5—19.

Для изучения его необходимо время и коллективные усилия всех занимающихся затронутыми здесь проблемами, а для этого труд А. А. Зимина необходимо как можно быстрее опубликовать».

Кандидат исторических наук, заведующий рукописным отделом Библиотеки АН СССР А. И. Копанев дает такой отзыв: «Крупный советский ученый русского феодализма ⟨так!⟩ А. А. Зимин, пересмотрев тщательно весь текстологический материал, весь фактический материал об истории рукописи и издания „Слова", биографические данные об издателях „Слова" и т. д., пришел к выводу, что „Слово" создано в конце XVIII в. и автором его является Иоиль Быковский. Некоторые положения книги А. А. Зимина нам представляются сомнительными (например, авторство И. Быковского), однако в книге есть много такого, что требует очень пристального и объективного изучения... В споре о времени памятника, который уже давно поставлен полярно — или XII, или XVIII в., необходимо, чтобы каждый довод сторонников каждой точки зрения был обсужден и взвешен и чтобы была показана несостоятельность или убедительность его. Лишь в этом случае может быть достигнуто единое мнение о времени памятника. Самым лучшим способом обсуждения научной проблемы является ее обсуждение в печати».

Доктор исторических наук А. Г. Маньков решительно высказывается за необходимость публикации книги А. А. Зимина как «серьезного исследования, основанного на ряде наблюдений. Автору удалось достичь ряда очень весомых результатов. Имею в виду прежде всего сопоставление текста „Слова" с Пространной редакцией „Задонщины", а также с Ипатьевской и Кенигсбергской летописями. Менее удачны попытки А. А. Зимина приписать авторство „Слова" Иоилю Быковскому (гл. 6 и др.). Во всяком случае, не предрешая результатов ученого спора, который неизбежно должна вызвать книга А. А. Зимина, следует отметить, что круг затронутых в ней вопросов и ряд результатов исследования таковы, что они должны стать достоянием научной общественности. Поэтому представляется крайне желательным издание работы А. А. Зимина».

Один из крупнейших текстологов, специалист по древнерусской литературе и истории, кандидат исторических наук Н. А. Казакова пишет, что «напечатание книги А. А. Зимина, которое дало бы возможность ознакомиться с нею всем интересующимся, представляется настоятельно необходимым».

В отзыве дается оценка отдельных выводов автора, сопоставлению текстологического материала Слова с Задонщиной, с материалами фольклора.

«Достоинством книги А. А. Зимина является не только ее широкий диапазон, но и большое внимание, уделяемое автором текстологическому изучению привлекаемых им памятников... Концепция А. А. Зимина является спорной. Но нельзя не признать, что его книга представляет собой серьезное и интересное исследование: она заставляет задумываться над рядом вопросов как древнерусской литературы, так и литературы XVIII в. Дискуссия, которую она вызовет, будет полезна и интересна не только для узкого круга специалистов по „Слову", но и для широких кругов литературоведов, историков, лингвистов».

Теперь перейду к обзору ⟨отзывов⟩ историков и литературоведов, специалистов по XVIII—XIX вв.

Вот что ⟨на⟩писал мне доктор исторических наук, профессор А. В. П р е д т е ч е н с к и й, оговариваясь, что он ни в коем случае не считает себя специалистом по «Слову о полку Игореве»: «Автор „Слова" построил обращение Игоря к военным по образцу „Задонщины" и не согласовал этой перестановки с логикой художественного произведения. В „Слове" нет ни одного текста, первичность которого по сравнению с „Задонщиной" можно твердо установить. Сходство между „Словом" и летописными рассказами определяется не сходством событий, а есть результат текстологической связи обоих памятников. Для фактической основы рассказа автор „Слова" использовал летопись, для приемов художественного изображения — „Задонщину". „Темные места" ⟨объясняются⟩ не древними памятниками, а диалектами русского, украинского и белорусского языков. Итак, „Слово" — не памятник XII в., это Вы доказали с совершенной убедительностью... Но по поводу тезиса об авторстве Иоиля Вы не правы. Этого, по моему мнению, Вы не доказали, и Ваши аргументы, по-видимому, могут быть опровергнуты без особого труда. Иоиль — плохой поэт. Таким образом, вопрос решен Вами лишь частично, но решен, как мне кажется, блестяще и окончательно».

Доктор исторических наук А. Ф. С м и р н о в, специалист по русско-польским отношениям конца XVIII—XIX в., приводит новые дополнительные данные, свидетельствующие о повышенном интересе к Древней Руси в XVIII в. в связи с русско-польско-украинскими отношениями того времени. О возможности причастности Быковского

к этому сюжету А. Ф. Смирнов также высказывается положительно. И он заканчивает так: «Надо, чтобы все специалисты как ⟨по⟩ древнерусской, так и ⟨по⟩ русской, и белорусской, и украинской культур⟨ам⟩ XVIII в. имели возможность с ней ознакомиться». Поэтому он считает, что публикация моей книги необходима.

Один из крупнейших знатоков творчества Л. Н. Толстого, доктор филологических наук профессор Н. Н. Гусев пишет: «Я считаю, что Вам удалось с полной несомненностью доказать два тезиса: 1) „Задонщина" — первичный памятник, а „Слово" — вторичный; 2) „Слово" написано в XVIII в. От души поздравляю Вас с важным открытием в области истории древней русской литературы и буду ждать появления Вашей книги в доступном для всех издании».

Доктор исторических наук А. М. Станиславская, автор монографического исследования по вопросам русской внешней политики конца XVIII в., пишет, что, несмотря на то что она не может присоединиться к мнению о происхождении памятника в XVIII в., однако, «несмотря на отдельные неудачные места, на известную слабость общей концепции, работа А. А. Зимина заслуживает скорейшего опубликования. Решение вопроса об обоснованности, научной достоверности его концепции — дело специалистов по истории, литературе, языку России XII—XVIII вв. Это возможно только после публикации, когда работа станет достоянием широких кругов нашего народа».

(С МЕСТА. Хотя Александр Александрович просил его не перебивать, но все-таки мне кажется, что нет необходимости читать все отзывы.)

(С МЕСТА. Нет, нет, пусть читает.)

Доктор исторических наук Н. И. Павленко, специалист по истории России XVIII в., пишет о том, что «публикация работы А. А. Зимина необходима».

Доктор исторических наук, профессор П. А. Зайончковский пишет о ценности этого исследования и считает необходимым издание этой рукописи, «чтобы книга была доступна всем тем, кто хочет с ней ознакомиться».

Доктор исторических наук А. С. Никифоров[69] пишет также о значении этого труда и необходимости его издания.

---

[69] Ошибка в фамилии. Вероятно, имеется в виду Александр Сергеевич Нифонтов (1899—1987) — доктор исторических наук, профессор, специалист по

Доктор исторических наук П. Г. Рыдзюнский склонен признать возможность создания «Слова» в XVIII в.

Специально по главе, посвященной Иоилю Быковскому, высказывается один из виднейших специалистов по истории общественной мысли конца XVIII в., М. М. Штранге. Независимо от авторства Быковского он считает, что характеристика идейной борьбы в это время, изложенная Зиминым, соответствует тому представлению, которое сложилось в науке. Он пишет: «А. А. Зимин правильно относит к середине 60-х гг. начавшееся наступление правящих кругов на формировавшуюся демократическую интеллигенцию. Со второй половины 60-х гг. начинается удаление из Петербурга ее представителей, чему предшествовали изгнания в руководстве учебных заведений, и прежде всего в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Одной из жертв этого наступления реакции мог быть и Быковский». И далее: «...в шестой главе правильно освещается общественная и политическая обстановка, в которой жил Быковский как в Петербурге, так и в Ярославле. Наконец, несомненной заслугой А. А. Зимина является тщательное восстановление биографии Ивана Быковского, из которой многое нам было неизвестно до настоящего времени».

Можно привести также мнения фольклористов, специалистов в истории древнерусского эпоса. Кандидат филологических наук А. А. Горелов, признавая обоснованность источниковедческих выводов Зимина, решительно высказывается за необходимость публикации работы.

Кандидат филологических наук Л. И. Емельянов пишет: «Наиболее интересной и наиболее аргументированной представляется та часть работы, в которой автор производит скрупулезный сравнительный анализ первой и второй редакций „Задонщины“... Поэтому опубликование книги А. А. Зимина представляется не только возможным, но и необходимым».

Профессор Е. М. Мелетинский пишет мне: «Как фольклорист я не могу не признать ценность и тонкость Ваших наблюдений над фольклоризмом „Слова“. С фольклористической же точки зрения

русской истории XIX в., в 1945—1965 гг. научный сотрудник Института истории АН СССР. Он назван Е. М. Жуковым в числе предполагаемых участников обсуждения книги А. А. Зимина.

мне кажется очень убедительным и остроумным Ваше соображение о том, что „луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти“ противоречит стандартам эпической героики... Ваше капитальное исследование — это очень важная веха на пути изучения „Слова“ и целого комплекса культурно-исторических проблем, которые при этом возникают».

Доктор филологических наук Б. Н. Путилов, *разделяя традиционную точку зрения на дату «Слова»*,[70] подробно аргументирует свои соображения об отношении фольклора к «Задонщине» и говорит о необходимости скорейшей публикации труда Зимина.

На этом я пока кончаю. *Эти и другие отзывы в целом будут переданы в Отделение истории.*[71] Перехожу к разбору нашей дискуссии по существу.

II. О выступлении Д. С. Лихачева.

Прежде всего, мне очень отрадно, что большинство присутствующих во всяком случае сходно в том, что работа, представленная на обсуждение, заслуживает публикации.

Отдавая книгу в руки ученых, всю жизнь отстаивавших мысль о древности «Слова», я не рассчитывал ни на шумный успех, ни на тихое признание. Скажу вам по секрету, я перестал бы уважать Дмитрия Сергеевича Лихачева и Николая Каллиниковича Гудзия, если бы они, прочитав книгу, сказали: «Зимин прав. *Мы отказываемся от наших точек зрения, которые мы развивали не одно десятилетие*[72]».

---

[70] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: не соглашаясь с тем, что это памятник XVIII в.

[71] А. А. Зимин не процитировал отзыв В. Б. Кобрина, поскольку он сам выступал на обсуждении. А. Л. Юрганов в нескольких статьях цитирует этот отзыв В. Б. Кобрина, хранящийся в личном архиве последнего. Приведу цитату из него, поскольку в выступлении В. Б. Кобрина этот фрагмент по вполне понятным причинам не прозвучал: «Заслугой А. А. Зимина является большая научная честность, щепетильность, добросовестность. Он приводит не отдельные факты, вырванные из окружения, а все факты, в том числе и такие, которые на первый взгляд говорят не в его пользу. Именно поэтому так убеждает его аргументация, именно поэтому самый придирчивый взгляд (даже человека, не разделяющего его основные положения) не найдет в работе А. А. Зимина, следовательно, вольной или невольной подтасовки, подгонки фактов под концепцию» (цит. по: *Юрганов А. Л.* Творческое наследие В. Б. Кобрина в контексте истории исторической науки // Отечественная история. 1993. № 1. С. 141).

[72] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: Нужно пересмотреть вопрос.

Я рад, что в их очень развернутых выступлениях были высказаны серьезные соображения. Невозможно было бы ожидать такого быстрого признания по работе, которая в отечественной науке впервые за последние сто лет ставит эту проблему. Научные истины, самоочевидные иногда потомкам, для ученых-современников не всегда бывают столь бесспорны.

Основное рассмотрение всех выдвинутых по моему адресу возражений наглядно показало, что никакими неопровержимыми данными в пользу датировки «Слова» XII в. мои уважаемые оппоненты, к сожалению, не обладают. Все их доводы без какого-либо сверхусилия могут быть отвергнуты и рассмотрены в аспекте позднего происхождения памятника.

Лингвистическим соображениям я посвящу вторую специальную часть своего выступления, поскольку эта тема является особенно важной. Эта сторона вызвала целый ряд нареканий, ей я должен уделить особое внимание, хотя подчеркну еще раз, что не являюсь профессионалом-лингвистом.

[Второй основной вывод работы также остался не опровергнутым: нет никаких данных у моих оппонентов, которые противоречили ⟨бы⟩ гипотезе о возникновении «Слова» в конце XVIII в. под пером предполагаемого мною автора. И уровень его знаний, образованного книжника, любителя старины, и языковые особенности памятника, и состав источников «Слова» без особого труда укладываются в это представление. «Слово» вполне соответствует идейной борьбе и литературным явлениям конца XVIII в.]

Должен с горечью заметить, что большинство выступавших сторонников древнего происхождения «Слова» употребляли термин «скептики» по отношению к сторонникам поздней датировки памятника. Я не стал бы употреблять такой термин по отношению к сторонникам происхождения «Слова» в XVIII в., так же как не стал бы употреблять его и по отношению к сторонникам происхождения ⟨«Слова»⟩ в XII в. Это ничего не добавляет к существу вопроса.[73] [(Ведь для меня тоже Д. С. Лихачев «скептик», ибо сомневается в происхождении «Слова» в XVIII в.)]. Главное ведь в том, чтобы этот вопрос решался с марксистских методологических позиций.

---

[73] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: Для удобства буду называть «древниками» сторонников древнего происхождения «Слова».

Д. С. Лихачев и Н. К. Гудзий по существу исходили из априорного тезиса о том, что «Слово» — это памятник XII в., который якобы не подлежит сомнению, а потому и не нуждается в доказательстве. С этим я не могу согласиться. Теперь этот тезис никто на веру не принимает, его надо доказывать. [А доказательств — увы — на поверку не оказалось.]

[В заключительном слове нет возможности остановиться на всех замечаниях в адрес книги, на всех выступлениях. Нужно отобрать главное. Программным манифестом «древников» было обширное выступление Д. С. Лихачева. Ему я и уделю основное внимание.]

К сожалению, я не слышал выступления Дмитрия Сергеевича и сейчас, благодаря его любезности, имею только его письменный доклад. Это досадно. Ведь каждое выступление Д. С. Лихачева всегда поражает литературным и исполнительским талантом автора, основательно по содержанию. Это, как правило, художественное произведение. Читая текст его выступления, я против своей воли сразу же попал под обаяние его красивой мысли, переживал вместе с ним, негодовал и радовался. В самом деле, «некто» взял построения иноземного ученого Мазона, ухудшил их — как бы поделикатней сказать — в своем «сочинении» и решил тем самым ввести в заблуждение читателя. Что же этот «некто» для этого делает? А вот что. Он как-то приготовляет некий «архетип» «Задонщины» и, манипулируя им, старается навязать читателю свои выводы при помощи каких-то нечистоплотных методов. Этот автор дошел даже до того, что решил скрыть от читателей сборник статей против Мазона, вышедший в 1962 г., считая, что читателю и на ум не придет раскрыть этот сборник и сравнить его с опусом Зимина. Этот автор исказил точку зрения польского ученого ⟨Циприана⟩ Годебского, приписав ему какие-то скептические мысли. Все это изложено очень увлекательно, темпераментно. Но о ком же это все написано? И тут я сообразил: да ведь речь идет о моей книге. Этот предполагаемый автор и есть Зимин.

Как ни глубоко я уважаю Дмитрия Сергеевича за его незаурядный талант, на этот раз я, к сожалению, не могу согласиться с тем, что нарисованная им картина соответствует действительности. [Основные положения книги Зимина, изложенные в выступлении Д. С. Лихачева, на самом деле не имеют к ней ни малейшего отношения.] Вероятно, Дмитрия Сергеевича подвел гнев, который всегда дурной советник. Но «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав».

Начну с последнего утверждения Дмитрия Сергеевича. Ах, Дмитрий Сергеевич, Дмитрий Сергеевич!

(Б. А. РЫБАКОВ. Можно попросить выступающего говорить в другом тоне — более сдержанно и более вежливо?)

(Е. М. ЖУКОВ. Предоставим ему право говорить. Не будем придираться.)

Приемы критики, которые применяет Д. С. Лихачев в адрес моей книги, наглядно проявились в его замечаниях о восьмой главе исследования, в ней, как известно, 94 страницы. Здесь, по крайней мере, собран значительный историографический материал, частично отсутствующий даже в исчерпывающих библиографиях, приведены архивные данные, невышедшие издания «Слова». И вот в двадцати двух строках на стр. 69 своего выступления Дмитрий Сергеевич пытается доказать, что «вся восьмая глава лишена какого бы то ни было научного значения, изучение „Слова“ в ней не изложено, а изображено, и дело не только в крайней тенденциозности этого изображения, но и в прямом искажении фактов».

И вот для ⟨доказательства⟩ этого, казалось бы, ответственного утверждения Д. С. Лихачев приводит всего один пример.

Речь идет о том, что польскому поэту Годебскому мною якобы приписано сомнение в подлинности «Слова», ⟨а⟩ «между тем Годебский никогда ничего подобного не утверждал». Вы ссылаетесь при этом на статью покойного польского ученого Шольсона, опубликованную в 13-м томе «Трудов Отдела древнерусской литературы».[74] Я считал бы, что было бы лучше посмотреть, что пишет сам Годебский в своем сочинении, а не то, что о нем говорил Шольсон. Годебский в 1806 г. писал, что Мусин-Пушкин «действительно объявил, что он был только переводчиком рукописи с древнего (языка)... но поскольку многие сомневаются в этом источнике... осмеливаемся ее счесть за произведение подложное или по меньшей мере переработанное при его подновлении».[75] Вряд ли можно на основании этого утверждения меня считать лжецом, стремящимся сознательно или несознательно исказить слова Годебского. [Зато уж об искажении

[74] Неточность, статью М. Шольсона см.: *Шольсон М. М.* О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 71—78.

[75] *Godebski C.* Zabawy przyjemne i pożyteczne. Warszawa, 1806. T. 5. S. 71. — *Примеч. А. А. Зимина.*

Д. С. Лихачевым и мнения Годебского, и утверждения Зимина говорить есть все основания.] Больше примеров у Вас на стр. 69 не приведено.

[Итак, голословное утверждение подтверждено неверным фактом, и так на протяжении всего доклада Д. С. Лихачева.]

Перехожу к главным тезисам выступления Дмитрия Сергеевича.

[Для Дмитрия Сергеевича «вопрос о дате „Слова“ — это вопрос, быть или не быть „Слову“». Он говорит: «„Слово о полку Игореве“ гениально только постольку, поскольку оно написано в XII в.» (с. 2).[76] Однако для всякого человека, любящего такой шедевр русской поэзии, как «Слово о полку Игореве», оно не померкнет, если оно было создано в XVIII в. Для Дмитрия Сергеевича — «быть или не быть». Так что же любит Д. С. Лихачев в «Слове»: его немеркнувшую ⟨так!⟩ красоту, его высокие патриотические помыслы или то, что оно написано в 1185—1187 гг.?][77]

Теперь о замечаниях в мой адрес.

Тезис № 1: «Зимин — последователь Мазона». Этот тезис звучал и в ряде других выступлений. Поэтому я считаю своим долгом на нем остановиться.

Я якобы в своей книге говорю незаслуженно мало о Мазоне и, в частности, умолчал о том, что Мазон в 1961 г. в «Ревю» объявил печатно авторство Иоиля, и тем самым приписываю себе вольно или невольно какой-то приоритет. Это — тяжелое обвинение. Об этом же говорили со ссылкой на то же «Ревю» Б. А. Рыбаков и В. Д. Кузьмина. [Замечу, что я признаю и заслуги Мазона, видного слависта, и во всех случаях, когда мои выводы совпадают с его заключениями, ссылаюсь на него. Но вот — Быковский?] По случайности этот том «Ревю» есть в моем распоряжении, и я могу показать его присутствующим. В переводе у Мазона по поводу Быковского написано следующее: «Первый владелец рукописи архимандрит Иоиль (Иван Быковский) не мог избежать того, чтобы, подобно Сенковскому, в „блъван“ вложить смысл польского bałwan».[78] Вот и все.

[76] Здесь и далее ссылаюсь на машинописный текст выступления Д. С. Лихачева. — *Примеч. А. А. Зимина.* Приведенный фрагмент в стенограмме выступления Д. С. Лихачева отсутствует, он не был озвучен автором.

[77] Данную вставку А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 1».

[78] Revue des Études Slaves. 1961. ⟨T. 39.⟩ P. 138. — *Примеч. А. А. Зимина.*

Если руководствоваться этим текстом, надо полагать, что Мазон и Сенковского считал автором «Слова о полку Игореве». Бесспорный факт только один: Мазон в печати ни одним словом не обмолвился об авторстве Иоиля.

Когда я уже пришел к выводу об Иоиле как предполагаемом авторе «Слова» (получилось примерно так, как у Олега Викторовича Творогова с Якобсоном: он сделал схему списков «Задонщины», а затем узнал выводы Якобсона о редакциях), — я получил сообщение, что Мазон как будто бы склоняется считать Иоиля автором «Слова». Имел ли я основание, не считая для себя возможным переписываться с ним по вопросам о «Слове о полку Игореве», давать какое-то указание на его еще не высказанное в печати предположение? По-моему, я не имел ни малейшего права. [(А м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, сейчас уже Мазон считает автором «Слова» Карамзина? Ведь он неоднократно менял кандидатов в авторы Игоревой песни).] Я имел в данном случае еще менее права, чем, например, ссылаться на В. И. Малышева, который еще раньше в устных беседах говорил, что Иоиль мог написать «Слово».

Какие точки соприкосновения с построением Мазона и какие разграничительные линии можно провести? Бесспорно то, что нас разделяют прежде всего методологические основы исследования. Для меня как историка-марксиста главное — социально-политическое содержание «Слова», [его органическая связь с идейной борьбой конца XVIII в.]. Для Мазона — это «пастиш» (стилизация), который навеян Оссианом, преисполнен американизмами и т. п., [т. е. не органическое явление русской литературы, а навеянное иноземными влияниями]. Это решающее, основное. [Не заметить этого Д. С. Лихачев не мог, и, однако, он об этом умолчал.]

Разница коренная и в методике исследования. Мазон далек от источниковедческого рассмотрения памятника. У него эмоции преобладают над анализом, вкусовые представления зачастую подменяют научную доказательность суждений. [В моей книге содержится попытка подойти к тексту памятника с позиций последних достижений советского источниковедения, основанного на новой марксистской методологии. И опять Д. С. Лихачев об этом не сказал ничего.]

Критика, которой подверглась работа А. Мазона в советской историографии, в основных чертах была верной, кроме одного пункта — «Задонщины». Ну, об этом я уже писал в своей книге.

Если говорить обобщенно, для решения загадки «Слова», на мой взгляд, необходимы пять ключей. Один из них был намечен Яном Фрчеком [погибшим в фашистских застенках] и отчасти Мазоном. Это тезис о Пространной редакции «Задонщины» как источнике «Слова». Четыре остальных предложены в настоящей работе: 1) источник исторических сведений «Слова» — Ипатьевская и отчасти Кенигсбергская летописи (а не Татищев, как считал Мазон); 2) языковой строй памятника, в том числе ориентализмы (у Мазона все время речь идет о прямой модернизации языка в духе XVIII в., галлицизмах и т. д.; от разгадки ориентализмов он уклонился); 3) загадка приписки к псковскому Апостолу или вставок А. И. Мусина-Пушкина (Мазон ошибочно считал, что речь идет об «общем месте» древних памятников, но ни одного памятника подобного рода не привел); 4) автор «Слова» — Иоиль Быковский. Для Мазона — автор был кто-то из издателей. Это неверно. «Слово» создано как книжная былина, и лишь позднее Мусин-Пушкин ее пытался использовать как подделку.

Теперь слушатели сами оценят, что нового и старого в книге Зимина по сравнению с Мазоном.

Но если говорить о предшественниках, — а о них говорить всегда нужно, — то я считаю, надо было бы сказать о том, кто же начал полемику с Мазоном и чьи аргументы потом получили развитие.

Первым выступил в защиту древности или против Мазона П. Н. Милюков.[79] Его аргументы повторяются в основных чертах и развиваются дальше Д. С. Лихачевым. Я не говорю о методологической основе, коренным образом разделяющей взгляды советского ученого и Милюкова. Я вообще не стал бы проводить здесь параллели. Но это историографический факт, о котором Д. С. Лихачев почему-то всегда умалчивает. Далее. Основной противник позднего происхождения «Слова» — небезызвестный профессор Р. Якобсон (США), политические и научные представления которого достаточно ясны. Его школа поднимается на щит в зарубежной славистике, и я что-то не слыхал, чтобы Д. С. Лихачев хоть когда-нибудь подвергал взгляды Якобсона и его последователей серьезной критике. На месте Бориса Александровича Рыбакова я бы повторил тот пикант-

[79] Комментарий к упомянутым в этом фрагменте именам зарубежных исследователей см. во вступительной статье (примеч. 294, 296, 298, 299).

ный случай, который он столь красочно изобразил на лекции студентам I курса исторического факультета МГУ. На последнем съезде славистов якобы к нему подошел Р. Якобсон и предложил ему союз против Зимина.

(Б. А. РЫБАКОВ. Вы слышали об этом? Я подтверждаю Ваши слова, но только это не тот источник!)

Д. С. Лихачев не упомянул и ренегата Лесного, бежавшего с немцами из Киева и подвизающегося сейчас в Австралии. Этот, с позволения сказать, «ученый» дикой бранью встретил не только работу Мазона, но и прислал, как мне сообщил С. В. Шервинский, уже готовую разносную рецензию против Зимина в Комиссию по «Слову о полку Игореве»,[80] хотя ни работы Зимина, ни выводов его не знает. Напрасно Вы, Борис Александрович, в последней[81] работе о Древней Руси с сочувствием ссылаетесь на «интересные соображения» этого, с позволения сказать, «ученого».[82] Можно было бы напомнить о том диком вое (иного слова не подыщешь), который был поднят реакционными славистами, прослышавшими теми или иными способами о докладе Зимина и пытающимися сколотить общественное мнение за рубежом против Зимина. Я имею в виду и выступление Якобсона на съезде славистов с анонимным выпадом против меня, и «деятельность» в этом направлении главных столпов реакционной славистики — украинского националиста Д. Чижевского и «патриарха» эмигрантских историков Г. Вернадского, и многих других. Все они с нетерпением ждут возможности начать разнузданную кампанию против Зимина. Я упомянул об этом в той связи, что в выступлении Б. В. Сапунова и некоторых других *прозвучали иные нотки, делаются попытки показать, что-де за рубежом ждут выхода в свет работы Зимина. Да, ждут, но с какой целью*?[83]

Теперь, чтобы кончить с историографией, два слова об [мнимом] игнорировании мною сборника 1962 г. *Все это сплошная неправда.

---

[80] С. В. Шервинский в 1954—1976 гг. был секретарем Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» Союза писателей СССР, организованной в 1950 г. в связи с празднованием 150-летнего юбилея Первого издания «Слова» по инициативе писателя, переводчика и исследователя «Слова» И. А. Новикова.

[81] *Вместо данного слова в исходном экземпляре стенограммы было*: очень интересной.

[82] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. М., 1963. С. 167. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[83] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы читается*: эти вопросы были подняты.

Все статьи сборника тщательнейшим образом разбираются на протяжении всей книги. Все аргументы защитников древности «Слова» находят всестороннее рассмотрение. Поэтому Д. С. Лихачев не привел ни одного конкретного примера игнорирования мною доводов авторов сборника в пользу раннего происхождения «Слова». Вот только несколько страниц:[84] о статье Ю. М. Лотмана см. с. 362, 386, 387, 562; о статье Н. К. Гудзия см. с. 75, 124,[85] 231, 562; о статье В. П. Адриановой-Перетц см. с. 72, 76, 140—141,[86] 168, 178 и др.; о статье Н. М. Дылевского см. с. 156, 317, 562 и т. п. Конечно, я не всегда согласен с моими коллегами, но я всегда стараюсь и уважительно относиться к их работе и подчеркиваю их заслуги в освещении важных проблем, их позитивные выводы, не считая допустимым игнорировать, нарочно замалчивать их работы.*[87]

Второй тезис Д. С. Лихачева — неправомерность использования мною реконструкции «Задонщины». Это большой теоретический вопрос, связанный с самою методикой исследования.

Не касаясь всех споров с Вами, Дмитрий Сергеевич, о понятии реконструкции, принципах ее построения, о которых Вы глухо упомянули в своем докладе,[88] я только скажу, что, на мой взгляд, всякое исправление текста памятника уже несет в себе элемент реконструкции. Дмитрий Сергеевич считает, что реконструкция — это воссоздание далекого протооригинала. Может быть, он прав, может быть, прав я — трудно сказать, это вопрос дискуссионный и он еще не решен в науке. Но вот когда Д. С. Лихачев пытается как бы навязать мне свое представление о реконструкции и именно с этих позиций критикует мою работу, с этим согласиться трудно. [Опять мне приписывается то, что я не думаю, а потом это (в его конкретном пре-

---

[84] Напомню, что нумерация в трех томах книги А. А. Зимина сплошная, от 1 до 660 с. Т. 1: с. 1—240; Т. 2: с. 241—484; Т. 3: с. 485—660.

[85] В стенограмме неточность, см. с. 129.

[86] В стенограмме неточность, см. с. 139—140.

[87] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном тексте стенограммы было*: Я передам в стенограмму текст, в котором сошлюсь на все те споры, контроверзы и несогласия со своими коллегами (с указанием страниц), с Н. К. Гудзием, В. П. Адриановой-Перетц и другими.

[88] См.: *Зимин А. А.* О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв. // Исторический архив. 1956. № 6. С. 133—143; *Лихачев Д. С.* К вопросу о реконструкции древнерусских текстов ⟨по поводу статьи А. А. Зимина⟩ // Там же. С. 154—166.

творении в жизнь мною) отвергается. Да, если б я считал, что реконструкция — это то, что вкладывает в это понятие Д. С. Лихачев, пользоваться ею в исследовании было ⟨бы⟩ крайне трудно.]

Реконструкция реконструкции рознь. Одно дело — реконструировать общие контуры летописного свода XI в. по спискам летописи XIII—XIV вв. и другое дело — реконструкция памятника, написанного в 20-х гг. XVI в. по ряду списков 30-х гг. XVI—XVII вв. Это принципиально разные вещи. Разница и в убедительности, и в характере самой работы. В последнем случае (как это и есть у меня) речь идет об исправлении отдельных описок или индивидуальных чтений переписчика — и законы этого исправления приближаются к математическим. Принципы мною изложены на стр 586—591. Я очень рад, что ученики Д. С. Лихачева О. В. Творогов и С. Н. Азбелев (очевидно, в отличие от самого Д. С. Лихачева) их разделяют.

Да, мною даются реконструкции текстов Краткой и Пространной редакций «Задонщины». Но что это реально значит? В Краткой редакции исправлено 28 чтений. Из них больше половины — исправление просто описок (типа «Чече» вместо «Мече», «вещагого» вместо «вещаго»). Так ли страшен черт, как его малюют? И все же, когда я перехожу к текстологическому сопоставлению Краткой и Пространной редакций «Задонщины», а последней со «Словом о полку Игореве», я пытаюсь доказать первичность Краткой редакции по сравнению с Пространной, а Пространной по сравнению со «Словом» не на отдельных реконструированных чтениях. Я кладу в основу конкретный список И-1 для Пространной и К-Б для Краткой редакции, внося необходимые исправления в текст и давая в скобках дефектные или индивидуальные чтения разбираемых списков. Вся лаборатория исправлений налицо. Итак, доказательство строится не на реконструированных текстах, а на сохранившихся чтениях реальных списков. Иначе было бы то «колесо», которое ярко нарисовал Дмитрий Сергеевич.[89] Все спорные случаи мною разбираются тут же (с. 52, 55) или исследуются специально (с. 102—124).

[Кстати, подобного рода «реконструкциями» текстов (в моем понимании этого слова, а не Д. С. Лихачева, т. е. с исправлением дефектов индивидуальных особенностей списка) пользуются буквально

[89] Д. С. Лихачев говорил не о «колесе», а о «порочном круге».

все исследователи «Слова о полку Игореве», рассматривающие его содержание с учетом принятых ими «конъектур» (исправлений). До сих пор никто в этом ничего зазорного не видел. Кстати, в сборнике 1962 г., вышедшем под редакцией самого Д. С. Лихачева, помещена статья В. П. Адриановой-Перетц, сравнивающей «Слово» с «Задонщиной». Но ведь там-то сравнение идет именно с реконструкцией «Задонщины», а не с каким-либо реальным текстом. Вот что пишет сама В. П. Адрианова-Перетц: «Восстановленный текст „Задонщины“ цитируется ниже по изданному в *ТОДРЛ* (т. VI, М.; Л., 1948, с. 223—232) (т. е. по реконструкции В. П. Адриановой-Перетц. — *А. З.*), но с исправлением отдельных чтений».[90] Отличие метода В. П. Адриановой-Перетц состоит лишь в том, что она вовсе не указывает при использовании реконструкции, откуда она берет чтения при исправлении текста списка И-1.

Так как же Вы, Дмитрий Сергеевич, делаете упреки мне, да еще при этом говорите, что реконструкция В. П. Адриановой-Перетц «завершает исследование и не употребляется для сличений и доказательств» (с. 20). Что же заставляет Вас и на этот раз говорить вещи, противоречащие истине?]

Д. С. Лихачев говорит о том, что Зимин «сравнивает тексты и эпизоды мозаично по эпизодам, иногда по мелочам» (с. 14).[91] Прежде всего, у меня по эпизодам разобран весь текст Краткой редакции «Задонщины», весь текст ее Пространной редакции до прекращения соответствия с Краткой, все общие места «Слова» с «Задонщиной». И кроме этого я изучаю мельчайшие текстологические нюансы. Правильно ли я это делаю? Думаю, что да.

Дмитрий Сергеевич считает, что мною «рассматривается и объясняется читателям только одна возможность: та, которая нужна А. А. Зимину, возможность других объяснений ⟨иногда более простых и ясных⟩ попросту не рассматривается» (с. 15).[92] Неужели это

---

[90] *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М., 1963. С. 133. — *Примеч. А. А. Зимина.* (Выходные данные книги иные: М.; Л., 1962.)

[91] Цитата неточна. У Д. С. Лихачева: «...Александр Александрович сравнивает тексты ⟨...⟩ мозаично, по эпизодам, иногда по мелочам, иногда по „микросочетаниям“, как он сам выражается...» (см. наст. изд., с. 173); то же в подготовленном Д. С. Лихачевым тексте, который цитирует А. А. Зимин.

[92] Приведенный фрагмент в стенограмме выступления Д. С. Лихачева отсутствует, он не был озвучен автором.

действительно так? Конечно, нет. [Д. С. Лихачев и на этот раз лишь голословно декларирует свой тезис. А я сошлюсь на книгу. Так,] на стр. 53, где говорится о первичности чтения К-Б «гнездо Калиты», я говорю об обратном варианте («гнездо Владимира») и доказываю его невозможность. На стр. 62, говоря о тексте про Соломона в К-Б и И-1, я доказываю, что первичность конструкции И-1 невозможна по целому ряду обстоятельств. На стр. 71 я рассматриваю гипотезу М. Н. Тихомирова о Тырнове. На стр. 76 рассматриваю гипотезу Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц о ковыле («представим себе, что первоначально читалось» и т. п.).

На стр. 83 рассматриваю контроверзу «гор каменных»: можно ли считать, что «горы каменные» в «Задонщине» появились под влиянием «Слова о полку Игореве».

На стр. 132 говорю о контроверзах имени «Боян» по Т. Чижевской ⟨*Čiževska T*. Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966⟩.

На стр. 135 говорю о невозможности первичности «Слова» в тексте: «Луце жъ бы потяту быти».

На стр. 149 рассматриваю невозможность происхождения Соломона «Задонщины» из «за шеломянем» «Слова».

На стр. 163 говорю о невозможности вывести «притрепать» «Задонщины» из «Слова». Число этих примеров можно было бы увеличить. Т. е. при исследовании чисто логически рассматриваю разные возможности происхождения сходных текстов и делаю вывод о первичности одного из них на основании исторического и филологического анализа.

Другое дело, что *моя объективность историка* подсказывает мне остановиться на том или другом объяснении, отвергнуть менее убедительные, которые кажутся более вероятными Дмитрию Сергеевичу.

Но тогда зачем же и на этот раз бездоказательно Д. С. Лихачев упрекает ⟨меня⟩ в явной недобросовестности? Не потому ли, что в его распоряжении нет серьезных доводов против основных положений книги?[93]

Дмитрий Сергеевич говорит, что я из Пространной редакции «Задонщины» беру некоторые варианты для исправления отдельных

[93] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: Но сказать, что я не разбираю контроверзы, я бы не считал возможным.

мест текста Краткой редакции. Это якобы недопустимо. Но почему? Если доказано на бесспорном материале, что Краткая редакция первична, а Пространная вторична, то такой прием вполне естествен. Вспомним приемы реконструкции А. А. Шахматовым Начального свода из материалов «Повести временных лет».

[Д. С. Лихачев приводит реконструированный мною текст Краткой редакции «Задонщины»; вместо дефектного: «От тоя рати и до Мамаева побоища» я даю «от Калагъския рати и до Мамаева побоища Рускаа земля уныла» на основании «Сказания о Мамаевом побоище» («от тоа бо Галадцкыа беды... и ныне еще Рускаа земля уныла»). Прежде всего, надо сказать прямо, случай исключительный. Единственный раз приходится пользоваться «Сказанием о Мамаевом побоище». (Этим же памятником, кстати, для реконструкции «Задонщины» пользуются В. П. Адрианова-Перетц и Р. О. Якобсон, что не вызвало у Д. С. Лихачева никаких эмоций.) Имею ли я право привлекать «Сказание» для реконструкции? Да, безусловно, ибо ранее (с. 24 и след.) уже обосновал тезис о том, что Краткая редакция «Задонщины» влияла на «Сказание о Мамаевом побоище». Следовательно, в «Сказании» сохранились следы Краткой редакции. Удачна ли моя реконструкция? Не мне судить. Ее возможность подкрепляется сходными текстами Пространной редакции («оттоля Руская земля сѣдит невесела. А от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася»).[94] Составитель Пространной редакции, на наш взгляд, в приведенном тексте использовал фрагмент Краткой, близкий к реконструированному мною.

Заключая разбор этого примера, Д. С. Лихачев говорит: «После этого уже легче объявить Краткую редакцию поэтичной, а Пространную — книжной (еще бы — там эта фраза заканчивается цифрой!)». Нет, не на этом примере строится у меня вывод о поэтичности Краткой редакции и компилятивности Пространной.

Или вот как достигается внешний эффект в критике Зимина. Берется отрывок из списка К-Б («Восхваляя их песми и гуслеными словесы»),[95] сопоставляется с фразой И-1 «и я же помяну Ефоня

[94] *У*. Л. 170 об.

[95] В тексте «Задонщины»: «Восхваляя их пѣсми и гуслеными буиными словесы» (*К-Б*. Л. 122 об.).

ерея резанца в похвалу пѣсньми и гуслеными и буяни словесы и сего великого князя Дмитреа», приводится моя реконструкция: «я же восхвалю песнми и гуслеными буйными словесы и сего господина князя Дмитрия»[96] — и делается вывод, что мной сделан искусственный текст, ибо в И-1 читается совсем другая фраза и в другом контексте (с. 19).[97]

Во-первых, Д. С. Лихачев оборвал текст списка К-Б, а он продолжается: «на (явная ошибка. — *А. З.*) русскаго господина князя Дмитриа Ивановича». Во-вторых, текстологическая связь К-Б со списками И-1 и сходными совершенно несомненна (вместо дефектного «в похвалу» И-1 в У читается первоначальное «восхвалю», близкое к «похвалим»). В-третьих, привлечение для реконструкции дефектных чтений списка К-Б текста Пространной совершенно правомерно, ибо Пространная основана на тексте Краткой, одним из списков которой и является К-Б.][98]

Далее Дмитрий Сергеевич говорит о систематическом «подтягивании» реконструкции Пространной редакции «Задонщины» под «Слово», которое якобы у меня имеет место.

Как же я подтягиваю текст «Задонщины» под «Слово»? Я избираю, по мнению Дмитрия Сергеевича, чтение списка С «кони ирзут на Москве», а не списков И-1, У «на Москве кони ржут», с поправкой на «ръжут», чтобы подправить «Задонщину» под «Слово».[99] Разберемся: «ирзут или «ржут»? Совершенно ясно, что первоначально должно было быть «ржут», первый вариант дефектен. «На Москве кони» или «кони на Москве»? Но тут дело не в «Слове», а в том, что в К-Б чтение «кони ржут». Т. е. я руководствуюсь тем принципом реконструкции, который я изложил в своей книге.[100] Вот и все.

---

[96] В реконструкции Пространной редакции у А. А. Зимина несколько иначе: «И я же помяну резанца Софония и восхвалю песньми и гуслеными и буйными словесы и сего великого князя Дмит⟨р⟩еа Ивановичя» (*Зимин-1.* Т. 3. С. 600).

[97] А. А. Зимин ссылается на фрагмент, отсутствующий в стенограмме выступления Д. С. Лихачева, он не был озвучен автором.

[98] Данную вставку (4 абзаца) А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 2».

[99] Приведенный фрагмент в стенограмме выступления Д. С. Лихачева отсутствует, он не был озвучен автором.

[100] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: и тем принципом реконструкции, который разделяет, как можно судить из его выступления, уважаемый О. В. Творогов.

[Вот еще пример. Д. С. Лихачев считает, что я «подтягиваю» под «начяти старыми словесы» и «начати... пѣсни» («Слова») текст «Задонщины» («начати поведати иными словесы», «начати поведати по делом»[101]). Надо сразу же сказать, что в данном случае любое чтение списков «Задонщины» близко к «Слову» и какой бы мы вариант ни приняли, дело не изменится. Так, в списке И-1 — «нача повѣдати инѣми словесы... начаша повѣдати по дѣлом»;[102] У: «начати повѣдати иными словесы», «начаша ти повѣдати по дѣлом»;[103] С: «нача повѣдати по делом ⟨былым⟩».[104] Практически оказать предпочтение какому-либо из них трудно, но суть дела от этого не изменится.][105]

Ну даже допустим, что я стараюсь зачем-то «протащить» в протограф Пространной редакции чтения, близкие к «Слову». Но подумайте, зачем я это делаю? Очевидно, для того, чтобы доказать ошибочность своей концепции? Ведь, по-моему, «Слово» близко не к протографу Пространной редакции «Задонщины», а к Синодальному изводу, который имел ряд позднейших черт по сравнению с ним! Не подравниваю я под «Слово» протограф Пространной редакции «Задонщины», а стараюсь всеми текстологическими силами выяснить возможности его восстановления в первоначальном виде.

Я не буду спорить с Дмитрием Сергеевичем — можно ли рассматривать К-Б как особую (Краткую) редакцию «Задонщины».[106] Об этом сказано подробно на стр. 7—8. [Тезис, по-моему, очевиден. И идейная разница К-Б со списками И-1, У, С, и **разница*

---

[101] *Зимин-1.* Т. 3. С. 599.

[102] *И-1.* Л. 215 об.

[103] *У.* Л. 171 об.

[104] *С.* Л. 37.

[105] Данную вставку А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 3».

[106] Неверен упрек Д. С. Лихачева в том, что я приписал ему мнение о первичности Пространной редакции «Задонщины» (с. 31). На стр. 10 я ссылаюсь на стр. 43 статьи Д. С. Лихачева 1962 г. в подтверждение своей мысли о том, что он разделял мнение С. К. Шамбинаго о присутствии второй части «Задонщины» в протографе этого памятника. Достаточно сравнить тексты, чтобы убедиться в правильной передаче взгляда Д. С. Лихачева. Но дело даже не в этом. В статье 1950 г. Д. С. Лихачев исходит из XII в. как времени создания «Слова о полку Игореве», а не доказывает этот тезис. Он не опровергает гипотезу о возможности позднего составления этого памятника, а потому его статья никак не может быть ответом на книгу о «Слове» 1963 г. — *Примеч. А. А. Зимина.*

в языке и содержании[107] настолько велики, что ни у одного непредвзятого читателя сомнений тут быть не может.]

Кстати, обращу внимание на один из неопубликованных трудов Михаила Нестеровича Сперанского. М. Н. Сперанский, которому были известны только списки «Задонщины» XV и XVII вв. (списков XVI в. он не знал), писал, что в XVII в. «возникает стремление дополнить (текст «Задонщины». — *А. З.*) отрывками из „Слова“».[108] М. Н. Сперанский считал, что ряд общих мест «Слова» и Пространной редакции попали в «Задонщину» сравнительно поздно. Таким образом, уже М. Н. Сперанский подходил к мысли о первичности текста «Задонщины», представленного списком К-Б.[109]

Я очень люблю, когда мои оппоненты находят у меня слабые стороны, несравненно больше того, когда они присоединяются к тем или иным наблюдениям. Дмитрий Сергеевич нашел действительно ряд слабых мест в отдельных толкованиях «Слова», за что я ему бесконечно благодарен. Но, как всегда в таких случаях, к сожалению, получается, все эти возражения, очень интересные сами по себе, сразу же оборачиваются против гипотезы о древности «Слова о полку Игореве». [Так было и в сборнике 1962 г., ⟨и⟩ в последнем издании Якобсона «Задонщины». Так есть сегодня в споре с моими оппонентами. И так, я глубоко убежден, будет и впредь.]

Остановлюсь на одном примере. Речь идет о чтении Пространной редакции «Задонщины» — «на ковыле зелене» (Так ⟨в⟩ У. И-1 — «земли не». С — «зелену»). В «Слове» читаем в сходном фрагменте «на канину зелену». Я в своей книге принял чтение, близкое к «Задонщине», — «на ковылу зелену». Я считаю, что термин «канина» — это описка. Дмитрий Сергеевич говорит, что ему это кажется маловероятным и он принимает точку зрения Н. М. Дылевского и других о том, что первоначально была «канина», я-де произвольно беру чтение «ковылу» для того, чтобы искусственно подравнять «Слово» под «Задонщину». [(Это чтение принимают, кстати, Н. С. Тихонравов, М. В. Щепкина, Р. О. Якобсон и многие другие, которых не заподозришь в стремлении «подравнять» «Слово»).]

---

[107] *Испр., в стенограмме*: и язык, и содержание.

[108] ЦГАЛИ, ф. Сперанского, оп. 1, ед. хр. 270. Выражаю благодарность М. Е. Бычковой, указавшей мне на этот текст. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[109] Текст (два абзаца) со слов: «Я не буду спорить с Дмитрием Сергеевичем» — перенесен сюда А. А. Зиминым при вычитке стенограммы из другого места.

Хорошо, я соглашусь с Дмитрием Сергеевичем и с сегодняшнего дня принимаю чтение «канину». Посмотрим, к чему это приведет. Действительно странно, чтобы описка «канина» неожиданным образом совпала с лугом «Канин», находившимся, по Кенигсбергской летописи (под 1152 г.), именно под Черниговом,[110] где и была битва при Нежатиной ниве 1078 г., описанная автором «Слова».

Но что же получается? Фактом остается и другое — весь контекст с «каниной» в «Слове» совпадает с «Задонщиной» («на канину... за обиду»), да к тому же в плаче Ярославны есть сходный образ, где говорится о развеянном по ковыли ⟨по ковылю? — Л. С.⟩ веселье («веселие по ковылию развѣя»). Этого мало, «Канина» в «Слове» оказывается женского рода, в отличие от «Канина» Кенигсбергской летописи.

В чем же тут дело, как примирить, казалось бы, несовместимое? Очень просто. В источнике автора «Слова» («Задонщине») было чтение «ковыла». Он ее заменил, грамматически не очень удачно, «Каниной», которую взял или непосредственно из Кенигсбергской летописи, или по своим черниговским впечатлениям.

Что это — факт? Нет, это гипотеза, но она, на мой взгляд, лучше и, главное, проще объясняет те трудности, которые встают перед исследователями «Слова».

Так и на этот раз возражение Д. С. Лихачева обернулось против сторонников древности «Слова».

Далее. Д. С. Лихачев упрекает, что мои конъектуры «Слова» тянут к чему угодно, только не к древнерусскому языку.[111] Ну, что я могу сделать. Это факт. Вот уже столько лет читают исследователи «свивая славы»; о том, как можно «свивать славы», высказывались многочисленные гипотезы, и ни одна не смогла удовлетворительно объяснить текст, тогда как один из крупнейших славистов Г. А. Ильинский предложил конъектуру «спивая славы»,[112] вполне соответ-

---

[110] Библиотека ⟨российская⟩ историческая. ⟨СПб., 1767.⟩ Ч. 1. С. 223. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[111] В стенограмме выступления Д. С. Лихачева и в подготовленном им машинописном тексте читается: «...все конъектуры в реконструкции „Слова" принимаются А. А. Зиминым по принципу: лишь бы ближе к XVIII в., к польскому, к белорусскому — к чему угодно, только не к древнерусскому».

[112] *Ильинский Г. А.* Несколько конъектур к «Слову о полку Игореве» // Slavia. 1929. Roč. 8, seš. 3. S. 652.

ствующую современному украинскому «спивать», делающую текст «Слова» кристально ясным. Конъектуру Ильинского очень легко вывести и палеографически, но только из скорописи XVIII в., где «в» и «п» писались сходно.

Вопрос об Иосифе Флавии. Д. С. Лихачев считает, что я отсылаю «от Понтия к Пилату», не доказав близости Краткой редакции «Задонщины» и «Иудейской войны». Но вот тексты.

Краткая редакция «Задонщины»	Иосиф Флавий
1. Поостриша сердца свои мужеству ставше ум [К-Б нет. Так И-1] своею крѣпостью ⟨*КБ*, л. 123⟩.	1. Поострите душа ваша на мьсти, приемъ умъ своею крѣпостию.[113]
2. Под шеломы възлелѣаны ⟨л. 124 об.⟩.	2. Под шеломом състаревшеся.[114]
3. Лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели намъ от поганыхъ полоняным[115] пасти ⟨л. 127 об.⟩.	3. ⟨И⟩ лѣпле смьрть славну взяти, негли жити плѣнени.[116]

И опять, как в случае с «каниной», замечание Дмитрия Сергеевича как бы оборачивается своей обратной стороной, имея в виду реплику Пересвета. В Краткой редакции «Задонщины» Пересвет говорит как бы совершенно неоправданные слова: «Лучше нам навергнуться на мечи, чем пасти от поганых». При чем тут мечи, при чем тут самоубийство? Однако призыв Пересвета «навергнуться на мечи» в «Задонщине» навеян «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия. В VII книге Иосифа Флавия предводитель иудеев Елеазар, обращаясь к обреченным на гибель иудеям, говорит: «Потщимся добре умрети... дондеже руки наша не связаны суть, а мечи в них да послужать нам службу подобну. Да умрем не поработившееся

---

[113] А. А. Зимин приводит здесь через запятую фразы, читающиеся в разных главах «Истории Иудейской войны»; см.: кн. IV, гл. III (в издании Н. А. Мещерского с. 331) и кн. IV, гл. I (в издании Н. А. Мещерского с. 322). В книге *Зимин-1* (с. 260), как и в книге *Зимин-2* (с. 232), данные фразы приведены раздельно, со ссылкой на «Историю Иудейской войны» по изданию Н. А. Мещерского. См.: *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

[114] Книга IV, гл. X (в издании Н. А. Мещерского — с. 353).

[115] В списке К-Б «Задонщины» (Краткой редакции) — «положеным». А. А. Зимин вносит конъектуру в текст Краткой редакции, доказывая ее близость к тексту «Иудейской войны».

[116] Кн. IV, гл. IV (в издании Н. А. Мещерского — с. 335).

иноплеменником». В итоге «вси иссекоша своя, акы скоты... Потомь же погрузи мечь весь в чрево и приложившися к своим».[117] Этот образ в Краткой редакции «Задонщины» может быть объяснен только при помощи Иосифа Флавия. Но был ли в распоряжении Ефросина — переписчика списка К-Б Краткой редакции — Иосиф Флавий? Или и это домысел? Не только был, но Ефросин сам переписывал текст «Иудейской войны». [Итак, тезис о влиянии Иосифа Флавия на Краткую редакцию «Задонщины» можно считать обоснованным.]

Теперь тезис о «третьих возможностях», который развивали и Дмитрий Сергеевич и Артемий Владимирович ⟨Арциховский⟩. Нельзя ли две редакции «Задонщины» привести к какому-нибудь архетипу или, приняв гипотезу о раннем происхождении Краткой редакции, допустить возможность влияния «Слова» и на Краткую редакцию и ⟨на⟩ Пространную? Последний тезис намечался еще М. Н. Сперанским.[118] И то и другое допустить чисто логически можно. Но их надо д о к а з а т ь. [А в этом вся суть дела.] Я свои доказательства в пользу того, что Пространная редакция «Задонщины» возводится непосредственно к Краткой редакции ⟨«Задонщины» и⟩ Никоновской летописи, привожу и обосновываю. Ни одного доказательства ошибочности моих наблюдений, которые бы меня убедили, я не слышал. Если Артемий Владимирович или Дмитрий Сергеевич эти мои выводы опровергнут, построят другое предположение, если это предположение будет убедительным, долг моей совести его признать. Пока эти тезисы не были доказаны, [а ⟨лишь⟩ декларативно провозглашены].

Об устном происхождении «Задонщины» говорили, я повторять не буду. Дмитрий Сергеевич считает, что я не прав, когда пишу об этом. Не буду спорить по этому вопросу. [Фактическая неверность упрека, сделанного мне Д. С. Лихачевым (о том, что никто не говорил об устной «Задонщине»), доказана в выступлениях С. Н. Азбелева и Я. С. Лурье.] Со своей стороны могу только сказать, что, примыкая раньше к исследователям, считавшим первоначальную «Задонщину» устным памятником, я постепенно от этого все больше

---

[117] *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия ⟨в древнерусском переводе⟩. М.; Л., 1958. С. 462—463. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[118] См. примеч. 108.

и больше отхожу. У меня все больше накапливается данных, чтобы считать, что «Задонщина» не была в основе устной, а была письменной, составленной Ефросином. [А это еще больше укрепляет мои позиции.]

В результате дополнительных исследований (надо сказать, что работа сдана была мною на ротапринт еще в сентябре), источниковедческих и главным образом языковых, у меня накопились новые данные. В настоящее время рукопись книги и больше по объему, и по содержанию отличается от ротапринтного варианта. Новые данные только укрепили автора в правоте основных его положений. Приведу один пример.

Тут говорили о времени возникновения «Сказания о Мамаевом побоище». Лев Александрович Дмитриев доказывал, что это памятник XV в.,[119] опровергая точку зрения Шахматова, которую поддерживаю и я, что оно составлено в конце XV в. В опубликованном списке Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» упоминаются 13 посадников.[120] Однако в Распространенной редакции, изводе Ундольского Основной ⟨редакции⟩ «Сказания» и ⟨в⟩ Пространной редакции «Задонщины» и даже в других списках Основной редакции «Сказания» (ГПБ, Q, XVII, № 79, Погод. № 1555, Q, IV, № 342) ⟨упоминаются 30 посадников⟩.[121]

Следовательно, в протографе «Сказания о Мамаевом побоище» читалось 30 посадников. Но 30—36 посадников стало лишь к третьей четверти XV в.[122] Тогда «Сказание о Мамаевом побоище» нельзя датировать временем ранее третьей четверти XV в.

[Но где же разбор основных положений моей книги о соотношении редакций «Задонщины», о взаимоотношении «Слова» и «Задонщины»? В выступлении Д. С. Лихачева он подменен вопросом об «ошибочности методики» Зимина (иллюстрированным случайным

---

[119] Л. А. Дмитриев полагал, что «Сказание о Мамаевом побоище» возникло в первой половине XV в., а точнее — до 1431 года, года канонизации митрополита Алексия. См.: *Дмитриев Л. А.* О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 192.

[120] Повести о Куликовской битве. С. 75. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[121] За эти сведения благодарю С. Н. Азбелева. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[122] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 320. — *Примеч. А. А. Зимина.*

примером),[123] которым Дмитрий Сергеевич пытался снять спор по существу темы.[124]]

[Поэтому, когда на стр. 36 и 37 он пишет: «серьезных аргументов не приведено», «никак не обосновано предположение», «невероятно предположение», «не доказано» (трижды), «текстологически не доказано» по поводу каждого основного моего вывода, а о каждом выводе самого Д. С. Лихачева сказано: «можно считать непоколебленным... можно считать непоколебленным»,[125] — то это все можно считать лишь риторикой. Она никого не убедит. Я не имею возможности разобрать все отдельные примеры Д. С. Лихачева. Он действительно указал неточности в формулировках (его позиции о Новгородской I летописи),[126] описки (надо «Посулие» вместо «Поморье») и т. п.[127] Но разве в этом дело!

---

[123] [Об этих примерах говорил Я. С. Лурье. Например, о Бояне. В списке К-Б находится чтение «Боян». Поскольку в С читаем «Бо деи», «Боюн» в И-1, «боярин» в У (основа у всех одна — «Бо», а расхождения индивидуальные, а не единое чтение), есть все основания считать, что в списке, имевшемся в распоряжении автора «Слова», могло читаться «Боян» (ср. в С «Бо(ян)»). Д. С. Лихачев пишет, что я на основании этой реконструкции доказываю, что «список С ближе других в данном месте к „Слову“» (с. 23). Нет, этот тезис доказан на других текстах, опираясь на которые я и говорю о близости С к списку «Задонщины», находившемуся у автора «Слова». Зачем же так все перевертывать? — *Примеч. А. А. Зимина.*]

[124] [Что значит, например, фраза Д. С. Лихачева: «Если список С настолько дефектен, что с ним нельзя сравнивать, то на чем же основывается вывод о наибольшей близости „Слова“ к списку С?» (с. 24). Нигде я не пишу, что с С нельзя сравнивать вообще. Но в основу реконструкции его положить нельзя (хотя на с. 106—108 ⟨мной⟩ специально доказывается близость „Слова“ к списку С). — *Примеч. А. А. Зимина.*]. В стенограмме приведенная фраза Д. С. Лихачева отсутствует, она не была озвучена автором. Ей предшествует в подготовленном Д. С. Лихачевым тексте выступления следующий текст: «Наиболее близким „Слово“ объявляется к списку С, но в главе II сравнение „Слова“ ведется не со списком С («ввиду его крайней дефектности» — с. 126), а с текстом реконструкции, выполненной по списку И-1».

[125] В стенограмме выступления Д. С. Лихачева отсутствует большой фрагмент, подводящий итоги разбору им текстологической части сочинения А. А. Зимина. Именно этот фрагмент цитируется в данном случае А. А. Зиминым по подготовленному Д. С. Лихачевым машинописному тексту выступления.

[126] Но когда Д. С. Лихачев пишет, что, «по-видимому, все списки Новгородской летописи назывались так» (с. 34), т. е. как Академический список, то он ошибается: см. заглавие Троицкого списка (Новгородская первая летопись. С. 511). — *Примеч. А. А. Зимина.*

[127] Д. С. Лихачев пишет, что голословно утверждение о близости фразы о «Аже... то... по ногатѣ» к «Русской Правде». Цитат из «Русской Правды»

Несколько слов о так называемом «культе количества» в моей книге. Д. С. считает, что ей присущ «культ количества: предлагаются сотни домыслов вместо одного-двух решающих аргументов» (стр. 10). Начнем с «решающих аргументов». Состояние вещей таково, что их нет ни у сторонников XII в., ни у защитников гипотезы XVIII в. Как же быть в таком случае? Так, как поступал А. А. Шахматов. Для обоснования своей гипотезы о Начальном своде он не ограничивался двумя-тремя эффектными примерами (хотя они были в его распоряжении), а приводил многие десятки доказательств, то более, то менее убедительных. Одна из особенностей шахматовского метода и состоит в том, что источниковедение, строившееся ранее на отдельных фактах, он заменил источниковедением, основанном на системе фактов. Любая гипотеза, датирующая «Слово» XII, или XIII, или XV, или XVIII в., может иметь право на существование только тогда, когда объяснит всю сумму фактов, вытекающих из его текста, как исторических, так и литературоведческих, как языковедческих, так и фольклорных. Конечно, не все объяснения будут однозначные. Некоторые факты имеют многозначные решения (напр., окончание *-аго* существовало и в XI, и в XIX в., о побеге Игоря из плена мог знать и современник, и лицо, прочитавшее об этом в летописи). Но дело заключается в том, какая из предложенных гипотез лучше объясняет всю систему фактов, ни один факт не должен быть ею игнорирован.

А что касается того, что у меня в работе «сотни домыслов», то ни я, ни слушатели на слово этому не поверят. Увы, примеров того, что я привожу «домыслы», Д. С. Лихачев не привел.

Так обстоит дело с тезисом № 2 Д. С. Лихачева. Третий раздел выступления Д. С. Лихачева посвящен «Слову о полку Игореве» и историческим источникам, в первую очередь летописям.

И здесь основное в моей системе доказательств, т. е. структурное единство «Слова» и Ипатьевской и Кенигсбергской летописей, текстологическая близость их к «Слову» оставлены без внимания.][128]

мною действительно не приведено. Но их можно было бы привести десятки (ст. 2 Р. Пр.: «Аще… то 40 гривенъ», ⟨ст.⟩ 43: «Аще… то всем по 3 гривны» и др.). — *Примеч. А. А. Зимина.*

[128] Данную вставку (6 абзацев) А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 4».

Вместо разбора главного Д. С. Лихачев начинает с упрека в том, что у меня «мерилом точности выступает летопись» (стр. 38). Возможно, что это так, но у меня нет других источников, которые бы являлись другим мерилом событий, политической истории. Допустим, что я не прав, но какое другое мерило можно предложить?[129]

[Д. С. Лихачев его не приводит, останавливаясь лишь на двух-трех конкретных примерах. Прежде всего] Дмитрий Сергеевич упрекает меня в том, что я не разбираю его работу 1950 г., *поэтому он произносит следующий — пятый тезис выступления: «полемизировать с автором, игнорирующим аргументацию и объяснение своего противника, невозможно. Я поэтому имею право считать, что моя статья... 1950 г. является ответом на 3-ю главу работы А. А. Зимина 1963 г.» (с. 39—40). Так Д. С. Лихачев фактически уклонился от полемики со мною. Имел ли он право это делать? Нет. Прежде всего потому, что я не игнорирую его работу, а отвечаю на нее.*[130] Все читатели могут посмотреть стр. 217, где я разбираю Вашу статью, стр. 215, 219—220, где я разбираю Ваши доводы из издания 1950 г. (которые Вы повторили в упоминаемой Вами статье). [Наконец, я отвечаю и на доводы А. В. Соловьева, которые Вы повторили в своей статье. Таким образом, именно я могу считать, что Вы не нашли сегодня новых аргументов в споре со мною. Д. С. Лихачев упрекает меня, что я опустил его аргументацию близости «Задонщины» с Ипатьевской летописью. Он ссылается на то, что в «Задонщине» Дмитрий «утер слезы», как и Святослав в летописи (с. 35). Но это не так; на стр. 187 я писал, что речь идет в данном случае об обычном средневековом штампе. Вот то немногое, что есть в Вашем докладе.]

Вы ссылаетесь на упоминание бегства Всеслава в 1069 г. под Новгород в Софийской I летописи, но об этом говорит и В. Н. Татищев. Я же пишу на стр. 221. *Почему же Вы умалчиваете о Татищеве? Если уж Вы пытаетесь критиковать меня, став на мою позицию, то будьте последовательны.*[131]

---

[129] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: Дмитрий Сергеевич считает, что в «Слове» есть ряд сведений, которых нет ни в одной из летописей, но что это: факты, интерпретация фактов или искажения фактов?

[130] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: Это неточно.

[131] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было:* Зачем же увеличивать число сведений? Почему Софийская летопись предпочтительнее Татищева? Может быть и тот аргумент и этот.

Вы приводите рассказ о похоронах Изяслава в Софии по «Слову» и Софийской летописи и говорите, что число летописей, находившихся у предполагаемого автора «Слова» XVIII в., должно быть увеличено. Но ведь я-то этот текст считаю вставкой А. И. Мусина-Пушкина и не связываю с автором «Слова». [Почему же Вы и об этом не сказали?]

Д. С. Лихачев не привел точных данных, которые бы заставили меня отойти от той точки зрения, что у автора «Слова» не было сведений о фактах истории Руси XII в. сверх летописных.

[Все у него ограничивается догадками: в Путивле могли не сгореть стены, там могла быть княгиня, Курск мог принадлежать Всеволоду, мог существовать князь Изяслав Василькович и т. д.[132]

Он пишет: «никто, кроме А. А. Зимина, не предлагал делить рассказ 1185 г. на три источника — Черниговский, Киевский и Переяславский» (с. 43). Но А. А. Шахматов и М. Д. Приселков указывали совершенно определенно наличие этих трех источников для всего рассказа Ипатьевской летописи за 70—80-е гг. XII в. Мною же было показано, что черниговскому летописцу принадлежат сведения об Игоре (это был его придворный летописец), о Владимире Переяславском — переяславскому летописцу, о Святославе Киевском — киевскому летописцу. Можно со мной не соглашаться, но надо противопоставлять реальные аргументы, а не декларацию.

В книге говорится, что «двор» стал окладной единицей только в XVII в. Поэтому выражение «по беле от двора» («Слово») — анахронизм. Д. С. Лихачев пытается отвести этот аргумент тем, что первый подворный налог в XVII в. назывался «подымным» (с. 42). Но суть дела в том, что понятие «двор» для налога встречается в XVII в., а до этого (в Древней Руси) собирали с «дыма». Следы

[132] Чего, например, стоит подобное рассуждение. В Любецком синодике упомянут некий великий князь черниговский инок Феодосий с женой Ефросиньей (*Зотов Р. В.* О Черниговских князьях. СПб., 1892. С. 41). Кто он был — неизвестно. Д. С. Лихачев прямо пишет, что в Синодике «жена Игоря (которого он отождествляет с Феодосием) значится под именем Ефросиньи» (с. 44). Но Игорь-то в рукописях Синодика носил другое церковное имя — Георгий (*Зотов Р. В.* Там же.) и никак не мог быть Феодосием, а, следовательно, и Ефросинья была женою другого князя. Ничего не доказывает и имя Бояна в граффити XI в., ибо оно находится в «Задонщине» и в топонимике XIV—XV вв. — *Примеч. А. А. Зимина.* Феодосий — предполагаемое *иноческое* имя Игоря. Как Георгий в рукописном Синодике он *не упоминается* (*Зотов Р. В.* С. 41). — *Л. С.*

этого и сохранились в «подымном». Наличие последнего термина как раз и свидетельствует о том, что «двор» как название окладной единицы к началу XVII в. еще не утвердился.][133]

И в этом разделе доклада Дмитрий Сергеевич указал на ряд моих неточных формулировок, конкретных ошибок, и я с благодарностью принимаю его соображения и учту его замечания.

Когда же он считает, что для того, чтобы использовать сведения Ипатьевской и Кенигсбергской летописей в «Слове», нужно было быть гениальным ученым, предвосхитившим многие данные науки, я с этим не согласен. Я представляю себе автора как ученого книжника, большого поэта, горячо любившего родную землю, проникновенно знавшего летописи. Вот и все.

О мнимых «следах язычества» из-за отсутствия времени я говорить не буду (о них говорил А. И. Клибанов).

Д. С. Лихачев говорит, что в летописи под 980 г. не упоминается «Карна» и «Желя». Да, но «Желя» и «печаль» есть в сходном контексте под 1185 г., а «карити» (печалиться) — в другом месте Ипатьевской летописи. Почему об этих моих аргументах не сказал Д. С. Лихачев? «Волоса» знает летопись под 907 г. О популярности Трояна в воинских песнях и в традиции XVIII в. я также писал. Зачем же автору «Слова» надо было пользоваться Чулковым или «Кратким баснословием»,[134] если предположить, что он обращался непосредственно к летописям, которые были у него! Конечно, это ему не было нужно.

Четвертый раздел доклада Д. С. Лихачева — «Параллели или[135] источники». Дмитрий Сергеевич выдвигает тезис № 4, что «все ⟨то, что все⟩ исследователи „Слова" считали параллелями к „Слову", должно считаться источником „Слова", если стать на точку зрения, что автор писал в XVIII в.» (с. 54). Так, он ссылается на выражение

---

[133] Данную вставку (три абзаца) А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 5».

[134] А. А. Зимин отвечает на замечание Д. С. Лихачева о том, что сведения по славянской мифологии даны были в «Кратком мифологическом лексиконе» М. Д. Чулкова (1767), в «Кратком описании древнего славянского языческого баснословия» М. И. Попова (1768), в «Словаре русских суеверий» М. Д. Чулкова (1782). Но «достаточно сравнить сведения этих книг с тем, что мы имеем в „Слове", — пишет Д. С. Лихачев, — чтобы убедиться, что они не могли быть источниками „Слова"».

[135] *Испр., в стенограмме ошибочно:* и.

«живые струны» из «Слова о воскресении Лазаря», которое встречается в сходном контексте «только» в «Слове о полку Игореве». «Значит, автор XVIII в. знал это Слово (о воскресении Лазаря. — *А. З.*)», — пишет Д. С. Лихачев. *Опять передержка!*[136] Сходный критерий ⟨так!⟩ есть в Краткой «Задонщине» («воскладая свои златыя персты на живыя струны»). Значит, если говорить о Слове о воскресении Лазаря, то его мог бы знать автор Краткой «Задонщины», а не обязательно автор «Слова о полку Игореве».[137]

[В своей работе я говорю, что мне не встречалось ни одного древнерусского светского литературного произведения, именующего себя «песнью». Д. С. Лихачев ссылается на наблюдения И. П. Еремина, который генетически возводит этот термин к соответствующему греческому термину, которым пользовались античные и византийские ораторы. Допустим, что это так, но к тому, что я говорил, это имеет отдаленное отношение: ибо о б ы ч н о в Древней Руси назывались так церковные песнопения. Д. С. Лихачев противопоставляет этому «главную параллель». Она, оказывается, есть под 1199 г. в Ипатьевской летописи («пою ти песнь победную»)... т. е. главном источнике, из которого, по нашему мнению, черпал исторические сведения автор «Слова».

Стремясь отвергнуть мое объяснение меньшей логичности фразы «луце жъ бы потяту быти неже полонену быти», произнесенной Игорем, который попадает в плен (в отличие от Пересвета, который погиб с честью), Д. С. Лихачев говорит, что Игорь «говорит не о себе... он обращается к дружине и к князьям» (с. 56). И это не спасает положение: в полон попала и дружина князя.][138]

Состав источников, который был в распоряжении автора «Слова», отнюдь не свидетельствует об обладании автора «Слова» «сверхъестественной начитанностью в древнерусской литературе» (с. 59). Д. С. Лихачев приписывает автору то, что он не должен бы⟨л⟩ знать.

---

[136] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: Отнюдь нет.

[137] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: Дмитрий Сергеевич рисует огромную картину источников, которые должен был переворошить автор «Слова» для того, чтобы написать свое произведение. Отнюдь нет. Ему не нужно это было делать.

[138] Текст, заключенный в скобки (2 абзаца), вставлен А. А. Зиминым при вычитке стенограммы. Текст второго абзаца А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 6».

Творец Игоревой песни, хорошо знакомый с библейскими книгами и фольклором, знал только «Задонщину» (в сборнике с «Акиром» и, возможно, «Снами Шахаиши»), Ипатьевскую летопись (со «Сказанием о Мамаевом побоище» в конце), а также «Девгениево деяние» (оно позднее вошло в сборник со «Словом»). Ему также известны были изданные в 1767 г. Никоновская и Радзивиловская летописи, а возможно, Татищев и «Илиада».[139]

[Д. С. Лихачев приводит устно-поэтический текст, из которого явствует, что «„прорыть каменные берега“ — это обычный оборот народной поэзии для обозначения прохождения реки через горы. Так, о Тереке говорится: „Ты прорыл-прокопал горы крутые“» (с. 57). Это совершенно верно. И на этот раз новый аргумент со страшной силой обрушивается на сторонников более раннего происхождения «Слова» по сравнению с «Задонщиной», ведь все они (в том числе В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев) повторяют довод Р. О. Якобсона: на Дону порогов («гор каменных») нет, значит, «Задонщина» вторична, а на Днепре есть, значит, «Слово» первично. Но ведь сегодня сам Д. С. Лихачев фактически отказался от этого объяснения: ведь «горы каменные («крутые»)» — это не пороги, а высокие берега. Так что ни о каких порогах не может идти речь ни в «Слове», ни в «Задонщине». А так как именно Дон прорывает меловые горы, тогда как на Днепре их нет (об этом убедительно говорил С. Н. Азбелев), то первичность «Задонщины» по сравнению со «Словом» в данном случае несомненна.][140]

Замечания Д. С. Лихачева относительно фольклора в XVIII в. более чем странны. Он считает, что в конце XVIII в. не могло быть подражаний народной поэзии (с. 65), тогда как создание «Добрыни» Львовым[141] факт общеизвестный. Фольклор, по его мнению, воспринимался тогда как просторечие. Но величие автора «Слова о полку Игореве» как раз и состояло в том, что он смело вводил фольклор-

[139] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: При каких таинственных обстоятельствах исчезли его источники? Я думаю, что никаких таинственных обстоятельств нет. Исчезла вся рукописная библиотека Иоиля, она погибла. Погибла ли она у Мусина-Пушкина или другим путем? Может быть, он нарочно скрыл эти источники? Отнюдь нет. Ему незачем было их скрывать.

[140] Данную вставку А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 7».

[141] Поэма Н. А. Львова в духе русских былин «Добрыня, богатырская песнь» была создана в 1796 г., опубликована в 1804 г.

ные мотивы в свое сочинение, так же как и те представители литературной среды, которые были близки ему (Чулков, Левшин и др.).

*Вот и все основные возражения Д. С. Лихачева. Развернутое выступление крупнейшего сторонника древнего происхождения «Слова о полку Игореве» произвело на меня двойственное впечатление: с одной стороны, я огорчился, ибо приемы научной полемики, применяемые Д. С. Лихачевым, вряд ли могут считаться допустимыми. Но с другой стороны, его выступление меня порадовало. Раз уже Д. С. Лихачев оказался не в состоянии опровергнуть хоть один из решающих доводов моей книги (он даже большинства из них и не коснулся), то, значит, ее автор стоит на правильном пути.

У Д. С. Лихачева не нашлось ни одного доброго слова в адрес многочисленных соображений автора книги. Все благополучно в изучении «Слова о полку Игореве»! Даже элемент беспокойства за пути исследования этого памятника не присутствует в его выступлении. Вряд ли это способствует движению вперед нашей науки, которая дорога нам всем.*[142]

III. Основные возражения моим оппонентам

Несколько слов я хочу сказать о выступлении Б. А. Рыбакова. Оно было посвящено вопросу об авторстве Иоиля и летописных сведениях в «Слове о полку Игореве». Первую часть выступления за недостаточностью времени я опущу и потому, что считаю предположение об авторстве Иоиля Быковского только гипотезой, и потому, что если ее разбирать, то Б. А. Рыбакову надо было бы остановиться не на сводной таблице биографических данных, помещенной в конце главы, а на всей главе в целом, где эта таблица обосновывается.

Когда Вы говорите, Борис Александрович, что у меня нет сравнения «Слова» с литературой и историей XII в., я думаю, что Вы грешите против истины. Ведь я все время сопоставляю «Слово» с летописями и с политической обстановкой XII в. Кстати, я разобрал

---

[142] *Вместо заключенного в звездочки текста (2 абзаца) в исходном экземпляре стенограммы было*: Вот таковы некоторые замечания Д. С. Лихачева, которые при всем их интересе, к сожалению, не позволяют мне отказаться от своих положений. Мне кажется, основных линий исследования, соотношения этих редакций, основных линий соотношения с летописью, структурного сходства походов Дмитрий Сергеевич в своем отзыве, по-моему, не касался.

и Вашу гипотезу об отражении образа Святослава в «Слове», и о реальных пределах его власти (с. 213), и о целом ряде других вещей.

Вы остановились на ряде конкретных замечаний, *чтобы показать нарушение элементарной логики в моей работе.*[143]

[Вряд ли следовало так вольно излагать мою гипотезу о возможности получения Мусиным-Пушкиным Ипатьевской летописи от Быковского (с. 441). Дело, конечно, не столько в том, что во вставке Мусина-Пушкина упомянута «чага» (встречающаяся только в Ипатьевской летописи). Факт, что у Карамзина была Ипатьевская летопись, где встречается редкий термин «харалужный»: он есть только в «Слове», «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище» (помещаемом в поздних списках Ипатьевской летописи). Значит, у Карамзина была Ипатьевская летопись по варианту, сходному с тем, который, по нашему предположению, использовал Быковский. Как эта летопись могла попасть к историографу? Известно, что он широко пользовался рукописями из собрания А. И. Мусина-Пушкина. А раз так, то и Ипатьевская летопись могла попасть к нему от графа. Вот логический ход моих рассуждений. Он значительно отличается от того, который Вами был изображен.][144]

Характеризуя мое «вкусовое отношение» к источнику, Вы ссылаетесь ⟨на то⟩, что я считаю естественным для татар название «хинове», а для половцев нет. Но Вы не привели мое обоснование этого тезиса: татаро-монголы происходили как раз из тех краев, где когда-то селились гунны. А в этом-то и смысл моих соображений.

Вам кажется странным, почему автор XVIII в. отказался от красочного описания событий XII в., имеющегося у Татищева, и предпочел пользоваться сведениями из летописей? Здесь дело, конечно, отчасти в психологии автора. Возможно, играло роль и то, что автор (церковного происхождения) так же предпочитал пользоваться источниками, а не их интерпретацией, как в своих проповедях пользовался преимущественно Священным Писанием, а не его позднейшими вариациями в сочинениях «святых отцов».

---

[143] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было:* чага, резана. Что представляла ⟨собой⟩ резана? Я отвергаю ее как устаревшую монету. Нет, речь идет о резане — новгородской монете. А памятник (как считаете и Вы, и другие) — южного происхождения.

[144] Данную вставку А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 8».

Когда Вы разбираете мою схему двух походов и соотношение с летописью, вы говорите, что у меня «мистическое» представление об источниках. Почему? Потому, что я допускаю влияние «Задонщины» XIV в. на Ипатьевскую летопись?[145]

(Б. А. РЫБАКОВ. Вы меня не поняли?)

Вероятно, я не так Вас понял.[146]

Речь о чем идет? О том, что вся структура похода 1185 г. в «Слове» и Ипатьевской летописи совпадает — с неожиданными переходами от князя Игоря к Святославу Киевскому, затем к Владимиру Переяславскому и, наконец, снова к Игорю. Интересно, что те куски «Слова», которые не покрываются рассказом летописи, целиком падают на текст, имеющийся в «Задонщине». Чем же может быть объяснена такая последовательность и четкая размежевка фрагментов в «Слове», если не его источниками? Допустим, что «Слово» было источником Ипатьевской летописи. Но тогда, Борис Александрович, надо предположить, что какой-нибудь из образов «Слова», общий с Ипатьевской летописью, должен был бы несомненно проникнуть на страницы «Задонщины»?! Этого, однако, нет. Нет и лексической близости «Задонщины» с теми фрагментами «Слова», которые сходны с Ипатьевской летописью.

С другой стороны, если «Слово» было источником «Задонщины», то хотя бы один образ или лексический элемент, связывающий Ипатьевскую летопись со «Словом», должен был бы проникнуть в «Задонщину»! Этого также нет. Об этом я и писал в работе.

[Основное Ваше возражение касается структуры летописного рассказа 1185 г. Вы считаете, что она определяется последовательностью событий. Допустим, что это так. Но эта последовательность не сопровождается следованием рассказчика за судьбою одного героя-князя (как это обычно бывает у придворного летописца), а составилась из кусков, относящихся к трем князьям: Игорю, киевскому Святославу, переяславскому Владимиру. А так как А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым для всего раздела Ипатьевской летописи 70—80-х гг. XII в. было с бесспорностью установлено наличие трех источников: летописца кн. Игоря, киевского и переяславского, — то

[145] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: Вы спрашиваете меня об этом?

[146] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: Я действительно не понял.

мой вывод о наличии в рассказе 1185 г. этих трех источников поколебать Вам не удалось.

Я сейчас не буду говорить о тех событиях, которые «могли» быть, ибо Б. А. Рыбакову не удалось доказать, что они были. «Салтани» — бояре половецкого Кодекса[147] — имеют такую же силу, как и моя прямая ссылка на Татищева (с. 216), где говорится о «салтане» именно в связи с Ярославом Осмомыслом (этот аргумент Б. А. Рыбаков даже не привел).][148]

Но поскольку о «беле» говорил Валентин Лаврентьевич,[149] я это пропускаю.

Вы говорите о дендрохронологии, которая может разъяснить ряд вопросов «Слова». Я очень рад, Борис Александрович, что Вы сегодня аргумент «от дендрохронологии» несколько смягчили. Вы, конечно, помните разговор на докторском диспуте Б. А. Колчина,[150] когда Вы это приводили, а потом под влиянием соображения Б. А. Колчина, А. Л. Монгайта и, может быть, моих, Вы подняли руки кверху и сказали: «Сдаюсь!». Так, может быть, и сейчас Вам следует сказать? Тут должна быть какая-то последовательность.

Выступление Веры Дмитриевны Кузьминой очень содержательно, и я хочу очень поблагодарить ее за массу интересных соображений, за ее новые наблюдения. Особенно я хочу поблагодарить ее за то, что Вера Дмитриевна, по-моему, очень убедительно доказала, что те жалкие вирши, которые я, к сожалению, считал, вероятно ошибочно, принадлежащими Быковскому, на самом деле ему могут и не принадлежать. На самом деле, очевидно, они отчасти принадлежат Конисскому и, может быть, другим его ученикам ⟨т. е. Конисского⟩. Таким образом, отпадает главный аргумент, противостоящий моему положению об Иоиле Быковском как авторе «Слова о полку Игореве». [Теперь уже нельзя говорить о нем как о бездарном поэте, хотя сведения о нем как о поэте остались неопровержимыми.]

---

[147] Имеется в виду Кодекс Куманикус (Codex Cumanicus). См. примеч. 19 на с. 266.

[148] Данную вставку (два абзаца) А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 9».

[149] *В стенограмме ошибочно*: Борис Лаврентьевич. *Имеется в виду В. Л. Янин.*

[150] Защита докторской диссертации Б. А. Колчина по дендрохронологии средневекового Новгорода состоялась в Институте археологии АН СССР в том же 1964 г.

О дате рождения Быковского я сейчас спорить не буду. Вы приводите факты, и я привожу факты. Речь идет об интерпретации. Но я привожу официальные документы — два не связанных между собою источника. Вы же ссылаетесь на печатное предисловие и восходящую к нему приписку Соковнина. Думаю, моя аргументация сильнее. Вы приводите данные о том, что в «Истине» Быковского помещена масса церковных текстов. Верно. О том я привел другие материалы, свидетельствующие о прогрессивности его взглядов. Их Вы не опровергли. При этом надо иметь в виду, что в условиях XVIII в. передовые идеи нельзя было излагать «в чистом виде». Посмотрите материалы ⟨Н. И.⟩ Новикова, проанализируйте всю его книгоиздательскую деятельность, и картина станет совершенно ясной.

[Вы в своем выступлении допустили явную бестактность, не вникнув в существо дела,] Вы попытались представить меня неким недобросовестным человеком. Получается такая картина. Я послал в архив М. Е. Бычкову. Она нашла новые наблюдения М. Н. Сперанского. Я их ввожу в свою книгу, не ссылаясь ни на работу Бычковой, ни на рукописи Сперанского. *Все это обидная неправда.*[151] Ведь Маргарита Евгеньевна занималась рукописями Сперанского уже тогда, когда моя работа была сдана на ротапринт. Во-вторых, вывод Сперанского не надо было искать в архиве. [Странно, что Вы, крупнейшая исследовательница творчества Сперанского, не знаете, что] о Хронографе 1617 г. и его отношении к «Слову» он говорит в своем курсе древнерусской литературы.[152] Но и этого мало. Вывод о Хронографе 1617 г. еще раньше был сформулирован Е. Барсовым, на работу которого я и ссылаюсь.[153]

Илья Николаевич Голенищев-Кутузов высказал чрезвычайно интересные соображения о том, что «Слово» не могло возникнуть ранее XIII—XIV вв. С этим я вполне согласен. Вместе с тем в его выступлении был раздел, дословно взятый из его статьи 1940 г., где он писал, что только «некая мозаика из всех рукописей дает приблизительные чтения, близкие к „Слову“». Вероятно, не считая мои выводы достаточно убедительными, он включил этот текст в свое выступление,

---

[151] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было:* Вероятно, это не так.

[152] См.: *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы: Пособие к лекциям в университете: Введение. Киевский период. 3-е изд. М., 1921. С. 353.

[153] См.: *Зимин-1.* Т. 2. С. 414, примеч. 2.

повторив только старые аргументы, которые я (худо ли, хорошо ли) уже разобрал в своей книге. [Повторять сейчас этот разбор вряд ли целесообразно.] Я старался показать, что не мозаика, а текст «Задонщины» определенной редакции и извода находился в распоряжении автора, и текстологический анализ позволяет определить это с возможной убедительностью.

Замечания Н. А. Баскакова и выступавшей сегодня очень обстоятельно и интересно А. А. Валитовой.

Я считаю, что ориентализмы — чрезвычайно важный элемент при датировке «Слова о полку Игореве». Этому вопросу будет еще уделено немало внимания.

[В чем самое существо моего спора с выступавшими на диспуте востоковедами? Н. А. Баскаков и А. А. Валитова приводят интересные этимологические данные, которые могут быть использованы при объяснении ориентализмов «Слова». Некоторые данные (то более, то менее убедительные) могут быть использованы сторонниками древнего происхождения «Слова». Но в свою очередь и я привожу данные, которые могли быть известны автору, жившему в конце XVIII в. Значит, уважаемым коллегам нужно было доказать, что их наблюдения единственно возможные, а мои ошибочные. Ни того, ни другого им сделать не удалось. И поэтому наш спор оказался незавершенным.][154]

Николай Александрович Баскаков говорит, что автор «Слова», по его мнению, мог быть лицом смешанной (русско-половецкой) крови. У него много элементов восточного мироощущения. В «Слове» встречаются и орел, и сокол, и лисица, и лебедь, которые известны в восточном фольклоре. Здесь и бык, и волк, характерные для тюркского эпоса. В «Слове», как и в тюркском эпосе, кони ржут, звери свистят, вороны грают. Нет нужды доказывать, что все эти элементы встречаются и в русском эпосе. Я не стал бы настаивать на том, что все это взято из тюркского эпоса. [Вряд ли с этим согласятся присутствующие здесь фольклористы.]

Гораздо интереснее аргументация[155] конкретных терминов, которая предлагается и Н. А. Баскаковым, и А. А. Валитовой.

---

[154] Данную вставку А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 10».

[155] *Вероятно, слово употреблено ошибочно вместо:* интерпретация.

Прежде всего я хотел бы развеять одно недоразумение. Здесь назывался целый ряд исследователей-ориенталистов (С. ⟨Е.⟩ Малов, ⟨В. А.⟩ Гордлевский и др.), которых я бесконечно уважаю как крупных ученых, давших много в понимании ориентализмов «Слова». Но нужно не только ссылаться на известные имена, но и развивать дальше науку. Блестящий пример этого развития показали Н. А. Баскаков и А. А. Валитова. Думаю, что по их пути нужно идти и дальше.

В связи с поднятыми вопросами сошлюсь на письмо доктора исторических наук востоковеда К. А. Антоновой.[156] Она считает, что в обстановке напряженной борьбы с язычеством в XII в. автор «Слова» не мог воспевать Даждьбожиих внуков, ссылаясь на примеры из истории стран Востока. Кока Александровна Антонова также пишет: «Мне известно, что покойный член-корреспондент Академии наук Е. Э. Бертельс начал изучать восточные элементы „Слова". Он пришел к выводу, что язык „Слова" настолько разнохарактерный, разновременный, что его невозможно отнести к какой-нибудь определенной эпохе».

Е. Э. Бертельс[157] склонялся к тому, чтобы считать ориентализмы «Слова» безнадежно испорченными или просто фальсифицированными. О том же мне лично говорил его сын А. Е. Бертельс.[158] Надо пожелать, чтобы эта работа Е. Э. Бертельса была бы издана в его собрании сочинений.

Сошлюсь еще на наблюдения одного нашего молодого историка-востоковеда, кандидата исторических наук А. П. Новосельцева,[159]

---

156 Кока Александровна Антонова (1910—2007) — историк-индолог. Доктор исторических наук (1948), с 1950 по 1969 г. сотрудник московского Института востоковедения АН СССР. Основные работы посвящены истории Индии в Средние века и Новое время.

157 Евгений Эдуардович Бертельс (1890—1957) — востоковед-филолог (иранист и тюрколог), основатель советской школы иранской текстологии, чл.-корр. АН СССР (1939), сотрудник Института востоковедения АН СССР (вначале в Ленинграде, а с 1946 г. в Москве). Автор работ по истории персидской, таджикской литературы, исследователь творчества Фирдоуси, Низами, Навои.

158 Андрей Евгеньевич Бертельс (1926—1995) — востоковед-филолог, кандидат филологических наук, впоследствии доктор филологических наук (1972), профессор (1974). В 1953—1979 гг. сотрудник Института востоковедения АН СССР, с 1987 г. — ВНИИ искусствознания Министерства культуры СССР. Автор работ по персидской литературе.

159 Об А. П. Новосельцеве см. в разделе «Участники дискуссии», на с. 734.

занимавшегося и отношением Древней Руси с народами Востока, и более поздней эпохой. Он считает, что если «шереширы» происходят от иранского «тир-и-черх», то этот термин послемонгольского происхождения (см. свидетельство Ибн-ал-Биби). Но я-то думаю, что термин «шереширы» даже вовсе не восточного происхождения.

Я присоединяюсь в данном случае целиком к [А. С. Орлову и] Д. С. Лихачеву.

(Д. С. ЛИХАЧЕВ. Я не востоковед!)

Я ссылаюсь на Ваши печатные работы.

Термин «шереширы» происходит от термина «σαρισσαρι». В этом отношении я могу сослаться на консультацию доктора исторических наук А. П. Каждана,[160] который, разобрав этот термин, утверждает, что его нет в греческом языке и что он сравнительно позднего происхождения. (Греческое «σαρισσα» — копье, латинское «a i» ⟨так!⟩.) Термин «шереширы», исходя из диалектических[161] особенностей «Слова» и смыслового значения, выводится из термина «σαρισσαρι» по всем законам современного языкознания. [Опровергли ли уважаемые востоковеды эту этимологию? Нет. Они просто о ней умолчали. А она лучше, чем «тир-и-черх», объясняет происхождение шерешир.]

По поводу других терминов, встречающихся в «Слове». *Происхождение термина «харалужный» от «хараблуг» (разрушение) оба выступавших ориенталиста не могли опровергнуть, сказав вскользь о трудностях объяснения термина. Однако восточных («харалужных») мечей на Руси до XIV в. не было. Об этом уже говорилось. Попытка вывести термин из «каролингских» безнадежна: в Древней Руси «каролинги» выступают под термином «корлязи», а не «харалуги».*[162]

---

[160] Александр Петрович Каждан (1922—1997) — историк-византинист, доктор исторических наук (1961). В 1956—1979 гг. сотрудник Сектора византиноведения в Институте истории (с 1968 г. Институт всеобщей истории) АН СССР, с 1979 г. жил в США. Научные работы посвящены социально-экономической истории Византии и южных славян, истории религии.

[161] *Возможно, ошибочно вместо*: диалектных.

[162] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: Что касается термина «харалужный», то поскольку оба выступавших сослались на трудности объяснения его из «харалуг» — «разрушение», я на нем не настаиваю. Большинство исследователей теперь отходит от этого понимания, потому что оно входит в противоречие с понятием восточного оружия.

По поводу термина «топчак». Спорить [обеим сторонам] очень сложно. Я утверждаю, что ⟨слово⟩ «топчи» (topczy, topczieq) есть в польском словаре начала XIX в., связываю ⟨его⟩ с поздним турецким значением «пушкарь». Не будучи в состоянии отвергнуть эту этимологию, мне предлагают просто другую, [говорящую о половецких рослых конях]. В данном случае все, что я хотел сделать, это показать обратимость этимологии «топчаков».

[Так же ведется со мною спор и далее.]

Я говорил, что «ольберы» восходят к «Олбырю» Ипатьевской летописи. Мне отвечали, что этот термин половецкого происхождения. Может быть. Но доказать, что этот термин автор «Слова» не мог взять из Ипатьевской летописи (которой он пользовался), мои коллеги оказались не в состоянии.

Далее мне говорят, что ни один востоковед не сомневался в тюркском происхождении термина «могуты». [Это неверно.] Я могу сослаться на последнюю работу К. Менгеса, у которого есть специальная монография, посвященная ориентализмам «Слова».[163] Он говорил, что «могуты» — слово русского происхождения [(оно встречается в церковных памятниках, а «Могута» — в Никоновской летописи, имевшейся у Быковского).] А если в звене «топчаков, могут, ольберов, ревуг» есть уже один прорыв, то есть ли у нас достаточные основания «ревуги» обязательно производить от «арбуги», а не от русского «реветь»? Нет таких оснований.

(С МЕСТА. А «ковуи»?)

Вы исходите из презумпции, что «Слово о полку Игореве» относится к XII в., а я считаю, что оно — памятник XVIII в. Автор XVIII в. никаких ковуев не знал, он знал текст летописи.

Этимология слов: Боян, Шарукан, Гза, Кончак, Волос, кощей очень интересна. Но к нашей дискуссии непосредственного отношения не имеет: все эти термины есть в источниках «Слова» (летописи, «Задонщине»). Так что и в данном случае гипотеза обратима. Н. А. Баскаков спрашивает меня: какими ориенталистическими пособиями пользовался автор «Слова»? Отвечаю: никакими. В этом просто не было надобности.

---

[163] Первое издание книги К. Г. Менгеса вышло на английском языке в 1951 г. См. в переводе на русский язык доработанное исследование: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / Пер. А. А. Алексеева. Л., 1979.

Вот то, что я хотел сказать об ориентализмах, которые здесь получили интересное, но *до крайности*[164] одностороннее освещение.

Александр Васильевич[165] сказал, что «яруг» считается ориентализмом. Я могу сослаться на отзыв Т. А. Сумниковой, которая касается термина «яруг» в моей работе. Это слово может быть славянского происхождения, а если и тюркского — то весьма отдаленного по времени.

(Т. А. СУМНИКОВА. Я говорила, что территория распространения этого слова, по данным Русского Атласа, — это район, бывший в соприкосновении с тюркскими племенами, и поэтому ⟨оно⟩ может быть в языке приблизительно с XII в.).

«Яруги» есть и в источниках XV в., и в источниках XIX в. Существуют и поныне. Могут ли они доказывать какую-либо датировку «Слова»? Думаю, что любую.

Прежде чем перейти к характеристике особенностей языка «Слова о полку Игореве», я должен извиниться перед многими из присутствующих, на выступлениях которых я, к сожалению, за недостатком времени не могу остановиться. Я должен принести свои извинения Н. К. Гудзию, выступление которого я не имел возможности слышать.

(Н. К. ГУДЗИЙ. Скажите только насчет XVIII в.)

Пожалуйста. В моей книге приводятся соображения о том, почему поражение могло сделаться темой героической песни в XVIII в. Одно соображение — традиции церковной литературы, а другое — украинские думы, в которых герой гибнет в борьбе со степью. XVIII век был веком возникновения классических трагедий на древнерусские темы («Вадим Новгородский» и др.). Этот трагедийный дух присутствует в «Слове о полку Игореве».

Я также приношу свои извинения [А. Н. Робинсону,] Л. А. Дмитриеву, а также проф. Прийме, которым я также не могу ответить за неимением времени.

Мне очень хотелось ответить и А. В. Арциховскому.[166] Я также лишен возможности сделать это за недостатком времени.

---

[164] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы читалось:* по-моему.

[165] *Ошибочно вместо*: Николай Александрович. *Имеется в виду Н. А. Баскаков.*

[166] [Его ссылка на то, что я искажаю взгляды В. Арендта, — неверна. См.: «Если обратиться к русским мечам IX—XIV вв., то увидим исключительно западный

[Отмечу только, что о полном несоответствии оружия из «Слова» древнерусскому оружию говорили специалист по этому вопросу В. Б. Вилинбахов и в своих справках ближайшие ученики А. В. Арциховского, крупнейшие знатоки этого вопроса Б. А. Колчин, Д. А. Авдусин и А. Ф. Медведев.]

[Два слова о реплике О. А. Державиной. Она считает, что для «нас» (не вполне ясно, кто здесь имеется в виду) работа А. А. Зимина не новость, ибо его предшествующие труды ее подготовили. Так, оказывается, что я уже и ранее славился фантазиями. И Пересветова-то я считаю еретиком, и Афанасия Никитина и «Повесть о Динаре» связываю лишь со вкладами по душе и т. п. Здесь все неверно.

Я писал, что Пересветов разделял все основные положения христианства и только приближался к представителям реформационного движения.[167] Я считаю «Повесть о Динаре» основанной на грузинском эпосе, и лишь ее обработка была клерикальной.[168] Взглядами Афанасия Никитина я никогда не занимался вообще (О. А. Державина с кем-то меня спутала) и лишь присоединяюсь к Я. С. Лурье и А. И. Клибанову, которые никогда не считали Никитина еретиком.[169]][170]

Но я хочу остановиться на некоторых источниковедческих вопросах, поднятых, к сожалению, только сегодня и, главным образом, на языковых вопросах.

Я бы никогда не позволил себе привести тот отрывок из письма академика В. В. Виноградова, с которым меня ознакомил Е. М. Жуков, ибо считаю его незаслуженно лестным. Но поскольку сегодня Дмитрий Сергеевич читал отзыв П. Н. Беркова, где высказывается

фабрикат... Единственный мусульманский меч, находящийся в нашем распоряжении (из раскопок), относится к XIV в.» (*Арендт В. В.* К вопросу о «мечах харалужных» «Слова о полку Игореве» // Сб., посв. А. С. Орлову. Л., 1934. С. 373).] — *Примеч. А. А. Зимина, внесено при вычитке стенограммы.*

[167] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 392, 393, 404. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[168] Там же. С. 106—108. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[169] *Зимин А. А.* Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963. С. 102. — *Примеч. А. А. Зимина.*

[170] Данную вставку (ответ О. А. Державиной) А. А. Зимин отметил на полях перепечатанного набело текста как «Приложение № 11».

сомнение, читал ли Виктор Владимирович мою работу, то я хочу привести только одно место.

В письме от 3 мая В. В. Виноградов писал: «Полагаю, что в отсутствии автора нецелесообразно [и несправедливо] проводить обсуждение этого выдающегося труда».

Я сейчас не могу опять-таки подробно зачитывать отзывы языковедов, таких как проф⟨ессор⟩ С. И. Бернштейн, который говорит, ⟨что⟩ впредь до особого опровержения согласен со мною, что автор «Слова» списывал с «Задонщины», и высказывает целый ряд языковедческих соображений.

Отмечу лишь, что в течение года, а может быть и больше, кандидат филологических наук В. Н. Новопокровская[171] ведет интересную работу по сличению «Слова» с белорусскими памятниками XVII—XVIII вв. Она пришла к выводу, что все основные диалектные особенности «Слова о полку Игореве» имеются в белорусских и украинских памятниках. Соглашаясь с моими языковедческими соображениями, она привела ряд новых. Она говорит, что «языковеды не имеют неоспоримых доказательств, что „Слово о полку Игореве“ написано в XII в.».

Касаясь работы С. П. Обнорского,[172] она отмечает, что «С. П. Обнорский никогда не проводил широкого сравнения памятника с данными рукописей и диалектологии. Он подходил к „Слову“ с готовой точкой зрения о том, что оно написано в XII в., и исходя из этого выделял в нем черты языка XII в. С. П. Обнорский считал, например, чертами оригинала XII в. формы: существительные на З, Ц, С (на брезѣ), наличие аориста и имперфекта, формы „на кони“ и т. д. Но ведь все эти особенности встречаются и в более поздних памятниках вплоть до XVIII в. Они обычны в различных жанрах литературы XVIII в., например в виршах, которые тяготели к архаическому стилю, к церковнославянскому языку. В виршах, продолжающих традиции Симеона Полоцкого (например, в виршах Феофана Прокоповича), наряду с украинизмами[173] употреблялись аористы, имперфекты, звательные формы, формы со свистящими. В фонетике, морфологии, синтаксисе „Слова“ не найдено никаких

---

[171] О В. Н. Новопокровской см. в разделе «Участники дискуссии», с. 733—734.

[172] *Обнорский. Очерки.*

[173] *Испр., в стенограмме ошибочно*: украинскими.

черт, указывающих на то, что памятник написан в XII в. или, скажем, в XIII в., только в XII—XIII вв. Это подтверждает вывод Зимина о том, что изучение лексики „Слова о полку Игореве“ не дает „никаких прочных оснований в пользу древности происхождения памятника“».

Более того, она ⟨В. Н. Новопокровская⟩ приводит целый ряд примеров, ⟨например,⟩ птиць-птичь и говорит, что «появление новых форм винительного падежа множественного числа у имен существительных одушевленных, обозначающих животных женского пола, — явление сравнительно новое. Так, П. С. Кузнецов пишет, что „в названиях животных родительный винительный падеж во множественном числе отражается лишь в памятниках XVII в., например: «птиць от тои привады отгонить» (Уложение Алексея Михайловича). И это есть и в «Слове»“».

Далее она пишет: «Знакомство с памятниками письменности XVIII в., относящимися к южной Белоруссии, показало, что в них имеются все особенности, свойственные „Слову“: аканье, смешение Ѣ с Е и Ѣ с И, смешение Ы и И, смена ⟨так!⟩ С и Ш, Ч и Ц и т. д. Правда, эти черты отмечены нами в деловом языке. Вопрос о западнорусском языке XVIII в., употребляющемся в художественных произведениях, требует особого рассмотрения. Если стать на точку зрения А. А. Зимина, то можно думать, что эти диалектные особенности были знакомы и понятны Иоилю Быковскому и могли быть внесены им в „Слово“. В стихах самого Иоиля отмечены некоторые из них, например смешение Ы и И, замена Ѣ на И; колебание в написании РЫ и РИ. Можно также предположить, что ряд диалектных особенностей мог попасть в „Слово“ и из Ипатьевской летописи».

Из выступлений моих уважаемых коллег-языковедов остановлюсь в первую очередь на выступлении А. П. Евгеньевой. Я признаю правильной ту часть ее выступления, в которой говорится, что мною недостаточно использована работа С. П. Обнорского. В настоящее время все доводы академика С. П. Обнорского я уже разобрал и написал дополнительные разделы к своей работе. Хотя я не профессионал-лингвист, а пользовался только консультациями лингвистов, но считаю, что человек, изучающий «Слово», должен в какой-то степени всеми этими вопросами владеть.

Анастасия Петровна начинает с общего вопроса, как могло получиться, что моя гипотеза возникла. Она считает, что первыми ее

высказали не филологи. Но Вы же сами говорите, что К. С. Аксаков в [чисто филологической] работе о Ломоносове высказывал эту точку зрения. Высказывали ее и другие великие русские писатели — Л. Толстой, Гончаров.[174] [Да, наконец, и первая-то критика теории древности «Слова» была филологической.]

Вы говорите, что у меня в разделе о языке почти все неверно. Ну, допустим. Давайте проследим за Вашими конкретными аргументами.

Прежде всего мне хочется рассеять одно недоразумение.

В своей книге я, касаясь языковедческих вопросов, сразу говорю, что я не специалист. Я пользуюсь добрыми советами и работами, которые проделаны лингвистами, и пытаюсь осмыслить эти работы, как мне представляется возможным на современном уровне развития науки. Но, конечно, многое остается неясным. Не изданы еще словари древнерусского языка, не изданы атласы.

[Нужно изучать всю систему языка «Слова» в сравнении с системой языка Древней Руси и XVIII в. Но это задача не по плечу одному мне — с нею пока не справились и многие поколения языковедов. В языковедческой части работы я не пытался даже доказать, что все примеры несомненно свидетельствуют о позднем происхождении «Слова». Этого у меня нет. Мне приписывают то, что я не утверждал.]

Мне говорили, что гапаксы не показательны. Конечно, то, что сейчас считается гапаксом, может обнаружиться в новом источнике. Это же элементарнейшая вещь. Я и не пытаюсь гапаксами объяснить позднее происхождение памятников, иначе я допустил бы грубую ошибку.

Смысл лингвистической части работы сводится к тому, что я утверждаю: в распоряжении языковедов нет неоспоримых данных — лексических, морфологических, синтаксических — свидетельствующих, что язык «Слова о полку Игореве» — это непременно язык XII—XIII вв. Все указанные ими факты обратимы, т. е. могут быть объяснены явлениями поздней стилизации и другими причинами.

Они вполне укладываются в представление о языковом строе, характерном для предполагаемого автора «Слова» — Иоиля Быков-

---

174 Обзор скептических точек зрения на «Слово» см. в кн.: *Зимин-2*. Гл. 8. С. 386—431. О взглядах на «Слово» Л. Н. Толстого и И. А. Гончарова см. на с. 408—410.

ского, человека церковной культуры, выходца с Украины, белоруса по происхождению. Поэтому, когда мне говорят, что некоторые слова[175] («чи», «чили») известны не только в современном украинском языке, но есть и в памятниках XI в., то эти соображения бьют мимо цели. Если б доказывалось, что их не было в позднем украинском языке, тогда другое дело.

У Вас вызывает сомнения мое объяснение «Шеломяни».

(А. П. ЕВГЕНЬЕВА. Нет, это невероятно.)

А вот что мне пишет известный лингвист, проф. С. И. Бернштейн: «Конъектуру „за шеломянемъ“ вместо „за Соломономъ“ в „Зад⟨онщине⟩“ на почве смешения „с“ и „ш“ считаю блестящей. Она находит полное подтверждение в примере Мат⟨ериалов⟩ Срезн⟨евского⟩ III, 1587 из Ипат⟨ьевской⟩ летописи 6659 г.: „поиде Гюрги за шеломя съ полкы своими (в Хлебн⟨иковском⟩ сп⟨иске⟩: соломя)“».

О флексии *-аго*. Вы говорите: как она может свидетельствовать о позднем происхождении памятника? Я с Вами согласен: не может, [так же, как и в пользу древнего происхождения]. Почему я об этом упомянул? Только потому, что в работе ⟨В. Л.⟩ Виноградовой[176] это окончание приводится как неоспоримое свидетельство древности «Слова о полку Игореве». Я же говорю: нет, оно встречалось и в XIX в.[177] Прав я или не прав?[178]

Вы ссылаетесь на то, что я неправильно на стр. 285 ссылаюсь на Ларина. Нет, верно. Я указываю: о термине буй см. такую-то статью Ларина. Вот и все.

Вы говорите, «этимология» буй-тура Вас привела «в уныние». Но ведь сопоставление «буй тура» и «буйвола» не мое. Его сделал А. И. Мусин-Пушкин в своих комментариях. Я не говорю — прав

---

[175] *Испр., в стенограмме*: термины.

[176] См.: *Виноградова В. Л.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 267—268.

[177] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: и сейчас встречается.

[178] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: Я хочу доказать, что в распоряжении «древников» ⟨так А. А. Зимин называет защитников древности «Слова». — *Л. С.*⟩ нет прочных основ для доказательства обязательности этих явлений для XII в. Вы в своем очень ярком выступлении пока еще не опровергли этого. Вы отметили ряд явлений, которые характерны и для ряда слов, которые нельзя связать с украинизмами и полонизмами. Это очень интересные соображения, постараюсь их использовать.

или не прав Мусин-Пушкин в этих сопоставлениях, но говорю, что такие сопоставления были в конце XVIII в. Вот только о чем можно говорить при настоящем состоянии источников.

Вы говорите о фольклоре, о записях, которые были в XIX в. Значит, Быковский должен был знать весь фольклор? Нет, он должен был знать его строй. Я привожу сборник Ярославского монастыря 70-х гг. XVIII в., который, скорее всего, был в его распоряжении.

Вы утверждаете, что некоторые соответствия фольклору искусственны. Возможно, я еще раз посмотрю. Но основная масса этих соображений уже была в литературе, она не мною выдумана, они встречаются, например, у А. И. Никифорова, крупнейшего специалиста в этом вопросе.[179] Может быть, он несколько увлекался сопоставлениями. Но вряд ли от этого существо дела изменится.

Кощей. — Если не в былинах, так в сказках он встречается как символ врага. Вас огорчили суслики?

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

Не суслики, Александр Александрович. Я думаю, что «свист звериный» сопоставлять с былинным «Свистит соловей да по соловьиному, шипит разбойник да по змеиному» не стоит, потому что слово «свист» вы найдете, вероятно, от доисторической поры до современной. Здесь не нужны былины, это сопоставление просто не нужно.

А. А. ЗИМИН

Если у меня неправильные определения («просторечья»), то я постараюсь их снять. Нужно осторожнее подходить к определениям явлений.

Думаю, что правильны соображения о том, что нужно изучать весь строй языка в целом. К сожалению, я этого не мог сделать. Мне кажется, что языковеды «Словом о полку Игореве» мало занимались за последнее время, особенно после смерти С. П. Обнорского, Л. А. Булаховского. Надо оживить это изучение, особенно морфологического строя памятника.

---

[179] Имеется в виду докторская диссертация А. И. Никифорова «Слово о полку Игореве — былина XII века».

Действительно, у меня нет анализа всей совокупности элементов языка, а есть только анализ тех разделов, на которые обращалось внимание в литературе. В языке очень много обратимых элементов, например «поле». Конечно, я привел только этот аргумент в том смысле, что степь называлась полем и в более поздний период, [не говорю, что этого названия не существовало в ранний.]

Когда проф⟨ессор⟩ Филин говорит, что неквалифицированно дан разбор *-аго*, двойственного числа, я не могу с этим согласиться. Я говорил, что эти явления не могут быть использованы для доказательства древности «Слова», потому что встречаются и в позднее время.

Аргументов, что в «Слове» есть какие-то элементы, которые характерны т о л ь к о для языка XII в., к сожалению, ни Ф. П. Филин, ни А. П. Евгеньева не привели. [Украинизмы не выдуманы мною. О них писал Л. А. Булаховский в своем капитальном исследовании 1950 г.[180]]

Исследователем языка «Задонщины» выступил тов. Котляренко.

Нужно в Ваших доводах разобраться подробнее. Но меня удивило то обстоятельство, что, вероятно, у Вас не было работы о языковом строе «Задонщины» Матейка ⟨так!⟩ (осень 1963 г.),[181] где автор, по-моему, совершенно точно установил генеалогию списков памятника, и она целиком совпала с той, которую предложил я еще в феврале 1963 г. Олег Викторович — языковед, но и он об этой обстоятельной работе не упомянул.[182]

Время позднее, и я боюсь затягивать свое выступление. Я бы мог привести целый ряд дополнительных языковедческих соображений о позднем происхождении «Слова», ⟨но⟩ я боюсь утомить присутствующих, и я сам себя неважно чувствую.[183]

---

[180] *Булаховский Л. А.* «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 130—163.

[181] Имеется в виду работа: *Matejka L.* Comparative Analysis of Syntactic Constructions in the Zadonščina // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia, 1963. The Hague, 1963. P. 382—402.

[182] Недоразумение. О. В. Творогов как раз упомянул о работе Л. Матейки, на которую ссылается А. А. Зимин.

[183] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: А о языке можно говорить очень много, и я постараюсь в том варианте, который, может быть, представит интерес для науки, об этом сделать более квалифицированные замечания.

Сейчас я остановлюсь на некоторых источниковедческих вопросах.

Борис Александрович ⟨Рыбаков⟩ огласил отзыв Варвары Павловны ⟨Адриановой-Перетц⟩, но, к сожалению, в самый последний момент перед моим выступлением, и я не смог разобраться в ее подробной аргументации об Апостоле. Действительно, работу Покровского об Апостоле по какой-то нелепой случайности я не видел и познакомился с ней только вчера. Поэтому могу сказать пока только следующее. [Апостол попал в Синодальную библиотеку не прямо из Пскова, а из Синодальной типографии, очевидно, в 1788 г., но сути дела это не меняет.]

В моей книге есть аргумент, о котором пока просто не говорили. Ведь А. И. Мусин-Пушкин [бесспорно] пользовался материалами из Синодальной библиотеки. На стр. 424 у меня есть прямая ссылка на этот факт. [Почему Варвара Павловна об этом умолчала?] Следовательно, отрицать знакомство синодального обер-прокурора с псковским Апостолом нельзя. Она говорит, что нет росписи Мусина-Пушкина среди посетителей. Это не точно. Она ссылается просто на историю библиотеки, где вскользь упоминаются несколько читателей. К тому же Мусин-Пушкин не простой посетитель, а обер-прокурор Синода. Должен ли он где-то расписываться? Словом, не приведено было ничего, что бы опровергало мою гипотезу о возможности знакомства Мусина-Пушкина с псковским Апостолом, которую я изложил в книге.

Олег Викторович ⟨Творогов⟩ выступил с целым каскадом тончайших источниковедческих наблюдений. Каждое его наблюдение заслуживает особого внимания.[184] Очень досадно, что такое выступление, как выступление Олега Викторовича, было в самом конце нашего обсуждения, и исследователь, в данном случае я, был поставлен в тяжелое положение. Я физически лишен возможности проверить источниковедческие наблюдения, а на слух согласиться или отвергнуть их невозможно.

Что я могу сказать по существу?

По существу Олег Викторович сказал, что есть одно только чтение, которое совпадает в «Слове» с Ундольским изводом ⟨«Задонщины»⟩.

---

[184] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: Он предложил мне текст, чтобы я его сразу разобрал.

О. В. ТВОРОГОВ

Я повторю то, что я сказал. Я сказал, что если чтение совпадает в Краткой редакции и Синодальном списке, оно должно быть возведено в протограф Пространной редакции.

Что касается чтения «Досюда есмя были...», то это единственное ⟨чтение⟩, которое еще дополнительно свидетельствует об общей вторичной правке Кирилло-Белозерского и Синодального списков.

Мне бы хотелось, чтобы, когда Вы вновь обратитесь к этой теме, все Ваши реконструкции были построены по этому правилу.

А. А. ЗИМИН

Я охотно допускаю, что здесь у меня были какие-то огрехи. Это нужно тщательно выверить, я постараюсь разобраться, исправить, тогда мы с Вами поспорим.

[Общие чтения К-Б и Синодального списка должны быть возведены в протограф Пространной редакции. В одном случае я оставил чтение Ундольского списка. Это ошибка. Но тогда как же оно совпадает со «Словом о полку Игореве»? Не пытаясь наскоро решить сложнейшие вопросы, я могу сказать лишь одно. Теоретически вполне допустимо влияние («правка») протографа списка Ундольского на текст списка Синодального извода (или его предшественника), находившегося в распоряжении автора «Слова о полку Игореве». Что это могло быть так, убеждают два наблюдения. Первое. В сборнике Унд⟨ольского №⟩ 632 есть «Акир» и «Сказание об Индийской земле», а они были в сборнике со «Словом» (т. е., очевидно, в «Задонщине», находившейся у автора «Слова»). Второе. Я. С. Лурье доказал, что протограф повести о Дракуле по списку Унд⟨ольского №⟩ 632 лег в основу западнорусской версии этого произведения.[185] А именно на западнорусскую версию «Задонщины» (Синодальный извод) и повлиял протограф, список Унд⟨ольского⟩ № 632 «Задонщины». Все это, конечно, пока только в виде постановки вопроса.]

Сейчас же я хочу обратить внимание на то, что генеалогия текстов, которую предложил Олег Викторович ⟨Творогов⟩, совпадает с той, которую предложил Р. О. Якобсон. Эта генеалогия может существовать при одном, только при одном, условии: если общие чтения

---

[185] Повесть о Дракуле / Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964 (таблица между с. 112 и 113). — *Примеч. А. А. Зимина.*

Синодального и всех списков Ундольского извода будут первичными по сравнению с Кирилло-Белозерским ⟨списком⟩. Если есть хоть одно чтение Кирилло-Белозерского ⟨списка⟩, которое может быть возведено к протографу «Задонщины», а общее чтение Синодального списка и списков Ундольского извода вторично, то вся эта реконструкция рушится. А это-то и есть основной тезис спора! Ибо вся моя работа построена на таком доказательстве невозможности этой схемы Якобсона. Т. е., если чтения Краткой редакции первичны, а Пространной редакции вторичны, то тем самым вся схема Якобсона перечеркивается.

(О. В. ТВОРОГОВ. Я с Вами согласен, Александр Александрович, но это надо доказать!)

Именно этому и посвящена вся моя первая глава книги, где говорится о первичности Краткой редакции «Задонщины» и вторичности Пространной. [Ни одного опровержения существа моих выводов в ходе дискуссии не было высказано.]

Наконец, последнее очень интересное наблюдение нашего коллеги, историка В. А. Кучкина, сделанное на основании сборника XVII в. В одном из вариантов Киево-Печерского патерика с позднейшими наслоениями обнаружен помянник очень неясного происхождения. Источник очень смутный. В нем сказано, что Изяслав Ярославич похоронен в Софии Киевской, а не в Десятинной церкви, как сообщается в древнейших сводах. Кстати, в помяннике указывается, что Изяслав *Владимирович* был похоронен в Десятинной церкви.

Прежде чем вводить такой источник в научный оборот, надо было бы провести его анализ, показать невозможность влияния на него Софийской летописи. Когда это будет сделано, тогда мы и разговаривать будем.

[Вообще манера рассуждения В. А. Кучкина очень странна. Он берет кусочек из предполагаемой мною вставки Мусина-Пушкина, а не всю вставку в целом.] Я же сравниваю сходные тексты «Задонщины» и «Слова» и пытаюсь показать, что они совпадают с одной только разницей: «Слово» прерывается кусочком, имеющим соответствие с Софийской I летописью, Новгородской I летописью[186] и

[186] *Ошибочно вместо*: Новгородской IV летописью. *Эта же опечатка в книгах А. А. Зимина*. См.: *Зимин-1*. С. 421; *Зимин-2*. С. 350.

псковским Апостолом.[187] Нигде в другом месте «Слова» и «Задонщины» соответствия этим трем источникам нет! Вот это-то обстоятельство является одним из основных в решении проблемы. А весь материал этой вставки находился в распоряжении А. И. Мусина-Пушкина.

Последнее — о работе Лесскиса.[188] Тут был зачитан отзыв[189] относительно того, что я неправильно интерпретирую его работу.

Я мог бы сослаться на замечания и консультации кандидата филологических наук Семененко,[190] в которых она говорит, что часть наблюдений о близости ритмической структуры «Слова» произведениям XVIII в. ей кажется весьма убедительной. Она приводит сравнение «Слова» с *дактилическими*[191] окончаниями в произведениях Карамзина, близкими к памятникам народной словесности.

Я знаком с Г. А. Лесскисом, консультировался с ним и получил от него разъяснения по поводу его статьи. Конечно, его соображения не решающие, ими надо пользоваться очень осторожно, и я привел их лишь как постановку вопроса.

Вот все, что я могу сейчас сказать.

Результаты обсуждения настолько интересны, что потребуется дополнительная работа, чтобы все продумать еще раз. Высказана была масса интересных мыслей, наблюдений. Лично для себя я получил много полезного. Если это обсуждение принесло пользу и другим присутствующим, то это очень отрадно.

---

[187] А. А. Зимин в данном случае имеет в виду фрагмент «Слова»: «Тогда при Олзѣ Гориславличи ⟨...⟩ вѣци человѣкомь скратишась», соответствие которому имеется в приписке к псковскому Апостолу. С Софийской I летописью и Новгородской IV летописью имеет соответствие другой, предшествующий фрагмент «Слова» — о похоронах князя Изяслава в Святой Софии.

[188] *В стенограмме здесь и далее в тексте выступления А. А. Зимина ошибочно*: Лескаса.

[189] Имеется в виду отзыв С. С. Зилитинкевича, зачитанный на дискуссии А. Н. Котляренко.

[190] В стенограмме ошибка в фамилии. Имеется в виду Ирина Михайловна Семенко (1921—1987) — литературовед, стиховед, текстолог; исследователь и издатель произведений А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, О. Э. Мандельштама. Кандидат филологических наук (1948). Окончила ЛГУ, там же прошла аспирантуру, работала в Рукописном отделе ГПБ (РНБ), преподавала в Библиотечном институте. С 1958 жила и работала в Москве. В 1958—1987 гг. была женой Е. М. Мелетинского, принимавшего участие в дискуссии по книге А. А. Зимина.

[191] *Испр., в стенограмме*: дактилогическими.

И в заключение мне хотелось бы только одного: чтобы присутствующие как-то поняли меня. Не погоня за сенсацией[192] двигала мною. После предварительного доклада, прочтенного мною 27 февраля, я воздерживался от каких-либо выступлений. В таком сложном вопросе, как этот, всякая поспешность излишня. «Слово о полку Игореве» слишком дорого сердцу русского человека. Поэтому я еще раз продумаю все замечания, сделанные в устной и в письменной форме. Кстати, т. Творогов говорил о том, что в Секторе Д. С. Лихачева работа по «Задонщине» начата независимо от моей книги. Тут небольшая неточность. Эта работа начата после моего доклада 27 февраля [и непосредственно в связи с ним. Я бы не сказал, что до выхода в свет моей книги было бы корректным выпускать исследование, ею навеянное]. Но важно другое! Проблема поставлена, и группа сочла необходимым этим заниматься.

Мне хочется иметь возможность еще не один раз обратиться за консультациями, за помощью к присутствующим, к их большим знаниям, которыми я, конечно, не [всегда] обладаю. Я только подмастерье от науки, собираюсь многому [еще] научиться у присутствующих.

И если мы будем так же дружно и плодотворно работать, решая сложные вопросы, как мы работали[193] на этом совещании, я думаю, что советская наука от этого только выиграет. А ей предстоят еще многие новые задачи, неизведанные дороги, многие новые открытия предстоит сделать историкам и литературоведам. [Так будем же трудиться, не жалея сил, на благо нашей родной страны и самой передовой в мире науки.][194]

Разрешите на этом кончить.[195]

---

[192] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: не стремление продолжать Мазона или что-то скороспелое сделать.

[193] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: очень хорошо работали.

[194] *В исходном экземпляре стенограммы далее следовало*: И такое собрание, какое было организовано сейчас, — деловое, без лишних людей, не имеющих непосредственного отношения к теме, на котором собрались люди, серьезно работающие в этих областях, мне кажется, лично мне по крайней мере, принесло огромную пользу. Еще раз я хочу сказать от всей души, от всего сердца — я благодарен и собравшимся, и тем, кто взял на себя нелегкую задачу собрать это весьма компетентное собрание.

[195] На первом листе текста выступления А. А. Зимина расписались А. А. Зимин (8/V-1964) и Е. М. Жуков (2/X-1964).

Е. М. ЖУКОВ

Слово предоставляется кандидату филологических наук тов. Сумниковой.

Т. А. СУМНИКОВА

Мой отзыв существует, он не зачитывался, но из него была приведена фраза, искажающая мою точку зрения.

А. А. ЗИМИН ⟨*прерывая*⟩

Прошу разрешения внести в стенограмму *разделы отзыва т. Сумниковой*.[196]

(Е. М. ЖУКОВ. Пожалуйста.)

Выдержки из отзыва т. Сумниковой.

«Работа А. А. Зимина — фундаментальное и серьезное исследование, пытающееся обосновать в нашей литературе позднее происхождение памятника...

Не предрешая вопроса о справедливости или ошибочности общей концепции А. А. Зимина, можем сказать, что такой прием анализа языковых данных может быть правомерен, если считать текстологически доказанной вторичность „Слова“ по отношению к „Задонщине“. В лингвистической части работы А. А. Зимин опирается на исследования лингвистов».

Т. А. СУМНИКОВА

Мой отзыв существует, он не зачитывался, но из него была приведена фраза, искажающая мою точку зрения. Я не считала себя вправе выступать в прениях при обсуждении работы А. А. Зимина, поскольку я оказалась здесь случайно.

Работу А. А. Зимина я читала в рукописи. К лингвистической части, по которой, собственно говоря, и мог идти со мной разговор, мною было сделано много критических замечаний.

Языковые аргументы, приводимые А. А. Зиминым в пользу позднего происхождения памятника, недостаточны. Слова, с помощью которых Александр Александрович датирует «Слово», существовали

---

[196] *Вместо заключенного в звездочки текста в исходном экземпляре стенограммы было*: то, что я читал из этого отзыва.

в древнерусском языке задолго до XV в. Речь идет об ориентализмах (яруг, оварский), «полонизмах» и «украинизмах». Чтобы доказать свою идею, Александру Александровичу необходимо провести скрупулезнейший анализ языка памятника, проанализировать его, принимая во внимание все факты истории русского языка XII—XVIII вв., попытаться снять слои XII, XVI и XVIII вв., если таковые имеются. В этом отношении я разделяю точку зрения Олега Викторовича Творогова. Свои замечания я сообщила А. А. Зимину, полагая, что они пойдут ему на пользу. В письменном отзыве я привела данные современных русских атласов юго-западных областей европейской территории СССР, затрагивающих Курскую, Орловскую, Брянскую области; я писала, что слово «яруг», «ярыга» распространено там повсеместно. Это свидетельствует о том, что это слово было усвоено русским языком вероятно еще в XII—XIII вв., так как это территория раннего соприкосновения с тюркскими племенами. Если посмотреть на карту, то территория распространения этого слова совпадает с территорией Новгород-Северского княжества в границах XII—XIII вв. Упоминание этого слова у Срезневского под XV в. — не аргумент в пользу позднего усвоения данного ориентализма русским языком.

(С МЕСТА. Прения кончились!)

Я хочу разъяснить свою точку зрения на эту работу. Я не разделяю мнения А. А. Зимина о позднем происхождении памятника, тем более в XVIII в.

Я говорила в своем отзыве о необходимости скрупулезнейшим образом исследовать этот памятник и со стороны языка. Лингвистические исследования, которые имеются в настоящее время, недостаточны.

Для меня бесспорно, что в том виде, в каком до нас дошел памятник, там есть языковые особенности не только XII в., но и более поздние явления. Но для меня бесспорно и то, что эти поздние явления укладываются в хронологические рамки списка XVI в. Между тем во многих работах, специально посвященных «Задонщине» и «Слову», особенно поздних, — я имею в виду 50-е гг., — опубликованных в XII томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» и даже в последнем, «красном» сборнике,[197] есть статьи, — две статьи

[197] «Слово о полку Игореве — памятник XII века». Напомню, что «красным» сборником исследователи называют его по цвету обложки.

Веры Леонидовны Виноградовой,[198] в которых эти факты просто замалчиваются, а в отдельных случаях имеет место даже неверная датировка языковых явлений, неверное определение того или иного слова, которые и использовал А. А. ⟨Зимин⟩. В своем отзыве я призывала к более тщательному анализу памятника со стороны языка.[199]

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Нужно дать возможность Александру Александровичу выступить с ответами по всем пунктам нашего обсуждения. Мы потратили много времени, а в ответах услышали разные мелочи, которые требуют проверки. Между тем нам хотелось более обстоятельно услышать о методике текстологической и лексической работы и ⟨ответы⟩ на другие, затронутые при обсуждении, вопросы. Меня эти ответы не удовлетворили, я не считал возможным даже спорить.

Б. А. РЫБАКОВ

Я поддерживаю предложение Дмитрия Сергеевича. Я старался всю третью главу А. А. Зимина разобрать от начала до конца.

Может быть, я должен удовлетвориться этим, но Александр Александрович не возразил мне ни по одному существенному разделу: Ипатьевская летопись — канва «Слова о полку Игореве» может восходить к реальной хронологии событий, *и Р... является решением*[200] для Иоиля Быковского. Против этих двух пунктов Александр Александрович мне не возразил. Считать ли это молчание знаком согласия или получить действительно настоящий ответ? Поэтому я поддержал бы предложение Дмитрия Сергеевича.

В. И. СТЕЛЛЕЦКИЙ

Я месяц работал над работой А. А. Зимина, и мое выступление заняло 1 час 20 минут. В моем выступлении содержалось много

---

198 *Виноградова В. Л.* 1) Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 20—27; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 255—275.

199 Текст выступления исправлен и подписан на последнем листе Т. А. Сумниковой без указания даты.

200 *Так в стенограмме. Вероятно, вместо текста, заключенного в звездочки, следует, судя по тексту выступления Б. А. Рыбакова, читать*: и Радзиловская летопись не является решением...

фактического материала. Александр Александрович на мои возражения не ответил. Мне казалось бы, что следовало ответить на те вопросы, которые я затрагивал.

А. А. ЗИМИН

Я считаю, что все, что можно было ответить на устные выступления, я сказал. Больше отвечать на них я не считаю возможным. Я попытаюсь учесть все замечания в своей работе и внести в нее необходимые коррективы. Если потом этот вариант работы будет рассмотрен или обсужден, это имеет смысл, а давать еще раз устный ответ я считаю излишним.

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Обязывать Александра Александровича мы не можем.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Следует отметить странную точку зрения Александра Александровича. Мы приехали сюда и работали здесь, чтобы помочь Александру Александровичу составить новый вариант работы. Иначе я бы не приезжал.

(С МЕСТА. Мы обсуждаем работу Александра Александровича, а не вопрос о подлинности «Слова»!)

Разрешите ответить. Вами и некоторыми товарищами было выдвинуто совершенно неправильное положение. Такое положение, что мы обсуждаем работу А. А. Зимина, а не вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве», — абсолютно неправильное. Нельзя обсуждать работу научного работника без основного тезиса этой работы, исключая основной тезис. Я потому и приехал и потому полтора месяца затратил в свое время на это, что вопрос идет о «Слове», а не о работе А. А. Зимина, которую я считаю очень слабой. Я для этого приехал сюда и поэтому над этой работой работал. Поэтому этот тезис о том, что работу нужно отделить от ее основного положения, для меня абсолютно неприемлем.

Точно так же и другой тезис, выдвигавшийся тоже ораторами здесь на заседании, что тезис может быть ложным, а работа может ⟨быть⟩ новаторской и прекрасной, — я не понимаю как научный работник. Это не история литературы, не работа со многими тезисами. Эта работа посвящена одному тезису, на который нанизывается весь

материал, вся аргументация, и вдруг оказывается, что тезис может быть ложным, а работа — новаторской.

Я. С. ЛУРЬЕ

Я хочу два слова сказать по последнему положению Дмитрия Сергеевича. Неужели в Вашей практике среди книг, которые нам прекрасно знакомы, нет книг, основной тезис которых Вы не приемлете, и тем не менее книгу считаете заслуживающей печатания, потому что она интересна. Мы с Вами были солидарны по поводу книги Игоря Петровича.[201] Разве ее не надо было печатать?

Акад. Е. М. ЖУКОВ

Этот вопрос Вы уточните в кулуарах.

У нас в обсуждении участвовали 32 оратора, кроме того, были еще письменные отзывы, приложенные к стенограмме. Академик М. Н. Тихомиров просил меня тоже сообщить свою точку зрения по поводу этой работы. Она является отрицательной. Михаил Николаевич считает, что работа должна быть опубликована, но вместе с тем он дает очень резкую критику этой работе. Он пишет, что работа А. А. Зимина является скороспелой, отнюдь не является плодом долгих научных изысканий.

Преобладающая линия выступавших на этом обсуждении, даже тех, кто доброжелательно относится к работе автора, сводится к тому, что автору не удалось доказать правильности своих построений. Это — общее мнение. Основной стержень работы не аргументирован.

(С МЕСТА. Не все это признавали!)[202]

Высказанное автором предположение о датировке «Слова» является несостоятельным, потому что никакой серьезной аргументации

---

[201] *Испр., в стенограмме ошибочно* — «Дмитрия Петровича». Имеется в виду И. П. Еремин и его книга «„Повесть временных лет“: Проблемы ее историко-литературного изучения» (Л., 1946), переиздание которой наряду с другими произведениями автора готовил в это время Сектор древнерусской литературы ИРЛИ (см.: *Еремин И. П.* Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики) ⟨/ Вступ. статья Д. С. Лихачева⟩. М.; Л., 1966). Я. С. Лурье имеет в виду несогласие с И. П. Ереминым в трактовке «Повести временных лет», о чем он говорил и в своем выступлении (см. с. 359 наст. издания).

[202] *Далее в исходном тексте стенограммы следовали слова Е. М. Жукова, вычеркнутые им при вычитке стенограммы*: Почти все.

Александр Александрович не представил. Об этом говорили очень многие. Предположение об авторстве Быковского никем поддержано не было. Многие выступавшие отмечали обилие в работе А. А. Зимина ошибок, неправильное цитирование, прямые передержки при использовании источников. Это произошло, очевидно, от спешки и желания любой ценой оправдать свою концепцию, свои априорные положения.

Я должен сказать, что хотя нам поручили совещание по «Слову» провести, но в Отделении истории такое ощущение, что мы потратили много времени и энергии без большой пользы. Я это должен честно признать. Энергия Александра Александровича также могла бы быть направлена с большим эффектом на более какой-либо важный и серьезный сюжет. Он крупный специалист-историк, но взялся за задачу очень неблагодарную для самого себя и для всех присутствующих товарищей. Об этом следует задуматься. Руководство Института истории пошло навстречу А. А. Зимину, размножив для обсуждения специалистами текст его рукописи. Это, конечно, результат нового подхода ко всем историческим изысканиям. Мы должны любые творческие ростки поднимать и стараться все живое поддерживать. Но в данном случае, мне кажется, это было сделано от излишнего либерализма, потому что новых ростков в работе не видно. Правильнее сказать, что имел место неоправданный расход наших средств и времени, потому что обсуждение показало, что рукопись А. А. Зимина такого парада специалистов по «Слову» не заслуживает. Мы имели указание от руководства Академии обсуждение организовать и теперь представим руководству Академии мнение совещания. Решить вопрос о судьбе рукописи мы не можем — это вне нашей компетенции. Мы доложим результаты совещания, и товарищи будут решать, как дальше поступить с этой рукописью.

Я хотел еще буквально минуты на две коснуться одного вопроса, который имеет принципиальное значение. Товарищи не касались этого вопроса. Это вопрос о том, что мы, историки, работаем и живем не в безвоздушном пространстве, мы являемся частицей советского народа и связаны неразрывно с массами наших людей, со строителями коммунизма. Поэтому в деятельности любого историка мы должны постоянно помнить, что наш труд и наша энергия должны наиболее целесообразно использоваться, в соответствии с интересами нашего народа, нашей страны.

Тут много говорили об ответственности историка. Я хочу сказать об ответственности историка прежде всего за направление его работы. Ясно, что мы должны заниматься «Словом», тут никаких споров не может быть. «Слово» имеет очень много аспектов, требующих изучения, много еще здесь неясных вопросов. Но мне кажется, что самой досадной и большой ошибкой Александра Александровича было то, что в исследовании «Слова» он пошел в неправильном направлении, в направлении Андре Мазона. Об этом пишет и М. Н. Тихомиров в своем отзыве.

Правда, Александр Александрович отмежевывается от Мазона. Но одно дело формальное отмежевание, а другое дело — направление исследования. Поэтому хочет он или не хочет, но А. А. Зимин пошел по пути человека, который, как все хорошо знают, не является объективным исследователем истории русской культуры. Наоборот, этот человек имеет тенденцию относиться предвзято к русской культуре.

(В. Б. КОБРИН: Почему же его тогда терпят в нашей Академии?)

Я скажу об этом.

Поскольку наше собрание носит узкий характер, я думаю, что могу сказать вам одну вещь «по секрету».

Я сейчас в силу занимаемой должности занимаюсь преимущественно организационными вопросами в области исторической науки. Мне приходится часто встречаться с историками и неисториками и беседовать на разные темы, относящиеся к нашей специальности. И мне приходится часто испытывать ощущение неловкости, выслушивая весьма неприятные упреки по поводу того, что один очень способный молодой советский историк ничего лучшего не нашел, как посвятить себя поискам искусственных аргументов в пользу того, чтобы попытаться отодвинуть на шесть столетий датировку самого ценного памятника русской древней культуры. Такие обоснованные упреки не А. А. Зимин, а я выслушивал.

Каждый из нас, чем бы он ни занимался, является частицей нашего общего исторического фронта, каждый из нас отвечает за всю историческую науку. Дело не только в Зимине, а в каждом из нас. Данное направление работы А. А. Зимина бросило тень на способность историков выбирать действительно актуальную тематику и давать правильное решение поставленной проблемы.

Я бы хотел, чтобы товарищи знали обо всех аспектах этой проблемы.

Повторяю, что заниматься «Словом» можно и нужно. В этой области будет еще сделано много открытий, много тут проблем нерешенных. *Но исследовать «Слово» нужно не по Мазону, а по Марксу.* Я думаю, что все товарищи помнят, что Маркс очень высоко ценил «Слово» и не сомневался в его подлинности.

Я приношу свои извинения, что мы так долго задержали вас, все очень устали. Каждый вынес нелегкую нагрузку, прочитав и прокомментировав исследование А. А. Зимина. За это я приношу благодарность всем товарищам.

На этом разрешите закрыть наше заседание.[203]

ЗАСЕДАНИЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ

---

[203] Текст заключительного слова Е. М. Жукова исправлен им и подписан без указания даты.

СТАТЬИ О ДИСКУССИИ

(1963—1965)

Г. П. Струве[*]

Слово о полку Игореве — не памятник XII века? Советская научная сенсация[1]

Как это ни странно, до Запада только недавно дошло известие о сенсации, преподнесенной советской научной общественности историком и литературоведом А. А. Зиминым.[2]

Еще в марте месяце[3] Зимин в заседании Отдела древнерусской литературы советской Академии наук, в Пушкинском Доме, прочел доклад о «Слове о полку Игореве». Несмотря на отсутствие какой-либо особой рекламы, доклад собрал огромное количество слушателей[4] (в их числе было и несколько иностранных студентов и ученых, находящихся сейчас в Ленинграде), и его пришлось перенести из сравнительно небольшого помещения в большой зал Пушкинского Дома. Заседание продолжалось пять часов[5] и, согласно полученным из России сообщениям, носило бурный характер. Несмотря на это, в советской печати о нем до сих пор как будто не было никаких сообщений.

Из сопоставления полученных из разных источников сведений вырисовывается следующая картина:

Зимин утверждает, что ему удалось доказать, что «Слово о полку Игореве» — не подлинное произведение XII века, а, как в свое время утверждал проф. Андре Мазон, написано в XVIII веке. Основным автором этого произведения Зимин считает архимандрита Иоиля (в миру Ивана Быковского) — того самого, у которого

---

[*] Статья вышла с подписью: *Г. С.* Авторство этой и других статей с подписью «*Г. С.*» устанавливается по письму С. Н. Плаутина к Д. С. Лихачеву и по письму А. П. Струве к С. Н. Плаутину (см.: *К истории спора-2*. С. 238—240).

[1] Опубликовано: Русская мысль. ⟨Париж⟩, 1963. 1 июня. № 2002. С. 6.

[2] Это неверно. Как ясно из писем зарубежных ученых Д. С. Лихачеву, известие о состоявшемся докладе А. А. Зимина уже в марте достигли и Европы, и Америки.

[3] Неточность: доклад состоялся 27 февраля.

[4] В секторской книге протоколов заседаний расписались 110 человек, в том числе несколько иностранных студентов. Многие из присутствовавших были, очевидно, приглашены сторонниками докладчика.

[5] Заседание действительно продолжалось дольше обычного и проходило с перерывом. Доклад А. А. Зимина длился около трех часов.

Мусин-Пушкин якобы купил рукописный свод, в составе которого было обнаружено «Слово». По словам Зимина, «Слово» было написано архим. Иоилем, которого он называет «замечательным русским писателем», в 70-х годах XVIII века, то есть лет за двадцать до того, как оно было якобы приобретено Мусиным-Пушкиным, — и написано без всякого намерения сфабриковать фальшивку, как «книжная былина». Мусин-Пушкин позднее вставил в эту «книжную былину» три исторических эпизода и выдал все за произведение XII века. На чем основаны эти утверждения Зимина и какими другими доводами он оперировал, остается пока неясным. На заседании в Пушкинском Доме ряд ученых выступил с возражениями Зимину. В их числе называют И. П. Еремина, Я. С. Лурье и Л. А. Дмитриева.

Сторонники подлинности «Слова» считают аргументы Зимина неубедительными и характеризуют их как повторение того, что уже давно сказал Мазон и что было отвергнуто единогласно советскими специалистами по древнерусской литературе и большинством их коллег на Западе. Но это явно не так.

В выдвинутой Зиминым теории есть несколько совершенно новых элементов. Прежде всего это имя архим. Иоиля, ролью которого во всей истории со «Словом» до сих пор никто серьезно не занимался и о котором нельзя найти сведений почти ни в одном из серьезных справочных изданий. Позволительно предположить, что Зимину удалось найти какие-то писания арх. Иоиля, до сих пор, может быть, остававшиеся неизвестными. Во-вторых, Зимин впервые устанавливает датировку написания «Слова» — 70-е годы. Почему 70-е, а не 80-е или не 90-е? Для этого у него должны быть какие-то основания — простая гипотеза или догадка не имела бы никакой цены. В-третьих, Зимин определяет написанное Иоилем «Слово» как «книжную былину» — для употребления этого термина у него должны быть опять-таки какие-то основания, он должен был его где-то разыскать. И наконец, в-четвертых и в-последних, Зимин различает между «книжной былиной» Иоиля и историческими эпизодами, вставленными или добавленными Мусиным-Пушкиным. Такое утверждение также не имеет никакой цены, если оно является плодом субъективного домысла. Для того чтобы разграничить в известном нам произведении его первоначальное ядро и позднейшие

наслоения или добавления, необходимо располагать какой-то «документацией».

Все это обстоятельства, о которых мы пока еще недостаточно знаем. Но можно наперед сказать, что относительно молодой советский ученый — и притом не специалист по самому раннему периоду русской литературы — едва ли бы решился бросить вызов всему сонму советских литературоведов и посягнуть на такое произведение, как «Слово» (особенно вскоре после того, как виднейшие советские ученые в сборнике, озаглавленном «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века»,[6] еще раз безоговорочно утвердили подлинность «Слова» и с негодованием отвергли все «покушения» на него), если бы у него, Зимина, не было ничего, кроме остроумной гипотезы и произвольного субъективного домысла.

Полученные из России из хороших источников сведения говорят, что, хотя Зимин первоначально собирался выступить еще с одним предварительным докладом в заседании Отделения литературы и языка Академии наук, он сейчас решил от этого выступления отказаться. Им уже вчерне подготовлена книга размером в 15 печатных листов, в которой он изложит свою теорию. Книга эта покажет, насколько убедительны его доводы. Во всяком случае, знаменательно уже то, что он имел возможность выступить со своим сенсационным докладом и что издание книги — дело решенное. По сведениям из Ленинграда, на докладе Зимина не присутствовали виднейшие советские ученые, упорно отстаивающие подлинность «Слова»: не было (по болезни) Д. С. Лихачева, не было В. П. Адриановой-Перетц, не было проживающего в Москве Н. К. Гудзия.

Александр Александрович Зимин до сих пор был известен главным образом работами по истории и литературе XVI века. Имя его в советской науке появилось как будто во второй половине 50-х годов. За последние годы им написаны такие большие труды, как «Реформы Ивана Грозного» и «И. С. Пересветов и его современники». Вместе с Я. С. Лурье он редактировал «Послания Иосифа Волоцкого». Он был также соредактором сборника статей под названием «Международные связи России до XVII века». В «Трудах Отдела древнерусской литературы» им за последние годы напечатаны

[6] Выходные данные: М.; Л., 1962. Отв. ред. Д. С. Лихачев.

работы о Пересветове, об Ермолае-Еразме, о «Беседе Валаамских чудотворцев». Он занимался также редактированием древних актов и составил руководство по методике такого редактирования, что свидетельствует о его компетентности в области текстологии.

Известие о выступлении Зимина вызвало большой интерес среди славистов в Западной Европе и Америке. Даже если Зимину и не удалось и не удастся доказать на все сто процентов, что «Слово» написано в XVIII веке Иваном-Иоилем Быковским, им будет дан новый толчок спорам об этом вызвавшем уже столько споров и прений произведении.

*Г. П. Струве**

Еще о «Слове о полку Игореве»[1]

Советская печать до сих пор молчит о прочитанном А. А. Зиминым в Ленинграде докладе, в котором он выдвинул теорию о том, что «Слово о полку Игореве» — произведение 18-го века и что автором его является архим. Иоиль (Быковский). Но за последние месяцы в «Литературной газете» появились два письма, напоминающие о том, что в этом году исполняется 775 лет со времени написания «Слова» (советские историки литературы приурочивают написание его к 1187 году, и в 1938 г. в Советском Союзе был торжественно справлен 750-летний юбилей «Слова»).

Одно из этих писем появилось совсем недавно, а именно 21 мая. Оно подписано несколькими известными писателями, композиторами и художниками. Среди подписавшихся находим имена Анны Ахматовой, Корнея Чуковского, Николая Асеева, Павла Антокольского, композитора Ю. Шапорина, художников В. Фаворского и П. Корина (получившего в этом году Ленинскую премию) и несколько других, менее известных лиц (почему-то отсутствуют имена таких знаменитостей, как Шолохов, Федин, Леонов, Шостакович, Кончаловский[2]). Авторы письма «присоединяют свой голос» к ранее напечатанному в «Литературной газете» письму «видных историков русской литературы» и призывают советские культурные и общественные организации «откликнуться на предстоящие дни, посвященные 775-летию „Слова о полку Игореве“» и «организовать чтения и выставки, вечера и читательские конференции, посвященные „Слову“».

Не может не показаться странным, что это «присоединение» деятелей литературы и искусства к «призыву» историков литературы произошло три с лишним месяца спустя после того, как этот призыв был опубликован. Он появился в «Литературной газете» еще 5 февраля. Еще более странное впечатление производят подписи «видных

---

* Статья подписана: *Г. С.*

[1] Опубликовано: Русская мысль. 1963. 2 июля. № 2015. С. 3.

[2] Неясно, кто имеется в виду. Можно думать, что речь идет о народном художнике РСФСР, действительном члене Академии художеств СССР П. П. Кончаловском, но его в 1963 г. не было в живых (умер в 1956 г.).

историков литературы» под этим первым письмом. Среди них нет ни одного видного специалиста по древней русской литературе и по «Слову», в частности — ни Н. К. Гудзия, ни Д. С. Лихачева, ни В. П. Адриановой-Перетц. Под письмом, напечатанным не особенно заметно (и многими, говорят, даже в Москве не замеченным) на второй странице газеты, — всего шесть подписей.

Из подписавшихся только трое могут быть охарактеризованы как более или менее широко известные историки литературы: А. Н. Соколов (автор большого труда о русской поэме 18-го и 19-го вв.), А. И. Ревякин и Ф. М. Голов⟨ен⟩ченко (тоже специалисты по 19-му веку). Голов⟨ен⟩ченко с тех пор скончался. Остальные имена принадлежат менее известным ученым. Из них А. В. Позднеев занимался русской литературой древнего периода, труды проф. А. М. Новиковой пишущему эти строки неизвестны, и только С. В. Шервинский имеет прямое отношение к «Слову»: он исполняет обязанности секретаря Постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» при Союзе писателей СССР и является переводчиком «Слова» на современный русский язык и автором нескольких статей о нем. Авторы письма напоминают о том, как был отмечен 750-летний юбилей «Слова», привлекший внимание и за границей, хотя «Слово», говорят они, там знали тогда только немногие специалисты литературы (именно тогда выступил со своими лекциями о «Слове» как подделке 18-го века проф. Андре Мазон, но об этом авторы письма не упоминают).

Свое письмо авторы его заканчивают предложением литературной общественности «отметить 775-летний юбилей „Слова о полку Игореве" и в связи с этим обратить внимание на многие проблемы, касающиеся „Слова о полку Игореве" и еще не решенные», ибо «историческое, эстетическое, гуманистическое значение „Слова" поистине неисчерпаемо и составляет драгоценную частицу духовных сокровищ нашего народа».

Письмо это появилось приблизительно за месяц до ленинградского доклада А. А. Зимина, когда в научных кругах должно было уже быть известно о его предстоящем выступлении.[3] Может быть, в нем

[3] Это предположение неверно. Сотрудникам Сектора древнерусской литературы основной тезис докладчика стал известен лишь накануне доклада, а некоторым из них и в процессе доклада. Как ясно из письма Л. В. Черепнина к Д. С. Лихачеву, не знали о занятиях А. А. Зимина «Словом» и его московские коллеги, за исключением тех немногих, кому была доверена тайна.

следует видеть поэтому начало кампании против Зимина, хотя имя последнего ни разу не было даже упомянуто до сих пор. Обращает также на себя внимание большая статья-рецензия упомянутого выше С. В. Шервинского в мартовском номере журнала «Вопросы литературы» под заглавием «Памятник древнерусской литературы». Это — отзыв о вышедшем в прошлом году коллективном труде, озаглавленном «Слово о полку Игореве — памятник XII века», в котором Д. С. Лихачев, Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц и другие впервые после многих лет молчания о Мазоне и его теории ополчаются на французского ученого и защищают подлинность «Слова». В объяснение этого Д. С. Лихачев в предисловии к сборнику пишет, что, хотя «Слово» и не нуждается в защите перед лицом специалистов, «в широких кругах читателей, особенно за границей, могут создаться неправильные представления о том, будто бы противники „Слова“ обладают какими-то сильными аргументами». Шервинский говорит о «затянувшемся споре» с противниками «Слова» и заканчивает свою рецензию так: «Рецензируемая книга должна положить конец одному из самых неоправданных заблуждений в истории литературы».

Невольно встает вопрос: известно ли было авторам сборника о том, что известный советский ученый собирается вновь поднять вопрос о подлинности «Слова», которая ни у авторов сборника, ни у Шервинского не вызывает ни малейших сомнений? И каким образом получилось, что, с одной стороны, Зимину дана была возможность выступить со своим докладом, а с другой стороны, доклад его был полностью замолчан? Является также вопрос, получит ли Зимин возможность опубликовать свою книгу.

Говорят, что по Москве сейчас ходит шутка: отсрочка идеологического пленума объясняется, мол, тем, что Никита Сергеевич ⟨Хрущев⟩ еще не решил, какую научную позицию ему занять в отношении теории Зимина. В более серьезной плоскости из Москвы сообщают, что часть материала, на основании которого Зимин пришел к заключению об авторстве Иоиля Быковского, найдена им в Чернигове. В некоторых западных научных кругах высказывается пожелание о том, чтобы Зимину дана была возможность обосновать свою теорию на предстоящем в сентябре Международном съезде славистов в Софии, в присутствии и с участием иностранных ученых, в обстановке научной беспристрастности.

*О. В. Творогов, Л. А. Дмитриев**

Когда же написано «Слово о полку Игореве»?[1]

Дорогая редакция!

К вам обращается группа сотрудников отдела главного механика Балтийского завода с просьбой разрешить возникший между нами спор. Мы слышали, что существует мнение, будто бы «Слово о полку Игореве» не является литературным произведением славянской древности, а якобы оно было написано киевским протопопом в XVIII веке и на эту тему даже написана докторская диссертация.

Мы просим разрешить возникший между нами спор и опубликовать ответ в вашей газете.

Н. Борщев, А. Козаревич, Э. Трофимова,
Л. Кутыева, сотрудники Балтийского завода.

Мы обратились в Сектор древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР с вопросом: каковы современные научные данные о времени создания «Слова»? Вот что нам рассказали научные сотрудники Сектора *О. В. Творогов* и *Л. А. Дмитриев.*

Вопрос о датировке «Слова о полку Игореве» имеет длинную и сложную историю. Еще во времена Пушкина так называемая скептическая школа во главе с профессором истории Каченовским и Сенковским сомневалась в возможности существования древнерусской литературы и рассматривала «Слово» как удачную подделку значительно более позднего периода. Каченовский считал, что в те отдаленные времена не мог появиться текст светского содержания; равным образом он подвергал сомнению подлинность летописей.

Надо сказать, что с тех пор мы обогатились многими новыми находками, опровергающими точку зрения скептической школы. Западноевропейские исследователи, в частности французский академик Андре Мазон, специалист в области русской литературы, также считает «Слово» талантливой мистификацией, подделкой, относящейся к XVIII веку, а не к XII. С другой стороны, виднейшие деятели советской науки историки-академики Б. А. Рыбаков и М. Н. Тихо-

---

* Авторы статьи названы в редакционном предуведомлении.

[1] Опубликовано: Смена. 1964. 11 марта. № 60. С. 3.

миров, филологи Н. К. Гудзий и Д. С. Лихачев и многие другие стоят на той точке зрения, что «Слово» — великий памятник русской литературы XII века. В советской науке это мнение общепринято.

Целый ряд произведений древнерусской литературы дошел до нас в единственном экземпляре. Это такие значительные произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели Русской земли». В таких случаях правильное прочтение текста существенно затруднено. То же самое произошло со «Словом».

«Слово» было издано в 1800 году, а единственный список его сгорел, как известно, во время пожара Москвы в 1812 году. Таким образом, в основу всех будущих исследований положен единственный дошедший до нас список поэмы, что существенным образом затрудняет его изучение. Известно, что для прочтения памятников древней литературы необходимо текстологическое сравнение разных списков, чего ученые лишены в данном случае. Однако на основе лингвистических и исторических данных разъясняется все больше «темных мест» в «Слове», и все эти разъяснения подтверждают мысль о том, что эта поэма действительно представляет собой памятник древнерусской литературы, талантливое произведение, созданное в отдаленные времена.

В феврале 1963 года доктор исторических наук А. А. Зимин сделал доклад на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР о датировке «Слова». В своем докладе доктор Зимин вновь выдвинул ту точку зрения, что «Слово» написано не в XII, а в XVIII веке, но оно не подделка, а оригинальное произведение, написанное знатоком древнерусского языка и литературы. Автором «Слова» докладчик назвал ярославского архимандрита Иоиля Быковского, человека весьма образованного и влюбленного в славянскую культуру.

Сама по себе гипотеза, выдвинутая Зиминым в его докладе, как мы видим, не нова, ново в ней лишь то, что Зимин не считает «Слово» подделкой, скорее, говоря языком современным, по его мнению, оно является стилизацией.

Работа доктора Зимина представляет собой серьезное научное исследование, ее автор убежден в своей правоте, и, значит, его гипотеза заслуживает обсуждения и изучения, от нее нельзя просто отмахнуться, ее можно будет принять или опровергнуть только после самого углубленного и всестороннего исследования.

Сотрудники Сектора древнерусской литературы, со своей стороны, совершенно убеждены в том, что им удастся доказать свою точку зрения: «СЛОВО» — ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XII ВЕКА. Однако для этого надо знать работу доктора Зимина в полном виде, а не в виде доклада, который представляет собой только ее сжатое изложение. Как только полный текст работы ученого станет известен специалистам — историкам, филологам, лингвистам и востоковедам, — начнется обсуждение. До тех пор все возражения могут оказаться неубедительными.

С развитием науки мы узнаем все больше о «Слове», но никакие новые научные данные до сих пор не прибавили шансов сторонникам той точки зрения, что «Слово» — произведение XVIII века. Напротив, проясняя и уничтожая «темные места», наука все больше обнажает истинный смысл «Слова» и его связь с русской жизнью XII века.

Специалисты в области древнерусской литературы убеждены, что им удастся опровергнуть аргументацию доктора Зимина в настоящем научном споре, который возникнет с появлением законченной работы историка.

*О. В. Творогов**

Памятник древнерусской литературы[1]

В начале марта в нашей газете была опубликована беседа «Когда же написано „Слово о полку Игореве"?», в которой рассказывалось о гипотезе доктора исторических наук А. А. Зимина, считающего, что «Слово» было написано в конце XVIII века архимандритом Спасо-Ярославского монастыря Иоилем Быковским. В редакцию обратились читатели с просьбой рассказать, подтверждают ли научные исследования гипотезу А. А. Зимина. Сегодня мы публикуем статью кандидата филологических наук О. В. Творогова, которая отвечает на вопросы читателей.

Сомнения в древности «Слова» не являются чем-то новым: они возникли еще сто пятьдесят лет назад, когда рукопись «Слова» погибла во время пожара Москвы. Чем были вызваны эти сомнения? Прежде всего ошибочностью представлений, существовавших в науке того времени, о якобы низком уровне древнерусской культуры, на фоне которой «Слово» казалось чем-то исключительным и необычным.

Однако находки других древнерусских памятников, цитировавших «Слово» или подражавших ему, на долгое время угасили сомнения скептиков. В 1813 году К. Ф. Калайдович обнаружил в богослужебной книге 1307 года «Апостоле» приписку, почти дословно повторяющую одну фразу из «Слова». А в 1852 году был открыт первый из шести известных в настоящее время списков «Задонщины», произведения конца XIV века, рассказывающего о победе над Мамаем на Куликовом поле. В «Задонщине» находится уже не одно, а несколько десятков совпадений с текстом «Слова». Казалось бы, спорить не о чем: ведь если в рукописях XIV и XV веков («возраст» «Апостола» и древнейшего из списков «Задонщины») налицо заимствования из «Слова», то о написании «Слова» позже этого времени не может быть и речи. Но в 1890 году французский ученый Л. Леже предложил «перевернуть гипотезу» и поставить вопрос: а не могло ли «Слово» быть написано в подражание «Задонщине»? Той же

---

* Статья подписана: *О. Творогов, научный сотрудник Института русской литературы АН СССР.*

[1] Опубликовано: Смена. 1964. 21 марта. № 69. С. 4.

точки зрения о вторичности «Слова» придерживается и французский ученый А. Мазон. Сейчас на эту точку зрения стал А. А. Зимин.

Итак, что же появилось раньше: «Задонщина» или «Слово»? Тщательное сопоставление обоих памятников, произведенное независимо друг от друга советскими и зарубежными филологами и лингвистами, каждый раз приводило к одному и тому же выводу: «Задонщина» написана по образцу «Слова». Целый ряд несообразностей, смысловых и языковых, которые мы встречаем в «Задонщине», могут быть объяснены только неудачным подражанием «Слову»; кроме того, язык «Слова» древнее, архаичнее, чем язык «Задонщины». Попытки А. А. Зимина доказать обратное, то есть зависимость «Слова» от «Задонщины», не представляются убедительными; игнорируются в работе Зимина и упоминавшиеся выше загадочные несообразности «Задонщины».

Как же объясняет А. А. Зимин близость «Задонщины» и «Слова»? По его мнению, у Иоиля Быковского оказался неизвестный науке и впоследствии якобы исчезнувший (или намеренно уничтоженный? — *О. Т.*) список «Задонщины», который к тому же был лучше, чем все известные нам списки. И вот на основе этого таинственного списка «Задонщины» — произведения о славной победе великого князя московского Дмитрия Донского над Мамаем — Иоиль якобы и написал «Слово» — произведение о поражении малоизвестного новгород-северского князя Игоря. Но почему же Иоиль обратился именно к этому незначительному эпизоду русской истории? Поводом, по мнению Зимина, явилось упоминание в «Задонщине» Каялы, реки, на которой потерпел поражение Игорь. (Название это, как нетрудно догадаться, попало в «Задонщину» из «Слова», которому она подражала. Зимин же никак не объясняет, откуда и почему попало в «Задонщину» это название, употребленное в ней явно не к месту.)

Помимо «Задонщины» и «Слова» Каяла упоминается всего один раз в одной из многочисленных русских летописей, Ипатьевской, в тексте рассказа о походе Игоря. Если встать на точку зрения Зимина о вторичности «Слова», то дело обстояло так: Иоиль, встретив название Каялы в «Задонщине», отыскал единственное упоминание Каялы на одном из 307 листов Ипатьевской летописи и, вдохновившись содержавшимся в ней описанием похода Игоря, сделал этот поход сюжетом своего произведения. Таким образом, случайное упо-

минание Каялы в «Задонщине» явилось поводом для создания «Слова»!

Но откуда та несвойственная историческому жанру страстность автора, живая горячность его призывов к давно умершим князьям «встать за землю Русскую»? Эта горячность в XII веке была исторически оправдана: «Слово», как писал Маркс, являлось «призывом русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». По Зимину же, «Слово» оказывается не менее актуальным... и для XVIII века, так как «в конкретной обстановке 70-х — начала 90-х гг. XVIII века это означало призыв к присоединению Крыма и к победоносному окончанию русско-турецкой войны».

Так значит, архимандрит Иоиль создал всего лишь «военно-патриотический призыв», древнерусский колорит которого совершенно случаен?! Причем этот призыв никто не должен был услышать, ибо Иоиль, по словам Зимина, и не собирался его публиковать. «Слово» увидело свет лишь благодаря «коварству» графа А. И. Мусина-Пушкина, каким-то образом заполучившего его у Иоиля и издавшего под видом древнерусского произведения в 1800 году. Такова, по Зимину, история создания и публикации «Слова».

И наконец, последняя загадка. Напомним, что «призыв к присоединению Крыма» был написан на древнерусском языке, перед которым становились в тупик и издатели и первые исследователи «Слова»: в начале XIX века языкознание делало еще свои первые шаги. Потребовалось несколько десятилетий, прежде чем наука смогла разобраться в некоторых грамматических особенностях «Слова», обнаружить в других древнерусских памятниках редкие слова, затруднявшие его перевод.

Трудно поверить, чтобы в XVIII веке мог найтись человек, способный создать сложную языковую ткань этого памятника, для чего, по словам академика А. С. Орлова, нужно было быть «гигантом-лингвистом», упредившим чуть ли не на столетие состояние науки о языке. Вместо ответа на этот вопрос Зимин утверждает, что «Слово» было написано Иоилем на церковнославянском языке, который ему, как служителю церкви, был, конечно, известен. Но в том-то и дело, что «Слово» написано не на церковнославянском, а на древнерусском языке, и именно наблюдения над «Словом» привлекли внимание ученых (и то лишь в начале XIX века!) к различиям между этими двумя языками. В XVIII веке, повторяем, не знали ни об этих

различиях, ни о существовании особого, своеобразного древнерусского языка.

Не только знания древнерусского языка в конце XVIII века были недостаточными. Создать «Слово» в это время нельзя было из-за ограниченности исторических знаний, из-за ошибочности представлений о народной поэзии, считавшейся в то время «низкой» и «простонародной».

Таковы в общих чертах основные положения работы А. А. Зимина; все они вызывают решительное возражение и никак не ставят под сомнение древность и подлинность «Слова». «Слово о полку Игореве» — памятник древнерусской литературы, это убеждение исследователей, опирающихся на многочисленные факты, накопленные за 150 лет изучения этого замечательного произведения.

К спору о «Слове о полку Игореве»[1]

Нам пишут:

В западных академических кругах получены сведения о том, что — хотя об этом, по-видимому, и не пишут в советской печати — в советском ученом мире продолжается спор о «Слове о полку Игореве», разгоревшийся в связи с прошлогодним докладом А. А. Зимина в Ленинграде, о чем сообщалось в свое время в «Русской мысли». В этом докладе Зимин, известный историк, специалист главным образом по XVI веку, утверждал, что «Слово» не только не является памятником XII века, но и представляет собой произведение XVIII века. Зимин, видимо, был склонен приписывать его архимандриту Иоилю (Быковскому), у которого или через которого Мусин-Пушкин приобрел рукопись, включавшую «Слово».

Сейчас подтверждаются сведения о том, что Зиминым на эту тему подготовлена большая монография в 20 печатных листов. В мае месяце в Ленинграде[2] состоялось обсуждение этой работы при участии нескольких десятков специалистов из Москвы и Ленинграда. Всем участникам обсуждения была наперед разослана рукопись книги Зимина. В обсуждении приняло участие около 30 человек. Большинство, около двух третей, выступало против Зимина, отвергая всякую возможность пересмотра вопроса о подлинности «Слова» как произведения XII века.

Но нашлись у Зимина и сторонники. Правда, всего два человека, говорят, поддержали его тезис о XVIII веке как времени написания «Слова», но многие выступили в защиту его взгляда на «Слово» как на произведение вторичное по отношению к «Задонщине» и Ипатьевской летописи и, следовательно, написанное, по всей вероятности,

---

[1] Опубликовано: Русская мысль. 1964. 23 июля. № 2181. С. 5, с подписью: *У*. Можно предположить, что статья написана Б. Г. Унбегауном. Однако, высылая Д. С. Лихачеву вырезку из «Русской мысли» с этой заметкой, С. Н. Плаутин пишет, что постарается получить и «первоначальную статью Г. П. Струве о Зимине», т. е. высылаемую статью с подписью «*У*» он тоже, вероятно, считал принадлежащей Г. П. Струве (см.: *К истории спора-2*. С. 238).

[2] Неточность: обсуждение работы А. А. Зимина проходило 4—6 мая в Москве, оно было организовано Отделением исторических наук АН СССР.

не ранее начала XV века. Союзниками Зимина в вопросе о «Слове» оказались главным образом историки, противниками же его — филологи. Особенно решительно возражал Зимину Д. С. Лихачев. Из историков Лихачева поддерживал Б. А. Рыбаков.

По полученным из Советского Союза сведениям, в сравнительно скором времени можно ожидать выхода книги Зимина и таким образом переноса спора в печать.

*⟨В. А. Кучкин, О. В. Творогов⟩**

Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве»[1]

4—6 мая в Отделении истории АН СССР состоялось обсуждение некоторых вопросов, касающихся времени создания и авторства «Слова о полку Игореве». Оно было проведено в связи с предпринятой доктором исторических наук А. А. Зиминым попыткой в отличие от установившегося в науке мнения, что «Слово» — памятник древнерусской литературы, датировать его создание более поздним временем — XVIII веком. В обсуждении приняли участие историки, археологи, текстологи, литературоведы, лингвисты, востоковеды — представители всех тех специальностей, которые имеют непосредственное отношение к изучению важнейших аспектов, связанных с этим литературным памятником. Среди тридцати двух выступавших были акад. Б. А. Рыбаков, члены-корр. АН СССР А. В. Арциховский, Д. С. Лихачев, Ф. П. Филин, акад. АН УССР Н. К. Гудзий, доктора наук Н. А. Баскаков, Н. И. Голенищев-Кутузов, А. П. Евгеньева, В. Д. Кузьмина, Ф. Я. Прийма и другие. Кроме того, были оглашены письма акад. М. Н. Тихомирова, члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц и П. Н. Беркова.

Считая «Слово» произведением XVIII в., А. А. Зимин полагает, что тем самым русская литература этого столетия «обогащается шедевром, показывающим литературные связи этого времени с новой стороны», и что «глубокие народные корни и передовые идеи „Слова“ ставят его в начале целого ряда замечательных поэтических произведений о русском народе и его далеком прошлом».

Возражая ему в ходе обсуждения, Д. С. Лихачев говорил, что датировка памятника — вопрос большой значимости. Всякое произведение искусства воспринимается в определенном историческом окружении других одновременных ему памятников искусства. Поэтому передатировать «Слово» нельзя без ущерба для его идейной и эстетической ценности. В XII в. это — произведение огромной

---

* Статья опубликована как редакционная. Известно, однако, что она написана В. А. Кучкиным и О. В. Твороговым.

[1] Опубликовано: Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121—140.

идейной силы, призывавшее к единству, обличавшее усобицы князей. Его общественный пафос огромен, и только в связи с ним можно оценивать его эстетическую ценность. В XVIII в. это произведение оказалось бы стилизацией, литературной безделушкой. «Объявить тот или иной памятник подлинным или поддельным, созданным не в ту, а в другую эпоху, — продолжал Д. С. Лихачев, — это значит коренным образом изменить к нему отношение, коренным образом пересмотреть вопрос о его ценности, иначе понять его идейное содержание, его роль в историко-литературном процессе. Я вынужден это сказать, потому что А. А. Зимин утверждает, что, убирая прекрасное произведение из XII в., он „дарит“ его XVIII веку».

В ходе обсуждения было показано, что концепция А. А. Зимина в своих главных чертах повторяет концепцию французского исследователя А. Мазона. И тот и другой считают, что «Задонщина» в ее Пространной редакции повлияла на «Слово», полагая при этом, что Пространная редакция «Задонщины» написана значительно позже Краткой редакции.[2] Как А. А. Зимин, так и А. Мазон утверждают, что «Слово» возникло в последней четверти XVIII века. Оба сходно характеризуют многие особенности языка и стиля «Слова», а также цели его создания: оправдание «империализма Екатерины» — по А. Мазону, «набатный призыв» к завоеванию новых территорий на юге — по А. А. Зимину. А. Мазон первоначально считал, что автором «Слова» был А. И. Мусин-Пушкин или кто-то из его современников; в связи с вопросом о времени создания «Слова» он проявлял значительный интерес к деятельности ярославского архимандрита Иоиля Быковского, предполагаемого первого владельца рукописи «Слова». А. А. Зимин прямо утверждает, что этот архимандрит и был автором «Слова», а затем в написанный им текст были сделаны некоторые вставки Мусиным-Пушкиным.

Итак, обе концепции очень близки, и поэтому, как показал в своем выступлении Д. С. Лихачев, «частные различия с концепцией Мазона не дают А. А. Зимину права с такой решительностью отвергать свою зависимость от Мазона и осуждать приемы его работы, как это делает А. А. Зимин». Вместе с тем отмечались и некоторые

---

[2] Далее употребляется терминология А. А. Зимина: «Краткая» (список Кирилло-Белозерский) и «Пространная» (все остальные списки) редакции, хотя этой терминологии придерживаются не все исследователи. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

отличия концепции последнего от работы А. Мазона. Одним из них является то, что он опирается на собственное текстологическое сличение Пространной и Краткой редакций «Задонщины» и сличение «Задонщины» со «Словом», тогда как А. Мазон ограничивался по преимуществу ссылками на наблюдения своего ученика, чешского ученого Я. Фрчека.

В заключительном слове А. А. Зимин говорил, что его и А. Мазона разделяют прежде всего методологические основы исследования. «Для меня как историка-марксиста главное — социально-политическое содержание „Слова", его органическая связь с идейной борьбой конца XVIII века. Для Мазона — это „пастиш" (стилизация), который навеян Оссианом, преисполнен галлицизмами и т. п., то есть не органическое явление русской литературы, а навеянное иноземными влияниями. Это решающее, основное». А. А. Зимин сказал далее, что «Слово» — загадка с пятью ключами: один из них был намечен Фрчеком и отчасти Мазоном. Это тезис о Пространной редакции «Задонщины» как источнике «Слова». Четыре остальных предложены им, А. А. Зиминым: «1) источник исторических сведений „Слова" — Ипатьевская и отчасти Кенигсбергская летописи, а не Татищев, как считает А. Мазон; 2) языковой строй памятника, в том числе ориентализмы (у А. Мазона все время речь идет о прямой модернизации языка в духе XVIII в., галлицизмах и т. д.; от разгадки ориентализмов он уклонился); 3) загадка приписки к псковскому Апостолу или вставок Мусина-Пушкина (А. Мазон ошибочно считал, что речь идет об «общем месте» древних памятников, но ни одного памятника подобного рода не привел); 4) автор „Слова" — Иоиль Быковский (для А. Мазона автором был кто-то из издателей)». Впрочем, А. А. Зимин заметил, что, по имеющимся у него сведениям, в последнее время и А. Мазон склонен считать Иоиля автором «Слова».

*

Как говорилось выше, одно из главных доказательств позднего происхождения «Слова» А. А. Зимин усматривает в текстуальной зависимости его от «Задонщины». В этой связи он уделил значительное внимание текстологическому анализу «Задонщины».

История этого памятника, по его мнению, такова. В конце XIV в. возникает устная «Задонщина» Софония Рязанца. Затем где-то

около 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре старец Ефросин записывает «Задонщину» Софония. При этом было исполнено по крайней мере два списка. Один из них — не дошедший до нас протограф Краткой редакции — имел небольшие отличия от Кирилло-Белозерского списка (в нем не было вставочной даты битвы, возможно, иначе звучало заглавие и т. д.). В конце XV в. на основе «Задонщины» Краткой редакции и «Слова о Мамаевом побоище» возникает «Сказание о Мамаевом побоище». В 20—30-х годах XVI в. возникает протограф Пространной редакции. Один из списков Синодального извода этой редакции и лег в основу «Слова». Впоследствии этот список, по гипотезе А. А. Зимина, исчез.[3]

Внешняя обстоятельность текстологического анализа А. А. Зимина вызвала положительную оценку у некоторых историков и литературоведов. Так, С. Н. Азбелев (Институт русской литературы АН СССР), признав, что некоторые частные утверждения вызывают у него сомнения или возражения, тем не менее заявил, что все «основные доводы А. А. Зимина представляются вполне обоснованными текстологически». Я. С. Лурье (Институт русской литературы АН СССР) также отозвался о текстологических наблюдениях А. А. Зимина как о наиболее интересных.

Однако в выступлениях других участников обсуждения были вскрыты серьезные ошибки этих текстологических построений. Прежде всего было обращено внимание на то, что реконструкции текстов созданы совершенно произвольно. Д. С. Лихачев привел, в частности, такой пример: в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» читается неоконченная фраза «От тоя рати и до Мамаева побоища». А. А. Зимин ее «заканчивает», но берет для этого не другие списки «Задонщины», где эта фраза закончена вполне естественно — «лет 160», — а произвольно выбранный текст из совершенно другого произведения — «Сказания о Мамаевом побоище». Фраза эта, послужившая основой для исправления, читается в «Сказании» в другом контексте, и не в начале произведения, как в «Задонщине»,

---

[3] В настоящее время известны следующие списки «Задонщины»: 1) Кирилло-Белозерский (далее в ряде случаев обозначается К-Б), впервые издан в 1858 г.; 2) Список Ундольского (У), издан в 1852 г.; 3) Синодальный список (С), издан в 1890 г.; 4) Список ГИМ, Муз. собр. № 2060 (И-1) и 5) Список ГИМ, Муз. собр. № 3045 (И-2), изданы в 1947—1948 годах. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

а в середине. В одной из редакций «Сказания» она читается следующим образом: «От тоа бо Галадцкыа беды и великого побоища татарского и ныне еще Руская земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго бога, можеши бо жывити и мертвити». На основании нескольких слов из этой фразы А. А. Зимин дает новый текст: «От Калагъския рати и до Мамаева побоища Русская земля уныла», — не имеющий ничего общего ни с Кирилло-Белозерским списком, ни с приведенной фразой из «Сказания». По мнению А. А. Зимина, этот текст читался в несохранившемся протографе Кирилло-Белозерского списка. Создание таких «реконструкций», по словам Д. С. Лихачева, не может быть названо иначе, чем сочинительством.

«Нарушается, — как отметил последний, — и другой текстологический принцип, выдвинутый еще А. А. Шахматовым, — принцип анализа текста в его целостности. А. А. Зимин не только не определяет характер ошибок, изменений и других особенностей текста каждого списка, но не характеризует даже устанавливаемые им изводы Пространной редакции — извод Ундольского и извод Синодальный. Оба извода без их анализа соединяются в одну произвольную реконструкцию Пространной редакции. Причем характерно, что, признав извод Синодальный лучше сохраняющим древнейшие чтения, он кладет в основу своей реконструкции список другого извода — извода Ундольского — список И-1, заявляя, что он полнее других и наиболее древний (имеется в виду сама рукопись, а не ее текст). Из этого видно, что рассматриваемые принципы реконструкции далеки от стремления опереться на историю текста».

Д. С. Лихачев показал, что в целом ряде случаев при сопоставлении текстов А. А. Зимин пользуется не реальными списками, а им же самим созданными реконструкциями. Опираясь на них при анализе тех текстов, на которых эти реконструкции основываются, А. А. Зимин как бы сам создает тексты, а затем сличает эти тексты и торжествует победу своей концепции. Так, характеризуя Краткую редакцию и Кирилло-Белозерский список, ее представляющий, он утверждает, что «говорить о механическом сокращении текста в К-Б совершенно невозможно». Но для доказательства этого он сравнивает реконструкцию Пространной редакции не с Кирилло-Белозерским списком, а со своей реконструкцией протографа Краткой редакции.

Полемизируя с ним, О. В. Творогов (Институт русской литературы АН СССР) говорил, что реальность существования этого протографа ничем не доказывается. Предположить его существование автору пришлось потому, что Кирилло-Белозерский список имеет ряд дефектов. По мнению выступавшего, большинство из них — это следы того, что в Кирилло-Белозерском списке сокращен текст Пространной редакции. Но А. А. Зимин исправляет дефекты текста Кирилло-Белозерского списка, произвольно выбирая отдельные слова из Пространной редакции и даже из «Сказания о Мамаевом побоище», а полученный таким образом «улучшенный» текст использует дальше для сопоставлений с той же Пространной редакцией.

Как сообщил в своем выступлении Л. А. Дмитриев (Институт русской литературы АН СССР), текстологическое сопоставление списков «Задонщины», заново произведенное сотрудницей Сектора древнерусской литературы Р. П. Дмитриевой, привело ее к выводу, что все дошедшие до нас тексты «Задонщины» представляют собой уже позднейшие переработки этого памятника; А. А. Зимин не смог, по ее мнению, доказать, что Краткая редакция является первоначальным текстом «Задонщины».

Возражая против реконструкции А. А. Зиминым протографа Пространной редакции, О. В. Творогов напомнил, что Синодальный список имеет несколько чтений, сходных с чтениями Кирилло-Белозерского списка. Отмечает это и А. А. Зимин, не придавая данному факту никакого значения. Между тем наличие общих чтений между этими списками приводит к выводу о существовании текста, родственного как Синодальному, так и Кирилло-Белозерскому спискам. Правда, большинство примеров, говорящих о близости этих списков, могло бы уложиться в схему взаимоотношений списков «Задонщины», предложенную А. А. Зиминым, но при одном условии: нужно было бы считать, что архетип Пространной редакции лучше всего отразился в Синодальном списке в тех случаях, когда последний сходен с Кирилло-Белозерским, а отличия остальных списков в этих чтениях объявить особенностями извода Ундольского. Но и это не спасает положения, поскольку имеется случай, когда Кирилло-Белозерский и Синодальный списки отразили, несомненно, сходное вторичное чтение. Во фрагменте, где Дмитрий и его брат называются гнездом Владимира Киевского, в Кирилло-Белозерском списке читается: «Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу,

ни ястребу, ни белу кречету...» Как видно, первая часть фразы синтаксически не согласована со второй. Сходный текст с той же ошибкой в согласовании читается и в Синодальном списке: «Доселя есмо были не обижены ни от кого ни ястребу, ни соколу, ни белозерскому кречету...» Естественно, что и в реконструкции архетипа Пространной редакции должен читаться сходный текст, если исходить из принципов, которые выдвинуты самим же А. А. Зиминым.[4]

Однако, нарушая эти собственные принципы, А. А. Зимин вносит в реконструкцию архетипа Пространной редакции текст, исправленный по списку Ундольского: «Ни в обиди есмя были по рожению ни ястребу, ни соколу, ни кречету, ни черному ворону, ни тому же псу, поганому Мамаю». Текст синтаксически правильный, но сразу же вызывающий два вопроса: откуда в Синодальном списке оказался текст, сходный с Кирилло-Белозерским? Как могло вообще получиться, что в «Слове о полку Игореве» отразился текст, исправленный изводом Ундольского, тогда как, если верить А. А. Зимину, «Слово» основано на списке Синодального извода, содержавшего как раз ошибочный текст?

О. В. Творогов рассмотрел далее фрагмент: «На Москве кони ржут, звенит слава...», являющийся, по его мнению, одним из наиболее важных для уяснения истории текста «Задонщины». Анализ этого фрагмента А. А. Зиминым вызывает ряд вопросов. Так, непонятно, почему он оперирует тремя разными реконструкциями этого фрагмента. Почему в реконструкции и ее воспроизведении не учитываются все разночтения Синодального списка? Непонятно, почему утверждается, что фраза «звенит слава по всей земли русской» логичнее помещена в Краткой редакции, если она точно так же помещена и в Синодальном списке Пространной редакции? Почему, доказывая, что вся Пространная редакция ближе к «Слову», А. А. Зимин рассматривает не свою реконструкцию, а один из списков (И-1)

[4] Чтения списка И-1, положенного в основу реконструкции, исправляются им в двух случаях: если они индивидуальны, то есть присущи только этому списку, или если воспроизводят специфические особенности Ундольского извода (списков И-1, И-2, У), а не архетипа редакции. И далее: чтение списка И-1 заменяется чтением списка С в том случае, если списки И-1, И-2, У дают индивидуальное или изводное чтение, не восходящее к архетипу редакции. Списку С оказывается предпочтение в том случае, если его чтение совпадает с К-Б, что свидетельствует о его архетипном происхождении. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

с подведенными к нему вариантами по тому же списку? Наконец, не ясно, на чем основано утверждение, что Синодальный список ближе к «Слову», чем И-1, если «Слово» и Синодальный список сближает лишь порядок слов в первой фразе фрагмента, а с изводом Ундольского — весь порядок эпизодов в этом же фрагменте.

Такое же недоумение вызывает, по словам О. В. Творогова, и текстологический анализ А. А. Зиминым ряда других фрагментов «Задонщины». Его ошибочные положения ведут к принципиально ошибочным выводам. Так, его утверждение, что «в „Слове" нет ни одного чтения, передающего особенности извода Ундольского (то есть такого, которого не было бы в протографе Пространной редакции и в протографе Синодального извода и которое составляло бы общую особенность списков Ундольского и Исторического музея, не повторяющуюся с Кирилло-Белозерским и Синодальным списками)», надо решительно отвергнуть, поскольку оно основано на реконструкции, ошибочность которой только что была продемонстрирована.

Впрочем, А. Т. Николаева (Историко-архивный институт) заявила, что эти возражения О. В. Творогова показались ей неубедительными, не подкрепив, однако, свое несогласие с возражениями О. В. Творогова какими-либо аргументами.

А. А. Зимин утверждает: «Если будет доказано, что „Слово" текстологически связано только с Пространной редакцией „Задонщины", а последняя восходит к Краткой и не имеет никаких других источников, которые могли быть отождествлены непосредственно (или опосредствованно) со „Словом", то вопрос о соотношении последнего с „Задонщиной" будет решен: его придется признать произведением вторичным, а „Задонщину" Пространной редакции — первичной». Возражая ему, Н. И. Голенищев-Кутузов (Институт мировой литературы АН СССР) привел ряд примеров, свидетельствующих, что в некоторых важнейших разночтениях «Слово» оказывается ближе к Краткой редакции «Задонщины», чем к Пространной. Критикуя реконструируемую А. А. Зиминым рукопись, которой будто бы воспользовался Иоиль, Н. И. Голенищев-Кутузов говорил, что «эта воображаемая редакция должна была по воле провидения содержать все элементы, необходимые Иоилю. Таким образом, Кирилло-Белозерская редакция, мешающая конструкции А. А. Зимина, просто им устраняется. Между тем только некоторая

„мозаика“ из всех нам известных рукописей, включая и Кирилло-Белозерскую, дает приблизительное чтение „Слова“, а вовсе не Синодальные списки только».

Оживленную дискуссию вызвало сопоставление А. А. Зиминым текстуально близких фрагментов «Слова» и «Задонщины». Хотя он считает, что «Слово» «обнаруживает наиболее разительное сходство с Синодальным списком Пространной редакции „Задонщины“», но сопоставляет его не с этим списком, который им характеризуется как крайне дефектный, а с протографом Пространной редакции (по списку И-1), учитывая особенности извода, представленного Синодальным списком.

При этом, как указал Д. С. Лихачев, имеет место систематическое подтягивание реконструкции текста Пространной редакции к «Слову», то есть исправление реконструкции Пространной редакции «Задонщины» по тексту «Слова». «Подтянув» свою реконструкцию к «Слову», А. А. Зимин вслед за ней дает текст последнего, где отмечает его источники и, в частности, якобы заимствованные места из Пространной редакции. Порочный круг замыкается. Натяжки видны уже в самом начале реконструированного текста. Так, выделяются слова «начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий» и «начати же ся тъй пѣсни» как заимствованные из Пространной редакции, но в даваемой реконструкции форма слова «начати» взята из «Слова» же (в И-1 — «начаша», в У — «начаша ти», в С — «нача»).

Метод «порочного круга» сказывается и в таком факте. А. А. Зимин подсчитывает свои собственные (в общем, как было показано, произвольно), вносимые им в редакции «Задонщины» поправки и эти цифровые данные снова пускает в оборот для обоснования того, что Краткая редакция является первоначальной по сравнению с Пространной. Он считает, например, показательным, что в Краткую редакцию им внесено 28 поправок, а в Пространную — около 350.

Для доказательства своих положений, продолжает Д. С. Лихачев, А. А. Зимин прибегает и к явным передержкам в цитировании текстов. Так, например, он утверждает, что выражение «приломити конецъ поля Половецкого» в «Слове» неудачно и оно может быть объяснено только из текста «Задонщины», где есть слова «конецъ копия» (имеется в виду текст «Задонщины»: «конец копия вскормлены»). Действительно, приведенная цитата из «Слова» бессмысленна,

однако если памятник процитировать правильно, то никакой неясности не будет. Игорь говорит: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкого», то есть хочу сломать копье на границе Половецкого поля («приломить» или «сломать копье» — фразеологизм, означающий «начать битву»).

Дискуссию вызвал и анализ А. А. Зиминым отдельных чтений «Слова», имеющих соответствие в «Задонщине». Так, обращение Ярославны к Днепру: «О Днепр Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую» — и его параллели в «Задонщине» рассмотрел в своем выступлении А. Н. Робинсон (Институт мировой литературы АН СССР). Возражая против интерпретации этих параллелей А. А. Зиминым, он считает, что «все компоненты описания Дона в „Задонщине“ не отвечают реальности и несвойственны фольклорной традиции... Они результат литературного сочинения, имеющего подражательный характер по отношению к „Слову“».

Я. С. Лурье, напротив, считает, что благодаря текстологическим наблюдениям А. А. Зимина нельзя рассматривать этот аргумент как говорящий в пользу первичности «Слова», хотя бы потому, что кажется странной замена «гор каменных» в Пространной редакции на «берега харалужные» в Кирилло-Белозерском списке.

На вопросе о соотношении «Задонщины», «Слова» и «Сказания о Мамаевом побоище» остановился Л. А. Дмитриев. Он указал, что в концепции А. А. Зимина неясен самый характер работы автора Пространной редакции над текстом «Сказания о Мамаевом побоище». Когда отдельные слова и предложения, отличающие Пространную редакцию от Краткой и совпадающие с чтениями «Сказания» (в котором они выглядят явными вставками), А. А. Зимин объясняет влиянием «Сказания», то это абсолютно неубедительно. Можно допустить, что авторы отдельных редакций «Сказания» обращались к небольшой по объему «Задонщине», что какие-то переписчики «Сказания» знали ее на память, могли вносить изменения в уже имевшиеся вставки из нее, делать, вспоминая сходные образы и ситуации, новые вставки. Об этом свидетельствует, в частности, список Румянцевского собрания № 378, где автор прямо говорит, что он сделал большую вставку в текст «Сказания» из текста «Задонщины». Допустить же подобного рода влияние «Сказания» на «Задонщину», по мнению Л. А. Дмитриева, невозможно.

Л. А. Дмитриев подчеркнул, что ряд чтений «Задонщины» по списку И-1 и сходным, возводимых А. А. Зиминым к «Сказанию», встречается только в отдельных редакциях или вариантах последнего. Поэтому А. А. Зимину было необходимо доказать, что все эти чтения являются чтениями протографа этого памятника или же что автор Пространной редакции пользовался различными редакциями «Сказания».

Приводимые А. А. Зиминым примеры заимствований в Пространной редакции «Задонщины» из «Сказания» и Никоновской летописи и аргументация того, что это заимствования в «Задонщине», а не наоборот, вызывают целый ряд возражений, опровергаются встречными доводами, позволяют утверждать прямо противоположное выводам А. А. Зимина. И сравнительный анализ списков «Задонщины», и сопоставление ее текстов со всеми списками «Сказания» позволяют утверждать, что все дошедшие до нас списки «Задонщины» должны восходить к одному общему тексту, объем которого точнее отражен в тексте так называемой Пространной редакции «Задонщины». Отдельные же чтения более точно отражены как в списках этой Пространной редакции, так в ряде случаев и в Кирилло-Белозерском списке.

А. А. Зимин не ответил на основные возражения оппонентов по поводу ошибочности его реконструкций. Отвечая же на критику своей текстологической схемы, он высказал надежду, что предложенную его оппонентами схему взаимоотношений всех списков «Задонщины» можно будет все же опровергнуть, если удастся найти хотя бы одно чтение Кирилло-Белозерского списка, которое будет первично по отношению к общим чтениям остальных списков. Однако конкретных фактов, которые подкрепили бы его соображение, приведено не было. В то же время А. А. Зимин признал необходимым еще раз тщательно проверить свои текстологические построения.

*

Важное место в системе построений А. А. Зимина занимает вопрос о соотношении данных, содержащихся в «Слове», со сведениями летописных сводов, главным образом Ипатьевской и Кенигсбергской (Радзивиловской) летописей. Основное внимание уделяется первой из них, и предполагается, что И. Быковский знал какой-то неизвестный ныне список этой летописи, впервые изданной (по

Ипатьевскому списку) в 1843 году. А. А. Зимин выдвигает гипотезу, согласно которой именно она, а не «История Российская» Татищева (как думает А. Мазон), явилась первоосновой для создания исторической канвы «Слова». Сказав о «явных чертах сходства» «Слова» и Ипатьевской летописи, А. А. Зимин полагает, что возможны три объяснения этого: 1) «Слово» могло быть известно составителю летописи; 2) оба произведения, посвященные одному и тому же событию, написаны независимо друг от друга; 3) автор «Слова» мог быть знаком с Ипатьевской летописью или с одним из предшествующих ей летописных сводов.

Дав краткую историографическую справку о существующих мнениях относительно первых двух возможных объяснений, А. А. Зимин главное внимание уделил рассмотрению только последней гипотезы. На односторонность подобного методического приема в исследовании указал акад. Б. А. Рыбаков, отметивший, что А. А. Зиминым различные гипотезы не рассматриваются как равноправные. Характеризуя далее его метод решения вопроса о соотношении «Слова» и летописей, Б. А. Рыбаков отметил, что аргументация исследователя строится следующим образом: сначала идет высказанное предположение, затем оно рассматривается как истинное, далее на основе полученной таким путем «истины» строится новое предположение или целая цепь предположений. При этом совершенно обходится молчанием вопрос о соотношении «Слова» и русской реальной действительности XII в., вопрос, без рассмотрения которого все утверждения о дате написания «Слова» теряют силу. Б. А. Рыбаков подчеркнул, что совпадения в описании событий 1185 г. в Ипатьевской летописи и «Слове», которые А. А. Зимин считает веским аргументом в пользу вторичного происхождения «Слова», легко объясняются тем, что эти описания восходят к свидетельствам современников.

Одним из свидетельств в пользу вторичности «Слова» по сравнению с Ипатьевской летописью А. А. Зимин считает наличие в ней некоторых конкретных подробностей, отсутствующих в «Слове». Об этом же, касаясь непосредственно данных похода 1185 г., говорил и В. Б. Кобрин (Библиотека им. В. И. Ленина). С другой стороны, А. А. Зимин отмечает в «Слове» ряд исторических сведений, в том числе и относящихся к походу 1185 г., которые отсутствуют в летописях. По его утверждению, автор «Слова» старался держаться близко к тексту летописи при характеристике лиц и исторических со-

бытий XI—XII вв., а там, где он отступал от этого правила, — налицо ошибки и искажения.

Такая точка зрения была подвергнута критике участниками обсуждения. Так, Д. С. Лихачев, в частности, указал, что летописи не знают упомянутого в «Слове» князя Изяслава Васильковича. Из двух его братьев, Брячислава и Всеволода, летопись упоминает также только первого. «Выдумывать» другого брата автору «Слова» не было никакого смысла. Между тем из других летописей известно, что всех братьев было семь, что не исключает, а предполагает существование и упоминаемых в «Слове» Изяслава и Всеволода Васильковичей. Автор «Слова», подчеркивает Д. С. Лихачев, показывает свои исторические знания как бы мимоходом. Это, в частности, относится к упоминанию им жены Игоря под именем Ярославны. По отчеству или по имени мужа назывались обычно женщины в летописях, так как не имели самостоятельного положения. Так, именовалась Дмитровной жена князя Мстислава Владимировича, Ростиславной — жена Олега Святославовича, Кончаковной — жена Владимира Игоревича, Ярославной — жена Ростислава Глебовича и др. Утверждение, что летописец XII—XIII вв. называл иногда княгинь по имени мужа, а не по имени отца, лишено оснований. Кстати, автор XVIII в. мог бы назвать Ярославну по имени, так как в то время, говорит Д. С. Лихачев, уже был известен Любецкий синодик, из которого можно было понять, что жену Игоря звали Ефросиньей.

Б. А. Рыбаков указал, что на Руси был известен и термин «Слова» «двор», которому удивляется А. А. Зимин; этот термин фигурирует в «Повести временных лет» в рассказе о дани с древлян — по два голубя и по два воробья с двора (между прочим, этот факт приводит и сам А. А. Зимин).

Говоря о достоверности исторических сведений «Слова», Д. С. Лихачев отметил, что в памятнике упоминается около 40 князей без каких бы то ни было искажений; все характеристики русских князей исторически точны. Автор знает, что отец Всеволода княжил на Киевском престоле, он знает, как умер Владимир Глебович, хорошо осведомлен о могуществе Всеволода на Волге, о его победе в 1183 г. над волжскими булгарами. Он называет Рюрика Ростиславича «буй», и эта характеристика как нельзя лучше подходит к запальчивому и смелому князю. Он точно определяет, что Ярослав

Галицкий высоко сидит на «златокованном столе» (на Крылосской горе, как это не так давно установлено археологами), и правильно оценивает тяжелую годину на Руси, совпавшую со временем княжения Олега Гориславича. Автор осведомлен о том, что в Черниговской земле осели тюркские племена, и правильно определяет их роды и т. д. Указывая на якобы ошибочное толкование «Словом» появления Всеслава Полоцкого под Новгородом в 1069 г., отметил далее Д. С. Лихачев, А. А. Зимин аргументирует это тем, что в Ипатьевской летописи о подобном факте не говорится, а в Софийской I летописи лишь упоминается, что Всеслав был разгромлен новгородцами и князем Глебом на реке Гзени. «Но где протекает река Гзень? — спрашивает Д. С. Лихачев. — Она течет у земляного вала в Новгороде. Всеслав был разбит под самыми стенами Новгорода. Заявление автора „Слова“ о том, что Всеслав из Белгорода направился в Новгород, правильно. Очевидно, автор „Слова“ знает это обстоятельство лучше, чем А. А. Зимин».

Не находит Д. С. Лихачев в «Слове» неточностей, связанных и с описанием затмения. А. А. Зимин утверждает, что в «Слове» якобы говорится о полном затмении, что противоречит указаниям летописи, между тем как в Кенигсбергской летописи также говорится о наступившей тьме. Кстати, в «Слове» нигде не говорится о затмении как о полном («тьма путь заступаша» ⟨точнее, «солнце ему тъмою путь заступаше»⟩), да и в летописи на этот счет нет никаких определений, а указывается лишь, что тьма была так велика («морочно бысть вельми»), что во время затмения были видны звезды. Никакого противоречия с действительностью «Слово» не обнаруживает.

Д. С. Лихачев считает неоправданными сомнения А. А. Зимина относительно достоверности сведений «Слова» о венецианцах («венедицы»), которые, по его мнению, не могли быть в то время известны на Руси. Венецианцы упоминались в летописях значительно раньше XII века. Кроме того, А. А. Зимин допускает лингвистическую ошибку, определяя слово «ту» («ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю») как «тут» (в Киеве), хотя в данном контексте это слово означает «в это время», «тогда», «по этому случаю», что вовсе не связано с присутствием венецианцев в Киеве, а является попросту поэтическим образом, довольно часто употребляемым в древнерусской литературе XI—XIII веков.

А. А. Зимин считает, что Ярославна не могла плакать на «забороле» в Путивле, так как город якобы был сожжен половцами, между тем в летописи сказано, что половцы сожгли не Путивль и тем более не его крепостные стены, а «острог у Путивля», то есть полосу укрепления, ограждающую посад («повоевавши волости их и села и пожгоше, пожгоша же и острог у Путивля и возвратишася восвояси»). Неизвестно и то, когда произошло сожжение острога у Путивля — до приезда туда Ярославны или после. Д. С. Лихачев подчеркнул также, что, какие бы споры ни велись вокруг исторической точности «Слова», нельзя забывать, что оно является не историческим сочинением, а художественным произведением.

Вопрос об исторической достоверности сведений «Слова» был затронут и в выступлении В. А. Кучкина (Институт истории АН СССР), рассмотревшего утверждение о якобы ошибочном указании в «Слове» на место захоронения сына Ярослава Мудрого — Изяслава, убитого в 1078 году. Со ссылкой на ряд летописных данных А. А. Зимин утверждает, что Изяслав был похоронен в Десятинной церкви, между тем как «Слово» якобы неверно называет местом захоронения Софийский собор. На основании анализа летописных текстов и привлечения новых материалов В. А. Кучкин показал, что в Десятинной церкви киевских князей и княгинь хоронили лишь в начале XI в., а потом использовали эту церковь как место захоронения только с 1097 года. После постройки в Киеве в 1037 г. Софийского собора и основания митрополии там стали хоронить представителей княжеской фамилии. В Софийском соборе были похоронены Ярослав Мудрый, его жена. Естественно, что именно здесь был похоронен и Изяслав Ярославич, и «Слово» в данном случае оказывается более точным, чем некоторые летописи.

Несколько чтений «Слова», утверждает А. А. Зимин, восходит к Кенигсбергской летописи, изданной в 1767 г.: общими являются упоминание о походе князя Всеволода на Волгу в 1184 г., мотивы четвертого плача Ярославны с ее воспоминаниями о «безводной жажде» воинов Игоря, упоминание о походе князя Романа на половцев и др.

Касаясь этих «заимствований», Б. А. Рыбаков подробно остановился на всех приведенных случаях. Так, например, упоминание о жаре и «безводье» в «Слове», вполне возможно, навеяно не летописью, а тем, что 11—12 мая 1185 г. действительно стояли жаркие и

засушливые дни. Походы князя Романа против половцев упомянуты в летописи лишь под 1202 и 1205 гг., но разве можно доказать, что за 34 года, предшествующих княжению, Роман Мстиславич ни разу не встречался с половцами, и т. д.?

Одним из наиболее веских аргументов против отнесения «Слова» к XII в. А. А. Зимин считает резкое различие идейной направленности «Слова» и летописей. Оказывается, автор «Слова» был «начисто лишен идеологических устремлений», связанных с феодальной раздробленностью, которые были свойственны летописям того времени. Этот тезис был поддержан В. Б. Вилинбаховым (Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР), утверждавшим, что конкретная обстановка XII в. — периода расцвета феодальной раздробленности — якобы никак не способствовала созданию произведения, проникнутого идеей единства Русской земли. При этом В. Б. Вилинбахов сослался на «равнодушие» летописей к этим вопросам, а также на решение Любечского съезда («Каждо да держит отчину свою»). В этом же плане выступил и А. И. Клибанов (Институт истории АН СССР), который, высказав мысль о наличии еще спорных вопросов в характеристике идейного содержания «Слова», по существу, склонился к мнению А. А. Зимина, так как усмотрел расхождение в оценке социальных моментов того периода в летописи и в «Слове». Если летописец не смог скрыть отзвуков классовой борьбы того времени, то автор «Слова» равнодушно проходит мимо них, что, согласно А. И. Клибанову, ставит его как бы вне исторических рамок XII века.

А. В. Арциховский высказался против утверждений, что выраженные в «Слове» черты общерусского патриотизма противоречат существовавшим в XII в. условиям феодальной раздробленности. «Нет, — сказал он, — общерусский патриотизм в XII—XIII вв. существовал. Вспомним хотя бы „Слово о погибели Русской земли“, вспомним его пафос». В этой связи А. В. Арциховский, как и Б. А. Рыбаков, подверг сомнению утверждение А. А. Зимина о том, что наименование князя Всеволода великим выглядит странным под пером «выходца» из южнорусских княжеств. «Никто не знает, откуда был выходцем автор „Слова“, — говорил А. В. Арциховский, — но верховенство Всеволода III, сидевшего во Владимире, одинаково ощущалось во всех концах Русской земли, не исключая Киев».

Б. А. Рыбаков показал неправомерность того вывода, что лексика «Слова» также указывает на его зависимость от летописи. В качестве примера таких лексических «заимствований» приводятся слова «борз конь», «знаменье», «насад», «заборала», «девка» и другие слова аналогичного порядка, хотя, как указывает Б. А. Рыбаков, и сам А. А. Зимин признает, что некоторые из этих слов могли быть взяты автором памятника из живого языка. Б. А. Рыбаков отметил и странную манеру трактовать равнозначные факты в «Слове» и в «Задонщине» совершенно отлично друг от друга. Так, А. А. Зимин утверждает, что «гунны» «Слова» уже не существовали в XII в., хотя наличию также исчезнувшего этнонима «хинелы» в «Задонщине» находит оправдание. «Это, — утверждает А. А. Зимин, — происходило из-за обычного переноса старых племенных наименований на новое объединение кочевников».

Говоря о так называемых географических «натяжках» «Слова», Б. А. Рыбаков отмечает, что А. А. Зимин и здесь допускает двоякий подход: если в «Задонщине» образ Дона, доставляющего в Москву тело убитого Микулы, он не оспаривает как географическое понятие, то Днепр в «Слове» как такое же понятие он трактовать отказывается.

Отмечалась также необоснованность утверждения, что отсутствие в «Задонщине» текстов, близких к летописи, совершенно необъяснимо, если в «Задонщине» использован текст «Слова». В подтверждение А. А. Зимин приводит лишь следующие тексты из трех памятников: «Да не д и в н о есть разумеющи» (Ипатьевская летопись); «Добро бы, б р а т е, в то время стару п о м о л о д и т и с я» («Задонщина»); «А чи д и в о ся, братие, стару п о м о л о д и т и» («Слово»). Если бы автор «Задонщины», утверждает А. А. Зимин, списывал свой текст со «Слова», то он не мог бы вычленить из него именно тот текст, который восходит к летописи.[5] Поэтому, заключает А. А. Зимин, остается лишь одна возможность: «Слово» основано на тексте рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи.

Тезис о том, что «Слово» не могло быть источником летописного рассказа, поскольку иначе общие с «Задонщиной» места проникли бы и на страницы летописи, критиковался Б. А. Рыбаковым.

---

[5] Имеется в виду слово «дивно». — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

По существу получается, сказал он, что А. А. Зимин доискивается влияния «Задонщины» — памятника XIV—XVI вв. — на летопись XII в., что предполагает «обратный ход» исторического процесса. Весьма характерен и факт, который приводит А. А. Зимин с выпадением в «Задонщине» слова «дивно», упоминающегося в «Слове». Ответственнейший вывод о зависимости «Слова» от летописи, по существу, делается на факте опущения одного слова в позднейшем памятнике.

В своем заключительном слове, коснувшись возражений оппонентов по поводу его соображений об исторических сведениях, содержащихся в «Слове», А. А. Зимин либо ограничился общими рассуждениями, либо повторил свои положения, подвергавшиеся критике со стороны выступавших.

*

Одним из важнейших аспектов анализа «Слова» является изучение его лексического и грамматического строя. Суть проблемы, как полагает А. А. Зимин, сводится к анализу лингвистических данных, проверки того, дают ли они прочные основания для датировки этого памятника концом XII в. или в них можно обнаружить более поздние явления. А. А. Зимин утверждает, что «Слово» написано на церковнославянском языке XVIII в.; его автор якобы стремился стилизовать свое произведение под «древность», используя для этой цели словарный состав Ипатьевской летописи и «Задонщины», а также лексику и грамматические нормы церковнославянского языка. Помимо древнерусской и церковнославянской лексики, в «Слове», по мнению А. А. Зимина, встречается «значительный пласт слов, эпитетов и устойчивых сочетаний, близких к украинскому и белорусскому, а также к польскому языкам». Анализ ориентализмов «Слова» «показывает происхождение многих из них не ранее XV—XVI вв., поэтому они никак не могут свидетельствовать о древности памятника, но дают серьезное основание для его поздней датировки». Таковы основные частные выводы автора, подготавливающие обобщающее заключение, что «язык „Слова“, несмотря на стилизацию „под древность“, выполненную на основе „Задонщины“ и Ипатьевской летописи, дает достаточно данных для того, чтобы судить о поздних явлениях в лексике, морфологии и синтаксисе памятника».

Выступавшие говорили, что для доказательства своей гипотезы о создании «Слова» в XVIII в. по нормам церковнославянского языка А. А. Зимин должен был предложить описание грамматического строя и словарного состава церковнославянского языка XVIII в. и самым тщательным образом доказать, что грамматический строй и словарный состав «Слова» ближе к нему, чем к строю и лексике древнерусского языка.

Ф. П. Филин (Институт русского языка АН СССР) остановился на характере орфографии Мусин-Пушкинского списка «Слова». Если предположить, что «Слово» написано в конце XVIII в. (то есть с точки зрения орфографии это имитация), будет совершенно непонятно, почему имитатор не был последователен, почему в тексте сосуществуют как орфографические черты XII—XIII вв. (время создания «Слова»), так и XV—XVI вв. (дата Мусин-Пушкинского списка). Критикуя А. А. Зимина за несоблюдение элементарных методов лингвистического исследования (например, сближение «были» с польским «bywales», «шельбиры» с «szalbierz» и русским «шалбер»), Ф. П. Филин указал, что принимать подобного рода странные объяснения, стоящие на уровне так называемой народной этимологии, недопустимо для современного исследователя.

Резкой критике подверглось и утверждение, будто в «Слове» встречается значительный пласт слов, эпитетов и устойчивых сочетаний, близких к украинскому, белорусскому и польскому языкам. По наблюдениям А. П. Евгеньевой (Институт русского языка АН СССР), В. П. Адриановой-Перетц и Ф. П. Филина, все эти слова встречаются и в русском языке, причем подавляющее большинство их обнаруживается в древнерусских памятниках домонгольской поры. Было отмечено также большое число спорных, субъективных и в значительной части просто ошибочных толкований и сопоставлений А. А. Зимина. Характеризуя основной порок его лингвистических построений, Ф. П. Филин считает, что «элементарным правилом лингвистического анализа любого текста является обязательный учет всей совокупности языковых явлений, взаимосвязи и взаимозависимости отдельных элементов, и только лишь на этом фундаменте могут быть в той или иной мере показательными отдельно взятые примеры. Метод комментирования отдельно взятых примеров без учета языковой системы памятника может быть только наукообразным, но не научным, и обречен на провал... Какие бы

суждения о языке «Слова» ни высказывались, все языковеды, исследовавшие язык «Слова» как систему, признают, что этот язык, рассматриваемый во всей совокупности его явлений, — язык древнерусской эпохи, эпохи, во всяком случае, до XIV века. Доказательств, что язык «Слова» — язык позднего времени, никто никогда не приводил, да и не мог привести. Нет таких доказательств и у А. А. Зимина». Вместо этого им выдвигается тезис, что «Слово» написано по «грамматическим нормам» церковнославянского языка. Но чем же тогда можно объяснить, заметил О. В. Творогов, наличие в «Слове» большого числа архаичных грамматических черт, никогда не являвшихся «нормами» для церковнославянского языка? Почему А. А. Зимин не приводит ни одной грамматической черты «Слова», которая была бы неизвестна древнерусскому языку, а лишь доказывает, что те или иные особенности языка XII в. могли быть известны и в XVIII веке?

Ряд замечаний по поводу анализа грамматической структуры «Слова», которому А. А. Зимин уделил явно недостаточное внимание, сделал А. Н. Котляренко (ЛГПИ имени Герцена). А. А. Зимин считает, что «словообразовательные качества славянизмов „Слова" не дают надежной опоры для утверждения, что оно должно было возникнуть в XII или XIII веках». Однако вместо аргументации этого тезиса он рассматривает церковнославянизмы и, по существу, ни о каком словообразовании не говорит. Он сослался лишь на работу Ю. Бешаровой, указавшей, что в «Слове» настоящее время, аорист, перфект и имперфект часто не имеют строго хронологического значения. Это обстоятельство, по его мнению, «противоречит строю древнерусского языка». Однако А. Н. Котляренко напомнил, что смешение времен обычно не только для «Слова», но, например, и для произведений Кирилла Туровского (XII в.), в подлинности которых никто не сомневается.

Затем А. Н. Котляренко подробно остановился на языке «Задонщины». Он показал, что ее Пространная редакция написана языком XIV в. и отнюдь не является памятником XVI в., как полагает А. А. Зимин. Так, в ней встречаются как нечленные (краткие) причастия, так и причастия полной формы действительного залога настоящего времени. В языке «Задонщины», таким образом, отразилась характерная черта XIV в.: процесс перехода древних форм нечленного причастия в деепричастие и замены нечленных прича-

стий полными (этот процесс закончился в XVI веке). В «Слове» употребляются только нечленные причастия, что свидетельствует о большей по сравнению с «Задонщиной» древности языка «Слова».

Подобным же образом обстоит дело и с употреблением кратких (нечленных) прилагательных. В «Слове» они составляют более 28 % по отношению ко всем прилагательным, в «Задонщине» же — только 2 %. Характерно при этом, что употребление нечленных прилагательных в функции согласованного определения в «Задонщине» встречается текстуально почти во всех случаях, совпадающих со «Словом», что может свидетельствовать только о том, что составитель «Задонщины» писал ее в подражание «Слову». Если же стать на точку зрения А. А. Зимина, то окажется, что автор XVIII в. не только различил два языковых пласта в «Задонщине», но и намеренно архаизировал язык XIV в., на котором была написана «Задонщина», придав ему особенности языка XII столетия.

Ориенталисты-тюркологи (Н. А. Баскаков и А. А. Валитова) в своих выступлениях подчеркнули, что А. А. Зимин в отношении восточных элементов лексики «Слова» не проявил необходимой для любого исследователя научной осторожности, стремясь непременно доказать, что ориентализмы являются словами позднего происхождения. Из всего значительного лексического материала он отбирал только некоторые выгодные, с его точки зрения, для своей концепции примеры, игнорируя всю полноту восточной лексики «Слова», объявляя ее домыслами Иоиля Быковского. Не будучи специалистом-востоковедом, он дает слабый и неубедительный анализ конкретных терминов («шереширы», «харалужный», «топчак» и др.), при объяснении которых часто прибегает к устаревшим источникам и этимологиям, неточно цитирует авторов. Так, по поводу термина «топчак» утверждается: «Как установил С. Е. Малов, „топчаки“ происходят от тюркского слова „топчи“, что означает пушкарь, а поскольку пушкарь мог появиться лишь в XVI в., значит, слово „топчак“ — позднее». Однако, как отметила А. А. Валитова, С. Е. Малов пишет иначе, формулирует свою мысль очень осторожно: «...нельзя ли думать, что здесь имеется что-либо похожее на topčy / topču (турецк., уйгурск.) — пушкарь, артиллерист. Ср. еще чувашск. tĕpčĕk — наследник, младший сын, наследующий отцовский дом и имущество ⟨...⟩; киргизск. taptan — быть во всеору-

жии».[6] Следовательно, С. Е. Малов не установил, а только осторожно предположил, привел эту этимологию как одну из возможных в числе ряда других этимологических сопоставлений. Иначе говоря, «топчи» — «пушкарь» даже в устах человека, который предложил это толкование, не является обязательным. Да и трудно это категорически утверждать, так как «топчак» и «топчи» — все-таки совершенно разные слова и, кроме того, «топчи» может толковаться не только как «пушкарь». Ведь «топ» — это «ядро», «мяч», а метать ядра могли не только пушки, но и более ранние метательные орудия. Наконец, этимология «топчак», предложенная П. М. Мелиоранским, — конь как название племени — очень вероятна («топчак» в тюркоязычных памятниках означает «рослый конь»). Дело в том, что у тюрков существовал культ коня, а образование этнонимов из названий тотемных животных у тюркских племен встречается сплошь и рядом. Например, племена огузы (гузы) — от слова «бык», так как бык был тотемом некоторых тюркских племен; киргизские племена бугу — от «олень»; сары-багыш — от «лось», этноним «кумандинцы» — от «куу» — «лебедь». Башкиры, возможно, произошли от «баш курд» — «матерый волк».

Итак, нет достаточных оснований утверждать, что слово «топчак» — позднее заимствование. Если бы А. А. Зимин был знаком с этнографией тюркских племен и народов, с принципом образования этнонимов, он не стал бы так категорически отвергать этимологию П. М. Мелиоранского.

Нередко А. А. Зимин, как подметил Н. А. Баскаков, ограничивается лишь общими заключениями о том, что ориентализмы в «Слове» не могут свидетельствовать о древности памятника, но якобы дают серьезное основание для его поздней датировки. Между тем исследование, тщательно проведенное многими тюркологами, как раз свидетельствует о раннем происхождении «Слова», даже при наличии некоторых расхождений между исследователями в конкретной этимологизации ряда слов.

Подчеркивая важность ориентализмов как датирующего признака, выступавшие дали подробный анализ восточных лексических включе-

---

[6] *Малов С. Е.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1946. Т. 5, вып. 2. С. 135. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

ний (преимущественно тюркских слов и выражений или слов, заимствованных через посредство тюркского языка). Основываясь на работах тюркологов П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, С. Е. Малова, В. А. Гордлевского, Ю. Ф. Немета, К. Менгеса, Л. Рашоньи и др., а также на новом фактическом материале источников X—XII вв. (команская эпиграфика, «Кутадгу билиг», Словарь Махмуда Кашгарского, «Хибат-ал-Хакиак» и данных этнографии и фольклора тюркских народов Средней Азии и Поволжья), Н. А. Баскаков и А. А. Валитова пришли к выводу, что все тюркские слова, содержащиеся в «Слове», в том числе и термины, обозначающие части войска черниговского князя Ярослава, состоявшие из тюркских племен — ковуев (были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы), по своей фонетике и грамматике принадлежат к огузо-кыпчакскому типу (с некоторыми отзвуками булгарской фонетики), то есть тесно связаны с тюркской языковой средой домонгольского периода.

Выступавшие востоковеды не согласились и с утверждением, что в «Слове» совершенно нет живых впечатлений современника, что все произведение носит книжный характер. Наоборот, автор его обнаружил прекрасное знание особенностей жизни степняков-половцев. В его произведении непосредственно и живо отразились картины быта половцев-кипчаков, этнографические детали и реалии, колорит степных кочевий, или «аромат степи», как говорили нередко исследователи. В свое время акад. В. А. Гордлевский писал: «Когда „Слово о полку Игореве“ говорит о половцах, обнаруживается понимание степной обстановки; это не литературный пересказ; жизнь степняка воспринимается как что-то близкое автору».[7] Тотемистические воззрения тюркских племен (культ волка, быка и лебедя), эпические сюжеты и мотивы, характерные для сказаний тюркоязычных народов, отразившиеся в «Слове», также свидетельствуют, что его автор хорошо знал половецкий фольклор.

Таким образом, выступавшие на обсуждении тюркологи показали, что вся совокупность восточного материала «Слова», и особенно тюркизмы, опровергает с документальной точностью концепцию А. А. Зимина, ибо никак не может быть результатом искусственной стилизации Иоиля Быковского, да еще через посредство лексики

---

[7] *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения. М., 1961. Т. 2. С. 490. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

турецкого языка XVIII в., с элементами которого, по мысли А. А. Зимина, познакомил Быковского преподаватель Ф. Эмин, побывавший в Турции. Касаясь попыток отнести этот памятник к позднему времени, выдающийся советский тюрколог С. Е. Малов, на которого неоднократно ссылается А. А. Зимин, еще в 1946 г. в заключении своей статьи о тюркизмах в «Слове», подчеркивая лексическую и фонетическую приуроченность их к тюркским языкам раннего периода, писал: «Я не могу себе представить, чтобы можно было впоследствии выдумать кому-либо эти слова или восстановить их давнюю природу».[8]

Н. А. Баскаков подчеркнул, что ни один автор XVII—XVIII вв. при состоянии тюркологии, свойственном тому времени, не мог создать такое произведение, где с удивительной точностью использованы специфическая булгаро-узо-половецкая лексика, сюжеты тюркского эпоса и мифологии, изучение которой началось только в конце XIX века. Пользуясь немногочисленными пособиями по тюркологии, изданными в XVIII в. (материалы экспедиции ⟨Д.-Г.⟩ Мессершмидта, словари Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, К. Кондратовича, С. Котельникова, И. Э. Фишера, Палласа и др.), невозможно было так продуманно воссоздать тюркизмы раннего периода, тем более что Быковский не только не был тюркологом, но и не знал тюркских языков.

А. А. Валитова отметила, что большинство тюркологов относило ориентализмы «Слова» к периоду до XII в. и характерно, что мысль вывести тюркизмы «Слова» из турецкого языка позднего периода не пришла в голову ни одному тюркологу, настолько это фонетически разные явления. Это мог предположить только неспециалист, которому трудно представить, какая огромная разница между этими двумя ветвями тюркских языков. Здесь, может быть, сыграло роль еще и то обстоятельство, что в востоковедении до Октябрьской революции (и даже позже) термины «тюркский» и «турецкий» не различались. Поэтому работы П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша именовались, например, «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“», и все тюркские слова и тюркоязычные народы и племена названы в них турецкими.

Отвечая на критику лингвистов, А. А. Зимин утверждал, что все указанные ими лингвистические факты, в том числе и ориентализмы,

---

[8] *Малов С. Е.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». С. 139. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

по его мнению, обратимы, и нет неоспоримых данных, свидетельствующих о принадлежности языка «Слова» именно к XII—XIII векам. В подтверждение этого тезиса он сослался, в частности, на то, что термин «шеломянь» был известен как древнему, так и более позднему языку. По его мнению, этот термин «встречался в XIX в. и сейчас встречается». В то же время он признал, что не является специалистом-языковедом и пользуется лишь «добрыми советами и работами, проделанными лингвистами, пытаясь осмыслить эти работы так, как ему представляется возможным на современном уровне развития науки».

*

Важным звеном обсуждавшейся концепции является гипотеза о вставках в текст «Слова», якобы сделанных А. И. Мусиным-Пушкиным. В составе одной из них — известная фраза, сходная с припиской в псковском Апостоле 1307 г.: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась». В науке давно утвердилось мнение, что эта цитата из «Слова» в таком древнем памятнике, как Апостол 1307 г., доказывает раннее происхождение «Слова». А. А. Зимин, напомнив указание Л. П. Якубинского, что язык сходной фразы в Апостоле имеет более древние черты, чем близкий контекст «Слова», высказал предположение, что это не цитата из «Слова» в Апостоле, а, наоборот, вставка, включенная в «Слово» из Апостола Мусиным-Пушкиным. А. А. Зимин полагает, что Апостол вместе с другими рукописями, собранными в Синод из различных монастырей, оказался в 1791 г. в канцелярии Мусина-Пушкина, откуда в 1797 г. попал в Синодальную библиотеку. Так оказывается возможным допустить, что Мусин-Пушкин в течение шести лет имел у себя эту рукопись и мог использовать для вставки в текст «Слова» находящуюся в ней приписку. Ошибочность этого допущения была вскрыта в письме В. П. Адриановой-Перетц, указавшей на известную книгу А. А. Покровского «Древнее псковско-новгородское письменное наследие»,[9]

[9] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 72, 142—143. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

по которой можно восстановить подлинную историю псковского Апостола. В 1679 г. последний был отправлен в Типографскую библиотеку, откуда в 1788 г. его передали в числе других 469 рукописей в Синодальную библиотеку. Утверждение о пребывании этой рукописи у Мусина-Пушкина неверно. В реестрах Синодальной библиотеки отмечены все лица, работавшие над ее рукописями в 1790—1800 годах. Имени Мусина-Пушкина среди них нет. Лишь в 1810 г. приглашенный для описания рукописей Синодальной библиотеки К. Ф. Калайдович занялся фондом, перешедшим из Типографской библиотеки, и в 1813 г. обнаружил запись на Апостоле, о которой и сообщил Мусину-Пушкину, поздравившему К. Ф. Калайдовича с ценной находкой. Таким образом, говорить о вставке в «Слово» фразы из Апостола нельзя уже по одному тому, что Апостол не был известен Мусину-Пушкину в то время, когда у него был текст «Слова».

В заключительном слове А. А. Зимин признал, что с книгой А. А. Покровского он «по какой-то нелепой случайности» не был знаком. Однако он счел возможным повторить свой прежний тезис, утверждая, что Мусин-Пушкин мог пользоваться рукописями Синодальной библиотеки и не был упомянут в числе других читателей потому, что был «не простой посетитель, а обер-прокурор Синода».

*

В ходе обсуждения была показана несостоятельность и последнего тезиса — об авторстве Иоиля Быковского. Утверждая, что «Иван (Иоиль) Быковский — это тот фокус, в котором сходятся все линии исследования „Слова о полку Игореве“», А. А. Зимин ставит «русские, украинские, белорусские и польские элементы» в языке «Слова», «черты украинского и белорусского фольклора» и «интерес к полоцким и черниговским князьям» в связь с предполагаемым происхождением Быковского из Белоруссии и его пребыванием на Украине (в частности, в Чернигове). По его словам, «то, что мы знаем об идеологии Быковского (близость к кругам разночинной интеллигенции, рационалистические интересы при неизжитых чертах церковной идеологии), соответствует идейному содержанию Песни о походе Игоря». По мнению А. А. Зимина, Быковский был автором не только «Слова», но и 120 стихотворных произведений на русском, латинском и польском языках. Правда, А. А. Зимин признает, что стихи Быковского «самые заурядные, яркого поэтического та-

ланта в них не чувствуется», но считает, что «дар художественной стилизации может сочетаться с творческой беспомощностью при создании вполне самостоятельных произведений». На основании состава личной библиотеки и анализа книги и проповедей И. Быковского он высказал предположение, что «идеи века Просвещения волновали автора „Слова“», и последний принадлежал к числу «архиереев-вольтерьянцев».

Наиболее подробно остановилась на характеристике Быковского В. Д. Кузьмина (Институт мировой литературы АН СССР), сообщившая о результатах разысканий, проведенных ею совместно с Л. В. Крестовой. Уточняя или оспаривая некоторые факты биографии Быковского, В. Д. Кузьмина основное внимание уделила характеристике идеологии Иоиля. Православный архимандрит Иоиль Быковский, говорила она, вовсе не был похож на вольтерьянца в рясе, каким его пытается представить А. А. Зимин, анализируя его книгу «Истина, или Выписка об Истине», изданную в Ярославле в 1787 году. В предисловии к книге Иоиль, в частности, пишет, что к написанию ее «принудило его то, что он, дожив до 80 лет, приметил кривотолков о нужном в жизни, а паче о христианстве». В книге действительно находятся отрывки из сочинений М. В. Ломоносова, из «Живописца» Н. И. Новикова и других журналов, из «Славянских сказок» М. Д. Чулкова, а также из произведений Овидия, Цицерона, Гераклита, Вольтера, Попа, французской энциклопедии. «Уже это, — по словам А. А. Зимина, — показывает широкие интересы автора „Истины“. Будучи духовным цензором типографии, то есть фактически выпуская книгу без цензурного вмешательства, Иоиль смог подборкой выдержек из чужих произведений изложить свои передовые общественно-политические представления».

Однако В. Д. Кузьмина привела факты, противоречащие высказанному здесь взгляду. Так, из произведений М. В. Ломоносова Иоиль цитирует лишь двустишие:

Кто хочет большим быть,
Тот должен всем служить.

Из «Славянских сказок» М. Д. Чулкова он выписывает: «В церкви смеяться никак не можно. Однако есть такие разумники, которые не только потихоньку, да и вслух хохочут, забыв благопристойность

или важнее — страх божий». Что же цитирует «вольтерьянец в рясе» из произведений Вольтера? Одна выдержка из рукописного перевода «Кандида»: «Труды удаляют от нас три великие зла: скуку, порок и нужду». Вторая выдержка, правда, из антиклерикального романа Вольтера «История принцессы Вавилонской», также содержит прописную истину: «Искренность, чистосердечие, откровенность, великодушие и мужество составляют добродетельного человека нрав». Иногда Иоиль делает вставки в текст цитат, ослабляя их социальную заостренность. Так, процитировав Н. И. Новикова: «Есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы», — он добавляет: «грубые дети».

Что касается поэтических произведений Иоиля, то В. Д. Кузьминой удалось установить, что А. А. Зимин ошибочно приписал ему произведения его учителя, писателя и преподавателя Киевской духовной академии Г. Конисского, а также произведения всех его сотоварищей по курсу пиитики.

Анализ языка проповедей И. Быковского не обнаруживает того лексико-стилистического сходства со «Словом», о котором говорил А. А. Зимин. На это было обращено внимание и в выступлении В. И. Стеллецкого (Союз советских писателей), напомнившего некоторые из приводимых А. А. Зиминым параллелей:

«Слово»	Проповеди
Растѣкашется мыслию по древу...	Восходя мыслию на гору Фаворскую и на Христово ныне празднуемое Преображение
Мыслию поля мѣрить... Ни мыслию смыслити...	взирая, вижу оное и удивления достойное и радости исполненное...
Простре горячюю свою лучю...	Лицо оное Христово... как лучу, которая сквозь стекло проницает.

Особенно много возражений вызвала характеристика А. А. Зиминым того «творческого метода», с помощью которого, по его мнению, создавалось «Слово». Д. С. Лихачев говорил, что если допустить создание этого произведения в XVIII в., то придется предположить, что автор его был гениальным ученым, предвосхитившим многие познания, полученные о XII в. учеными конца XIX и XX вв., опередившим не только историков, но и археологов, фольклористов, лингвистов, литературоведов своего времени.

Сложность положения выявляется особенно отчетливо, подчеркнул Д. С. Лихачев, когда скептикам приходится объяснять многочисленные параллели — фразеологические, стилистические, образные и пр., — подысканные исследователями «Слова» в современной ему литературе, то есть XI—XII веков. Переводя «Слово» из XII в XVIII в., скептики вынуждены все близкие параллели считать не параллелями, а источниками, и многочисленность их опять-таки объяснять гениальной осведомленностью автора XVIII в., творившего «Слово», как мозаику, из разных источников. Как известно, к отдельным местам, словам, выражениям, стилистическим оборотам и образам «Слова» подыскано множество параллелей в современной ему литературе русской, древнеболгарской, византийской, древнесербской и др. Эти параллели имеют единственное объяснение в том, что автор «Слова» принадлежал к той же поре литературного развития, следовал традициям и вкусам своего времени, знал язык, на котором писал, не по источникам, а в его живом употреблении. Считая «Слово» памятником XVIII в., продолжал Д. С. Лихачев, А. А. Зимин обязан был внимательно рассмотреть все параллели, найденные исследователями в обширной древнерусской оригинальной и переводной литературе, и либо отвергнуть их, либо перевести в разряд источников. Но этого не было сделано.

Многие выступавшие указывали, что «Слово» уже по одному тому, что это — художественное произведение, не могло быть создано теми методами, которые приписываются его мнимому автору Иоилю Быковскому. «Трудно представить себе реально, как мог творить Иоиль, — говорил переводчик „Слова“ поэт С. В. Шервинский (Москва). — Весь труд Иоиля представляется как какая-то мозаичная работа, где одно заимствовано, другое переделано, третье включено и т. д... Художественное творчество в создании поэтического произведения не таково, поэтическое произведение так не создается. Так не бывает на свете, тем более с произведением, которое сам А. А. Зимин называет произведением гениальным». Та же мысль прозвучала и в выступлении Н. И. Голенищева-Кутузова: «Из всех кандидатов в российские Макферсоны архимандрит Иоиль представляется мне наименее удачным. Сказать по правде — он мрачно бездарен, о чем свидетельствуют и его школьные вирши, и его нудные проповеди. Трудно представить себе, даже насилуя свое воображение, что дряхлый старец, не отличавшийся литературными

талантами, написал „Слово о полку Игореве". Историки и лингвисты должны были бы прислушаться к мнению не только филологов, но и поэтов и писателей, которым подобные идентификации не могут не показаться смешными... Я полагаю, что Мазон был по-своему последователен, утверждая, что „Задонщина" — „перл создания", а „Слово" — подражание, „пастиш", не имеющее художественной ценности. Он рассуждал как филолог, давно лишенный эстетического чутья и слуха. У Зимина как будто бы отраднее: хороши и „Слово" и „Задонщина". Но за его похвалами, к сожалению, мне слышится равнодушие к художественному произведению, которое воспринимается им только как документ. Мне кажется, он ошибается и как филолог, и как историк».

«Как творил автор „Слова" свое произведение? — спрашивает Д. С. Лихачев. — По Зимину, процесс его творчества крайне своеобразен и не имеет аналогий во всем XVIII веке. Он выбирает из множества памятников отдельные выражения, отдельные образы, слова, формы языка и путем такого рода выборок создает мозаику, искусственную по языку, стилю и образам, которая в результате оказывается „вдохновенной песнью", одной из „горных вершин русской литературы". Кроме того, созданное Иоилем произведение не укладывается в жанровые схемы XVIII в. и не имеет прямых и косвенных аналогий среди других произведений XVIII века. Словом, Иоиль — это фантастическое лицо с фантастическим, ни на что не похожим процессом творчества».

Касаясь вопроса о мотивах, по которым Иоиль якобы обратился к теме похода Игоря, и повода, почему именно этот исторический эпизод лег в основу сюжета «Слова», А. А. Зимин объясняет их следующим образом: «Сюжет песни выбран не случайно. В предисловии к „Задонщине" Пространной редакции вспоминалось время, когда татары „на реке на Каяле одолеша род Афетов, и оттоля Русская земля сидит невесела"».[10] Далее утверждается, что голос автора «Слова» звучал набатным призывом к завершению многовековой борьбы за «Тмутаракань», за обиды, нанесенные русским князьям. В конкретной обстановке 70-х—начала 90-х годов XVIII в. это

[10] Из известных в настоящее время списков «Задонщины» Каяла упоминается только в одном — списке Ундольского. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

означало призыв к присоединению Крыма и к победоносному окончанию русско-турецкой войны. Создавая свое произведение как призыв к отмщению за «раны Игоря», Быковский, конечно, знал, что именно в Чернигове был похоронен этот северский князь. Черниговские князья Святославичи наряду со Всеславичами привлекают к себе преимущественное внимание автора «Слова».

О неприемлемости этих доводов А. А. Зимина говорили Н. К. Гудзий, С. В. Шервинский, Д. С. Лихачев, О. А. Державина (Институт мировой литературы АН СССР).

«Такой памятник, — отметил Н. К. Гудзий, — который говорит о крахе, о поражении русских войск, создается в XVIII в., который был заполнен произведениями на тему о героической истории России, о ее военном престиже в XVIII в., когда создается „Россиада“, в которой речь идет о завоевании Иваном Грозным Казани. Во сколько раз завоевание Казанского царства было меньшим по своему значению событием, чем Куликовская битва 1380 года! Совершенно естественно, что если в руках воображаемого автора „Слова“ был текст „Задонщины“ в более совершенном виде, чем те списки, которые до нас дошли, то ему следовало бы этот текст опубликовать как произведение действительно героического эпоса, связанное с величайшим событием русской истории — победой русских войск над татарами. Почему это не сделано?»

Отвечая на критику В. Д. Кузьминой, А. А. Зимин признал убедительность ее доводов относительно невысокого качества сочинений, которые он приписал Быковскому. Тем не менее он попытался использовать этот факт в пользу своей концепции, заявив, что принадлежность «жалких виршей» Конисскому и другим его ученикам, а не Быковскому, якобы только подтверждает правильность положения о Быковском как авторе «Слова», поскольку подчеркивает несовместимость заурядных творений с гениальным памятником XVIII в., каким является «Слово». При этом основные аргументы В. Д. Кузьминой и других выступавших против авторства Быковского А. А. Зимин обошел молчанием.

*

В ходе обсуждения был затронут ряд частных вопросов, связанных с определением времени возникновения «Слова». Так, значительное внимание было уделено тому, что автор «Слова» по своим

религиозным воззрениям отдает дань как христианству, так и язычеству. А. И. Клибанов вслед за А. А. Зиминым усматривает в этом «странную ситуацию», «противоречивые положения», которые в целом могут склонить в пользу обсуждаемой концепции, поскольку непонятным оказывается обращение автора «Слова» к языческим образам в эпоху утверждения христианской религии в Древней Руси. В этом же плане выступил и В. Б. Кобрин, говоривший, что если бы «Слово» было действительно древним памятником «двоеверия», которое православная церковь упорно преследовала на протяжении всей своей истории, то это преследование коснулось бы и «Слова»; оно было бы поименовано в числе списков запрещенных книг, составлявшихся церковью начиная с XIV века. «Двоеверие» «Слова» в обстановке острой борьбы христианства с язычеством В. Б. Кобрину также кажется весьма странным.

Касаясь этого вопроса, Д. С. Лихачев отметил, что сведения о язычестве, содержащиеся в «Слове», решительно подтверждают его подлинность. Эвгемеризм[11] древнерусского язычества, зафиксированный в «Слове», совпадает с эвгемеризмом древнерусского язычества, отраженным в «Повести временных лет», между тем как представления конца XVIII в. о древнерусском язычестве не соответствуют тому, что дает в этом смысле «Слово».

Поддерживая эту часть выступления Д. С. Лихачева, Б. В. Сапунов (Государственный Эрмитаж) говорил о том, что акт крещения Руси не мог превратить в мгновение ока языческую страну в христианское государство. Принятие христианства явилось началом длительного и сложного сдвига в сознании миллионов людей, тысячами нитей связанных с языческими верованиями. В результате поверхностного усвоения христианства языческой паствой сложилось своеобразное синтетическое мироощущение, названное современниками «двоеверием». Б. В. Сапунов рассказал далее о том, что новый свет на этот вопрос проливает изучение памятников русского прикладного искусства XI—XIII вв., в которых раскрываются «двоеверческие» представления русских людей того времени. Некоторые данные, в том числе археологические, показывают, что подобные

---

[11] Эвгемер — древнегреческий писатель и философ, впервые последовательно применивший рационалистический метод толкования мифов (позднее получивший наименование «эвгемеризма»). Эвгемер видел в богах знаменитых людей, обожествленных потомками. — *Примеч. В. А. Кучкина и О. В. Творогова.*

представления имели распространение не только среди простых людей города и деревни, но и среди знати. Все это позволяет сделать твердый вывод о том, что «Слово» имеет устойчивое место в общей линии развития русской культуры предмонгольского времени.

Б. В. Сапунов обратил внимание также на художественные особенности «Слова», связанные с его «двоеверием»: точное описание языческих богов, словарный запас, образы молящейся языческим богам Ярославны и вещего князя Всеслава. Сюда же Б. В. Сапунов относит и проникновенное, точное описание природы и животного мира южнорусских степей, что вряд ли, по его мнению, могло иметь место в литературе, созданной в то время под влиянием христианского миропонимания.

Различные мнения вызвали у присутствующих сюжеты, связанные с характеристикой терминологии оружия, которая, согласно взглядам А. А. Зимина, не укладывается в рамки XII века. В. Б. Вилинбахов, например, утверждал, что термин «поющие копья» является в «Слове» явно позднейшим вымыслом, поскольку в XII в. на Руси не знали метательных копий; подозрительным считает он и четырехкратное упоминание в «Слове» сабли, так как в XI—XIII вв. сабля на Руси известна была весьма мало. «Харалужные мечи» В. Б. Вилинбахов понимает как мечи восточные, цельностальные, сделанные из тигельной стали, и считает, что в домонгольской Руси восточное оружие вообще было неизвестно.

А. В. Арциховский сказал, что археологию А. А. Зимин привлекает, когда говорит об истории оружия, но его утверждения сплошь состоят из археологических ошибок. Относительно мечей основных ошибок по крайней мере шесть. Центральный вывод о появлении восточных мечей на Руси в XIV в. основывается на статье В. В. Арендта, но в ней ничего подобного нет. А. А. Зимин считает первичными «харалужные копья» «Задонщины», а «харалужные мечи» «Слова» вторичными. Но копье — дешевое и массовое оружие, что подтверждается всеми археологическими находками. Уже поэтому «харалужные копья» «Задонщины» подозрительны. Здесь взят эпитет мечей из «Слова». Мечей во времена написания «Задонщины» уже не было.

Далее А. В. Арциховский остановился на вопросе о шлемах. А. А. Зимин считает, что «шеломы половецкие не могли быть поскепаны, то есть разбиты в щепы, ибо они были металлическими». Но

шлемы домонгольской Руси, равно как и половецкие, редко бывали цельными, чаще составными. Такой шлем состоял из нескольких вертикальных долек. Они склепывались накладными пластинками, то есть не особенно прочно. При сильном ударе шлем раскалывался по линии соприкасания долек. А. А. Зимин поэтому ошибается, видя здесь поздний домысел. Вопреки мнению В. Б. Вилинбахова сабли неоднократно упоминаются в русских летописях X—XII вв. и хорошо представлены в русских археологических материалах тех же веков.

Касаясь вопроса о «поющих копьях», Б. В. Сапунов дал справку о том, что в Ленинграде, в Эрмитаже, имеются метательные копья Древней Руси того периода, наличие которых отрицает В. Б. Вилинбахов.

Среди других сюжетов, вызвавших обмен мнениями, следует упомянуть использование автором «Слова» фольклора. Д. С. Лихачев подчеркнул, что тезис А. А. Зимина об авторе «Слова» как знатоке былин, исторических песен, украинских дум, белорусского, южнославянского фольклора не соответствует действительности. Анализируя произведения писателей и поэтов XVIII в., Д. С. Лихачев показал, что тот фольклорный материал, который использовали они в своих сочинениях, ничего общего не имеет с народностью «Слова».

Наконец, необходимо упомянуть и о дискуссии, которую вызвало понимание А. А. Зиминым сведений о «тмутараканском болване» в «Слове», совершенно произвольно отождествляемом им с известным тмутараканским камнем. Надпись на этом камне он считает позднейшей подделкой, а значит, и «данные» о нем в «Слове» также позднейшими. В достоверности надписи на камне сомневается и выступивший на обсуждении А. Л. Монгайт (Институт археологии АН СССР).

В своем выступлении А. В. Арциховский коснулся этого вопроса и отметил несостоятельность доводов А. А. Зимина, основанных на исследовании А. А. Спицына, который вначале также считал надпись подделкой, но позднее убедился в ее подлинности. А. А. Зимин, цитируя последнего, делает при этом неверные ссылки, представляя его сторонником своей точки зрения. Ссылаясь на неизданную работу А. Л. Монгайта об этом камне, А. А. Зимин утверждает, что начертание ятя, омеги и буквы «в» надписи сделаны

не раньше XIII века. А. В. Арциховский, напротив, полагает, что форма омеги слишком редко встречается, чтобы на основании ее делать подобные выводы, а написание ятя и «в» имеет аналогии в XI веке. Не согласен А. В. Арциховский и с тем, что формула «Глеб князь» на камне не встречается в актовых материалах до XIV в. и соответствует лишь выражению «Слова» «Игорь князь». А. В. Арциховский отмечает, что слово «князь» в текстах любого века стоит то после имени, то перед ним. Археологические находки показали, сказал А. В. Арциховский, что камень был найден именно там, где находилось Тмутараканское княжество и где до находки камня никто его не помещал.

На вопросе о происхождении термина «бела» в «Слове» остановился В. Л. Янин (Московский университет). Он полагает, что этот термин попал в памятник не ранее последней трети XIII века.

Значительную часть заключительного слова А. А. Зимин посвятил оглашению некоторых извлечений из собранных им предварительно отзывов отдельных научных работников, которых он заранее ознакомил со своей концепцией. Подавляющее большинство авторов этих отзывов не является специалистами по древнерусской литературе и истории. В некоторых из отзывов это обстоятельство прямо и отмечается. Не случайно характерной чертой большинства отзывов является отсутствие каких-либо дополнительных аргументов в поддержку точки зрения А. А. Зимина. Некоторые авторы отзывов прямо указывают, что они не согласны с мнением А. А. Зимина, будто «Слово» — памятник не XII века. Лишь небольшая часть авторов отзывов допускает возможность того, что «Слово» — памятник XVIII в., причем это делается, как правило, в весьма предположительной форме. Несколько определеннее эти авторы солидаризируются с мнением А. А. Зимина о соотношении «Слова» и «Задонщины». Между тем в свете обсуждения концепции А. А. Зимина очевидно, что выводы из его текстологических построений были приняты ими на веру, в то время как в действительности эти выводы основаны на ряде запутанных текстологических сопоставлений, ошибочность которых трудно обнаружить без их детальной проверки.

В остальной части выступления А. А. Зимин, как уже отмечалось, остановился преимущественно на отдельных, частных вопросах, не приведя, по существу, никаких новых данных в защиту своей концепции.

Ряд участников обсуждения (Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев и др.) после заключительного слова А. А. Зимина выразил неудовлетворение по поводу того, что он оставил без ответа основные возражения.

Подводя итоги обсуждения, академик Е. М. Жуков подчеркнул, что лейтмотив всех выступлений, даже тех немногих, в которых поддерживались отдельные, частные положения концепции А. А. Зимина, сводится к тому, что ему не удалось доказать правильность своих построений. Е. М. Жуков вместе с тем отметил, что подготовка и проведение обсуждения явились не вполне оправданным расходом средств и времени, поскольку выяснилось, что обсуждаемая концепция не заслуживает того внимания, которое было ей уделено. Опровержение надуманных построений отвлекло на значительное время многих специалистов от текущей работы. Хотя само «Слово» имеет много аспектов, несомненно требующих дальнейшего изучения, однако обсуждение, вскрыв несостоятельность рассматривавшейся концепции, показало, что избранное ее автором направление исследования этого памятника совершенно неоправданно.

Когда и кто создал «Слово о полку Игореве»? Дискуссия в Академии наук СССР[1]

В только что вышедшем 9-м номере журнала «Вопросы истории» подробно (на 20 журнальных страницах) изложено содержание дискуссии по некоторым вопросам, касающимся времени создания и авторства «Слова о полку Игореве».

Дискуссия была проведена в Отделении истории Академии наук СССР. Поводом для нее послужила концепция, выдвинутая доктором исторических наук А. Зиминым. Исследователь утверждает, что «Слово» не является, как это принято считать по установившемуся в науке мнению, памятником древнерусской литературы. Зимин датирует «Слово» не XII веком, а последней четвертью XVIII века и считает автором его ярославского архимандрита Иоиля Быковского. Зимин полагает, что в текст, сочиненный Быковским, затем были сделаны некоторые вставки графом А. Мусиным-Пушкиным, в руки которого, как известно, список «Слова» попал в 90-х годах XVIII столетия и впервые был опубликован им в печати в 1800 году. Концепция Зимина близка к точке зрения французского исследователя А. Мазона, относящего «Слово» к «стилизации», созданной или самим Мусиным-Пушкиным, или кем-то из его современников.

Попытки доказать, что в XII веке на Руси не могло быть создано произведение столь высокой эстетической ценности, как «Слово», предпринимались и раньше. А. Зимин повторил их, несмотря на то что в прошлом они неизменно опровергались.

В обсуждении вопросов, поднятых Зиминым, приняли участие историки, археологи, лингвисты, литературоведы. Среди 32 выступавших во время дискуссии были — действительный член Академии наук СССР Б. Рыбаков, академик Академии наук Украинской ССР Н. Гудзий, члены-корреспонденты Академии наук СССР А. Арциховский, Д. Лихачев, Ф. Филин и другие выдающиеся советские ученые.

---

[1] Опубликовано: Смена. 1964. 23 сент. № 226. С. 2, информация *АПН* (Агентства печати «Новости»).

В ходе обсуждения А. Зимин назвал «Слово» «загадкой с пятью ключами». Зимин считает, что один из этих ключей подобран французским исследователем Мазоном, открывшим главный источник, которым пользовались авторы «стилизации» при создании «Слова». Источник этот — поэтическое повествование о Куликовской битве — «Задонщина», памятник древнерусской литературы, различные редакции которого создавались (по датировке А. Зимина) начиная с XIV и до XVI века. Четыре остальных ключа к «Слову» предложил, как сказал об этом на обсуждении Зимин, он сам. Зимин считает, что он установил источники исторических сведений автора «Слова». Это один из списков Ипатьевской летописи и отчасти Кенигсбергская летопись. Зимин считает, что он определил происхождение языкового состава «Слова», в частности встречающихся в нем ориентализмов. Он якобы разгадал загадку совпадения одного отрывка «Слова» с отрывком псковской рукописи Апостола. Зимин считает, что этот отрывок списал с Апостола и вставил в «Слово» Мусин-Пушкин, сделавший и другие вставки в оригинальное произведение Быковского. И наконец, Зимин считает, что он первый назвал действительного автора «Слова» — архимандрита Быковского.

На основе своей концепции А. Зимин реконструировал тот, по его мнению, пропавший затем список «Задонщины», которым якобы пользовался архимандрит Быковский, создавая «Слово о полку Игореве».

Некоторые положения концепции Зимина нашли положительную оценку у ряда историков и литературоведов (С. Азбелев, Я. Лурье, А. Николаева). Но большинство выступавших, среди которых были наиболее авторитетные исследователи древнерусской литературы, полагают совершенно необоснованными все построения Зимина. На обсуждении говорилось, что Зимин создал искусственную и произвольную реконструкцию так называемой «Пространной» редакции «Задонщины», которой будто бы и пользовался архимандрит Быковский. Создавая эту реконструкцию, Зимин подтянул текст «Задонщины» к тексту «Слова», а потом, ссылаясь на сходство подобных «подтянутых» мест, стал доказывать заимствованный характер «Слова».

Выступавшие на обсуждении опровергали утверждение Зимина, что в «Слове» фигурируют понятия, факты, лексические выражения, которые не имели места в XII веке. Так, например, Зимин утвер-

ждает, что в XII веке жен называли иногда по имени мужа, но никогда по отчеству, как зовется в «Слове» жена Игоря Ярославна. Это лишено основания. Так, в летописях жена князя Мстислава Владимировича именуется Дмитровной, жена Владимира Игоревича — Кончаковной. Зимин считает одним из доказательств позднего происхождения «Слова» то, что в нем несколько раз упоминаются «харалужные мечи», в то время как мечи из восточной тигельной стали появились на Руси якобы только в XIV веке. На обсуждении было доказано, что в действительности такие мечи на Руси существовали в XII веке, а вот в XIV веке они уже исчезли и были заменены саблями. Зимин приводит как доказательство вымысла автора «Слова» упоминание в этом произведении разбитых в щепы половецких шлемов. Зимин говорит, что этого не могло быть, так как половецкие шлемы были металлическими и не могли быть превращены в щепы. На обсуждении устанавливается, что шлемы домонгольской Руси, так же как и половецкие шлемы, чаще всего были не цельными, а склепанными и при сильном ударе раскалывались.

Три дня шло обсуждение. Подводя его итоги, академик Е. Жуков сказал, что А. Зимину не удалось доказать правильность своих построений. Жуков считает, что хотя «Слово» имеет, несомненно, много аспектов, требующих дальнейшего изучения, однако избранное Зиминым направление исследования этого величайшего памятника древнерусской литературы совершенно неоправданно.

(*АПН*)

*Г. П. Струве**

К спорам о «Слове о полку Игореве»: Д. С. Лихачев и А. А. Зимин[1]

В августовской книжке советского журнала «Вопросы литературы» напечатана статья известного советского литературоведа Д. С. Лихачева под заглавием «Когда было написано „Слово о полку Игореве“?». В этой длинной и обстоятельной статье Лихачев раскрывает (насколько нам известно, впервые в советской печати) тот факт, что в феврале прошлого года (т. е. за полтора года до появления в печати статьи Лихачева) известный историк А. А. Зимин выступил в открытом заседании в Институте русской литературы «с обширным докладом, в котором стремится доказать более позднее происхождение „Слова о полку Игореве“, чем до сих пор полагали». Лихачев прибавляет, что доклад Зимина «вызвал большой интерес и разнообразные отклики». Но, вместо того чтобы представить читателю точку зрения Зимина (Лихачев даже не упоминает, что Зимин считает «Слово» произведением 18-го века и склонен признать его автором архимандрита Иоиля Быковского), Лихачев довольно подробно останавливается на истории «сомнений» в подлинности «Слова» и затем снова выдвигает весь арсенал весьма убедительных доказательств в пользу подлинности «Слова», полемизируя, однако, не с Зиминым, а с профессором Мазоном и другими предшественниками Зимина.

Такую постановку вопроса Лихачев мотивирует во вступительной «главке» своей статьи — эта главка с явным намерением афишировать полную научную беспристрастность озаглавлена «Absit invidia» (т. е. «Да не будет зависти») — следующим образом: «Поскольку работа А. Зимина находится в стадии становления и до сих пор еще не завершена для печати, нет возможности обсудить ее в данной статье. Однако мы можем обсудить не ее, а самую постановку вопроса о том, когда создано „Слово“. Такое обсуждение самой постановки вопроса вполне правомерно, так как в основном все новейшие скеп-

---

* Статья подписана: *Г. С.*

[1] Опубликовано: Русская мысль. 1964. 13 окт. № 2216. С. 5.

тики, не приводя новых документальных материалов, лишь варьируют и по-новому аргументируют концепцию А. Мазона».

Рядового советского читателя едва ли может удовлетворить такой подход Лихачева. Ему все-таки было бы любопытно знать, а что же говорил Зимин в своем докладе: неужели только «повторял» Мазона? Что же касается читателя более осведомленного, то у него должен возникнуть вопрос о научной добросовестности Лихачева. Читатель «Русской мысли» знает, что в мае месяце этого года в Москве состоялось обсуждение законченной Зиминым для печати работы; что около трети участников этой дискуссии, в которой принимали участие видные советские историки и филологи, высказалось в пользу «теории» Зимина о том, что «Слово» не есть произведение 12-го века и что оно во всяком случае вторично по отношению к «Задонщине» (гипотеза Зимина о 18-м веке такой поддержки не встретила).

Среди историков, поддержавших Зимина, называют имена таких видных ученых, как Я. Лурье и А. Клибанов. Более того, известно, что на этой дискуссии Зимину даже не понадобилось говорить вступительное слово, так как рукопись его книги была наперед разослана всем участникам дискуссии. Пусть книга еще не появилась в печати, но Лихачеву она известна, он знаком с ее материалом и с аргументацией автора. Но, вместо того чтобы предоставить Зимину возможность на страницах того же журнала изложить хотя бы вкратце свою точку зрения или, по крайней мере, самому отправляться от аргументов Зимина, Лихачев наперед его опорочивает, возводя его гипотезу к «концепции А. Мазона». Надо сознаться, что со стороны очень трудно поверить, что, если бы какой-то советский ученый просто повторял взгляды Мазона, ему дали бы возможность выступить с докладом в заседании ученого советского учреждения и был бы поднят вопрос об издании его книги, как об этом сообщалось в «Русской мысли» от 23 июля сего года.

В заключительной «главке» своей статьи, главке, озаглавленной «Храм Артемиды Эфесской», Лихачев пишет:

«Есть ли основания беспокоиться, что „Слово" может исчезнуть с горизонта русской культуры? Нет, никаких беспокойств за „Слово" быть не может. „Слово" — памятник словесного искусства, и в том-то его отличие от произведений архитектуры или живописи, что его невозможно ни сжечь, как было сожжено одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской, — ни украсть, как были

украдены некоторые картины Гойи или Матисса. „Слово" останется всегда, сомнения же возникали и проходили».

Эта концовка звучит велеречиво, но не слишком убедительно.

Во всей статье Лихачева, занимающей 29 страниц мелкого шрифта, имя Зимина упоминается только дважды — в том месте в начале статьи, которое мы цитировали выше. Хотя Лихачев и говорит во множественном числе о «новейших скептиках», ни одного из ученых, склонных поддержать гипотезу Зимина, он по имени не назвал. Полуторагодичное замалчивание доклада Зимина теперь нарушено, но рассматривать статью Лихачева как перенос спора в печать не приходится.

*Б. А. Рыбаков**

По поводу одной дискуссии[1]

В редакцию обратился преподаватель истории одной из московских школ А. Б. Мельников: «Я узнал, что среди наших ученых возник спор о происхождении „Слова о полку Игореве". Так ли это? Какова история этого замечательного памятника русской культуры XII века?»

Мы попросили академика Б. А. РЫБАКОВА ответить на этот вопрос.

На протяжении восьми столетий «Слово о полку Игореве» служит самым высоким патриотическим помыслам русского народа и радует слушателей и читателей непревзойденной поэтической красотой.

Сложенное по свежим следам трагических событий 1185 года (не позже начала 1187 года), «Слово» призывало русских князей — властителей огромных и могучих княжеств — к единству действий против опасного врага — половцев, стремительно перекочевывавших по «Полю» вдоль границ на протяжении тысячи верст: «Загородите Полю ворота!..» Призыв поэта помог. Объединенные русские полки отразили натиск Кончака и восстановили незыблемость русской границы на всем ее протяжении.

Прошло двести лет. Объединенные русские войска огромным напряжением сил опрокинули и разбили несметные полчища татар на Куликовом поле. Победа наполнила законной гордостью сердца всех русских людей. От Задонщины (т. е. битвы за Доном) отсчитывали время, как от новой эры.

Автор «Задонщины» Софоний взял за образец «Слово о полку Игореве», повторил его конструкцию, перевел непонятные речения (ошибаясь порой при этом), будучи не в состоянии вырваться из плена могучего таланта киевского поэта XII века.

«Задонщина» Софония заставила жить «Слово о полку Игореве» второй жизнью, но сама рукопись «Слова» как бы исчезла с горизонта.

---

* Автор назван в редакционном предуведомлении.
[1] Опубликовано: Известия. 1964. 22 нояб. № 279. С. 5.

Но в Пскове или где-то в Псковской земле в XV—XVI веках был сделан новый список «Слова о полку Игореве». Очевидно, псковичей продолжала интересовать и волновать эта великолепная поэма. Три века спустя, в 1792 году, этот список попал в Петербург и скоро стал достоянием науки. Через двенадцать лет, во время нашествия Наполеона, единственная рукопись «Слова» сгорела во дворце ее владельца А. И. Мусина-Пушкина в Москве, на Разгуляе. К счастью, она была уже опубликована в 1800 году.

Со времени своей публикации «Слово о полку Игореве» стало предметом широчайшего восхищенного внимания как в России, так и далеко за ее пределами. Сотни поэтов и ученых переводили и изучали замечательную поэму, познавая высокую культуру Руси накануне татаро-монгольского нашествия. «Слово» было полностью созвучно и стройным образцам белокаменного зодчества, и утонченной живописи XII века, и многогранной литературе той эпохи. Но так как не все эти сокровища русской культуры сразу вошли в научный оборот, то в XIX веке нашлись скептики, которые усомнились в подлинности поэмы, считая ее «розой среди ржаного поля».

Подлинность «Слова о полку Игореве» отстаивал крупнейший русский историк Н. М. Карамзин, изучавший рукопись до ее гибели. Горячим защитником подлинности «Слова» был А. С. Пушкин, который лучше кого бы то ни было мог оценить язык и поэтические достоинства поэмы. Он отвел самую мысль о том, что «Слово» было якобы подделано в конце XVIII века, так как отлично знал, что не было (ни тогда, ни после) такого поэта с глубочайшим знанием истории языка. Известен жаркий спор Пушкина с профессором М. Т. Каченовским, узким и ограниченным историком, пытавшимся объявить «Слово» подделкой.

Одно за другим стали появляться бесспорные доказательства подлинности «Слова о полку Игореве»: в 1824 году был открыт учеными псковский «Апостол» 1307 года с выпиской из «Слова» об усобицах. В 1852 году впервые стала известна «Задонщина», представляющая собой вдохновенный перепев «Слова о полку Игореве».

Однако во Франции появились новые скептики, выдвинувшие очень странную гипотезу: «Задонщина» будто бы была написана совершенно самостоятельно, без использования более раннего образца, а вот «Слово» — это несомненное подражание... «Задонщине»!

Создателя этой гипотезы Луи Леже не смутило наличие бесспорных свидетельств вторичности «Задонщины».

Продолжателем Л. Леже явился французский литературовед Андре Мазон, выпустивший в 1940 году книгу, посвященную развитию этой мертворожденной гипотезы. Автором «Слова о полку Игореве» Мазон предположительно считал А. И. Мусина-Пушкина. Во всем мире гипотеза Мазона встретила отпор.

В последующие годы появился ряд солидных исследований о «Слове» и о «Задонщине». Достаточно назвать имена советских исследователей В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия и Д. С. Лихачева. Завершением полемики можно считать выход в 1962 году большого сборника: «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (издан Академией наук СССР), в котором крупнейшие специалисты в области истории, литературоведения и лингвистики скрупулезно разобрали все соображения А. Мазона и показали их ошибочность.

Через год после выхода в свет этого сборника советский историк А. А. Зимин, известный своими работами по русской истории XVI века, неожиданно заявил себя продолжателем Каченовского и Мазона. Не обращая внимания на солидную критику гипотезы Мазона, обходя молчанием бесспорные возражения ему, А. А. Зимин построил несколько подновленный вариант теории Леже — Мазона.

Сущность рассуждений А. А. Зимина такова: в 1770 году русские войска разбили турок на реке Кагуле. Архимандрит Спасского монастыря в Ярославле Иоиль Быковский решил воспеть эту победу и начал разыскивать разные старинные материалы для того, чтобы стилизовать свою оду под древность. Но почему-то для прославления победы выбор Иоиля пал на летописное описание поражения русских войск в 1185 году.

«Гениальный» архимандрит, очевидно, настолько проникся духом феодальной Руси, что в эпоху екатерининского абсолютизма начал призывать к ликвидации феодальной раздробленности! Монастырская фабрикация, по мысли А. А. Зимина, попала к екатерининскому вельможе А. И. Мусину-Пушкину, который решил поправить свои имущественные дела изданием фальшивой поэмы. Граф приказал переписать ее старинным почерком, вплел в древний сборник и для вящей убедительности собственноручно вставил пересказ приписки 1307 года и сочиненные им детали характеристики князя

Всеволода Большое гнездо. Дождавшись смерти своего соавтора, Мусин-Пушкин опубликовал оду о Кагульской победе как «ироическую песнь» XII века. Пожар 1812 года убрал все следы, а легковерные ученые начали с серьезным видом анализировать и истолковывать изготовление ярославского монаха и ловкого вельможи, сумевших обмануть историков, поэтов и лингвистов на 150 лет вперед.

Категорический тон А. А. Зимина, несоответствие приводимой им аргументации важности самой темы — все это вызвало возмущение у знатоков русской литературы и недоумение у части молодежи, недостаточно искушенной в приемах отстаивания скороспелых гипотез. Рукопись А. А. Зимина была тщательно изучена, были проверены (оказавшиеся в большинстве своем ошибочными) его ссылки на архивы Ярославля и Чернигова. В мае этого года состоялось обсуждение гипотезы А. А. Зимина, в котором приняли участие виднейшие специалисты по эпохе «Слова о полку Игореве» и по XVIII веку. Подробный отчет о дискуссии можно прочитать в журнале «Вопросы истории», 1964 год, № 9.

Обсуждение выявило картину тенденциозного пользования источниками, умалчивания о невыгодных для А. А. Зимина данных, замены истинного желаемым, нарушения элементарной логики, пренебрежения к разбору других гипотез. А. А. Зимин даже не производит сопоставления фактов, упоминаемых в «Слове», с реальной действительностью XII века. Исходя из своего предположения, что поэма создана в XVIII веке, он оставляет в стороне XII век, путем нагромождения натяжек меняет соотношение «Задонщины» и «Слова», непомерно гиперболизирует эрудицию и поэтический талант Иоиля Быковского.

Лингвисты убедительно показали, что язык «Слова о полку Игореве» — язык XII века, востоковеды-тюркологи доказали, что автор «Слова» знал современный ему половецкий язык, остававшийся неизвестным ученым XVIII и начала XIX веков, что само по себе уже исключает возможность подделки в XVIII веке.

Специалисты по истории литературы XVIII века, проследившие самостоятельно по архивным данным биографию Иоиля, доказали, что он не мог быть автором «Слова о полку Игореве». Знатоки «Задонщины» выявили большое количество натяжек в построениях Мазона — Зимина. Историки и археологи показали пренебрежение А. А. Зимина к русской действительности XII века, необходимое

А. А. Зимину лишь для того, чтобы оторвать «Слово о полку Игореве» от реальной исторической почвы.

Дискуссия, проведенная с такой широтой и многогранностью, убедительно показала всю несолидность и беспочвенность гипотезы А. А. Зимина о происхождении бессмертной поэмы.

«Слово о полку Игореве» продолжает восхищать нас так же, как оно восхищало людей XII века, как восхищало оно поэтов от Пушкина до Блока, историков от Карамзина до Грекова.

*Б. Ф. Поршнев**

Извольте работать[1]

⟨фрагмент⟩

...Воспитывать молодежь в вузе — значит прививать привычку к строгому и даже суровому порядку подлинных научных соревнований. Нарушение этих порядков неумолимо ведет к нарушению истины. ⟨...⟩ А всегда ли мы подаем хороший пример?

⟨...⟩ Подчас мы даем ⟨...⟩ повод составить ложное представление о правилах научного спора. Думается, что даже наиболее вероятные ошибки, вроде «летающих тарелочек» или пришельцев из космоса, следовало бы критиковать и без окриков, и без хихиканья, подписанного даже известными именами. Чем выше поставлен в науке тот, кто критикует, тем больше сдержанности он должен проявить к ошибающемуся.

В научном споре запрещен аргумент «от личности». Нельзя давить своим авторитетом, как нельзя намекать, что оппонент — плохой человек или что он не имеет специального диплома. Закон научного спора: истина автономна от спорящей личности. Иной научный гений, как Циолковский, не получил высшего образования, а иной академик принес науке больше вреда, чем пользы. ⟨...⟩

К числу золотых заповедей относится и обязанность хорошо понять, что утверждает противник, и опровергать его мнение, а не собственный домысел. Всегда ли мы тут подаем молодежи хороший пример?

Есть и такое правило, как запрещение критиковать в печати то, что еще не было опубликовано. Вот доктор исторических наук А. А. Зимин, говорят, предложил по-новому датировать «Слово

---

* Статья вышла с подписью: *Б. Поршнев (доктор исторических наук)*. См. о нем во вступительной статье (примеч. 378 на с. 120).

[1] Опубликовано: Известия. 1965. 19 янв. № 14. С. 3. Статья Б. Ф. Поршнева посвящена работе студентов и тому, чему они должны научиться за время учебы в вузе. По словам автора, «защищаемый тезис состоит в том, что учение в вузе — это труд, это много суровой, напряженной, в том числе черной работы». В числе того, что должен освоить студент, Б. Ф. Поршнев называет научный диспут — как средство активизировать мышление. Приводим с незначительным сокращением ту часть статьи, которая посвящена научному диспуту.

о полку Игореве». Ученый представил обширное исследование. И вдруг в центральной печати появились рецензии на неопубликованную научную рукопись. Как бы ни были подобные рецензии прекрасны, они не содействуют воспитанию студенческой молодежи. Пусть работы производят впечатление убедительных, но наука питается не впечатлениями. А сверить-то рецензию тем же студентам-историкам не с чем...

Полно![1]

В № 14 «Известий» была напечатана статья доктора исторических наук Б. Ф. Поршнева «Извольте работать». Трудно оспорить и своевременность и полезность этой статьи, посвященной воспитанию научно-трудовых навыков у нашей вузовской молодежи. Однако, отстаивая свободу научных обсуждений, автор в одном месте своей статьи косвенно задел злополучную, весьма ветхую и уже выброшенную из научного обихода «гипотезу», будто величайший памятник средневековой мировой поэзии — «Слово о полку Игореве» написано не в XII веке, а сочинено, видите ли, в XVIII... Старенькая лженаучная версия, которую после Каченовского и Сенковского подхватил «французский» славист А. Мазон, встретивший решительное несогласие виднейших представителей советской и зарубежной науки — историков, археологов, языковедов.

Ныне к названным именам приверженцев этой, с позволения сказать, «гипотезы» присовокупил свое имя еще один исследователь, историк А. А. Зимин. И любители сенсаций уже взбивают мутную пену, и ахают, и сетуют: будто бы кто-то мешает ему высказаться, прибавить и свой «мазок» на «Слово о полку Игореве».

Непонятным образом в подобное «сетование» впадает и Б. Ф. Поршнев: «Есть и такое правило, — пишет он, — как запрещение критиковать в печати то, что еще не было опубликовано. Вот доктор исторических наук А. А. Зимин, говорят (как вам нравится это „говорят"?! — *А. Ю.*), предложил по-новому датировать „Слово о полку Игореве". Ученый представил обширное исследование. И вдруг в центральной печати появились рецензии на неопубликованную научную рукопись».

Весь этот абзац совершенно противоречит фактам. Можно подумать, что бедному исследователю прямо-таки рта не дали раскрыть. А между тем подновленный им вариант гипотезы Каченовского — Сенковского — Мазона был предан широкой научной гласности,

---

* Статья подписана: *А. Югов.*

[1] Опубликовано: Известия. 1965. 6 февр. № 31. С. 5.

обсужден на многолюдных ученых собраниях: сперва в Ленинграде, в Пушкинском Доме, а затем в Москве, на совместном заседании Отделения истории и Института истории Академии наук СССР. Подробный отчет о дискуссии дан в девятом номере «Вопросов истории» за 1964 год. Разве это не обнародование? Но кто ж виноват, что обсуждение обнаружило несостоятельность докладчика, и даже в такой степени, что, подводя его итоги, академик Е. М. Жуков заявил, выражая мнение большинства ученых, что обсуждение это явилось «не вполне оправданным расходом средств и времени, поскольку выявилось, что обсуждаемая концепция не заслуживает того внимания, которое было ей уделено».

Вопреки утверждению Б. Ф. Поршнева, никаких рецензий в центральной печати «на неопубликованную научную рукопись» не было. А был лишь в «Известиях» ответ академика Б. А. Рыбакова на вопрос одного из читателей (№ 279 за 1964 г.). Будучи одним из участников дискуссии по «Слову», ученый кратко и общедоступно осветил ее содержание. Никакие этические научные нормы этим ничуть не нарушены. И вполне естественно, что академик Б. А. Рыбаков дал в своей статье именно ту оценку концепции А. А. Зимина, какую она действительно получила.

Как не припомнить здесь блистательную отповедь, которую дал Пушкин Сенковскому и Каченовскому, отстаивая древность, народность и высочайшие поэтические достоинства «Слова»: «Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в XVIII веке мог иметь на то довольно таланта?» — вопрошал великий русский поэт и, отводя решительно возможность авторства и Карамзина и Державина, об остальных пиитах той поры говорил «оптом»: «Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства».

Пушкину, как видите, и в голову не приходило, что безмерный поэтический подвиг будет по плечу какому-то заштатному архимадриту XVIII века Иоилю, чьи бездарные вирши и проповеди хорошо известны ученым! А его-то и выдвигает новый исследователь в сочинители «Слова»!

В наше время убедительный ответ нападкам на «Слово» был дан исследованиями академика С. П. Обнорского. Тончайшим анализом раскрыв особенности и словаря и речестроя великой древнерусской

поэмы, академик заключает, что бездоказательный скепсис к подлинности «Слова» «был понятен 100 лет тому назад при слабом уровне филологических знаний того времени». С негодованием отвергая версию Мазона, С. П. Обнорский, этот мирового порядка авторитет в области древнерусского языка, утверждал, что подобные домыслы и посягательства «противоречат нормам языка „Слова о полку Игореве“, языка цельного в своей системе и архаического по самому своему строю».

Итак, Пушкин и новейшая наука ни в чем не расходятся в своих суждениях о древности, народности и величии «Слова». Русский народ может быть спокоен за свое сокровище!

И пора сказать не оставляющим своих тщетных попыток нигилистам: «Полно!..» А если это чудесное увещательное народное слово уже позабыто ими, то и пояснить из «Толкового словаря»: «Полно — будет, довольно, пора перестать!»

I. N. Golenishchev-Kutuzov *

Problems of «The Lay of Igor's Host»[1]

TWENTY-FIVE years ago, Professor André Mazon commenced a series of essays devoted to that monument of ancient Russian literature, *The Lay of Igor's Host*. The French Slavist sought to prove that it was a creation of the late 18th century and was no more than a pastiche produced by an unnamed writer in the reign of Catherine the Great. His views represented a revival of earlier statements by the scholar and literary critic Count Sergei Rumyantsev, and the Orientalist and author Osip Senkovsky (known by his nom de plume, Baron Brambeus). To be sure, Prof. Mazon contributed a degree of consistency to the conjectures of the 19th-century sceptics though he proceeded from the same fallacious premises. Mazon holds that *Zadonshchina* (the story of the Battle of Kulikovo), which was discovered only in 1852, is artistically superior to *The Lay* and that the latter is in fact an imitation of that story. Mazon undertook to «rehabilitate» *Zadonshchina* which he finds so much superior to *The Lay*, yet he did not find it necessary to carry out an aesthetic or stylistic analysis. Subsequently Mazon launched a search for the author, which continues to this day. Among the possible authors of *The Lay* he named the historian and archaeologist Alexei Musin-Pushkin, the archaeographer Nikolai Bantysh-Kamensky, and finally, the venerable Yaroslav Archimandrite Joel Bykovsky. Mazon's conception was critically reviewed by such Soviet scholars as Dmitri Likhachov, Nikolai Gudzy, Varvara Adrianova-Perets and others. His conception was opposed (in the early days of the last World War) by workers of the Kondakov Institute, Alexander Solovyov, Lászlo Rásonyi, P. M. Bitsilli, Alexander Isachenko and myself. They showed up Mazon's conjectures to be groundless and contradictory. Their investigations were continued in the works of special-

---

* Статья надписана: *Dr. Ilya Golenishchev-Kutuzov*.

[1] Опубликовано в ежемесячном журнале «Советская литература», выходившем на английском, немецком, польском и испанском языках. Публикуется английская версия статьи. См.: Soviet Literature. ⟨Moscow⟩, 1965. № 3. P. 137—144. И. Н. Голенищев-Кутузов излагает взгляды А. Мазона и А. А. Зимина на «Слово», сопоставляет их, затем кратко излагает содержание выступлений участников дискуссии, проходившей в Отделении истории АН СССР в мае 1964 г.

ists on *The Lay* in other countries, among them Roman Jakobson, Maxim Vasmer and Adolf Stender-Peterson. American, Czech and German Slavists pointed out Mazon's apparent failure to comprehend the character of Medieval and 18th-century Russia.

André Mazon's theory was recently revived in the Soviet Union by Dr. Alexander Zimin, a historian, who accuses Mazon of «idealism» and insists on the originality of his own ideas. One would be hard put, however, to determine what new ideas the author of the latest comprehensive work on *The Lay of Igor's Host* has contributed to Mazon's theory, from which he undoubtedly proceeds. In May 1964, the Department of History of the Academy of Science of the U.S.S.R. sponsored a discussion of Zimin's work in which many eminent Soviet medievalists and linguists took part[2]. The debate was of a purely scientific character.

Following Prof. Mazon, Prof. Zimin claims that *The Lay* is not an original monument of ancient Russian literature, that it appeared in the latter quarter of the 18th century and that it was intrinsically connected with the ideological struggle characteristic of the end of the reign of Catherine. Its purpose was to act as a «clarion call» in support of Catherine's conquests of new lands in the South («justification of Catherine's imperialism», according to Mazon). *The Lay's* source was the Extended Version of *Zadonshchina* (which Mazon, too, supported). In Zimin's view, which differs somewhat from Mazon's conception, the oral *Zadonshchina* of Sofonii Ryazanets appeared at the end of the 14th century. It was recorded somewhere in the 1470s by Efrosin, an inmate of the Kirillo-Byelozyorsky Monastery. There existed at least two manuscripts. One of them, the protograph of the Short Version which did not reach us, differed somewhat from the Kirillo-Byelozyorsky MS (the date of the battle was omitted, the title was probably different, etc.). Towards the end of the 15th century, on the basis of the Short Version of *Zadonshchina* and *The Lay of the Battle of Mamai*, *The Legend of the Mamai Battle* was written. In the 1520s—1530s there appeared the protograph (the initial manuscript on which later MSS were based) of the Extended Version. One of the manuscripts of the Synodal Text of this version served as the basis for *The Lay* (as Mazon, too, claims). This manuscript, Zimin assumes,

[2] The present article makes use of the minutes of the sessions (May 4—6) at which Alexander Zimin's work was debated. — *Ed.*

later disappeared[3]. According to Zimin's hypothesis, the author of *The Lay*, who lived six centuries after the events he described, got the historical facts from the Ipatyev and Königsberg manuscripts (according to Mazon, from Tatishchev's *History*). Zimin defines *The Lay's* language as «18th-century Church Slavonic». He explains the abundance of Orientalisms in the text as borrowings from 17th- and 18th-century Oriental lexicons. Here Zimin seems to be bringing in something new, insofar as Mazon simply ignored the problem of Orientalisms in *The Lay* and declared the language and style to be modernizations in the spirit of 18th-century Western writings. An addition to the 13th-century Pskov *Books of the Apostles*, discovered by Kalaidovich in 1813, contains, as is known, a quotation from *The Lay*. Up till now most researchers regarded this addition as one of the proofs of *The Lay's* age. Zimin considers it to be a later insert made by Musin-Pushkin, the owner and publisher of the manuscript of *The Lay*. Mazon, who does not deny the affinity of the wording of the addition and *The Lay*, pronounces it «a common expression» of ancient monuments without, however, citing a single example to prove his point. Zimin resolutely declares the author of *The Lay* to be Archimandrite Joel Bykovsky, the last of Prof. Mazon's candidates.

It would appear that such an identification should be supported by, say, the discovery of new documents, letters from Musin-Pushkin or people who knew him, or some other new materials linking manuscripts of *The Lay* with Bykovsky. But Alexander Zimin has made no such «discovery» and has confined himself to extremely vague and unconvincing hypotheses. Incidentally, Zimin's hypotheses have caused some confusion among Western publishers of *The Lay*, who hastened to hold back their publications which were already advertized in the press when the rumours reached them that he had proved, on the basis of new texts, *The Lay of Igor's Host* to be a latter-day imposture. At the beginning of the aforementioned debate, Academician Nikolai Gudzy justly remarked that Zimin's work would have sparked off as heated arguments abroad as in the Soviet Union. In particular, he made reference to the point of view of the well-known American Slavist, Roman Jakobson, who «has made many valuable contributions to the interpretation of *The Lay*». Com-

[3] The following manuscripts of *Zadonshchina* are extant:
The Kirillo-Byelozyorsky MS, first published in 1858; The Undolsky MS, published in 1852; The Synodal MS, published in 1890, and two manuscripts of the State Historical Museum, published in 1947—1948. — *Ed.*

menting on Mazon's apparent influence on the new work, Gudzy pointed out that, unlike Mazon, Zimin regards *The Lay* as a monument of high artistic value. He greatly exaggerates its political import when he finds in it elements of satire and sarcasm characteristic of 18th-century literature and even ranks the forcefulness of its exposé alongside the works of Radishchev and Shchedrin. As for the author's textological constructions, Gudzy considered his very method arbitrary and unscientific. He took issue with Zimin's tendentious doctoring of Soviet and foreign studies of *The Lay of Igor's Host*. Zimin frequently bases his conclusions on questionable statements of amateurs while at the same time ignoring the work of outstanding experts, such as Alexander Solovyov.

A comprehensive critical analysis of Zimin's work was undertaken by Dmitri Likhachov, Corresponding Member of the Academy of Science and head of the sector of ancient Russian literature of Pushkin House. He called the new study of *The Lay* a major scientific failure whose basic assumption is fallacious. Likhachov saw one of the reasons for this in the fact that, as a historian, Zimin attacks problems lying outside the pale of his speciality. Thus, for example, he is unfamiliar with the methods of attribution (determination of the author of an anonymous work) of literary works developed by Academician Victor Vinogradov; he ignores all literature, both Russian and foreign, supporting the genuineness of *The Lay*. Likhachov subjected Zimin's textological methods to rigorous criticism. He compared them with «Nanai wrestling»: Zimin is, so to say, fighting with himself; without proving his hypotheses he later uses them to prove other hypotheses. In comparing texts Zimin frequently makes use not of real manuscripts but of his own reconstructions. He uses them to analyze texts on which they were originally based. In this way he as it were creates texts of his own which he then compares to his own satisfaction. He time and again forcibly juxtaposes the texts of the Extended Version of *Zadonshchina* and *The Lay*. In Prof. Likhachov's view Zimin fails to prove any of his textological claims.

Of considerable interest were the contributions of two historians, Academician Boris Rybakov, and Artemi Artsykhovsky, Corresponding Member of the Academy of Science, well known for his archaeological excavations in Novgorod. Artsykhovsky pointed out a great number of incorrect references in Zimin's work. With the latest archaeological findings in hand, Artsykhovsky took issue with Zimin on the subject of the weapons mentioned in *The Lay*. He remarked that Zimin appeared to be

insufficiently qualified to judge of Russian armaments of the 12th—14th centuries. Artsykhovsky rejected Zimin's view that in the 12th century, in conditions of feudal division, Russian patriotism was inconceivable and he recalled the patriotic spirit of the author of the *Lay of the Destruction of the Russian Land*. Academician Rybakov remarked that he could not comprehend what audience Zimin had counted on in writing his work. His argumentation and investigations in correlating *The Lay* and old chronicles was peculiar indeed, boiling down as it did to the following: first an assumption is voiced, then it is treated as true, and finally this «truth» is used as the basis of a new assumption or a whole series of assumptions. The possibility of *The Lay* having been written in the 12th century is not even considered as a hypothesis. The dominant theme, which persists as a kind of idée fixe, is that *The Lay* is an imitation of *Zadonshchina*. Significantly, Academician Rybakov was surprised at the weakness of the historical portion of Zimin's work (Likhachov had noted its philological weaknesses). It completely overlooks the question of the correlation of *The Lay* with 12th-century historical reality. Rybakov attacked Zimin's claim that *The Lay* could not have been a source for a chronicled narrative as in that case passages common to *The Lay* and *Zadonshchina* would have found their way into the chronicles. It would appear that Zimin is seeking the influence of *Zadonshchina*, a monument of the 14th-16th centuries, on 12th-century chronicles, something which would presume a «reversal» of the historical process. The crucial conclusion concerning *The Lay's* dependence on chronicles is in effect based on the single fact of the omission of one word in the later monument (the word *divno*, meaning wonderful, which occurs in *The Lay*, but not in *Zadonshchina)*.

Speaking of the linguistic constructions in the new monography, Fedot Filin, Corresponding Member of the Academy of Science, said that they did not take into account the totality of linguistic phenomena and the interconnections and interdependence of individual elements. The method of commenting isolated examples without taking into account the linguistic system of the monument is contrary to modern scientific standards.

Stressing the importance of Orientalisms for dating *The Lay*, Turkologists Dr. Nikolai Baskakov and Aisid Valitova presented a detailed analysis of *The Lay's* Oriental vocabulary on the basis of the latest etymologies (in particular, Lászlo Rásonyi's of 1961) and on new factual data from 10th—12th-century sources. They accused Zimin of bias in his

choice of examples from *The Lay* in order to prove his point that its Orientalisms are of a later date, while at the same time overlooking the totality of Oriental vocabulary in the work. Not being an Orientalist, his analysis of specific terms is unprofessional and unconvincing. He quotes outdated sources and etymologies and misquotes some authors (Sergei Malov, for example). Phonetically and grammatically, the Oriental inclusions in *The Lay* belong to Oguz-Kipchak stock (with influences of Volga-Bulgar pronunciation), i. e., to Turkic languages of the pre-Mongol period. Considering the state of Turkology at the time, Prof. Baskakov pointed out, no author of the 17th or 18th century could have achieved such a comprehensive representation of Bulgar-Uzo-Polovets vocabulary or such motifs of Turkic epos and mythology, the study of which began only a hundred years after Bykovsky's death.

The life and work of Joel Bykovsky, the latest candidate for *The Lay's* authorship, was thoroughly reviewed by Dr. Vera Kuzmina. In cooperation with Lyudmila Krestova she studied materials pertaining to Bykovsky in the archives of Yaroslavl and Kiev. She also studied his works, both printed and in manuscript. The Russian Orthodox Archimandrite Joel Bykovsky, she says, is a far cry from the cassocked Voltairian whom Zimin makes him out to be in analyzing his book, *Truth or Excerpts on Truth*, published in Yaroslavl in 1787. In his foreword Bykovsky says that he undertook to write his book because «having reached the age of 80, I have observed many false conceptions concerning the necessary in life, and especially, concerning Christianity». The book does contain excerpts from Lomonosov's works, Novikov's *Painter*, Chulkov's *Slav Fairy-Tales*, and from the works of Ovid, Cicero, Voltaire, Pope and the French Encyclopaedia. However, all of Bykovsky's quotations pursue the sole goal of clerical didactics and comprise sheer truisms. What does this «cassocked Voltairian» quote from Voltaire? From a manuscript translation of *Candide:* «Work removes three great evils: boredom, vice, and poverty». Another passage, from the anticlerical novel, *The History of the Princess of Babylon*, also contains nothing but a moral maxim: «Sincerity, honesty, frankness, magnanimity and courage constitute the disposition of a virtuous man». As to Bykovsky's poetic works, Vera Kuzmina finds that Zimin has ascribed to him 120 Latin verses written by Archbishop Georgi Konissky, his teacher at the Theological Academy in Kiev, and students of poetics. Having analyzed the language of Bykovsky's sermons, Vera Kuzmina comes to the conclusion that they do not reveal the lexical

and stylistic similarities with *The Lay* which Zimin speaks of in his monography.

Speaking at the debate, the present author remarked that of all the candidates to a Russian Macpherson Archimandrite Bykovsky is the least qualified. To tell the truth, he is hopelessly dull, as is testified by his elementary poetic dabblings and his tedious sermons. By no stretching of the imagination can that senile, mediocre old man be taken for the author of *The Lay of Igor's Host*. Historians and linguists ought to heed the views not only of philologists but also of poets and prose-writers, who would surely ridicule the notion. Although Zimin concedes the artistic value of both *The Lay* and *Zadonshchina* (unlike Mazon, who declares *Zadonshchina* a «pearl of creation» and *The Lay* an imitation and pastiche), one senses behind his praise an indifference to a work of art which he treats only as a document. But he is mistaken even as a historian.

Various approaches may be taken to the problem of *The Lay* versus *Zadonshchina*. If one starts out (quite naturally) by undertaking a philological and textological investigation, one immediately finds that neither Mazon's conjecture nor Zimin's embellishments to it stand up to criticism. Zimin had «discovered» several non-existent manuscripts which are alleged to lead from *Zadonshchina's* Extended Version to the MS which Bykovsky used. The Extended Version was providentially to have contained all the elements which Bykovsky needed. This does away with the Kirillo-Byelozyorsky Short Version which stands in the way of Zimin's reconstructions. The fact of the matter is, however, that only a «mosaic» of all extant manuscripts, including the Short Version, and not the Synodal MS alone, as Zimin assumes, provides an approximate rendering of *The Lay*.

In my work on *The Lay of Igor's Host* and *Zadonshchina* MS, published by the Kondakov Seminar in 1940 (and which greatly displeased Prof. Mazon), I showed that in a number of important readings *The Lay* comes closer to the Kirillo-Byelozyorsky MS than to the Synodal or Undolsky MSS. I also pointed out six important similarities in the Kirillo-Byelozyorsky MS and *The Lay*, as against all other sources. In his work published in 1962, Academician Gudzy drew attention to 11 more cases in which *The Lay* stands closer to the Kirillo-Byelozyorsky MS than to the others. After a thorough analysis, Solovyov has to date discovered fifty such common readings. On the basis of these examples, as well as many others (having compared all extant manuscripts of *Zadonshchina*),

I have come to the conclusion that the alleged 18th-century impostor had to possess an incredible (for his time) body of knowledge. He had to be in possession of all currently extant manuscripts of *Zadonshchina*, or at least of all manuscripts corresponding to these versions. Out of these sources he had to produce an ingenious mosaic which, strangely enough, yielded a better text than any of the *Zadonshchina* versions. If the alleged 18th-century impostor was not in possession of all currently extant manuscripts or versions, then he must have made use of the original, the protograph O, that dream of every publisher. And then he must have «barbarously destroyed» that manuscript, although the discovery and publication of the initial *Zadonshchina* manuscript should have been at least as rewarding as the publication of a «crazy-quilt concoction» of it in the form of *The Lay*. Zimin either skims over all the philological difficulties or ignores them. I have already mentioned that he has invented a magic manuscript which has taken the place of *Zadonshchina* protograph in his constructions. A simple but hardly valid procedure.

Several of the 32 speakers at the debate took Zimin's side. The philologist Dr. Yakov Lurie found Zimin's textological constructions to be extremely interesting, especially in respect of specific observations, and did not agree with Likhachov's definition of Zimin's constructions as «concoctions». Alexander Klibanov and Vladimir Kobrin rejected the possibility of dual faith in the 12th century and supported the idea of the purity of the Orthodox religion in Kiev and Suzdal Rus. This view was challenged by Likhachov and Sapunov, who spoke of the tenacity of the pagan gods in the minds of our distant forebears. To this may be added that pagan gods continued to live on in the West in medieval poetry and rhetoric and we can presume that they could also be mentioned in ancient Russian literature without leading the devout writers into temptation.

Speaking at the end of the debate, Prof. Zimin insisted on the originality of his ideas and stressed his differences with Prof. Mazon. He would undoubtedly have been better advised to have insisted on the originality and boldness of his textological constructions. He did agree in conclusion, though, that they should be verified once again. Zimin did not stop to refute most of the objections of his opponents, an attitude which evoked criticism on the part of some participants in the debate. In summing up the discussion, Academician Zhukov came to the conclusion that the author had not been able to offer convincing proof in support of his stand. Zhukov regretted that so much time, energy and means had been wasted

on the examination of a conception which did not deserve the attention given to it. The investigators of *The Lay* may have many unsolved problems, he concluded, but they cannot be resolved by the methods adopted by Prof. Zimin.

To conclude this review, it should be noted that the theories of Mazon and his follower Zimin have given rise to a considerable movement of ideas among scholars of ancient Russian literature, history and language. But it is increasingly apparent that without a rennovation of the sources of research, by merely endlessly recombining the same elements, one can at present do no more than refute the untenable conjectures of lovers of bold and unusual theories; one cannot add depth to the study of that remarkable monument of our ancient literature.

It is hard to believe that *The Lay* has reached us in the form it was written in the Middle Ages (presumably between the 12th and 14th centuries). Medieval manuscripts, even of religious context, in which the scribes took great pains to retain every letter, are known to have suffered considerable alterations in copying. We know several versions of *Zadonshchina*. Yet both defenders of the genuineness of *The Lay* and «skeptics» assume for some reason that its text is immutable, possibly because only one manuscript is known — and that the far from perfect publication of 1800. Medieval literary monuments resemble Gothic cathedrals, to which new embellishments in the shape of arcades, portals and cupolas in Renaissance or baroque style were added over the centuries. It was the poet, philologist and Slavist Alexander Vostokov who first pointed out in his *Studies of Russian Verse* that we are unable to judge even of the meter of *The Lay* as it could never pass unchanged through so many centuries «under the quills of stupid scribes». One should take into account, Vostokov wrote, that «in 600 years the very prosody of the Russian language has changed». And another important remark: why do the participants in the debates about *The Lay* make mention of only two «extreme» centuries, the 12th and the 18th, to the exclusion of all others? *The Lay* may not necessarily have appeared immediately after the event but in the 13th or 14th centuries, on the basis of an older legend (written or oral). It may have appeared in the 16th century (the date on the known manuscript) embellished with semi-baroque manneristic expressions which, to be sure, could be found in the rhetoric of the late Middle Ages. But to me one thing is clear: philologically it is impossible to prove that *Zadonshchina* (in any version) was written before *The Lay*.

I could note that the doubts expressed by some linguists concerning the pre-Mongol origin of *The Lay* are fed by observations of the vocabulary which would appear not to correspond to 12th-century Russian. An analysis of the vocabulary is apparently not enough. As to *The Lay's* poetics, no serious attempt has so far been made to compare it with Byzantine rhetoric and, what may be more important, with Western rhetoric of the close of the Middle Ages. We have every reason to believe that a further study of the poetics of *The Lay* will reveal several layers (lexical, stylistic, rhetorical) in that ancient monument and will confirm the utter insolvency of the hypothesis of borrowings from *Ossian* and other heroico-sentimental works of the age of pre-romanticism.

I could mention that in the 12th—13th centuries ancient rhetoric in the West and in Byzantium was renovated and influenced the literary works of the age.

In the 14th—15th centuries verbal exercises and other embellishments spread from Bulgaria and Serbia to Russia. Galicians are known to have studied in Italy in the 14th century, and in the 15th they taught at universities in Bologna and, possibly, Padua. The latest Polish investigations indicate that medieval Western poems written in Latin and embellished with rhetorical figures were known within the borders of Poland and the Western Rus in the 13th—14th centuries. Instead of ascribing to *The Lay* alien 18th-century poetics, it would be better to turn to the study of pre-Renaissance style and rhetoric of the 13th—14th centuries. Then such peculiar locutions as metaphors, metonymies, comparisons, epithets and repetitions, which in *The Lay* ascend as all European heritage to the Greek and Latin rhetoric of the 4th—5th centuries, will cease to embarrass and trouble us. The language and style of *The Lay of Igor's Host*, its artistic expressiveness and its language — this is what should attract us in the first place, and not a Pinkertonian search for an author who having turned to the creation of a pastiche or imposture suddenly found that he had created a masterpiece. Such miracles do not occur, and even Archimandrite Bykovsky was incapable of performing one.

Translated by Vladimir Talmy

IN BRIEF[4]

The Voprosi Istorii (Problems of History) magazine recently published new materials on *The Lay of Igor's Host* — on the time of its creation and its authorship.

A discussion of these questions was held at the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Science. Participating in it were historians, archaeologists, linguists and literary scholars. Among the 22 speakers were prominent scholars Boris Rybakov, Nikolai Gudzy, A. Artsykhovsky, Dmitri Likhachov, and F. Filin.

---

[4] После статьи И. Н. Голенищева-Кутузова даны два кратких редакционных сообщения (в рубрике «In Brief»), первое из них — о состоявшейся в Отделении истории АН СССР дискуссии и об информации о ней в журнале «Вопросы истории». Приводим это сообщение в переводе на русский язык Е. Г. Водолазкина.

«Журнал „Вопросы истории“ недавно опубликовал новые материалы по „Слову о полку Игореве“ — о времени его создания и его авторства.

Обсуждение этих вопросов состоялось в Отделении истории Академии наук СССР. В нем принимали участие историки, археологи, лингвисты и литературоведы. В числе 22 выступавших были выдающиеся ученые Борис Рыбаков, Николай Гудзий, А. Арциховский, Дмитрий Лихачев и Ф. Филин».

*В. С. Мингалев**

Когда же было написано «Слово...»?[1]

Более 150 лет занимает ученых вопрос о том, когда, где и кем написан замечательный памятник русской литературы «Слово о полку Игореве».

Интересна новая гипотеза — результат многолетнего труда доктора исторических наук А. А. Зимина, известного своими работами по истории феодализма. В своей работе А. А. Зимин подверг исследованию взаимоотношения дошедших до нас списков летописей, включающих рассказ о походе Игоря на половцев в 1185 г., произведений о Куликовской битве 1380 года («Задонщину» и «Сказание о Мамаевом побоище») со «Словом о полку Игореве», в тексте которого находятся фрагменты, дословно совпадающие с «Задонщиной». Проведенный А. А. Зиминым тщательный текстологический, историко-источниковедческий и лингвистический анализ произведений показал, что при написании «Слова о полку Игореве» автор использовал сюжет летописного рассказа и художественный стиль «Задонщины».

Основываясь на этом, А. А. Зимин пришел к заключению, что «Слово о полку Игореве» было написано во второй половине XVIII в., а его автором, по предположению А. А. Зимина, был первый владелец позднее погибшей рукописи архимандрит ярославского монастыря Иван (Иоиль) Быковский — человек для своего времени весьма образованный и талантливый.

---

* Статья подписана: *В. Мингалев.*

[1] Опубликовано на литовском и русском языках: Комсомольская правда (Комъяунимо тиеса). ⟨Вильнюс⟩, 1965. 27 нояб. Перепечатано под названием «Кто все-таки автор „Слова“?» в газете: Ленинская смена. ⟨Алма-Ата⟩, 1965. 16 дек. № 247. С. 4.

*Д. С. Лихачев**

Нужны ли слухи в науке?[1]

Да простят меня читатели, что я буду писать о слухах, о том, что говорят и досужие и совсем не досужие, а очень занятые люди, которым в остальных случаях вовсе не до слухов. Но слухи эти давно проникли в печать — и у нас, и за рубежом — и касаются весьма важной проблемы: проблемы подлинности «Слова о полку Игореве».

Доктор исторических наук Б. Поршнев пишет в своей статье «Извольте работать» (газета «Известия», 20 января 1965 г.): «Вот доктор исторических наук А. А. Зимин, говорят, предложил по-новому датировать „Слово о полку Игореве". Ученый представил обширное исследование. И вдруг в центральной печати появились рецензии на неопубликованную рукопись». Дело не в той «маленькой» неточности, которая допущена Б. Поршневым. «Рецензий» на неопубликованную рукопись А. А. Зимина в центральной печати не появлялось. Была статья академика Б. А. Рыбакова в защиту подлинности «Слова о полку Игореве» (газета «Известия», декабрь 1964 г.), в которой опровергались некоторые положения не опубликованной, но многим известной работы А. А. Зимина о «Слове», и был обширный отчет об обсуждении этой работы в «Вопросах истории» (1964 г., № 9). Дело и не в том давлении, которое пытается оказать Б. Поршнев в этом своем заявлении на мнение читателей, подчеркивая, что работа написана «доктором исторических наук» и что это «обширное исследование». Неудачные работы могут принадлежать и докторам наук и академикам, а обширность исследования еще не гарантирует его доброкачественности. Однако в основном Б. Поршнев прав: положение действительно создалось абсолютно ненормальное. О научной работе пишут так, будто бы она где-то

* В конце текста — подпись: *Д. Лихачев, член-корреспондент АН СССР* — и дата: *29.I.65*.

[1] Публикуемая впервые статья Д. С. Лихачева была отклонена редакцией «Известий». Она сохранилась в машинописной копии в архиве Д. С. Лихачева. На верхнем поле заглавного листа рукой Д. С. Лихачева написано: «Вместо этой статьи в „Известиях" напечатана статья А. Югова (6. II. 65)».

прячется. Ее нельзя прочесть. Она не опубликована. Это положение невыгодно прежде всего для сторонников подлинности «Слова о полку Игореве». Есть где-то какая-то неопубликованная работа, которая якобы «доказывает», что «Слово о полку Игореве» создано в XVIII веке гениальным архимандритом Иоилем, а опровергнуть ее доводы невозможно, потому что сама эта работа недоступна, о ней только «говорят». Это пушка, которая бьет с глубоко укрытых позиций невидимыми, но психологически очень ощутимыми снарядами: слухами. Специалисты не имеют возможности детально опровергнуть заключающиеся в ней положения, так как ссылаться на неопубликованную работу неэтично, да и читатели не смогут убедиться в правильном изложении точки зрения ее автора.

Могут сказать: «Но ведь подробный отчет об обсуждении работы А. А. Зимина опубликован в „Вопросах истории“». Да, но этот отчет об обсуждении имеет, мягко выражаясь, несколько странный характер. О том, что у А. А. Зимина существует работа по «Слову», которая и обсуждалась, а не одна только бесплотная «концепция», в отчете не говорится. Говорится лишь о «концепции» А. А. Зимина, которая, кстати, также отдельно и подробно не излагается. Излагаются лишь выступления по поводу «концепции» А. А. Зимина. Излагаются эти выступления подробно и в общем точно, но разве в этом дело? Может ли специалист удовлетвориться одним отчетом об обсуждении? Может ли ученый верить мнению других, хотя бы этих «других» и было большинство? Ведь новое в науке вначале всегда мнение одного. Только потом новая научная идея, если она правильна, завоевывает себе признание. Отчет, опубликованный в «Вопросах истории», только усиливает слухи. Слухи о работе А. А. Зимина продолжают ползти. Нет, они уже не ползут, а бегут и рвутся в печать. Их уже толпы. Они очень активны. «Говорят», что доктором исторических наук А. А. Зиминым написан обширный труд... «Говорят», что он что-то доказал... «Говорят», что он привел какие-то новые материалы, доказывающие... и прочее, и прочее. И вот издательство «Ауфбау» (ГДР) сняло с производства издание «Слова о полку Игореве» на немецком языке. Вот уже многие университеты за рубежом сняли из программ преподавания русской литературы «Слово о полку Игореве». И в этом виноваты только слухи и разговоры.

Зачем же плодить «разговоры», не публикуя работу А. А. Зимина? Пусть работа А. А. Зимина станет доступной, и пусть каждый

сам посмотрит: правильны или неправильны слухи о том, что А. А. Зимин что-то «доказал» и привел что-то новое.

Я работу А. А. Зимина читал и выступал по этой работе на ее обсуждении. Выдержки из моего выступления напечатаны в упомянутом мною отчете в «Вопросах истории». Мне поэтому уже нечего бояться, что меня обвинят в том, что я даю «рецензию на неопубликованную работу». Работа А. А. Зимина слабая и мало интересная для специалистов. В ней нет новых документальных материалов, она полна натяжек и разных малоубедительных соображений. Она варьирует уже существующую концепцию скептиков и при этом сильно ее ослабляет, нарушает ее стройность и последовательность. С моей точки зрения, сама работа А. А. Зимина — главный аргумент против его концепции. Но, характеризуя так неопубликованную работу, я должен заявить: до той поры, пока работа А. А. Зимина не будет доступна для всех, желающих с ней ознакомиться, — все мною сказанное о ней — только мое *личное* мнение, ни для кого не обязательное. Я не требую, чтобы это мое мнение принималось на веру. Я пишу о своем мнении, чтобы показать, что я настаиваю на публикации работы А. А. Зимина не потому, что вижу в ней нечто существенное, способное изменить существующую точку зрения на «Слово о полку Игореве». Работа А. А. Зимина должна быть доступной потому, что наука требует гласности. Науке вредят слухи. Наука нуждается в открытых дискуссиях.

Доказательств подлинности «Слова о полку Игореве» много. Частично они собраны в книге «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (М.; Л., 1962). Отдельные доказательства приведены мною в статье «Когда было написано „Слово о полку Игореве“» в № 11 «Вопросов литературы» за прошлый год. Пусть желающие обратятся к этим работам. Но если бы доказательств подлинности «Слова» и не было, а работа А. А. Зимина была сильной, то тут еще в большей мере следовало бы настаивать на том, чтобы сделать аргументацию А. А. Зимина доступной. Наука должна быть не только гласной, но беспристрастной. Она должна искать истину. В науке нельзя руководствоваться ложно понятым патриотизмом. Патриотизм стимулирует научные исследования, но не управляет их конечными выводами. Патриотизм не в том, чтобы приукрашивать историю своего народа или отстаивать существование несуществующего.

Спрашивается: в каком виде опубликовать работу А. А. Зимина?

Формы публикации могут быть различные. Мне представляется, что характер ее опубликования напрашивается сам собой. Ведь надо сделать доступной не только работу А. А. Зимина, но все то, что говорилось о ней специалистами на ее трехдневном обсуждении в Институте истории АН СССР. Поскольку отчет об этом обсуждении, напечатанный в «Вопросах истории», не дает полного текста выступлений, — необходимо размножить и работу А. А. Зимина, и стенограмму ее обсуждения, положить экземпляры во всех научных библиотеках. Дискуссия не может быть вычеркнута из истории нашей науки. В ней принимали участие виднейшие специалисты по Древней Руси — историки, филологи, археологи, искусствоведы, а также наши крупнейшие тюркологи.

Если А. А. Зимин захочет внести в свою концепцию новые изменения и улучшения, дополнительно возразить своим оппонентам, их надо публиковать отдельно, не нарушая тот текст, который обсуждался на дискуссии, чтобы не обессмысливать выступлений, которые, как я уже сказал, тоже нуждаются в опубликовании и не должны лежать под спудом.

Повторяю: наука требует гласности и открытых дискуссий. Величайший памятник русской культуры «Слово о полку Игореве» безусловно достоин того, чтобы вопрос о времени его написания был обсужден внимательно и публично.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I
БИБЛИОГРАФИЯ ПО ТЕМЕ ДИСКУССИИ

II
УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ

Библиография по теме дискуссии

I. Исследования 1963—1980 гг.*

Работы А. А. Зимина

1. Слово о полку Игореве: (Источники. Время создания. Автор). М., 1963 (ротапринт ИИ АН СССР. Тир. 101 экз.). Т. 1—3. 660 с.

   Отклик: *Зализняк А. А.* Лингвистические аргументы за и против подлинности «Слова о полку Игореве» // Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 5—179. ⟨Рассмотрены лингвистические аргументы А. А. Зимина со ссылкой на его книгу (экземпляр В. Л. Янина).⟩

2. Из истории архивного дела в России // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 96—97. ⟨К вопросу об отношении А. И. Мусина-Пушкина к пересылке в Синод древнерусских рукописей.⟩
3. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в. // История СССР. 1965. № 5. С. 159—173 (совм. с А. Л. Хорошкевич). ⟨По поводу «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» см. на с. 164—166.⟩
4. Две редакции Задонщины // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1966. Т. 24: Вопросы источниковедения истории СССР; вып. 2. С. 17—54. ⟨Назв. статьи в оглавлении: «К истории текста Задонщины».⟩

   Отклики: *Лихачев Д. С.* — см. № 76; *Danti A.* — см. № 57.

---

* Указаны научные работы по разным аспектам проблемы подлинности «Слова о полку Игореве», написанные и изданные по 1980 г. (год смерти А. А. Зимина). Исключение составляют изданные посмертно: фрагменты из книги А. А. Зимина о «Слове» (1992 г., см. № 17) и его книга о «Слове» (2006 г., см. № 18), а также статьи К. Троста (1982) и Р. Айтцетмюллера (1992), тематически связанные со статьями К. Троста (1974) и М. Хендлера (1977). В последние два десятилетия XX в. спор о подлинности «Слова о полку Игореве» затих (однако в этот период исследования «Слова» продолжались и был сделан ряд наблюдений, подтверждающих древность памятника, см. об этом: *Горский А. А.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»: современное состояние изучения // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Ярославль, 2001. С. 22—27). Что же касается работ скептиков, появившихся в первые годы XXI в. (в которых «Слово» датируется XVIII или XV в.), и откликов на них, то это уже новый этап дискуссии о времени создания «Слова».

5. К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» (опыт исторического анализа) // Исторический сборник. Чебоксары, 1966. С. 138—155. (Учен. зап. / НИИ ⟨языка, литературы и истории⟩ при Совете Министров Чувашской АССР; Вып. 31).
6. Приписка к псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве» // *РЛ*. 1966. № 2. С. 60—74. ⟨Ответ на статью В. П. Адриановой-Перетц (см. № 26).⟩

   Отклик: *Прийма Ф. Я.* — см. № 38.
7. Задонщина: (Опыт реконструкции текста Пространной редакции) // Ученые записки / НИИ ⟨языка, литературы и истории⟩ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Вып. 36: История, этнография, социология. С. 216—239. ⟨С публикацией реконструкции архетипа Пространной редакции «Задонщины» и комментариями.⟩
8. Когда было написано «Слово»? // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 135—152.

   Отклик: *Рыбаков Б. А., Кузьмина В. Д., Филин Ф. П.* — см. № 45.
9. Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // *РЛ*. 1967. № 1. С. 84—104. ⟨Отклик на работу Р. О. Якобсона и Д. С. Ворта «Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field» (Ed. by R. O. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963), на статьи Р. П. Дмитриевой, О. В. Творогова, Л. А. Дмитриева, Н. С. Демковой, А. Н. Котляренко, опубликованные в сборнике «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла» (№ 39), на статьи Д. С. Лихачева (№ 19, 21).⟩

   Рецензии и отклики: *Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О.* — см. № 41; *Лихачев Д. С.* — см. № 76; *Johannet J.* // *RÉS*. Paris, 1968. T. 47. P. 230—231.
10. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43—64.

    Отклики: *Кузьмин А. Г.* — см. № 49; *Соколова Л. В.* Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 210—215.
11. «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // Русский фольклор. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 212—224.
12. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // *АЕ* за 1967 год. М.: Наука, 1969. С. 41—58.

13. Текстология Пространной Задонщины // Ученые записки / НИИ ⟨языка, литературы и истории⟩ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1969. Вып. 47: История, этнография, социология. С. 91—111.
14. Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» // *ВИД*. Л.: Наука, 1970. Вып. 3. С. 233—249.
15. О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции *честь* — *слава* в светских текстах Киевского периода» (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1967. Вып. 198. Тр. по знаковым системам. Т. 3) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. 5. С. 464—468. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 284).

    Отклик: *Лотман Ю. М.* — см. № 61.

16. Задонщина: Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве / Выбор, подгот. ⟨текстов⟩ и коммент. А. А. Зимина. Тула: Приок. кн. изд-во, 1980. — 125 с.* (К 600-летию Куликовской битвы. Для старшего школьного возраста). ⟨Тексты Краткой и Пространной редакций и их переводы.⟩
17. «Слово о полку Игореве»: (фрагменты книги) // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 96—115.
18. Слово о полку Игореве / Отв. ред. В. Г. Зимина, О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 515 с.

    Рецензии и отклики: *Чернов А.* Отрицание отрицания: О книге А. А. Зимина // Чернов А. Хроники изнаночного времени: «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006. С. 26—35; *Андрончева А.* // У книжной полки. 2007. № 1. С. 80—81 ⟨в обзоре новых книг⟩; *Гедройц С.* // Звезда. 2007. № 3. С. 235—237 ⟨в обзоре новых книг⟩; *Данилевский И.* Загадку решить невозможно? // Знание — сила. 2007. № 3. С. 97—103 ⟨статья написана по материалам выступления на радиостанции «Эхо Москвы»⟩; *Котляр М.* 1) Рукописи не горять: Роздумі над книгою: (А. А. Зимин. «Слово о полку Игореве») // Український історичний журнал. 2007. № 3. С. 190—197; 2) Восставшая из пепла: Александр Зимин и «Слово о полку Игореве» // Родина. 2007. № 10. С. 40—43; *Пушкарев Л. Н.* А. А. Зимин. «Слово о полку Игореве» // Вопросы истории. 2007.

* Сдано в набор 14.12.1979. Подписано в печать 05.06.1980. А. А. Зимин умер 25 февраля 1980 г., так что книга, подготовленная ученым, вышла в свет после его кончины.

№ 11. С. 163—166; *Keenan E. L.* The Long-Awaited Book and the Bykovskii Hypothesis // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8, No. 4. P. 817—830; *Бобров А. Г.* «Заколдованный круг»: (О книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // *РЛ*. 2008. № 2. С. 65—118; *Зализняк А. А.* Проблема подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве» // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 29—39; *Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве»: взгляд из века XXI в век XVIII с предложением некоторых новых направлений исследования // Там же. С. 40—67; *Горский А. А.* О старом и новом «скептицизме» в вопросе о подлинности «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 68—86; *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и русская филология XIX—XX веков // Там же. С. 87—94.

Основные работы научных оппонентов А. А. Зимина и его сторонников*

19. *Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 132—160.

Отклики: *Зимин А. А.* — см. № 9; *Гудзий Н. К.* — см. № 27.

20. *Лихачев Д. С.* О названии «Задонщина» // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 474—475. (Труды / АН СССР. Ин-т истории СССР; Вып. 7).

21. *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «Задонщины»: (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // *РЛ*. 1964. № 3. С. 84—107; ср.: *Лихачев Д. С.* Нестилизационные подражания // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 191—211.

Отклики: *Дмитриева Р. П., Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* — см. № 41; *Зимин А. А.* — см. № 9; *Накамура Ё.* К вопросу о поэтике подражания в «Задонщине» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 158—162.

* В библиографии отражена полемика не только с А. А. Зиминым, но и с другими скептиками, поскольку многие положения в их гипотезах совпадали. Указаны также работы, не являющиеся непосредственным откликом на статьи А. А. Зимина, но содержащие важный материал по затронутым им вопросам.

22. ⟨*Кучкин В. А., Творогов О. В.*⟩. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121—140.

23. *Сапунов Б. В.* К истории изучения Тмутараканского камня // Тезисы докл. на юбил. науч. сессии Гос. Эрмитажа. Л.: Сов. художник, 1964. С. 89—90. ⟨Комментарий к «Слову о полку Игореве».⟩

24. *Mazon A.* «Тьмутороканьскый блъванъ» // *RÉS*. Paris, 1964. T. 43. P. 91—92. ⟨Ответ на статью О. В. Творогова «О воскрешении некоторых неоправданных предположений О. Сенковского» (*ИОЛЯ*. 1963. Т. 22, вып. 5. С. 432—434), содержащую критику статьи А. Мазона 1961 г. на эту тему.⟩

Отклик: *Соловьев А. В.* — см. № 30.

25. *Solovijev A.* Le rhapsode Bojan et le Prince Igor' dans le Dit d'Igor' et la Zadonščina // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague, 1964. Vol. 8. P. 46—60.

26. *Адрианова-Перетц В. П.* Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века // *РЛ*. 1965. № 2. С. 149—153.

Отклик: *Зимин А. А.* — см. № 6.

27. *Гудзий Н. К.* А. А. Шахматов о «Слове о полку Игореве» // *ИОЛЯ*. 1965. Т. 24, вып. 1. С. 3—6. ⟨В связи с концепцией А. А. Зимина и статьей Д. С. Лихачева «Когда было написано „Слово о полку Игореве"?» (см. № 19).⟩

28. *Котляр М. Ф.* Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // Український історичний журнал. 1965. № 1. С. 117—120.

Рецензия: *А. К.* // Byzantinoslavica. Praha, 1967. Roč. 28, No. 1. S. 233.

29. *Соловьев А.* К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла («Задонщина», «Летописная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище») // *РЛ*. 1965. № 2. С. 243—245. ⟨Отклик на статью: *Vaillant A.* Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai» // *RÉS*. Paris, 1961. T. 39, fasc. 1/4.⟩

30. *Соловьев А. В.* О «Тьмутороканском болване» проф. А. Мазона // *ИОЛЯ*. 1965. Т. 24, вып. 4. С. 346—347. ⟨По поводу

статей А. Мазона под названием «Тьмутораканский блъванъ» (*RÉS*. Paris, 1961. Т. 39; 1964. Т. 43) (см. № 24).⟩

31. *Golenishchev-Kutuzov I.* Problems of «The Lay of Igor's Host» // Soviet Literature: Monthly. ⟨Moskow⟩, 1965. No. 3. P. 137—144; то же в немецко-, испано-, польскоязычной версиях журнала. ⟨Краткое изложение и критика взглядов А. А. Зимина в сопоставлении со взглядами А. Мазона.⟩

32. *Mazon A.* Ivan Bykovskij, Ioïl' l'archimandrite et l'auteur de «La Vérité ou extraits de notes sur la Vérité» // *RÉS*. Paris, 1965. T. 44. P. 59—88. ⟨В заключение этой статьи А. Мазон поддержал мнение А. А. Зимина об архимандрите Иоиле Быковском как авторе «Слова о полку Игореве».⟩

   Отклик: *Кузьмина В. Д* — см. № 36.

33. Quelques données historiques sur le «Slovo d'Igor» et Tmutorokań par M. I. Uspenskij (1866—1942) / Traduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mazon et Michel Laran. Paris, 1965. (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves; T. 34). ⟨См. в этом изд. (p. 130) отклик А. Мазона на гипотезу А. А. Зимина.⟩

34. *Solovijev A. V.* Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague, 1965. Vol. 9. P. 97—105; см. также: Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 257—262. ⟨В 50 случаях Кирилло-Белозерский список стоит ближе к фразеологии «Слова», чем поздние списки «Задонщины».⟩

35. *Дмитриев Л. А.* «Новая» работа о «Слове о полку Игореве» // *РЛ*. 1966. № 2. С. 238—246. ⟨По поводу опубликованной Институтом славяноведения Парижского университета рукописи М. И. Успенского 1925 г. «Некоторые исторические данные о происхождении „Слова о полку Игореве“» (см. № 33).⟩

36. *Кузьмина В. Д.* Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве»? // *ИОЛЯ*. 1966. Т. 25, вып. 3. С. 197—207. ⟨Отклик на статью А. Мазона (см. № 32).⟩

   Отклик: *Прийма Ф. Я.* — см. № 56.

37. *Лихачев Д. С.* В поисках единомышленников // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 158—166. ⟨По поводу опубликования Институтом славяноведения Парижского университета

рукописи М. И. Успенского 1925 г. «Некоторые исторические данные о происхождении „Слова о полку Игореве“» (см. № 33).〉

38. *Прийма Ф. Я.* О гипотезе А. А. Зимина // *РЛ*. 1966. № 2. С. 75—89; то же под назв. «К спорам о подлинности древней поэмы: (О гипотезе А. А. Зимина)» // *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука, 1980. С. 46—72.

39. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова»: Сб. ст. / Ред. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.; Л.: Наука, 1966. 618 с.

С. 3—10: 〈*Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А.*〉. От редакторов; С. 13—126: *Адрианова-Перетц В. П.* Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве»; С. 127—196: *Котляренко А. Н.* Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве»; С. 199—263: *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве»; С. 264—291: *Дмитриева Р. П.* Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»); С. 292—343: *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»; С. 344—384: *Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»; С. 385—439: *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений; С. 440—476: *Демкова Н. С.* Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»; С. 477—523: *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище»; С. 524—525: *Салмина М. А.* Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина»; С. 526—532: *Творогов О. В.* О композиции вступления к «Задонщине».

40. *Jakobson R.* Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. Vol. 4: Slavic Epic Studies. 〈Отклик на гипотезу А. А. Зимина см.: Ibid. P. 656—704 (Retrospect), 738—751 (Postscript). Здесь же см. статью Р. О. Якобсона «L'authenticité du Slovo» (1948) с критикой концепции А. Мазона (р. 192—300); совместную с Д. С. Вортом текстологическую работу «Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field» (1963) о «Задонщине» (р. 540—602); статью «За шоломянем / за Соломоном» (1963) с критикой толкования А. Вайяна (р. 534—539).〉

41. *Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О.* По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины"» // *РЛ*. 1967. № 1. С. 105—121. ⟨Статью А. А. Зимина см. под № 9.⟩
42. *Котляр М. Ф.* Загадка Святослава Всеволодовича Київського // Український історичний журнал. 1967. № 6. С. 104—109. ⟨Автор пытается обосновать один из доводов А. А. Зимина в пользу позднего происхождения «Слова».⟩
Отклик: *Кузьмин А. Г.* — см. № 54.
43. *Крестова Л. В., Кузьмина В. Д.* Иоиль Быковский, проповедник, издатель «Истинны» и первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М.: Наука, 1967. С. 25—52.
Отклик: *Прийма Ф. Я.* — см. № 56.
44. *Лотман Ю. М.* Об оппозиции *честь* — *слава* в светских текстах Киевского периода // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Т. 3. С. 110—112. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 198).
Отклик: *Зимин А. А.* — см. № 15.
45. *Рыбаков Б., Кузьмина В., Филин Ф.* Старые мысли, устарелые методы: (Ответ А. А. Зимину) // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 153—176. ⟨Ответ на статью А. А. Зимина (см. № 8).⟩
46. *Соловьев А. В.* Словесная ткань «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday, 11 October 1966. The Hague; Paris: Mouton, 1967. Vol. 3. P. 1866—1875.
47. *Likhachev D. S.* The Authenticity of the Slovo o polku Igoreve: A Brief Survey of the Arguments // Oxford Slavonic Papers. New ser. 1967. Vol. 13. P. 33—46. ⟨Подлинность «Слова»: краткий обзор аргументов: Лекция, читанная 16 февраля 1967 г. в Оксфордском университете.⟩
Отклик: *Fennell J. L. I.* — см. № 53.
48. *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л.: Наука, 1968. 200 с.
49. *Кузьмин А. Г.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве»: (По поводу статьи А. А. Зимина) // История СССР.

1968. № 6. С. 64—87. ⟨Отклик на статью А. А. Зимина (см. № 10).⟩

50. *Робинсон А. Н.* 1) Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (типология, оригинальность, метод) // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов. Прага, авг. 1968 г. М., 1968. С. 49—116; 2) О закономерностях развития восточнославянского и западноевропейского эпоса в раннефеодальный период // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. М., 1973. С. 197. ⟨В частности, о датировке «Слова»: оно в основном было написано в 1185 г., а затем до начала XIII в. в него вносились добавления, связанные с событиями 1196, 1202 и 1205 гг.⟩

   Отклик: *Горский А. А.* К вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве» // *РЛ*. 1985. № 4. С. 21—28. ⟨Нет оснований видеть в «Слове» намеки на события, происшедшие позже середины 1188 г.⟩

51. *Соловьев А. В.* Шоломя или соломя? // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague, 1968. Vol. 11. P. 100—109. ⟨Объяснение слова *шоломя*; в оригинале «Слова» стояла архаичная форма *за соломенем*, из которого возникло неуместное выражение «Задонщины» с упоминанием Соломона; критика толкований этих выражений М. Горлиным и А. Вайяном.⟩

52. *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII веков: Сб. ст. М.: Наука, 1968. 447 с. ⟨С. 64—69: Вещие струны русской поэзии (первоначально опубл.: Неделя. 1963. 11—17 авг. № 33); с. 70—71: Историко-географический кругозор «Слова о полку Игореве» как произведения XII века; с. 416—421: Замечания на тезисы доклада А. А. Зимина.⟩

53. *Fennell J. L. I.* The Slovo o polku Igoreve: The Textological Triangle // Oxford Slavonic Papers. New ser. 1968. Vol. 1. P. 126—137. ⟨Отклик на статью Д. С. Лихачева (см. № 47).⟩

54. *Кузьмин А. Г.* Мнимая загадка Святослава Всеволодовича // *РЛ*. 1969. № 3. С. 104—110. ⟨Отклик на статью Н. Ф. Котляра (см. № 42).⟩

   Отклик: *Лихачев Д. С.* К статье А. Г. Кузьмина «Мнимая загадка Святослава Всеволодовича» // Там же. С. 110.

55. *Монгайт А. Л.* Надпись на камне. М.: Знание, 1969. 112 с. ⟨К вопросу о подлинности надписи на Тмутараканском камне и «Слова о полку Игореве».⟩

Рецензии и отклики: *Захаров В. А.* К вопросу о подлинности Тмутараканского камня // История СССР. 1969. № 5. С. 211—213; *Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихомиров Н.* Поддельные сомнения // Молодая гвардия. 1970. № 1. С. 294—301; *Кузьмин А. Г.* Существует ли проблема Тмутараканского камня? // Советская археология. М., 1969. № 3. С. 278—283; *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М., 1979; *Сапунов Б. В.* Еще раз к вопросу о подлинности Тмутараканского камня // Труды Гос. Эрмитажа. Л.: Аврора, 1970. Т. 11, № 2. С. 116—121. ⟨С откликом на полемику о подлинности «Слова».⟩

56. *Прийма Ф. Я.* К спорам об открытии «Слова о полку Игореве» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. ст. к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л.: Наука, 1969. С. 250—260. ⟨С публикацией «Реестра книгам» библиотеки Иоиля Быковского; отклик на статьи Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой об Иоиле Быковском (см. под № 36 и 43).⟩

57. *Danti A.* Criteri e metodi della editione della «Zadonščina» // Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università degli studi di Perugia. Roma, 1968/1969. Vol. 6. P. 187—220.

Отклик: *Лихачев Д. С.* — см. № 76.

58. *Likhachev D. S.* Further Remarks on the Textological Triangle: Slovo o polku Igoreve, Zadonshchina and the Hypatian Chronicle // Oxford Slavonic Papers. New ser. 1969. Vol. 2. P. 106—115. ⟨Дальнейшие замечания по поводу текстологического треугольника: «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и Ипатьевская летопись. Ответ на статью Дж. Феннела (см. № 53). С небольшими изменениями и добавлениями статья опубликована на русском языке (см. № 84).⟩

59. *Гумилев Л. Н.* 1) Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970. С. 305—345; 2) Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // *РЛ*. 1972. № 1. С. 73—82. ⟨«Слово» датируется серединой XIII в.⟩

Отклики: *Рыбаков Б. А.* О преодолении самообмана (по поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства») // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 153—159; *Дмитри-*

ев Л. А. К спорам о датировке «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Л. Н. Гумилева) // *РЛ*. 1972. № 1. С. 83—86.

60. *Баскаков Н. А.* 1) К этимологии собственных имен в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 38—45; 2) Мифологические и эпические имена собственные в «Слове о полку Игореве» // Восточная филология. Тбилиси: Мецниереба, 1973. Т. 3. С. 183—192; 3) Тюркизмы — социальная терминология в «Слове о полку Игореве» // Turkologika, 1986: К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 225—233; 4) Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М.: Наука, 1978. С. 59—68; 5) Река Каяла в «Слове» и река Сюурлий в русских летописях // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 241—248; 6) Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 207 с.

61. *Лотман Ю. М.* Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. 5. С. 469—474. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 284). ⟨Ответ на статью А. А. Зимина (см. № 15).⟩

62. *Мингалев В. С.* «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дисс. ⟨…⟩ канд. ист. наук. М., 1971. 16 с.

63. *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 204 с. ⟨В частности: датировка «Слова», оно датируется 1185 г. (см. с. 8—9, 277—282).⟩

Отклики (по поводу датировки «Слова») см.: *Горский А. А.* К вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве» // *РЛ*. 1985. № 4. С. 21—28 ⟨«Слово» создано в 1185 г. с добавлениями в 1188 г. либо целиком в 1188 г.⟩; *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 246—251.

64. *Рыбаков Б. А.* Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с. ⟨Предполагаемый автор «Слова» — киевский летописец Петр Бориславич.⟩

Отклик: *Франчук В. Ю.* — см. № 79.

65. *Králik O.* Archetyp Zádonštiny. Olomouc, 1972. 174 с. (Rossica Olomucensia. Vol. 8). ⟨Резюме (на русском языке) см. на с. 161—174.⟩

66. *Демкова Н. С.* 1) К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. Л., 1973. № 14: История, язык, литература; вып. 3. С. 72—77; 2) Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980. С. 67—82. ⟨«Слово» создано между июлем 1194-го и маем 1196 г.⟩

Отклики: *Яценко Б. И.* — см. № 80; *Горский А. А.* К вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве» // *РЛ*. 1985. № 4. С. 21—28; *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 246—251.

67. *Козырев В. А.* 1) Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах: Автореф. дисс. ⟨...⟩ канд. филол. наук. Л., 1973. 20 с.; 2) Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // *ТОДРЛ*. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 93—103. ⟨Обнаруженные диалектные параллели к гапаксам и «темным местам» «Слова» подтверждают, по словам автора, древность и подлинность памятника.⟩

68. *Gaumnitz H.* Wörterverzeichnis zur Zadonščina // Russia Mediaevalis. München, 1973. T. 1. S. 64—107.

69. *Moser Ch. A.* The Problem of the Igor Tale // Canadian-American Slavic Studies. Ottawa, 1973. Vol. 7, No. 2. P. 135—154.

70. *Fennell J., Stokes A.* Early Russian Literature. London: Faber & Faber, 1974. P. 191—206. ⟨Глава о «Слове» («The Tale of Igor's Campaign») написана Дж. Феннелом, она посвящена вопросу аутентичности произведения, рассматриваются аргументы А. Мазона и А. А. Зимина.⟩

Отклик: *Лихачев Д. С.* — см. № 84.

71. *Trost K.* Karamzin und das Igorlied: Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorliedes // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1974. Bd. 7. S. 128—145. ⟨Н. М. Карамзин как автор «Слова о полку Игореве».⟩

Отклики: *Прохоров Г. М.* — см. № 73; *Зализняк А. А.* О статье К. Троста (1974) «Карамзин и „Слово о полку Игореве“» // Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 209—215.

72. *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и скептики // Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1975. С. 348—363.
73. *Прохоров Г. М.* Снова подозревается Карамзин: (Еще одна гипотеза об авторе «Слова о полку Игореве») // *РЛ*. 1975. № 3. С. 235—239. ⟨Отклик на статью К. Троста (см. № 71).⟩
74. *Азбелев С. Н.* Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М.: Наука, 1976. С. 163—190.

    Отклик: *Лихачев Д. С.* — см. № 81.

75. *Дмитриева Р. П.* Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины»: (В связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве») // *РЛ*. 1976. № 2. С. 87—91. ⟨Анализ текстологических стемм Я. Фрчека, Р. О. Якобсона, Л. Матейки, стемма Р. П. Дмитриевой.⟩
76. *Лихачев Д. С.* Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»: (Исследование Анджело Данти) // *ТОДРЛ*. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 165—175; то же: *Лихачев Д. С.* Методика изучения истории текста и проблема взаимоотношения списков и редакций «Задонщины»: (Об исследовании Анджело Данти) // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. С. 278—295. ⟨В частности, упоминаются две статьи А. А. Зимина по текстологии «Задонщины» (см. под № 4 и 9).⟩

    Отклик: *Данти А.* — см. № 88.

77. *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // *РЛ*. 1976. № 2. С. 24—37; то же в кн.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. С. 40—75. ⟨В статье обосновывается принадлежность «Слова» к эпохе XII в.⟩
78. *Творогов О. В.* К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 150—157.

    Отклик см.: *Горский А. А.* Проблемы подлинности «Слова о полку Игореве»: современное состояние изучения // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой Рос-

сии, 27—29 авг. 2000 г., Ярославль—Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 23.

79. *Франчук В. Ю.* Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»?: (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // *ТОДРЛ*. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 77—92. ⟨Отклик на гипотезу Б. А. Рыбакова об авторе «Слова» (см. № 64).⟩

80. *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. Л., 1976. Т. 31. С. 116—122. ⟨«Слово» написано в 1198—1199 гг.⟩

Отклик: *Горский А. А.* К вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве» // *РЛ*. 1985. № 4. С. 21—28 ⟨аргументы Б. И. Яценко признаются неубедительными⟩; *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 246—251.

81. *Лихачев Д. С.* «Тактические умолчания» в споре о взаимоотношениях «Слова» и «Задонщины»: (По поводу работы С. Н. Азбелева) // *РЛ*. 1977. № 1. С. 88—93; то же в кн.: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. С. 329—340. ⟨Отклик на статью С. Н. Азбелева (см. № 74).⟩

82. *Aitzetmüller R.* Die Polonismen des Igorlieds // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1977. Bd. 9/1. S. 27—31.

Отклик: *Зализняк А. А.* О статье Р. Айтцетмюллера (1977) «Полонизмы в „Слове о полку Игореве“» // Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 222—227.

83. *Hendler M.* Der Verbalgebrauch im Igorlied // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1977. Bd. 9/1. S. 103—159.

Отклик: *Зализняк А. А.* О статье М. Хендлера (1977) «Употребление глаголов в „Слове о полку Игореве“» // Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 228—250.

84. *Лихачев Д. С.* «Текстологический треугольник»: «Слово о полку Игореве», рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина»: (К текстологическим замечаниям проф. Дж. Феннелла) // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978.

С. 296—309. ⟨Анализируются работы Дж. Феннела (см. № 53 и 70). Англоязычный вариант статьи Лихачева см. под № 58.⟩

85. *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. 360 с.; 2-е изд., доп.: Л.: Худож. лит., 1985. 352 с. ⟨не вошел ряд статей полемического характера⟩; 3-е изд., доп.: *Лихачев Д. С.* Избранное: «Слово о полку Игореве» и культура его времени; Работы последних лет. СПб.: Logos, 1998. 528 с.; 4-е изд., испр. и доп.: СПб.: Logos, 2007. 542 с.

86. *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / Пер. с англ. А. А. Алексеева. Л.: Наука, 1979. 268 с.

87. *Григорян В. М.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Сопоставление текстов // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 72—91.

88. *Данти А.* О «Задонщине» и о филологии: Ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л.: Наука, 1980. С. 71—91. ⟨Ответ на статью Д. С. Лихачева (см. № 76).⟩

89. *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI—XIII вв.): Очерки лит.-ист. типологии. М.: Наука, 1980. 336 с. ⟨С. 219—241: «Русская земля» в «Слове о полку Игореве»; с. 242—313: «Слово о полку Игореве» в ближайшем эпическом окружении; с. 314—335: «Слово о полку Игореве» и героический эпос Средневековья (вместо Заключения).⟩

90. *Trost K.* Die Germanismen des Igorlieds // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1982. Bd. 13. S. 25—28.

   О т к л и к: *Зализняк А. А.* О статье К. Троста (1982) «Германизмы в „Слове о полку Игореве“» // Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 216—221.

91. *Aitzetmüller R.* Zum Nominalgebrauch im Igorlied // Anzeiger für slavische Philologie. Graz, 1992. Bd. 21. S. 109—117. ⟨Статья задумана как дополняющая данные статьи М. Хендлера 1977 г. об употреблении глаголов в «Слове» (см. № 83).⟩

   О т к л и к: *Зализняк А. А.* О статье Р. Айтцетмюллера (1992) «К употреблению имен в „Слове о полку Игореве“» // Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 251—264.

II. Публикации о дискуссии (1963—2007)

Информационные статьи 1963—1965 гг.

1. *Струве Г. П.* Слово о полку Игореве — не памятник XII века?: Советская научная сенсация // Русская мысль. ⟨Париж⟩, 1963. 1 июня. № 2002. С. 6. Подпись: *Г. С.*
2. *Струве Г. П.* Еще о «Слове о полку Игореве» // Там же. 1963. 2 июля. № 2015. С. 3. Подпись: *Г. С.*
3. *Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* Когда же написано «Слово о полку Игореве»? // Смена. 1964. 11 марта. № 60. С. 3.
4. *Творогов О.* Памятник древнерусской литературы // Там же. 1964. 21 марта. № 69. С. 4.
5. К спору о «Слове о полку Игореве» // Русская мысль. ⟨Париж⟩, 1964. 23 июля. № 2181. С. 5. Подпись: *У.*
6. Когда и кто создал «Слово о полку Игореве»?: Дискуссия в Академии наук СССР // Смена. 1964. 23 сент. № 226. С. 2.
7. ⟨*Кучкин В. А., Творогов О. В.*⟩. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121—140.
8. *Струве Г. П.* К спорам о «Слове о полку Игореве»: Д. С. Лихачев и А. А. Зимин // Русская мысль. ⟨Париж⟩, 1964. 13 окт. № 2216. С. 5. Подпись: *Г. С.*
9. *Рыбаков Б. А.* По поводу одной концепции: К вопросу о создании «Слова о полку Игореве» // Известия. 1964. 22 нояб. № 279. С. 5.
10. *Смирнов Н.* Возобновился старый спор: Где, когда и кем написано «Слово о полку Игореве»: (О новых гипотезах советских ученых) // Русские новости. ⟨Париж⟩, 1964. 25 дек. № 1019. С. 3—4. ⟨Информация об обсуждении книги А. А. Зимина в Отделении истории основана на статье, опубликованной в «Вопросах истории» (№ 9 за 1964 г.).⟩
11. *Поршнев Б.* Извольте работать // Известия. 1965. 19 янв. № 14. С. 3. ⟨В частности, реплика по поводу статьи Б. А. Рыбакова (см. № 9).⟩
12. *Югов А.* Полно! // Известия. 1965. 6 февр. № 31. С. 5; то же в кн.: Слово о полку Игореве / Пер., коммент. и статьи А. Юго-

ва; Вступ. ст. акад. Б. Д. Грекова. М., 1970. С. 269—271. ⟨Ответ Б. Ф. Поршневу (см. № 11).⟩
13. *Мингалев В.* Когда же было написано «Слово...»? // Комсомольская правда (Комъяунимо тиеса). ⟨Вильнюс⟩, 1965. 27 нояб. (газета выходила на двух языках — литовском и русском); то же под назв. «Кто все-таки автор „Слова..."?» // Ленинская смена. ⟨Алма-Ата⟩, 1965. 16 дек. № 247. С. 4. ⟨Перепечатка из вильнюсской газеты.⟩
14. *Golenishchev-Kutuzov I.* Problems of «The Lay of Igor's Host»: (Transl. by Vladimir Talmy) // Soviet Literature: Monthly. ⟨Moscow⟩, 1965. No. 3. P. 137—144; то же в немецко-, испано-, польскоязычной версиях журнала.

История дискуссии в работах 1972—2007 гг.*

15. *Fennell J. L. I.* The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the Slovo // Russia: Essays in History and Literature / Ed. by Lyman H. Legters. Leiden: E. J. Brill, 1972. P. 1—17.
16. Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978. С. 247—248. ⟨Раздел написан Ю. А. Лимоновым. В сообщении об обсуждении книги А. А. Зимина допущены неточности. Так, о А. А. Зимине говорится как о докладчике, после выступления которого началась дискуссия.⟩
17. *Каштанов С. М.* Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог // История СССР. 1980. № 6. С. 152—157. ⟨О работе над «Словом» см. с. 155.⟩
18. *Кобрин В. Б.* Александр Александрович Зимин: Ученый. Человек // Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 294—309 ⟨о работе над «Словом» см. с. 296⟩; переизд.: Историческая наука России в XX веке. М.: Скрипторий, 1997. С. 353—368.

* См. также некрологи А. А. Зимину и другую литературу, указанную в статье о нем (раздел «Участники дискуссии»), и, кроме того, приведенные в первом разделе библиографии отклики на книгу А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» (СПб., 2006) И. Н. Данилевского, А. А. Зализняка, Н. Ф. Котляра, Л. Н. Пушкарева и др.

19. *Лурье Я. С.* 1) Об А. А. Зимине — источниковеде и текстологе //*ВИД*. Л.: Наука, 1982. Вып. 13. С. 329—331. ⟨О значении дискуссии по «Слову» см. с. 330.⟩
20. *Хорошкевич А. Л.* Памяти Александра Александровича Зимина // Историографический сборник: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. Вып. 10: Проблемы политической и классовой борьбы. С. 107—122. ⟨О текстологических работах по «Слову» и «Задонщине» см. с. 112.⟩
21. *Waugh D. C.* A. A. Zimin's Study of the Sources for Medieval and Early Modern Russian History // Essays in Honor of A. A. Zimin. / Ed. by D. C. Waugh. Columbus (Ohio): Slavica Publ., 1985. P. 1—58.
22. *Зимин А. А.* Обретение свободы / Публ. В. Г. Зиминой // Родина. 1990. № 8. С. 88—89. ⟨Фрагмент из неопубликованной рукописи А. А. Зимина «Слово и дело»: Страницы из дневника 1963—1977 гг. М., 1979. Л. 1—437 (Заключение).⟩
23. *Булахов М. Г.* Зимин Александр Александрович // Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Крат. энциклопед. словарь. Минск, 1989. С. 109—110.
24. *Кобрин В. Б.* ⟨Предисловие к публикации фрагмента из книги А. А. Зимина «Витязь на распутье»⟩ // Родина. 1990. № 8. С. 83—84.
25. *Панеях В. М.* Об издании научного наследия А. А. Зимина // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 187—188.
26. *Сапунов Б. В.* А. А. Зимин и датировка «Слова о полку Игореве» // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Москва, 13—18 мая 1990 г.: В 2 ч. М.: ИИ СССР, 1990. Ч. 2. С. 242—245.
27. *Кобрин В. Б., Лурье Я. С., Хорошкевич А. Л.* Послесловие // Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 212—218. ⟨О работе А. А. Зимина над книгой по «Слову» см. на с. 213—214.⟩
28. *Кобрин В.* Кому ты опасен, историк? М.: Моск. рабочий, 1992. С. 177—180, 187—191.
29. *Панеях В. М.* Панорама истории России XV—XVI веков А. А. Зимина: К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 77—78.

30. *Формозов А. А.* ⟨Вступ. ст. к публ.: Зимин А. А. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги)⟩ // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 96—102.
31. *Рождественская М. В.* Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (по архивным материалам) // *ТОДРЛ*. СПб.: Наука, 1993. Т. 46. С. 191.
32. К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: (Из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публ. Л. В. Соколовой // *РЛ*. 1994. № 2. С. 232—268; № 3. С. 213—245.
33. *Лурье Я. С.* Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей: Человек в истории, 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 194—208.
34. *Творогов О. В.* 1) Зимин Александр Александрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: ⟨В 5 т.⟩. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 222—225; 2) Скептический взгляд на «Слово» // Там же. Т. 4. С. 306—311.
35. *Володихин Д. М.* Очерк методологии А. А. Зимина // Вестник Университета Российской Академии образования. М., 1996. № 1. С. 30—47.
36. *Ганелина И. Е.* Я. С. Лурье: история жизни // In Memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье / Сост. Н. М. Ботвинник и Е. И. Ванеева СПб.: Atheneum; Feniks, 1997. С. 29.
37. *Лурье Я. С.* О научных воззрениях В. И. Малышева // Там же. С. 70—78.
38. *Зимин А. А.* «Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут...»: (Из воспоминаний А. А. Зимина) / Вступ. ст., коммент. и подгот. текста к публ. В. Г. Зиминой // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 57—85; то же в изд.: Александр Александрович Зимин / Сост. В. Г. Зимина, Л. Н. Простоволосова. М.: РГГУ, 2005. (Сер. «История и память. Учителя»). ⟨Глава «Дети становятся взрослыми» из неопубликованной книги «Храм науки: Воспоминания о прожитом», содержащая рассказ Зимина о преподавании в МГИАИ; в частности, Зимин называет учеников, помогавших ему «в годы борьбы за „Слово“», пишет о спецкурсе по «Слову», который вел трижды начиная с 1964 г., скрыв тему спецкурса под названием «Источники по истории русской общественной мысли XII—XVIII вв.», и о дипломах, написанных по теме спецкурса.⟩

39. *Каштанов С. М., Чернобаев А. А.* 1) А. А. Зимин (1920—1980) // Историки России XVIII—XX вв. М.: Ист.-арх. ин-т, 1998. Вып. 5. С. 133—148; 2) Зимин Александр Александрович (1920—1980) // Историки России: Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 803—814.
40. *Илизаров С. С.* Разбуженные «Словом» А. А. Зимина // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Москва, 26—28 янв. 1995 г. М.: Рус. мир, 1999. С. 21—23.
41. *Каштанов С. М.* Александр Александрович Зимин: Штрихи к портрету // Там же. С. 7—9.
42. *Кожинов В. В.* История Руси и русского Слова: (Опыт беспристрастного исследования). 2-е изд., испр. и доп. М.: Алгоритм, 1999. С. 159—160. (Сер. «История России: Соврем. взгляд»); то же: М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 166—167.
43. *Баран Х., Душечкина Е. В.* Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева // Славяноведение. 2000. № 4. С. 50—78.
44. *Вовина-Лебедева В. Г.* Переписка А. А. Зимина и Я. С. Лурье (1951—1963 гг.) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М.: РГГУ, 2000. С. 114—120.
45. *Каштанов С. М.* 1) Александр Александрович Зимин (1920—1980) // Александр Александрович Зимин: Биобиблиогр. указ. М.: РГГУ, 2000. С. 7—53; 2) Александр Александрович Зимин (1920—1980) // Портреты историков: Время и судьбы: ⟨В 2 т.⟩. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 368—392. ⟨См. особ. 376—378.⟩
46. *Пушкарев Л. Н.* А. А. Зимин (из воспоминаний) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М.: РГГУ, 2000. С. 107—113.
47. *Филюшкин А. И.* 1) «Слово...», со слезами смешанное: Как гениальную древнерусскую поэму пытались объявить подделкой // Родина. 2002. № 11/12. С. 185—188.

Отклик: *Столярова Л. В.* — см. № 49.

48. Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: История одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) / Подгот. текстов к печати, вступ. ст. и коммент. Л. В. Соколовой // *ТОДРЛ*. СПб.: Наука, 2004. Т. 56. С. 385—422.
49. *Столярова Л. В.* О «Слове» и пустословии // Древнейшие государства Восточной Европы, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2004. С. 332—337. ⟨Критический отклик на статью А. И. Филюшкина (см. № 47).⟩
50. *Keenan E. L.* Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003. P. 21, note 65; p. 25, note 80; p. XXI.
51. *Дубровский А. М.* Автобиографические рукописи А. А. Зимина // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения / Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2005. Ч. 1. С. 5—8.
52. *Шмидт С. О.* Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. М.: Наука, 2005. Т. 8 (126). С. 296—363. ⟨Об А. А. Зимине см. с. 350—351.⟩
53. Из писем Я. С. Лурье к А. А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / Подгот. текста и коммент. Е. И. Ванеевой; Вступ. ст. О. В. Творогова ⟨с коммент. «От редакции»⟩ // Звезда. 2006. № 2. С. 89—104.
54. *Гальперин Ч.* «Подлинник? Подделка? Опять подделка!»: Эдвард Кинан, Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве» // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana: Альм. СПб.: СПбГУ, 2007. № 1/2. С. 5—22. ⟨Реплику по поводу дискуссии с А. А. Зиминым см. на с. 8.⟩
55. *Запесоцкий А., Зобнин Ю., Михайлов А.* Д. С. Лихачев и А. А. Зимин: уроки научной полемики // Вестник Европы. СПб.: С.-Петерб. гуманит. ун-т профсоюзов, 2007. № 21. С. 240—247.
56. *Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: Жизненный путь и научная судьба: К 100-летию со дня рождения // Славянский альманах, 2006. М.: Индрик, 2007. С. 394—422.

57. *Соколова Л. В.* Новые мифы о старом: (По поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana: Альм. СПб.: СПбГУ, 2007. № 1/2. С. 23—38. ⟨Отклик на выступление И. Н. Данилевского и др.⟩
58. *Шишкин И. Г.* Жизнь и творчество А. А. Зимина в современной историографии // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 306—319.*

* 25—26 февраля 2010 г. в Москве (РГГУ) прошли «Пятые Зиминские чтения: Международная научная конференция „Историк в России: между прошлым и будущим“». На первом пленарном заседании был прочитан ряд докладов, посвященных А. А. Зимину и его работе над «Словом». По материалам конференции традиционно будет издан сборник статей.

Участники дискуссии*

В данном разделе приводятся сведения об ученых, выступивших на обсуждении доклада А. А. Зимина в Пушкинском Доме и на обсуждении его книги в Отделении истории АН СССР, а также об ученых, чьи письменные отзывы о книге А. А. Зимина зачитывались или упоминались в выступлениях на дискуссии в Отделении истории. В качестве исключения в список участников дискуссии включен В. В. Виноградов, один из инициаторов обсуждения книги А. А. Зимина, тщательно редактировавший рукопись автора, присутствовавший на дискуссии, хотя и не выступавший. А. А. Зимин цитировал письмо В. В. Виноградова организаторам дискуссии, в котором содержалась характеристика его работы.

Ученая степень и звание участников дискуссии указываются на момент дискуссии, затем приводятся последующие ученые степени и звания. Год присуждения докторской степени, как и кандидатской, указывается по году защиты диссертации. Приводятся краткие биографические сведения о научной и педагогической деятельности участников дискуссии. Остальные сведения об ученых и их творчестве можно почерпнуть из литературы о них, указанной (по необходимости избирательно) в конце биографических статей. В разделе используются сокращенные названия учебных и научных заведений (Список сокращений см. на с. 780—788). Кроме того, при обозначении названий организаций, учреждений и их подразделений, а также должностей и ученых степеней используются общепринятые библиографические сокращения. При датах опускаются «г.» и «гг.». За значком «ромб» (◊) в литературе об ученых приведены справочные издания. Авторство статей в справочных изданиях указывается избирательно — главным образом в тех случаях, когда статьи представляют собой развернутые биографии ученых. Курсивом выделены названия изданий, включенных в Список сокращений.

---

* За консультации при написании этого раздела благодарю Т. Г. Иванову, И. И. Макееву и М. Б. Свердлова. Благодарю также Л. В. Левшун и А. А. Шайкина, приславших архивные сведения о В. Н. Новопокровской; Л. Н. Простоволосову, указавшую свою работу об А. Т. Николаевой; Л. И. Сазонову, уточнившую сведения об А. Н. Робинсоне, С. А. Семячко, указавшую неучтенную статью о Р. П. Дмитриевой, Е. И. Державину за сведения о ее статье об О. А. Державиной, находящейся в печати.

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ Варвара Павловна (1888—1972) — филолог, литературовед-медиевист, фольклорист; чл.-корр. АН УССР (1926) и АН СССР (1943).

Обучалась на Высш. женских курсах в Киеве (1906—1910), совмещая учебу с преподавательской работой в гимназии. С 1907 участвовала в работе Семинария рус. филологии проф. В. Н. Перетца. В 1912 сдала экстерном экзамены за ист.-филол. фак-т Киевского ун-та и была оставлена для подготовки к профессорскому званию, в 1914 выдержала магистерские экзамены. Параллельно преподавала на Высш. женских курсах А. В. Жекулиной в Киеве (1911—1914), затем на Высш. пед. курсах О-ва эксперимент. педагогики в Петрограде (1915—1917). В 1917 (после защиты магист. дисс.) была избрана экстраординарным проф. Петроградского учител. ин-та и командирована с группой профессоров в Самару для организации Самарского пед. ин-та. С 1921 работала одновременно в ряде учебных и научных учреждений Петрограда (Ленинграда): во 2-м Высш. Петроградском пед. ин-те (до 1919 Петроградский учител. ин-т), в ГИИИ (1921—1930), где преподавала на курсах по подготовке науч. сотр. и заведовала Отделом фольклора, в ИЛЯЗВ при ЛГУ (1921—1927), в Библиогр. комиссии при ОРЯС АН СССР (1921—1924) и Славян. отд-нии БАН (1924—1927). С 1934 по 1954 являлась ст. науч. сотр. Сектора др.-рус. литературы ИРЛИ, в 1947—1954 возглавляла этот Сектор, а в 1950—1951 одновременно и Сектор фольклора.

А.-П. — автор работ по самому широкому кругу вопросов истории, поэтики и лексикологии древнерусской литературы, связям литературы с фольклором, исследователь демократической сатиры XVII в. Значительное место в ее научном творчестве занимают работы, посвященные «Слову» и «Задонщине». См. о них: *Дмитриев Л. А.* «Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц // *ТОДРЛ*. 1974. Т. 29. С. 6—11; *Булахов*. С. 10—14; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 38—40. Письменный отзыв А.-П. о книге А. А. Зимина зачитывал на дискуссии Б. А. Рыбаков.

Библиогр.: Варвара Павловна Адрианова-Перетц / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Библиогр. сост. Р. И. Горячевой. М., 1963. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 4); См. также списки печатных трудов А.-П. и литературы о ней, составленные Н. Ф. Дробленковой, в:

ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 7—20 ⟨за 1907—1957 гг.⟩; Там же. 1969. Т. 24. С. 15—20 ⟨за 1957—1968 гг.: (Продолжение)⟩; Там же. 2001. Т. 52. С. 760—764 ⟨за 1968—1990 гг.: (Продолжение)⟩; Литература о жизни и деятельности В. П. Адриановой-Перетц за 1968—2000 гг. // Там же. С. 764—771.

Лит.: *Еремин И. П.* Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц // Там же. 1958. Т. 14. С. 21—32; *Астахова А. М., Путилов Б. Н.* К семидесятилетию Варвары Павловны Адриановой-Перетц // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 369—374; *Лихачев Д. С.* 1) Варвара Павловна Адрианова-Перетц (к 70-летию со дня рождения) // *ИОЛЯ*. 1958. Т. 17, вып. 3. С. 263—266; 2) Варвара Павловна Адрианова-Перетц // Там же. 1973. Т. 32, вып. 1. С. 100—103; 3) История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц // *ТОДРЛ*. 1969. Т. 24. С. 5—14; 4) *Лихачев. Прошлое — будущему.* С. 399—404; 404—406, 407—418; *Гудзий Н. К.* К семидесятипятилетию В. П. Адриановой-Перетц // *РЛ*. 1963. № 2. С. 264—266; *Дробленкова Н. Ф.* К 75-летию В. П. Адриановой-Перетц // *ИОЛЯ*. 1963. Т. 22, вып. 2. С. 153—155; *Кузьмина В. Д.* Варвара Павловна Адрианова-Перетц: (К 80-летию со дня рождения) // Там же. 1968. Т. 27, вып. 2. С. 174—176; Варвара Павловна Адрианова-Перетц: ⟨Некролог⟩ // *РЛ*. 1972. № 3. С. 253—254; *Дробленкова Н. Ф., Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С., Панченко А. М.* В. П. Адрианова-Перетц: ⟨Некролог⟩ // *ИОЛЯ*. 1973. Т. 32, вып. 1. С. 100—103; ⟨Статьи и воспоминания об А.-П.⟩ // *ТОДРЛ*. 1974. Т. 29: Памяти Варвары Павловны Адриановой-Перетц. С. 3—49; Материалы конференции: К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Варвары Павловны Адриановой-Перетц // Там же. СПб., 1992. Т. 45. С. 5—46. ◊ *СИЭ*. 1961. Т. 1. Стб. 219; *КЛЭ*. 1962. Т. 1. Стб. 88; *БСЭ*. 1970. Т. 1. С. 237; *Славяноведение в СССР*. С. 54; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 202; *ПЭ*. 2000. Т. 1. С. 324 (А. А. Волков); *Профессора РГПУ*. С. 16—17; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 21—22; *Пушкинский Дом*. С. 393.

АЗБЕЛЕВ Сергей Николаевич (р. 1926) — литературовед-медиевист и фольклорист; на момент дискуссии канд. филол. наук (1958), с 1984 докт. филол. наук, профессор (2009).

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1955). Сотрудник ИРЛИ с 1955 по 2001 (сначала Сектора др.-рус. литературы, а с 1960 Сектора устн.

нар. творчества). С 2001 в должности проф. читает курс источниковедения на ист. фак-те Новгородского гос. ун-та.

Автор исследований по древнерусской литературе и народному эпосу, в частности — о новгородском летописании, об историзме былин, фольклоризме средневековых памятников, в том числе фольклоризме «Задонщины» и «Слова» (о его работах по «Слову» и «Задонщине» см.: *Булахов*. С. 14; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 41—42).

Библиогр.: Хронологический список трудов Сергея Николаевича Азбелева // Русский фольклор. СПб., 1996. Т. 29. С. 286—294.

Лит.: С. Н. Азбелев // Бюллетень Санкт-Петербургского Дворянского собрания. СПб., 2008. № 3 (16). С. 17—28 ⟨в разделе «Кто есть кто»⟩. ◊ *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1991. Ч. 1. С. 13—14; *Российские фольклористы*. С. 8—9; *Пушкинский Дом*. С. 394.

АЛЬШИЦ Даниил Натанович (р. 1919) — историк, археограф, писатель (лит. псевдоним — Д. Аль); на момент дискуссии канд. ист. наук (1947), с 1983 докт. ист. наук; чл. Союза писателей СССР (с 1964).

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1945) и аспирантуру ГПБ (ныне РНБ) (1947). Работал библиографом ОР ГПБ (1948—1949, 1955—1984, с перерывом на период ареста по политическим мотивам). С 1972 преподавал в качестве совместителя в ЛГИК им. Н. К. Крупской (ныне СПбГУКИ), где после увольнения из ГПБ является штатным проф. кафедры режиссуры (с 1984). Читает также курс истории допетровской Руси на кафедре истории России и зарубеж. стран Республ. гуманит. ин-та СПбГУ.

Специалист в области политической истории России XVI в. Автор работ по «Слову», высказывал свою точку зрения на время создания памятника (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 49—50).

Библиогр.: Альшиц (Д. Аль) Даниил Натанович: Биобиблиогр. науч. трудов и худож. произведений: К 75-летию со дня рождения. СПб., 1994.

Лит: *КЛЭ*. 1978. Т. 9. Стб. 52; *Писатели Ленинграда*. С. 18; Ленинградские писатели-фронтовики, 1941—1985. Л., 1985. С. 40—41; *РЕЭ*. 1994. Т. 1. С. 48—49; *Сотрудники РНБ*. 2003. Т. 3. С. 49—52 (Л. А. Шилов); Писатели Рос-

сии: Автобиогр. современников. М., 1998. С. 29—34; *Профессора Санкт-Петербургского университета*. С. 18—20; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 36; *Русская литература XX века*. 2005. Т. 1. С. 67—69.

АРЦИХОВСКИЙ Артемий Владимирович (1902—1978) — археолог и историк; чл.-корр. АН СССР (1960).

Окончил археологич. отд-ние фак-та обществ. наук МГУ (1925) и аспирантуру РАНИОН (1929); в 1929 защитил канд. дисс., в 1940 — докт. С 1927 ассистент, с 1929 — доцент, а с 1937 проф. МГУ. В 1939 организовал и возглавил на ист. фак-те МГУ кафедру археологии; впервые ввел в университетское преподавание общий курс археологии. В 1952—1957 декан ист. фак-та МГУ. Одновременно науч. сотр., зав. Сектором полевых исследований и камеральной обработки в ГАИМК (позже ИИМК АН СССР, Ин-т археологии АН СССР) (1931—1960). С 1932 по 1962 возглавлял археологические работы в Новгороде, где в 1951 впервые открыты берестяные грамоты. Создатель и гл. ред. журн. «Советская археология» (1957—1978).

Специалист по славяно-русской археологии. Основные труды посвящены московским и новгородским древностям. Исследуя вооружение и быт дружины X—XII вв., обращался к «Слову», свидетельствующему о существовании русской дружинной поэзии (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 69—70).

Библиогр.: Артемий Владимирович Арциховский / Вступ. ст. В. Л. Янина; Библиогр. сост. А. П. Епифановой. М., 1973. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории; Вып. 12).

Лит.: *Янин В. Л.* Очерк научной деятельности Артемия Владимировича Арциховского // Новое в археологии: Сб. ст., посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972. С. 3—14; *Авдусин Д. А.* 1) А. В. Арциховский как археолог // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1978. № 6. С. 3—13; 2) А. В. Арциховский как руководитель семинара // Там же. 1989. № 2. С. 79—84; *Кызласов Л. Р.* Портреты учителей — создателей советской археологии // Там же. 1997. № 4. С. 3—29 ⟨об А. В. Арциховском см. с. 4—12⟩; ⟨К 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского: статьи и воспоминания⟩ // Российская археология. 2002. № 4. С. 5—6; 7—12; 12—19; 128—130; *Чернецов А. В.* К столе-

тию со дня рождения А. В. Арциховского // Краткие сообщения Института археологии. М., 2003. Вып. 214. С. 3—8; *Споров Д. Б.* Устные воспоминания об А. В. Арциховском: (К 100-летию со дня рождения ученого) // *АЕ* за 2002 год. М., 2004. С. 371—395. ◊ *МСЭ*. 1958. Т. 1. Стб. 579; *СИЭ*. 1961. Т. 1. Стб. 884—885; *БСЭ*. 1970. Т. 2. С. 306; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 266; Историки России XVIII—XX вв. М., 1999. Вып. 6. С. 124—133 (И. А. Дмитриева); перепеч. в кн.: *Историки России: Биографии*. С. 743—749; *Археологи Великого Новгорода*. С. 19—20; *Портреты историков*. Т. 1. С. 304—321 (Д. А. Авдусин); *Институт археологии*. С. 38—42; *ПЭ*. 2001. Т. 3. С. 582 (Л. А. Беляев); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 33—36; *Историки России XX в*. Т. 1. С. 61—62.

БАСКАКОВ Николай Александрович (1905—1996) — востоковед-тюрколог (лингвист, фольклорист, этнограф); докт. филол. наук (1950), профессор (с 1969); заслуж. деятель науки РСФСР (1967); поч. чл. ряда междунар. и зарубеж. обществ ориенталистов.

Окончил Ленинградский ин-т нар. образования (1925) и этнографич. отд-ние ист.-этнологич. фак-та МГУ по специальности «история, археология, этнография, языки, фольклор и литература тюркских народов» (1929). Был оставлен на кафедре тюркологии МГУ, одновременно работал в различных московских научных учреждениях, почти ежегодно в течение десяти лет выезжая в длительные командировки в места обитания тюрок; собрал богатейший материал по истории, этнографии, языкам тюркских народов, на основе которого опубликовал большое количество научных работ. В 1934 был удостоен учен. степени канд. филол. наук без защиты дисс., по совокупности печатных работ. В 1937—1938 и с 1943 работал науч. сотр. в московском академическом ин-те, в разные годы в результате реорганизаций называвшемся по-разному: Ин-т языка и письменности народов СССР АН СССР (в 1943), ИЯМ им. Н. Я. Марра АН СССР (с 1943), ИЯ АН СССР (с 1950); с 1989 вед. науч. сотр. лаборатории тюркских и монгольских языков ИЯ АН СССР на обществ. началах и гл. науч. сотр. Ин-та истории, языка и лит. Каракалпакского филиала АН Узб. СССР.

Преподавал в МГУ, в Московском ин-те востоковедения (с 1936), в МГПИ им. К. Либкнехта (в эвакуации, в 1939—1943), в МГПИ им. В. И. Ленина (с 1943).

Автор известной классификации тюркских языков, специалист в области теории и истории каракалпакского, уйгурского, ногайского, алтайского и др. тюркских языков, автор трудов по лексикографии и грамматике этих языков. В связи с дискуссией по книге А. А. Зимина обратился к исследованиям ориентализмов «Слова». Обобщающим трудом по этой теме явилась монография «Тюркская лексика в „Слове о полку Игореве"» (М., 1985) (см.: *Булахов.* С. 24—25; *Энциклопедия «Слова».* Т. 1. С. 88).

Библиогр.: Список печатных трудов профессора Н. А. Баскакова (1980—1994) // 90 лет Н. А. Баскакову: Н. А. Баскакову от коллег и учеников: Сб. ст. / Отв. ред. чл.-корр. РАН, акад. РАЕН Э. Р. Тенишев. М., 1996 (обл.: 1997). С. 33—42.

Лит.: *Тенишев Э. Р.* Николай Александрович Баскаков // Там же. С. 5—17; *Благова Ф., Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р.* Памяти Николая Александровича Баскакова // *ИОЛЯ.* 1997. Т. 56, № 3. С. 79—80. ◊ *Славяноведение в СССР.* С. 68—69; *Милибанд. Отечественные востоковеды.* Кн. 1. С. 134—136; *Ведущие языковеды мира.* С. 71—73.

БЕРКОВ Павел Наумович (1896—1969) — литературовед; чл.-корр. АН СССР (1960); с 1959 чл. Союза писателей СССР по секции критиков (1952); докт. honoris causa Берлинского ун-та им. Гумбольдта (1967).

В 1917—1918 учился на классич. отд-нии ист.-филол. фак-та Новороссийского ун-та (Одесса). В 1921—1923 продолжил обучение в Венском ун-те по отд-ниям славянской филологии и египтологии фак-та философии; в 1923 получил степень докт. философии Венского ун-та. В 1923—1928 работал заведующим 48-й школой в Ленинграде. Одновременно в 1925—1929 аспирант ИЛЯЗВ при ЛГУ, где в 1929 защитил канд. дисс. и продолжил работу в качестве ст. науч. сотр. и зав. учебной частью. В 1936 защитил докт. дисс. С 1931 работал в системе Акад. наук: в Ин-те книги, документа и письма АН, где заведовал отделом (1931—1937); в Ист.-археогр. ин-те (позднее ЛОИИ) (1935—1936); в ИРЛИ, где был одним из организаторов и учен. секр. Группы (ныне Отдел) по изучению рус. литературы XVIII в. (1936—1939); в ИЯМ им. акад. Н. Я. Марра (1938—1941). Научную работу совмещал с педагогической. Преподавал в ЛГПИ им. А. И. Герцена (1925—1926); на Высш. курсах

библиотековедения (1929—1933); в ЛИФЛИ (1934—1937); был доцентом, проф. и зав. кафедрой рус. литературы филол. фак-та ЛГУ (1937—1941). В 1941—1944 в эвакуации, проф. и зав. кафедрой рус. и всеобщ. литературы Киргизского гос. пед. ин-та, ст. науч. сотр. Киргизского филиала АН СССР (1944). В 1944—1969 продолжил преподавание в ЛГУ. По совместительству работал в ИРЛИ, в 1955—1969 возглавлял Группу по изучению рус. литературы XVIII в. Чл. Бюро и зам. пред. Комиссии по истории филол. наук при ОЛЯ АН СССР; чл. Текстологич. и Пушкин. комиссий при ОЛЯ АН.

Основные труды посвящены истории русской литературы XVIII—XX вв., древнерусской литературы и фольклора, взаимосвязи русской и зарубежных литератур, истории журналистики, литературному источниковедению и библиографии, книговедению и др. Автор статей о западноевропейских исследованиях и переводах «Слова» (см.: *Булахов.* С. 30; *Энциклопедия «Слова».* Т. 1. С. 104—105). Письменный отзыв П. Н. Беркова о книге А. А. Зимина на дискуссии зачитывал в извлечениях Д. С. Лихачев.

Библиогр.: Павел Наумович Берков / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Библиогр. сост. Р. И. Кузьменко и Н. Д. Кочетковой. М., 1982. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 14); Дополнения к библиографии П. Н. Беркова / Сост. Н. Д. Кочеткова // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова. С. 427—433.

Лит.: *Адрианова-Перетц В. П.* Павел Наумович Берков: (К 70-летию со дня рождения) // *ИОЛЯ.* 1966. Т. 25, вып. 6. С. 539—545; *Макогоненко Г. П.* Павел Наумович Берков: (К семидесятилетию со дня рождения) // *РЛ.* 1966. № 4. С. 248—253; *Лихачев Д. С., Серман И. З.* Павел Наумович Берков: ⟨Некролог⟩ // Там же. 1969. № 3. С. 241—244; *Лотман Ю. М.* Павел Наумович Берков // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1970. Т. 15: Литературоведение. С. 383—384; *Ласунский О.* П. Н. Берков и библиофильство // Собеседник: Портреты. Этюды. Исторические повествования. Очерки. Воронеж, 1973. С. 224—240; *Лихачев Д. С.* Павел Наумович Берков // Берков П. Н. История советского библиофильства. М., 1983. С. 3—21 (то же в кн.: *Лихачев. Прошлое — будущему.* С. 490—514); *Кочеткова Н. Д.* П. Н. Берков — исследователь русской литературы XVIII века // XVIII век. Сб. 21. С. 3—13. Воспоми-

нания о Павле Наумовиче Беркове, 1896—1969: Из истории рос. науки / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова, Е. Д. Кукушкина. М., 2005. ◊ *КЛЭ.* 1962. Т. 1. Стб. 561; *БСЭ.* 1970. Т. 3. С. 237; *Писатели Ленинграда.* С. 33—34; Книговедение: Энциклопед. словарь. М., 1982. С. 40; *Славяноведение в СССР.* С. 75—76; *РЕЭ.* 1994. Т. 1. С. 119; *Персональный состав РАН.* Кн. 2. С. 267; *Профессора РГПУ.* С. 44; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 103—104; *Пушкинский Дом.* С. 405.

БЕРНШТЕЙН Сергей Игнатьевич (1892—1970) — языковед. Окончил ист.-филол. фак-т Петроградского ун-та (1916). В 1919—1929 преподавал в нем (с 1924 ЛГУ) филологические дисциплины. Одновременно работал в Ин-те живого слова (1919—1923), где создал фонетическую лабораторию, и в ГИИИ (1920—1930), в котором открыл в 1923 кабинет по изучению звучащей поэтической речи. Составил фонотеку чтения поэтами своих стихов (Блока, Маяковского, Есенина и др.) (ныне хранится в Гослитмузее). С 1931 жил в Москве. В 1931—1935 работал в Радиокомитете, занимаясь языком радио, затем был проф. МПИ (с 1946 им. В. П. Потемкина) (1935—1947) и МГУ (1947—1954); в 1950—1954 являлся ст. науч. сотр. ИЯ АН СССР.

Автор трудов по фонологии и фонетике, орфоэпии, синтаксису, по вопросам поэтики и звучащей художественной речи. А. А. Зимин упоминает в своем выступлении отзыв С. И. Бернштейна о его книге.

Библиогр.: Список опубликованных трудов С. И. Бернштейна; Список основной литературы о С. И. Бернштейне / Сост. А. А. Леонтьев при участии Т. Н. Наумовой // Бернштейн С. И. Словарь фонетических терминов / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1996. С. 18—28; 29—30.

Лит.: *Леонтьев А. А.* Памяти Сергея Игнатьевича Бернштейна // *ИОЛЯ.* 1971. Т. 30, вып. 1. С. 102—103; *Левин Ю. И.* Сергей Игнатьевич Бернштейн: (Некролог) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 515—520; *Леонтьев А. А.* С. И. Бернштейн как фонетист // Бернштейн С. И. Словарь фонетических терминов. С. 7—17. ◊ *КЛЭ.* 1962. Т. 2. Стб. 570; *БСЭ.* 1970. Т. 3. С. 257; *Восточнославянские языковеды.* Т. 1. С. 19—23; *РЕЭ.* 1994. Т. 1. С. 128—129; *Ведущие языковеды мира.* С. 93—94.

ВАЛИТОВА Айслу Абдурахмановна (р. 1919) — востоковед-филолог; канд. филол. наук (1951).

Окончила ист. фак-т МГУ (1945). Науч. сотр. Ин-та востоковедения (с 1960 по 1968 Ин-т народов Азии) АН СССР (1950—1963), ИЭ АН СССР (1963—1965), ИМЛИ (с 1965). Канд. дисс. (опубликована в 1960) была посвящена поэтическим особенностям дидактической поэмы XI в. Юсуфа Баласагунского «Книга счастья» («Кутадгу билиг»), написанной на тюркском языке, о которой в сопоставлении со «Словом» говорила А. А. Валитова в своем выступлении на дискуссии.

Лит.: *Милибанд. Отечественные востоковеды.* Кн. 1. С. 215.

ВАЛК Сигизмунд Натанович (1887—1975) — историк, архивист; докт. ист. наук (1936, без защиты), проф. (1946).

Окончил ист.-филол. фак-т Санкт-Петербургского ун-та (1913). Участник Первой мировой войны. В 1918—1927 сотр. Петроградского ист.-рев. архива (ныне РГИА), одноврем. с 1924 сотр. Ин-та В. И. Ленина (позднее Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), С 1927 сотр. Ин-та истории РАНИОН, с 1932 сотр. Ин-та книги, документа и письма (с 1936 ЛОИИ АН СССР), в 1938—1939 зав. сектором. В 1920—1930-е преподавал в ЛГУ, ЛГПИ им. А. И. Герцена, ЛИФЛИ, в Археологическом, Историко-археографическом, Историко-лингвистическом ин-тах. В 1942—1944 находился в эвакуации, преподавал в Среднеазиатском ун-те (Ташкент), затем в МГИАИ (1943—1944). В 1944 возобновил преподавание на ист. фак-те ЛГУ и руководство сектором в ЛОИИ; работал также в ЦГИА СССР (ныне РГИА).

Один из основателей советского источниковедения и археографии. Исследователь истории российского революционного и общественного движения кон. XIX — нач. XX в. Консультант по вопросам издания сочинений В. И. Ленина. Основатель (1968) и отв. ред. ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины». Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список печатных трудов С. Н. Валка за 1914—1963 гг. / Сост. И. А. Бакланова // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвящ. 75-летию

проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 504—513; Список научных трудов С. Н. Валка за 1963—1972 гг. / Сост. И. А. Бакланова // *АЕ* за 1972 год. М., 1974. С. 291—292; Перечень печатных работ, посвященных жизни и научной деятельности С. Н. Валка // Валк С. Н. Избранные труды по археографии: Науч. наследие. СПб., 1991. С. 346—347.

Лит.: *Волк С. С., Ирошников М. П.* Сигизмунд Натанович Валк: (К 75-летию со дня рождения) // Проблемы источниковедения. М., 1963. Сб. 11. С. С. 524—527; *Семенова Л. Н., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н.* Сигизмунд Натанович Валк // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 308—316; *Шмидт С. О.* К 80-летию проф. С. Н. Валка // История СССР. 1968. № 2. С. 220—221; *Afferica, Joan.* Sigizmund Natanovich Valk, 1887—1975: ⟨Некролог⟩ // Slavic Review. 1975. December. P. 804—811; *Лурье Я. С.* Сигизмунд Натанович Валк (1997—1975): ⟨Некролог⟩ // *ТОДРЛ*. 1976. Т. 30. С. 367—368; *Иванова В. И.* Фонд С. Н. Валка в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // *ВИД*. 1976. Вып. 8. С. 313—323; ⟨Заседание памяти С. Н. Валка (17 февр. 1976)⟩ // *АЕ* за 1976 год. М., 1977. С. 280—288; *Пугачев В. В.* Сигизмунд Натанович Валк: (К 90-летию со дня рождения) // Историография и источниковедение: Сб. науч. трудов. М., 1979. С. 104—114; *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 243—247; *Ирошников М. П.* Выдающийся источниковед, археограф, архивист // Советские архивы. 1988. № 3. С. 36—44; *Чернуха В. Г.* С. Н. Валк — ученый и человек // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 31—46; К 100-летию со дня рождения С. Н. Валка // *АЕ* за 1988 год. М., 1989. С. 144—158; ⟨Статьи и воспоминания о С. Н. Валке⟩ // *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии. С. 7—17; 327—345; *Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г.* С. Н. Валк (1887—1975) // *ВИД*. 1998. Вып. 26. С. 299—316. ◊ *СИЭ*. 1962. Т. 2. С. 938; *БСЭ*. 1971. Т. 4. С. 261; *РЕЭ*. 1994. Т. 1. С. 203—204; *Историческая наука России*. С. 302—327 (В. Г. Чернуха); *Сотрудники РНБ*. 1999. Т. 2. С. 158—162 (Ц. И. Грин); *Профессора РГПУ*. С. 65; *Портреты историков*. Т. 1. С. 272—284 (В. Г. Чернуха, Р. Ш. Ганелин); *Историки России: Биографии*. С. 617—623 (В. Г. Чернуха); *Историки России XX в*. Т. 1. С. 149—150.

ВИЛИНБАХОВ Вадим Борисович (1924—1982) — историк; канд. ист. наук (1963).

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1960). В 1956—1966 мл. науч. сотр. ЛО Ин-та истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР, в 1966—1969 гл. библиограф, зав. справ.-библиогр. отделом Науч. б-ки ЛГУ, в 1969—1970 ст. науч. сотр. Лит.-мемор. музея Ф. М. Достоевского, в 1970—1971 учен. секр., в 1970—1973 ст. науч. сотр. Гос. музея истории религии и атеизма (до апр. 1961 Музей истории религии и атеизма АН СССР, ныне Гос. музей истории религии). Канд. дисс. написана на тему «Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси» (см. его статью: *Вилинбахов В. Б.* К истории огневого оружия в Древней Руси // Советская археология. 1960. № 1. С. 284—288); с этой темой было связано выступление В. Б. Вилинбахова на обсуждении книги А. А. Зимина.

Лит.: *Историки России XX в.* Т. 1. С. 165—166.

ВИНОГРАДОВ Виктор Владимирович (1895—1969) — лингвист и литературовед; академик (1946, не будучи чл.-корр.); акад.-секретарь ОЛЯ АН СССР (1950—1963); пред. Междунар. комитета славистов (1956—1958), с 1958 до конца жизни пред. Советского комитета славистов; чл. нескольких зарубежных академий.

Окончил в Петрограде Историко-филологический (1917) и Археологический (1918) ин-ты. В 1918 зачислен в Петроградский ун-т для подготовки к профессорскому званию. В 1920-е преподавал в Археологич. ин-те (1919—1927), в Петроградском (Ленинградском) ун-те (1920—1929, с 1922 проф.). В 1930 переехал в Москву, став проф. МГПИ и других вузов. В 1934 был арестован, в 1934—1936 и 1941—1943 был в ссылке, где продолжал свои исследования, в 1940 защитил докт. дисс. С 1944 проф., декан филол. фак-та (1944—1948), зав. кафедрой рус. языка (1945—1969) МГУ. Одновременно с 1944 по 1950 науч. сотр. ИЯМ АН СССР, ИРЯ АН СССР. Директор Ин-та языкознания (1950—1954) и ИРЯ (1958—1968) АН СССР. В 1968—1969 жил в Ленинграде, руководил Сектором ист. поэтики и стилистики рус. классич. литературы в ИРЛИ. Создатель и гл. ред. журн. «Вопросы языкознания» (1952—1969).

Автор трудов по истории русского языка, грамматике, лексике, фразеологии, языку и стилю русских писателей, текстологии, лексикографии и историографии. Его представление о языке «Слова» и датировке памятника отражено в работах по истории русского лите-

ратурного языка (см.: *Булахов*. С. 55—56; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 1. С. 198—199).

Библиогр.: Список трудов В. В. Виноградова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. ст. М., 1956. С. 299—309; Список трудов академика В. В. Виноградова ⟨за 1955—1964 гг.⟩ // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 469—472; Библиография трудов В. В. Виноградова в области лексикологии, фразеологии, семасиологии и лексикографии // Виноградов В. В. Избранные труды. ⟨Кн. 3⟩: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 301—304; Библиография трудов В. В. Виноградова по истории русского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды. ⟨Кн. 4⟩: История русского литературного языка. М., 1978. С. 312—314.

Лит.: *Сорокин Ю. С.* Академик В. В. Виноградов // *ИОЛЯ*. 1970. Т. 29, вып. 1. С. 83—87; *Костомаров В. Г.* Слово о Викторе Владимировиче Виноградове // Памяти акад. Виктора Владимировича Виноградова: Сб. ст. М., 1971. С. 3—13; *Вацуро В. Э.* В. В. Виноградов: ⟨Некролог⟩ // Временник Пушкинской комиссии, 1969. Л., 1971. С. 120—123; *Рождественский Ю. В.* 1) О работах акад. В. В. Виноградова по истории русского языкознания // Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 5—37; 2) Виноградовская школа в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 84—85; *Толстой Н. И.* Труды В. В. Виноградова по истории русского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды. ⟨Кн. 4⟩: История русского литературного языка. С. 1—9; *Чудаков А. П.* 1) В. В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX в. // Виноградов В. В. Избранные труды. ⟨Кн. 5⟩: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 285—315; 2) Семь свойств научного метода Виноградова // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова. М., 1995. С. 9—15; *Одинцов В. В.* В. В. Виноградов: Кн. для учащихся. М., 1983. (Сер. «Люди науки»); *Падучева Е. В.* В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // *ИОЛЯ*. 1995. Т. 54, № 3. С. 39—48; *Ревзина О. Г.* Язык и литература: учение академика В. В. Виноградова в свете современного гуманитарного знания // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1995. № 6. С. 83—89; *Бельчиков Ю. А.* Академик Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969): Традиции и новаторство в науке о русском языке. М., 2004. ◊ *КЛЭ*. 1962.

Т. 1. Стб. 979—980; *БСЭ*. 1971. Т. 5. С. 82; *Восточнославянские языковеды*. 1977. Т. 2. С. 89—122; *Славяноведение в СССР*. С. 111—112; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 59; *Ведущие языковеды мира*. С. 167—169; *Отечественные лингвисты XX века*. Ч. 1. С. 92—124; *Пушкинский Дом*. С. 417—418.

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ Илья Николаевич (1904—1969) — филолог, литературный критик, поэт, переводчик со многих европейских языков; докт. филол. наук (ИРЛИ, 1960); чл. Союза писателей СССР (с 1965).

Правнучатый племянник фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. С 1920 в эмиграции. Окончил Белградский ун-т (1925). В 1929—1933 жил в Париже, совершенствовался в изучении литературных памятников итальянского Возрождения в Высшей школе ист. и филол. наук при Сорбонне; в 1933 получил в Париже докторскую степень. В 1934—1938 приват-доцент Белградского ун-та, преподавал историю французского языка и литературы. В 1946 получил советское подданство, в 1955 вернулся на родину. С 1955 ст. науч. сотр. ИМЛИ, проф. МГУ, где в 1956—1958 читал курсы итальянской и французской литератур.

Специалист по сравнительному литературоведению, по романской и славянской филологии. Автор полемической статьи в антимазоновском сборнике «Заметки к Слову о полку Игореве», изданном в Белграде в 1941, и статьи 1965 о дискуссии 1964 по книге А. А. Зимина, опубликованной в переводе на англ. и др. языки (републикуется в наст. изд.) (см.: *Булахов*. С. 70; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 2. С. 36). На обсуждении книги А. А. Зимина Г.-К. выступил как его оппонент. Неизвестно, почему А. А. Зимин в письмах называет его в числе своих сторонников.

Библиогр.: *Голенищева-Кутузова И. В.* Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969) как славист: Крат. библиогр. обзор // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1970. Bd. 16. S. 208—213.

Лит.: *Жирмунский В. М.* Памяти И. Н. Голенищева-Кутузова (1904—1969) // *ИОЛЯ*. 1969. Т. 28, вып. 5. С. 457—479; *Лихачев Д. С.* Илья Николаевич Голенищев-Кутузов // *РЛ*. 1969. № 4. С. 175—180 (то же в кн.: *Лихачев. Прошлое — будущему*. С. 514—530); *Голенищева-Кутузова И. В.* «Я больше не в силах скрыться от страшного

зова России...»: К 90-летию со дня рождения И. Н. Голенищева-Кутузова // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 278—279. ◊ *КЛЭ*. 1964. Т. 2. Стб. 226; *Славяноведение в СССР*. С. 132; *Русская литература XX века*. 2005. Т. 1. С. 511—514.

ГОРЕЛОВ Александр Александрович (р. 1931) — фольклорист, литературовед; на момент дискуссии канд. филол. наук (1963), с 1989 докт. филол. наук; чл. Союза писателей СССР (1981).

Окончил рус. отд-ние филол. фак-та (1954) и аспирантуру (1957) ЛГУ. Работал в журн. «Нева» (1956—1959). В 1959—1961 науч. сотр. Сектора нар.-поэтич. творчества ИРЛИ, в 1961—1964 отв. секр. журн. «Русская литература». В 1964—1971 препод. филол. фак-та ЛГУ (в 1968—1969 доцент кафедры рус. филологии Ягеллонского ун-та в Кракове). С сент. 1971 по июль 2009 зав. Сектором (ныне Отдел) фольклора в ИРЛИ, ныне советник Отдела. Специалист по истории и текстологии русского и славянского фольклора и русской литературы XVI—XX вв. Предоставил А. А. Зимину краткий письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1991. Ч. 1. С. 123—124; *Российские фольклористы*. С. 36—37; *Пушкинский Дом*. С. 428; *Русская литература XX века*. 2005. Т. 1. С. 532—533.

ГУДЗИЙ Николай Каллиникович (1887—1965) — историк литературы; акад. АН УССР (1945), профессор (с 1922). Награжден орденом Ленина, др. орденами, а также медалями.

Окончил ист.-филол. фак-т Киевского ун-та (1911), с 1908 занимался в Семинарии рус. филологии проф. В. Н. Перетца. Преподавал в вузах Киева, Симферополя, Москвы (с 1922). Проф. кафедры истории рус. литературы МГУ (с 1922), зав. кафедрой рус. устн. нар. творчества (1941—1946). В 1941—1945 был деканом сначала филол. фак-та МИФЛИ, а затем филол. фак-та МГУ (в кот. влился филол. фак-т МИФЛИ). Он организовывал всю учебно-научную работу фак-та во время эвакуации в Свердловске. Руководил Отделом др.-рус. литературы и литературы XVIII в. в ИМЛИ (1938—1941 и 1945—1947); возглавлял Отдел рус. литературы (1945—1952) и Отдел украин. древ. литературы (1952—1961) в Ин-те литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР.

Основные исследования Г. посвящены древнерусской литературе, творчеству Л. Н. Толстого, русской и украинской литературам XVIII — начала XX в., вопросам текстологии, истории филологической науки. Он один из редакторов юбил. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, создатель первого учебника по истории древнерусской литературы для вузов (М., 1938), составитель хрестоматии по литературе XI—XVII вв. (М., 1935), автор работ, посвященных отдельным авторам и памятникам древнерусской литературы. Исследователь и издатель «Слова», участник полемики с А. Мазоном (см.: *Булахов*. С. 84—85; *Дмитриев Л. А.* Н. К. Гудзий — исследователь «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. 1993. Т. 46. С. 176—185; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 2. С. 68—73).

Библиогр.: Хронологический список трудов академика Академии наук УССР Николая Каллиниковича Гудзия // *ТОДРЛ*. 1957. Т. 13. С. 326—341; Библиография трудов Н. К. Гудзия; Основная литература о жизни и деятельности Н. К. Гудзия / Сост. А. К. Гудзий, В. И. Зайцев, А. Н. Робинсон // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии / Под ред. Д. С. Лихачева и В. И. Кулешова. М., 1968. С. 150—180, 180—182.

Лит.: Николай Каллиникович Гудзий: К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности. М., 1957; *Робинсон А. Н.* К семидесятилетию Н. К. Гудзия: (Очерк жизни и деятельности) // *ТОДРЛ*. 1957. Т. 13. С. 319—325; *Білецький О. І.* Микола Калeникович Гудзій: (До 70-річчя з дня народження) // Радянське літературознавство. 1957. № 3. С. 32—37; *Козьмин М. Б.* К семидесятипятилетию Николая Каллиниковича Гудзия // *ИОЛЯ*. 1962. Т. 21, вып. 3. С. 271—273; *Адрианова-Перетц В. П.*, *Дмитриев Л. А.* Памяти Н. К. Гудзия (1887—1965) // *ТОДРЛ*. 1966. Т. 22. С. 469—471; *Робинсон А. Н.* Памяти Н. К. Гудзия // Древнерусская литература и ее связи с новым временем: ⟨Сб. памяти Н. К. Гудзия⟩. М., 1967. С. 9—16; *Чичерин А. В.* Памяти Н. К. Гудзия // Вопросы русской литературы. ⟨Львов⟩, 1967. Вып. 3 (6). С. 28—39; Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии ⟨статья В. В. Виноградова «Научно-исследовательский путь Н. К. Гудзия», воспоминания В. П. Адриановой-Перетц, А. А. Назаревского, М. П. Алексеева, В. Д. Кузьминой, Д. С. Лихачева, В. И. Кулешова, В. В. Кускова, А. Н. Робинсона, П. Н. Беркова и др.; «Автобиография» Н. К. Гудзия на с. 127—144⟩; *Дейч Ал.*

Образ ученого: ⟨Рец. на сб.: Воспоминания о Николае Калликовиче Гудзии. М., 1968⟩ // Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 198—201; *Кашутина Е. С.* Архив Н. К. Гудзия в Научной библиотеке Московского университета // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1987. С. 96—119; *Мишанич А. В.* Николай Каллиникович Гудзий (1887—1965) // Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII—XVIII веков. Киев, 1989. С. 3—13; *Рождественская М. В.* Памяти Николая Каллиниковича Гудзия // *РЛ*. 1990. № 3. С. 211—213; *Кусков В. В.* Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы // *ТОДРЛ*. 1993. Т. 46. С. 170—175; *Маркелов Г. В.* Письма Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву // Там же. С. 194—198. ◊ *БСЭ*. 1972. Т. 7. С. 435; *МСЭ*. 1959. Т. 3. Стб. 220; *КЛЭ*. 1964. Т. 2. Стб. 435—436; *ПЭ*. 2006. Т. 13. С. 424—426 (Ю. А. Артамонов).

ГУСЕВ Николай Николаевич (1882—1967) — историк литературы, биограф Толстого, мемуарист; докт. филол. наук, профессор.

В 1907—1909 — секретарь Л. Н. Толстого. 4.08.1909 был арестован в доме писателя «за революционную пропаганду и распространение недозволенных книг» Толстого, осужден и сослан в Чердынский уезд Пермской губ. Вернувшись из ссылки в 1911, до конца жизни занимался исследованием жизни и творчества Толстого. Автор книги воспоминаний «Два года с Л. Н. Толстым» (М., 1912; 2-е изд. 1928), «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого» (М., 1958—1960. Т. 1—2) и др. книг. Текстолог, комментатор и публикатор сочинений писателя, участвовал в редактировании юбил. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого в 90 т. (М., 1928—1958). В течение многих лет науч. сотр. Музея Толстого в Москве, зав. ОР, в 1925—1931 был директором Музея. В последние годы ст. науч. сотр. ИМЛИ. Занимался педагогической деятельностью. Написал отзыв о книге А. А. Зимина в поддержку его концепции.

Лит.: *Опульская Л. Д.* 1) 75-летие Николая Николаевича Гусева // *ИОЛЯ*. 1957. Т. 16, вып. 2. С. 156—157; 2) Памяти Николая Николаевича Гусева // *ИОЛЯ*. 1968. Т. 27, вып. 2. С. 189—190; *Захарова Е. Т.* Дело Н. Н. Гусева — секретаря Л. Н. Толстого // Исторический архив. 1961. № 2. С. 226—228; *Шифман А. И.* Памяти Николая Николаевича Гусева // *РЛ*. 1968. № 1. С. 252—253; *Чагин Г. Н.* Чердынь:

Крат. ист. очерк. Пермь, 1972. С. 55—60 (разд. «Политическая ссылка»). ◊ *БСЭ*. 1972. Т. 7. С. 460; *КЛЭ*. 1964. Т. 2. Стб. 457—458. См. также на сайте: http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1804052363 ⟨статья А. А. Чернышева со списком работ Г.⟩.

ДЕРЖАВИНА Ольга Александровна (1901—1985) — литературовед; докт. филол. наук (1958), профессор.

Окончила филол. фак-т МГУ. В 1928—1942 работала учителем русского языка и литературы в школе. Одновременно (с 1939) обучалась в аспирантуре МПИ (впоследствии им. В. П. Потемкина). С 1956 науч. сотр. и учен. секр. Группы (ныне Отдел) др.-рус. литературы ИМЛИ. Преподавала древнерусскую литературу в МПИ им. В. П. Потемкина (в 1940-е), в Лит. ин-те им. А. М. Горького. Исследователь и публикатор сборников переводной новеллы XVII в., повестей эпохи Смуты. «Слову о полку Игореве» посвящена ее статья: «Образ Ярославны в творчестве поэтов XIX—XX вв.» («Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 186—190).

Лит.: *Державина Е. И.* Жила, работала много...: Памяти Ольги Александровны Державиной (22.06.1901—25.12.1985) // Отцы и дети московской лингвистической школы: Сб. ст. / Отв. ред. С. Н. Борунова ⟨в печати⟩ (эл. версию см. на сайте: http://www.voskres.ru/school/derjavina.htm). ◊ *КЛЭ*. 1964. Т. 2. Стб. 599; *Славяноведение в СССР*. С. 159.

ДМИТРИЕВ Лев Александрович (1921—1993) — литературовед; во время дискуссии канд. филол. наук (1953), с 1974 докт. филол. наук, с 1984 чл.-корр. АН СССР; удостоен Гос. премии РФ (1993, посмертно) в составе коллектива.

В 1941—1945 участник Великой Отечественной войны. После демобилизации окончил рус. отд-ние филол. фак-та ЛГУ (1950) и аспирантуру ИРЛИ (1953). В 1950—1993 сотр. Сектора др.-рус. литературы ИРЛИ.

Исследователь древнерусской литературы, житийных и исторических памятников, в том числе произведений Куликовского цикла («Сказания о Мамаевом побоище», «Задонщины»). Составитель и ред. 12-томной серии «Памятники литературы Древней Руси». Автор многих работ по «Слову», в том числе монографии «История

первого издания „Слова о полку Игореве“: Материалы и исследование» (М.; Л., 1960), издатель и комментатор «Слова», впервые в Большой сер. «Библиотеки поэта» (Л., 1952); библиограф «Слова», один из ред. Энциклопедии «Слова о полку Игореве». О его работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 89—91; *Энциклопедия» Слова»*. Т. 2. С. 116—120.

Библиогр.: Хронологический список трудов Льва Александровича Дмитриева ⟨за 1951—1981 гг.⟩ // *ТОДРЛ*. 1981. Т. 36. С. 397—404; Список трудов Льва Александровича Дмитриева за 1982—1992 гг.: (Продолжение) // Там же. 1993. Т. 48. С. 19—25; Хронологический список трудов Льва Александровича Дмитриева ⟨за 1951—1995 гг.⟩ // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995. С. 3—16.

Лит.: *Маймин Е. А.* 1) Лев Александрович Дмитриев: (К 70-летию со дня рождения) // *РЛ*. 1991. № 3. С. 193—196; 2) Лев Александрович Дмитриев // *ТОДРЛ*. 1993. Т. 48. С. 5—18; *Лихачев Д. С.* 1) Слово о Л. А. Дмитриеве // *РЛ*. 1993. № 3. С. 233—235; 2) Л. А. Дмитриев: (Опыт портрета) // *ТОДРЛ*. 1996. Т. 49. С. 3—4; *Демкова Н. С.* Русская житийная литература в исследованиях Льва Александровича Дмитриева // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 17—25; *Соколова Л. В.* Лев Александрович Дмитриев — исследователь «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 26—34; *Водолазкин Е. Г.* Первый год без Льва Александровича Дмитриева // *ТОДРЛ*. 1996. Т. 49. С. 5—9. ◊ *КЛЭ*. 1978. Т. 9. Стб. 277; *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1991. Ч. 1. С. 159—161; *Научная элита*. С. 260; *Славяноведение в СССР*. С. 163; *Персональный состав РАН*. Кн. 3. С. 202; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 281; *ПЭ*. 2007. Т. 15. С. 425—426 (С. А. Семячко).

ДМИТРИЕВА Руфина Петровна (1925—2001) — литературовед, текстолог; на момент дискуссии канд. ист. наук (1953), с 1982 докт. филол. наук; лауреат премии им. А. А. Шахматова по текстологии (1994).

Окончила ист. фак-т (1950) и аспирантуру (1953) ЛГУ. С 1954 по 1989 науч. сотр. и учен. секр. Сектора др.-рус. литературы ИРЛИ. Автор монографических исследований ряда древнерусских литературных и публицистических произведений, составитель «Библиографии

русского летописания». Цикл статей Д. посвящен анализу взаимоотношений списков «Задонщины» в сопоставлении с текстом «Слова», редакторской работе Ефросина. В результате всестороннего исследования она пришла к выводу, что Кирилло-Белозерский список Ефросина содержит вторичный текст «Задонщины», редакцию Ефросина. О ее работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 91—92; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 2. С. 121—123. Написала письменный отзыв о книге А. А. Зимина, переданный Л. А. Дмитриевым организаторам дискуссии.

Библиогр.: Хронологический список трудов Р. П. Дмитриевой: (Сост. О. А. Белоброва) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 466—471.

Лит.: 〈*Семячко С. А.*〉. Памяти Руфины Петровны Дмитриевой (14.IX.1925 — 23.VI.2001) // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. I—VI; *Руди Т. Р.* Руфина Петровна Дмитриева (1925—2001) // *ТОДРЛ*. 2003. Т. 53. С. 667—668. ◊ *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1991. Ч. 1. С. 161—162; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 283; *Пушкинский Дом*. С. 438; *ПЭ*. 2007. Т. 15. С. 428—429 (С. А. Семячко).

ДРУЖИНИН Николай Михайлович (1886—1986) — историк; академик (1953; чл.-корр. с 1946).

Окончил экономич. отд-ние юридич. фак-та (1911) и ист.-филол. фак-т (1918) Московского ун-та. Участник Первой мировой войны, в 1919—1921 служил в Красной Армии. С 1920 преподавал на гуманит. фак-те Костромского гос. ун-та. В 1921—1924 сотр. Московского губполитпросвета, в 1926—1934 сотр. Музея революции СССР; одновременно с 1921 науч. сотр. (аспирант) Ин-та истории РАНИОН, с 1937 — науч. сотр., зав. сектором в ИИ АН СССР, в 1953—1964 пред. Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства в этом Ин-те. Преподаватель этнологич. фак-та МГУ (1929—1931), проф. ист. фак-та МГУ (1934—1952), МГПИ (1935—1939), ВПШ (1943—1945), АОН при ЦК КПСС (1946—1948). Специалист по истории России XIX в. (социально-экономической истории, истории революционных и общественных движений).

Библиогр.: Николай Михайлович Дружинин / Вступ. ст. Н. С. Киняпиной; Библиогр. сост. Р. И. Горячевой,

Н. М. Ансеровой. М., 1987. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории; Вып. 16).

Лит.: *Нифонтов А. С.* 90-летие академика Н. М. Дружинина // Вопросы истории. 1976. № 1. С. 128—133; *Галкин И. С.* Выдающийся советский историк академик Н. М. Дружинин // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 139—145; *Дмитриев С. С.* 1) Историк Н. М. Дружинин // Социально-экономическое развитие России: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина. М., 1986. С. 5—21; 2) Академик Николай Михайлович Дружинин: Его творчество, опыт, суждения // Вестник АН СССР. 1986. № 6. С. 94—103; *Рыбаков Б. А., Ковальченко И. Д., Киняпина Н. С.* Научно-педагогическая деятельность академика Николая Михайловича Дружинина: (К 100-летию со дня рождения) // История СССР. 1986. № 1. С. 69—76; *Гросул В. Я.* «Избранные труды» академика Н. М. Дружинина // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 169—173. ◊ *СИЭ.* 1964. Т. 5. Стб. 384—385; *БСЭ.* 1972. Т. 8. С. 513; *Персональный состав РАН.* Кн. 2. С. 72; *Портреты историков.* Т. 1. С. 347—358 (Б. Г. Литвак), 358—367 (Е. И. Дружинина); *Историки России: Биографии.* С. 601—607 (В. А. Федоров); *Энциклопедический словарь МГУ.* С. 128—130; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 296.

ЕВГЕНЬЕВА Анастасия Петровна (1899—1985) — лингвист; докт. филол. наук (1950), профессор (1954).

Окончила отд-ние рус. языка и литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена (1926). Работала учителем русского языка и литературы в ленинградских школах (1926—1938). С 1936 преподавала в ЛГПИ им. А. И. Герцена и ежегодно (до 1952) участвовала в диалектологических экспедициях по собиранию материалов для Диалектологического атласа русского языка. В 1941 окончила аспирантуру ЛГПИ, защитив канд. дисс., в 1947 — докторантуру ИРЛИ, защитив позже докт. дисс. С 1947 учен. секр. в ЛО ИРЯ АН СССР, с 1949 ст. науч. сотр. в Словарном секторе Ин-та; с 1951 зам. зав. Словарным сектором (по Группе Словаря древнерусского языка), вошедшим после ликвидации ИРЯ (1950) в состав ИЯ АН СССР (в 1958—1991 Словарный сектор ЛО ИЯ по *научной* линии был подразделением ИРЯ). После перевода Картотеки древнерусского словаря в Москву (в сент. 1952) работала в Словарном секторе над составлением словарей современного русского языка. Ред. «Словаря русского языка»

(М., 1957—1961. Т. 1—4), гл. ред. 2-го изд. этого словаря (М., 1981—1984), гл. ред. «Словаря синонимов русского языка» (М., 1970—1971. Т. 1—2). С 1963 участвовала в подготовке Словаря русского языка XI—XVII вв. как чл. редколлегии (вып. 1—14).

Преподавала в ЛГПИ им. А. И. Герцена (с 1936, в 1944—1947 доцент); с 1951 проф. на кафедре русского языка ЛПИ им. М. Н. Покровского, с 1953 зав. кафедрой; в 1957—1958 проф. кафедры русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена, в состав которого вошел ЛПИ им. М. Н. Покровского.

Специалист по истории русского языка, диалектолог, лексикограф, исследователь древнерусской литературы и фольклора, основатель лингвофольклористики. Автор статей о языке «Слова» (см. о них: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 2. С. 157—158).

Лит.: *Горелов А. А.* Анастасия Петровна Евгеньева // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 196—197; *Иванникова Е. А.* Анастасия Петровна Евгеньева, 1899—1985 // Русская речь. 1987. № 1. С. 70—75. ◊ Отечественные лексикографы XVIII—XX века. М., 2000. С. 303—312 (З. М. Петрова); *Профессора РГПУ.* С. 124—125; Словарь русского языка XI—XVII вв.: Справоч. вып. М., 2001. С. 109—111.

ЕМЕЛЬЯНОВ Леонард Иванович (1929—1996) — фольклорист, литературовед; во время дискуссии канд. филол. наук (1957), с 1977 докт. филол. наук.

Окончил рус. отд-ние филол. фак-та ЛГУ (1953) и аспирантуру ИРЛИ (1956). В 1955—1968 и 1973—1993 науч. сотр. ИРЛИ: с 1956 Сектора фольклора, с 1977 Сектора теории литературы. В 1968—1973 зам. гл. ред. журн. «Звезда». Исследователь русских исторических песен XIV—XVIII вв., автор работ о советских писателях. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Кто есть кто в русском литературоведении.* 1991. Ч. 1. С. 172; *Пушкинский Дом.* С. 442.

ЕРЕМИН Игорь Петрович (1904—1963) — литературовед-медиевист; докт. филол. наук (1937), проф.

Окончил ЛГУ по отд-нию языка и литературы фак-та обществ. наук (1924). С 1923 преподавал в ряде учебных заведений Ленинграда, в том числе на Высших курсах искусствоведения ГИТИСа, где в 1927—1931 читал курс русского фольклора. В 1934 был при-

нят в аспирантуру ИРЛИ и в том же году защитил канд. дисс. В 1934—1960 науч. сотр. Сектора др.-рус. литературы ИРЛИ, во время войны работал в блокадном Ленинграде. С 1938 одновременно проф. ЛГУ, читал курс русской литературы XI—XVIII вв., в 1957—1963 зав. кафедрой рус. литературы филол. фак-та ЛГУ, в 1950—1960 был деканом этого фак-та. В 1938—1941 по совместительству проф. кафедры рус. литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Исследователь древнерусской публицистики и учительной литературы, летописного повествования, художественной специфики древнерусской литературы, ее жанровых особенностей. Автор работ по жанру «Слова» (см.: *Дмитриев Л. А.* Исследователь «Слова о полку Игореве» И. П. Еремин // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 220—228; *Булахов*. С. 99—100; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 2. С. 167—171). Председательствовал на докладе А. А. Зимина в Пушкинском Доме 27.02.1963 и потому заключал прения.

Библиогр.: Хронологический список трудов И. П. Еремина (1904—1963) / Сост. Н. С. Демкова // *ТОДРЛ*. 1964. Т. 20. С. 425—431; Хронологический список трудов И. П. Еремина / Сост. Н. С. Демкова // Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 316—324.

Лит.: *Адрианова-Перетц В. П.* Памяти Игоря Петровича Еремина // *РЛ*. 1964. № 1. С. 239—240; *Берков П. Н.* Памяти проф. И. П. Еремина (1904—1963) // *ИОЛЯ*. 1964. Т. 23, вып. 1. С. 84—87; *Дмитриев Л. А.* Игорь Петрович Еремин: (Некролог) // *ТОДРЛ*. 1964. Т. 20. С. 418—424; *Лихачев Д. С.* Об Игоре Петровиче Еремине // Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 3—8; то же: *Лихачев. Прошлое — будущему*. С. 450—457; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение, 1917 — нач. 1930-х гг. М., 2004 (по указ.). ◊ *КЛЭ*. 1964. Т. 2. Стб. 891—892; *Профессора РГПУ*. С. 127; *Пушкинский Дом*. С. 442—443; *ПЭ*. 2008. Т. 18. С. 610—611 (Н. С. Демкова, С. А. Семячко).

ЖУКОВ Евгений Михайлович (1907—1980) — историк-японист, специалист по истории Японии в Новое и Новейшее время; академик (1958; чл.-корр. 1946); акад.-секретарь Отд-ния истории

АН СССР (1957—1971, 1975—1980); в 1972—1980 през. Комитета сов. историков при АН СССР.

Обучался в ЛИЖВЯ (с 1928 Ленинградский восточ. ин-т им. А. С. Енукидзе), после окончания которого (1929) преподавал в нем, а также в ЛГУ, Ист.-лингвистич. ин-те. В 1939—1941 и 1953—1957 сотр. ИИ АН СССР. В 1943—1950 директор Тихоокеанского ин-та АН СССР, одновременно проф. и зав. кафедрой ист. фак-та МГУ (1944—1946), зав. кафедрой в АОН при ЦК КПСС (с 1946). В 1950—1953 директор Ин-та востоковедения АН СССР. С 1954 по 1957 зам. директора ИИ АН СССР и руководитель Сектора по подготовке «Всемирной истории». С 1968 директор ИВИ АН СССР.

В качестве акад.-секретаря Отд-ния истории АН СССР организовал и провел по поручению Президиума АН СССР дискуссию по книге А. А. Зимина.

Библиогр.: Список основных работ академика Е. М. Жукова // Народы Азии и Африки. 1967. № 6. С. 150—155; Основные научные труды академика Е. М. Жукова, опубликованные за 1965—1976 гг.: (К 70-летию со дня рождения) / Сост. С. Д. Милибанд // Народы Азии и Африки. 1977. № 5. С. 194—198.

Лит.: *Подпалова Г. И.* Евгений Михайлович Жуков: (К шестидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1967. № 6. С. 148—150; 60-летие академика Е. М. Жукова // Вопросы истории. 1968. № 2. С. 166—170; Академик Евгений Михайлович Жуков: (К 70-летию со дня рождения) // Новая и новейшая история. 1977. № 6. С. 196—202; Евгений Михайлович Жуков // Вопросы истории. 1980. № 6. С. 188—189; *Удальцова З. В.* Памяти академика Е. М. Жукова // Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 198—206. ◊ *СИЭ*. 1964. Т. 5. Стб. 566; *БСЭ*. 1972. Т. 9. С. 239; *Милибанд. Отечественные востоковеды*. Кн. 1. С. 442—444; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 85; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 327—328.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Петр Андреевич (1904—1983) — историк; докт. ист. наук (1950), профессор (1951).

Окончил ист. фак-т МИФЛИ (1937). Участник Великой Отечественной войны. В 1944—1952 зав. ОР ГБЛ, в 1952—1954 директор Науч. б-ки МГУ. Одновременно с 1948 препод. (с 1951 проф.) кафедры истории России XIX — нач. XX в. ист. фак-та МГУ.

В 1959—1972 по совместительству проф. Горьковского гос. ун-та. Автор исследований по истории внутренней политики и военной истории России XIX в., крестьянской реформы 1861. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв на его книгу.

Библиогр.: Петр Андреевич Зайончковский: Библиогр. указ. М., 1974; 2-е изд. М., 1995 ⟨со списком литературы о З.⟩.

Лит.: *Мироненко С. В.* П. А. Зайончковский — археограф и библиофил // *АЕ* за 1979 год. М., 1981. С. 147—150; *Ананьич Б. В.* История России второй половины XIX века в трудах П. А. Зайончковского: (К 80-летию со дня рождения) // История СССР. 1984. № 5. С. 80—88; *Захарова Л. Г.* Петр Андреевич Зайончковский — ученый и учитель // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 171—179; Петр Андреевич Зайончковский, 1904—1983: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. ◊ *БСЭ*. 1972. Т. 9. С. 294; *Портреты историков*. Т. 1. С. 332—346 (Л. Г. Захарова); *Историки России: Биографии*. С. 750—757 (Л. Г. Захарова); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 136—137; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 337.

ЗИЛИТИНКЕВИЧ Сергей Сергеевич (р. 1936) — океанолог, математик; в 1964 — канд. физ.-мат. наук, с 1968 докт. физ.-мат. наук.

Окончил физ.-мат. фак-т ЛГУ. Во время дискуссии по книге А. А. Зимина — заведующий (директор) ЛО Ин-та океанологии АН СССР им. П. П. Ширшова. В 1998—2003 проф., зав. кафедрой метеорологии Упсальского ун-та (Швеция), в настоящее время проф. кафедры Марии Кюри (Marie Curie Chair) Хельсинкского ун-та (Финляндия), сотр. Финского метеорологического ин-та. Предоставил письменный отзыв о книге А. А. Зимина, зачитанный на дискуссии А. Н. Котляренко.

Лит.: *Djolov G. G.* Some modern features of boundary-layer meteorology: a birthday tribute for Sergej Zilitinkevich // Boundary-Layer Meteorol. 2007. Vol. 125. P. 161—165.

ЗИМИН Александр Александрович (1920—1980) — историк; докт. ист. наук (1959), профессор (1971); в 1956—1980 чл. Археогр. комиссии (в 1957—1963 чл. ее Бюро).

В 1938—1941 учился на ист. фак-те МГУ. Во время войны в эвакуации окончил ист.-филол. фак-т Среднеазиатского гос. ун-та в Ташкенте (1942). С дек. 1942 по янв. 1947 аспирант ИИ АН СССР, в 1947 защитил канд. дисс. С 1947 по 1980 работал в Ин-те истории (с 1968 Ин-т истории СССР) АН СССР: в Секторе истории СССР периода феодализма (1947—1960, 1967—1980) и в Секторе по написанию многотом. истории СССР (1960—1967), с 1951 ст. науч. сотр. По совместительству в 1947—1973 занимался преподавательской деятельностью: ст. препод. (1947—1950), доцент (1950—1970), проф. (1970—1973) МГИАИ, в 1951/1952 учебном году преподавал в МГУ, в 1967—1970 доцент МГПИ им. В. И. Ленина.

Специалист по истории России XI—XVIII вв.; занимался преимущественно проблемами социально-политической истории и общественной мысли России XVI в., вопросами историографии и источниковедения. О его работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 109—110; *Энциклопедия «Слова»*. С. 222—225.

Библиогр.: Список печатных трудов А. А. Зимина ⟨за 1941—1981 гг.⟩ / Сост. А. Л. Хорошкевич // *АЕ* за 1980 год. М., 1981. С. 274—284; Библиография трудов А. А. Зимина ⟨за 1941—1983 гг.⟩ / Сост. Дж. Афферика // Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. C. Waugh. Columbus (Ohio), 1985. P. 59—88; Александр Александрович Зимин: Биобиблиогр. указ. / Сост. В. И. Гульчинский. М., 2000.

Лит.: *Каштанов С. М.* 1) Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог // История СССР. 1980. № 6. С. 152—157; 2) Александр Александрович Зимин (1920—1980) // *АЕ* за 1980 год. М., 1981. С. 357—358; *Кобрин В. Б.* 1) Александр Александрович Зимин: Ученый. Человек // Исторические записки. 1980. Т. 105. С. 294—309; 2) Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 177—180, 187—191; *Alef G.* Aleksandr Aleksandrowich Zimin (1920—1980) // Slavic Review. 1980. Vol. 39, No. 2. P. 363—364; *Keenan E.* A. A. Zimin (1920—1980) // Kritika. 1980. Vol. 16, No. 1. P. 1—4; *Rüss H.* Alexandr Aleksandrowich Zimin (1920—1980) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980. Bd. 28, Hf. 3. S. 479—480; *Waugh D. Cl.* 1) Aleksandr Aleksandrowich Zimin (1920—1980) // The Russian Review. 1980. Vol. 39, No. 3. P. 390—392; 2) A. A. Zimin's Study of the Sources for Medieval and Early Modern Russian History // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus (Ohio), 1985. P. 1—58; *Kleimola A. M.* In Memory of A. A. Zimin (1920—1980) //

Soviet Studies in History. 1981. Vol. 20, No. 2; *Vodoff Wl.* A. A. Zimin (1920—1980) // *RÉS*. 1981. Vol. 53, No. 4. P. 627—631; *Вулетич В.* А. А. Зимин // Зборник за славистику: Матица Српска. Нови Сад, 1981. Број 20. С. 196—197; *Лурье Я. С.* 1) Об А. А. Зимине — источниковеде и текстологе // *ВИД*. 1982. Вып. 13. С. 329—331; 2) Из воспоминаний об А. А. Зимине // Одиссей: Человек в истории, 1993. М., 1994. С. 194—208; *Панеях В. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // *ВИД*. 1983. Вып. 14. С. 107—135; *Хорошкевич А. Л.* Памяти Александра Александровича Зимина // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 10. С. 107—122; *Hellie R.* A. A. Zimin, 1920—1980 // Russian History / Histoire Russe: Festschrift for Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920—1980). 1998. Vol. 25, No. 1/2. P. 5—6; Александр Александрович Зимин: ⟨Сб.⟩ / Сост. В. Г. Зимина, Л. Н. Простоволосова. М., 2005. ◊ *БСЭ*. 1972. Т. 9. С. 532; Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 468; то же во 2-м, 3-м и 4-м изд. словаря (1983, 1984, 1989); The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History / Ed. by J. L. Wieczynski. Academic International Press, 1987. Vol. 46, No. 80. P. 76—83 (R. Hellie); Ibid. 1993. Vol. 55, No. 89. P. 252 ff. (G. Alef); Great Historians of the Modern Age: An International Dictionary / Ed. L. Boia. New York; Westport (Conn.); London, 1991. P. 591—592 (В. Б. Кобрин, А. Л. Хорошкевич); *Историческая наука России*. С. 353—368 ⟨републикуется статья В. Б. Кобрина 1980 г.⟩; Иллюстративный энциклопедический словарь. М., 1997. С. 255; Историки России XVIII—XX веков. М., 1998. Вып. 5. С. 133—148 (С. М. Каштанов, А. А. Чернобаев); Историки России: Послевоенное поколение. М., 2000. С. 165—175 (В. А. Муравьев); *Портреты историков*. Т. 1. С. 368—392 (С. М. Каштанов); *Историки России: Биографии*. С. 803—814 (С. М. Каштанов, А. А Чернобаев); *Историки России XX века*. Т. 1. С. 349; *ПЭ*. 2009. Т. 20. С. 139—142 (А. Л. Хорошкевич).

КАЗАКОВА Наталия Александровна (1915—1984) — историк; докт. ист. наук (1964).

Окончила ист. фак-т ЛГУ (1939). В 1946 там же защитила канд. дисс. В 1954—1960 сотр. Сектора др.-рус. литературы ИРЛИ, в 1946—1948 и в 1961—1984 сотр. ЛОИИ, в 1961—1963 зав. Группой истории феодализма. Научную работу совмещала с преподаванием в ЛГУ. Специалист по истории общественной мысли

Древней Руси. Предоставила А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список трудов Н. А. Казаковой / Сост. А. Л. Хорошкевич, В. Ф. Андреев // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. № 3 (13). С. 239—244.

Лит.: *Дмитриев Л. А., Дробленкова Н. Ф., Лурье Я. С.* Наталия Александровна Казакова (17/30 XII 1915 — 23 XI 1984): (Некролог) // *ТОДРЛ*. 1988. Т. 41. С. 451—452. ◊ *Историки России XX в.* Т. 1. С. 390; *Пушкинский Дом.* С. 451.

КАШТАНОВ Сергей Михайлович (р. 1932) — историк; во время дискуссии — канд. ист. наук (1956), затем докт. ист. наук (1968), профессор (1990), чл.-корр. РАН (1997).

Окончил МГИАИ (1954), ученик А. А. Зимина. С 1956 науч. сотр. Сектора феодализма ИИ АН СССР (ныне ИРИ РАН), в 1995—2000 возглавлял Центр истории России в Средние века и раннее Новое время ИРИ РАН. С 2001 гл. науч. сотр., руководитель Центра спец. ист. дисциплин, теорет. и сравнит. источниковедения ИВИ РАН. Пред. Археогр. комиссии РАН (с 2002). Одновременно в 1972—1975 и. о. проф. МОПИ, с 1978 проф. кафедры источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин ИАИ РГГУ. Специалист в области дипломатики, социально-экономической истории России X—XVII вв., методологии истории, источниковедения, историографии. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список печатных трудов С. М. Каштанова ⟨за 1953—1994 гг.⟩ // *АЕ* за 1992 год. М., 1994. С. 308—316; Список печатных трудов С. М. Каштанова ⟨с 1995 г., продолжение⟩ // *АЕ* за 2002 год. М., 2004. С. 279—284; Список печатных трудов С. М. Каштанова ⟨за 1953—1997 гг.⟩ / Сост. Г. А. и О. И. Елисеевы, Л. В. Столярова, О. И. Хоруженко // У источника. Вып. 1: Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова: В 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 26—59.

Лит.: *Шмидт С. О.* У источника научной биографии С. М. Каштанова // У источника. М., 1997. Вып. 1, ч. 1. С. 19—25; *Столярова Л. В.* 1) О Сергее Михайловиче Каштанове // Там же. С. 7—18; 2) Проблемы истории феодальной России в творчестве Сергея Михайловича Каштанова // Ad fontem — У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова.

М., 2005. С. 7—77; *Королева С. Ю.* Юбилей Сергея Михайловича Каштанова // *АЕ* за 2002 год. М., 2004. С. 266—278. ◊ Кто есть кто в РГГУ. М., 1993. С. 118; 2-е изд. М., 1997. С. 95; *Персональный состав РАН*. Кн. 3. С. 328; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 411—412.

КЛИБАНОВ Александр Ильич (1910—1994) — историк; докт. ист. наук (1962), профессор.

Окончил фак-т обществ. наук ЛГУ (1932). В 1932—1933 работал в ленинградских издательствах, в 1933 отв. ред. и уполномоченный по Ленинграду Гос. антирелиг. изд-ва. В 1934—1936 учился в докторантуре АН СССР. В 1936—1941 был в заключении по политическим мотивам. В 1942—1945 препод. истории в средней школе Омской обл. и в Красноярском пед. ин-те. В 1946—1948 зав. отделом, зам. директора Музея истории религии АН СССР (Москва). В 1947 принят в ИИ АН СССР. В 1948—1954 вновь в заключении. В 1954—1993 науч. сотр. ИИ АН СССР (ныне ИРИ РАН). Автор работ по истории религии (в том числе сектантства), общественной мысли, истории реформационных движений в России XIV—XVI вв. В выступлении на обсуждении книги А. А. Зимина затрагивал вопросы язычества и христианства в «Слове».

Лит.: *Буганов В. И.* Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А. И. Клибанова // Исторические записки. 1977. Т. 98. С. 257—275. ◊ *РЕЭ*. 1995. Т. 2. С. 39—40; *Историки России XX века*. Т. 1. С. 426.

КОБРИН Владимир Борисович (1930—1990) — историк, источниковед, археограф; на момент дискуссии канд. ист. наук (1961), с 1984 докт. ист. наук, профессор.

Окончил ист. фак-т МГУ (1951). В 1951—1955 лектор, организатор лекционной пропаганды (с 1953 в Москве). В 1955—1958 аспирант кафедры истории СССР МПИ им. В. П. Потемкина. В 1957—1966 сотр. ОР ГБЛ. Чл. редколлегии «Записок ОР ГБЛ». В 1966—1989 преподавал в МГПИ им. В. И. Ленина, в 1989—1990 проф. кафедры вспомогат. ист. дисциплин МГИАИ. Автор работ по социально-политической истории России XV—XVII вв., историографии, источниковедению, генеалогии.

Библиогр.: Владимир Борисович Кобрин: Биобиблиогр. указ. / Сост. Р. Б. Казаков, Л. Н. Простоволосова; Вступ. ст. А. Л. Юрганова. М., 1999. (Сер. «Ученые РГГУ»).

Лит.: *Севастьянова А. А., Хорошкевич А. Л.* Владимир Борисович Кобрин (1930—1990) // *АЕ* за 1990 год. М., 1992. С. 327—328; *Эскин Ю. М.* Владимир Борисович Кобрин: (Из размышлений ученика) // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 204—216; *Маматова Е. П.* Владимир Борисович Кобрин: ученый, коллега, человек // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина. М., 1992. С. 11—15; *Панеях В. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобрина (1930—1990) // *ВИД*. 1993. Вып. 24. С. 304—315; *Юрганов А. Л.* Творческое наследие В. Б. Кобрина в контексте истории исторической науки // Отечественная история. 1993. № 1. С. 136—149 ⟨с публ. фрагментов отзыва К. о книге А. А. Зимина из личного архива К.⟩; *Эскин Ю. М., Юрганов А. Л.* Штрихи к портрету ученого, источниковеда, генеалога // Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995. С. 5—15. ◊ *РЕЭ*. 1995. Т. 2. С. 46—47; *Историки России XX века*. Т. 1. С. 433.

КОВТУН Людмила Степановна (Харбин, 1916 — СПб., 2001) — лингвист-лексикограф; с 1964 докт. филол. наук.

В 1939 поступила в МГПИ им. К. Либкнехта (ныне МПГУ) на фак-т языка и литературы, где участвовала в семинарах по древнерусской литературе (руководитель В. Д. Кузьмина). В 1943, будучи в эвакуации, окончила фак-т рус. языка и литературы Ферганского гос. пед. ин-та, работала учителем в школе. В 1944—1945 преподавала русский язык в Воен. ин-те иностр. языков в Москве (ныне Военный университет Мин-ва обороны РФ). В эти же годы была прикреплена к аспирантуре МГПИ им. В. И. Ленина по кафедре рус. языка и начала научную работу под руководством Б. А. Ларина, находившегося в Москве в эвакуации. В 1945 была принята в аспирантуру ЛО ИРЯ АН СССР, в 1948 защитила канд. дисс. по теме «Древние славяно-русские словари». В 1948 принята сотр. в Словарный сектор ЛО ИРЯ, в Группу Исторического словаря (Словаря древнерусского языка); в 1949 переведена в Группу Словаря современного русского литературного языка. Продолжала ра-

боту в ЛО Ин-та языкознания АН СССР, куда после ликвидации ИРЯ входил Словарный сектор (в 1958—1991 Словарный сектор ЛО ИЯ по *научной* линии был подразделением ИРЯ). С 1970 по совместительству проф. кафедры рус. языка ЛГУ. Автор трудов в области истории русской лексикографии древнего периода.

Лит.: Ковтун Людмила Степановна // Словарь русского языка XI—XVII вв.: Справоч. вып. М., 2001. С. 123—124 ⟨со списком осн. работ К.⟩.

КОНРАД Николай Иосифович (1891—1970) — востоковед (китаевед и японист), историк и филолог, создатель и глава советской школы японистики; акад. АН СССР (1958; чл.-корр. с 1934), профессор (с 1926).

Окончил китайско-япон. отд-ние восточ. фак-та Петербургского ун-та (1912) и японское отд-ние Практической восточ. академии в Петербурге. В 1914—1915 проводил этнографические исследования в Корее. По возвращении был зачислен в Петроградский ун-т для подготовки к профессорскому званию. В 1918—1922 работал в Орловском ун-те, с 1920 ректор. В 1922—1938 преподавал в Петроградском (Ленинградском) ун-те и Петроградском (Ленинградском) ин-те живых восточных языков (с 1928 Ленинградский восточ. ин-т им. А. С. Енукидзе). В 1920-х неоднократно бывал в Японии, изучая ее язык, литературу, историю и искусство. В 1930—1938 заведовал японским кабинетом Ин-та востоковедения АН СССР (Ленинград). В 1938 был арестован «за вредительство» (освобожден в 1941). В 1941—1949 препод. и зав. японской кафедрой Московского ин-та востоковедения. Одновременно с 1943 до конца жизни сотр. созданной в том же году Московской группы Ин-та востоковедения АН СССР, с 1944 до 1951 зав. Московской группой (в 1951 в Москву из Ленинграда переведена дирекция Ин-та).

Автор трудов по истории, языку, литературе, театру и культуре Японии, переводил японские памятники литературы, древнекитайские военные трактаты; в 1950—1960-х публиковал работы по общим проблемам мировой культуры и истории, вошедшие в его книгу «Запад и Восток» (М., 1966). Выдвинул концепцию «восточного Ренессанса», популярную среди отечественных ученых-гуманитариев в 1950—1970-х.

Библиогр.: Николай Иосифович Конрад / Вступ. ст. И. А. Борониной; Библиогр. сост. Р. И. Кузьменко. М., 1994. (Материалы к биобиблиогр. ученых. Сер. лит. и яз.; Вып. 20).

Лит.: *Файнберг Э. Я.* Академик Н. И. Конрад — историк Японии // Китай. Япония: История и филология. М., 1961. С. 167—181; Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967; *Брагинский И. С.* Об основных чертах литературоведческой концепции академика Н. И. Конрада: (К восьмидесятилетию со дня рождения) // Там же. 1971. № 2. С. 139—146; *Лихачев. Прошлое — будущему.* С. 346—350, 431—439; *Алпатов В. М.* Николай Иосифович Конрад: К столетию со дня рождения // Восток. 1991. № 2. С. 69—83; *Тамазишвили А. О.* К столетию Н. И. Конрада // Япония, 1991—1992: Ежегодник. М., 1994. С. 191—208; *Бадаев Е. В.* Формирование культурно-исторической концепции Н. И. Конрада: Автореф. дисс. ⟨...⟩ канд. ист. наук. Томск, 2008. ◊ *СИЭ.* 1965. Т. 7. Стб. 809—810; *КЛЭ.* 1966. Т. 3. Стб. 709; *БСЭ.* 1973. Т. 13. С. 37; *Милибанд. Отечественные востоковеды.* Кн. 1. С. 588—590; *Персональный состав РАН.* Кн. 2. С. 86; *Ведущие языковеды мира.* С. 379—381; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 459.

КОПАНЕВ Александр Ильич (1915—1990) — историк, исследователь рукописной и старопечатной книги; на момент дискуссии канд. ист. наук (1941), с 1974 докт. ист. наук.

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1938). С 1945 по 1969 работал библиографом, науч. сотр., зав. отделом в БАН. В 1970—1990 науч. сотр. ЛОИИ АН СССР. С 1975 пред. ЛО Археогр. комиссии АН СССР. Специалист в области археографии, историографии, источниковедения, социально-экономической истории России (прежде всего Русского Севера) XV—XVII вв. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв на его книгу.

Библиогр.: Список печатных трудов А. И. Копанева и литературы о нем ⟨за 1941—1991 гг.⟩/ Сост. Н. Ю. Бубнов // Александр Ильич Копанев: Сб. ст. и воспоминаний. СПб., 1992. С. 196—212.

Лит.: *Амосов А. А.* Александр Ильич Копанев (1915—1990) // *АЕ* за 1990 год. М., 1992. С. 325; *Маньков А. Г.* Александр Ильич Копанев (1915—1990) // *ВИД.* 1993. Вып. 24. С. 298—304; Сборник научных чтений, по-

священных памяти Александра Ильича Копанева (1915—1990): (К 90-летию со дня рождения). СПб., 2006. ◊ *Историки России XX века.* Т. 1. С. 460—461.

КОРОЛЮК Владимир Дорофеевич (1921—1981) — историк; на момент дискуссии канд. ист. наук (1948), с 1965 докт. ист. наук.

Окончил ист. фак-т МГУ (1943). С 1947 науч. сотр. Ин-та славяноведения (в 1968—1997 Ин-т славяноведения и балканистики) АН СССР, с 1965 руководитель Группы слав.-герман. отношений, с 1970 зав. Сектором истории Средних веков. Зам. гл. ред. журн. «Советское славяноведение» (с 1965). Автор исследований по вопросам формирования славянских народностей, развития феодальных отношений и государств у восточных и западных славян, истории этнического самосознания и политической идеологии средневековых славянских государств, историческим связям славянских народов, истории славистики в СССР. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *БСЭ.* 1973. Т. 13. С. 200; *Славяноведение в СССР.* С. 244—245; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 468.

КОТКОВ Сергей Иванович (1906—1986) — лингвист; докт. филол. наук (1952), профессор (1953).

В 1931—1933 учился на авторском отд-нии в Московском редакц.-издат. ин-те, куда был командирован Ивановской писательской организацией. После закрытия ин-та преподавал в московских школах, занимал должность директора (1933—1941). Окончил веч. отд-ние МПИ (впоследствии им. В. П. Потемкина) (1937), аспирантуру этого ин-та (1941), в 1943 защитил канд. дисс. В 1942—1944 работал зам. директора Орехово-Зуевского учител. ин-та. В 1944—1949 доцент Орловского гос. пед. ин-та, заведовал кафедрой рус. языка, был зам. директора, деканом фак-та. В 1949—1951 докторант АН СССР, после чего вновь работал в Орловском гос. пед. ин-те (1952—1954). В 1954—1956 зам. директора Ин-та языкознания АН СССР, а с возобновлением ИРЯ АН СССР зам. директора этого Ин-та (1958—1960). С 1958 до конца жизни заведовал Сектором библиографии, источниковедения и издания памятников языка в ИРЯ АН СССР (с 1968 Сектор лингвистич. источниковедения и исследования памятников рус. языка). Научную

работу совмещал с преподавательской на фак-те повышения квалификации учителей в МГПИ.

Теоретически обосновал новое направление в отечественном языкознании — лингвистическое источниковедение, определил его предмет, задачи, метод. Руководил изданием древнерусских памятников, под его редакцией изданы Синайский патерик, Изборник Святослава 1076 г., Успенский сборник и др. Написал ряд работ о языке «Слова», в которых привлекал курско-орловские говоры к толкованию неясных мест памятника (см.: *Булахов*. С. 130; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 89—90).

Лит.: *Иванов В. В.* Вопросы исследования истории русского языка и лингвистического источниковедения в трудах С. И. Коткова // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 3—13; *Баранкова Г. С., Демьянов В. Г.* Сергей Иванович Котков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: Сб. ст. М., 2000. С. 357—361; *Астахина Л. Ю.* Языковая личность Сергея Ивановича Коткова // Русский язык: история, диалекты, современность: Сб. науч. трудов. М., 2001. Вып. 3. С. 11—19; Котков Сергей Иванович // Словарь русского языка XI—XVII вв.: Справоч. вып. М., 2001. С. 127—129 ⟨со списком осн. работ К.⟩; *Глинкина Л. А.* О работе над скорописными текстами XVIII века в архивах Южного Урала и Зауралья: Памяти С. И. Коткова // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004—2005: Сб. ст. М., 2006. С. 420—425 ⟨воспоминания о К., в том числе как преподавателе МГПИ, на с. 420—421⟩.

КОТЛЯРЕНКО Анатолий Николаевич (1903—1966) — лингвист; канд. филол. наук (1957).

После окончания ЛГУ (1924) преподавал в вузах Ленинграда, в 1957—1965 доцент ЛГПИ им. А. И. Герцена. Автор ряда исследований по синтаксису древнерусского языка, по языку «Задонщины» в сопоставлении со «Словом» (см: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 93—94).

КРЕСТОВА Людмила Васильевна (1892—1978) — литературовед.

Окончила ист.-филол. фак-т Московского ун-та (1914). Преподавала историю русской литературы в московских вузах (1924—1959).

Автор трудов по истории русской литературы XVIII—XIX вв. (творчеству Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. И. Герцена и др.). Соавтор В. Д. Кузьминой по выступлению на дискуссии, однако не была допущена в зал заседания, поскольку ее фамилии не оказалось в списке участников дискуссии.

Лит.: *КЛЭ*. 1966. Т. 3. Стб. 818.

КУЗЬМИНА Вера Дмитриевна (1908—1968) — литературовед; докт. филол. наук (1956).

Окончила строительный фак-т Московского ин-та инженеров транспорта (1930) и экстерном в 1932 заоч. отд-ние лит. фак-та МГПИ им. А. С. Бубнова (с 1941 им. В. И. Ленина), после чего параллельно с работой инженера-мостостроителя преподавала русский язык и литературу на веч. отд-ниях Комвуза им. М. Н. Покровского и в комсомольской школе Партиздата. В 1938 закончила аспирантуру при МИФЛИ, где занималась под руководством Н. К. Гудзия и в том же году защитила канд. дисс. С 1938 была науч. сотр. ИМЛИ, в 1956—1968 руководила Группой по изучению др.-рус. литературы. Автор исследований о переводных рыцарских романах XVII в., о русском городском демократическом театре XVIII в. и др. О ее работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 131—132; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 113—114.

Библиогр.: Хронологический список трудов В. Д. Кузьминой; Литература о научной деятельности В. Д. Кузьминой / Сост. О. А. Державина, Н. Ф. Дробленкова // *ТОДРЛ*. 1971. Т. 26. С. 368—373; *Лебедева Е. Д.* Библиография работ о В. Д. Кузьминой // Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 545—548.

Лит.: *Адрианова-Перетц В. П.* 1) Памяти Веры Дмитриевны Кузьминой (1908—1968) // *ИОЛЯ*. 1969. Т. 28, вып. 4. С. 388—390; 2) Вера Дмитриевна Кузьмина (7 III 1908—6 XII 1968): (Некролог) // *ТОДРЛ*. 1970. Т. 25. С. 355—356; *Робинсон А. Н.* Памяти В. Д. Кузьминой // Русская литература на рубеже двух веков (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 11—18. (Исслед. и материалы по др.-рус. литературе; Вып. 3); *Пушкарев Л. Н.* 1) В. Д. Кузьмина как исследовательница судеб переводного романа и повести

Древней Руси // Там же. С. 397—401; 2) В. Д. Кузьмина как исследовательница связей древнерусской литературы с культурой Нового времени // *ТОДРЛ*. 1971. Т. 26. С. 363—367; Столетие Веры Дмитриевны Кузьминой // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2010. Сб. 15. С. 839—890 ⟨воспоминания о В. Д. Кузьминой⟩. ◊ *КЛЭ*. 1966. Т. 3. Стб. 878; *Славяноведение в СССР*. С. 255.

КУЧКИН Владимир Андреевич (р. 1933) — историк-медиевист; с 1967 канд. ист. наук, с 1981 докт. ист. наук.

Окончил ист. фак-т МГУ (1957). В 1957 принят на работу в ИИ АН СССР (ныне ИРИ РАН), в группу по изданию Полн. собр. рус. летописей, ныне гл. науч. сотр. ИРИ РАН, с 1998 руководитель Центра по истории Древней Руси. Автор многих исследований по истории Древней Руси X—XV вв., в частности — по исторической географии, по истории древнерусских городов, исследователь духовных и договорных грамот московских князей, ряда памятников древнерусской литературы, в том числе произведений Куликовского цикла. О его работах по «Слову» см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 127—128.

Библиогр.: Список научных трудов Владимира Андреевича Кучкина ⟨за 1957—2003 гг.⟩ // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 13—31.

Лит.: *Лукин П. В., Стефанович П. С.* Юбилей В. А. Кучкина // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2004. № 2 (16). С. 110—111; *Флоря Б. Н.* Владимир Андреевич Кучкин // Неисчерпаемость источника. С. 5—12; *Эскин Ю. М., Балакаева И. А.* В. А. Кучкин в Архиве древних актов // Там же. С. 32—35. ◊ *Историки России XX в.* Т. 1. С. 515.

ЛЕССКИС Георгий Александрович (1917—2000) — литературовед; канд. филол. наук (1948).

Окончил МИФЛИ (1941). Будучи студентом, в 1938 восемь месяцев провел в Таганской тюрьме за вольные разговоры с друзьями. В 1941—1945 на войне, в действующей армии. После демобилизации окончил аспирантуру МГУ (1948) и в том же году защитил канд. дисс. по творчеству Пушкина. Работал ст. науч. сотр. в Гослитмузее (1949—1951), с 1951 преподавал русский язык и литературу в одной из московских школ. Затем был ред., зам. гл. ред. журн.

«Русский язык в национальной школе» (1959—1964). Более 30 лет работал ст. науч. сотр., затем руководителем Лингвистич. группы Ин-та «Информ-электро» (1964—1995).

Автор книг о творчестве А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова, написанных и изданных в последние восемь лет его жизни. С начала 1960-х Л. исследовал различие между языком художественной и научной прозы, в частности то, что касается размера предложений. См.: *Лесскис Г. А.* О зависимости между размером предложения и характером текста // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 92—112. По словам А. А. Зимина (*Зимин-2*. С. 291), Л. предоставил ему отзыв о его книге, который был передан А. А. Зиминым вместе с другими отзывами в Отд-ние истории АН СССР.

Лит.: *Топоров В.* Памяти Георгия Александровича Лесскиса // Пушкинские чтения в Тарту ,2: Материалы междунар. науч. конф., 18—20 сент. 1998 г. Тарту, 2000. С. 427—434.

ЛИМОНОВ Юрий Александрович (1933—2006) — историк; на момент дискуссии канд. ист. наук (1963), с 1979 докт. ист. наук, с 1992 чл.-корр. РАО, с 1994 профессор.

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1956). С 1956 по 1993 сотр. ЛОИИ АН СССР (в 1958—1961 аспирант ИИ АН СССР в Москве). С 1987 по 1998 проф., зав. кафедрой (с 1990) рус. культуры и литературы для иностранцев в ЛГПИ им. А. И. Герцена (в 1993—1997 был в штате Ин-та). С 1990 по совместительству также проф. фак-та междунар. отношений ЛГУ (СПбГУ), в 1997—2000 был в штате СПбГУ, возглавлял кафедру междунар. гуманит. связей.

Специалист в области Владимиро-Суздальского летописания, истории России XV—XVIII вв., политологии России, истории международных отношений. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Профессора Санкт-Петербургского университета*. С. 351—352; *Профессора РГПУ*. С. 208—209; *Историки России XX в*. Т. 1. С. 538.

ЛИХАЧЕВ Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — филолог, историк культуры; на момент дискуссии чл.-корр. АН СССР (1953), с 1970 академик; чл. Бюро ОЛЯ АН СССР (с 1955); чл. Союза

писателей СССР (1956); поч. чл. ряда иностр. академий, поч. докт. нескольких ун-тов мира; лауреат многих государственных наград и премий.

В 1928 окончил отд-ние языкознания фак-та обществ. наук (романо-германскую и славяно-русскую секции) ЛГУ. По политическим мотивам был арестован, с февр. 1928 по ноябрь 1931 находился в Соловецком лагере особого назначения, с 1931 по авг. 1932 — на строительстве Беломоро-Балтийского канала. В 1932—1934 работал корректором в издательствах, с 1934 учен. корректор в изд-ве «Наука». С 1938 по 1999 науч. сотр. ИРЛИ, в 1954—1999 зав. Сектором (с 1986 Отдел) др.-рус. литературы (во время войны работал в блокадном Ленинграде). С 1971 пред. редколлегии серии АН «Лит. памятники», гл. ред. ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», отв. ред. «Трудов Отдела древнерусской литературы» и мн. др. изданий. Научную работу совмещал с педагогической. В 1946—1953 доцент, проф. (с 1951) ЛГУ, в 1948—1968 проф. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Вел большую общественную работу, был председателем Правления Советского (с 1991 Российского) фонда культуры (1986—1993), депутатом Верховного Совета СССР (1989—1991) и т. д.

Теоретик и историк русской литературы, автор фундаментальных исследований по текстологии, поэтике и истории древнерусской литературы. Переводчик «Слова», автор классических изданий памятника и исследований, важнейших для характеристики «Слова» как памятника литературы XII в. О его работах по «Слову» см.: *Дмитриев Л. А.* «Слово о полку Игореве» в трудах Д. С. Лихачева // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 80—86; *Дмитриев Л. А.*, *Творогов О. В.* Дмитрий Сергеевич Лихачев — исследователь «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 27—35; *Булахов.* С. 138—144; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 172—177.

Библиогр.: Дмитрий Сергеевич Лихачев / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой ⟨с. 11—42⟩; Библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1989. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17); *продолжение библиографии см.*: Дмитрий Сергеевич Лихачев: Библиография, 1988—2007 / Сост., вступ. ст. М. А. Салминой. СПб., 2009 ⟨*разд.*: Основные даты жизни и деятельности академика

Д. С. Лихачева; Краткий очерк научной деятельности и наследия академика Д. С. Лихачева, 1988—2007; Библиография трудов академика Д. С. Лихачева, 1988—2007; Литература о жизни и трудах академика Д. С. Лихачева, 1988—2007; К кончине Дмитрия Сергеевича Лихачева: Некрологи); *см. также библиографию трудов Д. С. Лихачева и литературы о нем, сост. М. А. Салминой*: *ТОДРЛ*. Т. 50 ⟨за 1988—1996 гг.⟩, 61 ⟨продолжение; в печати⟩.

Лит.: *Дмитриев Л. А., Лурье Я. С., Панченко А. М.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (к 70-летию со дня рождения) // *РЛ*. 1976. № 4. С. 251—254; *Черепнин Л. В.* Исторические труды академика Д. С. Лихачева // Вопросы истории. 1977. № 1. С. 132—136; *Панченко А. М.* Дорогу осилит идущий: О творчестве Дмитрия Сергеевича Лихачева // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 6—17; *Дмитриев Л. А.* Филологические труды Дмитрия Сергеевича Лихачева // Лихачев Д. С. О филологии: ⟨Сб. ст.⟩. М., 1989. С. 6—9; *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995; *Творогов О. В.* Д. С. Лихачев и отечественная медиевистика // *ТОДРЛ*. 1996. Т. 50. С. 7—16; *Дмитриева Р. П., Салмина М. А.* Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946—1953) // Там же. С. 27—31; *Лесур Ф.* Труды Д. С. Лихачева во французском восприятии // Там же. С. 32—39; *Гранин Д.* Феномен Лихачева // Нева. 1999. № 12. С. 143—148; *Matlock Jack F., Jr.* Dmitri Sergeyevich Likhachev, 28 November 1906 — 30 September 1999 // Proceedings of the American Philosophical Society. 2001. Vol. 145, № 3. P. 349—353 ⟨статью Джека Ф. Мэтлока в переводе на рус. яз. см.: http://likhachev.lfond.spb.ru/Memoirs/metlok.htm⟩; Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии: (К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева) / Сост., предисл. Е. Г. Водолазкина. СПб., 2002; 2-е изд., перераб. и доп.: СПб., 2006; *Понырко Н. В.* Хранитель культурного наследия России: К 100-летию со дня рождения акад. Д. С. Лихачева // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 11. С. 1020—1026; *Шмидт С. О.* Наш великий современник: Статьи об акад. Д. С. Лихачеве. СПб., 2007. ◊ *КЛЭ*. 1967. Т. 4. Стб. 397—398; *БСЭ*. 1973. Т. 14. С. 569; *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1992. Ч. 2. С. 124—131; *Научная элита*. С. 97—98; *Славяноведение в СССР*. С. 274—275; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 129; *Профессора РГПУ*. С. 210—211; *Историки России XX в.* 2005. Т. 1. С. 542; *Пушкинский Дом*. С. 470—471.

ЛОТМАН Юрий Михайлович (1922—1993) — литературовед, культуролог, глава Тартуской семиотич. школы; докт. филол. наук (1960), профессор (1961), акад. Эстонской АН; чл.-корр. Британской АН (1977), чл. Норвежской АН (1987), акад. Шведской королевской АН (1989).

В 1940—1945 в армии, в годы войны — на фронте. Окончил рус. отд-ние филол. фак-та ЛГУ (1950), после чего работал в Эстонии: вначале в Тартуском учител. ин-те (1950—1954), а с 1954 до конца жизни в Тартуском гос. ун-те, где в 1960—1977 заведовал кафедрой рус. литературы. Организовал летнюю школу по вторичным моделирующим системам, в которой участвовали многие видные ученые, в том числе Р. О. Якобсон. С 1964 руководил выпуском серии «Труды по знаковым системам».

Основные работы посвящены истории русской литературы и общественной мысли кон. XVIII — нач. XIX в., теории литературы, культурологии, семиотике. Автор работ по «Слову», в том числе важной статьи «„Слово о полку Игореве“ и литературная традиция XVIII — начала XIX в.» — о том, могло ли быть написано «Слово» в XVIII в. См.: *Булахов*. С. 145; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 3. С. 181—183. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список трудов Ю. М. Лотмана / Сост. Л. Н. Киселева // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 441—482.

Лит.: Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: ⟨Сб.⟩. М., 1994. (Сер. «Язык. Семиотика. Культура»); Наследие Ю. М. Лотмана: настоящее и будущее: Atti del Convegno univ. degli studi Bergamo 3—5 nov. 1994 / A cura di Patrizia Deotto et al. Trieste, 1996. (Slavica Tergestina; 4); *Егоров Б. Ф.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. (Новое лит. обозрение. Науч. прил.; Вып. 19); *Ким Су Кван*. Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана. М., 2003. (Новое лит. обозрение. Науч. прил.; Вып. 31); *Васильева А. В.* Ю. М. Лотман. М.; Ростов н/Д, 2005. (Сер. «Философы XX века. Отечественная философия»); Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В. К. Кантора. М., 2009. (Сер. «Философия России второй половины XX в.»). ◊ *КЛЭ*. 1967. Т. 4. Стб. 431; *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1992. Ч. 2. С. 138—140; *РЕЭ*. 1995. Т. 2. С. 200; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 546.

ЛУРЬЕ Яков Соломонович (1921—1996) — литературовед, историк; докт. филол. наук (1962), профессор.

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1941). В 1942 защитил в Томском гос. ун-те канд. дисс. по истории русско-английских отношений в эпоху Ивана Грозного. Преподавал в Енисейском учител. ин-те (1941—1942), Коломенском учител. ин-те (1943—1944), в Архангельском пед. ин-те (1944—1946), в ленинградском Ин-те живописи и скульптуры им. И. Е. Репина (1946—1949), в ЛГПИ им. А. И. Герцена (1948—1950), в Мурманском учител. ин-те и в Карело-Финском пед. ин-те. В 1953—1957 являлся науч. сотр. Музея истории религии (с 1954: и атеизма) АН СССР (с 1961 Гос. музей истории религии и атеизма, ныне Гос. музей истории религии). В 1957—1982 ст. науч. сотр. Сектора др.-рус. литературы ИРЛИ (с 1982 науч. консультант). Исследователь русского летописания, древнерусской публицистики XIV—XVI вв., истории внешней политики Московского государства, творчества русских писателей XIX—XX вв. (Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова).

Библиогр.: Хронологический список трудов Якова Соломоновича Лурье за 1981—1993 гг. // *ТОДРЛ*. 1993. Т. 47. С. 456—459; Хронологический список трудов Якова Соломоновича Лурье (1921—1996) // Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 383—404.

Лит.: *Ганелина И. Е.* Я. С. Лурье: история жизни // In Memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 5—40; *Панеях В. М.* Яков Соломонович Лурье и петербургская историческая школа // Там же. С. 133—146; *Ганелин Р. Ш.* «Афины и Апокалипсис»: Я. С. Лурье о советской исторической науке 1930-х годов // Там же. С. 147—153; *Карп П. М.* Он прожил не зря // Там же. С. 154—164; *Зимин А. А.* Мой добрый старый друг: ‹Отрывок из рукописи воспоминаний «Храм науки»› // Там же. С. 165—169; *Серман И.* Яков Соломонович Лурье как историк литературы: (Заметки читателя) // Там же. С. 170—176; ‹Воспоминания о Л. Ю. Д. Левина, И. П. Суздальской, А. Русаковой, Е. Вензеля› // Там же. С. 177—185; *Вовина-Лебедева В. Г., Панеях В. М.* Я. С. Лурье — источниковед // *ВИД*. 1998. Вып. 26. С. 345—363. ◊ *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1992. Ч. 2. С. 143—144; *Славяноведение в СССР*. С. 280; *РЕЭ*. 1995. Т. 2. С. 209—210; *Профессора РГПУ*. С. 214—215; *Пушкинский Дом*. С. 474; *Историки России XX в.* Т. 1. С. 550—551.

МАКОВСКИЙ Даниил Павлович (1899—1970) — историк, краевед; на момент дискуссии канд. ист. наук (1950), с 1969 докт. ист. наук, профессор (1963).

Окончил ист. фак-т Смоленского гос. пед. ин-та (1938), в котором затем преподавал. Автор работ по истории Смоленского края, в том числе по истории Смоленского княжества (этой теме была посвящена канд. дисс.), занимался вопросами товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. (на эту тему написал докт. дисс.). Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: Профессор Даниил Павлович Маковский. Смоленск, 2000. ◊ Смоленск: Крат. энциклопедия. Смоленск, 1994. С. 263; *Историки России XX в.* Т. 2. С. 13.

МАЛЫШЕВ Владимир Иванович (1910—1976) — литературовед, археограф; на момент дискуссии канд. филол. наук (1956), с 1968 докт. филол. наук (без защиты, по совокупности научных трудов); заслуж. деятель науки РСФСР (1972).

Окончил рус. отд-ние филол. фак-та ЛГУ (1939). В 1939—1940 работал ст. библиотекарем РО БАН, в 1940—1941 препод. литературы Петрозаводского ун-та. В 1941—1946 в действующей армии, офицер, участвовал в боях на Ленинградском и др. фронтах. С 1946 по 1970 науч. сотр. Сектора др.-рус. литературы ИРЛИ, собиратель древнерусских рукописей, создатель Древлехранилища Пушкинского Дома (ныне носит имя М.) и его заведующий (с 1949). Основные работы М. связаны с исследованием творчества протопопа Аввакума, с описанием и изучением рукописей Древлехранилища. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список печатных работ В. И. Малышева (1940—1971) / Сост. Н. Ф. Дробленкова // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 406—421; Список печатных работ В. И. Малышева: (Продолжение) / Сост. Н. Ф. Дробленкова // Древнерусская книжность: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1985. С. 340—345.

Лит.: Памяти Владимира Ивановича Малышева // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — начало XVIII в.). М., 1976. С. 277; *Жуков Д. А.* Живое чувство своего достоинства // Жуков Д. А. Корни. М., 1977. С. 3—12;

Панченко А. М. 1) Памяти Владимира Ивановича Малышева // *ТОДРЛ*. 1976. Т. 31. С. 397—398; 2) В. И. Малышев как археограф // *АЕ* за 1977 год. М., 1978. С. 214—218; 3) О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 265—276; *Лихачев Д. С.* Немного о Владимире Ивановиче Малышеве: (Вступ. слово к «Малышевским чтениям» 3 мая 1978 г.) // Там же. С. 262—264 (то же в кн.: *Лихачев. Прошлое — будущему*. С. 457—461); *Лурье Я. С.* О научных воззрениях В. И. Малышева // In Memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб.: Atheneum; Feniks, 1997. С. 70—78. ◊ *Пушкинский Дом*. С. 477—478.

МАНЬКОВ Аркадий Георгиевич (1913—2006) — историк; докт. ист. наук (1963).

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1940). Поступил в аспирантуру, после года обучения был призван в армию. Участник Великой Отечественной войны. В 1948—1996 науч. сотр. ЛОИИ АН СССР (ныне СПбИИ РАН). Автор исследований по истории цен в России XVI в. (этой теме посвящена его канд. дисс.), по истории крепостного права в XVII в. (тема его докт. дисс.), по законодательству и праву в России XVII в. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список осн. работ М. см. на сайте: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/656725.

Лит.: *Маньков А. Г.* Дневники тридцатых годов. СПб., 2001; Рец.: *Фрумкина Р.* Эпизоды истории будущего историка // http://www.polit.ru/author/2007/01/19/mankov.html; *Панеях В. М.* Памяти А. Г. Манькова (1913—2006) // *ВИД*. 2007. Вып. 30. С. 565—567. ◊ *Сотрудники РНБ*. 2003. Т. 3. С. 358—359 (П. Л. Вахтина); *Историки России XX в.* Т. 2. С. 22—23.

МЕЛЕТИНСКИЙ Елеазар Моисеевич (1918—2005) — филолог, историк культуры; на момент дискуссии канд. филол. наук (1945), с 1968 докт. филол. наук; профессор.

Окончил МИФЛИ (1940). В 1942 на фронте, после выхода из окружения был репрессирован. В 1944—1946 ст. препод. Среднеазиатского гос. ун-та в Ташкенте. В 1946—1949 зав. кафедрой литературы Карело-Финского ун-та (Петрозаводск), в 1946—1947

также зав. Отделом фольклора Карело-Финской базы АН СССР. В 1949 был арестован «за антисоветскую пропаганду», реабилитирован и освобожден в 1954. В 1955—1956 гл. библиотекарь во Всесоюз. б-ке иностр. литературы. С 1956 по 1994 работал в ИМЛИ, закончив работу в должности гл. науч. сотр. Одновременно в 1989—1994 и. о. проф. МГУ на кафедре теории и истории мировой культуры, созданной на филос. фак-те при его участии. Основатель и директор (1992—2005) Ин-та высш. гуманит. исследований (ИВГИ) при РГГУ (ныне носит имя М.), где читал курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». С конца 1980-х читал лекции в ун-тах разных стран.

Основные труды посвящены сравнительно-историческому изучению фольклора, теории мифа, проблеме происхождения повествовательных жанров. Зам. гл. ред. энциклопедии «Мифы народов мира» и автор статей в ней (М., 1980—1982. Т. 1—2), гл. ред. «Мифологического словаря» и автор статей в нем (М., 1990). Гл. ред. (с 1989) серий «Исследования по фольклору и мифологии Востока», «Сказки и мифы народов Востока». Гл. ред. журн. «Arbor mundi» («Мировое древо»). Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список основных научных трудов Елеазара Моисеевича Мелетинского ⟨за 1941—1993 гг.⟩ // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского / Сост. С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. М., 1993. С. 346—350; Елеазар Моисеевич Мелетинский: Биобиблиогр. указ. / Сост. В. И. Гульчинский, Е. А. Кумпан; Вступ. ст. С. Ю. Неклюдова ⟨с. 5—13⟩. М., 2001. (Сер. «Ученые РГГУ»).

Лит.: *Неклюдов С. Ю.*, *Новик Е. С.* От составителей // От мифа к литературе. С. 5—10; *Мелетинский Е. М.* Воспоминания // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 429—572. ◊ *КЛЭ*. 1967. Т. 4. Стб. 749; *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1992. Ч. 2. С. 158—159; *РЕЭ*. 1995. Т. 2. С. 268; Кто есть кто в РГГУ. М., 1993; 2-е изд.: 1997.

МОИСЕЕВА Галина Николаевна (1922—1993) — литературовед; на момент дискуссии канд. филол. наук, с 1971 докт. филол. наук.

В 1940 поступила на ист. фак-т ЛГПИ, с 1942 в эвакуации. В 1944 вернулась в Ленинград и поступила на филол. фак-т ЛГУ, который окончила в 1948. В 1951 защитила канд. дисс. С 1952 по 1993 сотр. ИРЛИ: до 1960 Сектора др.-рус. литературы, в 1960—1993 Группы по изучению литературы XVIII в. Автор исследований памятников древнерусской литературы («Казанская история», «Валаамская беседа», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище») и литературы XVIII в. Автор работ о «Слове», связанных с историей открытия памятника (см.: *Булахов.* С. 157—159; *Энциклопедия «Слова».* Т. 3. С. 266—269).

Лит.: *Кто есть кто в русском литературоведении.* 1992. Ч. 2. С. 172—173; *Славяноведение в СССР.* С. 313—314; *Пушкинский Дом.* С. 487.

МОНГАЙТ Александр Львович (1915—1974) — археолог; докт. ист. наук (1962).

Окончил ист. фак-т МГУ (1940). С 1945 науч. сотр. ИИМК АН СССР (с 1957 Ин-т археологии АН СССР). Руководитель раскопок Старой Рязани и других поселений Рязанского княжества. Основные исследования посвящены славяно-русской археологии. В 1969 опубликовал монографию о надписи на Тмутороканском камне, которой было посвящено его выступление на дискуссии по книге А. А. Зимина (*Монгайт А. Л.* Надпись на камне. М., 1969).

Библиогр.: Список научных трудов А. Л. Монгайта // Славяно-русские древности: Сб. М., 1976. С. 112—118. (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 146).

Лит.: Памяти А. Л. Монгайта // Там же. С. 110—111. ◊ *СИЭ.* 1966. Т. 9. Стб. 607; *РЕЭ.* 1995. Т. 2. С. 306; *Институт археологии.* С. 169—171 (В. П. Даркевич); *Историки России XX в.* Т. 2. С. 71—72.

НЕЧКИНА Милица Васильевна (1901—1985) — историк; акад. АН СССР (1958), действит. чл. АПН РСФСР (1947).

Окончила ист.-филол. фак-т Казанского ун-та (1921) и была оставлена для подготовки к профессорскому званию. С 1921 преподавала в вузах Казани, затем (с 1924) в вузах Москвы; в 1934—1954 проф. ист. фак-та МГУ; с 1946 проф. кафедры истории СССР

в АОН при ЦК КПСС, в 1958—1965 зав. кафедрой. Одновременно работала в научно-исследовательских учреждениях: в 1924—1927 сотр. Ин-та истории РАНИОН, в 1935—1985 сотр. ИИ АН СССР. Автор работ по истории русского революционного движения и общественной мысли XIX в., исследователь движения декабристов. Автор и ред. вузовского учебника «История СССР» (т. 2), автор школьных учебников и хрестоматий по истории СССР.

Библиогр.: Милица Васильевна Нечкина (1901—1985) / Вступ. ст. М. Г. Вандалковской, В. А. Дунаевского ⟨с. 8—36⟩; Библиогр. сост. Р. Г. Эймонтовой и др. М., 1987. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории; Вып. 17).

Лит.: *Черепнин Л. В.* 1) Академик Милица Васильевна Нечкина: (Творческий путь) // Проблемы истории общественного движения и историографии: (К 70-летию акад. М. В. Нечкиной). М., 1971. С. 5—25; 2) Семидесятилетие академика М. В. Нечкиной // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 144—148; *Миронова И. А., Юхт А. И.* О деятельности М. В. Нечкиной в области археографии и источниковедения // *АЕ* за 1971 год. М., 1972. С. 248—262; *Городецкий Е. Н., Рудницкая Е. Л.* 75-летие академика М. В. Нечкиной // Вопросы истории. 1976. № 2. С. 145—151; *Ланда С. С.* Академик М. В. Нечкина — исследователь движения декабристов // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 269—291; *Федоров В. А.* Академик М. В. Нечкина (1801—1985) — историк движения декабристов // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1986. № 3. С. 40—51. ◊ *СИЭ*. 1967. Т. 10. Стб. 146—147; *БСЭ*. 1974. Т. 17. С. 552—553; *Историческая наука России*. С. 395—418 (М. Г. Вандалковская); *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 87; *Историки России: Биографии*. С. 691—696 (В. А. Федоров); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 326—327; *Историки России XX в.* Т. 2. С. 114.

НИКИФОРОВ А. С. Упоминается в выступлении А. А. Зимина как автор отзыва. Историка (доктора ист. наук) Никифорова с инициалами А. С. не было в 1960-х. Скорее всего, А. С. Никифоров назван ошибочно вместо Александра Сергеевича Нифонтова (1899—1987, докт. ист. наук с 1949, специалист по экономической и социальной истории России XIX в., в 1945—1965 ст. науч. сотр. ИИ АН СССР; назван Е. М. Жуковым в письме к Д. С. Лихачеву

в предварительном списке участников обсуждения книги Зимина). Менее вероятно, что А. С. Никифоров назван вместо Владимира Николаевича Никифорова (1920—1990, историк-китаевед, докт. ист. наук, работал в Ин-тах востоковедения и Дальнего Востока АН СССР).

НИКОЛАЕВА Александра Тимофеевна (1908—1988) — историк; на момент дискуссии канд. ист. наук (1947), с 1968 докт. ист. наук, профессор.

Окончила лит.-лингвист. отд-ние Восточ. пед. ин-та в Казани, в 1934—1938 была аспирантом МГИАИ по кафедре истории СССР. С 1938 работала в Централ. архиве Октябр. революции, затем ст. науч. сотр. партархива Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (позже Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). В 1941—1943 находилась в эвакуации в Уфе, где работала в местном партархиве. С 1947 по 1984 преподавала в МГИАИ (ныне ИАИ РГГУ), в 1952—1960 заведовала в нем кафедрой вспомогат. ист. дисциплин. Специалист в области палеографии, дипломатики, источниковедения.

> Лит.: А. Т. Николаевой — 80 лет // Советские архивы. 1988. № 3. С. 111; *Простоволосова Л. Н.* Александра Тимофеевна Николаева (1908—1988): Работа и жизнь: К 100-летию со дня рождения // Вестник РГГУ. Сер.: Ист. науки. Историография, источниковедение, методы ист. исследований. 2009. № 4. С. 216—230 ⟨со списком осн. работ Н.⟩; *подробно см. о Н. в эл. энциклопедии «Википедия»*.

НОВОПОКРОВСКАЯ Валентина Николаевна (1929—1978) — лингвист, специалист по истории языка и диалектологии; канд. филол. наук (1956).

Окончила ист.-филол. фак-т Воронежского ун-та (1947—1952), аспирантуру при кафедре рус. языка Рязанского пед. ин-та (1952—1956). В 1956 в Куйбышевском пед. ин-те защитила канд. дисс. на тему: «Диалектные особенности рязанских говоров XVII в.». В 1956—1964 ст. препод. на кафедре рус. языка Орловского гос. пед. ин-та (ныне Орловский гос. ун-т). С 1964 и. о. доцента, доцент (с 1968, в 1969 присвоено учен. звание доцента) кафедры общ. языкознания и соврем. рус. языка Минского гос. пед. ин-та им.

А. М. Горького (ныне БГПУ). Читала курсы «Введение в языкознание», «Общее языкознание», спецкурсы. Автор работ (в том числе двух монографий) по истории русского языка и его связям с другими восточнославянскими языками. Предоставила А. А. Зимину письменный отзыв о его книге. (Справка составлена по архивным данным Орловского гос. ун-та и БГПУ.)

НОВОСЕЛЬЦЕВ Анатолий Петрович (1933—1995) — историк-востоковед; на момент дискуссии канд. ист. наук (1959), с 1974 докт. ист. наук, с 1982 профессор, с 1984 чл.-корр. АН СССР.

Окончил восточ. отд-ние ист. фак-та МГУ (1955), аспирантуру ИИ АН СССР (1958). В 1958—1995 науч. сотр. ИИ (с 1968 ИИ СССР) АН СССР (с 1992 ИРИ РАН), в 1984—1988 зав. Сектором истории древнейших государств на территории СССР. В 1988—1993 директор Ин-та. В 1993—1995 руководитель науч. Центра истории России в Средние века и раннее Новое время ИРИ РАН. В 1985—1988 пред. Рос. Палестин. о-ва при АН СССР. Исследователь средневековой истории стран Кавказа и Закавказья, Ирана, Древней Руси. По словам А. А. Формозова, предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге (*Формозов*, с. 99).

Лит.: Чл.-корр. РАН А. П. Новосельцеву — 60 лет // Вестник РАН. 1994. № 3. С. 286; Памяти ученого // Отечественная история. 1996. № 1. С. 216—217. ◊ *Научная элита*. С. 351; *Милибанд. Отечественные востоковеды*. 1995. Т. 2. С. 160; Историки России XVIII—XX веков. М., 1999. Вып. 6. С. 134—144; *Историки России: Биографии*. С. 868—875 (И. И. Попов); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 344—345; *Историки России XX в*. Т. 2. С. 127—128.

ПАВЛЕНКО Николай Иванович (р. 1916) — историк и писатель; докт. ист. наук (1962), профессор (1968), чл. Союза писателей СССР (1987).

Окончил МГИАИ (1939). В 1949—1975 сотр. ИИ (с 1968 ИИ СССР) АН СССР, с 1969 по 1975 зав. Сектором источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. В 1975—1990 проф. МГПИ им. В. И. Ленина. Канд. (1949) и докт. дисс. посвящены истории металлургической промышленности России. С 1970-х занимался исследованием деятельности Петра I и других русских самодержцев XVIII в. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Рахматуллин М. А.* К 80-летию со дня рождения Николая Ивановича Павленко // Отечественная история. 1996. № 2. С. 107—119. ◊ *Историки России XX в.* Т. 2. С. 157.

ПАНЕЯХ Виктор Моисеевич (р. 1930) — историк, источниковед, археограф; на момент дискуссии канд. ист. наук (1961), в 1974 защитил докт. дисс.; профессор.

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1953). В 1953—1956 работал учителем истории в одной из ленинградских школ. В 1956—1959 аспирант, с 1960 сотр. ЛОИИ АН СССР (ныне СПбИИ РАН), с 1993 по 2004 зав. Отделом древ. истории России, ныне гл. науч. сотр. Ин-та. Проф. фак-та истории Европ. ун-та в Санкт-Петербурге (с 1996), в 1995—1997 декан-организатор этого фак-та.

Автор работ по социальной и политической истории средневековой России (тема обеих диссертаций — холопство в Русском государстве XVI—XVII вв.), по историографии, вспомогательным историческим дисциплинам, источниковедению, археографии. Был отв. ред. ряда публикаций законодательных актов России XVI—XVII вв. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Виктор Моисеевич Панеях: (К 50-летию научной деятельности): Биобиблиогр. указ. трудов, 1952—2002 / Сост. Е. Н. Ропакова. СПб., 2002; Список трудов В. М. Панеяха, не вошедших в биобиблиографический указатель трудов 1952—2002 // Времена и судьбы: Сб. ст. в честь 75-летия В. М. Панеяха / Отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 478—479; Виктор Моисеевич Панеях: (К 80-летию со дня рождения): Биобиблиогр. указ. трудов, 1952—2010 / Сост. Е. Н. Ропакова, при участии О. М. Беляевой, В. Г. Вовиной-Лебедевой, Е. А. Ростовцева. СПб., 2010.

Лит.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Виктор Моисеевич Панеях // Виктор Моисеевич Панеях: (К 50-летию научной деятельности). С. 6—9; *Ананьич Б. В., Фурсенко А. А.* Историк России — В. М. Панеях // Времена и судьбы. С. 9—12; *Зимин А. А.* Отрывок из воспоминаний: ⟨Из неопубл. мемуаров⟩ // Там же. С. 13—15; *Вовина-Лебедева В. Г.* Виктор Моисеевич Панеях // Там же. С. 16—34. ◊ *Историки России XX в.* Т. 2. С. 162—163.

ПАШУТО Владимир Терентьевич (1918—1983) — историк; докт. ист. наук (1959), с 1976 чл.-корр. АН СССР; лауреат премии им. Б. Д. Грекова (1971).

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1941). В 1941—1944 сотр. Гидрогр. упр-ния ВМФ СССР. В 1945—1948 аспирант, с 1948 канд. ист. наук, науч. сотр. Сектора истории СССР периода феодализма ИИ (с 1968 ИИ СССР) АН СССР. В 1969 возглавил созданный по его инициативе Сектор истории древнейших государств на территории СССР, которым руководил до конца жизни. С 1977 заведовал также Отделом истории докапиталист. формаций. С 1975 ред. основанного им ежегодника «Древнейшие государства на территории СССР» (с 1994 «Древнейшие государства Восточной Европы»). С 1977 публикуется основанная им серия «Древнейшие источники по истории народов СССР» (с 1993 «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»). С 1970 проф. МОПИ им. Н. К. Крупской. Автор трудов по истории и историографии феодальной России, Украины, Белоруссии, Литвы, международных связей Древнерусского государства. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список печатных трудов В. Т. Пашуто ⟨за 1939—1983 гг.⟩ / Сост. М. Н. Перегуд, П. В. Пронина // *АЕ* за 1983 год. М., 1985. С. 295—304.

Лит.: Памяти Владимира Терентьевича Пашуто // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1983 год. М., 1984. С. 3—7; *Новосельцев А. П.* Творческий путь В. Т. Пашуто // История СССР. 1984. № 4. С. 80—91; *Мельникова Е. А., Новосельцев А. П., Хорошкевич А. Л.* Владимир Терентьевич Пашуто (1918—1983 гг.) // *АЕ* за 1983 год. М., 1985. С. 343—345; *Черепнин Л. В.* К 60-летию В. Т. Пашуто // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 254—263; *Мельникова Е. А.* Русская историография зарубежья в научном наследии В. Т. Пашуто // Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 3—8; *Шацилло М. К.* Обозрение личного фонда члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук В. Т. Пашуто // Там же. С. 8—12; Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. ◊ *Славяноведение в СССР.* С. 348—349; Историки России XVIII—XIX веков. М., 1995. Вып. 2. С. 166—170 (Е. А. Мельникова); *Персональный состав*

РАН. Кн. 3. С. 163; *Портреты историков*. Т. 1. С. 393—402 (А. П. Новосельцев), 402—403 (В. М. Борисов); Историки России: Послевоенное поколение. М., 2000. С. 177—183 (Е. А. Мельникова); *Историки России: Биографии*. С. 795—802 (Е. А. Мельникова); *Историки России XX в.* Т. 2. С. 170.

ПЕШТИЧ Сергей Леонидович (1914—1972) — историк; докт. ист. наук (1963), профессор (1966).

Окончил ист. фак-т ЛГУ (1940). В 1940—1941 аспирант ЛГУ. В 1941—1947 служил на флоте, участник Великой Отечественной войны. С 1947 препод. ЛГУ, с 1966 проф. Специалист по средневековой истории России, русской историографии XVII—XVIII вв. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Лурье Я. С.* Сергей Леонидович Пештич: (Некролог) // *ТОДРЛ*. 1974. Т. 28. С. 422—424; *Черепнин Л. В.* Отзыв о докторской диссертации С. Л. Пештича «Русская историография XVIII века» (Л., 1961—1963, ч. 1—2) // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 326—328. ◊ *Историки России XX в.* Т. 2. С. 184.

ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ Анатолий Васильевич (1893—1966) — историк; докт. ист. наук (1941), профессор (1946).

Окончил Петроградский ун-т (1918). Работал в ЛОИИ АН СССР (с 1933) и в ЛО Ин-та истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР (с 1953). В 1935 стал канд. ист. наук (без защиты). С 1937 преподавал в ЛГУ. Автор работ по истории России XIX в. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Пугачев В. В., Динес В. А.* Предтеченский Анатолий Васильевич // Пугачев В. В., Динес В. А. Историки, избравшие путь Галилея. Саратов, 1995. С. 124—145. ◊ *Историки России XX в.* Т. 2. С. 226—227.

ПРИЙМА Федор Яковлевич (1909—1993) — литературовед, фольклорист, текстолог; докт. филол. наук (1961). Лауреат Ленинской премии (1964).

Окончил Краснодарский пед. ин-т (1932). В 1932—1936 на педагогической работе. В 1936 поступил в аспирантуру ЛГПИ. В 1938

был арестован органами НКВД и год находился под следствием; после прекращения дела возобновил учебу в аспирантуре. В 1941 защитил канд. дисс. Участник Великой Отечественной войны, обороны Ленинграда. В 1946—1951 ст. библиотекарь ГПБ. С 1951 до 1990 работал в ИРЛИ, в 1965—1978 зам. директора, в 1975—1977 и. о. директора ИРЛИ, в 1978—1986 зав. Отделом новой рус. литературы. С 1958 чл. редколлегии журн. «Русская литература». В 1971—1984 гл. ред. «Библиотеки поэта».

Автор работ по истории русской литературы XVIII—XIX вв., по западноевропейским связям русской литературы, творчеству Т. Г. Шевченко. О его работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 178—179; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 4. С. 177—178.

Лит.: *Бушмин А. С., Григорьян К. Н., Ершов Л. Ф.* Федор Яковлевич Прийма: ⟨К 60-летию со дня рождения⟩ // *РЛ*. 1969. № 4. С. 222—223; *Базанов В. Г., Ковалев В. А., Моисеева Г. Н., Ровда К. И.* ⟨К 70-летию Ф. Я. Приймы⟩ // *РЛ*. 1979. № 2. С. 214—215; *Степина М. Ю.* Научные чтения, посвященные 90-летию со дня рождения Ф. Я. Приймы // Там же. 2000. № 1. С. 282—286; Ф. Я. Прийма и вопросы филологии XX века: Исследования. Воспоминания. Материалы: (К 100-летию со дня рождения Ф. Я. Приймы) / Под ред. В. Е. Ветловской и Н. Н. Шумских. СПб., 2009. (Сер. «Пушкинский Дом: Персоналии»). ◊ *КЛЭ*. 1968. Т. 5. Стб. 973; *Профессора РГПУ*. С. 278—279; *Пушкинский Дом*. С. 507—508.

ПУТИЛОВ Борис Николаевич (1919—1997) — фольклорист, литературовед, этнограф; докт. филол. наук (1961).

Окончил фак-т рус. языка и литературы ЛГПИ (1940). В 1948 защитил канд. дисс. С 1949 доцент Грозненского гос. пед. ин-та, читал курсы фольклористики и древнерусской литературы, был зав. кафедрой литературы, зам. директора по науч. и учеб. работе. С 1954 сотр. Сектора фольклора ИРЛИ, в 1958—1967 зав. Сектором. С 1967 сотр. ленинградской части Ин-та этнографии АН СССР. Исследователь русского героического эпоса, народных исторических песен, взаимосвязи литературы и фольклора, вопросов теории фольклора. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Библиография трудов Б. Н. Путилова; Литература о Б. Н. Путилове // Борис Николаевич Путилов: К 75-летию со дня рождения. СПб., 1995. С. 12—62; Тру-

ды Б. Н. Путилова ‹за 1940—2008 гг.›; Литература о Б. Н. Путилове ‹за 1947—2008 гг.› // Борис Николаевич Путилов: Библиография. СПб., 2009. С. 19—120, 120—129.

Лит.: К 70-летию Б. Н. Путилова // Фольклор и этнографическая действительность. Л., 1992. С. 3—8; *Мыльников А. С., Таксами Ч. М.* Слово об ученом // Борис Николаевич Путилов: К 75-летию со дня рождения. СПб., 1995. С. 3—11; *Байбурин А. К.* Борис Николаевич Путилов // Живая старина. 1998. № 1. С. 2—4; *Земцовский И. И.* Героический эпос жизни и творчества Бориса Николаевича Путилова. СПб., 2005; *Иванова Т. Г.* Борис Николаевич Путилов // Борис Николаевич Путилов: Библиография. СПб., 2009. С. 6—18. ◊ *КЛЭ.* 1971. Т. 6. Стб. 89; *Славяноведение в СССР.* С. 371—372; *Кто есть кто в русском литературоведении.* 1994. Ч. 3. С. 45—47; *Российские фольклористы.* С. 104—105; *Пушкинский Дом.* С. 510.

РОБИНСОН Андрей Николаевич (1917—1993) — филолог, медиевист-славист; на момент дискуссии канд. филол. наук, с 1965 докт. филол. наук; секретарь Международного комитета славистов (1956—1960), учен. секр. Советского комитета славистов (с 1960); чл. Международного комитета славистов и зам. пред. Советского комитета славистов (с 1978); чл. Союза писателей СССР.

В 1937 поступил в МИФЛИ, занимался в семинаре по древнерусской литературе у Н. К. Гудзия. В 1942 в эвакуации окончил филол. фак-т МГУ (в него влился в 1941 МИФЛИ) и поступил в аспирантуру МГУ. В 1942—1945 воевал на фронтах Великой Отечественной войны. После демобилизации был восстановлен в аспирантуре МГУ и в 1948 защитил канд. дисс. В 1948—1950 работал в Отделе аспирантуры Президиума АН СССР. С 1950 науч. сотр. Ин-та языкознания АН СССР и учен. секр. Комиссии по истории филол. наук при ОЛЯ АН СССР (до 1953). С дек. 1954 по дек. 1955 работал ст. науч. сотр. в ИРЛИ. С декабря 1955 науч. сотр. ИМЛИ, где была организована (возобновлена) Группа др.-рус. литературы; в 1968—1988 заведовал этой Группой (с 1986 Сектор, ныне Отдел); с 1988 гл. науч. сотр. Ин-та.

Основные труды Р. посвящены изучению древнерусской литературы, фольклора, славянских литератур. С 1960-х занимался вопросами литературно-исторической типологии, сопоставлением

древнерусской литературы Киевского периода с современными ей литературами Средневековья. Автор многих работ по «Слову», рассматривал его на фоне героического эпоса и литературы мирового Средневековья (см.: *Булахов.* С. 185—186; *Энциклопедия «Слова».* Т. 4. С. 225—230).

Библиогр.: Андрей Николаевич Робинсон (1917—1993): Материалы к биобиблиографии / Сост. Т. В. Нечаева // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 302—318.

Лит.: *Лихачев Д. С.* Типологическое изучение древнерусской литературы: (О работах в этой области А. Н. Робинсона) // *ИОЛЯ.* 1977. Т. 36, № 4. С. 338—344; *Кусков В. В.* 1) Андрей Николаевич Робинсон (1917—1993): ⟨Некролог⟩ // Российский литературоведческий журнал. 1993. № 2. С. 264—265; 2) Памяти друга // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 297—299; *Робинсон А. Н.* Автобиография: ⟨Написана 30.09.1987⟩ / Подгот. к печати Т. В. Нечаева // Там же. С. 300—301; К 90-летию ученого-слависта: Автобиография Андрея Николаевича Робинсона: ⟨Написана 25.09.1990⟩ // Славянский альманах, 2007. М., 2008. С. 518—520. ◊ *КЛЭ.* 1971. Т. 6. Стб. 317; *Кто есть кто в русском литературоведении.* Ч. 3. С. 57—58; *Славяноведение в СССР.* С. 381; *Пушкинский Дом.* С. 513.

РЫБАКОВ Борис Александрович (1908—2001) — археолог, историк; академик (1958; чл.-корр. с 1953); зам. акад.-секретаря (1967—1973) и акад.-секретарь (1973—1975) Отд-ния истории АН СССР, пред. Науч. совета АН СССР по координации науч.-исслед. работ в обл. славяноведения (1962—1969); лауреат Ленинской и Государственных премий.

Окончил этнологич. фак-т МГУ (1930). В 1939 защитил канд., в 1943 докт. диссертации. Науч. сотр. архива Октябр. революции (1930—1931). Ст. науч. сотр. (1931—1938), зав. отделом (1943—1948) ГИМ. Ст. науч. сотр. (1936—1940, 1943—1950), зав. Сектором слав.-рус. археологии (с 1951) ИИМК (с 1957 Ин-т археологии) АН СССР. Зав. сектором ИЭ АН СССР (1944—1946). Директор (1956—1988) Ин-та археологии АН СССР (с 1988 поч. директор Ин-та археологии). Директор Ин-та истории СССР АН СССР (1968—1969). Доцент, проф. (с 1942) МОПИ (1934—1949). До-

цент (1939—1942), проф. (1943—2001), зав. кафедрой истории СССР периода феодализма (1952—1963), декан ист. фак-та (1950—1952), проректор по гуманит. фак-там (1952—1954) МГУ.

С 1932 вел археологические раскопки древнерусских городов (Тмутаракани, Чернигова, Любеча и др.). Основные труды посвящены древнерусской археологии, истории, культуре и религии древних славян и Древней Руси. В 1970-х издал ряд фундаментальных исследований об эпохе «Слова о полку Игореве» (см.: *Булахов*. С. 187—189; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 4. С. 246—251).

Библиогр.: Борис Александрович Рыбаков / Вступ. ст. С. А. Плетневой и Т. В. Николаевой ⟨с. 29—36⟩; Библиогр. сост. Р. И. Горячевой, И. М. Зарецкой и Г. Т. Серовой. 2-е изд., доп. М., 1978. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории; Вып. 12).

Лит.: *Янин В. Л.* К 70-летию академика Б. А. Рыбакова // Советская археология. 1978. № 2. С. 127—130; *Шмидт С. О.* К 80-летию академика Б. А. Рыбакова // *АЕ* за 1988 год. М., 1989. С. 131—133; *Рыбаков Б. А.* Заглядывая в предысторию Руси // Историки России о времени и о себе. М., 1997. Вып. 1. С. 4—18; *Борисов Н. С., Рапов О. М.* К 90-летию Бориса Александровича Рыбакова // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1998. № 3. С. 3—7; *Медынцева А. А.* Б. А. Рыбаков — историк-энциклопедист нашего времени // Культура славян и Русь: ⟨Сб. ст., посвящ. 90-летию акад. Б. А. Рыбакова⟩. М., 1998. С. 3—30; *Седов В. В.* Борис Александрович Рыбаков — выдающийся ученый-гуманитарий XX столетия // Slavia Antiqua. Poznań, 1998. Т. 39. S. 334—341; *Макарова Т. И.* 1) К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова // Российская археология. 1998. № 2. С. 5—10; 2) Мастера русской историографии: Б. А. Рыбаков // Исторический архив. 2001. № 3. С. 157—172; 3) Памяти Бориса Александровича Рыбакова (1908—2001) //Российская археология. 2002. № 3. С. 185—187; *Рапов О. М. и др.* Памяти академика Б. А. Рыбакова // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 314—316 ◊ *СИЭ*. 1969. Т. 12. Стб. 421; *БСЭ*. 1975. Т. 22. С. 437—438; *Славяноведение в СССР*. С. 389—390; *Профессора и доктора наук МГУ*. С. 470—471; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 88; Институт археологии сегодня: Сб. науч. биогр. М., 2000. С. 14—16; *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 398—400; *Историки России XX в.* Т. 2. С. 274.

РЫ(Н)ДЗЮНСКИЙ Павел Григорьевич (1909—1993) — историк; докт. ист. наук (1959); заслуж. деятель науки РСФСР.

Окончил этнологич. фак-т МГУ (1930). В 1941 там же защитил канд. дисс. В 1931—1932 ст. науч. сотр., зам. директора по науч. работе в краеведческом музее Ростова. В 1932—1950 с перерывом на годы войны (и позднее, в 1990—1993) сотр. ГИМ. В 1947—1990 науч. сотр. ИИ АН СССР, вначале Сектора истории религии и атеизма, а с 1953 Сектора истории СССР периода капитализма (с 1980 ст. науч. сотр.-консультант). Одновременно препод., доцент кафедры музееведения (затем источниковедения) ист. фак-та МГУ. Специалист по истории России XIX — нач. XX в. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Жидков Г. П.* П. Г. Рындзюнский: Штрихи к портрету историка-аграрника // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1990. С. 119—128. ◊ *Энциклопедический словарь МГУ.* С. 401—402 (Е. Н. Мухина); *Историки России XX в.* Т. 2. С. 278—279.

САПУНОВ Борис Викторович (р. 1922) — историк; на момент дискуссии канд. ист. наук (1954), с 1975 докт. ист. наук, профессор, чл. Петровской академии наук и искусств.

В годы Великой Отечественной войны в действующей армии. Окончил ист. фак-т ЛГУ (1949). С 1950 науч. сотр. Гос. Эрмитажа (с 1986 гл. науч. сотр. Отдела рус. культуры). Автор работ по истории культуры и книжного дела Древней Руси, ряда статей по «Слову» (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 4. С. 268—270).

СМИРНОВ Анатолий Филиппович (р. 1925) — историк; докт. ист. наук (1963).

Окончил Минский гос. пед. ин-т (1945) и аспирантуру Ин-та философии и права АН БССР (1950), в 1950—1952 ст. науч. сотр. этого Ин-та. В 1952—1956 доцент Витебского гос. пед. ин-та. В 1956—1970 сотр. ИИ (с 1968 ИИ СССР) АН СССР. В 1970—1980 проф. АОН при ЦК КПСС. С 1981 сотр. Ин-та славяноведения и балканистики (до 1968 и ныне Ин-т славяноведения) АН СССР, в 1986—1987 зав. Группы по изучению современных социальных процессов. Специалист по истории социально-философской

мысли в России и Польше, русско-польских революционных связей. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: *Славяноведение в СССР*. С. 409; *Историки России XX в.* Т. 2. С. 338.

СМОЛИЦКИЙ Виктор Гершонович (р. 1926) — историк, фольклорист; с 1967 канд. ист. наук.

Окончил филол. фак-т МГУ по отделению русского языка и литературы (1950). В 1950—1960 учитель русского языка и литературы в средней школе рабочей молодежи. В 1959—1968 мл. науч. сотр., ст. науч. сотр., зав. Отделом литературы допушкин. периода Гослитмузея. В 1968—1986 работал ст. науч. сотр. в НИИ худож. промышленности (в Отделе теории, истории и соврем. проблем нар. искусства). С 1990 по 2008 ст. науч. сотр., зав. Отделом свода памятников рус. песен. фольклора в Гос. республ. центре рус. фольклора. Автор работ в области фольклора и истории русской литературы. См. его статью по «Слову»: «Вступление в „Слове о полку Игореве"» (*ТОДРЛ*. 1956. Т. 12. С. 5—19). Предоставил А. А. Зимину письменный положительный отзыв о его книге, считая, что она ставит проблемы, которые необходимо решать.

Библиогр.: Список трудов В. Г. Смолицкого / Материалы подгот. Н. Р. Тимониной // Художественный мир традиционной культуры: Сб. ст. к 75-летию В. Г. Смолицкого / Сост. В. Е. Добровольская, Н. Е. Котельникова. М., 2001. С. 279—287.

Лит.: *Добровольская В. Е., Котельникова Н. Е.* От составителей // Там же. С. 4—5; В. Г. Смолицкому — 80 лет // Живая старина. 2006. № 2. С. 47. ◊ *Российские фольклористы*. С. 120—121.

СТАНИСЛАВСКАЯ Августа Михайловна (1914—2001) — историк; докт. ист. наук (1963).

Окончила Московский плановый ин-т Госплана СССР (1936), одновременно училась на заоч. отд-нии ист. фак-та МИФЛИ. С 1936 сотрудник, аспирант (1943—1945), затем ст. науч. сотр., вед. науч. сотр. ИИ АН СССР. В 1947 там же защитила канд. дисс. Основные работы посвящены истории внешней политики России, истории русско-английских, русско-греческих отношений конца

XVIII — нач. XIX в. Предоставила А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: Памяти А. М. Станиславской // Отечественная история. 2002. № 4. С. 219—220. ◊ *Историки России XX в.* Т. 2. С. 363.

СТЕЛЛЕЦКИЙ Владимир Иванович (1905—1985) — лингвист, литературовед, переводчик «Слова»; на момент дискуссии канд. филол. наук (1946), с 1981 докт. филол. наук.

Окончил Тимирязевскую сел.-хоз. академию (1927), с 1929 обучался во 2-м МГУ на отд-нии зап.-европ. языков лит. фак-та, затем в аспирантуре при МИФЛИ. По окончании аспирантуры в 1937—1938 был ассистентом М. А. Рыбниковой, читавшей курс исторической стилистики в Коммунистич. ин-те журналистики. В 1938—1940 работал в Гослитмузее, проводил экскурсии, в том числе по теме «Слово о полку Игореве». В 1940 опубликовал свой первый перевод «Слова». В 1940—1950 преподавал филологические дисциплины в московских и др. вузах. В 1951 был избран чл. Постоян. комиссии по «Слову о полку Игореве» при Союзе писателей СССР, по поручению которой принимал участие в дискуссии по книге А. А. Зимина. С 1952 чл. редколлегии Постоян. комиссии по «Слову», издавшей в 1961 сборник переводов и переложений «Слова». С 1968 чл. Союза писателей СССР по секции переводчиков. О его работах по «Слову» см.: *Булахов.* С. 211—212; *Энциклопедия «Слова».* Т. 5. С. 50—52.

Лит.: *Баскаков Н.* В. И. Стеллецкий, поэт и ученый: ⟨Некролог⟩ // Московский литератор. 1985. 29 нояб. № 47/48. С. 8; *Соколова Л. В.* Владимир Иванович Стеллецкий — переводчик и исследователь «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ.* 1990. Т. 43. С. 419—426 ⟨со списком науч. работ С.⟩.

СУМНИКОВА Татьяна Алексеевна (р. 1928) — лингвист; канд. филол. наук (1955).

После окончания МГПИ им. В. П. Потемкина (1951) обучалась в аспирантуре на кафедре рус. языка того же ин-та. Работала ст. препод. на кафедре рус. языка в Барнаульском (1954—1955) и Челябинском (1955—1956) гос. пед. ин-тах. В 1956—1958 мл. науч. сотр. Сектора истории рус. языка и диалектологии в Ин-те языко-

знания АН СССР. С 1958 работает в ИРЯ АН СССР (РАН), ныне вед. науч. сотр. Отдела ист. лексикографии и ист. грамматики. Один из авторов и редакторов 10-томного Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.), учен. секр. редколлегии Словаря. Занимается исследованием грамматического строя древнерусского языка, изданием памятников письменности, переводами с древнерусского языка на современный русский и созданием учебных пособий для вузов. Выступила на обсуждении книги А. А. Зимина по поводу цитирования им ее отзыва на книгу.

Лит.: *Юдакин А. П.* Славянская энциклопедия: Теоретическое, прикладное и славянское языкознание: В 3 кн. М., 2005. Кн. 3. С. 203—205.

ТВОРОГОВ Олег Викторович (р. 1928) — исследователь древнерусской литературы (литературовед, текстолог, археограф, библиограф), специалист в области летописания и хронографии; на момент дискуссии канд. филол. наук (1962), с 1973 докт. филол. наук, профессор; лауреат Гос. премии РФ в составе коллектива (1993), лауреат премии им. А. А. Шахматова по текстологии (2009).

Окончил ист.-филол. фак-т ЛГПИ (1958) и аспирантуру ЛГУ по кафедре общ. языкознания (1962). В 1961—2006 науч. сотр. Сектора (Отдела) др.-рус. литературы ИРЛИ, в 1999—2004 зав. Отделом. В 1988—1996 зам. директора ИРЛИ по науке. Работу в ИРЛИ совмещал с преподаванием в вузах Петербурга, проф. (с 1997) СПбГУ, Европейского ун-та в Петербурге, РХГИ. Чл. редколлегии «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» (М.; Л., 1965—1984. Т. 1—6), отв. ред. «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» и автор более 200 статей в этом издании. О его работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 215—216; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 101—105.

Библиогр.: Список научных трудов О. В. Творогова за 1959—2003 гг. // *ТОДРЛ*. 2004. Т. 55. С. IV—XXIV.

Лит.: *Алексеев А. А.* К юбилею ученого: Олегу Викторовичу Творогову 70 лет // *РЛ*. 1998. № 4. С. 264—266; *Прохоров Г. М.* «Достойнейший в ученых Творогов» // *ТОДРЛ*. 2004. Т. 55. С. XXV—XXVIII; *Буланин Д. М.* Служба и служение: К 75-летию Олега Викторовича Творогова // Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.,

2005. С. 50—126. ◊ *КЛЭ*. 1978. Т. 9. Стб. 723—724; *Кто есть кто в русском литературоведении*. 1994. Ч. 3. С. 129—130; *Пушкинский Дом*. С. 528—529.

ТИХОМИРОВ Михаил Николаевич (1893—1965) — историк, археограф, источниковед; акад. АН СССР (1953; чл.-корр. с 1946); акад.-секретарь Отд-ния истории АН СССР (1953—1957), пред. Археогр. комиссии (1956—1965).

Окончил ист. отд-ние ист.-филол. фак-та Московского ун-та (1917). В 1919—1923 оказался в Самаре, работал в б-ке О-ва истории, археологии и этнографии, был ассистентом Самарского ун-та, где под руководством В. Н. Перетца вел семинар по палеографии. В 1923—1934 преподавал в одной из средних школ Москвы. Одновременно в 1923—1939 внештат. сотр. ОР ГИМ, с 1940 зав. Отделом. Ст. науч. сотр. ИИ АН СССР (1935—1953) и Ин-та славяноведения АН СССР (1957—1965). Доцент (с 1934), проф. (1940—1952) и зав. основанной им на ист. фак-те кафедрой источниковедения истории СССР (1952—1965) МГУ. В 1946—1948 декан ист. фак-та МГУ.

Автор исследований по истории России, Византии, Сербии, по древнерусской письменности, источниковедению, археографии, историографии, палеографии. Возобновил издание серии «Полное собрание русских летописей», отв. ред. 25—30-го томов (1949—1965). В 1957 основал «Археографический ежегодник», был его отв. ред. О его работах по «Слову» см.: *Булахов*. С. 217—218; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 116—117. Предоставил организаторам дискуссии письменный отзыв о книге А. А. Зимина.

Библиогр.: Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965) / Вступ. ст. В. И. Шункова; Библиогр. сост. Р. И. Горячевой. М., 1963. С. 22—51. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории; Вып. 6); Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965): Биобиблиогр. указ. / Вступ. ст. С. О. Шмидта; Библиогр. сост. И. Е. Тамм. М., 1996.

Лит.: *Валк С. Н.* Археографическая деятельность акад. М. Н. Тихомирова // *АЕ* за 1962 год. М., 1963. С. 5—20; *Зимин А. А.* 1) Древняя Русь в трудах акад. М. Н. Тихомирова // Из истории межславянских культурных связей: (К семидесятилетию акад. М. Н. Тихомирова). М., 1963. С. 10—23; 2) Памяти Михаила Николаевича Тихомирова // Исто-

рические записки. 1965. Т. 78. С. 272—276; *Буганов В. И.* 1) Михаил Николаевич Тихомиров // Там же. 1965. Т. 76. С. 292—307; 2) Михаил Николаевич Тихомиров: (К 100-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 116—125; *АЕ* за 1965 год: Посвящается памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1966; *Поляков Ю.* Вечера у академика Тихомирова // Новый мир. 1983. № 5. С. 208—217; *Чистякова Е. В.* 1) Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). М., 1987. (Сер. «Научные биографии») 〈библиогр. работ Тихомирова на с. 145—153〉; 2) М. Н. Тихомиров как историк древнерусской культуры // Вопросы истории. 1993. № 11/12. С. 158—164; 3) Школа академика М. Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 352—368; *Шмидт С. О.* К столетию со дня рождения М. Н. Тихомирова // Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 35—47; *Покровский Н. Н., Шмидт С. О.* Неутомимый труженик науки: К 100-летию со дня рождения акад. М. Н. Тихомирова // Вестник РАН. 1993. Т. 63, № 8. С. 747—753; Материалы М. Н. Тихомирова и о нем в личных фондах Архива РАН // *АЕ* за 1993 год. М., 1995. С. 40—44. ◊ Энциклопедический словарь. М., 1955. Т. 3. С. 405; *МСЭ*. 1960. Т. 9. С. 341; *СИЭ*. 1973. Т. 14. Стб. 246—247; The International Who's Who. London, 1963. P. 964; *БСЭ*. 1976. Т. 25. С. 595; Москва: Энциклопедия. / Гл. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1980 (переизд.: 1997 / Под ред. С. О. Шмидта). С. 603; Историки-слависты СССР. М., 1981. С. 158; Книговедение: Энциклопед. словарь. М., 1982. С. 533; Great Historians of the Modern Age: An International Dictionary. New York; Westport (Conn.); London, 1991. P. 578—579 (V. I. Buganow); *Славяноведение в СССР*. С. 432—433; Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 496—510 (В. И. Буганов); *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 78; *Портреты историков*. Т. 1. С. 247—258 (С. О. Шмидт), 258—271 (Е. В. Чистякова); *Историки России: Биографии*. С. 677—684 (В. И. Буганов); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 453—455 (Т. А. Круглова); *Историки России XX в*. Т. 2. С. 403—404.

ФИЛИН Федот Петрович (1908—1982) — лингвист; чл.-корр. АН СССР (1962). В 1963—1967 чл. Бюро ОЛЯ АН СССР, в 1967—1971 зам. акад.-секретаря ОЛЯ АН СССР.

В 1928—1931 обучался на лит.-лингвистич. отд-нии пед. фак-та 2-го МГУ (с 1930 филол. фак-т МГПИ). Во время учебы слушал

лекции Н. Я. Марра, увлекся его учением. В 1931 поступил в пятигодичную аспирантуру Яфетического ин-та в Ленинграде (с октября 1931 ИЯМ АН СССР), по специальностям «русский язык» и «общее языкознание». В 1935 защитил канд. дисс., посвященную изучению лексики русских народных говоров. В 1936—1941 науч. сотр. ИЯМ им. акад. Н. Я. Марра АН СССР (с 1938 зав. Сектором рус. диалектологии, с 1941 руководитель Группы Диалектологич. атласа рус. языка). В 1941—1945 воевал на Ленинградском фронте. После войны руководил Ленинградским диалектологич. центром, готовившим тома Диалектологического атласа русского языка по северновеликорусским говорам. В 1946—1950 зав. Сектором диалектологии, с 1947 зам. директора ИРЯ АН СССР. В 1949 защитил докт. дисс. по лексике русского языка «древнекиевской эпохи». В 1949—1950 уч. секр. Президиума АН СССР, затем ст. науч. сотр. ИЯ АН СССР в Ленинграде, с 1954 зав. Словарным сектором, с 1957 руководитель Группы «Словаря русских народных говоров», с 1962 зав. Словарным сектором. В 1964—1968 директор ИЯ АН СССР. В 1968—1982 директор ИРЯ АН СССР. Гл. ред. журн. «Вопросы языкознания» (с 1971).

Преподавал в Ленинградских вузах. В 1936—1941, 1946—1950 доцент, проф. (с 1947) ЛГПИ им. А. И. Герцена; в 1954—1957 проф. ЛПИ им. М. Н. Покровского; в 1957—1961 проф. ЛГУ.

Специалист в области истории восточнославянских языков, исторической фонетики, лексикологии и лексикографии, диалектологии. Пред. редколлегии и один из составителей «Словаря современного русского литературного языка» (М., 1950—1965. Т. 1—17). Гл. ред. многотомного «Словаря русских народных говоров» (с 1965), при его жизни вышло 23 выпуска.

Библиогр.: Федот Петрович Филин / Вступ. ст. Ф. П. Сороколетова и Г. И. Белозерцева; Библиография сост. Г. С. Баранковой. М., 1978. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 12); 2-е изд.: 2007.

Лит.: *Балахонова Л. И.* Ф. П. Филин: (К шестидесятилетию со дня рождения) // Филологические науки. 1968. № 2. С. 131—132; *Сороколетов Ф. П.* Федот Петрович Филин: (К 60-летию со дня рождения) // *ИОЛЯ*. 1968. Т. 27, вып. 1. С. 79—81; *Трубачев О. Н.* Федот Петрович Филин: (К 70-летию со дня рождения) // Там же. 1978. Т. 37, вып. 1. С. 81—84; Филин Федот Петрович // Словарь

русского языка XI—XVII вв.: Справоч. вып. М., 2001. С. 229—231 ⟨со списком осн. работ Ф. и литературы о нем⟩; Памяти Федота Петровича Филина: К 100-летию со дня рождения. М., 2006 ⟨см. здесь воспоминания о Ф.⟩; *Добродомов И. Г.* Федот Петрович Филин: (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2008. № 2. С. 69—73; *Смолина К. П.* Торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Федота Петровича Филина // Филологические науки. 2008. № 5. С. 120—123. ◊ *БСЭ*. 1977. Т. 27. С. 393; *Славяноведение в СССР*. С. 451—452; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 277; *Ведущие языковеды мира*. С. 760—761.

ХВОСТОВ Владимир Михайлович (1905—1972) — историк; чл.-корр. АН СССР (1953), академик (1964); зам. акад.-секретаря Отд-ния истории (1963—1967), позднее акад.-секретарь Отд-ния истории АН СССР (1971—1972).

Окончил Казанский пед. ин-т (1926), аспирантуру Ин-та истории РАНИОН (1929). С 1925 преподавал в Казани, в 1934—1941 доцент, проф. ист. фак-та МГУ; одновременно науч. сотр. ИИ АН СССР. С 1938 докт. ист. наук, с 1939 профессор. В 1941—1945 участник Великой Отечественной войны. В 1944—1945, 1957—1959 сотр. аппарата ЦК ВКП(б) (КПСС). В 1945—1946 директор Высш. дипломат. школы МИД СССР. В 1946—1957 нач. Упр-ния, чл. коллегии МИД СССР. Директор ИИ АН СССР (1959—1967). В послевоенные годы продолжал педагогическую работу. Проф. по кафедре Новой истории ист. фак-та МГУ (1944—1946, 1960—1970), руководитель кафедры междунар. отношений АОН при ЦК КПСС (1946—1954), проф. ВПШ при ЦК КПСС. Один из учредителей и первый през. АПН СССР (1967—1971). Автор работ по истории России Нового времени и международных отношений Российского государства.

Библиогр.: Библиография научных трудов и статей акад. В. М. Хвостова // Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в.: Избр. труды. М., 1977. С. 390—401; Статьи, рецензии и отклики на научные труды и творческую деятельность акад. В. М. Хвостова // Там же. С. 401—402.

Лит.: *Брежнев Л. И. и др.* Академик Владимир Михайлович Хвостов: ⟨Некролог⟩ // Вестник АН СССР. 1972.

№ 5. С. 101—102; *Манфред А. З., Поляков Ю. А.* Крупнейший советский историк Владимир Михайлович Хвостов // История СССР. 1972. № 4. С. 239—250; *Нарочницкий А. Л.* Жизненный путь и научная деятельность академика В. М. Хвостова // Вопросы истории. 1975. № 12. С. 126—133; Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений: Сб. ст. памяти акад. В. М. Хвостова. М., 1976. С. 5—61 ⟨статьи о Х. акад. А. Л. Нарочницкого, вице-през. АПН СССР А. Г. Хрипковой и др.⟩; *Нарочницкий А. Л., Вознесенский В. Д.* Академик В. М. Хвостов — ученый, организатор науки, общественный деятель // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 162—172; *Гинцберг Л. И.* Академик Владимир Михайлович Хвостов (1905—1972) // Там же. 1993. № 6. С. 186—199. ◊ *СИЭ*. 1974. Т. 15. Стб. 561; *БСЭ*. 1978. Т. 28. С. 224; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 103; *Портреты историков*. Т. 2. С. 382—392 (Л. И. Гинцберг); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 497—498 (Е. В. Романова); *Историки России XX в.* Т. 2. С. 477.

ХОРОШКЕВИЧ Анна Леонидовна (р. 1931) — историк; на момент дискуссии канд. (1958), с 1974 докт. ист. наук.

Окончила ист. фак-т МГУ (1954). С 1957 науч. сотр. ИИ АН СССР (ныне ИРИ РАН), в 1991—2001 вед. науч. сотр. С 2001 вед. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН. Автор исследований по истории России периода феодализма, специалист в области изучения экономической и социально-политической истории, международных отношений, общественной мысли Древней Руси и России Нового времени. Чл. редколлегий по подготовке к печати неизданных работ А. А. Зимина, один из организаторов Чтений, посвященных его памяти. Предоставила А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список печатных трудов А. Л. Хорошкевич ⟨за 1958—2001 гг.⟩ // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст.: К 70-летию А. Л. Хорошкевич / Сост. А. В. Юрасов; Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 25—50.

Лит.: *Юрасов А. В.* Анна Леонидовна Хорошкевич // Там же. С. 6—16; *Зимин А. А.* Мой истинный друг: ⟨Глава «Разбойница Аська» из неопубликованных мемуаров «Храм науки»⟩ / Подгот. текста к печати и коммент. А. В. Юрасова // Там же. С. 17—24. ◊ *Историки России XX в.* Т. 2. С. 483.

ЧЕРЕПНИН Лев Владимирович (1905—1977) — историк-медиевист, источниковед, историограф; на момент дискуссии докт. ист. наук (1947), профессор (1947), с 1972 акад. АН СССР; заслуж. деятель науки РСФСР (1970).

Окончил МГУ (1925) и аспирантуру Ин-та истории РАНИОН (1929). С 1929 сотр. ОР ГБЛ (ныне РГБ). В 1930 арестован по «академическому делу», заключение отбывал на двинских каменоразработках. В 1933 нелегально вернулся в Москву, занимался временной работой в издательствах. В 1936—1941 работал по временному договору в ИИ АН СССР, в 1941—1942 был учителем в средней школе. С 1946 ст. науч. сотр. ИИ (с 1968 ИИ СССР) АН СССР, с 1951 зав. Сектором истории СССР периода феодализма, с 1969 также зав. Отделом истории докапиталист. формаций на территории СССР. Преподавал на кафедре вспомогат. ист. дисциплин МГИАИ (1942—1949), который вынужден был покинуть после «проработок», а также в МГУ (1944—1960), МГИМО (1946—1952), в АОН при ЦК КПСС.

Специалист в области отечественной истории периода феодализма, автор ряда работ, посвященных исследованию образования Русского централизованного государства. Затрагивал вопросы, связанные со «Словом о полку Игореве» (см.: *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 203—205). Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Лев Владимирович Черепнин / Вступ. ст. В. Д. Назарова; Библиогр. сост. И. Г. Бебих и Р. И. Горячевой. М., 1983. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории; Вып. 14); Список научных работ Л. В. Черепнина и литературы о нем за 1982—1986 гг. / Сост. П. В. Пронина // Феодализм в России: Сб. ст. и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 321—323.

Лит.: *Каштанов С. М.* Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // *АЕ* за 1977 год. М., 1978. С. 378—380; *Пашуто В. Т., Назаров В. Д.* Памяти старшего друга: О Льве Владимировиче Черепнине // История СССР. 1978. № 1. С. 144—156; Феодализм в России: Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ., Москва, 30 окт. — 1 нояб. 1985 г. М., 1985; *Янин В. Л., Назаров В. Д.* Лев Владимирович Черепнин: (Творч. облик исследователя) // История СССР. 1986. № 1. С. 98—108; ⟨Воспоминания о Л. В. Черепнине⟩ // Феодализм в России:

Сб. ст. и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. С. 5—85. ◊ *СИЭ*. 1974. Т. 15. Стб. 840—841; *БСЭ*. 1978. Т. 29. С. 76; *Историческая наука России*. С. 511—537 (В. С. Румянцева); *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 136; *Портреты историков*. Т. 1. С. 285—303 (В. Д. Назаров); *Историки Росии: Биографии*. С. 764—772 (В. Д. Назаров); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 503—506 (И. Е. Тришкан); *Историки России XX века*. Т. 2. С. 499—500.

ШЕРВИНСКИЙ Сергей Васильевич (1892—1991) — писатель, поэт, переводчик; чл. Союза писателей СССР. Исполнял обязанности секретаря Постоян. комиссии по «Слову о полку Игореве» при Союзе писателей СССР (1954—1976). Переводил Софокла, Еврипида, Вергилия, Овидия, Катулла, Гёте, Низами и др. Автор перевода «Слова о полку Игореве» на современный русский язык (1934) и статей о нем (см.: *Булахов*. С. 232—233; *Энциклопедия «Слова»*. Т. 5. С. 231—232).

Лит.: *КЛЭ*. 1975. Т. 8. Стб. 694; Русские писатели 20 века: Биогр. словарь. М., 2000. С. 766.

ШТРАНГЕ Михаил Михайлович (1907—1968) — историк; канд. ист. наук (1954).

После революции 1917 эмигрировал с родителями из России. Жил во Франции. Окончил ист.-филол. фак-т Парижского ун-та (Сорбонну) (1939). Во время оккупации Франции по заданию коммунистов участвовал в организации партизанского движения в Верхней Савойе (см.: *Штранге М. М.* Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941—1944 гг. // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 113—121). В 1947 Ш. переехал в СССР. Работал в качестве гл. библиографа Фундамент. б-ки обществ. наук АН СССР, а затем науч. сотр. ИИ АН СССР. Исследователь русского общественного движения XVIII в. Автор книг: «Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг.» (М., 1956; в 1960 опубл. на франц. яз.), «Демократическая интеллигенция России в XVIII веке» (М., 1965) и др. Вел большую работу в области международных научных связей, будучи в течение ряда лет учен. секр. Национального комитета историков СССР. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Лит.: Михаил Михайлович Штранге: ⟨Некролог⟩ // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 216 (эл. версию см.: http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78839101.htm).

ШУНКОВ Виктор Иванович (1900—1967) — историк, чл.-корр. АН СССР (1962); в 1959—1967 зам. акад.-секретаря Отд-ния истории АН СССР; в 1966—1967 пред. Археогр. комиссии.

Окончил фак-т обществ. наук МГУ (1925). С 1926 учитель в средней школе, препод. вуза. В 1936—1941 и в 1945—1949 науч. сотр. ИИ АН СССР (в 1941—1945 участник Великой Отечественной войны), в 1945—1949 зам. директора Ин-та. В 1940 защитил канд., в 1954 докт. диссертации. В 1949—1967 директор Фундамент. б-ки обществ. наук им. В. П. Волгина, в 1955—1960 гл. ред. журн. «Исторический архив». Проф. ист. фак-та МГУ. Основные труды посвящены истории крестьянской колонизации и краеведению Сибири, археографии, источниковедению, библиографии и библиотечному делу. Вместе с Е. М. Жуковым вел заседания на дискуссии по книге А. А. Зимина.

Библиогр.: Виктор Иванович Шунков. М., 1971. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. истории; Вып. 10); Литература о жизни и деятельности В. И. Шункова // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода: ⟨Сб. ст.⟩: Посвящ. памяти В. И. Шункова. Новосибирск, 1971. С. 16—36.

Лит.: *Преображенский А. А.* 1) Виктор Иванович Шунков: ⟨Некролог⟩ // История СССР. 1968. № 2. С. 232—234 ⟨со списком работ Ш. за 1961—1967 гг.⟩; 2) Виктор Иванович Шунков // Преображенский А. А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 268—273; *Окладников А. П.* В. И. Шунков — историк Сибири // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): Сб. ст. памяти чл.-корр. АН СССР В. И. Шункова. М., 1973. С. 1—9; *Александров В. А.* Творческий путь Виктора Ивановича Шункова // Там же. С. 10—23; *Бояршинова З. Я.* В. И. Шунков о феодальных отношениях в сибирской деревне // Там же. С. 24—36. ◊ *СИЭ*. 1976. Т. 16. Стб. 371—372; *БСЭ*. 1978. Т. 29. С. 521; *Персональный состав РАН*. Кн. 2. С. 277; *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 516—517 (И. Е. Тришкан); *Историки России XX в.* Т. 2. С. 560.

ЩАПОВ Ярослав Николаевич (р. 1928) — историк; с 1964 канд. ист. наук, с 1975 докт. ист. наук, с 1987 чл.-корр. АН СССР.

Окончил ист. фак-т МГУ (1952). В 1952—1957 работал в ОР ГБЛ, с 1957 сотр. ИИ АН СССР (ныне ИРИ РАН), зав. Группой по истории религии и церкви, руководитель Центра истории религии и церкви ИРИ РАН, гл. науч. сотр., ныне советник. В 1980—2002 работал по совместительству на кафедре истории СССР периода феодализма (с 1992 кафедра истории России до нач. XIX в.) ист. фак-та МГУ, проф. (с 1992). Чл. Археогр. комиссии РАН; пред. Науч. совета РАН «Роль религий в истории» (1988); пред. Рос. о-ва историков-архивистов (с момента его образования в 1991); в 2003—2007 пред. Имп. Православного Палестин. о-ва.

Основные труды посвящены истории древнерусского государства IX—XIV вв., истории Русской Православной Церкви, византийскому и южнославянскому правовому наследию на Руси в XI—XIII в. Предоставил А. А. Зимину письменный отзыв о его книге.

Библиогр.: Список опубликованных работ Я. Н. Щапова // От Древней Руси к новой России: Юбил. сб., посвящ. чл.-корр. РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 387—412.

Лит.: *Щапов Я. Н.* О моих занятиях историей России // Историки России о времени и о себе. М., 1997. Вып. 1. С. 58—66; *Сахаров А. Н., Синицына Н. В.* Творческий путь Я. Н. Щапова // От Древней Руси к новой России. С. 6 — 16. ◊ *Научная элита.* С. 436; *Славяноведение в СССР.* С. 495—496; *Персональный состав РАН.* Кн. 3. С. 247; *Профессора и доктора наук МГУ.* С. 647; *Энциклопедический словарь МГУ.* С. 517—518; *Историки России XX в.* Т. 2. 562; Répertoire International des Médiévistes (= International Directory of Medievalists). 6th ed. Paris; London; München; New York, 1987. Vol. 1. No. 818. P. 218—219.

ЯНИН Валентин Лаврентьевич (р. 1929) — историк и археолог; на момент дискуссии докт. ист. наук (1963), с 1966 чл.-корр. АН СССР, с 1990 акад. РАН; лауреат Ломоносовской (1966), Ленинской (1984), Демидовской (1993), двух Государственных (1970, 1996) премий, премии «Триумф» (2002), Солженицинской премии (2010).

Окончил ист. фак-т МГУ по кафедре археологии (1951). Здесь же обучался в аспирантуре, в 1954 защитил канд. дисс. С 1954 науч.

сотр., проф. (1963), зав. кафедрой археологии (с 1978) ист. фак-та МГУ. С 1962 возглавляет Новгородскую археологич. экспедицию МГУ. Науч. руководитель Новгородского филиала ИРИ РАН. Чл. Бюро Отд-ния истории АН СССР (1980—1991), РАН (с 1996); чл. Президиума РАН (1991—2001), с 2001 советник Президиума РАН. Ведет большую научно-общественную работу: чл. Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте РФ, пред. Музейного совета при Российском Фонде культуры, чл. Консультативного совета при Министерстве культуры РФ, чл. Гос. комиссии по реституции культурных ценностей.

Автор научных работ в области истории и археологии, нумизматики, сфрагистики и эпиграфики Древней Руси, истории и источниковедения средневекового Новгорода, исследователь берестяных грамот. В своем выступлении на дискуссии касался вопросов денежной системы русского Средневековья (термин «бела»), этой теме была посвящена его канд. дисс. (опубл. в 1956).

Библиогр.: Валентин Лаврентьевич Янин: Библиогр. указ. / Сост. П. Г. Гайдуков. Новгород, 1997; Валентин Лаврентьевич Янин / Вступ. ст. Н. А. Макарова. М., 2004. (Материалы к биобиблиографии ученых. Сер. «Ист. науки»; Вып. 25); Список основных трудов В. Л. Янина за 2004—2008 гг. // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст.: К 80-летию В. Л. Янина. М., 2009. С. 9—14.

Лит.: *Рыбаков Б. А., Горский А. Д., Колчин Б. А.* 50-летие В. Л. Янина // Вопросы истории. 1979. № 1. С. 110—112; Академику В. Л. Янину — 70 лет // Вестник РАН. 1999. Т. 69, № 7. С. 662; *Гайдуков П. Г.* 1) К семидесятилетию академика Валентина Лаврентьевича Янина // Российская археология. 1999. № 1. С. 5—11; 2) Очерк научной деятельности Валентина Лаврентьевича Янина // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 7—17; *Гайдуков П. Г., Макаров Н. А.* К семидесятилетию Валентина Лаврентьевича Янина // Вестник РГНФ. 1999. № 1. С. 372—379; *Хорошев А. С.* Подвижник науки: К 70-летию В. Л. Янина // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1999. № 1. С. 3—10; *Шмидт С. О.* 70-летие академика Валентина Лаврентьевича Янина // *АЕ* за 1999 год. М., 2000. С. 171—172; *Макаров Н. А., Носов Е. Н.* К 75-летию В. Л. Янина // Российская археология. 2004. № 1. С. 15—18; *Макаров Н. А., Гайдуков П. Г.* К 80-летию академика В. Л. Янина // Великий

Новгород и средневековая Русь. С. 3—8. ◊ *БСЭ*. 1978. Т. 30. С. 510; *Научная элита*. С. 196; *Персональный состав РАН*. Кн. 3. С. 83; *Профессора и доктора наук МГУ*. С. 660; Сто лидеров земли Новгородской: Сб. биогр. очерков. Великий Новгород, 1999. С. 308 (С. В. Трояновский); *Археологи Великого Новгорода*. С. 101 (Е. А. Рыбина); *Энциклопедический словарь МГУ*. С. 529—531; *Историки России XX в.* Т. 2. С. 584—585.

Указатель имен *

А. К., криптоним автора рец. в ж. «Byzantinoslavica» 669
Абуль Гази (Абуль-гази), хивин. хан, историк 301
Аванесов Р. И. 64, 65, **75**, 86
Аввакум, протопоп 161
Авдусин Д. А. **395**, 557, 577, 691, 692
Авиценна (Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина) 480
Адрианова-Перетц В. П. 9, 45, 57, 59, 62, 67, 74, 80, 87, 89, 90, 92, 100, 113, 124, 135, 157, 160, 170, 171, 173, 177, 184, 197, 205, 214, 215, 287, 311, 314, 315, 360, 450, 456, 457, 462—464, 498, 499, 502, 503, 505, 528, 530—532, 546, 563, 564, 581, 584, 585, 589, 613, 619, 639, 647, 666, 669, 671, 672, 683, **688**, **689**, 694, 702, 709, 721, 724
Азадовский М. К. 202, 204
Азбелев С. Н. 54, 56, 63, 65, 66, 74, 82, 88, 89, 100, 138, 309, 310, 332, 335, 341, 344, 400, 407, 413, 529, 538, 539, 546, 598, 632, 677, 678, **689**, **690**
Айналов Д. В. 337, 338, 508
Айтцетмюллер Р. (Aitzetmüller R.) 665, 678, 679
Акимов Н. П. 410
Аксаков К. С. 157, 212, 236, 237, 430, 560
Александров В. А. 753
Алексеев А. А. 555, 679, 745
Алексеев М. П. 31, 66, 504, 702
Алексей Михайлович, царь 559
Алексий, митр., св. 539
Алишер Навои 480, 553
Алпатов В. М. 718
Альшиц Д. Н. 64, 137, 139, 140, 390, **690**, **691**
Амартол см. Георгий Амартол
Амосов А. А. 718
Ананьич Б. В. 711, 735
Анастасевич В. Г. 12
Андреев В. Ф. 714
Андреев Н. Е. **25**, 26, 28, 31
Андреевна, жена кн. Олега Святославича, брата Игоря 141, 192
Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владимирский, св. 391
Андроников И. Л. **55**, 62, 84, 85
Андрончева А. 667
Аничков Е. В. 194, 377
Анна, визант. царевна, жена кн. Владимира Святославича 496
Ансерова Н. М. 707
Антокольский П. Г. 583
Антонова К. А. **553**
Антонович В. Б. 201, 440
Аполлос (Байбаков), еп. 283
Апостолов Л. Г. 246
Арендт В. В. 242, 243, 245, 397, 556, 557, 627
Ариман (мифол.) 303

---

* Указатель составлен Л. В. Соколовой и Н. И. Милютенко. Полужирным шрифтом набраны номера страниц, на которых даны комментарии к именам исследователей, принимавших прямое или косвенное участие в дискуссии. Имя А. А. Зимина по понятным причинам в указатель не включено. Биобиблиографические данные о нем см. во вступительной статье и на с. 711—713 раздела «Участники дискуссии». Библиография работ Зимина по теме дискуссии — на с. 665—668.

Аристов Н. А. 477
Аристотель 480
Арсений (Верещагин), архиеп. 271—273
Артамонов М. И. 62, **65**
Артамонов Ю. А. 703
Архангельская В. К. 119
Арциховский А. В. 14, 62, 88, 91, 122, 148, 240, 244, 248, 250, 339, 341, 356, 362, 433, 474, 483—485, 502, 538, 556, 557, 595, 610, 627—629, 631, 650, 651, 657, **691, 692**
Асеев Н. Н. 583
Астахина Л. Ю. 720
Астахова А. М. 281, 689
Аттила, вождь гуннов 300
Афанасий Никитин 383, 557
Афиани В. Ю. 10
Афферика Дж. (Afferica J.) 697, 712
Ахмад ибн Махмуд Югнаки, узб. поэт XII в. 473
Ахматова (наст. фам. Горенко) А. А. 583
Ахурамазда (мифол.) 303

Бабкин Д. С. **55**
Багрицкий (наст. фам. Дзюбин) Э. Г. 411
Бадаев Е. В. 718
Базанов В. Г. 31, 32, 81, 738
Байбурин А. К. 739
Бакланова И. А. 696, 697
Балакаева И. А. 722
Балахонова Л. И. 748
Бантыш-Каменский Д. Н. 350—353, 647
Бантыш-Каменский Н. Н. 13, 167, 252, 354
Баран Х. 7, 27, 31, 684
Баранкова Г. С. 720, 748
Барсов Е. В. 13, 231, 239, 551
Бартольд В. В. 473
Бархударов С. Г. 64, 65
Баскаков Н. А. 75, 88, 124, 249, 266, 297, 300, 308, 334, 372, 434, 472, 473, 475, 552, 553, 555, 556, 595, 615—618, 651, 652, 675, **692**, **693**, 744
Батюшков К. Н. 567
Бауэр Н. П. 490
Бебих И. Г. 751
Бегунов Ю. К. 671
Бекедин П. В. 119
Беленицкий А. М. 62
Беленицкий С. С. (ошибочно вместо Беленицкий А. М.?) 62
Беликов И. 11, 12, 469
Белинский В. Г. 157, 164, 204, 288
Белоброва О. А. 706
Белозерцева Г. И. 748
Бельчиков Ю. А. 699
Беляев И. Д. 154
Беляев Л. А. 692
Беляева О. М. 735
Березин И. Н. 305, 306
Берков П. Н. 89, 92, 100, 271, 277, 462—464, 503—505, 557, 595, **693—695**, 702, 709
Берковский Н. Я. 41
Бернштейн С. И. 89, 561, **695**
Бертельс А. Е. **553**
Бертельс Е. Э. **553**
Бессонов П. А. 350, 354, 502
Бешарова (Бешарова-Джапаридзе) Ю. (Besharov J.) 41, 95, **155**, 183, 448, 449, 614
Білецький О. І. 702
Бицилли П. М. (Bitsilli P. M.) 14, 171, 647
Благова Ф. 693

Бланков Ж. (Blankoff J.) **29**, 405
Блок А. А. 641, 695
Бобров А. Г. 668
Богатырев С. Н. 10
Богородский Б. Л. 64, 65
Боденштедт Ф. 237
Бодянский О. М. 469
Болдур А. 377
Боняк, половец. хан 305
Борис (Роман) Владимирович, кн., св. 391
Борис Вячеславич, кн. 229, 453
Борисов В. М. 737
Борисов Н. С. 741
Борковский В. И. 62, 453
Боронина И. А. 718
Борунова С. Н. 704
Борщев Н. 586
Ботвинник Н. М. 683
Боян 179, 197, 216, 258, 294, 303, 304, 337, 338, 365, 377, 380, 414, 416, 417, 422, 423, 531, 540, 543, 555, 669
Бояршинова З. Я. 753
Брагинский И. С. 718
Брежнев Л. И. 749
Бромлей Ю. В. 45, 46, 69, 71, 73, 79, **118**
Брут Марк Юний (в поговорке) 58
Брячислав Василькович, кн. 191, 607
Бубнов Н. Ю. 718
Буганов В. И. 715, 747
Бударагина О. В. 275
Буланин Д. М. 10, 745
Булахов М. Г. 13, 54, 55, 68, 93, 682, 688—690, 693, 694, 699, 700, 702, 705, 706, 709, 712, 720, 721, 724, 726, 731, 738, 740, 741, 744—746, 752
Булаховский Л. А. 171, 373, 436, 446, 453, 562, 563
Булгаков М. А. 723, 727
Булич С. К. 425
Булычев П. В. 162
Буслаев Ф. И. 201, 239
Бушмин А. С. 738
Бычкова М. Е. **289**, 290, 408, 535, 551

Вайян А. (Vaillant A.) **30**, 104, 669, 671, 673
Валитова А. А. 88, 146, 297, 462, 471, 473, 474, 476, 478, 479, 481, 552, 553, 615, 617, 651, **696**
Валк С. Н. 55, 56, 62, 81, 512, 668, **696**, **697**, 746
Вандалковская М. Г. 732
Ванеева Е. И. 8, 57, 683, 685
Варлаам Хутынский, прп. 372
Васильева А. В. 726
Вахтина П. Л. 729
Вацуро В. Э. 699
Вачнадзе С. М. 222
Велес (Волос) (мифол.) 194, 304, 305, 377, 378, 544, 555
Венера (мифол.) 195
Вензель Е. 727
Вергилий Публий Марон 752
Вернадский В. И. 97
Вернадский Г. В. **97**, 527
Веселовский А. Н. 15, 156
Веселовский С. Б. 359
Ветловская В. Е. 738
Вилинбахов В. Б. 54, 63, 65, 74, 88, 89, 387, 388, 393, 395, 399, 406, 470, 557, 610, 627, 628, **697**, **698**
Вилкул Т. Л. 275
Виноградов В. В. 23, 27, 31, 38—42, 44, 50, 54, 61, 62, 65, 66, 74, 83, 100, 102, 106, 169, 202,

203, 444, 445, 504, 505, 557, 558, 650, 687, **698—700**, 702
Виноградова В. Л. 124, 171, 561, 571
Винокур Г. О. 448
Виппер Р. Ю. **290**, 291
Владимир, кн. полоцкий 191
Владимир Андреевич, кн. серпуховской 176, 213, 314, 360, 416, 417
Владимир Всеволодович Мономах, кн. киевский 11, 136, 161, 259, 353, 380, 381, 436, 493, 587
Владимир Глебович, кн. переяславский 193, 336, 337, 543, 549, 607
Владимир Игоревич, кн. путивльский, сын Игоря Святославича 192, 193, 299, 607, 633
Владимир Святославич, кн., равноап. 135, 214, 350, 414, 416, 419, 420, 440, 496, 531, 600
Владимир Ярославич, кн. галицкий, шурин Игоря 131, 190
Владимиров П. В. 239
Вовина-Лебедева В. Г. 684, 727, 735
Водолазкин Е. Г. 10, 98, 657, 705, 725
Вознесенский В. Д. 750
Волгин В. П. 15
Волк С. С. 697
Волков А. А. 689
Волобуев П. В. 108
Володихин Д. М. 683
Волх Всеславьевич (былин.) 202
Вольский Е. В. 10
Вольтер 281, 285, 621, 622, 652
Воронин Н. Н. 23, 62, **85**, 399, 509
Ворт Д. С. (Worth D. S.) 666, 671
Востоков А. Х. 226, 239, 655
Всеволод Василькович, кн., брат Изяслава 191, 607
Всеволод Святославич, «Буй-тур», кн. трубчевский и курский 84, 192, 298, 422, 436, 440, 543
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, кн. владимиро-суздальский 156, 193, 230—233, 248, 255, 256, 261, 267, 268, 379, 434, 607, 609, 610, 640
Всеволод Ярославич, кн. киевский, отец Владимира Мономаха 497
Всеволод Ярославич, кн. луцкий, внук Изяслава Мстиславича 219
Всеслав Брячиславич, кн. полоцкий 188, 189, 202, 254, 403, 404, 490, 542, 608, 627
Всеслав Изяславич, кн. полоцкий, внук Владимира Святославича 496
Всеславичи («Всеславли внуци») 267, 625
Вулетич В. А. 713
Вяземский П. П., кн. 372, 393

Г. С. см. Струве Г. П.
Гавриилко Изяславович, кащей 380
Гайдуков П. Г. 755
Галкин И. С. 707
Гальперин Ч. 685
Ганелин Р. Ш. 697, 727
Ганелина И. Е. 61, 683, 727
Ганка В. 27, 160
Гарс Эддин, эмир 243
Гебауер Я. 27
Гедеон (Криновский), еп. псковский 282
Гедройц С. (наст. имя и фам. Самуил Лурье)

Генрих Латвийский, хронист 191
Георгий Амартол 200, 426
Георгий (Конисский), архиеп. белорусский 207, 275—277, 283, 550, 622, 625, 652
Георгий Хировоск 41
Гераклит 281, 621
Герасимов М. М. 84
Герцен А. И. 162, 480, 721
Гёте И.-В. 752
Гза(к), хан 261, 268, 298, 305, 555
Гильфердинг А. Ф. 201, 439
Гинцберг Л. И. 750
Глаголев А. Г. 12
Глеб (Давыд) Владимирович, кн., св. 391
Глеб Святославич, кн. тмутараканский и новгородский 21, 132, 188, 247, 608
Глебовичи («сыны Глебовы»), кн. рязанские 232, 233, 434
Глинкина Л. А. 720
Гмелин С.-Г. **302,** 618
Гоголь Н. В. 470, 721
Годебский Ц. (Godebski C.) 205, 522—524
Гойя Ф. 636
Голенищев-Кутузов И. Н. 14, 54, 62, 74, 88, 119, 171, 249, 278, 292—294, 297, 318, 319, 356, 431, 551, 595, 602, 623, 647, 670, 681, **700, 701**
Голенищев-Кутузов М. И. 700
Голенищева-Кутузова И. В. 700
Голобуцкий В. А. **55**, 62, 65, 74
Головенченко Ф. М. 584
Гольдгаммер Д. А. 51
Гольдерман И. Т. 302
Гомер 197, 258, 546
Гонсиоровский О. О. 217
Гончаров И. А. 560
Гордин Я. А. 93, 109
Гордлевский В. А. 136, 300, 307, 308, 477, 478, 553, 617
Горелов А. А. 10, 519, **701**, 708
Горлин М. Г. 673
Городецкий Е. Н. 732
Горский А. А. 665, 668, 673, 675—678
Горский А. Д. 755
Горячева Р. И. 688, 706, 741, 746, 751
Грабар А. Н. **29**
Гранин Д. А. 725
Грегуар А. (Grégoire H.) 28
Греков Б. Д. 15, 239, 481, 490, 641, 681
Григорович В. И. 393
Григорович И. И., прот. 276
Григорьев А. Д. 201
Григорьян К. Н. 738
Григорян В. М. 679
Гримм, бр. 221
Грин Ц. И. 697
Гросул В. Я. 707
Грушевский М. С. 393
Гудзий Н. К. 9, 22, 24, 25, 36, 40, 62, 64, 66, 75, 78—80, 88—90, 92, 95, 96, 106, 113, 121, 135, 148, 149, 154, 163, 165, 170, 197, 230, 236, 238, 240, 291, 295, 318, 344, 345, 348, 384, 408, 424, 438, 466, 467, 479—481, 506, 509, 520, 522, 528, 531, 556, 581, 584—586, 595, 625, 631, 639, 647, 649, 650, 653, 657, 668, 669, 683, 689, **701—703**, 721, 739, 776
Гудулу-каган 472
Гуковский Г. А. 202
Гульчинский В. И. 114, 712, 730
Гумилев Л. Н. 674, 675

Гусев Н. Н. 518, **703, 704**
Гюрги см. Юрий Владимирович Долгорукий

Давид Ростиславич, кн. смоленский 262
Давыдов И. И. 12, 157, 236
Дажьбог (Даждь-бог) (мифол.) 131, 377, 378, 469
Даждьбожий внук (внуки) 131, 160, 492, 553, 619
Даниил, игум. 200
Даниил, митр. московский 277
Даниил Заточник 170, 200, 207, 224, 259, 380
Данилевский И. Н. 72, 92, 667, 681, 686
Данти А. (Danti A.) 665, 674, 677, 679
Даркевич В. П. 731
Двинянинов Б. Н. 39
Дейч А. И. 702
Демин А. О. 285
Демкова Н. С. 10, 100, 666, 671, 676, 705, 709
Демьянов В. Г. 720
Державин Г. Р. 50, 645
Державина Е. И. 687, 704
Державина О. А. 64, 65, 79, 88, 291, 309, 382, 386, 557, 625, **704**, 721, 790
Десницкий В. А. 284
Див (мифол.) 219, 302, 303, 307, 380, 411, 442
Димитриев В. Д. 103
Димитрий Ростовский (Туптало), митр., св. 163
Динес В. А. 737
Дмитриев Л. А. 7, 18, 31—34, 41, 43, 47—49, 57, 62, 75, 82, 88, 91, 94, 117, 120—122, 124, 129, 135, 136, 139, 142, 176, 309, 315, 340, 346, 351, 352, 354, 357, 360, 366, 408, 413, 435, 539, 556, 580, 586, 600, 604, 605, 666, 668, 670—672, 674—676, 678, 680, 685, 688, 689, 702, **704, 705**, 706, 709, 714, 724, 725
Дмитриев С. С. 62, **74**, 707
Дмитриева И. А. 692
Дмитриева Р. П. 32, 64, 82, 89, 146, 158, 341, 413, 600, 666, 668, 671, 672, 677, 687, **705, 706**
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский, св. 176, 213, 314, 360, 414, 416, 417, 419, 471, 533, 542, 590, 600, 725
Дмитровна, дочь новгород. посадника, вторая жена кн. Мстислава, сына Владимира Мономаха 141, 191, 607, 633
Добровольская В. Е. 743
Добровский Й. (Dobrovský J.) 125, 126, 685
Добродомов И. Г. 749
Догода (мифол.) 195
Домбровский Ю. О. 57
Домид, писец Апостола 1307 г. 499, 502, 503
Дон Иванович (былин.) 335, 336
Дорошенко (Михаил? Петр?), гетман 162
Достоевский Ф. М. 459
Драгоманов М. П. 201, 440
Дробленкова Н. Ф. **67**, 688, 689, 714, 721, 728
Дружинин Н. М. 62, 74, 81, 149—152, 250, 481, **706, 707**
Дружинина Е. И. 707
Дубенский Д. Н. 393

Дубровский А. М. 6, 16, 99, 685
Дунаевский В. А. 732
Дурново Н. Н. **226**
Душечкина Е. В. 7, 27, 31, 684
Дылевский Н. М. **29**, 170, 171, 178, 202, 528, 535

Евагрий Понтийский, авва 162
Евгений (Болховитинов), митр. 12, 52, 157
Евгеньева А. П. 62, 88, 387, 430, 437, 447, 449, 466, 559, 561—563, 595, 613, 647, **707**, **708**
Евдокия, жена кн. Дмитрия Донского 176
Еврипид 752
Егоров Б. Ф. 726
Екатерина II, имп. 14, 15, 164, 167, 191, 287, 302, 351, 500, 639, 647, 648
Елагин И. П. 124
Елеазар, предводитель иудеев 537
Елена (ошибочно вм. Ирина в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны), жена кн. Ярослава Мудрого 493
Елизавета Петровна, имп. 279
Елисеевы Г. А. и О. И. 714
Емельянов Л. И. 519, **708**
Епифанова А. П. 691
Еремин И. П. 139, 198, 359, 545, 573, 580, 689, **708**, **709**
Ермолаев А. И. 350, 469
Ермолай, персонаж соч. Н. И. Новикова 286
Ермолай-Еразм, писатель 582
Ершов Л. Ф. 738
Есенин С. А. 695
Есментовски(е), паничи 273, 274
Ефросин, инок, книжник 130, 139, 140, 142, 184, 322, 362, 366, 417, 418, 451, 499, 538, 539, 598, 648, 671, 706
Ефросинья (=Ярославна?) 191, 543

Жданов И. Н. 239
Желя (Жля) (мифол.) 194, 223, 544
Жидков Г. П. 742
Жирмунский В. М. 700
Житецкий П. И. 275, 276
Жуков Д. А. 728
Жуков Е. М. 22, 34, 43—46, 62—66, 69—75, 78, 80, 83—85, 87, 88, 99—102, 104, 106, 116, 118, 145, 148—154, 163, 211, 240, 248, 250, 251, 297, 368, 375, 376, 382, 386, 462—465, 467, 471, 474, 481, 485, 486, 492, 497, 498, 503, 505, 509, 519, 523, 557, 568, 569, 572, 573, 576, 630, 633, 645, 654, **709**, **710**, 732, 753
Жуковская Л. П. 84, 270
Жуковский В. А. 567
Журден, персонаж комедии Мольера 232

Зайончковский А. (Zajączkowski A.) 136, 300, 308
Зайончковский П. А. 56, 81, 518, **710**, **711**
Зайцев В. И. 702
Зализняк А. А. 123, 125, 665, 668, 676, 678, 679, 681
Запесоцкий А. С. 93, 685
Зарецкая И. М. 741
Захаров В. А. 483, 674
Захарова Е. Т. 703
Захарова Л. Г. 711
Захарьин П. М. 203
Земцовский И. И. 739

Зефир (мифол.) 195
Зилитинкевич В. С. 10
Зилитинкевич С. С. 89, 458, 461, 567, **711**
Зимина В. Г. 6, 14, **19**, 20, 22, 34, 61, 99, 108, 114—117, 667, 682, 683, 713
Зимцерла (ошибочно мифол.) 195, 504
Зобнин Ю. В. 93, 685
Зосима, игум. 502
Зотов Р. В. 543

Иаков, сын Осляби, герой «Задонщины» 60, 453
Иаков Мних 259
Иафет (Афет) (библ.) 415, 624
Ибн-ал-Биби, персид. историк 554
Ибн-аль-Асира, араб. историк 180
Иван Васильевич Грозный, царь 15, 87, 102, 158, 234, 290, 359, 383, 581, 625, 727
Иван Данилович Калита, вел. кн. московский 135, 531
Иван Пересветов см. Пересветов И. С.
Иван Ростиславич (Берладник), кн. Звенигорода Галицкого 190
Иванникова Е. А. 708
Иванов Вал. Вас. 720
Иванов Вяч. Вс. 98
Иванова В. И. 697
Иванова Т. Г. 687, 739
Игорь Рюрикович, кн. киевский 414, 416
Игорь Святославич, кн. новгород-северский 67, 130, 131, 133, 135, 142, 158, 181, 185, 189—193, 195, 199, 207, 217, 218, 220, 236, 247, 252, 255, 257, 260—265, 268, 298, 307, 326, 362, 380, 396, 409, 422, 423, 467, 517, 541, 543, 545, 549, 590, 604, 607, 609, 625, 629, 633, 669
Изяслав Василькович, кн. полоцкий 191, 543, 607
Изяслав Владимирович, кн. полоцкий 496, 497, 566
Изяслав Глебович, кн., брат Владимира Переяславского 267
Изяслав Давидович, кн. черниговский 190
Изяслав Мстиславич, кн. волынский и киевский 363
Изяслав Мстиславич (ошибочно вместо его сына Мстислава) 225
Изяслав Ярославич, кн. киевский 131, 493—497, 543, 566, 567, 609
Иларион, митр. 159, 162, 200, 277, 480, 502
Илизаров С. С. 684
Иллич-Свитыч В. М. **86**
Ильинский Г. А. 226, 374, 536, 537
Ильичев Л. Ф. 69, 72, 87, 88, 110, 118
Ильф И. (наст. имя и фам. И. А. Файзильберг) 727
Ингварь Ярославич, кн. луцкий, внук Изяслава Мстиславича 219, 248
Иннокентий (Нечаев), архиеп. псковский 282
Иоаким, патр. 500
Иоанн Златоуст 282
Иоанн Малала 200
Иоиль (Быковский), архим. 5, 13, 15, 18, 20, 21, 24, 27, 38, 39, 50, 52, 70, 78, 84, 103, 111, 122, 131,

133, 134, 136, 137, 140, 159, 160, 167, 169, 191, 199, 200, 202, 204, 206—208, 217, 226—228, 237—239, 248, 252—258, 264, 270—275, 277—287, 291—293, 297, 321, 336, 337, 341, 348, 353, 356, 370, 371, 373, 375, 381—385, 389, 390, 399, 400, 405, 409, 433, 435, 436, 439, 442, 451, 465—467, 478, 494, 499, 512, 516, 517, 519, 524—526, 546—548, 550, 551, 555, 559, 560, 562, 571, 574, 579, 580, 582, 583, 585—587, 589—591, 593, 596, 597, 602, 605, 615, 617, 618, 620—625, 631, 632, 634, 639, 640, 645, 647, 649, 652, 653, 656, 658, 660, 668, 670, 672, 674

Иосиф Волоцкий, прп. 581

Иосиф Флавий 178, 199, 362, 537, 538

Ирошников М. П. 697

Исаченко А. В. (Isachenko A.) **104**, 647

Истрин В. М. 393

Каган М. Д. 390

Каждан А. П. **554**

Казаков Р. Б. 716

Казакова Н. А. 80, 516, **713, 714**

Калайдович К. Ф. 52, 350—355, 469, 502, 508, 589, 620, 649

Калайдович П. Ф. 469, 508

Кантор В. К. 726

Капнист В. В. 55

Карамзин Н. М. 11, 19, 256, 271, 280, 350, 354, 525, 548, 567, 638, 641, 645, 676, 677, 720

Караулов Н. А. 305

Карна (мифол.) 194, 223, 544

Карп П. М. 727

Каррьер М. 237

Картер Ник, герой детективных романов 229

Катков М. Н. 12, 212

Катулл Гай Валерий 752

Кафенгауз Б. Б. 509

Каченовский М. Т. 11, 165, 205, 467, 468, 586, 638, 639, 644, 645

Каштанов С. М. 16, 23, 42, 90, 113, 114, 123, 514, 681, 684, 712, 713, **714, 715**, 751

Кашутина Е. С. 703

Квитка-Основьяненко Г. Ф. 373

Кедров Б. М. 121

Ким Су Кван 726

Кинан Э. Л. (Keenan E. L.)125, 668, 685, 712

Киняпина Н. С. 706, 707, 706, 707

Кипарский В. 244

Киреевский П. В. 201, 440

Кирилл Туровский, еп., св. 41, 159, 162, 183, 198, 200, 259, 277, 378, 449, 480, 614

Кирпичников А. Н. 397

Кирша Данилов 201, 410

Киселева Л. Н. 726

Клибанов А. И. 23, 54, 62, 65, 74, 88, 89, 94, 309, 375, 382, 383, 390, 399, 400, 405, 413, 430, 433, 544, 557, 610, 626, 635, 654, **715**

Кобрин В. Б. 6, 43, 81, 84, 88—90, 94, 100, 118, 119, 387, 406, 412, 520, 575, 606, 626, 654, 681, 682, 712, 713, **715, 716**

Кобяк, хан 265, 306

Ковалев В. А. 738

Ковальский Э. 28

Ковальченко И. Д. 707
Ковтун Л. С. 64, 65, 138, **716, 717**
Кожинов В. В. 684
Козаревич А. 586
Козельский Я. П. 133
Козицкий Г. В. 133
Козлов В. П. **117**, 124, 668
Козырев В. А. 676
Козьмин М. Б. 702
Колчин Б. А. 242, 395, **396**, 550, 557, 755
Комарович В. Л. 193, 403
Конан-Дойль А. 234
Кондратович К. А. 302, 618
Конисский Г. О. см. Георгий (Конисский)
Кононов А. Н. 52, 64, 675
Кононович С. С. 162, **163**
Конрад Н. И. 62, 74, 84, 85, 152, 481, **717, 718**
Константин Манассия 197, 200, 258
Кончак, хан 192, 261, 262, 268, 298, 299, 305, 555, 637
Кончаковна, жена кн. Владимира Игоревича 141, 192, 299, 607, 633
Кончаловский (П. П.?) **583**
Копанев А. И. 516, **718, 719**
Коржавин Н. М. (наст. имя и фам. Эммануил Мандель) 57
Корин П. Д. 583
Корнель П. 411
Королева С. Ю. 715
Королюк В. Д. 55, 62, 65, 74, 510, **719**
Корш Ф. Е. 225, 300, 305—308, 477, 617, 618
Костелло Д. П. (Costello D. P.) **26**
Костомаров В. Г. 699
Котельников С. К. 302, 618
Котельникова Н. Е. 743
Котков С. И. 63, 65, 84, 85, 152, 153, 270, **719, 720**
Котляр Н. Ф. (М. Ф.) 667, 669, 672, 673, 681
Котляренко А. Н. 52, 64, 65, 79, 88, 171, 387, 446, 447, 450, 453, 461, 563, 567, 614, 666, 671, 711, **720**
Кочеткова Н. Д. 694, 695
Кочин Г. Е. 495
Кощей (Кащей), персонаж былин и сказок 441, 562
Крестова Л. В. 62, 78, 79, 84, 85, 146, 270—273, 275, 276, 278, 281, 283, 284, 286, 288, 290, 292, 621, 652, 672, 674, **720, 721**
Круглова Т. А. 747
Кудрявцев Ив. М. **290**, 493, 495, 496
Кудрявцев Ил. М. **290**, 483, 674
Кудряшов К. В. 185, 186, **291**
Кузнецов П. С. 64, 65, 453, 559
Кузьменко Р. И. 694, 718
Кузьмин А. Г. 666, 672—674
Кузьмина В. Д. 63, 78, 79, 84, 88, 146, 231, 249, 270—272, 275, 276, 278, 281, 283, 284, 286, 288, 290, 292, 382, 451, 479, 524, 550, 595, 621, 622, 625, 652, 666, 670, 672, 674, 689, 702, 716, **721, 722**
Кукушкина Е. Д. 695
Кулешов В. И. 702
Кумпан Е. А. 730
Курбустан (мифол.) 303
Кусков В. В. 703, 740
Кутыева Л. 586
Кучкин В. А. 10, 88, 117, 118, 462, 492, 497, 566, 595, 598, 601,

609, 611, 616—619, 624, 626, 669, 680, **722**
Кызласов Л. Р. 691

Лада (мифол.) 195
Лактанций, христ. писатель III в. 284
Ланда С. С. 732
Лапицкий И. П. 87
Ларин Б. А. 52, 62, **68,** 69, 74, 79, 435, 561, 716
Ласунский О. Г. 694
Латышев В. В. 484
Лебедева Е. Д. 721
Левин Ю. Д. 727
Левин Ю. И. 695
Левшин В. А. 203, 204, 402, 547
Левшун Л. В. 687
Леже Л. (Leger L.) 12, 13, 589, 639
Ленин (наст. фам. Ульянов) В. И. 109, 238, 506, 514, 696
Ленц Э. Э. 242, **243**
Леонов Л. М. 583
Леонтьев А. А. 695
Лермонтов М. Ю. 55, 385, 386
Лесной С. (наст. имя и фам. С. Я. Парамонов) **97,** 527
Лесскис Г. А. 100, 458—460, 567, **722, 723**
Лесур Ф. 725
Лимонов Ю. А. 18, 89, 513, 681, **723**
Литвак Б. Г. 707
Литвин А. Л. 114
Лихачев Д. С. 2, 3, 5, 7—9, 14—16, 19—22, 24, 27—44, 48, 50—53, 57, 61—73, 75, 78—80, 82, 83, 87, 88, 90—92, 94—96, 98—100, 103—106, 113, 115, 118—124, 129, 131, 136, 146—148, 163—166, 171, 174, 177, 184, 186, 187, 193, 196, 202, 205, 211, 216, 233, 235, 236, 238, 240—242, 248, 250, 256, 260, 264, 265, 268, 287, 290, 314, 315, 321, 322, 326, 328, 332, 358—360, 362—365, 376—379, 383, 393, 395, 398, 400, 407—409, 413, 442, 445, 451, 462—464, 479, 481, 485, 486, 490, 497, 503, 506, 508, 510, 520—547, 554, 557, 568, 571—573, 579, 581, 584—587, 594—596, 598, 599, 603, 607—609, 622—626, 628, 630, 631, 634—636, 639, 647, 650, 651, 654, 657, 659, 665, 666, 668—674, 676—680, 683, 685, 688, 689, 694, 700, 702, 705, 709, 718, 729, **723—725**, 732, 740
Лихтенштейн Е. С. 36
Ломоносов М. В. 55, 224, 237, 277, 278, 281, 284, 430, 560, 621, 652
Лотман Ю. М. 52, 56, 63, 65, 74, 85, 96, 136, 140, 159, 171, 195, 339, 402, 510, 528, 667, 672, 675, 694, **726**
Лука, ап. 441
Лукин П. В. 722
Лукьянов В. В. **18**, 55, 254, 272, 281
Лурье Я. С. 6—8, 16, 17, 20, 21, 32—36, 40, 41, 45, 46, 48, 54, 56—62, 74, 80—82, 84, 86—89, 91—94, 99, 100, 107, 114, 120, 122, 123, 139, 309, 357, 367, 368, 399, 400, 407, 413, 494, 538, 540, 557, 565, 573, 580, 581, 598, 604, 632, 635, 654, 682—685, 697, 713, 714, 725, **727,** 729, 737

Львов Н. А. 271, 280, 546
Львов П. Ю. 402
Ляпунов Б. М. 374
Ляцкий Е. А. 14, 171

Мазон А. (Mazon A.) **13**—15, 17, 19, 20, 27, 30, 42, 50, 70, 71, 80, 95—98, 101—104, 111, 125, 135, 136, 139, 141, 155—157, 163—171, 173, 194, 206, 207, 209, 211, 222, 237, 238, 252, 253, 256, 259, 269, 291—293, 315, 384, 400, 402, 407, 430, 431, 464, 466, 468, 481, 499, 522, 524—527, 568, 575, 576, 579, 580, 584—586, 590, 596, 597, 606, 624, 631, 632, 634, 635, 639, 640, 644, 646—650, 653—655, 669—671, 676, 700, 702
Маймин Е. А. 705
Макаров Н. А. 755
Макарова Т. И. 741
Макгрегоры Джеймс и Дункан **292**
Макеева И. И. 687
Маковский Д. П. 514, **728**
Макогоненко Г. П. 694
Максимович М. А. 12, 157, 201, 204, 239, 439
Макферсон Дж. **292**, 623, 653
Мал, кн. древлянский 181
Малала см. Иоанн Малала
Малиновский А. Ф. 354, 393
Малов С. Е. 136, 225, 299, 300, 306, 308, 474—476, 478, 553, 615—618, 652—653
Малышев В. И. 8, 9, 17—20, 23, 24, 33, 35, 36, 41—50, 52, 54—56, 63, 66, 67, 72—75, 79—82, 85, 101—103, 107, 108, 116, 120, 122, 136, 147, 163, 201, 330, 331, 510, 525, 683, 703, **728, 729**
Мамай, темник (царь в «Задонщине») 176, 304, 419, 589, 590, 601, 648
Маматова Е. П. 111, 112, 716
Манассия см. Константин Манассия
Мандельштам О. Э. 567
Манфред А. З. 750
Маньков А. Г. 516, 718, **729**
Марк, ап. 441
Маркелов Г. В. 703
Марков А. 162
Маркс К. 288, 390, 576, 591
Марло К. 410
Марр Н. Я. 748
Масарик Т. 27
Матейка Л. (Matějka L.) **420**, 563, 677
Матисс А. 636
Махмуд Газневид, султан 476
Махмуд Кашгарский (Махмут Кашгари), тюрк. лексикограф XI в. 307, 474, 476, 617
Махновець Л. Є. 276
Махтум Кули (Махтум-Кули; псевд. Фраги) 480
Маяковский В. В. 59, 695
Медведев А. Ф. 395, **397**, 557
Медынцева А. А. 674, 741
Мелетинский Е. М. 519, 567, **729, 730**
Мелиоранский П. М. 225, 300, 306—308, 475—477, 616—618
Мельников А. Б. 637
Мельникова Е. А. 736, 737
Менгес К. Г. (Menges K. H.) 136, 225, 300, 555, 617, 679
Менинский Ф. 302

Мериме П. 288, 469
Мессершмидт Д.-Г. 301, 618
Мещерский Н. А. 63, 65, 79, 537, 538
Микула Васильевич, московский боярин, герой «Задонщины» 257, 611
Милибанд С. Д. 693, 696, 710, 718, 734
Миллер В. Ф. 201
Миллер Г.-Ф. (Федор Иванович) 302, 618
Милюков П. Н. **96**, 526
Милютенко Н. И. 10
Минаев Д. И. 225
Мингалев В. С. 10, **120**, 658, 675, 681
Мироненко С. В. 711
Миронова И. А. 732
Митрофанова В. В. 281
Михаил Потык (былин.) 441
Михаил Ярославич, вел. кн. тверской и владимирский, св. 488, 501
Михайлов А. А. 93, 685
Мишанич А. В. 703
Могут, разбойник 225, 306, 555
Моисеева Г. Н. 55, 138, **730, 731**, 738
Моисей, игум. Выдубицкий 198, 260, 261
Моисей, пророк 198, 287
Монгайт А. Л. 55, 62, 66, 74, 84, 88, 89, 94, 132, 234, 246, 462, 481—484, 486, 550, 628, 674, **731**
Монфокон Б. де **484**
Мопертюи П.-Л.-М. де 286
Морозов Н. А. 240
Мочульский В. Ф. (Мачульскi В.) 201
Мстислав, кн., сын Андрея Боголюбского 391
Мстислав Владимирович, кн. новгородский и киевский 192, 607, 633
Мстислав Владимирович, кн. тмутараканский 263, 268, 337
Мстислав Всеславич, кн. полоцкий 496
Мстиславичи, кн. 219, 220
Муравьев В. А. 713
Мусин-Пушкин А. И., гр. 5, 13, 18, 20, 21, 27, 52, 111, 124, 131—138, 140, 141, 154, 160, 167, 169, 170, 205, 228—230, 234, 239, 245, 247, 252, 255, 256, 288, 301, 330, 348—356, 385, 409, 410, 463, 468, 493, 494, 499—502, 512, 515, 523, 526, 543, 546, 548, 561, 562, 564, 566, 567, 580, 591, 596, 597, 619, 620, 631, 632, 638—640, 647, 649, 665
Мухаммад Хусайн Халаф Табризи, автор толкового словаря персид. языка **473**
Мухина Е. Н. 742
Мыльников А. С. 739
Мэтлок Дж. Ф., мл. (Matlock J. F., Jr.) 725

Назаревский А. А. 64, 65, 702
Назаров В. Д. 751, 752
Накамура Ё. 668
Наполеон I Бонапарт, имп. 638
Нарочницкий А. Л. 747, 750
Насонов А. Н. 24, 62, **85**, 86, 492
Наумова Т. Н. 695
Незрел, персонаж соч. Н. И. Новикова 286

Неклюдов С. Ю. 730
Некрасов Н. А. 184
Немет Ю. Ф. (Németh J.) 300, 304, 306, 617
Нестор Печерский, преп. 11, 259
Нечаева Т. В. 740
Нечкина М. В. 62, 65, 74, 250, 251, 292, **731**, **732**
Низами 553, 752
Никифоров А. И. 184, 185, 222, 223, 314, 562
Никифоров А. С. (ошибочно вместо А. С. Нифонтов?) **518**, 732, 733
Никифоров В. Н. 733
Николаев В. 19
Николаева А. Т. 81, 88, 89, 94, 462, 464, 465, 602, 632, 687, **733**
Николаева Т. В. 741
Никольский А. М., свящ. 279, 280
Никольский Н. К. 161
Нифонтов А. С. 62, **518**, **519**, 707, 732
Новик Е. С. 730
Новиков И. А. 225, 527
Новиков Н. И. 281, 286, 287, 551, 621, 622, 652
Новикова А. М. 584
Новопокровская В. Н. 89, 558, 559, 687, **733**, **734**
Новосельский А. А. 62
Новосельцев А. П. 55, 56, 74, 553, **734**, 736, 737
Ной (библ.) 415
Носов Н. Е. 62, 755

Обнорский С. П. 171, 239, 370, 425, 434, 445, 446, 449, 452, 489, 558, 559, 562, 645, 646
Овидий Публий Назон 281, 621, 652, 752
Овлур (Влур, Лавр) 260, 299, 305
Огиевский Г. 273
Огиевский М. 273, 274
Одинцов В. В. 699
Окладников А. П. 753
Оксман Ю. Г. 62, **74**, **85**, 119
Олбырь Шерошевич, боярин 225, 434, 555
Олег Игоревич, кн., сын Игоря Святославича 193
Олег Святославич, кн. новгород-северский, брат Игоря 192
Олег Святославич (Гориславич), кн. черниговский 131, 132, 194, 229, 492, 494, 567, 608, 619
Ольговичи («Ольгово гнездо») 135, 139, 219, 220, 255, 268
Опульская Л. Д. 703
Орлов А. С. 239, 242, 338, 394, 428, 554, 557, 591
Оссиан 237, 292, 296, 525, 597, 656 (см. также Макферсон)

Павленко Н. И. 56, 81, 518, **734**
Павлов-Бицын Н. М. 231
Павский Г. П., прот. 231
Падучева Е. В. 699
Паллас П. С. 302, 618
Панеях В. М. 6, 10, 85, 111, 122, 514, 682, 713, 716, 727, **735**
Панкратова А. М. 15
Панченко А. М. 115, 689, 725, 729
Панченко О. В. 10
Пахомий, свящ. 278
Пашкевич Г. А. 98
Пашуто В. Т. 6, 16, 23, 55, 56, 62, 81, 110, 512, **736**, **737**, 751
Перегуд М. Н. 736

Пересвет А., инок, герой «Задонщины» 326, 362, 537, 545
Пересветов И. С. 15, 383, 437, 509, 557, 581, 582
Перетц В. Н. 198, 239, 378, 393, 422, 423, 437, 688, 701, 746
Петерсон М. Н. 449, 457
Петр I, имп. 734
Петр Бориславич, боярин 675, 678
Петр и Феврония, свв. кн. муромские 161
Петров Евг. (наст. имя и фам. Е. П. Катаев) 727
Петров Н. И. 272, 273, 275, 276
Петрова З. М. 708
Пештич С. Л. 62, 74, 509, 510, **737**
Пивоваров А. Н. 335
Пиксанов Н. К. 674
Пилат (Понтий Пилат) (в поговорке) 61, 537
Пинкертон Нат, герой детективов 229, 656
Писаржевский О. Н. 121
Питирим, еп. нижегородский 282
Платон (наст. имя Аристокл) 281
Платон (Левшин), митр. 282
Плаутин С. Н. 579, 593
Плетнева С. А. 741
Плеханов Г. В. 15
Плотникова-Робинсон В. А. 9, 20, 29, 32, 35, 40, 52, 61, 69
Погодин М. П. 350, 354, 355, 502
Подпалова Г. И. 710
Позднеев А. В. **54**, 62, 74, 223, 584
Покровский А. А. 170, 288, 500, 501, 564, 619
Покровский Н. Н. 747
Полетика Г. А. 133
Полишинель, персонаж франц. нар. театра 358, 428
Полуденский, ученик Иоиля Быковского 273
Полунин Ф. А. 285
Поляков П. В. 35
Поляков Ю. А. 747, 750
Понырко Н. В. 2, 725
Поп А. 281, 621, 652
Попов И. И. 734
Попов М. И. 195, 203, 204, 402, 544
Попова И. А. 449
Поповский Н. Н. 286
Поппэ А. В. 10, **28**
Поршнев Б. Ф. **120**, 122, 123, 441, 642, 644, 645, 659, 680, 681
Потебня А. А. 132, 201, 239, 256, 394
Поцелуевский Е. А. 693
Пракудин (Прокудин-Горский) М. И. 203
Предтеченский А. В. 517, **737**
Преображенский А. А. **86**, 753
Преображенский П. А. **219**
Прийма Ф. Я. 18, 52, 64, 65, 88, 271, 462, 467, 471, 507, 556, 595, 666, 670—672, 674, **737, 738**
Приселков М. Д. 175, 260, 543, 549
Прозрителев Г. Н. 246
Пронина П. В. 736, 751
Пропп В. Я. 62
Простоволосова Л. Н. 108, 683, 687, 713, 716, 733
Протасьева Т. Н. 288
Прохоров Г. М. 10, 676, 677, 745
Прутков Козьма (лит. псевд.) 225
Пугачев В. В. 697, 737
Пугачев Е. И. 252
Путилов Б. Н. 184, 315, 520, 689, **738, 739**

Пушкарев Л. Н. 16, 23, 107, 110, 111, 667, 681, 684, 722
Пушкин А. С. 59, 74, 87, 157, 159, 162, 164, 197, 204, 236, 237, 288, 385, 386, 426, 460, 469, 482, 567, 586, 638, 641, 645, 646, 721—723

Рааб Г. (Raab H) 27, 28, 76
Рагуйла, чернигов. тысяцкий 260
Радищев А. Н. 55, 156, 650
Радлов В. В. (Radloff W.) 266, 307
Радченко З. Ф. 201
Рапов О. М. 741
Расовский Д. А. 393
Рахматуллин М. А. 735
Рашоньи Л. (Rásonyi L.) 300, 306, 475, 617, 647, 651
Ревзина О. Г. 699
Ревякин А. И. 584
Редедя, кн. касожский 263, 268, 337
Ржига В. Ф. 135, 157, 176, 184, 194, 214, 219, 231, 236, 239, 291, 300, 308, 314, 315, 318, 334, 336—338, 360, 473
Робинсон А. Н. 8, 9, 20, 23, 29, 32, 35, 37—40, 42, 44, 51, 52, 61, 63, 65, 66, 69, 79, 88, 100, 103, 106, 289, 309, 332, 340, 357, 556, 604, 673, 679, 687, 702, 721, **739, 740**
Робинсон М. А. 8, 9, 38, 42, 44, 103, 685, 709
Ровда К. И. 738
Рогволжи внуки 267
Род (мифол.) 194
Родюкова М. В. 10
Рождественский Ю. В. 699, 703
Рождественская М. В. 2, 10, 80, 90, 683
Рождественская Т. В. 246
Роман Мстиславич, кн. волынский и галицкий 156, 268, 609, 610, 669
Романов Б. А. 381
Романов Г. В. 98
Романова Е. В. 750
Ропакова Е. Н. 735
Ростислав Глебович, кн. полоцкий и минский 192
Ростислав Рюрикович, кн. киевский 248
Ростиславна, сестра Рюрика Ростиславича, вторая жена кн. Олега Святославича 192, 607
Ростовцев Е. А. 735
Руди Т. Р. 10, 185, 706
Рудницкая Е. Л. 732
Румянцев Н. П., гр. 52
Румянцев С. П., гр. 12, 647
Румянцев (Румянцев-Задунайский) П. А., гр. 133, 160, 252, 508
Румянцева В. С. 752
Русакова А. А. 727
Рухлядев Д. В. 297
Рыбаков Б. А. 14, 15, 22, 23, 38, 43, 50, 52, 53, 62, 70—73, 75, 78, 82, 88, 92—94, 104, 106, 108, 119—122, 124, 146, 151, 249, 251, 253, 258, 270, 271, 364, 367, 409, 441, 462, 474, 484, 487, 488, 497, 498, 523, 524, 526, 527, 547, 549, 550, 564, 571, 586, 594, 595, 606, 607, 609—611, 630, 631, 637, 645, 650, 651, 657, 659, 666, 672, 674, 675, 678, 680, 688, 707, **740, 741**, 755
Рыбина Е. А. 756
Рыбников П. Н. 201, 336

Рыбникова М. А. 744
Рыдзюнский П. Г. см. Ры(н)дзюнский П. Г.
Рыленков Н. И. 62, 79, 118
Рыльский М. Ф. 64, 65
Ры(н)дзюнский П. Г. 519, **742**
Рюрик, кн. 414, 416
Рюрик Ростиславич, кн. киевский (соправитель Святослава Всеволодовича) 193, 248, 260, 261, 607

Сазонова Л. И. 8, 42, 44, 103, 685, 687
Саладин (Салах-ад-Дин), султан 266
Салмина М. А. **41**, 64, 393, 671, 724, 725
Салтыков-Щедрин М. Е. 156, 650
Сапунов Б. В. 64, 79, 88, 377, 387, 399, 402, 406, 407, 411, 483, 504, 527, 626—628, 654, 669, 674, 682, **742**
Сатурн (мифол.) 228
Сахаров А. Н. 10, 116, **118**, 754
Свентовид (Световид) (мифол.) 195
Свердлов М. Б. 2, 687
Святополк Изяславич, кн. киевский 131, 230, 492—495
Святослав Всеволодович, кн. киевский 156, 181, 218, 220, 230, 248, 254, 260—262, 264—265, 267, 394, 542, 543, 548, 549, 608, 672, 673
Святослав Игоревич, кн. киевский 193, 363
Святослав Ольгович, кн. черниговский, отец Игоря 190, 192
Святослав Ярославич, кн. киевский, отец Олега Гориславича 140, 414, 416
Святский Д. О. 189
Севастьянова А. А. 716
Седов В. В. 741
Седов Л. И. 239
Селезнев Ю. И. 112
Селивановский С. И. 133
Семенко И. М. **567**
Семенова Л. Н. 697
Семячко С. А. 687, 705, 706, 709
Сенковский О. И. (псевд. Барон Брамбеус) 12, 157, 165, 205, 212, 236, 524, 525, 586, 644, 645, 647
Серапион Владимирский 277
Сербина К. Н. 62
Серман И. З. 694, 727
Серова Г. Т. 741
Сидоров А. А. 62
Сикорский И. А. **219**
Сим (библ.) 60, 415, 416
Симеон Полоцкий 558
Симмонс Дж. С. Г. (Simmons J. S. G.) **26**
Симонов К. М. 57
Синицына Н. В. 754
Сковорода Г. С. 133
Скрипиль М. О. 281
Смирнов А. И. 294
Смирнов А. Ф. 517, 518, **742**
Смирнов И. В. 92, 93
Смирнов И. И. **85**
Смирнов Н. П. 119, 680
Смирнова О. И. 474
Смолина К. П. 749
Смолицкий В. Г. 10, 55, 515, **743**
Соболев Г. Л. 697
Соболев Л. И. 126
Соболевский А. И. 161, 201, 239, 374, 393
Соболевский В. Ф. 238
Соковнин С. П. 272, 551

Соколов А. Н. 584
Соколова В. К. 62, 65
Соколова Л. В. 2, 7, 8, 10, 124, 126, 683, 685, 686, 705, 744
Соловей-разбойник (былин.) 441, 442, 562
Соловьев А. В. 7, **27**, 28, 31, 135, 162, 187, 208, 295, 319, 366, 448, 542, 647, 650, 653, 669, 670, 672, 673, 684
Соломон 219, 242, 243, 327, 434, 531, 561, 671
Сорокин Ю. С. 699
Сороколетов Ф. П. 748
Соснора В. А. 94
Софинский А. Н. 100
Софокл 752
Софоний Рязанец 130, 176, 214, 314, 318, 336, 360, 499, 532, 533, 597, 598, 637, 648
Спасский И. Г. **54**, 55, 62, 65, 66, 74, 86
Сперанский М. Н. 186, 205, 284, 289, 290, 408, 535, 538, 551
Спицын А. А. 132, 245, 246, 349, 483, 484, 628
Споров Д. Б. 692
Сребницкий И. А. 276
Срезневский И. И. 157, 184, 198, 314, 315, 394, 426, 438, 440, 442, 495, 561, 570
Сталин (наст. фам. Джугашвили) И. В. 96, 157, 248, 426, 506
Станиславская А. М. 518, **743**
Стеллецкий В. И. 64, 65, 75, 84, 88, 91, 148, 211, 214, 231, 232, 240, 340, 383, 486, 494, 509, 571, 622, **744**
Стеллецкий И. Я. 234
Стендер-Петерсен А. (Stender-Petersen A.) 28, **29**, 648
Степина М. Ю. 738
Стефан Ананьин 501
Стефан Яворский, митр. 282
Стефанович П. С. 722
Столярова Л. В. 90, 684, 685, 714
Страхова О. Б. 125, 126
Стрибог (мифол.) 195, 377, 378
Строков А. А. 110
Струве А. П. 579
Струве В. В. 409
Струве Г. П. **25**, 31, 85, 579, 583, 593, 634, 680
Струве П. Б. 25
Суздальская И. П. 727
Сумникова Т. А. 10, 88, 462, 556, 569, 571, **744, 745**
Суслов М. А. 123

Таксами Ч. М. 739
Тамазишвили А. О. 718
Тамм И. Е. 746
Татищев В. Н. 167, 170, 187, 224, 251, 260, 261, 302, 366, 487, 510, 526, 542, 546, 548, 550, 597, 606, 649
Ташицкий В. (Taczycki W.) 448
Твардовский А. Т. 118
Творогов О. В. 8, 10, 21, 60, 62, 73, 75, 88, 95, 116—118, 120, 122—124, 136, 146, 358, 387, 412, 415, 416, 421, 423, 425, 429, 432, 446, 465, 499, 525, 529, 533, 563—566, 568, 570, 586, 589, 595, 598, 600—602, 611, 614, 616—619, 624, 626, 666—669, 671, 672, 677, 680, 683, 685, 724, 725, **745**, **746**
Телицын В. Л. 108
Тенишев Э. Р. 693
Тиганова Л. 483, 674
Тимонина Н. Р. 743

Тимофей (Щербацкий), митр. 276
Тихомиров М. Н. 14, 15, 22—24, 31, 34, 35, 38, 44, 53, 62, 70, 71, 74, 81, 85, 89, 106, 107, 176, 315, 360, 483, 506, 531, 573, 575, 586, 595, 673, 674, **746**, **747**
Тихонов Н. С. 62, **65**
Тихонравов Н. С. 201, 239, 535
Толстой А. К. 386
Толстой Л. Н. 59, 459, 518, 560, 702, 703, 723, 727
Толстой Н. И. **54**, 55, 63, 65, 74, 699
Тоньюкук (Тонъюкук), полководец и советник при нескольких каганах 472
Топоров В. Н. 723
Тохтамыш, хан 168
Тредьяковский (Тредиаковский) В. К. 248, 301
Тришкан И. Е. 752, 753
Трост К. (Trost K.) 665, 676, 677, 679
Трофимова Э. 586
Троян (мифол.) 194, 228, 544
Трояновский С. В. 756
Трубачев О. Н. 748
Трухановский В. Г. 118
Труценко Е. Ф. 69, 71
Тузов В. В. 302
Тургенев И. С. 407, 459, 721

У., криптоним автора статьи в газ. «Русская мысль» 593, 680
Уваров С. С., гр. 95, 236, 426
Удальцов И. И. **38**, 39, 54, 86
Удальцова З. В. 710
Унбегаун Б. Г. 50, **104**, 593
Ундольский В. М. 12, 140, 154
Уо Д. К. (Waugh D. C.) 10, 682, 712
Услад (ошибочно мифол.) 195, 504
Успенский М. И. **136**, 670, 671

Фаворский В. А. 583
Файнберг Э. Я. 718
Фалалей, лит. персонаж соч. Н. И. Новикова 286
Федин К. А. 433, 583
Федоров В. А. 707, 732
Федоров В. Г. 221, 222
Федорова И. В. 10
Федосеев П. Н. 22, 36, 44, 48, 72, 73, 88, 102, 106, 110, **117**, 123
Фенелон Ф., архиеп., писатель 278
Феннел(л) Дж. Л. И. (Fennell J. L. I.) **26**, 103, 104, 672—674, 676, 678, 679, 681
Феодосий, кн., инок (=Игорь Святославич?) 191, 543
Феодосий Печерский, прп. 496
Феофан Прокопович, архиеп. 277, 283, 284, 558
Филин Ф. П. 64, 75, 88, 309, 368, 375, 433, 436, 450, 472, 563, 595, 613, 631, 651, 657, 666, 672, **747—749**
Филюшкин А. И. 684, 685
Фирдоуси 553
Фишер И. Э. 302, 618
Флоря Б. Н. 722
Формозов А. А. 6, 15, 16, 19, 22, 35, 45, 53, 56, 57, 73, 83—85, 93, 94, 98, 100, 102, 103, 106—111, 116, **117**, 118, 122, 683, 734
Франчук В. Ю. 675, 678
Фридрих I Барбаросса, имп. 266
Фрумкина Р. М. 729
Фрчек Я. (Frček J.) 13, 17, 20, 129, 141, 157, 166, 168, 312, 313, 360, 499, 526, 597, 677
Фурсенко А. А. 735

Хвостов В. М. 22, 24, 45, 46, 54, 62, 65, 69, 71—74, 111, 112, 154, **749**, **750**
Хендлер М. (Hendler M.) 665, 678, 679
Херасков М. М. 50, 158, 203, 206, 207, 339, 385
Хилл Е. Ф. (Hill E.) **26**, 27, 31
Холмс Шерлок 229, 234
Хорошев А. С. 755
Хорошкевич А. Л. 10, 108, 114, 117, 513, 665, 682, 712—714, 716, 736, **750**
Хорс (мифол.) 195, 378, 469
Хоруженко О. И. 714
Храпченко М. Б. 61, 62, 65, 69, 71, 74, 78, 104, 106
Хрипкова А. Г. 750
Хрущев Н. С. 585
Хрущов И. П. 261

Цамутали А. Н. 697
Циолковский К. Э. 642
Цицерон Марк Туллий 58 (в поговорке), 281, 621, 652

Чагин Г. Н. 703
Чебанов Н. 162
Черепнин Л. В. 15, 22, 23, 54, 56, 62, 74, 85, 156, 511, 584, 697, 725, 732, 736, 737, **751**, **752**
Чернецов А. В. 691
Чернобаев А. А. 684, 713
Чернобог (мифол.) 195
Чернов А. Ю. 667
Чернуха В. Г. 697
Чернышев А. А. 704
Чернышевский Н. Г. 248
Чижевская Т. (Čiževska T.) 531
Чижевский Д. И. **97**, 527
Чистов К. В. 62, **74**, 75
Чистякова Е. В. 747
Чичерин А. В. 702
Чопон, быля (вельможа) 300
Чудаков А. П. 699
Чуковский К. И. 583
Чулков М. Д. 195, 203, 204, 271, 280, 281, 284, 287, 402, 544, 547, 621, 652

Шайкин А. А. 687
Шамбинаго С. К. 157, 173, 183, 184, 214, 236, 239, 346, 534
Шапорин Ю. А. 583
Шарапов Ю. 122
Шарлемань Н. В. 442
Шарукан (Шарокань), половец. хан 194, 306, 555
Шаскольский И. П. 20
Шахматов А. А. 59, 172, 174, 175, 183, 184, 186, 205, 288, 289, 331, 332, 363, 364, 498, 503, 504, 532, 539, 541, 543, 549, 599, 669
Шаховской Д. М. 96
Шацилло М. К. 736
Шевченко Т. Г. 738
Шейн П. В. 201
Шекспир У. 410
Шептаев Л. С. 201, 202
Шервинский С. В. 63, 79, 88, 97, 462, 465, 467, 527, 584, 585, 623, 625, **752**
Шилов Л. А. 690
Шифман А. И. 703
Шишкин И. Г. 113, 686
Шлёцер А. Л. (Schlözer A. L.) 11
Шляпкин И. А. 349
Шмидт С. О. 10, 110, 114, 115, 685, 697, 714, 725, 741, 746, 747, 755
Шолохов М. А. 583

Шольсон М. М. 205, 523
Шостакович Д. Д. 583
Шота Руставели 384
Штранге М. М. 519, **752**
Шувалов И. И., гр. 286
Шумских Н. Н. 738
Шунков В. И. 45, 46, 52, 62, 69, 71, 74, 107, 250, 251, 270, 308, 310, 332, 340, 388, 399, 406, 412, 430, 447, 509, 746, **753**

Щапов Я. Н. 56, 514, **754**
Щедрин см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щелкан Дудентьевич, персонаж ист. песни 58
Щепкин В. Н. 247, 485
Щепкина М. В. 64, 65, 288, 535
Щербаков Ю. Н. 110, 111
Щербацкий Тимофей см. Тимофей (Щербацкий), митр.

Эвгемер (Евгемер) 626
Эвклид 480
Эгиль Скаллагримсон, скальд 338
Эдисон Т. 196
Эймонтова Р. Г. 732
Эмин Ф. А. 203, 285, 478, 618
Энгельс Ф. 379
Эрлик (мифол.) 303
Эскин Ю. М. 716, 722
Эскулап (мифол.) 195

Югнаки А. см. Ахмад ибн Махмуд Югнаки
Югов А. К. 64, **93**, 94, 112, 120, 123, 644, 659, 680, 681
Юдакин А. П. 745
Юпитер (мифол.) (в поговорке) 522
Юрасов А. В. 99, 750
Юрганов А. Л. 520, 716
Юрий Владимирович Долгорукий, кн. киевский 192, 266, 561
Юрий Данилович, вел. кн. московский и владимирский 501
Юсов С. Л. 55
Юсуф Баласагунский (Баласагуни), тюрк. поэт 473, 479, 696
Юхт А. И. 732

Якобсон Р. О. (Jakobson R.) 7, 14, 15, **28**—30, 37, 59, 60, 95—98, 101, 112, 135, 136, 155, 157, 162, 171, 244, 311, 420, 449, 525—527, 532, 535, 546, 565, 566, 647, 649, 666, 671, 672, 677, 684, 726
Якубинский Л. П. 131, 141, 368, 446, 448, 619
Янин В. Л. 10, 16, 55, 62, 81, 88, 89, 94, 100, 462, 486, 492, 539, 550, 626, 665, 691, 741, 750, 751, **754—756**
Ярослав, кн. владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо 299
Ярослав Владимирович Мудрый, кн. киевский 338, 364, 414, 416, 493, 496, 609
Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицкий 156 (ошибочно волынский), 160, 193, 219, 474, 550, 607, 608
Ярослав Всеволодович, кн. черниговский 299, 475, 617
Ярославна, жена кн. Игоря Святославича 131, 136, 141, 160, 190, 191, 195, 257, 260, 333, 377, 403, 404, 536, 543, 604, 607, 609, 627, 633, 645
Ярославна (София), жена кн. Ростислава Глебовича полоцкого 192, 607
Яценко Б. И. 676, 678

Adrianova-Perets V. см. Адрианова-Перетц В. П.
Afferica J. см. Афферика Дж.
Aitzetmüller R. см. Айтцетмюллер Р.
Alef G. 712, 713
Allwissend см. doktor Allwissend
Artsykhovsky A. см. Арциховский А. В.

Bantysh-Kamensky N. см. Бантыш-Каменский Н. Н.
Baskakov N. см. Баскаков Н. А.
Besharov J. см. Бешарова Ю.
Bitsilli P. M. см. Бицилли П. М.
Blankoff J. см. Бланков Ж.
Boia L. 713
Buganov V. I. см. Буганов В. И.
Bykovskij I. см. Иоиль (Быковский)

Catherine II см. Екатерина II
Chulkov M. см. Чулков М. Д.
Cicero см. Цицерон
Čiževska T. см. Чижевская Т.

Danti A. см. Данти А.
Deotto P. 726
Djolov G. G. 711
Dobrovský J. см. Добровский Й.
doktor Allwissend (доктор Всезнайка), персонаж одноименной сказки бр. Гримм 221, 222

Fennell J. L. I. см. Феннел Дж. Л. И.
Filin F. см. Филин Ф. П.
Frček J. см. Фрчек Я.

Gaumnitz H. 676
Godebski C. см. Годебский Ц.
Golenishchev-Kutuzov I. см. Голенищев-Кутузов И. Н.
Gudzy N. см. Гудзий Н. К.

Hellie R. 713
Hendler M. см. Хендлер М.
Hill E. см. Хилл Е. Ф.

Isachenko A. см. Исаченко А. В.

Jakobson R. см. Якобсон Р. О.
Joel Bykovsky см. Иоиль (Быковский)
Johannet J. 666

Kalaidovich K. см. Калайдович К. Ф.
Karamzin N. см. Карамзин Н. М.
Keenan E. L. см. Кинан Э. Л.
Kleimola A. M. 712
Klibanov A. см. Клибанов А. И.
Kobrin V. см. Кобрин В. Б.
Konissky G. см. Георгий (Конисский)
Králik O. 675
Krestova L. см. Крестова Л. В.
Kuun G. 266
Kuzmina V. см. Кузьмина В. Д.

Laran M. 135, 670
Leger L. см. Леже Л.
Legters L. H. 681
Likhachov (Likhachev) Dm. см. Лихачев Д. С.
Lomonosov M. см. Ломоносов М. В.
Lurie Y. см. Лурье Я. С.

Malov S. см. Малов С. Е.
Mamai см. Мамай
Matějka L. см. Матейка Л.
Matlock J. F., Jr. см. Мэтлок Дж. Ф., мл.
Mazon A. см. Мазон А.
Menges K. H. см. Менгес К. Г.
Moser Ch. A. 676
Musin-Pushkin A. см. Мусин-Пушкин А. И.

Németh J. см. Немет Ю. Ф.
Nestor см. Нестор
Novikov N. см. Новиков Н. И.

Ossian см. Оссиан
Ovid см. Овидий

Pinkertonian см. Пинкертон Нат
Pope A. см. Поп А.

Raab H. см. Рааб Г.
Radishchev A. см. Радищев А. Н.
Radloff W. см. Радлов В. В.
Rásonyi L. см. Рашоньи Л.
Rieu Ch. 473
Rumyantsev S. см. Румянцев С. П.
Rüss H. 712
Rybakov B. см. Рыбаков Б. А.

Sapunov B. см. Сапунов Б. В.
Schlözer A. L. см. Шлёцер А. Л.
Senkovsky O. (Baron Brambeus) см. Сенковский О. И.
Shchedrin M. см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Sofonii Ryazanets см. Софоний Рязанец
Solovyov (Solovijev) A. см. Соловьев А. В.
Stender-Petersen (Peterson) A. см. Стендер-Петерсен А.
Stokes A. 676

Talmy V. 656, 681
Taszycki W. см. Ташицкий В.
Thomson F. J. 125
Trost K. см. Трост К.

Unbegaun B. O. см. Унбегаун Б. Г.
Uspenskij M. I. см. Успенский М. И.

Vaillant A. см. Вайян А.
Valitova A. см. Валитова А. А.
Vasmer M. 648
Vinogradov V. см. Виноградов В. В.
Vodoff W. 713
Voltaire см. Вольтер
Vostokov A. см. Востоков А. Х.

Waugh D. C. см. Уо Д. К.
Wieczynski J. L. 713
Worth D. S. см. Ворт Д. С.

Zajączkowski A. см. Зайончковский А.
Zhukov E. см. Жуков Е. М.

Список сокращений

Учреждения и общества*

АН СССР — Академия наук СССР

АН УССР — Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики

АОН — Академия общественных наук при ЦК КПСС (Москва), с 1994 Российская Академия государственной службы при Президенте РФ

АПН — Академия педагогических наук РСФСР (с 1966 АПН СССР), ныне РАО

БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург)

БГПУ — Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск)

ВНИИДАД — Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)

ВПШ — Высшая партийная школа КПСС при ЦК КПСС (Москва)

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград—Москва, 1926—1937), позже ИИМК АН СССР, Институт археологии АН СССР

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва), ныне РГБ

ГИИИ — Государственный институт истории искусств, основан в 1912 в С.-Петербурге как частный вуз, неоднократно менял название и статус, с 1992 Российский институт истории искусств (РИИИ) РАН

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)

ГИТИС — Государственный институт театрального искусства, с 1934 им. А. В. Луначарского (Москва), с 1991 Российская академия театрального искусства — Государственный институт театрального искусства (РАТИ-ГИТИС)

Гослитмузей — Государственный литературный музей (Москва)

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), ныне РНБ

ГПБУ — Государственная публичная библиотека Украины (Киев), ныне Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского

---

* В связи с неоднократными реорганизациями и переименованиями некоторых учреждений их названия, упоминающиеся в книге, кратко аннотируются. При указании места нахождения академических институтов с отделениями в Москве и Ленинграде указываются оба города, при этом первым называется город, в котором располагается головной институт.

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР (Москва), с 1991 Государственная публичная историческая библиотека России

ИАИ РГГУ — Историко-архивный институт РГГУ (Москва), до 1991 МГИАИ

ИВИ АН СССР — Институт всеобщей истории АН СССР (Москва), с 1991 ИВИ РАН

ИИ АН СССР — Институт истории АН СССР (Москва—Ленинград, 1936—1968), в 1968 разделился на два института: Институт истории СССР АН СССР и Институт всеобщей истории АН СССР

ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры АН СССР (1937—1957, Ленинград—Москва, в 1943 дирекция переведена в Москву), с 1957 Институт археологии АН СССР

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН (С.-Петербург), до 1991 ЛО Института археологии АН СССР

ИИ СССР АН СССР — Институт истории СССР АН СССР (Москва—Ленинград, 1968—1991), с 1991 ИРИ РАН

ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований РАН (С.-Петербург), до 1991 ЛО ИЯ АН СССР

ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Петроградском (Ленинградском) университете; с 1930 Институт речевой культуры при ЛГУ, который в 1931 влился в ИЯМ АН СССР

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (РАН) (Москва)

ИРИ РАН — Институт российской истории РАН (в 1991—2002 Москва—Ленинград, с 2002 Москва), до нояб. 1991 Институт истории СССР АН СССР

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (РАН) (С.-Петербург)

ИРЯ АН СССР — Институт русского языка АН СССР (в 1944—1950 Москва—Ленинград, с 1958 Москва); с 1991 ИРЯ РАН (с 1995 им. В. В. Виноградова)

ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая (до 1943 Ленинград, с 1943 московская и ленинградская части); в 1992 разделен на: московский Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН) и санкт-петербургский Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН)

ИЯ АН СССР — Институт языкознания АН СССР (Москва, 1950—1991; ЛО ИЯ с 1956); с 1991 ИЯ РАН (Москва)

ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР (Ленинград, 1931—1950, с 1933 им. акад. Н. Я. Марра); в 1943 объединен с московским Институтом языка и письменности народов СССР АН СССР в Ин-т языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра (Москва—Ленинград), который в 1950 объединен с ИРЯ в Институт языкознания АН СССР

КДА — Киевская духовная академия

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

ЛГИК им. Крупской — Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской, ныне СПБГУКИ

ЛГПИ им. А. И. Герцена — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, с 1991 Российский государственный педагогический университет (РГПУ) им. А. И. Герцена

ЛГУ — Ленинградский государственный университет (с апр. 1933 по окт. 1937 им. А. С. Бубнова, с окт. 1948 по янв. 1989 им. А. А. Жданова), ныне Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

ЛИЖВЯ — Ленинградский (ранее Петроградский) институт живых восточных языков (1920—1928), в 1928—1938 Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе

ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (1933—1937, ранее — Ленинградский институт лингвистических исследований, ЛИЛИ), в 1936—1937 его факультеты влились в исторический и филологический факультеты ЛГУ

ЛО — Ленинградское отделение

ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с июня 2007 Институт восточных рукописей РАН

ЛОИИ АН СССР — Ленинградское отделение Института истории АН СССР (1936—1968, с марта 1953 по март 1955 было упразднено); в 1968—1992 ЛОИИ СССР АН СССР, в 1992—2002 СПбФИРИ РАН, с 2002 СПбИИ РАН

ЛО ИЯ — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (1956—1991), ныне ИЛИ РАН. Входивший в ЛО ИЯ Словарный сектор в 1958—1991 по *научной* линии был подразделением ИРЯ

ЛПИ им. М. Н. Покровского — Ленинградский городской педагогический институт им. М. Н. Покровского, в 1957 влился в ЛГПИ им. А. И. Герцена

МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт, ныне ИАИ РГГУ

МГИМО — Московский государственный институт международных отношений МИД

МГПИ, МГПИ им. В. И. Ленина — Московский государственный педагогический институт (1930—1990; в 1930—1941 им. А. С. Бубнова, в 1941—1997 им. В. И. Ленина), ныне Московский педагогический государственный университет (МПГУ)
МГПИ им. А. С. Бубнова — см. МГПИ им. В. И. Ленина
МГПИ им. К. Либкнехта — Московский государственный педагогический институт им. Карла Либкнехта, в июле 1943 был слит с МГПИ им. В. И. Ленина
МГУ — Московский государственный университет (в 1932—1937 им. М. Н. Покровского, с мая 1940 им. М. В. Ломоносова)
МИД — Министерство иностранных дел СССР
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории (1931—1941, с 1938 им. Н. Г. Чернышевского), в 1941 реорганизован в факультеты МГУ им. М. В. Ломоносова
МОПИ — Московский областной педагогический институт (1931—1991, с 1957 им. Н. К. Крупской), с 1991 Московский педагогический университет (МПУ) им. Н. К. Крупской
МПИ — Московский городской педагогический институт (1933—1960, с 1946 им. В. П. Потемкина); в 1960 влился в МГПИ им. В. И. Ленина
НИИ — научно-исследовательский институт
ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР (РАН), ныне Секция литературы и языка Отделения историко-филологических наук РАН
ОПОЯЗ — Общество изучения поэтического языка, или Общество изучения теории поэтического языка (1910—1920-е)
ОР — Отдел рукописей
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук
РАЕН — Российская Академия естественных наук
РАН — Российская Академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924—1930)
РАО — Российская Академия образования, до 1991 АПН СССР
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), до февр. 1992 ГБЛ
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), до марта 1992 ГПБ
РО — Рукописный отдел
РХГИ — Русский христианский гуманитарный институт (С.-Пе-

тербург), с 2003 Русская христианская гуманитарная академия (РХГА)

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет, до 1991 ЛГУ

СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, ранее: ЛГИК им. Н. К. Крупской (1964—1993), Санкт-Петербургская государственная академия культуры (СПбГАК) (1993—1999)

СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН (с 2002), ранее: ЛОИИ и СПбФИРИ

СПбФИРИ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН (1992—2002), ныне СПбИИ РАН

ССП — Союз советских писателей (Союз писателей СССР)

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва), с 1992 Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва), с 1992 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (1941—1961), с 1961 по 1992 Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ныне Российский государственный исторический архив (РГИА) (С.-Петербург)

ЦГИА УССР — Центральный государственный архив УССР (Киев), ныне Центральный государственный архив Украины

ЯАД — Ярославский Архиерейский дом

ЯРМЗ — Ярославо-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, ныне Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Издания

АЕ — Археографический ежегодник. М., 1958—.

Археологи Великого Новгорода — Археологи Великого Новгорода: Биогр. словарь / Сост. и ред. Е. А. Рыбина и А. С. Хорошев. Вел. Новгород, 2002.

Баран, Душечкина — Баран Х., Душечкина Е. В. Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева // Славяноведение. 2000. № 4. С. 50—78.

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970—1978. Т. 1—30.

Булахов — Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Крат. энциклопед. словарь. Минск, 1989.

Ведущие языковеды мира — Юдакин А. П. Ведущие языковеды мира: Энциклопедия. М., 2000.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л. (СПб.), 1968—.

Восточнославянские языковеды — Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. Минск, 1976—1978. Т. 1—3.

Дубровский — Дубровский А. М. Автобиографические рукописи А. А. Зимина // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: XVII Чтения памяти В. Т. Пашуто, IV Чтения памяти А. А. Зимина; Москва, 19—22 апреля 2005 г.: Тез. докл.: ⟨В 2 ч.⟩. М., 2005. Ч. 1. С. 5—8.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (СПб., 1834—1917).

Зимин-1 — Зимин А. А. Слово о полку Игореве: (Источники. Время создания. Автор) / АН СССР. Ин-т истории. М., 1963 Т. 1—3. 660 с. (Ротапринт ИИ АН СССР. Тир. 101 экз.).

Зимин-2 — Зимин А. А. Слово о полку Игореве: (Источники. Время создания. Автор) / Отв. ред. В. Г. Зимина и О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 514 с.

Зимин. Обретение свободы — Зимин А. А. Обретение свободы: ⟨Фрагмент из неопубликованной книги А. А. Зимина «Слово и дело»⟩ / Публ. В. Г. Зиминой // Родина. 1990. № 8. С. 88—89.

Из писем Лурье к Зимину — Из писем Я. С. Лурье к А. А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / Подгот. текста, примеч. Е. И. Ванеевой; Вступ. ст. О. В. Творогова ⟨с коммент. «От редакции»⟩ // Звезда. 2006. № 2. С. 89—104.

Институт археологии — Институт археологии: история и современность: Сб. науч. биографий. М., 2000.

ИОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка (т. 1—22, вып. 3. М., 1940—1963); Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка (т. 22, вып. 4 — т. 50, вып. 6. М., 1963—1991); Известия Российской АН. Серия литературы и языка (т. 51, № 1—2. М., 1992); Известия Академии наук. Серия литературы и языка (начиная с т. 51, № 3. М., 1992).

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (затем Российской АН, АН СССР). СПб. (Пг., Л.), 1896—1927. Т. 1—32. В 1928—1930 — *ИпоРЯС*.

ИпоОРЯС — Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852—1863.

ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности. Л.: Изд. Отдела гуманитарных наук Академии наук СССР, 1928—1930. Т. 1—3. До 1928 — *ИОРЯС*.

Историки России: Биографии — Историки России: Биографии / Сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001.

Историки России XX в. — Чернобаев А. А. Историки России XX века: Биобиблиогр. словарь: ⟨В 2 т.⟩ Саратов, 2005.

Историческая наука России — Историческая наука России в XX веке. М., 1997.

К истории спора-1 — К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: (Из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публ. Л. В. Соколовой // *РЛ*. 1994. № 2. С. 232—268.

К истории спора-2 — К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: (Из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публ. Л. В. Соколовой // *РЛ*. 1994. № 3. С. 213—245.

Каштанов — Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин (1920—1980) // Александр Александрович Зимин: Биобиблиогр. указ. / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Науч. б-ка; ⟨Сост. В. И. Гульчинский⟩. М., 2000. С. 7—53.

КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия. М., 1962—1978. Т. 1—8, 9 (доп. и указатель имен).

Кобрин — Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992.

Кто есть кто в русском литературоведении — Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник: ⟨В 3 ч.⟩ М., 1991—1994.

Лихачев. Прошлое — будущему — Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985.

Лурье — Лурье Я. С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей: Человек в истории, 1993: Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 194—208.

Милибанд. Отечественные востоковеды — Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.: ⟨В 2 кн.⟩. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995.

МСЭ — Малая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1958—1960. Т. 1—10.

Научная элита — Научная элита: Кто есть кто в Российской Академии наук. М., 1993.

Обнорский. Очерки — Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.

Отечественные лингвисты XX века — Отечественные лингвисты XX века: Сб. ст.: В 3 ч. М., 2002—2003.

Персональный состав РАН — Российская Академия наук: Персональный состав. ⟨В 3 кн.⟩. М., 1999.

Писатели Ленинграда — Писатели Ленинграда: Биобиблиогр. справочник, 1934—1981. Л., 1982.

Портреты историков — Портреты историков: Время и судьбы: ⟨В 2 т.⟩. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1: Отечественная история; Т. 2: Всеобщая история.

Профессора и доктора наук МГУ — Профессора и доктора наук Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Биогр. словарь, 1996—1997. М., 1998.

Профессора РГПУ — Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в XX веке: Биогр. справочник. СПб., 2000.

Профессора Санкт-Петербургского университета — Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: Биобиблиогр. словарь / Сост. Г. А. Тишкин. СПб., 2004.

Пушкинский Дом — Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905—2005. СПб., 2005.

ПЭ — Православная энциклопедия. М., 2000—2010. Т. 1—23 (изд. продолжается).

РЕЭ — Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. М., 1994—1997. Т. 1—3: Биографии; М., 2000—2007. Т. 4—6: Историческое краеведение (изд. продолжается).

РЛ — Русская литература. Л. (СПб.), 1958—.

Российские фольклористы — Российские фольклористы: Справочник / Сост. Л. В. Рыбакова. М., 1994.

Русская литература XX века — Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиогр. словарь: В 3 т. М., 2005.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М., 1961—1976. Т. 1—16.

Славяноведение в СССР — Славяноведение в СССР: Изучение южных и западных славян: Биобиблиогр. словарь. N. Y., 1993.

СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской (затем Российской) Академии наук. СПб. (Пг., Л.), 1867—1928.

Сотрудники РНБ — Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биогр. словарь. СПб., 1995—2003. Т. 1—3.

Спор о подлинности — Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) / Подгот. текстов к печати, вступ. ст. и коммент. Л. В. Соколовой // *ТОДРЛ*. СПб., 2004. Т. 56. С. 385—422.

Срезневский. Материалы — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912. Т. 1—3.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкин-

ский Дом) РАН. Л. (Л.; М.; затем СПб.), 1934—.

Формозов — Формозов А. А. ⟨Вступ. ст. к публикации: А. А. Зимин. «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) ⟩ // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 96—102.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846—1918. Кн. 1—264 (в 1848—1857 Временник ОИДР)

Энциклопедический словарь МГУ — Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004.

Энциклопедия «Слова» — Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: ⟨В 5 т.⟩. СПб., 1995.

Frček — Frček J. Zádonština, staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatary r. 1380: Rozprava literárně dějepisná: Kritické vydání textů. Praha, 1948. (Práce Slovanského Ústavu v Praze; Sv. 18).

La Geste — La Geste du Prince Igor', epopee russe du douzième siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction d' H. Grégoire, R. Jakobson et M. Szeftel, assistés de J. A. Joffe. N. Y., 1948.

RÉS — Revue des études slaves. Paris, 1921—.

Содержание

Предисловие 5

Л. В. Соколова. К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» 11

Материалы дискуссии

I. *Л. А. Дмитриев*. Отчет о заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 27 февраля 1963 г. 129

РО ИРЛИ. Ф. 763 (Архив Л. А. Дмитриева); машинопись

II. Стенограмма обсуждения книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» в Отделении истории АН СССР 4—6 мая 1964 г.: В 5 томах.

Архив РАН. Ф. 457. Оп. 3. Ед. хр. 3, 7, 11, 15, 19; машинопись

⟨Т. 1⟩ Заседание 4 мая (ед. хр. 3) 148
Е. М. Жуков 149
Н. К. Гудзий 154
Д. С. Лихачев 163
В. И. Стеллецкий 211
А. В. Арциховский 240

⟨Т. 2⟩ Утреннее заседание 5 мая (ед. хр. 7) 249
Б. А. Рыбаков 251
В. Д. Кузьмина 270
И. Н. Голенищев-Кутузов 292
Н. А. Баскаков 297

⟨Т. 3⟩ Вечернее заседание 5 мая (ед. хр. 11) 309
С. Н. Азбелев 310
А. Н. Робинсон 332
Л. А. Дмитриев 340
Я. С. Лурье 357

Ф. П. Филин 368
А. И. Клибанов 375
О. А. Державина 382

⟨Т. 4⟩ Утреннее заседание 6 мая (ед. хр. 15) 387
В. Б. Вилинбахов 388
Б. В. Сапунов 399
В. Б. Кобрин 406
О. В. Творогов 412
А. П. Евгеньева 430
А. Н. Котляренко 447

⟨Т. 5⟩ Вечернее заседание 6 мая (ед. хр. 19) 462
Д. С. Лихачев (по поводу оглашения отзывов) 463
А. Т. Николаева 464
С. В. Шервинский 465
Ф. Я. Прийма 467
А. А. Валитова 471
А. Л. Монгайт 481
В. Л. Янин 486
В. А. Кучкин 492
Б. А. Рыбаков (оглашение отзыва В. П. Адриановой-Перетц) 498
Д. С. Лихачев (оглашение отзыва П. Н. Беркова) . . 503
А. А. Зимин 505
Т. А. Сумникова ⟨и другие по поводу выступления А. А. Зимина⟩ 569
Е. М. Жуков ⟨Заключительное слово⟩ 573

Статьи о дискуссии (1963—1965)

Г. П. Струве. Слово о полку Игореве — не памятник XII века? Советская научная сенсация 579

Г. П. Струве. Еще о «Слове о полку Игореве» 583

Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов. Когда же написано «Слово о полку Игореве»? 586

О. В. Творогов. Памятник древнерусской литературы 589

У. К спору о «Слове о полку Игореве» 593

⟨*В. А. Кучкин, О. В. Творогов*⟩. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» 595

Когда и кто создал «Слово о полку Игореве»? Дискуссия в Академии наук СССР 631

Г. П. Струве. К спорам о «Слове о полку Игореве»: Д. С. Лихачев и А. А. Зимин 634

Б. А. Рыбаков. По поводу одной дискуссии 637

Б. Ф. Поршнев. Извольте работать 642

А. К. Югов. Полно! 644

I. N. Golenishchev-Kutuzov. Problems of «The Lay of Igor's Host» (Transl. by Vladimir Talmy) 647

В. С. Мингалев. Когда же было написано «Слово...»? 658

Д. С. Лихачев. Нужны ли слухи в науке? 659

РО ИРЛИ. Ф. 769 (Архив Д. С. Лихачева); машинопись

Приложения:

I. Библиография по теме дискуссии 665

II. Участники дискуссии 687

Указатель имен 757

Список сокращений 780

Научное издание

История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»

Материалы дискуссии 1960-х гг.

Вступительная статья, составление, подготовка текстов
и комментарии Лидии Викторовны Соколовой

*Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор А. П. Дмитриев
Технический редактор А. В. Осокин
Корректоры Е. В. Бобрецова, А. С. Лобанова
Художник Е. П. Фокина

Подписано в печать 10.10.2010 г. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура Академическая. Усл. печ. л. 49,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 600 экз. Заказ №149.

Издательство «Пушкинский Дом»

Директор Е. И. Гончарова

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Тел. (812) 715 49 11
Факс (812) 343 09 38
www.pushkindom.ru
e-mail: pushkindom2008@yandex.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ООО «Издательско-полиграфический комплекс „Бионт“»
199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний пр., д. 86

Реализация книг издательства за пределами Российской Федерации:
KUBON & SAGNER Buchexport-Import GmbH
Heßstrasse 39/41. D-80798. München (Germany)
www.kubon-sagner.de

Дунайскіе
р. Дунай
Корсунь
Тмутараканс
земля